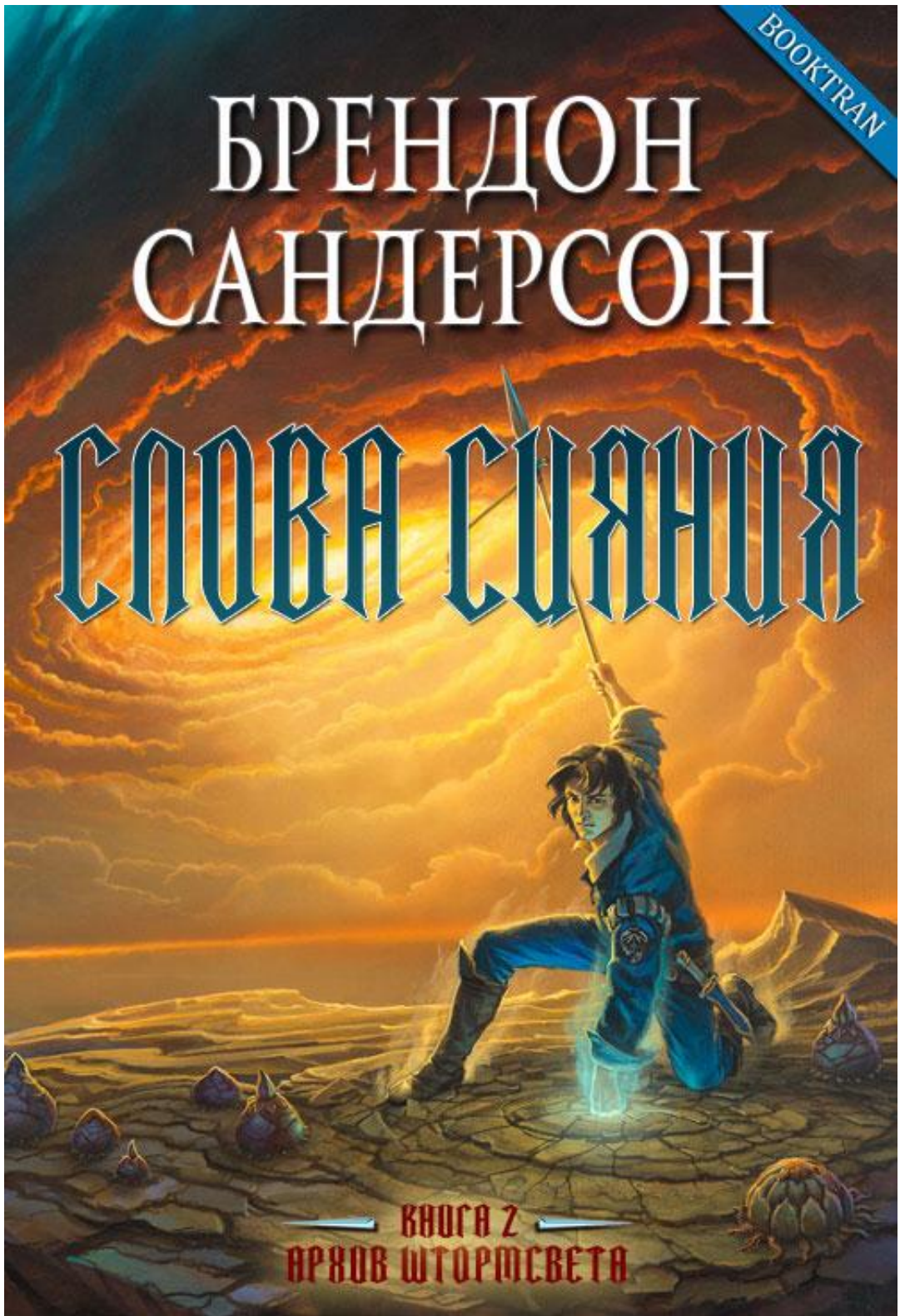


BOOKTRAN

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

СЛОВА СИЯЮЩА



КНИГА 2
ВРАГОВ ШТОРМСВЕТА

Серия «Архив штормсвета» Брендона Сандерсона началась с выпуска в 2010 г. романа «Обреченное королевство». Развитие эпической истории, а также ответы на многие вопросы ждут вас в долгожданном продолжении – «Словах сияния».

Шесть лет назад Убийца в Белом, наемник загадочных паршенди, убил короля алети в ту самую ночь, когда состоялся пир по случаю подписания соглашения между людьми и паршенди. Кронпринцы Алеткара, объединенные Пактом мщениа, начали войну Возмездия против паршенди.

Теперь Убийца проявил себя снова. Он убивает правителей по всему Рошару, используя свои непостижимые способности, чтобы лишить жизни охранников и скрыться от преследователей. Среди его основных целей – кронпринц Далинар, представляющий, по общему мнению, настоящую власть за тронем алети. Его ведущая роль в войне могла бы показаться достаточным мотивом для устранения, но у хозяина Убийцы имеются гораздо более весомые причины.

Вопреки ожиданиям врагов Каладин не умер жалкой смертью военного раба, но выжил, чтобы стать главой королевской стражи – спорная должность для низкородного темноглазого. Теперь он должен защищать короля и Далинара от любой опасности, в том числе и от неясной угрозы в лице Убийцы в Белом. В то же время Каладин пытается втайне развить свои новые удивительные способности, которые каким-то образом связаны с его спреном чести Сил.

Сообразительная, но отягощенная грузом прошлого, Шаллан движется по параллельному пути. Несмотря на пережитое, которое она отказывается признать, девушка взвалила на себя неподъемную ношу: так или иначе предотвратить возвращение легендарных Несущих Пустоту и последующее за ними Опустошение, грозящее концом цивилизации. Искомые тайны скрыты на Разрушенных равнинах, но добраться туда гораздо сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Тем временем в сердце Разрушенных равнин паршенди принимают эпохальное решение. Под многолетним гнетом атак алети, при неуклонно сокращающейся численности их военному лидеру Эшонай удастся убедить свой народ рискнуть всем в отчаянной попытке победить врага, заручившись сверхъестественными силами, от которых однажды они уже сбежали. Возможные последствия для людей и паршенди, впрочем, как и для всего Рошара, столь же опасны, сколь и непредсказуемы.

Информация о переводчиках

Перевод: zhuzh, Anahitta (Наталия), certain (Олег Федоров), ilai, AndrewParf (Андрей Парфенюк)

Редактура и вычитка: zhuzh, marmax (Мария Максимова), Anahitta, theotormoon (Евгений Кожевник), Schwammkopf, Quilstin (Григорий Лямин)

Также принимали участие: yulia_1990, MrHamster31, igorChap, alex_n, Mortis_X, coolgreenpass, PLEVASIK, cherepaxa и др.

Локализация обложки и иллюстраций: zhuzh
Booktran, 2014 г.

Перевод выполнен в ознакомительных целях, никакой выгоды не извлекаем, прибыль не получаем.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе: www.vk.com/b.sanderson.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Мы старались придерживаться перевода первой книги серии там, где это возможно, но из соображений благозвучности и единообразия перевода, а также в соответствии с основными правилами работы с литературными текстами и общепринятыми нормами русского языка некоторые названия в «Словах сияния» отличаются от использованных в «Обреченном королевстве». Их список можно найти в конце книги.

Если вам захочется рассмотреть иллюстрации книги более подробно, добро пожаловать в галерею «Слов сияния»:
<http://plus.google.com/photos/101351252906982717728/albums/6074155633599861537>.

Приятного чтения!

Шаллан



БРЕНДОН САНДЕРСОН

СЛОВА
СЦЯНЦЯ

АРХИВ ШТОРМСВЕТА
Книга 2

Оглавление

Благодарности	9
Пролог. Спрашивать	12
Часть 1. В пламени	23
Глава 1. Сангид	24
Глава 2. Четвертый мост	40
Глава 3. Узор	52
Глава 4. Познавший тайны	58
Глава 5. Идеалы	68
Глава 6. Чудовищное разрушение	85
Глава 7. Открытое пламя	94
Глава 8. Ножи в спины. Солдаты в бой	99
Глава 9. Гуляя по могилам	104
Глава 10. Красный ковер, который когда-то был белым	111
Глава 11. Иллюзия восприятия	114
Глава 12. Герой	123
Интерлюдия 1. Нарак	134
Интерлюдия 2. Им	141
Интерлюдия 3. Ризн	147
Интерлюдия 4. Последний легион	162
Часть 2. Приближение ветров	171
Глава 13. Событие дня	172
Глава 14. Стойка железа	179
Глава 15. «Башня»	186
Глава 16. Мастер меча	191
Глава 17. Закономерность	202
Глава 18. Ушибы	212
Глава 19. Безопасные вещи	220
Глава 20. Хладнокровие	224
Глава 21. Пепел	230
Глава 22. Огни в буре	236
Глава 23. Убийца	246
Глава 24. Тин	250
Глава 25. Чудовища	259
Глава 26. Вертопрах	269
Глава 27. Отвлекающие выдумки	277
Глава 28. Ботинки	279
Глава 29. Правило крови	286
Глава 30. Румянец природы	294
Глава 31. Затишье перед бурей	300
Глава 32. Тот, кто ненавидит	305
Глава 33. Бремя	313
Глава 34. Цветы и пирожные	320
Интерлюдия 5. Наездник Штормов	327
Интерлюдия 6. Зейхел	330
Интерлюдия 7. Талн	331
Интерлюдия 8. Форма силы	334
Часть 3. Смертельно	336
Глава 35. Многократная нагрузка одновременного вливания	338
Глава 36. Новая женщина	348
Глава 37. Вопрос точки зрения	358

Глава 38. Безмолвный шторм	364
Глава 39. Двуцветный	375
Глава 40. Палона	381
Глава 41. Шрамы	387
Глава 42. Просто туман	399
Глава 43. Кровьпризраки	404
Глава 44. Одна из форм справедливости	415
Глава 45. Ярмарка середины года	428
Глава 46. Патриоты	441
Глава 47. Женские хитрости	455
Глава 48. Со слабостью покончено	462
Глава 49. Наблюдая за трансформацией мира	471
Глава 50. Неограниченные камни	484
Глава 51. Наследники	490
Глава 52. В небо	496
Глава 53. Безупречность	512
Глава 54. Урок для Вейль	519
Глава 55. Правила игры	528
Глава 56. Белоспинник на воле	541
Глава 57. Убить ветер	552
Глава 58. Больше никогда	561
Интерлюдия 9. Лифт	567
Интерлюдия 10. Сет	589
Интерлюдия 11. Новые ритмы	591
Часть 4. Сближение	601
Глава 59. Флит	602
Глава 60. Первые шаги Вейль	609
Глава 61. Послушание	615
Глава 62. Тот, кто убил обещаниями	619
Глава 63. Пылающий мир	624
Глава 64. Сокровище	636
Глава 65. Та, кто этого заслуживает	641
Глава 66. Благословения шторма	645
Глава 67. Плевки и желчь	652
Глава 68. Мосты	664
Глава 69. Ничего	679
Глава 70. Ночной кошмар	689
Глава 71. Ночное бдение	699
Глава 72. Эгоистические соображения	712
Глава 73. Сонмы снующих существ	721
Глава 74. Шествующий сквозь шторм	727
Глава 75. Настоящая слава	735
Интерлюдия 12. Лан	745
Интерлюдия 13. Своя роль	750
Интерлюдия 14. Таравангиан	751
Часть 5. Ветра пламенные	766
Глава 76. Спрятанный Клинок	767
Глава 77. Доверие	780
Глава 78. Противоречивость	789
Глава 79. К центру	796
Глава 80. Одержать верх над дождем	801
Глава 81. Последний день	809
Глава 82. Ради славы священной	824

Глава 83. Иллюзия времени	834
Глава 84. Тот, кто спасает	842
Глава 85. Проглоченный небом	849
Глава 86. Узоры света	857
Глава 87. После шторма	870
Глава 88. Человек, который владел ветрами	879
Глава 89. Четверо	888
Эпилог. Искусство и ожидания	896
Примечание: кетек	901
Приложение. Ars Arsanum	902
Список слов, отличных от перевода «Обреченного королевства»	906

Иллюстрации

Шаллан	4
Карта Рошара	11
Альбом Шаллан: сантид	51
Татуировки Четвертого моста	67
Карта южной части Замерзших земель	113
Свиток с фехтовальными стойками	178
Альбом Шаллан: Узор	201
Фолио: современные мужские фасоны	235
Альбом Шаллан: флора лейта в Ничейных холмах	293
Дневник Навани: конструкции с фабриалами	337
Альбом Шаллан: Доспехи Осколков	427
Фолио: фасоны одежды государственных служащих в Азире	470
Альбом Шаллан: походы	518
Карта Штормпоста	607
Жизненный цикл чуллы	639
Альбом Шаллан: растительность ущелий	687
Альбом Шаллан: скальный демон	733
Альбом Шаллан: белоспинник	778
Схема Разрушенных равнин	799
Дневник Навани: карта битвы	832
Примечание: кетек	900

Благодарности

Как вы можете себе представить, выпуск книги, входящей в «Архив штормсвета», – дело серьезное. Оно заняло почти восемнадцать месяцев писательского труда – от общих набросков до конечной версии – и включает в себя иллюстрации четырех разных художников и редакторские правки целого ряда людей, не говоря уж о команде издательства Тор, которая занималась производством, публикацией, маркетингом и всем остальным, что требуется большой книге, чтобы стать популярной.

Примерно около двух десятилетий «Архив штормсвета» был моей мечтой – историей, которую мне всегда хотелось рассказать. Люди, о которых вы будете читать ниже, буквально превращают мои мечты в реальность, и нет слов, чтобы выразить мою благодарность за их усилия. Первым на очереди в этом романе должен быть мой помощник и бессменный главный редактор, выполняющий эту работу и сейчас, Питер Альстром. Он долгими часами работал над книгой, выдерживая мое постоянное упрямство, когда я не соглашался с тем, что некоторые вещи не вписываются в целостность, – и в конечном счете убеждал меня, что я ошибался гораздо чаще, чем был прав.

Как всегда, Моше Фидер – человек, который открыл меня как писателя – провел превосходную редакционную работу над книгой. Джошуа Билмес, мой агент, упорно работал над книгой и в качестве агента, и в качестве редактора. К нему присоединились Эдди Шнайдер, Брэди «Слова Брэдияния» Макрейнолдс, Кристина Лопес, Сэм Морган и Криста Аткинсон в агентстве. Том Доэрти в «Тор» смирился с тем, что я сдавал книгу еще дольше, чем последнюю, хотя обещал сделать ее быстрее. Терри Макгарри провел техническое редактирование, Ирен Галло ответственна за художественное оформление обложки, Грег Коллинз – дизайнер внутреннего оформления, команда Брайана Липофски в Westchester Publishing Services – компоновка, Мерил Гросс и Карл Голд – производство, Пэтти Гарсиа и ее команда – реклама. Пол Стивенс действовал как супермен каждый раз, когда мы нуждались в нем. Большая благодарность всем вам.

Вы, возможно, заметили, что этот том, как и предыдущий, включает в себя удивительные изображения. Я всегда видел «Архив штормсвета» как серию, выходящую за рамки общих художественных ожиданий для книги такого класса. Таким образом, великая честь снова работать с моим любимым художником, Майклом Уэланом, вовлеченным в проект. Я чувствую, что его обложка прекрасно передала образ Каладина, и очень признателен за дополнительное время, которое он потратил на обложку – по его собственному настоянию – пройдя через три черновика до того, как удовлетворился результатом. Шаллан на форзацах – это большее, чем то, что я надеялся увидеть в этой книге, и я поразился, насколько хорошо вышли рисунки.

Задумывая «Архив штормсвета», я говорил, что хорошо бы иметь художников, которые делали бы рисунки для книги то здесь, то там – «приглашенных звезд». И в этом романе у нас впервые появился такой человек – Дэн дос Сантос (еще один из лично мною любимых художников и человек, который сделал обложку для «Сокрушителя Войн»), согласившийся сделать некоторые внутренние иллюстрации.

Бен Максвини любезно вернулся, чтобы выполнить для нас потрясающие страницы альбома, и работать с ним – чистое удовольствие. Он быстро понимал, чего я хочу, в некоторых случаях – даже тогда, когда я сомневался, чего же хочу, и я редко встречал человека, который совмещает талант и профессионализм таким образом, как Бен. Вы можете найти больше его работ на сайте InkThinker.net.

Давным-давно, почти десять лет назад, я встретил человека по имени Айзек Стюарт, который помимо того, что был начинающим писателем, являлся

прекрасным художником, особенно когда дело доходило до таких вещей, как карты и символы. Я начал сотрудничать с ним по книгам (начиная с *Mistborn*) и в конце концов он помог мне устроить свидание вслепую с женщиной по имени Эмили Бушмен, на которой я впоследствии женился. Поэтому, само собой разумеется, я задолжал Айзеку несколько больших благодарностей. С каждой последующей книгой, над которой он работает, эти задолженности с моей стороны все растут, когда я вижу удивительную, проделанную им работу. В этом году мы решили сделать его участие чуть более официальным, и я нанял его на полный рабочий день, чтобы он стал «домашним» художником и помог мне с административными задачами. Так что, если вы его увидите, приглашайте в команду. (И скажите ему, чтобы продолжал работать над собственными книгами, которые весьма хороши.)

Также в *Dragonsteel Entertainment* к нам присоединилась Кара Стюарт, жена Айзека, в качестве менеджера по доставке. (Фактически, сначала я попытался нанять Кару, и Айзек обронил замечание, что некоторые вещи, для которых я хотел ее нанять, мог бы делать он. Это закончилось тем, что я заполучил их обоих на очень подходящих условиях.) Она – та, с кем вы будете взаимодействовать, если закажете футболки, плакаты и т.п. через мой веб-сайт. И она восхитительна.

В этой книге мы пользовались услугами нескольких экспертов-консультантов, в том числе Мэтта Бушмана для экспертизы песен и поэзии. Эллен Эшер дала несколько ценных указаний по сценам с лошадьми, а Карен Альстром была дополнительным консультантом по поэзии и песням. Мишель Уокер выступила консультантом по письменности алети. Наконец, Элиз Уоррен принадлежат некоторые очень хорошие замечания, касающиеся психологии ключевых персонажей. Спасибо всем за предоставленные мне ваши мозги.

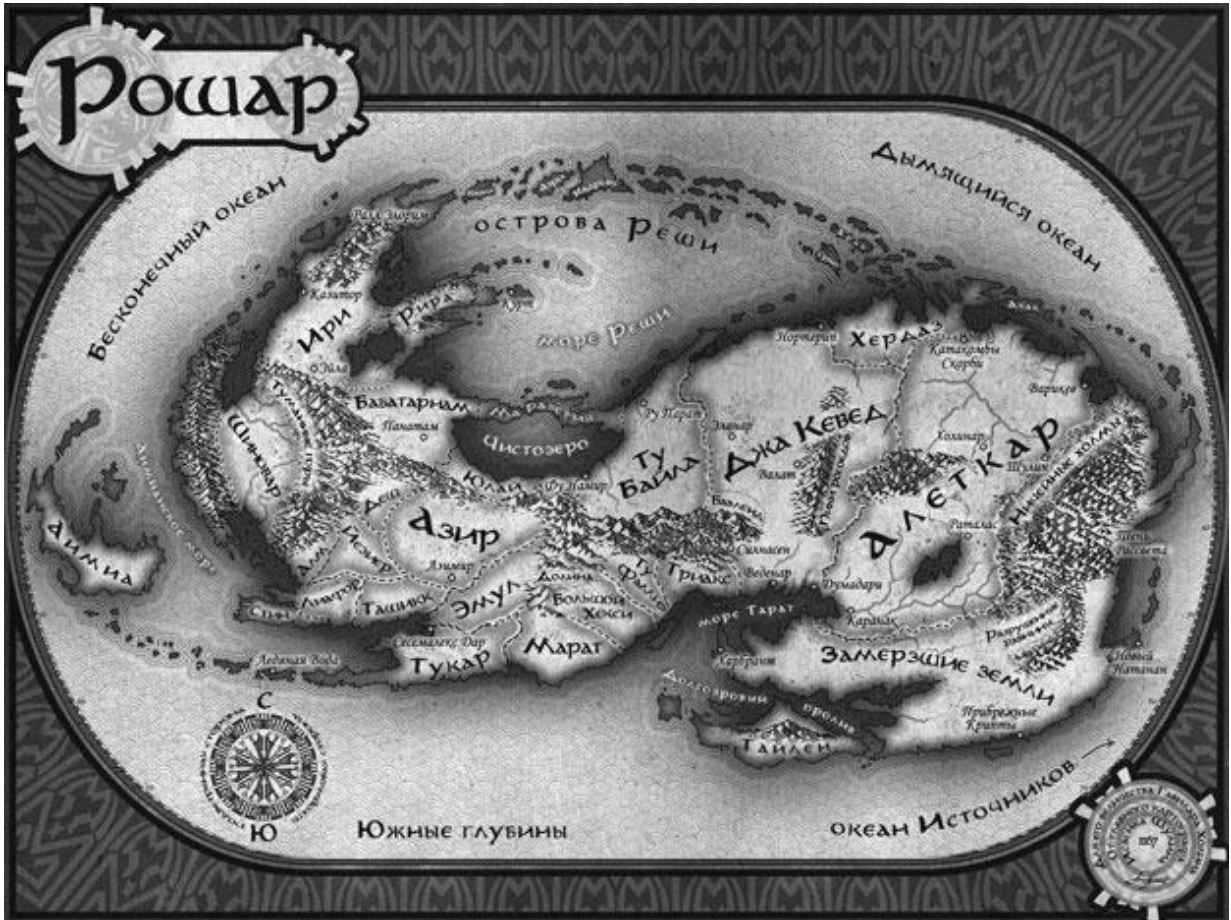
У этой книги была обширная предварительная вычитка, ограниченная строгими временными рамками, и, таким образом, сердечный салют мостовика предназначен тем, кто участвовал в ней: Джейсон Дензел, Мишель Уокер, Джош Уокер, Эрик Лэйк, Дэвид Беренс, Джоэл Филипс, Джори Филипс, Кристина Каглер, Линдсей Лютер, Ким Гарретт, Лейн Гарретт, Брайан Делэмбр, Брайан Т. Хилл, Элис Арнесон, Боб Клуц и Натан Гудрич.

Корректировкой в «Тор» занимались: Эд Чемпмен, Брайан Конноли и Норма Хоффман. В сообщество корректоров входят: Адам Уилсон, Обри и Бао Пам, Блю Коул, Крис Кинг, Крис Кльюв, Эмили Грэндж, Гэри Сингер, Джэйкоб Ремик, Джаред Джерлак, Келли Нейма, Кендра Уилсон, Керри Морган, Марен Менке, Мэтт Хэтч, Патрик Мор, Ричард Файф, Роб Харпер, Стив Годек, Стив Карам и Уилл Рэбойн.

Моей пишущей группе удалось продвинуться приблизительно до середины книги, а это немало, учитывая, какой длины роман. Они – мой неоценимый ресурс. Участники: Кейлинн Зобелл, Кэтлин Дорси Сандерсон, Даниэлла Олсен, Бен-сын-сына-Рон, Э. Дж. Паттен, Алан Лейтон и Карен Альстром.

И наконец, спасибо моей любящей (и неугомонной) семье. Джоэл, Доллин и маленький Оливер каждый день поддерживают во мне смирение, всегда заставляя быть «плохим парнем», которого ждет наказание. Спасибо моей снисходительной жене Эмили, смирившейся со многим за прошлый год, когда поездки стали удлиняться, и я все еще не уверен, что заслужил ее. Благодарю всех вас за то, что вы наполнили мой мир магией.

Карта Рошара



Брендон Сандерсон

«Слова сияния»

*Оливеру Сандерсону,
который родился в середине написания этой
книги и научился ходить к ее завершению.*



Шесть лет назад

Джасна Холин притворялась, что наслаждается праздником, ничем не выдавая своего намерения убить одного из гостей.

Она шла через переполненный пиршественный зал, прислушиваясь к разговорам. Вино уже начало развязывать языки и туманить головы. Ее дядя Далинар как раз достиг крайней точки этого состояния. Поднявшись из-за королевского стола, он кричал паршенди, чтобы те несли свои барабаны. Элокар, брат Джасны, бросился утихомиривать дядю, хотя аleti вежливо проигнорировали вспышку Далинара. Все, кроме жены Элокара, Эсудан, которая тихонько захихикала, прикрывшись платком.

Джасна отвернулась от королевского стола и продолжила свой путь. У нее была назначена встреча с наемным убийцей, и она по-настоящему радовалась возможности покинуть душный зал, наполненный жуткой смесью всевозможных ароматов. На возвышении у камина женский квартет играл на флейтах, но музыка уже давно всех утомила.

В отличие от Далинара Джасна привлекала к себе внимание. Постоянно преследовавшие ее чужие взгляды походили на липнущих к гнилому мясу мух, а перешептывания напоминали жужжание крылышек. Если и существовало что-то, доставлявшее двору аleti удовольствие большее, чем вино, так это сплетни. Все ожидали, что Далинар напьется во время праздника, но королевская дочь, признавшаяся в ереси, – случай действительно небывалый.

На это, собственно, и рассчитывала Джасна, когда рассказывала о своих убеждениях.

Она миновала делегацию паршенди, расположившуюся поблизости от королевского стола. До ее ушей донеслись звуки их ритмичной речи. Несмотря на то, что празднование было посвящено именно им и соглашению, которое они заключили с отцом Джасны, ни один из паршенди не выглядел радостным или хотя бы довольным. Они скорее нервничали. Впрочем, паршенди не были людьми, а потому их поведение иногда казалось странным.

Джасна не отказалась бы побеседовать с ними, но слишком торопилась на встречу. Она специально назначила ее на самый разгар праздника, когда многие уже достаточно пьяны, чтобы хоть что-то заметить. Принцесса уже почти подошла к дверям, как вдруг замерла на месте.

Ее тень падала не в ту сторону.

Душное, переполненное людьми и звуками помещение, казалось, отдалилось. Кронпринц Садеас прошел прямо через тень, которая вполне отчетливо была направлена в сторону лампы со сферами на стене неподалеку. Увлеченный разговором с собеседником, Садеас ничего не заметил. Джасна уставилась на свою тень, на коже выступил пот, желудок свело, она почувствовала, что ее сейчас стошнит.

«Ну вот, опять».

Джасна искала вокруг другой источник света. Должно же быть хоть какое-то объяснение происходящему? Но нет.

Тень вяло перетекла назад, просочилась через ее ступни, а затем вытянулась в правильном направлении. Женщина облегченно вздохнула. Но видел ли кто-то еще?

Обведя глазами комнату, принцесса, к счастью, не заметила ни одного удивленного взгляда. Внимание гостей отвлекли барабанщики паршенди, которые шумно готовились к началу представления. Джасна нахмурилась, увидев помогающего им слугу. Человек в свободных белых одеяниях не был паршенди. Шиноварец? Странно.

Джасна постаралась взять себя в руки. Что же все это могло означать? Суеверия, о которых она знала из прочитанных народных сказок, утверждали, что тени ведут себя так в случае, если их владелец проклят. Обычно она скептически относилась к подобным вещам, но порой сказки основываются на реальных событиях – Джасна знала это по собственному опыту. Нужно будет все тщательно проверить.

Все эти кажущиеся спокойными логические размышления никак не сочетались с ощущением мороза по коже и стружкой пота, стекавшей сзади по шее. Однако необходимо сохранять способность мыслить, в каком бы состоянии ты ни находился. Джасна заставила себя покинуть душный зал, выйдя через двери в тихий коридор. Пришлось воспользоваться входом для слуг, но это был самый короткий путь.

Она очутилась среди одетых в черное и белое людей, бегающих по поручениям своих светлордов и светледи. Все вполне предсказуемо, но вот чего она никак не ожидала – так это увидеть собственного отца, стоящего впереди и негромко беседующего со светлордом Меридасом Амарамом. Что король делает в таком месте?

Гавилар Холин был ниже ростом, чем Амарам, который к тому же склонился к королю при разговоре. Это движение казалось совершенно естественным – Гавилар обладал тихой, но столь захватывающей манерой речи, что каждому хотелось прильнуть поближе, чтобы не пропустить ни единого слова. В отличие от своего брата, король был красивым мужчиной. Борода не скрывала, а скорее подчеркивала его мощный подбородок. По мнению Джасны, еще ни одному биографу не удалось со всей полнотой описать всю силу и обаяние его личности.

Позади беседующих мелькала фигура Теарима, капитана королевской стражи. Он облачился в Доспехи Осколков, принадлежащие Гавилару. Король временно передал их Теариму, прославившемуся на весь мир победами в поединках. Сам же Гавилар носил величественные одеяния в классическом королевском стиле.

Джасна оглянулась на пиршественный зал. Когда отец успел выскользнуть?

«Что за неаккуратность, – упрекнула она себя. – Надо было проверить, на месте ли он, прежде чем уходить».

Тем временем король положил руку на плечо Амарама и приподнял палец, говоря ему что-то решительно, но так тихо, что Джасна не могла различить ни слова.

– Отец? – позвала она.

Гавилар посмотрел на нее.

– А, Джасна. Уходишь так рано?

– Не так уж и рано, – ответила она, подходя ближе.

Джасна догадалась, что Гавилар и Амарам сбежали от гостей для того, чтобы побеседовать наедине.

– Застолье как раз подошло к тому моменту, когда разговоры становятся громче, но отнюдь не умнее, и все его участники уже пьяны.

– Многим нравится проводить время подобным образом.

– Многие, к сожалению, идиоты.

Ее отец улыбнулся.

– Должно быть, это ужасно сложно для тебя – жить среди нас, обладателей средних умов и простеньких мыслишек? Выдающийся человек, как правило, вынужден страдать от одиночества, не так ли, Джасна?

Она восприняла слова отца как упрек, чем они и являлись, и почувствовала, что краснеет. Даже ее матери Навани не удавалось подобное.

– Возможно, если бы тебе удалось найти более приятное общество, – сказал Гавилар, – ты бы начала получать удовольствие от праздников.

Он выразительно посмотрел на Амарама, которого давно прочил в женихи для дочери.

Ничего бы не вышло. Амарам встретился с ней глазами, пробормотал слова прощания ее отцу и заторопился прочь по коридору.

– Какое поручение ты ему дал? – спросила Джасна. – Что тебя беспокоит весь вечер?

– Конечно же, соглашение.

Соглашение. Почему оно так сильно его заботило? Другие советовали, чтобы он или проигнорировал паршенди, или завоевал их. Гавилар настоял на договоре.

– Мне нужно вернуться на празднество, – проговорил король, махнув Теариму.

Оба направились по коридору к дверям, из которых недавно вышла Джасна.

– Отец? – произнесла она. – Что ты скрываешь от меня?

Гавилар медленно обернулся. Бледно-зеленые глаза, цвет которых свидетельствовал о благородном происхождении, смотрели на нее с необыкновенной пронизательностью. Когда он успел так измениться? Штурма... Джасне показалось, что она едва знает этого человека, настолько разительные перемены произошли с ним за последнее время.

По взгляду можно было предположить, что он ей не доверяет. Известно ли ему об ее встрече с Лисс?

Гавилар отвернулся, так ничего и не сказав, и, сопровождаемый стражником, ушел обратно в пиршественный зал.

«Что происходит в этом дворце?»

Джасна глубоко вздохнула. Нужно идти дальше. Оставалось только надеяться, что отец не знает о ее встречах с наемными убийцами. Однако, даже если ему что-то известно, ничего не изменится. Кто-то ведь должен заботиться о безопасности семьи, пока ее глава думает только о своем новом увлечении в лице этих паршенди. И Джасна решительно зашагала вперед, миновав почтительно склонившегося дворецкого.

После недолгой ходьбы по коридорам она заметила, что ее тень снова ведет себя странно. Увидев, как та вытягивается по направлению к трем настенным лампам со штормсветом, Джасна не смогла сдержать вздох возмущения. Хорошо еще, что она уже далеко отошла от людных мест, и не было видно слуг.

– Ну, вот что! – воскликнула она. – Хватит уже!

Она не собиралась произносить это вслух. Но, как только слова прозвучали, несколько теней в глубине коридора ожили и зашевелились. У Джасны перехватило дыхание. Тени удлинились, наполнились цветом. Затем они начали приподниматься, расти вверх, превращаться в фигуры.

«Отец Штормов, я схожу с ума».

Одна из теней приняла очертания человека, черного, как небо в беззвездную полночь. Эта чернота переливалась, будто он был сделан из масла. Нет... скорее из какой-то другой субстанции, а масло покрывало его снаружи и придавало глубину цвета и блеск.

Он шагнул к ней и вытащил из ножен меч.

Джасной управляла логика, холодная и решительная. Криками делу не поможешь, тут требовалось действовать быстро. Гибкие движения этого чернильного существа говорили о скорости, значительно превосходящей ее собственную.

Принцесса застыла на месте и посмотрела существу прямо в глаза. Это сработало – он стал двигаться медленнее. Прямо за ним вырастали из мрака очертания других фигур. Именно их взгляды она чувствовала на себе на протяжении последних месяцев.

Коридор постепенно погружался в темноту, словно корабль, опускающийся в беспросветные океанские глубины. Сердце Джасны выскакивало из груди, дыхание участилось. Она протянула руку, чтобы опереться о гранитную стену, но ее пальцы погрузились в каменную крошку, словно это была обыкновенная грязь.

О шторма. Нужно что-то делать. Но что? Что она в состоянии предпринять?

Существо перед ней взглянуло на стену. Лампа рядом с Джасной сразу погасла. А затем...

Затем дворец распался.

Целое здание разлетелось на тысячи мелких стеклянных осколков-бусинок. Джасна с криком провалилась вниз, в темное небо. Вокруг нее уже был не дворец, а какое-то другое место – на другой земле, в другом времени... Что-то совершенно иное...

Темное переливающееся существо все еще находилось рядом. Паря в воздухе, оно с удовлетворенным видом вложило меч обратно в ножны.

И тут Джасна с треском врезалась во что-то странное, оказавшееся целым океаном мелких стеклянных бусинок. Бусинки также падали сверху, бесчисленное их количество с шумом сыпалось в это удивительное море подобно дождю или, скорее, граду. Раньше Джасна никогда не бывала в таком месте. Она понятия не имела, что произошло и как можно объяснить случившееся, только осознала, что постепенно погружается в нечто непонятное, и забила в испуге. Стелянные бусины были повсюду. Джасна уже ничего не видела за ними и чувствовала, что тонет, тонет в этой ужасной, удушающей, звенящей массе.

Ей не выжить. Она не сможет завершить начатое, не сможет спасти свою семью!

Ей уже никогда не найти ответы на свои вопросы.

«Нет».

Джасна замолотила руками, пытаясь выплыть. Бусины катались по ее коже, лезли под одежду, забивались в нос, сводя все усилия на нет. Удержаться на плаву было совершенно невозможно. Тогда Джасна попыталась расчистить пространство возле лица, чтобы хоть немного вздохнуть, и у нее получилось. Бусинки по-прежнему скатывались по руке, просачиваясь сквозь пальцы, но теперь женщина тонула медленнее, как если бы находилась в какой-то вязкой жидкости.

Каждая бусинка, до которой она дотрагивалась, вызывала мимолетное ощущение прикосновения к какому-то предмету. Дверь. Стол. Туфля.

Теперь бусинки были даже у нее во рту. Казалось, они управляли своими движениями, пытались задушить ее, уничтожить. Хотя нет, возможно, их просто притягивает к ней. Джасна даже не осознала это, а скорее почувствовала – им что-то от нее нужно.

Она схватила одну из бусин в руку – та передавала ощущение чашки. Джасна почувствовала, как бусинка... забирает у нее что-то... силу? Остальные бусинки задвигались, притягиваясь друг к другу, сцепляясь, словно камешки, обмазанные раствором. И вот уже Джасну окружали не отдельные бусины, а их большие скопления в форме...

Чашки.

Каждая бусинка становилась образом для остальных.

Джасна выпустила ту бусину, что держала в руке, и все вокруг рассыпалось. Принцесса продолжала барахтаться, пока позволяли силы. Нужно немедленно найти какой-то способ выжить! В отчаянии она широко развела руки, пытаясь схватить как можно больше бусин.

Серебряное блюдо. Мундир.

Статуя.

Фонарь.

И потом что-то древнее.

Что-то тяжелое и с трудом поддающееся пониманию, но явно очень мощное. Сам дворец! Джасна вцепилась в эту сферу и начала передавать ей энергию. Ее разум затуманился, бусина забирала все силы. Но тут Джасна приказала ей ожить.

Бусины задвигались.

Щелкая, трескаясь, дребезжа, они соединялись друг с другом со звуком, походившим на шум волны, ударяющейся о скалы. Джасна поднималась из глубин, под ногами двигалось что-то прочное, подчиняясь ее приказу. Бусины бились о ее голову, плечи, руки, пока наконец она не вырвалась на поверхность стеклянного моря, взметнув в темное небо тучу брызг.

Джасна оказалась на коленях на платформе из маленьких бусин, скрепленных вместе, и отвела в сторону поднятую руку с зажатой сферой-направляющей. Остальные перекатывались и соединялись вокруг нее, образуя коридор с фонарями на стенах и виднеющимся впереди перекрестком. Конечно, все выглядело не по-настоящему, ведь было сделано из бусин. Но копия получилась точной.

У Джасны не хватило сил, чтобы создать дворец целиком – только этот коридор, даже без крыши, но с полом, поддерживающим ее, не дающим утонуть. Со стоном принцесса открыла рот, и бусины посыпались наружу, щелкая по полу. Она закашлялась, делая желанные вдохи, капли пота катились по лицу, капая с подбородка.

Темное существо вступило на платформу прямо перед ней. Оно опять обнажило меч.

В руке у Джасны оставалась еще одна бусина, и по ощущениям это была статуя. Принцесса отдала приказ, и перед ней начали собираться другие бусинки, принимая форму одной из скульптур, украшавших пиршественный зал. Статуя изображала Таленелата'Элина, Герольда войны – высокого мускулистого мужчину с огромным Клинком Осколков в руке.

Вряд ли статуя смогла бы сражаться, несмотря даже на то, что Джасна привела в движение ее руку, держащую меч. Клинок, состоящий из круглых бусин, никогда не удалось бы сделать острым. Тем не менее темная фигура медлила, явно почувствовав угрозу.

Стиснув зубы, Джасна поднялась на ноги, по ее одежде скатывались бусины. Она не встанет на колени перед этим существом, кем бы оно ни было. Шагнув за спину стеклянной статуи, принцесса впервые заметила над головой странные облака. Казалось, они соединялись в узкую ленту дороги, прямую и длинную, ведущую к горизонту.

Маслянистое существо пристально посмотрело на нее, как бы изучая, а затем, взмахнув плащом и приложив два пальца ко лбу, с уважением поклонилось. Его спутники, все это время находившиеся позади, переглянулись. Раздался тихий шепот.

Окружающее пространство с бусинами померкло, и Джасна обнаружила себя стоящей в коридоре дворца. Настоящем, из камня, хотя и погруженном в темноту – в настенных лампах не осталось штормсвета. Ближайший источник освещения находился далеко впереди.

Она прислонилась спиной к стене, глубоко дыша.

«Мне необходимо все это записать», – пронеслось у нее в голове.

Так она и сделает, затем проанализирует и поразмышляет. Позже. Сейчас хотелось оказаться как можно дальше от этого места. Джасна поспешила вперед, не задумываясь о направлении, пытаясь убежать от глаз, которые, как она все еще чувствовала, наблюдали за ней.

Не сработало.

В конце концов она успокоилась и промокнула платком пот с лица.

«Шейдсмар, – подумала Джасна. – Вот как называется то место в сказках для малышей».

Шейдсмар, мифологическое королевство спренов. Мифы, в которые она никогда не верила. Без сомнения, если хорошо поискать в этих историях, можно что-нибудь раскопать. Почти все, что случалось, уже происходило раньше. Великий урок истории, и...

Шторма! Ее встреча.

Ругаясь под нос, принцесса поспешила дальше. Случившееся не давало ей покоя, но необходимо торопиться. Она спустилась на два этажа. Здесь уже почти не было слышно барабанов паршенди, доносились лишь отдельные, самые громкие удары.

Прихотливость музыки паршенди всегда удивляла Джасну, наводя на мысль, что этот народ вовсе не такой уж бескультурный, как принято считать. Стук барабанов в отдалении подозрительно напоминал звук, с которым бились друг о друга бусины в том странном месте.

Она намеренно выбрала удаленную часть дворца для встречи с Лисс. Никто никогда не заходил в эти комнаты для гостей. Возле нужной двери в расслабленной позе стоял незнакомый Джасне мужчина. Он, должно быть, новый слуга Лисс, и его присутствие означало, что женщина не ушла, несмотря на опоздание принцессы. Успокоившись, Джасна кивнула слуге – грубому веденцу с рыжеватой бородой – и вошла в комнату.

Лисс поднялась из-за стола в глубине комнаты. На ней было платье служанки с глубоким вырезом, которое в равной степени могло принадлежать

алети, веденке или бавлендке в зависимости от того, какой акцент его хозяйка решила бы сегодня использовать. Длинные темные распущенные волосы и чудесная фигура с округлыми формами добавляли ее образу привлекательности.

– Вы опоздали, ваша светлость, – сказала Лисс.

Джасна не ответила. Она платила Лисс и была не обязана извиняться. Вместо этого она положила на стол небольшой конверт, запечатанный воском долгоносиков.

Джасна задержала на нем два пальца, размышляя.

Нет. Слишком опрометчиво. Неизвестно, догадывался ли отец, чем она занимается, но даже если и нет, слишком многое происходило во дворце. Ей не хотелось совершать убийство до тех пор, пока не будет больше определенности.

К счастью, имелся запасной вариант. Джасна украдкой вытряхнула второй конверт из потайного кармана в рукаве и незаметно подменила им первый. Затем убрала руку, отошла от стола и села.

Лисс опустилась обратно на стул, и конверт исчез в декольте ее платья.

– Странная ночь, ваша светлость, чтобы оказаться замешанной в государственной измене, – сказала она.

– Я нанимаю тебя только для наблюдения.

– Прошу прощения, ваша светлость. Но обычно наемных убийц нанимают не для наблюдения. Не только для наблюдения.

– Твои инструкции, а также аванс находятся в конверте, – ответила Джасна.

– Я выбрала тебя как лучшего специалиста по слежке, и это все, что мне от тебя нужно. Во всяком случае, пока.

Лисс улыбнулась, но кивнула.

– Шпионить за женой наследника престола? Это будет подороже. Вы уверены, что не хотите просто ее убить?

Джасна начала постукивать пальцами по столу и через несколько мгновений поняла, что делает это в ритме барабанов. Доносящаяся сверху музыка была очень непростой, в точности как и сами паршенди.

«Слишком многое происходит, – подумала принцесса. – Нужно быть очень осторожной. Очень дальновидной».

– Цена меня не волнует, – ответила она. – Через неделю я сделаю так, что одну из горничных моей невестки уволят. Ты попытаешься устроиться на ее место, используя фальшивое рекомендательное письмо, которое, полагаю, ты в состоянии раздобыть. Тебя наймут на работу. С этого момента наблюдаешь и докладываешь. Я сообщу, если потребуются другие услуги. Без моего приказа ничего не делать. Ясно?

– Вы же платите, – сказала Лисс с легким бавлендским акцентом.

Он проявился только потому, что она сама этого захотела. Лисс была одним из лучших наемных убийц, известных Джасне. Люди звали ее Плакса, потому что она выкалывала глаза своим жертвам. Хотя и не Лисс выдумала прозвище, оно играло ей на руку, скрывая тайны. Во-первых, никто не догадывался, что Плакса – женщина.

Говорили, что она выкалывает глаза, чтобы показать незначительность их цвета у жертв. На самом деле этот ритуал скрывал вторую тайну – Лисс не хотела, чтобы кто-то знал, что способ, которым она убивала, оставлял выжженные глазницы.

– В таком случае наша встреча окончена, – сказала Лисс, вставая.

Джасна рассеянно кивнула, снова задумавшись о своем странном столкновении со спренами. Эта блестящая кожа, переливающаяся поверхность цвета дегтя...

Она заставила себя не думать о том мгновении. Ей требовалось переключить внимание на текущие задачи. Сейчас это была Лисс.

Лисс помедлила перед дверью, прежде чем уйти.

– Знаете, почему вы мне нравитесь, ваша светлость?

– Подозреваю, это как-то связано с моими карманами и их общеизвестной глубиной.

Лисс улыбнулась.

– Верно, не буду отрицать, но еще вы отличаетесь от других светлоглазых. Когда меня нанимают другие, они вечно задирают нос. Все жаждут воспользоваться моими услугами, но презрительно улыбаются и делают такой вид, будто их заставляют заниматься чем-то чрезвычайно противным.

– Заказные убийства – противная штука, Лисс. Так же, как и чистка ночных горшков. Я уважаю людей, выполняющих подобную работу. Без любви к самой работе.

Лисс ухмыльнулась, скрипнула дверь.

– Твой новый слуга снаружи, – окликнула ее Джасна. – Разве ты не говорила, что хочешь похвастаться им передо мной?

– Талак? – спросила Лисс, взглянув на веденца. – А, вы имеете в виду того, другого. Нет, ваша светлость, того я продала работорговцу несколько недель назад. – Лисс состроила гримасу.

– Правда? Кажется, ты говорила, что он – лучший слуга, который у тебя когда-либо был.

– Даже слишком, – ответила Лисс. – Давайте оставим эту тему. Тот шинский парень – пугающий как шторм. – Она заметно вздрогнула и выскользнула за дверь.

– Помни о нашем первом договоре, – сказала Джасна ей в спину.

– Он всегда в моих мыслях, ваша светлость. – Лисс закрыла дверь.

Джасна поудобнее устроилась в кресле и сплела пальцы. Их «первый договор» заключался в том, что если кто-то попытается нанять Лисс для убийства одного из членов семьи Джасны, наемница получит от принцессы столько же денег в обмен на имя заказчика.

Скорее всего, Лисс так и поступит. Как и любой из наемных убийц, с которыми Джасна заключила сделки. Постоянный клиент всегда намного ценнее временных. Кроме того, Лисс было выгодно иметь своего человека в правящих кругах. Королевская семья находилась в относительной безопасности. Конечно, если бы только сама принцесса не решила нанять убийц.

Джасна выдохнула и поднялась, словно пытаясь сбросить груз, давивший ей на плечи.

«Стоп. Лисс сказала, что ее прежний слуга из Шиноvara?»

Возможно, всего лишь совпадение. На востоке редко можно было увидеть уроженцев Шиноvara, но все же они встречались. Тем не менее упоминание Лисс о шиноварце, а также то, что Джасна заметила одного среди паршенди... Что ж, проверить не помешает, даже если ради этого придется вернуться на пир. Странная выдалась ночь, и не только из-за ее тени и спренов.

Джасна покинула маленькую комнату в недрах дворца, прошла по коридору и направилась вверх по ступеням. Барабаны резко замолкли, как будто у инструмента вдруг перерезали струны. Неужели праздник закончился так рано? Может, Далинар выкинул что-то, задевшее участников пира? Этот мужчина со своей тягой к вину...

Что ж, паршенди игнорировали его оскорбления в прошлом, возможно, поступят так снова. По правде говоря, Джасна обрадовалась внезапному вниманию ее отца к соглашению. Это означало, что на досуге у нее появится возможность изучить традиции и истории паршенди.

«Могло ли так оказаться, – подумала она, – что все это время ученые искали не в тех развалинах?»

Впереди послышались слова, эхом отдаваясь в коридоре:

– Я волнуюсь за Аш.

– Ты обо всем волнуешься.

Джасна замедлила движение по коридору.

– Ей становится хуже, – продолжил голос. – Нам не должно было становиться хуже. И мне хуже? Думаю, что чувствую себя хуже.

– Заткнись.

– Мне это не нравится. То, что мы сделали, неправильно. Это существо носит Клинок моего лорда. Нам не следовало позволять распоряжаться им. Он...

Двое мужчин миновали перекресток перед Джасной. Послы с запада, один из которых оказался азианином с белым родимым пятном на щеке. Или это шрам? Более низкий из мужчин – он мог быть алети – замолк, когда заметил Джасну, и, издав писк, поспешил дальше.

Азианин, одетый в черное с серебром, остановился, осмотрел принцессу сверху донизу и нахмурился.

– Пир уже закончился? – спросила Джасна.

Ее брат пригласил этих двоих на празднество вместе со всеми иностранцами, занимающими высокий пост в Холинаре.

– Да, – ответил мужчина.

Его пристальный взгляд заставлял Джасну чувствовать себя неуютно. В любом случае она шла вперед.

«Мне следует проверить этих двоих», – подумала она.

Конечно же, она изучала собранную на них информацию, но не нашла ничего, стоящего внимания. Они говорили о Клинке Осколков?

– Пойдем же, – проговорил низкорослый мужчина, возвращаясь и беря высокого под руку.

Тот позволил увести себя. Джасна подошла к месту, где коридоры пересекались, и посмотрела им вслед.

Оттуда, где раньше звучали барабаны, теперь внезапно раздались крики.

«О нет...»

Джасна обернулась в тревоге, затем подхватила юбку и побежала так быстро, как только могла.

Десяток различных возможных несчастий промелькнул у нее в голове. Что еще могло случиться этой бурной ночью, когда тени оживали, а отец смотрел на нее с подозрением? С натянутыми нервами она добралась до ступеней и начала подниматься.

Это заняло много времени. Слушая крики, Джасна взбежала по лестнице и наконец ворвалась в хаос. Мертвые тела с одной стороны, остатки стены – с другой. Как...

Разрушения вели к покоям отца.

Весь дворец сотрясся, с этого направления раздавался грохот.

«Нет, нет, нет!»

Она пробежала мимо борозд, оставленных Клинком Осколков.

«Пожалуйста».

Трупы с выжженными глазами. Тела, усеивающие пол, как обглоданные кости на обеденном столе.

«Только не это».

Сломанные двери. Покои отца. Джасна остановилась в коридоре, ловя ртом воздух.

«Соберись, соберись...»

Она не могла. Не сейчас. Обезумев, принцесса вбежала внутрь, хотя Носитель Осколков мог с легкостью ее убить. Мысли путались. Ей нужно привести помощь. Далинар? Пьян. Тогда Садеас.

Комната выглядела так, будто здесь погулял свержшторм. Разбитая мебель, повсюду щепки. Балконные двери выломаны наружу. Кто-то шел к ним шатающейся походкой – мужчина в Доспехах Осколков отца. Теарим, телохранитель?

Нет. Шлем был разбит. Это не Теарим, а Гавилар. На балконе кто-то вскрикнул.

– Отец! – воскликнула Джасна.

Шагнув на балкон, Гавилар остановился и оглянулся на нее.

Балкон под ним обвалился.

Закричав, Джасна бросилась через комнату к балконному проему и рухнула на колени у самого края. Ветер трепал выбившиеся из узла пряди волос, а она смотрела, как падали двое мужчин.

Ее отец и одетый в белое шиноварец, которого она видела на пиру.

Шиноварец излучал белый свет. Он упал на стену, ударился о нее, перекатился и остановился. А затем встал, каким-то образом оставаясь на внешней стене дворца и не падая. Подобное не поддавалось объяснению.

Мужчина повернулся и направился к ее отцу.

Похолодев, Джасна беспомощно наблюдала, как убийца подошел к королю и, опустившись на колени, склонился над ним.

Слезы стекали по ее щекам, и ветер уносил их прочь. Она не могла понять, что происходило там, внизу.

Когда убийца отошел, на земле остался труп ее отца, насквозь пронзенный деревянным обломком. Он был действительно мертв – Клинок Осколков появился рядом с телом, как всегда происходило после смерти Носителя.

– Я столько трудилась... – прошептала Джасна в оцепенении. – Я делала все, чтобы защитить семью...

Как? Лисс. Виновата Лисс!

Нет. Джасна с трудом соображала. Тот шиноварец... тогда бы она не призналась, что владела им. Она его продала.

– Мы сожалеем о вашей утрате.

Джасна обернулась, моргая затуманенными глазами. Трое паршенди, включая Клэйда, стояли в дверях, одетые в свои причудливые наряды: аккуратно сшитые накидки, одинаковые для женщин и мужчин, пояса на талии, свободные рубашки без рукавов и свисающие, сотканые из яркой разноцветной ткани жилеты, открытые по бокам. Они не разделяли одежду по полу. Джасна думала, что есть отличия по кастам, однако...

«Прекрати, – одернула она себя. – Перестань думать как ученый, хотя бы на один штормовой день!»

– Мы берем на себя ответственность за смерть короля, – сказала стоявшая впереди паршенди.

Гангна была женщиной, хотя у паршенди половые различия, похоже, сводились к минимуму. Одежда скрывала грудь и бедра, хотя ни то, ни другое не было явно выражено. К счастью, отсутствие бороды являлось четким признаком. Все мужчины паршенди, которых когда-либо видела Джасна, носили бороды, в которые они вплетали кусочки драгоценных камней, и...

«ПРЕКРАТИ!»

– Что ты сказала? – требовательно спросила Джасна, вставая на ноги. – Почему вы берете вину на себя, Гангна?

– Потому что мы наняли убийцу, – нараспев ответила женщина паршенди с сильным акцентом. – Мы убили твоего отца, Джасна Холин.

– Вы...

Внезапно эмоции охладели подобно реке, замерзающей в горах. Джасна перевела взгляд с Гангны на Клэйда, на Варнали. Старейшины, все трое. Члены управляющего совета паршенди.

– Почему? – прошептала Джасна.

– Потому что так нужно, – ответила Гангна.

– Почему? – снова спросила Джасна, подавшись вперед. – Он сражался за вас! Он держал хищников на расстоянии! Мой отец хотел мира, вы, монстры! Почему вы предали нас именно сейчас?

Гангна сжала губы в линию. Ритм ее голоса изменился. Она очень напоминала мать, объясняющую что-то очень сложное маленькому ребенку.

– Потому что твой отец собирался совершить кое-что очень опасное.

– Пошлите за кронпринцем Далинаром! – раздался голос снаружи. – Шторма! Мои приказы дошли до Элокара? Наследник должен быть отправлен в безопасное место!

Кронпринц Садеас ввалился в комнату вместе с отрядом солдат. Его напоминающее луковицу красное лицо блестело от пота, он был одет в королевскую мантию Гавилара.

– Что здесь делают дикари? Шторма! Защитите принцессу Джасну. Тот, кто это сделал, – он находился в их свите!

Солдаты бросились вперед, чтобы окружить паршенди. Не обращая на них внимания, Джасна развернулась, шагнула обратно к сломанным дверям, держась рукой за стену, и посмотрела вниз, на своего отца, распластавшегося на камнях рядом с Клинком.

– Будет война, – прошептала она. – И я не буду мешать.

– Это понятно, – сказала Гангна сзади.

– Убийца, – сказала Джасна. – Он ходил по стене.

Гангна промолчала.

В рассыпающемся мире Джасна ухватилась за этот факт. Сегодня ночью она кое-что увидела. Что-то, чего быть не могло. Имело ли это отношение к странному спрену? К произошедшему с ней в том месте со стеклянными бусинами и темным небом?

Эти вопросы стали ее спасательным кругом стабильности в океане хаоса. Садеас требовал ответы от лидеров паршенди, но не получил их. Когда он приблизился к ней и увидел обломки внизу, то со всех ног бросился к упавшему королю, призывая солдат.

Много часов спустя выяснилось, что убийство короля и сдача трех лидеров паршенди скрыли бегство их большей части. Они быстро исчезли из города, и кавалерия, посланная Далинаром вдогонку, была уничтожена. Сотня лошадей, каждая из которых являлась практически бесценной, оказалась потеряна вместе со всадниками.

Лидеры паршенди больше ничего не сказали и не дали никаких подсказок к случившемуся, даже когда их связывали и вешали за совершенное преступление.

Джасна все это проигнорировала. Она допрашивала выживших стражников о том, что они видели. Она пыталась раскрутить зацепку о ставшей теперь известной природе наемного убийцы, выведывая информацию у Лисс. Практически ничего не вышло. Лисс владела им недолго и заявила, что ничего не знала о необычных способностях шиноварца. Прежнего владельца Джасне найти не удалось.

Затем настал черед книг. Самозабвенная, яростная попытка отвлечься от утраты.

Той ночью Джасна увидела невозможное.

Ей нужно было понять, что это означало.



ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

В ПЛАМЕНИ

ШАЛЛАН • ҚАЛАДИН • ДАЛИНАР



Если быть предельно откровенной, то, что случилось за последние два месяца, – моя вина. Смерть, разрушения, потери и боль – вот моя ноша. Я должна была это предвидеть. И остановить.

Из дневника Навани Холин, джесесес¹, 1174 г.

Шаллан зажала в пальцах тонкий угольный карандаш и нарисовала несколько прямых линий, расходящихся от сферы на горизонте. Эту сферу нельзя было назвать солнцем, но ни на одну из лун она тоже не походила. Облака, обведенные углем, казалось, стремились к ней. И море под ними... Рисунок не мог передать странной природы океана, наполненного не водой, а маленькими бусинами из полупрозрачного стекла.

Девушка задрожала, вспомнив то место. Джасне было известно о нем гораздо больше, чем она рассказывала своей подопечной, и Шаллан не знала, как лучше спросить. Разве можно требовать ответы после ее предательства? Прошло всего несколько дней, и она до сих пор понятия не имела, как будут строиться дальше ее отношения с Джасной.

Палуба покачнулась, когда корабль изменил курс, огромные паруса захлопали над головой. Чтобы не потерять равновесие, Шаллан пришлось схватиться за поручень закрытой безопасной рукой. Капитан Тозбек говорил, что до сих пор море вело себя не так уж плохо для этой части Долгобрового пролива. Однако ей, возможно, придется спуститься в каюту, если волны и качка усилятся.

¹ Календарь Рошара насчитывает 10 месяцев по 10 недель в каждом, в каждой неделе 5 дней. И месяцы, и недели обычно сокращаются до аббревиатур, которые состоят из полного названия месяца и двух суффиксов для недели и дня. Примеры:

аббревиатура	месяц	неделя	день
чачанан	чач	нан	нан
джесачев	джес	чач	вев
кактач	как	танат	чач

Здесь и далее прим. пер.

Шаллан выдохнула и постаралась расслабиться, пока корабль успокаивался. По палубе гулял холодный ветер, и спрены ветра проносились мимо в невидимых воздушных потоках. Каждый раз, когда море волновалось, Шаллан вспоминала тот чужеродный океан из стеклянных бусин.

Она опустила глаза на свой рисунок. Ей удалось только мельком увидеть то место, и набросок не идеален. Он...

Шаллан нахмурилась. На бумаге появился узор, похожий на тиснение. Как это получилось? Узор занимал почти весь лист – последовательность сложных линий с острыми углами и повторяющимися стрелообразными формами. Был ли это эффект от рисования того странного места, которое Джасна называла Шейдсмар? Шаллан нерешительно прикоснулась свободной рукой к рисунку и почувствовала на бумаге неестественные выпуклости.

Узор сдвинулся, скользнув по листку, как щенок громгончей под простыней.

Шаллан вскрикнула и подпрыгнула на сиденье, уронив папку с набросками на палубу. Свободные листки посыпались на доски, дрожа и разлетаясь на ветру. Стоящие поблизости моряки – тайленцы с длинными белыми бровями, зачесанными за уши, – бросились на помощь, хватая рисунки, пока те не сдуло за борт.

– Вы в порядке, юная барышня? – спросил Тозбек, отвлекшись от разговора с одним из матросов.

Низенький и полный, Тозбек был одет в красно-золотую куртку с широким поясом и шляпу в тон. Брови он зачесывал вверх и придавал им форму веера над глазами.

– Со мной все в порядке, капитан, – сказала Шаллан. – Я просто испугалась. Йалб подошел к ней, протягивая листки.

– Ваши аксессуары, светледи.

Шаллан приподняла бровь.

– Аксессуары?

– Ну да, – ухмыльнулся молодой моряк. – Я практикуюсь в модных словечках. Они помогают парням добиться надлежащего женского внимания. Знаете, таких леди, от которых не слишком плохо пахнет и у кого осталось еще по крайней мере несколько зубов.

– Прекрасно, – проговорила Шаллан, принимая листки. – Ну, по крайней мере, исходя из твоего определения прекрасного.

Она подавила дальнейшие колкие замечания, подозрительно уставившись на пачку листков в своей руке. Рисунок Шейдсмара оказался сверху, на этот раз без странных выпуклостей.

– Что случилось? – спросил Йалб. – Вы увидели выползшего из-под вас крэмлинга или что-то в этом роде?

Как обычно, моряк был одет в распашной жилет и свободные штаны.

– Ничего особенного, – тихо ответила Шаллан, засовывая листки обратно в сумку.

Йалб слегка отсалютовал ей – она не имела понятия, почему он взял привычку так делать – и вернулся к связыванию такелажа вместе с другими моряками. Вскоре девушка уловила взрывы смеха среди окружавших его мужчин и, посмотрев в ту сторону, увидела, как вокруг головы Йалба затанцевали спрены славы. Они выглядели как маленькие светящиеся шарики. Очевидно, моряк очень гордился только что рассказанной шуткой.

Шаллан улыбнулась. Так удачно получилось, что Тозбек задержался в Харбранте. Ей нравился этот экипаж, и она была рада, что Джасна выбрала его для путешествия. Шаллан уселась обратно на ящик, который капитан Тозбек приказал привязать рядом с бортом, чтобы она могла наслаждаться морем во

время плавания. Ей следовало остерегаться брызг, не слишком полезных для набросков, но пока море оставалось спокойным, возможность любоваться им стоила усилий.

Наблюдатель на мачте что-то прокричал сверху. Шаллан прищурилась, посмотрев в указанном им направлении. Они двигались параллельно берегу в пределах видимости отдаленной суши. И даже провели прошлую ночь в порту, чтобы укрыться от налетевшего свёрхшторма. Во время плавания всегда желательно находиться недалеко от порта. Было бы самоубийством безрассудно отправляться в открытое море, когда на тебя неожиданно мог обрушиться свёрхшторм.

На севере маячило темное пятно – Замерзшие земли – большая ненаселенная область в южной части Рошара. Время от времени Шаллан удавалось разглядеть более высокие скалы на юге. Тайлен, великое островное королевство, образовывало здесь еще один барьер. Пролив располагался между ними.

Наблюдатель заметил что-то в волнах к северу от корабля. Покачивающийся объект, на первый взгляд похожий на огромное бревно, оказался гораздо больше и шире. Шаллан встала и прищурилась, смотря, как он приближается. Это была куполообразная коричнево-зеленая раковина размером с три шлюпки, связанные вместе. Когда они проходили мимо, раковина подплыла к кораблю и каким-то образом начала двигаться параллельным курсом, выдаваясь из воды примерно на шесть-восемь футов.

Сантид! Шаллан перегнулась через борт, заглядывая вниз. Моряки возбужденно переговаривались. Некоторые присоединились к ней и высывались, чтобы рассмотреть существо. Сантиды встречались настолько редко, что многие из ее книг утверждали, будто они вымерли, а все современные сведения о них недостоверны.

– Вы приносите удачу, юная барышня! – со смехом воскликнул Йалб, проходя мимо с веревкой. – Мы не видели сантида много лет.

– Вы и сейчас не видите, – ответила Шаллан. – Только верхушку его раковины.

К ее разочарованию, море скрывало все, кроме уходящих в глубину теней, которые могли оказаться длинными конечностями, спускающимися вниз. Истории гласили, что животные, бывало, сопровождали судно несколько дней, ожидая в море, когда корабль заходил в порт, и плывя следом, когда корабль его покидал.

– Кроме раковины ничего не увидеть, – сказал Йалб. – Страсти, это хороший знак!

Шаллан схватилась за свою сумку. Она сохранила воспоминание об этом существе рядом с кораблем, закрыв глаза и зафиксировав образ в уме, чтобы нарисовать его как можно более точно.

«Хотя что рисовать? – подумала девушка. – Выступающий из воды горб?»

В ее голове начала формироваться идея. Она произнесла слова вслух прежде, чем как следует подумала.

– Принеси мне вон ту веревку, – сказала Шаллан, повернувшись к Йалбу.

– Ваша светлость? – вопросительно проговорил он, остановившись на месте.

– Завяжи на одном конце петлю, – продолжила она, бросив сумку на сиденье. – Мне нужно взглянуть на сантида. Я никогда раньше не опускала голову под воду в океане. Из-за соли трудно видеть?»

– Под воду? – пропищал Йалб.

– Ты не завязываешь веревку.

– Потому что я не штормовой дурак! Капитан с меня голову снимет, если...

– Позови друга, – сказала Шаллан, не слушая его, и взялась за веревку, пытаясь завязать один из ее концов в маленькую петлю. – Вы спустите меня вниз, а я взгляну на то, что находится под раковиной. Ты понимаешь, что никто никогда не мог нарисовать живого сантида? Все выброшенные на берег были сильно разложившимися. И из-за того, что моряки считают плохой приметой охотиться на них...

– Еще какой! – ответил Йалб, его голос стал еще более высоким. – Никто не посмеет его убить.

Шаллан закончила петлю и поспешила к борту корабля. Ее рыжие волосы взвились вокруг лица, когда она перегнулась через бортик. Сантид по-прежнему плыл за кораблем. Как он успевал за ними? Плавников видно не было.

Она оглянулась на Йалба, который держал веревку и ухмылялся.

– А, ваша светлость. Это расплата за то, что я болтал о вашей заднице с Безнком? Я просто пошутил, но вы заставили меня поволноваться! Я... – Он замолк, встретившись с ней глазами. – Шторма. Вы серьезно.

– У меня больше не будет такой возможности. Наладан охотилась за подобными существами всю жизнь, но так и не смогла как следует рассмотреть ни одного.

– Это безумие!

– Нет, это наука! Не знаю, насколько хорошо будет видно под водой, но я должна попробовать.

Йалб вздохнул.

– У нас есть маски. Они сделаны из черепашьего панциря, в выдолбленных спереди отверстиях стекло, а по краям полости, чтобы не затекала вода. В такой маске вы сможете опустить голову под воду и все рассмотреть. Мы их используем, чтобы проверять корпус судна в доке.

– Чудесно!

– Конечно же, мне нужно сходить к капитану за разрешением взять одну из них...

Шаллан сложила руки на груди.

– Какой же ты коварный. Что ж, отправляйся.

В любом случае маловероятно, что ей удастся все проверить без ведома капитана.

Йалб ухмыльнулся.

– Что произошло с вами в Харбранте? Во время первого путешествия с нами вы были так напуганы, выглядели, как будто готовы упасть в обморок при одной мысли, что придется уплыть из родного дома!

Шаллан замялась и обнаружила, что краснеет.

– Это безрассудно, да?

– Свеситься с движущегося корабля и засунуть голову под воду? – спросил Йалб. – Ну да. Немного.

– Как ты думаешь... можем мы остановить корабль?

Йалб засмеялся, но убежал поговорить с капитаном, расценив ее вопрос как знак того, что она все еще намерена осуществить свой план. Так и было.

«Что со мной случилось?» – мысленно удивилась Шаллан.

Ответ был прост. Она все потеряла. Совершила кражу у Джасны Холин, одной из самых могущественных женщин в мире, и это не только отняло у нее шанс учиться, но и обрекло ее братьев и дом. Шаллан проиграла, целиком и полностью.

И она с этим справилась.

Случившееся не прошло даром. Доверие Джасны к ней оказалось подорвано, а сама Шаллан чувствовала, что практически бросила свою семью. Однако что-то в тех событиях, когда она украла преобразователь Джасны, все

равно оказавшийся подделкой, и после, когда ее чуть не убил мужчина, который, как казалось, испытывал к ней нежные чувства...

Что ж, теперь Шаллан лучше понимала, насколько плохи могут быть дела. Как будто... раньше она боялась темноты, а теперь ступила в нее. И пережила кошмары, поджидавшие ее там. Какими бы ужасными они ни были, теперь Шаллан знала, с чем имеет дело.

«Ты всегда знала, – прошептал голос глубоко внутри. – Ты выросла с кошмарами, Шаллан. Просто не позволяешь себе вспоминать о них».

– Что происходит? – спросил Тозбек, приблизившись вместе со своей женой, Эшлв.

Миниатюрная женщина не имела привычки много болтать; она была одета в блузку и ярко-желтую юбку, головной платок полностью покрывал волосы, за исключением двух белых бровей, которые она завивала и оставляла ниспадать по обеим сторонам лица.

– Юная барышня, – продолжил Тозбек, – вы хотите поплавать? Не могли бы вы подождать, пока мы не зайдём в порт? Я знаю несколько хороших мест, где вода не слишком холодная.

– Я не собираюсь плавать, – ответила Шаллан, покраснев еще больше.

Что она наденет для плавания, когда вокруг столько мужчин? Неужели кто-то на самом деле занимался подобными вещами? Она махнула рукой в сторону существа.

– Мне нужно поближе взглянуть на нашего спутника.

– Юная барышня, вы же понимаете, что я не могу разрешить настолько опасную авантюру. Даже если мы остановим корабль, что, если чудовище причинит вам вред?

– Считается, что они безобидны.

– Они настолько редкие, можем ли мы быть полностью уверены? Кроме того, в море есть и другие животные, которые могут вам навредить. Багровники точно охотятся в этих водах, и возможно, мы в достаточно мелком месте, чтобы опасаться хорнаков. – Тозбек потряс головой. – Простите, но я просто не могу разрешить такое.

Шаллан прикусила губу и обнаружила, что сердце предательски забилося. Ей хотелось настаивать, но твердость в глазах капитана заставила ее отступить.

– Хорошо.

Тозбек расплылся в широкой улыбке.

– Я возьму вас с собой посмотреть на ракушки в порту Амидлатна, когда мы остановимся там, юная барышня. У них отличная коллекция!

Шаллан не знала, где это, но, судя по куче слепленных вместе согласных, решила, что на тайленском берегу. Там располагалось большинство южных городов. В Тайлене почти так же холодно, как в Замерзших землях, но людям, похоже, нравилось там жить.

Конечно же, с головой у тайленцев немного не в порядке. Как еще описать Йалба и остальных, не носивших рубашек, несмотря на холодную погоду?

«Но это не они намеревались окунуться в океан», – напомнила себе Шаллан.

Она снова посмотрела за борт судна, на волны, разбивающиеся о раковину мирного сантида. Кем он был? Монстром с огромной раковиной, как ужасающие скальные демоны Разрушенных равнин? Больше походил на рыбу, или все же на черепаху? Сантиды так редки, а случаи, когда ученые видели их вживую, так нерегулярны, что все теории противоречили друг другу.

Шаллан вздохнула, открыла сумку и занялась раскладыванием листков, большинство из которых представляли собой повседневные наброски моряков в разных позах, управляющих массивными парусами, лавируя против ветра. Отец

никогда не позволил бы ей провести день, сидя и наблюдая за группой полуголых темноглазых. Как же сильно изменилась ее жизнь за такое короткое время.

Шаллан работала над наброском раковины сантида, когда на палубу поднялась Джасна.

Как и Шаллан, Джасна носила хаву – воринское платье особого кроя. Подол платья доходил до ступней, а горловина – почти до подбородка. Некоторые тайленцы, когда думали, что она не слышит, называли такую одежду чопорной. Шаллан не могла согласиться: хава была не чопорной, а элегантной. На самом деле шелк туго обхватывал тело, особенно в районе бюста, и вид, с которым моряки таращились на Джасну, говорил о том, что одеяние им по нраву.

Джасна обладала привлекательностью. Пышная фигура, загорелая кожа. Безукоризненные брови, накрашенные темно-алым губы, волосы, заплетенные в толстую косу. Несмотря на то, что Джасна вдвое старше Шаллан, ее зрелая красота восхищала, даже вызывала зависть. Как женщина могла оставаться настолько идеальной?

Принцесса игнорировала взгляды моряков. Не то чтобы она не замечала мужчин. Джасна замечала все и всех. Казалось, что ее просто никоим образом не волновало, как мужчины ее воспринимали.

«Нет, это неправда, – подумала Шаллан, пока Джасна шла к ней. – Она бы не тратила время на прическу или макияж, если бы не придавала значения тому, как ее воспринимают».

В этом Джасна оставалась загадкой. С одной стороны, она казалась ученым, интересующимся только своим исследованием. С другой стороны, она воспитала в себе уравновешенность и достоинство королевской дочери и время от времени пользовалась ими как дубинкой.

– Вот ты где, – сказала Джасна, подходя к Шаллан.

Капли воды из-за борта корабля улучили этот момент, чтобы обрызгать принцессу. Она нахмурилась, проследив, как они скатываются по шелковому платью, снова посмотрела на Шаллан и подняла бровь.

– Возможно, ты не заметила, но на корабле имеются две очень хорошие каюты, которые я сняла для нас за немалые деньги.

– Да, но они внутри.

– Как обычно и полагается комнатам.

– Большую часть своей жизни я провела взаперти.

– И так же ты проведешь еще больше времени, если хочешь стать ученым.

Шаллан прикусила губу в ожидании приказа сойти вниз. Странно, но его не последовало. Джасна сделала Тозбеку знак подойти, и он поспешил приблизиться, все время кланяясь и держа шляпу в руке.

– Да, ваша светлость? – спросил капитан.

– Я бы хотела второе такое... сиденье, – сказала Джасна, рассматривая ящик Шаллан.

Тозбек быстро отправил одного из своих людей привязать рядом второй ящик. Ожидая, пока приготовят сиденье, Джасна махнула Шаллан, чтобы та передала ей свои наброски. Принцесса изучила рисунок сантида, потом посмотрела за борт.

– Неудивительно, что моряки подняли такой переполох.

– Это к удаче, ваша светлость! – сказал один из них. – Хороший знак для вашего путешествия, как думаете?

– Я приму любую дарованную мне удачу, Нанхел Элторв, – ответила Джасна. – Благодарю за сиденье.

Моряк неловко поклонился, прежде чем уйти.

– Вы думаете, что они суеверные глупцы, – тихо сказала Шаллан, наблюдая, как уходит моряк.

– Исходя из моих наблюдений, – ответила Джасна, – эти моряки относятся к людям, которые нашли цель в жизни и теперь принимают ее простые удовольствия.

Джасна посмотрела на следующий рисунок.

– Многие получают от жизни гораздо меньше. У капитана Тозбека хорошая команда. Ты поступила мудро, обратив на него мое внимание.

Шаллан улыбнулась.

– Вы не ответили на вопрос.

– Ты не задала вопрос, – сказала Джасна. – Эти наброски, как всегда, искусны, Шаллан, но не полагалось ли тебе заниматься чтением?

– Я... не могла сосредоточиться.

– И поэтому ты поднялась на палубу, – произнесла принцесса, – чтобы делать наброски молодых мужчин, работающих без рубашек. Ты ожидала, что это поможет тебе сконцентрироваться?

Шаллан покраснела, а Джасна остановилась на одном из листков бумаги в стопке. Шаллан терпеливо сидела – к этому ее приучил отец – до тех пор, пока Джасна не развернула его к ней. Рисунок Шейдсмара, конечно же.

– Ты соблюдала мой приказ не заглядывать снова в это место? – спросила Джасна.

– Да, ваша светлость. Этот рисунок я сделала по памяти моей первой... ошибки.

Джасна опустила листок. Шаллан показалось, что она увидела намек на какую-то эмоцию в выражении лица принцессы. Возможно, Джасна спрашивала себя, может ли она доверять слову Шаллан?

– Полагаю, именно это тебя беспокоит? – спросила Джасна.

– Да, ваша светлость.

– Думаю, в таком случае мне следует все тебе объяснить.

– Правда? Вы это сделаете?

– Тебе не обязательно так удивляться.

– Эта информация кажется очень важной, – пояснила Шаллан. – То, как вы запретили мне... Я решила, что знание об этом месте является тайным или, по крайней мере, что его не следует доверять кому-то моего возраста.

Джасна фыркнула.

– Я поняла, что отказ раскрывать тайны молодым людям только заставляет их настойчивее стремиться к неприятностям. Не меньше. Твои эксперименты доказывают, что ты уже столкнулась со всем этим лицом к лицу, так же, как и я однажды, чтобы ты знала. Мне знакомо, из собственного неприятного опыта, насколько опасен может быть Шейдсмар. Оставив тебя в неведении, я буду винить себя, если тебя там убьют.

– Значит, вы рассказали бы о нем раньше во время нашего путешествия, если бы я попросила?

– Скорее всего, нет, – признала Джасна. – Хотелось посмотреть, насколько ты согласна подчиняться мне. В этот раз.

Шаллан сникла и подавила желание напомнить о том, что раньше, когда она была прилежной и покорной ученицей, Джасна не раскрывала и близко столько тайн, сколько теперь.

– Так что же оно такое? То... место.

– На самом деле это не какое-то определенное место, – проговорила Джасна. – Не в том смысле, в котором мы обычно думаем о месте. Шейдсмар здесь, везде вокруг нас, прямо сейчас. Все вещи существуют там в какой-либо форме так же, как они существуют здесь.

Шаллан вздохнула.

– Я не...

Джасна подняла палец, чтобы заставить ее замолчать.

– Все вещи состоят из трех частей: души, тела и разума. То место, которое ты увидела, Шейдсмар – то, что мы называем когнитивной реальностью, – место разума. Все, что ты видишь вокруг, относится к физическому миру. Ты можешь дотронуться до него, увидеть его, услышать его. Таким образом твое физическое тело воспринимает мир. В свою очередь, Шейдсмар – это способ, который использует твоя когнитивная часть – твоя бессознательная часть – для познания мира. С помощью скрытых чувств, относящихся к той реальности, ты делаешь интуитивные шаги в логике и формируешь надежду. Скорее всего, с помощью этих дополнительных чувств ты, Шаллан, творишь искусство.

Вода плеснула в нос корабля, пересекшего гребень волны. Шаллан вытерла каплю соленой воды со щеки, пытаясь со всех сторон обдумать сказанное Джасной.

– Для меня это практически не имеет никакого смысла, ваша светлость.

– Надеюсь, что так, – сказала Джасна. – Я провела шесть лет, исследуя Шейдсмар, и до сих пор с трудом понимаю, что он из себя представляет. Мне придется сопровождать тебя несколько раз, прежде чем ты сможешь понять, хотя бы немного, настоящее значение этого места.

Джасна скривилась от подобной мысли. Шаллан всегда удивлялась, когда замечала ее явные эмоции. Эмоции были чем-то сближающим, человеческим. У Шаллан мысленный образ Джасны Холин больше походил на почти божественный. Если подумать, странный способ относиться к убежденной атеистке.

– Послушай меня, – сказала Джасна. – Мои собственные слова выдают мое невежество. Я сказала тебе, что Шейдсмар не является каким-то определенным местом, и в следующую секунду я называю его таковым. Я говорю о его посещении, хотя он всегда вокруг нас. В нашем языке просто нет подходящих терминов, чтобы его обсуждать. Давай я попробую объяснить по-другому.

Джасна встала, и Шаллан поспешила за ней. Они прошли вдоль борта корабля, ощущая, как палуба раскачивается под ногами. Моряки уступали Джасне дорогу, торопливо кланяясь. Они смотрели на нее с таким же почтением, как смотрели бы на короля. Как она это делала? Как контролировала окружающих, не прилагая, казалось бы, никаких усилий?

– Загляни в океан, – сказала Джасна, когда они дошли до носа. – Что ты видишь?

Шаллан остановилась у бортика и уставилась на синие, пенящиеся волны. Здесь, на носу, она видела высоту волн. Бескрайний простор, раскинувшийся не только вширь, но и вглубь.

– Я вижу бесконечность, – сказала Шаллан.

– Слова художника, – проговорила Джасна. – Корабль плывет по неизведанным глубинам. Под этими волнами находится шумный, яростный, невидимый мир.

Джасна наклонилась вперед, схватившись за бортик одной открытой рукой и второй, покрытой безопасным рукавом. Она посмотрела вдаль. Не в глубины и не на землю, виднеющуюся в отдалении и с северной, и с южной сторон, а на восток. Туда, откуда приходили шторма.

– Существует целый мир, Шаллан, – продолжила принцесса, – которого наш разум касается только поверхностно. Мир глубоких, абсолютных мыслей. Мир, созданный глубокими, абсолютными мыслями. Видя Шейдсмар, ты погружаешься в его глубины. В каком-то смысле это чужое для нас место, но в то же время мы формируем его. С некоторой помощью.

– Что мы делаем?

– Что такое спрены? – поинтересовалась Джасна.

Вопрос застал Шаллан врасплох, но теперь она уже привыкла к требующим размышлений вопросам Джасны. Девушка подумала и сформулировала ответ:

– Никто не знает, что представляют из себя спрены, хотя у многих философов есть разные мнения на...

– Нет, – перебила Джасна. – Что они такое?

– Я...

Шаллан подняла взгляд на пару спренов ветра, крутящихся в воздухе. Они выглядели как крошечные ленты света, мягко сияющие, танцующие один вокруг другого.

– Они – воплощенные идеи.

Джасна обернулась к ней.

– Что? – спросила Шаллан, подпрыгнув. – Я не права?

– Нет, – ответила Джасна. – Ты права.

Принцесса сощурилась.

– Вот лучшее, что я смогла придумать: спрены – это элементы когнитивной реальности, ускользнувшие в физический мир. Они являются общими идеями, которые получили частицу разумности, возможно, из-за человеческого вмешательства. Представь часто сердящегося человека. Представь, что его друзья и семья могли бы относиться к его гневу как к зверю или вещи, которая властвует над ним, как к чему-то внешнему. Люди обычно персонифицируют объекты и явления. Мы говорим о ветре, как будто он имеет свою собственную волю. Спрены – это такие идеи, идеи коллективного человеческого опыта, каким-то образом ожившие. Шейдсмар – место, где это происходит в первый раз, и это место принадлежит им. Хотя мы его создали, они придали ему форму. Они живут там; правят в своих собственных городах.

– Городах?

– Да, – ответила Джасна, снова обращая взгляд на океан. Она казалась обеспокоенной. – Спренов огромное количество. Некоторые так же разумны, как люди, и создают города. Другие похожи на рыб и просто плывут по течению.

Шаллан кивнула. Несмотря на то, что, по правде говоря, ей тяжело было понять все сказанное, не хотелось, чтобы Джасна останавливалась. Шаллан нуждалась в этом знании, жаждала его всей душой.

– Это имеет отношение к вашим открытиям? Насчет паршменов и Несущих Пустоту?

– Я пока что не смогла определиться. Спрены не всегда общительны. Иногда они не обладают знанием. Иногда они мне не доверяют из-за нашего древнего предательства.

Шаллан нахмурилась и посмотрела на наставницу.

– Предательства?

– Они рассказали мне о случившемся, – ответила Джасна, – но не уточнили деталей. Мы нарушили клятву, и это их очень сильно оскорбило. Думаю, некоторые спрены умерли, хотя мне непонятно, как может погибнуть идея.

Джасна повернулась к Шаллан с торжественным выражением лица.

– Я понимаю, что ты ошеломлена. Тебе придется это изучить, все целиком, если собираешься помогать мне. Ты все еще хочешь?

– У меня есть выбор?

В уголках губ Джасны показалась улыбка.

– Сомневаюсь. Ты преобразуешь самостоятельно, без помощи фабриала. Ты такая же, как я.

Шаллан стала смотреть на волны. Такая же, как Джасна. Что это значит? Почему...

Девушка замерла, моргая. На мгновение Шаллан показалось, что она увидела тот же узор, что и прежде, тот самый, заставивший листок покрыться

выпуклостями. На этот раз он виднелся в воде, нанесенный на поверхность волны, как бы немислимо это ни звучало.

– Ваша светлость... – проговорила Шаллан, схватив Джасну за руку. – Мне показалось, я увидела кое-что в воде, только что. Узор из острых линий, похожий на лабиринт.

– Покажи мне где.

– Он был на одной из волн, мы уже проплыли мимо. Но думаю, что видела его и раньше, на одном из моих листков. Это что-нибудь значит?

– Скорее всего, да. Должна признать, Шаллан, что нахожу обстоятельства нашей встречи невероятными. Подозрительно невероятными.

– Ваша светлость?

– Они в этом замешаны, – сказала Джасна. – Они привели тебя ко мне. И, похоже, все еще за тобой наблюдают. Так что, Шаллан, теперь у тебя нет выбора. Возвращаются старые времена, и я не вижу в этом хорошего знака. Спрены поступили так ради самосохранения. Они чувствуют грядущую опасность, поэтому возвращаются к нам. Теперь наше внимание должно переключиться на Разрушенные равнины и древние остатки Уритиру. Пройдет еще очень много времени, прежде чем ты вернешься домой.

Шаллан безмолвно кивнула.

– Это тебя беспокоит, – сказала Джасна.

– Да, ваша светлость. Моя семья...

Шаллан чувствовала себя предательницей по отношению к братьям, которые зависели от нее. Девушка написала им и объяснила, не вдаваясь в детали, что ей пришлось вернуть украденный преобразователь и теперь она была обязана помогать Джасне в работе.

Ответ Балата оказался, в некоторой степени, позитивным. Он радовался, что по крайней мере один из них избежал надвигающейся на их дом судьбы. Балат полагал, что остальные члены семьи – три брата и его невеста – обречены.

Возможно, они правы. Не только отцовские долги сокрушат их. Было еще то дело, связанное со сломанным преобразователем отца. Те, кто его одолжил, хотели получить устройство обратно.

К сожалению, Шаллан не сомневалась, что поиски Джасны крайне важны. Несущие Пустоту скоро вернутся. На самом деле они не были какой-то далекой угрозой из легенд, а жили среди людей веками. Послушные, тихие паршмены – идеальные слуги и рабы – на самом деле являлись разрушителями.

Остановить катастрофу возвращения Несущих Пустоту было намного более важным обязательством, чем даже защитить братьев. До сих пор больно это признавать.

Джасна изучала ее.

– Относительно твоей семьи, Шаллан. Я приняла кое-какие меры.

– Меры? – переспросила девушка, беря высокую женщину за руку. – Вы помогли моим братьям?

– Насколько смогла, – ответила Джасна. – Подозреваю, что деньги не решат проблему по-настоящему, хотя я и отправила небольшой подарок. Исходя из рассказанного тобой, проблемы твоей семьи зависят от двух вещей. Во-первых, Кровьпризраки хотят вернуть свой преобразователь – он сломан. Во-вторых, ваш дом не имеет союзников и по уши в долгах.

Джасна протянула Шаллан листок бумаги.

– Это, – продолжила она, – из разговора с моей матерью, состоявшегося сегодня утром через самоперо.

Шаллан пробежалась глазами по тексту, заметив объяснение Джасны насчет сломанного преобразователя и ее просьбу о помощи.

«Подобное происходит гораздо чаще, чем ты могла бы представить, – отвечала Навани. – Поломка, скорее всего, связана с перекосом отверстий для драгоценных камней. Привези мне устройство, и мы посмотрим, что можно сделать».

– Моя мать, – сказала Джасна, – прославленный изготовитель фабриалов. Подозреваю, она сумеет заставить твой преобразователь заработать снова. Мы сможем послать его твоим братьям, а они вернут его владельцам.

– Вы позволите мне сделать это? – спросила Шаллан.

Во время плавания она осторожно выискивала дополнительную информацию о секте, надеясь понять отца и его мотивы. Джасна заявляла, что очень мало знала о Кровьпризраках, кроме того факта, что они хотели получить ее исследование и ради него были готовы пойти на убийство.

– Я не особенно хочу, чтобы они получили доступ к такому ценному устройству, – ответила Джасна. – Но сейчас у меня нет времени защищать твою семью напрямую. Это приемлемое решение проблемы, если твои братья смогут продержаться еще немного. Скажи им правду, если потребуется – что ты, зная, что я ученый, пришла ко мне и попросила починить преобразователь. На какое-то время это их удовлетворит.

– Спасибо, ваша светлость.

Шторма. Если бы она обратилась к Джасне с самого начала, как только стала ее ученицей, насколько все было бы проще? Шаллан взглянула на листок, заметив, что разговор продолжался.

«Что касается другого дела, – писала Навани, – мне пришлось по душе твое предложение. Думаю, я смогу убедить мальчика хотя бы подумать над ним, так как его последнее увлечение закончилось достаточно неожиданно – что для него обычное дело – ранее на этой неделе».

– Что за второе дело? – спросила Шаллан, подняв взгляд от бумаги.

– Если мы всего лишь удовлетворим Кровьпризраков, то не решим проблем твоего дома, – проговорила Джасна. – Ваши долги слишком велики, особенно учитывая действия светлорда Давара, заставившие многих от вас отвернуться. Вместо этого я организовала для твоего дома сильный союз.

– Союз? Каким образом?

Джасна глубоко вдохнула. Похоже, ей не хотелось объяснять.

– Я предприняла начальные шаги, чтобы обручить тебя с одним из моих кузенов, сыном моего дяди Далинара Холина. Его имя Адолин. Он привлекателен и хорошо воспитан.

– Обручить? – спросила Шаллан. – Вы обещали ему мою руку?

– Я начала процесс, – уточнила Джасна с несвойственной ей тревогой. – Хотя временами ему недостает благоразумия, у Адолина доброе сердце, так же, как и у его отца, который, возможно, является лучшим человеком, которого я когда-либо знала. Адолин считается самым достойным женихом в Алеткаре, и моя мать давно хотела его женить.

– Обручить, – повторила Шаллан.

– Да. Это тебя огорчает?

– Это чудесно! – воскликнула девушка, сжав руку Джасны еще сильнее. – Так просто. Если я замужем за кем-то, настолько могущественным... Шторма! Никто в Джа Кеведе не посмеет нас тронуть. Решатся многие наши проблемы. Ваша светлость Джасна, вы гений!

Джасна заметно расслабилась.

– Да, что ж, решение действительно показалось приемлемым. Тем не менее я гадала, не оскорбишься ли ты.

– Почему, во имя ветров, я могла оскорбиться?

– Из-за ограничения свободы, которое подразумевает брак, – ответила Джасна. – Или потому, что предложение было сделано без твоего ведома. Мне требовалось понять, существует ли вообще такая возможность. Дело зашло дальше, чем я предполагала, когда моя мать подхватила идею. У Навани... есть тенденция поражать.

Шаллан с трудом представила, что кто-то может поразить Джасну.

– Отец Штормов! Вы волновались, что это меня оскорбит? Ваша светлость, я провела всю жизнь взаперти в отцовском особняке и выросла с мыслью, что отец выберет мне мужа.

– Но теперь ты свободна от него.

– Да, и я была так мудра в своем выборе отношений, – ответила Шаллан. – Первый же мужчина, которого я выбрала, оказался не только ардентом, но и наемным убийцей.

– Это совсем не тревожит тебя? – спросила Джасна. – Мысль быть связанной обязательствами с другим человеком, особенно с мужчиной?

– Меня же не в рабство отдают, – со смехом ответила Шаллан.

– Нет. Полагаю, что нет. – Джасна встряхнулась, ее уравновешенность вернулась. – Что ж, я передам Навани, что ты согласна с помолвкой и что нам следует устроить причинную помолвку на месте через день.

Причинная помолвка – условная помолвка в терминах воринской религии. Шаллан окажется во всех отношениях обручена, но помолвка не будет иметь законной силы до тех пор, пока ее официально не подпишут и не подтвердят арденты.

– Отец мальчика говорил мне, что никогда не станет принуждать Адолина к чему бы то ни было, – объяснила Джасна. – Хотя он и одинок с недавних пор, умудрившись оскорбить очередную молодую леди. Независимо от этого, Далинар предпочел, чтобы вы встретились перед тем, как укреплять отношения. В политическом климате на Разрушенных равнинах произошли... изменения. Армия моего дяди понесла большие потери. Еще одна причина поспешить туда.

– Адолин Холин, – сказала Шаллан, слушая вполуха. – Дуэлянт. Фантастический дуэлянт. И даже Носитель Осколков.

– А, так ты уделяла внимание чтению о моем отце и семье.

– Верно, но я знала о вашей семье задолго до этого. Алетти – центр общества! Даже девушки из сельских домов знают имена принцев алетти.

И Шаллан солгала бы, отрицая девичьи мечты встретить одного из них.

– Но, ваша светлость, вы уверены, что будет мудро заключить такой союз? Я хочу сказать, меня не назовешь самой влиятельной невестой.

– В общем, ты права. Дочь другого кронпринца могла бы больше подойти Адолину. Но, судя по всему, он сумел оскорбить каждую из достойных женщин своего уровня. Мальчик, скажем так, немного пылкий, когда дело касается отношений. Ничего такого, с чем бы ты не справилась, я уверена.

– Отец Штормов, – произнесла Шаллан, почувствовав, как слабеют ноги. – Он наследник княжества! В очереди на престол самого Алеткара!

– Третий в списке, – ответила Джасна, – после младенца-сына моего брата и Далинара, моего дяди.

– Ваша светлость, я должна спросить. Почему Адолин? Почему не младший сын? Мне... мне нечего предложить ни Адолину, ни его дому.

– Напротив, – сказала Джасна, – если ты та, кто я думаю, то сможешь предложить нечто, чего нет ни у кого другого. Кое-что более важное, чем богатство.

– Кто же я, по-вашему? – прошептала Шаллан, встретившись взглядом со старшей женщиной и в конце концов задав вопрос, на который не осмеливалась прежде.

– Прямо сейчас ты всего лишь обещание, – ответила Джасна. – Куколка с великолепным потенциалом внутри. В прошлом, когда люди и спрены были объединены, результатом становились женщины, танцующие в небе, и мужчины, которые могли уничтожать камни прикосновением.

– Павшие Сияющие. Предатели человечества.

Шаллан не могла переварить все это. Помолвка, Шейдсмар и спрены, а теперь еще ее загадочная судьба. Одно дело знать, но говорить об этом вслух...

Девушка соскользнула вниз, опершись спиной о фальшборт, не обращая внимания на то, что платье промокло, когда она опустилась на палубу. Джасна позволила ей успокоиться и, что удивительно, сама пристроилась рядом. Она сделала это с куда большим достоинством, подоткнув платье под ноги и сев боком. Обе женщины привлекли внимание моряков.

– Они разжуют меня на кусочки, – сказала Шаллан. – Двор алети. Самый безжалостный в мире.

Джасна фыркнула.

– Это больше пустой шум бури, чем настоящий шторм, Шаллан. Я подготовлю тебя.

– Я никогда не стану похожей на вас, ваша светлость. У вас есть власть, авторитет, богатство. Только посмотрите, как ведут себя с вами моряки.

– И я как-то особенно пользуюсь этими властью, авторитетом или богатством прямо сейчас?

– Вы заплатили за путешествие.

– Разве ты не оплачивала несколько поездок на этом же корабле? – спросила Джасна. – Они обращались с тобой не так, как со мной?

– Нет. О, я им нравлюсь. Но у меня нет вашего веса, Джасна.

– Я предположу, что ты не подразумеваешь обхват моей талии, – сказала Джасна с намеком на улыбку. – Твои доводы понятны, Шаллан. Но они в корне неверны.

Шаллан повернулась к принцессе. Джасна сидела на палубе корабля, как будто это был трон, с прямой спиной, приподнятой головой, повелительно. Шаллан расположилась с подтянутыми к груди ногами, ее руки охватывали их под коленями. Две женщины даже сидели по-разному. Она ни капли не походила на Джасну.

– Есть секрет, который ты должна понять, дитя, – сказала Джасна. – Секрет более важный, чем те, что относятся к Шейдсмару и спренам. Власть – это иллюзия восприятия.

Шаллан нахмурилась.

– Пойми меня правильно, – продолжила женщина. – Некоторые виды власти реальны – власть командовать армиями, власть преобразовывать. Ими пользуются гораздо реже, чем тебе кажется. На уровне личности, в большинстве взаимодействий то, что мы зовем властью – авторитетом – существует только в восприятии. Ты говоришь, я обладаю богатством. Это правда, но ты также видела, что я нечасто им пользуюсь. Ты говоришь, я обладаю властью сестры короля. Верно. И в то же время люди на корабле относились бы ко мне точно так же, даже если бы я была попрошайкой, убедившей их в том, что она сестра короля. Моя власть нереальна. Это не более чем пыль, пущенная в глаза, иллюзия. Я могу создать для них иллюзию так же, как и ты.

– Вы не убедили меня, ваша светлость.

– Я знаю. Иначе у тебя бы уже все получилось. – Джасна встала и отряхнула юбку. – Скажешь мне, если снова увидишь тот узор, который появлялся на волнах?

– Да, ваша светлость, – растерянно ответила Шаллан.

– Тогда посвяти остаток дня своему искусству. Мне нужно подумать, как лучше обучать тебя знаниям о Шейдсмаре.

Старшая женщина удалилась, кивая в ответ на поклоны моряков, когда проходила мимо, и спустилась в каюту.

Шаллан поднялась, повернулась и схватилась за бортик, одной рукой держась за бушприт. Перед ней раскинулся океан. Набегающие волны, запах холодной свежести. Ритмичное потрескивание разрезавшей волны корабля.

Слова Джасны сталкивались в голове, как небоугри, борющиеся за одну крысу. Спрены с городами? Шейдсмар, королевство, которое находилось вокруг, но невидимое? Неожиданное обручение с самым завидным женихом в мире?

Шаллан покинула нос корабля и прошла вдоль борта, касаясь свободной рукой ограждения. Какой ее видели моряки? Они улыбались, махали рукой. Она им нравилась. Йалб, лениво свесившийся со снастей неподалеку, позвал ее и сказал, что в следующем порту будет статуя, которую ей обязательно нужно посмотреть.

– Там одна гигантская ступня, юная барышня. Просто ступня! Неоконченная штормовая статуя...

Шаллан улыбнулась ему и продолжила путь. Хотела ли она, чтобы они смотрели на нее так, как смотрели на Джасну? Всегда испуганно, всегда волнуясь, что возможно сделали что-то не так? В этом заключалась власть?

«Когда я впервые плыла из Веденара, – подумала девушка, добравшись до того места, где был привязан ящик, – капитан продолжал убеждать меня вернуться домой. Он считал мою миссию дурацкой затеей».

Тозбек всегда вел себя так, будто оказывал ей услугу, перевозя вслед за Джасной. Неужели, наняв их, Шаллан должна все время чувствовать себя обузой для него и команды? Да, он предложил скидку, так как в прошлом вел дела с отцом, но она все еще предоставляла ему работу.

Подобное отношение, возможно, было отличительной чертой тайленских купцов. Если капитан мог заставить почувствовать кого-то обязанным ему, то такой человек заплатил бы больше. Шаллан нравился Тозбек, но ей хотелось, чтобы их отношения складывались по-другому. Джасна никогда бы не потерпела подобного.

Сантид все еще плыл поблизости. Он походил на крошечный подвижный остров, на спине которого росли морские водоросли, а из раковины выступали маленькие кристаллы.

Шаллан развернулась и направилась на корму, где капитан Тозбек разговаривал с одним из своих людей, указывая на карту, покрытую глифами. Он кивнул ей, когда она приблизилась.

– Просто предупреждение, юная барышня, – сказал он. – Порты скоро станут менее удобными. Мы покидаем Долгобровый пролив, огибая восточную часть континента, и направляемся в Новый Натанан. Отсюда и до Прибрежных Крипт нет ничего интересного, да и там не на что смотреть. Я бы не послал даже собственного брата по берегу без охраны, а он убил семнадцать человек голыми руками, вот так-то.

– Я понимаю, капитан, – ответила Шаллан. – И благодарю вас. Я пересмотрела свое предыдущее решение. Мне нужно, чтобы вы остановили корабль и позволили мне изучить существо, плывущее около нас.

Тозбек вздохнул и прошелся пальцами по жесткой, колосистой брови – так, как обычные мужчины поступали со своими усами.

– Ваша светлость, это нецелесообразно. Отец Штормов! Если я уроню вас в океан...

– Стало быть, я вымокну, – проговорила Шаллан. – В подобном состоянии я оказывалась пару раз в жизни.

– Нет, я просто не могу разрешить такое. Как я сказал, мы сводим вас посмотреть на ракушки в...

– Не можете разрешить? – перебила Шаллан.

Девушка окинула капитана взглядом, выражающим, как она надеялась, недоумение, рассчитывая, что он не заметит, как сильно сжались ее руки. Шторма, она ненавидела конфликты.

– Я не знала, что попросила вас о чем-то, что в вашей власти разрешить или не разрешить, капитан. Остановите корабль. Спустите меня вниз. Это приказ.

Шаллан старалась говорить так же убедительно, как это сделала бы Джасна. Казалось, что проще противостоять сверхшторму, чем не согласиться с принцессой.

Тозбек открыл было рот, но не издал ни звука, как будто тело пыталось продолжить возражения, но разум запаздывал.

– Это мой корабль... – в итоге выговорил он.

– С вашим кораблем ничего не случится, – сказала Шаллан. – Давайте все сделаем быстро, капитан. У меня нет желания чрезмерно задерживать наше прибытие в порт сегодня вечером.

Она оставила его, зашагав назад к своему ящику. Сердце колотилось, руки дрожали. Шаллан присела, отчасти чтобы успокоиться.

Тозбек начал отдавать приказы сильно раздраженным голосом. Паруса приспустили, корабль замедлил ход. Шаллан выдохнула, чувствуя себя дурой.

И все же то, о чем говорила Джасна, сработало. Новое поведение Шаллан как-то повлияло на Тозбека. Иллюзия? Как сами спрены, может быть? Частицы человеческих ожиданий, получившие жизнь?

Сантид замедлил движение вместе с ними. Шаллан поднялась, нервничая, в то время как моряки приблизились с веревкой. Они неохотно завязали петлю на конце веревки так, чтобы девушка могла просунуть туда ступню, и объяснили, что нужно крепко держаться за веревку, пока ее будут спускать. Моряки надежно обвязали вторую, более короткую веревку вокруг талии Шаллан, чтобы, в случае чего, вытянуть ее, мокрую и униженную, назад на палубу. По их мнению, это было неизбежно.

Шаллан сняла туфли и вскарабкалась на бортик, следуя инструкциям. Было ли так ветрено раньше? На мгновение у нее закружилась голова, пока она стояла, опираясь о самый краешек пальцами ног в чулках. Платье затрепетало в налетевшем бризе. Спрены ветра засновали вокруг и сформировались в лицо с облаками на заднем плане. Шторма, им лучше не пытаться ей мешать. Неужели причиной их озорных привычек стало человеческое воображение?

Шаллан нетвердо ступила в веревочную петлю, как только моряки опустили ее к ногам, затем Йалб передал маску, о которой рассказывал.

Из трюма появилась оглядывающаяся по сторонам Джасна. Она увидела Шаллан, стоящую на бортике корабля, и недоуменно выгнула бровь.

Шаллан пожала плечами и жестами показала, чтобы ее опускали.

Дюйм за дюймом приближаясь к воде, она запретила себе думать о том, что выглядит глупо. Редкое животное покачивалось на волнах. Мужчины остановили спуск в футе или двух над поверхностью воды. Шаллан надела маску, удерживаемую завязками и закрывающую лицо почти целиком, включая нос.

– Ниже, – прокричала она морякам.

Шаллан подумала, что может ощутить их нерешительность по тому, как вяло опускалась веревка. Ее ступня коснулась воды, обжигающий холод пополз вверх по ноге. Отец Штормов! Но она не приказала остановиться. Шаллан позволила опустить себя пониже, пока ноги не погрузились в ледяную воду. Юбка надулась пузырем, что очень раздражало, и девушке фактически пришлось

наступить на ее край внутри петли, чтобы юбка не поднялась до талии и не осталась плавать на поверхности, пока проходило погружение.

Несколько мгновений Шаллан сражалась с тканью, радуясь, что мужчины наверху не видели, как она покраснела. Когда платье намокло, справиться с ним оказалось проще. В конце концов она смогла сесть на корточки, все еще крепко держась за веревку, и погрузиться в воду до уровня талии.

Затем Шаллан нырнула с головой под воду.

Свет проходил сквозь поверхность мерцающими, сияющими столбами. Здесь кипела неистовая, удивительная жизнь. Крошечные рыбки сновали взад-вперед, собираясь под внутренней стороной раковины, затенявшей огромное существо. Шишковатый, словно древнее дерево, с шероховатой складчатой кожей, сантид оказался животным с длинными вислыми голубыми щупальцами, как у медузы, только гораздо толще. Они исчезали в глубине, наклонно следуя за морским гигантом.

Само существо представляло собой морщинистую серо-голубую массу под раковиной. Древние складки окружали единственный со стороны Шаллан глаз, по всей видимости, имеющий близнеца на другом боку. Сантид казался громоздким, но в то же время величественным, с сильными плавниками, как будто движимыми гребцами. Несколько странных спренов в форме стрел перемещались в воде вокруг животного.

Стаи рыб металась неподалеку. Хотя глубины выглядели пустыми, пространство вокруг сантида кишело жизнью, так же, как и пространство под кораблем. Крошечные рыбки собирались под днищем судна. Они плавали между сантидом и кораблем, иногда поодиночке, иногда косяками. Неужели в этом заключалась причина, по которой сантид следовал за кораблем? Дело в рыбе?

Шаллан взглянула на сантида, и его глаз размером с человеческую голову повернулся к ней, фокусируясь, наблюдая. В этот момент она не ощущала холод, не чувствовала себя смущенной. Шаллан смотрела на мир, который, насколько ей было известно, не посещал ни один ученый.

Она моргнула, сохранив воспоминание о животном, запоминая его для дальнейших набросков.



Нашим первым ключом были паршенди. Уже за несколько недель до того, как бросить поиски гемсердец, они стали сражаться по-другому. После битв они задерживались на возвышенностях, как будто ожидая чего-то.

Из дневника Навани Холин, джесесес, 1174 г.

Дыхание.

Дыхание – это жизнь. Выдыхаемая понемногу обратно в мир. Каладин глубоко дышал с закрытыми глазами, и пока ничего больше не слышал. Его собственная жизнь. Вдох-выдох, до раскатов грома в груди.

Дыхание. Его собственный маленький шторм.

Дождь снаружи прекратился. Мостовик все сидел в темноте. Когда умирают короли и богатые светлоглазые, их тела не сжигают, как тела обычных людей. Их *преобразуют* в статуи из камня или металла, застывающие навеки.

Тела темноглазых сжигали. Они становились дымом и, словно сожженная молитва, поднимались к небесам и тому, что там ожидало.

Дыхание. Дыхание светлоглазых не отличалось от дыхания темноглазых. Оно не было ни более свежим, ни более свободным. Дыхание королей и рабов смешивалось, и люди вдыхали эту смесь снова и снова.

Каладин встал и открыл глаза. Он провел сверхшторм в темноте своей маленькой комнаты в новом бараке Четвертого моста. В одиночестве. Мостовик пошел к двери, но остановился и положил пальцы на плащ, который, как он знал, висел здесь, на крючке. В такой темноте он бы не смог различить ни глубокий синий цвет плаща, ни глиф Холина в виде знака Далинара на его спине.

Казалось, любая перемена в жизни Каладина была отмечена штормом. Этот оказался довольно мощным. Каладин распахнул дверь и вышел на свет свободным человеком.

Плащ он пока оставил.

Четвертый мост приветствовал его появление. По традиции в шторм они выходили помыться и побриться. Камень брил каждого по порядку, и очередь уже почти вся прошла. Большой рогоед тихонько напевал себе под нос, орудуя лезвием над лысеющей головой Дрехи. Воздух после дождя был влажным, и

размытая яма для костра неподалеку осталась единственным напоминанием о рагу, которое они съели вчера вечером.

Во многих отношениях это место не так уж сильно отличалось от лесных складов, которые они покинули не так давно. Длинные прямоугольные бараки из камня, скорее *преобразованные*, чем выстроенные вручную, походили на громадные каменные бруски. Однако сбоку у каждого имелось еще несколько комнат для сержантов, с отдельными выходами наружу. На стенах были нанесены символы взводов, располагавшихся здесь прежде. Людям Каладина придется их закрасить.

– Моаш, – позвал Каладин. – Шрам, Тефт.

Трое мужчин подбежали к нему, разбрызгивая лужи, оставленные штормом. Они носили одежду мостовиков: простые штаны до колен и кожаные жилеты на голое тело. Шрам оставался на ногах, несмотря на рану на ступне. Он явно прилагал усилия, чтобы не хромать. Пока что Каладин не приказывал ему оставаться в постели – рана не так уж плоха, а ему нужен этот человек.

– Хочу посмотреть, что у нас есть, – сказал Каладин, уводя их от барака.

Строение вмещало пятьдесят человек и полдюжины сержантов. По обеим его сторонам располагались другие бараки. Каладину выделили целый квартал в двадцать бараков, чтобы разместить его новый батальон бывших мостовиков.

Двадцать бараков. Тот факт, что Далинар смог так легко найти для них столько места, подтверждал ужасную правду – цену предательства Садеаса. Тысячи мужчин погибли. И действительно, у некоторых бараков работали женщины-писцы, руководя паршменами, выносившими кучи одежды и других личных вещей. Имущество погибших.

Многие из этих писцов ходили с покрасневшими глазами, измотанные, старающиеся сохранять самообладание. Благодаря Садеасу появились тысячи новых вдов и, вероятно, столько же сирот. Если бы Каладину была нужна еще какая-то причина, чтобы ненавидеть этого человека, он мог отыскать ее здесь, выраженную в страданиях тех, чьи мужья доверились Садеасу на поле боя.

Для Каладина не существовало греха большего, чем предательство союзников в битве. Кроме, может быть, предательства своих собственных людей – их убийства после того, как они рисковали жизнями ради твоей защиты. Каладин почувствовал мгновенную вспышку гнева при мысли об Амараме и о том, что совершил светлорд. Рабское клеймо словно горело на лбу.

Амарам и Садеас. Двое людей в жизни Каладина, которые рано или поздно должны заплатить за содеянное. И желательно, чтобы плата была серьезной.

Каладин продолжал шагать вместе с Тефтом, Моашем и Шрамом. Те бараки, что медленно освобождали от личных вещей, также заполнились мостовиками. Они во многом выглядели как мужчины из Четвертого моста – те же жилеты и штаны до колен. И все же, в каком-то другом смысле, они не могли выглядеть менее похожими на мостовиков из Четвертого. Лохматые, с бородами, которые не стригли месяцами. Их опустевшие глаза, казалось, почти не моргали. Сгорбленные спины. Лишенные выражения лица.

Судя по всему, каждый человек сидел сам по себе, даже когда находился среди товарищей.

– Я помню это ощущение, – тихо произнес Шрам. Невысокий жилистый мужчина обладал резкими чертами лица и поседевшими висками, несмотря на то, что ему было немного за тридцать. – Не хочу, но помню.

– И мы должны превратить вот это в армию? – спросил Моаш.

– У Каладина получилось с Четвертым мостом, так? – ответил Тефт, наставив палец на Моаша. – Он делает это снова.

– Переделать несколько десятков человек – не то же самое, что переделать несколько сотен, – ответил Моаш, отбросив пинком ветку, принесенную свершштормом.

Моаш был высоким и плотным, со шрамом на подбородке, но без рабской отметины на лбу. Он ходил с прямой спиной и высоко поднятой головой. Если бы не его темно-карие глаза, мостовик мог бы сойти за офицера.

Каладин вел троих мужчин вдоль казарм, производя быстрый подсчет. Около тысячи человек, и хотя вечером он объявил им, что они теперь свободны и могут вернуться к прежней жизни, если пожелают, по всей видимости, лишь немногие хотели заниматься чем-то еще, кроме как просто сидеть на одном месте. Изначально существовало сорок бригад мостовиков, но в последнем штурме многих уничтожили, а в оставшихся не хватало людей.

– Сделаем из них двадцать бригад, – сказал Каладин, – где-то по пятьдесят человек в каждой.

Сверху ленточкой света слетела Сил и заплесала вокруг него. Мужчины никак не отреагировали на ее появление; должно быть, для них она оставалась невидимой.

– Мы не можем обучить каждого из этой тысячи персонально, во всяком случае, не с самого начала. Мы натренируем самых активных из них и отправим обратно – руководить и обучать свои собственные бригады.

– Согласен, – проговорил Тефт, потирая подбородок.

Самый старший среди мостовиков, он являлся одним из немногих, кто носил бороду. Большинство остальных сбрили их в знак гордости, чтобы выделить членов Четвертого моста из обычных рабов. Тефт поддерживал свою бороду в опрятности по той же причине. Она была коричневой там, где ее не коснулась седина, коротко подстриженной и имела квадратную форму, почти как у ардентов.

Моаш скорчил гримасу, посмотрев на мостовиков.

– Ты полагаешь, некоторые из них будут «самыми активными», Каладин. По мне, они все выглядят одинаково уныло.

– Некоторые до сих пор способны на борьбу, – ответил Каладин, продолжив путь обратно к Четвертому мосту. – Для начала те, кто присоединился к нам у костра прошлой ночью. Тефт, мне потребуется, чтобы ты выбрал остальных. Организуй и объедини бригады, потом выбери сорок человек, по двое из каждой, для начального обучения. Руководить обучением будешь ты. Эти сорок человек станут источником помощи остальным.

– Думаю, что справлюсь.

– Хорошо. Я выделю несколько парней тебе в помощь.

– Несколько? – переспросил Тефт. – Мне бы пригодились чуть больше, чем несколько...

– Ты должен будешь справиться с несколькими, – ответил Каладин, остановившись на тропинке и повернувшись к западу в сторону королевского комплекса за лагерной стеной. Комплекс возвышался на скале, как бы наблюдая за остальными военными лагерями. – Большинство из нас окажется задействовано в защите Далинара Холина.

Моаш и остальные остановились рядом с Каладином. Он прищурился и окинул взглядом дворец. Тот определенно не выглядел достаточно величественным, чтобы служить пристанищем королю, – здесь, на равнинах, все было просто камнем.

– Ты готов довериться Далинару? – спросил Моаш.

– Он отдал за нас свой Клинок Осколков, – ответил Каладин.

– Он нам задолжал, – проворчал Шрам. – Мы спасли его штормовую жизнь.

– Возможно, это всего лишь позерство, – заметил Моаш, сложив руки на груди. – Политические игры, он и Садеас попытаются манипулировать друг другом.

Сил опустилась на плечо Каладина, приняв образ молодой девушки в ниспадающем полупрозрачном бело-голубом платье. Она крепко сжала руки, посмотрев наверх, на королевский комплекс, куда отправился строить планы Далинар Холин.

Он сказал Каладину, что собирается сделать что-то, что разозлит множество людей.

«Я заберу у них игрушки...»

– Нам нужно сохранить жизнь этому человеку, – произнес Каладин, поворачиваясь к остальным. – Не знаю, доверяю ли я ему, но он единственный на этих равнинах, кто продемонстрировал хотя бы долю сочувствия к мостовикам. Если он умрет, угадайте, сколько времени понадобится его преемнику, чтобы продать нас обратно Садеасу?

Шрам насмешливо фыркнул.

– Хотелось бы посмотреть, как они попытаются это сделать, если у нас во главе Сияющий рыцарь.

– Я не Сияющий.

– Ладно, как угодно, – ответил Шрам. – Кем бы ты ни был, им будет непросто забрать нас у тебя.

– Думаешь, я смогу сражаться сразу со всеми, Шрам? – спросил Каладин, встретившись с ним глазами. – С десятками Носителей Осколков? Десятками тысяч солдат? Считаешь, какой-то один человек способен на такое?

– Не какой-то один человек, – ответил Шрам упрямо. – Ты.

– Я не бог, Шрам, – сказал Каладин. – Я не смогу выдержать вес десяти армий. – Он повернулся к остальным. – Мы решили остаться здесь, на Разрушенных равнинах. Почему?

– Что толку бегать? – спросил Тефт, пожав плечами. – Даже свободных, нас все равно призовут в ту или иную армию там, в горах. Или так, или умрем с голода.

Моаш кивнул.

– Это место ничем не хуже других до тех пор, пока мы свободны.

– Далинар Холин – наша лучшая надежда на настоящую жизнь, – сказал Каладин. – Телохранители не подлежат призыву. Свободные люди, несмотря на отметины на лбу. Никто больше не даст нам этого. Если нам нужна свобода, мы должны сохранить жизнь Далинару Холину.

– А что насчет Убийцы в Белом? – тихо спросил Шрам.

Они слышали о том, что творил этот человек в мире, жестоко убивая королей и кронпринцев всех наций. Слухи распространялись по лагерям с тех самых пор, как через самоперо начали просачиваться донесения. Император Азира мертв. Джа Кевед в хаосе. Полдесятка других государств остались без правителей.

– Он уже убил нашего короля, – ответил Каладин. – Старый Гавилар стал первой жертвой убийцы. Нам просто остается надеяться, что здесь он закончил. Как бы там ни было, мы защитим Далинара. Любой ценой.

Мостовики кивнули один за другим, хотя и сделали это с недовольством. Он не винил их. Доверие к светлоглазым мало что дало им – даже Моаш, который когда-то хорошо отзывался о Далинаре, теперь, похоже, больше не испытывал к нему приязни. Так же, как и к другим светлоглазым.

Честно говоря, Каладин и сам немного удивлялся себе и тому доверию, которое ощущал. Но, шторм побери, Сил нравился Далинар. Это многое значило.

– Сейчас мы слабы, – проговорил Каладин, понизив голос. – Но если мы подыграем в этой ситуации какое-то время, защищая Холина, нас щедро

вознаградят. Я смогу тренировать вас – тренировать по-настоящему – как солдат и офицеров. Кроме того, мы сможем обучить остальных. У нас никогда не получилось бы осуществить все это, будь мы всего лишь двумя десятками бывших мостовиков. Но что, если мы превратимся в высококвалифицированную наемную силу в тысячу солдат, экипированных лучшим снаряжением в военных лагерях? Если, на худой конец, нам придется покинуть лагерь, я бы предпочел сделать это в качестве сплоченной закаленной группы, которую нельзя игнорировать. Дайте мне год с нашей тысячей, и я смогу осуществить свой замысел.

– Вот такой план мне по душе, – сказал Моаш. – Мне удастся поучиться владению мечом?

– Мы все еще остаемся темноглазыми, Моаш.

– Только не ты, – проговорил Шрам с другой стороны. – Я видел твои глаза во время...

– Стоп! – воскликнул Каладин. Он глубоко вздохнул. – Прекрати. Нечего об этом болтать.

Шрам замолчал.

– Я собираюсь сделать вас офицерами, – сказал им Каладин. – Вы трое, а также Сигзил и Камень станете лейтенантами.

– Темноглазые лейтенанты? – спросил Шрам. Это звание обычно использовалось как эквивалент сержантов в обществе, состоящем из одних светлоглазых.

– Далинар сделал меня капитаном, – ответил Каладин. – Самое высокое звание, которое, по его словам, он осмелился присвоить темноглазому. Что ж, мне необходимо придумать целую командную систему для тысячи человек, и нам понадобится что-то между сержантом и капитаном. Поэтому я назначаю вас пятерых лейтенантами. Думаю, Далинар позволит, чтобы это сошло мне с рук. Мы назначим мастер-сержантов, если будет нужно еще одно звание. Камень будет интендантом и ответственным за еду для всей тысячи. Я назначу Лоупена его заместителем. Тефт, ты руководишь обучением. Сигзил будет нашим писцом. Он единственный, кто умеет читать глифы. Моаш и Шрам...

Каладин посмотрел на двух мужчин. Один низкий, другой высокий, они двигались одинаково, плавной походкой, опасные, всегда с копьями на плечах. Они никогда не расставались с ними. Из всех людей Четвертого моста, которых он тренировал, только эти двое понимали его инстинктивно. Они были убийцами.

Как и сам Каладин.

– Мы трое, – сказал им Каладин, – должны сосредоточиться на охране Далинара Холина. Я хочу, чтобы всегда, когда это возможно, один из нас трое охранял его лично. Часто один из двух оставшихся будет присматривать за его сыновьями, но не ошибитесь, именно Терновника мы должны сохранить живым. Любой ценой. Он – наша единственная гарантия свободы для Четвертого моста.

Все кивнули.

– Хорошо, – продолжил Каладин. – Пойдем к остальным. Теперь пришло время миру увидеть вас такими, какими вижу я.

По общему соглашению, Хоббер сел первым, чтобы сделать татуировку. Этот щербатый мужчина одним из первых поверил в Каладина. Каладин помнил тот день: выдохшийся после бега с мостом, он хотел просто лечь и смотреть в никуда. Вместо этого он решил спасти Хоббера, не дать ему умереть. В тот день Каладин спас и самого себя.

Остальные мужчины Четвертого моста стояли вокруг Хоббера в палатке и молча наблюдали, как татуировщица аккуратно работала над его лбом, покрывая

шрамы от метки раба глифами, нарисованными Каладином. Раз за разом Хоббер морщился от боли, но не переставал ухмыляться.

Каладин слышал, что шрамы можно скрыть татуировкой, и оказалось, что это действительно так. Стоило вколоть чернила – глиф притягивал глаз, и уже не скажешь, что под ним шрам.

Как только работа была закончена, татуировщица поднесла зеркало, чтобы Хоббер мог взглянуть на себя. Мостовик нерешительно дотронулся до лба. Кожа покраснела от уколов иголок, но черная татуировка идеально скрывала рабское клеймо.

– Что она обозначает? – тихо спросил Хоббер со слезами на глазах.

– Свобода, – ответил Сигзил, прежде чем Каладин успел вставить хоть слово. – Этот глиф означает «свобода».

– Меньшие по размеру над ним, – произнес Каладин, – дата, когда тебя освободили, и имя того, кто это сделал. Даже если ты потеряешь приказ о своем освобождении, любой, кто попытается лишить тебя свободы за побег, легко отыщет доказательство, что ты не раб. Они смогут обратиться к писцам Далинара Холина, у которых хранится копия твоего приказа.

Хоббер кивнул.

– Все хорошо, но этого недостаточно. Добавьте к татуировке «Четвертый мост». «Свобода, Четвертый мост».

– Ты подразумеваешь, что тебя освободили из Четвертого моста?

– Нет, сэр. Меня освободили не из Четвертого моста. Меня освободил он сам. Я не променяю время, проведенное в нем, ни на что другое.

Бред. Четвертый мост олицетворял смерть – множество мужчин погибло во время переноски проклятого моста. Даже после того, как Каладин решил спасти людей, он потерял слишком многих. Хоббер был бы глупцом, не воспользовавшись возможностью улизнуть.

И все же он упрямо досидел до конца, пока Каладин рисовал соответствующие глифы для татуировщицы – спокойной крепкой темноглазой женщины, выглядевшей так, будто она могла поднять мост в одиночку. Устроившись на сиденье, она начала добавлять два глифа на лоб Хоббера, прямо под глиф свободы. Женщина работала и снова объясняла, что татуировка будет болеть несколько дней и как Хоббер должен заботиться о ней.

Во время нанесения новых татуировок ухмылка не сходила с его лица. Настоящая глупость, но остальные согласно кивали, похлопывая Хоббера по руке. После Хоббера его место быстро занял Шрам, нетерпеливо потребовавший такой же набор татуировок.

Каладин отступил назад, сложив руки на груди, и покачал головой. Снаружи палатки шумел рынок, совершались покупки и продажи. «Военный лагерь» был настоящим городом, выстроенным внутри огромного каменного образования, похожего на кратер. Война, продолжавшаяся на Разрушенных равнинах, привлекла торговцев всех мастей наряду с лавочниками, художниками и даже семьями с детьми.

Моаш с озабоченным лицом стоял неподалеку, наблюдая за татуировщицей. Не только у него в бригаде мостовиков не имелось рабского клейма. Отметины не было и у Тефта. Они стали мостовиками, формально не будучи рабами. Подобное часто случалось в лагере Садеаса, бригады мостовиков были наказанием, которое наступало за любой проступок.

– Если у вас нет рабского клейма, – громко объявил Каладин людям, – вам необязательно делать татуировку. Вы по-прежнему одни из нас.

– Нет, – ответил Камень. – Я сделаю себе эту штуку.

Он настоял на том, чтобы занять место после Шрама и сделать себе татуировку прямо на лбу, хотя у него и не было клейма. Более того, каждый из тех,

кто не обладал отметиной раба, включая Белда и Тефта, садились и делали то же самое.

Воздержался только Моаш, он сделал татуировку на предплечье. Хорошо. В отличие от большинства из них, ему не требовалось объявлять всем вокруг о бывшем рабстве на самом видном месте.

Моаш поднялся со стула, и его место занял следующий. Мужчина с красно-черной, похожей на камень кожей в мраморных узорах. Четвертый мост был очень разномастным, но Шен сам по себе представлял отдельный класс. Паршмен.

– Я не могу сделать ему татуировку, – сказала художница. – Он является собственностью.

Каладин открыл рот, чтобы возразить, но другие мостовики его опередили.

– Его освободили так же, как и нас, – проговорил Тефт.

– Он член бригады, – добавил Хоббер. – Сделайте ему татуировку или не получите от нас ни одной сферы.

Он покраснел после своих слов, бросив взгляд на Каладина. Капитан должен был оплатить работу сферами, выданными Далинаром Холином.

Другие мостовики поддержали идею, в итоге татуировщица вздохнула и сдалась. Она пододвинула стул и начала работать надо лбом Шена.

– Ее даже не будет видно, – проворчала она, хотя кожа Сигзила была почти такой же темной, как кожа Шена, а на нем татуировка виднелась отчетливо.

В конце концов Шен взглянул на себя в зеркало и встал. Он посмотрел на Каладина и кивнул. Шен мало разговаривал, и Каладин не знал, что о нем думать. На самом деле о паршмене было легко позабыть, обычно он тихо следовал в хвосте группы мостовиков, невидимый. Паршмены часто вели себя подобным образом.

С Шеном закончили, остался один Каладин. Он сел и закрыл глаза. Боль от иголок оказалась гораздо сильнее, чем он ожидал.

Скоро татуировщица начала ругаться себе под нос.

Каладин открыл глаза, когда она протерла его лоб.

– В чем дело? – спросил он.

– Чернила не схватываются! – воскликнула женщина. – Я никогда не видела такого прежде. Когда я протираю ваш лоб, все чернила просто сходят! Татуировка не будет держаться.

Каладин вздохнул, поняв, что у него в венах бушует немного штормсвета. Он даже не заметил, как втянул его. Удерживать штормсвет становилось все легче. В последние дни он часто набирал немного внутрь, прогуливаясь по округе. Процесс походил на заполнение бурдюка вином – если ты наполнял его под завязку и не останавливался, вино начинало выплескиваться, а затем вытекало совсем тонкой струйкой. То же самое и со штормсветом.

Каладин избавился от него, надеясь, что татуировщица не заметила, как он выдохнул небольшое облачко светящегося дыма.

– Попробуйте снова, – сказал мостовик, когда она достала новые чернила.

На этот раз татуировка получилась. Каладин высидел весь процесс со сжатыми от боли зубами, а затем взглянул на себя в зеркало, поднесенное татуировщицей. Лицо, смотревшее на Каладина, казалось чужим. Чисто выбритое, с волосами, откинутыми назад, чтобы нанести татуировку, и замаскированным клеймом раба, на мгновение забытым.

«Смогу ли я стать этим человеком вновь? – подумал он, поднявшись и дотронувшись рукой до щеки. – Разве этот человек не умер?»

Сил приземлилась на его плечо и посмотрела в зеркало вместе с ним.

– Жизнь перед смертью, Каладин, – прошептала она.

Он бессознательно втянул в себя штормсвет. Совсем немного, малую часть содержимого сферы. Энергия растеклась по венам, как давящая волна, как ветер, запертый в маленьком замкнутом пространстве.

Татуировка на лбу расплылась. Тело отторгло чернила, они начали стекать по лицу. Татуировщица ругнулась снова и схватилась за тряпку. Каладину оставалось смотреть, как растекаются глифы. Растаяла «свобода», под ней остались жестокие шрамы его пленения. С ярко выделяющимся выжженным глифом.

Шаш. Опасен.

Женщина вытерла его лицо.

– Я не знаю, почему это происходит! Мне казалось, что в этот раз она будет держаться. Я...

– Все нормально, – сказал Каладин, взяв тряпку, и встал, заканчивая чистить лицо. Он повернулся к остальным мостовикам, ставшим солдатами. – Похоже, шрамы еще не отпускают меня. Позже я попробую еще раз.

Все кивнули. Вскоре он объяснит им, что случилось; они знали о его способностях.

– Пошли, – скомандовал Каладин, бросив маленький мешочек со сферами татуировщице, и взял свое копье, стоявшее рядом со входом в палатку.

Остальные присоединились к нему с копьями на плечах. В лагере не нужно было вооружаться, но Каладин хотел, чтобы мостовики привыкли к мысли, что теперь могут свободно носить оружие.

Снаружи шумел переполненный рынок. Палатки, конечно, сложили и убрали на время вчерашнего свержшорма, но уже поставили снова. Возможно, из-за того, что он думал о Шене, Каладин заметил паршменов. Его беглый взгляд выхватывал десятки рабов, устанавливающих несколько последних палаток, помогающих владельцам магазинов раскладывать товар, несущих покупки светлоглазых.

«Что они думают о войне на Разрушенных равнинах? – задался вопросом Каладин. – О войне до поражения и, скорее всего, порабощения единственных свободных паршменов в мире?»

Хотелось бы ему получить ответы от Шена на такие вопросы. Но, видимо, все, чего он мог добиться от паршмена, это пожатие плечами.

Каладин вел своих людей через рынок, который казался намного более дружелюбным, чем его аналог в лагере Садеаса. Хотя некоторые тарацились на мостовиков, никто не смеялся презрительно, а пререкания за соседними прилавками хоть и были активными, но не переходили в крики. Создавалось впечатление, что здесь меньше оборванцев и попрошайек.

«Тебе просто хочется верить, – подумал Каладин. – Тебе хочется верить в то, что Далинар таков, как о нем говорят. Благородный светлоглазый из легенд. Но все говорили то же самое об Амарае».

По мере продвижения они миновали нескольких солдат. Их было слишком мало. Те, кто остались в лагере на дежурстве, в то время как другие отправились в гибельную атаку, во время которой Садеас предал Далинара. Когда мостовики проходили мимо одной из групп, патрулирующих рынок, Каладин заметил впереди двух мужчин, поднявших руки перед собой, скрестив их у запястий.

Откуда они узнали о старом приветственном салюте Четвертого моста, да еще так быстро? Эти солдаты изобразили не полный салют, а всего лишь небольшой жест, но склонили головы перед Каладином и его людьми, когда те проходили мимо. Внезапно Каладин взглянул на более спокойную обстановку рынка с другой стороны. Возможно, дело не просто в порядке и организации в армии Далинара.

В воздухе над лагерем чувствовался благоговейный страх. Тысячи солдат погибли из-за предательства Садеаса. Каждый здесь, скорее всего, знал кого-то из погибших на плато. И каждый, возможно, задавался вопросом, обострится ли конфликт между двумя кронпринцами.

– Приятно, когда в тебе видят героя, да? – спросил Сигзил, шагая рядом с Каладином и наблюдая за еще одной группой солдат, проходящих мимо.

– Как думаешь, сколько еще продлится эта доброжелательность? – спросил Моаш. – Сколько пройдет времени, прежде чем они начнут возмущаться?

– Эй! – Камень, возвышающийся позади Моаша, хлопнул его по плечу. – Сегодня никаких жалоб! Ты занимаешься этим слишком часто. Не заставляй меня отвесить тебе пинок. Мне не нравится пинаться. Ноге больно.

– Отвесить мне пинок? – фыркнул Моаш. – У тебя даже копья нет, Камень.

– Копья не для того, чтобы отвешивать пинки тем, кто жалуется. Но большая нога ункалаки, как у меня, – как раз то, что нужно для такого дела! Эй! Ясно, да?

Каладин вывел своих людей с рынка к большому прямоугольному строению около казарм. Оно было сооружено из обработанного камня, а не с помощью *преобразования*, что позволяло внести гораздо больше изящества в конструкцию. Таких строений в военных лагерях становилось все больше, так как прибывали каменотесы.

Преобразование оставалось самым быстрым способом постройки, но также более дорогим и менее гибким. Каладин мало что знал о нем, только то, что преобразователи были ограничены в своих возможностях. По этой причине все бараки практически одинаковы.

Каладин провел своих людей внутрь возвышающегося строения к стойке, за которой седой мужчина с отвисшим животом наблюдал за несколькими паршменами, укладывающими рулоны синей ткани. Ринд, главный интендант Холинов. Пройшей ночью Каладин получил инструкции явиться к нему. Ринд был светлоглазым, но, что называется, «десятиником» – имеющим низкий ранг, немного выше темноглазых.

– Ага! – воскликнул Ринд высоким голосом, не соответствующим его объемам. – Наконец-то вы здесь! Я все приготовил для вас, капитан. Все, что у меня осталось.

– Осталось? – переспросил Моаш.

– Униформа Кобальтовой стражи! Я заказал несколько новых мундиров, но это все, что оставалось на складе. – Ринд немного успокоился. – Не ожидал, что их понадобится так много и так скоро, понимаете ли.

Он осмотрел Моаша с головы до ног, протянул ему форму и указал на место для переодевания. Моаш взял ее.

– Мы будем носить наши кожаные жилеты поверх этого?

– Ха! – воскликнул Ринд. – Те, на которых пришито так много костей, что вы выглядите, как какой-нибудь западный носитель черепов во время праздника? Слышал про них. Но нет, светлорд Далинар сказал, что вы все должны быть экипированы нагрудниками, стальными шлемами, новыми копьями. И кольчугами для сражения, если они вам понадобятся.

– На сегодня, – сказал Каладин, – хватит и униформы.

– Думаю, я буду глупо в этом выглядеть, – проворчал Моаш, но ушел переодеваться.

Ринд раздал униформу остальным. Он наградил Шена странным взглядом, но безропотно выделил паршмену новый комплект.

Мостовики в нетерпении сбились в кучу, оживленно болтая и разворачивая свои обновки. Прошло много времени с тех пор, как кто-то из них носил что-то,

отличающееся от кожаных жилетов мостовиков или одежды рабов. Когда вышел Моаш, они перестали болтать.

Эта форма оказалась новее, современной, чем та, которую Каладин носил во время прежней службы. Жесткие синие штаны и черные ботинки, отполированные до блеска. Белая рубашка на пуговицах, лишь часть воротника и манжетов которой выступали за края мундира, который, в свою очередь, спускался до талии и застегивался под поясом.

– Теперь это солдат! – воскликнул интендант со смехом. – Все еще считаешь, что выглядишь глупо?

Он указал Моашу на висевшее на стене зеркало, чтобы тот мог оценить свое отражение.

Моаш поправил манжеты и действительно покраснел. Каладин редко видел, чтобы человек находился настолько не в своей тарелке.

– Нет, – сказал Моаш. – Не считаю.

Остальные энергично зашевелились и начали переодеваться. Некоторые пошли в примерочные сбоку, но большинству было все равно. Бывшие мостовики и рабы, они провели большую часть своей недавней жизни выставленными напоказ в одних набедренных повязках или и того меньше.

Тефт надел свою форму раньше всех остальных и знал, как привести пуговицы в порядок.

– Много времени прошло, – прошептал он, застегивая пояс. – Не знал, что снова окажусь достоин носить что-то подобное.

– Вот кто ты на самом деле, Тефт, – сказал Каладин. – Не позволяй рабу править собой.

Тефт поворчал, прикрепляя боевой нож в нужное место на поясе.

– А ты, сынок? Когда ты собираешься признаться в том, кто ты на самом деле?

– Я признался.

– Нам. Но не остальным.

– Не начинай этот разговор снова.

– Шторм поberi, я начну все, что захочу, – отрезал Тефт. Он наклонился, понижая голос. – По крайней мере, до того времени, пока ты не дашь мне настоящий ответ. Ты волноплет. Ты еще не Сияющий, но станешь им, когда научишься всему. Они правы, что подталкивают тебя. Почему ты не пойдешь к этому Далинару, не вдохнешь немного штормсвета и не заставишь его признать, что ты светлоглазый?

Каладин посмотрел на мужчин, которые беспорядочно смешались и пытались надеть униформу, и на раздраженного Ринда, объясняющего им, как привести мундир в порядок.

– Все, что у меня когда-либо было, Тефт, – прошептал Каладин, – забрали светлоглазые. Мою семью, моего брата, моих друзей. Больше, чем ты можешь себе представить. Они смотрят на то, что у меня есть, и забирают.

Он поднял руку и смог различить несколько светящихся завитков пара, исходящих от кожи. Они были заметны, если знать, на что смотреть.

– Заберут и это. Если обнаружат мои способности, они их заберут.

– Но как, во имя дыхания Келека, они смогут это сделать?

– Я не знаю, – ответил Каладин. – Я не знаю, Тефт, но не могу справиться с паникой, когда думаю о чем-то подобном. Не могу позволить им заполучить это, не могу позволить забрать это – или вас, людей – у меня. Мы будем помалкивать насчет моих умений. Больше никаких разговоров.

Тефт поворчал, в то время как остальные мужчины наконец-то разобрались с формой. Только однорукий Лоупен с рукавом, вывернутым наизнанку и заткнутым так, чтобы не свисал, тыкал в нашивку на плече.

– Что тут такое?

– Эмблема Кобальтовой стражи, – ответил Каладин. – Персональные телохранители Далинара Холина.

– Они мертвы, ганчо, – сказал Лоупен. – Мы не они.

– Ага, – согласился Шрам. К ужасу Ринда, он вытащил свой нож и срезал нашивку. – Мы – Четвертый мост.

– Четвертый мост был вашей тюрьмой, – возразил Каладин.

– Неважно, – ответил Шрам. – Мы – Четвертый мост.

Остальные согласились и принялись отпарывать нашивки, кидая их на пол. Тефт кивнул и сделал то же самое.

– Мы защитим Терновника, но мы не просто заменим тех, кто служил у него раньше. Мы – наша собственная команда.

Каладин потер лоб, но это было тем, чего он добился, объединив их вместе, превратив в сплоченную группу.

– Я нарисую эмблему из двух глифов, чтобы вы могли ей воспользоваться, – сказал он Ринду. – Необходимо заказать новые нашивки.

Толстяк вздохнул, собирая отвергнутые эмблемы.

– Полагаю, что так. Вот ваша униформа, капитан. Темноглазый капитан! Кто бы мог подумать, что такое возможно? Вы будете единственным во всей армии. Единственным в своем роде за все время, насколько я знаю!

Похоже, этот факт его не оскорблял. Каладин мало имел дело со светлоглазыми низкого ранга, такими, как Ринд, хотя они были обычным явлением в военных лагерях. В его родном городе жила только семья мэра, принадлежащая к верхнему среднему дану, и темноглазые. Лишь вступив в армию Амарама, он осознал, что существовала целая прослойка светлоглазых, многие из которых занимались простым трудом и старались заработать, как и обычные люди.

Каладин подошел к последнему свертку на стойке. Его форма отличалась от остальных. Она состояла из синего жилета и длинного двубортного мундира с белой подкладкой и серебряными пуговицами. Мундир следовало носить расстегнутым, несмотря на ряды идущих до низа пуговиц с каждой стороны.

Он часто видел такую униформу. На светлоглазых.

– Четвертый мост, – проговорил Каладин, срезав нашивку Кобальтовой стражи с плеча и отбросив ее на стойку к другим.

Альбом Шаллан: сантид





Солдаты докладывали о том, что издалека за ними следят разведчики паршенди в пугающем количестве. Затем мы заметили новую систему их проникновения и быстрого отхода на прилежащую к лагерям территорию по ночам. Мне остается только подозревать, что наши враги уже тогда планировали свою военную хитрость, чтобы покончить с этой войной.

Из дневника Навани Холин, джесесес, 1174 г.

«Исследование периода, предшествующего Теократии, безнадежно затруднено, – повествовала книга. – Во время правления Теократии воринская церковь имела практически абсолютный контроль над восточным Рошаром. Поддерживаемые ею фальсификации, позже увековеченные как абсолютная истина, прочно укоренились в сознании общества. Но более тревожно то, что были изготовлены измененные копии древних текстов, подстраивающие историю под догмы Теократии».

В своей каюте Шаллан, одетая в ночную рубашку, читала при свете кубка, полного сфер. В тесной комнате не было настоящего иллюминатора, только тонкая прорезь окна, проходящая по верхней части наружной стены. Единственный звук, который доносился до девушки, – плеск воды о корпус судна. Сегодня ночью не нашлось порта, чтобы приютить корабль.

«Церковь той эпохи с недоверием относилась к Сияющим рыцарям, – говорилось в книге. – Но в то же время она была основана на авторитете, подаренном воринизму Герольдами. Возникло противопоставление. С одной стороны, Измене и предательству рыцарей придавалось чрезмерное значение. Однако в то же самое время превозносились древние рыцари – те, кто жили в те дни бок о бок с Герольдами.

Из-за этого особенно трудно изучать Сияющих и место, называемое Шейдсмаром. Что является фактом? Какие записи сделала церковь в своей ошибочной попытке очистить прошлое от кажущихся противоречий, переписать историю, чтобы та соответствовала предпочтительному изложению? Уцелело несколько документов того периода, не попавших в руки воринцев и скопированных с оригинальных пергаментов в современные рукописи».

Шаллан взглянула поверх книги. Том являлся одной из ранних опубликованных работ Джасны в качестве ученого. Джасна не поручала Шаллан прочесть его. Более того, она засомневалась, когда Шаллан попросила копию книги, и женщине понадобилось некоторое время, чтобы найти ее в корабельном трюме в одном из огромных сундуков, полных книг.

Почему Джасна так не хотела давать ей книгу, когда та напрямую относилась к тому, что изучала Шаллан? Разве принцесса не должна была дать ее в первую очередь? Это...

Узор вернулся.

У Шаллан перехватило дыхание, когда она увидела его на стене каюты за койкой, слева от себя. Она осторожно перевела взгляд обратно на страницу книги. Этот же узор она видела раньше, в той же форме, которая появилась на ее наброске.

С тех пор Шаллан часто замечала его уголком глаза, узор проявлялся в текстуре дерева, в ткани рубашки на спине моряка, в блеске воды. Каждый раз, когда она смотрела прямо на него, узор исчезал. Джасна ничего больше не сказала, только отметила, что он, скорее всего, безвреден.

Шаллан перевернула страницу и выровняла дыхание. Ей доводилось испытывать что-то подобное прежде со странными симвоологовыми созданиями, которые непрошено появлялись в ее рисунках. Девушка позволила взгляду скользнуть вверх по странице и переместиться на стену – не прямо на узор, а сбоку от него, как будто она его не заметила.

Да, он был здесь. Рельефный, словно резьба, сложный узор с запоминающейся симметрией. Крошечные линии перекручивались и извивались внутри него, каким-то образом приподнимая поверхность дерева, как железный орнамент из завитков под туго натянутой скатертью.

Узор был одним из тех существ – симвоологоловых. Он походил на их странные головы. Шаллан снова посмотрела на страницу, но читать не стала. Корабль покачивался, и светящиеся сферы в ее кубке позвякивали, сталкиваясь друг с другом. Она сделала глубокий вдох.

И посмотрела прямо на узор.

Тот сразу же начал исчезать, выпуклости оплывали. Но прежде, чем он растворился, ей удалось рассмотреть его как следует и сохранить *воспоминание*.

– Не в этот раз, – пробормотала Шаллан, когда узор исчез. – Теперь не сбежишь.

Отбросив в сторону книгу, она метнулась за угольным карандашом и листом бумаги для набросков и устроилась перед источником света. Рыжие волосы в беспорядке рассыпались по плечам.

Она работала яростно, охваченная неистовой потребностью завершить этот рисунок. Пальцы двигались сами по себе, открытая безопасная рука держала альбом ближе к кубку, который отбрасывал на бумагу блики света.

Шаллан отбросила карандаш. Ей нужно было что-то подтверже для более тонких линий. Чернила. Карандаш хорошо подходил для рисования мягких оттенков жизни, но то, что она рисовала, вовсе не жизнь. Что-то другое, нереальное. Шаллан вытащила из своих принадлежностей перо и чернильницу и вернулась к рисунку, воспроизводя замысловатые крошечные линии.

Во время рисования она не думала. Искусство поглотило ее, вокруг стали появляться спрены творчества. Десятки маленьких фигурок в скором времени заполнили маленький стол рядом с койкой и пол каюты, где она стояла на коленях. Спрены, каждый не больше углубления в ложке, крутились и перемещались с места на место, принимая форму предметов, с которыми только что столкнулись. Шаллан в основном не обращала на них внимания, хотя никогда не видела стольких сразу.

Они меняли свои формы все быстрее по мере того, как она рисовала, полностью поглощенная своим занятием. Казалось, что изобразить узор невозможно. Его сложные повторяющиеся линии бесконечно закручивались. С помощью пера было немыслимо передать его идеально, но ей почти удалось. Она рисовала по спирали, начав из центральной точки, и после этого воссоздавала каждое ответвление, имевшее свои собственные завихрения из крошечных линий. Узор был как лабиринт, созданный, чтобы свести своего пленника с ума.

Закончив последний штрих, Шаллан обнаружила, что тяжело дышит, как будто пробежала порядочное расстояние. Моргнув, она снова перевела внимание на спренов творчества вокруг – их были сотни. Они замирали, прежде чем исчезнуть, один за другим. Шаллан положила перо рядом с чернильницей, которую прикрепила к столу с помощью воска, чтобы та не скользила из-за качки. Подняв лист, она стала ждать, пока высохнут последние чернила, и почувствовала себя так, будто достигла чего-то значительного, хотя и не понимала, чего именно.

Когда высохла последняя линия, перед ней проявился узор. Она услышала отчетливый, словно в облегчении, вздох от листа бумаги.

Шаллан подпрыгнула, выронив листок, и бросилась к койке. В отличие от виденного раньше, рельеф не исчез. Он покинул лист бумаги, отделившись от повторяющего его линии рисунка, и переместился на пол.

Никак иначе описать это она не могла. Каким-то образом узор переместился с бумаги на пол. Подобравшись к ножке койки, он обвился вокруг нее, забравшись вверх, на одеяло. Сказать, что под одеялом что-то двигалось, значило бы лишь грубо описать происходящее. Линии, слишком отчетливые, не растягивались. Любой другой предмет под одеялом казался бы просто бесформенной массой, но этот был вполне четким.

Узор приблизился. Он не выглядел опасным, но Шаллан обнаружила, что все еще дрожит. Узор перед ней отличался от симвоологовых на рисунках, но в то же время каким-то образом был таким же. Плоская копия без тела и конечностей – абстракция одного из них, так же, как круг с несколькими линиями мог быть изображением человеческого лица.

Эти существа ужасали, пугали Шаллан во сне, заставляли беспокоиться о том, что она сходит с ума. Поэтому когда одно из них подобралось ближе, она выпрыгнула из койки и отбежала так далеко, насколько позволяла маленькая каюта. Затем с сердцем, колотящимся в груди, девушка толкнула дверь, чтобы сходить за Джасной.

Шаллан обнаружила женщину сразу за дверью. Джасна тянулась к дверной ручке, ее левая рука была сложена перед собой в форме чаши. В ладони стояла маленькая фигурка чернильно-черного цвета в виде мужчины в утонченном модном костюме с длинным сюртуком. Увидев Шаллан, он исчез, растаял тенью. Джасна взглянула на Шаллан, а затем посмотрела на пол каюты, по которому перемещался узор.

– Накинь что-нибудь из одежды, дитя, – проговорила принцесса. – Нам есть что обсудить.

– Сначала я надеялась, что у нас с тобой одинаковые спрены, – сказала Джасна, сидя на стуле в каюте Шаллан.

Узор оставался на полу между нею и девушкой, которая лежала на животе на койке, подобающе одетая в накидку поверх ночной рубашки, с тонкой белой перчаткой на левой руке.

– Но, конечно же, это было бы слишком просто. В Харбранте я начала подозревать, что мы принадлежим к разным орденам.

– Орденам, ваша светлость? – спросила Шаллан, робко тыча карандашом в узор на полу.

Тот шарахался в сторону словно испуганное животное. Шаллан была очарована тем, как из-за него поверхность пола становилась рельефной, хотя отчасти не хотела иметь никакого дела ни с ним самим, ни с его неестественной, сложной для глаза геометрией.

– Да, – ответила Джасна.

Чернильный спрен, сопровождавший ее ранее, не появлялся.

– Как известно, каждый орден имел доступ к двум волнам, которые частично совпадали между разными орденами. Мы называем эти способности волноплетением. *Преобразование* – одно из них, и мы обе им владеем, хотя принадлежим к разным орденам.

Шаллан кивнула. Волноплетение. *Преобразование*. По общему мнению, способности павших Сияющих – всего лишь легенды, являющиеся их благословением или проклятием в зависимости от прочитанных версий событий. По крайней мере, именно это она почерпнула из книг, которые Джасна велела ей прочитать за время путешествия.

– Я не одна из Сияющих, – сказала Шаллан.

– Разумеется, нет, – ответила Джасна, – как и я. Ордены рыцарей были концепцией, как и любая общность является концепцией, используемой людьми для того, чтобы обозначать и объяснять. Не каждый человек, владеющий копьем, – солдат, и не каждая женщина, пекущая хлеб, – пекарь. И все же оружие или выпечка становятся отличительными признаками соответствующих профессий.

– Значит, вы говорите, что наши способности...

– ...когда-то считались признаком того, что человек становился Сияющим рыцарем, – закончила Джасна.

– Но ведь мы женщины!

– Верно, – беспечно проговорила принцесса. – Спрены не страдают от человеческих предрассудков. Забавно, правда?

Шаллан перестала тыкать в спрена-узор и подняла голову.

– Среди Сияющих рыцарей были женщины?

– Статистически приемлемое число. Но не беспокойся, что вскоре тебе придется размахивать мечом, дитя. Образ Сияющих на поле битвы – преувеличение. Из прочитанного мною следует, хотя записи, к сожалению, недостоверны, что на каждого Сияющего, посвятившего себя сражениям, приходилось трое других, занимавшихся дипломатией, наукой или другими занятиями на службе обществу.

– О...

Почему же Шаллан разочарована этим фактом?

Глупая. Воскресли незванные воспоминания. Серебристый меч. Узор из света. Правда, которую она не могла признать. Зажмурившись, Шаллан отогнала их прочь.

Десять ударов сердца.

– Я изучала спренов, о которых ты мне рассказала, – продолжила Джасна. – Существ с головами-символами.

Шаллан глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Он один из них, – проговорила она, указывая карандашом на узор, который приблизился к койке и двигался по ней вверх-вниз, как ребенок, прыгающий с дивана. Он казался не угрожающим, а невинным, даже игривым, и вряд ли разумным. И Шаллан испугалась этого существа?

– Подозреваю, что так и есть, – ответила Джасна. – Многие спрены проявляют себя здесь иначе, чем в Шейдсмаре. То, что ты нарисовала раньше, было их формой там.

– Этот экземпляр не особенно впечатляет.

– Да. Признаюсь, что разочарована. Мне кажется, что мы упустили что-то важное насчет него, Шаллан, и это меня раздражает. У криптиков внушающая страх репутация, и все же их первый представитель, которого мне удалось встретить, выглядит...

Узор вскарабкался по стене, спустился, затем забрался обратно и снова соскользнул вниз.

– Слабоумным? – подсказала Шаллан.

– Возможно, ему просто требуется больше времени, – ответила Джасна. – Когда я впервые установила связь с Айвори... – Она внезапно замолкла.

– Что? – спросила Шаллан.

– Извини. Он не любит, когда я говорю о нем. Начинает волноваться. Нарушение рыцарями их клятв было очень болезненным для спренов. Много спренов умерло; я уверена в этом. Хотя Айвори не хочет говорить о том дне, я поняла, что совершенное нами считается предательством у таких, как он.

– Но...

– Хватит об этом, – отрезала Джасна. – Извини.

– Хорошо. Вы упомянули криптиков?

– Да.

Джасна потянулась к рукаву, покрывающему ее безопасную руку, и достала сложенный листок бумаги – один из рисунков симвоологоловых, сделанных Шаллан.

– Так они сами себя называют, хотя мы, скорее всего, назвали бы их спренами лжи. Им не нравится это имя. Как бы там ни было, криптики управляют одним из больших городов в Шейдсмаре. Думай о них как о светлоглазых когнитивной реальности.

– Так это существо, – произнесла Шаллан, кивнув на узор, который кружился в центре каюты, – что-то наподобие... принца на их стороне?

– Что-то похожее. Существуют сложные противоречия между ними и спренами чести. Политика спренов – не то, чему я могла посвятить много времени. Этот спрен станет твоим спутником и обеспечит возможность *преобразовывать*, кроме всего прочего.

– Всего прочего?

– Посмотрим, – ответила Джасна. – Это сводится к природе спренов. Что показало твое исследование?

С Джасной все казалось научной проверкой. Шаллан сдержала вздох. Именно поэтому она предпочла последовать за принцессой, а не вернуться домой. Но все же иногда ей хотелось, чтобы Джасна просто отвечала на вопросы, а не заставляла ее так усердно трудиться в поисках ответов.

– Алай говорит, что спрены – это частицы силы творения. Многие ученые, работы которых я прочла, согласны с ней.

– Таково одно из мнений. Что оно означает?

Шаллан пыталась не отвлекаться на спрена на полу.

– Существует десять фундаментальных волн – сил, с помощью которых функционирует мир. Гравитация, давление, трансформация и так далее. Вы сказали мне, что спрены являются фрагментами когнитивной реальности, каким-то образом получившими сознание из-за человеческого внимания. Ну, следовательно, до этого они были чем-то другим. Как... как картина оставалась холстом до того, как в нее вдохнули жизнь.

– Жизнь? – удивленно переспросила Джасна.

– Конечно, – ответила Шаллан.

Картины жили. Не как человек или спрен, но... ну, во всяком случае, для нее это очевидно.

– Поэтому прежде, чем спрены ожили, они были чем-то. Силой. Энергией. Зен-дочь-Ват сделала эскиз крошечных спренов, которых иногда обнаруживала вокруг тяжелых предметов. Спрены гравитации – частицы энергии или силы, которая заставляет нас падать. Это служит доказательством того, что каждый спрен был силой до того, как стать спреном. На самом деле спренов можно разделить на две общие группы. Те, что соответствуют эмоциям, и те, что соответствуют таким энергиям, как огонь или давление ветра.

– Значит, ты соглашаешься с теорией Намара о классификации спренов?

– Да.

– Хорошо, – сказала Джасна. – Я тоже. Лично я подозреваю, что такое разделение спренов – спрены эмоций против спренов природы – то, откуда появились идеи человечества о первобытных «богах». Честь, ставший воринским Всемогущим, создан благодаря людям, которые хотели иметь образ идеальных человеческих эмоций, который они видели в спренах эмоций. Культивация, которой поклоняются на западе, – женское божество, являющееся воплощением природы и природных спренов. Различные спрены Пустоты с их невидимым повелителем, чье имя меняется в зависимости от того, о какой культуре идет речь, представляют врага или антагониста. Отец Штормов, конечно, не вписывается в эти рамки, его теоретическая природа обусловлена тем, какая эра воринизма на дворе...

Она умолкла. Шаллан покраснела, осознав, что при этих словах Джасны отвела взгляд и начала чертить на одеяле глиф против зла.

– Я увлеклась, – сказала Джасна. – Прошу прощения.

– Вы так уверены, что он не реален, – ответила Шаллан. – Всемогущий.

– Доказательств в его пользу у меня не больше, чем в пользу тайленских Страстей, Ну Ралика из Чистозера или любой другой религии.

– А Герольды? Вы думаете, они не существовали?

– Я не знаю, – сказала Джасна. – В нашем мире много вещей, которых я не понимаю. Например, есть несколько слабых доказательств, что и Отец Штормов, и Всемогущий – реальные существа, но всего лишь могущественные спрены, такие, как Смотрящая в Ночи.

– Тогда он все-таки реален.

– Я никогда не утверждала обратное, – проговорила Джасна. – Я только говорила, что не принимаю его в качестве Бога и не склонна почитать его. Но мы снова отвлеклись.

Джасна встала.

– Ты освобождена от других учебных обязанностей. В течение следующих нескольких дней ты должна будешь сконцентрироваться на своем исследовании.

Она указала на пол.

– На узоре? – спросила Шаллан.

– За многие века ты единственная, кому выпал шанс пообщаться с криптиком, – пояснила Джасна. – Изучай его и записывай наблюдения – детально. Это будут, судя по всему, твои первые значительные записи, которые, возможно, окажутся крайне важными для нашего будущего.

Шаллан оглядела узор, который передвинулся, стукнувшись об ее ногу – она еле почувствовала толчок – и теперь ударялся в нее раз за разом.

– Просто замечательно, – проговорила Шаллан.



*Следующая подсказка появилась на стенах. Я не игнорировала этот знак, но и не осознавала весь его смысл.
Из дневника Навани Холин, джесесес, 1174 г.*

– Я бегу через воду, – сказал Далинар, приходя в себя.

Он стремительно двигался вперед.

Его окружало видение. У ног плескалась теплая вода. По бокам через мелководье бежали с десятков человек с молотами и копьями. При каждом шаге они высоко поднимали ноги и оттягивали носок назад, держа бедра параллельно поверхности воды, как если бы маршировали на параде, хотя ни один парад ни разу не превращался в такую безумную свалку. По-видимому, подобный способ помогал им бежать через жидкость. Далинар попробовал подражать странным движениям.

– Думаю, я в Чистозере, – пробормотал он себе под нос. – Теплая вода едва доходит до колен, никаких признаков земли. Однако сейчас сумерки, так что мне мало что видно. Со мной бегут люди. Я не знаю, бежим ли мы к чему-то или от чего-то. За спиной ничего не видно. Эти люди определенно солдаты, хотя их униформа устарела. Кожаные юбки, шлемы и нагрудники из бронзы. Голые руки и ноги. – Он осмотрел себя. – На мне надето то же самое.

Некоторые кронлорды в Алеткаре и Джа Кеведе до сих пор пользовались подобной униформой, поэтому Далинар не мог точно определить эпоху. За нынешним обликом этого обмундирования стоял тонкий расчет консервативных командиров, полагавших, что классический внешний вид будет вдохновлять солдат. Однако в таких случаях наряду со старомодной униформой использовалось бы современное стальное снаряжение – здесь же он не видел ничего подобного.

Далинар не задавал вопросов. Он обнаружил, что, подыгрывая в видениях, можно понять гораздо больше, чем останавливаясь и требуя ответов.

Бежать через воду оказалось сложно. Начав бег в первых рядах, теперь он отставал. Отряд направлялся к какой-то каменной насыпи впереди, погруженной в тень сумерек. Возможно, это было не Чистозеро. В нем не имелось каменных сооружений, которые...

Это не каменная насыпь. Это крепость. Далинар остановился, посмотрев вверх на заостренное, похожее на замок строение, поднимавшееся из спокойных вод озера. Он никогда не видел ничего подобного. Черный как смоль камень. Обсидиан? Может быть, это строение *преобразовано*.

– Впереди крепость, – сказал он на бегу. – Ее уже не должно существовать, иначе она была бы известной. Она выглядит так, как будто ее выстроили полностью из обсидиана. Стены, похожие на плавники, поднимаются к заостренным вершинам, башни, напоминающие наконечники стрел... Отец Штормов, она грандиозна. Мы приближаемся к другому отряду солдат, которые стоят в воде, настороженно выставив копыя во все стороны. Их примерно десяток; я в окружении еще одного десятка. И... да, в центре той группы кто-то есть. Носитель Осколков. Светящаяся броня.

Не просто Носитель Осколков. Сияющий. Рыцарь в сверкающих Доспехах, которые светились темно-красным в местах соединения и определенных отметках. Подобным образом броня вела себя в сумрачные времена. Видение относилось ко времени до Измены.

Как и все Доспехи Осколков, броня была особой: с кольчужной юбкой, гладкими соединениями, наручами, выступающими назад... Шторма, она выглядела как Доспехи Адолина, хотя немного уже в талии. Женщина? Далинар не мог сказать с уверенностью, так как забрало было опущено.

– Построиться! – приказала рыцарь, как только группа Далинара приблизилась, и он кивнул себе. Да, женщина.

Далинар и остальные солдаты выстроились вокруг нее кольцом с оружием наизготовку. Неподалеку по воде двигался еще один отряд солдат с рыцарем в центре.

– Почему вы отозвали нас обратно? – спросил один из товарищей Далинара.

– Каэб думает, он что-то заметил, – ответила рыцарь. – Будьте внимательны. Идем осторожно.

Группа направилась прочь от крепости, в сторону, противоположную той, откуда они пришли. Далинар держал свое копые наготове, пот стекал по вискам. Он не замечал в себе никаких изменений. Остальные, однако, воспринимали его как одного из своих.

Он до сих пор знал о видениях крайне мало. Каким-то образом Всемогущий посылал их ему. Но Всемогущий мертв, по его собственному признанию. Тогда как это работало?

– Мы что-то ищем, – пробормотал Далинар. – Отряды из рыцарей и солдат были посланы ночью, чтобы найти что-то, замеченное ранее.

– Все в порядке, новичок? – спросил один из солдат сбоку от него.

– Отлично, – отозвался Далинар. – Просто волнуюсь. Я имею в виду, мне даже не известно, что мы ищем.

– Спрена, который ведет себя не так, как полагается, – сказал человек. – Смотри внимательно. Когда Съя-анат дотрагивается до спрена, тот ведет себя странно. Поднимай тревогу, если увидишь что-нибудь.

Далинар кивнул и вполголоса повторил сказанное, надеясь, что Навани сможет его расслышать. Он и солдаты продолжили движение, рыцарь в центре разговаривала... ни с кем? Казалось, что она вела диалог, но Далинар не видел и не слышал никого рядом.

Кронпринц принялся рассматривать окружающую местность. Ему всегда хотелось увидеть центр Чистозера, но так и не выпала возможность побывать дальше границы. Он не смог найти время для такой поездки, когда в последний раз посещал Азир. Азиане всегда прикидывались удивленными, если он выражал желание посетить место, в котором, по их словам, «ничего нет».

На Далинаре была надета какая-то тесная обувь, возможно, чтобы уберечься от порезов о скрытые под водой предметы. Дно оказалось неровным, с ямами и выступами, которые он скорее чувствовал, чем видел. Далинар понял, что смотрит на маленькую рыбку, мечущуюся туда-сюда, на тени в воде, а рядом с ними лицо.

Лицо.

– Здесь лицо! В воде! – крикнул Далинар, отпрыгнув назад и указав копьём вниз.

– Спрен реки? – спросила рыцарь, подходя к нему.

– Оно выглядело как тень, – сказал Далинар. – С красными глазами.

– Это он, – проговорила рыцарь. – Шпион Сья-анат. Каэб, беги к месту встречи. Остальные, продолжайте наблюдение. Он не может уйти далеко без носителя.

Она сорвала со своего пояса маленький мешочек.

– Там! – указал Далинар, обнаружив в воде маленькую красную точку.

Она утекала от него, плавя как рыба. Далинар побежал следом, как научился ранее. Какой смысл преследовать спрена? Его нельзя поймать. Никаким известным ему способом.

Остальные поспешили за ним. Рыбки прыгнули в стороны, испугавшись брызг Далинара.

– Я преследую спрена, – пробормотал Далинар. – За ним мы и охотились. Он немного похож на лицо – тень с красными глазами. Плышет в воде как рыба. Постой-ка! Здесь еще один. Присоединился к нему. Большой, с человеческий рост, не меньше шести футов. Плывущий человек, но как тень. Это...

– Шторма! – внезапно воскликнула рыцарь. – Он привел подмогу!

Более крупный спрен взвился и нырнул под воду, скрывшись в каменистом грунте. Далинар остановился, не зная, стоит ли ему продолжать преследовать меньшего или остаться на месте.

Остальные повернулись и побежали в другую сторону.

Ох...

Когда каменное дно озера задрожало, Далинар бросился назад. Он споткнулся, разбрызгав воду. Она была такой прозрачной, что он видел, как трескается грунт, словно что-то огромное бьет по нему изнутри.

– Давай! – крикнул один из солдат, схватив его за руку.

Далинару помогли подняться, в то время как трещины под ним расширялись. Некогда безмятежная поверхность озера вспенилась и пошла волнами.

Земля содрогнулась, чуть снова не сбив Далинара с ног. Несколько солдат перед ним все же упали.

Рыцарь твердо стояла на ногах, в ее руках появился огромный Клинок Осколков.

Далинар успел вовремя взглянуть через плечо, чтобы увидеть, как из воды появляется скала. Это оказалась длинная рука! Тонкая, примерно пятнадцати футов длиной, она внезапно выскочила из воды и с шумом ударила вниз, чтобы, судя по всему, получить твердую точку опоры на дне озера. Поблизости возникла вторая рука, направленная локтем в небо, затем они обе поднялись, как будто прикрепленные к телу, пытающемуся отжаться.

Гигантское тело вырвало себя из каменной поверхности. Складывалось впечатление, что кто-то был похоронен в песке, а теперь вылезал наружу. Вода потоками стекала с рельефной щербатой спины, на которой росли пласты сланцекорника и подводного грибка. Спрен каким-то образом оживил сам камень.

Пока он поднимался и корчился, Далинар заметил светящиеся багровые глаза – как расплавленный камень – глубоко вдавленные в злобное каменное

лицо. Тело походило на скелет, с тонкими костлявыми конечностями и заостренными пальцами, заканчивающимися когтями. Грудь представляла собой клетку из каменных ребер.

– Громолом! – закричали солдаты. – Молоты! Готовьте молоты!

Рыцарь стояла перед поднимающимся существом, которое возвышалось уже на тридцать футов и истекало водой. От нее начал исходить спокойный белый свет. Он напомнил Далинару свет сфер. Штормсвет. Женщина подняла Клинок Осколков и бросилась вперед, двигаясь через воду со сверхъестественной легкостью, как будто не чувствуя сопротивления. Возможно, дело было в силе Доспехов Осколков.

– Они созданы, чтобы наблюдать, – произнес голос позади.

Далинар посмотрел на солдата, который ранее помогал ему подняться. Селаец с вытянутым лицом, лысым черепом и широким носом. Далинар протянул руку, чтобы помочь ему встать на ноги.

Мужчина не говорил таким голосом раньше, но Далинар узнал его. Тот же самый голос, который появлялся в конце большинства видений. Всемогущий.

– Сияющие рыцари, – проговорил Всемогущий, вставая рядом с Далинаром и наблюдая, как рыцарь атакует кошмарное чудовище. – Они стали решением, способом уравновесить разрушение, причиненное Опустошениями. Десять рыцарских орденов, основанных с целью помогать людям сражаться, а затем восстанавливать порядок.

Далинар повторил все, слово за словом, сосредоточившись на том, чтобы передать каждую фразу, а не на том, чтобы осмыслить их значение.

Всемогущий повернулся к нему.

– Я был удивлен, когда появились ордены. Я не учил этому своих Герольдов. Все произошло благодаря спренам, желавшим повторить то, чем я награждал людей. Ты должен восстановить ордены. Это твоя задача. Объедини их. Построй крепость, которая сможет выдержать шторм. Разозли Злобу, убеди его в том, что он может проиграть, и выбери защитника. Злоба воспользуется этим шансом, вместо того чтобы заново подвергнуться риску поражения, которое он терпел так часто. Вот лучший совет, который я могу тебе дать.

Далинар закончил повторять слова. На расстоянии от него разгорелась серьезная битва: брызгами разлеталась вода, крошились камни. Подбежали солдаты с молотами и неожиданно тоже засияли штормсветом, хотя намного слабее.

– Ты удивился появлению рыцарей, – сказал Далинар Всемогущему. – И та сила, тот враг смог убить тебя. Ты никогда не был богом. Бог всеведущ. Бога нельзя убить. Так кем же ты был?

Всемогущий не ответил. Он не мог. Далинар понял, что его видения являлись своего рода заранее определенными переживаниями, как пьеса. Люди в них могли реагировать на Далинара как актеры, которые могут импровизировать в заданных рамках. Всемогущий никогда не поступал подобным образом.

– Я сделаю, что смогу, – сказал Далинар. – Восстановлю их. Подготовлюсь. Ты рассказал мне о многом, но одну вещь я понял самостоятельно. Если тебя можно убить, то другого такого же – твоего врага – возможно, тоже.

На Далинара опустилась темнота. Крики и всплески растворились. К какому времени относилось это видение, к Опустошению или между ними? Видения никогда не давали достаточно информации. Когда темнота рассеялась, он обнаружил себя лежащим в маленькой каменной комнате внутри своего комплекса в военных лагерях.

Навани стояла перед ним на коленях, держа перед собой дощечку с бумагой; перо двигалось взад-вперед, она записывала. Шторма, женщина была прекрасна. Зрелая красота, накрашенные алым губы, волосы, уложенные вокруг

головы в сложную косу и сверкающие рубинами. Кроваво-красное платье. Навани взглянула на него, отмечая, что он пришел в себя, и улыбнулась.

– Я... – начал он.

– Тихе, – проговорила она, продолжая писать. – Последняя часть показалась важной.

Мать короля черкнула еще несколько строк, а затем наконец оторвала перо от бумаги на дощечке, которую держала через ткань рукава.

– Думаю, я записала все. Тяжело, когда ты переключаешься на другой язык.

– Я говорил на разных языках? – спросил Далинар.

– В конце. Сначала ты говорил по-селяйски. Определенно, его древняя форма, но у нас имеются подобные записи. Надеюсь, переводчики смогут разобрать мои каракули; я плохо владею этим языком. Тебе стоит говорить медленнее, когда ты повторяешь слова, дорогой.

– Это может оказаться непросто, – ответил Далинар, вставая.

По сравнению с видением, воздух здесь казался прохладнее. Дождь барабанил по закрытым ставням комнаты, хотя по опыту Далинар знал: конец видения означает, что шторм практически на исходе.

Чувствуя себя полностью выжатым, он прошел к креслу рядом со стеной и присел. В комнате находились только он и Навани; кронпринц предпочитал, чтобы все проходило именно так. Ренарин и Адолин пережидали шторм поблизости, в другой комнате комплекса под бдительным оком капитана Каладина и его телохранителей-мостовиков.

Возможно, Далинару следовало приглашать больше ученых, чтобы они наблюдали за его видениями и сразу записывали слова, а затем могли посоветоваться между собой, чтобы получить в итоге самую точную версию. Но, шторма, у него хватало проблем и с одним человеком, видевшим, как он бредит и мечется по полу. Кронпринц верил в свои видения, даже зависел от них, но это не значило, что они не ставили его в неудобное положение.

Навани присела рядом и обвила его руками.

– Было плохо?

– В этот раз? Нет. Не плохо. Немного бега, затем немного сражения. Я не принимал участия. Видение закончилось до того, как понадобилась моя помощь.

– Тогда откуда это выражение на лице?

– Я должен восстановить Сияющих рыцарей.

– Восстановить... Но как? И вообще, что все это значит?

– Я не знаю. Я ничего не знаю. У меня только подсказки и скрытые угрозы. Определенно надвигается что-то опасное. Я должен это остановить.

Она склонила голову ему на плечо. Далинар пристально смотрел в тихо потрескивающий камин, окутывающий маленькую комнату теплым свечением. Это был один из немногих оставшихся каминов, не переоборудованных в новые устройства, обогревающие с помощью фабриалов.

Он предпочитал настоящий огонь, хотя не стал бы говорить об этом Навани. Она так тяжело трудилась, чтобы все они получили новые фабриалы.

– Почему ты? – спросила Навани. – Почему ты должен заниматься всем этим?

– Почему один человек рождается королем, а другой – попрошайкой? – спросил в ответ Далинар. – Так устроен мир.

– Для тебя все так просто?

– Не просто, – ответил он, – но нет смысла требовать ответы. В особенности если Всемогущий мертв...

Возможно, ему не следовало делиться с ней этим фактом. Одна лишь подобная идея могла заклеить его как еретика, оттолкнуть от него его собственных ардентов, дать Садеасу оружие против трона.

Если Всемогущий мертв, кому поклонялся Далинар? Во что верил?

– Нам нужно записать твои воспоминания о видении, – сказала Навани, вздыхая и отстраняясь от него. – Пока они еще свежие.

Он кивнул. Было важно иметь описание, чтобы сопоставить его с записями. Кронпринц начал перечислять, чему он стал свидетелем, говоря достаточно медленно, чтобы Навани успевала конспектировать. Он описал озеро, одежду людей, странную крепость в отдалении. Навани утверждала, что существовали истории о больших строениях в Чистозере, рассказанные кем-то, жившим там. Ученые считали их вымышленными.

Далинар встал и начал мерить шагами комнату, перейдя к описанию жуткой твари, поднявшейся из озера.

– Оно оставило после себя углубление в дне озера, – объяснил Далинар. – Представь, что ты нарисовала на полу тело, а потом наблюдала, как это тело выдирает себя из земли. Представь, каким тактическим преимуществом обладало бы такое существо. Спрены перемещаются быстро и легко. Один из них может проскользнуть за ряды солдат, затем подняться и напасть на вспомогательный персонал. Каменное тело этого чудовища наверняка непросто сокрушить. Шторма... Клинки Осколков. Увиденное заставляет меня задуматься, не для борьбы ли с подобными существами они на самом деле были созданы.

Навани улыбнулась, не переставая писать.

– Что? – спросил Далинар, замерев на месте.

– Ты солдат до мозга костей.

– Да. И что?

– Это так мило, – ответила она, закончив. – Что произошло дальше?

– Со мной заговорил Всемогущий.

Он передал ей слова настолько точно, насколько хорошо смог запомнить, перемещаясь по комнате медленными, спокойными шагами.

«Мне необходимо спать больше», – подумал Далинар.

Он уже не был молодым, как двадцать лет назад, алету, способным бодрствовать всю ночь напролет с Гавиларом, слушая за чашей вина о планах брата, а на следующий день бросаться в битву переполненным энергией и жаждой соперничества.

Когда он закончил рассказ, Навани поднялась, убирая письменные принадлежности. Женщина записала его слова и поручит своим ученым, вернее, его ученым, которых она присвоила, сопоставить слова на языке алету со сделанными ею записями. Хотя, конечно же, сначала удалит все строки, где он упоминает о деликатных вопросах, таких, как, например, смерть Всемогущего.

Она также займется поиском исторических упоминаний, подходящих под его описания. Навани любила, чтобы все было четко и определено. Она подготовила временную линию всех видений, пытаясь выстроить из них единый рассказ.

– Ты все еще собираешься обнародовать обращение на этой неделе? – спросила она.

Далинар кивнул. Он тайно распространил его среди кронпринцев неделю назад и собирался сделать то же самое в лагерях, но Навани убедила его, что будет мудрее подождать. Новости просачивались, но у кронпринцев появилось время подготовиться.

– Обращение распространят публично через пару дней, – ответил он. – До того, как кронпринцы смогут оказать дальнейшее давление на Элокара, чтобы он его отозвал.

Навани поджала губы.

– Это необходимо сделать, – сказал Далинар.

– Предполагалось, что ты их объединишь.

– Кронпринцы как избалованные дети, – проговорил Далинар. – Чтобы изменить их, потребуются крайние меры.

– Если из-за тебя распадется королевство, мы никогда не сможем его объединить.

– Мы позаботимся о том, чтобы оно не распалось.

Навани оглядела его с головы до ног и улыбнулась.

– Должна признать, мне по нраву твоя более уверенная в себе версия. Если бы я только могла одолжить немного этой уверенности, когда дело касается нас...

– Я достаточно уверен в том, что касается нас, – сказал Далинар, притягивая ее ближе.

– Правда? Потому что эти перемещения между королевским дворцом и твоим комплексом тратят кучу моего времени каждый день. Если бы я переехала сюда, скажем, в твои покои, только подумай, насколько все стало бы удобнее.

– Нет.

– Ты уверен, что нам не позволят пожениться, Далинар. Так что еще остается? Дело в моральных принципах? Ты сам сказал, что Всемогущий мертв.

– Что-то либо правильно, либо нет, – упрямо ответил он. – Всемогущий здесь ни при чем.

– Бог, – решительно проговорила Навани, – ни при чем, независимо от того, правильны или нет его приказы.

– Э-э. Да.

– Осторожно, – сказала Навани. – Ты начинаешь говорить, как Джасна. Так или иначе, если Бог мертв...

– Бог не мертв. Если Всемогущий умер, значит, он никогда не был Богом, вот и все.

Женщина вздохнула и, все еще находясь в объятиях кронпринца, поднялась на цыпочки и поцеловала его, отнюдь не скромно. Навани полагала скромность показной и легкомысленной. Поэтому поцелуй получился страстным, она сильно прижалась губами к его рту, запрокинув голову Далинара назад, желая большего. Когда она отступила, он почувствовал, что ему не хватает воздуха.

Навани улыбнулась, затем подобрала свои вещи – Далинар не заметил, как она уронила их во время поцелуя – и направилась к двери.

– Терпение не является моей добродетелью, как видишь. Я так же испорчена, как кронпринцы, и привыкла получать то, что хочу.

Он фыркнул. Ни то, ни другое не являлось правдой. Навани могла быть терпеливой. Когда это ее устраивало. На самом деле она имела в виду, что в настоящий момент это ее не устраивало.

Навани открыла дверь, и капитан Каладин собственной персоной заглянул внутрь, оглядывая комнату. Мостовик, несомненно, подходил к делу со всей серьезностью.

– Проследи, чтобы светледи в целостности и сохранности добралась до дома, солдат, – сказал ему Далинар.

Каладин отсалютовал. Навани прошествовала мимо него и не попрощавшись вышла из комнаты, закрыв дверь и снова оставив Далинара одного.

Кронпринц глубоко вздохнул, подошел к стулу и устроился около камина, чтобы немного подумать.

Он очнулся некоторое время спустя, когда огонь в камине погас. Шторма, теперь он засыпает посреди дня? Если бы только не тратить столько времени по ночам, ворочаясь с боку на бок, с головой, полной тревог и обязательств, которые никогда не должны были принадлежать ему. Что стало с теми беззаботными днями? Меч в руке, уверенность в том, что Гавилар возьмет на себя все трудные вопросы?

Далинар потянулся и встал. Ему требовалось проверить, как идут приготовления к обнародованию королевского обращения, а затем разобраться с новыми стражниками...

Он замер. На стене комнаты виднелось несколько глубоких белых царапин, образующих глифы. Раньше их не было.

«Шестьдесят два дня, – гласили глифы. – Смерть последует».

Немного позже Далинар стоял, выпрямившись и сложив руки на груди, и слушал, как Навани совещалась с Рушу, одной из ученых Холинов. Адолин находился рядом, изучая кусок белого камня, найденный на полу. По всей видимости, его выломали из каменного орнамента, обрамляющего окно комнаты, и использовали, чтобы написать глифы.

«Спину прямо, голову вверх, – сказал себе Далинар, – даже если хочется просто сесть и обмякнуть в кресле».

Лидер не может обмякнуть. Лидер держит ситуацию под контролем. Даже когда кажется, что он едва ли что-то контролирует.

Особенно в таком случае.

– Ага, – проговорила Рушу, молодая женщина-ардент с длинными ресницами и пухлыми губками. – Взгляните на эти небрежные линии! Несовершенная симметрия. Тот, кто это написал, не привык рисовать глифы. «Смерть» написана почти полностью неправильно, больше похоже на «сломанный». И смысл неясен. «Последует смерть»? Или «следуй за смертью»? Или «шестьдесят два дня до смерти последователей»? Глифы неопределенны.

– Просто скопируй их, Рушу, – сказала Навани. – И не болтай об этом ни с кем.

– Даже с вами? – рассеянно спросила Рушу, продолжая писать.

Навани вздохнула и подошла к Далинару и Адолину.

– Она действительно хороша в своем деле, но иногда немного рассеянна. Так или иначе, Рушу владеет искусством письма лучше, чем кто бы то ни было. Это одно из ее многочисленных увлечений.

Далинар кивнул, подавляя свои страхи.

– Зачем кому-то понадобилось делать такое? – спросил Адолин, уронив камень. – Это какая-то скрытая угроза?

– Нет, – ответил Далинар.

Навани встретила с ним взглядом.

– Рушу, – сказала она. – Оставь нас на минутку.

Женщина сначала не отреагировала, но поспешила удалиться при повторной просьбе.

Когда она открыла дверь, снаружи показались солдаты Четвертого моста во главе с капитаном Каладином, на лице которого застыло мрачное выражение. Он проводил Навани и, вернувшись, обнаружил надпись, после чего немедленно послал людей проверить и привести ее обратно.

Он явно считал, что упущение произошло по его вине, полагая, что кто-то прокрался в комнату Далинара, пока тот спал. Кронпринц жестом пригласил капитана зайти внутрь.

Каладин поспешил в комнату, и оставалось надеяться, что не заметил, как при его появлении Адолин сжал челюсти. Далинар сражался с Носителем Осколков паршенди, когда Каладин и Адолин встретились на поле битвы, но он слышал разговоры об их стычке. Его сыну явно не нравилось, что этот темноглазый мостовик возглавил Кобальтовую стражу.

– Сэр, – сказал Каладин, делая шаг вперед. – Мне стыдно. Одна неделя на службе, и я уже вас подвел.

– Ты выполнял приказ, капитан, – ответил Далинар.

– Мне было приказано позаботиться о вашей безопасности, сэр, – произнес Каладин с гневом в голосе. – Стоило выставить стражу около дверей в личные покои внутри комплекса, а не только снаружи.

– В будущем мы будем внимательнее, капитан, – сказал Далинар. – Твой предшественник всегда выставлял стражу таким же образом, и раньше этого было достаточно.

– Наступили другие времена, сэр, – ответил Каладин, сощурился и окидывая взглядом комнату. Он обратил внимание на окно, слишком маленькое, чтобы кто-то мог проскользнуть внутрь. – Мне все еще хотелось бы знать, как они пробрались сюда. Стража ничего не слышала.

Далинар оглядел молодого солдата со шрамами и мрачным выражением на лице.

«Почему, – подумал Далинар, – я так полагаюсь на этого человека?»

Он не понимал причину, но с годами научился доверять своим инстинктам солдата и генерала. Что-то в нем заставляло верить Каладину, и он прислушивался к этим инстинктам.

– Это всего лишь пустяковое происшествие, – сказал Далинар.

Каладин пристально взглянул на него.

– Не волнуйся чрезмерно о том, что кто-то пробрался внутрь и накарябал это на моей стене, – сказал Далинар. – Просто будь бдительнее в будущем. Свободен.

Он кивнул Каладину, который неохотно вышел, прикрыв за собой дверь.

Подошел Адолин. Юноша с буйной гривой волос стал теперь таким же высоким, как Далинар. Иногда об этом было тяжело помнить. Казалось, прошло совсем немного времени с тех пор, как маленький энергичный мальчик размахивал деревянным мечом.

– Ты сказал, что очнулся и увидел их здесь, – произнесла Навани. – Ты говорил, что не видел и не слышал, как кто-то рисует глифы.

Далинар кивнул.

– Тогда отчего, – продолжила она, – у меня сложилось неожиданное и ясное впечатление, что ты знаешь, почему они здесь появились?

– Я не знаю, кто именно сделал рисунок, но знаю, что он обозначает.

– И что же? – требовательно спросила Навани.

– Он означает, что у нас очень мало времени, – ответил Далинар. – Разошлись, обратившись, затем свяжись с кронпринцами и назначь совет. Они захотят поговорить со мной.

«Грядет Вечный Шторм...»

Шестьдесят два дня. Слишком мало времени.

Но, видимо, это все, что у него было.

Татуировки Четвертого моста





Знаки на стенах предвещали большую опасность, чем даже ее сроки. Предвидение будущего – свойство Несущих Пустоту.

Из дневника Навани Холин, джесесес, 1174 г.

– ...победы и в конце концов возмездия.

Глашатай держала перед собой королевский приказ, помещенный между двух покрытых тканью дощечек, хотя явно запомнила его наизусть. Не удивительно. Только Каладин заставил ее повторить обращение трижды.

– Еще раз, – сказал он, сидя на своем камне возле костра Четвертого моста.

Многие члены бригады уже доели завтрак и сидели молча. Рядом Сигзил повторял слова, стараясь их запомнить.

Глашатай вздохнула. Это была полная молодая светлоглазая женщина с рыжими прядями в черных волосах, свидетельствующих о наличии в ее родословной веденцев или рогоедов. Десятки таких же женщин перемещались по военному лагерю, чтобы зачитать, а иногда и объяснить слова Далинара. Она снова открыла приказ.

«В любом другом батальоне, – лениво подумал Каладин, – командир будет обладать более высоким социальным статусом, чем она».

– Именем короля, – начала женщина, – Далинар Холин, кронпринц войны, настоящим приказывает изменить порядок добычи и распределения гемсердец на Разрушенных равнинах. С этого времени каждое гемсердце будет добываться по очереди двумя кронпринцами, сотрудничающими между собой. Трофеи становятся собственностью короля, который определит долю каждого, основываясь на эффективности участвующих сторон и их готовности повиноваться. Назначенная очередность четко установит, какие кронпринцы и армии ответственны за поиск гемсердец и в каком порядке. Пары не всегда будут одинаковыми, их сформируют в зависимости от стратегической совместимости. Ожидается, что в соответствии с Кодексом мы все проявим уважение друг к другу, мужчины и женщины наших армий одобряют новый порядок, нацеленный на достижение победы и в конце концов возмездия.

Глашатай захлопнула дощечки и подняла взгляд на Каладина, выгнув длинную черную бровь, которая, он почти не сомневался, была нарисована с помощью косметики.

– Спасибо, – сказал мостовик.

Женщина кивнула ему и направилась в сторону расположения следующего батальона. Каладин поднялся на ноги.

– Что ж, вот и шторм, которого мы все ждали.

Мужчины закивали. Разговоры в Четвертом мосту о вчерашнем проникновении в покои Далинара поутихли. Каладин чувствовал себя идиотом. Однако Далинар, видимо, не обратил на проникновение никакого внимания. Он знал намного больше, чем говорил Каладину.

«Как мне выполнять свою работу, если у меня нет необходимой информации?»

Меньше двух недель на службе, а политика и махинации светлоглазых уже заставили его сделать ошибку.

– Кронпринцы возненавидят это обращение, – проговорил Лейтен с другой стороны костра, где он возился с завязками нагрудника Белда. Часть униформы вернулась от интенданта с перепутанными пряжками. – У них все завязано на добыче гемсердец. Сегодняшние ветра принесут слишком много недовольства.

– Ха! – воскликнул Камень, наливая острую похлебку для Лоупена, вернувшегося пару минут назад. – Недовольства? Сегодня это будет означать бунт. Разве ты не слышал упоминание про Кодекс? Эта штука – оскорбление для всех, кто, как мы знаем, не следует клятвам.

Он улыбался и, по всей видимости, полагал, что гнев и даже бунт кронпринцев станет чем-то забавным.

– Моаш, Дрехи, Март и Эт со мной, – сказал Каладин. – Мы должны сменить Шрама и его отряд. Тефт, как продвигается твое задание?

– Медленно, – ответил Тефт. – Эти парни в других мостовых бригадах... Им еще есть к чему стремиться. Нам нужно что-то большее, Кэл. Какой-то способ воодушевить их.

– Я займусь этим, – ответил Каладин. – Для начала попробуем их кормить. Камень, сейчас у нас только пять офицеров, поэтому ты можешь занять последнюю наружную комнату под хранилище. Холин дал нам право требовать с лагерного интенданта все, что понадобится. Набей хранилище под завязку.

– Под завязку? – переспросил Камень, лицо которого растянулось в широкой ухмылке. – Насколько под завязку?

– Под самую завязку, – уточнил Каладин. – Мы ели похлебку и рагу из *преобразованного* зерна месяцами. В следующем месяце Четвертый мост будет питаться по-королевски.

– И никаких ракушек, – сказал Март и, указав на Камня, взял копьё и поправил мундир. – Только потому, что ты можешь приготовить что угодно, мы не будем есть всякую дрянь.

– Опьяненные воздухом низинники, – вздохнул Камень. – Разве вы не хотите быть сильными?

– Я хочу сохранить себе зубы, большое спасибо, – ответил Март. – Чокнутый рогоед.

– Я буду готовить два блюда, – сказал Камень, приложив ладонь к сердцу, как будто для салюта. – Для смелых и для глупых. А вы можете выбрать, что вам подходит больше.

– Ты закатишь пиры, Камень, – проговорил Каладин. – Мне нужно, чтобы ты обучил поваров для других барачков. Даже если теперь у Далинара имеются лишние повара, так как приходится кормить меньше регулярных войск, я хочу, чтобы мостовики были самодостаточны. Лоупен, с этого момента Даббид и Шен в

твоем распоряжении – вы помогаете Камню. Мы должны превратить эту тысячу мужчин в солдат. Все начинается с того же самого, что и с вами, – с наполнения их желудков.

– Будет сделано, – улыбнулся Камень и хлопнул Шена по плечу, когда тот подошел на секунду. Паршмен только начал вести себя смелее и, казалось, меньше, чем раньше, прятался за спинами. – Я даже не буду добавлять навоз.

Остальные засмеялись. Добавление навоза в пищу было как раз той причиной, по которой Камень оказался среди мостовиков. Когда Каладин направился к королевскому дворцу – сегодня у Далинара намечено важное совещание с королем – к нему присоединился Сигзил.

– Можно вас на минутку, сэ, – тихо проговорил мостовик.

– Конечно.

– Вы обещали, что у меня будет возможность провести измерения ваших... особенных способностей.

– Обещал? – спросил Каладин. – Я не помню, что давал такое обещание.

– Вы хмыкнули.

– Я... хмыкнул?

– Когда я говорил о том, что нужно провести кое-какие измерения. Казалось, что вам пришла по нраву эта идея, и вы сказали Шраму, что мы можем помочь вам выяснить, на что вы способны.

– Полагаю, что так.

– Нам нужно точно знать, что вы можете, сэ, – диапазон способностей, время, в течение которого в вас удерживается штормсвет. Вы согласны, что четкое понимание ваших пределов будет полезным?

– Да, – нерешительно ответил Каладин.

– Замечательно. Тогда...

– Дай мне пару дней. Подготовь место, где нас никто не увидит. После этого... да, договорились. Я позволю тебе провести измерения.

– Замечательно, – проговорил Сигзил. – Я разработал несколько экспериментов.

Он остановился на тропинке, позволив Каладину и остальным следовать дальше.

Каладин пристроил копьё на плече и расслабил руку. Он часто замечал за собой, что слишком сильно сжимает копьё, так, что белели костяшки пальцев. Как будто какая-то его часть до сих пор не верила, что он вправе носить его прилюдно, и опасалась, что копьё снова могут забрать.

Появилась Сил после ежедневного облета лагеря с утренними ветрами. Она приземлилась на его плечо и уселась, казалось, погруженная в размышления.

Лагерь Далинара мог похвастать хорошей организованностью. Солдаты никогда не слонялись здесь без дела. Они всегда были чем-то заняты: приводили в порядок оружие, приносили продукты, таскали грузы, занимались патрулированием. В этом лагере мужчины часто патрулировали. Даже при сократившейся по численности армии Каладин миновал три патруля, пока его люди шли к воротам. Это на три больше, чем он когда-либо видел в лагере Садеаса.

Каладин в очередной раз обратил внимание на запустение. Мертвым не было нужды превращаться в Несущих Пустоту, чтобы тревожить лагерь: опустевшие бараки делали это за них. Он прошел мимо женщины, которая сидела на земле около одного из пустых барakov и смотрела в небо, держа в руках узел с мужской одеждой. Около нее на тропинке стояли двое маленьких детей. Слишком тихие. Такие маленькие дети не должны вести себя настолько тихо.

Кварталы казарм образовывали огромное кольцо, в центре которого располагалась более населенная часть лагеря – шумный район, включающий в

себя жилой комплекс Далинара и помещения разных кронлордов и генералов. Комплекс Далинара представлял собой похожее на холм каменное убежище с развевающимися знаменами и снующими клерками с полными руками учетных книг. Неподалеку несколько офицеров установили вербовочные палатки, к ним тянулась длинная очередь из потенциальных солдат. Некоторые из них были наемниками, прибывшими на Разрушенные равнины в поисках работы. Другие выглядели как пекари или прочие мирные люди, откликнувшиеся на дополнительный призыв после случившегося несчастья.

– Почему ты не засмеялся? – спросила Сил, изучая очередь, пока Каладин шел мимо, направляясь к воротам из лагеря.

– Извини, – ответил он. – Ты сделала что-то смешное, чего я не заметил?

– Я имею в виду, раньше, – пояснила она. – Камень и остальные засмеялись. А ты нет. Если ты смеялся в течение недель, когда все было плохо, я знала, что ты заставляешь себя это делать. Я думала, что как только все изменится к лучшему...

– Теперь мне нужно присматривать за целым батальоном мостовиков, – ответил Каладин, устремив взгляд вперед. – И охранять жизнь кронпринца. Я посреди лагеря, полного вдов. Что-то не до смеха.

– Но все изменилось к лучшему, – сказала Сил. – Для тебя и твоих людей. Подумай о том, что ты сделал, чего добился.

Целый день кровопролития на плато. Идеальный сплав его самого, оружия и штормов. И он убивал с их помощью. Убивал, чтобы защитить светлоглазых.

«Он не такой, как они», – подумал Каладин.

Они всегда говорили одно и то же.

– Думаю, я просто жду.

– Чего?

– Грома, – тихо ответил он. – За молнией всегда следует гром. Иногда нужно подождать, но в конце концов он приходит.

– Я...

Сил вспорхнула перед ним, зависнув в воздухе, и отодвигалась назад по мере того, как он шел. Она не летала – у нее не было крыльев – и не двигалась взад-вперед, а просто стояла без опоры и перемещалась синхронно с ним. Похоже, она не обращала внимания на обычные физические законы.

Сил вскинула голову.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Проклятие! Я думала, что разобралась во всем этом. Гром? Молния?

– Помнишь, когда ты поддержала меня, чтобы я сразился и спас Далинара, как тебе было больно, когда я убивал?

– Да.

– Это схожее чувство, – тихо сказал Каладин. Посмотрев вбок, он обнаружил, что снова слишком сильно сжимает копьё.

Сил наблюдала за ним, уперев руки в бедра и ожидая, пока он скажет еще что-нибудь.

– Должно случиться что-то скверное, – продолжил Каладин. – Мои дела не могут просто продолжать идти в гору. Жизнь не такая. Не исключено, что это связано со вчерашними глифами на стене у Далинара. Они выглядели как обратный отсчет.

Сил кивнула.

– Ты видела что-либо подобное раньше?

– Я помню... что-то, – прошептала она. – Что-то плохое. Видеть, что произойдет, не соответствует Чести, Каладин. Это другое. Что-то опасное.

Чудесно.

Когда он больше ничего не сказал, Сил вздохнула и пронеслась по воздуху, превратившись в ленточку света. Она следовала за ним поверху, лавируя между порывами ветра.

«Она говорила, что является спреном чести, – подумал Каладин. – Тогда почему она до сих пор продолжает играть с ветрами?»

Нужно будет спросить, если Сил, конечно, ответит. Если она вообще знает ответ.

Торол Садеас сплел перед собой пальцы и положил локти на прекрасную каменную столешницу, пристально глядя на Клинок Осколков, который он воткнул в центр стола. В Клинке отражалось его лицо.

Бездна, когда он успел постареть? Садеас помнил себя молодым мужчиной чуть за двадцать. Теперь ему было пятьдесят лет. Штормовые пятьдесят. Он стиснул зубы, глядя на Клинок.

Носитель Присяги. Клинок Осколков Далинара – изогнутый, как позвоночник, с похожим на крюк острием, с выпуклыми насечками у гарды. Узор на мече походил на движущиеся волны, поднимающиеся из глубин океана.

Как часто он вожделел это оружие? Теперь оно принадлежало ему, но оказалось, что это не приносит удовлетворения. Далинар Холин, обезумевший от горя, сломленный настолько, что испытал страх перед битвой, до сих пор цеплялся за жизнь. Старый друг походил на любимую громгончую, которую пришлось умертвить, но она заскулила под окном, так как яд не выполнил свою задачу. Хуже того, Садеас не мог избавиться от ощущения, что Далинар каким-то образом утер ему нос.

Дверь в гостиную открылась, и внутрь проскользнула Иалай. Из-за тонкой шеи и большого рта его жена никогда не считалась красавицей, особенно в свои годы. Садеасу было все равно. Иалай являлась самой опасной женщиной, которую он знал. Это привлекало намного больше, чем какое-то смазливое личико.

– Вижу, ты испортил мой стол.

Она окинула взглядом Клинок Осколков, вонзенный в центр стола, плюхнулась на маленькую кушетку позади мужа и, облокотившись одной рукой о его спину, положила ноги на стол.

На публике Иалай оставалась идеальной дамой аleti. Наедине с ним предпочитала расслабиться.

– Далинар усиленно набирает новых людей, – продолжила она. – Я воспользовалась возможностью внедрить еще нескольких своих помощников в штат его лагеря.

– Солдат?

– За кого ты меня принимаешь? Это было бы слишком очевидно; он станет тщательно следить за новобранцами. Тем не менее обслуживающего персонала не хватает, так как мужчины откликнулись на призыв принять копьё и усилить армию.

Садеас кивнул, все еще не отводя взгляда от Клинка. Его жена руководила самой впечатляющей шпионской сетью в лагерях. Действительно самой впечатляющей, так как очень мало кто знал о ее существовании. Иалай пощекотала ему спину, вызывая мурашки по коже.

– Далинар обнародовал свое обращение, – заметила она.

– Да. Какая реакция?

– Как и ожидалось. Остальные его возненавидели.

Садеас кивнул.

– Он должен был умереть, но так как этого не сделал, мы можем рассчитывать по крайней мере на то, что со временем он сам себе выроет яму. –

Кронпринц прищурился. – Уничтожая его, я пытался предотвратить развал королевства. А теперь задаюсь вопросом, не будет ли этот развал лучшим выходом для всех нас.

– Что?

– Я не предназначен для этого, любовь моя, – прошептал Садеас. – Эта дурацкая игра на плато. Поначалу она удовлетворяла меня, но со временем стала вызывать отвращение. Я хочу воевать, Иалай. А не маршировать часами в надежде поучаствовать в мелкой стычке!

– Эти мелкие стычки приносят нам богатство.

Именно поэтому Садеас терпел их так долго. Он встал.

– Мне нужно встретиться кое с кем из остальных. С Аладаром. С Рутаром. Нам необходимо раздуть пламя среди других кронпринцев, усилить их негодование в ответ на то, что пытается повернуть Далинар.

– И какова наша конечная цель?

– Я получу ее снова, Иалай, – проговорил кронпринц, обхватив пальцами рукоять Носителя Присяги. – Радость завоевания.

Это была единственная вещь, которая все еще заставляла его чувствовать себя живым. Восхитительная, чудесная *дрожь*, когда ты находишься на поле битвы и сражаешься один на один. Рискуя всем ради награды. Господства. Победы.

Единственный момент, когда он снова чувствовал себя молодым.

Суровая правда. Впрочем, самая лучшая правда всегда проста.

Садеас схватил Носителя Присяги и дернул, вытаскивая из стола.

– Теперь Далинар хочет поиграть в политика, что неудивительно. Он всегда втайне хотел быть своим братом. К счастью для нас, он не имеет к этому способностей. Его обращение оттолкнет остальных. Далинар надавит на кронпринцев, и они возьмутся за оружие против него, разрушив королевство. А потом, с лужей крови у ног и мечом Далинара в руке, из пламени и слез я выкую новый Алеткар.

– Что, если вместо этого он преуспеет?

– Тогда, моя дорогая, нам пригодятся твои наемные убийцы. – Садеас отпустил Клинок Осколков, тот превратился в туман и исчез. – Я заново завоеую это королевство, а за ним последует Джа Кевед. В конце концов, цель этой жизни заключается в тренировке солдат. В каком-то смысле, я только делаю то, чего хочет сам Бог.

Дорога между казармами и королевским дворцом, который Элокар стал называть Пиком, занимала около часа, что давало Каладину массу времени для размышлений. По пути он миновал группу хирургов Далинара, вместе со слугами собиравших в поле сок черного василька для антисептика. Увидев их, Каладин вспомнил не только о том, как он сам пытался собирать сок, но и как это делал его отец. Лирин.

«Если бы он оказался здесь, – подумал Каладин, проходя мимо хирургов, – то спросил бы меня, почему я не там, не с ними. Он потребовал бы от меня ответ, почему, когда меня принял Далинар, я не попросил присоединиться к его корпусу медиков».

На самом деле Каладин, возможно, смог бы уговорить Далинара использовать весь Четвертый мост в качестве помощников хирургов. Каладин мог бы так же легко обучить их медицине, как и владению копьем. Далинар пошел бы на это. В армии никогда не бывало слишком много хороших хирургов.

Он даже не задумывался над подобным вариантом. Выбор был проще – стать телохранителями Далинара или покинуть военные лагеря. Каладин снова выбрал для своих людей путь навстречу шторму. Почему?

В конце концов они добрались до королевского дворца, выстроенного на склоне большого каменного холма с высеченными в скале туннелями. Личные покои короля располагались на самом верху. Каладину и его людям предстояло преодолеть весь подъем. Они начали подниматься по серпантину. Мостовик все еще был погружен в мысли об отце и долге.

– Знаешь, это немного нечестно, – проговорил Моаш, когда они достигли вершины.

Каладин посмотрел на остальных, осознав, что все они тяжело дышат после долгого подъема. Каладин же вдохнул штормсвет, не заметив его. Он даже не вспотел.

Капитан мостовиков подчеркнуто улыбнулся специально для Сил и оглядел пещерообразные коридоры Пика. Несколько человек охраняли входные ворота. Они были одеты в сине-золотые мундиры королевской стражи, отдельного и особого подразделения из собственной стражи Далинара.

– Солдат, – кивнул Каладин одному из них, светлоглазому низкого ранга.

С армейской точки зрения Каладин превосходил такого солдата, но не с социальной. Опять же, он не был уверен, как все это должно работать.

Мужчина оглядел его с головы до ног.

– Я слышал, что вы удерживали мост практически в одиночку против сотен паршенди. Как вам это удалось?

Он опустил слово «сэр», которое полагалось при обращении к любому другому капитану.

– Хочешь узнать, как? – огрызнулся Моаш позади. – Можем показать тебе. Лично.

– Тихо, – осадил Каладин Моаша и повернулся обратно к солдату. – Мне повезло. Вот и все. – Он пристально посмотрел мужчине в глаза.

– Полагаю, в этом есть смысл.

Каладин продолжал ждать.

– Сэр, – в конце концов выдавил солдат.

Каладин махнул своим людям, чтобы те двигались вперед, и они прошли мимо светлоглазых стражников. Внутренние помещения дворца были залиты светом сфер, помещенных в лампы на стенах – сапфиры и бриллианты вперемешку, чтобы получилось сине-белое освещение. Сферы являлись мелким, но убедительным напоминанием, насколько все изменилось. Раньше никто не позволил бы мостовикам находиться в месте, где сферы используются так небрежно.

Каладин еще не изучил Пик, до сих пор его дежурство по охране Далинара выпадало в основном на военные лагеря. Тем не менее он позаботился о том, чтобы взглянуть на карты этого места, и знал путь наверх.

– Почему ты так оборвал меня? – спросил Моаш, догоняя Каладина.

– Ты был неправ, – ответил Каладин. – Ты теперь солдат, Моаш. Тебе придется научиться вести себя соответственно. И это означает не провоцировать драки.

– Я не собираюсь угодничать и кланяться перед светлоглазыми, Кэл. Больше этого не будет.

– Я не ожидаю, что ты будешь угодничать, но действительно жду, что ты будешь следить за языком. Четвертый мост выше мелочных насмешек и угроз.

Моаш отошел, но Каладин чувствовал, что тот все еще кипятится.

– Как странно, – проговорила Сил, снова приземляясь на плечо Каладина. – Он выглядит таким сердитым.

– Когда я занялся мостовиками, – тихо ответил Каладин, – они были как звери в клетке, забитые до покорности. Я возродил их дух, но они все еще оставались взаперти. Теперь двери этих клеток открыты. Моашу и остальным понадобится время, чтобы привыкнуть.

У них получится. В течение последних недель в свою бытность мостовиками они научились действовать с четкостью и дисциплиной солдат. Они ждали наготове, пока их угнетатели переправлялись по мостам, никогда не высказывая ни слова насмешки. Их дисциплина сама по себе стала оружием.

Они научатся быть настоящими солдатами. Нет, они уже настоящие солдаты. Теперь им нужно научиться, как вести себя, когда нет нужды сопротивляться гнету Садеаса.

Моаш подошел к нему сбоку.

– Извини, – тихо сказал он. – Ты прав.

Каладин улыбнулся, на этот раз искренне.

– Я не собираюсь притворяться, что не испытываю к ним ненависти, – сказал Моаш. – Но я буду вести себя цивилизованно. У нас есть долг. Мы исполним его как следует. Лучше, чем кто-либо ожидает. Мы – Четвертый мост.

– Молодец, – ответил Каладин.

С Моашем было особенно тяжело найти общий язык, чем дальше, тем сложнее, но Каладин обнаружил, что начинает доверять этому человеку. Большинство остальных боготворили Каладина. Но не Моаш, который приблизился к понятию «настоящий друг» так близко, как еще не случалось с Каладином после того, как его заклеямили.

По мере того как они приближались к королевскому залу совета, убранство коридора становилось все более пышным. Встретилась даже серия вырезанных на стенах барельефов – Герольды, украшенные драгоценными камнями для подсветки.

«Все больше и больше напоминает город», – подумал Каладин. Скоро это место может действительно превратиться в дворец.

Он встретил Шрама и его отряд у двери в королевский зал совета.

– Докладывай, – негромко проговорил Каладин.

– Тихое утро, – ответил Шрам. – И я не имею ничего против.

– Тогда ты свободен до конца дня, – сказал Каладин. – Я останусь здесь на время совета, потом Моаш заступит на послеполуденную смену. Вернусь вечером. Ты и твой отряд поспите; вы вернетесь на дежурство ночью и простояте до завтрашнего утра.

– Есть, сэр, – сказал Шрам, отсалютовав. Он собрал своих людей и двинулся прочь.

Зал за дверьми оказался украшен толстым ковром и большими окнами без ставен с подветренной стороны. Каладин никогда раньше не бывал в этом помещении, а карты дворца – ради защиты короля – включали только главные коридоры и пути, проходящие через комнаты слуг. В этом зале находилась еще одна дверь, ведущая, вероятно, на балкон, и не было других выходов, кроме того, через который зашел Каладин.

Два других стражника в сине-золотой форме стояли по обе стороны двери. Около стола расхаживал король собственной персоной. Его нос был крупнее, чем изображали на портретах.

Далинар разговаривал со светледи Навани, элегантной женщиной с сединой в волосах. Скандальные отношения между дядей и матерью короля стали бы главной сплетней в военных лагерях, если бы их не затмило предательство Садеаса.

– Моаш, – произнес Каладин, показывая на дверь. – Посмотри, куда она ведет. Март и Эт, займите пост снаружи. Никто кроме кронпринцев не должен заходить, пока мы не разрешим.

Моаш отсалютовал королю вместо того, чтобы поклониться, и проверил дверь. Она действительно вела на балкон, который Каладин заметил снизу. Балкон опоясывал всю расположенную наверху комнату.

Далинар наблюдал за Каладином и Моашем, пока они проверяли зал. Каладин поприветствовал кронпринца и встретился с ним взглядом. Он больше не подведет, как это случилось днем раньше.

– Я не узнаю этих стражников, дядя, – раздраженно проговорил король.

– Они новенькие, – ответил Далинар. – Больше на балкон никак не попасть, солдат. Здесь высота сто футов.

– Буду знать, – сказал Каладин. – Дрехи, иди на балкон к Моашу, закрой дверь и продолжай смотреть в оба.

Дрехи кивнул, поспешив с энтузиазмом выполнить приказ.

– Я ведь только что сказал: на балкон никак не попасть снаружи, – повторил Далинар.

– Тогда именно так я попытался бы пробраться внутрь, – ответил Каладин. – Если бы мне это понадобилось, сэр.

Далинар удивленно улыбнулся.

Король, однако, одобрительно качал головой.

– Хорошо... очень хорошо.

– Есть ли другие способы попасть в эту комнату, ваше величество? – спросил Каладин. – Тайные проходы, коридоры?

– Если бы они были, – сказал король, – я бы не хотел, чтобы о них знали.

– Мои люди не смогут охранять помещение, если мы не будем знать, что охраняем. Если здесь есть проходы, о которых никто не должен знать, они сразу же попадают под подозрение. Если вы поделитесь со мной этой информацией, я буду использовать для их охраны только моих офицеров.

Несколько мгновений король пристально разглядывал Каладина, а затем повернулся к Далинару.

– Он мне нравится. Почему ты не сделал его главой охраны раньше?

– У меня не было такой возможности, – ответил Далинар, наблюдая за Каладином тяжелым задумчивым взглядом.

Кронпринц подошел и положил руку на плечо мостовика, увлекая его за собой в сторону.

– Подожди, – заговорил король позади, – это нашивка капитана? На темноглазом? С каких пор у нас творится подобное?

Далинар не ответил и отвел Каладина в боковую часть зала.

– Король, – сказал он тихо, – очень опасается наемных убийц. Тебе следует знать.

– Здоровая паранойя только облегчит работу для охраны, сэр, – ответил Каладин.

– Я не сказал, что она здоровая, – проговорил Далинар. – Ты называешь меня «сэр». Общепринятое обращение – «светлорд».

– Я буду использовать это обращение, если вы прикажете, сэр, – сказал Каладин, встретившись с ним глазами. – Но «сэр» – подходящее обращение даже для светлоглазого, если он твой непосредственный начальник.

– Я – кронпринц.

– Говоря откровенно, каждый человек, которого я когда-либо называл «светлордом», предал меня. Несколько человек, которых я называл «сэр», пользуются моим доверием до сих пор. Так что я использую одно обращение с большим почтением, чем другое. Сэр.

Каладин не собирался спрашивать разрешения. Этот человек назначил его на данную должность, поэтому он полагал, что получил определенные привилегии, если не будет сказано иначе.

– Ты странный парень, сынок.

– Все нормальные погибли в ущельях, сэр, – тихо ответил Каладин. – Садеас об этом позаботился.

– Что ж, расположи своих людей на балконе с дальней стороны так, чтобы они ничего не могли услышать через окно.

– Я подожду с ними в коридоре, – сказал Каладин, заметив, что двое королевских стражников уже вышли за двери.

– Этого я не приказывал, – ответил Далинар. – Охраняй дверь, но изнутри. Я хочу, чтобы ты слышал то, что мы планируем сделать. Просто не повторяй ничего из услышанного за пределами комнаты.

– Есть, сэр.

– В совете будут участвовать еще четыре человека, – сказал Далинар. – Мои сыновья, генерал Хал и светледи Тешав, жена Хала. Они могут войти. Остальных не пускай до тех пор, пока совет не закончится.

Далинар вернулся к разговору с матерью короля. Каладин приказал Моашу и Дрехи занять позиции и объяснил входной регламент Марту и Эту. Позже ему нужно будет им кое-что растолковать. Когда светлоглазые говорят «больше никого не пускать», они никогда не имеют в виду «больше никого не пускать». На самом деле это означает «если ты кого-нибудьпустишь внутрь, лучше бы это было действительно важно, иначе у тебя появятся проблемы».

Каладин занял пост внутри и закрыл дверь, встав напротив стены с резными панелями, выполненными из редкого дерева, названия которого он не знал.

«Вероятно, они стоят больше, чем я заработал за всю свою жизнь, – отстраненно подумал он. – Одна деревянная панель».

Прибыли сыновья кронпринца, Адолин и Ренарин Холины. Каладин видел первого на поле боя, хотя без Доспехов Осколков он выглядел по-другому. Менее внушительно. Больше как избалованный богатый мальчик. О, Адолин носил форму, как и все остальные, но на пуговицах виднелась гравировка, а сапоги... это были кожаные сапоги без единой царапины. Совсем новые, купленные, скорее всего, за баснословную цену.

«Однако он спас ту женщину на рынке, – подумал Каладин, вспомнив их первую встречу несколько недель назад. – Не забывай об этом».

Каладин не был уверен в том, что представляет из себя Ренарин. Юноша носил очки и следовал за братом как тень. Он мог быть старше самого Каладина, но выглядел определенно моложе. Его слабые руки и изящные пальцы никогда не знали битвы или тяжелой работы.

Сил сновала по комнате, заглядывая в укромные уголки, щели и вазы. Она остановилась на пресс-папье за женским письменным столом рядом с королевским креслом и стала исследовать кристалл со странным ракообразным, заточенным внутри. Уж не крылья ли там?

– Не должен ли он ждать снаружи? – спросил Адолин, кивнув в сторону Каладина.

– То, что мы собираемся сделать, подвергнет мою жизнь непосредственной опасности, – ответил Далинар, заложив руки за спину. – Я хочу, чтобы он знал детали. Это может оказаться важным для его работы.

Далинар не смотрел ни на Адолина, ни на Каладина.

Принц подошел к Далинару, взял его под руку и сказал приглушенным голосом, но не настолько тихо, чтобы Каладин не расслышал:

– Мы едва знаем его.

– Мы должны доверять некоторым людям, Адолин, – ответил его отец нормальным голосом. – Если в армии и есть человек, который, я могу гарантировать, не работает на Садеаса, то этот солдат – он.

Далинар повернулся и, взглянув на Каладина, снова стал изучать его своими бездонными глазами.

«Он не видел меня со штормсветом, – убеждал себя Каладин. – Он был практически без сознания. Он не знает. Или знает?»

Адолин всплеснул руками, но отошел на другую сторону зала, бормоча что-то брату. Каладин остался на своем месте, удобно встав в вольную позицию.

«Да, определенно избалованный».

Прибывший вскоре генерал оказался проворным лысым мужчиной с прямой осанкой и бледно-желтыми глазами. У его жены, Тешав, было вытянутое лицо и темные волосы со светлыми прядями. Она села на место за письменным столом, которое Навани даже не сделала попытки занять.

– Докладывайте, – приказал стоявший у окна Далинар, после того как за вошедшими закрылась дверь.

– Подозреваю, вы уже знаете, что услышите, светлорд, – проговорила Тешав. – Кронпринцы в бешенстве. Они искренне надеялись, что вы отмените приказ, и его обнародование привело их в ярость. Только Хатам сделал публичное заявление. Он планирует, цитирую, «посмотреть, как король разочаруется в этой опрометчивой и неосмотрительной линии поведения».

Король вздохнул, поудобнее устраиваясь в кресле. Ренарин немедленно сел, как и генерал. Адолин опустил на стул более неохотно.

Далинар остался стоять, глядя в окно.

– Дядя? – нарушил молчание король. – Ты слышал об их реакции? Хорошо, что ты не зашел настолько далеко, как планировал: объявить, что они должны подчиняться Кодексу или столкнуться с конфискацией имущества. Мы оказались бы в центре восстания.

– Дойдет и до этого, – ответил Далинар. – Я все еще задаю себе вопрос, следовало ли объявить обо всем сразу. Когда из тебя торчит стрела, иногда лучше всего просто выдернуть ее одним движением.

Вообще-то, если в тебе стрела, лучшим решением было оставить все как есть, пока не удастся найти хирурга. Часто стрела не давала истечь кровью и сохраняла жизнь. Но самое разумное, скорее всего, – промолчать и не портить метафору кронпринца.

– Шторма, что за жуткий образ, – сказал король, вытирая лицо носовым платком. – Тебе обязательно нужно говорить такие вещи, дядя? Я уже боюсь, что мы будем мертвы еще до конца недели.

– Твой отец и я пережили гораздо более страшные вещи, чем то, что происходит сейчас, – произнес Далинар.

– Тогда у вас имелись союзники! Три кронпринца за вас, только шесть против, и вы никогда не сражались с ними всеми одновременно.

– Если кронпринцы объединятся, – сказал генерал Хал, – мы не сможем противостоять им. У нас не останется иного выбора, кроме как отозвать обращение, а это окончательно ослабит трон.

Король откинулся назад, поднеся руку ко лбу.

– Джебрезе ²свидетель, это обернется катастрофой.

Каладин выгнул бровь.

² Ник Герольда должен быть симметричным согласно принципам воринизма. Соблюдается в оригинале (Jezerezeh, «h» заменяет любую букву), но «h» не произносится и обычно не переводится.

– Ты не согласен? – спросила Сил, приблизившись к нему в виде горстки трепещущих листьев. Было непривычно слышать ее голос, исходящий из такой необычной формы. Остальные присутствующие, конечно же, не могли ни видеть, ни слышать ее.

– Нет, – прошептал Каладин. – Это обращение вызовет настоящую бурю. Просто я ожидал, что король окажется менее... ну, плаксивым.

– Мы должны обеспечить себе союзников, – сказал Адолин. – Сформировать коалицию. Садеас соберет свою собственную, и мы будем противостоять ему объединенными силами.

– Раскол королевства надвое? – спросила в ответ Тешав, покачивая головой. – Я не вижу, как гражданская война могла бы послужить трону. Особенно та, которую мы вряд ли сможем выиграть.

– Гражданская война может вызвать гибель Алеткара как государства, – согласился генерал.

– Алеткар погиб как государство столетия назад, – мягко ответил Далинар, глядя в окно. – То, что мы создали, не Алеткар. Алеткар был справедливостью, а мы как дети, носящие отцовский плащ.

– Но дядя, – возразил король, – в конце концов, королевство это уже что-то. Больше, чем было на протяжении столетий! Если мы потерпим неудачу сейчас, а государство разделится на десять враждующих княжеств, мы разрушим все то, ради чего трудился мой отец!

– Твой отец трудился ради другого, сынок, – ответил Далинар. – Эта игра на Разрушенных равнинах – не более чем тошнотворный политический фарс. Это не то, что представлял Гавилар. Грядет Вечный Шторм...

– Что? – спросил король.

Далинар наконец отвернулся от окна, подошел к остальным и положил руку на плечо Навани.

– Мы найдем способ или же обречем все королевство на уничтожение. Но я больше не намерен терпеть этот фарс.

Скрестив руки на груди, Каладин постукивал пальцем по локтю.

– Далинар ведет себя так, будто он король, – прошептал мостовик настолько тихо, что только одна Сил могла его услышать. – Впрочем, как и все остальные.

Это настораживало. Так же вел себя Амарам. Улучив нужный момент, он захватывал власть, даже если она ему не принадлежала.

Навани взглянула на Далинара, положив свою руку поверх его. Судя по этому жесту, она поддержит его, что бы он ни собирался сделать.

Но по королю такого сказать было нельзя. Он лишь вздохнул:

– Очевидно, у тебя есть план, дядя. Ну? Давай покончим с этим. Драма меня утомляет.

– Чего я хочу на самом деле, – заговорил Далинар откровенно, – так это избить их до потери сознания. Именно так я поступаю с новыми рекрутами, когда они не хотят подчиняться приказам.

– Думаю, трудно тебе придется, вбивая послушание в кронпринцев, дядя, – сухо произнес король. По какой-то причине он неосознанно потер грудь.

– Вам нужно разоружить их.

Каладин понял, что произнес эти слова вслух.

Все, кто находился в комнате, повернулись к нему. Ее светлость Тешав наградила его хмурым взглядом, как будто Каладин не имел права говорить. Возможно, так оно и было. Однако Далинар кивнул ему.

– Солдат? У тебя есть предложения?

– Прошу прощения, сэр, – ответил Каладин. – И прошу вашего прощения, ваше величество. Но если отряд создает проблемы, первое, что нужно сделать, –

изолировать его членов. Разделить их, перевести в более спокойные отряды. Не думаю, что у вас получится такое в данной ситуации.

– Я не знаю, как нам разделить кронпринцев, – сказал Далинар. – Сомневаюсь, что смогу помешать им объединиться друг с другом. Возможно, если бы войне настал конец, я мог бы возложить на кронпринцев различные обязанности, разослать их и затем обработать поодиночке. Но на текущий момент мы здесь все равно что в западне.

– Что ж, второе, что следует сделать с нарушителями порядка, – сказал Каладин, – это разоружить их. Если вы заставите их сложить копья, контролировать их будет намного легче. Для них будет постыдно снова почувствовать себя новобранцами. Поэтому... возможно, вам стоит отобрать у них войска?

– Боюсь, мы не можем этого сделать, – ответил Далинар. – Солдаты давали клятву верности своим светлоглазым, а не конкретно трону – ему присягали служить только кронпринцы. Но ты думаешь в правильном направлении.

Он сжал плечи Навани.

– Последние две недели, – продолжил кронпринц, – я пытался найти решение проблемы. Моя интуиция подсказывает мне, что я должен обращаться с кронпринцами – и всеми светлоглазыми жителями Алеткара – как с новобранцами, нуждающимися в дисциплине.

– Он приходил ко мне, и мы все обсудили, – добавила Навани. – На самом деле мы не можем низвести кронпринцев до статуса, когда ими легко будет манипулировать, как бы ни хотел Далинар сделать именно это. Взамен нам нужно заставить их поверить в то, что мы отберем у них все, если они не возьмутся за ум.

– Обращение заставит их потерять голову, – сказал Далинар. – Именно этого я и хочу. Хочу, чтобы они задумались о войне, о своем месте в ней. Хочу напомнить им об убийстве Гавилара. Если у меня получится заставить их действовать как солдат, даже если это будет означать, что они поднимут оружие против меня, тогда я, возможно, смогу их уговорить. Я могу убедить солдат. Как ни крути, мой план будет включать в себя угрозу того, что я заберу их авторитет и власть, если они не будут использовать их правильно. И все начнется, как посоветовал капитан Каладин, с их разоружения.

– Разоружение кронпринцев? – спросил король. – Что еще за глупость?

– Это не глупость, – улыбнулся Далинар. – Мы не можем забрать их армии, но можем сделать кое-что другое. Адолин, я намереваюсь снять запрет с твоих ножен.

Адолин нахмурился, несколько мгновений обдумывая услышанное. Затем его лицо озарила широкая ухмылка.

– Ты имеешь в виду, что позволишь мне снова драться на дуэлях? Правда?

– Да, – ответил Далинар. Он повернулся к королю. – В течение долгого времени я не разрешал ему участвовать в важных поединках, так как Кодекс запрещает дуэли чести между офицерами во время войны. Тем не менее чем дальше, тем все больше я приходил к пониманию того, что остальные не считают, что находятся на войне. Они участвуют в игре. Пора позволить Адолину сражаться в официальных поединках с другими Носителями Осколков.

– Чтобы он мог их унижить? – спросил король.

– Смысл заключается не в том, чтобы их унижить, а в том, чтобы отобрать у них Осколки.

Далинар прошел в центр перед сидящими.

– Кронпринцам будет тяжело бороться против нас, если мы возьмем под контроль все Доспехи и Клинки Осколков в армии. Адолин, я хочу, чтобы ты вызывал на дуэли чести Носителей Осколков других кронпринцев и чтобы призом были сами Осколки.

– Они не согласятся на такое, – сказал генерал Хал. – Они будут отказываться от поединков.

– Значит, нам нужно позаботиться о том, чтобы они согласились, – ответил Далинар. – Необходимо найти способ заставить их сражаться, если придется – унижить. Думаю, это оказалось бы гораздо проще, если бы нам удалось выследить, куда удрал Шут.

– Что будет, если парень проиграет? – спросил генерал Хал. – План кажется слишком непредсказуемым.

– Посмотрим, – сказал Далинар. – Это только часть того, что мы предпримем, меньшая часть, но в то же время самая заметная. Адолин, все рассказывают мне, насколько ты хорош в дуэлях, и ты непрерывно надоедал мне просьбами ослабить запрет. В армии тридцать Носителей Осколков, не считая наших собственных. Сможешь ли ты их победить?

– Смогу ли я? – ухмыльнулся Адолин. – Да я даже не вспотею при условии, что смогу начать с Садеаса.

«Значит, он не только избалованный, но и самоуверенный», – подумал Каладин.

– Нет, – проговорил Далинар. – Садеас никогда не примет личный вызов, хотя вывести его из игры – наша цель. Мы начнем с менее важных Носителей и будем двигаться постепенно.

Остальные в комнате казались обеспокоенными. Даже ее светлость Навани, которая жвала губы в тонкую линию и смотрела на Адолина. Возможно, она поддерживала план Далинара, но ей была не по нраву идея, что племянник будет драться на дуэлях.

Однако произнесла она совсем другое:

– Как заметил Далинар, это не главное в нашем плане. Будем надеяться, нам не понадобится, чтобы дуэли Адолина заходили слишком далеко. В основном они предназначены, чтобы вызвать волнение и страх, оказать давление на те группировки, которые настроены против нас. Большая часть того, что нам нужно сделать, заключается в сложном и точном политическом шаге для объединения с теми, кого получится переманить на нашу сторону.

– Навани и я будем работать над тем, чтобы убедить кронпринцев в преимуществах объединенного Алеткара, – продолжил Далинар, кивая. – Хотя, Отец Штормов свидетель, я менее уверен в своей политической проницательности, чем Адолин в своих дуэлях. Это должно произойти. Если действия Адолина станут для них кнутом, то мои должны показаться пряником.

– Появятся убийцы, дядя, – устало сказал Элокар. – Я не думаю, что Хал прав; Алеткар не расколется сразу же. Кронпринцам нравится идея объединенного королевства. Но они также любят свои состязания, веселье, гемсердца. Поэтому они отправят наемных убийц. Сначала втихомолку и, возможно, не к тебе или ко мне. К нашим семьям. Садеас и остальные постараются причинить нам боль, попробуют заставить нас отказаться от борьбы. Ты готов рискнуть своими сыновьями в такой ситуации? Что насчет моей матери?

– Да, ты прав, – ответил Далинар. – Я не... Но да. Так они и мыслят. – Каладину показалось, что в его голосе прозвучало раскаяние.

– И ты все еще хочешь придерживаться подобного плана? – спросил король.

– У меня нет выбора, – сказал Далинар.

Он отвернулся, снова отошел к окну и стал смотреть на запад, в сторону континента.

– Тогда скажи мне по крайней мере вот что, – сказал Элокар. – Какова твоя конечная цель, дядя? Чего ты хочешь добиться в итоге? Что бы ты хотел видеть через год, если мы переживем эту неудачу?

Далинар положил руки на толстый каменный подоконник. Он смотрел наружу так, как будто мог видеть там что-то, недоступное для остальных.

– Я сделаю нас теми, кем мы были раньше, сынок. Королевством, которое может выдержать шторма, королевством, в котором царит свет, а не тьма. У меня будет по-настоящему единый Алеткар, с теми кронпринцами, кто верен и справедлив. И даже больше. – Он побарабанил по подоконнику. – Я собираюсь возродить Сияющих рыцарей.

От потрясения Каладин чуть не уронил копьё на пол. К счастью, на него никто не смотрел – все вскочили на ноги, уставившись на Далинара.

– Сияющие? – переспросила ее светлость Тешав. – Вы сошли с ума? Вы собираетесь попытаться возродить секту предателей, которые оставили нас на растерзание Несущим Пустоту?

– Все остальное звучит неплохо, отец, – проговорил Адолин, делая шаг вперед. – Я знаю, что ты много думаешь о Сияющих, но ты видишь их... не так, как все остальные. Не выйдет ничего хорошего, если ты объявишь, что хочешь подражать им.

Король только застонал, спрятав лицо в ладонях.

– Люди ошибаются на их счет, – сказал Далинар. – А даже если и нет, первоначальные Сияющие, основанные Герольдами, были порядочными и справедливыми, что признает даже воринская церковь. Мы должны напомнить людям, что Сияющие рыцари как орден являлись символом чего-то величественного. Если бы это не было правдой, они не могли бы «пасть», как утверждается в легендах.

– Но зачем? – спросил Элокар. – В чем смысл?

– Я должен это сделать. – Далинар помедлил. – Я до сих пор не до конца уверен, зачем именно. Могу сказать только, что мне дали такие указания. В качестве защиты и подготовки перед тем, что грядет. Какой-то шторм. Возможно, окажется, что против нас просто ополчатся кронпринцы. Я сомневаюсь в этом, но, возможно.

– Отец, – произнес Адолин, положив ладонь на руку Далинара. – Это все, конечно, очень хорошо, и, может быть, у тебя получится изменить общее представление о Сияющих, но... Душа Ишар, отец! Они были способны делать вещи, недоступные нам. Просто назвать кого-то Сияющим еще не значит, что он получит фантастические силы, как в легендах.

– Смысл существования Сияющих гораздо глубже, чем просто их способности. Они следовали идеалу. Чего как раз не хватает в наши дни. Мы, возможно, не сможем превратиться в древних волноплетов – получить их силы – но мы можем постараться скопировать Сияющих другими способами. Я настаиваю на этом. Не пытайтесь меня отговорить.

Остальные не казались убежденными.

Каладин прищурился. Так знал Далинар о его способностях или нет?

Совет занялся более приземленными темами, например, как заставить Носителей Доспехов сражаться с Адолином и как усилить патрули на прилегающих территориях. Далинар считал, что для его замыслов необходимо предварительно обезопасить военные лагеря.

Когда совет наконец завершился и большинство присутствующих разошлись, спеша выполнить приказы, Каладин все еще размышлял над тем, что Далинар сказал о Сияющих. Кронпринц не осознавал этого, но оказался предельно точным. У Сияющих рыцарей действительно были идеалы, и они их так и называли. Пять идеалов, бессмертные слова.

«Жизнь перед смертью, – подумал Каладин, поигрывая сферой, которую достал из кармана, – сила перед слабостью, путь перед целью».

Эти слова составляли первый идеал во всей его полноте. У Каладина имелось только слабое представление, что все это значит, но его невежество не помешало ему сформулировать второй идеал Бегущих с Ветром – клятву защищать тех, кто не мог защитить себя сам.

Сил не открыла ему оставшиеся три. Она сказала, что Каладин узнает их, когда придет время. Или не узнает и не продвинется вперед.

Хотел ли он этого? Чтобы стать кем? Одним из Сияющих рыцарей? Каладин никогда не просил, чтобы его жизнью правили чьи-то чужие идеалы. Он просто хотел выжить. А теперь он каким-то образом оказался на пути, по которому ни один человек не ступал уже многие века. С возможностью стать тем, кого люди по всему Рошару ненавидели или боготворили. Так много внимания...

– Солдат? – позвал Далинар, остановившись около двери.

– Сэр.

Каладин выпрямился и отсалютовал. Ему нравилось стоять по стойке смирно, занимать свое место. Он не был уверен, приятное ли это воспоминание о жизни, которую он когда-то любил, или жалостливые переживания громгончей, снова посаженной на привязь.

– Мой племянник прав, – сказал Далинар, провожая взглядом короля, уходящего по коридору. – Моей семье могут попытаться причинить вред. Таков их образ мыслей. Понадобится постоянная охрана для Навани и моих сыновей. Твои лучшие люди.

– У меня их примерно два с половиной десятка, сэр, – ответил Каладин. – Этого недостаточно для полных круглосуточных охранных нарядов для вас четверых. Мне стоило обучить больше людей задолго до этого, но копьё в руках мостовика не делает его солдатом, а уж тем более хорошим телохранителем.

Далинар озабоченно кивнул и потер подбородок.

– Сэр?

– В моем лагере не только твои силы на пределе, солдат, – сказал Далинар. – Из-за предательства Садеаса я потерял много людей. Очень хороших людей. Теперь я ограничен во времени. Чуть более шестидесяти дней...

Каладин почувствовал озноб. Кронпринц слишком серьезно отнесся к числу, нацарапанному на стене.

– Капитан, – тихо сказал Далинар, – Мне нужен каждый боеспособный человек, который у нас есть. Я должен натренировать их, восстановить армию, подготовить нас к шторму. Необходимо организовать сражение с паршенди на плато, чтобы новички получили боевой опыт.

Какое отношение это имело к Каладину?

– Вы обещали, что моим людям не придется сражаться на плато.

– Я сдержу свое обещание, – ответил Далинар. – Но есть еще двести пятьдесят солдат в королевской страже. Среди них остались боеспособные офицеры, выжившие в последнем сражении. И мне стоит поставить их командовать новобранцами.

– Мне придется присматривать не только за членами вашей семьи, я правильно понимаю? Вы хотите сказать, что вверяете мне еще и охрану короля? – спросил Каладин, чувствуя, как на его плечи взвалили новую ношу.

– Да, – ответил Далинар. – Не сразу, но да. Мне нужны эти солдаты. Кроме того, я считаю ошибкой иметь два отдельных охранных подразделения. Мне кажется наименее вероятным, что среди твоих людей затесались шпионы, учитывая их прошлое. Ты должен знать, что не так давно на короля, возможно, было совершено покушение. Я до сих пор не выяснил, кто за ним стоял. Но беспокоюсь, вдруг в нем участвовал кто-то из охраны Элокара.

Каладин глубоко вздохнул.

– Что произошло?

– Элокар и я охотились на скального демона, – ответил Далинар. – Во время суматохи, начавшейся в разгар охоты, Доспехи короля едва не подвели его. Мы обнаружили, что многие исправные драгоценные камни кто-то заменил на испорченные, которые треснули во время сражения.

– Я не много знаю о Доспехах, сэр, – ответил Каладин. – Но не могли они сами сломаться, без диверсии?

– Могли. Но это маловероятно. Я хочу, чтобы твои люди занялись охраной дворца и короля. Вы будете чередоваться сменами с королевской стражей. Так вы познакомитесь с королем и с дворцом. Заодно поучитесь делу у опытных стражников. В то же время я собираюсь начать отбор офицеров из его стражи для обучения солдат в моей армии. Через несколько недель мы объединим ваши группы в одну. Ты будешь командовать. Как только подготовишь мостовиков из других бригад достаточно хорошо, вы придете на смену солдатам в страже, которых я заберу в свою армию.

Далинар посмотрел Каладину в глаза.

– Ты справишься с этим, солдат?

– Да, сэр, – произнес Каладин, хотя какая-то часть его разума пребывала в панике. – Я справлюсь.

– Хорошо.

– Сэр, предложение. Вы говорили, что собираетесь усилить патрули за пределами лагерей, чтобы обеспечить безопасность на холмах вблизи Разрушенных равнин?

– Да. Число бандитов удручает. Теперь это земля алети, и здесь должны следовать нашим законам.

– Мне требуется подготовить тысячу человек, – сказал Каладин. – Патрулирование за пределами лагеря помогло бы им ощутить себя солдатами. Я мог бы задействовать достаточное количество людей, чтобы дать почувствовать разбойникам нашу силу, возможно, даже заставить их отступить. При этом моим людям не придется много сражаться.

– Хорошо. Патрулями командует генерал Хал. Но он теперь мой самый высокопоставленный командир и должен заниматься другими вещами. Готовь своих людей. В конечном итоге твоя тысяча займется настоящим патрулированием дорог между лагерями, Алеткар и портами на юге и востоке. Я хочу иметь в своем распоряжении разведывательные отряды, которые будут искать следы разбойничьих лагерей и атакованные караваны. Мне нужны данные о том, насколько серьезна опасность и как велика бандитская активность за пределами лагеря.

– Я лично прослежу за этим, сэр.

Штурма! Как он собирался все успеть?

– Хорошо, – сказал Далинар.

Сложив руки за спиной, кронпринц вышел из комнаты, как будто глубоко погрузившись в размышления. Моаш, Эт и Март последовали за ним, как и приказал Каладин. Далинар всегда находился под присмотром двух человек, а когда Каладин мог обеспечить – трех. Со временем он хотел увеличить число до четырех-пяти, но, штурма, это было практически невозможно, учитывая за сколькими ему необходимо присматривать.

«Кто этот человек?» – подумал Каладин, смотря на удаляющуюся фигуру Далинара. Он хорошо управлял лагерем. О человеке можно судить по следовавшим за ним людям, что Каладин и делал.

Но и у тирана в лагере могут быть дисциплинированные солдаты. Этот человек, Далинар Холин, помог объединить Алеткар, но пролил реки крови. А теперь... А теперь он говорил как король, хотя сам король находился здесь, в этой же комнате.

«Он хочет возродить Сияющих рыцарей», – подумал Каладин.
Но Далинар Холин не сможет осуществить ничего подобного одним усилием воли.
Если только ему не помочь.



Мы никогда не предполагали, что среди наших рабов могут прятаться шпионы паршенди. Я должна была предвидеть и это.

Из дневника Навани Холин, джесесан, 1174 г.

Шаллан снова сидела на своем ящике на палубе. Однако теперь она была одета в теплую накидку поверх платья, на голове красовалась шляпка. Свободную руку обхватывала перчатка, а безопасная, разумеется, пряталась в рукаве.

Здесь, в открытом океане, оказалось невероятно холодно. Капитан сказал, что дальше к югу океан замерзал полностью. Звучало невероятно. Шаллан хотелось бы увидеть что-то подобное. В Джа Кеведе она редко видела снег и лед – только во время непривычных для ее страны зим. Но целый океан, покрытый льдом? Просто удивительно!

Рукой в перчатке Шаллан записывала свои наблюдения за спреном, которого назвала Узор. Тот приподнялся над поверхностью палубы в виде клубка из бесконечных черных линий, которые были сплетены таким образом, что Шаллан никогда не удалось бы изобразить их на плоском листе бумаги. Вместо этого она делала описания, дополненные эскизами.

– Еда... – произнес Узор. Звук вышел жужжащий, спрен вибрировал, когда говорил.

– Да, – ответила Шаллан. – Мы это едим.

Она выбрала маленький фрукт из миски рядом, отправила его в рот, а затем прожевала и проглотила.

– Еда... – повторил Узор. – Ты... кладешь ее... внутрь себя.

– Да! Именно.

Он опустился вниз. По мере того как спрен вливался в деревянную палубу корабля, чернота рассеивалась. Узор снова стал частью материала, вызвав на дереве рябь, будто это была вода. Проскользнув по полу, он передвинулся к ящику рядом с Шаллан и расположился в миске с маленькими зелеными фруктами.

Спрен затаился между ними, заставив кожицу на фруктах сморщиться и сложиться в форме своего узора.

– Ужасно! – прогудел он из миски вибрирующим голосом.

– Ужасно?

– Уничтожение!

– Что? Нет, благодаря этому мы живем. Все живое нуждается в пище.

– Чудовищное разрушение – есть еду! – произнес спрен с ужасом в голосе.

Он отступил от миски на палубу.

«Узор связывает между собой чрезвычайно сложные мысли, – записала Шаллан. – Абстрактные понятия даются ему легко. Ранее он задавал мне вопросы: «Почему? Почему ты? Почему быть?» Я восприняла их как желание узнать о моей цели. А когда ответила: «Чтобы найти истину», казалось, он легко понял, что имеется в виду. И все же некоторые простые вещи, например, почему людям нужно есть, пока полностью недоступны для него. Он...»

Шаллан прекратила записывать, как только бумага сморщилась и стала выпуклой. Узор появился на листе, его крошечные грани приподняли только что написанные ею буквы.

– Зачем это? – спросил он.

– Чтобы помнить.

– Помнить, – повторил он, пробуя новое слово.

– Это означает... – Отец Штормов, как она могла объяснить, что такое память? – Это означает быть способным знать то, что ты сделал в прошлом. В любое другое время знать то, что случилось днями раньше.

– Помнить, – снова повторил он. – Я... не могу... помнить...

– Каково твое первое воспоминание? – спросила Шаллан. – Где ты был раньше?

– Раньше, – повторил Узор. – С тобой.

– На корабле? – спросила Шаллан, записывая.

– Нет. Зеленое. Еда. Еда, которую не ели.

– Растения? – уточнила Шаллан.

– Да. Много растений.

Узор вибрировал, а Шаллан показалось, что она слышит дуновение ветра сквозь ветви. Она сделала вдох и почти увидела картину: палуба впереди превращается в пыльную дорогу, ее ящик становится каменной лавкой. Слабое видение... Не совсем то место, но почти что... Сады ее отца. Узор на земле, нарисованный в пыли...

– Вспомни, – прошептал Узор.

«Нет... – подумала Шаллан в ужасе. – НЕТ!»

Видение исчезло. Оно ведь не было настоящим, так? Шаллан прижала безопасную руку к груди, лихорадочно пытаясь отдышаться. Нет.

– Эй, юная барышня! – окликнул ее Йалб сзади. – Расскажите новому пареньку, что произошло в Харбранте!

Шаллан обернулась со все еще колотящимся сердцем и увидела Йалба, подходившего к ней с «новым пареньком» – шестифутовым верзилой, который был по меньшей мере на пять лет старше Йалба. Они выбрали его в Амидлатне, последнем порту. Тозбек хотел быть уверен, что им хватит людей на последний переход к Новому Натанану.

Йалб опустил на корточки рядом с ее сиденьем. Уступив холоду, он облачился в рубашку с истрепанными рукавами и что-то вроде головной повязки, которая закрывала уши.

– Ваша светлость? – позвал Йалб. – С вами все в порядке? Вы выглядите так, будто проглотили черепаху. И не только ее голову.

– Со мной все хорошо, – ответила Шаллан. – Что... Повтори, что ты хотел от меня?

– В Харбранте, – сказал Йалб, тыча пальцем через плечо, – встретились мы с королем или нет?

– Мы? – переспросила Шаллан. – С ним встретила я.

– А я был в вашем эскорте.

– Ты ожидал снаружи.

– Неважно, – ответил Йалб. – Я сопровождал вас на этой встрече, так?

– Сопровождал? – Он проводил ее к дворцу из любезности. – Я... полагаю, что так. Насколько я помню, поклон у тебя получается действительно хорошо.

– Видишь, – проговорил Йалб, вставая лицом к лицу с превосходящим его по росту мужчиной. – Я же рассказывал про поклон, так?

«Новый паренек» что-то проворчал в знак согласия.

– Так что возвращайся к мытью посуды, – добавил Йалб.

Ответом ему послужил хмурый взгляд.

– И вот не надо вести себя подобным образом, – продолжил Йалб. – Я уже говорил тебе: капитан самым тщательным образом следит за дежурствами по кухне. Если хочешь прийтись здесь ко двору, выполняй их как следует и даже перевыполняй. Это поможет тебе подружиться с капитаном и остальными. Я предоставляю тебе отличный шанс и заставлю ценить его.

Слова Йалба, похоже, успокоили здоровяка. Он развернулся и затопал на нижние палубы.

– Страсти! – воскликнул Йалб. – Этот парень темный, как пара сфер из грязи. Я волнуюсь за него. Кто-нибудь воспользуется им в своих интересах, ваша светлость.

– Йалб, ты опять хвастался? – спросила Шаллан.

– Когда рассказываешь правду, это не хвастовство.

– В общем-то, именно это и называется хвастовством.

– Эй, – проговорил моряк, поворачиваясь к девушке. – А что вы здесь делали раньше? Ну, вы понимаете, с цветом?

– С цветом? – переспросила Шаллан, неожиданно похолодев.

– Ага, палуба позеленела, так? – произнес Йалб. – Клянусь, что видел, как это произошло. Связано с тем странным спреном, да?

– Я... я пыталась определить, к какому конкретному виду относится тот спрен, – сказала Шаллан, пытаясь говорить ровно. – В научных целях.

– Так и подумал, – ответил Йалб, хотя толком она ему ничего не ответила. Он дружески махнул ей рукой и убежал прочь.

Шаллан беспокоилась из-за того, что он увидел Узора. Она пыталась оставаться в каюте, чтобы сохранить его существование в тайне, но сидеть взаперти было слишком тяжело, а Узор игнорировал просьбу не попадаться другим на глаза. Поэтому в течение последних дней ей приходилось изучать спрена на виду у всех.

Понятно, что люди чувствовали себя неудобно в его присутствии, но помалкивали. Сегодня они готовили корабль к тому, чтобы идти всю ночь. Мысли о ночном открытом море тревожили Шаллан, но такова цена плавания по отдаленным от цивилизации местам. Два дня назад им даже пришлось пережить шторм в прибрежной бухте. Джасна и Шаллан высадились на берег и провели время в специально выстроенной для этой цели крепости, заплатив непомерно высокую цену, чтобы попасть внутрь. Моряки все время оставались на борту.

Та бухта хотя и не была настоящим портом, все же имела штормстену и могла укрыть корабль. Во время следующего сверхшторма у них не будет даже этого. Они найдут бухту и попытаются выдержать шквал, стоя на якоре, хотя

Тозбек сказал, что отправит Шаллан и Джасну на берег, чтобы они укрылись в пещере.

Шаллан повернулась к Узору, который принял свою объемную форму. Он выглядел как орнамент из преломленных лучей света, отброшенных на стену хрустальной люстры, только место света заняла темнота, и он был трехмерным. Так что... Может быть, вообще не так уж похоже.

– Ложь, – сказал Узор. – Ложь от Йалба.

– Да, – вздохнула Шаллан. – Иногда Йалб слишком убедителен ради своей выгоды.

Узор тихонько зажужжал. Он казался довольным.

– Тебе нравится ложь? – спросила Шаллан.

– Хорошая ложь, – ответил Узор. – Эта ложь. Хорошая ложь.

– Что делает ложь хорошей? – спросила Шаллан, составляя аккуратные заметки, записывая точные слова Узора.

– Правда.

– Узор, это две противоположности.

– Хм-м-м-м... Свет делает темноту. Правда делает ложь. Хм-м-м-м.

«Спрены лжи, так их назвала Джасна, – записала Шаллан. – Имя, которое им определено не нравится. Когда я преобразовала в первый раз, голос потребовал от меня правду. Я до сих пор не знаю, что это означает, а Джасна не стала откровенничать. Кажется, она тоже понятия не имеет, что думать о том происшествии. Я не считаю, что голос принадлежал Узору, но не могу сказать точно, так как он, видимо, многое забыл о себе».

Она повернулась к спрену, чтобы сделать несколько его эскизов в объемной и плоской формах. Рисование помогло ее разуму расслабиться. К тому времени, как Шаллан закончила, у нее в голове крутилось несколько полузабытых отрывков из исследования, которые она хотела бы процитировать в заметках.

Девушка спустилась на нижнюю палубу, и Узор последовал за ней. Он привлекал внимание моряков. Моряки – народ суеверный, и некоторые воспринимали его как плохой знак.

В каюте Шаллан Узор расположился на стене рядом с ней. Не имея глаз, спрен наблюдал за Шаллан, пока она искала отрывок, который, как она помнила, повествовал о говорящих спренах. Не только о спренах ветра и спренах рек, которые умели копировать мимику людей и делать игривые замечания. О, они сильно отличались от обычных спренов, но существовал еще один вид, по-настоящему редкий. Спрены, подобные Узору, которые вели с людьми настоящие беседы.

«По словам Алай, Смотрящая в Ночи, очевидно, одна из них, – процитировала отрывок Шаллан. – Записи бесед с нею – а она, безусловно, женского пола, что бы ни говорилось в деревенских сказках алети – многочисленны и достоверны. Шубалай лично, стремясь предоставить научный доклад из первых рук, посетила Смотрящую в Ночи и дословно записала ее историю...»

Шаллан перешла к следующему упоминанию и вскоре полностью запуталась в своих поисках. Через несколько часов она закрыла книгу и положила ее на стол рядом с кроватью. Сферы потускнели и нуждались в подзарядке штормсветом. Скоро они совсем погаснут. Шаллан довольно вздохнула и откинулась на кровати. Пол маленькой каюты покрывали заметки из десятков различных источников.

Шаллан чувствовала себя... удовлетворенной. Ее братьям понравился план, который заключался в ремонте и возвращении преобразователя. Они, похоже, воодушевились, когда младшая сестра объяснила им, что еще не все потеряно. Теперь, когда все должно пойти по плану, ее братья могли продержаться дольше.

Жизнь Шаллан налаживалась. Сколько времени прошло с тех пор, как она могла позволить себе просто сидеть и читать, не волнуясь за семью, не страшась и не ломая голову над тем, как обокрасть Джасну? Она всегда о чем-то беспокоилась, даже до ужасной череды событий, приведших к смерти отца. Это было ее жизнью. Шаллан думала, что стать истинным ученым – недостижимая цель. Отец Штормов! Она считала недостижимым даже ближайший город.

Встав, девушка собрала альбом и просмотрела рисунки сантита, включая несколько нарисованных по памяти после ее погружения в океан. Она улыбнулась воспоминанию о том, как взобралась обратно на палубу, промокнув насквозь и улыбающаяся. Несомненно, все матросы считали ее безумной.

Теперь Шаллан плыла к городу на краю мира, обрученная с влиятельным принцем аleti, и могла просто учиться. Она осматривала потрясающие новые достопримечательности, днем делая их наброски, а по ночам читая груды книг.

Неожиданно Шаллан попала в сказку, и это было все, о чем только можно мечтать.

Она порылась в потайном кармане рукава безопасной руки и выудила несколько сфер, чтобы заменить потускневшие из кубка. Однако те, которые вытащила ее рука, оказались полностью разряжены, без единого проблеска света.

Шаллан нахмурилась. Эти сферы зарядили во время предыдущего свержшторма, положив в корзину, привязанную к корабельной мачте. Те, что в кубке, восстановили два шторма назад, из-за чего они и были на исходе. Каким образом сферы в ее кармане потускнели быстрее? Это противоречило здравому смыслу.

– М-м-м-м-м... – прогудел Узор со стены рядом с ее головой. – Ложь.

Шаллан спрятала сферы обратно в карман, открыла дверь в узкий корабельный коридор и двинулась к каюте Джасны. Ее обычно занимали Тозбек и его жена, но они освободили помещение и перешли в третью, самую маленькую каюту, чтобы Джасна могла занять лучшее жилье. Подобное было в порядке вещей, даже когда принцесса ни о чем не просила.

У Джасны найдется несколько сфер. Дверь в ее каюту была приоткрыта, легонько хлопая в такт покачиванию корабля, идущего вечерним курсом. Джасна сидела за столом, и Шаллан заглянула внутрь, внезапно ощутив неуверенность, стоит ли ее беспокоить.

Девушке было видно, как Джасна, поднеся руку к виску, смотрит на разбросанные перед собой бумаги. Взгляд принцессы казался обеспокоенным, лицо – измученным.

Совсем не та Джасна, которую привыкла видеть Шаллан. Уверенность сменилась переутомлением, самообладание уступило место беспокойству. Джасна начала что-то писать, но остановилась после нескольких слов. Опустив перо, она закрыла глаза и начала массировать виски. Вокруг ее головы появилось несколько бешено вертящихся спренов, похожих на пылевые вихри. Спрены усталости.

Шаллан отпрянула назад, почувствовав, что сейчас слишком неподходящий момент. Джасна с опущенными защитными барьерами. Шаллан начала красться прочь, но голос с пола неожиданно произнес:

– Правда!

В испуге Джасна подняла глаза и встретила взглядом с Шаллан, которая, конечно же, отчаянно покраснела.

Опустив голову, Джасна увидела на полу Узора и снова надела маску, приняв подобающую позу.

– Да, дитя?

– Мне... мне нужны сферы... – проговорила Шаллан. – Те, что были у меня в кармане, потускнели.

– Ты занималась *преобразованием*? – резко спросила Джасна.

– Что? Нет, ваша светлость. Я обещала, что не стану этого делать.

– Тогда дело во второй способности. Зайди и прикрой дверь. Нужно поговорить с капитаном Тозбеком; она не закрывается как следует.

Шаллан вошла внутрь, захлопнув дверь, хотя защелка не сработала. Испытывая смущение, она шагнула вперед, сцепив руки.

– Что ты делала? – спросила Джасна. – Полагаю, это связано со штормсветом?

– Кажется, я заставила появиться растения, – ответила Шаллан. – Ну, на самом деле, только их цвет. Один из моряков видел, как палуба позеленела, но все исчезло, когда я перестала о них думать.

– Да... – проговорила Джасна.

Она пролиставала одну из книг, остановившись на определенной иллюстрации. Шаллан уже видела ее прежде; она была такой же древней, как воринизм. Десять сфер, соединенных линиями, образовывали фигуру, похожую на песочные часы, положенные набок. Две сферы в центре выглядели почти как зрачки. Двойной глаз Всемогущего.

– Десять сущностей, – тихо сказала Джасна и провела пальцами по странице. – Десять волн. Десять орденов. Но почему спрены в конце концов вернули нам возможность произносить клятвы? Что это означает? И сколько времени у меня осталось? Немного. Совсем немного...

– Ваша светлость? – вопросительно проговорила Шаллан.

– До твоего появления мне казалось, что я – отклонение от нормы, – сказала Джасна. – Я могла надеяться, что волноплетение не возрождается массово. Больше у меня такой надежды нет. Криптики отправили тебя ко мне, в этом я не сомневаюсь, поскольку знали – тебе понадобится обучение. Что позволяет мне надеяться, что я была, по всей видимости, одной из первых.

– Я не понимаю.

Джасна посмотрела в сторону Шаллан, встретившись с ней пристальным взглядом. Глаза наставницы покраснели от усталости. Как долго она работала? Каждую ночь, когда Шаллан возвращалась в свою каюту, из-под двери Джасны пробивался свет.

– Если честно, – ответила Джасна, – я тоже не понимаю.

– Вы в порядке? – спросила Шаллан. – Прежде чем я вошла, вы казались... утомленной.

Джасна помедлила всего мгновение.

– Я просто слишком долго занималась своим исследованием.

Она повернулась к своим сундукам и достала мешочек из темной ткани, наполненный сферами.

– Вот, возьми. Я бы посоветовала тебе всегда иметь при себе сферы, чтобы твои способности к волноплетению могли проявиться.

– Вы можете научить меня? – спросила Шаллан, беря мешочек.

– Не знаю, – ответила Джасна. – Я постараюсь. Согласно этому изображению, одна из волн известна как Иллюминация, владение светом. Сейчас я бы предпочла направить твои силы на изучение данной волны, а не *преобразования*. Оно всегда было опасным искусством. А теперь тем более.

Шаллан кивнула, вставая. Однако помедлила, прежде чем выйти.

– С вами точно все в порядке?

– Конечно, – ответила Джасна слишком поспешно.

Принцесса была уравновешенной, спокойной, но заметно истощенной. Маска начала рушиться, и Шаллан смогла увидеть правду.

«Она старается успокоить меня, – поняла девушка. – Погладить по головке и уложить спать, как дитя, разбуженное кошмаром».

– Вы обеспокоены, – сказала Шаллан, встретившись глазами с Джасной.

Та отвернулась и бросила книгой во что-то, шевельнувшееся на столе. Маленький фиолетовый спрен. Спрен страха. Всего один, но все же.

– Нет... – прошептала Шаллан. – Вы не просто обеспокоены. Вы в ужасе.

Отец Штормов!

– Все в порядке, Шаллан, – ответила Джасна. – Мне просто нужно поспать. Возвращайся к своим занятиям.

Веденка села на табурет рядом со столом Джасны. Старшая женщина оглянулась на нее, и Шаллан увидела, как маска продолжает разрушаться. Раздражение – в том, как Джасна сжала губы в линию. Напряженность – в том, как она сдвинула перо.

– Вы сказали мне, что я могу быть частью происходящего, – проговорила Шаллан. – Джасна, если вы обеспокоены чем-либо...

– Мое беспокойство всегда со мной, – ответила принцесса, откинувшись на спинку стула. – Что я опоздаю. Что окажусь неспособной сделать что-то важное, чтобы остановить надвигающиеся события. Похоже, я пытаюсь остановить сверхшторм, дую ему навстречу изо всех сил.

– Несущие Пустоту, – сказала Шаллан. – Паршмены.

– В прошлом Опустошение – пришествие Несущих Пустоту – предположительно всегда знаменовалось возвращением Герольдов, чтобы подготовить человечество, – ответила Джасна. – Их задача – обучить Сияющих рыцарей, которых должно стать значительно больше.

– Но мы победили Несущих Пустоту, – проговорила Шаллан. – И поработили их.

Так предположила Джасна. И Шаллан, ознакомившись с исследованием принцессы, согласилась с ней.

– Так вы думаете, будет своего рода революция. Паршмены обратятся против нас, как они сделали это в прошлом.

– Да, – сказала Джасна, роясь в своих записях. – И скоро. Доказательство того, что ты волноплет, не успокаивает меня, так как это очень похоже на то, что было прежде. Но тогда у новых рыцарей имелись учителя, которые их подготавливали. Поколения традиций. У нас же нет ничего.

– Несущие Пустоту – пленники, – ответила Шаллан, взглянув в сторону Узора. Он отдыхал на полу, почти невидимый, сохраняя молчание. – Паршмены едва ли способны общаться. Как они вообще могут устроить революцию?

Джасна нашла лист бумаги, который искала, и передала его Шаллан. Написанный рукой принцессы, он содержал отчет жены капитана об атаке на плато на Разрушенных равнинах.

– Паршменди, – произнесла Джасна, – могут петь одновременно, независимо от того, насколько далеко находятся друг от друга. У них есть какая-то способность общаться, которую мы не в состоянии понять. Я могу только предположить, что их родственники, паршмены, тоже способны на подобное. Возможно, им необязательно услышать призыв к действию, чтобы восстать.

Шаллан читала отчет, медленно кивая.

– Джасна, нам нужно предупредить остальных.

– Ты думаешь, я не пыталась? – спросила принцесса. – Я писала ученым и королям по всему миру. Большинство сочло меня параноиком. Доказательства, которые ты с готовностью принимаешь, другие называют надуманными. Арденты были моей самой большой надеждой, но их глаза затуманены вмешательством Теократии. Кроме того, мои собственные убеждения заставляют ардентов скептически относиться ко всему, что я говорю. Моя мать хочет увидеть проведенное мною исследование, а это уже что-то. Мой брат и дядя могут поверить, именно поэтому мы плывем к ним.

Она помолчала.

– Но есть и другая причина, почему мы стремимся на Разрушенные равнины. Существует способ найти доказательства, чтобы убедить всех.

– Уритиру, – произнесла Шаллан. – Город, который вы ищете?

Джасна бросила на нее быстрый взгляд. Тот древний город был первым, о чем Шаллан тайно вычитала из дневников Джасны.

– Ты до сих пор легко краснеешь, когда попадаешься на горячем, – отметила Джасна.

– Извините.

– А также слишком легко извиняешься.

– Мне стоит... э-э... возмутиться?

Улыбнувшись, Джасна подняла изображение двойного глаза и пристально взглянула на рисунок.

– Где-то на Разрушенных равнинах спрятан секрет. Секрет Уритиру.

– Вы говорили мне, что города там нет!

– Его там нет. Но, может быть, там есть путь к нему. – Ее губы сжались. – Согласно легенде, только Сияющий рыцарь сможет открыть путь.

– К счастью, мы знаем двух таких.

– Повторяю, ни ты, ни я не являемся Сияющими. Тот факт, что мы можем повторить кое-что из того, на что они были способны, скорее всего, не имеет никакого значения. У нас нет их традиций и знаний.

– Мы ведь говорим о возможной гибели цивилизации, не так ли? – тихо спросила Шаллан.

Джасна замолчала.

– Опустошения, – проговорила Шаллан. – Я знаю очень мало, но легенды...

– После каждого из них человечество оказывалось сломлено. Великие города превращались в пепел, промышленности наносился тяжелейший удар. Каждый раз знания и развитие опускались почти до доисторического уровня. Требовались столетия восстановления, чтобы возродить цивилизацию до ее прежнего состояния. – Джасна помедлила. – Я продолжаю надеяться, что неправа.

– Уритиру, – произнесла Шаллан. Она пыталась не просто задавать вопросы, а рассуждать и находить ответы. – Вы говорили, что город являлся своего рода оплотом, домом Сияющих рыцарей. Я никогда не слышала о нем до разговора с вами, поэтому могу предположить, что он нечасто упоминается в литературе. Тогда, возможно, это одна из тех вещей, знание о которых уничтожалось Теократией?

– Очень хорошо, – ответила Джасна. – Хотя мне кажется, что это знание стало превращаться в легенду еще раньше, и Теократия здесь ни при чем.

– Тогда если город существовал до Теократии, а путь к нему был закрыт после падения Сияющих... В нем могут найтись записи, до которых не дотянулись современные ученые. Неизменные, оставшиеся прежними источники знаний о Несущих Пустоту и волноплетении. – Шаллан поежилась. – Вот почему мы на самом деле плывем на Разрушенные равнины.

Джасна улыбнулась, несмотря на усталость.

– Действительно, очень хорошо. Я провела время в Паланиуме с большой пользой, но меня все же ждало некоторое разочарование. Подтвердились мои подозрения насчет паршменов, но также я обнаружила, что многие записи великой библиотеки носят такие же следы фальсификации, какие я видела в других книгах. Это «очищение» истории, удаление прямых ссылок на Уритиру и Сияющих, потому что они опозорили воринизм, просто приводит в бешенство! И меня еще спрашивают, почему я враждебно настроена к церкви! Мне нужны первичные источники. К тому же, существуют истории, которым я доверяю, утверждающие, что Уритиру было священным и защищенным от Несущих

Пустоту местом. Может, это всего лишь фантазия, но я не настолько ученый, чтобы не надеяться, вдруг что-то подобное могло бы оказаться правдой.

– А как же паршмены?

– Мы попробуем убедить алети избавиться от них.

– Непростое дело.

– Практически невозможное, – согласилась Джасна, вставая. Она начала убирать книги на ночь, укладывая их в водонепроницаемый сундук. – Паршмены настолько идеальные рабы. Понятливые, послушные. Наше общество стало слишком зависеть от них. Паршменам не потребуется прибегать к насилию, чтобы погрузить нас в хаос, хотя я думаю, что именно он нас всех ждет. Они могут просто развернуться и уйти. Это вызовет экономический кризис.

Принцесса закрыла сундук, оставив один том, и повернулась к Шаллан.

– У нас не получится убедить всех в моих словах без дополнительных доказательств. Даже если брат послушает меня, у него не хватит авторитета заставить кронпринцев избавиться от паршменов. И, если уж совсем честно, я боюсь, что он не настолько храбр, чтобы рискнуть спровоцировать катастрофу, которую может вызвать изгнание паршменов.

– Но если они обернутся против нас, катастрофа наступит в любом случае.

– Да, – сказала Джасна. – Ты знаешь это, и я знаю это. Моя мать, возможно, поверит. Но риск ошибиться настолько огромен, что... Итак, нам нужны доказательства – ошеломляющие и неопровержимые доказательства. Поэтому мы найдем город. Любой ценой мы найдем тот город.

Шаллан кивнула.

– Я не хотела взваливать все это на твои плечи, дитя, – продолжила Джасна, снова садясь за стол. – Тем не менее я признаю, что испытываю облегчение, беседуя с кем-то, кто не подвергает сомнению каждое мое слово.

– У нас все получится, Джасна, – ответила Шаллан. – Мы доберемся до Разрушенных равнин и найдем Уритиру. Раздобудем доказательства и убедим всех выслушать нас.

– А, оптимизм молодости. При случае так приятно его услышать. – Джасна передала Шаллан книгу. – Среди Сияющих рыцарей существовал орден, известный как Ткущие Светом. Мне известно о них совсем немного, но по сравнению со всеми прочитанными источниками, в этом больше всего информации.

Шаллан энергично схватила книгу. «Слова сияния», гласило заглавие.

– Иди, – сказала Джасна. – Читай.

Шаллан взглянула на нее.

– Я посплю, – пообещала Джасна с легкой улыбкой. – И перестань опекать меня. Я не позволяю так поступать даже Навани.

Вздыхнув, Шаллан кивнула и покинула наставницу. Узор последовал за ней. Он хранил молчание во время всего разговора. Войдя в свою каюту, Шаллан обнаружила, что на сердце у нее стало гораздо тяжелее, чем было до этого. Она не могла избавиться от воспоминания об ужасе в глазах Джасны. Джасна Холин ничего не должна бояться, разве не так?

Шаллан забралась на кровать с новой книгой и мешочком сфер. Какая-то ее часть страстно желала начать читать, но она слишком устала, глаза закрывались сами собой. Было действительно поздно. Если она начнет читать сейчас...

Возможно, лучшее решение – хорошенько выспаться и со свежей головой погрузиться в завтрашние исследования. Шаллан положила книгу на маленький столик у кровати, свернулась калачиком и позволила корабельной качке мягко усыпить себя.

Она проснулась от криков, ругани и дыма.



Я оказалась не готова к тому горю, что принесла утрата. Она обрушилась на меня как гром среди ясного неба. Смерть Гавилара несколько лет назад была ошеломляющей, но это... это почти сокрушило меня.

Из дневника Навани Холин, джесесач, 1174 г.

Все еще полусонная, Шаллан запаниковала. Она выкарабкалась из койки, случайно зацепив кубок с почти разряженными сферами. Несмотря на то, что она закрепила кубок воском, удар легко сбил его на пол, и сферы раскатились по всей каюте.

Стоял сильный запах дыма. Растрепанная, с колотящимся сердцем, Шаллан бросилась к выходу. По крайней мере, она уснула в одежде. Девушка распахнула дверь.

В проходе, спиной к ней, толпились трое мужчин, держа над головой факелы, вокруг которых танцевали вспыхивающие спрены огня. Кто принес открытое пламя на корабль? Шаллан остановилась, оцепенев в замешательстве.

Сверху, с палубы, раздавались крики, и не похоже, что на корабле был пожар. Но кто эти люди? Почему они собрались с топорами у открытой каюты Джасны?

Мужчины пошевелились. Время застыло, и в этот ужасный момент один из них бросил что-то на пол перед остальными, а они отошли в сторону, чтобы освободить место.

Тело в тонкой ночной рубашке. Невидящий взгляд. Расплывающееся на груди кровавое пятно. Джасна.

– Удостоверьтесь, – сказал один из мужчин.

Его сообщник опустился на колени и длинным тонким ножом пронзил грудь Джасны. Девушка услышала, как нож врезался в дерево палубы под телом.

Шаллан закричала.

Один из мужчин повернулся к ней.

– Эй!

Это был тот верзила с тупым лицом, которого Йалб звал «новый паренек». Она не узнала других мужчин.

Кое-как, борясь с ужасом и неверием, Шаллан захлопнула дверь и дрожащими пальцами задвинула засов.

Отец Штормов! Отец Штормов! Шаллан отступила от двери, когда что-то тяжелое ударило в нее снаружи. Им не понадобятся топоры. Пара решительных ударов плечом расшибет дверь в щепки.

Шаллан наткнулась на свою кровать, почти скользя по сферам, которые перекатывались туда-сюда по мере движения корабля. В узком окне под потолком, слишком маленьком, чтобы выбраться наружу, зияла темнота царящей ночи. Наверху по-прежнему слышались крики, доносился топот ног по дереву.

Все еще оцепеневшая, Шаллан задрожала. Джасна...

– Меч, – произнес голос. Узор устроился на стене рядом с ней. – М-м-м-м... Меч...

– Нет! – закричала Шаллан, схватив себя за волосы.

Отец Штормов! Она дрожала. Ночной кошмар. Это был ночной кошмар! Этого не могло быть...

– М-м-м-м... Сражайся...

– Нет! – Шаллан обнаружила, что лихорадочно дышит. Мужчины продолжали таранить дверь. Она не готова к такому. Она не готова.

– М-м-м-м... – недовольно прогудел Узор. – Ложь.

– Я не знаю, как использовать ложь! – ответила ему Шаллан. – Я никогда не пробовала.

– Да. Да... Вспомни... Что было раньше...

Дверь затрещала. Осмеливалась ли она помнить? Могла ли она вспомнить? Ребенок, играющий со скользящим узором из света...

– Что мне делать? – спросила она.

– Тебе нужен штормсвет, – ответил Узор.

Его слова затронули что-то глубоко в памяти Шаллан, что-то, оцетинившееся шипами, к которым она не осмеливалась прикоснуться. Ей требовался штормсвет для подпитки волноплетения.

Шаллан упала на колени рядом с кроватью и, не зная наверняка, что делает, резко вдохнула. Штормсвет покинул сферы, разбросанные вокруг. Он потек в ее тело, превращаясь в шторм, бушующий в венах. Каюта погрузилась в темноту, непроглядную, как самая глубокая пещера под землей.

Свет начал подниматься от ее кожи, как пар над кипящей водой. Он осветил каюту, по стенам задвигались плавающие тени.

– Что дальше? – спросила Шаллан.

– Создай ложь.

Что это могло значить? Дверь снова затрещала, расколовшись по центру.

В панике девушка выдохнула. Штормсвет вытек из нее в форме облака. Казалось, что до него можно почти дотронуться. Она чувствовала его потенциал.

– Как?

– Сделай правду.

– Это не имеет смысла!

Когда сломанная дверь распахнулась, Шаллан вскрикнула. В каюте появился новый свет – красно-желтый, враждебный свет факелов.

Светящееся облако отпрыгнуло от Шаллан, еще больше штормсвета перетекло в него из ее тела. Оно превратилось в неопределенную, вертикально стоящую фигуру, подсвеченный размытый контур. Он перелился мимо мужчин сквозь выход, взмахнув отростками, которые походили на руки. Сама Шаллан, скорчившаяся на коленях у кровати, погрузилась в тень.

Взгляды мужчин были прикованы к светящейся фигуре. Затем, к счастью, они развернулись и устремились в погоню.

Шаллан, вся дрожа, сжалась у стены. Каюта находилась в полной темноте. С верхней палубы продолжали доноситься крики.

– Шаллан... – прожужжал Узор откуда-то из темноты.

– Сходи посмотри, – сказала она. – Расскажешь мне, что происходит наверху.

Она не знала, послушался ли ее Узор, так как он не издавал звуков при движении. Сделав несколько глубоких вдохов, Шаллан поднялась на ноги. Ее колени тряслись, но она стояла.

Каким-то образом ей удалось взять себя в руки. Это было ужасно, чудовищно, но ничто в целом свете не могло сравниться с тем, через что ей пришлось пройти, когда умер отец. Шаллан пережила ту ночь. Она справится и сейчас.

Эти люди наверняка состояли в той же группировке, к которой принадлежал Кабзал. Нанятых ими убийц и опасалась Джасна. Они...

Они в конце концов добрались до нее.

О Джасна...

Джасна мертва.

Время для скорби наступит позже. Что Шаллан могла предпринять против вооруженных мужчин, захвативших корабль? Как ей выкрутиться из сложившейся ситуации?

Она на ощупь добралась до выхода в коридор, слабо освещенный факелами с верхней палубы. В доносящихся до нее криках слышалось еще больше паники.

– Убийства, – неожиданно произнес голос.

Девушка подпрыгнула, хотя это, конечно, был всего лишь Узор.

– Что?! – прошипела Шаллан.

– Темные мужчины убивают, – ответил Узор. – Моряки связаны веревками. Один мертв, истек красным. Я... я не понимаю...

«О Отец Штормов...»

Сверху усилились крики, но больше не было слышно стучащих по палубе ботинок и звона оружия. Моряков захватили. По меньшей мере одного убили.

В темноте Шаллан разглядела дрожащие, покачивающиеся фигурки, выползающие из дерева вокруг нее. Спрены страха.

– Что насчет мужчин, погнавшихся за моим образом? – спросила она.

– Смотрят в воду, – сказал Узор.

Значит, они подумали, что она прыгнула за борт. С колотящимся сердцем Шаллан на ощупь добралась до каюты Джасны, каждое мгновение ожидая споткнуться о труп женщины на полу. Этого не случилось. Наверное, мужчины перетасили его наверх.

Шаллан вошла в каюту принцессы и закрыла дверь. Та не захлопнулась, поэтому девушка притащила ящик, чтобы ее подпереть.

Ей требовалось кое-что сделать. Шаллан добралась до одного из сундуков Джасны, который мужчины оставили распахнутым настежь, а его содержимое разбросали по полу. На дне она обнаружила секретное отделение и открыла его. Неожиданно каюту затопил свет. Сферы были настолько яркими, что на мгновение ослепили Шаллан, и ей пришлось отвернуться.

Узор вибрировал рядом на полу, дрожа от беспокойства. Шаллан огляделась. В маленькой каюте царил беспорядок, одежда и бумаги разлетелись по всему полу. Сундук с книгами Джасны пропал. На кровати виднелась лужа крови, слишком свежей, чтобы впитаться. Шаллан быстро отвела взгляд.

Внезапно сверху донесся вопль, за которым последовал звук удара. Крики усилились. Она слышала, как Тозбек орет, чтобы его жену оставили в покое.

Всемогущий... Наемные убийцы казнили моряков одного за другим. Шаллан должна была сделать хоть что-то. Что угодно.

Она снова взглянула на сферы в секретном отделении, прикрытые темной тканью.

– Узор, – сказала девушка, – мы *преобразуем* дно корабля и затопим его.

– Что?! – Его вибрация усилилась, жужжание стало слышным. – Люди... Люди... Едят воду?

– Мы пьем ее, – ответила Шаллан, – но мы не можем дышать ею.

– М-м-м-м... Озадачен... – сказал Узор.

– Капитана и остальных схватили и начали убивать. Единственный шанс, который я могу им предоставить, это хаос.

Шаллан положила руки на сферы и втянула свет одним резким вдохом. Она почувствовала, как наполняется внутри огнем, грозящим разорвать ее на мелкие кусочки. Штормсвет казался живым и пытался выбраться наружу через поры ее кожи.

– Покажи мне! – закричала она гораздо громче, чем хотела. Штормсвет побуждал ее к действию. – Я *преобразовывала* раньше. И должна сделать это снова!

Когда она говорила, штормсвет вырывался из ее рта облачком, как дыхание в морозный день.

– М-м-м-м... – беспокойно проговорил Узор. – Я буду посредником. Смотри.

– Смотреть куда?

– Смотри!

Шейдсмар. Она чуть не погибла, побывав там в последний раз. Только это было не место. Или место? Хотя какая разница?

Мысленно Шаллан вернулась к воспоминанию, когда в последний раз *преобразовывала* и нечаянно превратила кубок в кровь.

– Мне нужна правда.

– Ты уже рассказала достаточно правды, – сказал Узор. – Теперь. Смотри.

Корабль исчез.

Все вокруг... щелкнуло. Стены, мебель – все рассыпалось маленькими шариками из черного стекла. Шаллан подготовила себя к падению в океан из стеклянных бусин, но очутилась на твердой поверхности.

Она поднялась на ноги под черным небом и крошечным, виднеющимся в отдалении солнцем. Поверхность внизу отражала свет. Обсидиан? Куда бы ни поворачивалась Шаллан, везде поверхность полнилась той же самой чернотой. Неподалеку на земле подпрыгивали и неподвижно замирали сферы, похожие на те, в которых содержался штормсвет, но темные и маленькие.

Деревья, словно растущие кристаллы, торчали то тут, то там. Их ветви были заостренными и остекленевшими, без листьев. Поблизости в воздухе висели маленькие огоньки, похожие на пламя свечи.

«Люди, – поняла Шаллан. – Каждый из них – это человеческий разум, отраженный здесь, в когнитивной реальности».

Меньшие по размеру огоньки собрались у ее ног, десятки и десятки, но настолько маленькие, что она практически не могла их различить.

«Разумы рыб?»

Шаллан обернулась и оказалась лицом к лицу с существом, у которого вместо головы был символ. Испугавшись, она закричала и отскочила. Те существа... Они преследовали ее... Они...

Это был Узор. Высокий и стройный, но полупрозрачный и с размытыми очертаниями. Казалось, что на голове, представляющей собой сложный узор с острыми линиями и невероятной геометрией, нет глаз. Спрен стоял, заложив руки за спину, в мантии из материала слишком жесткого, чтобы быть тканью.

– Иди, – сказал он. – Выбери.

– Выбери что? – спросила Шаллан. Из ее губ лился штормсвет.

– Свой корабль.

У него не было глаз, но у Шаллан сложилось впечатление, что она в состоянии проследить за его пристальным взглядом на одну из маленьких сфер на гладкой земле. Девушка схватила ее, и вдруг возникло ощущение корабля.

«Удовольствие ветра». Судно, о котором заботились, любили. Оно с радостью носило своих пассажиров в течение многих-многих лет и принадлежало Тозбеку, а до него – его отцу. Старое судно, но не древнее, все еще надежное. Гордое судно. Которое проявилось здесь как сфера.

Он на самом деле мог думать. Корабль мог думать. Или скорее... он отражал мысли людей, служивших на нем, знавших его, думающих о нем.

– Мне нужно, чтобы ты изменился, – прошептала ему Шаллан, бережно сжимая бусинку в руках. Та была слишком тяжелой для своего размера, как будто весь вес корабля сжался в одну эту бусину.

– Нет, – пришел ответ, хотя говорил Узор. – Нет, я не могу. Я должен служить. Я счастлив.

Шаллан посмотрела на спрена.

– Я буду посредником, – повторил Узор. – ...Переводчиком. Ты не готова.

Шаллан снова взглянула на бусинку в руках.

– У меня есть штормсвет. Много. Я отдам его тебе.

– Нет! – Ответ казался разгневанным. – Я служу.

Он действительно хотел оставаться кораблем. Шаллан чувствовала его гордость, силу всех лет службы.

– Они умирают.

– Нет!

– Ты чувствуешь, как они умирают. Их кровь на твоей палубе. Один за другим, люди, которым ты служишь, гибнут.

Шаллан сама чувствовала и видела их в корабле. Моряков убивали. Поблизости исчез один из парящих огоньков. Трое из восьми пленников мертвы, хотя она не знала, кто именно.

– Есть только одна возможность их спасти. Необходимо измениться.

– Измениться, – прошептал Узор от имени корабля.

– Если ты изменишься, они смогут сбежать от злых людей, которые их убивают, – произнесла Шаллан. – Это не точно, но у них появится шанс выплыть. Сделать что-то. Ты можешь послужить им в последний раз, «Удовольствие ветра». Изменись ради них.

Тишина.

– Я...

Еще один огонек исчез.

– Я изменюсь.

Все случилось в одно мгновение. Штормсвет покинул Шаллан. Она услышала отдаленный треск из физического мира, когда втянула так много штормсвета из ближайших драгоценных камней, что они раскололись.

Шейдсмар растаял.

Она снова очутилась в каюте Джасны.

Пол, стены и потолок превратились в воду.

Шаллан затягивало в холодные черные глубины. Она забилась в воде, платье мешало двигаться. Вокруг тонули различные вещи – обычные повседневные предметы.

Шаллан в отчаянии рванулась к поверхности. Вначале ей в голову пришла неопределенная идея выплыть и освободить моряков, если они были связаны. Однако теперь она поняла, что неплохо спастись хотя бы самой.

Что-то обвилось вокруг ее ноги, будто ожила сама темнота.

И потащило Шаллан в глубину.



Я не стремлюсь использовать свое горе как оправдание, но оно все объясняет. Люди ведут себя странно, столкнувшись с неожиданной потерей. Хотя Джасна какое-то время находилась далеко, ее потеря стала неожиданной. Я, как и многие, считала ее бессмертной.

Из дневника Навани Холин, джесесач, 1174 г.

Знакомое поскрипывание древесины переползающего через пропасть моста. Топот ног в унисон, сначала гулкий звук по камню, затем глухие удары ботинок о дерево. Отдаленные окрики разведчиков, сообщающие, что впереди все чисто.

Звуки бега по плато были знакомы Далинару. Раньше он тосковал по ним. Между забегами он испытывал нетерпение, страстно желая убивать паршенди Клинком, зарабатывать богатство и признание.

Заслугами на ратном поле тот Далинар стремился заглушить стыд – стыд за то, что валялся в пьяном забытии, пока его брат сражался с наемным убийцей.

Ландшафт на плато не отличался разнообразием: голые скалистые утесы, располагающиеся на однородной, унылой на всем своем протяжении, каменной поверхности, на которой лишь изредка попадались группы закрытых камнепочек. Но даже их, как подразумевало название, можно было спутать с камнями. Больше ничего вплоть до самого горизонта, и все, принесенное с собой, все человеческое, затмевалось необъятностью этих бесконечных, растрескавшихся равнин и смертельных ущелий.

С годами забеги на плато превратились в набор механических действий. Марш под белым солнцем, похожим на расплавленную сталь. Пересечение ущелья за ущельем. В конечном счете они стали чем-то менее долгожданным и более обязательным. Да, ради отмщения Гавилара и ради славы, но главным образом потому, что они – и враг – находились здесь. Они просто делали то, что делали.

На плато царили запахи великого спокойствия: раскаленный камень, высохший крем, прилетающие издали ветра.

С недавнего времени Далинар стал питать к забегам на плато отвращение. Легкомысленная трата жизни. Их смысл заключался не в исполнении Пакта мщения, а в алчности. Множество гемсердец появлялось на соседних плато, их было удобно извлекать, но аleti ими не удовлетворялись. Они стремились забираться подальше, навстречу сражениям, за которые приходилось платить такую высокую цену.

Впереди, на плато, сражались люди кронпринца Аладара. Они прибыли раньше армии Далинара, и конфликт стал развиваться по знакомому сценарию. Люди против паршенди, извилистая линия сражения, каждая армия пытается оттеснить противника. Люди могли выставить на поле битвы гораздо больше солдат, но паршенди быстрее добиралась до плато и обеспечивали его оборону.

Разбросанные по пути к прилегающему ущелью тела мостовиков свидетельствовали об опасности атаки на закрепившегося противника. От Далинара не укрылись мрачные выражения лиц его телохранителей, когда они увидели мертвых. Аладар, как и большинство кронпринцев, использовал подход Садеаса к забегам с мостами. Быстрые, жестокие атаки, которые рассматривали человеческую силу как одноразовый ресурс. Не всегда дело обстояло подобным образом. В прошлом мосты носили солдаты, защищенные броней, но эффективность нынешнего подхода взяла свое.

Чтобы прокормить монстра войны, военные лагеря нуждались в постоянном притоке дешевых рабов. Чума работорговцев и бандитов, которые рыскали по Ничейным холмам и промышляли живой плотью, разрасталась.

«Еще одна вещь, которую мне придется изменить», – подумал Далинар.

Сам Аладар не сражался, зато развернул командный центр на соседнем плато. Далинар указал на развевающееся знамя, и один из его больших механических мостов покатился в ту сторону. Передвигаемые чуллами, напичканные шестернями, рычагами и шайбами, мосты защищали работающих с ними людей. Но они также были очень медленными. С выработанным терпением Далинар ждал, пока рабочие опустят мост, перекрывая расщелину между его плато и тем, на котором реяло знамя Аладара.

Как только мост встал на место и оказался закреплен, его телохранители во главе с одним из темноглазых офицеров капитана Каладина пустили коней рысью и заняли позицию, прижав копыта к плечам. Далинар пообещал Каладину, что его людям не придется сражаться, за исключением тех случаев, когда понадобится защитить его самого. После того, как они пересекли расщелину, кронпринц тронул Кавалера и оказался на командном плато Аладара. Сидя в седле без Доспехов Осколков, Далинар чувствовал непривычную легкость. На протяжении многих лет, с тех пор как он добыл броню, кронпринц никогда не появлялся на поле битвы без нее.

Однако сегодня он не шел в бой – не по-настоящему. За ним развевалось личное знамя Адолина, который вел армию Далинара, намереваясь атаковать плато, на котором уже сражались войска Аладара. Далинар не отдавал никаких приказов касательно направления развития атаки. Его сын был хорошо обучен и мог принять командование на поле боя, конечно же, имея под рукой генерала Хала в качестве советчика.

Да, с этого момента сражениями руководит Адолин.

Далинар же будет менять мир.

Он поскакал к командному шатру Аладара. Сегодня состоялся первый забег на плато после обнародования обращения, согласно которому армиям предписывалось действовать сообща. Тот факт, что Аладар выступил, как было велено, а Ройон – нет, хотя целевое плато находилось ближе всего именно к его лагерю, уже сам по себе являлся победой. Слабое утешение, но Далинар довольствовался тем, что мог получить.

Он обнаружил кронпринца Аладара наблюдающим за битвой в маленьком шатре, установленном на безопасной, возвышенной части плато. Идеальное место для командного поста. Аладар был Носителем Осколков, но обычно на время битвы передавал Доспехи и Клинок одному из своих офицеров, предпочитая руководить тактикой за пределами линии сражения. Опытный Носитель Осколков мог мысленно приказать Клинку не исчезать, когда отпускал его, хотя в экстренной ситуации Аладар в состоянии призвать его к себе. В этом случае Клинок в мгновение ока исчезал из рук офицера и появлялся у кронпринца спустя десять ударов сердца. Передача Клинка требовала огромного доверия между обоими воинами.

Далинар спешился. Его конь, Кавалер, глянул на конюха, попытавшегося взять жеребца под уздцы, и Далинар похлопал коня по шее.

– Он сам о себе позаботится, сынок, – сказал он конюху. В любом случае обычные конюхи не знали, что делать с ришадиумом.

В сопровождении телохранителей-мостовиков Далинар присоединился к Аладару, который стоял на краю плато и обозревал поле битвы прямо перед собой. Худощавый и полностью лысый, с более темной, чем у большинства алети кожей. Кронпринц стоял, заложив руки за спину, одетый в традиционную униформу с похожей на юбку такамой, хотя и носил поверх нее современный сюртук, обрезанный так, чтобы подходить к такаме.

Такого стиля Далинар прежде никогда не видел. Также Аладар мог похвастать тонкими усами и клочком волос под губой – опять же, нетрадиционный вариант. Этот человек обладал достаточной властью и популярностью, чтобы самому становиться законодателем моды, что он и делал, часто задавая модные тенденции.

– Далинар, – кивнул Аладар. – Я думал, ты больше не собираешься сражаться на плато.

– Не собираюсь, – ответил Далинар, указав на знамя Адолина.

В той стороне солдаты перебежали по мостам Далинара, чтобы присоединиться к битве. Плато было достаточно маленьким, и солдатам Аладара пришлось отступить, чтобы расчистить путь, чему они явно обрадовались.

– Ты почти проиграл эту битву, – заметил Далинар. – Хорошо, что к тебе подросла поддержка.

Внизу на поле битвы солдаты Далинара восстановили порядок в своих рядах и бросились на паршенди.

– Возможно, – ответил Аладар. – Хотя в прошлом я побеждал в одной атаке из трех. Поддержка означает, что я определенно выиграю еще несколько забегов, но потеряю половину прибыли. Если предположить, что король выделит мне хоть что-то. Я не убежден, что в долгосрочной перспективе окажусь в выигрыше.

– Но при таком раскладе ты теряешь меньше людей, – сказал Далинар. – И общая польза для всей армии увеличивается. Честь...

– Не говори со мной о чести, Далинар. Я не могу платить солдатам честью и не могу использовать ее, чтобы воспрепятствовать другому кронпринцу перегрызть мне горло. Твой план благоприятствует самым слабым из нас и подрезает успешных.

– Отлично, – огрызнулся Далинар, – честь не имеет для тебя никакой ценности. Но ты по-прежнему будешь повиноваться, Аладар, потому что этого требует твой король. Другая причина тебе не нужна. Ты сделаешь так, как сказано.

– Или? – спросил Аладар.

– Спроси Йенева.

Аладар вздрогнул, будто от пощечины. Десять лет назад кронпринц Йенев отказался принять объединение Алеткара. По приказу Гавилара Садеас вызвал Йенева на дуэль. И убил.

– Угрожаешь? – спросил Аладар.

– Да. – Далинар повернулся, чтобы посмотреть низкорослому мужчине прямо в глаза. – Я больше не буду уговаривать, Аладар. Я больше не буду просить. Когда ты не повинешься Элокару, ты насмехаешься над памятью о моем брате и над тем, за что он боролся. Я за объединенное королевство.

– Забавно, – сказал Аладар. – Как мило с твоей стороны упомянуть Гавилара, который объединял королевство совсем не честью. Он делал это, вонзая ножи в спину и посылая солдат в бой, отсекая голову любому, кто сопротивлялся. Мы что, возвращаемся к этому снова? Не слишком похоже на красивые слова из твоей драгоценной книги.

Далинар заскрежетал зубами и отвернулся понаблюдать за битвой. Его первым желанием было напомнить Аладару, что тот является офицером под командованием Далинара, и сделать выговор за неподобающий тон. Разобраться, как с новичком, нуждающимся во внушении.

Но что, если Аладар просто проигнорирует его? Заставит ли он кронпринца подчиниться? У Далинара не хватит солдат.

Кронпринц Холин понял, что раздражен больше на себя, чем на Аладара. Он прибыл на это плато не за тем, чтобы сражаться, но чтобы поговорить. Убедить. Навани права. Чтобы спасти королевство, Далинару требовалось нечто большее, чем резкие слова и военные команды. Ему необходима верность, а не страх.

Но, шторма его заведи, как? В своей жизни он привык убеждать с мечом в руках или кулаком по лицу. Человеком, у которого всегда находились верные слова, человеком, который заставлял людей слушать, всегда был Гавилар.

Далинар считал, что политика – не его дело.

«Поначалу половина парней на этом поле битвы едва ли думали, что быть солдатами – их призвание, – прошептала какая-то его часть. – Оплошать сейчас – непозволительная роскошь для тебя. Не жалуйся. Меняйся!»

– Паршенди давят слишком сильно, – сказал Аладар своим генералам. – Они хотят столкнуть нас с плато. Прикажите солдатам немного отступить, тогда паршенди потеряют преимущество своего положения и мы сможем их окружить.

Генералы кивнули, и один из них начал отдавать приказы.

Далинар прищурился, глядя на поле битвы, изучая его.

– Нет, – сказал он мягко.

Генерал перестал отдавать приказы. Аладар посмотрел на Далинара.

– Паршенди готовятся отступить, – сказал Далинар.

– По их действиям не скажешь.

– Они хотят выиграть немного свободного пространства для маневра, – сказал Далинар, читая круговерть боя. – Они почти забрали гемсердце и поэтому будут продолжать давить изо всех сил, а затем бросятся в быстрое отступление, занимая оборону вокруг куколки, тем самым выигрывая время, пока наконец не вскроют ее. Вот что тебе нужно предотвратить.

Паршенди хлынули вперед.

– Сегодняшним забегом руковожу я, – произнес Аладар. – По твоим собственным правилам за мной остается последнее слово в вопросе тактики.

– Я только наблюдаю, – ответил Далинар. – Сегодня я даже не командир собственной армии. Ты можешь выбрать свою тактику, и я не буду вмешиваться.

Аладар задумался, затем тихо выругался.

– Предположим, что Далинар прав. Подготовить людей к отступлению паршенди. Отправить ударный отряд вперед, чтобы отбить куколку, которая, скорее всего, почти вскрыта.

Генералы подготовили новые распоряжения, и гонцы умчались с тактическими приказами. Аладар и Далинар, стоя плечом к плечу, смотрели, как паршенди двигались вперед. Их пение парило над полем битвы.

Затем они отступили, как всегда осторожно и почтительно перешагивая через тела умерших. Готовые к этому войска людей бросились следом. Возглавляемые Адолином в сверкающих Доспехах, свежие ударные силы прорвали строй паршенди и достигли куколки. Другая часть армии, устремившись в открытый проход, оттесняла паршенди к флангам и превращала их отступление в тактическую катастрофу.

За считанные минуты вражеские войска оставили плато и побежали прочь, перепрыгивая через расщелины.

– Бездна, – тихо проворчал Аладар. – Аж зло берет, что ты настолько хорош в военном деле.

Далинар прищурился, заметив, что некоторые из убегающих паршенди остановились на плато недалеко от поля боя. Они задержались там, хотя большая часть их сил продолжала удаляться.

Далинар махнул одному из слуг Аладара, и тот вручил ему подозрную трубу. Кронпринц поднял и сфокусировал ее на этой группе. Там, на краю плато, стояла фигура. Фигура в блестящих доспехах.

«Носитель Осколков паршенди, – подумал кронпринц. – Тот, кто участвовал в битве на Башне. Он чуть не убил меня».

Далинар мало что помнил из последнего сражения. В конце боя он оказался почти без сознания. Носитель Осколков не участвовал в сегодняшней битве. Почему? Наверняка с ним они могли быстрее вскрыть куколку.

Далинар почувствовал укол тревоги. Один лишь факт того, что он увидел Носителя Осколков, полностью изменил его представление о сражении. Кронпринц думал, что способен предугадать происходящие события. Теперь до него дошло, что тактика врага была не такой уж прозрачной, как он полагал.

– Некоторые из них по-прежнему там? – спросил Аладар. – Наблюдают?

Далинар кивнул, опустив подозрную трубу.

– Делали ли они подобное прежде в битвах, в которых ты сражался?

Далинар покачал головой.

Аладар задумался на мгновение, а затем отдал приказ своим людям на плато сохранять бдительность и разместить разведчиков, чтобы быть готовыми к внезапному возвращению паршенди.

– Спасибо, – неохотно проговорил Аладар, повернувшись к Далинару. – Твой совет оказался полезным.

– Ты доверился мне, когда речь шла о тактике, – ответил Далинар. – Почему же не доверяешь, когда речь идет о том, что лучше для королевства?

Аладар изучающе посмотрел на него. В отдалении солдаты праздновали победу, а Адолин вырвал из куколки гемсердце. Остальные рассредоточились в ожидании повторной атаки, но ее не последовало.

– Я бы хотел, Далинар, – наконец произнес Аладар. – Но дело не в тебе, а в других кронпринцах. Наверное, я мог бы довериться тебе, но не им. Ты просишь меня рискнуть слишком многим. Остальные поступят со мной так же, как Садеас поступил с тобой на Башне.

– Что, если я уговорю остальных? Что, если я докажу тебе, что они достойны доверия? Что, если я смогу изменить направление развития королевства и этой войны? Тогда ты последуешь за мной?

– Нет, – ответил Аладар. – Извини.

Он отвернулся и крикнул, чтобы привели коня.

Обратная дорога навевала печаль. Они выиграли битву, но Аладар сохранял дистанцию. Каким образом Далинару удавалось делать столь многое так хорошо и

при этом не быть в состоянии убедить таких, как Аладар? И что означала смена тактики паршенди на поле боя, при которой они не использовали своего Носителя? Неужели они настолько боялись потерять Осколки?

Позабывшись о людях и отправив доклад королю, Далинар наконец вернулся в убежище в лагере и обнаружил неожиданное письмо.

Он послал за Навани, чтобы прочесть его, и стал ждать в своем личном кабинете, уставившись на стену, на которой были нанесены странные глифы. Их зашлифовали, скрыв царапины, но светлое пятно продолжало нашептывать.

«Шестьдесят два дня».

Шестьдесят два дня, чтобы найти ответ. Теперь уже шестьдесят. Не много времени, чтобы спасти королевство и подготовиться к худшему. Арденты восприняли бы пророчество как шутку в лучшем случае и как богохульство – в худшем. Предсказывать будущее запрещено. Это присуще Несущим Пустоту. Даже азартные игры вызывали подозрение, так как провоцировали людей задумываться о тайнах грядущего.

Как бы то ни было, он верил. Поскольку подозревал, что эти знаки вывела его собственная рука.

Прибыла Навани и, просмотрев письмо, начала читать его вслух. Его прислал старый друг, который собирался вскоре приехать на Разрушенные равнины и мог помочь Далинару в решении проблем.



Мне хочется думать, что, не будь я поглощена скорбью, я бы увидела грядущие опасности раньше. Хотя, положив руку на сердце, не уверена, можно ли было сделать хоть что-то.

Из дневника Навани Холин, джесесач, 1174 г.

Каладин направился в расщелины, поскольку имел на это право.

Как и в армии Садеаса, они использовали веревочные лестницы. Те лестницы были ненадежными. Веревки изношены и покрыты мхом, перекладины пострадали от многочисленных сверхштормов. Каладин ни разу не терял людей из-за тех штормовых лестниц, но всегда беспокоился по этому поводу.

Лестница под ним была совершенно новой. Каладин знал об этом, поскольку Ринд, интендант, почесал затылок в ответ на его просьбу, но выполнил все согласно указаниям. Лестница оказалась прочной и добротной, как и все в армии Далинара.

Каладин прыгнул на дно. Сил прилетела и села к нему на плечо, когда он поднял сферу, чтобы осветить ущелье. Один такой сапфировый брум стоил дороже, чем вся его зарплата мостовика.

В армии Садеаса мостовиков часто отправляли на работы в ущелья. Каладин до сих пор не знал, делалось ли это с целью собрать все возможные ресурсы с Разрушенных равнин или было всего лишь способом занять мостовиков между забегами какой-то черной работой, подавляющей волю.

Однако здесь дно ущелья казалось нетронутым. На земле не было троп, проложенных через обломки и мусор, которые остались после сверхштормов. На покрытых мхом стенах отсутствовали нацарапанные сообщения и инструкции. Как и остальные ущелья, это изнутри напоминало вазу. Широкое дно, сужающееся кверху, образовалось в результате пронсящих во время сверхштормов потоков воды. Относительно ровная поверхность внизу покрылась затвердевшим осадком крэма.

По мере продвижения Каладину пришлось пробираться через самый разный мусор. Сломанные ветки и стволы деревьев, принесенные со всех концов равнин. Расколотые раковины камнепочек. Бесчисленные переплетения засохших лоз, перевитых между собой, как заброшенная пряжа.

И, конечно, тела.

В ущельях оказывалось много трупов. Всякий раз, когда люди проигрывали битву на плато, их вынуждали отступить и оставить своих мертвецов позади. Шторма! Садеас часто оставлял трупы, даже если выигрывал. И бросал раненых мостовиков, даже если их можно было спасти.

После сверхшторма мертвые попадали сюда, в ущелья. Так как шторма двигались на запад, в сторону военных лагерей, тела смывало в этом направлении. Каладин обнаружил, что и шагу не сделать, не наступив на кости, виднеющиеся из-под скопившейся на дне ущелья листвы.

Он выбирал путь с таким почтением и осторожностью, насколько было в его силах. Тем временем за его спиной Камень добрался до дна, тихо пробормотав что-то на родном языке. Сложно сказать, проклятие или молитву. Сил слетела с плеча Каладина, взмыла в воздух, а затем пронеслась по дуге к земле. Там она приняла образ девушки в простом платье, которое превращалось в туман чуть ниже колен. Этот облик Каладин считал ее истинной формой. Сил уселась на ветку и устала на бедренную кость, торчащую из мха.

Ей не нравилось насилие. Каладин не был уверен в том, что даже теперь она понимала, что такое смерть. Спрен говорила о ней как ребенок, пытающийся осмыслить что-то ему недоступное.

– Какой беспорядок, – проворчал Тефт, достигнув дна. – Ба! Здесь вообще никогда не убирали.

– Это могила, – отозвался Камень. – Мы гуляем по могилам.

– Все ущелья – могилы, – сказал Тефт. Его голос эхом отражался от сырых стен ущелья. – Просто эта могила грязная.

– Сложно найти смерть, которая не была бы грязной, Тефт, – заметил Каладин.

Тефт что-то пробормотал и пошел встречать новых рекрутов, которые спускались на дно. Моаш и Шрам охраняли Далинара и его сыновей, которые участвовали в каком-то празднике светлоглазых, чего Каладин был рад избежать. Вместо праздника они с Тефтом спустились сюда.

К ним присоединились сорок мостовиков, по два от каждой реорганизованной бригады, и Тефт обучал их в надежде на то, что из них получатся хорошие сержанты для своих бригад.

– Хорошенько запомните, парни, – сказал он им. – Вот отсюда мы вышли. Именно поэтому некоторые называют нас костяным орденом. Радуйтесь, мы не собираемся заставлять вас проходить через все, что прошли сами! Нас могло смести сверхштормом в любой момент. Теперь, с расчетами штормстражей Далинара Холина, риск становится меньше, но на всякий случай будем держаться близко к выходу...

Каладин скрестил руки на груди, наблюдая, как Тефт инструктирует людей, пока Камень вручал им учебные копья. У Тефта копьё отсутствовало, и хотя он был ниже ростом, чем собравшиеся вокруг него мостовики, одетые в простые солдатские мундиры, они казались полностью запуганными.

«А чего еще ты ожидал? – подумал Каладин. – Они же мостовики. Их и легкий ветерок напугает».

Тем не менее Тефт выглядел полностью контролирующим ситуацию. Уверенным. Это было правильно. Что-то в этом было просто... правильно.

Вокруг головы Каладина материализовался рой маленьких светящихся шариков. Спрены в виде золотистых сфер заматались из стороны в сторону. Он вздрогнул, глядя на них. Спрены славы. Шторма! Казалось, он не видел их уже целую вечность.

Сил взметнулась в воздух и присоединилась к ним, хихикая и кружась над головой Каладина.

– Гордишься собой?

– Тефтом, – сказал Каладин. – Он – лидер.

– Ну, конечно. Ты же сам присвоил ему звание.

– Нет, – сказал Каладин. – Не я присвоил. Он его заслужил. Ну, все. Пойдем.

Она кивнула, спустилась пониже и устроилась в воздухе, закинув ногу на ногу, как будто чинно уселась на невидимый стул. Сил продолжала парить, двигаясь абсолютно синхронно с ним.

– Вижу, ты снова бросаешь вызов всем законам природы, – сказал Каладин.

– Законам природы? – переспросила Сил, найдя формулировку забавной. – Законы для людей, Каладин. У природы их нет!

– Если я что-то подброшу вверх, оно упадет вниз.

– За исключением случаев, когда этого не произойдет.

– Это закон.

– Нет, – возразила Сил, посмотрев вверх. – Это больше похоже... на соглашение между друзьями.

Каладин скептически взглянул на нее.

– Мы должны действовать согласованно, – сказала она, заговорщически наклоняясь, – иначе у вас расплавятся мозги.

Он фыркнул, обходя груды костей и веток, пронзенную копьем. Разъеденное ржавчиной, оно напоминало монумент.

– О, да ладно тебе, – проговорила Сил, тряхнув волосами. – Мог хотя бы похихикать.

Каладин продолжал идти.

– Фыркanye – не хихикanye, – продолжила Сил. – Я точно знаю, потому что умна и красноречива. Теперь ты должен меня похвалить.

– Далинар Холин хочет возродить Сияющих рыцарей.

– Да, – важно подтвердила Сил, зависнув так, что он мог видеть ее только краем глаза. – Это настолько блестящая идея, как будто я сама ее придумала! – Сил торжествующе усмехнулась, затем нахмурилась.

– Что? – спросил он, снова повернувшись к ней.

– Тебе никогда не казалось несправедливым, – проговорила Сил, – что спрен не может привлечь спрена? Мне не помешало бы обзавестись несколькими собственными спренами славы.

– Я должен защищать Далинара, – сказал Каладин, не обращая внимания на ее жалобы. – Не только его, но и его семью, может быть, самого короля. Но мне не удалось предотвратить вторжение в покои Далинара.

Он все еще не мог понять, как кому-то удалось туда проникнуть. Разве только это был не человек.

– Могли ли спрены нарисовать те глифы на стене?

Однажды Сил принесла листок. У нее была какая-то физическая форма, просто не очень сильная.

– Я не знаю, – сказала она, глядя в сторону. – Я видела...

– Что?

– Спренов, похожих на красную молнию, – тихо ответила Сил. – Опасные спрены. Не видела таких прежде. Иногда я их замечаю, издали. Спрены шторма? Грядет что-то опасное. И в этом глифы правы.

Каладин некоторое время обдумывал услышанное, а затем остановился и посмотрел на нее.

– Сил, есть ли другие, подобные мне?

Ее лицо стало глубоко задумчивым.

– О.

– О?

– О, это хороший вопрос.

– Значит, ты ожидала его?

– Да, что-то вроде.

– Таким образом, у тебя было много времени, чтобы придумать достойный ответ, – сказал Каладин, скрестив руки на груди и прислонившись к стене, где было посуше. – Остается только гадать, что ты придумала: основательное разъяснение или убедительную ложь.

– Ложь? – ошеломленно переспросила Сил. – Каладин! Я тебе не криптик какой-нибудь!

– А что такое криптик?

Сил, все еще сидя, словно на стуле, выпрямилась и вскинула голову.

– На самом деле я... На самом деле я понятия не имею. Фух.

– Сил...

– Я серьезно, Каладин! Я не знаю. Я не помню.

Она схватилась за волосы, по одной белой полупрозрачной пряди в каждую руку, и потянула в стороны. Он нахмурился и указал на нее.

– Это...

– Я видела, как женщина на рынке так делала, – пояснила Сил, снова дернув себя за волосы. – Означает, что я расстроена. Думаю, это должно причинять боль. Стало быть... ой? Как бы там ни было, не то чтобы я не хочу говорить тебе о том, что мне известно. Я хочу! Просто... Я не знаю, что я знаю.

– Что за бессмыслица.

– Ну так вообрази, насколько обескураживает, когда чувствуешь что-то подобное!

Каладин вздохнул и пошел дальше по ущелью, минуя лужи стоячей воды, заполненные мусором. Вдоль одной из стен ущелья расположилась россыпь чохлых камнепочек. Вероятно, здесь на них попадает не слишком много света.

Он глубоко вдохнул ароматы буйной жизни. Мох и плесень. От большинства тел здесь остались только кости, но все же Каладин держался подальше от одного участка земли, где копошились красные точки спренов

гниения. Прямо рядом с ним группа оборцветов выпустила в воздух свои тонкие веерообразные листья, и спрены гниения танцевали с зелеными крапинками спренов жизни. Здесь, в ущелье, жизнь и смерть протянули друг другу руки.

Каладин исследовал некоторые из боковых проходов. Странно чувствовать, что эта область ему не знакома – ущелья, прилегающие к лагерю Садеаса, он изучил лучше, чем сам лагерь. По мере того как мостовик продвигался, ущелье становилось все глубже, раскрываясь множеством ответвлений. Каладин сделал несколько пометок на стене.

Повернув на одной из развилок, он обнаружил открытую круглую площадку, на которой было мало мусора. Запомнив ее, Каладин вернулся и оставил на стене еще одну отметку, прежде чем выбрать очередной проход. В итоге они оказались в еще одном месте, где ущелье расширилось, образуя вместительное пространство.

– Приходить сюда было опасно, – сказала Сил.

– В ущелья? – спросил Каладин. – В такой близости от лагеря не встречаются скальные демоны.

– Нет. Я имела в виду для меня, входить в ваш мир прежде, чем я нашла тебя. Это было опасно.

– А где ты находилась раньше?

– В другом месте. Там много спренов. Не могу как следует вспомнить... Там были огни в воздухе. Живые огни.

– Как спрены жизни?

– И да, и нет. Мое появление в этом мире означало риск умереть. Без тебя, без разума, рожденного в вашей реальности, я не могла думать. Оставаясь в одиночестве, я была просто еще одним спреном ветра.

– Но ты же не спрен ветра, – сказал Каладин, опустившись на колени около большой лужи с водой. – Ты спрен чести.

– Да, – ответила Сил.

Каладин сжал пальцы вокруг сферы, погрузив похожее на пещеру место в полутьму. Наверху день, но узкая полоска неба казалась далекой, недостижимой.

Груды принесенного наводнением мусора погрузились в тени, которые почти вернули им плоть. Кучи костей приобрели очертания вялых рук, высоко нагроможденных трупов. В какой-то момент на Каладина нахлынули воспоминания. Вопя во весь голос, он бежит на выстроившихся лучников паршенди. Его друзья умирают на бесплодных плато, бьются в конвульсиях в собственной крови.

Грохот копыт по камню. Неуместное пение на чужом языке. Крики людей, как светлоглазых, так и темноглазых. Мир, которому совсем нет дела до мостовиков. Они – мусор. Жертвы, которые будут сброшены в ущелья и унесены очистительными наводнениями.

Это место – их настоящий дом. Эти расщелины в земле, эти пропасти, простирающиеся вниз глубже, чем что бы то ни было. Когда глаза Каладина привыкли к полумраку, воспоминания о смерти отступили, хотя он никогда не освободится от них полностью. В его памяти навсегда останутся шрамы так же, как они остались на теле. Как те, что у него на лбу.

Лужа впереди светилась глубоким фиолетовым светом. Он бы заметил его раньше, но мешало свечение сферы. Теперь, в полумраке, виднелось ее жутковатое сияние.

Сил приземлилась на краю лужи и стала похожа на женщину, стоящую на берегу океана. Каладин нахмурился, наклонившись, чтобы рассмотреть ее внимательнее. Она казалась... другой. Лицо изменилось?

– Есть и другие, подобные тебе, – прошептала Сил. – Я не знаю, кто они, но я знаю, что другие спрены пытаются, каждый по-своему, восстановить то, что утеряно.

Она взглянула на него, и ее лицо снова приобрело обычный вид. Мимолетное изменение было настолько трудноуловимым, что Каладин засомневался, не показалось ли ему.

– Я единственная из спренов чести, решившая вернуться, – проговорила Сил. – Я... – Казалось, что она усиленно вспоминает. – Мне запрещали. Но я все равно пришла. Чтобы найти тебя.

– Ты знала меня?

– Нет. Но я знала, что найду тебя. – Она улыбнулась. – Я проводила время с моими кухнями, пока искала.

– Спренами ветра.

– Собственно, без нашей связи я одна из них. Хотя у них нет возможности делать то, что делаем мы. А то, что мы делаем, важно. Настолько важно, что я оставила все и бросила вызов Отцу Штормов, чтобы прийти к тебе. Ты видел его. Во время шторма.

Волоски на руках Каладина встали дыбом. Он действительно видел нечто во время шторма. Лицо, огромное, как само небо. Чем бы оно ни было – спреном, Герольдом или богом – оно не смягчило свои шторма для Каладина в тот день, когда он висел, привязанный к крыше.

– Мы нужны, Каладин, – тихо сказала Сил.

Она помахала ему, и мостовик опустил руку к берегу крошечного фиолетового океана, мягко светящегося в ущелье. Сил взошла на его руку, и он встал, поднимая ее.

Она прошла по его пальцам, и Каладин действительно почувствовал небольшой вес, что было необычно. Он поворачивал руку, пока Сил шла вверх. Затем она уселась на один из пальцев и сцепила руки за спиной, встретившись с ним взглядом, когда палец оказался перед лицом юноши.

– Ты, – сказала Сил. – Тебе нужно будет стать тем, кого ищет Далинар Холин. Пусть он ищет не напрасно.

– Они заберут это у меня, Сил, – прошептал Каладин. – Они найдут способ забрать тебя у меня.

– Глупости. И ты это знаешь.

– Я знаю, но чувствую иначе. Они сломали меня, Сил. Я не тот, кто ты думаешь. Я не Сияющий.

– Я видела совсем другое, – ответила она. – На поле боя, после предательства Садеаса, когда людей бросили в ловушке. В тот день я видела героя.

Он посмотрел ей в глаза. У Сил были зрачки, хоть и сотканые из разных оттенков белого и голубого, как и все остальное в ней. Она сияла мягче, чем самая слабая сфера, но света хватало, чтобы осветить его палец. Сил улыбнулась, словно была в нем совершенно уверена.

По крайней мере один из них уверен.

– Я попытаюсь, – прошептал Каладин. Обещание.

– Каладин?

Голос с характерным рогоедским акцентом принадлежал Камню. Он произносил имя Каладина, непривычно растягивая гласные.

Сил сорвалась с пальца Каладина, став ленточкой света, и полетела к Камню. Тот выказал свое почтение к ней рогоедским способом, притронувшись рукой по очереди к каждому плечу, а затем ко лбу. Сил хихикнула, ее мрачная серьезность за несколько секунд сменилась девичьим восторгом. Она, возможно, приходилась всего лишь кухней спренам ветра, но явно имела такой же озорной характер.

– Я здесь, – сказал Каладин, кивнув Камню, а затем, пошарив в луже, вытащил и поднял аметистовый брум. Где-то там, на равнинах, умер светлоглазый с этой сферой в кармане. – Целое богатство, будь мы по-прежнему мостовиками.

– Мы до сих пор мостовики, – ответил Камень, подходя ближе. Он выхватил сферу из пальцев Каладина. – И это все равно целое богатство. Ха! Те специи, что выдаются нам со складов, самое настоящее *тума'алки*! Я пообещал парням, что не буду добавлять навоз, но это нелегко, когда солдаты привыкли к еде, которая не намного лучше. – Он поднял сферу. – Использую ее, чтобы купить что-нибудь повкуснее, а?

– Конечно, – согласился Каладин.

Сил приземлилась на плечо Камня и уселась, превратившись в молодую женщину.

Камень посмотрел на нее и попытался поклониться своему собственному плечу.

– Перестань издеваться над ним, Сил, – сказал Каладин.

– Но это так забавно!

– Мы должны восхвалять тебя за помощь, *мафа'лики*, – обратился к ней Камень. – Я выдержу все, что пожелаешь. И теперь, когда я свободен, смогу построить для тебя подходящее святилище.

– Святилище? – переспросила Сил, широко раскрыв глаза. – О-о-о.

– Сил! – не сдержался Каладин. – Прекрати. Камень, я нашел хорошее место для тренировки. Оно располагается через пару ответвлений. Я оставил пометки на стенах.

– Да, мы видели, – ответил Камень. – Тефт повел туда людей. Так странно. Это место пугает, сюда никто не ходит, и все же новички...

– Они раскрепощаются, – догадался Каладин.

– Да. Откуда ты знал, что это произойдет?

– Они были там, – сказал Каладин. – В лагере Садеаса, когда в ущелья направляли исключительно нас. Они видели, чем мы занимались, и слышали рассказы о наших тренировках. Приведя их сюда, вниз, мы как будто пригласили их присоединиться, вступить в наши ряды.

У Тефта появилась проблема – он не мог заставить прежних мостовиков проявить интерес к обучению. Старый солдат постоянно на них раздражался. Они пожелали остаться с Каладином вместо того, чтобы выйти на свободу, так почему же не учатся?

Им требовалось приглашение. А не просто слова.

– Понятно, – сказал Камень. – Вообще-то меня послал Сигзил. Он хочет знать, готов ли ты измерить свои способности.

Каладин глубоко вздохнул, взглянул на Сил и кивнул.

– Да. Приведи его. Мы можем заняться этим здесь.

– Ха! Наконец-то. Я за ним сбегаяю.



Шесть лет назад

Миру пришел конец, а виновата оказалась Шаллан.

– Представь, что этого никогда не было, – прошептал отец.

Он вытер что-то влажное с ее щеки. Его большой палец окрасился красным.

– Я буду защищать тебя.

Неужели дрожит комната? Нет, это Шаллан. Она дрожала. Чувствовала себя такой маленькой. Однажды в одиннадцать лет ей почудилось, что она уже старая. Но Шаллан была ребенком, все еще ребенком. Таким маленьким.

Не переставая дрожать, девочка смотрела на отца. Она не могла моргнуть – глаза будто застыли в открытом положении.

Сквозь слезы отец шепотом запел ей на ухо:

– Спят ущелья, тьма окружит, хочет напугать. Ты закрой скорее глазки, нужно засыпать...

Знакомая колыбельная, которую он всегда пел ей раньше. В комнате позади отца на полу вытянулись темные трупы. Красный ковер, который когда-то был белым.

– Подкрадется страх по скалам в колыбель твою. Засыпай, малютка, сладко, баюшки-баю.

Отец поднял Шаллан на руки, и она почувствовала, как ее кожа съезживается. Нет. Нет, его любовь не настоящая. Монстра нельзя любить. Монстра, который убивал и лишал жизни. Нет.

Она не могла двигаться.

– В вое шторма теплый ветер защитит тебя. Стонет буря, но напрасно. Спи, мое дитя...

Отец пронес Шаллан над трупом женщины в белом. Крови на ней виднелось совсем немного. Зато мужчина истекал ею. Мать лежала лицом вниз, и Шаллан не видела ее глаз. Этих жутких глаз.

Шаллан почти получилось убедить себя, что колыбельная была концом страшного сна. Что вокруг стояла ночь, а она проснулась с криком, и отец пытался ее убаюкать...

– Свет кристаллов негасимый вспыхнет на ладошке, прочь прогонит все невзгоды, спать уложит крошку.

Они прошли мимо отцовского сейфа в стене. Он сиял так ярко, что свет проходил сквозь щели в запертой двери. Внутри находился монстр.

– Эту песню я с любовью каждый раз пою. Засыпай, малютка, сладко, баюшки-баю.

С Шаллан на руках отец вышел из комнаты и оставил мертвые тела за дверью.

Карта южной части Замерзших земель





Но, по понятным причинам, мы сосредоточили внимание на Садеасе. Предательство было еще свежо, и я видела его следы каждый день, когда проходила мимо пустующих казарм и скорбящих вдов. Все мы знали, что Садеас не станет просто гордо отдыхать после бойни. Грядет нечто большее.

Из дневника Навани Холин, джесесач, 1174 г.

Шаллан очнулась практически сухой, лежа на шероховатой скале, поднимающейся из океана. Волны плескались у ее ног, но она едва чувствовала их из-за онемения. Девушка застонала, подняв щеку от мокрого гранита, и увидела берег, о который с низким ревом бился прибой. С другой стороны простиралось лишь бескрайнее синее море.

Шаллан замерзла, и голова пульсировала так, будто ею неоднократно ударяли о стену. Но она выжила. Каким-то образом она выжила. Шаллан подняла руку, стирая засохшую соль, вызывавшую зуд на лбу, и разразилась сухим кашлем. Волосы прилипли к лицу, а платье испачкалось от воды и водорослей, прибившихся к скале.

«Как?..»

Потом она увидела его. Большая коричневая раковина в воде, почти невидимая, плывущая в сторону горизонта. Сантид.

Шаллан неуверенно поднялась, цепляясь за выступ скалы. Ошеломленная, она наблюдала за созданием, пока то не исчезло.

Рядом с ней что-то жужжало. Узор принял свою обычную форму на поверхности вспененного моря, полупрозрачный, как если бы сам был маленькой волной.

– Выжил ли...

Шаллан откашлялась, прочистив горло, застонала и осела на скалу.

– Выжил ли кто-нибудь еще?

– Выжил? – переспросил Узор.

– Другие люди. Моряки. Удалось ли им спастись?

– Не уверен, – ответил Узор своим жужжащим голосом. – Корабль... исчез.

Всплеск. Ничего не видел.

– Сантид. Он спас меня.

Откуда он знал, что делать? Были ли они разумными? Неужели можно каким-то образом взаимодействовать с ним? И не упустила ли она эту возможность...

Шаллан чуть не рассмеялась, осознав, в каком направлении двигались ее мысли. Она почти утонула, Джасна мертва, экипаж «Удовольствия ветра», скорее всего, убит или стал добычей моря! Вместо того чтобы их оплакивать или удивляться своему спасению, она погрузилась в научные размышления?

«Вот чем ты занимаешься, – обвинила какая-то глубоко похороненная часть ее разума. – Уводишь себя в сторону. Отказываешься думать о вещах, которые тебя беспокоят».

Но именно так ей удалось выжить.

Шаллан обхватила себя руками, чтобы согреться на каменном насесте, и уставилась в океан. Ей нужно взглянуть правде в глаза. Джасна мертва.

Джасна мертва.

Шаллан чувствовала, что готова расплакаться. Настолько яркая, удивительная женщина, которой просто... не стало. Джасна пыталась всем помочь, защитить целый мир. И за это ее убили. Внезапность произошедшего потрясла Шаллан, поэтому она сидела, дрожащая и замерзшая, и просто смотрела на океан. Ее разум онемел так же, как ступни.

Убежище. Ей требовалось убежище... любое. Мысли о морях, об исследовании Джасны не были первостепенными. Шаллан выбросило на практически необитаемый берег в местах, где ночью царил холод. Пока она сидела, начался отлив, и расстояние по воде от ее камня до берега стало уже не таким большим, как раньше. Удачно, ведь она не умела как следует плавать.

Шаллан заставила себя двигаться, хотя поднять руки или ноги оказалось не легче, чем ворочать упавшими стволами деревьев. Заскрипев зубами, она соскользнула в воду. До сих пор чувствовался жалящий холод. Значит, не совсем ооченела.

– Шаллан? – позвал Узор.

– Мы не можем сидеть здесь вечно, – ответила она, держась за скалу и полностью погружаясь в воду.

Ноги задевали камни на дне, поэтому девушка осмелилась отпустить камень и двинуться дальше. Вызывая тучи брызг, Шаллан то плыла, то шла по дну, но приближалась к суше.

Она проглотила, наверное, половину залива, сражаясь с равнодушными волнами, пока не смогла наконец снова встать на ноги. С волос и платья струилась вода. Кашляя и спотыкаясь, девушка выбралась на песчаный берег и упала на колени. Поверхность пляжа усеивали десятки видов морских водорослей, липких и скользких, которые извивались под ее ступнями, стараясь отползти как можно дальше. Вокруг суетились крэмлинги и крабы покрупнее. Те, что оказались ближе, издавали щелкающие звуки, словно пытались ее отпугнуть.

Шаллан вяло подумала о том, что ей даже не пришла в голову мысль о морских хищниках, прежде чем она покинула скалу. Что подтверждало ее крайнюю усталость. Она читала о десятке различных видов больших ракообразных, которые не отказались бы поживиться, например, ее ногой. На песке вдруг появились и стали извиваться фиолетовые, похожие на слизней спрены страха.

Как глупо. Она испугалась только теперь? После заплыва? Вскоре спрены исчезли.

Шаллан обернулась и посмотрела на свой скальный насест. Сантид, скорее всего, не смог доставить ее ближе к берегу, так как здесь слишком мелко. Отец Штормов, ей повезло остаться в живых.

Несмотря на растущее беспокойство, Шаллан опустилась на колени и нарисовала на песке глифпару – молитву. Возможности сжечь ее не было. На данный момент, как она полагала, Всемогущий удовольствуется и этим. Девушка склонила голову и продолжала почтительно сидеть в течение десяти ударов сердца.

Затем встала и, надеясь на чудо, стала искать других выживших. Небольшие узкие заливы разделяли эту часть берега на множество пляжей. Шаллан отошла подальше от воды в поисках убежища, вместо того чтобы долго идти вдоль береговой линии. Пляж состоял из более грубого, чем она ожидала, песка. Он явно не соответствовал тем идиллическим историям, которые она читала, и неприятно впивался в ступни во время ходьбы. Рядом появилась фигура – это Узор двигался синхронно с ней, обеспокоенно жужжа.

Шаллан проходила мимо веток и даже обломков досок, которые могли принадлежать кораблям. Она не увидела никого из людей и не нашла следов. Когда опустились сумерки, пришлось сдаться. Веденка уселась на выветренный камень. Она не замечала, что из-за ходьбы по камням ступни теперь изрезаны и покрыты кровью. Волосы были в полном беспорядке. В потайном кармане лежали несколько сфер, но все оказались разряжены. Они не помогут ей, пока не удастся добраться до цивилизации.

«Топливо для костра», – подумала Шаллан.

Требовалось собрать топливо и развести огонь. Ночью он мог послужить сигналом для других выживших.

Или привлечь пиратов, бандитов или наемных убийц с корабля, если они не утонули.

Шаллан скривилась. Что ей было делать?

«Разведу маленький костер, чтобы согреться, – решила она. – Огорожу его, а ночью поищу другие костры. Если замечу, попытаюсь осмотреться, не подбираясь слишком близко».

Хороший план, если не считать того, что всю свою жизнь она прожила в роскошном особняке, где огонь разводили слуги. Шаллан никогда не разжигала камин, не говоря уж о костре в диких условиях.

Шторма... Ей повезет, если она не умрет здесь без укрытия. Или от голода. Что она будет делать, когда начнется сверхшторм? Когда ожидается следующий? Завтра ночью? Или послезавтра?

– Пойдем! – сказал Узор.

Спрен вибрировал на песке. Песчинки подпрыгивали и дрожали, когда он говорил, подскакивая и падая вокруг.

«Это мне знакомо... – подумала Шаллан, нахмурившись. – Песок на блюде. Кабзал...»

– Пойдем! – более настойчиво повторил Узор.

– В чем дело? – спросила Шаллан, вставая. Шторма, как она устала. Она едва могла двигаться. – Ты нашел что-то?

– Да!

Его ответ немедленно привлек ее внимание. Не задавая дальнейших вопросов, девушка последовала за Узором, который оживленно скользил вдоль берега. Понимает ли он разницу между настроенным дружелюбно и опасным человеком? На мгновение замерзшей и измученной Шаллан стало почти все равно.

Узор остановился около какого-то предмета, наполовину погруженного в воду и водоросли на кромке прибоя. Шаллан нахмурилась.

Сундук. Не человек, а большой деревянный сундук. Ахнув, Шаллан упала на колени, открыла замки и откинула крышку.

Внутри, подобно светящемуся сокровищу, лежали книги и заметки Джасны, аккуратно упакованные в водонепроницаемые чехлы.

Может, Джасна и не выжила, но дело ее жизни уцелело.

Шаллан опустилась на колени перед импровизированным костром – кучей собранных ею в маленькой роще веток в круге из камней. Уже почти наступила ночь.

Вместе с темнотой опустился ужасающий холод, такой же сильный, как в самые суровые зимы дома. Здесь, в Замерзших землях, подобное было в порядке вещей. Ее одежда, которая не до конца высохла в такой влажности, теперь казалась ледяной.

Шаллан не знала, как развести костер, но, возможно, ей удастся сделать это необычным способом. Шторма, как она измучилась. Борясь с усталостью, девушка вытащила светящуюся сферу, одну из множества найденных в сундуке Джасны.

– Ладно, – прошептала она. – Давай начнем.

Шейдсмар.

– М-м-м... – прожужжал Узор. Шаллан училась распознавать его жужжание. На этот раз оно казалось тревожным. – Опасно.

– Почему?

– Что здесь земля, там – море.

Шаллан вяло кивнула.

«Подожди. Подумай».

Было тяжело, но она снова заставила себя задуматься о словах Узора. Когда они плыли по океану и она попала в Шейдсмар, под ней оказалась обсидиановая земля. Но в Харбранте она упала в океан сфер.

– Так что же нам делать? – спросила Шаллан.

– Переходи медленно.

Девушка глубоко вдохнула холодный воздух и кивнула. Она стала пробовать. Как раньше, медленно, осторожно. Это было похоже... похоже на то, как открываешь глаза по утрам.

Ее охватило ощущение другого места. Ближайшие деревья лопнули, словно мыльные пузыри, их место заняли бусины, устремившиеся вниз, в переменчивое море из таких же бусин. Шаллан почувствовала, что падает.

Она выдохнула и моргнула, прогоняя ощущение, закрывая свои воображаемые глаза. То место исчезло, и через мгновение Шаллан снова очутилась в роще.

Узор нервно жужжал.

Шаллан стиснула челюсти и попробовала снова. На этот раз медленнее, она проскользнула в место со странным небом и не-солнцем и зависла между мирами. Шейдсмар наложился на окружающий мир как неясный послеобраз. Удерживаться в таком состоянии было трудно.

– Воспользуйся штормсветом, – сказал Узор. – Притяни их.

Шаллан нерешительно втянула в себя штормсвет. Сферы в океане снизу задвигались косяком рыб, приблизившись к ней и склеившись вместе. Из-за крайней усталости девушка с трудом могла удерживаться в этом двойном состоянии, и когда она посмотрела вниз, у нее закружилась голова.

Но каким-то образом она держалась.

Узор стоял рядом – фигура в плотной одежде, с головой, образованной из невозможных линий, руки сложены за спиной. Он парил, как будто находился в воздухе. На этой стороне спрен был высоким и внушительным. Шаллан рассеянно отметила, что он отбрасывает тень в другую сторону, навстречу, а не от далекого, кажущегося холодным солнца.

– Хорошо, – сказал Узор. Здесь его жужжание звучало ниже. – Хорошо. Он наклонил голову и, несмотря на то, что не имел глаз, повернулся вокруг, будто обозревая местность.

– Я отсюда, но помню так мало...

У Шаллан сложилось ощущение, что ее время ограничено. Она опустилась на колени и дотянулась до веток, которые набрала для костра. Чувствуя их на ощупь, она одновременно видела, как в той странной реальности ее пальцы прикоснулись к одной из стеклянных бусин, плавающих в волнах внизу.

Дотронувшись до этой бусины, она заметила, как что-то мелькает над ней в воздухе. Девушка вздрогнула и, подняв голову, увидела больших, похожих на птиц существ, кружащих над ней в Шейдсмаре. Они были темно-серыми и, судя по всему, не обладали определенной формой, их фигуры расплывались.

– Что...

– Спрены, – объяснил Узор. – Привлеченные тобой. Твоей... утомленностью?

– Спрены усталости? – спросила Шаллан, поразившись их размеру.

– Да.

Она задрожала и посмотрела вниз, на сферу под рукой. Девушка была опасно близка к тому, чтобы окончательно провалиться в Шейдсмар, и с трудом различала образы физической реальности вокруг. Только бусины. Она чувствовала, что в любой момент может упасть в море бусин.

– Пожалуйста, – сказала Шаллан сфере. – Мне нужно, чтобы ты стала огнем.

Узор загудел другим голосом, довольным, говоря за сферу:

– Я – ветка.

– Ты могла бы стать огнем, – сказала Шаллан.

– Я – ветка.

Ветка оказалась не особенно красноречивой. Шаллан подумала, что не стоит сильно удивляться.

– Почему бы тебе не стать огнем?

– Я – ветка.

– Как мне заставить ее измениться? – спросила Шаллан у Узора.

– М-м... Я не знаю. Ты должна ее убедить. Предложи ей правду, может быть? – Он говорил взволнованно. – Это место опасно для тебя. Для нас. Пожалуйста. Быстрее.

Шаллан снова посмотрела на ветку.

– Ты хочешь гореть.

– Я – ветка.

– Подумай, как это было бы весело.

– Я – ветка.

– Штормсвет, – проговорила Шаллан. – Ты можешь его получить! Весь, что у меня есть.

Пауза. В конце концов последовал ответ:

– Я – ветка.

– Веткам нужен штормсвет. Для... разных вещей... – Шаллан сморгнула слезы усталости.

– Я...

– ...ветка, – закончила девушка.

Она сжала сферу, одновременно чувствуя ее и ветку в физическом мире, и попыталась придумать очередной аргумент. На какие-то мгновения усталость отступила, но теперь возвращалась, наваливаясь еще сильнее. Почему...

Ее штормсвет подходил к концу.

Через секунду он иссяк, вытек из нее, а она выдохнула и соскользнула в Шейдсмар, чувствуя себя подавленной и измученной.

Шаллан упала в море сфер. Ужасная темнота, состоящая из миллионов движущихся частиц, поглощала ее.

Шаллан выдернула себя из Шейдсмара.

Сферы расступились, превращаясь в ветки, камни и деревья, возвращая ее в привычный мир. Она очутилась в маленькой роще, сердце колотилось изо всех сил.

Все вокруг стало обычным. Не было больше ни отдаленного солнца, ни океана бусин. Только бездушный холод, ночное небо и жалящий ветер, дующий меж деревьев. Осушенная сфера выскользнула из пальцев и зацокала по каменной поверхности. Шаллан прислонилась к сундуку Джасны. Ее руки до сих пор болели после того, как она перетащила его с пляжа под деревья.

Девушка сжалась в испуге.

– Ты знаешь, как развести костер? – спросила она Узора.

Ее зубы стучали. Отец Штормов, она больше не чувствовала холод, но зубы выстукивали дробь, а дыхание стало видимым в лунном свете, вырываясь облачком пара.

Шаллан поняла, что ее голова начинает кружиться все сильнее. Может быть, ей стоит поспать, а поутру снова попытаться решить все проблемы.

– Изменение? – спросил Узор. – Предложи изменение.

– Я пыталась.

– Я знаю. – Его вибрации казались удрученными.

Шаллан уставилась на кучу веток, чувствуя себя совершенно бесполезной. О чем там говорила Джасна? Контроль – основа любой власти? Власть и сила являются просто вопросами восприятия? Ну вот, перед ней было прямое опровержение. Шаллан могла представлять себя великой, могла вести себя как королева, но здесь, в пустыне, это ничего не меняло.

«Ладно, – подумала Шаллан. – Я не собираюсь сидеть на месте и замерзать до смерти. Может, так и случится, но зато я попытаюсь найти помощь».

Тем не менее она не пошевелилась. Двигаться было трудно. Но лежа здесь, вжавшись в сундук, Шаллан хотя бы не так сильно чувствовала ветер. Просто лежать здесь до утра...

Она свернулась клубочком.

Нет. Это казалось неправильным. Закашлявшись, девушка кое-как поднялась на ноги и, спотыкаясь, отошла от своего не-костра, а затем выудила из потайного кармана сферу и зашагала вперед.

Узор двигался у ее ног. Ступни стали кровоточить сильнее. Шаллан оставляла на камнях красные следы. Но не чувствовала порезов.

Она шла и шла.

И шла.

И...

Свет.

Шаллан не ускорила шаг. Не могла. Но она продолжала идти, волоча ноги, к крошечному огоньку в темноте. Онемевшая часть ее разума тревожилась, что свет может оказаться Номоном, второй луной. А она подойдет к ней и упадет с края самого Рошара.

Поэтому девушка очень удивилась, ввалившись прямо в центр маленькой группы людей, сидевших вокруг лагерного костра. Она моргнула, переводя взгляд с одного лица на другое. Игнорируя издаваемые ими звуки, так как слова ничего не значили в ее состоянии, Шаллан подошла к костру, легла, свернулась калачиком и заснула.

– Ваша светлость?

Шаллан что-то пробурчала, перекатываясь на другой бок. Ее лицо болело. Нет, по-настоящему болели ступни. По сравнению с этой болью с лицом все в порядке.

Если она поспит еще немного, возможно, все пройдет. Хотя бы в этот раз...

– В-ваша светлость? – повторил голос. – Вы ведь хорошо себя чувствуете?

В голосе слышался тайленский акцент. Из далеких глубин памяти всплыл свет, приносящий воспоминания. Корабль. Тайленцы. Моряки?

Шаллан заставила себя открыть глаза. В воздухе едва уловимо пахло дымом от дотлевающего костра. Небо приобрело глубокий фиолетовый цвет, становясь все ярче по мере восхода солнца. Она проспала всю ночь на твердом камне, и ее тело болело.

Шаллан не узнала говорившего – дородного тайленца с белой бородой, одетого в вязаную шапочку, старый костюм и жилет, заштопанный в нескольких неприметных местах. Свои белые тайленские брови он носил запроваженными за уши. Не моряк. Торговец.

Шаллан села, сдержав стон. Затем, запаниковав на мгновение, проверила безопасную руку. Один из пальцев выскользнул из рукава, и она втянула его обратно. Взгляд тайленца метнулся к ее пальцу, но мужчина ничего не сказал.

– Так с вами все в порядке? – спросил мужчина. Он говорил на алети. – Видите ли, мы намеревались собраться и отправиться дальше. Ваше прибытие прошлой ночью... застало нас врасплох. Мы бы не хотели вас беспокоить, но подумали, что, возможно, вам лучше проснуться перед нашим отъездом.

Шаллан провела свободной рукой по волосам – путанице рыжих прядей с застрявшими веточками. Двое других мужчин, высоких, крепких, воринского происхождения, упаковывали одеяла и скатки. За одно из них она бы убила прошлой ночью. Она помнила, как ей было неудобно.

Усмиряя позывы природы, Шаллан повернулась и с удивлением обнаружила три больших повозки, запряженных чуллами, с клетками сзади. Внутри клеток находились несколько грязных мужчин без рубашек. Понадобилось лишь мгновение, чтобы все встало на свои места.

Работоторговцы.

Она подавила зарождающийся всплеск паники. Работоторговля была полностью законной профессией. Большую часть времени. Правда, они находились в Замерзших землях, вдали от законов любой страны и любой организации. Кто мог сказать, что здесь являлось законным, а что нет?

«Сохраняй спокойствие, – настойчиво сказала себе Шаллан. – Они не стали бы вежливо будить тебя, если бы замыслили что-то плохое».

Продать в рабство воринскую женщину высокого дана, о чем свидетельствовало ее платье, – рискованная идея для работоторговца. Большинство владельцев рабов в цивилизованных землях потребовали бы документы о прошлом раба. Случай, когда светлоглазого делали рабом, были действительно очень редки, не считая ардентов. Как правило, людей с хорошей родословной просто казнили. Рабство оставалось милосердием для низших классов.

– Ваша светлость? – нервно позвал работоторговец.

Шаллан опять думала, как ученый, чтобы отвлечь себя. Ей лучше взять себя в руки.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Шаллан не намеревалась разговаривать таким бесчувственным тоном, но потрясение от всего увиденного повергло ее в смятение.

При звуке ее голоса мужчина отступил назад.

– Я Твлакв, скромный торговец.

– Работорговец, – уточнила Шаллан, вставая и откидывая волосы с лица.

– Как я и сказал. Торговец.

Два его охранника наблюдали за ней, загружая снаряжение в повозку. Шаллан не оставила незамеченными дубинки, которые они в открытую носили на поясе. Разве у нее в руке не было сферы, когда она появилась здесь прошлой ночью?

Воспоминания заставили ее ступни снова воспламениться. От боли пришлось заскрипеть зубами. Поблизости из земли появились спрены боли, похожие на оранжевые ладони, состоящие из сухожилий. Ей необходимо обработать раны, но в таком виде, окровавленной, в синяках, далеко уйти в ближайшем времени не получится. В тех повозках были сиденья...

«Скорее всего, они украли у меня сферу», – подумала Шаллан.

Она ощупала потайной карман. Остальные сферы на месте, но рукав расстегнут. Сама ли она это сделала? Они что-то видели? При подобной мысли Шаллан не смогла сдержать румянца.

Двое охранников разглядывали ее с жадностью. Твлакв вел себя скромно, но его плотоядный взгляд тоже был очень напряженным. Эти люди находились в шаге от того, чтобы ограбить ее.

Но если она оставит их, то, скорее всего, умрет здесь, в одиночестве. Отец Штормов! Что же делать? Шаллан захотелось сесть и разрыдаться. После всего, что произошло, теперь еще и это?

«Контроль – основа любой власти».

Как бы Джасна повела себя в такой ситуации?

Ответ был прост. Она станет Джасной.

– Я позволю тебе оказать мне помощь, – сказала Шаллан. Каким-то образом ей удалось сохранить голос ровным, несмотря на испытываемый ужас.

– ...Ваша светлость? – вопросительно проговорил Твлакв.

– Как видишь, – пояснила Шаллан, – я жертва кораблекрушения. Я потеряла слуг. Ты и твои люди подойдут. У меня есть сундук. Нужно будет его принести.

Она чувствовала себя одним из десяти дураков. Конечно же, он раскроет ее нехитрую уловку. Притворяться, что обладаешь авторитетом, не то же самое, что обладать им на самом деле, не важно, что говорила Джасна.

– Конечно... для нас честь помочь вам, – ответил Твлакв. – Ваша светлость?..

– Давар, – проговорила Шаллан, позаботившись о том, чтобы смягчить голос.

Джасна не была снисходительной. Там, где другие светлоглазые, такие, как отец Шаллан, действовали тщеславно и самовлюбленно, Джасна просто ожидала, что люди поведут себя согласно ее желаниям. И они так и делали.

У нее могло получиться. Должно было получиться.

– Торговец Твлакв, – продолжила Шаллан, – мне необходимо отправиться на Разрушенные равнины. Ты знаешь дорогу?

– Разрушенные равнины? – переспросил мужчина, бросив взгляд на охранников, один из которых приблизился. – Мы заезжали туда несколько месяцев назад, но теперь направляемся в Тайлен, чтобы сесть на баржу. Мы закончили торговлю в той области, и нам не нужно возвращаться на север.

– О, но теперь у тебя появилась необходимость вернуться, – сказала Шаллан, направившись к одной из повозок. – Каждый шаг причинял мучения. – Чтобы отвезти меня.

Девушка оглянулась по сторонам и с благодарностью обнаружила Узора, наблюдающего с бортика. Подойдя к переду повозки, она протянула руку второму охраннику, стоящему неподалеку.

Тот молча посмотрел на нее, почесав голову. Затем взглянул на повозку и, взобравшись на нее, подал руку, чтобы помочь Шаллан подняться.

Подошел Твлакв.

– Для нас такое путешествие слишком дорого – вернуться без товаров! У меня только эти рабы, которых я купил в Прибрежных Криптах. Не достаточно, чтобы оправдать обратную поездку.

– Слишком дорого? – переспросила Шаллан, устраиваясь поудобнее и пытаюсь изобразить веселье. – Уверяю тебя, торговец Твлакв, для меня это незначительная сумма. Я щедро компенсирую все твои расходы. Теперь давайте двигаться дальше. На Разрушенных равнинах меня ожидают очень важные люди.

– Но, ваша светлость, – произнес Твлакв, – последние события явно были для вас непростыми, это видно. Позвольте отвезти вас в Прибрежные Крипты. Они намного ближе. Там вы сможете отдохнуть и отправить сообщение тем, кто вас ждет.

– Разве я попросила отвезти меня в Прибрежные Крипты?

– Но...

Твлакв отпрянул, когда она бросила на него пристальный взгляд. Шаллан смягчила выражение лица.

– Я знаю, что делаю, и благодарю тебя за совет. Теперь пора двигаться.

Трое мужчин обменялись озадаченными взглядами, работорговец снял свою вязаную шапочку и стал вертеть ее в руках. Неподалеку появилась пара паршменов с мраморной кожей. Шаллан чуть не подпрыгнула, когда они с трудом протащили мимо сухие раковины камнепочек, которые, очевидно, собирали для костра. Твлакв не обратил на них внимания.

Паршмены. Несущие Пустоту. Ее кожа покрылась мурашками, но сейчас было не до них. Шаллан обернулась и посмотрела на работорговца, ожидая, что тот проигнорирует ее приказы. Однако он кивнул. А потом Твлакв и его люди просто... сделали все так, как она сказала. Они запрягли чулл, работорговец дал указания ехать к сундуку, и караван тронулся в путь без дальнейших возражений.

«Они могли согласиться только потому, – сказала себе Шаллан, – что хотят узнать, что у меня в сундуке. Чтобы украсть побольше».

Но оказавшись на месте, сундук подняли в повозку и закрепили ремнями, а затем караван развернулся и направился на север.

К Разрушенным равнинам.



К несчастью, мы так сильно сосредоточились на интригах Садеаса, что не заметили, как наши враги, убийцы моего мужа, наша настоящая угроза, изменили модель поведения. Хотела бы я знать, что за ветра привели к такой внезапной, необъяснимой трансформации.

Из дневника Навани Холин, джесесач, 1174 г.

Каладин прижал каменный обломок к стене расщелины, и тот остался висеть на том же месте.

– Ладно, – сказал он, отступая назад.

Подпрыгнув, Камень ухватился за булыжник и повис на нем, согнув ноги. Его глубокий, гулкий смех эхом прокатился по ущелью.

– На этот раз он меня держит!

Сигзил сделал пометку в своем блокноте.

– Хорошо. Продолжай висеть, Камень.

– Сколько еще? – спросил тот.

– Пока не упадешь.

– Пока я что?.. – Огромный рогоед нахмурился, вцепившись в камень двумя руками. – Мне больше не нравятся эти эксперименты.

– О, только не хнычь, – сказал Каладин, скрестив руки на груди, и прислонился к стене рядом с Камнем.

Дно ущелья возле них освещалось сферами, виднелись ветви лоз, разный мусор и цветущие растения.

– Падать не высоко.

– Дело не в падении, – пожаловался Камень. – Дело в моих руках. Я большой, как видишь.

– Так ведь хорошо, что у тебя есть большие руки, которые могут тебя держать.

– Думаю, дело в другом, – проворчал Камень. – Хватка не так хороша, и я...

Булыжник отвалился от стены, и рогоед упал вниз. Каладин схватил Камня за руку и помог подняться, пока тот приходил в себя.

– Двадцать секунд, – заметил Сигзил. – Не так уж долго.

– Я тебя предупреждал, – сказал Каладин, подобрав упавший булыжник. – Он будет висеть дольше, если я использую больше штормсвета.

– Полагаю, нам нужно от чего-то отталкиваться.

Сигзил порылся в кармане и вытащил мерцающий бриллиантовый обломок, самую мелкую сферу.

– Вытяни из него весь штормсвет и помести его в булыжник. Потом Камень снова повиснет на нем, а мы посмотрим, как долго это продлится.

Камень застонал:

– Мои бедные руки...

– Эй, манча, – отозвался из глубины ущелья Лоупен. – У тебя их хотя бы две, верно?

Хердазианин следил за тем, чтобы никто из новых рекрутов случайно не забрел сюда и не увидел, чем занимается Каладин. Это было маловероятно – новички практиковались через несколько расщелин отсюда, но Каладин предпочел, чтобы кто-то все равно стоял на страже.

«В конце концов они все узнают, так или иначе, – подумал капитан мостовиков, взяв у Сигзила сферу-обломок. – Не это ли ты недавно обещал Сил? Что позволишь превратить себя в Сияющего?»

Резко вдохнув, Каладин втянул штормсвет из обломка, а затем перелил его в булыжник. С каждым разом у него получалось все лучше: сначала вытягиваешь штормсвет в руку, а потом словно покрываешь булыжник слоем светящейся краски. Штормсвет впитался, и когда Каладин прижал камень к стене, тот остался на месте.

От булыжника поднимались струйки светящегося дыма.

– Наверное, не стоит заставлять Камня висеть на нем, – сказал Каладин. – Если тебе нужно от чего-то отталкиваться, почему просто не посчитать, сколько он продержится на стене сам по себе?

– Ну, это не так забавно, – сказал Сигзил. – Но, ладно.

Он продолжил записывать цифры у себя в блокноте. Многие мостовики могли бы почувствовать себя неловко при виде подобного зрелища. Письмо воспринималось как занятие не мужское, более того – богохульное, даже несмотря на то, что Сигзил писал глифами.

К счастью, сегодня Каладина сопровождали Сигзил, Камень и Лоупен – все иностранцы из разных мест со своими обычаями. В Хердазе формально исповедовали воринизм, но на самом деле у них имелась своя версия религии, а Лоупен, похоже, не имел ничего против мужчин, умеющих писать.

– Ну что, – сказал Камень, пока они ждали. – Наш Благословленный Штормом лидер, ты же говорил, что умеешь еще кое-что, ведь так?

– Летать! – снова отозвался Лоупен.

– Я не умею летать, – сухо ответил Каладин.

– Ходить по стенам!

– Пробовал уже, – сказал Каладин. – И чуть не разбил голову, когда упал.

– Ух, ганчо, не можешь ни летать, ни по стенам ходить? Мне нужно чем-то впечатлять женщин. И, по-моему, для этого недостаточно лепить камни к стенам.

– Думаю, такое впечатлит любую, – ответил Сигзил. – Ведь нарушаются законы природы.

– Вижу, ты совсем не общался с хердазианскими женщинами, – вздохнул Лоупен. – Seriously, я думаю нам лучше снова попытаться счастья с полетом. Это было бы идеально.

– Есть еще кое-то, – сказал Каладин. – Не полет, но все равно полезно. Только я не уверен, что смогу повторить. Ни разу не делал этого сознательно.

– Щит, – догадался Камень, который стоял возле стены и не отводил глаз от булыжника. – На поле боя, когда паршенди стреляли в нас. Их стрелы попали в твой щит. Все их стрелы.

– Верно, – согласился Каладин.

– Нужно проверить, – сказал Сигзил. – Нам понадобится лук.

– Спрены, – Камень указал на стену. – Они притягивают его к стене.

– Что? – спросил Сигзил, пробираясь, чтобы взглянуть на висящий булыжник. – Я ничего не вижу.

– Значит, они не желают, чтобы их увидели. Мои извинения, *мафа'лики*, – кивнул он в их сторону.

Сигзил нахмурился и присмотрелся внимательнее, достав сферу для освещения. К нему присоединился Каладин. Когда он взгляделся внимательнее, у него получилось увидеть маленьких фиолетовых спренов.

– Они там, Сиг, – подтвердил Каладин.

– Тогда почему я их не вижу?

– Это связано с моими способностями, – ответил Каладин, бросив взгляд на Сил, которая сидела в трещине скалы неподалеку. Она свесила ногу и покачивала ею.

– Но, Камень...

– Я *алайи'ику*, – пояснил Камень, приложив руку к груди.

– И это значит? – нетерпеливо спросил Сигзил.

– Что я могу видеть спренов, а ты нет. – Камень положил руку на плечо невысокого мужчины. – Не переживай, друг. Я не виню тебя за то, что ты слеп. Таково большинство низинников. Видишь ли, все дело в воздухе – он не дает твоим мозгам работать как положено.

Сигзил нахмурился, но сделал несколько заметок, не переставая рассеянно шевелить пальцами. Засекал время? В конце концов булыжник отвалился от стены, выпустив несколько последних струек штормсвета, когда коснулся земли.

– Значительно больше минуты. Я насчитал восемьдесят семь секунд, – сказал Сигзил и посмотрел на остальных.

– Мы тоже должны были засекаать? – спросил Каладин, глянув на Камня, который в ответ пожал плечами.

Сигзил вздохнул.

– Девяносто одна секунда, – крикнул Лоупен. – Не стоит благодарности.

Сигзил присел на камень, проигнорировав несколько торчавших из мха костей, и записал еще что-то в блокнот. Он нахмурился.

– Ха! – воскликнул Камень, присаживаясь на корточки возле него. – Выглядишь так, будто тухлых яиц наелся. Что случилось?

– Я не знаю, что делаю, Камень, – ответил Сигзил. – Мой наставник научил меня задавать вопросы и находить точные ответы. Но как я могу быть точным? Мне бы понадобились часы, чтобы засекаать время, но они слишком дорогие. И даже если бы они у нас были, я не знаю, как измерять штормсвет!

– Обломками, – предложил Каладин. – Драгоценные камни тщательно взвешивают до того, как покрывают стеклом.

– Все ли они удерживают одинаковое количество штормсвета? – спросил Сигзил. – Нам известно, что необработанные камни не так хорошо справляются с этим, как ограненные. Так, выходит, что в камне, который ограничили качественнее, будет больше света? К тому же, штормсвет постепенно вытекает из сферы. Сколько времени прошло после того, как тот обломок зарядили, и сколько света из него ушло с тех пор? И все ли они теряют свет с одинаковой скоростью? Мы слишком мало знаем. Мне кажется, что я, возможно, напрасно трачу ваше время, сэр.

– Не напрасно, – сказал Лоупен, присоединяясь к ним.

Зевнув, однорукий хердазианин присел на камень рядом с Сигзилом и заставил его немного подвинуться.

– Может, нам просто нужно исследовать другие вещи, а?

– Например? – спросил Каладин.

– Ну, ганчо, смог бы ты прилепить к стене меня?

– Я... я не знаю, – засомневался Каладин.

– Похоже, не лишне узнать, верно? – сказал Лоупен, вставая. – Попробуем?

Каладин бросил взгляд на Сигзила. Тот пожал плечами.

Каладин втянул штормсвет. Незатихающая буря наполнила его изнутри и, словно пытаясь вырваться из заточения, ударяла по коже. Он направил штормсвет в руку и приложил ее к стене, окрашивая камни свечением.

Глубоко вздохнув, Каладин поднял Лоупена и прижал покрепче. Из-за его худобы сделать это было поразительно легко, особенно когда штормсвет бурлил у Каладина в венах.

Когда он нерешительно шагнул назад, хердазианин остался висеть на месте – его военная форма, сбившаяся складками на спине за подмышками, прилипла к стене.

– Сработало! – ухмыльнулся Лоупен.

– Может пригодиться, – сказал Камень, почесывая свою странно подстриженную рогоедскую бородку. – Да, именно такие вещи мы и должны исследовать. Ты солдат, Каладин. Сможешь использовать это в бою?

Каладин медленно кивнул, и в его воображении всплыли десятки возможностей. Что, если враги пробегут по полосе света, которую он оставит на земле? Смог бы он остановить повозку на ходу? А воткнуть копьё во вражеский щит и затем вырвать его из рук?

– Как ты себя чувствуешь, Лоупен? – спросил Камень. – Не больно?

– Неа, – ответил Лоупен, раскачиваясь. – Только переживаю, что моя куртка порвется или пуговицы отскочат. О-о. У меня к тебе вопрос! Что однорукий хердазианин сделал с тем, кто прилепил его к стене?

– Я... я не знаю, – нахмурился Каладин.

– Ничего – у него рука не поднялась, – ответил Лоупен и расхохотался.

Сигзил застонал, а Камень рассмеялся. Сил подняла голову и метнулась к Каладину.

– Это была шутка? – спросила она негромко.

– Да, – ответил Каладин. – И явно не смешная.

– Эй, не говори так! – сказал Лоупен, все еще посмеиваясь. – Это самая лучшая шутка, которую я знаю. И поверь мне, я специалист в области шуток про одноруких хердазиан. Моя мама всегда говорит: «Лоупен, ты должен научиться смеяться до того, как начнут другие. Тогда ты украдешь у них смех, и он будет только твой». Она очень мудрая женщина. Как-то я принес ей голову чуллы.

– Ты... Что? – заморгал от удивления Каладин.

– Голова чуллы. Очень вкусная.

– Ты странный человек, Лоупен.

– Нет, – вмешался Камень. – Это и правда очень вкусно. Голова – вкуснейшая часть чуллы.

– Я верю вам двоим на слово, – сказал Каладин. – Но до определенного предела.

Он потянулся к Лоупену и взял его за руку, когда штормсвет, который удерживал того на месте, начал гаснуть. Камень схватил мостовика за пояс, и они помогли ему спуститься.

– Ладно, – сказал Каладин, инстинктивно пытаясь определить время по солнцу, хотя его не было видно в узкой расщелине над головой. – Давайте поэкспериментируем.

Каладин бежал по дну ущелья, и буря подгоняла его изнутри. Его движения испугали несколько оборзцов, и растения резко втянулись, словно сжимающиеся ладони. Лозы на стенах задрожали и поползли вверх.

Каладин промчался, разбрызгав воду, и перепрыгнул через гору обломков, оставляя за собой след из штормсвета. Он переполнял его и рвался наружу. Так было проще его использовать – свет сам хотел потоком литься из Каладина. Мостовик направил его в копьё.

Впереди, с тренировочными копьями наперевес, его ждали Лоупен, Камень и Сигзил. Лоупен был не очень хорош в бою: сказывалось отсутствие руки, но Камень с лихвой компенсировал этот недостаток. Рослый рогоед отказывался сражаться с паршенди и убивать, но сегодня согласился поучаствовать в тренировочном бою ради «эксперимента».

Он отменно владел копьём, а Сигзил – приемлемо. Встреться они на поле боя, три мостовика вместе могли бы доставить Каладину массу хлопот.

Но времена изменились.

Удивив рогоеда, Каладин бросил копьё горизонтально в Камня, и тот поднял свое оружие, чтобы поставить блок. Штормсвет склеил копьё Каладина и Камня вместе, образовав крест. Рогоед выругался, попытавшись развернуть свое копьё для удара, но лишь стукнул себя в бок оружием Каладина.

Когда Лоупен нанес удар своим копьём, Каладин с легкостью направил его к земле одной рукой, наполнив наконечник копьё штормсветом. Оружие попало в кучу мусора и прилипло к веткам и костям.

В бой вступил Сигзил, но его оружие прошло далеко от груди Каладина, когда тот шагнул в сторону. Капитан мостовиков подтолкнул копьё и зарядил его ладонью, а затем швырнул в облипшее мхом и костями копьё Лоупена, которое тот только что вытащил из мусора. Оба копьё прилипли друг к другу.

Каладин проскользнул между Камнем и Сигзилом, заставив трех мостовиков сбиться в беспорядочную кучу и потерять равновесие, пока они пытались освободить свое оружие. Каладин злое улыбку, не спеша отбежав на другой конец расщелины. Подняв копьё, он развернулся и запрыгал с ноги на ногу. Штормсвет побуждал его к действию. Удерживая столько света, стоять спокойно было практически невозможно.

«Давайте, давайте», – подумал он.

Когда штормсвет начал иссякать, остальные наконец-то разъединили копьё и построились, чтобы снова встретить атаку.

Каладин побежал вперед. В тусклом свете ущелья поднимающийся от него светящийся дым был достаточно ярким, чтобы отбрасывать крутящиеся порывистые тени. Мостовик пронесся по лужам, разбрызгивая воду, холодившую его босые ступни. Каладин заранее снял ботинки, потому что хотел чувствовать под ногами каменное дно.

На этот раз трое мостовиков уперли древки копий в землю, будто отражая наступление. Каладин улыбку, ухватил свое копьё за верхушку – как и другие, он пользовался тренировочным, без настоящего наконечника – и зарядил его штормсветом.

Он ударил своим копьём по копьё Камня, намереваясь вырвать оружие из рук рогоеда. Но у Камня были другие планы – он с силой потянул копьё на себя. Это застало Каладина врасплох, и он чуть не выпустил оружие из рук.

Лоупен и Сигзил быстро присоединились к атаке, чтобы зайти с двух сторон.

«Хорошо», – с гордостью подумал Каладин.

Он научил их такому боевому порядку, показав как работать на поле боя в команде.

Когда они подошли ближе, Каладин отпустил свое копьё и выставил ногу. Штурмсвет тек из его босых ног так же легко, как из рук. Скользящим движением ноги он оставил на земле светящуюся дугу. Сигзил наступил на нее и споткнулся, когда его ноги прилипли к штурмсвету. В падении он попытался уколоть Каладина копьем, но удар получился совсем слабым.

Каладин всем весом навалился на Лоупена, чей удар прошел мимо цели. Он отпихнул хердазианина к стене и отскочил назад, прилепив мостовика к камню, который зарядил в тот короткий миг, когда они соприкоснулись.

– Ай, что опять? – простонал Лоупен.

Сигзил упал лицом в воду. Каладин едва успел улыбнуться, когда заметил, что Камень замахивается на него бревном.

Целое бревно. Как вообще Камню удалось его поднять? Каладин бросился из-под удара. Кувыркаясь по земле, он поцарапал руку, а Камень угодил бревном по дну ущелья.

Каладин издал рык, и штурмсвет потек сквозь зубы, поднимаясь в воздух. Юноша прыгнул на бревно Камня, когда тот снова попытался его поднять.

Приземлившись, Каладин со стуком придавил бревно к земле и набросился на Камня, а какая-то часть его гадала, о чем он вообще думал, ввязываясь в рукопашный бой с человеком в два раза тяжелее его самого. Он врезался в рогоеда и уронил его на землю, упав следом. Они покатались по зарослям мха, Камень пытался извернуться, чтобы схватить руки Каладина. Очевидно, рогоед когда-то учился борьбе.

Каладин направил штурмсвет в землю. Ему он не мешает и движений не стеснит – это уже известно. Пока они боролись, к земле пристала сначала рука Камня, а затем и его торс.

Рогоед не сдавался и все еще пытался взять Каладина в захват. У него почти получилось, пока Каладин не оттолкнулся ногами, разворачивая их обоих. Тогда и другой локоть Камня коснулся земли и прилип к ней.

Каладин освободился и, пытаясь отдышаться, жадно хватал ртом воздух. Он откашлялся, из-за чего потерял большую часть оставшегося внутри штурмсвета, и прислонился спиной к стене, вытирая пот с лица.

– Ха! – воскликнул Камень, распростертый на земле с раскинутыми в стороны руками. – Я почти тебя поймал. Ишь ты, скользкий, как пятый сын!

– Штурма, Камень, – ответил Каладин. – Чего бы я ни отдал, чтобы вытащить тебя на поле боя. Ты впустую тратишь себя на кухне.

– Тебе не нравится еда? – усмехнулся Камень. – Придется состряпать что-то пожирнее. Тебе подойдет! Поймать тебя – все равно, что попытаться удержать живую озерную рыбу! Да еще и вымазанную маслом! Ха!

Каладин подошел и присел рядом с ним.

– Ты воин, Камень. Я увидел это в Тефте, и чтобы ты ни говорил, но я вижу это и в тебе.

– Я родился не тем сыном, который может стать солдатом, – упрямо проговорил рогоед. – Это позволено *туаналикина*, четвертому сыну или младше. Третьего сына нельзя впустую потерять на войне.

– Но это не помешало тебе бросить в мою голову дерево.

– Так совсем маленькое ведь, – сказал Камень. – И голова у тебя крепкая.

Каладин улыбнулся и потянулся к земле, чтобы дотронуться до штурмсвета, который удерживал Камня. Он никогда еще не пробовал забрать свет обратно, воспользовавшись им таким образом. Получится ли? Он закрыл глаза, сделал вдох и попытался... да.

Внутри вновь разгорелась небольшая буря. Когда Каладин открыл глаза, Камень уже освободился. Весь свет забрать не удалось, лишь часть. Остатки испарялись в воздухе.

Каладин схватил Камня за руку, чтобы помочь подняться. Здоровяк встал и отряхнулся.

– Это было позорно, – сказал Сигзил, когда Каладин подошел, чтобы его освободить. – Мы словно дети. Такого постыдного зрелища глаза Высокопочтимого еще не видели.

– У меня есть нечестное преимущество, – сказал Каладин, поднимая Сигзила на ноги. – Годы солдатской службы. И телосложение у меня крупнее твоего. А, ну да, еще я могу испускать штормсвет из пальцев.

Он похлопал Сигзила по плечу.

– Ты хорошо справился. Это всего лишь эксперимент, как ты и хотел.

«Гораздо более полезный эксперимент», – подумал Каладин.

– Конечно, – отозвался Лоупен из-за спины. – Давай возьмем и оставим хердазианина висеть на стене. Вид отсюда – просто отличный. О, и не слизь ли это стекает у меня по щеке? Новый и оригинальный облик для Лоупена, который не может вытереться, потому что – я разве еще не сказал? – у него рука к стене прилипла.

Каладин улыбнулся.

– Ведь ты сам попросил меня прилепить тебя к стене, Лоупен.

– Моя другая рука, – ответил Лоупен. – Та, которую давно отрезали и скормили зловещей твари... Так вот, она сейчас показывает тебе неприличный жест. Я подумал, стоит сказать, чтобы ты подготовился к оскорблению.

Он сказал это с той же легкостью, с какой, кажется, относился ко всему. Даже в бригаду мостовиков Лоупен вступил с таким безумным рвением.

Каладин опустил его на землю.

– Тот прием, – сказал Камень, – он хорошо сработал.

– Да, – ответил Каладин.

Хотя, если честно, ему было бы легче справиться с тремя врагами, используя только копьё и дополнительную скорость и силу, которые давал штормсвет. Он еще не знал, связано ли это с тем, что он просто не привык к новым способностям. Но Каладин не сомневался, что, заставляя себя использовать их, попадал в несколько затруднительных ситуаций.

«Все дело в опыте, – подумал он. – Я должен понимать свои способности так же хорошо, как и свое копьё».

Следовательно, тренировки. Много тренировок. К сожалению, лучший способ тренироваться – найти кого-то, кто был бы таким же сильным, умелым и выносливым, как и ты, или лучше. Учитывая то, что он теперь умел, задача не из легких.

Остальные отошли, чтобы достать фляги из заплочных мешков. Каладин заметил фигуру, стоящую в тени, немного дальше в расщелине. Капитан мостовиков поднялся и застыл в напряжении, пока не увидел, как их сферы осветили приближающегося Тефта.

– Думал, ты будешь на страже, – проворчал Тефт Лоупену.

– Был очень занят прилипанием к стене, – сказал Лоупен, поднимая флягу. – А я думал, ты должен тренировать кучу зеленых новичков?

– Дрехи с ними справится, – ответил Тефт, пробираясь сквозь обломки и присоединяясь к Каладину около стены ущелья. – Я не знаю, сказали ли тебе парни, Каладин, но, приведя сюда эту группу, ты помог им выбраться из панцирей.

Каладин кивнул.

– Как ты научился так хорошо разбираться в людях? – спросил Тефт.

– Нужно просто почаще разрезать их на куски, – сказал Каладин, посмотрев на свою руку, которую поцарапал, когда боролся с Камнем. Царапины больше не было – штормсвет залечил порезы на коже.

Тефт хмыкнул, обернувшись, и бросил взгляд на Камня и остальных – они уже распаковали свои порции с едой.

– Тебе стоит поставить Камня во главе новобранцев.

– Он не будет сражаться.

– С тобой он только что дрался, – сказал Тефт. – Так может, он и с ними потренируется. Людям он нравится больше, чем я. Я только все испорчу.

– Ты справишься, Тефт, и я не позволю тебе говорить иначе. Теперь у нас есть ресурсы. Больше не нужно экономить каждую сферу. Ты будешь тренировать новеньких, и как следует.

Тефт вздохнул, но больше ничего не сказал.

– Ты видел, что я сделал?

– Да. Нам придется притащить толпу человек в двадцать, если мы захотим дать тебе надлежащий бой.

– Или так, или найти еще кого-то, как я, – сказал Каладин. – Партнера для тренировок.

– Да, – кивнул Тефт так, будто он сам об этом еще не думал.

– Всего было десять рыцарских орденов, так? – спросил Каладин. – Что ты знаешь про другие ордены?

Тефт первым понял, что умеет Каладин, даже раньше, чем сам Каладин.

– Не так уж много, – ответил Тефт, скривившись. – Я знаю, что ордены не всегда ладили, несмотря на то, что говорится в официальной истории. Посмотрим, может, нам удастся найти кого-то, кто знает больше меня. Я... я держался в одиночку. А тех, кого я знал, – людей, которые могли бы помочь, – уже нет в живых.

Если до этого Тефт пребывал в мрачном настроении, то теперь оно ухудшилось еще сильнее. Он уставился в землю. Мостовик редко говорил о своем прошлом, но Каладин все больше уверялся, что кем бы эти люди ни были, они погибли из-за чего-то, что совершил именно Тефт.

– А что бы ты решил, если бы услышал, что кто-то хочет возродить Сияющих рыцарей? – тихо спросил Каладин Тефта.

Тефт резко вскинул голову.

– Ты...

– Не я, – осторожно прервал его Каладин.

Далинар Холин позволил ему присутствовать на одном из советов, и хотя Каладин верил Тефту, подразумевалось, что определенные вещи офицер был обязан хранить в тайне.

«Далинар – светлоглазый, – прошептала какая-то часть Каладина. – Он бы не стал думать дважды, если бы собирался открыть тайну, которой ты с ним поделился».

– Не я, – повторил Каладин. – Что, если какой-нибудь король вдруг решит собрать группу людей и назвать их Сияющими рыцарями?

– Я бы назвал его идиотом, – сказал Тефт. – Нет, Сияющие были не такими, как про них говорят. Они не предатели. Не предатели, и точка. Но все уверены, что они нас подвели, и у тебя не получится быстро изменить это мнение. Если, конечно, у тебя под рукой нет волноплета, чтобы заставить всех замолчать.

Тефт смерил Каладина взглядом.

– Ты так и собираешься сделать, парень?

– Они возненавидят меня, да? – спросил Каладин. Он не мог не заметить, как Сил зашагала к нему по воздуху и принялась изучать его. – За то, что сделали прежние Сияющие.

Каладин поднял руку, чтобы не дать Тефту высказать протест.

– За то, что они сделали согласно общепринятому мнению.

– Да, – ответил Тефт.

Сил сложила руки на груди и одарила Каладина красноречивым взглядом.

«Ты обещал», – говорил ее взгляд.

– Тогда нам придется подойти к этой задаче осторожнее, – сказал Каладин.

– Собери новобранцев. Они достаточно потренировались на сегодня.

Тефт кивнул и побежал выполнять приказ. Каладин взял копье и сферы, которые разложил, чтобы осветить место для тренировки, а затем подал сигнал оставшимся трем мостовикам. Они собрали вещи и двинулись в обратный путь.

– Так ты решился, – проговорила Сил, приземляясь на плечо Каладина.

– Сначала я хочу еще потренироваться, – ответил он.

«И привыкнуть к этой мысли».

– Все будет хорошо, Каладин.

– Нет, плохо. Люди меня возненавидят, а даже если нет, я буду отделен от них. Изолирован. Только я уже принял свой жребий. Я справлюсь.

Даже в Четвертом мосту один лишь Моаш не относился к Каладину как к какому-то мифологическому Герольду-спасителю. Он и еще, наверное, Камень.

Впрочем, остальные мостовики не выказывали того страха, о котором он когда-то беспокоился. Может, они его и боготворили, но не подвергали отчуждению. Что само по себе было уже довольно неплохо.

Они дошли до веревочной лестницы раньше Тефта и новичков. Не имело смысла дожидаться остальных, так что Каладин выбрался из сырого ущелья на плато к востоку от военных лагерей. Ему было в диковину ощущение, что он может вынести свое копье и деньги из расщелины. Что солдаты на страже у входа в лагерь Далинара ему вовсе не докучали. Напротив, они отсалютовали и встали по стойке смирно. Их приветствие оказалось четким и старательным, не менее подходящим, чем приветствие, которое отдавали генералу.

– Кажется, они гордятся тобой, – сказала Сил. – Они тебя даже не знают, но уже гордятся.

– Это темноглазые, – сказал Каладин, отсалютовав в ответ. – Скорее всего, они участвовали в бою на Башне, когда Садеас их предал.

– Благословенный Штормом, – позвал один из солдат. – Ты слышал новости?

«Будь проклят тот, кто рассказал им об этом прозвище», – подумал Каладин, пока его догоняли Камень и два других мостовика.

– Нет, – ответил он. – Какие новости?

– На Разрушенные равнины прибыл герой! – прокричал в ответ солдат. – Он собирается встретиться со светлордом Холином, может, даже поддержать его! Хороший знак. Возможно, он все тут успокоит.

– Что-что? – отозвался Камень. – Кто он?

Солдат назвал имя.

Сердце Каладина обратилось в лед.

Копье чуть не выпало из онемевших пальцев. И тогда он внезапно побежал. Он не обращал внимания на крики Камня за спиной и не остановился, чтобы позволить остальным себя догнать. Он мчался через лагерь, направляясь к командному комплексу Далинара в самом центре.

Каладин не хотел верить до тех пор, пока не увидел знамя, развевающееся на ветру над группой солдат, которые, скорее всего, прибыли с другой, гораздо большей группой, оставшейся за пределами лагеря. Он пробежал мимо людей, которые оглядывались на него и окликали, спрашивая, что случилось.

Споткнувшись, Каладин наконец остановился перед небольшой лестницей, которая вела к защищенному комплексу каменных зданий Далинара. Там он увидел, как Терновник пожимает руку высокому мужчине.

С квадратным лицом, полный чувства собственного достоинства, новоприбывший носил аккуратную военную форму. Он засмеялся и обнял Далинара.

– Старый друг, давно не виделись.

– Очень давно, – согласился Далинар. – Я рад, что после стольких лет обещаний ты все-таки добрался сюда. Слышал, что ты даже добыл себе Клинок Осколков!

– Да, – ответил мужчина, подавшись назад и вытянув руку в сторону. – Я отнял его у убийцы, который рискнул напасть на меня на поле боя.

Появился Клинок. Каладин уставился на оружие, отливающее серебром. Клинок был гравирован по всей длине, а его форма напоминала горящее пламя, но Каладину казалось, что оружие запятнано красным. Его разум затопили имена: Даллет, Короб, Риш... Отряд, погибший раньше времени. Отряд из другой жизни. Люди, которых он любил.

Каладин поднял голову и заставил себя посмотреть в лицо новоприбывшего. Человека, которого он ненавидел больше, чем любого другого. Человека, которого он когда-то почитал.

Кронлорд Амарам. Тот, кто украл Клинок Осколков Каладина, поставил клеймо на его лбу и продал в рабство.

ИНТЕРЛЮДИИ

ЭШОНАЙ • ИМ • РИЗН



Ритм решимости мягко раздавался в глубине сознания Эшоной, когда она достигла плато в центре Разрушенных равнин.

Центральное плато. Нарак. Изгнание.

Дом.

Она сорвала с головы шлем Осколков, глубоко вдыхая холодный воздух. Доспехи хорошо проветривались, но после интенсивных упражнений в них все равно становилось душно. Другие солдаты опустились на землю позади – в забег она взяла около пятнадцати сотен. К счастью, в этот раз они прибыли задолго до людей и забрали гемсердце с минимальной борьбой. Его принес Деви, заслуживший привилегию, потому что именно он увидел куколку издалека.

Эшоной почти желала, чтобы все оказалось не так легко. Почти.

«Где ты, Терновник? – подумала она, посмотрев на запад. – Почему ты не пришел встретиться со мной снова?»

Ей показалось, что она увидела его в том забеге, около недели назад, когда их прогнал с плато его сын. Эшоной не принимала участия в сражении, ее беспокоила раненая нога, и прыжки с одного плато на другое усиливали боль даже в Доспехах Осколков. Возможно, ей вообще не стоило участвовать в этих забегах.

Она хотела быть с солдатами на случай, если ударный отряд окружат и понадобится Носитель Осколков – даже раненый – чтобы их освободить. Нога все еще причиняла страдания, но Доспехи смягчали боль. Скоро Эшоной вернется к сражениям. Возможно, если она примет непосредственное участие, Терновник появится снова.

Ей требовалось поговорить с ним. Она чувствовала эту необходимость, как будто ее навеяли сами ветра.

Солдаты подняли руки в знак прощания, когда их пути разделились. Многие тихо пели или бормотали песни в ритме скорби. В последние дни мало кто пел с возбуждением или даже с решимостью. Шаг за шагом, шторм за штормом, депрессия захватывала ее народ – слушающих, как они называли свою расу. «Паршенди» был людским термином.

Эшоной шагнула в сторону руин, которые заполняли Нарак. После стольких лет там не много осталось. Их можно было назвать руинами руин. Все созданное и людьми, и слушающими оказывалось одинаково недолговечно перед мощью сверхштормов.

Тот каменный шпиль впереди, наверное, был башней. За века бушующие шторма покрыли его толстым слоем крэма. Мягкий крем просачивался в трещины и заполнял окна, затем постепенно затвердевал. Теперь башня выглядела как огромный сталагмит, обращенный закругленным концом в небо, с каменными выпуклостями по бокам, казавшимися оплавленными.

Шпиль должен иметь прочный стержень, чтобы противостоять ветрам так долго. Другие образцы древней инженерии сохранились не так хорошо. Эшонай миновала бугры и насыпи, остатки разрушенных строений, медленно поглощаемых Разрушенными равнинами. Шторма бушевали непредсказуемо. Иногда огромные куски камня откалывались от скал, оставляя выбоины и зубчатые края. Бывало, что шпили могли стоять веками, вырастая – не уменьшаясь – по мере того, как ветра одновременно разрушали и наращивали их.

Эшонай обнаружила похожие руины во время своих исследований, в одном из которых она как раз и находилась, когда ее народ впервые столкнулся с людьми. Всего лишь семь лет назад, но казалось, что прошла целая вечность. Она любила те дни, когда исследовала огромный, бесконечный мир. А теперь...

Теперь она проводила свою жизнь взаперти на одном плато. Дикие неизведанные места звали ее, пели о том, чтобы она собрала все, что сможет унести, и отправлялась в путь. К несчастью, ее судьба заключалась в другом.

Эшонай шагнула в тень большого камня, о котором всегда воображала, что он мог быть городскими воротами. Из той малости, которую им сообщали шпионы на протяжении нескольких лет, она знала, что алетти не догадываются. Они маршировали по неровной поверхности плато и видели только природные скалы, так никогда и не поняв, что пересекают кости давно погибшего города.

Эшонай вздрогнула и настроила ритм потери. Мягкие удары, но все же с отдельными яростными и резкими нотами. Она недолго следовала ритму. Помнить о погибших было важно, но создавать защиту живущим – важнее.

Она снова настроила решимость и вступила в Нарак. Здесь слушающие создали лучший дом, какой смогли в годы войны. Скалистые склоны стали казармами, из брони большепанцирников сделали стены и крыши. Курганы, которые некогда были зданиями, теперь на подветренной стороне обросли камнепочками, идущими в пищу. Многие из Разрушенных равнин раньше были заселены, но величайший город находился в центре. Остатки ее народа сделали своим домом остатки мертвого города.

Они дали ему имя Нарак – «изгнание» – потому что именно сюда пришли, чтобы отделиться от своих богов.

Слушающие, и мужского, и женского пола, поднимали к ней руки, когда Эшонай проходила мимо. Так мало их осталось. Люди были неумолимы в своем стремлении к мести.

Она их не винила.

Эшонай повернула к Залу искусства. Он располагался неподалеку, и она не появлялась там уже несколько дней. Внутри солдаты занимались рисованием, выглядело это забавно. Эшонай шагала между ними, все еще в Доспехах Осколков, со шлемом под мышкой. В длинном строении не имелось крыши, что давало хорошее освещение для рисования. Стены были покрыты толстым слоем давно затвердевшего крэма. Вооружившись кистями с густой щетиной, солдаты пытались как можно лучше изобразить композицию из цветов камнепочки на пьедестале в центре. Эшонай обошла вокруг художников, рассматривая работы. Из-за высокой ценности бумаги и отсутствия холста рисовали на раковинах.

Картины ужасали. Пятна ярких цветов, лепестки без сердцевины... Эшонай остановилась рядом с Варанисом, одним из ее лейтенантов. Он деликатно держал кисть между бронированными пальцами, неуклюжий перед мольбертом.

Пластины хитинового панциря росли из его рук, плеч, груди, даже головы. Такие же, как ее собственные под Доспехами.

– У тебя получается все лучше, – сказала ему Эшоной в ритме похвалы.

Он посмотрел на нее и тихо загудел со скептицизмом. Эшоной усмехнулась и положила руку на его плечо.

– В самом деле похоже на цветы, Варанис. Я действительно так думаю.

– Похоже на мутную воду на коричневом плато, – сказал он. – Возможно, с плавающими в ней коричневыми листьями. Почему цвета превращаются в коричневый, если их смешать? Три красивых цвета вместе слились во что-то совсем некрасивое. Это бессмысленно, генерал.

Генерал. Временами Эшоной чувствовала неловкость, занимая эту должность, так же, как эти слушающие, пытающиеся рисовать картины. Она пребывала в боевой форме, потому что для битвы требовалась броня, но предпочитала рабочую форму. Более гибкую, более надежную. Это не значило, что ей не нравилось руководить, но одни и те же занятия каждый день – упражнения, бег по плато – сковывали разум. Эшоной хотелось открывать новые вещи, бывать в новых местах. Взамен она объединила свой народ в долгой похоронной процессии, потому что они умирали один за другим.

«Нет. Мы найдем выход».

Она надеялась, что искусство – его часть. По ее приказу каждый мужчина или женщина по очереди приходили в Зал искусства в определенное время. И они старались, очень старались. Пока что успех был примерно таким же, как пытаться перепрыгнуть пропасть с закрытыми глазами.

– Спрены не появились? – спросила Эшоной.

– Ни одного.

Варанис ответил в ритме скорби. Слишком часто в последние дни Эшоной слышала этот ритм.

– Пробуйте еще, – сказала она. – Мы не проиграем битву из-за того, что не приложили все возможные усилия.

– Но, генерал, – ответил Варанис. – Какой в этом смысл? Художники не спасут нас от людских мечей.

Другие солдаты поблизости повернулись послушать ее ответ.

– Художники не помогут, – сказала она в ритме мира. – Но моя сестра уверена, что близка к открытию новых форм. Если мы обнаружим, как создавать художников, она сможет больше узнать о процессе изменений, что поспособствует ее исследованиям. Поможет открыть формы даже сильнее, чем боевая. Художники не помогут нам победить, но какие-то другие формы способны на это.

Варанис кивнул. Хороший солдат. Не все такие – боевая форма сама по себе не делала кого-то более дисциплинированным. К несчастью, она препятствовала развитию мастерства художника.

Эшоной пробовала рисовать. У нее не получалось думать правильно, не выходило постигать абстракции, необходимые для создания произведений искусства. Боевая форма была хорошей, разносторонней. Она не мешала думать, как мешала партнерская. Как и в рабочей форме, в боевой ты оставался самим собой. Но каждая имела свои особенности. Рабочему трудно совершать насилие – где-то в его сознании стоял блок. Вот одна из причин, почему ей нравилась эта форма. Она заставляла ее думать иначе, чтобы решать проблемы.

Ни одна из форм не могла творить искусство. По крайней мере, как следует. Партнерская форма была наилучшей, но имела целый ряд других недостатков. Заставить этих типов сосредоточиться на чем-то продуктивном оказывалось практически невозможным. Существовали еще две формы, хотя первой из них – вялой формой – пользовались очень редко. Она являлась пережитком прошлого и использовалась до того, как они заново открыли кое-что лучше.

Оставалась только ловкая форма – общая форма, гибкая и аккуратная. Слушающие использовали ее для воспитания молодняка и при работах, требующих больше ловкости, чем мускулов. Немногих можно было выделить для этой формы, хотя она лучше подходила для искусства.

В старых песнях говорилось о сотнях форм. Теперь им известны лишь пять. Вернее, шесть, если одной из них считать рабскую форму, форму без спрена, без души и без песни. Именно к этой форме привыкли люди, называя их паршменами. На самом деле это была вообще не форма, а отсутствие какой-либо формы.

Эшонай покинула Зал искусства со шлемом под мышкой. Ее нога болела. Женщина прошла через орошаемую площадь, где пребывавшие в ловкой форме вылепили из крэма большой бассейн. Во время шторма в него собирали дождевую воду, богатую питательными веществами. Отсюда рабочие носили воду ведрами. Их формы были сильными, почти как боевая форма, но с более тонкими пальцами и без брони. Многие кивали ей, хотя как генерал она не имела над ними власти. Эшонай была их последним Носителем Осколков.

Трое в партнерской форме – две женщины и один мужчина – брызгались в воде, играя друг с другом. Едва одетые, они плескались в том, что остальные будут пить.

– Вы трое, – рявкнула на них Эшонай. – Разве вам нечем заняться?

Упитанные и апатичные, они усмехнулись Эшонай.

– Иди сюда! – позвал один. – У нас весело!

– Вылезайте! – крикнула Эшонай, махнув рукой.

Трое забормотали в ритме раздражения, вылезая из воды. Несколько рабочих поблизости покачали головами, когда те прошли мимо, один запел с похвалой в благодарность Эшонай. Рабочим не нравились столкновения.

Это был повод. Только те, кто выбирал партнерскую форму, использовали ее как предлог для глупостей. Когда Эшонай стала рабочим, она научилась при необходимости давать отпор. Однажды она перешла в партнерскую форму и доказала себе, что может оставаться продуктивной и в этом качестве, несмотря на... раздражители.

Конечно, остальные ее опыты в качестве партнера вылились в полную катастрофу.

Эшонай заговорила в ритме порицания с пребывавшими в партнерской форме. Ее слова были такими запальчивыми, что она привлекла спренов гнева. Притянутые ее эмоциями, они двигались с невероятной скоростью, похожие на молнии, танцующие между Эшонай и близлежащими камнями. Молнии скопились у ее ног, окрашивая камни в красный цвет.

Пребывавшие в партнерской форме испугались гнева богов и убежали жаловаться в Зал искусства.

«Остается надеяться, что по дороге они не притаятся в каком-нибудь укромном уголке, чтобы спариться».

Эшонай затошнило от подобных мыслей.

Она никогда не понимала слушающих, которые хотели постоянно находиться в партнерской форме. Для того чтобы завести ребенка, большинству пар приходилось перейти в эту форму и изолировать себя на год – после рождения ребенка выходили из формы так быстро, насколько возможно. В конце концов, кто захочет появляться на публике в таком виде?

Люди занимались этим постоянно, чему не уставала изумляться Эшонай в те далекие дни, когда проводила время, изучая их язык, торгуя с ними. Люди не только не меняли форм, они всегда были готовы к спариванию, всегда отвлекались на сексуальные нужды.

Она многое бы отдала за то, чтобы ходить среди них незамеченной. Позаимствовать одноцветную кожу на год и передвигаться по дорогам, рассматривать великие города. Вместо этого Эшонай и другие заказали убийство короля алети в отчаянной попытке остановить возвращение богов слушающих.

Что ж, сработало – король алети не смог претворить свой план в жизнь. Но в результате ее народ медленно уничтожался людьми.

Эшонай наконец достигла скальных нагромождений, которые считала домом, – маленький опрокинутый купол. Он напомнил ей купола на окраине Разрушенных равнин, действительно огромные купола, которые люди называли военными лагерями. Ее народ жил в них до того, как покинул дома ради защищенности Разрушенных равнин с их пропастями, через которые люди не могли перепрыгнуть.

Конечно, ее дом был намного, намного меньше. В первые дни жизни здесь Венли сделала крышу из щитка большепанцирника и построила стены, разделившие пространство на комнаты. Она покрыла все строение крэмом, который со временем затвердел. Получилось что-то действительно похожее на дом, а не на лачугу.

Зайдя внутрь, Эшонай положила шлем на стол, но оставила остальную броню на себе. Доспехи Осколков подгонялись точно по фигуре. Ей нравилось ощущение их мощи. Появлялась уверенность в том, что есть еще что-то надежное в этом мире. И с мощью Доспехов Осколков она могла почти игнорировать рану на ноге.

Пригнувшись, Эшонай прошла несколько комнат, кивая слушающим. Помощники Венли были учеными, хотя никто не знал надлежащей формы для настоящих исследований. Ловкая форма служила их временной заменой. Эшонай нашла свою сестру возле окна в дальней комнате. Демид, бывший партнер Венли, сидел напротив. Венли пребывала в ловкой форме три года, так долго, как они знали эту форму, хотя перед своим внутренним взором Эшонай все еще видела сестру рабочей, с мускулистыми руками и крепким телом.

Это осталось в прошлом. Теперь Венли стала стройной женщиной с узким лицом, покрытым изящными мраморными завитками красно-белых узоров. Благодаря ловкой форме волосы отросли длинными прядями, панцирь шлема их не сдерживал. Темно-рыжие волосы Венли спускались до талии, там она закрепила их в трех местах. Сестра носила платье, облегающее талию и выпуклости на груди. Так как Венли пребывала не в партнерской форме, грудь была маленькой.

Венли и ее партнер оставались близки, хотя во время пребывания в партнерской форме не смогли родить детей. Если бы они вышли на поле битвы, то стали бы боевой парой. Но они были парой исследователей или что-то в этом роде. Занятия, в которых проходили их дни, казались очень непривычными для слушающих. В этом и заключался смысл. Народ Эшонай не мог позволить себе быть таким, каким он был в прошлом. Дни продолжительной изоляции на плато, проводимые в пении друг другу и редких сражениях, завершились.

– Ну что? – спросила Венли в ритме любопытства.

– Мы победили, – сказала Эшонай, прислонившись спиной к стене, и сложила руки, звякнув Доспехами Осколков. – Гемсердце наше. У нас по-прежнему будет пища.

– Хорошо, – ответила Венли. – А твой человек?

– Далинар Холин. Он не участвовал в битве.

– Он не станет встречаться с тобой снова, – сказала Венли. – В прошлый раз ты чуть его не убила.

Сказав это в ритме веселья, она встала и взяла лист бумаги – они делали ее из сушеной мякоти камнепочки после сбора урожая – и протянула его своему партнеру. Тот посмотрел на лист, кивнул и начал делать у себя заметки.

Для изготовления бумаги требовались драгоценное время и ресурсы, но Венли настаивала на том, что результат стоил затраченных усилий. Лучше бы она оказалась права.

Венли оценивающе посмотрела на Эшонай. У нее были пронизательные глаза – прозрачные и темные, как у всех слушающих. Всегда казалось, что Венли скрывает в их глубине тайные знания. При хорошем освещении они приобретали фиолетовый оттенок.

– Что бы ты сделала, сестра? – спросила Венли. – Если бы ты и Холин попробовали хотя бы немного поговорить, прежде чем начать сражаться друг с другом?

– Я бы заключила мир.

– Мы убили его брата. Мы зарезали короля Гавилара в ту ночь, когда он пригласил нас в свой дом. Алети не забудут и не простят такое.

Эшонай опустила руки и сжала кулак в бронированной перчатке. Та ночь. Отчаянный план, реализованный ею и пятью другими. Она участвовала в нем, несмотря на юность, благодаря своему знанию людей. Все голосовали одинаково.

Убить человека. Уничтожить его и вместе с ним риск катастрофы. Ибо, если бы он остался жить и делать то, о чем говорил им той ночью, они бы все потеряли. Те, кто принял с ней то решение, теперь мертвы.

– Я открыла секрет штормовой формы, – сказала Венли.

– Что?! – Эшонай выпрямилась. – Ты должна была работать над формами, которые могут помочь. Формы для дипломатов или для ученых.

– Эти формы не спасут нас, – ответила Венли с весельем. – Если мы хотим иметь дело с людьми, нам нужна древняя сила.

– Венли, – воскликнула Эшонай, схватив сестру за руку. – Наши боги!

Венли не дрогнула.

– У людей появились волноплеты.

– Не факт. Это мог быть Клинок Чести.

– Ты сражалась с ним. Разве Клинок Чести поразил тебя, ранил в ногу, сделал хромой?

– Я... – Ее нога болела.

– Мы не знаем, какие из песен правдивы, – произнесла Венли.

Хотя сестра Эшонай говорила в ритме решимости, ее голос прозвучал утомленно, и она привлекла спренов усталости. Они пришли со звуком ветра, влетели через окна и двери полупрозрачным паром, стали сильнее, более видимыми и закрутились вокруг ее головы как струйки дыма.

«Моя бедная сестра. Она работает так же усердно, как солдаты».

– Если волноплеты вернулись, – продолжила Венли, – мы должны стремиться к чему-то значимому, чему-то, что сможет обеспечить нашу свободу. К формам силы, Эшонай...

Венли взглянула на ладонь сестры, все еще покоящуюся на ее руке.

– Хотя бы сядь и послушай. И прекрати нависать как гора.

Эшонай убрала пальцы, но не села. Вес Доспехов Осколков сломал бы стул. Она наклонилась вперед, изучая стол, заваленный бумагами.

Венли сама изобрела письменность. Они позаимствовали эту идею у людей – запоминать песни хорошо, но не идеально даже при наличии направляющих ритмов. Информация, хранящаяся на страницах, была более практичной, особенно для исследований.

Эшонай выучилась грамоте, но чтение до сих пор давалось тяжело. У нее не оставалось времени для практики.

– Итак... штормовая форма? – произнесла Эшоной.
– Достаточное количество слушающих в этой форме, – сказала Венли, – сможет управлять сверхштормом или даже вызывать его.

– Я помню песню, рассказывающую о штормовой форме, – ответила Эшоной. – Подобным занимались боги.

– Большинство форм связано с ними в любом случае, – возразила Венли. – Можем ли мы на самом деле доверять точности слов, которые впервые спели так давно? Когда запоминали те песни, наш народ находился в основном в вялой форме.

Форма низкого интеллекта, малых способностей. Теперь они использовали ее, чтобы шпионить за людьми. Когда-то эта и партнерская формы были единственными, которые знал ее народ.

Демид перебрал несколько страниц, сдвинув стопку.

– Венли права, Эшоной. Это риск, который мы должны принять.

– Мы могли бы договориться с аleti, – ответила Эшоной.

– С какой целью? – сказала Венли, снова в ритме скептицизма. Спрены усталости наконец исчезали, улетаая прочь на поиск более свежего источника эмоций. – Эшоной, ты все время говоришь, что хочешь вести переговоры. Я думаю, все потому, что ты увлечена людьми. Думаешь, они позволят тебе свободно жить среди них? Своим видом ты всегда будешь напоминать им раба, к тому же непокорного.

– Века назад, – проговорил Демид, – мы сбежали от наших богов и от людей. Наши предки оставили цивилизацию, власть и могущество, чтобы обеспечить себе свободу. Я бы не отказался от нее, Эшоной. Штормовая форма. С ней мы сможем уничтожить армию аleti.

– Без них, – подхватила Венли, – ты сможешь вернуться к исследованиям. Никакой ответственности – ты будешь путешествовать, составлять карты, открывать новые места, которые никто не видел прежде.

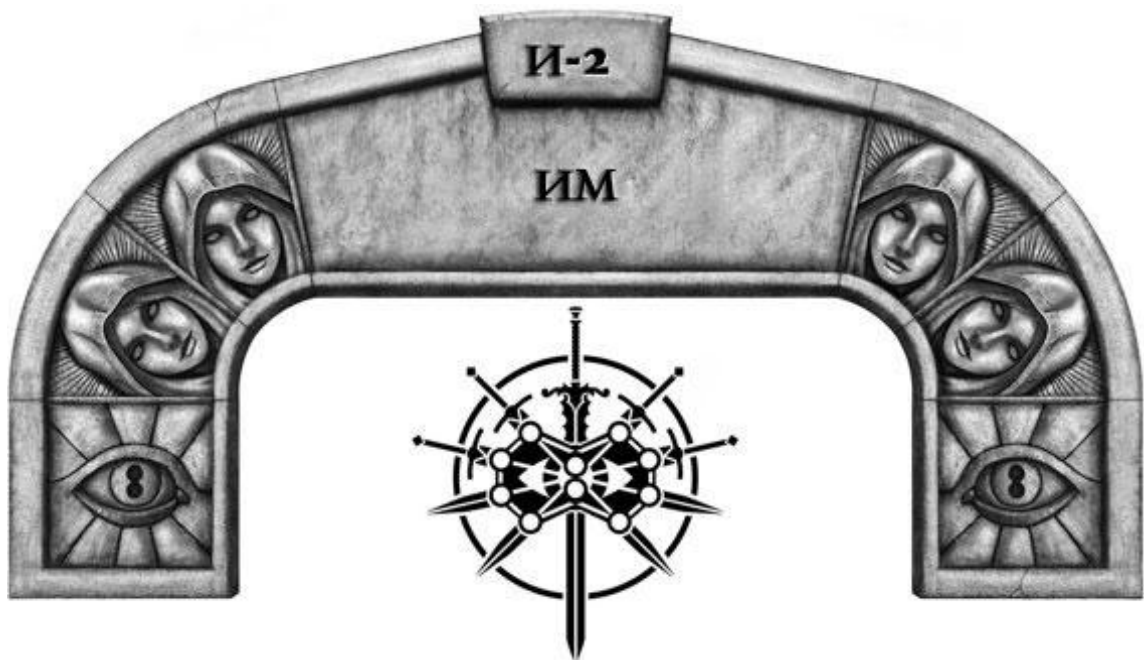
– То, чего хочу я, не имеет значения, – ответила Эшоной в ритме порицания, – пока мы все рискуем быть уничтоженными.

Она посмотрела на пятнышки на бумаге – записанные песни. Песни без музыки, как есть. Их обнаженные души.

Могло ли спасение слушающих в самом деле заключаться в чем-то, настолько ужасном? Венли и ее команда провели пять лет, записывая все песни, изучая нюансы, рассказанные стариками, запечатлевая их на этих страницах. Через сотрудничество, изучение и глубокие размышления они открыли ловкую форму.

– Это единственный путь, – сказала Венли в ритме мира. – Мы вынесем вопрос на Совет пяти, Эшоной. Ты должна быть на нашей стороне.

– Я... я подумаю.



Им старательно обтачивал бок маленького деревянного чурбана. Он поднес его к светящейся сфере рядом с верстаком, двумя пальцами взял за оправу очки и приблизил их к глазам.

Такое восхитительное изобретение – очки. Жить – значило быть фрагментом космера³ и, следовательно, познавать его на опыте. Как он мог правильно познавать, если бы не мог видеть? Азианин, который первым создал это устройство, давно умер, и Им внес предложение считать его одним из Заслуженных Умерших.

Мастер опустил кусок дерева и продолжил обрезать его, тщательно выстругивая изгиб спереди. Некоторые его коллеги покупали у столяров готовые деревянные заготовки, на которых башмачник выкраивает обувь, но Им научился делать собственные. Это был старый способ, так делали веками. Если что-то столь долго делалось одним способом, то наверняка на то имелась веская причина.

За его спиной прятались в тених углы лавки. Десятки башмаков выглядывали, как носы угрей из своих нор. Там стояли пробные башмаки, используемые для определения размера, стиля и выбора материала, чтобы Им мог конструировать превосходную обувь, подходящую ноге и характеру человека. Подгонка могла занять некоторое время, если делать ее хорошенько.

Справа от него в полумраке что-то зашевелилось. Им посмотрел туда, но не изменил позы. В последнее время спрен приходил все чаще – пятно света, как от осколка хрустала, зависшего в солнечном луче. Но башмачник не знал, что это за спрен, и прежде не видел ничего похожего.

Сспрен перемещался по поверхности верстака, подкрадываясь ближе. Когда он остановился, свет пополз от него вверх, словно маленькие вьющиеся стебли начали прорастать из своих убежищ. Когда спрен зашевелился снова, они втянулись обратно.

Им вернулся к резьбе.

– С помощью этого можно будет сделать башмак.

Только скрежет ножа по дереву нарушал тишину вечерней лавки.

³ Космер – особая вселенная, полностью отделенная от нашего мира, в которой происходит действие многих произведений Брендона Сандерсона.

– Ба-башмак?.. – переспросил голос. Он нежно звенел колокольчиками, словно говорила молодая женщина.

– Да, друг мой, – ответил Им. – Башмак для малышей. В последнее время мне нужно таких все больше и больше.

– Башмак, – повторил спрен. – Для ма-малышей. Маленьких людей.

Им смахнул с верстака стружки, чтобы затем подмести их, и положил последнюю из них перед спреном. Тот отпрянул, похожий на отражение в зеркале, – прозрачный, почти как блик света.

Им отдернул руку и подождал. Спрен медленно двинулся вперед – робко, как крэмлинг, выползающий из трещины после шторма. Когда он остановился, из него крошечными ростками поднялся свет. Такое странное зрелище.

– Ты интересный опыт, друг мой, – сказал Им, когда световой блик стал прежним. – В котором я имею честь участвовать.

– Я... – произнес спрен. – Я...

Фигурка спрена вдруг задрожала, а затем стала более яркой, как будто свет сфокусировался.

– Он идет.

Им встал, внезапно встревожившись. Снаружи, на улице, что-то двигалось. Что там? Соглядатай в военной форме?

Но нет, всего лишь ребенок, заглядывающий в открытую дверь. Им улыбнулся, открыл ящик со сферами и впустил в комнату больше света. Ребенок отшатнулся, прямо как спрен.

Сам спрен куда-то исчез. Он поступал подобным образом, когда поблизости появлялись другие люди.

– Не нужно бояться, – сказал Им, садясь обратно на табурет. – Заходи. Дай мне посмотреть на тебя.

Грязный маленький беспризорник заглянул снова. Он мог похвастать только оборванными штанами, без рубашки. Впрочем, здесь, в Ири, где и дни, и ночи обычно теплые, это было общепринято.

Ноги бедного ребенка были грязными и исцарапанными.

– Так дело не пойдет, – проворчал Им. – Заходи, юноша, располагайся. Подберем что-нибудь для твоих ног.

Он придвинул одну из своих маленьких табуреток.

– Говорят, что вы ничего не берете, – ответил мальчик, не двигаясь.

– Не совсем так, – ответил Им. – Но я думаю, ты найдешь цену приемлемой.

– У меня нет сфер.

– Сферы не нужны. Платой станет твоя история. Твой опыт. Я бы их послушал.

– Говорят, что вы странный, – проговорил мальчик, наконец заходя в лавку.

– Верно, – согласился Им, похлопав по табуретке.

Беспризорник робко шагнул к сиденью, пытаясь скрыть хромоту. Он принадлежал к народу ириали, хотя его золотистые волосы и кожа потемнели от грязи. Насчет кожи было не вполне ясно – требовался свет, чтобы ее рассмотреть, но волосы определенно золотистые. Признак его народа.

Им жестом показал ребенку поднять здоровую ногу, затем достал полотенце, намочил его и вытер грязь. Он не хотел делать примерку на такие грязные ноги. Было заметно, что мальчик отставил хромоту назад, будто пытался скрыть, что она обернута тряпкой.

– Итак, – сказал Им, – что ты мне расскажешь?

– Вы старый, – ответил мальчик. – Старше всех, кого я знаю. Старый дедушка. Вы уже должны все знать. Почему вы хотите меня слушать?

– Одна из моих причуд, – пояснил Им. – Давай-ка послушаем твою историю.

Мальчик вздохнул, но заговорил. Кратко. В этом не было ничего необычного. Он хотел удержать свою историю в себе. Медленно, тщательными расспросами, Им вытягивал слова. Мальчик был сыном шлюхи, и его прогнали, как только он смог заботиться о себе сам. Беспризорник полагал, что это случилось три года назад. Теперь ему было около восьми лет.

Слушая, Им сначала почистил ногу, затем подрезал и подпилит ногти. Закончив с одной, он потянулся к другой ноге.

Мальчик неохотно ее поднял. Им размотал тряпку и обнаружил на ступне нехороший порез. Туда уже попала инфекция, и по ноге ползали крошечные красные пылинки спренов гниения.

Им помедлил.

– Нужны какие-нибудь башмаки, – сказал беспризорник, глядя в сторону. – Я не могу без них.

Порез на коже был неровным.

«Перелезал через ограду, наверное», – подумал Им.

Мальчик посмотрел на него, изображая беззаботность. Такая рана ужасно замедлила бы пострела, а на улицах подобное легко могло означать для него смерть. Им знал все это слишком хорошо.

Он посмотрел на мальчика, заметив тень беспокойства в маленьких глазах. Инфекция поднималась вверх по ноге.

– Друг мой, – прошептал Им. – Я полагаю, мне понадобится твоя помощь.

– Что? – спросил беспризорник.

– Ничего, – ответил Им, потянувшись в ящик стола.

Свет исходил только от пяти бриллиантовых обломков. Каждый проходящий к нему беспризорник их видел. До сих пор у Има отбирали сферы только дважды.

Он залез глубже, выдвинув скрытый отсек ящика, и достал оттуда более яркую сферу – брум, торопливо скрыв свет в кулаке, пока другой рукой доставал немного антисептика.

Мальчишке, которому необходимо оставаться на ногах, одного только лекарства недостаточно. Неделями лежать в постели для исцеления, постоянно применяя дорогие лекарства? Невозможно для беспризорника, который каждый день борется за пропитание.

Им вытащил руку с зажатой в ней сферой. Бедный малыш. Похоже, болело просто невыносимо. Мальчик, судя по всему, должен лежать в постели с лихорадкой, но каждый беспризорник знает, что нужно жевать гребнекорник, чтобы сохранять бдительность и долго оставаться в сознании.

Рядом из-под стопки лоскутов кожи выглянул искрящийся светом спрен. Им приложил лекарство, затем убрал его и поднял ногу мальчика, тихо напевая.

Сияние в другой руке Има погасло.

Спрены гниения сбежали из раны.

Когда Им убрал руку, порез зарубцевался, цвет кожи вернулся к нормальному, признаки инфекции ушли. Пока что Им использовал эту способность только считанные разы и всегда маскировал ее под лекарство. Она не походила ни на что, о чем он когда-либо слышал. Возможно, именно поэтому он ее получил – так космер мог испытать новинку.

– Эй, – сказал мальчик. – Стало намного лучше.

– Я рад, – ответил Им, возвращая сферы и лекарство в ящик. Спрен спрятался. – Давай посмотрим, есть ли у меня что-нибудь подходящее для тебя.

Он начал подбирать обувь. Обычно после примерки башмачник выдворял клиентов из лавки и мастерил безупречный комплект обуви специально для них. К несчастью, для этого мальчика ему пришлось взять уже готовую пару. У него побывало слишком много беспризорников, которые никогда не возвращались за

своей парой башмаков, заставляя его беспокоиться и гадать. Может, с ними что-то случилось? Или они просто забыли? Или их природная настороженность взяла верх?

К счастью, у Има имелось несколько хороших, крепких пар, которые могли подойти мальчику.

«Мне нужно больше обработанной кожи», – подумал Им, делая заметку.

Мальчишки не заботились об обуви как следует. Ему требовалась кожа, которая прослужит долго даже без ухода.

– Вы в самом деле собираетесь дать мне пару башмаков, – удивленно проговорил беспризорник. – Просто так?

– Просто так, не считая твоей истории, – ответил Им, надевая проверочный башмак на ногу мальчика. Он отказался от намерения научить беспризорников носить носки.

– Почему?

– Потому, – сказал Им, – что ты и я – Единое.

– Единое что?

– Единое существо, – объяснил Им. Он отставил башмак и взял другой. – Давным-давно существовал только Единый. Единый знал все, но не испытал ничего. И тогда Единый стал многими – нами, людьми. Единый, который одновременно и мужчина, и женщина, поступил так, чтобы испытать все вещи.

– Единый. Вы имеете в виду бога?

– Да, если ты хочешь так его называть, – ответил Им. – Но это не вся правда. Я не признаю бога. Ты не должен признавать богов. Мы, ириали, являемся частью Долгой Тропы, на которой эта земля – четвертая.

– Вы говорите как священник.

– Не признавай и священников, – продолжил Им. – Тех, что приходят к нам проповедовать из других стран. Ириали не нужны проповеди, только опыт. Так как каждый опыт отличается, он приносит целостность. В конечном итоге все соберется обратно – когда будет достигнута седьмая земля – и мы снова станем Единым.

– Таким образом, вы и я... – произнес беспризорник, – одно и то же?

– Да. Два разума одного существа, которые проживают разные жизни.

– Это глупо.

– Зависит от точки зрения, – сказал Им, посыпая ступню мальчика порошком и снова натягивая на него пробную пару. – Пожалуйста, пройдишь немного.

Мальчик бросил на него странный взгляд, но повиновался и сделал несколько шагов. Он больше не хромал.

– Точка зрения, – произнес Им, подняв руку и пошевелив пальцами. – С очень близкого расстояния пальцы могут казаться отдельными и одинокими. В самом деле, большой палец может думать, что у него очень мало общего с мизинцем. Но с определенной точки зрения он осознает, что пальцы – это часть чего-то большего. Что на самом деле они Едины.

Беспризорник нахмурился. Кое-что, вероятно, выходило за пределы его понимания.

«Мне нужно говорить проще, и...»

– Почему вы палец с дорогим кольцом, – спросил мальчик, шагнув в другую сторону, – а я должен быть мизинцем со сломанным ногтем?

Им улыбнулся.

– Я знаю, что это звучит несправедливо, но не может быть несправедливости, так как мы все, в конце концов, одно и то же. Кроме того, у меня не всегда была эта лавка.

– Не всегда?

– Нет. Думаю, ты удивился бы тому, откуда я. Пожалуйста, сядь обратно.

Мальчик сел.

– Ваше лекарство работает по-настоящему хорошо. Очень-очень хорошо.

Им снял башмаки и с помощью порошка, который местами осыпался, определил, как подогнать обувь. Выудив пару готовых башмаков, он поработал минутку, сгибая их в руках. Ему хотелось сделать подкладку на дно для раненой ноги, что-нибудь, что можно будет оторвать через несколько недель, когда рана заживет...

– Вещи, о которых вы говорите, – сказал мальчик. – Для меня они звучат глупо. Я имею в виду, если мы все – одна и та же личность, не должен ли каждый уже знать об этом?

– Как Единый мы знаем истину, – ответил Им. – Но как многие, мы нуждаемся в неведении. Мы существуем в разнообразии, чтобы испытать все виды мышления. Следовательно, некоторые из нас должны знать, а другие – нет, так же, как некоторые должны быть богатыми, а другие – бедными.

Он поработал над башмаком еще немного.

– Многие люди когда-то действительно знали. Но об этом не говорят так часто, как следовало бы. Вот, давай посмотрим, подойдут ли они.

Им подал мальчику башмаки, тот надел их и завязал шнурки.

– Возможно, твоя жизнь неприятна, – произнес Им.

– Неприятна?

– Ну, хорошо. Просто ужасна. Но она станет лучше, юноша. Я обещаю.

– Я думал, – сказал мальчик, притопывая здоровой ногой, чтобы проверить башмак, – что вы собирались рассказать мне о том, что жизнь ужасна, но это все не имеет значения в конце, потому что мы все будем в одном месте.

– Ты прав, – подтвердил Им. – Но сейчас это не слишком утешает, не так ли?

– Неа.

Им развернулся к верстаку.

– Постарайся не наступать на раненую ногу слишком сильно, если сможешь.

Мальчишка шагнул к двери с неожиданной поспешностью, как будто стремился убраться до того, как Им передумает и заберет башмаки. Однако остановился в дверном проеме.

– Если мы – одна и та же личность, пытающаяся прожить разные жизни, – сказал мальчик, – вам не нужно раздавать обувь. Потому что это не имеет значения.

– Ты бы не ударил сам себя в лицо, ведь так? Если я делаю твою жизнь лучше, то улучшаю и свою собственную.

– Это все бред, – проговорил мальчик. – Я думаю, вы просто хороший человек.

Он скрылся из виду, не сказав больше ни слова.

Им улыбнулся, покачав головой. В конце концов он вернулся к оставленной работе. Спрен выглянул снова.

– Спасибо, – сказал Им. – За твою помощь.

Башмачник не знал, почему мог делать то, что делал, но понимал, что в этом замешан спрен.

– Он все еще здесь, – прошептал спрен.

Им посмотрел в дверной проем, выходящий в ночную улицу. Беспризорник здесь?

За спиной Има что-то зашуршало.

Он вскочил, стремительно развернувшись на месте. Рабочая комната была полна темных углов и закутков. Возможно, он услышал крысу?

Почему дверь в заднюю комнату, где Им спал, открыта? Обычно он ее закрывал.

В темноте, сзади, пошевелилась тень.

– Если вы пришли за сферами, – сказал Им, задрожав, – у меня здесь только пять обломков.

Шуршание повторилось. От темноты отделилась тень, превратившись в человека с кожей макабаки – полностью черной, не считая бледного полумесяца на щеке. Он был одет в черно-серебряную униформу, которая не походила ни на одну из известных Ему. На руках незнакомец носил толстые перчатки с жесткими отворотами на тыльной стороне.

– Мне пришлось искать очень упорно, – сказал мужчина, – чтобы обнаружить твою неосторожность.

– Я... – Им запнулся. – Только... пять обломков...

– Ты жил достойно с тех пор, как покутил в юности, – продолжил человек ровным голосом. – Юноша со средствами, который пропил и прогулял то, что ему оставили родители. Это не противоречит закону. В отличие от убийства.

Им плюхнулся на табуретку.

– Я не знал. Я не знал, что это ее убьет.

– Яд, – сказал мужчина, шагнув в комнату. – В бутылке с вином.

– Мне сказали, что год урожая сам по себе – знак! – воскликнул Им. – Что она поймет – послание от них, и значит, должна будет заплатить! Я отчаянно нуждался в деньгах. Понимаете, чтобы поесть. Обитатели улиц не отличались добротой...

– Ты стал соучастником убийства, – произнес мужчина, натянув перчатки потуже сначала на одну руку, затем на другую. Он говорил с полным отсутствием эмоций, как будто беседовал о погоде.

– Я не знал. – Им отступил.

– Тем не менее ты виновен.

Мужчина отвел руку в сторону, и из тумана возникло оружие, упав ему в ладонь.

Клинок Осколков? Что это за блюститель закона? Им уставился на чудесный серебристый Клинок.

А затем побежал.

Оказалось, с уличных времен у него еще остались полезные инстинкты. Он успел швырнуть в мужчину стопку кожаных лоскутов и уклониться от Клинка, когда тот дернулся в его сторону. Им выбрался на темную улицу и с криком бросился прочь. Возможно, кто-нибудь услышит. Возможно, кто-нибудь поможет.

Никто не услышал.

Никто не помог.

Им был стариком. Добежав до первого перекрестка, он уже запыхался. Башмачник остановился возле старой парикмахерской, темной внутри, с запертой дверью. Маленький спрен двигался рядом, его мерцающий свет отбрасывал круг искр. Прекрасный.

– Думаю, – проговорил Им, задыхаясь, – пришло... мое время. Пусть... это воспоминание... порадует Единого.

Позади на улице слышались шаги, все ближе.

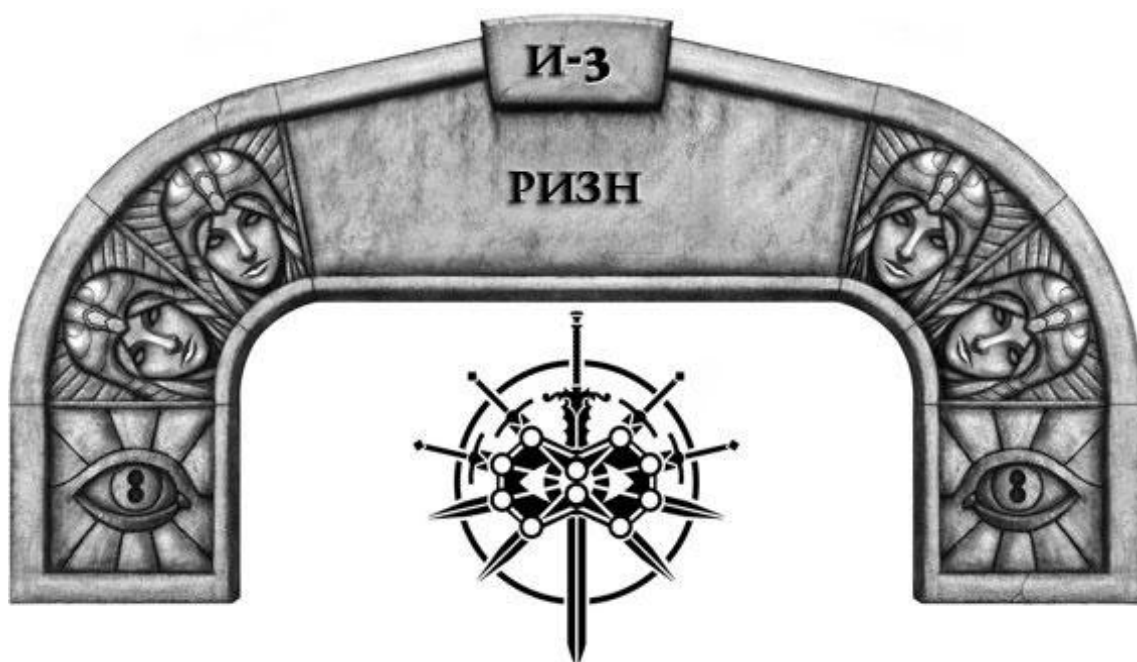
– Нет! – прошептал спрен. – Штормсвет!

Им порывлся в кармане и достал сферу. Мог ли он как-то ее использовать, чтобы...

Плечо блюстителя закона швырнуло Има к стене парикмахерской. Башмачник застонал, выронив сферу.

Мужчина в черно-серебряном закутился вокруг него. Он выглядел как тень в ночи, силуэт на черном небе.

– Это было сорок лет назад, – прошептал Им.
– Правосудие не имеет срока давности.
Мужчина воткнул Клинок Осколков в грудь Има.
Опыт завершился.



Ризн нравилось притворяться, что ее горшок шинской травы был не глупым, а просто задумчивым. Она сидела в носовой части катамарана, держа горшок на коленях. Спокойная поверхность моря Реши слегка колыхалась от гребков проводника, сидевшего позади. Из-за теплого, влажного воздуха на бровях и шее Ризн выступили бусинки пота.

Скорее всего, снова собирался дождь. В здешнем море это был худший вид осадков – не мощный или впечатляющий, как сверхшторм, и даже не такой назойливый, как обычный дождь. Здесь все заволакивала туманная мгла, больше, чем туман, но меньше, чем морось. Достаточно, чтобы испортить прическу, макияж, одежду, в общем, любые попытки аккуратной молодой женщины создать подходящий для торговли внешний вид.

Ризн передвинула горшок у себя на коленях. Она назвала траву Тивнк. «Угрюмый». Ее бабск смеялся над именем. Он понял. В названии травы Ризн признала, что Встим прав, а она ошибалась; его торговля с шиноварцами в прошлом году оказалась исключительно прибыльной.

Ризн решила не становиться угрюмой из-за такого явного доказательства своей неправоты. Но позволила быть угрюмым растению.

Они пересекали местные воды уже в течение двух дней, но перед этим много недель ожидали в порту перерыва между сверхштормами, подходящего для путешествия по почти замкнутому морю. Сегодня воды оставались пугающе тихими. Почти такими же спокойными, как в Чистозере.

Встим тоже находился в их нестройной флотилии, через две лодки от нее. Шестнадцать поблескивающих катамаранов с новыми гребцами-паршменами были загружены товарами, купленными на прибыль от последней экспедиции. Встим по-прежнему отдыхал на корме своей лодки. Он немногим отличался от еще одного рулона ткани, почти незаметный среди мешков с товарами.

С ним все будет в порядке. Люди и раньше болели. Это случилось, но он выздоровеет.

«А как насчет крови, которую ты заметила на его носовом платке?»

Ризн подавила эту мысль и демонстративно повернулась на своем сиденье, переставив Тивнк на сгиб левой руки. Она очень старалась, чтобы горшок не пачкался. Почва внутри, которая требовалась траве для жизни, была даже хуже, чем крем и имела тенденцию портить одежду.

Гу, проводник флотилии, поплыл с ней в лодке и сидел за спиной. Он сильно походил на чистозерника со своими длинными конечностями, обветренной кожей и темными волосами. Однако каждый чистозерник, которого она встречала, испытывал сильную привязанность к своим богам. Ризн сомневалась, что Гу когда-либо интересовался хоть чем-то.

В том числе и их своевременным прибытием к месту назначения.

– Ты же говорил, что мы недалеко, – сказала она ему.

– О, так и есть, – ответил Гу, поднимая весло, а затем снова опуская его в воду. – Теперь уже скоро.

Он довольно хорошо говорил по-тайленски, поэтому его и наняли. С пунктуальностью дело обстояло гораздо хуже.

– Что значит «скоро»? – спросила Ризн.

– Значит...

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «скоро»?

– Скоро. Возможно, сегодня.

Возможно. Восхитительно.

Гу продолжал грести только с одной стороны, но каким-то образом они не ходили кругами. В задней части лодки Ризн начальник охранников – Килрм – играл с ее зонтиком, открывая его и снова закрывая. Похоже, он считал зонт изумительным изобретением, хотя в Тайлене они были популярны уже давно.

«Показательно, насколько редко работники Встима возвращаются к цивилизации».

Еще одна веселая мысль. Что ж, Ризн пошла учиться к Встиму, желая путешествовать по экзотическим местам, и это место было экзотическим. Правда, она ожидала, что экзотика и большие города будут идти рука об руку. Имей она хоть немного ума – в последнее время Ризн уже не была в этом уверена, – она бы поняла, что по-настоящему успешные торговцы – не те, кто отправляются туда же, куда и все остальные.

– Тяжело, – сказал Гу, продолжая грести в своем вялом темпе. – Больше нет порядка в маршрутах. Боги ходят не там, где всегда ходили раньше. Мы его найдем. Да, найдем.

Ризн сдержала вздох и повернулась вперед. Из-за того, что Встим снова оказался не в состоянии заниматься делами, она руководила продвижением флотилии. Ей бы хотелось знать, куда она ее вела, или хотя бы как найти место их назначения.

В этом заключалась проблема с движущимися островами.

Лодки заскользили мимо скопления веток, выступавших над морской поверхностью. Подгоняемые ветром, слабые волны бились о жесткие сучья, которые торчали из воды как пальцы утопленников. Море здесь глубже, чем Чистозеро, сбивающее с толку своей мелководностью. Эти деревья должны быть высотой по меньшей мере с десятков футов с корой, похожей на камень. Гу называл их *и-на*, что, очевидно, означало что-то плохое. Сучья могли повредить корпус лодки.

Иногда катамараны проплывали мимо веток, прячущихся прямо под гладкой поверхностью, практически невидимых. Ризн не понимала, как Гу правит так, чтобы оставаться от них подальше. В этом, как и во многом другом, им

приходилось просто ему довериться. Что делать, если в этих тихих водах он заведет их в западню? Внезапно девушка почувствовала, что очень рада тому, что Встим приказал охранникам проверять фабриал, который показывал приближение других людей. Он...

Земля.

Ризн вскочила на ноги, заставив катамаран опасно закачаться. Впереди действительно виднелась какая-то отдаленная темная линия.

– Ага, – сказал Гу. – Видите? Скоро.

Ризн осталась стоять, потребовав зонтик, когда начали падать первые капли дождя. Зонтик практически не помогал, несмотря на то, что был покрыт двойным слоем воска против обычного. Волнуясь, она почти не придавала значения дождю, как и своим все сильнее завивающимся волосам. Наконец-то.

Остров оказался намного больше, чем она ожидала. Ризн представляла его размером с очень большой корабль, а не такой башнеподобной скалистой горой, выступающей из воды, как огромный валун на поле. Остров отличался от других виденных ею – казалось, он не имел пляжей и был не ровным и плоским, а гористым. Разве склоны и вершина не должны со временем размыться?

– Он такой зеленый, – проговорила Ризн, когда они подплыли ближе.

– На Тай-на все хорошо растет, – ответил Гу. – Отличное место для жизни. Кроме военного времени.

– Когда сходятся два острова, – вспомнила Ризн.

Она читала что-то такое во время подготовки к поездке, хотя немногие ученые интересовались реши настолько, чтобы о них писать. Десятки, возможно, сотни движущихся островов дрейфовали по морю. Люди на них жили обычной жизнью, толкуя перемещения островов как божественную волю.

– Не всегда, – усмехнулся Гу. – Иногда близость к Тай-на – хорошо. Иногда – плохо.

– И от чего это зависит? – спросила Ризн.

– Ну как же, от самого Тай-на.

– То есть решает остров, – проговорила Ризн ровным голосом, подшучивая над проводником. Дикари. Чего ожидал ее бабск, приплыв сюда торговать? – Как может...

И тут остров перед ними сдвинулся.

Не дрейфуя, как она себе представляла. Вся его форма изменилась, скалы всколыхнулись и пошли волнами, огромный каменный участок начал подниматься в движении, которое могло казаться вялым лишь до тех пор, пока наблюдатель не оценит гигантский масштаб.

Ризн плюхнулась на сиденье, выпучив глаза. Скала, оказавшаяся лапой, ползла вверх, вода ливнем стекала вниз. Лапа качнулась вперед, затем с огромной силой обрушилась обратно в море.

Тай-на, боги островов Реши, оказались большепанцирниками.

Это было самое большое животное, которое она когда-либо видела или о котором слышала. Настолько огромное, что такие мифологические чудовища, как скальные демоны из далекого Натанатана, сошли бы в сравнении с ним за мелкую гальку!

– Почему мне никто не сказал? – требовательно спросила Ризн, обернувшись на двух других находящихся в лодке людей. Несомненно, Килрму стоило сказать ей хоть что-то.

– Такое лучше увидеть, – ответил Гу, гребя в своем неспешном расслабленном ритме. Она не придавала большого значения его ухмылке.

– И лишит кого-то такого момента? – спросил Килрм. – Помню, как сам впервые увидел одно из движений. Лучше не портить впечатление. Мы никогда

не рассказываем об этом новым охранникам, когда они приплывают сюда в первый раз.

Ризн сдержала раздражение и снова посмотрела на «остров». Будь прокляты эти неточные описания в ее книгах! Слишком много слухов и недостаточно реальных фактов. Она подумала, что трудно поверить в то, что никто никогда не записал правду. Скорее всего, ей попадались не те источники.

Завеса дождя окутывала огромное животное туманом и покровом таинственности. Что такая большая тварь может есть? Замечает ли людей, живущих на его спине; есть ли ему до них дело? Келек... А как такие монстры спариваются?

Оно, должно быть, древнее. Лодка втянулась в тень острова, и Ризн увидела зелень, растущую на каменистой коже существа. Заросли сланцекорника образовывали обширные яркие поля. Мох покрывал почти все вокруг. Лозы и камнепочки вились вокруг стволов маленьких деревьев, которые укрепились в трещинах между пластинами панциря.

Гу провел караван судов рядом с задней лапой, сделав, к облегчению Ризн, очень широкий круг, и подплыл к существу сбоку. Здесь панцирь, погруженный в воду, образовывал платформу. Ризн слышала голоса людей до того, как увидела их самих, смех раздавался на фоне всплесков. Дождь прекратился, и девушка опустила зонт, встряхнув его над водой. Она наконец заметила группу молодых мужчин и женщин, карабкающихся на гребень панциря и прыгающих с него в море.

Не так уж и удивительно. Вода моря Реши, как и Чистозера, была необыкновенно теплой. У себя на родине она лишь однажды рискнула зайти в воду и очень замерзла. Никто в здравом уме не занимался подобными вещами. Часто только алкоголь и хвастовство побуждали людей лезть в океан.

Тем не менее Ризн ожидала, что пловцы здесь – обычное явление. Чего она не ожидала, так это того, что они окажутся обнаженными.

Ризн неистово покраснела, поскольку люди, пробежавшие мимо по похожей на причал выемке в раковине, были голыми, как в день своего рождения. Молодые люди обоих полов, похоже, вообще не заботились о том, кто их видел. Ризн – не какая-нибудь скромница алети, но... Келек! Разве они не должны носить хоть что-то?

Вокруг нее стали падать спрены стыда. Они выглядели как белые и красные цветочные лепестки, дрейфующие по ветру. Позади хихикнул Гу.

К ним присоединился Килрм.

– Об этом мы тоже не предупреждаем новопривывших.

«Дикари», – подумала Ризн. Ей не стоило так краснеть. Она была взрослой. Ну, почти.

Флотилия продолжила двигаться к части панциря, чем-то напоминающей причал, – низкой пластине, висящей практически над водой. Они остановились и стали ждать, хотя Ризн и не знала, чего именно.

Через несколько мгновений пластина накренилась, вода потоками устремилась с нее вниз – чудовище сделало еще один вялый шаг. Волны забились о лодки, находящиеся впереди. Как только все успокоилось, Гу подвел катамаран ближе.

– Вот мы и на месте, – проговорил он.

– Разве нам не нужно к чему-нибудь привязать лодку? – спросила Ризн.

– Нет. Это небезопасно при движении. Мы отойдем назад.

– А ночью? Как вы причаливаете лодки?

– Когда мы спим, отводим их подальше и связываем вместе. Спим там. И находим остров поутру.

– О, – ответила Ризн, вздохнув с облегчением и проверив, надежно ли пристроен ее горшок с травой на дне катамарана.

Она встала. Ее довольно дорогим туфлям придется несладко. У Ризн возникло ощущение, что реши будет на них наплевать. Она вполне могла встретиться с их королем без обуви. Страсти! Исходя из увиденного, ей, возможно, стоило встретиться с ним с голой грудью.

Девушка осторожно перебралась наверх и к своему удовольствию обнаружила, что, несмотря на то, что панцирь был погружен в воду примерно на дюйм, он не скользил. Килрм взобрался следом за ней, и Ризн передала ему сложенный зонтик, отступив назад и ожидая, пока Гу отведет лодку в сторону. Его место занял другой гребец. Он подвел катамаран побольше, на котором грести помогали паршмены.

Ее бабск съезжился внутри, завернутый в одеяло, несмотря на жару. Головой он опирался на корму лодки. Его бледная кожа имела восковой оттенок.

– Бабск... – проговорила Ризн с обливающимся кровью сердцем. – Лучше бы мы повернули назад.

– Чепуха, – ответил Встим слабым голосом. Тем не менее он улыбался. – Мне бывало и хуже. Торговля должна состояться. Мы вложили слишком много в это дело.

– Я отправлюсь к королю острова и торговцам, – сказала Ризн, – и попрошу их прийти сюда, чтобы вы могли торговать в доках.

Встим покашлял в руку.

– Нет. Эти люди не такие, как в Шиноваре. Моя болезнь разрушит сделку. Дело в храбрости. С реши нужно быть храбрым.

– Храбрым? – переспросила Ризн, взглянув на проводника, который отдыхал, опустив пальцы в воду. – Бабск... Реши очень расслаблены. Думаю, они мало чему придают значение.

– Тогда ты удивишься, – сказал Встим.

Он проследил за ее взглядом, прикованным к купающимся неподалеку. Те хихикали и смеялись, прыгая в воду.

– Жизнь здесь, возможно, и проста. Она привлекает таких людей, как война привлекает спренов боли.

Привлекает... Одна из женщин пронеслась мимо, и Ризн с ошеломлением заметила, что у нее тайленские брови. Ее кожа загорела на солнце, поэтому разница в цвете не бросалась в глаза. Вглядевшись в прыгунов, Ризн увидела двух, скорее всего, хердазиан и даже... аleti? Невозможно.

– Люди ищут это место, – проговорил Встим. – Им нравится жизнь реши. Здесь они могут просто перемещаться вместе с островом. Сражаться, когда он сражается с другим островом. А в остальное время расслабляться. Таких людей можно всегда найти в любой культуре, так как любое общество состоит из индивидуальностей. Ты должна это понять. Не позволяй своим предположениям о культуре ограничить твою способность воспринимать личность, иначе ничего не получится.

Ризн кивнула. Бабск казался таким слабым, но в его словах чувствовалась твердость. Она попыталась не думать о купающихся. То, что по крайней мере один из них являлся ее соотечественником, смущало еще больше.

– Если вы не можете с ними торговать... – начала Ризн.

– То ты займешь мое место.

Ризн похолодела, несмотря на жару. Разве не ради этого она присоединилась к Встиму? Сколько раз она мечтала о том, чтобы он позволил ей побыть на главных ролях? Почему же сейчас она так оробела?

Ризн взглянула на свою лодку, которая уплывала все дальше и уносила горшок с травой. Затем снова посмотрела на бабска.

– Расскажите, что я должна делать.

– Им многое известно о чужеземцах, – ответил Встим. – Больше, чем мы знаем о них. Все из-за того, что кое-кто из нас приезжает к ним жить. Многие из реши легкомысленны, как ты и говоришь, но многие не такие. Они предпочитают сражаться. И торговля... для них и есть битва.

– Для меня тоже, – ответила Ризн.

– Я знаю этих людей, – продолжил Встим. – Мы должны молить Страсти, чтобы здесь не оказался Талик. Он лучший и часто ездит торговать с другими островами. С каким бы торговцем ты ни встретишься, он или она будут оценивать тебя так, как оценивают врага в битве. И для них битва заключается в позерстве. Однажды мне не повезло оказаться на острове во время войны.

Он замолчал, откашливаясь, но с презрением отверг напиток, который пытался подсунуть ему Килрм.

– Когда два острова разъярились, их жители сели в лодки и стали подзуживать друг друга, обмениваясь оскорблениями. Начали слабейшие, которые с криками хвастались, постепенно уступая место сильнейшим, которые участвовали в своего рода устной дуэли. Затем наступил черед стрел и копий, борьбы на кораблях и в воде. К счастью, было больше криков, чем настоящей резни.

Ризн кивнула, сглотнув.

– Ты не готова к такому, дитя, – сказал Встим.

– Я знаю.

– Хорошо. Наконец ты поняла. Теперь иди. Они не потерпят нас долго на острове, если только мы не согласимся присоединиться к ним насовсем.

– И для этого потребуется?.. – спросила Ризн.

– Ну, во-первых, потребуется отдать королю все, что имеешь.

– Мило, – ответила Ризн, вставая. – Интересно посмотреть, как он будет выглядеть в моих туфлях. – Она глубоко вздохнула. – Вы до сих пор не сказали, что мы хотим выторговать.

– Они знают, – ответил бабск и закашлялся. – Ваш разговор не будет обсуждением условий сделки. Условия были определены много лет назад.

Ризн повернулась к нему, нахмурившись.

– Что?

– Дело не в том, что ты можешь получить, – ответил Встим, – а в том, посчитают ли они тебя достойной. Убеди их.

Он помедлил.

– Да ведут тебя Страсти, дитя. Не подведи меня.

Его слова казались просьбой. Если их флотилию развернут назад... Цена сделки заключалась не в товарах – дереве, тканях, обычных припасах, купленных по низкой цене, – а в услугах сопровождения. Они отправились так далеко, заплатили провожатым, потратили время на ожидание паузы между свержштормами, еще больше времени – на поиски нужного острова. Если с ней откажутся торговать, они все еще могли продать товары, но со значительными потерями, учитывая, сколько было вложено в само путешествие.

Два охранника, Килрм и Нлент, присоединились к Ризн, когда она покинула Встима и зашагала по выступающей, похожей на причал части панциря. Теперь, когда они так близко, трудно было воспринимать остров как животное. Прямо впереди налет лишайника сделал панцирь практически неотличимым от камня. Здесь же росли деревья, их корни свисали в воду, а ветви тянулись вверх, образуя лес.

Ризн нерешительно ступила на единственную тропинку, ведущую от воды наверх. Здесь на «земле» сформировались ступени, которые казались слишком квадратными и одинаковыми, чтобы их создала природа.

– Они вырезают на панцире? – спросила, взбираясь, Ризн.

Килрм хмыкнул.

– Чуллы не чувствуют свои раковины. Наверное, это чудище тоже.

Пока они шли, он держал руку на гтете – разновидности традиционного тайленского меча с большим трехгранным клинообразным лезвием. За рукоять держали прямо у основания – ее зажимали в кулаке, и длинное лезвие вытягивалось вниз от костяшек. Рукоять для удобства обхватывала запястье. Сейчас меч Килрма покоился в ножнах на боку, а лук – за спиной.

Что так его тревожило? Считалось, что реши не опасны. Но, вероятно, если ты наемный охранник, то лучше к каждому встречному относиться с подозрением.

Тропа вилась вверх через густые джунгли. Деревья здесь были гибкими и сильными, их ветви практически все время находились в движении. А когда большепанцирник шагал, все сотрясалось.

Лианы дрожали и скручивались на тропинке или свисали с ветвей. Они убирались с дороги, но после того, как Ризн проходила, возвращались на место. Вскоре исчезло из вида море, больше не чувствовался его соленый запах. Все поглотили джунгли. Их насыщенные зеленый и коричневый цвета изредка нарушались розовыми и желтыми зарослями сланцекорника, который, судя по всему, рос здесь в течение многих поколений.

До этого Ризн считала влажность угнетающей, но здесь она стала непомерной. Девушка чувствовала себя так, будто плавает, и даже ее тонкие льняные юбка, блузка и жилет казались такими же толстыми, как зимняя одежда для тайленского высокогорья.

После бесконечного подъема она услышала голоса. Справа от нее лес расступился, и вдали открылся вид на океан. У Ризн перехватило дыхание. Бесконечные синие воды, отчетливо виднеющиеся облака, сеющие мелкий дождь то тут, то там. А на расстоянии...

– Еще один? – спросила она, указывая на тень около горизонта.

– Ага, – ответил Килрм. – Будем надеяться, идет в другую сторону. Я бы предпочел оказаться подальше отсюда, если они решат повоевать. – Он сильнее стиснул рукоять меча.

Голоса слышались довольно далеко впереди, поэтому Ризн смирилась и полезла дальше. От таких усилий ее ноги отзывались болью.

Хотя слева джунгли оставались неприступными, справа, там, где панцирь образовывал гребни и выступы, появился просвет. Краем глаза она заметила нескольких людей, которые сидели вокруг палаток, откинувшись назад и наблюдая за морем. Реши едва удостоили ее и охранников взглядом. Дальше по дороге Ризн обнаружила других островитян.

Они прыгали.

И мужчины, и женщины разной степени обнаженности по очереди срывались с криками радости и воодушевления с выступающей части панциря, отвесно падая в далекую воду внизу. У Ризн закружилась голова от одного взгляда на прыгунов. Насколько же высоко она уже забралась?

– Они поступают так, чтобы шокировать тебя. Всегда прыгают с больших высот, когда их посещают чужеземцы.

Ризн кивнула и с внезапным страхом поняла, что комментарий исходил не от одного из охранников. Она повернулась и обнаружила, что слева лес сомкнулся вокруг большого выступа панциря, похожего на курган.

Здесь, привязанный за ноги к верхней точке возвышения, висел вниз головой долговязый мужчина с бледной белой кожей, отдающей синевой. На нем была только набедренная повязка, а на коже виднелись сотни маленьких, замысловатых татуировок.

Ризн сделала шаг в его сторону, но Килрм схватил девушку за плечо и потянул назад.

– Аимианец, – прошипел он. – Держись подальше.

Голубые ногти и ярко-синие глаза должны были подсказать ей правильный ответ. Ризн шагнула обратно, хотя и не смогла разглядеть его тень Несущего Пустоту.

– Действительно, держись подальше, – проговорил мужчина. – Это всегда хорошая идея.

Его акцент не походил ни на один, слышанный ею ранее, хотя аимианец неплохо говорил по-тайленски. Незнакомец довольно улыбался, как будто его абсолютно не волновало, что он висит вниз головой.

– С вами... все в порядке? – спросила его Ризн.

– Хм-м? – произнес мужчина. – О, между отключками да. Вполне. Думаю, я перестаю чувствовать боль в лодыжках, что просто восхитительно.

Ризн прижала руки к груди, не смея приблизиться. Аимианец. Очень плохой знак. Она не была особенно суеверной, даже иногда скептически относилась к Страстям, но... в общем, это аимианец.

– Что за свирепое проклятие ты навлек на местных, чудовище? – требовательно спросил Килрм.

– Неуместные каламбуры, – лениво ответил мужчина. – И смрад от чего-то, что я съел, и что не очень хорошо со мной ужилось. Вы собираетесь говорить с королем?

– Я... – произнесла Ризн. Позади нее очередной реши завопил и спрыгнул с выступа. – Да.

– Тогда, – сказала существо, – не спрашивай о душе их бога. Оказывается, они не любят говорить о ней. Должно быть, захватывает дух, когда позволяешь чудищу вырасти до такого размера. Впечатляет даже больше, чем спрены, которые населяют тела обычных большепанцирников. Хм-м... – Похоже, аимианец был чем-то очень доволен.

– Не сочувствуй ему, торгмастер, – тихо сказал Килрм, уводя Ризн от висящего пленника. – Он мог бы сбежать, если бы захотел.

Нлент, второй охранник, кивнул.

– Они могут отделять свои конечности. И кожу. У них не настоящее тело. Только что-то ужасное, принявшее человеческую форму.

Коренастый охранник носил на запястье амулет храбрости, который теперь снял и крепко зажал в кулаке. Конечно, в амулете не содержалось никакой силы. Это было напоминание. Храбрость. Страсть. Пожелай то, что тебе нужно, прими это, возжаждай и получи.

Ну, что ей требовалось, так это чтобы ее бабск был сейчас рядом. Ризн снова зашагала вверх. Столкновение с аимианцем лишило ее присутствия духа. Справа с выступа продолжали прыгать люди. Сумасшедшие.

«Торгмастер, – подумала Ризн. – Килрм назвал меня “торгмастером”».

Она еще им не стала, пока еще нет. На текущий момент Ризн являлась собственностью Встима – всего лишь ученицей, которая время от времени трудилась в качестве раба.

Она не заслуживала этого звания, но, услышав такое обращение, воспряла духом. Ризн поднималась вверх по ступеням, продолжающим закручиваться вокруг панциря животного. Они миновали место, где поверхность раскололась, и под панцирем глубоко внутри проглядывала кожа. Разлом напоминал ущелье, она не смогла бы перепрыгнуть его с одного края на другой, не сорвавшись вниз.

Реши, которые попадались по пути, отказывались отвечать на вопросы. К счастью, Килрм знал дорогу и, когда тропинка разделилась, указал на правое

ответвление. Временами их путь довольно долго шел по ровным участкам, но затем снова начинались ступени.

Когда они достигли вершины подъема, ноги девушки горели от напряжения, а одежда насквозь промокла от пота. Наконец-то ступени закончились. Здесь джунгли отступали полностью, лишь камнепочки цеплялись за панцирь, и во все стороны расстиралось бескрайнее небо.

«Голова, – подумала Ризн. – Мы карабкались весь этот путь к голове чудища».

По краям тропинки выстроились воины, вооруженные копьями с пестрыми кисточками. Их нагрудники и наручи были вырезаны из панциря и украшены устрашающей символикой, и, хотя вместо одежды реше облачились в куски ткани, они стояли столь же прямо, как любой из солдат алети, с соответствующим суровым выражением лица. Таким образом, ее бабск снова оказался прав. Не все реше жили по правилу «бездельничай и плавай».

«Храбрость», – подумала Ризн, вспомнив слова Встима.

Она не могла выказывать страх перед этими людьми. Король стоял в конце коридора из охранников и камнепочек – крохотная фигурка на краю выступа панциря, смотрящая на солнце.

Широкими шагами Ризн направились вперед, сквозь двойной ряд копий. Она ожидала увидеть похожий наряд на короле, но тот носил полностью скрывающие тело объемистые одеяния ярких зеленых и желтых цветов. Похоже, в них ужасно жарко.

Подойдя ближе, Ризн в полной мере ощутила, как высоко забралась. Вода сверкала на свету так далеко внизу, что она не услышала бы звука камня, упавшего в воду, брось она его отсюда. Настолько далеко, что взгляд, устремленный вниз, заставлял ее внутренности скручиваться в тугой узел, а колени – трястись.

Чтобы приблизиться к королю, требовалось шагнуть на выступ, где тот стоял. Это означало оказаться на волосок от падения на сотни и сотни футов вниз.

«Спокойно», – сказала себе Ризн.

Она докажет своему бабску, что на нее можно положиться. Она больше не была невежественной девчонкой, неправильно оценившей шиноварцев и оскорбившей ириали. Она сделала выводы.

Может быть, ей стоило попросить Нлента одолжить его амулет храбрости.

Ризн шагнула на выступ. Король выглядел молодым, во всяком случае, со спины. С телосложением юноши или...

«Нет», – подумала Ризн с испугом, когда король обернулся.

Он оказался женщиной, достаточно старой, чтобы ее волосы начали сесть, но не настолько, чтобы годы согнули спину.

Еще один человек вышел на уступ позади Ризн. Он был моложе и носил обычную накидку с кисточками. Его волосы, заплетенные в две косы, свободно спускались на голые загорелые плечи. Когда мужчина заговорил, в его голосе не послышалось ни намека на акцент.

– Король желает знать, почему его старый торговый партнер, Встим, не явился лично, а прислал вместо себя ребенка.

– А вы король? – спросила Ризн подошедшего.

Мужчина рассмеялся.

– Ты стоишь рядом с королем и все равно спрашиваешь меня об этом?

Ризн взглянула на закутанную фигуру. Одеяния, имевшие вырез спереди, вполне определенно свидетельствовали о том, что у «короля» имелась грудь.

– Нами правит король, – сказал мужчина. – Пол не имеет значения.

Ризн полагала, что именно пол определяет название правителя, но спорить не стала.

– Мой учитель нездоров, – ответила она, обращаясь к человеку, который, должно быть, являлся торгмастером острова. – Я обладаю всеми полномочиями говорить от его имени и вправе заключить сделку.

Фыркнув, мужчина уселся на край выступа и свесил ноги вниз. Желудок Ризн совершил кульбит.

– Ему бы стоило подумать лучше. В таком случае сделка отменяется.

– Вы Талик, я полагаю? – спросила Ризн, сложив руки на груди.

Мужчина больше на нее не смотрел. Его пренебрежение казалось умышленным.

– Да.

– Мой учитель предупреждал меня на ваш счет.

– Тогда он не полнейший идиот, – ответил Талик. – Только по большей части.

Его произношение казалось изумительным. Ризн поняла, что подсознательно ищет у мужчины тайленские брови, но он определенно был решен.

Ризн стиснула зубы и заставила себя сесть рядом с ним на самый край. Она попыталась проделать это в такой же непринужденной манере, как и он, но просто не смогла. Опустившись вниз, что было не так просто в модной юбке, она отодвинулась подальше.

«О Страсти! Я упаду вниз и умру. Не смотри вниз! Не смотри вниз!»

Девушка ничего не могла с собой поделать. Она взглянула вниз и тут же почувствовала головокружение. Внизу ей была видна одна сторона головы, массивная линия челюсти. Недалеко, на верхней складке века, справа от Ризн, стояли люди. Они сталкивали вниз большие связки фруктов. Обвязанные веревкой из лозы, фрукты раскачивались и спускались к пасти.

Медленнодвигающиеся жвалы подтягивали связки, дергая веревки. Реша тянули веревки обратно и снова прицепляли к ним фрукты. Все происходило на глазах у короля, которая наблюдала за кормлением, стоя на самом кончике носа слева от Ризн.

– Угощение, – объяснил Талик, заметив, куда она смотрит. – Подношение. Эти маленькие связки фруктов, конечно же, не насытят нашего бога.

– А что же насытит?

Он улыбнулся.

– Почему ты до сих пор здесь, девушка? Разве я тебя не отпустил?

– Не обязательно отменять сделку, – сказала Ризн. – Мой учитель рассказал мне, что все условия уже оговорены. Мы привезли все, что вы потребовали в качестве оплаты.

«Хотя я и не знаю, ради чего».

– Бессмысленно отсылать меня прочь.

Она заметила, что король подошла ближе, чтобы послушать разговор.

– Это послужит той же цели, что и все в жизни, – ответил Талик. – Порадовать Релу-на.

Должно быть, так зовут их бога, большепанцирника.

– И ваш остров одобрит подобное расточительство? Пригласить торговцев, проделавших такой путь, только чтобы отослать их обратно с пустыми руками?

– Релу-на одобряет храбрость, – сказал Талик. – И, что более важно, уважение. Если мы не будем уважать тех, с кем торгуем, тогда нам не следует торговать.

Что за дурацкая логика. Если купец станет рассуждать подобным образом, он никогда не сможет торговать. Разве что... За месяцы, проведенные со Встимом, Ризн поняла, что бабск искал людей, которым нравится с ним торговать. Людей, которых он уважал. С такими людьми риск быть обманутым сводился к минимуму.

Возможно, не такая уж и плохая логика... только недостаточная.

«Думай, как другой торговец, – добавила бы Ризн. Один из уроков Встима, которые так отличались от усвоенных ею дома. – Что они хотят? Почему они хотят именно этого? Почему именно ты обеспечишь их необходимым?»

– Наверное, тяжело жить здесь, в море, – сказала Ризн. – Ваш бог впечатляет, но вы не можете производить для себя все необходимое.

– Наши предки вполне удачно справлялись.

– Без лекарств, – продолжила Ризн, – которые могли бы спасти жизни. Без одежды из ткани, волокна для которой растут только на материке. Ваши предки выживали без всех этих вещей, потому что у них не было выбора. У вас он есть.

Торгмастер наклонился вперед.

«Не делай так! Ты упадешь!»

– Мы не идиоты, – ответил Талик.

Ризн нахмурилась. Почему...

– Мне так надоело объяснять, – продолжил мужчина. – Мы живем очень просто. Но отсюда не следует, что мы глупцы. Годами появлялись чужеземцы, пытавшиеся нас эксплуатировать, пользуясь нашим невежеством. Мы устали, женщина. Все, что ты говоришь, – правда. И очевидно, что одновременно – неправда. Но все равно ты это говоришь, как будто мы ни на секунду не задумывались о подобных вещах. «О, лекарства! Конечно, нам нужны лекарства! Спасибо, что нам о них рассказали». А я-то просто собирался сидеть здесь и ждать смерти.

Ризн покраснела.

– Я не...

– Да, именно это ты и имела в виду, – сказал Талик. – Снисходительность сочилась с твоих губ, молодая леди. Мы устали от того, что все пытаются использовать нас в своих интересах. Устали от чужеземцев, пытающихся продать нам ерунду по баснословным ценам. Мы не в курсе текущей экономической ситуации на материке, поэтому не можем понять, обманывают нас или нет. Поэтому торгуем только с теми, кого знаем и кому доверяем. Так обстоят дела.

«Текущая экономическая ситуация на материке?..» – подумала Ризн.

– Вы учились в Тайлене, – догадалась она.

– Конечно, учился, – ответил Талик. – Нужно изучить повадки зверя, прежде чем идти его ловить.

Он откинулся назад, и Ризн немного расслабилась.

– Мои родители отправили меня учиться, когда я был ребенком. Отдали одному из ваших бабсков. Я сам стал торгмастером, прежде чем вернуться сюда.

– Ваши родители – король и королева? – снова догадалась Ризн.

Талик окинул девушку взглядом.

– Король и супруг короля.

– Вы можете называть ее просто королевой.

– Эта сделка не состоится, – сказал Талик, вставая. – Иди и скажи своему учителю, что мы сожалеем о его болезни и надеемся, что он поправится. Если так и будет, он может вернуться в следующем году во время торгового сезона, и мы с ним встретимся.

– Вы утверждаете, что уважаете его, – ответила Ризн, вскакивая на ноги и отодвигаясь подальше от края. – Так торгуйте с ним!

– Он нездоров, – проговорил Талик, не смотря на нее. – Это нечестно по отношению к нему. У нас будет преимущество.

Преимущество... Страсти, эти люди были такими странными. Слышать подобные вещи из уст человека, так хорошо говорившего по-тайленски, казалось еще более странным.

– Вы стали бы торговать со мной, если бы испытывали ко мне уважение, – сказала Ризн. – Если бы думали, что я его достойна.

– На это потребуются годы, – ответил Талик, присоединяясь к матери, стоявшей на передней части выступа. – Уходи и...

Он осекся, так как сама король тихо заговорила с ним на реши.

Талик поджал губы.

– Что? – спросила Ризн, шагнув вперед.

– Несомненно, ты впечатлила короля. У тебя острый язык. Считаешь нас дикарями, но не так безнадежна, как некоторые. – Талик скрипнул зубами. – Король выслушает твои доводы в пользу сделки.

Ризн моргнула, посмотрела сначала на одного, потом на другую. Разве она только что не высказала все доводы, когда король слушала?

Женщина спокойно оглядела Ризн темными глазами.

«Я выиграла первый раунд, – поняла девушка. – Как воин на поле битвы. Я провела поединок, и меня посчитали достойной сразиться с более сильным противником».

Король заговорила, и Талик стал переводить.

– Король говорит, что ты талантлива, но сделка, конечно же, не может продолжиться. Ты должна вернуться со своим бабском, когда он придет в следующий раз. Лет через десять мы, возможно, станем с тобой торговать.

Ризн подумала, что можно возразить.

– Именно таким образом Встим добился уважения, ваше величество? – Она не проиграет этот спор. Она не может! – Спустя годы, приезжая со своим бабском?

– Да, – ответил Талик.

– Вы не перевели, – сказала Ризн.

– Я... – Талик вздохнул и перевел вопрос.

Король улыбнулась с явной нежностью. Она проговорила несколько слов на своем языке, и Талик ошеломленно повернулся к матери.

– Я... Ого.

– Что? – требовательно спросила Ризн.

– Твой бабск убил коракота с несколькими нашими охотниками, – ответил реши. – Сам? Чужеземец? Я никогда не слышал ни о чем подобном.

Встим. Убил кого-то? С охотниками? Невозможно.

Хотя, конечно, он не всегда был старым морщинистым книжным червем, каким являлся теперь, но Ризн считала, что в прошлом он был просто морщинистым книжным червем помоложе.

Король заговорила снова.

– Я сомневаюсь, что ты убьешь хотя бы одного зверя, дитя, – перевел Талик. – Уходи. Твой бабск это переживет. Он мудр.

«Нет. Он умирает», – подумала Ризн.

Мысль явилась непрошеной, но была правдивой и испугала. Больше, чем высота, больше, чем что-либо ей известное. Встим умирал. Возможно, это его последняя сделка.

И Ризн вела ее к провалу.

– Мой бабск мне доверяет, – сказала девушка, подходя ближе к королю, шагая по носу большепанцирника. – И вы сказали, что доверяете ему. Как тогда вы можете не доверять его мнению, что я достойна?

– Невозможно заменить личный опыт, – перевел Талик.

Животное шагнуло, земля затряслась, и Ризн стиснула зубы, представив, как они все падают с вершины вниз. К счастью, на такой высоте движение ощущалось скорее как легкое покачивание. Зашуршали деревья, и ее желудок совершил очередной кульбит, но ситуация была не более опасна, чем качка на корабле.

Ризн приблизилась к тому месту, где стояла король, около носа животного.

– Вы король, вы понимаете важность доверия тем, кто вам подчиняется. Вы не можете находиться везде и знать обо всем на свете. Временами нужно доверять решению тех, кого вы знаете. Мой бабск как раз такой человек.

– Ты приводишь верные доводы, – перевел Талик с удивлением в голосе. – Но не понимаешь, что я уже оказала твоему бабску уважение. Именно поэтому я согласилась поговорить с тобой лично. И не пошла бы на такое ради кого-то другого.

– Но...

– Вернись вниз, – сказала король через Талика более жестким голосом. Ризн показалось, что на этом все должно закончиться. – Скажи своему бабску, что ты продвинулась достаточно далеко, чтобы поговорить со мной лично. Без сомнения, большего он не ожидал. Вы можете покинуть остров и вернуться, когда он поправится.

– Я...

Ризн почувствовала, что стало тяжело говорить, будто ей сдавили горло. Она не могла подвести бабска, не сейчас.

– Передай ему мои наилучшие пожелания к выздоровлению, – сказала король, отворачиваясь от Ризн.

Талик, казалось, удовлетворенно улыбнулся. Она посмотрела на своих охранников, застывших с мрачным выражением на лицах.

Девушка отошла в сторону. Она оцепенела. Ее отправили прочь как ребенка, просящего сладости. Неистовый румянец залил лицо, пока она шла мимо мужчин и женщин, подготавливающих связки фруктов.

Ризн остановилась, посмотрела влево, на бесконечный простор синевы, и снова повернулась к королю.

– Думаю, – громко проговорила она, – мне стоит поговорить кое с кем, обладающим большей властью.

К ней повернулся Талик.

– Ты поговорила с королем. Никто не обладает большей властью.

– Прошу прощения, – ответила Ризн. – Но думаю, это не так.

Одна из веревок дернулась, сигнализируя о том, что фруктовое подношение принято.

«Это глупо, это глупо, это...»

«Не думай».

Ризн бросилась к веревке, вызвав крики охранников. Она схватилась за ее конец, перевалилась через край и стала спускаться по голове большепанцирника. Голове бога.

Страсти! В юбке было непросто. Веревка врезалась ей в руки и вибрировала, пока животное внизу хрустело фруктами на другом конце.

Наверху появилась голова Талика.

– Что, во имя Келека, ты задумала, глупая женщина? – прокричал он.

Ризн нашла забавным то, что он выучил их ругательства во время своего пребывания в Тайлене. Девушка вцепилась в веревку, сердце билось в сумасшедшей панике. Действительно, что она делала?

– Релу-на, – прокричала Ризн Талику, – одобряет храбрость!

– Есть разница между храбростью и глупостью!

Ризн продолжила спуск, который больше походил на скольжение.

«О Стремление, Страсть необходимости...»

– Вытяните ее назад! – приказал Талик. – Эй вы, помогайте. – Он отдал дальнейшие приказания на реше.

Ризн посмотрела вверх и увидела, как рабочие ухватились за веревку, чтобы вытащить ее наверх. Появилось новое лицо, смотрящее вниз. Король. Она подняла руку, остановив рабочих, и стала изучать лицо Ризн.

Девушка снова заскользила вниз. Она спустилась еще не слишком далеко, примерно на пятьдесят футов. Даже не добралась до глаза животного. С усилием Ризн остановилась, ее пальцы горели.

– О великий Релу-на, – громко произнесла она. – Твой народ отказывается со мной торговать, поэтому я пришла умолять тебя. Твой народ нуждается в моих товарах, но мне сделка нужна даже больше. Я не могу позволить себе вернуться ни с чем.

Животное, конечно же, не ответило. Ризн висела на одном уровне с панцирем, покрытым коркой из лишайника и мелких камнепочек.

– Пожалуйста, – сказала Ризн. – Пожалуйста.

«Чего же я ожидаю?» – задалась она вопросом.

Она не ждала, что животное ответит ей. Но, возможно, получится убедить тех, наверху, что она достаточно храбрая, чтобы быть достойной. По крайней мере, это никому не повредит.

Веревка в руках подрагивала, и Ризн совершила ошибку, посмотрев вниз.

На самом деле то, чем она занималась, могло повредить ей. И очень сильно.

– Король, – сказал Талик сверху, – приказывает тебе вернуться.

– Наши переговоры продолжатся? – спросила Ризн, подняв голову. Король действительно выглядела заинтересованной.

– Не важно, – ответил Талик. – Тебе был отдан приказ.

Ризн заскрипела зубами, цепляясь за веревку, и посмотрела на хитиновые пластины перед собой.

– А ты что думаешь? – тихо спросила она.

Животное внизу укусило фрунты, и веревка внезапно натянулась. Ризн сильно шлепнулась об огромную голову. Наверху завопили рабочие. Король прикрикнула на них неожиданно резким голосом.

«О нет...»

Веревка натянулась еще сильнее.

И оборвалась.

Крики наверху стали неистовыми, хотя Ризн едва заметила их из-за нахлынувшей паники. Она падала не грациозно, а кричащим комком из ткани, суматошно размахивая конечностями. Юбка хлопала на ветру, желудок переворачивался. Что она наделала? Она...

Ризн увидела глаз. Глаз бога. Только на краткий миг, пока пролетала мимо. Он был большим, как дом, блестящий и черный, отражающий ее падающую фигурку.

Девушке показалось, что она зависла перед ним на долю секунды, и крик оборвался у нее в горле.

Все случилось очень быстро. Просвистел порывистый ветер, еще один крик и удар о воду, твердую, как камень.

Темнота.

Очнувшись, Ризн обнаружила, что как будто плывет. Она не открывала глаз, но чувствовала, что скользит по волнам. Покачивается вверх-вниз...

– Она идиотка.

Знакомый голос. Талик, тот самый, с кем она торговала.

– Тогда мы с ней подходим друг другу, – ответил Встим. Он покашлял. – Должен сказать, старый друг, ты обещал помочь в обучении, а не скидывать ее со скалы.

Плавание... Покачивание...

Подождите-ка.

Ризн заставила себя открыть глаза. Она лежала на постели в хижине. Жарко. Перед глазами у нее все плыло, и она покачивалась... покачивалась, потому что разум был затуманен. Что они ей дали? Она попыталась сесть. Ее ноги не двигались. Ее ноги не двигались.

Ризн глубоко вздохнула и часто задышала.

Над ней появилось лицо Встима, а за ним встревоженное лицо женщины реши с лентами в волосах. Не королева... точнее, король... какая разница. Женщина быстро заговорила на лающем языке реши.

– Теперь успокойся, – сказал Встим Ризн, опускаясь рядом с ней на колени.
– Успокойся... Они дадут тебе кое-что выпить, дитя.

– Я выжила, – ответила Ризн. Ее голос скрипел, когда она говорила.

– С трудом, – сказал Встим, но в его голосе слышалась нежность. – Спрены смягчили твоё падение. С такой высоты... Дитя, о чем ты думала, перебравшись вот так просто через край скалы?

– Мне требовалось кое-что сделать, – проговорила Ризн. – Доказать свою храбрость. Я думала... Мне нужно быть храброй...

– О дитя. Это моя вина.

– Вы были его бабском, – сказала Ризн. – Талика, их торговца. Вы с ним все подстроили, чтобы у меня появился шанс торговать самостоятельно, но в контролируемой ситуации. Сделке никогда ничего не угрожало, и вы не так уж больны, как хотите показаться.

Слова вырвались, спотыкаясь одно о другое, как сотня человек, пытающихся выбраться наружу через один проход одновременно.

– Когда ты поняла? – спросил Встим и закашлял.

– Я... – Она не знала. Все просто сложилось в единую картину. – Только что.

– Что ж, ты должна знать, что я чувствую себя настоящим дураком, – сказал Встим. – Я думал, что для тебя это отличная возможность. Практика с настоящими ставками. Но затем... Затем ты взяла и упала с головы острова!

Ризн зажмурилась, когда подошла женщина реши с каким-то напитком в чашке.

– Я буду снова ходить? – тихо спросила Ризн.

– Вот, выпей, – проговорил Встим.

– Я буду снова ходить?

Она не взяла чашку и не открывала глаз.

– Не знаю, – ответил Встим. – Но ты будешь снова торговать. Страсти! Посметь подняться над властью короля? Быть спасенной самой душой острова?

Он усмехнулся. Смешок звучал вымученно.

– Другие острова будут требовать торговать с нами.

– Получается, кое-чего я все-таки добилась, – сказала Ризн, чувствуя себя полной и безоговорочной идиоткой.

– О, ты действительно кое-чего добилась, – ответил Встим.

Она почувствовала, как что-то колет ей руку и резко открыла глаза. По ней ползло создание величиной примерно с ладонь, которое выглядело как крэмлиг, но с крыльями, сложенными вдоль спины.

– Что это такое? – требовательно спросила Ризн.

– Из-за него мы здесь, – ответил Встим. – То, что мы получаем при торговле, – сокровище, о котором мало кто знает, что оно до сих пор существует. Видишь ли, они должны были погибнуть вместе с Аимией. Я прибыл сюда вместе со всеми товарами на буксире, потому что Талик прислал сообщение, что у них есть труп одного из этих созданий на продажу. Короли платят за них состояния.

Встим наклонился.

– Я никогда не видел прежде живого. Мне передали труп, который я хотел получить при торговле. Этого подарили тебе.

– Реши? – спросила Ризн.

Ее разум все еще оставался затуманен. Она не знала, что и думать обо всем случившемся.

– Реши не могут приказывать одному из ларкинов, – ответил Встим, вставая. – Его подарил тебе сам остров. Теперь пей свое лекарство и спи. Ты сломала обе ноги. Мы останемся здесь на время твоего выздоровления, и я буду искать прощения за то, что был таким ужасно глупым человеком.

Ризн приняла напиток. Пока она пила, существо взлетело на балки хижины и уселось там, поглядывая на нее вниз глазами из чистого серебра.



– Так что это за спрен? – спросил Тюд в медленном ритме любопытства. Он держал драгоценный камень, вглядываясь в дымчатое существо, движущееся внутри.

– Моя сестра сказала, это спрен шторма, – ответила Эшонай, сложив руки и прислонившись к стене.

В пряди бороды Тюда были вплетены кусочки необработанных драгоценных камней, которые задрожали и замерцали, когда он потер подбородок. Тюд подал большой кусок драгоценного камня Биле, и та постучала по нему пальцем.

Они были боевой парой в личной дивизии Эшонай. Слушающие носили простые одежды, скроенные с учетом хитиновой брони на руках, ногах и груди. Тюд также носил длинный плащ, но не мог взять его в бой.

По контрасту с ними на Эшонай была униформа: облегающая красная одежда, натянутая поверх ее натуральной брони, и шапочка на шлеме. Она никогда не рассказывала, как эта униформа ее стесняет, заставляет чувствовать себя, как в оковах.

– Спрен шторма, – повторила Била в ритме скептицизма, поворачивая камень в пальцах. – Он поможет мне убивать людей? В противном случае я не считаю его заслуживающим внимания.

– Он может изменить мир, Била, – сказала Эшонай. – Если Венли права, и у нее получится связаться с этим спреном и получить что-то отличное от вялой

формы... Ну, по крайней мере, у нас будет совершенно новая форма. Выбор расширится. А в лучшем случае мы получим возможность контролировать шторма и управлять их энергией.

– Так она будет испытывать его на себе? – спросил Тьюд в ритме ветров, ритме, который они использовали, чтобы определить, когда приблизится сверхшторм.

– Если Совет пяти даст ей разрешение.

Они должны обсудить ситуацию и вынести свое решение сегодня.

– Отлично, – сказала Била, – но он поможет мне убивать людей?

Эшонай настроилась на скорбь.

– Если штормовая форма действительно одна из древних сил, Била, тогда да. Он поможет тебе убивать людей. Много людей.

– Тогда мне этого достаточно, – ответила Била. – Почему ты так беспокоишься?

– Говорят, что древние силы пришли от наших богов.

– Какая разница? Если боги помогут нам убить те армии, я присягну им прямо сейчас.

– Не говори так, Била, – произнесла Эшонай с порицанием. – Никогда не говори ничего подобного.

Женщина притихла, бросила камень на стол и тихо запела со скептицизмом. Так она проявляла непокорность. Эшонай встретила глазами с Билой и обнаружила, что сама негромко напевает решимость.

Тьюд перевел взгляд с Билы на Эшонай.

– Поедим? – спросил он.

– Таков твой ответ на все разногласия? – спросила Эшонай, обрывая песню.

– Трудно спорить с набитым ртом, – ответил Тьюд.

– Мне кажется, что ты только это и делаешь, – сказала Била. – Все время.

– Однако спор заканчивается, – не уступал Тьюд. – Потому что все сыты.

Итак... поедем?

– Чудесно, – произнесла Била, бросив взгляд на Эшонай.

Двое слушающих удалились. Эшонай села за стол, чувствуя опустошение. Когда ее начала беспокоить непокорность друзей? Все дело в этой ужасной униформе.

Она подобрала драгоценный камень, всматриваясь в его глубину. Он был большим, размером с треть кулака, хотя для того, чтобы удерживать спрена внутри, годились драгоценные камни и меньшего размера.

Эшонай ненавидела заточать спренов. Лучшим способом было выйти в сверхшторм с надлежащим настроением и спеть подходящую песню, чтобы привлечь нужного спрена. Ты связывался с ним в ярости бушующего шторма и возрождался в новом теле. Ее народ менял формы со времен прихода первых ветров.

Слушающие узнали от людей о том, что захват спренов возможен, затем применили процесс на себе. Захваченный спрен делал трансформацию гораздо более надежной. Раньше всегда присутствовал элемент случайности. Выходя в шторм с желанием стать солдатом, можно было обрести партнерскую форму.

«Это прогресс, – подумала Эшонай, уставившись на дымчатого спрена внутри камня. – Прогресс учит контролировать мир. Возводить стены, чтобы остановить шторм, выбирать время для партнерской формы».

Прогресс брал природу и заключал ее в рамки.

Эшонай положила драгоценный камень в карман и проверила время. Ее встреча с остальными из Совета пяти была намечена не раньше третьего биения ритма мира, и у нее оставалась еще добрая половина биения до назначенного срока.

Пора поговорить с матерью.

Эшонай вышла в Нарак и пошла по тропе, кивая приветствующим ее. В основном это были солдаты. Теперь столь многие из ее народа находились в боевой форме. Как мало их осталось. Когда-то сотни тысяч слушающих заселяли равнины. Выжила лишь малая часть.

Даже тогда они были единым народом. О, случались расколы, конфликты, даже войны среди их группировок. Но слушающие были единым народом – теми, кто отказались от своих богов и стремились к свободе в неизвестности.

Билу больше не заботило их происхождение. Могут найтись и другие, подобные ей, те, которые игнорируют опасность богов и сосредотачиваются только на борьбе с людьми.

Эшонай миновала жилые дома – обветшалые строения, возведенные из затвердевшего крэма на каркасе из раковин, ютившиеся с подветренной стороны каменных глыб. Большинство из них теперь пустовало. Они потеряли тысячи за годы войны.

«Мы должны что-то делать», – подумала Эшонай, настроившись в глубине сознания на ритм мира. Она искала утешения в его тихих, спокойных тактах, мягких и слитных. Как ласка.

Затем Эшонай заметила представителей вялой формы.

Они очень походили на тех, кого люди называли «паршмены», хотя были немного выше и не такими идиотами. Вялая форма по-прежнему оставалась ограниченной, без возможностей и преимуществ более новых форм. Их здесь быть не должно. Или они связались с неправильным спреном по ошибке? Такое иногда случалось.

Эшонай подошла к троице, состоявшей из двух слушающих женского пола и одного – мужского. Они перевозили камнепочки, собранные на одном из ближайших плато. Растения развивались быстрее с использованием наполненных штормсветом камней.

– Что случилось? – спросила Эшонай. – Вы выбрали эту форму по ошибке? Или вы новые шпионы?

Они смотрели на нее безжизненными глазами. Эшонай настроила тревогу. Однажды она попробовала вялую форму – захотела узнать, что испытывают их шпионы. Пытаться заставить мозг воспринимать новые знания было так же трудно, как мыслить рационально во сне.

– Кто-то попросил вас принять эту форму? – спросила Эшонай, проговаривая слова медленно и четко.

– Никто не просил, – ответил мужчина вообще без ритма. Его голос звучал мертво. – Мы сами решили.

– Зачем? – спросила Эшонай. – Зачем вам поступать подобным образом?

– Когда придут люди, нас не убьют, – сказал мужчина, подхватив камнепочку, и продолжил свой путь. Другие молча пошли следом.

Эшонай изумилась, в ее голове усилился ритм тревоги. Несколько спренов страха, похожих на длинных фиолетовых червей, зашныряли на ближайшей скале, собираясь возле Эшонай, пока не поползли отовсюду из земли.

Нельзя отдать приказ принять ту или иную форму: каждый мог выбирать самостоятельно. О трансформации можно было попросить или уговорить, но не заставить. Их боги не допускали такой свободы, поэтому слушающие хотели ею обладать несмотря ни на что. При желании они могли выбрать вялую форму. Эшонай ничего не могла с этим поделать. Не напрямую.

Она ускорила шаг. Рана на ноге все еще болела, но быстро исцелялась. Одно из преимуществ боевой формы. В этом состоянии Эшонай могла почти не обращать внимания на повреждения.

Город был полон пустых зданий, а мать Эшонай выбрала лачугу на самой окраине, почти полностью открытую штормам. Мать работала на грядке

сланцекорника, тихо напевая сама себе в ритме мира. Она находилась в рабочей форме, всегда предпочитала именно ее. Даже после открытия ловкой формы мать не изменилась. Она сказала, что не хочет поощрять народ рассматривать одну форму как более полезную в сравнении с другими и что такое расслоение может их уничтожить.

Мудрые слова. Таких слов Эшоной не слышала от своей матери годами.

– Дитя! – сказала женщина, когда Эшоной приблизилась.

Несмотря на годы, лицо матери было аккуратным и круглым. Она заплетала волосы в косы, перевязывая их лентой. Эшоной привезла ей эту ленту со встречи с алетой много лет назад.

– Дитя, ты видела свою сестру? Сегодня день ее первой трансформации! Мы должны ее подготовить!

– Этот день уже прошел, мама, – сказала Эшоной в ритме мира, становясь на колени перед женщиной. – Как идет прополка?

– Скоро закончу, – ответила мать. – Мне нужно уйти до того, как вернутся хозяева дома.

– Он твой, мама.

– Нет-нет. Он принадлежит другим. Они приходили прошлой ночью и сказали, что мне нужно уйти. Я только закончу со сланцекорником.

Она достала небольшую пилу, срезала одну сторону гребня, затем подкрасила его соком, чтобы стимулировать рост в нужном направлении.

Эшоной села обратно, настроившись на скорбь, и ритм мира ее покинул. Возможно, взамен стоило выбрать ритм потери. Биения в ее голове изменились.

Эшоной подавила его. Нет. Нет, ее мать не умерла.

И все же она была не вполне живой.

– Вот, возьми, – сказала мать в ритме мира, протянув Эшоной пилу. Сегодня она хотя бы узнала дочь. – Поработай тут над обрезкой. Я не хочу, чтобы он рос вниз. Нам нужно направить его к свету.

– Шторма слишком сильны в этой части города.

– Шторма? Глупости. Здесь нет штормов. – Мать приостановилась. – Я гадаю, что мы будем делать с твоей сестрой. Ей нужен шторм для трансформации.

– Не беспокойся, мама, – сказала Эшоной, заставляя себя говорить с миром. – Я обо всем позабочусь.

– Ты такая хорошая, Венли, – проговорила мать. – Такая отзывчивая. Остаешься дома, не убегаешь, как твоя сестра. Эта девочка... Ее никогда нет там, где она должна быть.

– Сейчас она здесь, – прошептала Эшоной. – И старается быть там, где нужна.

Мать забормотала себе под нос, продолжая работать. Когда-то эта женщина обладала лучшей памятью в городе. В некотором роде и сейчас тоже.

– Мама, – сказала Эшоной. – Мне требуется помощь. Я думаю, что случится что-то ужасное. Не могу решить, менее ли это ужасно, чем то, что уже происходит.

Мать подрезала участок сланцекорника, сдула пыль.

– Наш народ гибнет, – продолжила Эшоной. – Мы выветриваемся. Мы пришли в Нарак и выбрали изнуряющую войну. Шесть лет постоянных потерь. Слушающие начинают сдаваться.

– Нехорошо, – сказала мать.

– Но какова альтернатива? Вмешаться в вещи, в которые вмешиваться не следует, потому что они могут обратить на нас взоры Несотворенных?

– Ты не работаешь, – указала мать. – Не будь такой, как сестра.

Эшоной сложила руки на коленях. Не помогло. Видеть мать в таком состоянии...

– Мама, – сказала Эшоной в ритме мольбы. – Почему мы покинули темный дом?

– Ах, это старая песня, Эшоной, – ответила мать. – Темная песня, не для детей вроде тебя. Ведь сегодня даже не день твоей первой трансформации.

– Я достаточно взрослая, мама. Пожалуйста.

Мать подула на сланцекорник. Неужели она в конце концов забыла последнее из того, что составляло ее суть? Сердце Эшоной сжалось.

– Немало дней прошло, но помним, как вчера, когда в наш темный дом пришла беда, – тихо запела мать в одном из ритмов воспоминаний. – И превратилась жизнь в кошмарный сон, а звались мы тогда Последний легион. И уходили воины на дальние равнины, в то место, где теперь одни руины. С врагами бились, гибли и, сражаясь, с приходом смерти лишь освобождались. И стали возрождаться формы силы. Не доведут ли снова до могилы? Утратив волю, мы повиновались. Богов приказам слепо подчинялись.

– Но наступил тот славный день, – проговорила Эшоной в одном ритме с матерью.

– Тот шторм, когда сбежал от зла Последний легион, – продолжала мать песню. – Непрост был путь, который наш народ избрал. Тот свет, что в ярких разумах сиял, померк, зато принес награду: свободу, мир, богам досаду.

Спокойная, звучная песня матери как бы танцевала с ветром. В другое время слушающая казалась хрупкой, но когда пела старые песни, снова выглядела собой. Родитель, который временами спорил с Эшоной, но и родитель, которого Эшоной всегда уважала.

– На волю дерзко мысль и силу обменяли, всю память мы утратить рисковали, – пела мать. – Свободным детям чтоб о прошлом не забыть, нам нужно было сотни песен сочинить. Мы их поем, и будет это продолжаться, пока другие формы вновь не станут открываться.

С этого момента мать начала одну из ранних песен о том, как народ создаст дом на руинах покинутого королевства. Как они распространятся по миру, действуя подобно примитивным племенам и беженцам. Таков был их план – остаться скрытыми или чтобы на них хотя бы не обращали внимание.

В песнях помнили так много. Последний легион не знал, как трансформироваться во что-то другое, кроме вялой и партнерской форм, по крайней мере, без помощи богов. Как они узнали, что возможны другие формы? Сохранились ли эти факты изначально в песнях и потом затерялись с годами, пока слова понемногу изменялись то тут, то там?

Эшоной слушала и, хотя голос матери помог ей вернуться к ритму мира, обнаружила, что все равно сильно обеспокоена. Она пришла сюда за ответами. Когда-то это срабатывало.

Теперь уже нет.

Эшоной поднялась, чтобы покинуть поющую мать.

– Я нашла некоторые твои вещи, когда прибирала сегодня, – сказала мать, оборвав песню. – Ты можешь их взять. Они захламляют дом, а я скоро из него уйду.

Эшоной забормотала под нос скорбь, но пошла посмотреть, что «нашла» мать. Еще одну кучу камней, в которой она увидела детские игрушки? Лоскуты тряпок, которые представлялись ей одеждой?

Эшоной обнаружила небольшой мешок у фасада здания. Она открыла его и вытащила бумагу.

Бумага была не человеческой, а сделанной из местных растений. Грубая, разных оттенков, изготовленная старым способом слушающих. Текстурированная и плотная, а не тонкая и белая. Чернила на ней начали выцветать, но Эшоной узнала рисунки.

«Мои карты, – подумала она. – С тех давних дней».

Неосознанно она настроила ритм воспоминания. Дни, которые Эшоной провела в походах по диким местам, которые люди называли Натанатаном, проходя через леса и джунгли, рисуя собственные карты и расширяя границы мира. Она начала в одиночку, но ее открытия взбудоражили целый народ. Вскоре, будучи еще подростком, слушающая возглавляла целые экспедиции, чтобы открывать новые реки, новые руины, новых спренов, новые растения.

И людей. В некотором смысле вина лежала на ней.

Мать запела снова.

Просматривая свои старые карты, Эшоной ощутила сильную тоску. Когда-то мир казался ей чем-то чистым и захватывающим. Новым, как лес, цветущий после шторма. Она медленно умирала точно так же, как и ее народ.

Эшоной упаковала карты и покинула старый дом, направившись к центру города. Песня матери, до сих пор прекрасная, эхом раздавалась позади. Эшоной настроила мир. Ритм заставил ее вспомнить, что она почти опоздала на встречу с остальными из Совета пяти.

Эшоной не ускорила шаг. Она позволила ровным и стремительным тактам ритма мира вести ее вперед. Если сконцентрироваться, настроившись на определенный ритм, то тело будет естественно выбирать темп, соответствующий настроению. Таким образом, ритм, который не совпадал с текущими ощущениями, всегда являлся сознательным решением. Эшоной намеренно слушала ритм мира.

Слушающие приняли решение столетия назад, решение о том, чтобы вернуться к примитивному уровню. Убийство Гавилара Холина стало подтверждением выбора их предков. В те дни Эшоной не была одним из лидеров, но они прислушивались к ее советам и наделили правом голоса.

Выбор, хотя и казался ужасным, стал проявлением отваги. Они надеялись, что долгая война надоест алетии.

Эшоной и прочие недооценили их жадность. Гемсердца изменили все.

В центре города, рядом с бассейном, устремлялась ввысь башня, гордо взиравшая на плато, несмотря на столетия бушующих штормов. Когда-то внутри нее имелась лестница, но крэм, затекающий в окна, превратил сооружение в скалу. Тогда рабочие вырезали ступени вокруг башни.

Эшоной начала подниматься по лестнице, для безопасности держась за цепь. Долгий, но знакомый подъем. Хотя ее нога болела, боевая форма повышала выносливость. Чтобы сохранить силу, требовалось больше пищи, чем другим формам. Она поднялась наверх с легкостью.

Эшоной обнаружила, что остальные члены Совета пяти уже ее ждут. Каждый из них пребывал в одной из известных им форм. Эшоной находилась в боевой форме, Давим – в рабочей, Аброней – в партнерской, Чиви – в ловкой и тихая Зули – в вялой форме. Венли тоже ждала вместе со своим партнером, который покраснелся от трудного подъема. Ловкая форма подходила для многих действий, требующих аккуратности, но не обладала большой выносливостью.

Эшоной взошла на плоскую вершину бывшей башни. Ветер обдувал ее с востока. Здесь наверху не было стульев, и Совет пяти заседал прямо на голом камне.

Давим напевал с досадой. С ритмами в голове было трудно опоздать случайно. Они правильно подозревали, что Эшоной задержалась нарочно.

Она села, достала из кармана драгоценный камень с заключенным в нем спреном и положила его перед собой на каменную поверхность. Фиолетовый камень светился штормсветом.

– Меня беспокоит эта проверка, – сказала Эшоной. – Я думаю, что мы не должны ее разрешать.

– Что? – спросила Венли в ритме тревоги. – Сестра, не смей нас. Это необходимо нашему народу.

Давим наклонился вперед, сложив руки на коленях. Он был широколицым, кожа его рабочей формы, в основном черная, пестрела то тут, то там крошечными завитками красного.

– Если все сработает, мы достигнем чего-то поистине удивительного. Первая из вновь открытых форм древней силы.

– Те формы связаны с богами, – напомнила Эшонай. – Что, если, выбирая эту форму, мы пригласим их вернуться?

Венли напевала с раздражением.

– В старые времена все формы приходили от богов. Мы обнаружили, что ловкая форма нам не вредит. Почему должна повредить штормовая форма?

– Есть разница, – ответила Эшонай. – Ты же знаешь песню «Ее приход приносит ночь богам». Напой ее про себя. Древние силы опасны.

– У людей они есть, – сказал Абронай.

Он пребывал в партнерской форме, пышный и упитанный, но контролировал свои страсти. Эшонай никогда не завидовала его положению. Из личных бесед она знала, что Абронай предпочел бы иметь другую форму. К сожалению, другие носители партнерской формы находились в ней недолго или не обладали подобающей значимостью, чтобы присоединиться к Совету пяти.

– Ты сама подготовила для нас доклад, Эшонай, – продолжил Абронай. – Ты видела среди алети воина, повелевающего древней силой, и многие другие подтвердили твои слова. К людям вернулось волноплетение. Спрены снова нас предали.

– Если волноплетение вернулось, – сказал Давим в ритме размышления, – тогда, возможно, это признак того, что боги возвращаются в любом случае. Если это правда, нам нужно подготовиться, чтобы иметь с ними дело. И нам помогут формы силы.

– Мы не знаем, придут ли они, – сказала Эшонай с решимостью. – Нам ничего не известно. Даже, есть ли у людей волноплетение. Это мог быть один из Клинков Чести. В ту ночь мы оставили один из них в Алеткаре.

Чиви напевала в ритме скептицизма. Ее лицо ловкой формы было удлиненным, пряди волос завязаны сзади в длинный хвост.

– Мы угасаем как народ. Я проходила сегодня мимо тех, кто принял вялую форму и не помнит нашего прошлого. Они поступили так, поскольку боятся, что иначе люди их убьют! Они готовят себя к тому, чтобы стать рабами!

– Я тоже их видел, – сказал Давим с решимостью. – Мы должны что-то делать, Эшонай. Твои солдаты проигрывают войну, удар за ударом.

– В следующий шторм, – проговорила Венли. Она настроила ритм мольбы. – Я смогу все проверить в следующий шторм.

Эшонай закрыла глаза. Мольба. Этот ритм настраивали не часто. Было трудно отказать сестре.

– Мы все должны прийти к согласию, – произнес Давим. – Я не приму иного. Эшонай, ты настаиваешь на возражении? Нужно ли нам провести здесь часы, обсуждая вопрос?

Она глубоко вздохнула, приходя к решению, которое прокладывало свой путь из глубины сознания. Решение исследователя. Эшонай взглянула на сумку с картами, которую положила рядом с собой на пол.

– Я соглашусь с проверкой, – сказала она.

Сидящая рядом Венли запела в ритме благодарности.

– Вместе с тем, – продолжила Эшонай с решимостью, – первым, кто испытает новую форму, должна стать я.

Все напевы смолкли. Остальные из Совета пяти уставились на нее.

– Что? – спросила Венли. – Сестра, нет! Это мое право.

– Ты слишком ценна, – ответила Эшоной. – Ты знаешь о формах слишком много, и большинство исследований хранится только в твоей голове. Я просто солдат. Меня можно заменить, если что-то пойдет не так.

– Ты Носитель Осколков, – напомнил Давим. – Наш последний.

– Тьюд тренировался с моими Клинком и Доспехами, – ответила Эшоной. – На всякий случай я оставлю ему и то, и другое.

Остальные из Совета пяти запели с размышлением.

– Хорошее предложение, – сказал Абронай. – Эшоной обладает и силой, и опытом.

– Это мое открытие! – воскликнула Венли в ритме раздражения.

– И тебе за него благодарны, – ответил Давим. – Но Эшоной права, ты и твои ученые слишком важны для нашего будущего.

– Более того, – добавил Абронай. – Ты слишком близка к проекту, Венли. Твоя речь абсолютно ясно свидетельствует об этом. Если Эшоной встретит шторм и обнаружит, что с новой формой что-то не так, она сможет прервать эксперимент и вернуться к нам.

– Хороший компромисс, – кивнула Чиви. – Мы достигли согласия?

– Думаю, да, – подвел итог Абронай, поворачиваясь к Зулн.

Представительница вялой формы говорила редко. Она носила одежду паршменов и показывала, что считает своим долгом представлять тех, кто не имеет песен, – всех слушающих, принявших вялую форму.

Ее жертва была столь же благородной, как и жертва Аброная, остающегося в партнерской форме. Даже больше. Вялая форма была трудным испытанием, и ее редко использовали дольше, чем один промежуток между штормами.

– Я согласна, – сказала Зулн.

Остальные запели с благодарностью. Только Венли не присоединилась к песне. Если штормовая форма окажется реальностью, придется ли им добавлять еще кого-то в Совет пяти? Сначала все пятеро пребывали в вялой форме, затем – в рабочей. И только когда открыли ловкую форму, они решили, что каждый из них должен оставаться в одной из существующих форм.

Вопрос на будущее. Члены Совета пяти встали и начали спускаться по длинной лестнице, двигаясь по спирали вокруг башни. Ветер дул с востока, и Эшоной повернулась к нему, глядя на изломанные равнины – в сторону Источника штормов.

Во время следующего сверхшторма она сольется с ветрами и станет чем-то новым. Чем-то мощным. Чем-то, что изменит судьбу слушающих и, возможно, людей, навсегда.

– У меня почти появилась причина ненавидеть тебя, сестра, – сказала Венли с порицанием, задержавшись у того места, где сидела Эшоной.

– Я не запретила проверку, – ответила она.

– Ты всего лишь решила забрать себе всю славу.

– Если и будет слава, – заговорила Эшоной в ритме порицания, – она будет принадлежать тебе за открытие формы. Даже не думай на эту тему. Только наше будущее должно иметь значение.

Венли забормотала в ритме раздражения.

– Они говорят, что ты мудра и опытна. Заставляет задуматься о том, уж не забыли ли они, кем ты была раньше – как ты опрометчиво сбежала в дикие места, не думая о своем народе, в то время как я осталась дома и запоминала песни. В какой момент все стали считать тебя ответственной?

«Все дело в этой проклятой униформе», – подумала Эшоной, вставая.

– Почему ты не рассказывала нам о своих исследованиях? Ты позволила мне верить, что изучала открытие формы искусства или посреднической формы. Но ты искала одну из форм древних сил.

– Разве есть разница?

– Да. Огромная разница, Венли. Я люблю тебя, но твои амбиции меня пугают.

– Ты мне не доверяешь, – ответила Венли в ритме предательства.

Предательство. Эту песню пели редко. Эшоной стало так больно, что она вздрогнула.

– Мы увидим, что делает новая форма, – сказала Эшоной, поднимая карты и драгоценный камень с пойманным спреном. – А потом поговорим. Я просто хочу сохранять осторожность.

– Ты хочешь все сделать сама, – сказала Венли с раздражением. – Ты всегда хочешь быть первой. Но достаточно. Дело сделано. Пойдем, я должна обучить тебя надлежащему настрою, чтобы форма заработала. А затем мы выберем сверхшторм для трансформации.

Эшоной кивнула. Она пройдет обучение. За это время ей нужно все обдумать. Возможно, есть другой путь. Если бы она смогла заставить алети выслушать ее, найти Далинара Холина, договориться о мире...

Может быть, тогда ничего и не понадобится.



ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ПРИБЛИЖЕНИЕ
ВЕТРОВ

ШАЛЛАН • ҚАЛАДИН • АДОЛИН • САДЕАС



*Форма войны для власти и битв,
Богами дана, чтобы убить.
Для жизни важна, но тайной ей быть.
Воля позволит ее получить.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 15

Грохоча и подпрыгивая на кочках, повозка катилась по каменистой земле. Шаллан устроилась на жестком сиденье рядом с Блутом, одним из громил, работающих на Твлаква. Он управлял чуллой, тянущей повозку, и был не особенно разговорчив, хотя, когда думал, что она не смотрела, изучал ее глазами, похожими на бусины из темного стекла.

Было холодно. Ей хотелось, чтобы погода изменилась и наступила весна или даже лето, хотя бы на время. В месте, печально известном своими постоянными холодами, такое вряд ли случится. Ноги от колен и до самых пят Шаллан закутала в импровизированное покрывало, сделанное из подкладки сундука Джасны. Оно не только защищало от холода, но также скрывало ее изодранную юбку.

Шаллан пыталась отвлечься, изучая окрестности. Флора здесь, в южной части Замерзших земель, оказалась совершенно незнакомой. С подветренной стороны скал пробивались островки травы с короткими и колючими стеблями, а не длинными и колышущимися. Камнепочки никогда не вырастали больше, чем с кулак, и ни разу не открывались полностью, даже когда Шаллан попыталась полить одну из них водой. Их лозы, ленивые и медлительные, как будто онемели от холода. Также в трещинах и по склонам росли маленькие хилые кусты. Их ломкие ветви царапали бока повозки, а крошечные зеленые листья размером с капли дождя сворачивались и втягивались в стебли.

Кусты росли в изобилии, распространившись везде, где нашлась точка опоры. Когда повозка катилась мимо одного особенно высокого их скопления, Шаллан протянула руку и отломала веточку. Та оказалась трубчатой, с полостью серединой, шершавой, как песок.

– Они слишком хрупкие, чтобы выдержать сверхшторм. Как же эти растения выживают?

Блут хмыкнул.

– Считается общепринятым, – проговорила Шаллан, – вовлекать попутчика в занимательный диалог, интересный обеим сторонам.

– Я бы так и поступил, – ответил он мрачно, – если бы, провались все в Бездну, знал, что означает хотя бы половина ваших слов.

Шаллан вздрогнула. Честно говоря, она не ожидала ответа.

– Тогда мы с тобой на равных, – произнесла она, – поскольку ты используешь много слов, которых не знаю я. Признаюсь, мне кажется, что большинство из них – ругательства...

Шаллан хотела развеселить Блута, но он только помрачнел еще больше.

– Вы думаете, что я такой же тупой, как эта ветка.

«Прекрати оскорблять мою ветку».

Непрошенные слова явились на ум и почти уже сорвались с губ. Шаллан следовало придерживать язычок, учитывая свое воспитание. Но свобода – без страха, что за каждой закрытой дверью маячит отец, – сильно ослабила ее самообладание.

На сей раз она подавила колкость.

– Глупость – следствие окружения, – сказала девушка.

– Хотите сказать, что я глуп, потому что так воспитан?

– Нет. Я говорю, что каждый человек ведет себя глупо в некоторых ситуациях. Когда мой корабль разбился, я оказалась на берегу, но не смогла разжечь костер, чтобы согреться. Назвал бы ты меня глупой?

Блут бросил на нее взгляд, но промолчал. Возможно, для темноглазого такой вопрос прозвучал как ловушка.

– Ну, я бы назвала, – продолжила Шаллан. – Я глупа во многих областях. Наверное, когда дело доходит до сложных умных слов, ты глуп. Вот почему нам нужны и ученые, и караванщики, охранник Блут. Наши глупости дополняют друг друга.

– Я могу понять, зачем нам нужны ребята, которые умеют разжечь костер, – ответил охранник. – Но не понимаю, зачем нам люди, употребляющие мудреные слова.

– Тс-с-с, – прошипела Шаллан. – Не говори так громко. Если светлоглазые тебя услышат, они могут прекратить тратить время на создание новых слов и начнут вмешиваться в дела честных людей.

Он снова взглянул на нее. В его глазах под густыми бровями не было даже проблеска юмора. Шаллан вздохнула и переключила внимание на растения. Как они выживают в свёрхшторма? Она достанет папку с набросками и...

Нет.

Девушка выкинула из головы все мысли и расслабилась. Через некоторое время Твлакв объявил полуденный привал. Повозка Шаллан замедлила ход, и рядом остановилась еще одна.

Ею управлял Таг. Сзади в клетке сидели двое паршменов и плели шляпы из тростника, который насобирали утром. Паршменам часто приказывали заниматься подобной черной работой, чтобы все их время тратилось на зарабатывание денег для хозяина. Когда они придут на место, Твлакв продаст шляпы за пару обломков.

Паршмены продолжали работать, несмотря на то, что повозка остановилась. Они начинали делать что-то другое только после прямого приказа. Также их было необходимо обучать специально для каждой выполняемой работы. Зато после обучения они работали не жалуясь.

Шаллан никак не могла отделаться от мысли, что их покорность являлась чем-то пагубным. Она потрясла головой и протянула руку Блуту, который помог ей выбраться из повозки без дальнейших понуканий. Встав на землю, Шаллан оперлась рукой о повозку и резко вдохнула воздух сквозь сжатые зубы. Отец

Штормов, что случилось с ее ступнями? Рядом с ней из стенки повозки показались спрены боли – маленькие оранжевые кусочки сухожилий, похожие на кисти, с которых удалили плоть.

– Ваша светлость? – позвал Твлакв, направившись к ней вразвалочку. – Боюсь, мы не в состоянии предложить вам большого разнообразия в еде. Видите ли, мы бедные купцы и не можем позволить себе деликатесы.

– Достаточно того, что у вас есть, – ответила Шаллан, стараясь, чтобы испытываемая боль не отразилась на лице, хотя спрены уже выдали ее с головой. – Пожалуйста, прикажи одному из твоих людей спустить мой сундук.

Твлакв выполнил просьбу без жалоб, хотя и наблюдал жадным взглядом, как Блут спускал сундук на землю. Позволить ему увидеть, что находилось внутри, не казалось Шаллан хорошей идеей. Чем меньше он узнает, тем в большей безопасности она будет.

– Эти клетки, – сказала Шаллан, осматривая заднюю часть повозки. – Судя по замкам наверху, деревянные боковины можно прикрепить поверх решеток.

– Да, ваша светлость, – ответил Твлакв. – Видите ли, это на случай сверхштормов.

– Твои рабы влезут в одну из трех повозок, – продолжила Шаллан. – Паршмены поедут во второй. Останется еще одна свободная, и из нее выйдет отличная дорожная повозка для меня. Прикрепи боковины.

– Ваша светлость! – удивился он. – Вы хотите сидеть в клетке?

– Почему бы и нет? – спросила Шаллан, встретившись с ним взглядом. – Несомненно, я буду в безопасности, находясь под твоей охраной, торговец Твлакв.

– Э-э... да...

– Ты и твои люди наверняка хорошо знакомы с тяготами путешествия, – спокойно продолжила Шаллан, – но я – нет. Меня не устраивает сидеть на твердой скамейке под солнцем изо дня в день. Однако подходящий экипаж стал бы желанным улучшением в поездке по этой глуши.

– Экипаж? – переспросил Твлакв. – Да это же повозка для рабов!

– Как скажешь, торговец Твлакв, – ответила Шаллан. – С твоего позволения?

Он вздохнул, но отдал приказ. Его люди вытащили боковины из-под повозки и закрепили их снаружи. Они, тем не менее, не тронули заднюю стенку, в которой находилась дверь в клетку. Результат их трудов не выглядел слишком комфортабельным, но обеспечил некоторую уединенность. К разочарованию Твлакв, Шаллан попросила Блута затащить сундук внутрь. Потом она забралась в клетку, прикрыла дверь и протянула руку сквозь решетку по направлению к Твлакву.

– Ваша светлость?

– Ключ.

– О.

Торговец вытащил из кармана ключ и перед тем, как вручить, рассматривал его одно долгое мгновение.

– Спасибо, – ответила Шаллан. – Когда еда будет готова, пришлешь ее с Блутом, но ведро чистой воды мне нужно немедленно. Ты очень любезен. Я не забуду твоих услуг.

– Э-э... спасибо.

Его слова прозвучало практически как вопрос. Уходя, торговец казался смущенным. Хорошо.

Шаллан подождала, пока Блут принесет воду, а затем прокралась на цыпочках через закрытую со всех сторон клетку. Воняло грязью и потом, и Шаллан затошнило при мысли о содержавшихся здесь раньше рабах. Позже она скажет Блуту, чтобы тот приказал паршменам почистить клетку.

Девушка остановилась перед сундуком Джасны, опустилась на колени и осторожно подняла крышку. Свет от заряженных сфер вырвался наружу и залил все вокруг. Узор тоже был здесь, его форма рельефно выделялась на обложке книги. Шаллан наказала ему не попадаться никому на глаза.

По крайней мере, она выжила. Очевидно, до безопасности далеко, но ей хотя бы не грозило немедленно замерзнуть или умереть от голода. Это означало, что Шаллан наконец придется столкнуться с более серьезными вопросами и проблемами. Девушка положила руку на книги, не обращая внимания на пульсирующие ступни.

– Они должны добраться до Разрушенных равнин.

Узор завибрировал в замешательстве – вопросительным тоном, в котором слышалось любопытство.

– Кто-то должен продолжить работу Джасны, – сказала Шаллан. – Необходимо найти Уритиру и убедить алети, что возвращение Несущих Пустоту неизбежно.

Она поежилась, подумав о паршменах с мраморной кожей, работающих прямо в соседней повозке.

– Ты... м-м-м... продолжишь? – спросил Узор.

– Да.

Она приняла решение в тот момент, когда настояла на том, чтобы Твлакв отправился к Разрушенным равнинам.

– Той ночью перед крушением, когда я увидела Джасну без ее обычной защитной маски... Я знаю, что должна сделать.

Узор зажужжал, снова в замешательстве.

– Трудно объяснить, – пояснила Шаллан. – Это относится к человеческой природе.

– Замечательно, – энергично произнес Узор.

Она посмотрела на него и приподняла бровь. Насколько же быстро он продвинулся в развитии с того времени, как часами кружился в центре комнаты или карабкался вверх-вниз по стенам.

Шаллан достала еще несколько сфер для лучшего освещения и развернула одну из тряпок, в которые Джасна заворачивала книги. Лоскут оказался безукоризненно чистым. Шаллан окунула его в ведро с водой и начала обмывать ступни.

– До того, как я увидела выражение лица Джасны в ту ночь, – начала объяснять она, – до того, как поговорила с ней, такой усталой, и поняла, насколько она была встревожена, я попала в ловушку. Ловушку ученого. Несмотря на первоначальный страх насчет рассказанного Джасной о паршменах, вся эта ситуация стала казаться мне какой-то интеллектуальной загадкой. Джасна внешне оставалась такой бесстрастной, что, полагаю, с ней случилось то же самое.

Шаллан вздрогнула, вытащив кусочек камешка из пореза на ступне. Еще больше спренов боли высунулись из пола повозки. В ближайшее время она не сможет много ходить, но хотя бы пока что не видно ни одного спрена гниения. Ей бы не помешало найти какой-нибудь антисептик.

– Опасность не только теоретическая, Узор. Она реальна и ужасна.

– Да, – горестно ответил он.

Шаллан подняла взгляд от ступней. Узор переместился на внутреннюю часть крышки сундука, освещенную разноцветными сферами.

– Ты знаешь что-нибудь про опасность? Про паршменов, Несущих Пустоту?

Возможно, она придавала слишком много значения тону его голоса. Он не был человеком и часто говорил со странными интонациями.

– Мое возвращение... – сказал Узор. – Из-за них.

– Что? Почему же ты ничего не сказал!

– Сказал... говорить... думать... Все тяжело. Становится лучше.
– Ты нашел меня из-за Несущих Пустоту, – проговорила Шаллан, придвигаясь поближе к сундуку. Забытый окровавленный лоскут свисал из ее руки.

– Да. Узоры... нас... мы... беспокоимся. Послали одного. Меня.

– Но почему именно ко мне?

– Из-за лжи.

Она потрясла головой.

– Я не понимаю.

Он недовольно загудел.

– Ты. Твоя семья.

– Ты следил за мной и моей семьей? Так давно?

– Шаллан. Вспомни...

Опять те воспоминания. В этот раз не скамейка в саду, а стерильно белая комната. Колыбельная, которую пел отец. Кровь на полу.

Нет.

Шаллан отвернулась и снова занялась ступнями.

– Я мало... знаю о людях, – сказал Узор. – Они ломаются. Их разум ломается. Ты не сломалась. Только трещина.

Она продолжила обмывать ступни.

– Тебя спасла ложь, – произнес Узор. – Ложь, привлекая меня.

Шаллан окунула лоскут в воду.

– У тебя есть имя? Я назвала тебя Узор, но оно больше похоже на описание.

– Имя – это цифры, – ответил спрен. – Много цифр. Трудно выговорить. Узор... Узор подходит.

– До тех пор, пока ты не станешь в ответ звать меня Чудачкой, – пошутила Шаллан.

– М-м-м-м...

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, – проговорил Узор. – Обдумываю ложь.

– Шутку?

– Да.

– Только не думай слишком много, – произнесла Шаллан. – Шутка не слишком удачная. Если ты хочешь поразмыслить над шуткой получше, подумай о том, что из всех людей, возможно, именно от меня будет зависеть, остановим ли мы возвращение Несущих Пустоту.

– М-м-м-м-м...

Она закончила промывать ступни, сделав все возможное, и обернула их несколькими лоскутами из сундука. У Шаллан не имелось ни тапочек, ни туфель. Может быть, ей удастся купить запасную пару обуви у одного из работорговцев? Эта мысль заставила желудок скрутиться, но выбора не было.

Затем она просмотрела содержимое сундука. Остался только один из сундуков Джасны, но Шаллан узнала в нем тот самый, что принцесса держала в своей каюте. Как раз тот, который забрали убийцы. В нем хранились заметки Джасны – множество заполненных ими книг. В сундуке было мало первичных источников, но это не имело значения, так как Джасна тщательно выписала все важные отрывки.

Отложив в сторону последнюю книгу, Шаллан заметила что-то на дне сундука. Отдельный листок бумаги? Она с любопытством подняла его и почти выронила от удивления.

Портрет Джасны, нарисованный самой Шаллан, подаренный наставнице после того, как девушка была принята в ученицы. Шаллан полагала, что Джасна

его выбросила – принцесса мало увлекалась изобразительным искусством, считая его легкомысленным.

Однако она сохранила рисунок и держала его вместе с самыми ценными вещами. Нет. Шаллан не хотела об этом думать, не хотела сталкиваться с подобными мыслями.

– М-м-м... – прогудел Узор. – Ты не можешь поддерживать ложь все время. Только в самом важном.

Шаллан коснулась лица и поняла, что на глазах выступили слезы. Из-за Джасны. Она избегала скорби, поместив ее в коробочку и спрятав подальше.

Как только девушка почувствовала, что больше не может не горевать по Джасне, сверху навалилась еще одна скорбь. Она казалась незначительной по сравнению со смертью принцессы, но угрожала расстроить Шаллан не меньше, а даже больше.

– Мои наброски... – прошептала она. – Все пропало.

– Да, – печально согласился Узор.

– Все рисунки, которые я хранила. Мои братья, отец, мама...

Все кануло в морские глубины, включая наброски животных и ее размышления об их связях, биологии и повадках. Пропало. Все до последнего листа.

Мир не перестал существовать без глупых рисунков небоугрей. Но Шаллан чувствовала, что все равно ничего хуже случиться не могло.

– Ты нарисуешь еще, – прошептал Узор.

– Я не хочу.

Шаллан сморгнула слезы.

– Я не перестану вибрировать. Ветер не перестанет дуть. Ты не перестанешь рисовать.

Шаллан провела пальцами по портрету Джасны. Глаза женщины светились, казались почти живыми – первый рисунок Шаллан, на котором она изобразила Джасну в день их встречи.

– Сломанный преобразователь лежал в моих вещах. Теперь он затерялся на дне океана. Я не смогу починить его и отправить братьям.

Узор загудел, как ей показалось, сердито.

– Кто они? – спросила Шаллан. – Те, что совершили такое, убили ее и лишили меня моего искусства. Почему они совершают такие ужасные вещи?

– Я не знаю.

– Но ты уверен, что Джасна права? – проговорила Шаллан. – Несущие Пустоту вернутся?

– Да. Спрены... его спрены. Они идут.

– Те люди убили Джасну, – проговорила Шаллан. – Они, возможно, принадлежали к той же группе, что и Кабзал и... и мой отец. Зачем им лишать жизни человека, ближе всех подошедшего к пониманию того, как и зачем вернутся Несущие Пустоту?

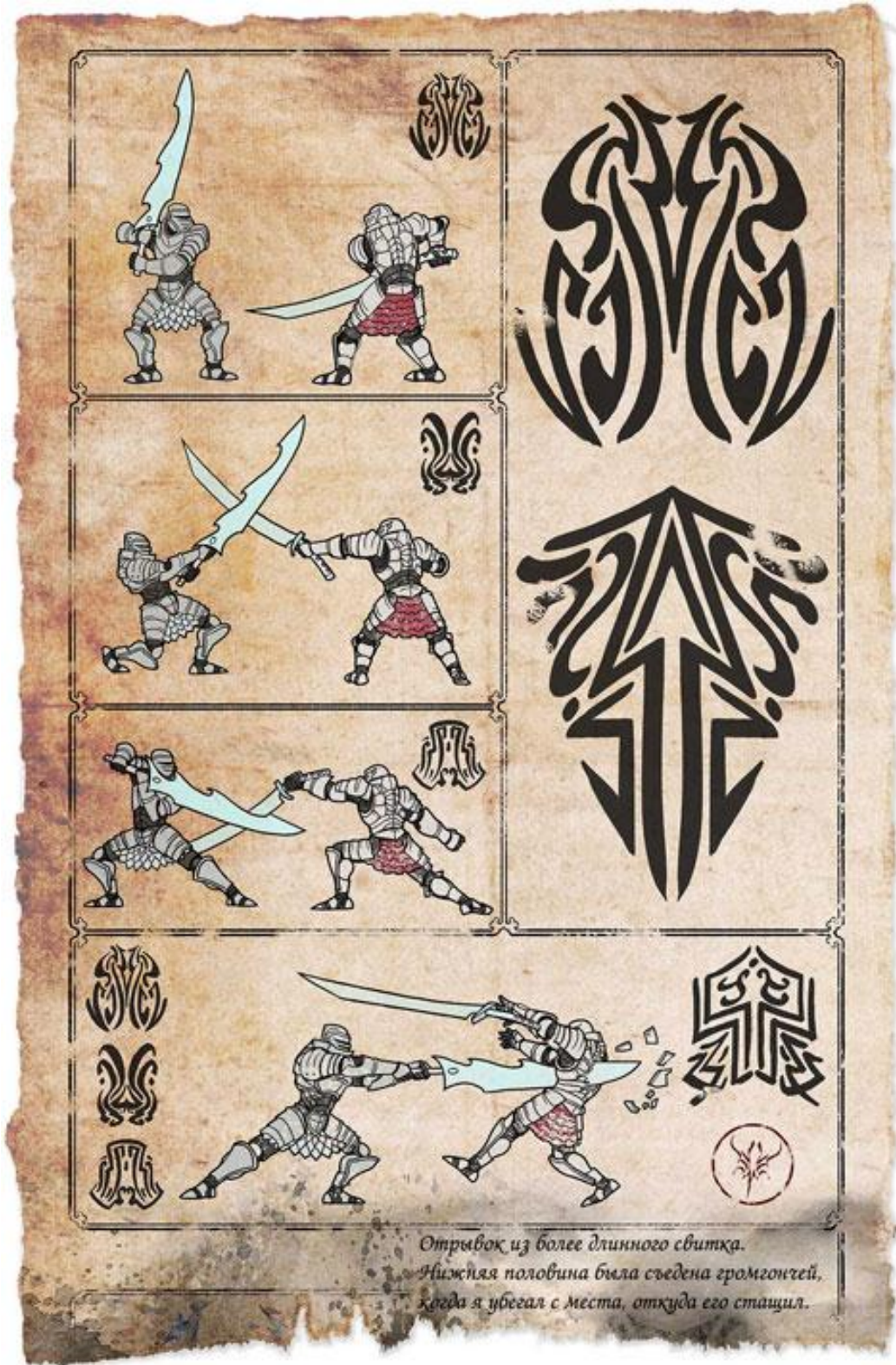
– Я...

Он запнулся.

– Мне не следовало спрашивать, – сказала Шаллан. – Я уже знаю ответ, и он очень человеческий. Те люди пытаются держать знание под контролем, чтобы извлечь из него прибыль. Прибыль из самого апокалипсиса. Мы позаботимся, чтобы этого не произошло.

Она опустила портрет Джасны и поместила его между страниц книги, чтобы тот не помялся.

Свиток с фехтовальными стойками



Отрывок из более длинного свитка.

Нижняя половина была сведена громгонтей,
когда я убежал с места, откуда его стащил.

СТОЙКА ЖЕЛЕЗА



*Партнерская форма – роль для любви,
Утехи полна, жизнь возвестит.
Ступивший на путь, заботой живи.
Сочувствием можно ее обрести.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 5

– Сколько времени прошло... – произнес Адолин, сидя на коленях и держа перед собой свой Клинок, кончик которого на несколько дюймов вошел в каменный пол.

Принц был один. Только он и его меч, в одной из этих новых подготовительных комнат, построенных вокруг дуэльной арены.

– Я помню, как выиграл тебя, – прошептал Адолин, глядя на свое отражение в лезвии. – Никто не воспринимал меня всерьез. Щеголь в роскошных тряпках. Тиналар хотел меня победить, чтобы позлить отца, но лишился своего Клинка.

Если бы Адолин проиграл, ему пришлось бы отдать Тиналару свои Доспехи, перешедшие к нему от семьи матери.

Адолин никогда не давал своему Клинку имя. Кто-то это делал, кто-то – нет. Принц никогда не считал подобное уместным. Нет, он не думал, что Клинок не заслуживает имени. Просто не знал, какое имя будет подходящим. Давным-давно оружие принадлежало одному из Сияющих рыцарей. Тот человек, несомненно, как-то его назвал. Давать оружию другое имя казалось слишком самонадеянным. Адолин думал точно так же еще до того, как решил благожелательно относиться к Сияющим, как и отец.

Клинок никуда не денется после смерти Адолина. Он им не владел. Лишь одолжил на время.

Меч с аскетично гладкой поверхностью был длинным и извилистым, как угорь, с выступами у рукояти, похожими на растущие кристаллы. По форме подобный стандартному полуторнику, Клинок немного походил на огромные двуручники, которые Адолин видел у рогоедов.

– Настоящая дуэль, – прошептал Адолин Клинку. – С настоящими ставками. Наконец-то. Больше не нужно ходить вокруг да около, больше не нужно себя ограничивать.

Клинок Осколков не ответил, однако Адолин представил, что тот его слушал. Нельзя использовать оружие, подобное этому, оружие, которое, казалось

бы, является продолжением самой души, и не чувствовать время от времени, что оно живое.

– Я со всеми разговариваю так уверенно, – сказал Адолин, – потому что они на меня полагаются. Но если сегодня я проиграю, это будет конец. Больше никаких дуэлей, а следовательно, серьезное затруднение в грандиозном плане отца.

Снаружи доносились голоса людей. Топот ног, шум болтовни. Скрежет по камню. Они пришли. Пришли посмотреть на его победу или унижение.

– Может быть, это наш последний поединок вместе, – тихо произнес Адолин. – Я ценю то, что ты для меня сделал. Знаю, что ты сделал бы то же самое для любого, кто обладал тобой, но все равно ценю. Я... я хочу, чтобы ты знал – я верю в отца. Верю в то, что он прав, что вещи, которые он видит, реальны. Мир нуждается в объединенном Алеткаре. Поединки, подобные сегодняшнему, – мой способ достижения цели.

Адолин и его отец не были политиками. Они солдаты. Далинар – по своему выбору, Адолин – больше в силу обстоятельств. У них бы не получилось проложить путь к объединению королевства только словами. За него требовалось бороться.

Адолин встал, похлопал себя по карману, а затем, отпустив растаявший в тумане Клинок, пересек маленькое помещение. На каменных стенах узкого коридора, в который он вошел, были выгравированы рельефные изображения десяти основных стоек фехтования. Их высекли в другом месте и, когда эту комнату достроили, перенесли сюда. Комната была недавним дополнением, заменяющим палатки, в которых когда-то проводилась подготовка к дуэлям.

Стойка ветра, стойка камня, стойка пламени... Барельефы изображали стойки для каждой из десяти сущностей. Адолин шел и считал их про себя. Маленький туннель был высечен в камне самой арены и оканчивался небольшой комнатой, вырубленной в скале. Яркий солнечный свет дуэльной арены сочился из-под последних дверей, разделяющих Адолина и его противника.

Теперь, когда появились подходящая подготовительная комната для медитации и комната для ожидания, в которой надевалась броня и где можно было отдохнуть между поединками, дуэльная арена военных лагерей превратилась в одну из тех, что остались в Алеткаре. Приятное дополнение.

Адолин шагнул в комнату, где его ждали брат и тетя. Отец Штормов, его руки вспотели. Он так не нервничал, даже когда собирался на битву, в которой его жизни угрожала реальная опасность.

Тетя Навани только что закончила рисовать глифпару. Отложив кисть в сторону, она отошла от возвышения и подняла рисунок, чтобы Адолин мог его разглядеть. Ярко-красная глифпара на белом лоскуте.

– Победа? – предположил Адолин.

Навани опустила рисунок и осуждающе посмотрела на племянника.

– Что? – спросил принц, в то время как его оружейники вошли внутрь и внесли части Доспехов Осколков.

– Здесь говорится «безопасность и слава», – ответила Навани. – Тебе бы не помешало выучить пару глифов, Адолин.

Он пожал плечами.

– Никогда не считал это важным.

– Ну, хорошо, – проговорила Навани, уважительно складывая молитву и поджигая ее в жаровне. – Будем надеяться, в конце концов ты обзаведешься женой, которая сможет делать это за тебя. И читать глифы, и рисовать их.

Адолин склонил голову, как полагалось делать во время сожжения молитвы. Паилиа⁴ свидетельница, сейчас не время оскорблять Всемогущего. Тем не менее, когда лоскут догорел, он взглянул на Навани.

– Какие новости о корабле?

Они ожидали весточки от Джасны, как только она доберется до Прибрежных Крипт, но известий не было. Навани связывалась с управлением начальника гавани в этом далеком городе. Они сказали, что «Удовольствие ветра» еще не прибыло. Джасна задерживалась уже на неделю.

Навани неопределенно взмахнула рукой.

– Джасна на том корабле.

– Я знаю, тетя, – ответил Адолин, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Что произошло? Неужели корабль попал в сверхшторм? Что с той девушкой, на которой он, возможно, женится, если все выйдет, как задумала Джасна?

– Если корабль задерживается, значит, у Джасны что-то на уме, – сказала Навани. – Вот увидишь. В ближайшие пару недель мы получим сообщение, в котором она потребует от нас что-то сделать, или ей понадобится какая-то информация. Нужно будет выведать, почему она исчезла. Да пошлет Батта⁵ этой девочке немного здравого смысла, соответствующего ее уму.

Адолин не стал заострять внимание на проблеме. Навани знала Джасну лучше, чем кто бы то ни было. Но... он определенно беспокоился за принцессу и ощутил внезапный укол тревоги, испугавшись, что ожидаемая встреча с той девушкой, Шаллан, не состоится. Конечно, из условной помолвки редко что-то получалось, но отчасти ему хотелось, чтобы все сложилось. Странная привлекательность заключалась в том, чтобы позволить кому-то другому сделать за него выбор, особенно если вспомнить, как громко кричала Данлан, когда он разорвал с ней отношения.

Данлан все еще служила одним из писцов его отца, поэтому время от времени они попадались друг другу на глаза. Он по-прежнему ловил сердитые взгляды. Но, шторм побори, в тот раз он был не виноват. То, что она сказала своим друзьям...

Оружейник установил ботинки, и Адолин шагнул вперед, чувствуя, как они защелкиваются в нужных местах. Оружейники быстро закрепили ножные латы и передвинулись выше, облачая его в более легкий, чем казалось со стороны, металл. Вскоре остались только латные перчатки и шлем. Принц опустил на колени, укладывая руки в перчатки со своей стороны и вставляя пальцы, куда следовало. Станным образом все Доспехи Осколков сжимались сами собой, как небоугорь, обвившийся вокруг крысы, стягивались до удобной степени плотности вокруг запястий.

Адолин повернулся и протянул руку за шлемом, который держал последний оружейник. Это был Ренарин.

– Ты поел курицу? – спросил младший брат, когда Адолин взял шлем.

– На завтрак.

– И поговорил с мечом?

– У нас состоялась целая беседа.

– Мамина цепочка у тебя в кармане?

⁴ Ник Герольда должен быть симметричным согласно принципам воринизма. Соблюдается в оригинале (Pailiah, «h» заменяет любую букву), но «h» не произносится и обычно не переводится.

⁵ Ник Герольда должен быть симметричным согласно принципам воринизма. Соблюдается в оригинале (Battah, «h» заменяет любую букву), но «h» не произносится и обычно не переводится.

– Проверил три раза.

Навани сложила руки на груди.

– Вы все еще цепляетесь за эти глупые суеверия?

Оба брата резко взглянули на нее.

– Это не суеверия, – сказал Адолин в тот же момент, когда Ренарин произнес:

– Это просто на удачу, тетя.

Она закатила глаза.

– Я давно не сражался на официальных дуэлях, – пояснил Адолин, надевая шлем с открытым забралом. – Не хочу, чтобы хоть что-то пошло не так.

– Глупости, – повторила Навани. – Веруй во Всемогущего и Герольдов, а не в то, съел ли ты нужную пищу перед дуэлью. Штурма! В следующий раз окажется, что ты веришь в Страсти.

Адолин переглянулся с Ренарином. Его маленькие традиции, возможно, не помогали побеждать, но зачем рисковать? У каждого дуэлянта были свои пунктики. Его собственные еще ни разу не подвели.

– Наши охранники не особенно рады, – тихо проговорил Ренарин. – Они болтают о том, как трудно защитить принца, когда кто-то машет перед его носом Клинком Осколков.

Адолин опустил забрало. Оно затуманилось по краям, вставая на место, и стало прозрачным, дав ему полный обзор комнаты. Адолин ухмыльнулся, точно зная, что Ренарин не сможет увидеть выражение его лица.

– Я так огорчен, что лишу их шанса побыть моими няньками.

– Почему тебе нравится над ними издеваться?

– Я не люблю телохранителей.

– Тебя охраняли и раньше.

– На поле битвы, – уточнил Адолин.

Когда за ним везде ходили следом, ситуация воспринималась иначе.

– Дело не только в этом. Не ври мне, брат. Я знаю тебя слишком хорошо.

Адолин изучил лицо брата, чьи глаза за стеклами очков были такими искренними. Мальчик все время оставался слишком серьезным.

– Мне не нравится их капитан, – признал Адолин.

– Почему? Он спас жизнь отцу.

– Просто он не дает мне покоя, – пожал плечами Адолин. – Что-то с ним не так, Ренарин. Он внушает мне подозрения.

– Думаю, ты испытываешь к нему неприязнь, потому что он отдавал тебе приказы на поле боя.

– Я едва это помню, – пренебрежительно ответил Адолин, делая шаг к двери наружу.

– Ну тогда ладно. И, брат?

– Да?

– Постарайся не проиграть.

Адолин распахнул двери и вышел на песок. Он уже бывал на этой арене раньше, пользуясь тем предлогом, что, хотя военный Кодекс аети запрещал дуэли между офицерами, ему все же требовалось поддерживать себя в форме.

Чтобы успокоить отца, Адолин не участвовал в важных поединках – схватках за чемпионство или за Осколки. Он не смел рисковать своими Доспехами и Клинком. Теперь все изменилось.

Воздух был все еще морозным, но солнце над головой светило ярко. Его дыхание отдавалось внутри шлема, под ногами скрипел песок. Адолин проверил, смотрит ли отец. Тот смотрел. Как и король.

Садеас не явился. Впрочем, как и всегда. Возможно, по этой причине Адолину вспомнилось, что Садеас и Далинар когда-то были друзьями, вместе

сидели на трибунах и смотрели, как он сражается на дуэли. Планировал ли Садеас измену уже тогда, смеясь и перешучиваясь с отцом, как старый друг?

«Сконцентрируйся».

Его сегодняшний противник не был Садеасом, но однажды... Однажды он встретится с ним на арене. Именно в этом заключалась цель всего того, чем он занимался.

На данный момент Адолин должен справиться с Салинором, одним из Носителей Осколков Танадала. У Салинора имелся только Клинок, хотя он и мог одолжить Доспехи короля, чтобы сразиться в поединке с полным Носителем.

Салинор стоял на другом конце арены, облаченный в неукрашенные синевато-серые Доспехи, и ждал, пока верховный судья – светледи Истоу – даст сигнал к началу поединка. Это сражение стало своего рода оскорблением для Адолина. Чтобы заставить Салинора согласиться на дуэль, Адолин был вынужден поставить на кон и свои Доспехи, и Клинок против одного Клинка Салинора. Как будто принц считался недостойным и должен был предложить больше потенциальных наград, чтобы что-то доказать сомневающемуся Салинору.

Как и ожидалось, арена оказалась переполнена светлоглазыми. Даже если и ходили слухи, что Адолин потерял свою былую форму, поединки за Осколки случались исключительно редко. С последней подобной дуэли прошло больше года.

– Призовите Клинки! – скомандовала Истоу.

Адолин вытянул руку в сторону. Меч появился в его ждущей ладони спустя десять ударов сердца – на секунду раньше, чем у противника. Сердце Адолина билось быстрее, чем у Салинора. Возможно, это означало, что его противник не был напуган и недооценивал его.

Адолин встал в стойку ветра, согнув локти, развернувшись боком и направив острие меча вверх и назад. Его противник принял стойку пламени, взяв меч в одну руку и касаясь лезвия другой, поставил стопы параллельно, примерно на расстоянии фута. Стойки были скорее философией, чем предопределенным набором движений. Стойка ветра предполагала текучесть, стремительность, величественность. Стойка пламени – быстрая и гибкая, больше подходила для более короткого Клинка Осколков.

Стойка ветра была хорошо знакома Адолину. Она отлично служила ему на протяжении всей его карьеры.

Но сегодня казалась неуместной.

«Мы на войне, – подумал Адолин. Салинор скользнул вперед, проверяя его защиту. – И каждый светлоглазый в этой армии – неопытный новичок».

Не время для зрелищ.

Время для избиения.

Как только Салинор приблизился и нанес удар, чтобы прощупать соперника, Адолин крутанулся и принял стойку железа, занеся меч двумя руками над головой. Он уклонился, отбил первый удар, шагнул вперед и с размаху опустил Клинок на шлем Салинора. Раз, другой, третий. Салинор пытался обороняться, но был явно удивлен атакой Адолина, и два удара принца достигли цели.

По шлему Салинора поползли трещины. Адолин услышал стоны, сопровождаемые ругательствами, пока Салинор пытался снова поднять оружие для удара. Никто не думал, что дело обернется подобным образом. Куда подевались пробные удары, искусство боя, танец?

Адолин зарычал, почувствовав старую дрожь битвы. Он отбил атаку Салинора, не сопоставимую по ущербу с нанесенными им самим повреждениями, поднял меч двумя руками и сокрушительным ударом опустил его на нагрудник

соперника, будто раскалывая дрова. Салинор снова застонал, а Адолин поднял ногу и пнул его, повалив на землю.

Салинор выронил Клинок – сказалась уязвимость стойки пламени, в которой меч держали одной рукой, – и тот растворился в тумане. Адолин подошел к поверженному сопернику, отпустил свой Клинок и стукнул ботинком по шлему Салинора. Часть шлема рассыпалась расплавленными обломками, открыв потрясенное, искаженное паникой лицо.

Адолин ударил ботинком по нагруднику. Несмотря на то, что Салинор пытался поймать его ногу, Адолин беспрестанно бил в нагрудник до тех пор, пока тот тоже не развалился.

– Прекратить! Прекратить!

Адолин остановился, опустив ногу рядом с головой Салинора, и посмотрел на верховного судью. Раскрасневшаяся, взбешенная женщина вскочила со своего места.

– Адолин Холин! – выкрикнула она. – Это дуэль, а не соревнование по борьбе!

– Разве я нарушил какие-то правила? – прокричал он в ответ.

Наступила тишина. Несмотря на шум в ушах, Адолин внезапно осознал, что вся толпа замолкла. Он слышал их дыхание.

– Разве я нарушил какие-то правила? – требовательно спросил он снова.

– Подобное поведение во время дуэли...

– Значит, я выиграл, – сказал Адолин.

Женщина сплюнула.

– Дуэль должна продолжаться до трех сломанных частей Доспехов. Вы сломали только две.

Адолин посмотрел вниз на потрясенного Салинора. Затем наклонился, сорвал наплечник противника и раздавил его между кулаками.

– Есть.

Ошеломленная толпа не дышала.

Адолин опустился на колени рядом с Салинором.

– Твой Клинок.

Салинор попытался встать, но без нагрудника сделать это оказалось очень тяжело. Броня была повреждена, и ему пришлось перекатиться на бок, чтобы подняться на ноги. Выполнимо, но для осуществления подобного маневра Салинору явно не хватало опыта в ношении Доспехов. Ударом в плечо Адолин снова отправил его на землю.

– Ты проиграл, – прорычал Адолин.

– Ты жульничал! – огрызнулся Салинор.

– Каким образом?

– Не знаю каким! Просто... просто так не полагается...

Он осекся, когда Адолин аккуратно поместил свою облаченную в перчатку руку на его шею. Глаза Салинора расширились.

– Ты не посмеешь.

Вокруг него из песка показались спрены страха.

– Моя награда, – проговорил Адолин, внезапно почувствовав себя опустошенным.

Дрожь его оставила. Шторма, он никогда не чувствовал себя во время дуэли так, как сейчас.

В руке Салинора появился меч.

– Победа, – нерешительно произнесла судья, – присуждается Адолину Холину. Салинор Эвед лишается своего Осколка.

Салинор позволил Клинку выскользнуть из пальцев. Адолин взял его и опустился на колени рядом с противником, удерживая оружие рукоятью к нему.

– Разрушь связь.

Салинор помедлил, но в конце концов дотронулся до рубина на рукояти меча. Драгоценный камень вспыхнул. Связь разорвалась.

Адолин встал, вытащил рубин и раздавил его рукой в бронированной перчатке. Необязательный поступок, но он послужит хорошим символом. Толпа наконец ожила, слышались яростные голоса. Люди пришли поглазеть на представление, а взамен получили безжалостное избиение. Что ж, на войне такое случалось часто. По мнению Адолина, для них будет полезным увидеть подобное зрелище. Однако, возвращаясь в комнату для ожидания, он был не так уж в себе уверен. Он поступил опрометчиво. Отпустить Клинок? Загнать себя в ситуацию, когда враг мог подняться на ноги?

Адолин вошел в комнату перед выходом на арену, где его ждал Ренарин с широко раскрытыми от изумления глазами.

– Это невероятно, – проговорил младший брат. – Самый короткий поединок за Осколки в истории! Поразительно, Адолин!

– Я... Спасибо. – Он протянул Клинок Осколков Салинора Ренарину. – Подарок.

– Адолин, ты уверен? Я имею в виду, что даже со своими Доспехами управляюсь не лучшим образом.

– Полный набор не помешает, – ответил Адолин. – Бери.

Ренарин, похоже, сомневался.

– Бери, – повторил Адолин.

Скорчив гримасу, Ренарин нерешительно взял меч. Адолин покачал головой, присев на одну из укрепленных скамеек, рассчитанных на Носителей Осколков. В комнату вошла спустившаяся с верхних трибун Навани.

– То, что ты сделал, – заметила она, – не сработало бы с более искусным соперником.

– Я знаю, – ответил Адолин.

– Тем не менее твой поступок мудр, – сказала Навани. – Ты скрываешь свое настоящее мастерство. Кто-то может посчитать, что сейчас ты победил обманом, сражаясь недостойно, не как в настоящей дуэли. Возможно, они будут и дальше тебя недооценивать. Я смогу использовать это для организации следующих дуэлей.

Адолин кивнул, притворившись, что именно поэтому повел себя таким образом.



*Рабочая форма – стойкость, тщание.
Слышишь спрена глухие шептания?
Таинства ради ищи эти свойства,
Свободу от страха и беспокойства.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 19

– Торговец Твлакв, – проговорила Шаллан. – Полагаю, на тебе сейчас не та пара обуви, которая была в первый день нашего путешествия.

Твлакв остановился на пути к вечернему костру, но спокойно принял вызов. Он повернулся к девушке с улыбкой, встряхнув головой.

– Боюсь, вы введены в заблуждение, ваша светлость! В самом начале этой поездки я потерял в шторме один из сундуков с одеждой. У меня есть обувь, но только одна пара для меня самого.

Явная ложь. Однако после шести дней совместного путешествия Шаллан обнаружила, что Твлакв не слишком заботится о том, чтобы не быть пойманным на лжи.

Она примостилась на переднем сиденье своей повозки в тусклом свете, с перебинтованными ногами и смотрела вниз на Твлакву. Большую часть дня девушка выдавливала сок из стеблей черного василька, а затем втирала его в ноги, чтобы не допустить спренов гниения. Шаллан была чрезвычайно довольна тем, что заметила эти растения – значит, несмотря на нехватку практики, некоторые ее знания могут пригодиться в дикой природе.

Уличить его во лжи? Чего она этим добьется? Судя по всему, Твлакву не смущают такие вещи. В темноте он смотрел на нее глазами, похожими на спрятавшиеся в тених бусины.

– Ладно, – сказала ему Шаллан, – не повезло. Возможно, на нашем пути мы встретим другую группу купцов, у которых я смогу выторговать подходящую обувь.

– Непременно поищу такую возможность, ваша светлость.

Отвесив ей поклон и одарив фальшивой улыбкой, Твлакв продолжил свой путь к неровно горевшим вечерним кострам. Дрова заканчивались, и паршмены отправились в вечернюю темноту поискать еще топлива.

– Ложь, – тихо произнес Узор. Его очертания были почти невидимы на сиденье рядом.

– Он знает, что если я не смогу ходить, то буду больше от него зависеть.

Твлакв сел рядом с затухающим костром. Поблизости топтались выпряженные из повозок чуллы, хрустя крошечными камнепочками под исполинскими конечностями. Животные никогда не отходили далеко.

Твлакв начал тихо шептаться с Тагом, наемником. На лице торговца держалась улыбка, но Шаллан не доверяла его темным глазам, сверкающим в свете огня.

– Иди посмотри, о чем они говорят, – сказала Шаллан Узору.

– Посмотри?..

– Послушай его слова, вернись и повтори их мне. Не подходи слишком близко к свету.

Узор скользнул вниз по боковой стороне повозки. Шаллан откинулась назад на жестком сиденье и достала из потайного кармана маленькое зеркало, найденное в сундуке Джасны, и одну сапфировую сферу для света. Всего лишь марка, не слишком яркая, светящаяся еле-еле. Когда следующий свержшторм? Завтра?

Приближалось начало нового года – надвигалось время Плача, хотя до него оставалось еще несколько недель. Был ли это Светлый год? Ладно, она сможет переждать свержшторм здесь. Ей уже пришлось один раз пережить подобное испытание, просидев запертой в повозке.

Посмотрев в зеркало, Шаллан заметила, что выглядит ужасно. Покрасневшие глаза, под ними мешки, волосы в беспорядке, изношенное и грязное платье. Девушка выглядела как нищенка, которая нашла в мусорной куче бывшую когда-то красивой одежду.

Это не слишком ее беспокоило. Какая разница, насколько хорошо она выглядит перед работоторговцами? Никакой. Джасне было безразлично, что думают о ней люди, однако она всегда поддерживала безупречный внешний вид. Не то чтобы принцесса держалась соблазнительно – ни в коем случае. На самом деле она бы отозвалась о подобном поведении в недвусмысленных выражениях. Использовать привлекательное личико, чтобы заставить мужчин делать то, что тебе хочется, равносильно тому, как мужчина использует мускулы, чтобы подчинить женщину своей воле, сказала бы Джасна. И то, и другое низко, а с возрастом перестанет удаваться.

Нет, Джасна не одобряла обольщение как оружие. Однако на тех, кто следил за своим внешним видом, реагировали иначе.

«Но что я могу сделать? – задумалась Шаллан. – У меня нет ни косметики, ни даже обуви».

– ...она может оказаться кем-то важным, – внезапно произнес голос Твлаквы поблизости.

Шаллан подскочила и посмотрела вниз. Узор расположился на сиденье рядом. Голос доносился от него.

– Она создает проблемы, – сказал голос Тага. Вибрации Узора создавали превосходную имитацию. – Я все еще думаю, что мы должны оставить ее и уехать.

– Как хорошо для нас, – ответил голос Твлаквы, – что решение принимать не тебе. Позаботься об ужине. А я позабочусь о нашей маленькой светлоглазой попутнице. Кто-то скучает по ней, кто-то богатый. Если у нас получится продать ее им обратно, Таг, то мы сможем наконец покончить с проблемами.

Узор сымитировал недолгое потрескивание костра и замолчал.

Точность воспроизведения разговора была изумительной.

«Это может оказаться очень полезным», – подумала Шаллан.

К сожалению, необходимо что-то предпринять относительно Твлаквы. Она не могла позволить ему считать ее девушкой, которую можно продать обратно тем, кто по ней скучает. Эта идея неприятно близка к тому, чтобы рассматривать

Шаллан как рабыню. Если она не помешает торговцу продолжать мыслить подобным образом, то проведет всю поездку, беспокоясь о нем и его головорезах.

Итак, что бы сделала Джасна в такой ситуации?

Стиснув зубы, Шаллан скользнула с повозки на землю, осторожно ступая ранеными ногами. Она могла ходить, но с трудом. Подождав, пока отступят спрены боли, скрывая свои муки, девушка приблизилась к слабому огню и села.

– Таг, ты свободен.

Охранник посмотрел на Твлакву, тот кивнул. Таг отошел проверить паршменов. Блут ушел разведать территорию, как он часто делал по вечерам, выискивая признаки других проезжающих по дороге.

– Пора обсудить твою плату, – сказала Шаллан.

– Несомненно, служение столь знатной леди само по себе вознаграждение.

– Несомненно, – ответила она, встретившись с ним глазами. Не отступать. Это нужно сделать. – Но торговец должен зарабатывать на жизнь. Я не слепая, Твлакв. Твои люди не согласны с решением помочь мне. Они считают его напрасной тратой времени.

Твлакв неуверенно посмотрел на Тага. Оставалось надеяться, что торговец задался вопросом, до чего еще она догадалась.

– По прибытии на Разрушенные равнины, – сказала Шаллан, – я получу огромное состояние. Пока что у меня его нет.

– Как... неудачно.

– Ни в коей мере. Это возможность, торговец Твлакв. Мое будущее состояние я получу в результате помолвки. Если прибуду благополучно, те, кто меня спас – избавил от пиратов, пожертвовав многим, чтобы доставить меня к новой семье, – несомненно, будут вознаграждены.

– Я всего лишь смиренный слуга, – проговорил Твлакв с широкой фальшивой улыбкой. – Награды – последнее, о чем я думаю.

«Он считает, я лгу о состоянии».

Шаллан стиснула зубы в разочаровании, внутри нее начал разгораться гнев. Именно так поступал Кабзал! Обращался с ней как с игрушкой, средством для достижения цели, а не реальным человеком.

В свете костра она наклонилась ближе к Твлакву.

– Не играй со мной, работородец.

– Я бы не осмелился...

– Ты понятия не имеешь, в каком шторме блуждаешь, – прошипела Шаллан, продолжая смотреть ему в глаза. – Ты не представляешь, какие ставки связаны с моим прибытием. Засунь свои мелкие планы куда подальше. Делай, как говорят, и я прослежу за тем, чтобы твои долги списали. Ты снова станешь свободным человеком.

– Что? Как... как вы...

Шаллан встала, обрывая его. Каким-то образом она чувствовала себя сильнее, чем раньше. Более решительной. Глубоко внутри трепетала неуверенность, но девушка не обращала на нее внимания.

Твлакв не знал, что она робеет. Он не знал, что она выросла в глухой провинции. Для него Шаллан была придворной дамой, искушенной в спорах и привыкшей к тому, что ей повинуются.

Стоя перед ним и словно сияя в отсветах костра, возвышаясь над торговцем и его грязными махинациями, Шаллан поняла. Желанный результат – не просто то, чего от вас ожидают люди.

Это то, что вы сами от себя ожидаете.

Твлакв отстранился от нее, как от полыхнувшего костра. Отпрянув с выпученными глазами, он вскинул руку, и Шаллан поняла, что слегка светится.

На ее платье больше не было прорех и следов грязных пятен, как раньше. Оно казалось великолепным.

Девушка инстинктивно позволила свечению, исходившему от кожи, исчезнуть, понадеявшись, что Твлакв примет его за эффект от огня. Шаллан развернулась, оставив торговца дрожать у костра, и направилась обратно к повозке. Темнота полностью стусилась, первая луна еще не взошла. Пока Шаллан шла, ее ноги болели далеко не так сильно, как прежде. Неужели сок черного василька принес столько пользы?

Шаллан дошла до повозки и начала подниматься на сиденье, но Блут выбрал этот момент, чтобы ворваться в лагерь.

– Гасите костер! – закричал он.

Твлакв ошеломленно посмотрел на него.

Блут рванулся вперед, мимо Шаллан, подбежал к костру и схватил котелок с дымящейся похлебкой. Он перевернул его над костром, зола и пар с шипением брызнули во все стороны, а спрены огня рассеялись и постепенно исчезли.

Твлакв вскочил, глядя на то, как грязная похлебка, слабо освещенная тускнеющими углями, потекла мимо его ног. Стиснув зубы от боли, Шаллан слезла с повозки и подошла к ним. С другой стороны подбежал Таг.

– ...кажется, их несколько десятков, – говорил Блут, понизив голос. – Хорошо вооружены, но у них нет ни лошадей, ни чулл, так что они не богаты.

– Что случилось? – требовательно спросила Шаллан.

– Бандиты, – ответил Блут. – Или наемники. Или назовите их как угодно.

– Никто не патрулирует эту территорию, ваша светлость, – объяснил Твлакв.

Он взглянул на нее и быстро отвел взгляд, все еще дрожа.

– Видите ли, здесь самая настоящая дикая местность. Присутствие аleti на Разрушенных равнинах означает, что многие приходят и уходят. Торговые караваны, как наш, ищущие работу ремесленники, низкородные светлоглазые наемники в поисках работы. Эти два условия – отсутствие законов и множество путешественников – привлекают определенный сорт бандитов.

– Опасный сорт, – согласился Таг. – Такие типы берут, что хотят. Оставляют только трупы.

– Они видели наш костер? – спросил Твлакв, теребя в руках шапку.

– Не знаю, – ответил Блут, оглянувшись через плечо. В темноте Шаллан едва могла разглядеть выражение его лица. – Я не хотел подходить ближе. Подкрался, чтобы пересчитать их, затем быстро побежал обратно.

– Почему ты уверен, что это бандиты? – спросила Шаллан. – Они могут быть всего лишь солдатами на пути к Разрушенным равнинам, как сказал Твлакв.

– У них нет знамен, нет опознавательных знаков, – объяснил Блут. – Зато хорошая экипировка, и держатся тесным строем. Они дезертиры. Ставлю на это чуллу.

– Ба! – воскликнул Твлакв. – Ты бы поставил мою чуллу на того, кто выкинул «башню»⁶, Блут. Но, ваша светлость, при всей его ужасной азартности я считаю, что дурак прав. Мы должны запрячь чулл и немедленно уходить. Ночная темнота – наш союзник, и мы должны воспользоваться преимуществом.

Шаллан кивнула. Разбирая лагерь и запрягая чулл, мужчины двигались быстро, даже тучный Твлакв. Рабы ворчали о том, что не получили еды на ночь. Шаллан остановилась около их клетки, почувствовав стыд. Ее семья владела рабами – и не только паршменами и ардентами. Обычными рабами. В

⁶ Проигрышная комбинация в популярной воринской игре брейкнек.

большинстве случаев они были ничем не хуже темноглазых без права путешествия.

Эти бедные души, однако, казались хилыми и полумертвыми от голода.

«Ты в одном шаге от того, чтобы самой оказаться в такой же клетке, Шаллан, – подумала она, вздрогнув, когда мимо прошел Твлакв, шипящий проклятия на пленников. – Нет. Он не осмелится поместить тебя туда. Он просто тебя убьет».

Блуту опять пришлось напоминать, чтобы он подал ей руку и помог забраться на сиденье. Таг проводил паршменов в повозку, ругая их за медлительность, и поднялся на место погонщика.

Взошла первая луна, стало светлее, чем хотелось Шаллан. Ей казалось, что каждый хруст под лапами чулл оглушает, как гром сверхшторма. Они задевали кустарник, который она назвала корошипник, со стеблями, похожими на трубочки из песчаника. Растения дрожали и издавали треск.

Продвижение не было быстрым – чуллы никогда не спешили. Во время езды Шаллан заметила огни на склоне холма, в пугающей близости от них. Лагерные костры в десяти минутах ходьбы. Порыв ветра принес звуки отдаленных голосов, звон металла о металл, возможно, люди упражнялись.

Твлакв повернул повозки на восток. В темноте Шаллан нахмурилась.

– Почему туда? – прошептала она.

– Помните, мы видели овраг? – также шепотом ответил Блут. – Он окажется между нами и ними в случае, если они услышат и придут посмотреть.

Шаллан кивнула.

– Что будет, если нас поймают?

– Ничего хорошего.

– Мы не можем дать взятку, чтобы проехать?

– Дезертиры – не обыкновенные бандиты, – ответил Блут. – Эти люди предали все на свете. Клятвы. Семьи. Дезертиры сломлены. Они способны на что угодно, потому что уже потеряли все, о чем стоит волноваться.

– Ого! – воскликнула Шаллан, оглянувшись через плечо.

– Я... Да, такое решение остается с тобой на всю жизнь. На всю жизнь... Ты, может, и хотел бы, чтобы у тебя осталось немного чести, но знаешь, что уже сам от нее отказался.

Он замолчал, а Шаллан слишком нервничала, чтобы попросить его говорить дальше. Она продолжала наблюдать за огнями на склоне холма, в то время как повозки – благословение! – катились дальше в ночь, в конце концов скрывшись в темноте.



*Ловкая форма изящно легка.
Богами дана она многим,
За вызов они расплатились сполна.
Эта форма с вниманием строгим.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 27

– Знаешь, – сказал Моаш, стоя возле Каладина. – Я всегда думал, что это место будет...

– Больше? – с легким акцентом предположил Дрехи.

– Лучше, – ответил Моаш, осматривая полигон. – Тут все так же, как там, где тренируются темноглазые.

Полигон перед ними предназначался для светлоглазых солдат Далинара. В центре размещался большой открытый внутренний двор, покрытый толстым слоем песка. По периметру его окружал приподнятый над землей деревянный настил, протянувшийся между песком и узким зданием шириной в одну комнату. Здание опоясывало весь внутренний двор за исключением передней части, где находилась стена с аркой для входа, и имело широкую, нависающую над деревянным настилом крышу, дававшую тень. Укрывшись от солнца, светлоглазые офицеры непринужденно болтали или наблюдали за теми, кто тренировался во дворе на жаре. Арденты сновали по полигону, подавая оружие и напитки.

Планировка полигона оказалась привычной. Каладин уже бывал в нескольких подобных местах. По большей части, когда впервые проходил обучение в армии Амарама.

Мостовик стиснул зубы, прикоснувшись к арке, ведущей во двор. Прошло семь дней с момента, как Амарам прибыл в лагерь. Семь дней ему приходилось мириться с тем, что Амарам и Далинар друзья.

Каладин решил, что будет радоваться прибытию Амарама, шторм бы его побрал. Как-никак это означало, что ему наконец-то подвернется возможность проткнуть врага копьём.

«Нет, – подумал Каладин, входя на полигон. – Не копьём. Ножом. Хочу стоять рядом и видеть его испуганное лицо в момент смерти. Хочу почувствовать, как нож входит в его плоть».

Он подал знак своим людям и прошел в арку. Заставил себя сконцентрироваться на окружающей обстановке, а не на Амараме.

Арка была сделана из хорошего камня, который добывали неподалеку. По традиции ее укрепили с восточной стороны. Судя по скромным отложениям крэма, эти стены построили недавно. Еще один признак того, что Далинар примирился с тем, что военные лагеря становятся постоянными: кронпринц сносил простые, временные постройки и заменял их прочными зданиями.

– Не знаю, чего ты ждал, – сказал Дрехи Моашу, изучая территорию. – Каким бы ты сделал полигон для светлоглазых? Посыпал бы алмазным порошком вместо песка?

– Ого! – оценил мысль Каладин.

– Не знаю, – ответил Моаш. – Просто они раздули из него такое большое дело. Нельзя пускать темноглазых на «особенный» полигон. Не понимаю, что в нем такого особенного.

– Все потому, что ты рассуждаешь не как светлоглазый, – сказал Каладин. – Это место особенное по одной простой причине.

– Какой же? – спросил Моаш.

– Потому что нас тут нет, – ответил Каладин, проходя вперед. – Во всяком случае, обычно.

Он шел во главе группы, которая состояла из Дрехи, Моаша и еще пяти человек – членов Четвертого моста и нескольких выживших из Кобальтовой стражи. Далинар определил их к Каладину. К его удивлению и удовольствию охранники признали его своим лидером, не проронив ни единой жалобы. Каждый из них произвел на него большое впечатление. Кобальтовая стража недаром заслужила свою репутацию.

Некоторые из них, все темноглазые, начали обедать с Четвертым мостом. Солдаты попросили нашивки Четвертого моста, и Каладин их достал, но приказал оставить знаки Кобальтовой стражи на другом плече и дальше носить их как знак гордости.

С копьём в руке капитан мостовиков повел свой отряд к группе ардентов, которые суетливо направились в их сторону. Арденты носили религиозные воринские одеяния – свободные штаны и туники, которые перевязывались на поясе обычными веревками. Одежды нищего. Арденты были рабами и одновременно ими не являлись. Каладин никогда особо не задумывался о таких вещах. Его мать, наверное, пожаловалась бы, как мало внимания он уделяет религии. Но Каладин решил, что если Всемогущий не особенно проявлял заботу, то почему он должен поступать иначе?

– Это полигон для светлоглазых, – строго проговорила ардент во главе группы.

Она оказалась грациозной женщиной, хотя ардентов и не следовало делить на мужчин и женщин. Ее голова была побрита, как и у остальных спутников-мужчин, которые носили квадратные бороды без усов.

– Капитан Каладин, Четвертый мост, – сказал Каладин, закинув копьё на плечо и осматривая полигон.

Во время тренировки здесь очень легко мог произойти несчастный случай. Необходимо проследить, чтобы этого не случилось.

– Прибыл охранять сыновей Холина, пока они тренируются.

– Капитан? – насмешливо переспросил один из ардентов. – Ты...

Другой ардент заставил его замолчать, что-то прошептав. В лагере новости про Каладина распространялись быстро, но, добираясь до замкнутого сообщества ардентов, иногда запаздывали.

– Дрехи. – Каладин указал на стену. – Видишь те камнепочки?

– Угу.

– Их там выращивают. Значит, должен быть путь наверх.
– Конечно, – сказала старший ардент. – Лестница находится у северо-восточного угла. У меня есть ключ.

– Хорошо, впустите его, – проговорил Каладин. – Дрехи, займи пост.

– Есть, – ответил Дрехи, рысью побежав в направлении лестницы.

– И в какой опасности они, по-вашему, могут тут оказаться? – спросила ардент, скрестив руки на груди.

– Я заметил много оружия, – сказал Каладин. – Много людей ходит туда-сюда и... не Клинки ли Осколков я вижу? Интересно, что же может пойти не так.

Он бросил на нее язвительный взгляд. Женщина вздохнула, отдала ключ своему помощнику, и тот побежал за Дрехи.

Каладин показал остальным охранникам места, откуда вести наблюдение. Они ушли, оставив его с Моашем. Худощавый мужчина насторожился, как только услышал про Клинки Осколков, и теперь жадно пожирал их взглядом. Пара светлоглазых солдат с Клинками в руках прошла к центру внутреннего двора. Один Клинок был длинным и узким, с большой гардой, а другой – широким и громадным, с устрашающими шипами, которые немного походили на пламя и выступали с обеих сторон лезвия около рукояти. По краям Клинков были надеты защитные полосы, частичное подобие ножен.

Моаш хмыкнул:

– Никого из них не узнаю. А я-то думал, что знаю всех Носителей Осколков в лагере.

– Это не Носители Осколков, – ответила ардент. – Они тренируются с Клинками короля.

– Элокар позволяет другим пользоваться своими Клинками Осколков? – спросил Каладин.

– Это великая традиция, – пояснила ардент, которую, казалось, раздражало то, что она должна объяснять подобные вещи. – Кронпринцы раньше поступали таким же образом в своих княжествах, еще до воссоединения. А теперь эта обязанность и честь принадлежит королю. Люди могут использовать королевские Клинок и Доспехи для тренировки. Светлоглазые солдаты в нашей армии должны научиться пользоваться Осколками для всеобщего блага. Клинком и Доспехами тяжело овладеть, и если Носитель Осколков падет в бою, важно, чтобы другие смогли тотчас встать на его место.

«В этом есть смысл», – подумал Каладин, хотя с трудом мог представить светлоглазого, позволяющего кому-либо еще коснуться своего Клинка.

– Король владеет двумя Клинками Осколков?

– Один из них принадлежал его отцу и хранится ради традиции подготовки Носителей Осколков. – Ардент взглянула на тренирующихся мужчин. – В Алеткаре всегда были самые лучшие Носители Осколков в мире. В том числе, благодаря этой традиции. Король намекнул, что когда-нибудь он может даровать Клинок отца достойному воину.

Каладин кивнул в знак благодарности.

– Неплохо, – сказал он. – Могу поспорить, что многие приходят тренироваться, каждый в надежде доказать, что именно он самый опытный и самый достойный. Элокар нашел хороший способ заманить большое количество людей на профессиональное обучение.

Ардент вздохнула и ушла. Каладин смотрел, как Клинки Осколков вспыхивают в воздухе. Мужчины, которые их держали, почти не знали, как ими пользоваться. Реальные Носители Осколков, которых он видел, против которых сражался, не пошатывались и не размахивали большими мечами как древковым оружием. Даже поединок Адолина на днях...

– Шторма, Каладин, – сказал Моаш, наблюдая за гордо удаляющейся женщиной-ардентом. – И ты говорил мне, что надо быть почтительным?

– Хм-м?

– Ты выразил непочтение по отношению к королю, – продолжил Моаш. – А затем еще предположил, что светлоглазые, приходящие практиковаться, ленивы и их необходимо заманивать. Я-то думал, что мы должны избегать конфликтов со светлоглазыми?

Каладин отвернулся от Носителей Осколков. Он отвлекся и говорил необдуманно.

– Ты прав, – сказал он. – Спасибо за напоминание.

Моаш кивнул.

– Я хочу, чтобы ты взял на себя ворота, – указал Каладин.

Появилась группа паршменов, несущих ящики, вероятно, продовольствие. Вроде бы они не должны быть опасны. Но вот как обстояло дело в реальности?

– Обращай особо пристальное внимание на слуг, оруженосцев или кого-либо еще с виду безвредного, кто приближается к сыновьям кронпринца Далинара. Нож в бок от кого-то в этом роде стал бы одним из лучших способов совершить покушение.

– Замечательно. Но, Кэл, скажи мне еще кое-что. Что за человек этот Амарам?

Каладин резко повернулся к Моашу.

– Я вижу, как ты на него смотришь, – продолжил мостовик. – Замечаю, как меняется твое лицо, когда другие его упоминают. Что он тебе сделал?

– Я был в его армии, – ответил Каладин. – Последнее место моей службы перед тем, как...

Моаш указал на лоб Каладина.

– Так это его работа?

– Ага.

– Значит, он не такой герой, как о нем говорят люди, – сказал Моаш. Похоже, этот факт доставил ему удовольствие.

– Его душа темна, как ни у кого другого, кого я знаю.

Моаш тронул Каладина за руку.

– Мы им отомстим. Садеасу, Амараму. Тем, кто так поступил с нами.

Вокруг него начали закипать спрены гнева, похожие на лужи крови в песке.

Каладин встретился взглядом с Моашем и кивнул.

– Меня это радует, – сказал Моаш и, закинув копьё на плечо, трусцой побежал к позиции, указанной для него Каладином. Спрены гнева исчезли.

– Он тоже должен научиться улыбаться чаще, – прошептала Сил.

Каладин не заметил, чтобы она порхала рядом, но теперь Сил сидела на его плече.

Он повернулся, чтобы обойти полигон по периметру и проверить каждый вход. Возможно, он чересчур осторожничал. Просто ему нравилось все делать как следует, и прошла уже целая вечность с тех пор, как он занимался чем-то кроме спасения Четвертого моста.

Правда, иногда казалось, что его нынешнюю работу было невозможно выполнить хорошо. Во время сверхшторма на прошлой неделе кто-то снова пробрался в покои Далинара и нацарапал на стене очередное число. Отсчитывая дни обратно, оно указывало на ту же самую дату, чуть больше, чем через месяц.

Кронпринц, по всей видимости, не встревожился и захотел, чтобы происшествие осталось в тайне. Шторма... Не сам ли он рисовал глифы во время припадков? Или это делал какой-то спрен? Каладин был уверен, что в этот раз никто не смог бы проскочить мимо него.

– Хочешь поговорить о том, что тебя тревожит? – спросила Сил со своего наместа.

– Меня беспокоит то, что происходит с Далинаром во время сверхштормов, – ответил Каладин. – Эти цифры... что-то не так. Ты все еще видишь тех спренов поблизости?

– Красные молнии? – спросила она. – Думаю, да. Их трудно заметить. Ты их не видел?

Каладин покачал головой, поднял копье и зашагал к настилу вокруг песка. Здесь он заглянул в кладовую. На стенах висели деревянные мечи размером с Клинки Осколков и кожаные доспехи для тренировок.

– Больше ты ни о чем не волнуешься? – спросила Сил.

– О чем еще мне беспокоиться?

– Об Амараме и Далинаре.

– Не придавай этому большого значения. Далинар Холин дружит с одним из ужаснейших убийц, которых я когда-либо встречал. И что? Далинар – светлоглазый. Скорее всего, он дружит со многими убийцами.

– Каладин... – проговорила Сил.

– Знаешь, Амарам еще хуже, чем Садеас, – сказал Каладин, обходя кладовую и проверяя двери. – Все знают, что Садеас крыса. Он прямолинеен. «Ты мостовик, – сказал он мне, – и я буду тебя использовать, пока не умрешь». А вот Амарам... Он казался чем-то большим, светлордом из легенд. Он сказал мне, что защитит Тьена. Притворялся честным. Амарам опустился так низко, как никогда бы не получилось у Садеаса.

– Далинар не такой, как Амарам, – сказала Сил. – Ты знаешь, что это так.

– О нем говорят то же самое, что говорили и до сих пор говорят об Амараме.

Каладин снова вышел на солнце и продолжил обход полигона. Он миновал сражающихся друг с другом светлоглазых, которые взрыхляли песок, хрипели, потели и сталкивались деревянными мечами.

Каждая пара обслуживалась шестью темноглазыми слугами, которые подносили полотенца и фляги. Многие также имели под рукой одного или двух паршменов, приносящих стулья, чтобы было куда присесть на время отдыха. Отец Штормов, даже в таком повседневном занятии светлоглазым требовалось во всем потакать.

Сил взлетела перед Каладином как шторм. Буквально как шторм. Она остановилась в воздухе прямо перед ним. У ее ног кипело облако, подсвеченное молниями.

– Ты действительно думаешь, – требовательно произнесла она, – что Далинар Холин только притворяется честным?

– Я...

– Не вздумай мне лгать, Каладин, – сказала Сил, делая шаг вперед и указывая на него. Несмотря на свои крошечные размеры, в этот миг она казалась не менее значительной, чем сверхшторм. – Никакой лжи. Никогда.

Каладин глубоко вздохнул.

– Нет, – ответил он наконец. – Нет, Далинар отдал за нас свой Клинок. Он хороший человек. Я это признаю. Амарам его одурачил. Он и меня одурачил, поэтому, полагаю, нельзя уж слишком винить Холина.

Сил резко кивнула, облако рассеялось.

– Тебе нужно поговорить с ним насчет Амарама, – проговорила она, зашагав около головы Каладина, пока тот продолжил осматривать полигон. Ее шаги были маленькими, и она должна была быстро остаться позади, но этого не происходило.

– И что я скажу? – спросил Каладин. – По-твоему, мне нужно пойти к нему и обвинить светлоглазого третьего дана в том, что он убил своих собственных

солдат? Или что он украл мой Клинок Осколков? Меня примут за дурака или за сумасшедшего.

– Но...

– Он не станет слушать, Сил, – сказал Каладин. – Далинар Холин, возможно, хороший человек, но он не позволит мне порочить влиятельных светлоглазых. Так устроен мир. И это правда.

Каладин продолжил осмотр, желая понять, что находилось в комнатах, откуда можно наблюдать за сражающимися. Некоторые из помещений служили кладовыми, в других мылись и отдыхали. Несколько оказались запертыми, внутри восстанавливались после дневной тренировки светлоглазые. Они любили принимать ванны.

В задней части здания, напротив входных ворот, располагались жилые помещения арденгов. Каладин никогда не видел в одном месте столько спящих вокруг людей с бритыми головами, одетых в робы. В Хартстоуне лорд-мэр держал несколько старых морщинистых арденгов для обучения сына. Они также время от времени появлялись в городе, чтобы сжигать молитвы и повышать призвания темноглазых.

Тамошние арденгты, казалось, принадлежали к другому виду. Они обладали телами воинов и часто принимали участие в тренировке светлоглазых, которым требовались партнеры для боя. У некоторых арденгов были темные глаза, но они все равно пользовались мечом – их не разделяли по цвету глаз. Они являлись просто арденгами.

«И что мне делать, если один из них решит убить принцев?»

Шторма, но Каладин ненавидел некоторые особенности работы телохранителей. Если ничего не произойдет, ты никогда не будешь уверен, случилось ли это потому, что все было в порядке, или потому, что ты отпугнул возможных убийц.

Наконец появились Адолин с братом со шлемами в руках, оба облаченные в Доспехи Осколков. Их сопровождал Шрам и несколько бывших солдат из Кобальтовой стражи. Охранники отсалютовали Каладину, когда тот подошел ближе и показал жестом, что они свободны, официально приняв смену. Шрам отправится к Тефту и его группе, защищающей Далинара и Навани.

– Территория безопасна, насколько это возможно без вмешательства в тренировки, светлорд, – сказал Каладин, подходя к Адолину. – Я и мои люди будем за всем приглядывать, но если что-то покажется вам подозрительным, кричите.

Адолин хмыкнул и оглядел площадку, практически не обращая на Каладина внимания. Он был высоким мужчиной, несколько черных прядей алетитерялись в копне светлых золотистых волос. У его отца не такие волосы. Его мать, возможно, была родом из Риры?

Каладин повернулся, чтобы пойти к северной стороне двора, где у него будет угол обзора, отличный от Моаша.

– Мостовик, – позвал Адолин. – Ты вроде решил использовать подходящие обращения к людям? Ты ведь называешь моего отца «сэр»?

– Он мой непосредственный командир, – ответил Каладин, оборачиваясь. Самый простой ответ казался самым лучшим.

– А я нет? – спросил, нахмурившись, Адолин.

– Нет.

– А если я отдам тебе приказ?

– Я подчинюсь в рамках разумного, светлорд. Но если вам понадобится человек, чтобы носить чай между поединками, поищите кого-нибудь другого. Здесь, должно быть, найдется немало желающих полизать ваши сапоги.

Адолин сделал шаг к Каладину. Несмотря на то, что синие Доспехи Осколков добавляли всего лишь пару дюймов к росту, складывалось впечатление, что он возвышается как башня. Возможно, высказывание о сапогах было опрометчивым.

Однако Адолин кое-что собой представлял – привилегии светлоглазых. Он не походил ни на Амарама, ни на Садеаса, которые вызывали у Каладина чувство ненависти. Люди, подобные Адолину, лишь раздражали, напоминая, что в этом мире, пока некоторые смаковали вино и одевались в роскошную одежду, другие становились рабами по чьей-то прихоти.

– Я обязан тебе жизнью, – прорычал Адолин, как будто слова причиняли боль. – Вот единственная причина, почему я до сих пор не выкинул тебя из окна.

Он дотронулся пальцем в бронированной перчатке до груди Каладина.

– Но мое терпение в твоем случае простирается не так далеко, как у моего отца, маленький мостовик. С тобой что-то не так, это не дает мне покоя. Я за тобой наблюдаю. Помни свое место.

Отлично.

– Я сохраняю вашу жизнь, светлорд, – сказал Каладин, оттолкнув палец в сторону. – Вот мое место.

– Я в состоянии сам о себе позаботиться, – ответил Адолин, отворачиваясь. Он затопал по песку, позвякивая Доспехами. – Твоя работа – смотреть за моим братом.

Каладин был более чем счастлив, когда Адолин отошел.

– Испорченный мальчишка, – пробормотал он.

Каладин полагал, что принц был старше его на пару лет. Совсем недавно Каладин осознал, что, пока он оставался мостовиком, прошел его двадцатый день рождения, о котором он так и не вспомнил. Адолину было чуть больше двадцати. Но ребенок ты или нет – не зависит от возраста.

Ренарин по-прежнему неловко стоял около входных ворот, одетый в бывшие Доспехи Осколков Далинара, с выигранным недавно Клинком в руке. О вчерашней скоротечной дуэли Адолина говорили во всех военных лагерях. Ренарину потребуется пять дней, чтобы до конца укрепить связь с Клинком, прежде чем он сможет его отпустить.

Доспехи юноши имели цвет темной стали и не были окрашены. В таком виде их предпочитал Далинар. Передавая Доспехи, кронпринц показал, что, по его мнению, следующие победы он должен одержать как политик. Поступок, достойный похвалы. Нельзя всегда заставлять людей следовать за собой, потому что они боятся, что ты можешь их побить, или даже потому, что среди них ты лучший солдат. Нужно намного больше, чтобы стать настоящим лидером.

Однако Каладин хотел бы, чтобы Далинар сохранил Доспехи. Все, что могло помочь кронпринцу остаться в живых, служило подспорьем для Четвертого моста.

Каладин прислонился к колонне, сложив руки на груди и устроив копые на сгибе локтя. Он наблюдал за окружающей территорией, выискивая проблемы и пристально вглядываясь в каждого, кто слишком приближался к принцам. Адолин подошел к брату, взял его за плечо и подтолкнул во двор. Те, кто там сражался, остановились и поклонились, если были без униформы, или отсалютовали принцам, пока те проходили мимо. В задней части двора собралась группа одетых в серое ардентов, и женщина, с которой Каладин разговаривал раньше, выступила вперед, чтобы побеседовать с братьями. Адолин и Ренарин отвесили ей официальные поклоны.

Прошло три недели с тех пор, как Ренарину передали Доспехи. Почему Адолин ждал так долго, прежде чем привести брата сюда тренироваться? Неужели он ждал дуэли, чтобы выиграть для парня Клинок?

Сил приземлилась на плечо Каладину.

- Оба ей поклонились.
- Ага, – ответил Каладин.
- Но разве ардент не раб? Одна из рабов их отца?

Каладин кивнул.

- Поведение людей бессмысленно.

– Если ты поняла это только сейчас, – ответил Каладин, – то ты вела себя совсем невнимательно.

Сил тряхнула волосами, и они правдоподобно рассыпались по плечам. Жест был очень человеческим. Возможно, она все-таки уделяла людям внимание.

– Мне они не нравятся, – сказала она беспечно. – Оба. Ни Адолин, ни Ренарин.

- Тебе не нравятся все, у кого есть Осколки.

– Именно.

– Раньше ты называла Клинки мерзостью, – припомнил Каладин. – Но у Сияющих они были. Значит ли это, что Сияющие делали что-то нехорошее?

– Конечно, нет, – ответила Сил таким тоном, будто он сказал большую глупость. – В те времена Осколки не были мерзостью.

- Что же изменилось?

– Рыцари, – проговорила Сил затихающим голосом. – Изменились рыцари.

– Значит, дело не в самом оружии, – сделал вывод Каладин. – Дело в том, что им владеют не те люди.

– Больше нет правильных людей, – прошептала Сил. – Может быть, их никогда и не было...

– А откуда они взялись изначально? – спросил Каладин. – Клинки Осколков. Доспехи Осколков. Даже современные фабриалы далеко не так хороши. Так откуда у древних взялось такое удивительное оружие?

Сил замолчала. Она имела разочаровывающую привычку поступать подобным образом, когда его вопросы становились слишком определенными.

- Так что? – подтолкнул он ее.

– Я бы хотела тебе рассказать.

– Так расскажи.

– Неплохо, если бы все работало подобным образом. Но не работает.

Каладин вздохнул, снова переключившись на Адолина и Ренарина, за которыми ему и нужно было следить. Старшая ардент отвела их в самый конец двора, где на земле сидела другая группа людей. Они все тоже были ардентами, но каким-то образом отличались. Какие-то учителя?

Пока Адолин разговаривал с ними, Каладин еще раз быстро оглядел двор и нахмурился.

- Каладин? – спросила Сил.

– Тот человек в тени, – сказал он, указывая копьём на место под карнизом крыши.

Стоявший там мужчина опирался, скрестив руки, на доходящее до пояса деревянное ограждение.

- Он наблюдает за принцами.

– Хм, так же, как и все остальные.

– Он отличается, – проговорил Каладин. – Давай-ка.

Каладин небрежно, без угрозы, пошел в сторону незнакомца. Этот человек, вероятно, был всего лишь слугой. Длинноволосый, с короткой, но неряшливой черной бородой, он носил свободную желто-коричневую одежду, подпоясанную веревками. Мужчина выделялся на общем фоне тренировочного двора, и этого, вероятно, было достаточно, чтобы понять, что он не убийца. Лучшие убийцы никогда не выделялись.

Тем не менее у мужчины было крепкое тело и шрам на щеке. А значит, он повидал сражения. Лучше всего его проверить. Человек пристально смотрел на Ренарина и Адолина, и со своей позиции Каладин не видел, какого цвета его глаза.

Когда Каладин оказался рядом, песок под его ногой скрипнул. Мужчина немедленно развернулся, и Каладин инстинктивно взял копьё наперевес. Теперь он видел глаза человека – они были карими – но не смог бы определить его возраст. Эти глаза каким-то образом выглядели старыми, но кожа мужчины казалась недостаточно морщинистой, чтобы им соответствовать. Возможно, ему тридцать пять. А может, семьдесят.

«Слишком молод», – подумал Каладин, хоть и не смог бы сказать почему.

Он опустил копьё.

– Извините, я немного дерганый. Всего несколько недель на работе. – Каладин попытался сказать это обезоруживающе.

Не сработало. Мужчина оглядел его сверху донизу, по-прежнему излучая сдержанную угрозу воина, решающего, стоит ли наносить удар. Наконец он отвернулся от мостовика и расслабился, принявшись снова наблюдать за Адолином и Ренарином.

– Кто вы? – спросил Каладин, подходя к человеку. – Я уже сказал, что новичок. Пытаюсь узнать, как кого зовут.

– Ты мостовик. Тот, что спас кронпринца.

– Да, – подтвердил Каладин.

– Можешь перестать вынюхивать, – проговорил мужчина. – Я не собираюсь вредить твоему проклятому Бездной принцу.

У него был низкий, скрипучий голос. Колючий. Со странным акцентом.

– Он не мой принц, – ответил Каладин. – Просто моя ответственность.

Он снова оглядел мужчину, заметив кое-что еще. Легкая одежда, перевязанная веревками, очень походила на ту, что носили некоторые из ардентов. Голова, заросшая волосами, сбила Каладина с толку.

– Вы солдат, – предположил Каладин. – Я имею в виду, бывший.

– Ага, – ответил мужчина. – Меня зовут Зейхел.

Каладин кивнул, несоответствия встали на место. Иногда солдат уходил в отставку и поступал в арденцию, если ему было не к чему возвращаться. Правда, Каладин ожидал, что они потребуют от человека хотя бы обрить голову.

«Интересно, если Хав находится где-то в одном из монастырей, – отстраненно подумал Каладин, – что он обо мне думает теперь?»

Возможно, он мог бы гордиться. Хав всегда считал службу в охране наиболее достойным для солдата назначением.

– Что они делают? – спросил Каладин Зейхела, кивнув на Ренарина и Адолина, которые, несмотря на мешающие им Доспехи Осколков, сели на землю перед старшими ардентами.

Зейхел хмыкнул.

– Младшего Холина должен выбрать один из мастеров. Для тренировки.

– Они не могут просто выбрать, кого хотят?

– Нет. Хотя ситуация все же несколько неловкая. Принц Ренарин никогда раньше не практиковался с мечом. – Зейхел помолчал. – Быть выбранным мастером – это шаг, который большинство светлоглазых мальчиков соответствующего ранга проходят, когда достигают десяти лет.

Каладин нахмурился.

– Почему он до сих пор не тренировался?

– Некоторые проблемы со здоровьем.

– И они действительно могут ему отказать? – спросил Каладин. – Сыну самого кронпринца?

- Они могли бы, но, вероятно, не будут. Недостаточно смелые.
- Человек прищурился, когда Адолин встал и подал какой-то знак.
- Бездна. Было у меня подозрение, что он ожидал моего возвращения.
- Мастер меча Зейхел! – прокричал Адолин. – Вы не сидите с остальными.
- Зейхел вздохнул и кинул на Каладина смиренный взгляд.

– Я, вероятно, также недостаточно храбр. Попытаюсь не причинять ему слишком много боли.

Он обошел перила и подбежал к принцам. Адолин нетерпеливо сжал руку Зейхела, а затем указал на Ренарина. Зейхел смотрелся неуместно среди других ардентов с их лысыми головами, аккуратно подстриженными бородами и чистой одеждой.

– Ха, – произнес Каладин. – Не кажется ли он тебе странным?

– Вы все кажетесь мне странными, – легкомысленно ответила Сил. – Все, кроме Камня, который является настоящим джентльменом.

– Он думает, что ты божество. Не стоит ему потворствовать.

– Почему нет? Я – божество.

Каладин повернул голову и укоризненно посмотрел на крошечную девушку, сидящую у него на плече.

– Сил...

– Что? Это правда! – Она усмехнулась и сложила пальцы так, словно сжимала что-то крошечное. – Небольшая его часть. Очень-очень малая. И тебе теперь дозволено мне кланяться.

– Сложновато, когда ты сидишь у меня на плече, – пробормотал Каладин.

Он заметил Лоупена и Шена, проходящих через ворота и, скорее всего, принесших ежедневные отчеты от Тефта.

– Ладно. Давай посмотрим, нужно ли Тефту что-нибудь от меня, а затем сделаем обход и проверим Дрехи и Моаша.

Альбом Шаллан: Узор

Узор практически постоянно
имеет спиральную

Линия изогнутой все время
разной, то быстрый,
то медленный.

Я пока не могу
сказать, что
сводится
причина такого
поведения.

Кажется, он состоит из...
себя ушка или спиральки, что не свертыва
и не тлеется... просто не...
разделяется и у...
соединяются в... узоре

Линии всегда кажутся...
сведенными в...
малой Узора, ...
от центральной...
спиралью...
и...
анатомии...

Он все время
пяти мал, бурно
постоянно
сводится...
пределах...
Фурканю, ...
сведенными с...
редкой...
замыкает, как он...

Узор определенно...
свертывания...
обладает...
изогнутой...
в...

Я пяти уверена, что
среди...
Узора...
Он обладает...
сведенными...
замыкает в...
тех...
ребенка или...
раз...

Вы не представляете, через что я прошел,
чтобы поднять этот листок со дна океана
Рошара. С вас новый плащ.

— Шалл



*Форма вялая – жуткая, разум стирает.
Неярка, подавлена, очень скудна.
Отказались от целей – свет погибает,
Причиной упадка явилась она.
**«Песнь перечислений» слушающих,
заключительная строфа***

Во время езды в повозке Шаллан скрывала тревогу, пытаясь заняться исследованиями. Не было возможности точно узнать, заметили ли дезертиры следы от раздавленных камнепочек, оставленные караваном. Возможно, они следуют за ними. А может, и нет.

«Не зацкливайся на этом», – сказала она себе.

И Шаллан нашла, чем отвлечься.

– Листья могут выпускать свои собственные побеги, – проговорила она, держа один из маленьких круглых листьев на кончике пальца. Девушка развернула его к солнечному свету.

Блут сидел рядом, неуклюжий, как каменная глыба. Сегодня он надел шляпу, которая была для него исключительно стильной – грязно-белого цвета, с полями, загнутыми по бокам кверху. Временами он щелкал по панцирю чуллы тростью длиной с Шаллан.

На задней обложке своей книги Шаллан составила небольшой список ударов, которые он использовал. Блут ударил дважды, сделал паузу и ударил еще раз. Животное замедлилось. Передняя повозка, управляемая Твлаквом, начала подниматься по склону холма, покрытого крошечными камнепочками.

– Видишь? – сказала Шаллан, показывая Блуту лист. – Вот почему веточки растений такие хрупкие. Когда приходит шторм, он обламывает ветви и срывает листья. Их уносит ветром, и растения пускают новые побеги, строят собственную раковину. Они так быстро растут, быстрее, чем я ожидала здесь, в этих бесплодных землях.

Блут хмыкнул.

Шаллан вздохнула, опустила палец и поместила крошечное растение обратно в чашку, в которой его выращивала, а затем оглянулась через плечо.

Никаких признаков погони. В самом деле, пора прекратить беспокоиться.

Она вернулась к своему новому альбому – одной из записных книжек Джасны, в которой оставалось много незаполненных страниц – и начала набросок

маленького листка. Шаллан не располагала хорошими письменными принадлежностями, у нее были только один угольный карандаш, несколько перьев и немного чернил, но Узор оказался прав. Она не могла остановиться.

Шаллан начала с нового наброска сантида, каким она запомнила его при погружении в море. Рисунок не был идентичным тому, который она сделала сразу после погружения, но нарисовать его снова – в любой форме – стало началом исцеления ее душевных ран.

Она закончила набросок, затем перевернула страницу и начала зарисовывать Блута. Ей не особенно хотелось возобновлять свою коллекцию людей с него, но выбор был ограничен. К сожалению, шляпа в самом деле смотрелась нелепо – слишком мала для его головы. На рисунке наемник получился скрюченным, как краб, спиной к небу, и эта шляпа на его голове... Ладно, хотя бы получилась интересная композиция.

– Где ты достал эту шляпу? – спросила Шаллан, продолжая рисовать.

– Купил, – пробормотал Блут, не глядя на нее.

– Много заплатил?

Он пожал плечами. Шаллан потеряла свои шляпки, когда тонула, но уговорила Твлакву дать ей одну из сплетенных паршменами. Шляпка не была особенно симпатичной, но защищала лицо от солнца.

Несмотря на покачивание повозки, Шаллан наконец удалось закончить набросок Блута. Она рассмотрела его и осталась недовольной. Не самое лучшее начало коллекции, особенно потому, что рисунок казался ей немного карикатурным. Девушка поджала губы. Как бы выглядел Блут, если бы не хмурился на нее вечно? Если бы его одежда была опрятнее, если бы он носил нормальное оружие вместо старой дубинки?

Она перелистнула страницу и начала заново. Другая композиция – возможно, идеализированная, но в чем-то даже правильная. Блут действительно мог выглядеть бравым, если его подходяще одеть. В униформу. Копье сбоку. Взгляд устремлен за горизонт. Закончив рисовать, Шаллан почувствовала, что день стал гораздо лучше. Она улыбнулась рисунку и протянула его Блуту. Тем временем Твлакв объявил полуденный привал.

Блут взглянул на картинку, но ничего не сказал. Он несколько раз ударил чуллу, чтобы остановиться около той, что тянула повозку Твлаквы. Таг подкатил свою повозку – на этот раз рабов вез он.

– Черный василек! – воскликнула Шаллан, опустив набросок, и указала на участок за ближайшей скалой, заросший тонким тростником.

Блут усмехнулся.

– Еще растения?

– Да. Будь добр, сорви их для меня.

– Разве этим не могут заняться паршмены? Я должен кормить чулл...

– Кого ты предпочтешь заставить ждать, охранник Блут? Чулл или светлоглазую женщину?

Блут почесал голову под шляпой, с угрюмым видом слез с места возницы и пошел к тростнику. В соседней повозке выпрямился Твлакв и стал осматривать южный горизонт.

Там виднелась тонкая струйка дыма.

Шаллан похолодела. Она соскочила с повозки и поспешила к Твлакву.

– Шторма! Это дезертиры? Они нас преследуют?

– Да. Кажется, они остановились на обед, – сказал Твлакв со своего наместа на крыше повозки. – Не волнуются, что нам виден их костер.

Торговец выдавил смешок.

– Это хороший знак. Они, наверное, знают, что у нас только три повозки и едва ли имеет смысл за нами гнаться. Поэтому, если мы будем все время двигаться и не часто останавливаться, они откажутся от погони. Я уверен.

Твлакв спрыгнул с повозки и начал поспешно поить рабов. Он не стал заставлять паршменов – сделал все сам. Это говорило о его нервозности гораздо больше, чем что-либо еще. Торговцу хотелось побыстрее отправиться в путь.

Паршмены остались в клетке за повозкой Твлакв и продолжили плести шляпы. Встревожившись, Шаллан осталась на месте и стала наблюдать. Дезертиры заметили следы от раздавленных повозками камнепочек.

Девушку бросило в пот, но что она могла сделать? Невозможно ускорить караван. Оставалось только надеяться, что они смогут опередить погоню, как и сказал Твлакв.

Но что-то не похоже. Повозки с чуллами не могли перемещаться быстрее людей на марше.

«Отвлекись, – подумала Шаллан, чувствуя нарастающую панику. – Найди что-нибудь, чтобы не думать о погоне».

Как насчет паршменов Твлакв? Шаллан перевела на них взгляд. Может, изобразить пару паршменов в клетке?

Нет. Она слишком нервничала, чтобы рисовать, но, возможно, ей удастся найти что-нибудь снаружи. Шаллан зашагала к паршменам. Ее ступни ныли, но боль была терпимой. Впрочем, по контрасту с тем, как она скрывала боль в предыдущие дни, сейчас она хромала нарочно. Пусть лучше Твлакв думает, что ей хуже, чем на самом деле.

Шаллан остановилась у прутьев клетки. Клетка была не заперта – паршмены никогда не убегали. Должно быть, покупка этих двоих стала солидным вложением для Твлакв. Паршмены недешевы, и многие монархи и могущественные светлоглазые их охотно скупали.

Один из двоих взглянул на Шаллан и вернулся к своей работе. Или это она? Трудно сказать, мужчина или женщина перед тобой, если их не раздеть. Мраморная, белая с красным кожа, приземистые тела, рост около пяти футов, оба лысые.

Трудно было увидеть угрозу в двух смиренных рабочих.

– Как вас зовут? – спросила Шаллан.

Один поднял взгляд. Другой продолжал работать.

– Твое имя, – потребовала Шаллан.

– Первый, – сказал паршмен. Он указал на своего спутника. – Второй.

Паршмен опустил голову и продолжил плести.

– Ты доволен своей жизнью? – спросила Шаллан. – Предпочел бы ты стать свободным, будь у тебя шанс?

Паршмен посмотрел на нее и нахмурился. Он пробормотал несколько слов и потряс головой. Он не понял.

– Свободным? – подтолкнула Шаллан.

Паршмен склонился над работой.

«Он действительно выглядит так, будто ему неловко, – подумала Шаллан. – Смущен от непонимания».

Его поза как будто говорила: «Пожалуйста, прекратите задавать мне вопросы». Шаллан засунула папку с набросками под мышку и сохранила *воспоминание* о двух работающих паршменах.

«Это злые чудовища, – решительно сказала она себе, – существа из легенд, которые скоро будут стремиться уничтожить всех и вся вокруг».

Стоя здесь, глядя на них, юная исследовательница обнаружила, что в это трудно поверить, даже если она приняла доказательства.

Шторма! Джасна оказалась права. Будет почти невозможно убедить светлоглазых самим избавиться от паршменов. Ей понадобятся очень веские доказательства. Обеспокоенная девушка отправилась обратно к своей повозке и поднялась на сиденье, стараясь правдоподобно вздрагивать от боли. Блут оставил ей пучок черного василька и теперь ухаживал за чуллами. Твлакв доставал пищу для быстрого перекуса, которую они наверняка будут есть на ходу.

Шаллан немного успокоилась и заставила себя сделать несколько набросков ближайших растений. Вскоре она перешла к изображению горизонта и нагромождений скал неподалеку. Воздух казался не таким холодным, как в первые дни, проведенные с работоторговцами, хотя от дыхания по утрам все еще шел пар.

Проходя мимо, Твлакв бросил на нее неприязненный взгляд. Он стал иначе относиться к ней после их столкновения у костра прошлой ночью.

Шаллан продолжала рисовать. Определенно, местность здесь была более пологая, чем дома. И здесь встречалось гораздо меньше растений, хотя они выглядели крепче. И...

...И что это за еще один столб дыма впереди? Шаллан встала и подняла руку, затеяв глаза. Да. Еще дым. Она посмотрела на юг, в сторону преследующих их наемников.

Рядом остановился Таг, заметив то же, что и она. Он поспешил к Твлакву, и они начали тихо спорить.

– Торговец Твлакв, – Шаллан отказывалась называть его «торгмастер» – подобающим титулом полноправного купца. – Я хотела бы послушать вашу дискуссию.

– Конечно, ваша светлость, конечно. – Он приблизился, ковыляя и заламывая руки. – Вы увидели дым впереди. Мы вошли в коридор, проходящий между Разрушенными равнинами и Прибрежными Криптами, а также несколькими деревнями. Видите ли, здесь более оживленное движение, чем в других частях Замерзших земель. Так что не будет неожиданностью, если мы встретимся с кем-то еще...

– Теми впереди?

– Другой караван, если нам повезет.

«А если не повезет...»

Можно было не спрашивать. Это означало очередных дезертиров или бандитов.

– Мы можем их обойти, – сказал Твлакв. – Только большая группа осмелится так дымить, готовя обед, будто приглашая или предупреждая. Маленький караван, такой, как наш, не стал бы рисковать подобным образом.

– Если это большой караван, – сказал Таг, потирая лоб толстым пальцем, – то у них есть охрана и хорошая защита.

Он посмотрел на юг.

– Да, – согласился Твлакв. – Но мы можем оказаться между двух огней. Опасность со всех сторон...

– Те, что позади, нас догонят, – напомнила Шаллан.

– Я...

– Если нет тельма, так хоть норку добыть⁷... – пробормотала она. – Те дезертиры должны убивать, чтобы выжить здесь. Ты сказал, что, возможно, сегодня вечером будет сверхшторм?

– Да, – неохотно ответил Твлакв. – Через два часа после захода солнца, если купленный мной график верен.

⁷ Местная поговорка.

– Я не знаю, как бандиты обычно спасаются от шторма, – сказала Шаллан, – но нас явно преследуют. Готова поспорить, что они планируют использовать наши повозки в качестве укрытия после того, как всех перебьют. Нас не собираются отпускать.

– Возможно, – сказал Твлакв. – Да, возможно. Но, ваша светлость, если мы видим второй столб дыма впереди, то и дезертиры тоже...

– Да, – подтвердил Таг, кивая, как будто только что это понял, – мы возьмем восточнее. Может быть, убийцы погонятся за той группой, что впереди.

– Мы позволим им атаковать кого-то вместо себя? – спросила Шаллан, складывая руки на груди.

– Что еще, по-вашему, мы можем сделать, ваша светлость? – раздраженно спросил Твлакв. – Вы видите, что мы маленькие крэмлинги. Наш единственный шанс – держаться подальше от более крупных существ и надеяться, что они станут охотиться друг на друга.

Шаллан прищурила глаза, изучая маленький столб дыма впереди. Ей показалось или он стал гуще? Она посмотрела назад. Действительно, столбы выглядели примерно одинаково.

«Они не станут охотиться за равными себе, – подумала Шаллан. – Они покинули армию, удрали. Они трусы».

Рядом девушка увидела Блута, тоже оглянувшегося и наблюдающего за дымом с выражением, которое она не могла понять. Отвращение? Тоска? Страх? Не было спренов, чтобы дать ей подсказку.

«Трусы, – подумала Шаллан снова, – или просто утратившие веру люди? Камни, которые начали скатываться вниз по склону настолько быстро, что не знают, как остановиться?»

Не важно. Эти камни сокрушат Шаллан и остальных, если дать им шанс. Поворот на восток не сработает. Дезертиры предпочитают легкую добычу – медленно движущиеся повозки – той, что впереди, убить которую может оказаться труднее.

– Мы присоединимся ко второму столбу дыма, – сказала Шаллан, садясь.

Твлакв посмотрел на нее.

– Вы не попадете...

Он осекся, встретившись с ней взглядом.

– Вы... – повторил Твлакв, облизывая губы. – Видите ли, вы не попадете... на Разрушенные равнины так быстро, ваша светлость, если мы свяжемся с большим караваном. Это может плохо кончиться.

– Если возникнет проблема, я возьму ее на себя, торговец Твлакв.

– Те впереди будут продолжать двигаться, – предупредил он. – Может получиться так, что мы прибудем в лагерь и обнаружим, что их уже нет.

– В любом случае, – произнесла Шаллан, – они будут двигаться к Разрушенным равнинам или нам навстречу, по коридору к портовым городам. Так или иначе, мы с ними пересечемся.

Твлакв вздохнул, затем кивнул и крикнул Тагу поспешить.

Шаллан уселась, охваченная трепетом. Блут вернулся и занял свое место, сунув ей несколько высушенных корешков. Похоже, это обед. Вскоре повозки покатались на север. Теперь повозка Шаллан шла третьей.

Они находились в нескольких часах езды от второй группы, если им вообще удастся ее догнать. Чтобы сдержать волнение, Шаллан закончила наброски пейзажей и занялась бездумным рисованием, позволяя карандашу двигаться произвольно.

Она рисовала танцующих в воздухе небоугрей. Она рисовала доки Харбранта. Шаллан сделала набросок Йалба, хотя лицо вышло без эмоций, и не очень хорошо получилось отразить озорные искры в его глазах. Возможно,

ошибки были связаны с тем, что ей стало грустно при мысли о его возможной кончине.

Шаллан перевернула страницу и начала рисовать первое, что пришло ей на ум. Карандаш двигался, изображая элегантную женщину в великолепном платье. Свободном, но прямом ниже пояса, облегающем грудь и живот. С длинными открытыми рукавами, один прячет безопасную руку, другой, с разрезом до локтя, открывает предплечье и ниспадает складками.

Смелая, уравновешенная женщина. Держащая все под контролем. Все еще рисуя бессознательно, Шаллан добавила свое собственное лицо к наброску элегантной женщины.

Девушка смутилась, карандаш завис над рисунком. Это не она. Верно? Могла ли она быть такой?

Шаллан устала на рисунок, а повозка по-прежнему покачивалась, натываясь на камни и растения. Перевернув страницу, она начала рисовать заново. Бальное платье, женщина при дворе, окруженная представителями элиты Алеткара, созданными ее воображением. Высокая, сильная. Женщина была одной из них.

Шаллан пририсовала к фигуре свое лицо.

Она перевернула страницу и стала рисовать дальше. Затем снова перевернула страницу.

На последнем рисунке была изображена она сама, стоящая на краю Разрушенных равнин, какими они ей представлялись. Смотрящая на восток, на тайны, которые разыскивала Джасна.

Шаллан перевернула страницу и сделала еще один набросок. Рисунок Джасны на корабле, сидящей за столом, с разложенными вокруг бумагами и книгами. Обстановка не имела значения, только лицо. Взволнованное, испуганное лицо. Измученное до предела.

Этот рисунок у Шаллан получился как следует. Первое изображение с момента катастрофы, на котором удалось превосходно зафиксировать то, что она уловила. Бремя Джасны.

– Останови повозку! – воскликнула Шаллан, не поднимая головы.

Блут взглянул на нее. Она подавила стремление повторить еще раз. К сожалению, сразу он не послушался.

– Зачем? – потребовал ответа наемник.

Шаллан посмотрела вперед. Столб дыма маячил по-прежнему далеко, но она не ошиблась, он стал толще. Группа впереди остановилась и разожгла огромный костер для приготовления обеда. Судя по дыму, они были гораздо большей группой, чем те, что позади.

– Я собираюсь перейти в заднюю часть повозки, – сказала Шаллан. – Мне нужно кое-что посмотреть. Ты можешь ехать дальше, когда я усядусь, но, пожалуйста, остановись и позови меня, когда мы приблизимся к группе впереди.

Он вздохнул, но остановил чуллу несколькими ударами по раковине. Шаллан спустилась, взяла черный василек и записную книжку и обошла повозку. Когда она оказалась внутри, Блут сразу же покатило дальше, крича в ответ Твлакву, потребовавшему объяснить, из-за чего задержка.

Щиты на стенах повозки обеспечивали тень и уединение отчасти потому, что повозка катилась последней в караване, и никто не мог заглянуть в заднюю дверь. К несчастью, ехать здесь было не так удобно, как спереди. Крошечные камнепочки вызывали удивительное количество сотрясений и толчков.

Сундук Джасны был привязан к передней стенке. Шаллан открыла крышку, позволив лежащим внутри сферам слабо осветить все вокруг. Она уселась на импровизированную подушку – кучу ткани, в которую Джасна оборачивала

книги. Поскольку Твлакв не смог обеспечить ее одеялом, Шаллан пришлось использовать бархатную подкладку, вырванную из сундука.

Усевшись, она размотала лоскуты на ступнях, чтобы втереть новую порцию сока черного василька. Раны покрылись струпьями и выглядели значительно лучше, чем днем раньше.

– Узор?

Спрен вибрировал где-то неподалеку. Шаллан попросила его держаться в задней части повозки, чтобы не тревожить Твлакву и охранников.

– Мои ноги заживают, – сказала она. – Твоя работа?

– М-м-м-м... Я почти ничего не знаю о том, из-за чего люди ломаются. И я знаю еще меньше, как их... починить.

– А вас нельзя ранить? – спросила Шаллан, отломив стебель василька и выдавливая из него сок на левую ступню.

– Мы ломаемся. Мы просто делаем это... не так, как люди. И нужна помощь, чтобы нас починить. Я не знаю, почему ты починилась. Почему?

– Это естественная функция нашего организма, – ответила она. – Живые существа восстанавливают себя естественным путем.

В поисках маленьких красных спренов гниения девушка поднесла ближе одну из сфер. Увидев их около одного из порезов, Шаллан поспешила отогнать спренов, выдавив на ступню сок василька.

– Я бы хотел узнать, как все устроено, – сказал Узор.

– Как и многие из нас, – ответила Шаллан, наклоняясь. Она поморщилась, когда повозка ударилась об особенно крупный камень. – Прошлой ночью, когда мы разговаривали у костра с Твлаквом, я засияла.

– Да.

– Ты знаешь почему?

– Ложь.

– Мое платье изменилось, – проговорила Шаллан. – Клянусь, прошлой ночью потертости и прорехи исчезли. Хотя сейчас вернулись.

– М-м-м. Да.

– Я должна уметь контролировать то, что мы можем делать. Джасна называла таких, как я, Ткущими Светом. Она подразумевала, что это куда безопасней, чем *преобразование*.

– Книга?

Шаллан нахмурилась. Она сидела, прислонившись спиной к боковой решетке повозки. Длинная линия царапин на полу рядом с ней выглядела так, будто они сделаны ногтями. словно один из рабов пытался в приступе безумия процарапать путь к свободе.

Книгу, которую ей дала Джасна, «Слова сияния», поглотил океан. Ее потеря казалась большей, чем утрата другой книги, подаренной ей принцессой, «Книги бесконечных страниц», которая была странно пустой. Шаллан еще не поняла полностью значения этой ее особенности.

– Вообще-то у меня никогда не было возможности прочитать ту книгу, – сказала Шаллан. – Нужно выяснить, можно ли найти другую копию, когда мы доберемся до Разрушенных равнин.

Однако их пунктом назначения был военный лагерь, поэтому она сомневалась, что там окажется много книг для продажи.

Шаллан держала перед собой одну из сфер. Та тускнела и нуждалась в зарядке. Что случится, если придет свержшторм, а они не догонят группу впереди? Прорвутся ли дезертиры через шторм, чтобы добраться до них? И, возможно, до безопасности, обеспечиваемой их повозками?

Шторма, что за неразбериха! Ей требовалось какое-то преимущество.

– Сияющие рыцари устанавливали связь со спренами, – проговорила Шаллан больше сама себе, чем Узору. – Это были отношения симбиоза, подобно тому, как маленькие кремлинги живут в сланцекорнике. Кремлинги очищают его от лишайника, получая пищу, а сланцекорник остается чистым.

Узор загудел в замешательстве.

– Я... сланцекорник или кремлинг?

– Любой из них, – ответила Шаллан, вертя в пальцах бриллиантовую сферу – крошечный драгоценный камень, подвешенный в стекле, внутри которого сиял постоянный свет. – Волны – силы, правящие миром, – более податливы к спренам. Или... ну... поскольку спрены – частицы тех волн, может быть, спрены лучше на них влияют. Наша связь дает мне способность управлять одной из волн. В моем случае силой света, Иллюминацией.

– Ложь, – прошептал Узор, – и правда.

Шаллан сжала сферу в кулаке. Сквозь кожу пробивался свет, рука сияла красным. Она пожелала, чтобы свет вошел в нее, но ничего не случилось.

– Так что мне сделать, чтобы это сработало?

– Может, съесть ее? – сказал Узор, переместившись на стену рядом с головой Шаллан.

– Съесть ее? – скептически переспросила девушка. – В прошлый раз мне не нужно было ее есть, чтобы получить штормсвет.

– Может сработать. Попробуешь?

– Сомневаюсь, что смогу проглотить целую сферу. Даже если захочу, хотя такого желания у меня нет.

– М-м-м-м, – прогудел Узор. Его вибрации сотрясали деревянную поверхность. – Это... это не из тех вещей, которые люди любят есть, так?

– Шторма, нет. Разве ты не обратил внимание?

– Обратил, – ответил он, раздраженно вибрируя. – Но так трудно понять! Вы употребляете некоторые вещи и превращаете их в другие вещи... Очень странные вещи, которые ты прячешь. Они имеют ценность? Но ты их выбрасываешь. Почему?

– Разговор окончен, – сказала Шаллан, открывая кулак и снова поднимая сферу.

Хотя, следовало признать, кое-что из его слов было правдой. Раньше она не ела сферы, но каким-то образом... поглощала свет. Как будто выпивала его.

Она его вдохнула, верно? На мгновение Шаллан уставилась на сферу, а затем сделала резкий вдох.

Сработало. Свет покинул сферу; быстрая, как удар сердца, светящаяся линия устремилась к ее груди. Оттуда свет распространился, заполняя все тело. Необычное ощущение заставило Шаллан почувствовать тревогу, настороженность, готовность. Стремление... к чему-то. Ее мышцы напряглись.

– Получилось.

Когда Шаллан заговорила, изо рта вырвалось слабо светящееся облачко. Штормсвет также исходил от ее кожи. Она должна попрактиковаться, прежде чем он весь иссякнет. *Ткачество светом...* Она должна что-нибудь создать. Шаллан решила начать с того, что уже делала раньше – поправить внешний вид своего платья.

И снова ничего не произошло. Она не знала, что делать, какие мышцы задействовать, а возможно, мышцы не имели значения. Разочарованная, Шаллан пыталась найти способ заставить штормсвет работать. Она чувствовала себя неумелой, в то время как штормсвет вытекал через кожу.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы рассеяться полностью.

– Хорошо, это было не слишком впечатляюще, – сказала она, потянувшись за стеблями черного василька. – Может, мне следует практиковаться в *преобразовании*.

Узор прожужжал:

– Опасно.

– Так же говорила мне Джасна, – согласилась Шаллан. – Но она больше не сможет ничему меня научить, а, насколько я знаю, она единственная, кто мог это сделать. Я должна либо практиковаться сама, либо никогда не учиться использовать вторую способность.

Она выдавила еще несколько капель сока черного василька, намереваясь втереть их в порез на ступне, но остановилась. Рана стала заметно меньше, чем даже несколько минут назад.

– Штормсвет меня исцеляет, – заметила Шаллан.

– Он делает тебя целой?

– Да. Отец штормов! Я обнаруживаю такие вещи почти случайно!

– Разве может что-то быть «почти» случайным? – спросил Узор с искренним любопытством. – Что за фраза? Я не понимаю, что она означает.

– Я... Ну, в основном, это образное выражение.

До того как спрен спросит что-то еще, она продолжила:

– И под этим я имею в виду что-то, о чем мы говорим, чтобы донести идею или чувства, а не дословные факты.

Узор жужжал.

– Что оно значит? – спросила Шаллан, попутно втирая сок василька. – Твое жужжание. Что ты чувствуешь?

– Хм-м-м-м... Восторг. Да. Столько времени прошло с тех пор, как кто-то изучал тебя и твой вид.

Шаллан выдавила еще немного сока на пальцы ног.

– Ты пришел изучать? Подожди... ты ученый?

– Конечно. Хм-м-м. Зачем бы я еще пришел? Смогу узнать как можно больше, прежде чем...

Он резко замолчал на полуслове.

– Узор? – позвала Шаллан. – Прежде чем что?

– Образное выражение.

Он сказал это совершенно ровным, отсутствующим тоном. Спрен все лучше и лучше говорил как человек и временами звучал почти так же. Но сейчас все оттенки тона исчезли из его голоса.

– Ты лжешь, – обвинила его Шаллан, всматриваясь в очертания спрена на стене. Узор съежился, стал маленьким, с кулак – половина его обычного размера.

– Да, – неохотно признал он.

– Ты ужасный лжец, – сказала Шаллан, удивленная осознанием этого факта.

– Да.

– Но ты любишь ложь!

– Так увлекательно, – подтвердил Узор. – Вы все такие увлекательные.

– Расскажи мне, что ты собирался сказать, – потребовала Шаллан. – Перед тем как остановился. Я пойму, если ты лжешь.

– Хм-м-м-м. Ты говоришь, как она. Все больше и больше на нее похожа.

– Расскажи мне.

Он гудел с раздражающим звуком, быстро и пронзительно.

– Я изучу о тебе все, что смогу, прежде чем ты меня убьешь.

– Ты думаешь... Ты думаешь, я собираюсь тебя убить?

– Случилось с другими, – ответил Узор, его голос смягчился. – Случится и со мной. Это... закономерность.

– Это связано с Сияющими рыцарями, – догадалась Шаллан, поднимая руки, чтобы заплести волосы. Так было лучше, чем оставлять их распущенными, хотя без расчески или щетки даже косы заплести трудно.

«Шторма, – подумала она, – мне нужна ванна. И мыло. И десяток других вещей».

– Да, – сказал Узор. – Рыцари убили своих спренов.

– Как? Почему?

– Их клятвы, – ответил Узор. – Это все, что я знаю. Мой вид, те, кто не были связаны, мы отступили, и многие сохранили разум. До сих пор трудно думать отдельно от моего вида, разве что...

– Разве что...

– Разве что у нас есть человек.

– Так вот что вы получаете от нас, – сказала Шаллан, распутывая волосы пальцами. – Симбиоз. Я получаю доступ к волноплетению, ты – возможность мыслить.

– Разум, – сказал Узор. – Мысли. Жизнь. Это человеческие свойства. Мы идеи. Идеи, которые хотят жить.

Шаллан продолжила возиться с волосами.

– Я не собираюсь тебя убивать, – сказала она твердо. – Я не поступлю подобным образом.

– Не думаю, что другие собирались, – ответил Узор. – Но не важно.

– Очень важно. Я этого не сделаю. Я не Сияющий рыцарь. Джасна все прояснила. Человек, который владеет мечом, не обязательно солдат. То, что я способна на некоторые вещи, не делает меня одной из них.

– Ты произнесла клятву.

Шаллан замерла.

«Жизнь перед смертью...»

Слова приплыли к ней из теней прошлого. Прошлого, о котором она не могла думать.

– Ты живешь ложью, – продолжил Узор. – Она дает тебе силу. Но правда... Не говоря правду, ты не будешь способна развиваться, Шаллан. Каким-то образом я это знаю.

Она закончила с волосами и собралась перевязать ступни. Узор переместился на другую сторону повозки и расположился на стене, слабо видимый в тусклом свете. У нее осталась горсть заряженных сфер. Не так много штормсвета, учитывая, как быстро он ее покидает. Должна ли она потратить все, что есть, для дальнейшего лечения ног? Сможет ли исцелить их намеренно или эта способность ускользнет от нее, как *ткачество светом*?

Шаллан спрятала сферы в потайной карман. Она сохранит их на всякий случай. Возможно, теперь эти сферы и их свет – единственное доступное ей оружие.

Сменив бинты, девушка встала в дребезжащей повозке и обнаружила, что боль в ногах почти утихла. Она могла ходить почти нормально, хотя предпочла бы не перемещаться без обуви на большие расстояния. Довольная, Шаллан постучала Блуту по ближайшей к нему деревянной стене.

– Останови!

На этот раз ей не пришлось повторять. Шаллан обошла повозку, заняла свое место рядом с Блутом и сразу заметила впереди столб дыма. Он стал темнее, больше, неистово клубился.

– Это не костер для приготовления пищи, – сказала Шаллан.

– Да, – ответил Блут с мрачным выражением на лице. – Горит что-то большое. Возможно, повозки. – Он взглянул на нее. – Кто бы там ни был, не похоже, что у них все хорошо.



*Упорство, внимательность, рьяность в науке
Формы ученой награду сулят.
Остерегайся амбиций врожденных,
Потерей наивности будешь заклят.
«Песнь перечислений» слушающих, строфа 69*

– У новых парней прогресс, ганчо, – сказал Лоупен, откусывая от чего-то, завернутого в бумагу. – Носят униформу, разговаривают как настоящие мужики. Забавно. На это у них ушло несколько дней, а у нас – недели.

– У других недели, но только не у тебя.

Каладин стоял, опираясь на копьё и прикрывая глаза от солнца. Он по-прежнему находился на тренировочном полигоне для светлоглазых, присматривая за Адолином и Ренарином. Младший принц получал первые наставления от мастера меча Зейхела.

– У тебя было правильное отношение ко всему с первого дня, как ты оказался с нами, Лоупен.

– Ну, жизнь довольно хороша, знаешь ли.

– Довольно хороша? Еще недавно ты был вынужден носить перекидные мосты до тех пор, пока смерть не настигла бы тебя на плато.

– Ага, – согласился Лоупен, делая очередной укус.

То, что он ел, выглядело, как толстый кусок лепешки, обернутый вокруг чего-то вязкого на вид. Лоупен облизал губы и протянул еду Каладину, освободив тем самым единственную руку, которой он некоторое время копался в кармане.

– Случаются плохие дни. Случаются хорошие дни. В конечном счете все выравнивается.

– Странный ты человек, Лоупен, – произнес Каладин, изучая переданную ему «еду». – Что это?

– Ута.

– Уха?

– У-т-а. Хердазианская еда, парень. Отличная вещь. Можешь попробовать, если хочешь.

Ута была похожа на вымазанные в какой-то темной жидкости куски непонятого мяса, завернутые в чересчур толстую лепешку.

– Отвратительно, – сказал Каладин, вручая ее обратно Лоупену. Тот отдал ему выуженную из кармана раковину, исписанную с обеих сторон глифами.

– Многое теряешь. – Лоупен откусил еще чуть-чуть.

– Тебе не следует разгуливать с едой, – заметил Каладин. – Это неприлично.

– Ха, зато удобно. Смотри, она хорошо завернута. Можно гулять, делать свои дела и в то же время есть...

– Неряшливо, – произнес Каладин, изучая раковину.

На ней были записи Сигзила о том, сколькими солдатами они располагают, сколько еды, по мнению Камня, им необходимо, и предположения Тефта о том, как много бывших мостовиков готовы к тренировкам.

Последнее число оказалось довольно большим. Если мостовики выживали, они становились сильнее, таская мосты. Как доказал Каладин на собственном опыте, это позволяло сделать из них хороших солдат. Если их мотивировать, конечно.

На обратной стороне раковины Сигзил отметил для Каладина способ организации патрулей за пределами лагеря. Скоро у него будет достаточно новичков, готовых начать патрулирование прилегающих к лагерям областей, о чем Каладин говорил Далинару. Тефт считал, что было бы неплохо Каладину тоже в этом поучаствовать. Тогда новички смогли бы провести с ним время.

– Ночью придет сверхшторм, – заметил Лоупен. – Сиг сказал, он обрушится спустя пару часов после заката. Подумал, что ты захочешь подготовиться.

Каладин кивнул. Очередная возможность для мистических чисел появиться вновь – оба предыдущих раза они возникали во время шторма. Далинар и его семья будут под надежным присмотром – Каладин позаботится.

– Спасибо за отчет, – сказал Каладин, пряча раковину в карман. – Возвращайся и скажи Сигзилу, что предложенный им маршрут уводит слишком далеко от лагерей. Пусть нарисует другой. Также передай Тефту, что сегодня потребуется больше людей. И пусть Моаш и Дрехи идут отдыхать. Они провели слишком много времени на дежурстве. Сегодня ночью я лично буду охранять Далинара. Думаю, лучше, если во время шторма вся его семья будет вместе.

– На то воля ветра, парень, – ответил Лоупен, прикончив остатки уты, и присвистнул, взглянув на тренировочную площадку. – Это что-то, не так ли?

Каладин проследил за взглядом Лоупена. Адолин, оставивший брата на попечение Зейхелу, выполнял тренировочные движения с Клинком. Он изящно скакал и крутился на песке, выписывая мечом широкие, плавные узоры.

Доспехи никогда не выглядели неуклюже на практикующемся Носителе. Впечатляющие, блестящие, они приспособлялись к телосложению того, кто их надевал. Размахивая мечом и переходя из одной стойки в другую, Адолин отражал солнечный свет словно зеркало. Каладин знал, что это была лишь разминочная последовательность, больше зрелищная, чем практичная. Нельзя позволить себе что-то подобное на поле боя, хотя многие из отдельных позиций и рубящих ударов представлялись полезными движениями.

Даже зная все это, Каладину пришлось прогнать чувство благоговения. Носители Осколков в Доспехах в бою выглядели нечеловечески – скорее Герольды, чем обычные люди.

Он заметил Сил, которая сидела на краю нависающей над Адолином крыши и наблюдала за молодым человеком. Сил была слишком далеко, чтобы Каладин мог распознать выражение ее лица.

Адолин закончил упражнения, вонзив Клинок в землю и припав на одно колено. Меч наполовину погрузился в песок, а когда его отпустили, исчез.

– Я и раньше видел, как он призывает оружие, – сказал Каладин.

– Ага, ганчо, во время битвы, когда мы спасли его жалкую задницу от Садеаса.

– Нет, до того, – произнес Каладин, вспомнив эпизод со шлюхой в лагере Садеаса. – Он спас кое-кого от издевательств.

– Ха, – ответил Лоупен. – Знаешь, тогда он не так уж и плох.

– Полагаю, да. В любом случае, с тобой я закончил. Не забудь прислать отряд на замену.

Лоупен отсалютовал и забрал с собой Шена, который сунулся к учебным мечам в боковой части двора. Вместе они трусцой побежали выполнять поручение.

Каладин обошел посты, проверив Моаша и остальных, прежде чем отправиться туда, где до сих пор не снявший броню Ренарин сидел на земле перед своим новым учителем.

Зейхел, ардент с древними глазами, замер в торжественной позе, которую портила его неаккуратная борода.

– В Доспехах тебе нужно научиться сражаться заново. Из-за них изменяется походка, то, как солдат держит оружие, все движения.

– Я... – Ренарин опустил взгляд. Юноша в очках, облаченный в великолепную броню, выглядел очень странно. – Мне не нужно будет переучиваться, мастер. Меня никогда не учили сражаться.

Зейхел хмыкнул.

– Хорошо. Значит, мне не придется искоренять старые, дурные привычки.

– Да, мастер.

– Тогда начнем с малого, – проговорил Зейхел. – Там, за углом, лестница. Взберись по ней на крышу полигона. Потом спрыгни вниз.

Ренарин резко взглянул на него.

– ...спрыгнуть?

– Я стар, сынок, – ответил Зейхел. – Если повторяю по сто раз, то съедаю не тот цветок.

Каладин нахмурился, а Ренарин наклонил голову и вопросительно посмотрел на Каладина. Бывший мостовик пожал плечами.

– Съедаете... что?.. – спросил Ренарин.

– Это означает, что я начинаю злиться, – огрызнулся Зейхел. – У вас, парни, совсем нет подходящих идиом. Пошел!

Ренарин вскочил на ноги, взрыхлив песок, и поспешил прочь.

– Твой шлем, сынок! – прокричал Зейхел.

Ренарин остановился, вернулся и подхватил с земли шлем, поскользнувшись и почти уткнувшись лицом в песок. Он развернулся, толком не обретя равновесие, и неуклюже побежал к лестнице. По дороге принц чуть не врезался в колонну.

Каладин тихонько фыркнул.

– О, – сказал Зейхел, – и ты полагаешь, что будешь выглядеть лучше, первый раз надев Доспехи Осколков, охранник?

– Сомневаюсь, что забыл бы шлем, – ответил Каладин, закинув копьё на плечо и выпрямившись. – Если Далинар Холин намеревается заставить остальных кронпринцев ходить по струнке, думаю, ему понадобятся Носители Осколков получше. Для этих Доспехов ему стоило бы выбрать кого-то другого.

– Например, тебя?

– Шторма, нет, – сказал Каладин, возможно, слишком пылко. – Я – солдат, Зейхел. И не хочу иметь ничего общего с Осколками. Мальчик достаточно хорош, но я не отдал бы людей под его команду, не говоря уже о броне, которая могла бы сохранить жизнь намного лучшему солдату на поле, и этим все сказано.

– Он может тебя удивить, – ответил Зейхел. – Я провел с ним целую беседу на тему «я твой мастер – и ты делаешь то, что я скажу», и он действительно слушал.

– Каждый солдат слышит похожие слова в свой первый день. Иногда они слушают. То, что мальчик слушал, едва ли достойно внимания.

– Если бы ты знал, сколько испорченных десятилетних светлоглазых мальчишек прошло через это место, – проговорил Зейхел, – ты бы понял, что это достойно внимания. Я думал, что такой девятнадцатилетний парень, как он, будет невыносим. И не называй его все время мальчиком, мальчик. Он, скорее всего, примерно одного возраста с тобой и является сыном самого могущественного человека в...

Он осекся, когда шум с верхушки здания возвестил о том, что Ренарин Холин с разбега бросился вниз с крыши. Его ботинки проскрежетали о каменный карниз. Принц пролетел добрых десять-двенадцать футов над внутренним двором – опытные Носители Осколков могли бы прыгнуть намного дальше – прежде чем рухнул в песок, барахтаясь, как умирающий небоугорь.

Зейхел выжидающе глянул на Каладина.

– Что? – спросил мостовик.

– Энтузиазм, повиновение, никакого страха выглядит глупо, – сказал Зейхел. – Я могу учить его сражаться, но эти качества врожденные. Парень очень далеко пойдет.

– Если, конечно, предположить, что он ни на кого не упадет, – ответил Каладин.

Ренарин поднялся на ноги и осмотрел себя, будто удивляясь тому, что ничего не сломал.

– Поднимайся и проделай то же самое еще раз, – крикнул ему Зейхел. – Только теперь падай головой вперед!

Ренарин кивнул и трусцой побежал к лестнице.

– Вы хотите, чтобы он убедился в том, как его защищают Доспехи, – сказал Каладин.

– Часть урока по использованию Доспехов – знание их пределов, – подтвердил Зейхел, повернувшись спиной к Каладину. – Плюс, я просто хочу, чтобы он в них подвигался. Так или иначе, но он слушает, и это хорошо. Его обучение будет настоящим удовольствием. Ты, напротив, совсем другая история.

Каладин поднял руку.

– Спасибо, но нет.

– Ты бы отказался от предложения обучаться с высшим мастером оружия? – спросил Зейхел. – Я могу по пальцам одной руки пересчитать темноглазых, которым выпадал такой шанс.

– Да, но я уже проходил «школу новобранцев». Выслушивать крики сержантов, работать на износ, маршировать по несколько часов подряд. В самом деле, с меня довольно.

– Это совсем не то же самое, – ответил Зейхел, махнув одному из ардентов, проходящих мимо.

Мужчина нес Клинок Осколков с металлическими охранными полосами над острыми краями, один из тех, которые король предоставил для обучения.

Зейхел взял Клинок Осколков у ардента и поднял его.

Каладин кивнул на меч подбородком.

– Что это на Клинке?

– Никто не знает точно, – ответил Зейхел, взмахнув Клинком. – Приложи их к кромке лезвия, и они приспособятся к форме оружия, сделав его безопасным и тупым. Вне оружия они на удивление легко ломаются. Сами по себе в битве бесполезны. Но идеально подходят для тренировок.

Каладин хмыкнул. Что-то, созданное в незапамятные времена для использования в обучении? Мгновение Зейхел осматривал меч, а затем направил его прямо на Каладина.

Несмотря на то, что Клинок оказался притуплен, и даже зная, что мастер не собирался взаправду на него нападать, Каладин запаниковал. Клинок Осколков. Форма этого экземпляра была узкой и гладкой, с большой крестовиной. На плоскостях Клинка запечатлены десять фундаментальных глифов. Он был шириной в ладонь и добрых шести футов длиной, и все же Зейхел держал меч одной рукой и не похоже, чтобы потерял баланс.

– Найтер, – сказал Зейхел.

– Что? – переспросил Каладин, нахмурившись.

– Он руководил Кобальтовой стражей до тебя, – пояснил Зейхел. – Хороший человек и друг. Умер, охраняя жизни Холинов. Теперь эта проклятая Бездной работа у тебя, и тебе будет очень трудно ее выполнять хотя бы наполовину так же хорошо, как это делал он.

– Я не понимаю, какое отношение это имеет к тому, что вы машете передо мной Клинком Осколков.

– Любой, кто пошлет наемных убийц к Далинару или его сыновьям, – влиятельный человек, – сказал Зейхел. – У них будет доступ к Носителям Осколков. Вот с чем тебе придется столкнуться, сынок. Тебе понадобится гораздо больше тренировок, чем получает копейщик на поле битвы. Ты когда-нибудь сражался с человеком, у которого в руках такая штука?

– Пару раз, – ответил Каладин, прислоняясь к одной из соседних колонн.

– Не лги мне.

– Я не лгу, – проговорил Каладин, встретившись с Зейхелом взглядом. – Спросите у Адолина, откуда я вытащил его отца несколько недель назад.

Зейхел опустил меч. Позади него с крыши лицом вниз пролетел Ренарин и ударился о землю. Он простонал внутри шлема и перевернулся. Из шлема вытекал штормсвет, но в целом принц, казалось, не пострадал.

– Отлично, принц Ренарин, – похвалил Зейхел, даже не взглянув. – Теперь прыгни еще несколько раз и посмотри, сможешь ли приземлиться на ноги.

Ренарин поднялся и, позвякивая Доспехами, удалился.

– Ну, ладно, – сказал Зейхел, помахивая Клинком в воздухе. – Посмотрим, на что ты годишься, парень. Убеди меня в том, чтобы я оставил тебя в покое.

Каладин никак не отреагировал, только поднял копьё и занял позицию для защиты: одна нога позади, другая впереди. Вместо того чтобы держать копьё острым концом вперед, он развернул его наоборот. Поблизости тренировался Адолин с одним из мастеров, у которого был второй комплект Доспехов и Клинок Осколков короля.

Как они будут драться? Если Зейхел заденет копьё Каладина, будет ли считаться, что он его разрубил?

Ардент быстро приблизился, подняв Клинок обеими руками. Каладина охватило знакомое спокойствие и сосредоточенность битвы. Он не стал втягивать штормсвет. Ему не хотелось оказаться в положении, когда слишком сильно на него полагаешься.

«Внимательно смотри за Клинком Осколков», – подумал Каладин и сделал шаг вперед, пытаясь попасть в пределы досягаемости оружия.

В сражении с Носителем Осколков главным было следить за Клинком. Клинком, который ничто не могло остановить. Клинком, который не просто убивал тело, но отделял саму душу. Клинком...

Зейхел уронил Клинок.

Меч ударился о землю, а Зейхел тем временем добрался до Каладина. Каладин был сконцентрирован на Клинке, и, хотя попытался поднять копьё и

ударить, Зейхел развернулся и погрузил кулак в его живот. Следующий удар – в лицо – повалил Каладина на песок тренировочной площадки.

Мостовик немедленно откатился, не обращая внимания на спренов боли, засновавших по песку. Перед глазами все плыло. Он поднялся на ноги и ухмыльнулся.

– Ловкий ход.

С вновь появившимся Клинком Зейхел уже поворачивался к Каладину. Тот отступил по песку, по-прежнему направляя копьё вперед, держась подальше от Зейхела. Мастер знал, как обращаться с Клинком. Он сражался не как Адолин – меньше широких замахов, больше рубящих ударов сверху. Быстрый и яростный. Зейхел заставил Каладина пятиться вдоль стены полигона.

«Он устанет поддерживать такой ритм, – говорили инстинкты Каладина. – Заставляй его двигаться».

После почти полного круга по полигону Зейхел замедлил наступление и стал резко набрасываться на Каладина, пытаясь найти слабое место.

– У тебя появились бы большие проблемы, имей я Доспехи, – сказал Зейхел. – Я бы двигался быстрее и не уставал.

– У вас нет Доспехов.

– А если кто-то явится в них к королю?

– Я воспользуюсь другой тактикой.

Зейхел хмыкнул, когда Ренарин врезался в землю неподалеку. Принц почти устоял на ногах, но споткнулся и завалился набок, проскользив по песку.

– Что ж, если бы это была настоящая попытка убийства, – проговорил Зейхел, – я бы тоже использовал другую тактику.

Он метнулся к Ренарину.

Каладин выругался и бросился за Зейхелом.

Тотчас же мужчина развернулся, резко затормозив по песку, и нанес мощный удар, держа меч обеими руками. Удар пришелся по копьё Каладина, раздался отчетливый треск, эхом разнесшийся по всему полигону. Если бы на Клинке не было защиты, он наверняка бы разрубил копьё и, скорее всего, задел бы грудь Каладина.

Наблюдающий за схваткой ардент бросил мостовику обломок копья. Они ожидали, что его копьё «сломается», и хотели как можно более правдоподобно воспроизвести настоящее сражение. Неподалеку появился озабоченный Моаш, но несколько ардентов удержали его и объяснили, что происходит.

Каладин снова посмотрел на Зейхела.

– В настоящей драке, – сказал ардент, – я, возможно, уже догнал бы принца.

– В настоящей драке, – ответил Каладин, – я, возможно, уже проткнул бы вас обломком копья, когда вы думали, что разоружили меня.

– Я бы не совершил такой ошибки.

– Тогда мы должны предположить, что я не сделал бы ошибки, позволив вам добраться до Ренарина.

Зейхел ухмыльнулся. Его ухмылка выглядела опасно. Он шагнул вперед, и Каладин все понял. На этот раз не будет никаких уклонений и ухищрений. У Каладина не было бы подобного выбора, защищай он члена семьи Далинара. Он должен попытаться изо всех сил притвориться, что убивает этого человека.

Значит, нужно атаковать.

Продолжительная контактная схватка играла на руку Зейхелу, потому что Каладин не мог отбивать Клинок Осколков. Лучшей тактикой для Каладина было ударить быстро и надеяться сразу зацепить противника. Он понесся вперед на полной скорости и бросился на колени, скользя по песку под ударом Зейхела. Такой маневр позволит ему подобраться поближе и...

Зейхел пнул Каладина в лицо.

Не обращая внимания на туман перед глазами, Каладин воткнул свое ненастоящее копьё в ногу ардента. Клинок Осколков запоздал лишь на мгновение, остановившись у линии, где плечо Каладина соединялось с шеей.

– Ты мертв, сынок, – проговорил Зейхел.

– У вас копьё в ноге, – ответил, отдуваясь, Каладин. – Вы не сможете догнать Ренарина в таком состоянии. Я выиграл.

– Ты по-прежнему мертв, – хмыкнул Зейхел.

– Моя задача заключается в том, чтобы остановить вас, если вы захотите убить Ренарина. Благодаря моим действиям, он сможет скрыться. Не важно, останется ли жив телохранитель.

– А что, если у убийцы окажется сообщник? – спросил другой голос из-за спины.

Каладин повернулся и увидел Адолина. Тот стоял в полных Доспехах, острое Клинка было воткнуто перед ним в землю. Принц снял шлем и переложил его в одну руку, держа другую на крестовине Клинка.

– Что, если их будет двое, мостовичок? – спросил Адолин с притворной улыбкой. – Сможешь ли ты сразиться с двумя Носителями Осколков сразу? Если бы я решил убить отца или короля, то никогда бы не послал одного человека.

Каладин поднялся, вправив плечо в сустав, и встретился взглядом с принцем. Сколько снисходительности. Сколько самоуверенности. Высокомерный ублюдок.

– Ладно, – вмешался Зейхел. – Уверен, он уловил смысл, Адолин. Нет нужды...

Каладин бросился в сторону принца, и ему показалось, что он услышал, как Адолин усмехается, надевая шлем.

Внутри Каладина что-то вскипело.

Безымянный Носитель Осколков, убивший так много его друзей.

Садеас, сидящий в красной броне, по-королевски развалившись.

Амарам, с мечом в пятнах крови.

Каладин вскрикнул, когда незащищенное лезвие Клинка Адолина устремилось к нему аккуратным размашистым росчерком, как во время тренировочных упражнений принца. Остановившись на полном ходу, Каладин подхватил обломок своего копьё и позволил Клинку разминуться с ним на волосок. Затем ударил копьём по обратной стороне Клинка, сдвинув тем самым хватку Адолина и испортив ему окончание движения.

Каладин рванулся вперед и врезался плечом в принца. Ощущение было, как будто таранишь стену. Плечо Каладина вспыхнуло болью, но толчок наравне с неожиданностью от сокрушительного удара нарушил равновесие Адолина. Каладин повалился вместе с ним, Носитель Осколков приземлился с грохотом и удивленным стоном.

Ренарин тоже загрохотал, упав на землю поблизости. Каладин занес свое полукопьё как кинжал, чтобы воткнуть его в нагрудник Адолина. К сожалению, принц отпустил Клинок, когда они упали. Рука в бронированной перчатке оказалась прямо под мостовиком.

Каладин со всей силы опустил оружие вниз.

Адолин приподнялся на одной руке.

Удар Каладина не достиг цели; он обнаружил, что летит по воздуху, отброшенный прочь под действием увеличенной Доспехами силы Носителя Осколков. Он пронёсся восемь футов, прежде чем упасть на землю. Песок впился в бок, а плечо, которым он врезался в Адолина, снова охватила боль. Каладин шумно выдохнул.

– Идиот! – закричал Зейхел.

Каладин застонал, переворачиваясь. Перед глазами все плыло.

– Ты мог убить мальчишку!

Он разговаривал с Адолином где-то очень далеко отсюда.

– Он напал на меня!

Голос Адолина заглушался шлемом.

– Ты бросил ему вызов, глупый ребенок.

Голос Зейхела приблизился.

– Он сам напрашивался, – ответил Адолин.

Боль. Кто-то подошел к Каладину сбоку. Зейхел?

– На тебе Доспехи, Адолин.

Да, это был Зейхел. Он опустился на колени перед Каладином, зрение которого по-прежнему отказывалось фокусироваться.

– Ты не можешь отбрасывать незащищенного броней партнера по тренировке как вязанку дров. Твой отец не учил тебя вести себя подобным образом!

Каладин резко вдохнул и заставил себя открыть глаза. Штурмсвет из кармашка на поясе наполнил его тело.

«Не слишком много. Нельзя, чтобы кто-то увидел. Нельзя, чтобы это забрали!»

Боль исчезла. Его плечо исцелилось – он не знал, сломал ли его или просто выбил. Зейхел вскрикнул от удивления, когда Каладин поднялся на ноги и бросился к Адолину.

Принц отступил, вытянув руку в сторону, явно призывая Клинок. Ударом ноги Каладин подкинул свое полукопье с песка и поймал его на лету.

В это мгновение силы его оставили. Буря внутри испарилась без предупреждения, и он споткнулся, задохнувшись от вернувшейся боли в плече.

Адолин поймал его за руку бронированным кулаком. Клинок принца появился в его другой руке, но в этот момент еще один Клинок коснулся шеи Каладина.

– Ты мертв, – проговорил Зейхел сзади, удерживая Клинок у кожи Каладина. – Снова.

Каладин обмяк посреди полигона, уронив обломок копья. Он чувствовал себя полностью опустошенным. Что произошло?

– Иди помоги брату с прыжками, – приказал Зейхел Адолину.

Почему он взял привычку командовать принцами?

Адолин отошел, и Зейхел опустился на колени перед Каладином.

– Не уклоняешься, когда кто-то замахивается на тебя Клинком Осколков. Ты ведь действительно сражался с Носителями раньше, так?

– Да.

– Тогда тебе повезло, что остался жив, – сказал Зейхел, ощупывая плечо Каладина. – В тебе есть стойкость. Ее так много, что она перерастает в глупость. Ты в хорошей форме и правильно мыслишь во время схватки. Но понятия не имеешь, как противостоять Носителям Осколков.

– Я...

Что еще сказать? Зейхел прав. Противоречить ему было бы заносчивостью. Две схватки – три вместе с сегодняшней – не делали Каладина знатоком. Он поморщился, когда Зейхел задел его больное сухожилие. На земле появилось еще больше спренов боли. Сегодня он задал им работы.

– Здесь все цело, – хмыкнул Зейхел. – Как ребра?

– С ними все в порядке, – ответил Каладин, снова лег на песок и уставился в небо.

– Ну, не буду заставлять тебя учиться, – проговорил Зейхел, вставая. – В общем-то, не думаю, что смогу тебя заставить.

Каладин зажмурил глаза. Он чувствовал себя униженным, но почему? Он проигрывал в тренировочных поединках и раньше. Это случалось постоянно.

– Ты сильно напоминаешь мне его, – продолжил Зейхел. – Адолин тоже не позволял себя обучать. Поначалу.

Каладин открыл глаза.

– У меня с ним нет ничего общего.

Ардент только рассмеялся, поднялся и пошел прочь. Он усмехался, как будто услышал самую забавную шутку в мире. Каладин продолжал лежать на песке и смотреть в темно-синее небо, прислушиваясь к звукам тренировки. Наконец прилетела Сил и приземлилась ему на грудь.

– Что произошло? – спросил Каладин. – Штормсвет меня покинул. Я почувствовал, как он уходит.

– Кого ты защищал? – спросила Сил.

– Я... Я тренировался сражаться так же, как со Шрамом и Камнем на дне ущелий.

– Ты действительно делал только это? – спросила Сил.

Он не знал. Каладин полежал, уставившись в небо, до тех пор, пока наконец не восстановил дыхание и не заставил себя со стоном подняться на ноги. Отряхнувшись, он направился к Моашу и остальным телохранителям. По дороге Каладин втянул немного штормсвета, и все получилось, его плечо начало медленно исцеляться, ушибы проходили.

По крайней мере те, что были на теле.



Пять с половиной лет назад

Шелк нового платья Шаллан казался мягче, чем все, что она носила раньше. Он касался ее кожи, как легкий бриз. Левый рукав полностью закрывал ладонь. Она была уже достаточно взрослой, чтобы прятать безопасную руку. Когда-то Шаллан мечтала носить женские платья. Вместе с матерью она...

Ее мать...

Разум Шаллан застыл. Как внезапно задутая свеча, она перестала думать. Откинувшись в кресле, девочка поджала ноги и положила руки на колени. В мрачной каменной столовой царил суэта, связанная с подготовкой особняка

Давар к приезду гостей. Шаллан не знала, кого ждут, только то, что отец хочет, чтобы все было безупречно.

Не то чтобы она могла чем-нибудь помочь.

Две служанки, судача, прошли мимо.

– Она видела, – тихо прошептала одна другой, новенькой. – Бедняжка находилась в комнате, когда это случилось. Пять месяцев ни словечка не говорила. Хозяин убил свою жену и ее любовника, но не вздумай...

Они продолжали разговаривать, но Шаллан не слышала.

Она держала руки на коленях. Насыщенный цвет ее голубого платья был единственным ярким пятном в комнате. Шаллан сидела на возвышении за высоким столом. Полдюжины служанок в коричневом, в перчатках на безопасных руках скребли пол и полировали мебель. Паршмены привезли еще несколько столов. Служанка распахнула окна, впустив влажный свежий воздух после недавнего сверхшторма.

Шаллан опять уловила упоминание своего имени. Видимо, служанки думали, что если она не может говорить, то и не слышит. Временами она задумывалась, не является ли невидимой. Может, она не настоящая. Как было бы хорошо...

Дверь в зал с шумом открылась, и вошел нан-Хеларан. Высокий, мускулистый, с квадратной челюстью. Ее старший брат уже превратился в мужчину. Остальные братья... они оставались детьми. Даже тет-Балат, достигший совершеннолетия. Хеларан осмотрел комнату, вероятно, в поисках отца. Затем подошел к Шаллан с небольшим свертком под мышкой. Служанки с расторопностью уступали ему дорогу.

– Привет, Шаллан, – сказал Хеларан, присаживаясь на корточки рядом с ее креслом. – Ты здесь присматриваешь?

Просто нужно было здесь находиться. Отцу не нравилось, если она оставалась без присмотра. Он беспокоился.

– Я кое-что принес, – продолжил Хеларан, разворачивая сверток. – Заказал это для тебя в Нортгрипе, и торговец только что доставил.

Он вынул кожаную сумку.

Шаллан нерешительно взяла ее в руки. Улыбка Хеларана была такой широкой, что он практически сиял. Трудно хмуриться, когда он так улыбался. Пока он находился рядом, она почти могла притвориться... Почти...

Ее разум опустел.

– Шаллан? – позвал он, подтолкнув сестру.

Она расстегнула сумку. Внутри была стопка бумаги для рисования – плотной и дорогой – и набор угольных карандашей. Девочка прижала закрытую безопасную руку к губам.

– Я скучал по твоим рисункам, – произнес Хеларан. – Думаю, у тебя может получаться очень хорошо, Шаллан. Ты должна больше практиковаться.

Она провела пальцами правой руки по бумаге и взяла карандаш. Начала рисовать. Это было так давно.

– Мне нужно, чтобы ты к нам вернулась, Шаллан, – мягко проговорил Хеларан.

Она съежилась, царапая карандашом бумагу.

– Шаллан?

Ни слова. Только рисование.

– Я собираюсь уехать на несколько лет. Нужно, чтобы ты присматривала для меня за остальными. Я беспокоюсь за Балата. Я подарил ему нового щенка громгончей, а он... не был к нему добр. Тебе нужно стать сильной, Шаллан. Ради них.

Служанки молчали с тех пор, как вошел Хеларан. За ближайшим окном вились вялые лозы, спускаясь вниз. Карандаш Шаллан продолжал двигаться. Как будто не она рисовала, а рисунок сам появлялся на странице. Сквозь текстуру проступали угольные контуры. Как кровь.

Хеларан вздохнул, вставая, и наконец заметил, что она рисует. Тела, лицом вниз, на полу с...

Он схватил бумагу и скомкал ее. Шаллан вздрогнула и начала тянуть листок назад, сжав карандаш так, что задрожали пальцы.

– Рисуи растения, – сказал Хеларан, – и животных. Безопасные вещи, Шаллан. Не думай о том, что случилось.

По ее щекам потекли слезы.

– Пока что мы не можем отомстить, – тихо проговорил Хеларан. – Балат не может управлять домом, а я должен уехать. Впрочем, скоро...

Дверь с шумом открылась.

Отец был крупным мужчиной, носившим бороду вопреки моде. Его веденская одежда тоже отличалась несовременным фасоном: похожая на юбку из шелка улату, облегающая рубашка, сюртук поверх нее. Без меха норки, который носили бы его деды, но все равно очень традиционная.

Отец возвышался над Хелараном, да и над любым из обитателей поместья. Вслед за ним вошли паршмены, неся пакеты с продуктами для кухни. У них у всех была мраморная кожа, у двоих – красное на черном, и еще у одного – красное на белом. Отец любил паршменов. Они ему не перечили.

– Слышал, якобы ты приказал конюху приготовить одну из моих повозок, Хеларан! – закричал отец. – Я не позволю, чтобы ты снова где-то шлялся!

– В мире есть много важных вещей, – ответил Хеларан. – Более важных, чем ты и твои преступления.

– Не говори со мной в таком тоне, – произнес светлорд Давар, приблизившись и тыча в сына пальцем. – Я твой отец.

Служанки заторопились на другой конец комнаты, стараясь не попасться ему на глаза. Шаллан притянула сумку к груди, попытавшись спрятаться в кресле.

– Ты убийца, – спокойно произнес Хеларан.

Отец остановился, его лицо побагровело. Затем он снова шагнул вперед.

– Как ты смеешь! Думаешь, я не могу тебя запереть? Ты мой наследник и считаешь, что я...

В руке Хеларана показалась туманная полоска, превратившаяся в серебристую сталь. Это был Клинок Осколков, примерно шести футов длиной, изогнутый, с толстым лезвием и с незаточенной стороной в форме всполохов пламени или, скорее, небольших волн на воде. На рукояти виднелся драгоценный камень. Когда свет отражался от металла, казалось, что неровные края движутся.

Хеларан оказался Носителем Осколков. Отец Штормов! Каким образом? Когда?

Отец осекся, остановившись на полном ходу. Хеларан прыгнул вниз с небольшого возвышения и наставил Клинок Осколков на отца, уперев острие ему в грудь.

Светлорд Давар поднял руки раскрытыми ладонями вверх.

– Ты – отвратительная гниль, разъедающая этот дом, – сказал Хеларан. – Мне следовало бы тебя проткнуть. Это было бы милосердием.

– Хеларан... – Эмоции, по всей видимости, покинули отца так же, как кровь отлила от лица, превратив его в белую застывшую маску. – Ты понятия не имеешь о том, что, как ты считаешь, тебе известно. Твоя мать...

– Я не буду выслушивать твою ложь, – ответил Хеларан, крутанув запястьем и повернув меч, все еще упирающийся в грудь отца. – Это несложно.

– Нет, – прошептала Шаллан.

Хеларан наклонил голову и повернулся, не меняя положение меча.

– Нет, – повторила Шаллан. – Пожалуйста.

– Теперь ты заговорила? – спросил Хеларан. – Чтобы его защитить?

Он рассмеялся. Звук вышел похожим на резкий лай. Хеларан отдернул меч от груди отца.

Все еще бледный, тот сел за обеденный стол.

– Каким образом? Клинок Осколков? Откуда? – Он внезапно посмотрел вперед. – Но нет. Не может быть. Твои новые друзья? Они доверили тебе такую ценность?

– Нас ждет важная работа, – ответил Хеларан, повернувшись и подойдя к Шаллан. Он ласково положил руку ей на плечо и продолжил более мягко: – Когда-нибудь я расскажу обо всем, сестра. Приятно снова услышать твой голос до отъезда.

– Не уезжай, – прошептала она. Слова во рту казались шершавыми. Прошли месяцы с тех пор, как она говорила в последний раз.

– Я должен. Пожалуйста, сделай пару рисунков, пока меня не будет. Какие-нибудь причудливые вещицы. Или что-нибудь хорошее. Сможешь?

Она кивнула.

– Прощай, отец, – проговорил Хеларан, затем повернулся и направился к выходу из комнаты. – Постарайся не слишком много тут испортить в мое отсутствие. Время от времени я буду возвращаться и проверять, как идут дела. – Его голос эхом отдавался в коридоре по мере того, как он удалялся прочь.

Светлорд Давар поднялся из-за стола и взревел. Несколько служанок, все еще остававшихся в комнате, выскользнули в боковую дверь, ведущую в сад. Подхватив стул, отец с силой швырнул его в стену, и Шаллан в ужасе отпрянула. Он пнул маленький чайный столик, а затем сильными ударами о пол разбил один за другим все стулья.

Тяжело дыша, он повернулся к Шаллан.

Шаллан заскулила, заметив нечеловеческую ярость в его глазах. Сфокусировав на ней взгляд, отец словно очнулся. Он уронил сломанный стул, повернулся к ней спиной, будто в смущении, и покинул комнату.



*Форма искусства – для красок и цвета,
Тоскует по песням, что их вызывают.
Очень сложна для художников правда,
Что спрены пришли и судьбу создают.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 90

Когда Шаллан и ее маленький караван приблизились к источнику дыма впереди, солнце превратилось в тлеющий уголек на горизонте, погружающийся в небытие. Хотя столб дыма стал меньше, теперь она могла разглядеть, что он исходит от трех разных источников и поднимается в воздух, скручиваясь в один.

Шаллан встала на ноги в покачивающейся повозке, когда они начали взбираться вверх по последнему холму, а затем остановились на обочине, всего в нескольких футах от места, откуда ей стало бы видно, что там происходит. Конечно, спуститься с холма – не самая удачная идея, если внизу поджидали бандиты.

Блут слез с повозки и побежал вперед. Он был не слишком проворным, но лучшего разведчика у них не имелось. Наемник опустил на корточки и снял свою чересчур изысканную шляпу, а затем направился к вершине холма, чтобы осмотреться. Минутой позже он выпрямился, больше не стараясь скрываться.

Шаллан прыгнула со своего сиденья и поспешила наверх, время от времени цепляясь юбкой за изогнутые ветки корошипника. Она добралась до вершины холма как раз перед Твлаквом.

Внизу потихоньку дотлевали три караванных повозки, повсюду виднелись следы битвы. Упавшие стрелы, несколько трупов, сложенных в кучу. Сердце Шаллан подпрыгнуло, когда среди мертвых она увидела живых. Горстка измученных фигур копалась в обломках или переносила тела. Они были одеты не как бандиты, а как обычные караванщики. Еще пять повозок сбились в кучу на дальней стороне лагеря. Некоторые обгорели, но, казалось, были исправны и все еще нагружены товаром.

Вооруженные мужчины и женщины обрабатывали раны. Охранники. Группа испуганных паршменов ухаживала за чуллами. Эти люди подверглись нападению, но выжили.

– Дыхание Келека... – произнес Твлакв. Он обернулся и прогнал Блута и Шаллан. – Назад, пока они не увидели.

– Почему? – спросил Блут, но подчинился. – Это же другой караван, как мы и надеялись.

– Да, и им не нужно знать, что мы здесь. Возможно, они захотят поговорить с нами, а это может нас задержать. Смотри!

Он указал за спину.

В угасающем свете дня Шаллан заметила тень на гребне холма недалеко от них. Дезертиры. Она жестом попросила у Твлакв подзорную трубу, и он неохотно ее подал. На линзе были трещины, но Шаллан удалось хорошо разглядеть приближенную картинку. Как и сообщил Блут, примерно тридцать солдат. У них не было ни знамен, ни единого строя, ни одинаковой униформы, но все выглядели хорошо экипированными.

– Нам нужно спуститься и попросить помощи у другого каравана, – сказала Шаллан.

– Нет! – возразил Твлакв, отбирая подзорную трубу. – Необходимо бежать! Бандиты увидят эту более богатую и ослабленную группу и нападут на них вместо нас!

– И ты думаешь, что потом они не станут нас преследовать? С нашими настолько заметными следами? Считаешь, они не погонятся за нами на следующий день?

– Сегодня ночью должен обрушиться свержшторм, – сказал Твлакв. – Он скроет наши следы, сметет остатки растений, которые мы раздавили.

– Вряд ли, – ответила Шаллан. – Если мы останемся с новым караваном, то сможем объединить наши маленькие силы. Сможем выстоять. И...

Внезапно Блут поднял руку.

– Шум.

Он резко развернулся, потянувшись за дубинкой.

Поблизости стояла фигура, скрытая тенями. Видимо, у подвергнувшегося нападению каравана имелся собственный разведчик.

– Вы привели их прямо к нам, не так ли? – спросил женский голос. – Кто они такие? Тоже бандиты?

Твлакв поднял сферу, которая осветила разведчика, оказавшегося светлоглазой женщиной среднего роста и крепкого телосложения. Она была одета в брюки и длинный плащ, который выглядел почти как платье, с пряжкой на поясе, и носила коричневую перчатку на безопасной руке. Женщина говорила на алету без акцента.

– Я... – проговорил Твлакв. – Я всего лишь скромный торговец и...

– Те, что нас преследуют, явно бандиты, – вмешалась Шаллан. – Они гонятся за нами целый день.

Женщина выругалась и подняла свою подзорную трубу.

– Хорошо экипированы, – пробормотала она. – Дезертиры, я полагаю. Как будто и без того мало хлопот. Йикс!

Неподалеку появилась вторая фигура, одетая в коричневую одежду цвета камня. Шаллан подскочила. Как она могла его не заметить? Он находился так близко! И носил меч на поясе. Светлоглазый? Нет, иноземец, судя по золотистым волосам. Шаллан никогда не была уверена, какое значение в их социальной иерархии имеет цвет глаз. В районе Макабаки не жили люди со светлыми глазами, хотя у них были короли, а в Ири практически все имели светло-желтые глаза.

Йикс подбежал, держа руку на оружии, глядя на Блута и Тага с явной враждебностью. Женщина сказала ему что-то на языке, который Шаллан не знала, и он кивнул, а затем отправился к каравану внизу. Женщина пошла следом.

– Подожди! – позвала ее Шаллан.

– Нет времени на разговоры, – оборвала женщина. – Нам придется сражаться с двумя группами бандитов.

– Двумя? – переспросила Шаллан. – Вы не разгромили ту, что напала на вас раньше?

– Мы их отбросили, но они скоро вернуться. – Женщина задержалась на склоне холма. – Думаю, пожар был случайностью. Они пугали нас пылающими головнями. Бандиты отступили, чтобы мы справились с пожаром, потому что не хотели терять товар.

Значит, две силы. Бандиты впереди и позади. Шаллан обнаружила, что вспотела на холодном воздухе. Солнце наконец исчезло за западным горизонтом.

Женщина смотрела на север, куда, должно быть, отступила группа бандитов.

– Да, они вернуться, – сказала она. – Захотят покончить с нами до прихода сверхшторма сегодня ночью.

– Предлагаю вам защиту, – услышала Шаллан свои слова.

– Защиту? – с недоумением переспросила женщина, поворачиваясь к Шаллан.

– Вы должны принять меня и моих людей в ваш лагерь. Я прослежу за вашей безопасностью этой ночью. Затем понадобятся ваши услуги, чтобы проводить меня к Разрушенным равнинам.

Женщина рассмеялась.

– Ты дерзкая, кем бы ты ни была. Можете присоединиться к нашему лагерю, но вы умрете здесь с остальными.

От каравана донеслись вопли. Через мгновение полетели стрелы, пронзая ночь, осыпая повозки и караванщиков.

Крики.

За стрелами последовали бандиты, возникая из темноты. Экипированные и близко не так хорошо, как дезертиры, они в этом и не нуждались. В караване осталось около десятка охранников. Женщина выругалась и бросилась вниз по склону холма.

Шаллан вздрогнула, широко раскрыв глаза, наблюдая за внезапной бойней внизу. Затем она повернулась и зашагала к повозкам Твлакв. Ей было знакомо это давящее чувство. Хладнокровие. Шаллан знала, что ей нужно делать. Она понятия не имела, сработает ли, но увидела решение – подобно тому, как линии в рисунке собираются вместе, превращая случайные каракули в полную картину.

– Твлакв, – сказала она. – Возьми Тага и попробуй помочь тем людям в сражении.

– Что?! – воскликнул он. – Нет. Нет, я не собираюсь расплачиваться жизнью за вашу глупость.

В темноте она встретила с ним глазами, и он замолчал. Шаллан знала, что слегка светится, чувствуя внутри себя шторм.

– Сделай это. – Она оставила торговца и пошла к своей повозке. – Блут, разверни повозку.

Он стоял, держа сферу, рядом с чуллами, глядя на что-то в своей руке. Лист бумаги? Безусловно, Блут не из тех людей, которые знают глифы.

– Блут! – рявкнула Шаллан, забираясь в повозку. – Нам нужно двигаться. Сейчас же!

Он встряхнулся, засунул листок подальше и вскарабкался на сиденье с ней рядом. Хлестнув чуллу, Блут развернул повозку.

– Что мы делаем? – спросил он.

– Направляемся на юг.

– К бандитам?

– Да.

На этот раз Блут сделал, как она сказала, без жалоб, подстегивая чуллу, словно стремился просто покончить со всем происходящим. Повозка грохотала и тряслась, пока они ехали вниз по склону одного холма и поднимались на другой.

Они достигли вершины и посмотрели вниз на поднимающиеся к ним силы. Мужчины несли факелы и фонари со сферами, поэтому Шаллан могла различить их лица. Мрачные лица суровых людей, с оружием наизготове. Их нагрудные пластины и кожаные куртки когда-то имели опознавательные символы, но она разглядела, что нашивки были срезаны или сорваны.

Дезертиры смотрели на Шаллан с явным потрясением. Они не ожидали, что их добыча придет к ним сама. Ее появление на мгновение их поразило. На важное мгновение.

«Здесь должен быть офицер, – подумала Шаллан, вставая со своего места. – Они солдаты или когда-то ими были. У них должна сохраниться командная структура».

Она сделала глубокий вдох. Блут поднял сферу, глядя на нее, и хмыкнул, как будто удивился.

– Хвала Отцу Штормов, что вы здесь! – закричала Шаллан мужчинам. – Я отчаянно нуждаюсь в вашей помощи.

Группа дезертиров уставилась на нее.

– Бандиты, – продолжила Шаллан. – Они напали на наших друзей в караване всего лишь за два холма отсюда. Там резня! Я сказала, что видела позади солдат, направляющихся к Разрушенным равнинам. Никто мне не поверил. Пожалуйста. Вы должны помочь.

Они по-прежнему только глазели на нее.

«Немного похоже на норку, блуждающую в логове белоспинника и вопрошающую, когда же ужин», – подумала Шаллан.

Наконец мужчины беспокойно зашевелились и повернулись к человеку в центре. Высокому, с бородой, с руками, слишком длинными для его тела.

– Говоришь, бандиты, – ответил мужчина бесстрастным голосом.

Шаллан спрыгнула с повозки и пошла к мужчине, оставив Блута сидящим как безмолвная глыба. Дезертиры перед ней расступались. Их одежда была оборванной и грязной, седеющие, растрепанные волосы и лица годами не видели ни бритвы, ни мочалки. И все же в свете факелов их оружие сверкало, на нем не было ни одного пятна ржавчины, а нагрудники отполированы так, что в них отражалось ее лицо.

Женщина, которая отразилась в одной из нагрудных пластин, выглядела слишком высокой, слишком статной, чтобы быть Шаллан. Вместо спутанных волос у нее оказались струящиеся рыжие локоны. Вместо лохмотьев бродяги – платье с золотой отделкой. Раньше на ней не было ожерелья, а когда она протянула руку к главарю банды, на обломанных ногтях появился превосходный маникюр.

– Светлость, – проговорил мужчина, когда она шагнула к нему, – мы не те, за кого ты нас приняла.

– Нет, – ответила Шаллан. – Вы не те, за кого вы сами себя принимаете.

В свете огней все вокруг поедали ее жадными взглядами, и она почувствовала, как по телу побежали мурашки. Действительно, как в логове хищника. Но буря внутри подстегивала к действию и дарила больше уверенности.

Вожак открыл рот, как будто хотел отдать приказ. Шаллан его оборвала.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Ватах, – ответил мужчина, поворачиваясь к своим соратникам. Воринское имя, как и у Шаллан. – И я потом решу, что с тобой делать. Газ, возьми ее и...

– Что бы ты сделал, Ватах, – спросила Шаллан громким голосом, – чтобы перечеркнуть прошлое?

Он оглянулся в ее сторону, его лицо осветилось с одной стороны примитивным факелом.

– Стал бы ты защищать вместо того, чтобы убивать, если бы имел выбор? – спросила Шаллан. – Спасать, а не грабить, если бы мог? Хорошие люди умирают, пока мы говорим здесь. Ты можешь это остановить.

Его темные глаза казались мертвыми.

– Мы не можем изменить прошлое.

– Я могу изменить ваше будущее.

– Нас разыскивают.

– Да, я пришла сюда, разыскивая людей. Надеюсь найти людей. Вам предлагают шанс снова стать солдатами. Пойдемте со мной, я прослежу, чтобы вы получили новую жизнь. Эта жизнь начнется со спасения, а не убийства.

Ватах насмешливо хмыкнул. В ночи его лицо казалось незавершенным, грубым, как набросок.

– Светлорды подвели нас в прошлом.

– Слышишь? – спросила Шаллан. – Слышишь крики?

Сзади доносились жалобные звуки. Крики о помощи. Караванщиков, мужчин и женщин. Умиряющих. Душераздирающие крики. Несмотря на то, что Шаллан сама указала на них, она удивилась, насколько они отчетливы. Насколько похожи на мольбу.

– Дайте себе еще один шанс, – тихо сказала девушка. – Если вы вернетесь со мной, я прослежу, чтобы о ваших преступлениях забыли. Я ручаюсь в этом всем, что имею, самим Всемогущим. Вы сможете начать жизнь заново. Начните как герои.

Ватах смотрел ей в глаза. Этот человек был камнем. С замиранием сердца девушка поняла, что он не дрогнул. Буря внутри Шаллан начала угасать, а ее страхи вскипали все сильнее. Что она делает? Это безумие!

Ватах снова отвел взгляд, и она поняла, что потеряла его. Главарь рявкнул приказ взять ее в плен.

Никто не двинулся. Шаллан сосредоточилась только на Ватахе, а не на остальных двух с половиной десятках мужчин, которые придвинулись ближе, подняв факелы. Они откровенно разглядывали ее, и девушка уже едва различала похоть, которую заметила раньше. С широко раскрытыми глазами, полными страсти, дезертиры внимали отдаленным воплям. Одни касались униформы в тех местах, где раньше были знаки отличия. Другие опускали взгляд на копья и топоры – оружие, с которым они служили, возможно, не так уж давно.

– Вы, дураки, над чем раздумываете? – спросил Ватах.

Один человек, невысокий парень со шрамом на лице и повязкой на глазу, кивнул.

– Я бы не против начать заново, – пробормотал он. – Шторма, было бы неплохо!

– Однажды я спас жизнь женщине, – сказал другой – высокий, лысый мужчина в возрасте за сорок. – Несколько недель чувствовал себя героем. Тосты в таверне. Тепло. Бездна! Мы погибаем здесь!

– Мы сбежали от их притеснений! – проревел Ватах.

– И что мы сделали с нашей свободой, Ватах? – спросил мужчина из заднего ряда группы.

В последовавшем молчании Шаллан слышала только крики о помощи.

– Шторм побери, я иду! – сказал невысокий мужчина с повязкой на глазу и побежал вверх по склону.

Другие сорвались с места и последовали за ним. Не успела Шаллан повернуться, как почти вся группа бросилась вперед. Блут стоял на повозке, его потрясенное лицо виднелось в свете проносимых мимо факелов. Затем он завопил, спрыгнул со своего места и с высоко поднятой дубинкой присоединился к дезертирам, направляющимся в битву.

Шаллан осталась с Ватахом и еще двумя мужчинами, которые остолбенели от происшедшего. Скрестив руки на груди, Ватах едва слышно выдохнул:

– Идиоты, все до одного.

– Они не идиоты, если хотят быть лучше, чем есть, – сказала Шаллан.

Он фыркнул, оглядев ее. Шаллан немедленно ощутила вспышку страха. Несколько минут назад этот человек был готов ее ограбить и, возможно, даже хуже. Ватах не двинулся к ней, хотя теперь, когда исчезло большинство факелов, его лицо выглядело еще более угрожающим.

– Кто ты? – спросил он.

– Шаллан Давар.

– Ну, светлость Шаллан, – сказал он, – надеюсь, что, в твоих же интересах, ты сможешь сдержать слово. Пошли, ребята. Посмотрим, сможем ли мы сохранить жизнь тем дуракам.

Он ушел с двумя остальными и полез вверх по холму навстречу сражению.

Шаллан стояла одна в ночи, тихо дыша. Штормсвета не осталось, она использовала его весь. Ее ноги больше не болели так сильно, но она чувствовала себя измученной, опустошенной, как проколотый бурдюк. Шаллан подошла к повозке и прислонилась к ней, сгорбившись, а затем сползла на землю. Откинув голову, девушка посмотрела в небо. Вокруг нее появилось несколько спренов усталости – маленькие вихри пылинок, крутящиеся в воздухе.

Салас, первая луна, расположилась фиолетовым диском в центре скопления ярких белых звезд. По-прежнему доносились крики и шум сражения. Будет ли достаточно дезертиров? Она не знала, как много там бандитов.

Шаллан была бы бесполезной в битве, только мешала бы. Она зажмурилась, поднялась на сиденье и достала свой альбом с набросками. Под звуки сражения и крики умирающих девушка набросала глифы для молитвы о надежде.

– Они прислушались, – прогудел Узор с ней рядом. – Ты их изменила.

– Не могу поверить, что это сработало, – ответила Шаллан.

– А... Ты хорошо лжешь.

– Нет, это было образное выражение. Кажется невероятным, что они в самом деле меня послушались. Закоренелые преступники.

– Ты лжешь и правда, – сказал Узор тихо. – Они изменились.

– Что это значит?

Было тяжело рисовать при одном только свете Саласа, но Шаллан делала все возможное.

– Раньше ты говорила об одной волне, – ответил Узор. – *Ткачество светом*, сила света. Но у тебя есть кое-что еще. Трансформация.

– *Преобразование*? – спросила Шаллан. – Я никого не *преобразовала*.

– М-м-м-м. Тем не менее ты их изменила. Тем не менее. М-м-м-м.

Шаллан закончила молитву и, подняв ее, заметила, что предыдущая страница вырвана из альбома. Кто это сделал?

Шаллан не могла сжечь молитву, но она не думала, что Всемогущий будет возражать. Девушка прижала молитву к груди и закрыла глаза, ожидая, пока крики внизу стихнут.



*Посредничества форма для мира была,
Обучения и утешения.
С приходом богов применение нашла
Во лжи и опустошении.*

«Песнь перечислений» слушающих, строфа 33

Шаллан закрыла глаза Блута, не глядя на рваную рану в его животе, в которой виднелись внутренности. Вокруг нее рабочие спасали из лагеря все, что могли. Люди стонали, хотя некоторые из стонов обрывались, когда Ватах приканчивал бандитов одного за другим.

Шаллан его не останавливала. Он безжалостно выполнял свой долг и не смотрел на нее, проходя мимо.

«Ватах думает, что он сам и его люди легко могли оказаться на месте тех бандитов, – подумала Шаллан, снова опуская взгляд на подсвечиваемое огнями лицо Блута. – Что отделяет героев от злодеев? Один ночной разговор?»

Блут стал не единственной жертвой нападения. Ватах потерял семерых солдат. Они убили почти вдвое больше бандитов. Обессиленная Шаллан поднялась на ноги, но помедлила, увидев что-то торчащее из куртки Блута. Она наклонилась и расстегнула ее.

Во внутреннем кармане лежал сделанный ею набросок. Тот самый, на котором она изобразила Блута не таким, каким он был, а каким бы, согласно ее воображению, мог стать. Солдатом в армии, в новенькой униформе. Со взглядом, устремленным вперед, а не, как обычно, вниз. Героем.

Когда он успел забрать рисунок из ее альбома? Шаллан расправила лист бумаги, разгладив складки.

– Я ошибалась, – прошептала она. – Ты стал отличным началом для моей коллекции, Блут. Сражайся как следует за Всемогущего, пока спишь, храбрец.

Шаллан выпрямилась и оглядела лагерь. Несколько паршменов из каравана стаскивали трупы в кучу, чтобы потом сжечь. Ее вмешательство спасло торговцев, но не избавило от тяжелых потерь. Она не считала жертв, но груда тел казалась большой. Десятки трупов, включая почти всех охранников каравана. Среди них был и тот мужчина ириали, которого она встретила ранее ночью.

Шаллан настолько устала, что хотела только добраться до повозки, свернуться калачиком и заснуть. Но ей пришлось отправиться на поиски хозяев каравана.

Уже знакомая разведчица, изнуренная и покрытая кровью, стояла рядом с походным столом, разговаривая с пожилым бородатым мужчиной в войлочной шляпе. Он пропускал пальцы сквозь бороду и изучал своими голубыми глазами поданный женщиной лист бумаги.

Когда Шаллан приблизилась, оба подняли взгляд. Наемница положила руку на меч, мужчина продолжил поглаживать бороду. Неподалеку караванщики сортировали содержимое перевернувшейся повозки, раскладывая тюки с тканью.

– А вот и наша спасительница, – проговорил пожилой хозяин каравана. – Ваша светлость, даже сами ветра не смогут передать всю величественность и удивление от вашего своевременного прибытия.

Шаллан не ощущала своей величественности. Она устала и чувствовала себя больной и грязной. Ее голые ступни, спрятанные под юбкой, снова заболели, а способность *ткать светом* иссякла. Платье выглядело почти так же, как у какой-нибудь нищенки, а волосы, хоть и заплетенные в косу, были в полном беспорядке.

– Вы хозяин каравана? – спросила Шаллан.

– Меня зовут Макоб, – ответил он. Шаллан не смогла определить акцент. Не тайленский и не алети. – Вы уже встречались с моей помощницей. – Он кивнул в сторону женщины. – Тин руководит нашей охраной. После сегодняшнего происшествия количество ее солдат, как и моих товаров... сократилось.

Тин скрестила руки на груди. Она по-прежнему была одета в коричневый плащ, и в свете сфер Макоба Шаллан стало видно, что он сшит из хорошей кожи. Что можно подумать о женщине, одевающейся, как солдат, и носящей на поясе меч?

– Я как раз рассказывала Макобу о вашем предложении, – сказала Тин. – Которое мы обсуждали раньше, на холме.

Макоб хохотнул. Учитывая окружающую обстановку, звук вышел неуместным.

– Она называет это предложением. Моя помощница находится под впечатлением, что на самом деле это была угроза! Очевидно, что те наемники работают на вас. Мы гадаем, какие у вас планы насчет каравана.

– Наемники не работали на меня прежде, – ответила Шаллан, – но работают теперь. Потребовалось немного убеждения.

Тин повела бровью.

– Должно быть, очень хорошего убеждения, ваша светлость...

– Шаллан Давар. Я прошу вас только о том, о чем говорила прежде с Тин. Сопровождайте меня до Разрушенных равнин.

– Несомненно, этим могут заняться ваши солдаты, – проговорил Макоб. – Вам не нужна наша помощь.

«Мне требуется ваше присутствие, чтобы «солдаты» не забыли, что совершили», – подумала девушка.

Ее интуиция подсказывала, что чем больше вокруг них напоминаний о цивилизации, тем проще ей будет.

– Они солдаты, – ответила Шаллан. – И понятия не имеют, как с комфортом сопровождать светлоглазую женщину. Однако у вас есть хорошие повозки и много товаров. Если вам трудно судить по моему виду, то скажу, что я ужасно нуждаюсь в капельке роскоши. Я бы предпочла не выглядеть как бродяга, когда появлюсь на Разрушенных равнинах.

– Мы можем использовать ее солдат, – сказала Тин. – От моих сил осталась лишь горстка.

Она снова оглядела Шаллан, на этот раз с любопытством. И ее взгляд не казался недружелюбным.

– Тогда мы должны заключить договор, – проговорил Макоб, широко улыбнувшись, и потянулся через стол к Шаллан. – В благодарность за спасение

своей жизни я прослежу, чтобы вас обеспечили новой одеждой и изысканной пищей во время нашего совместного путешествия. Вы и ваши люди будете заботиться о нашей безопасности на оставшемся пути. Затем мы расстанемся и больше ничего не будем должны друг другу.

– Согласна, – ответила Шаллан, принимая его руку. – Я позволю вам присоединиться ко мне, вашему каравану – к моему.

Он замялся.

– К вашему?

– Да.

– И главной будете вы, как я понимаю?

– Вы ожидали обратного?

Он вздохнул, но пожал руку в знак заключения сделки.

– Нет, полагаю, что нет. Полагаю, нет.

Макоб выпустил ее руку и махнул в сторону двоих людей, стоявших в стороне возле повозок – Твлаква и Тага.

– А что насчет них?

– Это мои люди, – сказала Шаллан. – Я с ними разберусь.

– Только держите их в конце каравана, будьте любезны, – сказал Макоб, наморщив нос. – Грязный бизнес. Я бы предпочел, чтобы мой караван не вонял таким товаром. В любом случае вам следует собрать ваших людей. Скоро начнется свержштурм. Мы потеряли столько повозок, что у нас не будет дополнительных укрытий.

Шаллан оставила его и направилась через долину, стараясь не обращать внимания на смешанную вонь крови и сажи. От темноты отделилась фигура и пошла вслед за ней. При хорошем освещении Ватах выглядел не менее устрашающим, чем раньше.

– Ну? – спросила его Шаллан.

– Несколько моих людей погибли, – ответил он монотонным голосом.

– Они погибли, сражаясь за благое дело, – проговорила Шаллан, – и семьи выживших благословят их за такую жертву.

Ватах взял ее за руку, заставив остановиться. Его хватка была крепкой, даже болезненной.

– Ты выглядишь не так, как раньше, – сказал он. Шаллан обнаружила, как заметно он над ней возвышается. – Мои глаза меня обманули? В темноте я увидел королеву. Сейчас передо мной ребенок.

– Возможно, ты увидел то, что требовалось твоей совести, – ответила Шаллан, безуспешно пытаясь выдернуть руку. Ее лицо залило румянцем.

Ватах наклонился. Дыхание дезертира было не особенно приятным.

– Мои люди совершали и худшие вещи, – прошептал он, махнув рукой на горящих мертвецов. – Мы грабили там, в дикой местности. Мы убивали. Думаешь, одна ночь нас освободит? Думаешь, одна ночь прекратит кошмары?

Шаллан ощутила пустоту в желудке.

– Если мы последуем за тобой на Разрушенные равнины, мы покойники, – продолжил Ватах. – Сразу после возвращения нас повесят.

– Мое слово...

– Твое слово ничего не значит, женщина! – заорал он, усиливая хватку.

– Ты должен ее отпустить, – спокойно произнес Узор из-за спины дезертира.

Ватах оглянулся вокруг, но поблизости никого не было. Шаллан заметила Узора на спине униформы Ватаха, когда тот повернулся.

– Кто это сказал? – требовательно спросил Ватах.

– Я ничего не слышала, – ответила Шаллан, каким-то образом сохраняя спокойствие.

– Ты должен ее отпустить, – повторил Узор.

Ватах снова оглянулся и посмотрел на Шаллан, которая встретила его пристальный взгляд с изумленным выражением лица. Она даже выдавила улыбку.

Он отпустил ее и вытер руку о штаны, а затем ушел. Узор соскользнул по его спине и ногам на землю и приблизился к Шаллан.

– Этот будет проблемой, – сказала Шаллан, потирая место захвата.

– Образное выражение? – спросил Узор.

– Нет, я имела в виду именно то, что сказала.

– Странно, – проговорил Узор, глядя на удаляющегося Ватаха. – Я-то думал, что он уже является проблемой.

– Ты прав.

Шаллан продолжила свой путь к Твлакву, который расположился на сиденье повозки, сложив руки перед собой. Он улыбнулся Шаллан, когда она подошла, хотя сегодня выражение его лица казалось особенно неубедительным.

– Итак, – произнес он, пытаясь завязать разговор, – вы участвовали в этом с самого начала?

– Участвовала в чем? – устало спросила Шаллан, отослав Тага, чтобы можно было поговорить с Твлаквом наедине.

– В плане Блута.

– Поясни, пожалуйста.

– Очевидно, – сказал Твлакв, – что он был в сговоре с дезертирами. Той первой ночью, когда Блут прибежал обратно в лагерь, он встретился с ними и пообещал позволить нас захватить, если будет участвовать в доле. Вот почему они не убили вас двоих сразу, когда вы пошли с ними поговорить.

– Вот как? – ответила Шаллан. – Тогда почему Блут вернулся и предупредил нас той ночью? Почему он бежал с нами вместо того, чтобы просто позволить своим «друзьям» убить нас прямо там?

– Возможно, он познакомился только с некоторыми из них, – предположил Твлакв. – Да, они зажигали костры на том склоне ночью, чтобы заставить нас думать, что их было больше, а затем его друзья пошли собирать более многочисленную компанию... И... – Он вздохнул. – Шторма, в этом нет никакого смысла. Но как, почему? Мы должны быть мертвы.

– Всемогущий нас сохранил, – сказала Шаллан.

– Ваш Всемогущий – просто фарс.

– Тебе остается надеяться, что так и есть, – сказала Шаллан, подходя к задней части повозки Тага. – Ведь иначе такого человека, как ты, ждет Бездна.

Она осмотрела клетку. Внутри прятались пятеро рабов в грязной одежде. Каждый из них выглядел одиноким, хотя в клетке было довольно тесно.

– Теперь они – моя собственность, – сообщила Шаллан Твлакву.

– Что?! – Он вскочил со своего сиденья. – Вы...

– Я спасла твою жизнь, ты, льстивый маленький человечек, – ответила Шаллан. – И ты отдашь мне рабов в качестве оплаты. Компенсация моим солдатам, защищавшим тебя и твою никчемную жизнь.

– Это грабеж.

– Это справедливость. Если ты так сильно беспокоишься, подай жалобу королю на Разрушенных равнинах, как только мы прибудем.

– Я не собираюсь на Разрушенные равнины, – проворчал Твлакв. – Теперь у вас есть кое-кто другой для сопровождения, ваша светлость. А я отправлюсь на юг, как намечал с самого начала.

– Тогда ты поедешь без них, – сказала Шаллан, открывая клетку ключом, который он ей дал, чтобы она могла пользоваться повозкой. – Ты отдашь мне их

документы, подтверждающие рабство. И да хранит тебя Отец Штормов, если не все в порядке, Твлакв. Я очень хорошо определяю подделки.

Раньше она никогда даже не видела документ о рабстве и никак не смогла бы узнать, окажись один из них фальшивкой. Но Шаллан не беспокоилась. Она устала, расстроилась и стремилась покончить с делами этой ночи.

Один за другим пятеро рабов нерешительно вышли из повозки, косматые, бородатые, с голыми торсами. Ее поездка с Твлаквом доставила мало радости, но по сравнению с тем, через что прошли эти люди, отличалась роскошью. Кое-кто из них поглядывал в близкую темноту, как будто в нетерпении.

– Можете бежать, если желаете, – сказала Шаллан, смягчив свой тон. – Я не стану вас преследовать. Однако мне нужны слуги, и я буду хорошо вам платить. Шесть огненных марок в неделю, если вы согласны отдавать пять из них для выкупа ваших рабских обязательств. И одну – если не согласны себя выкупать.

Один из мужчин вскинул голову.

– То есть... мы получим те же деньги в любом случае? Какой в этом смысл?

– Самый глубокий, – ответила Шаллан, поворачиваясь к Твлакву, который беспокойно ерзал на месте. – У тебя три фургона, но только два погонщика. Не продашь ли мне третий фургон?

Ей не нужна была чулла – у Макоба остались лишние, которых она могла бы использовать, потому что несколько его фургонов сгорело.

– Продать повозку? Да ладно! Почему бы просто не украсть ее у меня?

– Перестань вести себя как ребенок, Твлакв. Тебе нужны мои деньги или нет?

– Пять сапфировых брумов, – бросил он. – И такая цена – настоящий грабеж, даже не спорьте.

Шаллан не знала, как обстояла ситуация на самом деле, но могла позволить себе заплатить. У нее было достаточно сфер, хотя большинство из них потускнели.

– Вы не можете забрать моих паршменов, – добавил Твлакв.

– Можешь оставить их себе, – ответила Шаллан.

Ей нужно будет поговорить с хозяином каравана насчет обуви и одежды для слуг.

Направившись посмотреть, сможет ли она взять лишнюю чуллу Макоба, Шаллан прошла мимо нескольких караванщиков, сбившихся в группу неподалеку от костра. Дезертиры бросили последнее тело – одного из своих – в пламя, отступили в сторону и вытерли пот с лица.

Темноглазая женщина из каравана выступила вперед, передав бывшему дезертиру листок бумаги. Он взял его, почесав в бороде. Это оказался тот невысокий одноглазый мужчина, который высказался во время ее речи. На листке была молитва из знакомых глифов, но не молитва скорби, как ожидала Шаллан. Молитва благодарения.

Бывшие дезертиры собрались вокруг костра и посмотрели на молитву. Затем отвернулись и оглянулись по сторонам, заметив, будто в первый раз, что два с половиной десятка человек стоят и смотрят на них. Молча. У кого-то на щеках блестели слезы, другие держали за руку детей. Шаллан не заметила детей прежде, но, увидев их, не удивилась. Караванщики проводили всю жизнь в дороге, и их семьи путешествовали с ними вместе.

Девушка остановилась прямо позади караванщиков, практически невидимая в темноте. Похоже, дезертиры не знали, как реагировать, окруженные сиянием благодарных глаз и признательностью на грани слез. В конце концов они сожгли молитву. Когда это произошло, Шаллан склонила голову, как и большинство наблюдавших.

Она оставила солдат, которые, казалось, выросли в своих собственных глазах и теперь наблюдали, как пепел молитвы возносится к Всемогущему.

Фолио: современные мужские фасоны



Страница из лиафорского фолио моды. Модель, как можно заметить, алетти, поскольку это фолио предназначено для продажи на алетийских и веденских рынках.

ОГНИ В БУРЕ



*Штормовая форма, как говорят,
Бурю ветров воскресила.
Берегись ее силы, берегись ее силы.
Принесла богам она ночь.
Кровавый спрен свяжет глупца.
Остерегайся конца, остерегайся конца.
«Песнь ветров» слушающих, строфа 4*

Каладин смотрел на оконные ставни. Шторм налетал шквалами.

Сначала тишина. Да, он слышал отдаленное завывание, когда ветер носился по расщелинам, но поблизости было тихо.

Затем дрожь. Древесина в раме яростно затрещала. Неистовая тряска, вода просачивалась во все щели. Что-то было там, в темном хаосе сверхшторма. Оно билось и ударяло в окно, желая попасть внутрь.

Вспыхнул свет, искрясь в каплях воды. Еще одна вспышка.

Затем свет стал постоянным. Устойчивый, как в светящихся сферах, только снаружи. Красноватый. По причине, которую Каладин не мог объяснить, у него возникло ощущение чьего-то взгляда.

Оцепеневший, он потянулся рукой к задвижке, чтобы открыть окно и посмотреть.

– Нужно укрепить ту болтающуюся ставню, – раздраженно проговорил король Элокар.

Свет угас. Треск прекратился. Каладин моргнул, опустив руку.

– Кто-нибудь, напомните мне попросить Накала за этим проследить, – сказал Элокар, расхаживая позади дивана. – Ставня не должна протекать. Это мой дворец, а не деревенская таверна!

– Мы непременно за всем проследим, – успокоил короля Адолин.

Он сидел возле камина, перелистывая альбом с набросками. Его брат занял место рядом на стуле со сложенными на коленях руками. Возможно, последствия его тренировки были болезненными, но он не показывал вида. Достав из кармана маленькую коробочку, Ренарин то и дело ее открывал, вертел в руках, потирал один ее бок, затем со щелчком захлопывал. Он повторял одни и те же действия снова и снова.

Прodelывая все это, принц смотрел в пустоту. Похоже, он проводил таким образом много времени.

Элокар продолжал расхаживать. Идрин – глава королевской стражи – стоял рядом с королем, выпрямившись и устремив взгляд зеленых глаз прямо перед собой. Для аleti он был темнокожим, возможно, с примесью азианской крови, и носил густую бороду.

Члены Четвертого моста чередовались сменами с его охранниками, как предложил Далинар, и к настоящему моменту Каладин был впечатлен этим человеком и командой, которой тот руководил. Однако, когда звук рога звал к забегу на плато, Идрин поворачивался в ту сторону и на его лице отражалась жажда действия. Ему хотелось быть там, где сражаются. Предательство Садеаса заставило многих солдат в лагере жаждать того же. Они словно хотели получить шанс доказать, насколько сильна армия Далинара.

Снаружи снова раздался грохот бури. Было странно не мерзнуть во время свержшторма – в бараке всегда чувствовалась зябкость. Эта комната хорошо прогревалась, хотя и не огнем. Вместо него в очаге установили рубин размером с кулак, и его стоимости хватило бы, чтобы кормить все население родного города Каладина в течение нескольких недель.

Каладин отошел от окна и побрел к камину якобы для осмотра драгоценного камня. В действительности он хотел взглянуть на то, что перелистывает Адолин. Многие мужчины отказывались даже смотреть на книги, считая это занятие неподобающим для своего пола. Похоже, Адолина подобное не смущало. Любопытно.

Дойдя до очага, Каладин миновал дверь в боковую комнату, куда с приходом шторма удалились Далинар и Навани. Каладин хотел поставить внутри охрану. Они отказались.

«Ладно, это единственный путь в комнату, – подумал Каладин. – Там нет даже окна».

Если на стене снова появятся слова, он будет знать наверняка, что туда никто не проник.

Каладин наклонился к очагу, разглядывая рубин, который был закреплен в проволочной клетке. От сильного жара лицо покрылось потом. Шторма, этот рубин оказался так велик, что заключенный в нем свет должен был его ослепить. Тем не менее Каладин мог пристально смотреть в глубину камня и видеть, как внутри движется свет.

Сияние драгоценных камней считалось ровным и спокойным, но это оказывалось верно только по контрасту с дрожащим светом свечей. Если посмотреть вглубь камня, можно было увидеть, как он хаотично переливается, как бушующий шторм. Внутри никакого спокойствия – так не спокоен ни ветер, ни шепот.

– Никогда раньше не видел обогревающий фабриал, я полагаю? – спросил Ренарин.

Каладин взглянул на принца в очках. Тот носил униформу светлорда аleti, как и Адолин. Фактически, Каладин никогда не видел их одетыми иначе – кроме Доспехов Осколков, конечно.

– Нет, – ответил Каладин.

– Новая технология, – произнес Ренарин, продолжая поигрывать маленькой металлической коробочкой. – Моя тетя сама его сделала. Не успеваешь моргнуть глазом, как мир в очередной раз изменился.

Каладин хмыкнул.

«Я знаю, каково это».

Часть его жаждала втянуть свет драгоценного камня. Глупый поступок. Штормсвета достаточно, чтобы заставить Каладина засверкать как костер. Он опустил руки и прошелся мимо кресла Адолина.

Эскизы в книге старшего принца изображали мужчин в богатой одежде. Рисунки оказались довольно хороши, и лица были прорисованы так же детально, как предметы одежды.

– Мода? – спросил Каладин. Он не собирался говорить, слова вырвались невольно. – Тратите время сверхшторма в поисках новой одежды?

Адолин захлопнул книгу.

– Но вы ведь ходите только в мундире, – закончил Каладин смущенно.

– Тебе действительно необходимо находиться здесь, мостовичок? – требовательно спросил Адолин. – Ясно же, что никто не собирается нападать на нас во время сверхшторма, подумать только!

– Если вы так считаете, – ответил Каладин, – значит, я точно должен здесь быть. Можно ли найти лучшее время для покушения? Ветер заглушит крики, и помощь прибудет нескоро, поскольку все спрятались, чтобы переждать шторм. Мне кажется, это как раз то время, когда его величество больше всего нуждается в охране.

Король прекратил метаться и произнес:

– В этом есть смысл. Почему никто до сих пор не объяснил мне такие вещи?

Он посмотрел на Идрину, который оставался невозмутимым.

Адолин вздохнул.

– Ты мог хотя бы не впутывать во все это меня и Ренарина, – тихо сказал он Каладину.

– Легче защищать вас, когда вы все вместе, светлорд, – ответил Каладин, отходя подальше. – И еще вы можете защищать друг друга.

Во время шторма Далинар в любом случае намеревался оставаться с Навани. Каладин снова подошел к окну, прислушиваясь к буре снаружи. Неужели во время того шторма он действительно увидел то, что думал? Лицо, огромное, как небо? Самого Отца Штормов?

«Я – божество, – сказала Сил. – Его маленький кусочек».

В конце концов шторм миновал, и Каладин открыл окно в черное небо, где в свете Номона мерцало несколько призрачных облаков. Шторм начался поздно ночью, но пока он бушевал, никто не мог уснуть. Каладин ненавидел, когда сверхшторм приходил так поздно, на следующий день он часто чувствовал себя разбитым.

Открылась дверь боковой комнаты, вышел Далинар, а следом Навани. Статная женщина несла большую тетрадь. Каладин, конечно, слышал о припадках кронпринца во время штормов. Его люди обсуждали эту тему. Некоторые думали, что Далинар боялся сверхштормов, и ужас повергал его в судороги. Другие шептались, что с возрастом Терновник потерял рассудок.

Каладину ужасно хотелось знать, что с ним. Его судьба и судьбы его людей были связаны со здоровьем этого человека.

– Цифры, сэр? – спросил Каладин, заглядывая в комнату и осматривая стены.

– Нет, – ответил Далинар.

– Иногда они появляются сразу после шторма, – сказал Каладин. – В коридоре снаружи дежурят мои люди. Я бы предпочел, чтобы все остались здесь еще ненадолго.

Далинар кивнул.

– На твое усмотрение, солдат.

Каладин пошел к выходу. Снаружи стояли на страже несколько человек из Четвертого моста и королевской стражи. Каладин кивнул Лейтену и отправил их

осмотреть балкон. Каладин поймает призрака, который выцарапывал те цифры. Если, конечно, таковой существовал.

Позади него Ренарин и Адолин подошли к отцу.

– Было что-либо новое? – тихо спросил Ренарин.

– Нет, – ответил Далинар. – Видение повторилось. Но они приходят в другом порядке, не так, как в прошлые разы, некоторые – новые, так что, возможно, кое-что мы еще не обнаружили...

Заметив Каладина, он замолчал и сменил тему.

– Ну, пока мы здесь ждем, я, пожалуй, могу получить свежие новости. Адолин, когда нам ожидать продолжения дуэлей?

– Я пытаюсь, – проворчал Адолин с гримасой. – Мне казалось, что избиение Салинора приведет к тому, что остальные захотят меня испытать, но они лишь начали уклоняться.

– Странно, – заметила Навани. – Разве не ты всегда говорил, что все хотели бы подраться с тобой на дуэли?

– Так они и хотели! – воскликнул Адолин. – По крайней мере, когда я не мог сражаться в поединках. Но сейчас, каждый раз, когда я бросаю вызов, они начинают переминаясь с ноги на ногу и отводить взгляд.

– Ты пытался вызвать кого-то из лагеря Садеаса? – нетерпеливо спросил король.

– Нет, – ответил Адолин. – Но там кроме него самого есть только один Носитель Осколков. Амарам.

Каладина затрясло.

– Ну, с ним сражаться на дуэли ты не будешь, – сказал Далинар, посмеиваясь.

Он сел на кушетку, и ее светлость Навани устроилась рядом, нежно положив руку на его колено.

– Кронлорд Амарам мог бы быть на нашей стороне. Я с ним побеседовал...

– Думаешь, сможешь уговорить его отделиться? – спросил король.

– Разве такое возможно? – удивился Каладин.

Светлоглазые повернулись в его сторону. Навани моргнула, будто только что заметила бывшего мостовика.

– Да, возможно, – подтвердил Далинар. – Большая часть земель, за которыми присматривает Амарам, останется у Садеаса, но Амарам мог бы присоединить свои личные владения к моему княжеству вместе с Осколками. Обычно требуется заключить земельную сделку с княжеством, граничащим с тем, к которому хочет примкнуть кронлорд.

– Подобного не случалось уже больше десяти лет, – заметил Адолин, покачав головой.

– Я работаю над этим вопросом, – проговорил Далинар. – Но Амарам... Он хочет свести меня с Садеасом. Думает, мы снова сможем ладить.

Адолин фыркнул.

– Эта возможность испарилась в тот день, когда Садеас нас предал.

– Возможно, задолго до того дня, – сказал Далинар, – даже если я ничего не замечал. Есть еще хоть кто-нибудь, кому ты мог бы бросить вызов, Адолин?

– Собираюсь попробовать с Таланором, – ответил принц, – а потом с Калишором.

– Ни один не является полным Носителем, – проговорила Навани, нахмурившись. – У первого только Клинок, у второго – Доспехи.

– Все полные Носители отказались, – пожал плечами Адолин. – Эти двое энергичные, жадные до славы. Один из них может согласиться на то, что отвергли все остальные.

Каладин сложил руки на груди, прислонившись спиной к стене.

– А если вы их побьете, не испугаются ли остальные?

– Когда я их побью, – ответил Адолин, бросив недовольный взгляд на расслабленную позу Каладина, – отец интригами добьется, чтобы на дуэль согласились и другие.

– Но ведь когда-нибудь все закончится, так? – спросил Каладин. – Рано или поздно остальные кронпринцы поймут, что происходит. Они начнут избегать дальнейших дуэлей. Возможно, именно это происходит уже сейчас. Поэтому никто не принимает вызов.

– Кто-нибудь примет, – сказал Адолин, вставая. – И как только я начну побеждать, остальные станут воспринимать меня всерьез. Они захотят испытать себя.

Каладину слова принца показались слишком оптимистичными.

– Капитан Каладин прав, – заговорил Далинар.

Адолин повернулся к отцу.

– Нет необходимости сражаться с каждым Носителем Осколков в армии, – тихо продолжил кронпринц. – Мы должны действовать тоньше и выбирать только те дуэли, которые приведут нас к окончательной цели.

– Которая заключается? – спросил Адолин.

– В уничтожении Садеаса. – В голосе Далинара почти звучало сожаление. – Убьем его на дуэли, если придется. Все в лагере знают, кто на чьей стороне в борьбе за власть. Если мы будем наказывать всех одинаково, ничего не получится. Необходимо показать тем, кто колеблется, решает, за кем следовать, преимущества доверительных отношений. Сотрудничество в забегах на плато. Взаимная помощь Носителей Осколков. Мы им покажем, что значит быть частью настоящего королевства.

Остальные притихли. Король отвернулся, покачав головой. Он не верил, во всяком случае, не полностью, в то, чего хотел достичь Далинар.

Каладин обнаружил, что раздражен. Почему? Далинар же с ним согласился. Он подумал мгновение и понял, что, наверное, до сих пор выведен из равновесия, потому что кто-то вспомнил Амарама.

Даже упоминание имени этого человека выбивало Каладина из колеи. Он продолжал думать, будто что-то должно случиться, что-то должно измениться теперь, когда этот убийца находился в лагере. Но все шло своим чередом. Подобное развитие событий разочаровывало и вызывало у него желание на кого-нибудь наброситься.

Ему нужно что-то с этим делать.

– Полагаю, мы прождали достаточно долго? – обратился к отцу Адолин. – Я могу идти?

Вздыхнув, Далинар кивнул. Адолин распахнул дверь и зашагал прочь, Ренарин последовал за ним более медленным шагом, волоча за собой Клинок Осколков, вложенный в защитные полосы. Принц по-прежнему укреплял с ним связь. Когда они миновали группу охранников, которых Каладин поставил снаружи, Шрам и еще трое снялись с места и последовали за сыновьями Далинара.

Каладин подошел к двери и быстро пересчитал тех, кто остался. Всего четверо.

– Моаш, – сказал Каладин, заметив, что мужчина зевнул. – Как долго ты сегодня на дежурстве?

Моаш пожал плечами.

– Одна смена по охране ее светлости Навани. Одна смена с королевской стражей.

«Я заставляю их слишком много работать, – подумал Каладин. – Отец Штормов, у меня просто недостаточно людей. Даже с остатками Кобальтовой стражи, которых ко мне направил Далинар».

– Вернись в барак и немного поспи, – сказал Каладин. – Бисиг, ты тоже. Я видел тебя на утренней смене.

– А ты? – спросил Моаш у Каладина.

– Со мной все в порядке.

Его бдительность помогал сохранять штормсвет. Правда, такое использование оказалось опасным – штормсвет провоцировал его на действия, делал более импульсивным. Каладин не был уверен, что ему нравится, когда он использовал штормсвет не в битве.

Моаш выгнул бровь.

– Ты, должно быть, устал не меньше меня, Кэл.

– Я вернусь чуть позже, – сказал Каладин. – Тебе нужно время для отдыха, Моаш. Ты начнешь небрежно выполнять работу, если не отдохнешь.

– Я должен выдерживать две смены, – ответил Моаш, пожав плечами. – Особенно если ты хочешь, чтобы я тренировался с королевской стражей и в то же время выполнял обычные обязанности по охране.

Каладин поджал губы. Это было важно. Моаш должен думать как телохранитель, и не существовало лучшего способа научиться подобному образу мыслей, чем служить в уже сработавшейся команде.

– Моя смена здесь, с королевской стражей, почти закончилась, – заметил Моаш. – После нее я вернусь.

– Хорошо. Держи Лейтена поблизости. Натам, ты и Март охраняете ее светлость Навани. Я прослежу, чтобы Далинар благополучно вернулся в лагерь и оставлю охранников у его двери.

– И затем поспишь? – спросил Моаш. Остальные посмотрели на Каладина. Они тоже беспокоились.

– Да, договорились.

Каладин вернулся в комнату. Далинар помог Навани подняться и проводил ее до двери, как обычно поступал каждый вечер.

Каладин задумался на мгновение и подошел к кронпринцу.

– Сэр, мне нужно кое о чем с вами поговорить.

– Нельзя подождать, пока я освобожусь? – спросил Далинар.

– Да, сэр, – ответил Каладин. – Я подожду у входа во дворец, а затем провожу вас обратно в лагерь.

Далинар, за которым последовали двое охранников-мостовиков, увел Навани. Каладин зашагал по коридору, погружившись в размышления. Вокруг уже сновали слуги, открывая окна, и Сил влетела в одно из них в форме крутящейся туманной воронки. Хихикая, она сделала несколько оборотов вокруг Каладина, а затем выпорхнула наружу через другое окно. Во время сверхшторма Сил всегда становилась больше похожей на легкомысленных спренов ветра.

Воздух пах влагой и свежестью. После сверхшторма весь мир сиял чистотой, выскобленный жесткой мочалкой природы.

Каладин добрался до входа во дворец, где стояла на посту пара охранников из королевской стражи. Каладин кивнул им, получив ответные приветствия, принес фонарь с поста охраны и наполнил его собственными сферами.

Со своего места он видел все десять военных лагерей. Как всегда после шторма, везде искрился свет обновленных сфер, драгоценные камни пылали частичками миновавшей бури.

Стоя в ожидании, Каладин еще раз обдумал то, что собирался сказать Далинару. Он проговаривал эти слова про себя не раз, но оказался не готов, когда кронпринц наконец появился у дверей дворца. Натам отсалютовал из-за его

спины, передав Далинара под опеку Каладина, и побежал обратно, чтобы присоединиться к Марту на посту перед дверью ее светлости Навани.

Кронпринц зашагал по извилистой тропе от Пика к конюшням в нижней части холма. Каладин поспешил следом. Казалось, что Далинар глубоко о чем-то задумался.

«Он никогда ничего не рассказывал о своих припадках во время сверхштормов, – подумал Каладин. – Разве ему не стоит поделиться хоть чем-нибудь?»

Раньше они обсуждали видения. Что видел Далинар или думал, что видел?

– Итак, солдат, – произнес Далинар, пока они шли. – О чем ты хотел поговорить?

Каладин сделал глубокий вдох.

– Год назад я был солдатом в армии Амарама.

– Так вот где ты всему обучился, – ответил Далинар. – Я мог бы догадаться. Амарам – единственный генерал в княжестве Садеаса, обладающий хоть какими-то способностями к руководству.

– Сэр, – сказал Каладин, остановившись на ступенях. – Он предал меня и моих людей.

Далинар остановился и повернулся взглянуть на мостовика.

– Неверное решение в битве, да? Никто не идеален, солдат. Если он стал причиной того, что твои люди попали в неприятную ситуацию, я сомневаюсь, что он поступил так намеренно.

«Просто покончи со всем этим, – сказал себе Каладин, заметив Сил в зарослях сланцекорника справа. Она ему кивнула. – Далинар должен узнать».

Просто... Он никогда не говорил о случившемся начистоту. Даже с Камнем, Тефтом и остальными.

– Дело в другом, сэр, – проговорил Каладин, встретившись взглядом с Далинаром в свете сфер. – Я знаю, откуда у Амарама его Клинок Осколков. Я был там. Именно я убил его бывшего Носителя.

– Не может быть, – медленно ответил Далинар. – Если бы это сделал ты, то сохранил бы и Доспехи, и Клинок.

– Амарам забрал их себе, а затем жестоко убил всех, кто знал правду. Всех, кроме одного солдата, которого из чувства вины заклеил и продал в рабство вместо того, чтобы убить.

Далинар постоял в тишине. С этого места склон холма позади него казался полностью темным, освещенным только звездами. Несколько сфер светилось в кармане Далинара сквозь ткань мундира.

– Амарам – один из лучших людей, которых я знаю, – сказал он. – Его честь незапятнана. Я никогда не слышал, чтобы он воспользовался нечестным преимуществом перед соперником во время поединка, кроме случаев, когда это было бы допустимо.

Каладин не ответил. Он тоже когда-то в это верил.

– У тебя есть доказательства? – спросил Далинар. – Ты ведь понимаешь, что я не могу просто полагаться на чье-то слово в такой ситуации.

– На слово темноглазого, вы имеете в виду, – ответил Каладин, заскрипев зубами.

– Проблема не в цвете глаз, – произнес Далинар, – а в серьезности обвинений. Произнесенные тобой слова опасны. У тебя есть доказательства, солдат?

– Когда он забрал Осколки, рядом находились другие люди. Члены личной стражи Амарама убили всех по его приказу. И еще там был штормстраж. Средних лет, с заостренным лицом. С бородой, как у ардента. – Каладин помедлил. – Они все являлись соучастниками, но, может быть...

Далинар тихо вздохнул в темноте.

– Ты говорил о своих обвинениях кому-нибудь еще?

– Нет.

– Продолжай держать язык за зубами. Я поговорю с Амарамом. Спасибо, что рассказал мне.

– Сэр, – начал было Каладин, делая шаг к Далинару. – Если вы действительно верите в справедливость, вы...

– На сегодня хватит, сынок, – оборвал его Далинар спокойным, но прохладным тоном. – Ты уже сказал достаточно, если только не хочешь предъявить что-то в качестве доказательства.

Каладин подавил внезапную вспышку гнева. Это было трудно.

– Я ценю твой вклад в обсуждение дуэлей моего сына, – сказал Далинар. – Полагаю, уже второй раз ты добавляешь кое-что важное в наши обмены мнениями.

– Спасибо, сэр.

– Но, солдат, – продолжил Далинар, – ты ходишь по тонкой грани между обходительностью и нарушением субординации в том, как общаешься со мной и моими близкими. Ты слишком озлоблен из-за своего прошлого. Я не обращаю на это внимания и вижу внутри солдата. Именно его я нанял для работы.

Каладин заскрипел зубами и кивнул.

– Да, сэр.

– Хорошо. А теперь свободен.

– Сэр, но я должен сопроводить...

– Думаю, что вернусь во дворец, – сказал Далинар. – Мне кажется, что выспаться сегодня ночью не получится, поэтому, возможно, я предпочту докучать своими размышлениями вдовствующей королеве. Ее охранники присмотрят и за мной. Я возьму с собой одного из них, когда буду возвращаться в лагерь.

Каладин медленно выдохнул и отсалютовал.

«Отлично», – подумал он, продолжив путь вниз по темной, мокрой тропе.

Когда он спустился до конца, Далинар все еще стоял наверху, теперь похожий просто на тень. Казалось, кронпринц глубоко задумался.

Каладин развернулся и зашагал обратно в лагерь Далинара. Подлетела Сил и приземлилась на его плечо.

– Видишь, – сказала она. – Он выслушал.

– Нет, не выслушал, Сил.

– Как? Он отвечал и сказал, что...

– Я сказал ему то, что он не хотел слышать, – ответил Каладин. – Если даже он займется этим делом, то найдет кучу причин опровергнуть сказанное мною. В конце концов будет мое слово против слова Амарамы. Отец Штормов! Мне не нужно было ничего говорить.

– Ты так все и оставишь?

– Шторма, нет, – проговорил Каладин. – Я устрою свое собственное правосудие.

– О...

Сил поудобнее уселась на его плечо.

Они прошли еще довольно долго, прежде чем приблизились к лагерю.

– Ты не Разящий с Небес, Каладин, – наконец произнесла Сил. – И не должен вести себя таким образом.

– Не кто? – переспросил он, перешагнув через удирающих в темноте крэмлингов.

После шторма, когда растения раскрывались, чтобы напитаться влагой, крошечные существа выползали в огромном количестве.

– Это был один из орден, да?

Он знал о них совсем немного. Как и все – из легенд.

– Да, – подтвердила Сил, смягчив голос. – Я о тебе беспокоюсь, Каладин. Мне казалось, что наступят лучшие времена, как только ты освободишься от мостов.

– Лучшие времена уже наступили, – ответил он. – Никого из моих людей не убили с тех пор, как мы освободились.

– Но ты... – Похоже, она не знала, что еще сказать. – Думаю, ты мог бы снова стать личностью, которой был раньше. Я могу припомнить человека на поле боя... Человека, который сражался...

– Тот человек умер, Сил, – произнес Каладин, махнув стражникам, когда вошел в военный лагерь.

В очередной раз его окружили свет и движение: люди, бегущие по срочным поручениям, паршмены, ремонтирующие здания, поврежденные штормом.

– Пока я оставался мостовиком, все, о чем мне было нужно беспокоиться, – мои люди. Сейчас все по-другому. Я должен стать кем-то еще. Просто пока не знаю кем.

Когда он добрался до барака Четвертого моста, Камень раздавал вечернюю порцию рагу. Намного позже, чем обычно, но некоторые мужчины оказались заняты на дополнительных сменах. Они больше не были ограничены одним рагу, но все еще настаивали на нем во время ужина. Каладин с благодарностью взял миску, кивнув Бисигу, который отдыхал с несколькими другими мужчинами и болтал о том, что они на самом деле скучали по переноске моста. Каладин привил им уважение к нему, даже большее, чем уважение солдата к своему копыю.

Рагу. Мосты. Они с такой нежностью говорили о вещах, которые когда-то были символами их рабства. Каладин начал есть и остановился, заметив нового человека, прислонившегося к камню около огня.

– Я тебя знаю? – спросил он, указав на лысого, мускулистого человека. Кожа мужчины оказалась смуглой, как у аleti, но форма лица была другой. Хердазианин?

– О, не обращай внимания на Пунио, – отозвался Лоупен неподалеку. – Это мой кузен.

– У тебя есть кузен в бригадах мостовиков? – спросил Каладин.

– Неа, – ответил Лоупен. – Видимо, он просто прослышал от моей матери, что нам нужно больше охранников, вот и пришел помочь. Я позаботился о его униформе и всем остальном.

Новоприбывший, Пунио, улыбнулся и поднял ложку.

– Четвертый мост, – проговорил он с сильным хердазианским акцентом.

– Ты солдат? – спросил его Каладин.

– Да, – ответил мужчина. – Армия светлорда Ройона. Не волнуйся. Теперь я принес присягу Холину. Из-за кузена. – Пунио дружелюбно улыбнулся.

– Ты не можешь просто так оставить свою армию, Пунио, – сказал Каладин, потирая лоб. – Это называется дезертирством.

– Только не для нас, – отозвался Лоупен. – Мы хердазиане – никто не может приказать нам оставаться порознь.

– Да, – согласился Пунио. – Раз в год я отправляюсь на родину. Когда возвращаюсь, никто меня не помнит. – Он пожал плечами. – В этот раз я вернулся сюда.

Каладин вздохнул, но парень, судя по всему, знал, с какой стороны держать копьё, а Каладину действительно требовались дополнительные люди.

– Хорошо. Просто притворись, что был мостовиком с самого начала, ладно?

– Четвертый мост! – воскликнул Пунио с энтузиазмом.

Каладин прошел мимо него и занял свое обычное место у костра, чтобы отдохнуть и подумать. Однако у него ничего не вышло, так как кто-то

приблизился и присел рядом на корточки. Кто-то с мраморной кожей, в униформе Четвертого моста.

– Шен? – произнес Каладин.

– Сэр.

Шен продолжал пристально на него смотреть.

– Ты что-то хотел? – спросил Каладин.

– Я действительно член Четвертого моста? – спросил Шен.

– Конечно.

– Так где же мое копьё?

Каладин взглянул Шену в глаза.

– Что ты думаешь по этому поводу?

– По-моему, я не член Четвертого моста, – ответил Шен, раздумывая над каждым словом. – Я раб Четвертого моста.

Каладина будто ударили кулаком в живот. За все время он слышал от Шена едва ли десяток слов, и теперь такое?

Так или иначе, слова причиняли жгучую боль. Перед ним был мужчина, который, в отличие от остальных, не мог уйти и отыскать свою дорогу в жизни. Далинар освободил остальных из Четвертого моста, но паршмен... Он будет рабом, не важно, куда пойдет или что сделает.

Что мог сказать ему Каладин? Шторма.

– Я ценю твою помощь в ущельях. Знаю, тебе было трудно смотреть на то, что мы делали иногда внизу.

Шен ждал, все еще сидя на корточках, и слушал. Он внимательно смотрел на Каладина своими сплошными, черными, непроницаемыми глазами паршмена.

– Я не могу начать вооружать паршменов, Шен, – сказал Каладин. – Светлоглазые с трудом воспринимают нас самих. Если я дам тебе копьё, подумай, какой шторм разразится.

Шен кивнул, на его лице не отразилось ни намека на эмоции. Он выпрямился.

– Значит, я раб.

Он ушел прочь.

Каладин стукнулся головой о камень позади и уставился в небо. Штормовой мужчина. Для паршмена у него была хорошая жизнь. Определенно больше свободы, чем у любого из его вида.

«А тебе бы этого хватило? – спросил голос у него внутри. – Был бы ты счастлив, если бы оказался рабом, с которым хорошо обращаются? Или попытался бы сбежать, пробить себе путь к свободе?»

Что за неразбериха. Каладин отбросил мелькавшие мысли, ковыряясь в рагу. Он успел проглотить две ложки, прежде чем Натам – один из дежуривших во дворце – спотыкаясь, ворвался в лагерь, вспотевший, взволнованный и раскрасневшийся от бега.

– Король! – воскликнул он, тяжело дыша. – Убийца.



*Теней и предвидений форма ночная,
Как боги нас бросили, стала шептать.
Грядет новый шторм, чтобы разрушить.
Грядет новый шторм, чтобы создать.
Грядет новый шторм и покажет тот путь
Который вам должно избрать.
«Песнь тайн» слушающих, строфа 17*

Король оказался в порядке.

Каладин стоял, опираясь рукой на дверной косяк, и задыхался от бега обратно во дворец. Внутри разговаривали Элокар, Далинар, Навани и оба принца. Никто не умер. Никто не умер.

«Отец Штормов, – подумал Каладин, входя в комнату. – На мгновение я почувствовал, будто нахожусь на плато и наблюдаю, как мои парни атакуют паршенди».

Он почти не знал этих людей, но нес за них ответственность. Каладину никогда не приходило в голову, что его покровительство может распространяться на светлоглазых.

– Ну, по крайней мере, он бежал сюда, – сказал король, отмахнувшись от женщины, которая пыталась наложить повязку на рану у него на лбу. – Видишь, Идрин. Так выглядит хороший телохранитель. Держу пари, он не позволил бы случиться ничему подобному.

Капитан королевской стражи стоял возле двери с побагровевшим лицом. Отведя взгляд в сторону, он вышел в коридор. Каладин поднес руку к голове, сбитый с толку. Подобные комментарии из уст короля не особенно помогали его людям ладить с солдатами Далинара.

Внутри комнаты смешались охранники, слуги и члены Четвертого моста. Все выглядели озадаченными или смущенными. Натам был здесь же, он дежурил вместе с солдатами из королевской стражи, как и Моаш.

– Моаш, – позвал Каладин. – Ты же должен сейчас спать в лагере.

– Как и ты.

Каладин хмыкнул, подойдя к нему ближе, и сказал уже тише:

– Ты был здесь, когда это случилось?

– Я уже уходил, – ответил Моаш. – Заканчивал дежурство с королевской стражей. Услышал крики и вернулся так быстро, как только смог. – Он кивнул на открытую балконную дверь. – Сходи посмотри.

Они вышли на балкон, который представлял собой круглый каменный карниз, тянувшийся вокруг верхних комнат дворца – террасу, вырубленную в камне. С такой высоты с балкона открывался неповторимый вид на военные лагеря и равнины за их пределами. Несколько солдат королевской стражи находились здесь, проверяя перила балкона с помощью ламп со сферами. Одна секция железной ограды оказалась вывернута наружу и опасно повисла в воздухе.

– Насколько я понял, – сказал, указывая, Моаш, – король вышел сюда, чтобы поразмышлять, как он любит.

Каладин кивнул, шагая рядом с Моашем. Каменный пол все еще был влажным от дождя, прошедшего во время свержения шторма. Они достигли той части балкона, где погнулась ограда, и несколько охранников освободили им место. Каладин посмотрел вниз через перила. До скал внизу была добрая сотня футов. Там летала Сил, плавая в воздухе ленивыми светящимися кругами.

– Бездна, Каладин! – воскликнул Моаш, хватая его руку. – Хочешь, чтобы я запаниковал?

«Интересно, смог бы я пережить такое падение...»

Однажды он упал с расстояния в половину меньшего, наполненный штормсветом, и приземлился без проблем. Ради спокойствия Моаша Каладин отступил назад. Но высота завораживала его еще до обретения особых способностей. На такой высоте чувствуешь себя освобожденным. Только ты и воздух.

Каладин встал на колени, осматривая место, где крепления железных перил были вмонтированы в отверстия в камне.

– Перила свободно выходят из креплений? – спросил он, засунув палец в отверстие и вытащив его со следами пыли от скрепляющего раствора.

– Угу, – ответил Моаш, а несколько охранников из королевской стражи кивнули.

– Может быть, просто ошибка в проектировании, – сказал Каладин.

– Капитан, – вступил в разговор один из стражников. – Я был здесь, когда все случилось, наблюдал за королем на балконе. Секция ограждения просто упала. Почти беззвучно. Я стоял, глядя на равнины, и думал о своем, а в следующий миг его величество уже висел прямо там, цепляясь за свою жизнь и бранясь, как караванщик. – Охранник покраснел. – Сэр.

Каладин встал, осматривая металлическую конструкцию. Итак, король оперся на секцию перил, и она прогнулась вперед – подался крепеж снизу. Почти все крепления болтались свободно, но, к счастью, одну полосу заклинило. Король схватился за нее и продержался достаточно долго, чтобы его спасли.

Подобное никогда не должно было произойти. Перила выглядели так, будто сначала их изготовили из дерева и веревок, а затем *преобразовали* в сталь. Подергав соседнюю секцию, Каладин убедился, что она абсолютно безопасна. Даже несколько выскочивших креплений не могли вызвать падение целой секции – должны были разойтись металлические элементы.

Он передвинулся вправо, изучая те места, где секция отломилась от основной конструкции. Две металлические детали срезаны на стыке. Гладко и чисто.

Что-то заслонило дверной проем в комнату короля, и на балконе появился Далинар Холин.

– Выйдите, – приказал он Моашу и остальным стражникам. – Закройте дверь. Я хочу поговорить с капитаном Каладином.

Они подчинились, хотя Моаш удалился неохотно. Когда закрылись окна и двери, обеспечив им уединение, Далинар подошел к Каладину. Несмотря на возраст, фигура кронпринца устрашала – широкоплечий, сложенный как кирпичная стена.

– Сэр, – начал Каладин. – Мне следовало...

– Это не твоя вина, – перебил его Далинар. – Король не был под твоим присмотром. А даже если бы и был, я не стал бы делать тебе выговор, как не буду делать его Идрину. Я не ожидаю, чтобы телохранители осматривали детали архитектуры.

– Да, сэр, – ответил Каладин.

Далинар опустил на колени, чтобы изучить крепления.

– Ты любишь брать на себя ответственность за происходящее, верно? Похвальная черта в офицере. – Далинар поднялся и осмотрел место, где было срезано крепление. – Что думаешь?

– Несомненно, кто-то сколол раствор и ослабил перила.

Далинар кивнул.

– Согласен. Это умышленное покушение на короля.

– Однако... сэр...

– Да?

– Устроивший его – идиот.

Далинар посмотрел на него, ожидая пояснений.

– Как они могли знать, где король обопрется? – развил мысль Каладин. – Или даже что он вообще поступит подобным образом? В такую ловушку мог бы с легкостью угодить кто-то другой, и тогда вероятные убийцы были бы напрасно разоблачены. В действительности именно так и произошло. Король выжил, и теперь нам о них известно.

– Мы ожидали убийц, – сказал Далинар. – И не только из-за случая с королевскими доспехами. Половина влиятельных людей в лагерях, наверное, обдумывает какое-то покушение, так что попытка убийства Элокара не расскажет нам так много, как ты думаешь. По поводу вопроса, как они узнали, что застать его можно здесь, могу сказать, что у короля имеется место, где он любит стоять, опираясь на перила, и смотреть на Разрушенные равнины. Любой, кто наблюдал за его поведением, знал бы, где устроить диверсию.

– Но, сэр, все просто слишком запутанно. Если у них был доступ в частные покои короля, почему бы не спрятать убийцу внутри? Или использовать яд?

– То, что сработал бы яд, так же маловероятно, как это, – стал рассуждать Далинар, махнув в сторону перил. – Королевская пища и напитки дегустируются. Что же касается скрытого убийцы, он мог нарваться на охранников. – Кронпринц встал. – Но я согласен, что такие методы имели бы, вероятно, больше шансов на успех. Тот факт, что их не опробовали, кое о чем говорит. Если предположить, что это те же люди, которые подложили поврежденные драгоценные камни в королевские доспехи, то очевидно, что они предпочитают не силовые методы. Необязательно, что они – идиоты, они...

– Труссы, – понял Каладин. – Они хотят, чтобы убийство выглядело как несчастный случай. Пугливы. Возможно, они ждали так долго, чтобы улеглись подозрения.

– Да, – согласился Далинар с озабоченным видом.

– Но в этот раз они сделали большую ошибку.

– Какую?

Каладин подошел к испорченной секции, которую осматривал раньше, и опустил на колени, чтобы потереть гладкий срез.

– Что может перерезать железо настолько чисто?

Далинар наклонился, осматривая перила, затем достал сферу, чтобы улучшить освещение. Он хмыкнул.

– Думаю, все должно было выглядеть так, будто сломался стык.

– А на самом деле? – спросил Каладин.

– Нет. Его срезали Клинком Осколков.

– Думаю, круг наших подозреваемых немного сузился.

Далинар кивнул.

– Больше никому не говори. Будем скрывать, что заметили срез от Клинка Осколков, и, может быть, получим преимущество. Слишком поздно притворяться, что мы думаем, будто это несчастный случай, но не обязательно показывать все, что нам известно.

– Да, сэр.

– Король настаивает, чтобы я назначил тебя главой его охраны, – сказал Далинар. – Нам, возможно, придется подстроить наше расписание с учетом нового назначения.

– Я не готов, – ответил Каладин. – Моих людей уже едва хватает для выполнения тех обязанностей, которые есть.

– Знаю, – тихо произнес Далинар. Казалось, что он колеблется. – Понимаешь, это было сделано кем-то изнутри.

Каладина пробрал озноб.

– Собственные королевские покои? Значит, кто-то из слуг. Или один из охранников Элокара. Солдаты из королевской стражи тоже могли иметь доступ к его Доспехам.

Далинар посмотрел на Каладина. Лицо кронпринца было освещено сферой. Решительное лицо с когда-то сломанным носом. Грубоватое. Настоящее.

– Я даже не знаю, кому могу доверять в эти дни. Могу я доверять тебе, Каладин Благословленный Штормом?

– Да. Клянусь.

Далинар кивнул.

– Я собираюсь освободить Идринна с поста и назначить его командующим в моей армии. Такой поступок удовлетворит короля, но я позабочусь, чтобы Идринна знал, что он не наказан. В любом случае подозреваю, что новое назначение ему придется больше по душе.

– Да, сэр.

– Я попрошу его лучших людей, – продолжил Далинар, – и отдам их под твою команду. Используй их как можно меньше. Я хочу, чтобы в итоге короля охраняли только люди из бригад мостовиков – люди, которым ты доверяешь, люди, которые не участвуют в политике военных лагерей. Выбирай тщательно. Не хотелось бы заменить потенциальных предателей на бывших воров, которых можно легко купить.

– Да, сэр, – ответил Каладин, ощутив огромный груз, опустившийся на его плечи.

Далинар встал.

– Я не знаю, что еще можно сделать. Человек должен доверять своим телохранителям.

Он пошел назад к двери в комнату. Тон его голоса был глубоко обеспокоенным.

– Сэр? – позвал Каладин. – Это не та попытка убийства, которую вы ожидали, не так ли?

– Нет, – ответил Далинар, взявшись за дверную ручку. – Я согласен с твоей оценкой. Здесь работал человек, который знал, что делает. Учитывая то, насколько надуманной оказалась попытка, я на самом деле удивлен, что она почти сработала. – Он уперся взглядом в Каладина. – Но если решит ударить

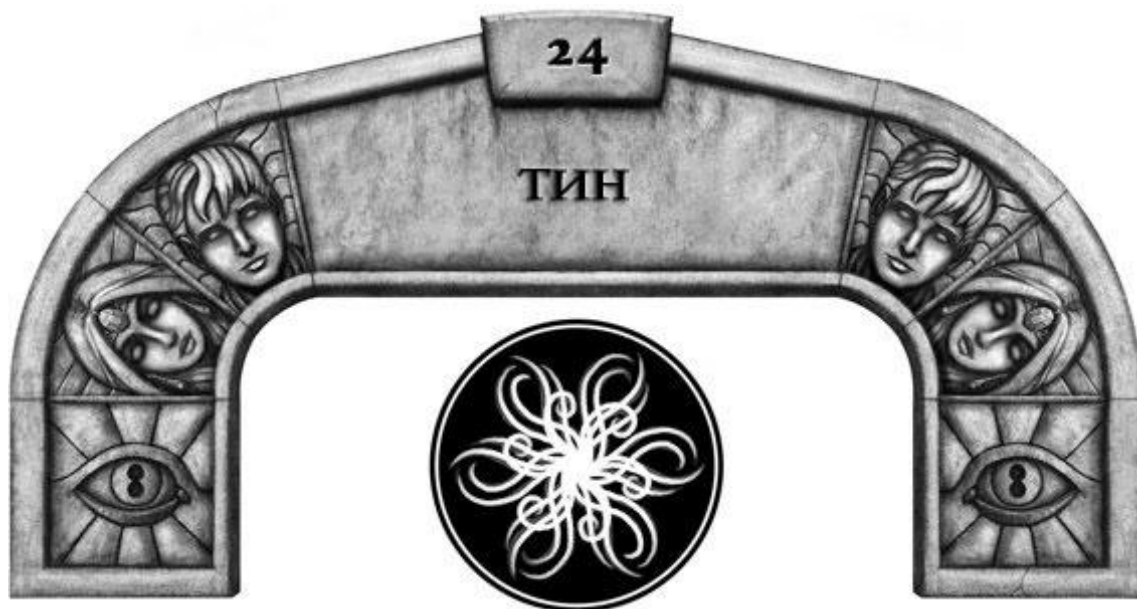
Садеас или, что еще хуже, убийца, который забрал жизнь моего брата, для нас все так хорошо не кончится. Шторм еще впереди.

Он распахнул дверь, послышались приглушенные до этого жалобы короля. Элокар разглагольствовал о том, что никто не относится к его безопасности серьезно, что никто не слушает. Он считал, что они должны искать тени, которые он замечал в зеркале, оглядываясь через плечо, что бы это ни означало. Тирада звучала как нытье избалованного ребенка.

Каладин посмотрел на искореженные перила, представив свисающего с них короля. У Элокара имелись серьезные основания находиться не в духе. Но разве не предполагалось, что король должен быть выше подобных вещей? Разве его призвание не требовало сохранять самообладание даже под давлением? Каладин не сумел вообразить Далинара, реагирующего на какую-нибудь ситуацию столь остро.

«Твоя работа не в том, чтобы судить, – сказал он себе, махнув Сил, и вышел с балкона. – Твоя работа состоит в том, чтобы защищать этих людей».

Тем или иным образом.



*Разложения форма рушит души снов.
Лучше избежать сего дара богов.
Касаний ее, что манят глупцов, – избегай.
Осторожным стань, куда ступаешь, смотри,
Будь то холм или камни у русла реки.
Береги свой страх, в голове держи и зывай.
«Песнь тайн» слушающих, строфа 27*

– Ну, видите ли, – начал объяснять Газ, шлифуя доски фургона Шаллан. Девушка сидела поблизости, слушая и работая с записями. – Большинство из нас присоединились к войне на Разрушенных равнинах ради мести, понимаете? Те мраморные убили короля. Это должно было стать великим делом и все такое. Сражаться, чтобы отомстить, способ показать миру, что алетии не стерпят предательства.

– Ага, – согласился Рэд.

Долговязый бородатый солдат вытащил брус из ее повозки. Без него в каждом углу осталось только три бруса, чтобы поддерживать крышу. Он удовлетворенно бросил его и отряхнул свои рабочие рукавицы. Действия солдата должны были превратить повозку из клетки на колесах в средство передвижения, более подходящее светлоглазой леди.

– Я помню, как все начиналось, – произнес Рэд, усевшись на койку в повозке и свесив ноги. – Призыв к оружию пришел к нам от самого кронпринца Вамы и распространился по Дальнему берегу как зловоние. Призвали каждого второго мужчину подходящего возраста. Люди задавались вопросом, не трус ли ты, если явился в кабак выпить, но не носил нашивки призывника. Я присоединился к армии с пятью приятелями. Теперь они все мертвы, гниют в тех штормом проклятых ущельях.

– Так ты просто... устал от сражений? – спросила Шаллан.

Теперь у нее был стол. Вернее, столик – маленький предмет дорожной мебели, который можно легко разобрать. Его вынесли из повозки, и Шаллан пересматривала за ним некоторые записи Джасны.

Как только день приблизился к концу, караван разбил лагерь. Сегодня они проехали хорошее расстояние, но после того, что им пришлось испытать, Шаллан не слишком торопила караванщиков. Спустя четыре дня путешествия они достигли участка, где налеты бандитов были гораздо менее вероятны. Они приближались к Разрушенным равнинам, обеспечивавшим безопасность.

– Устал от сражений? – переспросил Газ, смеясь.

Он взял железную петлю и начал ее прибивать. Периодически бывший дезертир бросал взгляд в сторону, у него было что-то вроде нервного тика.

– Бездна, нет. Это не мы, это все штормовые светлоглазые! Не обижайтесь, ваша светлость. Но шторм их побори, да как следует!

– Они перестали бороться за победу, – тихо добавил Рэд. – Начали сражаться за сферы.

– Каждый день, – проговорил Газ. – Каждый штормовой день мы просыпались и сражались на плато. Но не было никаких достижений. Кого заботили наши достижения? Кронпринцы охотились за гемсердцами. А мы находились считай что в рабстве, пойманные в ловушку наших присяг. Мы были добровольцами, поэтому, в отличие от обычных граждан, не обладали правом путешествия. Мы умирали, истекали кровью и страдали, чтобы они могли набить карманы! И больше ничего. Поэтому мы сбежали. Компания собутыльников, хотя мы и служили разным кронпринцам. Мы сбежали, оставив их войну и их самих.

– Эй, Газ, – сказал Рэд. – Это еще не все. Будь честным с леди. Не ты ли задолжал несколько сфер ростовщикам? Что насчет твоих слов, будто ты был в одном шаге от того, чтобы превратиться в мостовика...

– Теперь у меня другая жизнь, – ответил Газ. – Все это в прошлом. И ничто в прошлой жизни больше не имеет значения. – Он закончил прибивать петлю. – Кроме того, ее светлость Шаллан обещала, что позаботится обо всех наших долгах.

– Вам все простят, – подтвердила Шаллан.

– Видишь?

– За исключением запаха изо рта, – добавила она.

Газ взглянул на нее, его лицо, покрытое шрамами, покраснело от смущения, а Рэд просто расхохотался. Через мгновение Газ тоже начал смеяться. Было что-то располагающее в этих солдатах. Они ухватились за шанс снова начать жить нормальной жизнью и были настроены его не упустить. За те дни, что они путешествовали вместе, не случилось ни одной проблемы с дисциплиной. Бывшие дезертиры служили ей с готовностью и выполняли все поручения с энтузиазмом.

Доказательством могло служить то, что Газ установил обратно боковую часть ее повозки, а затем открыл щеколду и распахнул маленькое окошко, выпуская свет внутрь. Он с улыбкой указал жестом на новое окно.

– Возможно, не слишком подходяще для светлоглазой леди, но, по крайней мере, теперь вы сможете выглядывать наружу.

– Неплохо, – поаплодировал ему Рэд. – Почему ты нам не рассказывал, что умеешь плотничать?

– Меня никто не учил, – ответил Газ, принимая странно торжественный вид. – Просто околачивался вокруг лесопилки, вот и все. Там и понахватался.

– Очень мило, Газ, – похвалила Шаллан. – Я очень ценю то, что ты сделал.

– Пустяки. Возможно, стоит прорезать второе окно с другой стороны. Посмотрим, смогу ли я стянуть у торговцев еще одну петлю.

– Уже лижешь ботинки нашей новой хозяйки, Газ?

К группе присоединился Ватах. Шаллан не заметила его приближения.

Предводитель бывших дезертиров принес маленькую миску дымящегося карри из общего котла. Шаллан почувствовала запах острого перца. В караване готовили приличествующую женщинам еду, и теперь она была обязана ею питаться. Несмотря на то, что такая пища была приятной заменой рагу, которое она ела с рабами, ей, возможно, все-таки удастся стащить порцию карри, пока никто не смотрит.

– Ты никогда даже не пытался предложить мне такое, Газ, – продолжил Ватах, макая хлеб в соус и откусывая кусок. Он говорил, набив рот. – Похоже, ты счастлив снова стать рабом светлоглазых. Удивительно, что твоя одежда еще не порвалась после того, как ты столько ползаешь и выскребаешь грязь.

Газ снова покраснел.

– Насколько я знаю, Ватах, – произнесла Шаллан, – у тебя не было повозки. Так где же ты хотел бы, чтобы Газ прорезал тебе окно? Может, в твоей голове? Уверена, мы сможем это устроить.

Ватах улыбнулся, жуя, хотя улыбка вышла не особенно приятная.

– Он рассказал тебе о своих долгах?

– Мы решим эту проблему, когда придет время.

– С этими парнями будет гораздо больше проблем, чем тебе кажется, маленькая светлоглазая леди, – ответил Ватах, покачав головой, и снова макнул хлеб в миску. – Возвращаемся напрямик к тому, что было раньше.

– Теперь они будут спасшими меня героями.

Он фыркнул.

– Эти парни никогда не станут героями. Они крем, ваша светлость. Самый настоящий.

Стоявший неподалеку Газ уставился в землю, а Рэд отвернулся, но никто из них не попытался поспорить со сказанным.

– Ты очень сильно стараешься их очернить, Ватах, – ответила Шаллан, вставая. – Неужели так боишься ошибиться? Можно предположить, что уж к этому ты должен был привыкнуть.

Он хмыкнул.

– Будь осторожна, девочка. А то случайно оскорбишь человека.

– Последнее, чего бы я хотела, – оскорбить тебя, Ватах, – проговорила Шаллан. – Если подумать, у меня не получилось бы это сделать, даже если бы я сильно захотела!

Он посмотрел на нее, покраснел и помедлил, пытаясь придумать достойный ответ.

Шаллан заговорила до того, как он собрался с мыслями.

– Я не удивлена, что ты не можешь найти подходящих слов, так как, уверена, ты привык и к этому. Должно быть, чувствуешь себя подобным образом

каждый раз, когда кто-то задает тебе провокационный вопрос, например, какого цвета твоя рубашка.

– Мило, – ответил он. – Но слова не изменяют этих мужчин и не помогут решить их проблемы.

– Напротив, – ответила Шаллан, встретившись с ним взглядом. – Исходя из моего опыта, именно со слов начинается большинство изменений. Я пообещала им второй шанс. И я сдержу обещание.

Ватах хмыкнул, но отошел без дальнейших комментариев. Шаллан вздохнула и села, возвращаясь к работе.

– Этот парень все время бродит вокруг и ведет себя так, будто скальный демон сожрал его матушку, – проговорила она с гримасой. – Или, может быть, скальный демон и был его матушкой.

Рэд засмеялся.

– Если вы не против, ваша светлость, скажу, что у вас достаточно острый язычок!

– Никогда на самом деле его не затачивала, – ответила Шаллан и перевернула страницу, не поднимая взгляда. – Думаю, это было бы не слишком приятно.

– Неплохо, – проговорил Газ.

Оба посмотрели на него.

Газ пожал плечами.

– Просто говорю. Совсем не...

Рэд засмеялся и хлопнул Газа по плечу.

– Пойду поем. После ужина я помогу тебе добыть вторую петлю.

Газ кивнул, в очередной раз бросив взгляд в сторону – снова тик – и не пошел за Рэдом, когда долговязый парень отправился к котлу. Газ расположился на полу повозки и стал шлифовать его в тех местах, где древесина начала расщепляться.

Шаллан отложила блокнот, в который записывала придуманные ею способы помочь братьям. В нем было все, начиная с покупки одного из преобразователей короля аleti до попытки выследить Кровьпризраков и каким-то образом отвлечь их внимание. Однако она ничего не могла поделать, пока не доберется до Разрушенных равнин. После этого большинство ее планов требовало помощи могущественных союзников.

Шаллан было необходимо, чтобы помолвка с Адолином Холином имела продолжение. Не только ради ее семьи, но ради блага всего мира. Шаллан потребуются союзники и их ресурсы. Но что, если она не сможет сохранить помолвку? Что, если не получится привлечь ее светлость Навани на свою сторону? Возможно, ей придется продолжать искать Уритиру и изучать Несущих Пустоту самостоятельно. Подобная перспектива приводила девушку в ужас, но она хотела быть наготове.

Шаллан вытасила другую книгу – одну из немногих книг Джасны, не описывающих Несущих Пустоту или легендарный Уритиру. В ней перечислялись современные кронпринцы аleti и описаны их политические интриги и цели.

Шаллан должна быть готова. Ей необходимо изучить политическую ситуацию двора аleti. Она не может позволить себе оставаться невежественной. Требуется понять, кто из этих людей может стать ее потенциальным союзником, если все пойдет не по плану.

«Как насчет Садеаса?» – подумала она, переворачивая страницу в книге.

Говорилось, что кронпринц коварен и опасен, но отмечалось, что и он, и его жена обладают острым умом. Разумный человек прислушается к аргументам Шаллан и поймет их.

Аладар был указан в качестве еще одного кронпринца, которого Джасна уважала. Могущественный, известный блестящими политическими маневрами. А еще он любил азартные игры. Возможно, он бы рискнул организовать экспедицию, чтобы найти Уритиру, если Шаллан подчеркнет потенциальные богатства, которые можно обнаружить.

Хатам значился как человек деликатной политики и тщательного планирования. Еще один потенциальный союзник. Про Танадала, Бетаба и Себариаала Джасна много не размышляла. Первого она назвала жирным, второго – тупицей, а третьего – возмутительно грубым.

Некоторое время Шаллан изучала самих кронпринцев и их мотивации. В конце концов Газ встал и отряхнул опилки со штанов. Кивнув ей в знак уважения, он пошел перекусить.

– Секунду, мастер Газ, – остановила его Шаллан.

– Я не мастер, – ответил тот, подходя к ней. – У меня всего лишь шестой нан, ваша светлость. Никогда не мог купить себе ничего лучше.

– Как много ты задолжал? Конкретно? – спросила она, выудив несколько сфер из своего потайного кармана, чтобы выложить их в кубок на столе.

– Ну, одного из парней, которым я должен, казнили, – ответил Газ, потирая подбородок. – Но есть и другие. – Он помедлил. – Восемьдесят рубиновых бруммов, ваша светлость. Хотя, возможно, они им больше не нужны. Теперь, скорее всего, потребуют мою голову.

– Довольно большая сумма для такого человека, как ты. Получается, ты любитель азартных игр?

– Какая разница, – проговорил он. – Пусть будет так.

– И ты мне солгал, – сказала Шаллан, вскинув голову. – Я бы хотела услышать от тебя правду, Газ.

– Выдайте им меня, да и дело с концом, – ответил он и отвернулся, направившись за супом. – Мне уже все равно. В любом случае лучше так, чем быть в бегах, задаваясь вопросом, когда же тебя поймают.

Шаллан проследила взглядом, как он уходит, покачала головой и вернулась к прерванному занятию.

«Она считает, что Уритиру не на Разрушенных равнинах, – подумала Шаллан. – Но откуда такая уверенность? Равнины никогда не были изучены полностью из-за ущелий. Кто знает, что там может найтись?»

К счастью, заметки Джасны были исчерпывающими. Как оказалось, в большинстве древних текстов говорилось, что Уритиру находился в горах. Разрушенные равнины располагались на плоской местности.

«Нохадон мог дойти туда пешком», – подумала Шаллан, обращаясь к цитате из «Пути королей».

Джасна ставила под вопрос истинность данного утверждения, хотя с таким же сомнением она относилась ко всему. Спустя час изучения заметок, когда уже зашло солнце, Шаллан сидела и потирала виски.

– Ты в порядке? – тихо спросил Узор.

Ему нравилось выходить наружу, когда темнело, и она ему не запрещала. Шаллан поискала спрена взглядом и обнаружила его на столе – сложное переплетение выпуклостей на деревянной поверхности.

– Историки, – ответила Шаллан, – просто сборище лжецов.

– М-м-м-м, – довольно прогудел Узор.

– Это не похвала.

– О.

Шаллан захлопнула книгу, которую читала.

– И ведь те женщины – ученые! Вместо того чтобы записывать факты, они собирали мнения и выдавали их за правду. Они прикладывали столько усилий,

чтобы опровергнуть друг друга, и ходили вокруг да около важных тем, как спрены вокруг огня – никогда не давая тепла, а только устраивая представление.

Узор загудел.

– Правда у каждого своя.

– Что? Нет, это не так. Правда – это... правда. Это реальность.

– Твоя правда в том, что ты видишь, – озадаченно проговорил Узор. – Чем еще она может быть? То, что ты мне говоришь, – правда. Правда, которая дает силу.

Шаллан посмотрела на него – в свете сфер рельефные выпуклости Узора отбрасывали тени. Она перезарядила сферы вчера ночью во время сверхшторма, пока сидела в задней части повозки. В середине шторма Узор начал жужжать, странно и сердито. А затем стал разглагольствовать на незнакомом ей языке, вызвав панику у Газа и других солдат, которых она пригласила в свое убежище. К счастью, остальные восприняли как должное, что во время сверхшторма могут происходить странные вещи, и с тех пор больше не упоминали о случившемся.

«Вот глупышка, – сказала она самой себе, дойдя до пустой страницы в заметках. – Начни вести себя как ученый. Джасна была бы разочарована».

Шаллан записала последние слова Узора.

– Узор, – произнесла она, постукивая карандашом. Карандаш, как и бумагу, удалось раздобыть у торговцев. – У этого стола четыре ножки. Разве ты можешь утверждать, что это не является правдой, независимой от моей точки зрения?

Узор неопределенно загудел.

– Что такое ножка? Только то, как ты ее определяешь. Без точки зрения нет такого понятия, как ножка или стол. Есть только дерево.

– Ты мне говорил, что стол воспринимает себя в таком виде.

– Потому что люди определили, и довольно давно, что это стол, – ответил Узор. – Для стола это стало правдой, потому что эту правду сотворили люди.

«Интересно, – подумала Шаллан, быстро записывая слова в блокнот. В данный момент ее больше интересовала не природа правды, а то, как ее воспринимал Узор. – Возможно, потому что он из когнитивной реальности? В книгах говорится, что духовная реальность – это место абсолютной правды, в то время как когнитивная реальность более изменчива».

– А спрены, – произнесла Шаллан. – Если бы не существовало людей, могли бы спрены мыслить?

– Не здесь, не в этой реальности, – ответил Узор. – Насчет других реальностей я не знаю.

– И тебя это не пугает? – проговорила Шаллан. – Ведь в таком случае твое существование целиком зависит от людей.

– Верно, – спокойно отозвался Узор. – Но ведь и дети зависят от родителей. – Он помедлил. – Кроме того, есть и другие мыслящие существа.

– Несущие Пустоту, – холодно сказала Шаллан.

– Да. Не думаю, что мой вид жил бы в мире, где существуют только они. У них есть их собственные спрены.

Шаллан резко села.

– Их собственные спрены?

Узор на столе уменьшился в размерах, сжавшись, его грани стали менее различимыми, слились воедино.

– Так что? – спросила Шаллан.

– Мы о них не говорим.

– Когда-то нужно начинать, – сказала Шаллан. – Это важно.

Узор зажужжал. Она думала, что он станет настаивать, но через мгновение спрен продолжил очень тихим голосом:

– Спрены – это... сила... осколки силы. Сила, обретшая разумность через восприятие людей. Честь, Культивация и... и еще один. Отколовшиеся фрагменты.

– Еще один? – подтолкнула его Шаллан.

Гудение Узора перешло в вой и стало таким высоким, что она практически его не слышала.

– Злоба.

Он вытолкнул из себя слово, будто для этого потребовалось усилие.

Шаллан торопливо записывала. Злоба. Ненависть. Какой-то вид спрена? Возможно, единственный в своем роде, как Кузисеш в Ири или Смотрящая в Ночи. Спрен ненависти. Она никогда не слышала ни о чем подобном.

Пока девушка продолжала писать, из сгущающейся темноты подошел один из ее рабов. Запуганный мужчина был одет в простую тунику и штаны – ей удалось раздобыть несколько таких комплектов у торговцев. Подарок оказался очень кстати, поскольку последние сферы Шаллан находились перед ней в кубке, и их не хватило бы даже на то, чтобы оплатить ужин в одном из приличных ресторанов Харбранта.

– Ваша светлость, – произнес мужчина.

– Да, Суна?

– Я... э-э... – Он указал в сторону. – Другая леди, она попросила, чтобы я сказал вам...

Раб указывал на палатку, которую занимала Тин – высокая женщина, руководившая немногими оставшимися охранниками каравана.

– Она хочет, чтобы я ее посетила? – спросила Шаллан.

– Да, – ответил Суна, глядя вниз. – Полагаю, чтобы поужинать.

– Спасибо, Суна, – сказала Шаллан, отпустив его к костру, где он и другие рабы помогали с готовкой, пока паршмены собирали дрова.

Рабы Шаллан оказались спокойными. На лбу у них были татуировки, а не клейма. Таким более гуманным способом обычно отмечали человека, который становился рабом добровольно, в противоположность тем, кого вынудили принять рабство за слишком жестокое или ужасное преступление. Ее рабы были из тех, что расплачивались за долги или являлись детьми рабов, на которых все еще лежали долги родителей.

Они привыкли трудиться и казались напуганными идеей оплаты своего труда. Хотя Шаллан и платила им гроши, большинство из них освободится менее чем через два года. Эта идея причиняла рабам явное неудобство.

Шаллан покачала головой, собирая свои вещи. По пути к палатке Тин девушка остановилась у костра и попросила Рэда погрузить ее стол обратно в повозку и закрепить его.

Она беспокоилась о своих вещах, но больше не хранила сферы внутри клетки, поэтому оставляла заднюю часть повозки открытой, чтобы Газ или Рэд могли заглянуть внутрь и увидеть только книги. Оставалось надеяться, что у солдат не возникнет желания в них рыться.

«Ты также ходишь вокруг да около правды, – подумала Шаллан, отойдя от костра. – Точно так же, как те историки, о которых ты разглагольствовала».

Она притворялась, что эти мужчины были героями, но не испытывала ни малейших иллюзий по поводу того, как быстро они могли перевернуться на сторону противника при определенных обстоятельствах.

Палатка Тин оказалась большой и хорошо освещенной. Женщина путешествовала не как простой охранник. Во многих отношениях она была здесь наиболее загадочной личностью. Одна из немногих светлоглазых, помимо самих торговцев. Женщина, которая носила меч.

Шаллан заглянула в открытую палатку и обнаружила нескольких паршменов, сервирующих низкий походный столик, за которым приходилось

есть, сидя на полу. Паршмены поспешили удалиться, и Шаллан с подозрением посмотрела им вслед.

Сама Тин стояла около окошка, прорезанного в ткани стенки. Она была одета в свой длинный желто-коричневый плащ, затянутый ремнем на талии и практически закрывающий тело. Он напоминал платье, хотя обтягивал фигуру намного сильнее, чем любое платье, которое когда-либо носила Шаллан. Под плащом женщина носила такие же узкие брюки.

– Я спросила твоих людей, – проговорила Тин, не оборачиваясь, – и они сказали, что ты еще не ужинала. Я приказала паршменам принести еды на двоих.

– Благодарю, – ответила Шаллан, входя внутрь и пытаясь скрыть нерешительность в голосе. Среди этих людей ей следовало вести себя не как испуганной девчонке, а как сильной женщине. Теоретически.

– Я приказала своим людям никого не подпускать близко, – продолжила Тин. – Мы можем говорить свободно.

– Очень хорошо, – ответила Шаллан.

– А значит, – сказала Тин, поворачиваясь, – ты можешь сказать мне, кто ты такая на самом деле.

Отец Штормов! Что это значило?

– Я Шаллан Давар, как и говорила раньше.

– Да, – произнесла Тин, подходя ближе и присаживаясь за стол. – Прошу. – Она жестом указала на место рядом.

Шаллан осторожно села, приняв позу воспитанной леди – согнув ноги набок.

Тин сидела со скрещенными ногами, откинув плащ назад. Она занялась едой, макая лепешку в карри, которое казалось слишком темным и чересчур пахло перцем, чтобы считаться женским.

– Мужская еда? – спросила Шаллан.

– Всегда ненавидела эти разграничения, – ответила Тин. – Я выросла в Ту Байле, мои родители работали переводчиками. Никогда не понимала, что определенная еда считается мужской или женской, пока не посетила родину родителей в первый раз. Но до сих пор подобное разделение кажется мне глупым. Буду есть, что пожелаю, спасибо большое.

Еда Шаллан была более соответствующей и пахла сладким, а не острым. Она начала есть, только теперь поняв, насколько сильно проголодалась.

– У меня есть самоперо, – сказала Тин.

Шаллан подняла взгляд, кусочек лепешки замер в соусе.

– Оно связано с самопером в Ташикке, – продолжила Тин, – в одном из их новых информационных центров. Нанимаешь там посредника, и они могут выполнять разные поручения. Поиск, запросы, даже передавать с помощью самопера твои послания в любой крупный город мира. Очень впечатляет.

– Кажется полезным, – осторожно проговорила Шаллан.

– Так и есть. Можно узнать что угодно. Например, я поручила своему посреднику разузнать все возможное о доме Давар. По всей видимости, это маленькое, отдаленное имение с большими долгами и чудаковатым главой, которого, возможно, уже нет в живых. У него есть дочь, Шаллан, которую, судя по всему, никто никогда не видел.

– Я и есть та дочь, – ответила девушка. – Я бы сказала, что «никто» – это преувеличение.

– Тогда зачем, – проговорила Тин, – неизвестному потомку второстепенного веденского рода путешествовать по Замерзшим землям с группой работорговцев? При этом не уставая повторять, что ее ждут на Разрушенных равнинах и что ее спасение будут праздновать? Что у нее есть

могущественные связи, достаточные, чтобы оплатить жалование целого наемного войска?

– Иногда правда более удивительна, чем ложь.

Тин улыбнулась и наклонилась вперед.

– Все в порядке. Со мной можешь не притворяться. На самом деле у тебя здесь все идет как надо. Я подавила свое раздражение и решила вместо этого восхищаться тобой. Ты новичок в нашем деле, но талантливая.

– В нашем деле? – переспросила Шаллан.

– В искусстве мошенничества, конечно же, – пояснила Тин. – Великое действие, когда притворяешься человеком, которым на самом деле не являешься, а затем сбегаешь со всеми богатствами. Мне понравилось, как ты все провернула с дезертирами. Рискованная затея, но она окупилась. Однако теперь ты в затруднительном положении. Притворяясь, что являешься женщиной, стоящей на несколько ступеней выше, чем на самом деле, ты обещаешь огромное вознаграждение. Я устраивала похожую аферу раньше, и самая трудная часть в конце. Если ты не справишься, эти «герои», которых ты наняла, не испытают ни малейшего сомнения, прежде чем вздернуть тебя на виселице. Я заметила, что ты умышленно затягиваешь наше продвижение к равнинам. Не уверена, да? У тебя ум за разум заходит?

– Совершенно точно, – тихо ответила Шаллан.

– Что ж, – сказала Тин, вернувшись к еде, – я могу тебе помочь.

– А что взамен? – Эта женщина явно любила поговорить. Шаллан склонялась к тому, чтобы позволить ей продолжить.

– Я хочу принимать участие во всем, что ты задумала, – ответила Тин, ткнув хлебом в миску, как мечом в большепанцирника. – Ты не просто так проделала весь этот путь к Замерзшим землям. Твой замысел – не какая-то мелкая афера, но не могу не заметить, что у тебя недостаточно опыта, чтобы его осуществить.

Шаллан задумчиво постукивала пальцем по столу. Кем же она будет для этой женщины? Кем ей нужно быть?

«Похоже, она настоящий профессионал в мошенничестве, – подумала Шаллан, вспотев. – Я не смогу одурачить такого человека».

Не считая того, что ей уже удалось. Случайно.

– Как ты оказалась здесь? – спросила Шаллан. – Во главе охранников каравана? Часть какой-то аферы?

Тин рассмеялась.

– Здесь? Нет, ради этого не стоило бы беспокоиться. Возможно, я слегка преувеличила свои заслуги, когда договаривалась с хозяевами каравана, но мне нужно попасть на Разрушенные равнины. У меня не было собственных средств для подобного путешествия. Таких, чтобы гарантировать безопасность.

– Все же, как женщина вроде тебя умудрилась остаться без средств? – спросила Шаллан, нахмурившись. – Я бы предположила, что такого не могло случиться.

– Но случилось, – ответила Тин, сделав неопределенный жест. – Как видишь. Ты должна свыкнуться с переменами, если хочешь стать одной из нас. Что-то приходит, затем уходит. Я застряла на юге без сфер, а теперь добираюсь в более цивилизованные области.

– На Разрушенные равнины, – уточнила Шаллан. – Там тебя тоже ждет какая-то работа? Афера... которую ты собираешься проверить?

Тин улыбнулась.

– Дело не во мне, детка. Дело в тебе и в том, что я могу для тебя сделать. Я знакома кое с кем в военных лагерях. Там теперь практически новая столица Алеткара, там происходит все самое интересное в стране. Деньги текут рекой, как

вода после шторма, но все считают, что это граница, поэтому законы соблюдаются нестрого. Женщина может преуспеть, если знает нужных людей.

Тин наклонилась, ее лицо стало серьезным.

– В противном случае она очень быстро наживет кучу врагов. Поверь мне, ты захочешь познакомиться с теми, кого я знаю, и захочешь с ними работать. Без их одобрения на Разрушенных равнинах не происходит ничего значительного. Так что спрашиваю тебя еще раз. Чего ты надеешься там добиться?

– Я... знаю кое-что о Далинаре Холине.

– О самом старом Терновнике? – удивилась Тин. – В последнее время он ведет скучную жизнь, весь из себя важный, будто какой-то герой из легенд.

– Да. Ну, то, что я знаю, будет для него очень важно. Очень.

– И что за тайна?

Шаллан не ответила.

– Пока не хочешь разглашать информацию, – проговорила Тин. – Что ж, понятно. Шантаж – непростой бизнес. Ты будешь рада, что взяла меня в сообщницы. Мы ведь теперь заодно, так?

– Да, – ответила Шаллан. – Я действительно думаю, что смогу кое-чему у тебя поучиться.



Туманная форма для тех, кто скользит меж людей.

Форма силы, как волны людские.

Пробудится снова она.

Хоть и боги ее смастерили,

Это Несотворенных черта.

Стать врагом или другом их сила дана.

«Песнь историй» слушающих, строфа 127

Каладин считал, что не так-то просто поставить его в совершенно незнакомое положение. Он был рабом и хирургом, нес службу на поле битвы и в гостиниой светлоглазых. Он многое повидал для своих двадцати лет. Иногда казалось, что слишком многое. У него накопилось много воспоминаний, которых он предпочел бы не иметь.

Однако, несмотря ни на что, он не ожидал, что этот день принесет ему настолько необычное и повергающее в замешательство событие.

– Сэр? – произнес Каладин, делая шаг назад. – Что вы хотите, чтобы я сделал?

– Оседлай ту лошадь, – сказал Далинар Холин, указывая на пасущееся неподалеку животное.

Лошадь стояла совершенно неподвижно, ожидая, когда трава полезет вверх из своих нор. Затем она бросалась на нее и быстро кусала, из-за этого трава пряталась обратно в укрытие. Каждый раз лошадь набивала полный рот, часто вырывая траву с корнем.

Кобыла была одной из многих, бродивших и резвившихся вокруг. Каладина не переставали поражать богатые люди вроде Далинара; каждое такое животное стоило огромного количества сфер. И Далинар хотел, чтобы он взобрался на одну из них.

– Солдат, – продолжил Далинар, – ты должен уметь ездить верхом. Может наступить время, когда тебе придется охранять моих сыновей на поле битвы. Кроме того, сколько времени понадобилось, чтобы добраться до дворца той ночью, когда тебе сообщили о происшествии с королем?

– Почти три четверти часа, – признал Каладин.

С тех пор прошло четыре дня, и за это время Каладин нередко обнаруживал, что уже почти на грани.

– У меня есть конюшни рядом с бараками, – сказал Далинар. – Ты мог бы доехать тогда намного быстрее, если бы отправился верхом. Возможно, ты не будешь проводить много времени в седле, но это важный навык, которым ты и твои люди должны владеть.

Каладин оглянулся на других членов Четвертого моста. Все вокруг пожимали плечами – они робели, за исключением Моаша, который с готовностью кивнул.

– Полагаю, – сказал Каладин, поворачиваясь к Далинару, – если вы думаете, что это важно, сэр, мы попробуем.

– Молодец, – ответил Далинар. – Я пошлю за главным конюхом. Это Дженет.

– Мы будем ждать его с нетерпением, – проговорил Каладин, стараясь, чтобы тон голоса соответствовал сказанному.

Двое из людей Каладина последовали за Далинаром, когда он направился к конюшням – нескольким большим, добротным каменным строениям. Каладин заметил, что когда лошади оставались снаружи, им позволялось свободно перемещаться по открытому участку к западу от лагеря. Его ограждала низкая каменная стена, но, конечно, лошади могли спокойно ее перепрыгнуть.

Но они этого не делали. Животные бродили, выслеживали траву или лежали, пофыркивая и издавая ржание. По мнению Каладина здесь странно пахло. Не навозом, просто... лошадьми. Он посмотрел на одну из них, пасущуюся рядом, прямо около ограды. Каладин ей не доверял. Лошади, похоже, чересчур смысленные. Правильные вьючные животные, как чуллы, были медленными и покладистыми. Он бы поехал на чулле. А подобное создание... кто знает, о чем оно думало?

Моаш подошел к нему, наблюдая, как удаляется Далинар.

– Он тебе нравится, не так ли? – тихо спросил мостовик.

– Он хороший командир, – ответил Каладин, инстинктивно отыскивая взглядом Адолина и Ренарина, ездивших верхом неподалеку. По-видимому, лошади нуждались в периодической выездке, чтобы оставаться в хорошей форме. Штормовые создания.

– Не сближайся с ним слишком сильно, Кэл, – сказал Моаш, все еще наблюдая за Далинаром. – И не слишком доверяй. Помни, что он светлоглазый.

– Этого я точно не забуду, – сухо ответил Каладин. – Кроме того, не ты ли чуть не упал в обморок от радости, когда он предложил нам оседлать этих чудовищ?

– Ты вообще сталкивался со светлоглазыми верхом на подобных созданиях? – спросил Моаш. – На поле битвы, я имею в виду?

Каладин вспомнил грохот копыт, человека в серебристой броне. Мертвых друзей.

– Да.

– Тогда ты знаешь, каково преимущество, – пояснил Моаш. – Я с радостью приму предложение Далинара.

Оказалось, что начальник конюшен не он, а она. Каладин удивился, когда к ним подошла хорошенькая молодая светлоглазая женщина с парой конюхов.

Она была одета в традиционное воринское платье, хотя не из шелка, а чего-то более грубого, и с разрезами спереди и сзади от лодыжки до бедра. Под платьем у нее виднелись женские брюки. Темные волосы конюха стянуты в хвост, без украшений. Ее лицо было напряженным, чего Каладин не ожидал от светлоглазой женщины.

– Кронпринц говорит, что я должна позволить твоим головорезам прикасаться к моим лошадям, – сказала Дженет, сложив руки на груди. – Я не в восторге.

– К счастью, – ответил Каладин, – мы тоже.

Она оглядела его сверху донизу.

– Это ты, так ведь? Тот, о ком все говорят?

– Может быть.

Дженет фыркнула.

– Тебя нужно подстричь. Хорошо, слушайте, солдатики! Мы собираемся делать все правильно. Я не позволю вам навредить моим лошадям, ясно? Слушайте и слушайте хорошенько.

За этими словами последовала одна из самых скучных и затянувшихся лекций в жизни Каладина. Женщина повторяла снова и снова об осанке – спина прямая, но не слишком напряженная. О том, как заставить лошадь двигаться – тычок пятками, но не слишком резкий. О том, как ехать верхом, как относиться к животному, как правильно держать поводья и как удерживать равновесие. Все это до того, как позволить хотя бы прикоснуться к одному из созданий.

В конце концов скуку прервало прибытие верхового. К сожалению, им оказался Адолин Холин, скакавший на белом монстре, которого называл своим конем. Животное возвышалось на несколько ладоней над всеми лошадьми, что им показывала Дженет. Конь Адолина, с его массивными копытами, блестящей белой шкурой и бездонными глазами, выглядел так, будто принадлежал к совершенно другому виду.

Адолин с ухмылкой оглядел мостовиков, затем поймал взгляд главного конюха и улыбнулся менее снисходительно.

– Дженет, – сказал он. – Очаровательно выглядишь сегодня, как и всегда. Это что, новое платье для верховой езды?

Женщина наклонилась не глядя – она как раз рассказывала о том, как управлять лошадьми – и подняла с земли камень. Спустя мгновение она повернулась и бросила его в Адолина. Принц уклонился, подняв руку, чтобы защитить лицо, хотя Дженет и промазала.

– Ой, да ладно тебе, – начал было Адолин. – Ты же больше не расстроена тем...

Еще один камень. Этот пришелся по руке.

– Ну, ладно, – сдался Адолин и погнал своего коня прочь, ссутулившись, чтобы представлять менее удобную мишень для камней.

В конечном счете, после того как Дженет на своем примере продемонстрировала, как седлать и обуздывать лошадь, она закончила лекцию и посчитала их достойными коснуться некоторых лошадей. Несколько ее конюхов, как мужчин, так и женщин, засуетились на поле, чтобы выбрать подходящих верховых животных для шестерых мостовиков.

– В вашем штате довольно много женщин, – заметил Каладин, обратившись к Дженет, пока конюхи работали.

– Верховая езда не упомянута в «Искусствах и величии», – ответила она. – Тогда о лошадях знали мало. У Сияющих были ришадидумы, но даже из королей мало кто имел доступ к обычным лошадям.

Дженет прятала безопасную руку в рукаве в отличие от большинства темноглазых женщин-конюхов, которые носили перчатки.

– И это важно, потому что?.. – спросил Каладин.

Нахмурившись, она посмотрела на него в недоумении.

– «Искусства и величие»... – подсказала Дженет. – Устои мужских и женских искусств... Ну, конечно! Я все смотрела на узлы капитана на вашем плече, но...

– Но я всего лишь невежественный темноглазый?

– Конечно, если именно так вы предпочитаете себя называть. Без разницы. Слушайте, я не собираюсь читать вам лекцию об искусствах – я уже устала вещать для ваших людей. Давайте просто условимся, что каждый, кто хочет, может быть конюхом, ладно?

Ей недоставало лоска, которого Каладин ожидал от светлоглазых женщин, и он счел это приятным. Лучше женщина, которая откровенно снисходительна, чем наоборот.

Конюхи выводили лошадей из загона к манежу в форме кольца. Группа паршменов с понурами взглядами принесла седла, потники и уздечки – после лекции Дженет Каладин знал, как называется подобное снаряжение.

Он выбрал животное, которое казалось не слишком злобным, – приземистую лошадку гнедой масти с косматой гривой. Каладин оседлал ее с помощью конюха. Рядом уже закончил Моаш и пытался забросить себя в седло. Когда конюх отошел, лошадь Моаша двинулась сама, без его понуканий.

– Эй! – сказал Моаш. – Стой. Ух ты! Как мне заставить ее остановиться?

– Ты бросил поводья, – ответила ему Дженет. – Штормовой дурак! Ты хотя бы слушал?

– Поводья, – сказал Моаш, хватая их. – А я не могу просто хлопнуть ее по голове хворостиной, как чуллу?

Дженет потеряла лоб.

Каладин посмотрел в глаза выбранного чудовища.

– Послушай, – мягко сказал он, – ты не хочешь это делать. Я не хочу это делать. Давай к взаимному удовольствию покончим со всем этим как можно быстрее.

Лошадь тихо фыркнула. Каладин глубоко вздохнул, схватился за седло, как ему объяснили, и поднял одну ногу в стремя. Он раскачался и забросил себя в седло. Затем ухватился за луку седла мертвой хваткой и стал крепко держаться, готовый быть сброшенным, когда зверь понесет.

Его лошадь склонила голову и начала лизать камни.

– Эй, ну-ка, – пробормотал Каладин, поднимая поводья. – Пошла! Двигайся!

Кобыла его проигнорировала. Каладин попробовал ткнуть ее в бока, как ему говорили. Животное не сдвинулось с места.

– Считается, что ты какая-то разновидность повозки с ногами, – сказал Каладин лошади. – Ты стоишь больше, чем деревня. Докажи мне, что это правда. Пошла! Ну же! Вперед!

Лошадь лизала камни.

«Чем занимается это создание?» – подумал Каладин, наклоняясь набок.

С удивлением он заметил зеленые стебельки, высунувшиеся из норы. Облизывание одурачило траву, которая решила, что пошел дождь. Часто после шторма растения раскрывались, чтобы напитать себя водой, даже если ими решали поживиться насекомые.

«Хитрая bestия. Ленивая. Но хитрая».

– Тебе нужно дать ей понять, что ты главный, – сказала Дженет, проходя мимо. – Натяни поводья, выпрямись, потяни ее голову вверх и не давай есть. Она так и будет бродить, если ты не проявишь настойчивость.

Каладин попытался послушаться и действительно сумел – наконец – оттащить лошадь от еды. От кобылы странно пахло, но запах не казался таким уж неприятным. Каладин заставил животное двигаться шагом, и как только у него получилось, направлять лошадь стало не трудно. Однако было непривычно, что кто-то другой выбирает, куда идти. Да, Каладин держал поводья, но в любой момент она могла встать на дыбы или сорваться в галоп, а он был не способен ничего поделать. Половина обучения Дженет оказалась посвящена тому, что не следует пугать верховое животное – требовалось оставаться спокойным, даже если оно быстро поскачет, и что никогда не нужно подкрадываться к нему сзади.

Верхом на лошади Каладин оказался на большей высоте, чем ожидал. Падать на землю придется далеко. Он потренировался управлять верхом и через некоторое время смог остановиться около Натама, как и задумал. Длиннолицый мостовик держал поводья так, будто они были драгоценными камнями, боясь дергать их или направлять свою клячу.

– Не могу поверить, что люди ездят на таких существах по своей, к штормам, воле, – сказал Натам. Он говорил на алетии с деревенским акцентом, его слова резко обрывались, как будто он обкусывал их перед тем, как полностью произнести. – Я имею в виду, мы движемся ничуть не быстрее, чем пешком, так?

Каладин снова вспомнил образ атакующего конного Носителя Осколков из далекого прошлого. Да, Каладин видел преимущества лошадей. Находясь выше, легче развить большую силу при ударе, и натиск лошади – ее масса и скорость – пугают пеших солдат и заставляют их разбежаться.

– Думаю, большинство из них движутся быстрее, чем наши, – проговорил Каладин. – Готов поспорить, что для тренировки нам подобрали старых лошадей.

– Согласен, – ответил Натам. – Она теплая. Не ожидал ничего подобного. Раньше я ездил на чуллах. Эта штука не должна быть такой... теплой. Трудно поверить, что она столько стоит. Как будто я еду верхом на куче изумрудных брумов.

Он помолчал, оглянувшись назад.

– Только зады у изумрудов и близко не такие подвижные.

– Натам, – спросил Каладин, – ты хорошо помнишь, что произошло в тот день, когда попытались убить короля?

– О конечно. Я был с ребятами, которые побежали туда и нашли его болтающимся на ветру, как уши Отца Штормов.

Каладин улыбнулся. Когда-то этот человек едва мог связать пару фраз и всегда уныло паялился в землю. В то время его использовали как мостовика. Последние несколько недель пошли Натаму на пользу. На пользу им всем.

– Перед штормом той ночью, – спросил Каладин, – заходил ли кто-нибудь на балкон? Слуги, которых ты не узнал? Солдаты не из королевской стражи?

– Насколько помню, слуг там не было, – ответил Натам, прищурившись. Лицо бывшего фермера приняло задумчивое выражение. – Я охранял короля весь день, сэр, с королевской стражей. Мне ничего не показалось странным. Я... тпру!

Его лошадь внезапно увеличила скорость, обогнав кобылу Каладина.

– Подумай! – прокричал ему Каладин. – Попробуй что-нибудь вспомнить!

Натам кивнул, все еще держа поводья, словно они были из стекла, отказываясь туго натягивать их или управлять лошадьёю. Каладин покачал головой.

Мимо него проскакала маленькая лошадка. По воздуху. Сделанная из света. Сил хихикнула, меняя очертания, и закружилась в виде ленты света перед тем, как сесть на шею лошади Каладина, прямо перед ним. Она откинулась назад, усмехаясь, затем нахмурилась, увидев выражение его лица.

– Ты не получаешь удовольствия, – сказала Сил.

– Ты начинаешь говорить очень похоже на мою мать.

– Чарующе? – уточнила Сил. – Изумительно, остроумно, многозначительно?

– Повторяясь.

– Чарующе? Изумительно, остроумно, многозначительно?

– Очень забавно.

– Говорит человек, который не смеется, – ответила она, сложив руки на груди. – Ладно, так что замрачило тебя сегодня?

– Замрачило? – Каладин нахмурился. – Что это за слово?

– Ты не знаешь?

Он покачал головой.

– Да, – произнесла Сил торжественно. – Да, такое слово существует. Абсолютно точно.

– Что-то не так, – сказал Каладин. – Я только что разговаривал с Натамом.

Он натянул поводья, предупреждая попытку лошади наклониться и снова начать дергать траву. Бестия оказалась очень целеустремленной.

– О чем вы говорили?

– О покушении на убийство, – ответил Каладин, прищурившись. – И видел ли он кого-нибудь перед... – Он сделал паузу. – Перед штормом.

Каладин опустил глаза и встретился взглядом с Сил.

– Сам шторм вырвал бы перила с корнем.

– И согнул бы их, – сказала Сил, вставая и усмехаясь. – О-о-о...

– Они были чисто срезаны, строительный раствор внизу сколот, – продолжил Каладин. – Готов поспорить, что сила ветра была равна весу короля, прислонившегося к ним.

– Тогда диверсия должна была произойти после шторма.

Это сужало временные рамки. Каладин повернул лошадь туда, где скакал Натам. К сожалению, догонять было нелегко. Натам двигался рысью с явным страхом, а Каладин не мог заставить свою лошадь идти быстрее.

– У тебя проблемы, мостовичок? – спросил Адолин, подъезжая рысцой.

Каладин взглянул на молодого принца. Отец Штормов, трудно не чувствовать себя крошечным, когда рядом скачет такое чудовище, как у Адолина. Каладин попытался прищипорить свою клячу, чтобы она шла быстрее. Та продолжала цокать на одной скорости, описывая круги, что являлось своего рода тренировочной пробежкой для лошадей.

– Возможно, в молодости Капелька отличалась резвостью, – сказал Адолин, кивая на кобылу Каладина, – но это было пятнадцать лет назад. Если честно, я удивлен, что она все еще здесь, но, похоже, лошадь прекрасно подходит для обучения детей. И мостовиков.

Каладин не обращал на принца внимания, смотря вперед и по-прежнему пытаюсь заставить лошадь набрать скорость и догнать Натама.

– Но если ты хочешь что-то погорячее, – продолжил Адолин, указав в сторону, – вон та, Гроза, возможно, понравится тебе больше.

Он указал на большую стройную кобылу в собственном вольере, оседланную и привязанную к столбу, который прочно укрепили в отверстии в земле. Длинная веревка позволяла лошади совершать короткие пробежки, но только по кругу. Фыркающая, она дергала головой.

Адолин ударил пятками своего коня, послав его вперед, и обогнал Натама.

«Гроза, значит?» – подумал Каладин, осматривая животное.

Определенно, кобыла казалась порезвее, чем Капелька. Также казалось, что лошадь будто хотела вырвать кусок из любого, кто подойдет слишком близко.

Каладин повернул Капельку в нужном направлении. Приблизившись, он притормозил, чему его кобыла только обрадовалась, и слез на землю. Сделать это оказалось сложнее, чем он ожидал, но ему удалось не упасть лицом вниз. Оказавшись на земле, Каладин упер руки в бока и начал рассматривать бегающую внутри ограждения лошадь.

– Не ты ли только что жаловался, – сказала Сил, появляясь из-за головы Капельки, – что предпочел бы идти пешком, чем позволил лошади нести себя?

– Ага, – ответил Каладин.

Неосознанно он удерживал в себе немного штормсвета. Совсем чуть-чуть. Когда он говорил, свет утекал, невидимый, но, присмотревшись, Каладин заметил в воздухе легкую рябь.

– Тогда что же ты делаешь, раздумывая насчет того, чтобы оседлать ту лошадь?

– Эта лошадь, – сказал он, кивнув на Капельку, – только для прогулок. Прогуливаться я могу и на собственных ногах. Та другая – для войны.

Моаш был прав. Лошади – преимущество на поле битвы, поэтому Каладин должен хотя бы в общих чертах знать, как с ними обращаться.

«Такой же аргумент привел мне Зейхел относительно обучения сражаться против Носителя Осколков, – подумал Каладин с беспокойством. – А я его отверг».

– Что ты надумал сделать? – спросила Дженет, подъезжая к нему.

– Я оседлаю ту лошадь, – ответил Каладин, указав на Грозу.

Дженет фыркнула.

– Она сбросит тебя в один миг, и ты свернешь себе шею, мостовик. Она не любит наездников.

– На ней седло.

– Только чтобы она могла к нему привыкнуть.

Лошадь закончила круг галопом и притормозила.

– Мне не нравится твой взгляд, – сказала ему Дженет, поворачивая свое животное в сторону. Ее лошадь стала нетерпеливо топтаться, как будто желала двигаться дальше.

– Я собираюсь попробовать, – проговорил Каладин и пошел вперед.

– Ты даже не сможешь на нее взобраться.

Дженет внимательно наблюдала, словно ей было любопытно, что он намеревается делать. Хотя, как казалось Каладину, Дженет больше заботила безопасность лошади, а не его собственная.

Сил приземлилась на плечо мостовика, пока он шел к Грозе.

– Все снова получится так, как на полигоне светлоглазых, да? – спросил Каладин. – Закончится тем, что я буду валяться на земле, уставившись в небо, и чувствовать себя дураком.

– Возможно, – беспечно ответила Сил. – Так почему ты решился? Из-за Адолина?

– Да ну, – ответил Каладин. – Пусть принц катится к штормам.

– Тогда почему?

– Потому что я боюсь этих чудовищ.

Сил посмотрела на него озадаченно, но для Каладина все было предельно ясно. Впереди Гроза выдыхала огромные клубы пара и посматривала на него. Они встретились взглядами.

– Шторма! – донесся голос Адолина позади. – Мостовичок, не вздумай взаправду так поступать! Ты с ума сошел?

Каладин подошел к лошади. Танцующим движением она отодвинулась на несколько шагов назад, но позволила ему коснуться седла. А он втянул еще немного штормсвета и забросил себя в седло.

– Бездна! Что за... – прокричал Адолин.

Больше Каладин ничего не расслышал. Усиленный штормсветом прыжок позволил ему взмыться выше, чем когда-либо удавалось обычному человеку, но его цель уже двигалась. Он схватился за луку седла и перекинул одну ногу, но лошадь стала брыкаться и попыталась встать на дыбы.

Зверюга была чудовищно сильна, особенно по контрасту с Капелькой. Каладина чуть не выбросило из седла при первом же взбрыкивании. Отчаянным взмахом ладони он зарядил седло штормсветом и приклеил себя к нему. Это означало, что, вместо того чтобы Каладина сбросило со спины лошади как безвольную тряпку, его стало дергать взад-вперед как безвольную тряпку. Он каким-то образом умудрился схватиться за гриву и, скрипя зубами, пытался сделать все возможное, чтобы не лишиться чувств.

Окружающие конюшни превратились в размытое пятно. Единственными звуками, которые мог слышать Каладин, остались биение его сердца и колотящие копыта. Несущий Пустоту зверь метался, как сам шторм, но Каладин приклеился к седлу так же надежно, как если бы был прибит к нему гвоздями. Спустя некоторое время, показавшееся вечностью, лошадь успокоилась, хрипя и пуская пену.

Затуманившееся зрение Каладина прояснилось, и он увидел группу подбадривающих его мостовиков, стоящих на разумном отдалении. Адолин и Дженет, оба верхом, уставились на него со смесью ужаса и восторга. Каладин ухмыльнулся.

Затем одним последним сильным движением Гроза сбросила его на землю.

Он не понял, что штормсвет в седле иссяк. В полном соответствии со своим предсказанием, Каладин обнаружил, что в полубессознательном состоянии лежит на спине, уставившись в небо, и с трудом может вспомнить последние несколько секунд своей жизни. Позади него из земли выползло несколько спренов боли – маленькие оранжевые кисти, пытающиеся что-то схватить.

Над Каладином склонилась лошадиная голова с бездонными темными глазами. Лошадь фыркнула. Запахло влагой и травой.

– Ты чудовище, – проговорил Каладин. – Дождалась, пока я расслаблюсь, и потом скинула меня.

Лошадь снова фыркнула, и Каладин поймал себя на том, что смеется. Шторма, но он отлично себя чувствовал! Непонятно почему, но то, как он цеплялся за жизнь, пока животное безумствовало, воодушевляло по-настоящему.

Пока Каладин вставал и приводил себя в порядок, через толпу пробрался Далинар собственной персоной. Его лоб был наморщен. Каладину не приходило в голову, что кронпринц все еще где-то поблизости. Далинар перевел взгляд с Грозы на Каладина и выгнул бровь.

– На спокойной лошадке не догнать убийц, сэр, – сказал Каладин, поприветствовав кронпринца салютом.

– Верно, – ответил Далинар. – Но обычно новичков начинают обучать сражаться затупленным оружием, солдат. Ты в порядке?

– В полном, сэр, – уверил его Каладин.

– Что ж, похоже, у твоих людей неплохо получается. Я отдам официальное распоряжение. Ты и еще пятеро по твоему выбору должны приходить сюда и тренироваться каждый день в течение следующих нескольких недель.

– Есть, сэр.

Он найдет время. Так или иначе.

– Хорошо, – сказал Далинар. – Я принял твои предложения по первичным патрулям за пределами лагеря и думаю, что все в порядке. Почему бы тебе не начать через две недели и не потренироваться с лошадьми на открытой местности?

Дженет издала придушенный вскрик.

– За пределами города, светлорд? Но... бандиты...

– Лошади здесь для того, чтобы ими пользовались, Дженет, – ответил Далинар. – Капитан, ты ведь позаботишься о том, чтобы взять достаточно солдат для охраны лошадей, не так ли?

– Да, сэр, – ответил Каладин.

– Отлично. Но эту лошадь не трогать, – заметил Далинар, махнув рукой в сторону Грозы.

– Э, есть, сэр.

Далинар кивнул и отошел, подняв руку, чтобы привлечь внимание человека, которого Каладину не было видно. Мостовик потер ушибленный локоть. Оставшийся в теле штормсвет первым делом излечил его голову, но быстро иссяк, не успев приняться за руку.

Мужчины из Четвертого моста двинулись к своим лошадям, когда Дженет позвала их, чтобы снова рассадить по седлам и начать вторую часть тренировки. Каладин оказался около Адолина, по-прежнему сидящего верхом.

– Спасибо, – нехотя поблагодарил принц.

– За что? – спросил Каладин, шагая мимо него к Капельке, продолжавшей жевать траву, не обращая внимания на суматоху вокруг.

– За то, что не сказал отцу, что именно я втянул тебя во все это.

– Я не идиот, Адолин, – ответил Каладин, взбираясь в седло. – И понимал, во что ввязываюсь.

Он с некоторым усилием оттащил лошадь от еды и получил еще несколько подсказок от конюха. В конце концов Каладин снова поскакал рысью за Натомом. Темп был довольно тряским – он назывался строевой рысью, но Каладин практически подстроился под движения лошади, чтобы не слишком часто плюхаться о седло.

Натам наблюдал за его приближением.

– Так нечестно, сэр.

– То, что я устроил с Грозой?

– Нет. То, что вы так легко скачете. Кажется, это у вас от природы.

Каладин не ощущал ничего подобного.

– Я хотел бы еще немного поговорить о той ночи.

– Сэр, – обратился к нему длиннолицый мужчина. – Мне больше ничего не пришло на ум. Меня немного отвлекли.

– У меня другой вопрос, – сказал Каладин, направляя свою лошадь так, чтобы оба животных шли рядом. – Я спрашивал о твоей смене днем, но что насчет времени сразу после моего ухода? Кто-то, кроме короля, выходил на балкон?

– Только охранники, сэр.

– Скажи мне, кто именно. Может быть, они что-то видели.

Натам пожал плечами.

– Я наблюдал в основном за дверьми. Король некоторое время оставался в гостиной. Думаю, на балкон выходил Моаш.

– Моаш, – повторил Каладин, нахмурившись. – Разве его смена не должна была закончиться раньше?

– Верно, – ответил Натам. – Он остался еще ненадолго, сказал, что хочет проследить, как устроился король. Пока Моаш ждал, решил посторожить балкон. Вы обычно хотите, чтобы кто-то из нас находился снаружи.

– Спасибо. Я спрошу его.

Каладин обнаружил Моаша, когда тот прилежно слушал объясняющую что-то Дженет. Видимо, ему легко давалась верховая езда, впрочем, как и все остальное. Он определенно был лучшим учеником среди мостовиков, когда доходило до сражений.

Нахмурившись, Каладин изучал друга несколько мгновений. Затем его осенило.

«О чем ты думаешь? Что Моаш может иметь какое-то отношение к попытке убийства короля? Глупости».

Это казалось просто смешным. Кроме того, у него не было Клинка Осколков.

Каладин развернул лошадь. Однако сразу же увидел, с кем встретился Далинар. Кронлорд Амарам. Они находились слишком далеко, чтобы Каладин мог расслышать, о чем они говорили, но он увидел удивление, отразившееся на лице Далинара. К светлордам подъехали Адолин и Ренарин, широко заулыбавшиеся после того, как их поприветствовал Амарам.

Захлестнувшая Каладина ярость – внезапная, необузданная, такая сильная, что он почти задохнулся, – заставила его сжать кулаки. Дыхание с шипением вырывалось из горла. Каладин считал, что его ненависть похоронена гораздо глубже.

Он намеренно развернул свою лошадь в противоположном направлении, неожиданно воспылав желанием отправиться в патруль с новичками.

Уехать как можно дальше от лагерей показалось ему отличной идеей.



*Винят наш народ за потерю земли
И города на востоке, у моря вблизи.
Но правду о силе книги клана хранят.
Не наших богов в расколе равнин обвинять.
«Песнь войн» слушающих, строфа 55*

Не обращая внимания на оружие, Адолин врезался в линию паршенди, впечатавшись плечом в оказавшегося впереди врага. Паршенди застонал, его пение оборвалось, когда Адолин завертелся вокруг своей оси и начал размахивать Клинком Осколков. Следы на оружии отмечали, когда оно рывками проходило сквозь плоть.

Адолин вышел из вращения, игнорируя свечение штормсвета, вытекающего из трещины на плече. Вокруг него падали тела с выгорающими в черепах глазами. Дыхание Адолина, горячее и влажное, заполняло шлем.

«Туда», – подумал он, поднимая Клинок и атакуя.

Рядом собрались его люди. Не мостовики, в кои-то веки, а настоящие солдаты. Он оставил мостовиков позади на штурмовом плато. Принцу не хотелось, чтобы его окружали люди, которые не желают сражаться с паршенди.

Адолин и его войска пробились сквозь строй врага и объединились с отчаянными солдатами в зеленой форме с золотой отделкой под руководством Носителя Осколков в таких же цветах. Мужчина сражался огромным молотом Носителя Осколков – у него не было собственного Клинка.

Адолин прорвался к нему.

– Джакамав? – спросил он. – Ты в порядке?

– В порядке? – переспросил Джакамав, его голос приглушал шлем. Он поднял забрало, скрывавшее усмешку. – У меня все замечательно!

Он засмеялся, бледно-зеленые глаза светились дрожью сражения. Адолин хорошо знал это ощущение.

– Тебя почти окружили! – воскликнул Адолин, поворачиваясь лицом к нескольким паршенди, подбегающим парами.

Принц уважал их за то, что они нападали на Носителя Осколков, а не удирали. Это почти наверняка означало гибель, но если ты победишь, то сможешь изменить ход битвы.

Смех Джакамава звучал так же довольно и заразительно, как когда он слушал певца в винном доме. Адолин обнаружил, что сам расплылся в ухмылке, столкнувшись с паршенди, и стал сметать их одним ударом за другим. Он никогда не получал столько удовольствия от обычной войны, сколько от хорошей дуэли, но в это мгновение, несмотря на примитивность сражения, Адолин наслаждался дарованными ему вызовом и радостью.

Спустя несколько секунд у его ног лежали одни трупы, и Адолин завертелся, отыскивая очередное испытание. Это плато имело очень странные очертания: до того как равнины раскололись, оно представляло собой высокий холм, половина которого заходила на соседнее плато. Адолин не мог представить, какая сила была способна разрезать холм сверху вниз по центру, вместо того чтобы расколоть его у основания.

Что ж, холм имел необычную форму, и, возможно, именно это было как-то связано с таким расколом. Он больше походил на широкую ровную пирамиду всего с тремя ступенями. Большое основание, выше – второе плато шириной около сотни футов и над ними третье – площадка поменьше, размещавшаяся в самой середине. Почти как трехъярусный торт, который разрезали огромным ножом прямо по центру.

Адолин и Джакамав сражались на втором ярусе поля битвы. Формально Адолин не должен был участвовать в этом забеге. Очередь его армии еще не подошла. Однако настало время осуществить следующую часть плана Далинара. Принц прибыл с небольшой, но отборной ударной силой. Джакамава окружили на втором ярусе, и основная армия не могла к нему пробиться.

Теперь паршенди оказались отброшены к краям яруса. Они все еще полностью удерживали вершину – именно там обнаружили куколку. Плохая позиция. Да, они находились на возвышении, но также были вынуждены удерживать склоны между ярусами, чтобы обезопасить отход. Очевидно, паршенди надеялись вытащить гемсердце до того, как придут люди.

Адолин пнул воина паршенди через край, сбросив его с высоты около тридцати футов на тех, кто сражался на нижнем ярусе, затем посмотрел направо. Около него возвышался склон, но паршенди заняли проход. А ему бы хотелось добраться до вершины...

Он посмотрел на отвесную скалу между его уровнем и тем, что выше.

– Джакамав, – позвал Адолин, указывая наверх.

Джакамав проследил за его жестом и отступил назад, перестав сражаться.

– Это безумие! – воскликнул Джакамав, когда Адолин побежал вверх.

– Конечно.

– Тогда пусть так и будет.

Он протянул молот Адолину, который сунул его в крепления на спине друга. Затем оба побежали к каменной стене и начали карабкаться.

Бронированные пальцы Адолина скрежетали по камню, когда он подтягивался вверх. Солдаты внизу их подбадривали. Здесь было множество выступов, хотя он никогда бы не решился на подобное без Доспехов, помогающих продвигаться вперед и защитивших бы в случае падения.

Замысел по-прежнему казался безумием; они попадут в окружение. Однако два Носителя Осколков могли творить потрясающие вещи, когда поддерживали друг друга. Кроме того, если их сокрушат, они всегда могут спрыгнуть с утеса, если их Доспехи окажутся достаточно целыми, чтобы пережить падение.

Рискованный шаг, на который Адолин ни разу не осмелился, когда его отец находился на поле битвы.

Принц остановился на полпути к вершине. Паршенди собрались на краю верхнего яруса, готовясь их встретить.

– У тебя есть план, как закрепиться там, наверху? – спросил Джакамав, вцепившийся в камень рядом с Адолином.

Адолин кивнул.

– Только будь готов меня поддержать.

– Конечно. – Джакамав осмотрел возвышенность, его лицо скрывал шлем.

– Между прочим, что ты здесь делаешь?

– Полагаю, ни одна армия не откажется от нескольких Носителей Осколков, желающих помочь.

– Носителей? Множественное число?

– Ренарин остался внизу.

– Надеюсь, он не сражается.

– Окружен большим отрядом солдат, которые тщательно проинструктированы не давать ему ввязываться в бой. Но отец хотел, чтобы он все-таки увидел, как сражаются.

– Я знаю, что делает Далинар, – сказал Джакамав. – Он пытается продемонстрировать дух сотрудничества, старается прекратить соперничество кронпринцев. Поэтому посылает на помощь Носителей Осколков, даже не в свой забег.

– Ты жалуешься?

– Нет. Посмотрим, как ты расчистишь пространство наверху. Мне понадобится пара секунд, чтобы достать молот.

Адолин усмехнулся под своим шлемом и продолжил подниматься. Джакамав был лендлордом и Носителем Осколков, подчинявшимся кронпринцу Ройону, а также весьма хорошим другом. Было важно, чтобы такие светлоглазые, как Джакамав, увидели Далинара и Адолина активно работающими на благо Алеткара. Возможно, несколько подобных эпизодов покажут значимость доверительного союзничества, а не временной вероломной коалиции Садеаса.

Адолин продолжал карабкаться дальше, Джакамав сразу позади него, до тех пор, пока до вершины не осталось чуть больше десятка футов. Там скопились паршенди с молотами и палицами наготове – оружием для сражения с Носителем Осколков. Снизу несколько лучников выпустили в них стрелы, но те лишь отскочили от Доспехов, не причинив вреда.

«Приступим», – подумал Адолин, вытянув одну руку в сторону и ухватившись за камни другой, и призвал Клинок.

Он воткнул его прямо в каменную стену, развернув плоскость меча вверх, и подтянулся на один уровень с ним.

Затем Адолин ступил прямо на Клинок.

Клинки Осколков невозможно сломать – они с трудом гнутся – и тот держал Адолина. Принц неожиданно получил рычаг и хорошую опору, поэтому, когда он присел и прыгнул, Доспехи подбросили его вверх. Когда Адолин миновал край верхнего яруса, он схватился за камень прямо под ногами паршенди и подтянулся, чтобы броситься в гущу поджидающих врагов.

Они оборвали пение, когда он врезался в них с силой валуна. Встав на ноги, Адолин мысленно призвал Клинок, а затем протаранил плечом одну из групп. Юноша взорвался россыпью ударов, разбив кому-то грудь, кому-то голову. Панцири солдат трескались с отвратительным звуком, а удары отбрасывали их назад, сбивая некоторых с утеса.

Адолин принял несколько ударов на предплечье, прежде чем Клинок наконец сформировался в его руках. Он так размахивал мечом и был сосредоточен на том, чтобы удерживать позицию, что не замечал Джакамава, пока Носитель Осколков в зеленом не вступил в битву с ним рядом, круша врагов своим молотом.

– Спасибо за то, что сбросил целый отряд паршенди мне на голову, – прокричал Джакамав, замахиваясь. – Это был великолепный сюрприз.

Адолин усмехнулся, указывая рукой.

– Куколка.

На верхнем ярусе находилось не много врагов, хотя еще больше паршенди устремились вверх по склону. Перед Адолином и Джакамавом лежала прямая дорога к куколке – громадному продолговатому валуну коричневого и бледно-зеленого цветов. Она крепилась к камням тем же веществом, из которого была сделана оболочка.

Адолин перепрыгнул через судорожно дергающегося паршенди с отнявшимися ногами и бросился к куколке. Джакамав держался следом, позвякивая на бегу. Добраться до гемсердца сложно – оболочка куколки напоминала камень, но с Клинком Осколков преграды не существовало. Они только должны убить существо, а затем прорезать дыру так, чтобы можно было вырвать сердце и...

Куколка оказалась вскрыта.

– Нет!

Адолин забрался на нее и схватился за края дыры, вглядываясь в грязно-фиолетовые внутренности. Куски панциря плавали в слизи, а в том месте, где гемсердце обычно соединялось с венами и сухожилиями, явно зияла пустота.

Адолин развернулся, осматривая вершину плато. Джакамав лязгнул Доспехами и выругался.

– Как они смогли вытащить его так быстро?

Там. Неподалеку рассеивались солдаты паршенди, крича на своем непостижимом ритмичном языке. Позади них стояла высокая фигура в серебристых Доспехах Осколков с развевающимся за спиной красным плащом. На броне блестели заостренные сочленения, выпуклости выдавались, как шипы на панцире краба. Фигура была добрых семи футов ростом, броня делала ее массивной на вид, возможно, потому, что она покрывала паршенди, имевшего панцирь, растущий из кожи.

– Это он! – воскликнул Адолин и побежал вперед.

Тот самый паршенди, с которым отец сражался на Башне, единственный Носитель Осколков, которого они видели среди врагов в течение недель или даже месяцев.

Возможно, последний у них.

Носитель Осколков повернулся к Адолину, сжимая в руках огромное вырезанное гемсердце. С него капал иxor и плазма.

– Сразись со мной! – крикнул Адолин.

Группа солдат паршенди пробежала мимо Носителя Осколков к длинному выпавшему камню в конце скального образования, туда, где холм раскололся сверху вниз по центру. Носитель Осколков протянул гемсердце одному из бегущих, затем повернулся и стал наблюдать за тем, как они прыгают.

Они взмыли над пропастью, чтобы приземлиться на вершине другой половины холма на смежном плато. Адолина все еще изумляло то, что солдаты паршенди могут перепрыгивать через ущелья. Он почувствовал себя дураком, когда понял, что эти возвышенности не являлись для них такой ловушкой, какой стали бы для людей. Для паршенди расколовшаяся пополам гора была все лишь очередным ущельем, которое можно перепрыгнуть.

Все больше и больше паршенди перелетали пропасть, убегая от людей внизу, прыгая к безопасности. Адолин заметил одного, оступившегося в прыжке. Бедняга закричал, сорвавшись в пропасть. Это было для них опасно, но явно не настолько, как пытаться сражаться с людьми.

Носитель Осколков остался на месте. Адолин не обращал внимания на убегающих паршенди – так же, как и на Джакамава, звавшего его отступить.

Принц побежал к Носителю Осколков, в полную силу замахнувшись Клинком. Паршенди поднял собственный Клинок, отразив удар Адолина.

– Ты сын, Адолин Холин, – произнес паршенди. – Твой отец? Где?

Адолин застыл на месте. Слова были на алету – с сильным акцентом, да, но вполне понятные.

Носитель Осколков поднял забрало шлема. К потрясению Адолина, он не увидел на этом лице бороды. Неужели женщина? Трудно различать паршенди. Тембр голоса был грубым и низким, хотя, как ему казалось, он мог быть женским.

– Я должна говорить с Далинаром, – сказала женщина, шагнув вперед. – Я встречала его один раз, очень давно.

– Вы отказали всем нашим послам, – ответил Адолин, отступая назад с мечом наготове. – А сейчас хотите говорить с нами?

– Это было давно. Времена меняются.

Отец Штормов! Что-то внутри Адолина побуждало его размахнуться и ударить Носителя, а затем получить несколько ответов и обзавестись парой Осколков. Сражение! Он здесь, чтобы сражаться!

Его удержал голос отца где-то в глубине разума. Далинар захотел бы воспользоваться подобным шансом. Мог измениться ход войны.

– Он захочет с тобой связаться, – сказал Адолин, глубоко вздохнув, вытесняя дрожь битвы. – Как?

– Отправим посланника, – произнесла Носитель Осколков. – Не убивайте того, кто придет.

Она подняла Клинок Осколков и отсалютовала, затем отпустила его, и меч исчез. Развернувшись в сторону пропасти, она в невероятном прыжке взмыла вверх.

Адолин сорвал шлем, пока шагал через плато. Хирурги осматривали раненых, в то время как непострадавшие расселись вокруг группами, пили воду и ворчали о поражении.

В этот день над армиями Ройона и Рутара повисло необычное настроение. Чаще всего проигранный забег означал, что паршенди удалось отбросить алету назад, вынуждая беспорядочно отступать по мостам. Но если в ходе забега люди захватывали плато, то редко уходили без гемсердца как символа победы.

Адолин снял одну перчатку – ремешки автоматически расстегнулись сами, подчиняясь его воле, – и засунул ее за пояс. Мокрой рукой откинул со лба вспотевшие волосы. Где там Ренарин?

Тот сидел на камне на подготовительном плато, окруженный охраной. Адолин протопал по одному из мостов, махнув рукой Джакамаву, который снимал Доспехи поблизости – хотел ехать обратно с комфортом.

Адолин подбежал к брату, который сидел без шлема, уставившись в землю перед собой.

– Эй! – сказал Адолин. – Готов вернуться?

Ренарин кивнул.

– Что случилось?

Ренарин продолжал пялиться в землю. Наконец один из охранников-мостовиков – плотный мужчина с покрытыми сединой волосами – кивнул головой в сторону. Адолин отошел с ним на небольшое расстояние.

– Группа панциреголовых попыталась захватить один из мостов, светлорд, – тихо объяснил мостовик. – Светлорд Ренарин настаивал на том, чтобы помочь. Сэр, мы изо всех сил пытались его отговорить. Затем, когда он подошел и призвал Клинок, он просто... встал там. Мы увели его, сэр, но он с тех пор сидит на этом камне.

Один из приступов Ренарина.

– Спасибо, солдат, – сказал Адолин. Он пошел обратно и положил руку без перчатки на плечо брата. – Все хорошо, Ренарин. Бывает.

Ренарин снова пожал плечами. Ну, если он опять находился в одном из этих своих настроений, ничего не оставалось, кроме как дать ему время все переварить. Юноша заговорит, когда будет готов.

Адолин отдал необходимые распоряжения своему двухсотенному отряду и выразил почтение кронпринцам. Ни один из них не казался очень уж благодарным. Рутар, похоже, был уверен, что трюк Адолина и Джакамава привел к тому, что паршенди скрылись с гемсердцем. Как будто они в любом случае не отступили бы сразу после того, как его получили. Идиот.

Так или иначе, Адолин приветливо улыбался. Оставалось надеяться, что отец прав и протянутая рука товарищества окажется полезной. Сам Адолин мечтал лишь о шансе сразиться со всеми ними на дуэльной арене, где он немного поучил бы их уважению.

На обратном пути к своему отряду он отыскал Джакамава, сидевшего под небольшим тентом за чашей вина, глядя, как остальная часть его солдат тащится назад через мосты. Многие понуро брели с вытянувшимися лицами.

Джакамав жестом приказал слуге подать Адолину чашу искристого желтого вина. Адолин взял ее рукой без перчатки, но пить не стал.

– Это было что-то почти потрясающее, – проговорил Джакамав, обратив взгляд на плато, где происходило сражение.

С более низкого места три его яруса выглядели по-настоящему величественными.

«Выглядит едва ли не творением человеческих рук», – отстраненно подумал Адолин, разглядывая форму плато.

– Почти, – согласился он. – Можешь себе представить, как выглядела бы атака, имей мы двадцать или тридцать Носителей Осколков на поле боя одновременно? Был бы у паршенди хоть один шанс?

Джакамав хмыкнул.

– Твой отец и король серьезно настроены следовать своему пути, да?

– Как и я.

– Я вижу, что вы пытаетесь провернуть, ты и твой отец, Адолин. Но если ты продолжишь участвовать в дуэлях, то потеряешь свои Осколки. Даже ты не можешь выигрывать постоянно. Однажды наступит не твой день. И все пойдет прахом.

– Я могу проиграть в какой-то момент, – согласился Адолин. – Конечно, к тому времени я уже выиграю половину Осколков королевства, поэтому смогу восполнить потерю.

Джакамав с улыбкой глотнул вина.

– Ты нахальный ублюдок, отдаю тебе должное.

Адолин улыбнулся и устроился на корточках рядом с Джакамавом – стул не выдержал бы его вес в Доспехах. Он встретился с другом взглядом.

– Дело в том, Джакамав, что я на самом деле не волнуюсь о том, что могу потерять свои Осколки. В первую очередь меня беспокоит, как организовать дуэли. По всей видимости, мне не удастся найти Носителей Осколков, согласных сразиться со мной в поединке, во всяком случае, не за Осколки.

– В последнее время появилось несколько... побуждающих стимулов, – признал Джакамав. – Обещаний, даваемых Носителям, если они откажутся с тобой драться.

– Садеас.

Джакамав стал изучать свое вино.

– Попробуй Эраннива. Он хвастался, что сражается лучше, чем считается при дворе. Зная его, могу сказать: как только он увидит, что все остальные отказались, примет дуэль за возможность устроить впечатляющее представление. Хотя, он достаточно хорош.

– Я тоже, – ответил Адолин. – Спасибо, Джак. Я твой должник.

– Что за слухи о твоём обручении?

Шторма. Как это вышло наружу?

– Просто предварительная помолвка, – проговорил Адолин. – А может, и до нее не дойдет. Корабль Джасны, похоже, сильно задерживается.

Уже две недели, без каких-либо известий. Даже тетя Навани начала волноваться. Джасне следовало бы сообщить о себе.

– Никогда не думал, что ты из тех парней, которые позволяют заманить себя в брак по договоренности, Адолин, – сказал Джакамав. – Вокруг так много необъезженных ветров, понимаешь, о чем я?

– Как я уже сказал, – ответил Адолин, – все пока еще не официально.

Он до сих пор не понимал, что чувствует по этому поводу. Часть его хотела отступить только потому, что он не желал становиться предметом манипуляций Джасны. Но с другой стороны, в последнее время похвастаться было нечем. После того, что произошло с Данлан... Не его вина, что он общительный мужчина, не так ли? Почему все женщины такие ревнивые?

Идея позволить кому-то другому позаботиться обо всем вместо себя была более заманчивой, чем он когда-либо признает это публично.

– Я мог бы рассказать тебе обо всем поподробнее, – пообещал Адолин. – Может быть, сегодня вечером, в винном доме? Приведешь Инкиму? Сможешь пообвинять меня в глупости, высказать свою точку зрения.

Джакамав уставился в чашу с вином.

– Что? – спросил Адолин.

– В последнее время быть замеченным с тобой не идет на пользу репутации, Адолин, – сказал Джакамав. – Твой отец и король не особенно популярны.

– Это пройдет.

– Уверен, что так. Так что давай... подождем, ладно?

Адолин моргнул, слова задели его сильнее, чем любой удар на поле боя.

– Конечно, – выдавил он.

– Вот и хорошо.

У Джакамава даже хватило наглости улыбнуться ему и поднять чашу вина.

Адолин поставил свой нетронутый кубок и зашагал прочь.

Чистокровный был готов и дожидался его, когда он добрался до своих людей. Взвинченный Адолин собрался взлететь в седло, но белый ришадидум слегка толкнул его головой. Принц вздохнул, почесав коня за ушами.

– Прости, – сказал он. – Не слишком много уделял тебе внимания в последнее время, да?

Он как следует приласкал коня и почувствовал себя лучше после того, как взобрался в седло. Адолин хлопнул Чистокровного по шее, и конь слегка загарцевал, когда они двинулись с места. Он часто вел себя подобным образом, когда принц бывал раздражен, будто пытался улучшить настроение хозяина.

Сегодняшние охранники Адолина последовали за ним. Они любезно захватили с собой старый мост из армии Садеаса, чтобы отряд Адолина мог самостоятельно перемещаться в нужном направлении. Видимо, они очень удивились, когда Адолин приказал своим солдатам нести мост по очереди с бывшими мостовиками.

Штормовой Джакамав.

«Все к этому шло, – признался сам себе Адолин. – Чем больше ты защищаешь отца, тем сильнее будет неприятие. Они как дети. Отец действительно прав».

Имелись ли у Адолина настоящие друзья? Такие, что встали бы с ним плечом к плечу в трудные времена? Он был знаком практически с каждым более-менее значительным человеком в лагерях. Все его знали.

Скольким из них на самом деле не все равно?

– У меня не было припадка, – тихо проговорил Ренарин.

Адолин оторвался от размышлений. Они ехали верхом бок о бок, хотя конь Адолина был выше на несколько ладоней. По сравнению с Адолином на ришадуме, Ренарин, даже в Доспехах Осколков, выглядел, как ребенок на пони.

На солнце набежало несколько облаков, принесших некоторое облегчение от жары. В последнее время воздух похолодал, и казалось, что зима наступит раньше времени. Впереди расстилались пустынные плато, бесплодные и расколотые.

– Я просто стоял там, – сказал Ренарин. – Это не было оцепенением из-за моего... недуга. Я просто трус.

– Ты не трус, – ответил Адолин. – Я видел, как ты храбро поступал, как и любой другой человек. Помнишь охоту на скального демона?

Ренарин пожал плечами.

– Ты не умеешь сражаться, Ренарин, – проговорил Адолин. – Хорошо, что ты оцепенел. Ты совсем новичок и не готов идти в бой прямо сейчас.

– А не должен был бы. Ты начал тренироваться в шестилетнем возрасте.

– Это другое.

– Ты имеешь в виду, что ты другой, – сказал Ренарин, устремив взгляд вперед.

Он не надел очки. Почему? Разве он в них не нуждался?

«Пытается вести себя так, будто они ему не нужны», – подумал Адолин.

Ренарин так отчаянно хотел быть полезным на поле битвы. Он отверг все советы, что ему следует стать ардентом и заняться наукой, потому что подобное занятие соответствовало ему больше.

– Тебе просто нужно усерднее тренироваться, – произнес Адолин. – Зейхел приведет тебя в форму. Погоди немного. Сам увидишь.

– Я должен подготовиться, – ответил Ренарин. – Что-то надвигается.

То, как он произнес последние слова, заставило Адолина поежиться.

– Ты говоришь о цифрах на стене.

Ренарин кивнул. Они снова обнаружили их после недавнего сверхшторма, нацарапанные на стене рядом с покоем Далинара.

«Сорок девять дней. Грядет новый шторм».

По словам охранников, никто не входил и не выходил. Это была другая смена, поэтому вряд ли кто-то из них мог оказаться виноватым. Шторма. Надпись нацарапали на стене, пока Адолин спал в комнате неподалеку. Кто или что делал это?

– Должен подготовиться, – повторил Ренарин. – К приближающемуся шторму. Так мало времени...



Пять лет назад

Шаллан стремилась как можно больше времени проводить в саду. Здесь никто не кричал друг на друга. Здесь царило спокойствие.

К сожалению, это было искусственное спокойствие – спокойствие аккуратно высаженного сланцекорника и культивированных лоз. Выдумка, созданная, чтобы удивлять и отвлекать. Все сильнее и сильнее ей хотелось сбежать туда, где растения не подрезали, тщательно придавая им определенную форму, где люди не ходили на цыпочках, боясь спровоцировать лавину. Туда, где нет криков.

Прохладный горный ветер спустился с высот и пролетел по саду, заставив лозы съежиться. Девочка села подальше от клумб, чтобы не расчихаться от запаха, и стала изучать наросты сланцекорника. Крэмлинга, которого она рисовала, перевернуло ветром. Он задергал огромными усиками, перекатываясь обратно, и снова принялся за сланцекорник. Существовало так много видов крэмлингов. Пытался ли кто-то когда-нибудь пересчитать их все?

По счастью, у ее отца была книга с иллюстрациями – одна из работ Дандоса Старомаза, и Шаллан использовала ее в качестве инструкции, раскрыв перед собой.

Из особняка поблизости донесся крик. Рука Шаллан застыла, сделав неточный штрих на наброске. Глубоко вздохнув, она попыталась вернуться к рисованию, но ничего не получилось, так как крики продолжились. Шаллан отложила карандаш.

Листки бумаги из последней пачки, привезенной братом, почти закончились. Он бывал наездами, не оставаясь надолго, и когда приезжал, они с отцом всегда избегали друг друга.

Никто в особняке не знал, куда уезжал Хеларан.

Шаллан потеряла чувство времени, уставившись на чистый листок бумаги. Такое иногда случалось. Подняв глаза, она поняла, что начало темнеть. Почти подошло время отцовского пира. Теперь он устраивал их постоянно.

Шаллан сложила письменные принадлежности в сумку, сняла с головы шляпу от солнца и зашагала к особняку. Высокое и внушительное, здание являлось примером классической веденской архитектуры. Уединенное, прочное, возвышающееся над окружающей местностью. Стены из квадратных каменных блоков с маленькими окнами, испещренные темным лишайником. В некоторых книгах подобные особняки называли сутью Джа Кеведа – обособленные имения,

управляемые независимыми светлордами. Ей казалось, что все эти писатели идеализировали сельскую жизнь. Действительно ли они посетили хоть один из таких особняков, испытав на себе настоящую безрадостность деревенской жизни, или просто фантазировали, расположившись в комфорте больших городов?

Зайдя внутрь, Шаллан направилась вверх по лестнице в свою комнату. Отец захочет, чтобы она хорошо выглядела во время пира. Ее ждет новое платье, в котором она будет тихонько сидеть, не вступая в разговоры. Отец никогда не произносил этого вслух, но, наверное, жалел, что она снова заговорила.

Возможно, он не хотел, чтобы Шаллан рассказала о том, что видела. Девочка остановилась в коридоре, ее разум опустел.

– Шаллан?

Она вздрогнула и обнаружила, что ее брат, ван-Джушу, стоит на ступенях рядом. Сколько же она простояла, уставившись в стену? Скоро начнется пир!

Куртка Джушу была расстегнута и перекосилась, волосы в беспорядке, щеки покраснелись от вина. Ни запонок, ни ремня. Эти вещи имели ценность из-за сияющих драгоценных камней. Он все проиграл.

– Почему отец кричал? – спросила она. – Ты был здесь?

– Нет, – ответил Джушу, проводя рукой по волосам. – Но я слышал, в чем дело. Балат снова играл с огнем. Чуть не сжег домик штормовых слуг.

Джушу прошел мимо нее, но споткнулся, ухватившись за перила, чтобы не упасть.

Отцу не понравится, если он увидит Джушу на пиру в таком виде. Будет еще больше криков.

– Проклятый штормами идиот, – пробормотал Джушу, когда Шаллан помогла ему подняться. – Балат просто сходит с ума. В этой семье только у меня осталась хоть капля здравого смысла. Ты ведь опять смотрела в стену, так?

Она не ответила.

– Для тебя он приготовил новое платье, – продолжил Джушу, пока Шаллан вела его до комнаты. – А мне ничего, кроме ругательств. Ублюдок. Он любил Хеларана, но мы – не он, поэтому ничего не значим. Хеларана никогда здесь нет! Он предал отца, чуть не убил. Но все равно, он единственный, кто хоть что-то для него значит...

Они прошли мимо покоев отца. Тяжелая дверь из цельного куска дерева оказалась приоткрыта, внутри убиралась служанка, и Шаллан была видна дальняя стена.

И сияющий сейф.

Он прятался за картиной, изображающей шторм на море, которая совсем не заглушала сильное белое сияние. Прямо сквозь холст Шаллан видела контуры сейфа, пылающие, как огонь. Она споткнулась и остановилась.

– На что ты смотришь? – требовательно спросил Джушу, держась за перила.

– На свет.

– Какой еще свет?

– За картиной.

Он нахмурился, наклонившись вперед.

– О чем, во имя Залов спокойствия, ты говоришь, девчонка? Твой разум действительно повредился, да? Ты видела, как он убил мать.

Джушу отодвинулся от нее, тихонько ругаясь под нос.

– Я единственный, кто еще не сошел с ума в этой семье. Шторма, единственный...

Шаллан смотрела на свет. В нем пряталось чудовище.

В нем пряталась душа матери.



*Нас предательство спренов сюда привело.
Их плетение волн было людям дано,
А не тем, кто их знал, почитал высоко, тем, кто до нас.
И тогда мы в ответ отвернулись от них,
Чтоб с богами отныне вести свои дни.
И стали мы глиной для лепки в руках их, меняясь.
«Песнь тайн» слушающих, строфа 40*

– Эт-та информа-ация будет стоить теб-бе двен-надцать брумов, – сказала Шаллан. – Руби-иновых, знаешь ли. Я ли-ично проверю каждый.

Тин рассмеялась, запрокинув голову, черные, как смоль, волосы свободно рассыпались по плечам. Она сидела на месте погонщика повозки. Там, где раньше сидел Блут.

– И ты называешь это бавлендским акцентом? – требовательно спросила Тин.

– Я слышала его только три или четыре раза.

– Ты говорила, словно набрала камней в рот!

– Но они так разговаривают!

– Нет, они говорят, как будто во рту у них мелкая галька. Они произносят слова очень медленно, чрезмерно проговаривая звуки. Вот так: «Я посмотре-е-ела рису-у-унки, которые ты да-а-ла мне, и они вполне-е-е ничего. Вполне-е-е ничего. У меня никогда-а не было таких краси-и-ивых бумажек, чтобы подтира-а-аться».

– Ты преувеличиваешь! – воскликнула Шаллан и, не сдержавшись, рассмеялась.

– Немного, – ответила Тин и, откинувшись назад, хлестнула чуллу длинной хворостиной, как Клинком Осколков.

– Не могу понять, чем может быть полезен бавлендский акцент, – сказала Шаллан. – Это не очень значительный народ.

– Детка, именно поэтому они важны.

– Они важны, потому что не важны, – произнесла Шаллан. – Хорошо, я признаю, что иногда у меня бывают проблемы с логикой, но что-то с этим утверждением не так.

Тин улыбнулась. Она была так расслаблена, так... свободна. После их первой встречи Шаллан не ожидала увидеть ничего подобного.

Но тогда женщина играла роль. Командир охранников. Женщина, с которой Шаллан говорила теперь, казалась настоящей.

– Послушай, – сказала Тин. – Если ты хочешь дурачить людей, тебе нужно научиться, как вести себя в образе и знатной дамы, и простолюдинки. У тебя хорошо получается изображать «важную светлоглазую». Полагаю, тебе было на кого равняться.

– Можно и так сказать, – ответила Шаллан, думая о Джасне.

– Смысл в том, что во многих ситуациях быть важной светлоглазой бесполезно.

– Быть неважной важно. Быть важной бесполезно. Понятно.

Тин оглядела ее, жуя кусок вяленого мяса. Ее пояс с мечом висел на гвоздике на боку сиденья и покачивался в такт поступи чуллы.

– Знаешь, детка, у тебя развязывается язык, когда ты позволяешь опуститься своей маске.

Шаллан покраснела.

– Мне это нравится. Предпочитаю людей, которые могут посмеяться над жизнью.

– Я могу понять, чему ты пытаешься меня научить, – сказала Шаллан. – Ты пытаешься сказать, что человек с бавлендским акцентом, кажущийся непросвещенным и занимающим низкое положение, может проникнуть в такие места, куда никогда не попасть светлоглазому.

– А также может услышать и делать то, что никогда не сможет светлоглазый. Акцент важен. Выдели свою национальную принадлежность, и тогда часто не важно, сколько денег у тебя в кармане. Вытирай нос рукой и говори, как бавлендец, и тогда никто даже не обратит внимания на то, что ты носишь меч.

– Но у меня голубые глаза, – ответила Шаллан. – Я никогда не сойду за простолюдинку, независимо от того, как звучит мой голос!

Тин пошарила в кармане брюк. Она повесила свой плащ на другой гвоздик и теперь на ней остались только узкие светлые желто-коричневые штаны, высокие ботинки и рубашка на пуговицах. Рубашка походила на те, что носят рабочие, но из более дорогого материала.

– Вот, – сказала она, перекинув что-то Шаллан.

Шаллан еле поймала предмет. Она покраснела от своей неуклюжести и поднесла его к солнцу: маленький флакон с какой-то темной жидкостью внутри.

– Глазные капли, – объяснила Тин. – Затемняют цвет твоих глаз на несколько часов.

– Правда?

– Их не трудно найти, если есть нужные связи. Полезная штука.

Шаллан опустила флакон, ее внезапно охватил озноб.

– А есть...

– Что-то противоположное? – перебила ее Тин. – Чтобы превратить темноглазого в светлоглазого? Насколько я знаю, нет. Если только ты не веришь в истории про Клинки Осколков.

– Это имеет смысл, – ответила Шаллан, расслабившись. – Можно затемнить стекло, закрасив его сверху, но не думаю, что получится его осветлить, не расплавив.

– В любом случае, – сказала Тин, – тебе понадобится пара акцентов из захолустий. Хердазианский, бавлендский, что-то в этом роде.

– Возможно, у меня есть деревенский веденский акцент, – призналась Шаллан.

– Здесь такое не сработает. Джа Кевед – развитая страна, и ваши внутренние акценты слишком похожи один на другой, чтобы иноземцы могли их распознать. Алети не поймут, что ты из деревни, как поймет веденец. Они просто услышат что-то необычное в речи.

– Ты много где побывала, да? – спросила Шаллан.

– Я иду туда, куда ведут ветра. Хорошая жизнь, пока не начинаешь привязываться к вещам.

– Вещам? – переспросила Шаллан. – Но ты... Извини, но ты воровка. Весь смысл в том, чтобы получить как можно больше вещей!

– Я забираю, что могу, но только доказываю себе, насколько недолговечны вещи. Что-то получаешь, что-то теряешь. Прямо как моя работа на юге. Моя команда так и не вернулась с задания. Я наполовину уверена в том, что они сбежали, не дождавшись, пока мне заплатят. – Тин пожала плечами. – Такое случается. Не стоит себя накручивать.

– Что это была за работа? – спросила Шаллан.

Она моргнула и сохранила *воспоминание*, в котором Тин развалилась на сиденье, помахивая хворостиной, будто дирижируя музыкантами и не беспокоясь ни о чем в мире. Они чуть не погибли пару недель назад, но мошенница восприняла случившееся без большого волнения.

– Крупный заказ, – ответила Тин. – Важная работа для людей, которые заставляют мир меняться. Я до сих пор не получила ответ от тех, кто нас нанял. Может быть, мои люди не сбежали, а просто потерпели неудачу. Точно не знаю.

При этих словах Шаллан заметила, как лицо Тин напряглось. Кожа вокруг ее глаз натянулась, взгляд стал отсутствующим. Она беспокоилась о том, что с ней могут сотворить наниматели. Затем впечатление сгладилось и исчезло.

– Смотри-ка, – сказала Тин, кивнув вперед.

Шаллан проследила за кивком и заметила движущиеся фигуры за несколько холмов впереди. По мере их приближения к равнинам пейзаж постепенно менялся. Холмы стали круче, но воздух немного теплее, а растительность – более пышной. В некоторых долинах, куда стекала вода после свержштормов, встречались рощи деревьев. Деревья были низкорослыми, не такими, как их величественные собратья в Джа Кеведе, но приятно увидеть хоть что-то, кроме кустов.

Здесь в изобилии разрослась трава. Она предусмотрительно пряталась, втягиваясь в свои норы, когда проезжал караван. Камнепочки были больше, а сланцекорник рос целыми скоплениями. Вокруг него часто вились спрены жизни, похожие на крошечные зеленые соринки.

Во время путешествия они встретили несколько караванов. Их становилось тем больше, чем ближе они оказывались к Разрушенным равнинам. Поэтому Шаллан не удивилась, увидев кого-то впереди. Фигуры, тем не менее, были на лошадях. Кто мог позволить себе таких животных? И почему они без охраны? Судя по всему, их всего четверо.

Макоб прокричал приказ из первой повозки, и караван остановился. Шаллан усвоила из ужасного опыта, насколько опасной может оказаться здесь любая встреча. Хозяева каравана все принимали всерьез. Она обладала властью, но позволяла более опытным людям устраивать остановки и выбирать дорогу.

– Пошли, – сказала Тин, остановив чуллу ударом хворостины, прыгнула вниз и сдернула с гвоздиков плащ и меч.

Шаллан спустилась, входя в образ Джасны. С Тин она позволяла себе быть собой. С другими приходилось превращаться в лидера. Жесткого, решительного, но, оставалось надеяться, способного воодушевлять людей. В связи с этим она была благодарна Макобу, подарившему ей голубое платье. Оно оказалось шито

из отличного шелка, украшено серебряной вышивкой и выгодно отличалось от ее старого порванного платья.

Они миновали Ватаха и его людей, шедших сразу за головной повозкой. Лидер дезертиров окинул Тин взглядом. Его неприязнь к мошеннице была еще одной причиной уважать ее, не считая криминальных наклонностей.

– Ее светлость Давар и я займемся этим делом, – сказала Тин Макобу, когда они проходили мимо.

– Ваша светлость? – позвал Макоб, вставая и глядя на Шаллан. – Что, если это бандиты?

– Их только четверо, мастер Макоб, – беспечно ответила Шаллан. – День, когда я не смогу справиться с четырьмя бандитами, станет днем, когда я заслужу того, чтобы меня ограбили.

Они прошли мимо повозки, Тин затянула пояс.

– Что, если это бандиты? – прошипела Шаллан, когда их никто не смог бы услышать.

– Мне кажется, ты сказала, что справишься с четырьмя.

– Я просто следовала твоему подходу!

– Такое поведение опасно, детка, – ухмыльнулась Тин. – Послушай, бандиты не позволят, чтобы мы увидели их лица, и точно не станут просто сидеть сложа руки.

Группа из четверых всадников расположилась в ожидании на вершине холма. Подойдя ближе, Шаллан смогла различить, что они одеты в новенькую синюю униформу, казавшуюся настоящей. На дне оврага, разделяющего холмы, Шаллан ударились ногой о камнепочку. Она скорчила гримасу – Макоб выдал ей туфли светлоглазой леди, подходящие к платью. Роскошные, они наверняка стоили целое состояние, но мало чем отличались от тапочек.

– Мы подождем здесь, – сказала Шаллан. – Пусть сами к нам подходят.

– Звучит неплохо, – ответила Тин.

Действительно, мужчины наверху зашевелились и стали спускаться по склону холма, когда заметили, что Шаллан и Тин ждут их внизу. Появились еще двое без лошадей и последовали за всадниками. Они были одеты не в униформу, а в рабочую одежду. Конюхи?

– Кем ты будешь? – тихо спросила Тин.

– ...Собой? – неуверенно произнесла Шаллан.

– Нет, так мы не позабудемся. Как твой рогоедский акцент?

– Рогоедский?! Я...

– Слишком поздно, – проговорила Тин.

К ним подъехали мужчины.

Лошади показались Шаллан устрашающими. Огромные грубые создания не были такими послушными, как чуллы. Верховые животные все время переминались на месте, пофыркивая.

Предводитель всадников потянул за поводья с явным раздражением. Похоже, он не полностью контролировал лошадь.

– Ваша светлость, – сказал он и кивнул, встретившись с ней взглядом.

К ее огромному удивлению всадник оказался высоким темноглазым мужчиной с черными, как у всех алети, волосами, спускающимися до плеч. Он оглядел Тин, отметив ее меч и солдатскую форму, но никак не отреагировал. Суровый человек.

– Ее высочество, – объявила Тин громким голосом, указывая в сторону Шаллан. – Принцесса Уннулукуак'кина'ауту'атай! Вы лицезреете члена королевской семьи, темноглазые!

– Рогоедка? – спросил мужчина, склоняясь вниз и изучая рыжие волосы Шаллан. – В воринском платье? У Камня случился бы припадок.

Тин выжидающе посмотрела на Шаллан.

«Я придушу тебя, женщина», – подумала Шаллан и набрала в грудь побольше воздуха.

– Этот вещь, – сказала Шаллан, указывая на платье. – Он не то, что носить принцесса? Он хорошо для меня. Я получить уважение!

К счастью, ее раскрасневшееся лицо должно сойти за рогоедское. Они были эмоциональным народом.

Тин кивнула ей, выглядя признательной.

– Прошу прощения, – проговорил мужчина, хотя и не казалось, что он хочет извиниться.

По какой причине темноглазый ездил верхом на животном огромной стоимости? Один из его спутников изучал караван через подзорную трубу. Он тоже был темноглазым, но чувствовал себя в седле более уверенно.

– Семь повозок, Кэл, – сказал мужчина. – Хорошая охрана.

Мужчина, которого называли Кэлом, кивнул.

– Нас отправили в эти края на поиски бандитов, – пояснил он Тин. – С вашим караваном все в порядке?

– Мы наткнулись на бандитов три недели назад, – ответила Тин, обхватывая плечи. – Почему вы спрашиваете?

– Мы представляем короля, – сказал мужчина. – И относимся к личной охране Далинара Холина.

«О шторма. Как неудобно получилось».

– Светлорд Холин, – продолжил Кэл, – изучает возможности контроля обширных территорий вокруг Разрушенных равнин. Если на вас действительно напали, я хотел бы узнать подробности.

– Если на нас напали? – переспросила Шаллан. – Ты ставить под сомнение наши слова?

– Нет...

– Меня оскорбить! – провозгласила Шаллан, сложив руки на груди.

– Лучше следите за собой, – сказала Тин мужчинам. – Ее светлость не любит, когда ее оскорбляют.

– Кто бы мог подумать, – ответил Кэл. – Где на вас напали? Вы отбились? Сколько было бандитов?

Пока Тин рассказывала все в подробностях, у Шаллан появилась возможность подумать. Если ее помолвка превратится в замужество, Далинар Холин станет ее тестем. Оставалось надеяться, что больше она не столкнется именно с этими солдатами.

«Я правда задушу тебя, Тин...»

Лидер группы стоически выслушал все детали нападения. Он казался не слишком приятным человеком.

– Сожалею о ваших потерях, – сказал Кэл. – Но вы теперь всего лишь в полутора днях езды от Разрушенных равнин. Оставшийся путь будет для вас безопасным.

– Я любопытствовать, – сказала Шаллан. – Эти животные – лошади? Хотя ты темноглазый. Это... Холин хорошо тебе доверять.

– Я выполняю свой долг, – ответил Кэл, изучая ее. – Где остальные ваши люди? Караван выглядит целиком воринским. Также, для рогоедки, вы выглядите слишком тощей.

– Вы только что оскорбительно отозвались о весе принцессы? – пораженно спросила Тин.

Шторма! У нее хорошо получалось. Во время реплики Тин удалось вызвать настоящих спренов гнева.

Что ж, делать нечего, нужно удерживать позиции.

– Меня оскорбить! – воскликнула Шаллан.

– Вы снова оскорбили ее высочество!

– Очень оскорбить!

– Вам лучше извиниться.

– Не извиниться! – объявила Шаллан. – Ботинки!

Кэл откинулся назад, смотря мимо них, пытаясь осмыслить только что услышанное.

– Ботинки? – повторил он.

– Да, – подтвердила Шаллан. – Я люблю твои ботинки. Ты извинись через ботинки.

– Вы... хотите мои ботинки?

– Разве вы не слышали, что сказала ее высочество? – спросила Тин, скрестив руки перед грудью. – Неужели солдаты в армии Далинара Холина настолько непочтительны?

– Я не непочтителен, – ответил Кэл. – Но я не отдам ей свои ботинки.

– Ты оскорблять! – воскликнула Шаллан, делая шаг вперед и тыча пальцем в Кэла. Отец Штормов, эти лошади были громадными! – Я расскажу всем, кто будет слушать! Когда я приеду, я скажу: «Холин – вор ботинок и женских надежд!»

Кэл сплюнул.

– Надежд!

– Да, – ответила Шаллан, затем взглянула на Тин. – Надежд? Нет, неправильное слово. Одежд? Одежд! Вор женских одежд! Вот нужное слово.

Мужчина оглянулся на своих спутников, явно сбитый с толка.

«Эх, – подумала Шаллан. – Хорошие шутки пропадают впустую, если у людей маленький словарный запас».

– Не иметь значения, – сказала Шаллан, вскидывая руку. – Все узнать, что вы сделать и подвести меня. Оставить голой в этой глуши. Раздеть меня! Это оскорбить мой дом и мой клан. Все узнать, что Холин...

– О, стоп, стоп, – перебил ее Кэл.

Он потянулся вперед и неуклюже снял один ботинок, не слезая с лошади. На пятке его носка зияла дыра.

– Штормовая женщина, – пробормотал он.

Предводитель всадников кинул ей первый ботинок и занялся вторым.

– Ваши извинения приняты, – проговорила Тин, забирая ботинки.

– Во имя Бездны, лучше бы так и было, – ответил Кэл. – Я передам вашу историю. Возможно, у нас получится отправить патрули в это штормовое место. Поехали, парни.

Он развернулся и покинул их, не произнеся больше ни слова, возможно, опасаясь очередной тирады рогоедки.

Как только они покинули пределы слышимости, Шаллан посмотрела на ботинки, и ее разобрал неудержимый смех. Вокруг появились спрены радости, похожие на синие листья. Они водоворотом закручивались вокруг ступней, поднимаясь вверх, и исчезали над ее головой, будто уносимые ветром. Шаллан наблюдала за ними с широкой улыбкой. Такие спрены были очень редкими.

– Ну, – проговорила Тин, улыбаясь, – не стоит отрицать. Было весело.

– Я все еще собираюсь тебя придушить, – ответила Шаллан. – Он понял, что мы его дурачим. Должно быть, это худшее впечатление, которое когда-либо производила рогоедка.

– На самом деле получилось довольно неплохо, – сказала Тин. – Ты переборщила с использованием неправильных слов, но акцент был что надо. Хотя, смысл не в этом. – Она передала ботинки.

– А в чем? – спросила Шаллан, когда они двинулись назад к каравану. – Чтобы поставить меня в глупое положение?

– Отчасти, – ответила Тин.

– Это был сарказм.

– Если ты хочешь научиться нашему делу, ты должна комфортно чувствовать себя в ситуациях наподобие этой. Ты не должна смущаться, изображая кого-то другого. Чем более невероятна попытка, тем упорнее придется играть роль. Единственный способ совершенствоваться – практика, причем перед людьми, которые, вполне вероятно, могут тебя подловить.

– Полагаю, ты права, – согласилась Шаллан.

– Ботинки тебе слишком велики, – заметила Тин. – Но мне понравилось выражение его лица, когда ты их потребовала. «Не извиниться. Ботинки!»

– Мне на самом деле нужна какая-нибудь прочная обувь. Надоело ходить по камням босиком или в тапочках. Немного набить, и они подойдут.

Она подняла ботинки вверх.

– Э-э, возможно.

Шаллан оглянулась.

– Надеюсь, у него все будет в порядке. Что, если на обратном пути им придется сразиться с бандитами?

Тин закатила глаза.

– Нужно будет как-нибудь поговорить о твоей добросердечности, детка.

– Быть милой совсем не плохо.

– Ты учишься мошенничеству, – ответила Тин. – Теперь давай вернемся к каравану. Я хочу объяснить тебе характерные особенности рогоедского акцента. Учитывая цвет твоих волос, ты, скорее всего, захочешь использовать его чаще, чем остальные.



*Форма искусства для красок вне нашего взора,
Для песен великих, тоска по которым щемящая.
Творчества спренов привлечь – это наша забота.
Пой эти песни, пока не найдем подходящие.
«Песнь повторений» слушающих, строфа 279*

Торол Садеас закрыл глаза и опустил Носитель Присяги на плечо, вдыхая сладковатый, отдающий плесенью аромат крови паршенди. Внутри него перекачивалась *дрожь* битвы, благословенная и прекрасная сила.

Его собственная кровь так громко шумела в ушах, что он практически не слышал крики и стоны на поле битвы. Одно мгновение кронпринц просто купался в восхитительном сиянии *дрожь*, безрассудной эйфории от целого часа, проведенного в борьбе за свою жизнь и отнятии жизни у более слабых врагов, – единственной вещи, которая по-прежнему доставляла настоящую радость.

Дрожь исчезла. Как всегда, улетучилась, как только закончилась битва. Она становилась все менее и менее сладостной во время рейдов на паршенди, скорее всего, потому, что в глубине души Садеас знал, что соревнование было бессмысленным. Он не развивался, не продвигался вперед к главной цели завоевания. Убийство покрытых крэмом дикарей в оставленных Герольдами краях действительно потеряло свою пикантность.

Вздохнув, Садеас опустил Клинок и открыл глаза. Через поле битвы к нему приближался Амарам, перешагивая через трупы людей и паршенди. Его Доспехи Осколков были залиты фиолетовой кровью до локтей, в одном из бронированных кулаков он нес мерцающее гемсердце. Амарам отпихнул в сторону труп паршенди и присоединился к Садеасу, в то время как его охрана распределилась вокруг, присоединяясь к охране кронпринца. На секунду Садеас испытал раздражение от того, как разумно они перемещались, особенно по сравнению с его собственными людьми.

Амарам стянул шлем и подкинул гемсердце, поймав и взвесив его в руке.

– Ваш сегодняшний маневр провалился, вы понимаете?

– Провалился? – переспросил Садеас, поднимая забралю шлема.

Неподалеку его солдаты расправлялись с полусотней паршенди, которые не смогли выбраться с плато, когда их силы отступили.

– Мне кажется, все прошло как нельзя лучше.

Амарам указал на запад. Там, в направлении лагерей, на плато виднелось движение. Судя по знаменам, приближались Хатам и Ройон, два кронпринца, которым полагалось участвовать в сегодняшнем забеге на плато. Они прибыли одновременно, так как использовали такие же мосты, что и Далинар, – медленные и тяжелые устройства, которые было легко опередить. Одно из преимуществ бригад мостовиков, которых предпочитал Садеас, заключалось в том, что им требовалось совсем немного времени на обучение. Если Далинар думал, что замедлит и ослабит его трюком с обменом Носителя Присяги на мостовиков, то он лишь доказал свою глупость.

– Нам нужно было подоспеть сюда, – проговорил Амарам, – захватить гемсердце и вернуться до того, как придут остальные. Тогда вы могли бы заявить, что не поняли, что сегодня не ваша очередь. Прибытие обеих армий исключает возможность отрицания вины на основании незнания последствий.

– Ты ошибаешься, – ответил Садеас. – До сих пор считаешь, что меня волнует отрицание вины.

Последние паршенди умерли с криками ярости на устах. Садеас почувствовал гордость. Остальные говорили, что воины паршенди никогда не сдаются на поле боя, но однажды, в первый год войны, он видел, как они попытались это сделать. Они сложили оружие. Он лично убил каждого из них с помощью Доспехов Осколков и молота, прямо на глазах у их отступивших товарищей, наблюдавших с соседнего плато.

Больше никогда ни один паршенди не отбирал ни у Садеаса, ни у его людей право закончить битву должным образом. Кронпринц махнул передовому отряду собраться и сопроводить его обратно в лагерь, пока остатки армии будут зализывать раны. К нему присоединился Амарам. Садеас пересек мост и прошел мимо бездельничающих мостовиков, которые лежали на земле и спали, пока более достойные умирали.

– По долгу службы я обязан присоединиться к вам на поле битвы, ваше высочество, – сказал Амарам, пока они шли. – Но хочу, чтобы вы знали, что я не одобряю наши действия на плато. Нам следует искать пути примирения с королем и Далинаром, а не пытаться раздражить их еще сильнее.

Садеас фыркнул.

– Не надо вести со мной благородные разговоры. Они работают с другими, но я знаю, что за жестокий ублюдок ты на самом деле.

Амарам сжал челюсти и устремил взгляд вдаль. Когда они добрались до лошадей, он подался вперед, положив руку на плечо Садеаса.

– Торол, – тихо проговорил он, – мир не ограничивается вашими ссорами. Конечно, вы правы насчет меня. Примите это признание с пониманием, что с вами, в отличие от всех остальных, я могу говорить начистоту. Алеткар должен быть сильным перед наступлением грядущего.

Садеас залез на камень, который приготовил конюх. Забраться на лошадь в Доспехах Осколков могло оказаться опасным для животного, если не сделать все правильно. Кроме того, однажды, когда он поставил ногу в стремя, чтобы сесть в седло, оно лопнуло, а он упал на землю.

– Алеткар действительно должен быть сильным, – сказал Садеас, вытянув руку в латной перчатке. – И я добьюсь этого силой кулака и правилом крови.

Амарам нерешительно вложил гемсердце в руку кронпринца, и Садеас сжал его, удерживая поводья другой рукой.

– Вы когда-нибудь беспокоитесь? – спросил Амарам. – О том, что делаете? О том, что мы должны сделать? – Он кивнул в сторону группы хирургов, переносивших раненых через мосты.

– Беспокоюсь? – ответил Садеас. – С чего бы? Я даю беднякам шанс умереть в битве во имя чего-то стоящего.

– Я заметил, что вы часто говорите подобные вещи в последнее время, – сказал Амарам. – Раньше вы были другим.

– Я научился принимать мир таким, каков он на самом деле, Амарам, – ответил Садеас, разворачивая лошадь. – Мало кто способен на такое. Остальные суетятся вокруг, надеются, мечтают, притворяются. Это не изменит ни одной штормовой вещи в мире. Нужно смотреть миру в глаза, видеть всю его грязную жестокость. Нужно признавать его безнравственность. Жить с нею. Вот единственный способ добиться чего-то значительного.

Сжав колени, Садеас направил лошадь вперед, оставив Амарам позади.

Этот человек останется верным. Садеас и Амарам понимали друг друга. Даже то, что теперь Амарам был Носителем Осколков, ничего не изменит.

Когда Садеас и его войско приблизились к армии Хатама, кронпринц заметил, что с соседнего плато за ними наблюдает группа паршенди. Их разведчики становились все смелее. Он отправил отряд лучников, чтобы отогнать их подальше, а затем поскакал к фигуре в сверкающих Доспехах Осколков, возглавляющей армию Хатама. Его ждал сам кронпринц верхом на ришадиуме. Бездна. Эти животные намного превосходили любых других лошадей. Как бы раздобыть такого?

– Садеас? – окликнул его Хатам. – Что ты тут делал?

После короткого раздумья Садеас принял решение, отвел руку назад и швырнул гемсердце через разделяющее их расстояние. Оно ударилось о камень около Хатама и покатилося по земле, слабо сияя.

– Мне было скучно, – прокричал Садеас в ответ. – Подумал, избавлю-ка я тебя от беспокойства.

Затем, игнорируя дальнейшие вопросы, Садеас продолжил путь. Сегодня должна состояться дуэль Адолина Холина, и он решил ни в коем случае ее не пропустить, вдруг паренек опозорится снова.

Несколько часов спустя Садеас устроился на своем месте на трибунах дуэльной арены, теребя шейный платок. Невыносимые вещи – модные, но невыносимые. Он не признался бы ни единой живой душе, даже Иалай, что втайне желал бы носить простую униформу, как Далинар.

Конечно же, Садеас никогда не смог бы так поступить. Не просто потому, что не хотел подчиняться Кодексу и авторитету короля, а потому, что в эти дни военная форма была на самом деле неподходящей одеждой. Битвы, в которых они теперь сражались за Алеткар, не являлись битвами меча и щита.

Важно одеваться в соответствии с играемой ролью. Военные наряды Далинара свидетельствовали о том, что он не владеет ситуацией и не понимает, что за игру затеял.

В ожидании Садеас откинулся назад, в то время как по арене поползли шепотки, заполняя ее, как вода чашу. Сегодня собралось много народа. Трюки Адолина в предыдущем поединке привлекли внимание, а все новое интересовало двор. Вокруг места Садеаса оставалось свободное пространство, чтобы обеспечить ему больше комфорта и уединения, хотя на самом деле он сидел в обычном кресле, встроенном в каменные трибуны в партере арены.

Кронпринц ненавидел то, как чувствовал себя без Доспехов Осколков, и еще больше ненавидел то, как выглядел. Раньше, когда он проходил мимо, ему вслед оборачивались. Его сила наполняла помещение, все смотрели только на него, многих охватывало вожделение. Вожделение по его силе, по тому, кем он был.

Он терял это ощущение. О, кронпринц был по-прежнему силен – более или менее. Но взгляды людей изменились. И каждое подтверждение того, что он утратил молодость, раздражало Садеаса.

Он умирал, шаг за шагом. Как и каждый человек, да, но он чувствовал приближение смерти. Оставалось надеяться, что он умрет спустя десятилетия, но смерть отбрасывала очень длинную тень. Единственная дорога к бессмертию пролегла через завоевание.

Шорох ткани известил о появлении Иалай, которая скользнула на свое сиденье с ним рядом. Он рассеянно протянул руку и начал почесывать ее любимое место – поясицу. Имя жены было симметричным. Крошечное проявление богохульства ее родителей – мало кто отваживался выражать святость своих детей подобным образом. Садеасу нравились такие люди. В действительности, именно ее имя заинтриговало его в первую очередь.

– М-м-м-м, – вздохнула жена, – Очень приятно. Вижу, дуэль еще не началась.

– Полагаю, осталось ждать совсем немного.

– Хорошо. Ненавижу ожидание. Я слышала, ты отдал гемсердце, которое добыл сегодня.

– Бросил его к ногам Хатама и ускакал прочь, как будто оно не имело для меня никакого значения.

– Умно. Мне следовало предусмотреть такое поведение как одно из возможных. Ты опровергнешь заявления Далинара о том, что мы отказываемся повиноваться ему только из-за жадности.

Внизу на арене наконец-то показался Адолин, облаченный в синие Доспехи Осколков. Некоторые светлоглазые вежливо зааплодировали. Напротив из своей подготовительной комнаты вышел Эраннив. Его полированные Доспехи не были окрашены, за исключением черной полосы на нагруднике.

Садеас прищурился, все еще почесывая спину Иалай.

– Эта дуэль даже не должна была состояться, – сказал он. – Предполагалось, что все слишком напуганы или слишком пренебрежительны, чтобы принять его вызов.

– Идиоты, – тихо проговорила Иалай. – Они знают, Торол, как им следует себя вести – я позаботилась о нужных намеках и обещаниях. И все же каждый из них втайне мечтает стать тем, кто одержит верх над Адолином. Дуэлянты не слишком заслуживают доверия. Они дерзкие, легко теряют голову и слишком заботятся о том, чтобы порисоваться и заработать славу.

– Нельзя допустить, чтобы план его отца сработал, – ответил Садеас.

– Не сработает.

Садеас взглянул туда, где расположился Далинар. Он сам сидел не так далеко – на расстоянии окрика. Далинар на него не смотрел.

– Я выстроил это королевство, – тихо сказал Садеас. – Я знаю, насколько оно хрупкое, Иалай. Его не так уж трудно разрушить.

И он знал единственный способ отстроить его заново так, как нужно. Все равно что перековать оружие. Необходимо расплавить остатки старого, прежде чем отлить замену.

Внизу началась дуэль, Адолин устремился по песку к Эранниву, орудуя старым Клинком Гавилара с его особенным дизайном. Адолин втянулся в бой слишком быстро. Неужели мальчишка настолько нетерпелив?

В толпе притихли светлоглазые, а темноглазые зашумели, жажда еще одного представления, как в прошлый раз. Однако сегодня бой не превратился в борцовскую схватку. Двое противников обменялись пробными ударами, и Адолин отступил, заработав удар в плечо.

«Небрежно», – подумал Садеас.

– Я наконец выяснила причину суматохи в покоях короля две недели назад, – произнесла Иалай.

Садеас улыбнулся, не отводя взгляда от поединка.

– Я и не сомневался, что у тебя получится.

– Покушение, – сказала она. – Кто-то повредил королевский балкон, необдуманно попытавшись устроить падение Элокара с высоты в сотню футов на камни. Исходя из того, что я слышала, почти сработало.

– Тогда не так уж необдуманно, если он чуть не погиб.

– Прости, Торол, но «чуть» имеет огромное значение в случае убийства.

Верно.

Садеас прислушался к своим ощущениям в поисках намека на эмоции при известии о том, что Элокара чуть не убили. Он не обнаружил ничего, кроме легкого сожаления. Ему нравился мальчик, но чтобы перестроить Алеткар, потребуется избавиться от всех следов прошлого правления. Элокару следовало умереть. Предпочтительно по-тихому, после того как будет покончено с Далинаром. Садеас ожидал, что ему придется собственноручно перерезать горло мальчишки, несмотря на уважение к старому Гавилару.

– Как ты думаешь, кто направил наемных убийц? – спросил Садеас достаточно тихо, чтобы, принимая во внимание окружающих их места охранников, не пришлось волноваться, что их подслушают.

– Трудно сказать, – ответила Иалай, отклоняясь в сторону и разворачиваясь, чтобы подставить ему другую часть спины. – Вряд ли это Рутар или Аладар.

Оба поддерживали Садеаса. Аладар с некоторой покорностью, Рутар – всей душой. Район был слишком большим трусом, остальные чересчур осторожны. Кто еще мог пойти на такой шаг?

– Танадал, – высказал догадку Садеас.

– Похоже, именно он. Но посмотрим, что мне удастся выяснить.

– Должно быть, те же люди повредили королевскую броню, – предположил Садеас. – Возможно, нам удастся разузнать немного больше, если я воспользуюсь своей властью?

Садеас являлся кронпринцем информации. Это был один из старых титулов, еще из прошлых столетий. С помощью подобных званий распределялись обязанности между кронпринцами. Формально оно наделяло Садеаса властью проводить любые расследования и контролировать соблюдение правил.

– Может быть, – проговорила Иалай с сомнением.

– Но?

Она покачала головой, наблюдая за очередным обменом ударами между противниками внизу. После прошлого раунда поединка одна из перчаток Адолина истекала штормсветом к шумному неодобрению некоторых темноглазых. Почему этих людей вообще сюда пустили? Некоторые светлоглазые не смогли прийти, потому что Элокар зарезервировал несколько мест для своих подчиненных.

– Далинар, – сказала Иалай, – сделал ответный шаг на нашу уловку с назначением тебя кронпринцем информации. Он использовал тот случай как прецедент, чтобы провозгласить себя кронпринцем войны. И теперь каждое твое действие с применением прав кронпринца информации закрепляет его авторитет в конфликте.

Садеас кивнул.

– Так у тебя есть план?

– Не совсем, – ответила Иалай. – Но я над ним работаю. Ты заметил, что Далинар начал патрулировать территории за пределами лагерей? И Внешний рынок. Разве это не должно быть твоей обязанностью?

– Нет, такими вещами должен заниматься кронпринц торговли, но король его не назначил. Однако я вправе следить за порядком во всех десяти лагерях, а также назначать судей и магистратов. Далинару полагалось ввести меня в курс дела, как только произошло покушение на жизнь короля. Но он не сделал ничего подобного.

Садеас секунду обдумывал эту мысль, убрав руку со спины Иалай, позволив женщине сесть ровно.

– Существует слабость, которую мы можем использовать в своих интересах, – сказал Садеас. – У Далинара всегда была проблема с передачей власти. Он никогда никому по-настоящему не доверяет выполнить какую-то работу. Не обратился ко мне, когда следовало. Сам подрывает свое заявление о том, что все части королевства должны работать сообща. Брешь в его броне. Сможешь воткнуть в нее кинжал?

Иалай кивнула. Она использует своих информаторов, чтобы начать задавать вопросы при дворе. Почему, если Далинар пытался выковать лучший Алеткар, он не хотел делиться властью? Почему не привлек Садеаса к защите короля? Почему не открыл двери своего лагеря судьям Садеаса?

Какова реальная власть трона, если он наделяет Садеаса полномочиями, а потом притворяется, что ничего такого не было?

– В знак протеста ты должен отказаться от своего назначения кронпринцем информации, – сказала Иалай.

– Нет. Пока нет. Мы подождем, пока слухи кольнут старину Далинара, заставят его подумать, что нужно было позволить мне выполнить свою работу. Вот тогда, прямо перед тем, как он решит привлечь меня к делу, я откажусь.

Такой поступок еще больше подорвет и Далинара, и само королевство.

Внизу продолжался поединок Адолина. Принц явно не блистал. Продолжая открываться, он пропускал удары. И перед ним юноша, который так часто хвастался своим мастерством? Конечно, он хорош, но и близко не так, как считалось. Не так хорош, как однажды во время битвы, когда Садеас увидел его собственными глазами...

Адолин прикидывался.

Садеас обнаружил, что ухмыляется.

– Что ж, неплохо, – тихо проговорил он.

– Что? – спросила Иалай.

– Адолин дерется не в полную силу, – объяснил Садеас, в то время как юноша почти попал по шлему Эраннива. – Он не торопится показывать свое настоящее мастерство, поскольку боится, что отпугнет остальных и никто не захочет с ним сражаться. Однако, если все будет выглядеть так, будто он еле-еле выиграл эту дуэль, другие могут решиться на поединок.

Иалай прищурилась, наблюдая за боем.

– Ты уверен? Может, у него просто неудачный день?

– Уверен, – ответил Садеас.

Теперь, когда он знал, на что обращать внимание, он легко видел подтверждение своим словам в том, как Адолин двигался, как он поддразнивал Эраннива, чтобы тот атаковал, а сам едва отражал удары. Адолин Холин был умнее, чем считал Садеас.

И профессиональнее в искусстве сражения. Требовалось мастерство, чтобы выиграть поединок – но настоящим мастерством было выиграть поединок, заставив всех думать, что на всем его протяжении ты проигрывал. Толпа внимательно следила за развитием дуэли, которую Адолин превратил в упорную борьбу. Садеас сомневался, что многие понимают, что делает принц.

Адолин двигался вяло и истекал штормсветом от десятка ударов, которые он осмотрительно принял на разные части Доспехов Осколков так, чтобы броня не

треснула и не подвергла его реальной опасности. Наконец принц смог повалить Эраннива на землю одним «удачным» приемом. Толпа взревела от восторга. Даже светлоглазые, похоже, оказались захвачены происходящим.

Эраннив удалился, крича, что Адолину просто повезло, но Садеас был очень даже впечатлен.

«Возможно, у мальчика есть будущее, – подумал он. – По крайней мере, вероятнее, чем у его отца».

– Выигран еще один Осколок, – проговорила Иалай с неудовольствием, пока Адолин поприветствовал зрителей поднятой рукой и покинул арену. – Я удвою попытки, чтобы увериться, что подобное не повторится.

Садеас побарабанил пальцем по боковой части своего сиденья.

– Что ты там говорила насчет дуэлянтов? Дерзкие? Легко теряют голову?

– Да. И что?

– Адолин именно таков, и даже больше, – тихо ответил Садеас, размышляя.

– Его можно подтолкнуть, побудить к чему-то, разозлить. У него такой же горячий нрав, как у отца, но он хуже себя контролирует.

«Могу ли я подвести его к краю пропасти, – подумал Садеас, – а затем столкнуть вниз?»

– Больше не отговаривай остальных сражаться с ним. Но также не поощряй. Отступи. Я хочу посмотреть, как будут развиваться события.

– Это может оказаться опасным. Мальчик – оружие, Торол.

– Верно, – проговорил Садеас, вставая, – но редко можно пораниться оружием, которое ты держишь за рукоять. – Он помог подняться жене. – Также я хочу, чтобы ты передала супруге Рутара, что он может поехать вместе со мной, когда я в следующий раз решу сам отправиться за гемсердцем. Рутар стремится к действию. Он может быть нам полезен.

Она кивнула и направилась к выходу. Садеас пошел следом, но задержался, бросив взгляд в сторону Далинара. Что, если бы этот человек не был заперт в прошлом? Если бы он хотел увидеть настоящий мир, а не воображаемый?

«Скорее всего, кончилось бы тем, что ты все равно убил бы его, – признался себе Садеас. – Не пытайся притворяться, что хоть что-то изменилось бы».

Лучше быть честным, по крайней мере, с самим собой.

Альбом Шаллан: флора лейта в Ничейных холмах





*Говорят, что когда там царило тепло,
Пустоту Приносящие в песни вошли.
Мы призвали их в дом, что со временем стал им своим,
И прежде, чем петь, что так и должно быть, годы прошли.
«Песнь историй» слушающих, строфа 12*

Шаллан задыхнулась от внезапной вспышки цвета. Она разрезала ландшафт, как ветвистая молния в ясном небе. Шаллан отложила сферы – Тин учила ее ловкости рук – и встала в повозке, схватившись для устойчивости за спинку своего сиденья. Да, ошибки быть не могло. Сверкающее красно-желтое пятно на тусклом холсте коричневых и зеленых оттенков.

– Тин, – позвала Шаллан. – Что там такое?

Мошенница лениво развалилась, вытянув ноги, ее широкополая шляпа закрывала глаза, хотя считалось, что Тин ведет повозку. На Шаллан красовалась защищающая от солнца шляпа Блута, которую она нашла в его вещах. Тин повернулась на бок, приподняв свой головной убор.

– А?

– Вон там! – воскликнула Шаллан. – Цветное пятно.

Тин нахмурилась.

– Я ничего не вижу.

Как она может не видеть этот цвет, такой насыщенный по сравнению с круглыми холмами, усеянными камнепочками, тростником и островками травы? Шаллан взяла подзорную трубу Тин и поднесла ее к лицу, чтобы разглядеть все поподробнее.

– Растения, – проговорила девушка. – Над тем местом нависает скала, защищая их с востока.

– О, и все? – Тин приняла прежнее положение и закрыла глаза. – Подумала, что там лагерь караванщиков или что-то в этом роде.

– Тин, там растения.

– И?

– Отклоняющаяся от стандарта флора на фоне единообразной экосистемы! – воскликнула Шаллан. – Мы едем туда! Пойду скажу Макобу направить караван по той дороге.

– Детка, ты немного странная, – произнесла Тин, пока Шаллан кричала другим возницам, чтобы те остановились.

Макоб неохотно соглашался на изменение курса, но, к счастью, подчинился ее авторитету. До Разрушенных равнин каравану оставалось около дня пути. Они легко преодолеют такое расстояние. Шаллан с трудом удавалось сдерживать свое возбуждение. Здесь, в Замерзших землях, все было одинаково унылым. Шанс нарисовать что-то новое волновал сверх всякой меры.

Они приблизились к гребню холма, благодаря которому высокий каменный навес расположился именно под таким углом, чтобы служить защитой от ветра. Более крупные варианты подобных образований назывались лейтами. Защищенные долины, в которых могли процветать города. Здесь выросла роща низких деревьев с белыми, как кость, стволами. Они были покрыты яркими красными листьями. Различные виды лоз обвивали саму скалу, земля кишела камнепочками, которые оставались открытыми, даже когда не шел дождь. Их соцветия обвисали под тяжестью внутренних лепестков, а похожие на длинные языки усики двигались, как черви, в поисках воды. В маленьком пруду, питавшем деревья и камнепочки, отражалось синее небо. Тень от листвы, в свою очередь, давала приют ярко-зеленому мху. Зрелище было прекрасно и напоминало рубиновые и изумрудные жилы в сером камне.

Как только повозки остановились, Шаллан спрыгнула вниз. Она распугала какую-то живность в подлеске, и несколько крошечных диких громгончих бросилось прочь. Шаллан не была уверена, что это за вид – честно говоря, она не была даже уверена, что это громгончие, настолько быстро они убежали.

«Что ж, – подумала девушка, заходя в крошечный лейт, – возможно, из этого следует, что мне не стоит беспокоиться о ком-нибудь покрупнее».

Хищник наподобие белоспинника распугал бы всю мелочь.

С улыбкой на лице Шаллан зашагала вперед. Место походило на сад, хотя, очевидно, растения были дикими, а не культивированными. Они тут же пришли в движение, втягивая соцветия, усики и листья, и образовали вокруг нее открытое пространство. Шаллан удержалась, чтобы не чихнуть, и устремилась вглубь, к темному зеленому пруду. Около пруда она расстелила покрывало на валуне, присела на него и приготовилась к рисованию. Остальные караванчики отправились осмотреть лейт или расположились на верхушке каменного навеса.

Пока Шаллан дышала удивительной влажностью, растения расслабились. Раскрылись лепестки камнепочек, развернулись испуганные листья. Мир вокруг все сильнее наполнялся цветом, как будто природа покрывалась румянцем. Отец Штормов! Шаллан не осознавала, насколько соскучилась по многообразию красивых растений. Она открыла альбом и быстро изобразила молитву во имя Шалаш, Герольда красоты, в чью честь назвали Шаллан.

Кто-то пробирался сквозь растения, и они снова закрылись. Через группу камнепочек проковылял Газ, ругаясь и пытаясь не наступить на их усики. Он подошел к ней и замялся, уставившись на пруд.

– Шторма! – сказал он. – Там рыба?

– Угри, – высказала догадку Шаллан, когда что-то потревожило зеленую поверхность пруда. – Ярко-оранжевые, мне кажется. У нас в декоративном саду отца водились такие же.

Газ наклонился, пытаясь разглядеть получше, и стал смотреть вглубь, пока один из угрей не ударил у поверхности хвостом, обрызгав бывшего дезертира водой. Шаллан рассмеялась, сохранив *воспоминание* об одноглазом мужчине со сжатыми губами, заглядывающем в зеленеющие глубины и вытирающем лоб.

– Что ты хотел, Газ?

– Ну, – ответил он, шаркая ногой. – Я хотел узнать... – Он бросил взгляд на альбом. Шаллан перевернула страницу.

– Ну, конечно. Полагаю, ты хочешь такой же, как я нарисовала для Глурва?

Газ откашлялся в кулак.

– Ага. Тот выглядел прекрасно.

Шаллан улыбнулась и начала набросок.

– Вам нужно, чтобы я позировал или что-то еще? – спросил Газ.

– Попозируй, – ответила Шаллан, в основном чтобы он чем-то занялся, пока она рисовала.

Она изобразила его в униформе, более подтянутым, сгладив живот, и позволила себе вольно отнестись к линии подбородка. Однако самая большая разница заключалась в выражении лица. Высоко поднятая голова, устремленный вдаль взгляд. Правильное выражение – и повязка на глазу кажется благородной, лицо в шрамах – мудрым, униформа становится символом гордости. Шаллан дополнила набросок небольшими деталями фона, напоминающими ту ночь у костров, когда караванчики благодарили Газа и остальных за спасение. Она вытащила листок из пачки и повернулась к бывшему дезертиру. Газ уважительно принял его, проведя рукой по волосам.

– Шторма, – прошептал он. – Я правда так выглядел?

– Да, – подтвердила Шаллан.

Она едва ощущала Узора, тихо вибрирующего неподалеку. Ложь... но также и правда. Именно таким видели Газа спасенные им люди.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал Газ. – Я... Спасибо.

Глаза Аш! Было похоже, что он готов прослезиться.

– Храни его аккуратно, – проговорила Шаллан. – И не сворачивай до темноты. Я залакирую рисунок, чтобы он не смазался.

Газ кивнул и ушел прочь, снова напугав растения своим приближением. Он был уже шестым человеком, попросившим ее о подобном одолжении. Шаллан поощряла просьбы. Что угодно, чтобы напомнить, кем они могли и должны быть.

«А ты, Шаллан? – подумала она. – Похоже, все хотят превратить тебя в кого-то другого. Джасна, Тин, твой отец... А чего желаешь ты сама?»

Она перелистнула несколько страниц альбома, отыскивая наброски, на которых изобразила себя в нескольких различных ситуациях. Ученый, придворная дама, художник. Кем из них она хотела быть? Могла ли она быть ими всеми?

Узор зажуужал. Шаллан оглянулась по сторонам и заметила Ватаха, притаившегося за соседними деревьями. Высокий наемник ничего не сказал насчет рисунков, но она обратила внимание на его презрительную улыбку.

– Прекрати пугать мои растения, Ватах.

– Макоб сказал, что мы остановимся здесь на ночь, – ответил тот и двинулся прочь.

– Проблема... – прогудел Узор. – Да, проблема.

– Я знаю, – проговорила Шаллан, подождав, пока высунется листва, и начала рисовать снова.

К сожалению, хотя она и смогла раздобыть у торговцев уголь и лак, у нее не было никаких цветных мелков. Тогда бы она попробовала изобразить что-то более амбициозное. Но все же получится хорошая серия этюдов, заметно отличающихся от остальных ее работ в альбоме. Шаллан старалась не думать о том альбоме, который оказался утерян.

Она рисовала и рисовала, наслаждаясь простым ощущением спокойствия в небольшой молодой роще. К ней присоединились спрены жизни, маленькие зеленые соринки, снующие между листьев и лепестков. Узор переместился на воду и, к ее удивлению, начал тихо пересчитывать листья на ближайшем дереве. Шаллан закончила добрую полудюжину набросков пруда и деревьев, надеясь, что сможет определить их вид позже при помощи книг. Она позаботилась о том, чтобы запечатлеть несколько крупных детальных планов листьев, и перешла к рисованию всего, что приходило в голову. Было так здорово не трястись в повозке

во время рисования. Окружающая обстановка казалась просто идеальной – достаточное количество света, безмолвие и безмятежность, окруженные жизнью...

Шаллан замерла, заметив, что нарисовала: каменистый берег океана с характерными скалами, возвышающимися позади. Перспектива была отдаленной. На берегу несколько затененных фигурок помогали друг другу выбраться из воды. Она могла бы поклясться, что одной из них оказался Йалб. Обнадеживающая фантазия. Так хотелось, чтобы они выжили. Скорее всего, она навсегда останется в неведении.

Шаллан перевернула страницу и нарисовала первое, что пришло на ум. набросок женщины, склонившейся на коленях у тела, поднимающей молоток и долото, чтобы как будто ударить ими человека в лицо. Человек около нее казался твердым, деревянным... возможно, даже каменным?

Опустив карандаш, Шаллан покачала головой и стала изучать набросок. Почему она его нарисовала? В первом рисунке был смысл – она волновалась за Йалба и остальных моряков. Но о чем пыталось сказать ей подсознание, когда она изобразила эту странную сцену?

Она подняла взгляд, осознав, что тени удлиннились, а солнце готовится вот-вот скрыться за горизонтом. Шаллан улыбнулась ему и подскочила от страха, увидев, что кто-то стоит не далее, чем в десяти шагах.

– Тин! – воскликнула девушка, прижав безопасную руку к груди. – Отец Штормов! Ты меня напугала.

Женщина пробралась через отпрянувшую листву.

– Эти рисунки милые, но, думаю, тебе стоит больше времени уделять подделке подписей. У тебя талант от природы, и подобной работой ты можешь заниматься, не опасаясь попасть в беду.

– Я практикуюсь в этом, – ответила Шаллан. – Но мне нужно практиковаться и в искусстве.

– Рисунки действительно тебя захватили, верно?

– Меня они не захватывали, – сказала Шаллан. – Это я позволяю им захватывать других людей.

Тин ухмыльнулась, подойдя к камню Шаллан.

– Никогда не лезешь за словом в карман. Молодец. Нужно будет познакомить тебя с моими друзьями, как только доберемся до Разрушенных равнин. Они быстренько тебя испортят.

– Звучит не очень приятно.

– Чепуха, – сказала Тин, запрыгивая на сухую часть соседнего камня. – Ты по-прежнему останешься самой собой. Твои шутки вряд ли можно сделать более грязными.

– Замечательно, – ответила Шаллан, залившись краской смущения.

Она полагала, что румянец заставит Тин рассмеяться, но женщина посерьезнела.

– Мы должны найти способ дать тебе распробовать реализм, Шаллан.

– О? Он теперь производится в виде напитка?

– Нет, – произнесла Тин, – обычно в виде удара кулаком в лицо. А затем маленькие девочки плачут, если, конечно, им повезло и они выжили.

– Думаю, ты поймешь, – ответила Шаллан, – что моя жизнь никогда не была бесконечной чередой цветов и пирожных.

– Уверена, что ты именно так и думаешь. Так думает каждый. Шаллан, ты мне нравишься, правда. Мне кажется, у тебя огромный потенциал. Но то, ради чего ты учишься... ради этого понадобится делать разные вещи. Вещи, выворачивающие душу, разрывающие ее на кусочки. Ты окажешься в ситуациях, в каких никогда не бывала прежде.

– Ты едва меня знаешь, – ответила Шаллан. – Как ты можешь быть настолько уверена, что я никогда не делала подобные вещи?

– Потому что ты не сломлена, – проговорила Тин с отсутствующим выражением лица.

– Возможно, я притворяюсь.

– Детка, ты рисуешь преступников, чтобы обратить их в героев. Ты порхаешь по цветочным полянам с альбомом и краснеешь при малейшем намеке на непристойность. Насколько бы плохо, как ты считаешь, ни сложилась твоя жизнь, приготовься услышать кое-что неприятное. Будет еще хуже. И я, честно говоря, понятия не имею, сможешь ли ты это выдержать.

– Зачем ты говоришь мне все это? – спросила Шаллан.

– Потому что чуть позже, чем через день, мы доберемся до Разрушенных равнин. Сейчас твоя последняя возможность отступить.

– Я...

Как она собиралась поступить с Тин после прибытия? Признать, что она ей подыграла, согласившись с выводами мошенницы, чтобы поучиться у нее?

«Она кое с кем знакома, – подумала Шаллан. – Кое с кем в лагерях, кого, возможно, было бы очень полезно встретить».

Следовало ли Шаллан продолжать игру? Ей хотелось, хотя какая-то ее часть знала – это потому, что Тин ей нравилась, и Шаллан не желала давать той повода прекращать обучение.

– Я уверена, – услышала свои слова Шаллан. – Я хочу продолжить действовать по плану.

Ложь.

Тин вздохнула, затем кивнула.

– Хорошо. Ты готова рассказать мне, в чем заключается грандиозная афера?

– Далинар Холин. Его сын обручен с девушкой из Джа Кевода.

Брови Тин поползли вверх.

– Уже любопытно. И эта девушка не приедет?

– Не тогда, когда он ожидает, – сказала Шаллан.

– И ты на нее похожа?

– Можно и так сказать.

Тин улыбнулась.

– Неплохо. Ты заставила меня думать, что дело в шантаже, а он очень труден. Однако что-то подобное ты вполне сможешь повернуть. Я под впечатлением. Смело, но достижимо.

– Спасибо.

– Так каков план? – спросила Тин.

– Ну, я представлюсь Холину, назовусь той девушкой, на которой должен жениться его сын, и позволю устроить себя в его доме.

– Не пойдет.

– Нет?

Тин резко затрясла головой.

– Такой поступок поставит тебя в слишком сильную зависимость от Холина. Ты будешь казаться нуждающейся, и такое положение подорвет возможность заслужить уважение. То, что ты задумала, называется мошенничеством со смазливый личиком – попытка избавить богача от сфер. В таком деле весь смысл в том, как ты преподнесешь и представишь себя. Лучше обосноваться в гостинице в каком-нибудь другом военном лагере и вести себя так, будто ты полностью самодостаточна. Напустить загадочного тумана. Не слишком быстро позволить его сыну себя заполучить. Кстати, который из двух? Старший или младший?

– Адолин, – ответила Шаллан.

– Хм-м-м... Не уверена, лучше он или хуже, чем Ренарин. Адолин Холин имеет репутацию любителя пофлиртовать, поэтому мне понятно, почему Терновник хочет женить сына. Тем не менее будет трудно удерживать внимание парня.

– Правда? – спросила Шаллан, почувствовав укол настоящего беспокойства.

– Ага. Он был на грани обручения с десятком раз. На самом деле мне даже кажется, что он уже был обручен раньше. Хорошо, что ты встретила меня. Нужно поразмыслить надо всем, чтобы определить наиболее удачный подход, но тебе точно не стоит пользоваться гостеприимностью Холина. Адолин заинтересуется только тогда, когда ты будешь в каком-то смысле недоступна.

– Тяжело оставаться недоступной, когда мы уже помолвлены.

– Но все равно важно, – ответила Тин, поднимая палец. – Именно ты задумала любовную аферу. Они замысловатые, но относительно безопасные. Мы справимся.

Шаллан кивнула, хотя внутри зашевелились страхи. Что произойдет с помолвкой? Рядом больше не было Джасны, чтобы подталкивать события. Женщина хотела связать Шаллан со своей семьей, по-видимому, из-за потенциала волноплетения. Шаллан сомневалась, что другие представители дома Холин будут так упорны в стремлении ввести неизвестную веденскую девчонку в семью.

Когда Тин встала, Шаллан спрятала свою тревогу поглубже. Если помолвке придет конец, так тому и быть. У нее имелись гораздо более серьезные дела касательно Уритиру и Несущих Пустоту. Нужно найти способ разобраться с Тин, причем, чтобы не пришлось на самом деле дурачить семью Холин. Просто еще одно дело к ее длинному списку.

Удивительно, но Шаллан обнаружила, что взволнована планами на будущее, и решила сделать еще один набросок, прежде чем отправиться за едой.



*Форма тумана – скрываться, скользить меж людей.
Похожа на волны, что спрены даруют.
Осмелся примерить ее, станешь шпионом-туманом.
Коварством богов эта форма страшна.
Несотворенных проклятие носит она.
Из тени соткана, к смерти близка, сочится обманом.
«Песнь тайн» слушающих, строфа 51*

Каладин привел отряд измученных, усталых мужчин к бараку Четвертого моста, и, как он тайком и попросил, их встретили ободряющими возгласами и приветственными криками. Был ранний вечер, и знакомый аромат рагу казался одной из самых соблазнительных вещей, которые Каладин мог представить.

Он шагнул в сторону и позволил сорока мужчинам пройти мимо. Они не являлись членами Четвертого моста, но в этот вечер считались таковыми. Когда им передали миски с рагу, головы поднялись выше, зажглись улыбки. Камень спросил одного из солдат, как прошло патрулирование, и, хотя Каладин не смог уловить ответа, он явно расслышал взрыв смеха Камня.

Каладин усмехнулся и прислонился к стене барака со сложенными на груди руками. Затем поймал себя на том, что изучает небо. Солнце еще не полностью село, но в сгущающейся темноте вокруг Шрама Тална стали появляться звезды. Прямо над горизонтом зависла Слеза – звезда, сияющая гораздо ярче других, названная в честь единственной слезы, которую, как говорят, обронила Рейя. Некоторые звезды двигались – спрены звезд, ничего удивительного, но что-то в этом вечере казалось странным. Каладин глубоко вдохнул. Слишком душно?

– Сэр?

Каладин обернулся. Один из мостовиков, серьезный мужчина с короткими темными волосами и грубыми чертами лица, не присоединился к остальным у котла с рагу. Каладин поискал в памяти его имя...

– Питт, не так ли? – спросил Каладин.

– Да, сэр, – ответил он. – Семнадцатый мост.

– Что тебе нужно?

– Я только...

Мужчина оглянулся на манящий костер, вокруг которого смеялись и беседовали члены Четвертого моста и солдаты из патрульной группы. Рядом на

стенах барака кто-то повесил несколько необычных комплектов доспехов. Панцирные шлемы и нагрудные пластины, прикрепленные к кожаной одежде простых мостовиков. Их теперь заменили хорошими стальными шлемами и нагрудниками. Каладин задался вопросом, кто повесил сюда эти старые комплекты – он даже не знал, что их принесли. Это была дополнительная броня, которую Лейтен приспособил для мостовиков и прятал в ущельях перед тем, как они освободились.

– Сэр, – сказал Питт. – Я только хотел попросить прощения.

– За что?

– Когда мы были мостовиками... – Питт поднес руку к голове. – Шторма, кажется, что это произошло в другой жизни. В те времена я не мог как следует думать. Все как в тумане. Но я помню, как радовался, когда ваш мост отправляли вместо моего. Помню, как надеялся, что вы оплошаете, потому что осмеливались ходить с высоко поднятой головой... Я...

– Все в порядке, Питт, – сказал Каладин. – Ты ни при чем. Можешь винить Садеаса.

– Полагаю, что так. – Питт пристально взглянул ему в лицо. – Он сломил нас, не так ли, сэр?

– Да.

– Выходит, однако, что людей можно перековать. Никогда бы не подумал. – Питт оглянулся через плечо. – Я должен буду сделать то же самое для других парней из Семнадцатого моста, верно?

– С помощью Тефта, надеюсь, что да, – ответил Каладин. – Думаешь, у тебя получится?

– Мне всего лишь нужно притвориться вами, сэр, – сказал Питт. Улыбнувшись, он отошел, взял миску с рагу и присоединился к остальным.

Скоро эти сорок человек будут готовы. Будут готовы стать сержантами в своих собственных бригадах мостовиков. Их преобразование произошло быстрее, чем рассчитывал Каладин.

«Тефт, ты замечательный человек, – подумал он. – У тебя получилось».

Кстати, куда же подевался Тефт? Он был с ними в патруле, а теперь исчез. Каладин оглянулся через плечо, но не увидел его; возможно, Тефт ушел проверить другие бригады мостовиков. Зато Каладин заметил Камня, который отгонял долговязого человека в одеяниях ардента.

– Что происходит? – спросил Каладин, поймав проходящего мимо рогоеда.

– Тот парень, – сказал Камень, – продолжает слоняться тут с альбомом. Хочет рисовать мостовиков. Ха! Потому что мы знамениты, видишь ли.

Каладин нахмурился. Странное поведение для ардента, впрочем, в некоторой степени все арденты странные. Позволив Камню вернуться к рагу, Каладин отошел от костра, наслаждаясь покоем.

Вокруг него в лагере было очень тихо. Как будто мир задержал дыхание.

– Кажется, идея патрулей сработала, – сказал Сигзил, подходя к Каладину. – Эти люди изменились.

– Забавно, во что способна превратить солдат пара дней, проведенных в пути в качестве единого подразделения, – ответил Каладин. – Ты не видел Тефта?

– Нет, сэр, – произнес Сигзил и кивнул в сторону костра. – Вам стоило бы взять порцию рагу. Сегодня вечером у нас нет времени на болтовню.

– Сверхшторм, – понял Каладин.

Кажется, последний бушевал совсем недавно, но они не всегда регулярны – не в том смысле, как он о них думал. Штормстражам требовалось проделывать сложные расчеты, чтобы предсказать сверхшторма. У отца Каладина было такое хобби.

Возможно, ему не давало покоя предчувствие сверхшторма. Неужели он неожиданно научился предсказывать их наступление, потому что ему что-то почудилось... в ночи?

«Ты выдумываешь», – мысленно сказал себе Каладин.

Страхнув усталость после долгой езды верхом, он отправился за порцией рагу. Необходимо поесть быстро, так как он хотел присоединиться к тем, кто будет охранять Далинара и короля во время сверхшторма.

Когда он наполнял миску, солдаты из патрульной группы приветствовали его громкими возгласами.

Сидя в трясущейся повозке, Шаллан провела рукой над лежащей на сиденье сферой, пряча ее в ладонь и заменяя на другую.

Тин повела бровью.

– Я слышала удар, когда они сменились.

– Смрадная каракатица! – воскликнула Шаллан. – Я думала, что у меня получилось.

– Смрадная каракатица?

– Это ругательство, – ответила Шаллан, заливаясь румянцем. – Я услышала его от моряков.

– Шаллан, ты имеешь хоть малейшее понятие, что оно значит?

– Ну... речь о моллюсках? – предположила Шаллан. – Несвежая каракатица, может быть? Что-то насчет испорченных морепродуктов?

Тин ухмыльнулась.

– Дорогая, я сделаю все возможное, чтобы тебя испортить. Но до этого момента полагаю, что тебе следует избегать моряцких ругательств. Пожалуйста.

– Ладно. – Шаллан снова провела рукой над сферой, подменяя ее на другую. – Не щелкнуло! Ты слышала? Или, м-м-м, не слышала? Не было ни единого звука!

– Неплохо, – ответила Тин, доставая щепотку какой-то похожей на мох субстанции. Она принялась растирать ее между пальцами, и Шаллан показалось, что ей виден дымок, поднимающийся надо мхом. – У тебя получается все лучше. Мне также кажется, что нам стоит подумать над тем, как использовать твой талант художника.

У Шаллан уже появилась мысль, куда приспособить свое мастерство. Еще несколько бывших дезертиров попросили их нарисовать.

– Ты тренировалась над акцентами? – спросила Тин. Ее глаза начали поблескивать, но она по-прежнему растирала мох.

– Можете не сомневаться, моя добрая госпожа, – проговорила Шаллан с тайленским акцентом.

– Хорошо. Мы перейдем к костюмам, когда у нас появится больше ресурсов. Я, например, жду не дождусь увидеть твое лицо, когда тебе придется показаться на публике с открытой левой рукой.

Шаллан немедленно прижала безопасную руку к груди.

– Что?!

– Я предупреждала тебя насчет трудностей, – сказала Тин, неискренне улыбнувшись. – К западу от Марата почти у всех женщин открыты обе руки. Если ты собираешься посетить те места и не выделяться из толпы, то должна уметь вести себя, как они.

– Это неприлично! – воскликнула Шаллан и отчаянно покраснела.

– Это просто рука, Шаллан, – ответила Тин. – Шторма, вы, воринцы, такие чопорные. Левая рука выглядит точно так же, как и правая.

– У многих женщин размер груди не слишком отличается от мужского, – огрызнулась Шаллан. – Ведь отсюда не следует, что они могут разгуливать без рубашки, как мужчины!

– На самом деле, в некоторых областях островов Репи и в Ири можно частенько увидеть женщину с голой грудью. Там стоит жара. Никому нет дела. Мне, пожалуй, понравилось бы.

Шаллан поднесла обе руки к лицу, одну закрытую, другую – нет, чтобы скрыть смущение.

– Ты ведешь себя так просто затем, чтобы меня спровоцировать.

– Ага, – усмехнулась Тин. – Верно. Неужели передо мной девушка, которая одурачила целый отряд дезертиров и заполучила в свои руки наш караван?

– Для этого мне не пришлось раздеваться.

– Хорошо, что не пришлось, – сказала Тин. – Ты по-прежнему считаешь, что опытна и мудра? Ты покраснела при первом упоминании о том, что нужно будет оголить безопасную руку. Разве не видишь, как тебе будет трудно проверить любую удачную аферу?

Шаллан глубоко вздохнула.

– Согласна.

– Выставить на обозрение руку – не самое трудное, что тебе придется сделать, – заметила Тин отстраненным голосом. – Не самое трудное, ни при слабом ветре, ни при штормовом⁸. Я...

– Что? – спросила Шаллан.

Тин покачала головой.

– Поговорим об этом позже. Ты уже можешь разглядеть военные лагеря?

Шаллан привстала на сиденье, прикрыв глаза рукой от садящегося на западе солнца. К северу она различила дымку. Сотни костров – нет, тысячи – посылали клубы темного дыма в небо. У нее перехватило дыхание.

– Мы на месте.

– Объявляй привал на ночь, – сказала Тин, не меняя своей расслабленной позы.

– Похоже, мы всего в нескольких часах пути, – ответила Шаллан. – Мы могли бы поднажать и...

– И прибыть после наступления ночи, чтобы в любом случае расположиться на привал, – перебила Тин. – Лучше приедем с утра, свеженькие. Верь мне.

Шаллан села обратно, подзвав одного из караванчиков – юношу, шедшего босиком. Наверняка его мозоли были ужасны. Только самые опытные и старшие работники каравана ехали верхом.

– Спроси у торгмастера Макоба, что он думает насчет того, чтобы остановиться на ночь, – сказала Шаллан молодому человеку.

Он кивнул и побежал вдоль каравана мимо неуклюже передвигающихся чулл.

– Ты не доверяешь моим выводам? – спросила Тин с удивлением.

– Торгмастер Макоб не любит, когда ему указывают, что делать, – ответила Шаллан. – Если остановка – хорошая идея, он, возможно, сам ее предложит. Такой способ руководства кажется мне наилучшим.

Тин закрыла глаза и подняла лицо к небу. Она все еще держала одну руку на весу, рассеянно растирая мох между пальцами.

– Может быть, сегодня вечером у меня появится для тебя кое-какая информация.

– Насчет чего?

⁸ Местная поговорка, в значении «в любом случае», «как бы там ни было».

– Твоей родины.

Тин приоткрыла глаз. Несмотря на то, что ее поза была расслабленной, в глазу светилось любопытство.

– Хорошо, – уклончиво ответила Шаллан.

Она старалась поменьше распространяться о своем доме и прошлой жизни – девушка до сих пор не рассказала Тин ни о своем путешествии, ни о крушении корабля. Чем меньше Шаллан говорила о своей биографии, тем меньше была вероятность, что Тин выяснит правду о своей новой ученице.

«Она сама виновата, что поспешила с выводами на мой счет, – подумала Шаллан. – К тому же, Тин учит меня притворяться. Мне не следует чувствовать себя неловко, потому что я ей лгу. Она лжет каждому».

Мысли, которые причиняли боль. Тин оказалась права – Шаллан была наивной. Она не могла не чувствовать вину, когда лгала, даже если лгала профессиональной мошеннице!

– Я ожидала от тебя более заметной реакции, – сказала Тин, закрыв глаз. – В сложившихся обстоятельствах.

Ее слова расшевелили Шаллан, и она поймала себя на том, что ерзает на сиденье.

– В каких обстоятельствах? – переспросила она наконец.

– Значит, ты ничего не знаешь, – ответила Тин. – Так я и думала.

– Я не знаю о многих вещах, Тин, – сердито проговорила Шаллан. – Не знаю, как смастерить повозку, не знаю языка ириали и совершенно точно не знаю, как сделать так, чтобы ты не раздражалась. Не то чтобы я не пыталась выяснить насчет всего вышесказанного.

Тин улыбнулась, не открывая глаз.

– Ваш веденский король мертв.

– Ханаванар? Мертв?

Шаллан никогда не встречалась с кронпринцем, а уж тем более с королем. Монархия казалась чем-то очень далеким. Шаллан поняла, что случившееся практически не имеет для нее никакого значения.

– Значит, трон унаследует его сын?

– Унаследовал бы. Если бы тоже не умер. Так же, как и все шесть кронпринцев Джа Кеведа.

У Шаллан перехватило дыхание.

– Говорят, что виноват Убийца в Белом, – тихо проговорила Тин, по-прежнему не открывая глаз. – Шиноварец, который шесть лет назад убил короля аleti.

Шаллан заставила взять себя в руки. Ее братья. С ними все в порядке?

– Шесть кронпринцев? Кто именно?

Зная, кто убит, она, возможно, смогла бы понять, как обстоят дела в ее родном княжестве.

– Не знаю точно, – ответила Тин. – Джал Мала и Эвинор мертвы и, возможно, Абриал. Некоторые погибли в сражении, остальные раньше, но информация неточная. Теперь трудно получить хоть какие-то достоверные сведения из Веденара.

– Валам. Он до сих пор жив? – Кронпринц ее княжества.

– Судя по донесениям, он сражался за трон. Мои информаторы пришлют мне весточку сегодня вечером через самоперо. Там может оказаться что-то интересное для тебя.

Шаллан откинулась назад. Король мертв? Война за трон? Отец Штормов! Как же ей выяснить судьбу своих семьи и имения? Они находились далеко от столицы, но если война захватила всю страну, то могла докатиться и до захолустных областей. Не существовало простого способа связаться с братьями.

Свое собственное самоперо Шаллан потеряла во время крушения «Удовольствия ветра».

– Я буду благодарна за любую информацию, – произнесла Шаллан. – Абсолютно любую.

– Посмотрим. Я позволю тебе присоединиться ко мне, когда придет донесение.

Шаллан задумалась, переваривая информацию.

«Тин подозревала, что я не в курсе, но ничего не говорила до сих пор».

Шаллан нравилась мошенница, но необходимо помнить, что скрывать информацию – ее профессия. Что еще она знала и не говорила?

Впереди показался юноша, спешащий вдоль линии движущегося каравана. Дойдя до повозки Шаллан, он развернулся и зашагал рядом.

– Макоб сказал, что вы поступили мудро, спросив его мнение, и что, скорее всего, мы остановимся здесь. У каждого военного лагеря защищенные границы, и нас вряд ли пропустят внутрь ночью. Кроме того, он не уверен, что мы успеем туда до прихода сегодняшнего сверхшторма.

Сбоку, все еще не открывая глаз, ухмыльнулась Тин.

– В таком случае останавливаемся, – проговорила Шаллан.



*Предательство спренов мы чуем все время.
Наш разум – в их царстве. Тяжелое бремя.
И дарит лишь формы. А больше потребууй,
И не обойтись без умнейших из спренов.
Бессильны мы дать то, что людям подвластно:
Ведь мы – лишь бульон, а люди – их мясо.
«Песнь спренов» слушающих, строфа 9*

Каладину снилось, что он был штормом.

Он предъявил права на всю землю и теперь пронесся по ней волной очищающей ярости. Перед ним все размывалось и рушилось. Под покровом его темноты земля возрождалась.

Он парил, оживая молниями, вспышками его вдохновения. Дующие ветра были его голосом, гром – его сердцебиением. Он ошеломлял, преодолевал, затмевал и...

И он уже делал это прежде.

Понимание пришло к Каладину, как вода, просачивающаяся под дверь. Да. Этот сон снился ему прежде.

Он с усилием развернулся. Перед ним простерлось лицо, огромное, как вечность, мощь бури, сам Отец Штормов.

– СЫН ЧЕСТИ, – пророкотал голос, подобный ревущему ветру.

– Это правда! – прокричал Каладин в бурю. Он сам был ветром. Спреном. Каким-то образом он мог говорить. – Ты настоящий!

– ОНА ДОВЕРЯЕТ ТЕБЕ.

– Сил? – спросил Каладин. – Да, доверяет.

– ОНА НЕ ДОЛЖНА.

– Ты тот, кто запретил ей прийти ко мне? Ты тот, кто удерживает спренов?

– ТЫ УБЬЕШЬ ЕЕ. – Голос, такой глубокий и мощный, звучал печально. Скорбно. – ТЫ УБЬЕШЬ МОЕ ДИТЯ И ОСТАВИШЬ ЕЕ ТЕЛО НЕЧЕСТИВЫМ ЛЮДЯМ.

– Я не сделаю ничего подобного! – крикнул Каладин.

– ТЫ УЖЕ НАЧАЛ.

Шторм продолжался. Каладин увидел мир сверху. Корабли в защищенных бухтах, качающиеся на яростных волнах. Армии, сжавшиеся в долинах, готовящиеся к войне на местности, покрытой множеством холмов и гор. Огромное озеро, высохшее перед его прибытием, – вода ушла в отверстия в скале.

– Как я могу это предотвратить? – требовательно спросил Каладин. – Как я могу ее защитить?

– ТЫ ЧЕЛОВЕК, ТЫ СТАНЕШЬ ПРЕДАТЕЛЕМ.

– Нет, не стану!

– ТЫ ИЗМЕНИШЬСЯ. ЛЮДИ МЕНЯЮТСЯ. ВСЕ ЛЮДИ.

Континент оказался таким громадным. Столько людей, говорящих на языках, которых он не понимал, прячущихся в своих комнатах, своих пещерах, своих долинах.

– ДА, – сказал Отец Штормов. – ТАК ВСЕ И ЗАКОНЧИТСЯ.

– Что? – закричал Каладин ветру. – Что изменилось? Я чувствую...

– ОН ИДЕТ ЗА ТОБОЙ, МАЛЕНЬКИЙ ПРЕДАТЕЛЬ. МНЕ ЖАЛЬ.

Что-то выросло перед Каладином. Второй шторм, с красными молниями, такой огромный, что континент – даже весь мир – казался ничем в сравнении с ним. Все накрыла его тень.

– Я СОЖАЛЕЮ, – сказал Отец Штормов. – ОН ИДЕТ.

Каладин проснулся, его сердце колотилось в груди.

Он чуть не упал со стула. Где же он? Пик, королевский зал совета. Каладин присел на мгновение и...

Его лицо покраснело от смущения. Он задремал.

Адолин стоял рядом, разговаривая с Ренарином.

– Не уверен, выйдет ли что-то из этой встречи, но я рад, что отец на нее согласился. Я почти потерял надежду на то, что случится нечто подобное, учитывая, сколько времени понадобилось посланнику паршенди, чтобы прибыть к нам.

– Ты уверен, что тот, кого ты встретил, – женщина? – спросил Ренарин.

Он выглядел более расслабленно с тех пор, как окончательно установил связь с Клинком пару недель назад, и ему больше не требовалось носить его везде с собой.

– Женщина, Носитель Осколков?

– Паршенди довольно странные, – пожал плечами Адолин.
Он бросил взгляд на Каладина, и его губы сложились в ухмылку.
– Спишь на работе, мостовичок?

Рядом покачивалась протекающая ставня, вода просачивалась сквозь дерево. Навани и Далинар должны находиться в соседней комнате.

Короля не было.

– Его величество! – воскликнул Каладин, неуклюже вскочив на ноги.

– В уборной, мостовичок, – пояснил Адолин, кивнув на другую дверь. – Ты способен спать во время сверхшторма. Впечатляет. Почти так же сильно, как то, сколько слюней ты напустил, пока дремал.

Нет времени для насмешек. Этот сон... Каладин повернулся к балконной двери, часто дыша.

«Он идет...»

Каладин распахнул балконную дверь. Адолин закричал, Ренарин окликнул его, но Каладин не обратил на них внимания, встретившись с бурей.

Ветер все еще завывал, а дождь барабанил по каменному балкону с таким звуком, будто ломались сучья. Однако молнии прекратились, а ветер, хоть и интенсивный, и близко не был настолько сильным, чтобы выворачивать валуны или рушить стены. Шторм растратил большую часть своей силы.

Темнота. Ветер, ударяющий в него из глубин небытия. Каладин почувствовал себя так, словно стоял над самой Пустотой, Бездной, известной в старых песнях под именем Брэйз. Обиталище демонов и чудовищ. Он нерешительно шагнул вперед, в свет, лившийся на мокрый балкон из все еще открытой двери. Он нащупал перила – неповрежденную безопасную секцию – и вцепился в них холодными пальцами. Дождь бил по щекам, просачивался сквозь униформу, пробирался через ткань в поисках тепла.

– Ты с ума сошел? – требовательно спросил Адолин с порога. Каладин едва слышал голос принца сквозь ветер и отдаленные раскаты грома.

Узор тихонько жужжал, пока по повозке стучал дождь.

Рабы Шаллан сбились в кучку и подвывали. Ей бы хотелось, чтобы проклятый спрен вел себя потише, но Узор не отвечал на ее увещания. По крайней мере, сверхшторм почти закончился. Она хотела выбраться наружу и прочитать, что сообщили об ее родине люди, переписывающиеся с Тин.

Жужжание Узора звучало почти как скулеж. Шаллан нахмурилась и наклонилась к нему ближе. Неужели это слова?

– Плохо... плохо... так плохо...

Сил выскочила из непроницаемой темноты сверхшторма – внезапная вспышка света в ночи. Облетев вокруг Каладина, она приземлилась на железные перила перед ним. Ее платье казалось более длинным и струящимся, чем обычно. Дождь проходил сквозь Сил, не нарушая ее форму.

Она посмотрела на небо и резко оглянулась через плечо.

– Каладин. Что-то не так.

– Я знаю.

Сил повертелась, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Ее маленькие глазки были широко раскрыты.

– Он идет.

– Кто? Шторм?

– Тот, кто ненавидит, – прошептала она. – Темнота внутри. Каладин, он наблюдает. Что-то случится. Что-то плохое.

Каладин помедлил всего лишь мгновение, затем бросился обратно в комнату, оттолкнув Адолина, и вырвался на свет.

– Приведите короля. Мы уходим. Сейчас же.

– В чем дело? – потребовал ответа Адолин.

Каладин рывком распахнул дверь в маленькую комнату, где ожидали Далинар и Навани. Кронпринц сидел на диване с отсутствующим выражением на лице, Навани держала его за руку. Подобного Каладин не ожидал. Кронпринц не казался испуганным или сумасшедшим, просто погруженным в размышления. Он что-то тихо говорил.

Каладин замер.

«Во время штормов к Далинару приходят видения».

– Что ты здесь делаешь? – спросила Навани. – Как ты смеешь?

– Можете ли вы его разбудить? – спросил Каладин, входя в комнату. – Мы должны покинуть эту комнату, покинуть дворец.

– Ерунда. – Голос короля. Элокар вошел в комнату следом за ним. – Что ты мелешь?

– Для вас небезопасно находиться здесь, ваше величество, – сказал Каладин. – Нам нужно вывести вас из дворца и проводить в военный лагерь.

Шторма. Будет ли там безопасно? Не стоит ли ему отправиться туда, куда никто не ожидает?

Снаружи прогрехотал гром, но звук дождя ослаб. Шторм шел на убыль.

– Что за нелепость, – проговорил Адолин из-за спины короля, вздевая руки кверху. – Здесь самое безопасное место во всех лагерях. Ты хочешь, чтобы мы его покинули? Вытащили короля в шторм?

– Мы должны разбудить кронпринца, – сказал Каладин, потянувшись к Далинару.

В этот момент Далинар схватил его за руку.

– Кронпринц не спит, – произнес Далинар, его взгляд прояснился, возвращаясь из того далекого места, где он находился минутой раньше. – Что происходит?

– Мостовичок хочет, чтобы мы эвакуировали дворец, – сказал Адолин.

– Солдат? – спросил Далинар.

– Здесь небезопасно, сэр.

– Что заставляет тебя так думать?

– Инстинкт, сэр.

Комната погрузилась в тишину. Снаружи ливень превратился в морозящий дождик. Шторм миновал.

– Мы идем, – сказал Далинар, вставая.

– Что? – спросил король.

– Ты назначил этого человека отвечать за свою охрану, Элокар, – ответил Далинар. – Если он считает, что здесь небезопасно, нам следует делать то, что он говорит.

После произнесенного предложения подразумевалось «пока что», но Каладину было все равно. Он в спешке бросился через главный зал мимо короля и Адолина к выходу. Его сердце громко стучало, мышцы напряглись. Сил, видимая только Каладину, неистово металась по комнате.

Каладин распахнул двери. В коридоре на дежурстве стояли шесть человек, в основном мостовики, а также один солдат королевской стражи, которого звали Ралинор.

– Мы уходим, – сказал Каладин и стал указывать на солдат. – Белд и Хоббер, вы передовой отряд. Разведайте путь наружу, через черный выход и кухни, и крикните, если увидите что-нибудь необычное. Моаш, ты и Ралинор прикрываете тыл – охраняйте эту комнату, пока я не уведу короля и кронпринца

из виду, затем следуйте за нами. Март и Эт, вы остаетесь с королем несмотря ни на что.

Охранники бросились выполнять приказы, не задавая вопросов. Когда разведчики отправились вперед, Каладин вернулся к королю, схватил его за руку и потащил к двери. Потрясенный Элокар не сопротивлялся.

За ними последовали остальные светлоглазые. Братья-мостовики Март и Эт заняли места по обе стороны от короля, Моаш встал у дверей. Он нервно сжимал свое копьё, направляя его то в одну сторону, то в другую.

Каладин торопил короля и его семью, двигаясь вдоль коридора по намеченному пути. Вместо того чтобы повернуть налево и последовать дальше по спуску к главному входу во дворец, они устремились вглубь коридоров. Вниз, направо, через кухни и наружу, в ночь.

В коридорах стояла тишина. На время свержения все укрылись в своих комнатах.

Далинар присоединился к Каладину во главе группы.

– Мне будет любопытно услышать, что именно толкнуло тебя на такой поступок, солдат, – сказал он. – После того, как мы благополучно эвакуируемся.

«У моего спрена припадок, – подумал Каладин, наблюдая за Сил, мечущейся взад-вперед по коридору. – Вот что толкнуло меня на этот поступок».

Как он будет все объяснять? Что он послушался спрена ветра?

Они продвигались все глубже. Шторма! Пустые коридоры вызывали беспокойство. Большая часть дворца была всего-навсего норой, высеченной в скале, с окнами, вырезанными по внешним склонам.

Каладин застыл на месте.

Впереди не было огней, коридор чем дальше, тем больше погружался в темноту, пока не становился черным, как шахта.

– Подождите, – сказал Адолин, останавливаясь. – Почему темно? Что случилось со сферами?

«Из них вытянули весь свет».

Бездна. И что там на стене прямо по коридору? Большое темное пятно. Каладин с яростью вытащил сферу из кармана и поднял ее вверх. Дыра! Кто-то прорезал отверстие в коридор снаружи, прямо сквозь скалу. В него задувал холодный ветер.

Сфера Каладина осветила также кое-что на полу прямо перед ними. На пересечении коридоров лежало тело. В синей униформе. Белд, один из людей Каладина, посланных вперед.

Сгрудившись, люди в ужасе уставились на труп. Жуткая тишина коридора и недостаток света заставили притихнуть даже протестующего короля.

– Он здесь, – прошептала Сил.

Из бокового коридора величественно выступила фигура с длинным серебристым Клинком, оставляющим глубокие царапины в каменном полу. Человек был облачен в струящиеся белые одеяния: тонкие штаны и свободную рубашку, которая колыхалась при каждом шаге. Лысый череп, бледная кожа. Шиноварец.

Каладин узнал его. Все в Алеткаре слышали про этого человека. Убийца в Белом. Однажды Каладин видел его во сне, похожем на предыдущий, хотя и не узнал убийцу в тот момент.

Из тела убийцы струился штормсвет.

Он был волноплетом.

– Адолин, ко мне! – прокричал Далинар. – Ренарин, защищай короля! Отведи его обратно по тому пути, которым мы шли!

С этими словами Далинар, Терновник, выхватил копьё у одного из людей Каладина и бросился на убийцу.

«Его сейчас убьют», – подумал Каладин, побежав следом.

– Уходите с принцем Ренарином! – прокричал он своим людям. – Делайте, как он скажет! Защищайте короля!

Солдаты, включая присоединившихся к ним Моаша и Ралинора, начали спешно отступать, прикрывая Навани и Элокара.

– Отец! – воскликнул Ренарин. Моаш схватил его за плечо и потянул обратно. – Я могу сражаться!

– Бегом! – заорал Далинар. – Защищай короля!

Когда Каладин бросился вперед с Далинаром и Адолином, последнее, что он услышал со стороны удаляющейся группы, был хныкающий голос короля Элокара:

– Он пришел за мной. Я всегда знал, что так и будет. Так же, как он явился за отцом...

Каладин втянул столько штормсвета, сколько осмелился. Убийца в Белом спокойно стоял в середине коридора, испуская свет. Как он мог стать волноплетом? Что за спрен выбрал такого человека?

У Адолина в руке возник Клинок Осколков.

– Трезубец, – тихо проговорил Далинар, замедлив движение, когда они втроем приблизились к убийце. – Я в центре. Тебе он известен, Каладин?

– Да, сэр.

Это был простой боевой порядок для малочисленного отряда.

– Позволь мне сразиться с ним, отец, – сказал Адолин. – У него есть Клинок Осколков, и мне не нравится, как выглядит это свечение.

– Нет, – ответил Далинар, – мы ударим по нему вместе. – Его глаза сузились, когда он внимательно осмотрел убийцу, по-прежнему спокойно стоящего над телом бедняги Белда. – На этот раз я не уснул за столом, убудок. Ты не лишишь меня еще одного короля!

Трое мужчин наступали одновременно. Далинар как среднее острие трезубца попытается удержать внимание убийцы, пока Каладин и Адолин нападут с обеих сторон. Далинар предусмотрительно выставил копьё, чтобы можно было дотянуться до противника, и не стал использовать меч, которым нужно было бы замахиваться сбоку. Они бросились вперед, не снижая скорости, чтобы ошеломить и сбить врага с толку.

Убийца подождал, пока они приблизились, а затем подпрыгнул, оставляя светящийся след. Он крутанулся в воздухе, когда Далинар заревел и ткнул в него копьём.

Шиноварец не опустился вниз. Он приземлился на потолок коридора на высоте около двенадцати футов.

– Все-таки правда, – испуганно проговорил Адолин.

Он выгнулся назад, поднимая Клинок Осколков для атаки под необычным углом. Убийца, однако, сбежал вниз по стене, шурша белыми одеяниями, и ударил по Клинку Осколков Адолина своим собственным, а затем стукнул ладонью по груди принца.

Адолин подскочил в воздух, как будто кто-то подбросил его вверх. Из его тела полился штормсвет, и он врезался в потолок. Принц застонал, переворачиваясь, но остался на потолке.

«Отец Штормов!» – подумал Каладин.

Его пульс зашкаливал, а внутри бушевала буря. Он сделал выпад копьём с той же стороны, что и Терновник, в попытке добраться до убийцы.

Мужчина не стал уворачиваться.

Оба копьёя вспороли плоть, копьё Далинара попало в плечо, копьё Каладина – в бок. Убийца развернулся, взмахнув Клинком Осколков, и срезал их копьё посередине. Казалось, ему нет никакого дела до ран. Он неожиданно метнулся

вперед и ударил Далинара по лицу, заставив кронпринца растянуться на полу, а затем взмахнул Клинком в сторону Каладина.

Каладин едва успел пригнуться и отскочить назад. Обломок его копья загремел по полу рядом с Далинаром. Кронпринц со стоном перевернулся, прижимая руку к щеке, по которой его ударил убийца. Из рассеченной кожи сочилась кровь. Нельзя быстро оправиться от удара волноплетя, наполненного штормсветом.

Убийца стоял в центре коридора, хладнокровный и уверенный в себе. В прорехах его обгаренной кровью одежды вихрями закручивался штормсвет, исцеляя плоть.

Каладин отступил, держа в руках копье без наконечника. То, что вытворял этот человек... Разве он мог быть Бегущим с Ветром?

Невозможно.

– Отец! – закричал Адолин сверху.

Юноша поднялся на ноги, но струящийся из него штормсвет практически иссяк. Адолин попытался напасть на убийцу, но соскользнул с потолка и упал на землю, приземлившись на плечо. Его Клинок Осколков растаял, выпав из пальцев.

Убийца подошел к Адолину, который шевелился, но не поднимался.

– Мне жаль, – сказал убийца. Из его рта струился штормсвет. – Я не хочу это делать.

– Я не дам тебе ни единого шанса, – зарычал Каладин, устремляясь вперед.

Рядом кружилась Сил, и он почувствовал, как его обвевает ветер. Каладин ощущал свирепую бурю, толкающую его к действию. Он набросился на убийцу с обрубок копья, орудуя им как дубиной, и почувствовал, как ветер направляет его.

Он наносил удары с потрясающей точностью, чувствуя себя одним целым с оружием. Он забыл обо всех тревогах, неудачах, даже о своей ярости. Существовали только Каладин и копье.

Именно таким полагалось быть миру.

Убийца принял удар плечом, затем боком. Он не мог игнорировать их все – его штормсвет закончится, если будет служить для исцеления. Убийца выругался, выпустив изо рта еще одно облачко света, и отступил. Его шинские глаза – немного великоватые, цвета бледного сапфира – расширились, наблюдая за продолжающимся градом ударов.

Каладин втянул остатки штормсвета. Так мало. Он не взял новых сфер перед тем, как отправиться на дежурство. Глупо. Небрежно.

Убийца развернул плечо и поднял Клинок Осколков, собираясь ударить.

«Вот оно», – подумал Каладин, чувствуя, что случится дальше.

Он крутанется, уходя от удара, и вскинет обломок копья. Попадет по убийце в голову сбоку. Удар будет такой сильный, что даже штормсвет не сможет помочь сохранить равновесие. Шиноварец окажется в полубессознательном состоянии. Брешь в защите.

«Я его достану».

Каким-то образом убийца увернулся.

Он двигался слишком проворно, быстрее, чем предполагал Каладин. Так же быстро... как он сам. Удар Каладина пришелся по воздуху, и он едва избежал Клинка Осколков.

Следующие движения Каладина были инстинктивными. Годы тренировок наделили его мускулы собственным разумом. При обороне оружие машинально возникало в нужном месте, чтобы блокировать очередной замах. Если бы Каладин сражался с обычным противником, его защита была бы идеальной. Но у убийцы имелся Клинок Осколков. Инстинкты Каладина, так прилежно впитанные, его предали.

Серебристое оружие рассекло обрубок копья Каладина, а затем и его правую руку, прямо под локтем. Шок от невыносимой боли затопил сознание, Каладин задохнулся и упал на колени.

И... ничего. Он не чувствовал свою руку. Она посерела и потускнела, стала безжизненной, ладонь раскрылась, пальцы разжались, а обломок древка копья выпал из пальцев и ударился о пол.

Убийца отшвырнул Каладина с дороги. Ударившись о стену, мостовик застонал и соскользнул вниз.

Человек в белых одеяниях повернулся в том направлении, куда удалился король. Он снова подошел к Адолину.

– Каладин! – воскликнула Сил, превратившаяся в ленту света.

– Я не могу его победить, – прошептал Каладин со слезами на глазах. Слезами боли. Слезами разочарования. – Он один из нас. Сияющий.

– Нет! – с нажимом проговорила Сил. – Нет. Он нечто гораздо более ужасное. Не спрен его ведет, Каладин. Пожалуйста. Вставай.

Далинар смог подняться на ноги. Он находился в коридоре между убийцей и дорогой к королю. Щека Терновника представляла собой кровавое месиво, но глаза светились ясностью.

– Я не позволю тебе до него добраться! – проревел он. – Только не Элокар. Ты забрал моего брата! Ты не получишь единственное, что осталось после него!

Убийца остановился в коридоре прямо перед Далинаром.

– Но я пришел не за ним, кронпринц, – прошептал он. С его губ облачками срывался штормсвет. – Я пришел за тобой.

Убийца бросился вперед, отбив удар Далинара, и пнул того в ногу.

Терновник упал на одно колено. Его стон эхом отразился от стен, когда он выронил копье. По коридору гулял ледяной ветер, врываясь сквозь отверстие в стене прямо за его спиной.

Каладин зарычал, заставляя себя встать и двинуться вперед. Одна рука была бесполезной и мертвой. Он никогда больше не сможет держать копье. Каладин не мог об этом думать. Ему нужно добраться до Далинара.

Слишком медленно.

«Я опоздаю».

Убийца занес свой ужасный Клинок в последнем замахе над головой. Далинар не стал уворачиваться.

Он просто поймал Клинок.

Пока меч падал вниз, Далинар сложил ладони вместе у основания и прямо перед тем, как тот ударил, поймал его.

Убийца хмыкнул от удивления.

В этот же момент в него врзался Каладин, используя свой вес и импульс, чтобы отбросить убийцу к стене. Только стены не было. Они влетели в тот участок, где убийца проделал себе вход в коридор.

Оба вывалились наружу.



*Мы можем слить их волны и свои
Возможно это, просто доживи.
Оно обещано – и явится пред нами.
Итог мы сможем подвести едва ли.
У нас сомнений нет, что смогут нас понять.
А вот решимся ль мы их снова испытать?
«Песнь спренов» слушающих, строфа 10*

Каладин падал вместе с дождем.

Он вцепился в белые, как кость, одеяния убийцы своей единственной действующей рукой. Оброненный шиноварцем Клинок Осколков исчез в окружающем тумане, и они вместе падали на землю с высоты в сотню футов.

Ураган внутри Каладина почти утих. Слишком мало штормсвета.

Вдруг убийца начал светиться сильнее.

«У него есть сферы».

Каладин резко вдохнул, и в него устремился штормсвет из сфер в сумке на поясе убийцы. В этот момент шиноварец его пнул. Каладин не удержался одной рукой и оказался отброшен.

Затем он рухнул на землю.

Удар был сильным. Каладин не успел ни подготовиться, ни сгруппироваться. От столкновения с холодным влажным камнем перед глазами все вспыхнуло, как будто сверкнула молния.

Через мгновение зрение прояснилось, и он обнаружил себя лежащим на камнях у подножия подъема, ведущего в королевский дворец. С неба моросил легкий дождик. Каладин посмотрел на далекий свет из отверстия в стене наверху. Он выжил.

«На один вопрос ответ получен», – подумал Каладин, поднимаясь на колени.

Штормсвет уже занялся его разодранным правым боком. Плечо тоже было повреждено, и по мере медленного отступления жгучей боли Каладин чувствовал, как оно исцеляется.

Однако предплечье и кисть правой руки, слабо освещенные штормсветом, который исходил от остального тела, все еще были тусклого серого цвета. Как

мертвая свеча в ряду, эта часть его тела не светилась. Каладин ее не чувствовал и даже не мог пошевелить пальцами. Они безвольно висели, пока он баюкал руку.

Рядом под дождем выпрямился Убийца в Белом. Он каким-то образом сгруппировался в полете и приземлился, сохранив равновесие. Этот человек настолько мастерски владел своими способностями, что Каладин на его фоне выглядел новичком.

Убийца повернулся к Каладину и застыл как вкопанный. Шиноварец тихо заговорил на языке, которого Каладин не понял. Слова звучали с придыханием и свистом, с множеством шипящих звуков.

«Нужно двигаться, – подумал Каладин. – До того, как он снова призовет Клинок».

К несчастью, он не смог подавить ужас от потери руки. Больше ему не придется сражаться копьем. Он не сможет оперировать. Оба мужских ремесла, которыми его обучили, теперь потеряны.

Хотя... он почти почувствовал...

– Разве я не *сплел* тебя? – спросил убийца на алету с акцентом. Его глаза потемнели, утратив сапфирово-голубой цвет. – С землей? Но почему ты не погиб при падении? Нет. Должно быть, я *сплел* тебя с верхом. Невероятно.

Он шагнул назад.

Мгновение удивления. Мгновение жизни. Возможно... Каладин чувствовал работу штормсвета, напряженный и настойчивый ураган внутри. Он стиснул зубы и кое-как поднялся.

К руке вернулся цвет, и ощущение – холодная боль – вдруг затопило его руку, кисть, пальцы. От руки заструился свет.

– Нет... – проговорил убийца. – Нет!

Что бы Каладин ни сделал со своей рукой, это поглотило большую часть его штормсвета. Общее сияние угасло, он едва светился. Все еще на коленях, со стиснутыми зубами, Каладин выхватил из-за пояса нож, но его хватка была слабой, и он чуть не выронил оружие.

Он переложил нож в другую руку. Нужно было покончить со всем этим.

Каладин вскочил на ноги и бросился на убийцу.

«Чтобы хоть на что-то рассчитывать, нужно ударить его быстро».

Убийца отпрыгнул назад, отлетев на добрый десяток футов, его белые одежды заколыхались в ночном воздухе. Он грациозно приземлился, в его руке появился Клинок Осколков.

– Кто ты такой? – требовательно спросил он.

– Тот же, кто и ты, – ответил Каладин. Его накрыло волной тошноты, но он заставил себя проявить твердость. – Бегущий с Ветром.

– Тебя не должно быть.

Каладин поднял нож, с кожи струились остатки света. Его окропил дождь.

Убийца отпрянул в замешательстве, уставившись на Каладина широко раскрытыми глазами, как будто тот превратился в скального демона.

– Они говорили мне, что я лжец! – воскликнул убийца. – Они говорили, что я ошибался! Сет-сын-сына-Валлано... Не Знающий Правду. Они назвали меня Не Знающим Правду!

Каладин шагнул вперед так грозно, как только смог, надеясь, что штормсвета хватит, чтобы произвести впечатление. Выдохнул, позволяя ему за клубиться перед собой, слабо светясь в темноте.

Убийца подался назад, наступив в лужу.

– Они вернулись? – спросил он. – Они все вернулись?

– Да, – проговорил Каладин.

Ответ казался правильным. Ответ, который хотя бы сохранит ему жизнь.

Убийца пристально смотрел на него еще мгновение, а затем повернулся и побежал прочь. Каладин наблюдал, как ярко светящаяся фигура удаляется и взлетает в небо. Убийца, похожий на полосу света, понесся на восток.

– Шторма, – проворчал Каладин, выдохнул последний штормсвет и рухнул на землю.

Когда он пришел в сознание, рядом на каменной площадке стояла Сил, упираясь руками в бедра.

– Спишь, когда должен дежурить в охране?

Каладин застонал и сел. Он чувствовал ужасную слабость, но был жив. Уже хорошо. Он поднял руку, но почти ничего не разглядел в темноте, потому что штормсвет угас.

Удалось пошевелить пальцами. Вся его рука и предплечье болели, но это была самая прекрасная боль, которую он когда-либо испытывал.

– Я исцелился, – прошептал он и закашлялся. – Исцелился от раны, нанесенной Клинком Осколков. Почему ты не рассказала, что я способен на такие вещи?

– Потому что не знала, способен ли ты, пока ты не продемонстрировал, глупый. – Сил произнесла эти слова так, будто объяснила ему самую очевидную вещь в мире. Ее голос смягчился. – Там мертвые. Наверху.

Каладин кивнул. Был ли он в состоянии идти? Он смог подняться на ноги и медленно пошел вокруг подножия Пика к лестнице на другой стороне. Сил тревожно порхала вокруг. Когда Каладин нашел лестницу и начал подниматься, понемногу стали возвращаться силы. Ему пришлось несколько раз остановиться, чтобы отдышаться, и во время одной из пауз Каладин оторвал рукав, чтобы скрыть то, что мундир был разрезан Клинком Осколков.

Он достиг вершины. Какая-то его часть боялась обнаружить, что все погибли. В коридоре было тихо. Ни криков, ни охраны. Ничего. Каладин продолжил идти, чувствуя одиночество, до тех пор, пока не увидел впереди свет.

– Стой! – окликнул его дрожащий голос. Март из Четвертого моста. – Ты, в темноте! Назови себя!

Каладин продолжил идти на свет, слишком измотанный, чтобы отвечать. Март и Моаш дежурили у дверей в королевские покои с несколькими людьми из королевской стражи. Когда они узнали Каладина, послышались возгласы изумления. Его проводили в тепло и свет покоев Элокара.

Здесь он обнаружил Далинара и Адолина – живых, расположившихся на кушетках. Эт обрабатывал их раны – Каладин обучил нескольких человек из Четвертого моста основам полевой медицины. Ренарин сидел, сгорбившись в кресле в углу, его Клинок Осколков валялся у ног, как мусор. Король расхаживал в задней части комнаты и тихо разговаривал с матерью.

Когда вошел Каладин, Далинар встал, отмахнувшись от Эта.

– Десятое имя Всемогущего! – воскликнул Далинар приглушенным голосом. – Ты жив?

Каладин кивнул и рухнул в одно из плюшевых королевских кресел, не заботясь о том, что может запачкать его водой или кровью. Он издал тихий стон – наполовину от облегчения, что видит их всех в добром здравии, наполовину от истощения.

– Как? – требовательно спросил Адолин. – Ты же упал. Я едва осознавал происходящее, но знаю, что видел, как ты падал.

«Я волноплет, – подумал Каладин, когда его оглядел Далинар. – Я использовал штормсвет».

Он хотел произнести эти слова вслух, но они так и не сорвались с языка. Только не перед Элокаром или Адолином.

«Шторма. Я трус».

– Я крепко за него держался, – ответил Каладин. – Не знаю. Мы кувыркались в воздухе, а когда упали, я не погиб.

Король кивнул.

– Разве ты не говорил, что он приклеил тебя к потолку? – спросил он Адолина. – Они, вероятно, проплыли весь путь вниз.

– Да, – проговорил Адолин. – Полагаю, что так.

– После того, как вы приземлились, – спросил король с надеждой в голосе, – ты его убил?

– Нет, – ответил Каладин, – но он сбежал. Думаю, убийца оказался удивлен тем, как умело мы отбивались.

– Умело? – переспросил Адолин. – Мы были похожи на трех детей, атакующих скального демона палками. Отец Штормов! Я за всю жизнь ни разу не получал такой трепки.

– По крайней мере, мы были предупреждены, – сказал король с дрожью. – Этот мостовик... он хороший телохранитель. Выражаю свою признательность, молодой человек.

Далинар встал и пересек комнату. Эт очистил его лицо и остановил кровотечение из носа. Кожа кронпринца была рассечена вдоль левой скулы, нос сломан, хотя наверняка не первый раз за его долгую военную карьеру. Раны из тех, что выглядели хуже, чем были на самом деле.

– Как ты узнал? – спросил Далинар.

Каладин встретился с ним взглядом. За спиной обернулся, прищурившись, Адолин. Он посмотрел вниз, на руку Каладина, и нахмурился.

«Он что-то видел», – подумал Каладин.

Как будто у него недостаточно затруднений из-за Адолина помимо этого случая.

– Я увидел свет,двигающийся по воздуху снаружи, – сказал Каладин. – И доверился инстинкту.

Рядом в комнату молнией ворвалась Сил и многозначительно посмотрела на него, нахмурившись. Но его слова не были ложью. Он видел свет в ночи. Ее.

– Все эти годы, – проговорил Далинар, – я отвергал истории об убийстве моего брата, которые рассказывали свидетели. Мужчины, ходящие по стенам, люди, падающие вверх, а не вниз... Всемогущий над нами! Кто он такой?

– Смерть, – прошептал Каладин.

Далинар кивнул.

– Почему он вернулся сейчас? – спросила Навани, подходя к Далинару. – Спустя столько лет?

– Он хочет забрать мою жизнь, – сказал Элокар.

Король сидел к ним спиной, и Каладин разглядел в его руке чашу. Он выпил содержимое и сразу же снова наполнил ее из кувшина. Темно-фиолетовое вино. Рука Элокара дрожала, когда он наливал.

Каладин встретился взглядом с Далинаром. Кронпринц слышал. Сет приходил не за королем, а за Далинаром.

Кронпринц промолчал и не стал поправлять короля, поэтому Каладин поступил так же.

– Что нам делать, если он вернется? – спросил Адолин.

– Не знаю, – ответил Далинар, опускаясь на кушетку рядом с сыном. – Не знаю...

«Поухаживай за его ранами, – послышался голос отца Каладина, шепчущий у него внутри. – Хирург. Зашей щеку. Приведи в порядок нос».

У него имелись более важные обязанности. Каладин заставил себя подняться на ноги, хотя ощущение было такое, словно на него повесили свинцовые гири. Он взял копьё у одного из мужчин у двери.

– Почему в коридорах так тихо? – спросил он Моаша. – Ты знаешь, где слуги?

– Кронпринц, – пояснил Моаш, кивнув на Далинара. – Светлорд Далинар послал пару человек, чтобы вывести всех слуг из дворца. Он подумал, что если убийца возвратится, то может начать убивать без разбора. Посчитал, что чем больше людей покинут дворец, тем меньше будет жертв.

Каладин кивнул, взял лампу со сферами и вышел в коридор.

– Оставайтесь здесь. Мне нужно кое-что сделать.

Когда мостовичок вышел, Адолин сгорбился в своем кресле. Каладин, конечно, ничего не объяснил и не спросил у короля разрешения удалиться. Штормовой парень, похоже, считал себя важнее светлоглазых. Нет, штормовой парень, похоже, считал себя важнее короля.

«Но он сражался с тобой плечом к плечу», – сказала какая-то его часть.

Сколько людей – неважно, со светлыми или темными глазами – так непоколебимо выстояли бы против Носителя Осколков?

Адолин обеспокоенно уставился в потолок. Он не мог увидеть то, что, как ему казалось, он видел. После падения с потолка он ничего не соображал. Несомненно, на самом деле убийца не попал по руке Каладина Клинком Осколков. Ведь теперь рука, судя по всему, работала прекрасно.

Но почему отсутствовал рукав?

«Он упал с убийцей, – подумал Адолин. – Сражался и, видимо, был ранен, но теперь оказывается, что не был».

Могло ли случиться так, что все произошедшее – лишь часть какой-то уловки?

«Прекрати, – мысленно обратился к себе Адолин. – Ты становишься параноиком, как Элокар».

Он посмотрел на короля, который уставился с побледневшим лицом в пустую винную чашу. Он что, действительно опустошил весь кувшин? Элокар направился к своей спальне, где, судя по всему, его ждала добавка, и, потянув за ручку, открыл дверь.

Навани ахнула, заставив короля замереть на месте. Тот повернулся к двери. Обратную сторону доски процарапали ножом, и ломаные линии образовывали последовательность глифов.

Адолин встал. Некоторые из них были цифрами, верно?

– Тридцать восемь дней, – прочитал Ренарин. – Конец всех народов.

Каладин устало шел по коридорам дворца, повторяя маршрут, по которому он совсем недавно вел остальных. Вниз, к кухне, в коридор с отверстием, ведущим наружу. Мимо того места, где кровь Далинара залила пол, к перекрестку.

Туда, где лежал труп Белда. Каладин опустил на колени, перевернув тело. Глазницы были выжжены. На лбу остались татуировки свободы, эскиз которых рисовал сам Каладин.

Капитан мостовиков закрыл глаза.

«Я подвел тебя», – подумал он.

Белд, лысый мужчина с угловатым лицом, выжил в Четвертом мосту и во время спасения армии Далинара. Он пережил саму Бездну и только для того,

чтобы пасть здесь, от руки убийцы со способностями, которыми тот не должен обладать.

Каладин застонал.

– Он умер, защищая, – раздался голос Сил.

– Я должен был суметь сохранить им жизнь, – сказал Каладин. – Почему я просто не отпустил их на все четыре стороны? Почему наделил обязанностями и снова привел к смерти?

– Кто-то должен сражаться. Кто-то должен защищать.

– Они сделали достаточно! И пролили свою долю крови. Мне стоит прогнать их всех. Далинар сможет найти других телохранителей.

– Они сделали свой выбор, – сказала Сил. – Ты не можешь лишить их этого.

Каладин встал на колени, борясь с горем.

«Ты должен научиться различать, когда проявлять заботу, сын. – Голос его отца. – И когда отпустить. Со временем ты обзаведешься мозолями».

У него никогда не было мозолей. Шторм побери, никогда. Вот почему он не стал бы хорошим хирургом. Он не умел терять пациентов.

А теперь, когда он убивал? Когда был солдатом? Какой в этом смысл? Он ненавидел свое умение так хорошо убивать.

Каладин глубоко вздохнул, с усилием взяв себя в руки.

– Он может совершать вещи, на которые я не способен, – выговорил наконец Каладин, открывая глаза и глядя на Сил, стоящую в воздухе рядом с ним. – Убийца. Это потому, что мне нужно произнести еще какие-то слова?

– Действительно, есть еще слова, – ответила Сил, – но не думаю, что ты к ним уже готов. Тем не менее мне кажется, что ты уже мог бы делать то, что делает он. Если потренироваться.

– Но как он может быть волноплетом? Ты сказала, что у убийцы не было спрена.

– Ни один спрен чести не предоставил бы тому существу средства убивать так, как это делает он.

– Среди людей могут существовать различные точки зрения, – проговорил Каладин, стараясь, чтобы нахлынувшие эмоции не отразились в голосе, когда он переворачивал Белда лицом вниз. Так ему не было видно его выжженных ссохшихся глазниц. – Что, если спрен чести думал, что убийца поступал правильно? Ты ведь помогала мне убивать паршенди.

– Для защиты.

– С точки зрения паршенди, они защищали своего короля, – сказал Каладин. – Для них агрессор – я.

Сил села, обхватив колени руками.

– Я не знаю. Может быть. Но ни один спрен чести не занимается тем, что делаю я. Единственная, кто послушался. Но его Клинок Осколков...

– Что с ним? – спросил Каладин.

– Он отличается. И очень сильно.

– Для меня он выглядел обычным. Ну, насколько может быть обычным Клинок Осколков.

– Он отличается, – повторила она. – Я чувствую, что должна знать почему. Что-то насчет количества штормсвета, который он потреблял...

Каладин поднялся и прошел по боковому коридору, подняв лампу повыше. В ней были сапфиры, окрашивающие стены голубым. Убийца вырезал отверстие с помощью своего Клинка, проник в коридор и убил Белда. Но Каладин послал вперед двоих.

Да, второе тело. Хоббер, один из первых спасенных Каладином в Четвертом мосту. Шторм побери этого убийцу! Каладин не забыл, как спас мостовика после того, как все остальные оставили его умирать на плато.

Каладин встал на колени рядом с трупом и перевернул его.

И обнаружил, что тот плачет.

– Я... Я прошу... прощения, – произнес Хоббер, преодолевая эмоции и едва в состоянии говорить. – Я прошу прощения, Каладин.

– Хоббер! – воскликнул Каладин. – Ты жив!

Затем он заметил, что штанины униформы Хоббера перерезаны примерно посередине бедра. Под тканью ноги мостовика потемнели, стали серыми, мертвыми, как рука Каладина прежде.

– Я его даже не видел, – проговорил Хоббер. – Он срезал меня и потом заколол Белда прямо насквозь. Я слушал, как вы сражались. Подумал, что все мертвы.

– Все в порядке, – сказал Каладин. – С тобой все в порядке.

– Я не чувствую ног, – ответил Хоббер. – Им конец. Я больше не солдат, сэр. Теперь я бесполезен. Я...

– Нет, – сказал Каладин твердо. – Ты все еще состоишь в Четвертом мосту. И всегда будешь одним из нас. – Он заставил себя улыбнуться. – Мы просто попросим Камня научить тебя готовить. Как у тебя с рагу?

– Ужасно, сэр, – признался Хоббер. – Я могу спалить даже бульон.

– Значит, будешь соответствовать большинству армейских поваров. Ну же, давай отведем тебя к остальным.

Каладин напрягся, подсунув руки под Хоббера, и попытался его поднять.

Тело отказалось подчиниться. Он испустил невольный стон, положив Хоббера обратно.

– Все в порядке, сэр, – сказал тот.

– Нет, – сказал Каладин, вдыхая свет одной из сфер в лампе. – Не все.

Он снова вздохнул, поднял Хоббера и понес его обратно к остальным.



*Рождены наши боги фрагментом души
Того, кто стремится всех сокрушить.
В немислимой злобе громит он
Все земли, что встретит в пути.
Они – его спрены, ставка и дар.
Но в будущем примет защитник удар.
Форма ночная в этом тверда –
Он в равной борьбе отомстит.
**«Песнь тайн» слушающих,
заключительная строфа***

«Кронпринц Валам, возможно, мертв, ваша светлость Тин, – написало самоперо. – Наши информаторы не уверены. Он никогда не мог похвастать хорошим здоровьем, а теперь, по слухам, болезнь окончательно взяла над ним верх. Его войска спешат осадить Веденар, однако, если он мертв, его незаконнорожденный сын, скорее всего, притворяется, что это не так».

Шаллан уселась обратно, хотя перо продолжало писать. Казалось, что оно движется по своей собственной воле, привязанное к точно такому же перу, которым пользовались компаньоны Тин где-то в Ташикке. После того, как закончился свержштурм, они разбили обычный лагерь, и Шаллан присоединилась к Тин в ее внушительной палатке. Воздух до сих пор пах дождем, и пол палатки немного протек, намочив ковер. Шаллан думала о том, что лучше было бы надеть не подходящие по размеру ботинки, чем тапочки.

Если кронпринц мертв, что это означало для ее семьи? В последнее время он был одной из главных проблем отца. Ее дом залез в долги, привлекая новых союзников, чтобы заставить кронпринца их выслушать или, возможно, напротив, чтобы его свергнуть. Война за трон могла повлиять на тех, кто владеет долгами ее семьи, и они могут начать требовать их погашения с братьев. Или, наоборот, хаос мог вынудить кредиторов забыть о братьях Шаллан и их незначительном доме. А что насчет Кровьпризраков? Будут ли они еще сильнее настаивать, чтобы им вернули преобразователь или нет?

Отец Штурмов! Ей требовалось больше информации.

Перо продолжало двигаться, записывая имена тех, кто боролся за трон в Джа Кеведе.

– Ты знаешь кого-то из них лично? – задумчиво спросила Тин, стоящая около письменного стола, скрестив руки. – Происходящие события могут подарить нам определенные возможности.

– Я была не настолько важна, – скорчила гримасу Шаллан. Это было правдой.

– Так или иначе, возможно, нам придется поехать в Джа Кевед, – сказала Тин. – Ты знаешь культуру, людей. Это будет полезно.

– Но там война!

– Война означает отчаяние, а отчаяние – наш хлеб насущный, детка. Как только мы закончим с твоей затеей на Разрушенных равнинах – может, возьмем еще одного или двух человек в команду – нам, скорее всего, захочется навестить твою родину.

Шаллан почувствовала внезапный укол вины. Из сказанного Тин, из всех ее историй следовало, что она часто принимала кого-то вроде Шаллан к себе под крыло. Помощника, которого можно наставлять. Шаллан подозревала, что подобное случалось отчасти из-за того, что Тин нравилось, когда поблизости есть человек, перед которым можно покрутиться.

«Должно быть, она очень одинока, – подумала Шаллан. – Все время переезжает, всегда тащит все, что плохо лежит, но ничего не дает взамен. Кроме редких случаев, когда может проявить родительскую заботу о юном воре...»

По стене палатки проползла странная тень. Узор, хотя Шаллан заметила его только потому, что знала, куда смотреть. Когда хотел, он мог становиться практически невидимым, но в отличие от некоторых спренов не был способен исчезнуть полностью.

Самоперо продолжало писать, давая Тин более подробную сводку о том, как обстоят дела в разных странах. Затем последовало любопытное предложение:

«Мы связались с информаторами на Разрушенных равнинах, – вывело перо. – Те, о ком вы спрашивали, действительно разыскиваются. Большинство из них – бывшие солдаты армии кронпринца Садеаса. Он не прощает дезертиров».

– Что там? – спросила Шаллан, поднявшись со стула, и подошла, чтобы получше рассмотреть написанное.

– Я уже давала тебе понять, что нам нужно обсудить этот вопрос, – сказала Тин, вставляя под самоперо чистый лист. – Как я не устаю объяснять, жизнь, которую мы ведем, требует принятия и исполнения трудных решений.

«За голову лидера дезертиров, которого вы называли Ватахом, обещана награда в четыре изумрудных брума, – написало перо. – За остальных по два брума».

– Награда? – требовательно спросила Шаллан. – Я дала людям обещание!

– Тихо! – шикнула Тин. – Мы не одни в этом лагере, глупышка. Если хочешь умереть, просто позаботься о том, чтобы они услышали наш разговор.

– Мы не сдадим их за деньги, – ответила Шаллан тише. – Тин, я дала слово.

– Твое слово? – повторила Тин, рассмеявшись. – Детка, ты думаешь, мы кто? Твое слово?

Шаллан покраснела. Самоперо на столе продолжало писать, невзирая на то, что на него перестали обращать внимание. В записях говорилось о чем-то насчет работы, которой Тин занималась раньше.

– Тин, – проговорила Шаллан. – Ватах и его люди могут пригодиться.

Мошеница покачала головой, перейдя в боковую часть палатки, и налила себе вина.

– Ты должна гордиться тем, чего добилась здесь. У тебя практически нет опыта, а ты смогла справиться с тремя разными группами, убедив их поставить тебя – почти без сфер и совсем без авторитета – командовать. Гениально! Но вот в чем дело. Выдуманная нами ложь и созданные наваждения не настоящие. Мы не

можем позволить им превратиться в реальность. Может быть, это самый тяжелый урок, который ты должна выучить.

Тин повернулась к Шаллан, ее лицо посерьезнело, исчезли все признаки расслабленной игривости.

– Когда хорошая мошенница погибает, то обычно из-за того, что начинает верить в свою собственную ложь. Находит что-то по душе и хочет, чтобы сказка не заканчивалась. Продолжает себя обманывать, думая, что держит все под контролем. «Еще один день, – говорит она себе. – Еще один день, а потом...»

Тин выронила чашу. Та ударилась о землю, вино расплескалось по полу палатки и ковру.

«Красный ковер... который когда-то был белым...»

– Твой ковер, – проговорила Шаллан, оцепенев.

– Думаешь, я могла позволить себе увезти ковер, когда покидала Разрушенные равнины? – тихо спросила Тин, перешагнув через пролитое вино, и взяла Шаллан за руку. – Думаешь, мы можем забрать хоть что-то? Все бессмысленно. Ты солгала тем людям. Набила себе цену, а завтра, когда мы доберемся до лагерей, правда ударит по твоему лицу как пощечина. Думаешь, на самом деле можно получить снисхождение для таких, как они? От человека, подобного кронпринцу Садеасу? Не будь идиоткой. Даже если получится облапошить Холина, неужели ты хочешь растратить то небольшое правдоподобие, которое мы сможем подделать, на освобождение душегубов, принадлежащих политическому врагу Далинара?

Шаллан села обратно на стул, взволнованная и от слов Тин, и от самой себя. Ей не стоило удивляться, что мошенница хотела предать Ватаха и его людей. Шаллан знала, что представляла собой Тин, и с готовностью позволяла женщине себя обучать. Честно говоря, Ватах и его люди, скорее всего, заслужили свое наказание.

Но отсюда отнюдь не следовало, что Шаллан их предаст. Она сказала, что они могут измениться. Она дала слово.

«Ложь...»

Только потому, что она научилась лгать, не значило, что можно позволять лжи руководить собой.

Но как она могла защитить Ватаха, не вступая в конфликт с Тин? Был ли у нее вообще такой шанс?

Что сделает Тин, когда выяснится, что Шаллан действительно та девушка, что помолвлена с сыном Далинара Холина?

«Сколько еще, как ты думаешь, сможешь продолжать лгать?..»

– Ну вот, – широко улыбнулась Тин. – Кое-какие хорошие новости.

Шаллан встрепенулась, очнувшись от размышлений, и посмотрела на бумагу, по которой двигалось самоперо.

«Касательно вашей миссии в Амидлатне, – повествовало написанное, – наши покровители передали, что довольны. Они очень хотят узнать, раздобыли ли вы информацию, но я думаю, что это для них второстепенный вопрос. Они закрыли глаза на то, что обнаружили сведения в другом месте – что-то насчет города, который они изучали. Относительно вас, новостей о выжившей цели не поступало. Похоже, что ваши тревоги о провале миссии безосновательны. Что бы ни произошло на борту корабля, это пошло нам на пользу. «Удовольствие ветра» считается пропавшим вместе со всем экипажем. Джасна Холин мертва».

Джасна Холин мертва.

Шаллан изумленно раскрыла рот. Неужели... неужели...

– Может быть, тем идиотам все-таки удалось доделать работу, – удовлетворенно произнесла Тин. – Видимо, мне все же заплатят.

– Твое задание в Амидлатне, – прошептала Шаллан, – заключалось в убийстве Джасны Холин.

– В руководстве операцией, по крайней мере, – ответила Тин, отвлекшись. – Поехала бы сама, но не выношу корабли. Болтанка на море выворачивает мой желудок наизнанку...

Шаллан лишилась дара речи. Тин была наемной убийцей. За атакой на Джасну Холин стояла Тин.

Самоперо продолжало писать.

«...интересные новости. Вы спрашивали о доме Давар в Джа Кеведе. Судя по всему, прежде чем покинуть Харбрант, Джасна взяла новую ученицу...»

Шаллан потянулась к самоперу.

Тин поймала ее за руку. Глаза женщины медленно расширились, пока перо дописывало последние предложения.

«...девушку по имени Шаллан. Рыжие волосы. Бледная кожа. О ней мало что известно. Эти сведения казались нашим информаторам не особенно важными, пока мы не стали любопытствовать».

Шаллан подняла глаза от бумаги одновременно с Тин и встретила с женщиной взглядом.

– Бездна, – проговорила Тин.

Шаллан попыталась вырваться, но лишь обнаружила, что ее стащили со стула.

Она не смогла проследить за быстрыми движениями мошенницы, когда та столкнула ее на землю лицом вниз. Ботинок Тин пришелся по спине, выбив воздух из легких и заставив тело замереть от шока. Зрение Шаллан помутилось, но она попыталась вдохнуть.

– Бездна, Бездна! – воскликнула Тин. – Ты ученица Холин? Где Джасна? Она жива?

– На помощь! – прохрипела Шаллан, едва в состоянии говорить, и попыталась отползти к стенке палатки.

Тин опустила колени на спину Шаллан, снова выбив из ее легких весь воздух.

– Я приказала своим людям очистить пространство вокруг палатки. Боялась, что ты кинешься предупредить дезертиров о том, что мы собираемся их сдать. Отец Штормов!

Она склонилась еще ниже, к самому уху Шаллан. Несмотря на то, что девушка боролась, Тин схватила ее за плечо и сильно его сжала.

– Джасна. Жива?

– Нет, – прошептала Шаллан. Из ее глаз струились слезы боли.

– Возможно, ты не заметила, – произнес голос Джасны позади них, – но на корабле имеются две очень хорошие каюты, которые я сняла для нас за немалые деньги.

Выругавшись, Тин отпрыгнула в сторону и развернулась, чтобы взглянуть, кто заговорил. Конечно же, Узор. Шаллан не стала на него смотреть, а бросилась к стенке палатки. Где-то там, снаружи, ждали Ватах и остальные. Если бы у нее получилось просто...

Тин поймала ее за ногу и дернула обратно.

«Я не могу сбежать», – подумало ее примитивное «я».

Шаллан охватила паника, возродив воспоминания о днях, проведенных в полном бессилии. О все возрастающей разрушительной жестокости отца. О разваливающейся на части семье.

Беспомощность.

Невозможно сбежать, невозможно сбежать, невозможно сбежать...

«Сражайся».

Шаллан выдернула у Тин свою ногу и, развернувшись, кинулась на женщину. Больше она не будет беспомощной. Никогда!

Тин ахнула, когда Шаллан бросилась на нее изо всех сил. Царапающийся, яростный, неистовый клубок. Ожидаемого результата девушка не добилась. Шаллан совсем ничего не знала о том, как драться, и через несколько мгновений поняла, что второй раз хрипит от боли, получив от Тин удар кулаком в живот.

Шаллан сползла на колени, по ее щекам текли слезы. Она безуспешно попыталась вдохнуть. Тин ударила ее в висок, перед глазами Шаллан плавали пятна.

– Это еще что такое? – спросила Тин.

Шаллан моргнула и посмотрела вверх помутившимся взглядом. Она снова оказалась на земле. Ее ногти оставили несколько кровавых царапин на щеке Тин. Та дотронулась рукой до щеки, и ладонь покраснела. Мошенница нахмурилась и потянулась к столу, где висел меч в ножнах.

– Что за бардак, – прорычала Тин. – Шторм поberi! Приглашу сюда этого Ватаха и как-нибудь повешу все на него.

Тин вытащила меч из ножен.

Шаллан с трудом поднялась на колени и попыталась встать, но ноги не слушались, а комната вокруг покачивалась, как будто она по-прежнему находилась на корабле.

– Узор? – прохрипела она. – Узор?

Снаружи до нее донесся шум. Крики?

– Мне жаль, – произнесла Тин ледяным тоном. – Необходимо как следует спрятать концы в воду. В каком-то смысле я тобой горжусь. Ты меня одурачила. Из тебя вышел бы толк.

«Спокойно, – сказала себе Шаллан. – Спокойно!»

Десять ударов сердца.

Но в ее случае не обязательно, чтобы их было десять, ведь так?

«Нет. Должно быть десять. Время, мне нужно время!»

У нее в рукаве лежали сферы. Когда Тин приблизилась, Шаллан резко вдохнула. Внутри ее тела штормсвет превратился в неистовую бурю, и девушка подняла руку, выбрасывая импульс света. Шаллан не могла превратить его во что-то конкретное – она до сих пор не знала как – но на миг ей показалось, что он сложился в колыхающийся образ ее самой, стоящей в гордой позе придворной дамы.

При виде цветной проекции из света Тин остановилась как вкопанная, а затем взмахнула перед собой мечом. Свет пошел рябью и распался на отдельные дымчатые пряди.

– Похоже, я схожу с ума, – проговорила Тин. – Слышу голоса. Вижу всякое. Наверное, мне не очень-то хочется это делать.

Она двинулась вперед, поднимая меч.

– Жаль, что тебе придется выучить урок именно так. Иногда мы вынуждены совершать поступки, которые нам не по душе, детка. Трудные поступки.

Шаллан зарычала, вскидывая руки перед собой. Между ними закружился и скрутился туман, сформировавшийся в блестящий серебряный Клинок, который пронзил Тин насквозь. У мошенницы едва хватило времени ахнуть, пока ее глаза выгорали прямо в черепе.

Труп Тин соскользнул с оружия, упав на ковер бесформенной грудой.

– Трудные поступки, – прорычала Шаллан. – Да. Кажется, я уже тебе говорила, что выучила урок. Спасибо.

Пошатываясь из стороны в сторону, она поднялась на ноги.

Клапаны палатки распахнулись, и Шаллан развернулась, держа Клинок Осколков острием ко входу. Там сгрудились застывшие Ватах, Газ и еще несколько

солдат с окровавленным оружием в руках. Они переводили взгляд с Шаллан на труп с выжженными глазами на полу и обратно.

Она оцепенела. Хотелось выпустить Клинок, спрятать его. Какой ужас.

Шаллан поступила иначе. Она подавила эмоции и запрятала их подальше. Сейчас ей была нужна сильная опора, и оружие хорошо служило подобной цели. Даже если она его ненавидела.

– Солдаты Тин?

Неужели это ее голос, абсолютно спокойный, без единой эмоции?

– Отец Штормов! – воскликнул Ватах и шагнул в палатку с прижатой к груди рукой, уставившись на Клинок Осколков. – Той ночью, когда вы просили о помощи, вы могли нас всех убить, да и бандитов тоже. Вы могли сделать все самостоятельно...

– Люди Тин! – рявкнула Шаллан.

– Мертвы, ваша светлость, – ответил Рэд. – Мы услышали... услышали ваш голос. Он сказал, чтобы мы пришли вам на помощь, а они нас не пропускали. Затем мы услышали крики и...

– Это был глас Всемогущего? – спросил Ватах шепотом.

– Мой спрен, – сказала Шаллан. – Вот и все, что вам нужно знать. Обыщите палатку. Эту женщину наняли, чтобы убить меня. – В какой-то степени это было правдой. – Здесь могут находиться записи об ее нанимателях. Принесите мне все, что содержит текст.

Когда они засуетились и приступили к выполнению приказа, Шаллан присела на стул рядом со столом. Самоперо зависло в ожидании, остановившись в конце страницы. Требовался чистый лист.

Шаллан выпустила Клинок Осколков.

– Никому не говорите, что вы здесь увидели, – приказала она Ватаху и его людям.

Несмотря на быстрое согласие, девушка сомневалась, что их молчание продлится долго. Клинки Осколков оставались полулегендарными предметами, и одним из них владела женщина? Пойдут слухи. Как будто и так мало проблем.

«Ты выжила только благодаря этой проклятой вещи, – подумала она. – Снова. Перестань жаловаться».

Шаллан заменила бумагу, подняла самоперо и установила его в верхнем углу страницы. Через секунду отдаленный компаньон Тин начал писать снова.

«Ваши наниматели по заданию в Амидлатне хотят встретиться, – вывело перо. – Похоже, у Кровьпризраков есть для вас новая работа. Хотели бы вы назначить с ними встречу в военных лагерях?»

Перо остановилось на месте, ожидая ответа. Что там было выше? Что эти люди – покровители Тин, Кровьпризраки, – нашли нужную им информацию... информацию насчет города.

Уритиру. Люди, убившие Джасну, люди, угрожавшие ее семье, искали тот же город. Одно долгое мгновение Шаллан пристально смотрела на лист бумаги и выведенные на нем слова. Ватах со своими людьми начали вытаскивать одежду из сундука Тин, простукивая стенки в поисках тайников.

«Хотели бы вы назначить с ними встречу?..»

Шаллан взялась за самоперо, сменила режим фабрикала и написала одноединственное слово.

«Да».

ИНТЕРЛЮДИИ

ЭШОНАЙ • ЗЕЙХЕЛ • ТАЛН



В Нараке тщательно закрывали окна – наступала ночь, надвигался шторм. Под двери подкладывали тряпки, устанавливали укрепляющие щиты, закладывали окна большими квадратными деревянными блоками.

Эшонай не присоединилась к приготовлениям. Она стояла перед входом в жилище Тьюда и слушала его донесение – воин только что вернулся со встречи с алетей, на которой договорился о переговорах, чтобы обсудить мир. Она хотела послать кого-нибудь раньше, но Совет пяти совещался и жаловался до тех пор, пока Эшонай не захотелось их всех придушить. Хорошо, что они все хотя бы согласились позволить ей отправить посланника.

– Через семь дней, – сказал Тюд. – Встреча состоится на нейтральном плато.

– Ты его видел? – с нетерпением спросила Эшонай. – Терновника?

Тюд покачал головой.

– Что насчет того, другого? – спросила Эшонай. – Волноплетя?

– Он тоже не появился. – Тюд выглядел обеспокоенным. Слушающий посмотрел на восток. – Тебе лучше поспешить. Я могу рассказать все подробно после шторма.

Эшонай кивнула, положив руку на плечо друга.

– Спасибо.

– Удачи тебе, – проговорил Тюд в ритме решимости.

– Всем нам, – ответила она.

Он закрыл дверь, оставив ее одну в темном, казавшемся пустым городе. Эшонай проверила штормовой щит на спине, затем вынула из кармана сферу с пойманным Венли спреном и настроила ритм решимости.

Время пришло. Она побежала навстречу шторму.

Ритм решимости представлял собой неторопливое биение с равномерным, восходящим ощущением важности и силы. Эшонай покинула Нарак и прыгнула, перелетев через первое ущелье. Только боевая форма даровала силу для подобных прыжков. Чтобы перебраться на другие плато, где расположились плантации, рабочие использовали веревочные мосты, которые стягивали и сворачивали перед каждым штормом.

Она приземлилась на ноги, ее шаги совпадали с ритмом решимости. Вдалеке показалась стена шторма, едва различимая в темноте. Ветер усилился,

дуя с такой силой, будто стремился остановить Эшонай. В воздухе над головой метались взад-вперед и танцевали спрены ветра. Предвестники грядущего.

Эшонай перепрыгнула еще через два ущелья и остановилась, оказавшись на вершине небольшого холма. Теперь стена шторма закрывала ночное небо, неумолимо надвигаясь на нее. Необъятное темное полотнище из мусора и дождя, знамя из воды, камней, грязи и погубленных растений. Эшонай отвязала со спины большой щит.

Для слушающих побывать в шторме представлялось чем-то романтичным. Да, шторма ужасали, но каждый слушающий должен был провести несколько ночей снаружи во время шторма, один. В песнях говорилось, что тот, кто ищет новую форму, будет защищен. Она не знала, фантазия это или реальный факт, но песни не мешали большинству слушающих скрываться в каменных расселинах, чтобы уберечься от стены шторма, а затем выходить на открытое место.

Эшонай предпочитала щит. Ей казалось, что она встречается с Наездником лицом к лицу. Он был душой шторма, люди называли его Отцом Штормов, и он не являлся одним из богов ее народа. В действительности в песнях его называли предателем – спреном, который выбрал защиту людей вместо слушающих.

Но все же, ее народ уважал его. Наездник убил бы всякого, кто не проявил уважение.

Эшонай укрепила низ щита в неровности на каменной поверхности, уперлась в него плечом, опустила голову и напряглась, отставив одну ногу в сторону. В другой руке он держала камень со спреном внутри. Она предпочла бы надеть свои Доспехи Осколков, но они отчего-то мешали процессу трансформации.

Эшонай чувствовала и слышала приближение шторма. Дрожала земля, ревела буря. В холодном порыве мимо нее пронеслись обрывки листьев, как разведчики перед наступающей армией, чьим боевым кличем был воющий ветер.

Она зажмурила глаза.

На нее обрушился шторм.

Несмотря на специально принятое положение и напряженное тело, что-то проломило щит и развернуло его. Ветер подхватил и вырвал щит из ее пальцев. Эшонай споткнулась, отлетев назад, и бросилась на землю, плечом к ветру, спрятав голову.

Вокруг нее гремел гром, яростный ветер пытался оторвать крошечную фигурку от плато и закрутить в воздухе. Она не открывала глаз, окружающую темноту нарушали только вспышки молний. Эшонай не испытывала ощущения защищенности. Выставив плечо против ветра, прижавшись к куче камней, она чувствовала, как ураганные порывы изо всех сил пытаются ее уничтожить. С темного плато поблизости доносился треск камней, земля сотрясалась. Она не слышала ничего, кроме рева ветра в ушах, время от времени перемежавшегося раскатами грома. Ужасная песня без ритма.

Внутри Эшонай сохраняла ритм решимости. По крайней мере, она его чувствовала, хотя и не могла слышать.

Капли дождя, ударявшие ее, как наконечники стрел, отскакивали от черепной пластины и брони. Она сжала челюсти от ужасающего, пробирающего до костей холода и осталась на месте. Меняя форму или будучи неожиданно застигнутой штормом во время рейда против алети, Эшонай проделывала подобное множество раз. Она способна выжить. И выживет.

Она сосредоточилась на ритме у себя в голове, цепляясь за какие-то камни, пока ветер пытался унести ее прочь с плато. Демид, бывший партнер Венли, стал родоначальником традиции, когда те, кто хотел трансформироваться, ждали внутри строений, пока шторм не утихнет. Они выходили наружу, только когда

минует первоначальная вспышка ярости. Рискованно, так как не известно, в какой момент происходила трансформация.

Эшонай никогда не пыталась вести себя подобным образом. Шторма были жестоки, опасны, но они также служили источником открытий. Благодаря им знакомое становилось чем-то грандиозным, волшебным и ужасным. Она никогда не стремилась побывать в шторме, но при необходимости шла на это и считала такие впечатления захватывающими.

Не открывая глаз, Эшонай подняла голову и подставила лицо ветру, чувствуя, как он бьет и сотрясает. Она ощущала капли дождя на коже. Да, Наездник Штормов – предатель, но нельзя стать предателем, не побывав прежде другом. Шторма были частью ее народа. Слушающие принадлежали штормам.

Ритмы в ее голове изменились. В один миг они все соединились и превратились в один. Не важно, какой ритм настраивала Эшонай, теперь она слышала одно и то же – отдельные равномерные биения. Как удары сердца. Момент настал.

Шторм исчез. Ветер, дождь, звуки... все растворилось. Эшонай встала. С нее потоками стекала вода, мышцы заледенели, кожа онемела. Она потрясла головой, стряхнув брызги, и подняла взгляд к небу.

На нее смотрело лицо. Бесконечное, громадное. Люди рассуждали об Отце Штормов, хотя никогда не знали его так хорошо, как слушающие. Такой же огромный, как небо, с глазами, полными бесконечных звезд. Драгоценный камень в руке Эшонай взорвался светом.

Мощь, энергия. Она представила, как эта энергия течет сквозь нее, наполняет, дает новые силы. Ударив камнем о землю, Эшонай расколола его и выпустила спрена. Она постаралась как следует, настроившись на нужные ощущения, как учила ее Венли.

– ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЭТОГО ХОЧЕШЬ?

Раскатистый голос прокатился через нее, как сокрушающий гром. С ней заговорил Наездник! Подобное случалось в песнях, но не с... никогда с...

Эшонай настроила ритм благодарности, но, конечно же, теперь все ритмы казались одинаковыми. Бам. Бам. Бам.

Спрен выбрался из своей темницы и засновал вокруг слушающей, испуская странный красный свет. От него отскакивали небольшие молнии. Спрен гнева?

Что-то было неправильно.

– ПОЛАГАЮ, ЭТО ДОЛЖНО ПРОИЗОЙТИ, – произнес Отец Штормов. – ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО СЛУЧИТЬСЯ.

– Нет, – ответила Эшонай, в панике отступая от спрена. Из головы вылетели все приготовления, в которых ей помогала Венли. – Нет!

Спрен превратился в полоску красного света и ударил ее в грудь. Во все стороны брызнули лучи красного света.

– Я НЕ МОГУ ЕГО ОСТАНОВИТЬ, – сказал Отец Штормов. – Я ЗАЩИТИЛ БЫ ТЕБЯ, КРОХА, ЕСЛИ БЫ ИМЕЛ ТАКУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ. МНЕ ЖАЛЬ.

Эшонай глубоко вздохнула, ритмы в ее голове затихли. Она упала на колени, чувствуя, как ее омывает волна трансформации.

– МНЕ ЖАЛЬ.

Снова пошел дождь, и ее тело стало меняться.



Поблизости кто-то был.

Зейхел проснулся, распахнув глаза, и в тот же миг понял, что кто-то бродит вокруг его комнаты.

Эх! Середина ночи. Если очередной избалованный светлоглазый мальчишка, которому он отказал, пришел его умолять... Выбираясь из постели, Зейхел пожаловался самому себе:

– Я слишком, слишком стар для таких вещей.

Он распахнул дверь, ведущую в ночной двор тренировочного полигона. Воздух был влажным. О конечно. Прошел один из этих штормов и зарядил все, что можно, ища, куда бы направить свою силу целиком. Проклятые вещи.

Молодой парень, занесший руку, чтобы постучать, в удивлении отпрыгнул от открывшейся двери. Каладин. Мостовик, ставший телохранителем. Вокруг него еще все время вертелся спрен, которого чувствовал Зейхел.

– Ты выглядишь, как сама смерть, – рявкнул ардент на мальчишку.

Одежда Каладина оказалась вся в крови, униформа с одной стороны изодрана. Не хватало правого рукава.

– Что случилось?

– Покушение на короля, – тихо ответил тот. – Еще и двух часов не прошло.

– Ха.

– Ваше предложение по обучению тому, как сражаться с Носителем Осколков, еще в силе?

– Нет.

Зейхел захлопнул дверь и направился обратно к кровати.

Конечно же, мальчишка ворвался внутрь. Проклятые монахи. Считали себя собственностью и не могли иметь личных вещей, поэтому решили, что замки на дверях ни к чему.

– Пожалуйста, – начал Каладин. – Я...

– Малец, – ответил Зейхел, поворачиваясь к нему. – В этой комнате живут два человека.

Мальчишка нахмурился, уставившись на единственную кровать.

– Первый, – продолжил Зейхел, – ворчливый мечник, который испытывает слабость к детям, пытающимся прыгнуть выше головы. Он показывается днем. Второй – очень-очень ворчливый мечник, который абсолютно презирает всех и

вся. Он появляется, когда какой-нибудь дурак будит его посреди ночи. Я советую тебе иметь дело с первым, но не со вторым. Понял?

– Понял, – согласился паренек. – Я вернусь.

– Отлично, – ответил Зейхел, устраиваясь на кровати. – И не будь зеленым от земли.

Мальчишка замер около двери.

– Не будь... Что?

«Глупый язык, – подумал Зейхел, забираясь в постель. – Ни одной приличной метафоры».

– Просто измени свое отношение и приходи учиться. Ненавижу выбивать дурь из тех, кто младше меня. В таких случаях я чувствую себя забиякой.

Парень хмыкнул, закрыв дверь. Зейхел натянул одеяло – у проклятых монахов имелось всего лишь одно – и повернулся на другой бок. По привычке он ожидал, что, пока засыпает, в голове будет звучать голос. Конечно же, не произошло ничего подобного.

Не происходило уже многие годы.



Огни, что пылали, но погасли. Жар, который он чувствовал, а другие – нет. Его собственные крики, их никто не слышит. Величайшая попытка, от которой зависит жизнь.

– Он просто смотрит так, ваше величество.

Слова.

– Кажется, он ничего не видит. Иногда бормочет. Иногда кричит. Но все время просто вот так смотрит.

Дар и слова. Не его. Никогда не были его. Теперь его.

– Шторма, напрягает, правда? Я вынужден был проскакать весь путь под этим гнетом, ваше величество. Слушал, как он разглагольствует в задней части повозки полдороги. А потом еще полдороги чувствовал, как он пялится мне в спину.

– А Шут? Ты упомянул его.

– Отправился в путь вместе со мной, ваше величество. Но на второй день заявил, что ему нужен камень.

– Камень...

– Да, ваше величество. Он спрыгнул с повозки и нашел один, затем... э-э-э... стукнул им себя по голове, ваше величество. Прodelал так три или четыре раза. Вернулся в повозку со странной ухмылкой и сказал... э-э-э...

– Что?

– Ну, он сказал, что ему была нужна... э-э-э... я запомнил его слова специально для вас. Он сказал: «Мне была нужна объективная система взглядов, по которой я мог бы оценить опыт нахождения в твоей компании. Где-то на четвертом или пятом ударе я нашел то, что нужно». Не совсем понимаю, что он имел в виду, сэр. Думаю, он надо мной насмеялся.

– Хорошее предположение.

Почему они не кричали? Этот жар! Жар смерти. Смерти и мертвых, мертвых и их разговоров, но не криков о смерти, за исключением смерти, которая не пришла.

– После этого, ваше величество, Шут просто, ну, сбежал. В горы. Как какой-нибудь штормовой рогоед.

– Не пытайся понять Шута, Бордин. Ты только причинишь себе боль.

– Да, светлорд.

– Мне нравится этот Шут.

– Мы в курсе, Элокар.

– Честно говоря, ваше величество, в качестве компании я бы предпочел сумасшедшего.

– Естественно. Если бы людям нравилось находиться в компании Шута, он не был бы Шутом, правда?

Они горели. Стены горели. Пол горел. Все горело внутри места, где невозможно было находиться. Где?

Путешествие. Вода? Колеса?

Огонь. Да, огонь.

– Ты слышишь меня, сумасшедший?

– Элокар, взгляни на него. Сомневаюсь, что он понимает.

– Я Таленел'Элин, Герольд войны.

Голос. Он заговорил. Он не думал о словах. Слова прозвучали, как они звучали всегда.

– Что это было? Говори громче, парень.

– Время Возвращения, Опустошения, почти пришло. Мы должны подготовиться. Вы многое забыли из-за разрушений в прошлом.

– Я могу кое-что разобрать, Элокар. Это алети. Северный диалект. Не то, что ожидаешь услышать от человека с такой темной кожей.

– Откуда у тебя Клинок Осколков, сумасшедший? Скажи мне. Многие Клинки хранятся поколениями, их происхождение и история записаны. Твой совсем никому неизвестен. У кого ты его взял?

– Калак научит обрабатывать бронзу, если вы забыли. Мы напрямую *преобразуем* для вас блоки металла. Я хотел бы научить вас работе со сталью, но *преобразовывать* гораздо быстрее, чем ковать, а вам нужно то, что можно производить быстро. Ваши каменные приспособления не помогут справиться с тем, что надвигается.

– Он сказал что-то про бронзу. И камень?

– Ведел поможет обучить ваших хирургов, а Джебзриен... он научит вас, как вести за собой людей. Так много потеряно между Возвращениями...

– Клинок Осколков! Откуда ты его взял?

– Как ты отделил его, Бордин?

– Никак, светлорд. Он просто его выронил.

– И тот не исчез? Значит, не был связан. Он не мог обладать им долгое время. Его глаза были такого же цвета, когда ты его нашел?

- Да, сэ. Темноглазый мужчина с Клинком Осколков. Станный случай.
- Я буду тренировать ваших солдат. У нас еще есть время. Ишар продолжает рассуждать о том, как не утратить знания между Опустошениями. И вы открыли кое-что неожиданное. Мы это используем. Волноплеты, действующие, как стражи... Рыцари...
- Он говорил все то же самое раньше, ваше величество. Когда он начинает бормотать... э-э-э... он просто повторяется по кругу. Снова и снова. Думаю, даже не знает, что говорит. Выглядит жутко, когда выражение его лица не меняется во время разговора.
- Это диалект алети.
- Похоже, некоторое время он жил где-то в глуши. Да еще отросшие волосы и обломанные ногти. Может быть, деревенский житель потерял своего сумасшедшего отца.
- А Клинок, Элокар?
- Ты же не думаешь, что он принадлежит ему, дядя?
- Надвигающиеся дни будут непростыми, но, подготовившись, человечество выживет. Вы должны привести меня к вашим лидерам. Вскоре к нам присоединятся другие Герольды.
- Теперь я готов поверить во что угодно, ваше величество. Советую отправить его к ардентам. Возможно, они смогут помочь прояснить его разум.
- Что ты будешь делать с Клинком Осколков?
- Уверен, мы найдем ему хорошее применение. Вообще-то, мне прямо сейчас пришла в голову одна идея. Ты мне можешь понадобиться, Бордин.
- Как прикажете, светлорд.
- Думаю... Думаю, я опоздал... в этот раз...
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Сколько же прошло времени?
- Слишком много.



Они ждали, пока вернется Эшонай.

Толпа из нескольких тысяч слушающих собралась на краю плато на окраине Нарака. Рабочие в ловкой форме, солдаты и даже несколько представителей партнерской формы, отвлекшихся от своей жажды наслаждений, надеялись на что-то невиданное. Новая форма, форма силы?

Эшонай шагала к ним, наполненная энергией. Крошечные, практически невидимые красные молнии срывались с ее руки, если она быстро сжимала кулак. Цвет мраморной кожи – почти полностью черный, с легкими вкраплениями красного – не изменился, но на ней больше не было громоздкой брони боевой формы. Ей на смену пришли небольшие выпуклости, выступающие над туго натянутой кожей рук. Она опробовала новую броню на камнях и обнаружила, что та очень прочная.

У Эшонай снова отросли длинные пряди волос. Сколько же времени прошло с тех пор, как они были у нее в последний раз? Что более удивительно, она ощущала себя сконцентрированной. Ее больше не тревожила судьба народа. Она знала, что делать.

Когда Эшонай подошла к краю ущелья, из толпы выступила Венли. Они смотрели друг на друга через пропасть, и Эшонай видела вопрос, застывший на губах сестры.

«Получилось?»

Эшонай перепрыгнула ущелье. Ей не понадобился разгон, который требовался, будь она в боевой форме. Она немного присела и взмыла в воздух. Казалось, что ветер вокруг нее превратился в вихрь. Эшонай перелетела через пропасть и приземлилась среди своего народа. Красные линии силы побежали по ногам, когда она опустилась вниз, смягчив удар от приземления.

Слушающие отпрянули. Такая ясность. Все было предельно ясным.

– Я вернулась из штормов, – проговорила она в ритме похвалы, который также использовался в случаях настоящей удовлетворенности. – Я принесла с собой будущее двух народов. Время наших потерь закончилось.

– Эшонай? – Это был Тьюд в своем длинном плаще. – Эшонай, твои глаза.

– Да?

– Они красные.

– Они представляют то, чем я стала.

– Но в песнях...

– Сестра! – воззвала Эшоной в ритме решимости. – Иди и посмотри, чего ты добилась!

Венли приблизилась, немного побаиваясь.

– Штормовая форма, – прошептала она в ритме благоговения. – Значит, сработало? Ты можешь находиться в шторме, не подвергаясь опасности?

– И не только, – ответила Эшоной. – Ветра мне подчиняются. И, Венли, я чувствую, как что-то... что-то формируется. Шторм.

– Ты чувствуешь шторм прямо сейчас? В ритмах?

– За ритмами, – ответила Эшоной. Как она могла объяснить? Как описать вкус тому, у кого не было рта, образ тому, кто никогда не имел глаз? – Я чувствую, как собирается буря, превосходящая все то, что мы видели. Мощная, яростная буря. Сверхшторм. Если достаточная часть нашего народа перейдет в эту форму, мы сможем его вызвать. Мы подчиним шторма нашей власти и вызовем их на головы врагов.

Среди наблюдающих за Эшоной распространился гудящий ритм благоговения. Они были слушающими, поэтому могли чувствовать ритм, слышать его. Все были созвучны, находились в одном ритме друг с другом. Совершенство.

Эшоной развела руки в стороны и громко заговорила:

– Оставьте позади ваше отчаяние и пойте в ритме радости! Я заглянула в глаза Наездника Штормов и увидела его предательство. Я заглянула в его разум и увидела, что он намеревается помочь людям, а не нам. Но моя сестра нашла спасение! С этой формой мы сможем стать самостоятельными, независимыми и стереть наших врагов с лица земли, как буря уносит листья!

Гудение в ритме благоговения усилилось, некоторые начали петь. Эшоной купалась в лучах славы.

Она намеренно игнорировала голос глубоко внутри себя, который вопил от ужаса.

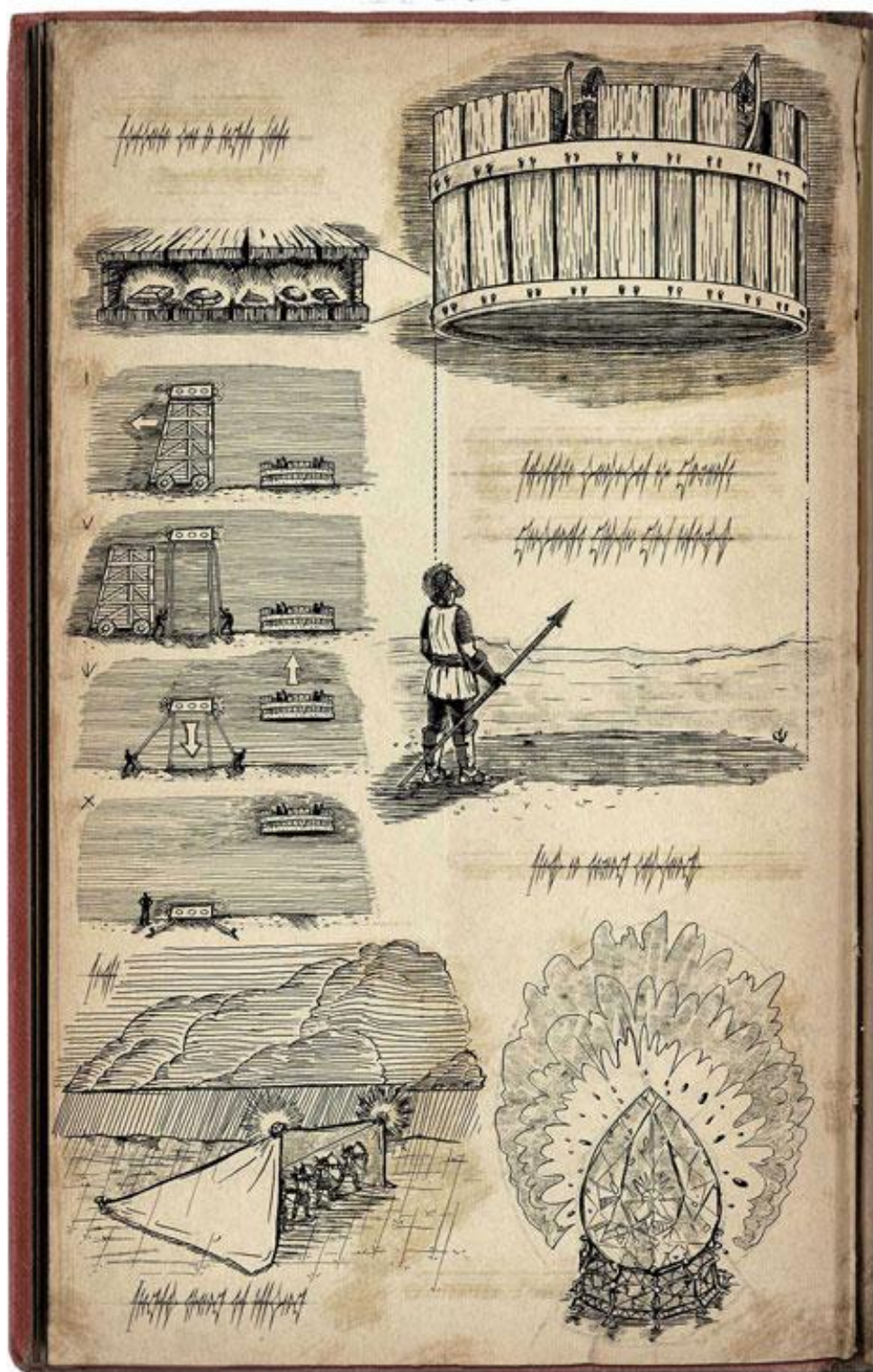


ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

СМЕРТЕЛЬНО

ШАЛЛАН • ҚАЛАДИН • АДОЛИН • НАВАНИ

Дневник Навани: конструкции с фабриалами





Овладев природой всех уз, они дали им имя – связь Нэйхел, учтя влияние на души, оказавшиеся в ее власти. В том описании все ордены оказались объединены с силами, которые заставляют существовать сам Рошар, – десятью волнами, идущими по порядку, по две для каждого ордена. В этом свете можно заметить, что любой орден обязательно разделяет одну волну с каждым из соседей.

«Слова сияния», глава 8, страница 6

Адолин выпустил свой Клинок Осколков.

Владение оружием заключало в себе нечто большее, чем простую практику стоек и усиливающуюся привычку к слишком легкому фехтованию. Хозяин Клинка учился управлять и использовать саму связь. Учился приказывать Клинку оставаться на месте, даже если его выпустили из рук, учился призывать его назад из рук тех, кто мог его поднять. Учился тому, что человек и меч были, в какой-то степени, едины. Оружие становилось частью твоей души.

Адолин умел контролировать свой Клинок таким образом. Обычно. Сегодня же оружие исчезало почти сразу после того, как он выпускал его из пальцев.

Длинное, серебристое лезвие превратилось в белый пар, сохранив свою форму только на краткий миг, как кольцо дыма, и разлетелось облачком переплетающихся белых струй. Адолин зарычал от досады, шагая взад-вперед по плато, и вытянул руку в сторону, чтобы снова призвать оружие. Десять ударов сердца. Временами они казались ему вечностью.

Принц был одет в свои Доспехи без шлема, который он оставил на вершине ближайшего камня, и поэтому волосы свободно развевались на раннем утреннем ветерке. Он нуждался в Доспехах; его левое плечо и бок были сплошным багровым синяком. Голова все еще болела от падения на землю во время атаки убийцы прошлой ночью. Без Доспехов у него не было бы и малой толики сегодняшней подвижности.

Кроме того, Адолину требовалась их сила. Он продолжал посматривать через плечо, ожидая, что там окажется убийца. Юноша не ложился спать всю вчерашнюю ночь, просидев на полу возле комнаты отца, одетый в Доспехи, скрестив руки на коленях и жуя гребнекорник, чтобы не заснуть.

Однажды его подловили без Доспехов. Больше это не повторится.

«И что ты сделаешь? – подумал Адолин, когда его Клинок появился вновь. – Будешь носить их постоянно?»

Такие вопросы задавала рациональная часть его разума. Но сейчас он не хотел быть рациональным.

Адолин стряхнул с Клинка конденсат, а затем крутанулся и с силой метнул оружие, передавая ему мысленную команду не исчезать. И снова меч распался туманом почти сразу после того, как вырвался из пальцев. Клинок не пролетел даже половины расстояния до груды камней, в которую целился принц.

Что с ним не так? Он овладел мысленными командами для Клинка много лет назад. Правда, Адолин не часто практиковался в метании своего меча – подобные вещи были запрещены на дуэлях, и он никогда бы не подумал, что ему понадобится использовать такой трюк. Это было до того, как он оказался в ловушке на потолке коридора, неспособный толком поразить убийцу.

Адолин подошел к краю плато, уставившись на пересеченную местность Разрушенных равнин. Группа из трех охранников наблюдала за ним неподалеку. Смехотворно. Что сделают три мостовика, если Убийца в Белом вернется?

«Каладин кое-чего стоил в атаке, – подумал Адолин. – По крайней мере, больше, чем ты».

Этот парень действовал подозрительно успешно.

Ренарин говорил, что Адолин несправедливо относится к капитану мостовиков, но с этим человеком что-то не в порядке. Необычность выражалась не в его отношении – Каладин всегда держал себя так, что казалось, будто он разговаривает с тобой, словно делает одолжение. Он всегда был мрачно настроен по отношению ко всему, зол на весь мир. Неприятный человек, но Адолин знал многих неприятных людей.

Каладин был еще и странным. Но Адолин не мог объяснить, в чем дело.

Что ж, все-таки люди Каладина просто выполняли свой долг. Не имело смысла срывать на них, поэтому он одарил охранников улыбкой.

Клинок Осколков снова скользнул Адолину в руку, слишком легкий для своего размера. Принц всегда чувствовал некую силу, когда держал его. Никогда раньше Адолин не ощущал себя беспомощным в Осколках. Даже когда был окружен паршенди, даже когда определенно должен был умереть, он все равно чувствовал силу.

Куда подевалось это ощущение теперь?

Он развернулся и метнул оружие, сосредотачиваясь, как учил его Зейхел годы назад, посылая четкую команду Клинку – представляя, что он хотел, чтобы тот сделал. Не исчезая, Клинок полетел вперед, поблескивая и вращаясь в воздухе, а затем воткнулся по рукоять в один из камней. Адолин выпустил из легких задержанный воздух. Наконец-то. Он отпустил Клинок, и тот превратился в туман, который вытек подобно крошечной реке из оставленного отверстия.

– Идем, – сказал он своим телохранителям, подобрав шлем, и направился к военному лагерю.

Как и следовало ожидать, край кратера, образующий лагерную стену, был больше всего выветрен здесь, с восточной стороны. Лагерь расположился так, будто расплескалось содержимое разбитого яйца черепахи, и спустя годы даже начал сползать вниз, на ближайшие плато.

Из этого оползня цивилизации появилась довольно странная процессия. Община ардентов, одетых в мантии, пела в унисон. Их окружали паршмены, которые несли большие шесты, направленные вертикально вверх, как копья. Между шестами мерцала шелковая ткань, добрых сорока футов шириной, слегка колеблясь на ветру и скрывая что-то в центре.

«Преобразователи?»

Но они обычно не выходили днем.

– Ждите здесь, – сказал Адолин телохранителям и побежал к ардентам.

Трое мостовиков повиновались. Если бы с ними был Каладин, он бы настоял на том, чтобы последовать за Адолином. Может быть, парень действовал, исходя из своей странной должности. Почему отец поставил темноглазого солдата вне командной структуры? Адолин относился ко всем людям с уважением и честью, независимо от цвета глаз, но Всемогущий поставил некоторых во главе, а других – им в подчинение. Просто таков естественный порядок вещей.

Паршмены, несущие шести, проследили, как приближается Адолин, а затем опустили взгляды к земле. Ближайшие арденты позволили принцу пройти, хотя выглядели встревоженно. Адолину разрешалось встречаться с преобразователями, но его визиты не поощрялись.

Внутри временной шелковой комнаты Адолин обнаружил Кадаша – одного из главных ардентов Далинара. Высокий мужчина когда-то был солдатом, о чем свидетельствовали шрамы на его голове. Он разговаривал с ардентами в кроваво-красных мантиях.

Преобразователи. Этим словом обозначали и людей, которые практиковали искусство, и фабриалы, которые они использовали. Кадаш к ним не относился. Он носил стандартные серые одеяния вместо красных, его голова была выбрита, на лице выделялась квадратная бородка. Кадаш заметил Адолина и после мгновенного колебания склонил голову в приветствии. Как и все арденты, Кадаш формально являлся рабом.

Внутри находилось пятеро преобразователей. Каждый стоял, прижав правую руку к груди, демонстрируя искрящийся фабриал на тыльной стороне ладони. Один из ардентов взглянула на Адолина. Отец Штормов! Его взгляд казался не совсем человеческим, уже нет. Длительное применение фабриала изменило глаза ардента, и они сверкали, словно сами были драгоценными камнями. Кожа женщины затвердела и стала похожей на камень, гладкая, с мелкими трещинками. Как будто человек превратился в живую статую.

Кадаш поспешил к Адолину.

– Светлорд, – сказал он. – Мне не сообщили, что вы придете с проверкой.

– Я пришел не с проверкой, – ответил Адолин, с неловкостью взглянув на преобразователей. – Просто удивлен. Разве вы обычно не занимаетесь своими делами ночью?

– Мы больше не можем себе этого позволить, светлорд, – проговорил Кадаш. – Слишком много запросов на преобразователи. Здания, пища, удаление отходов... Чтобы удовлетворить их все, нам потребуется начать обучение нескольких ардентов для каждого фабриала, а затем запустить их в работу в несколько смен. Ваш отец одобрил такой подход в начале недели.

Его слова привлекли взгляды нескольких ардентов в красных мантиях. Что они думали об обучении других людей на своих фабриалах? Практически чужеродные выражения лиц казались непроницаемыми.

– Ясно, – сказал Адолин.

«Шторма, мы слишком сильно полагаемся на эти штуки».

Все говорили о Клинках Осколков и Доспехах Осколков и их преимуществах в войне. Но, честно говоря, именно странные фабриалы – и зерно, которое они создавали, – позволяли войне проходить так, как она проходила.

– Можем ли мы продолжать, светлорд? – спросил Кадаш.

Адолин кивнул, и Кадаш отошел к пятерым ардентам, отдав несколько кратких команд. Он говорил быстро и нервно. Было странно видеть обычно спокойного и невозмутимого Кадаша таким. Преобразователи на всех оказывали подобное влияние.

Пятеро ардентов начали говорить нараспев, созвучно с поющими ардентами снаружи. Они шагнули вперед и подняли руки в одну линию. Адолин обнаружил, что его лицо, внезапно покрывшееся потом, обдувается холодным ветром, которому удалось пробраться сквозь шелковые стены.

Сначала ничего не происходило. Затем появился камень.

Адолину показалось, что он уловил тот краткий миг, когда туман начал сливаться в нечто более плотное – как в момент появления Клинка Осколков – и возникла массивная стена. Ветер подул внутрь, будто втягиваясь в только что материализовавшийся камень, заставив ткань яростно захлопать и затрепетать. Почему ветер дул внутрь? Не должен ли он был устремиться наружу, вытесненный камнем?

Большая стена примкнула к ткани с каждой стороны и поднялась высоко в воздух, шелковые ширмы выпятились наружу.

– Нам нужны шесты повыше, – проворчал сам себе Кадаш.

Каменная стена имела такой же утилитарный вид, как и бараки, но другой формы. Вертикальная со стороны лагеря и наклонная, похожая на клин, с другого бока. Адолин узнал в ней приспособление, производство которого отец собирался начать уже несколько месяцев.

– Ветролом! – воскликнул Адолин. – Это чудесно, Кадаш.

– Да, что ж, вашему отцу, видимо, понравилось предложение. Еще несколько десятков таких ветроломов, и строительные площадки можно расширить на все плато, не опасаясь сверхштормов.

Утверждение было не совсем верным. Никогда не следовало забывать о сверхштормах, поскольку они могли вырывать и швырять валуны, а также дуть с такой силой, что постройки сносило с фундаментов. Но хороший крепкий ветролом станет благословением Всемогущего здесь, в краях, подвластных штормам.

Преобразователи отступили, не разговаривая с другими ардентами. Паршмены бросились догонять преобразователей. Те, кто находился с этой стороны стены, обежали ее с шелком, открыв дальний конец комнаты, чтобы позволить новому ветролому выскользнуть из ограждения. Они миновали Адолина и Кадаша, оставив их стоять на плато в тени большой, новой каменной конструкции.

Шелковая стена вернулась на место, скрыв преобразователей. Непосредственно перед этим Адолин заметил одну из рук преобразователя. Фабриал перестал сиять. Вероятно, один или несколько драгоценных камней в нем раскололись.

– Я все еще нахожу подобные вещи невероятными, – сказал Кадаш, глядя на каменный барьер. – Даже после всех этих лет. Если мы нуждались в доказательстве воли Всемогущего в нашей жизни, то оно определено перед нами.

Вокруг него закружились несколько золотистых спренов славы.

– Сияющие могли *преобразовывать*, верно? – спросил Адолин.

– Согласно записям, могли, – осторожно уточнил Кадаш.

Измена – термин, с помощью которого обозначали предательство Сияющими человечества – часто воспринималась в качестве провала воринизма как религии. Еще более постыдными были методы, которыми в последующие столетия церковь пыталась захватить власть.

– Что еще могли делать Сияющие? – поинтересовался Адолин. – Они ведь обладали разными странными способностями?

– Я не особенно много читал про них, светлорд, – ответил Кадаш. – Возможно, мне следует уделить больше времени изучению вопроса хотя бы для того, чтобы помнить о грехе гордыни. Я обязательно займусь этим, светлорд,

чтобы сохранить верность и напомнить себе о надлежащем положении всех ардентов.

– Кадаш, – сказал Адолин, наблюдая, как удаляется процессия, поблескивающая шелком. – Прямо сейчас мне нужна информация, а не смирение. Убийца в Белом вернулся.

Кадаш ахнул.

– Тревога во дворце прошлой ночью? Слухи верны?

– Да.

Было бесполезно скрывать случившееся. Его отец и король рассказали кронпринцам и планировали, каким образом представить информацию всем остальным.

Адолин встретился взглядом с ардентом.

– Тот убийца ходил по стенам, как будто притяжение земли на него не действовало. Он упал с высоты в сотню футов без повреждений. Он походил на Несущего Пустоту, смерть, обретшую форму. И я спрашиваю тебя снова. Что могли делать Сияющие? Были ли у них подобные способности?

– Да, и они ограничивались не только ими, светлорд, – прошептал Кадаш, сильно побледнев. – Я говорил с некоторыми солдатами, пережившими ту первую ужасную ночь, когда убили старого короля. Я думал, их рассказы об увиденном лишь следствия травмы...

– Мне нужно знать, – сказал Адолин. – Изучи этот вопрос. Прочти книги. Скажи мне, на что способно то существо. Мы должны знать, как с ним бороться. Он вернется.

– Хорошо, – ответил Кадаш, которого заметно трясло. – Но... Адолин? Если то, что вы сказали, правда... Штурма! Тогда, возможно, Сияющие не умерли.

– Я знаю.

– Храни нас Всемогущий, – прошептал Кадаш.

Навани Холин любила военные лагеря. В обычных городах все так беспорядочно. Магазины, налепленные слишком тесно, улицы, которые отказывались быть прямыми.

Военные же, как мужчины, так и женщины, ценили порядок и рациональность, по крайней мере, лучшие из них. Лагеря отражали эти свойства. Казармы были выстроены аккуратными рядами, магазины ограничивались рынками, а не выскакивали на каждом углу. Со своего пункта наблюдения на вершине смотровой башни она видела большую часть лагеря Далинара. Все так аккуратно, так продумано.

Такова отличительная черта человечества – взять дикий, неорганизованный мир и превратить его во что-то логичное. Можно добиться гораздо большего, когда все на своем месте, когда легко найти нужную вещь или человека. Того же самого требовало творчество.

Тщательное планирование на самом деле являлось водой, орошающей нововведения.

Навани глубоко вздохнула и повернулась к инженерной площадке, которая возвышалась в восточной части военного лагеря Далинара.

– Ну что! – крикнула она. – Давайте попробуем!

Сегодняшнее испытание было запланировано задолго до атаки убийцы, и она решила продолжить. Что еще ей оставалось делать? Сидеть и волноваться?

Земля внизу загудела от кипучей деятельности. Наблюдательная платформа возвышалась примерно на двадцать пять футов и давала хороший обзор инженерной площадки. Вокруг толпились с десятков различных ардентов и ученых, и даже Матаин с несколькими другими штурмстражами. Она все еще не

знала, что думать об этих людях – они проводили слишком много времени, рассуждая о нумерологии и изучая ветра. Они называли свое занятие наукой в попытке не подпасть под запреты воринизма касательно предсказаний будущего.

Время от времени штормстражи излагали что-то полезное и мудрое. Навани пригласила их именно по этой причине – и еще потому, что хотела за ними присматривать.

Объектом ее внимания и предметом сегодняшних испытаний стала большая круглая платформа в центре инженерного двора. Деревянное сооружение напоминало вершину осадной башни, которую отрезали и положили на землю. Ее опоясывали зубцы, и за ними были установлены чучела, похожие на те, что использовали солдаты во время тренировки в стрельбе из лука. Рядом с лежащей на земле платформой выстроили высокую деревянную башню с сеткой лесов по бокам. Работники поспешили к ней, чтобы проверить, все ли работало так, как надо.

– Вам действительно нужно прочесть это, Навани, – сказала Рушу, глядя вверх отчета.

Молодая женщина служила ардентом, и у нее не было никакого права иметь такие пышные ресницы и тонкие черты лица. Рушу стала ардентом, чтобы избежать ухаживания мужчин. Глупый выбор, судя по тому, что мужчины-арденты всегда стремились работать именно с ней. К счастью, она обладала блестящим умом. А Навани всегда могла найти применение блестящему уму.

– Прочту позже, – ответила мать короля немного ворчливым тоном. – Сейчас нам есть чем заняться, Рушу.

– ...изменялись, даже если он был в другой комнате, – пробормотала Рушу, перелистнув страницу. – Повторяемо и измеримо. Пока только спрены огня, но очень велик потенциал других применений...

– Рушу, – сказала Навани, на этот раз чуть более жестко. – Как насчет испытания?

– О! Простите, ваша светлость. – Женщина засунула сложенные страницы в карман мантии и, нахмурившись, прошла рукой по бритой голове. – Навани, вы не задумывались, почему Всемогущий одарил бородами мужчин, но не женщин? Если уж на то пошло, почему мы считаем длинные волосы признаком женственности? Разве обилие волос – не мужская черта? Знаете, у многих из них довольно много волос.

– Сосредоточься, дитя, – проговорила Навани. – Я хочу, чтобы ты наблюдала за ходом испытания.

Она повернулась к остальным.

– Это касается всех вас. Если та штука снова упадет на землю, я не хочу потерять еще неделю, пытаясь выяснить, что пошло наперекосяк!

Остальные кивнули, и Навани обнаружила, что ее возбуждение нарастает, а остатки напряжения от ночной атаки наконец сходят на нет. Мысленно она прошла по протоколу испытания. Люди выведены за пределы опасной зоны... Арденты на нескольких платформах неподалеку, наблюдающие с перьями и бумагой, готовы записывать... Камни заряжены...

Все было подготовлено и проверено три раза. Она шагнула к передней части платформы, крепко схватилась за перила и свободной рукой, и безопасной рукой в перчатке, а затем поблагодарила Всемогущего за возможность отвлечься на интересный проект по фабриалам. Сначала она использовала его, чтобы переключиться с мыслью о Джасне, хотя в конце концов поняла, что с Джасной все будет в порядке. Правда, отчеты в один голос сообщали, что судно пропало без вести со всем экипажем, но не в первый раз на дочь Навани обрушивались предполагаемые бедствия. Джасна играла с опасностью, словно ребенок, забавляющийся с пойманным крэмлингом, и всегда преодолевала все трудности.

Впрочем, убийца вернулся... О Отец Штурмов. Если он заберет Далинара так же, как и Гавилара...

– Подайте сигнал, – сказала она ардентам. – Мы уже перепроверили все, что можно.

Арденты кивнули и через самоперо отправили распоряжение работникам внизу. Навани с раздражением отметила, что на инженерную площадку забрела фигура в синих Доспехах Осколков со шлемом под мышкой, с беспорядочной копной белокурых волос с черными прядями. Охранники должны были удерживать людей снаружи, но такие запреты не касались наследника кронпринца. Что ж, Адолин должен знать, что нужно держаться подальше. Она надеялась, что он знал.

Навани обернулась к деревянной башне. Арденты, стоящие наверху, активировали фабрикалы и теперь спускались по боковым лестницам, по мере продвижения отцепляя замки. Рабочие аккуратно развели в стороны установленные на роликах опоры. Только они удерживали вершину башни на месте. Без них она бы упала.

Однако вершина платформы осталась там, где была – подвешенная в воздухе невероятным образом. Навани затаила дыхание. Единственное, что связывало платформу с землей, – система из двух шкивов и веревок, но они не обеспечивали никакой опоры. Деревянный квадрат из толстых досок теперь висел в воздухе совершенно без поддержки.

Арденты вокруг взволнованно забормотали. Теперь наступило время для настоящего испытания. Навани подала знак рукой, и мужчины внизу начали крутить рукояти на шкивах, притягивая парящую деревянную конструкцию к земле. Находящийся поблизости парапет с лучниками задрожал, закачался и начал подниматься в воздух, двигаясь точно в соответствии с деревянным квадратом, но в обратном направлении.

– Работает! – воскликнула Рушу.

– Мне не нравятся колебания, – заметил Фалилар. Престарелый ардент-инженер почесал бороду. – Подъем должен быть более плавным.

– Она не падает, – ответила Навани. – Я буду довольствоваться хотя бы этим.

– Ветер свидетель, хотела бы я оказаться там, – сказала Рушу, поднимая подзорную трубу. – Не видно никакого блеска от драгоценных камней. Что, если они треснули?

– Рано или поздно мы об этом узнаем, – ответила Навани, хотя на самом деле она сама была бы не против оказаться на вершине поднимающегося парапета.

С Далинаром случился бы сердечный приступ, узнай он, на что она решилась. Этот человек был ей дорог, но слегка перебарщивал с опекой. Если можно сказать про сверхшторм, что он слегка ветреный.

Парапет покачивался, поднимаясь в воздух. Казалось, что его тянут наверх, хотя не было никакой поддержки. Наконец он достиг высшей точки. Квадрат из дерева, который раньше висел в воздухе, теперь оказался крепко привязан внизу, у земли. Вместо него в воздухе висела круглая, слегка перекосившаяся конструкция.

Парапет не падал.

Адолин протопал по лестнице на смотровую платформу Навани, грохоча и сотрясая все сооружение своими Доспехами Осколков. К тому времени, когда он достиг верха, остальные ученые болтали между собой и энергично записывали наблюдения. Вокруг них появились спрены логики в форме крошечных штормовых туч.

Заработало. Наконец-то.

– Эй, – проговорил Адолин. – Та платформа летает?
– И ты, дорогой, только сейчас это заметил? – спросила Навани.

Он почесал голову.

– Я отвлекся, тетя. Ха. Действительно... действительно странно.

Он казался обеспокоенным.

– В чем дело? – спросила у него Навани.

– Это, это как...

Он. Убийца, который мог, по словам как Адолина, так и Далинара каким-то образом манипулировать спренами гравитации.

Навани посмотрела на ученых.

– Почему бы вам всем не спуститься вниз и не заставить их опустить платформу? Вы можете проверить драгоценные камни и убедиться, все ли целы.

Остальные восприняли ее слова как предложение удалиться и возбужденной вереницей направились вниз по ступенькам, но Рушу, дорогая Рушу, осталась.

– О-о! – воскликнула женщина. – Лучше бы смотреть отсюда, в случае...

– Я хочу поговорить с племянником. Наедине, если можно.

Иногда, работая с учеными, приходилось проявлять небольшую грубость.

Рушу наконец покраснела, слегка поклонилась и поспешно удалилась. Адолин подошел к ограждению. Было трудно не чувствовать себя карликом рядом с человеком, носящим Доспехи, и когда племянник потянулся, чтобы ухватиться за ограждение, Навани показалось, что она услышала, как дерево застонало от силы захвата. Он мог сломать эту ограду в мгновение ока.

«Я выясню, что еще можно сделать», – подумала она.

Хотя Навани не была воином, возможно, она могла кое-что придумать, чтобы защитить свою семью. Чем больше она понимала тайны технологий и возможности спренов, запертых в драгоценных камнях, тем сильнее приближалась цель ее поисков.

Адолин смотрел на ее руку. О, так вот что он все-таки заметил.

– Тетя? – спросил он напряженным голосом. – Перчатка?

– Так гораздо удобнее, – ответила Навани, подняв безопасную руку и пошевелив пальцами. – О, не смотри так. Темноглазые женщины носят их постоянно.

– Ты не темноглазая.

– Я вдова короля. Никому нет дела, что, во имя Бездны, я делаю. Я могу разгуливать полностью обнаженной, и они все просто будут качать головами и говорить, насколько я эксцентрична.

Адолин вздохнул, но оставил тему и кивнул в сторону платформы.

– Как вам удалось?

– Сопряженные фабриалы, – ответила Навани. – Трюк заключается в том, чтобы преодолеть структурную слабость драгоценных камней, которые легко поддаются суммарной нагрузке расхода штормсвета и физического напряжения. Мы...

Она замолкла, заметив стекленеющие глаза Адолина. Он был умным молодым человеком, когда дело касалось большинства социальных взаимодействий, но в нем не ощущалось и намека на склонность к науке. Навани улыбнулась, переключаясь на термины неспециалиста.

– Если расколоть драгоценный камень фабриала определенным образом, – объяснила она, – то можно связать два отдельных предмета так, что они будут имитировать движения друг друга. Помнишь самоперо?

– Ага, точно, – ответил Адолин.

– Так вот, – продолжила Навани, – мы можем сделать две половинки, которые будут перемещаться в противоположных направлениях друг

относительно друга. Мы заполнили поверхность того парапета такими драгоценными камнями и поместили их вторые половины в деревянный квадрат. Как только мы используем их все – а они копируют действия друг друга противоположным образом – сможем переместить одну платформу вниз и заставить другую двигаться вверх.

– Угу, – сказал Адолин. – А как это использовать в бою?

Конечно же, то же самое спросил Далинар, когда она рассказала ему о новой концепции.

– Сейчас основная проблема – расстояние. Чем дальше пары находятся друг от друга, тем слабее их взаимодействие, и поэтому камни быстрее раскалываются. С чем-то легким, таким, как самоперо, это незаметно, но когда работаешь с большими массами... Что ж, вероятно, мы сможем заставить их работать на Разрушенных равнинах. Именно в этом сейчас состоит наша цель. Ты мог бы прикатить туда одну из платформ, затем активировать ее и сообщить нам через самоперо. Мы здесь потянем платформу вниз, и твои лучники поднимутся на пятьдесят футов, получив прекрасную позицию для стрельбы.

Ее слова, судя по всему, наконец взволновали Адолина.

– Враг будет не в состоянии свалить платформу или подняться на нее! Отец Штормов, это же тактическое преимущество!

– Абсолютно точно.

– Ты, похоже, не в восторге.

– Я в восторге, милый, – ответила Навани. – Но это не самая амбициозная идея для подобной технологии. Ни при слабом ветре, ни при штормовом.

Адолин неодобрительно взглянул на нее.

– Сейчас все очень сложно и умозрительно, – сказала Навани с улыбкой. – Но просто подожди. Когда ты увидишь, что замышляют арденты...

– Не ты? – спросил Адолин.

– Я их покровитель, дорогой, – проговорила женщина, похлопав его по руке. – У меня нет времени вычерчивать диаграммы и проводить вычисления, даже если бы я могла справиться с такой задачей.

Она посмотрела на собравшихся внизу ардентов и женщин-ученых, изучавших пол парапета платформы.

– Они меня терпят.

– Наверняка, ты преувеличиваешь.

Возможно, в другой жизни все могло сложиться по-другому. Навани была уверена, что некоторые из них видели в ней коллегу. Многие, однако, просто рассматривали ее как женщину, которая их финансировала, чтобы в ее распоряжение поступали новые фабрикалы, которыми можно хвастаться на приемах. Наверное, она действительно просто такая женщина. Должно же быть какое-то хобби у светлоглазой леди с высоким социальным положением, не так ли?

– Полагаю, ты пришел, чтобы сопроводить меня на совет?

Кронпринцы, обеспокоенные атакой убийцы, потребовали сегодня встречи с Элокаром.

Кивнув, Адолин вздрогнул и взглянул через плечо, когда услышал шум. Он инстинктивно шагнул таким образом, чтобы оказаться между Навани и возможной угрозой. Шум, однако, производили всего лишь несколько работников, взявшихся за боковую часть одного из массивных катящихся мостов Далинара. Площадку использовали в основном именно для них; Навани просто присвоила себе уголок на время испытания.

Она протянула ему руку.

– Ты неисправим, как и твой отец.

– Возможно, что так, – ответил он, принимая ее руку.

Эта его покрытая металлом кисть, наверное, заставила бы некоторых женщин почувствовать дискомфорт, но Навани общалась с людьми в Доспехах гораздо, гораздо чаще, чем большинство.

Они начали вместе спускаться по широким ступеням.

– Тетя, – сказал Адолин. – Делала ли ты что-нибудь чтобы, э-э, поощрять ухаживания моего отца? Между вами двумя, я имею в виду.

Для мальчика, который провел половину жизни, флиртуя с каждым, кто носил платье, он, конечно же, слишком сильно покраснел при этих словах.

– Поощрять его? – переспросила Навани. – Я сделала гораздо больше, дитя. Мне пришлось практически соблазнить его. Твой отец, несомненно, упрям.

– Не заметил, – ответил Адолин сухо. – Ты понимаешь, насколько осложнила его положение? Он пытается вынудить других кронпринцев следовать Кодексу, используя социальные ограничения чести, а сам, по сути, игнорирует что-то подобное.

– Надоедливая традиция.

– Ты, кажется, спокойно игнорируешь те из них, которые считаешь надоедливыми, но ожидаешь, что мы будем следовать всем остальным.

– Разумеется – улыбнулась Навани. – Ты понял только теперь?

Адолин помрачнел.

– Не дуйся, – добавила она. – На данный момент ты не связан помолвкой, поскольку Джасна, очевидно, решила где-то попутешествовать. У меня не будет шанса тебя женить по крайней мере до тех пор, пока она не появится снова. Зная ее, это может случиться завтра или месяцы спустя.

– Я не дуюсь, – ответил Адолин.

– Конечно же, нет, – согласилась Навани, похлопав его по бронированной руке, когда они дошли до подножия лестницы. – Идем во дворец. Не знаю, сможет ли твой отец задержать ради нас совет, если мы опоздаем.



И когда о них заговорил простой народ, Расцепители утверждали, что о них неверно судили из-за ужасной природы их власти; и когда они общались с остальными, всегда очень жестко требовали не использовать другие эпитеты, особенно «Приносящие Прах», нередко употребляемое в обычной речи, в частности из-за созвучия с «Несущими Пустоту». Они также проявляли гнев относительно больших предрассудков по этому поводу, хотя многие из тех, кто говорил подобные вещи, почти не видели разницы между двумя сообществами.

«Слова сияния», глава 17, страница 11

Шаллан проснулась новой женщиной.

Она не до конца понимала, кто эта женщина, но знала, кем она не была. Шаллан больше не была той запуганной девочкой, которая пережила шторма в расколоте семье. Она не была той наивной девушкой, которая пыталась обворовать Джасну Холин. Она не была той женщиной, которую обманул Кабзал, а затем Тин.

Тем не менее это не означало, что она не запугана или не наивна. В Шаллан оставалось и то, и другое. Но она слишком устала. Устала ходить кругами, устала пребывать в заблуждении, устала оставаться в стороне от происходящего. Во время путешествия с Твлаквом она притворялась, что может руководить и брать на себя ответственность. Шаллан больше не чувствовала необходимости притворяться.

Она встала на колени перед одним из сундуков Тин, который не позволила взломать, чтобы открыть. Шаллан хотелось забрать несколько сундуков для хранения одежды, но, обыскав палатку, она не нашла подходящего ключа.

– Узор, – сказала она. – Можешь заглянуть внутрь этого сундука? Протиснуться в замочную скважину?

– М-м-м-м...

Узор переместился на крышку сундука, затем сжался до размера ногтя ее большого пальца. Он легко проник внутрь. Она услышала его голос из сундука:

– Темно.

– Вот незадача! – воскликнула Шаллан, выуживая сферу и поднося ее к замочной скважине. – Это поможет?

– Я вижу структуру, – сказал он.

– Структуру? Какую еще...

Щелчок.

Шаллан вздрогнула, а затем попробовала поднять крышку сундука. Узор счастливо гудел внутри.

– Ты его отпер.

– Структура, – ответил он счастливым голосом.

– Ты можешь двигать предметы?

– Немножко двигать туда-сюда, – произнес Узор. – Очень мало силы на этой стороне. М-м-м...

В сундуке находилась одежда и мешочек со сферами в черной суконной сумке. И то, и другое очень пригодится. Шаллан порылась внутри и нашла платье современного покроя с красивой вышивкой. Конечно, оно требовалось Тин, когда она притворялась, что имеет высокий статус. Шаллан надела его, обнаружила, что оно свободно в груди, но в остальном подходит, и занялась перед зеркалом лицом и волосами, используя косметику и расческу умершей женщины.

Когда она вышла тем утром из палатки, то первый раз за долгое время почувствовала себя настоящей светлоглазой женщиной. Очень кстати, ведь сегодня она наконец доберется до Разрушенных равнин. И, как она надеялась, до своей судьбы.

Шаллан вышла на утренний свет. Ее люди вместе с караванными паршменами сворачивали лагерь. После смерти охранников Тин единственная вооруженная сила в лагере принадлежала Шаллан.

Ватах присоединился к ней и зашагал рядом.

– Прошлой ночью мы сожгли тела, как вы приказали, ваша светлость. И сегодня утром, пока вы собирались, нас остановил еще один охранный патруль. Очевидно, они хотели, чтобы мы знали, что они намерены поддерживать мир. Если кто-нибудь встанет здесь на привал и найдет кости Тин и ее солдат в пепле, могут появиться вопросы. Я не знаю, будут ли караванчики хранить ваши секреты, если их начнут спрашивать.

– Спасибо, – ответила Шаллан. – Скажи кому-нибудь одному собрать кости в мешок. Я о них позабочусь.

Она в самом деле только что сказала это?

Ватах коротко кивнул, как будто ожидал такой ответ.

– Некоторые чувствуют себя неуютно теперь, когда мы так близко от военных лагерей.

– Ты все еще думаешь, что я неспособна сдержать данные им обещания?

Он искренне улыбнулся.

– Нет. Думаю, вы меня как следует убедили, ваша светлость.

– И это значит?

– Я их успокою, – сказал он.

– Превосходно.

Они разошлись, и Шаллан отправилась на поиски Макоба. Когда она нашла его, бородатый пожилой торгмастер каравана поклонился ей с большим уважением, чем выказывал когда-либо прежде. Он уже прослышал о Клинке Осколков.

– Мне понадобится один из ваших людей, чтобы сбегать вниз в военный лагерь и найти мне паланкин, – сказала Шаллан. – Послать кого-то из моих солдат сейчас невозможно.

Она не могла ими рисковать. Их могли узнать и посадить в тюрьму.

– Конечно, – строго ответил Макоб. – Оплата этой услуги... Шаллан бросила на него пронзительный взгляд.

– ...будет произведена из моего собственного кошелька в качестве благодарности за наше безопасное прибытие.

Он сделал странное ударение на слове «безопасное», как если бы оно было чем-то спорным в его изречении.

– А плата за ваше благоразумие? – спросила Шаллан.

– В моем благоразумии вы всегда можете быть уверены, ваша светлость, – сказал мужчина. – И мой язык не доставит вам никаких проблем.

Достаточно откровенно.

Он забрался в свою повозку.

– Один из моих людей сбегает вперед, и мы придем за вами паланкин. На этом я предлагаю попрощаться. Надеюсь, ваша светлость, вас не оскорбит, если я скажу, что рассчитываю больше никогда вас не встретить.

– Наши взгляды в этом отношении совпадают.

Он кивнул ей и ударил чуллу. Повозка покатила прочь.

– Я подслушал их прошлой ночью, – произнес Узор жужжащим взволнованным голосом со спины ее платья. – Небытие действительно такая занимательная концепция для людей?

– Они говорили о смерти, так? – спросила Шаллан.

– Они не переставали задаваться вопросом, «не придет ли она за нами». Я понимаю, что небытие – совсем не то, чего ждут с нетерпением, но они говорили, и говорили, и говорили о нем. В самом деле занимательно.

– Хорошо, держи ушки на макушке, Узор. Подозреваю, что сегодняшний день будет становиться все более интересным.

Она пошла обратно в палатку.

– Но у меня нет ушей, – ответил он. – Ах да. Метафора? Такая изысканная ложь. Я запомню эту идиому.

Военные лагеря алетии превзошли все ожидания Шаллан. Ряд из десяти компактных городов, от каждого из которых поднимался вверх дым тысяч костров. Вереницы караванов, направляющиеся внутрь и выходящие наружу, пересекающие внешние края кратеров, которые образовывали стены. Над каждым лагерем развевались сотни знамен, возвещающих о присутствии высокопоставленных светлоглазых.

Пока ее несли в паланкине вниз по склону, Шаллан искренне поразились численности населения. Отец Штурмов! Когда-то она считала, что местная ярмарка на землях ее отца собирала много народу. Сколько же ртов нужно кормить там, внизу? Сколько воды от каждого свержшторма им требуется?

Ее паланкин покачивался. Она оставила повозку позади; чуллы принадлежали Макобу. Нужно попробовать продать повозку, если та окажется на месте, когда позже Шаллан придет за ней своих людей. Теперь она сидела в паланкине, который несли паршмены под присмотром светлоглазого мужчины. Он был их хозяином и сдавал средство передвижения внаем. Этот человек ушел далеко вперед. Ее не покидало ощущение иронии от того, что, вступая в военный лагерь, она перемещается на спинах Несущих Пустоту.

Следом за паланкином шагали Ватах и ее восемнадцать охранников, за ними пятеро рабов, несущих сундуки. Она выдала им одежду и обувь, купленную у торговцев, но даже новые наряды не могли скрыть месяцы рабства. Солдаты выглядели не намного лучше. Их униформа подвергалась чистке только во время свержшторма, но это больше походило на замачивание, чем на стирку.

Доносящийся от них время от времени запах был причиной, по которой Шаллан заставила их маршировать позади паланкина.

Она надеялась, что с ней дело обстоит лучше. У нее были духи Тин, но знать алету предпочитала частые купания и аромат чистоты – часть мудрости Герольдов.

«Искупайся с приходящим сверхштормом – и слуга, и светлорд – чтобы защититься от спренов гниения и очистить тело».

Шаллан сделала все возможное с помощью нескольких ведер воды, но не могла позволить себе роскошь остановиться и подготовиться более тщательно. Ей требовалось получить покровительство кронпринца и поскорее. Теперь, когда Шаллан прибыла в лагерь, ее заново сразила грандиозность поставленных задач. Обнаружить то, что Джасна искала на Разрушенных равнинах. Использовать эту информацию, чтобы убедить руководство алету принять меры против паршменов. Заняться людьми, с которыми хотела встретиться Тин и... Что дальше? Как-то их одурачить? Выяснить, что они знают об Уритиру, отвлечь внимание от ее братьев и, возможно, найти способ призвать их к ответу за то, что они сделали с Джасной?

Так много необходимо сделать. Ей понадобятся средства. Далинар Холин был ее лучшей надеждой.

– Но примет ли он меня? – прошептала Шаллан.

– М-м-м-м? – вопросительно прогудел Узор с соседнего сиденья.

– Он нужен мне как покровитель. Если источники Тин в курсе, что Джасна мертва, тогда, вероятно, это также известно и Далинару. Как он отреагирует на мое неожиданное прибытие? Заберет ее книги, погладит по голове и отошлет обратно в Джа Кевед? Дому Холин не нужны связи с незначительной веденкой вроде меня. И я... я просто думаю вслух, с чего бы?

– М-м-м-м, – прогудел Узор. Он звучал сонно, хотя Шаллан не знала, могут ли спрены уставать.

Ее тревога возрастала по мере приближения процессии к военному лагерю. Тин была непреклонна относительно того, что Шаллан не должна просить покровительства Далинара, так как станет ему обязанной. Шаллан убила мошенницу, но все еще уважала ее мнение. Заслуживали ли внимания ее слова о Далинаре?

В окно паланкина постучали.

– Мы скажем паршменам, чтобы они опустили вас на минутку, – сказал Ватах. – Нужно поспрашивать и выяснить, где кронпринц.

– Хорошо.

Она ждала с нетерпением. Должно быть, они отправили с поручением хозяина паланкина – Ватах нервничал не меньше ее при идее послать одного из своих людей в военный лагерь в одиночку. В конце концов Шаллан услышала приглушенный разговор снаружи, и Ватах вернулся, скрипя ботинками по камню. Она отдернула занавеску и посмотрела на него.

– Далинар Холин с королем, – доложил Ватах. – Все кронпринцы там же.

Он выглядел обеспокоенным, когда повернулся к лагерю.

– Ветра надули что-то необычное, ваша светлость. – Он прищурился. – Слишком много патрулей. Куча солдат снаружи. Хозяин паланкина ничего не скажет, но, судя по разговорам, недавно что-то случилось. Что-то смертельно опасное.

– Тогда отведите меня к королю, – ответила Шаллан.

Ватах изменился в лице. Король Алеткара был, вероятно, самым могущественным человеком в мире.

– Вы ведь не собираетесь его убивать? – тихо спросил дезертир, наклонившись вперед.

– Что?

– Полагаю, это хорошая причина, по которой именно женщина... ну, вы понимаете. – Он избегал ее взгляда. – Подобраться поближе, призвать ту штуку и пронзить его насквозь до того, как кто-нибудь поймет, что случилось.

– Я не собираюсь убивать вашего короля, – сказала Шаллан удивленно.

– Мне все равно, если даже собираетесь, – тихо ответил Ватах. – Я в какой-то мере почти надеюсь на это. Наш король, он – ребенок, напяливший одежды отца. В Алеткаре все только ухудшилось с тех пор, как он занял трон. Но мои люди... Нам будет трудно убраться прочь, если вы выкинете что-то подобное. По-настоящему трудно.

– Я сдержу свое обещание.

Он кивнул, и она опустила занавеску паланкина. Отец Штормов! Дать женщине Клинок Осколков, приблизить ее... Кто-нибудь пробовал такое? Должны были пробовать, хотя ее затошнило от одной мысли о подобных вещах.

Паланкин повернул на север. Путь через лагерь занял много времени; они были огромны. В конце концов Шаллан выглянула наружу и увидела с левой стороны высокий холм с каменным строением, расположившимся и на вершине, и внутри скалы. Дворец?

Что, если она все же убедит светлорда Далинара принять ее и доверить ей исследование Джасны? Какое она займет место в доме Далинара? Младший писец, которого не особенно принимают в расчет или просто игнорируют? Именно так она провела большую часть своей жизни. Неожиданно Шаллан обнаружила в себе страстную решимость не позволить ничему подобному случиться снова. Ей требовались свобода и финансирование, чтобы изучать Уритиру и расследовать убийство Джасны. Шаллан не устроит ничто другое. Она не может принять ничего другого.

«Так позаботься об этом», – подумала она.

Если бы все было так легко, как хотелось. Когда паланкин двинулся вверх по серпантину, ведущему во дворец, новая сумка из вещей Тин покачнулась и ударила ее по ноге. Шаллан подняла ее и пролиستала лежащие внутри рисунки, наткнувшись на измятый набросок Блута, каким она его изобразила. Герой, а не раб.

– М-м-м-м... – прогудел Узор с соседнего сиденья.

– Этот рисунок – ложь, – сказала Шаллан.

– Да.

– И все же не совсем. То, кем он стал в итоге. В какой-то степени.

– Да.

– Так что такое ложь и что такое правда?

Узор тихо зажужжал сам с собой, как довольная громгончая перед камином. Шаллан коснулась рисунка, разглаживая его. Затем вытащила папку с набросками и карандаш и начала рисовать. В покачивающемся паланкине сделать это было нелегко; набросок не станет ее лучшей работой. И все же пальцы двигались по листу с энергией, которую она не ощущала уже несколько недель.

Сначала грубые штрихи, чтобы зафиксировать образ в голове. На этот раз она не копировала *воспоминание*. Она искала что-нибудь неопределенное: ложь, которая может стать реальностью, если она правильно ее представит.

Шаллан яростно царапала бумагу, склонившись над наброском, и вскоре перестала чувствовать ритм шагов носильщиков. Она видела только рисунок, ощущала только эмоции, которые выплескивала на лист бумаги. Решительность Джасны. Уверенность в себе Тин. Чувство правоты, которое она не могла описать, но могла срисовать со своего брата Хеларана, лучшего человека, которого она знала.

Все эти чувства перетекали из нее в карандаш и на бумагу. Штрихи и линии, которые становились тенью и узорами, превращающимися, в свою очередь, в

фигуры и лица. Быстрый набросок, торопливый, но живой. Он изображал Шаллан – уверенную в себе молодую женщину, стоящую перед Далинаром Холином, каким она его представляла. Шаллан одела его в Доспехи Осколков, он и его окружение изучают юную веденку с пронзительным оцепенением. Она стоит прямо, вытянув в их сторону руку, и говорит с уверенностью и силой. Никакого трепета. Никакого страха или агрессии.

«Такой я могла бы стать, – подумала Шаллан, – если бы дома меня не вырастили в страхе. Так что это та, кем я буду сегодня».

Не ложь. Другая правда.

В дверь паланкина постучали. Движение прекратилось, она почти ничего не заметила. Кивнув сама себе, Шаллан сложила набросок и засунула его в карман рукава безопасной руки. Затем вышла из своего средства передвижения и ступила на холодный камень. Она испытывала воодушевление и поняла, что невольно втянула немного штормсвета.

Дворец был одновременно и прекраснее, и обычнее, чем она ожидала. Конечно, они находились в военном лагере, поэтому королевская резиденция не соответствовала величию королевских покоев в Харбранте. В то же время изумляло то, что такое строение удалось выстроить здесь, вдали от культуры и ресурсов Алеткара. Возвышающаяся каменная крепость, высеченная в скале, высотой в несколько этажей, угнездившаяся на вершине холма.

– Ватах, Газ, – позвала Шаллан. – Сопровождайте меня. Остальные, оставайтесь здесь. Я пришлю распоряжения.

Они ей отсалютовали. Шаллан не была уверена, уместно ли такое поведение. Девушка зашагала вперед и заметила, как забавно, что она выбрала для своего сопровождения одного из самых высоких и одного из самых низких дезертиров. Встав по обе стороны от нее, они выстроились по росту: Ватах, она сама, Газ. Неужели она в самом деле выбрала охранников по эстетическому принципу?

Главные ворота дворцового комплекса были обращены на запад, и здесь Шаллан обнаружила большую группу охранников, которые стояли перед открытыми дверьми, ведущими в глубокий туннель – коридор внутри холма. Шестнадцать охранников у входа? Она читала, что король Элокар был параноиком, но подобное казалось чрезмерным.

– Ты должен меня представить, Ватах, – тихо сказала Шаллан, когда они поднялись наверх.

– Как?

– Ее светлость Шаллан Давар, подопечная Джасны Холин, условно помолвленная с Адолином Холином. Скажешь, когда я дам знак.

Седой мужчина кивнул, положив руку на топор. Шаллан не разделяла его беспокойства. Что она чувствовала, так это волнение. Она шагнула к охранникам с высоко поднятой головой, ведя себя так, будто была здесь своей.

Они ее пропустили.

Шаллан чуть не споткнулась. Больше полутора десятка стражников у двери, и ее не окликнули. Поднялись несколько рук, будто собираясь сделать это – она заметила их краем глаза – но опустили в молчании. Когда они вошли в похожий на туннель коридор за воротами, рядом с ней тихо хмыкнул Ватах.

Эхо донесло шепот переговаривающихся стражников у дверей. Наконец один из них позвал:

– ...Ваша светлость?

Шаллан остановилась и повернулась к нему, вопросительно подняв бровь.

– Прошу прощения, ваша светлость, – проговорил охранник. – Но вы...

Она кивнула Ватаху.

– Вы не узнали ее светлость Давар? – рявкнул тот. – Условно помолвленную со светлордом Адолином Холином?

Охранник притих, и Шаллан развернулась, чтобы продолжить путь. Разговор за спиной начался почти сразу же, на этот раз достаточно громко, так что она смогла уловить несколько слов.

– ...невозможно уследить за его женщинами...

Они достигли перекрестка. Шаллан посмотрела в одну сторону, затем в другую.

– Наверх, я полагаю, – сказала она.

– Короли любят находиться на вершине всего, – согласился Ватах. – Ваше поведение помогло миновать наружную дверь, ваша светлость, но не поможет вам увидеть Холина.

– Вы в самом деле с ним помолвлены? – нервно спросил Газ, почесав повязку на глазу.

– Была, когда проверяла последний раз, – ответила Шаллан, ведя их вперед. – По крайней мере, так обстояло дело до того, как утонул мой корабль.

Она не беспокоилась о том, как пройти внутрь, чтобы увидеть Холина. Уж аудиенцию она получит точно.

Они продолжили подниматься, спрашивая направление у слуг. Те жались друг к другу и испуганно подсакивали, когда к ним обращались. Шаллан узнала этот вид робости. Неужели король такой же грозный господин, как и ее отец?

Когда они поднялись еще выше, строение уже меньше напоминало крепость и стало больше походить на дворец. На стенах появились барельефы, на полу – мозаики, увеличилось количество окон, ставни стали резными. Когда они добрались до королевского зала совета почти на вершине, каменные стены обрамляли деревянные украшения с вырезанными серебряными и золотыми листьями. Лампы были заполнены множеством сапфиров, превосходящих по размеру обычные камни и испускающих яркий голубой свет. Что ж, хотя бы у Шаллан не будет недостатка в штормсвете, если он ей понадобится.

Проход в королевский зал совета был заполнен мужчинами. Солдатами в десятке различных униформ.

– Бездна! – воскликнул Газ. – На тех солдатах цвета Садеаса.

– И Танадала, и Аладара, и Рутара... – добавил Ватах. – Он встречается со всеми кронпринцами, как я и сказал.

Шаллан смогла легко определить фракции, почерпнув имена и геральдику всех десяти кронпринцев из книг Джасны. Солдаты Садеаса, Рутара и Аладара общались между собой. Люди Далинара держались особняком, и Шаллан чувствовала враждебность между ними и остальными в коридоре.

Среди охранников Далинара было всего несколько светлоглазых. Необычно. И почему тот мужчина у двери кажется знакомым? Высокий темноглазый в синем мундире до колен. Со слегка вьющимися волосами до плеч... Он говорил, понизив голос, с другим солдатом – одним из тех, что стояли внизу на воротах.

– Похоже, нас здесь побьют, – тихо сказал Ватах.

Мужчина повернулся и посмотрел ей прямо в глаза, затем опустил взгляд на ее ноги.

«О нет».

Темноглазый – офицер, судя по униформе, – шагнул прямо к ней. Он не обращал внимания на враждебные взгляды солдат других кронпринцев, пока подходил к Шаллан.

– Принц Адолин, – произнес он ровно, – помолвлен с рогоедкой?

Шаллан почти забыла их встречу за пределами лагеря два дня назад.

«Я задую эту...»

Девушка осеклась, внезапно почувствовав уныние. Ведь в конце концов она действительно убила Тин.

– Конечно, нет, – ответила Шаллан без рогоедского акцента, подняв подбородок. – Я путешествовала одна через дикую местность. Открывать свое настоящее имя не казалось благоразумным.

Мужчина хмыкнул.

– Где мои ботинки?

– Так ты обращаешься к светлоглазой леди выше тебя по статусу?

– Так я обращаюсь к вору, – ответил мужчина. – Я тогда только получил те ботинки.

– Я пришлю тебе десяток новых пар, – сказала Шаллан. – После того, как поговорю с кронпринцем Далинаром.

– Вы думаете, я позволю вам его увидеть?

– Ты думаешь, что у тебя есть выбор?

– Я капитан его охраны, женщина.

«Бездна!» – подумала Шаллан.

Дело принимало нежелательный оборот. Но она хотя бы не дрожит, участвуя в конфликте. Она в самом деле справилась. Наконец-то.

– Что ж, скажи мне, капитан, – произнесла она. – Как тебя зовут?

– Каладин.

Необычно. Похоже на имя светлоглазого.

– Превосходно. Теперь у меня есть имя, которое я смогу упомянуть, когда расскажу о тебе кронпринцу. Ему не понравится, что с невестой его сына обращаются подобным образом.

Каладин махнул несколькими своим солдатам. Люди в синей форме окружили ее, Ватаха и...

Куда подевался Газ?

Она повернулась и обнаружила его в конце коридора. Каладин тоже увидел его и заметно вздрогнул.

– Газ? – произнес Каладин. – Как это понимать?

– Э... – Одноглазый мужчина начал заикаться. – Л-лорд... Э-э, Каладин. О, ты, э-э, офицер? Значит, твои дела пошли в гору...

– Ты знаешь его? – спросила Шаллан Каладина.

– Он пытался меня убить, – ответил Каладин ровным голосом. – И не один раз. Он – одна из самых ненавистных маленьких крыс, которых я знал.

Великолепно.

– Вы не невеста Адолина, – сказал Каладин, встретившись с девушкой взглядом, в то время как несколько его людей с радостью схватили Газа, который отступил за спины других охранников, поднимающихся снизу. – Невеста Адолина утонула. Вы лицемерка, выбравшая неправильный момент. Сомневаюсь, что Далинару Холину будет приятно обнаружить какую-то мошенницу, пытающуюся извлечь выгоду из смерти его племянницы.

Шаллан наконец начала нервничать. Ватах взглянул на нее, очевидно, взволнованный тем, что предположения Каладина могли быть верными. Шаллан взяла себя в руки, потянулась к потайному карману и вытащила клочок бумаги, который нашла в записях Джасны.

– Светледи Навани в том зале?

Каладин не ответил.

– Покажи ей это, пожалуйста, – сказала она.

Каладин помедлил и взял бумагу. Он осмотрел ее, но, очевидно, не понял, что держит листок вверх ногами. Это была запись одного из разговоров между Джасной и ее матерью, в котором шла речь об организации помолвки. Связь

осуществлялась через самоперо, поэтому существовали две копии: одна, написанная на стороне Джасны, и одна – на стороне светледи Навани.

– Посмотрим, – проговорил Каладин.

– Посмотрим?! – Шаллан обнаружила, что шипит.

Если она не сможет повидать Далинара, тогда... тогда... Шторм побери этого охранника! Она схватила мужчину свободной рукой, когда тот повернулся, чтобы отдать приказ своим людям.

– Это все действительно из-за того, что я тебе солгала? – спросила она чуть мягче.

Он оглянулся на нее.

– Я просто делаю свою работу.

– Твоя работа заключается в том, чтобы оскорблять других и вести себя как осел?

– Нет, я занимаюсь оскорблениями и бываю ослом в свое свободное время. Моя работа заключается в том, чтобы держать таких людей, как вы, подальше от Далинара Холина.

– Я гарантирую, что он захочет меня увидеть.

– Что ж, простите, что слова принцессы рогоедов не вызывают у меня доверия. Не хотите ли пожевать раковин, пока мои люди тащат вас в темницу?

«Ладно, с меня достаточно».

– В темницу? Звучит прекрасно, – ответила Шаллан. – Хотя бы буду подальше от тебя, идиот!

– Ненадолго. Я буду вас допрашивать.

– Что? Не могу ли я выбрать что-нибудь более приятное? Например, казнь?

– Полагаете, я смогу найти палача, способного выдержать вашу глупую болтовню достаточно долго, чтобы подготовить веревку?

– Ну, если ты хочешь меня убить, эту работу всегда может проделать твое дыхание.

Капитан Каладин покраснел, а несколько охранников поблизости начали посмеиваться. Они попытались скрыть свою реакцию, когда он бросил на них недовольный взгляд.

– Мне следовало бы вам позавидовать, – сказал он, поворачиваясь обратно к Шаллан. – Мое дыхание должно находиться близко, чтобы убить, а ваше лицо может уничтожить любого мужчину на расстоянии.

– Любого мужчину? – переспросила она. – Почему же тогда не работает с тобой? Полагаю, вот доказательство того, что ты не так уж и мужественен.

– Я оговорился. Я имел в виду не любого мужчину, а только самцов вашего вида – но не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы не подпускать к вам наших чулл.

– О? Так твои родители находятся здесь?

Глаза Каладина расширились, и в первый раз Шаллан показалось, что она все-таки его задела.

– Мои родители абсолютно ни при чем.

– Да, в этом есть смысл. Думаю, они не захотят иметь с тобой ничего общего.

– По крайней мере, мои предки обладали достаточным благоразумием не сношаться с губкой! – огрызнулся он, вероятно, имея в виду ее рыжие волосы.

– По крайней мере, я знаю свое происхождение! – огрызнулась она в ответ.

Они свирепо уставились друг на друга. Отчасти Шаллан чувствовала удовлетворение от того, что оказалась способна заставить охранника потерять самообладание, хотя, судя по горящему лицу, с ней произошло то же самое. Джасна была бы разочарована. Как часто она пыталась заставить Шаллан держать

язык за зубами? Подлинное остроумие контролируется разумом. Нельзя отпускать его на волю, это все равно что выпустить стрелу наугад.

Шаллан только теперь обнаружила, что широкий коридор погружен в молчание. Огромное количество солдат и прислуги уставились на нее и офицера.

– Ба! – Каладин вырвал свою руку из ее захвата – она не отпустила капитана после того, как привлекла его внимание. – Я изменил свое мнение о вас. Вы явно высокородная светлоглазая. Только они способны так бесить.

Он зашагал прочь, направившись к двери королевского зала.

Рядом заметно расслабился Ватах.

– Ввязаться в перепалку с главой охраны кронпринца Далинара? – прошептал он ей. – Разве это разумно?

– Мы спровоцировали инцидент, – ответила Шаллан, успокаивая себя. – Теперь Далинар Холин услышит о нем, так или иначе. Тот охранник не сможет держать мое прибытие в секрете.

Ватах спросил с сомнением:

– Так это часть плана?

– Едва ли, – ответила Шаллан. – Я далеко не так хитра. Но в любом случае сработает.

Она посмотрела на Газа, которого отпустили люди Каладина. Он снова присоединился к ним, хотя их троих все еще держали под пристальным наблюдением.

– Даже для дезертира, – пробормотал себе под нос Ватах, – ты трус, Газ.

Газ просто уставился в землю.

– Откуда ты его знаешь? – спросила Шаллан.

– Он был рабом, – ответил Газ, – на лесном складе, где я работал. Штормовой человек. Он опасен, ваша светлость. Вспыльчивый, смутьян. Я не знаю, как он добился такого высокого положения за столь короткое время.

Каладин не стал входить в зал совета. Однако через мгновение дверь скрипнула. Встреча, похоже, завершилась или, как минимум, решили устроить перерыв. Несколько помощников поспешили убедиться, не нуждаются ли в чем-то кронпринцы, охранники начали переговариваться между собой. Капитан Каладин бросил взгляд на Шаллан и неохотно вошел в зал с листком бумаги.

Веденка заставила себя стоять со сложенными на груди руками – одна в рукаве, другая обнажена – чтобы не выглядеть нервной. Наконец из зала показался Каладин с выражением раздраженной покорности на лице. Он указал на нее и ткнул большим пальцем через плечо, давая понять, что она может войти. Его охранники пропустили ее, но задержали Ватаха, когда тот попытался последовать за Шаллан.

Она остановила его жестом, глубоко вдохнула и зашагала сквозь подвижную толпу солдат и помощников в королевский зал совета.



Теперь, когда каждый орден ассоциировался в соответствии с природой и характером Герольда, которого называли покровителем, не существовало более типичного примера, чем Хранящие Камни. Они следовали за Таленелат'Элином, Мощью Камня, Герольдом войны. Они считали, что он образец добродетели, служащий примером решительности, силы и надежности. Увы, они обращали гораздо меньше внимания на неблагоприятность своего упрямства, даже перед лицом доказанной ошибки.

«Слова сияния», глава 13, страница 1

Совет наконец подошел к перерыву. Они не закончили – Отец Штормов, похоже, они никогда не закончат – но на какое-то время споры прервались. Адолин встал, потревожив раны на ноге и боку, и оставил беседующих вполголоса отца и тетю. Большой зал наполнился гулом разговоров. Как отцу удавалось держаться? Согласно разработанным Навани часам-фабриалу, висящим на стене, прошло целых два часа. Два часа кронпринцы и их жены выражали недовольство по поводу Убийцы в Белом. Никто не мог прийти к согласию насчет последующих действий.

Они все не обращали внимания на правду, смотрящую им прямо в лицо. Ничего нельзя было сделать. Ничего, кроме того, что Адолин должен оставаться настороже и продолжать тренировки, чтобы научиться противостоять монстру, когда тот вернется.

«И ты думаешь, что можешь его победить? Когда он способен ходить по стенам и заставлять повиноваться себе самих спренов природы?»

Подобные вопросы вызывали дискомфорт. По предложению отца Адолину пришлось нехотя сменить Доспехи на что-то более подходящее.

«На сегодняшней встрече нам требуется создать образ уверенности, а не страха», – сказал Далинар.

Тем не менее генерал Хал был одет в броню и скрывался в соседней комнате вместе с ударным отрядом. Отец, видимо, думал, что вряд ли убийца нанесет удар во время совета. Если бы он хотел убить кронпринцев, то гораздо проще добраться

до них поодиночке, ночью. Напасть на всех вместе, в окружении охранников и десятков Носителей Осколков, казалось неблагоразумным решением. В самом деле, на совете очень многие облачились в Осколки. Трое кронпринцев были одеты в свои Доспехи, а другие постоянно держали рядом Носителей Осколков. Абробадар, Джакамав, Реси, Релис... Адолин редко видел столько Носителей вместе.

Будет ли это иметь хоть какое-то значение? Доклады стекались со всего мира в течение многих недель. Короли убиты. Правящие органы по всему Рошару обезглавлены. В Джа Кеведе убийца, по сообщениям, лишил жизни десятки солдат с щитами полуосколков, которые могли заблокировать его Клинок, а также трех Носителей Осколков, включая короля. Наступил кризис, который охватил весь мир, и за ним стоял один человек. Если считать, что он на самом деле был человеком.

Адолин обнаружил, что остановился на краю зала с чашей сладкого вина, которую наполнил энергичный слуга в синем и золотом. Оранжевое вино, практически сок. Адолин все-таки выпил его и пошел искать Релиса. Он чувствовал потребность что-то делать, а не сидеть и слушать жалобы. К счастью, за прошедшее время принц кое-что придумал.

Релис, сын Рутара и знаменитый Носитель Осколков, имел похожее на лопату лицо – плоское и широкое. Казалось, что ему когда-то разбили и расплющили нос. Он носил вычурный сюртук зеленых и желтых цветов. Даже не любопытно. Он мог надеть что угодно, но выбрал такое?

Релис был полным Носителем Осколков, одним из немногих в лагерях, и также обладал титулом чемпиона по дуэлям, что, наряду с его происхождением, вызывало повышенный интерес Адолина. Релис общался со своим двоюродным братом Элитом и компанией из трех сопровождающих Садеаса женщин в традиционных воринских хавах. Одна из дам, Мелали, одарила Адолина свирепым взглядом. Она прелестно выглядела, впрочем, как и всегда, уложив волосы в сложные косы и заколов их длинными шпильками. Что же он такого сделал, чтобы так досадить ей? С тех пор как они встречались, прошла вечность.

– Релис, – обратился Адолин, поднимая чашу, – я просто хотел, чтобы ты знал, что, по моему мнению, очень смело с твоей стороны предложить сразиться с убийцей лично, согласно сказанному тобой ранее. Очень воодушевляет, что ты готов умереть за трон.

Релис мрачно взглянул на Адолина. Как может у кого-то быть столь плоское лицо? Его что, роняли в детстве?

– Ты считаешь, что я проиграл бы.

– Конечно же, проиграл бы, – ответил Адолин, усмехнувшись. – Давай уж начистоту, Релис. Ты владеешь своим титулом уже почти полгода. И не выиграл ни одного важного поединка с тех пор, как победил Эпинара.

– И это говорит человек, который годами отказывался почти ото всех вызовов, – вступила в разговор Мелали, оглядев Адолина с головы до пят. – Я удивлена, что твой папочка отпустил тебя с нами поговорить. Разве он не боится, что ты можешь себя поранить?

– Я тоже рад тебя видеть, Мелали, – ответил Адолин. – Как поживает твоя сестра?

– Не твое дело.

«Ах, да». Вот что он сделал. Невинный промах.

– Релис, – произнес Адолин. – Ты утверждаешь, что справишься с убийцей, в то время как испугался поединка со мной?

Релис развел руками, в одной из которых держал мерцающий бокал красного вина.

– Таковы правила, Адолин! Я выйду на дуэль против тебя, как только ты наберешь подходящее количество побед через год или два. Я не могу просто взять и сразиться с каким-то старым претендентом, тем более, если на кону наши Осколки!

– С каким-то старым претендентом? – переспросил Адолин. – Релис, я один из лучших.

– Ты? – улыбнулся Релис. – После того представления с Эраннивом?

– Да, Адолин, – вступил в разговор Элит, низкорослый лысый кузен Релиса. – За последнее время у тебя было всего лишь несколько поединков разного уровня, причем в одном из них ты, в сущности, жульничал, а во втором выиграл за счет чистой удачи!

Релис кивнул.

– Если я нарушу правила и приму твой вызов, обрушится штормовая стена. Меня начнут подкалывать десятки неумелых фехтовальщиков.

– Нет, не начнут, – ответил Адолин. – Поскольку ты больше не будешь Носителем Осколков. Ты мне проиграешь.

– Какая самоуверенность, – проговорил Релис, смеиваясь, и повернулся к Элиту и женщинам. – Только послушайте его. Он месяцами игнорирует рейтинг, затем появляется из ниоткуда и считает, что сможет меня побить.

– Я поставлю свои Доспехи и Клинок, – сказал Адолин. – А также Доспехи с Клинком моего брата и Осколок, который я выиграл у Эраннива. Пять Осколков против твоих двух.

Элит вздрогнул. Ему принадлежали только Доспехи, подаренные кузеном. Он повернулся к Релису с голодным видом. Релис сделал паузу, закрыл рот и лениво наклонил голову в сторону, встретившись взглядом с Адолином.

– Ты дурак, Холин.

– Я выдвигаю предложение здесь, при свидетелях, – продолжил Адолин. – Выиграй этот поединок – и получишь все Осколки, которыми владеет моя семья. Что сильнее? Твой страх или твоя жадность?

– Моя гордость, – ответил Релис. – Состязания не будет, Адолин.

Адолин скрипнул зубами. Он надеялся, что поединок с Эраннивом заставит других недооценить его и повысит вероятность очередной дуэли. Не сработало. Релис рассмеялся. Он протянул руку Мелали и потянул ее прочь, остальные последовали за ними. Элит медлил.

«Ну, лучше он, чем ничего», – подумал Адолин, и у него сформировался план.

– Как насчет тебя? – спросил принц у кузена Релиса.

Элит оглядел его сверху донизу. Адолин не был близко знаком с этим человеком. Говорили, что тот неплохой дуэлянт, хотя часто находился в тени своего кузена. Но его голодный взгляд... Элит хотел стать полным Носителем Осколков.

– Элит? – позвал Релис.

– На тех же условиях? – спросил Элит, встретившись с пристальным взглядом Адолина. – Пять твоих против одного моего?

Что за ужасная сделка.

– На тех же условиях, – подтвердил Адолин.

– Принято, – сказал Элит.

Позади него застонал сын Рутара. Он схватил кузена за плечо и с рычанием потащил того в сторону.

– Ты говорил, мне нужно набрать определенное количество побед, – обратился Адолин к Релису. – Что я и делаю.

– Не с моим кузеном.

– Слишком поздно. Ты его слышал. Леди его слышали. Когда мы будем сражаться, Элит?

– Через семь дней, – ответил тот. – В чачел.

Семь дней – долгое ожидание для такого вызова. Значит, он хотел потренироваться, верно?

– А как насчет завтра?

Релис зарычал на Адолина, что вовсе не соответствовало подобающему поведению аleti, и оттолкнул своего кузена подальше.

– Не пойму, почему ты так нетерпелив, Адолин. Разве тебе не требуется сосредоточиться на защите отца? Всегда грустно, когда солдат живет дольше, чем его рассудок. Он уже начал мочиться на публике?

«Спокойно», – сказал себе Адолин.

Релис пытался его спровоцировать, возможно, заставить наследника кронпринца сгоряча ударить его. Тогда можно было бы подать прошение королю относительно компенсации и обнуления всех договоров с домом Холин, включая соглашение с Элитом об участии в поединке. Но оскорбление зашло слишком далеко. Его спутники тихо ахнули, отшатнувшись от такой нехарактерной для аleti резкости.

Адолин не поддался на отчаянную провокацию. Он получил то, что хотел. Он не определился, как быть с убийцей, но вот это – то, что он делал – было способом помочь. Элит не занимал высоких позиций, но служил Рутару, который действовал, чем дальше, тем больше, как правая рука Садеаса. Победа над Элитом приблизила бы Адолина еще на один шаг к реальной цели. Поединку с самим Садеасом.

Он повернулся, чтобы уйти, но резко остановился. Кто-то стоял за его спиной: мужчина плотного телосложения с округлым лицом и черными вьющимися волосами. Лицо человека покрылось румянцем, нос был слишком красным, на щеках виднелись тонкие вены. У мужчины были руки солдата, несмотря на его легкомысленный наряд, который оказался, как неохотно признал Адолин, довольно модным. Темные широкие брюки, обшитые темно-зеленым шелком, короткий расстегнутый сюртук поверх строго подобранной рубашки. Платок вокруг шеи. Торол Садеас, кронпринц, Носитель Осколков и тот самый мужчина, о котором думал Адолин, – единственная личность, которую он ненавидел больше всего на свете.

– Еще одна дуэль, молодой Адолин, – сказал Садеас, сделав небольшой глоток вина. – Ты действительно полон решимости опозориться на арене. Мне до сих пор кажется странным, что твой отец отказался от запрета на дуэли – по правде говоря, я думал, что это для него дело чести.

Адолин оттолкнул Садеаса, не доверяя себе произнести хотя бы единственное слово этому угрю в человеческом облике. Один его вид воскресил воспоминания о захватившей Адолина абсолютной панике, когда он наблюдал, как Садеас отступает с поля битвы, оставляя их с отцом в окружении один на один с врагом.

Хавар, Перетом, Иламар – хорошие солдаты и хорошие друзья – погибли в тот день. Они и еще шесть тысяч.

Пока Адолин шел мимо, Садеас схватил его за плечо.

– Думаешь, хочешь, сынок, – прошептал он, – но то, что я сделал, было проявлением доброты к твоему отцу. Острие меча для старого союзника.

– Пустите. Немедленно.

– Если ты с возрастом лишишься рассудка, молись Всемогущему, чтобы нашлись люди, подобные мне, готовые подарить достойную смерть. Люди, которым не все равно и кто не станет насмехаться, а просто подержит меч, чтобы ты мог на него упасть.

– Я возьму вас за горло, Садеас, – прошипел Адолин. – И буду сжимать и сжимать. А затем я воткну кинжал в ваши кишки и буду его проворачивать. Быстрая смерть слишком хороша для вас.

– Тс-с... – произнес Садеас, улыбнувшись. – Осторожнее. Комната полна людей. Что, если кто-нибудь услышит, как ты угрожаешь кронпринцу?

Обычное поведение аleti. Можно было бросить союзника на поле боя, и каждый об этом знал, но оскорбить человека в лицо – нет, так поступать нельзя. Гарантировано неодобрение общества. Рука Налана! Отец был прав насчет их всех.

Адолин развернулся и одним быстрым движением освободился из хватки Садеаса. Затем инстинктивно сжал пальцы и шагнул, готовясь как следует двинуть кулаком по его улыбающейся самодовольной роже. Рука, опустившаяся на плечо Адолина, заставила его остановиться.

– Не думаю, что подобное поведение разумно, светлорд Адолин, – произнес мягкий, но строгий голос. Он напомнил Адолину голос отца, хотя тембр был другим. Принц взглянул на Амарама, который шагнул и встал рядом с ним.

Высокий, с лицом, словно высеченным из камня, светлорд Меридас Амарам был единственным светлоглазым мужчиной в комнате, кто носил подобающую форму. Как бы сильно самому Адолину не хотелось надеть что-то более модное, он пришел к пониманию важности униформы как символа.

Адолин глубоко вздохнул, опуская кулак. Амарам кивнул Садеасу, развернул Адолина за плечо и отвел его подальше от кронпринца.

– Вы не должны позволять ему провоцировать себя, ваше высочество, – мягко сказал Амарам. – Как только представится возможность, он вас использует, чтобы поставить в неловкое положение вашего отца.

Они зашагали через зал, заполненный беседующими гостями. Подавались напитки и закуски. Короткий перерыв посередине совета превратился в полноценный прием. Не удивительно. Здесь присутствовало столько важных светлоглазых, что люди хотели общаться и заводить связи.

– Почему ты остаешься с ним, Амарам? – спросил Адолин.

– Он мой сюзерен.

– Твой ранг позволяет тебе самому выбирать сюзерена. Отец Штормов! Ты теперь Носитель Осколков. Никто даже не задаст тебе вопроса. Перейди в наш лагерь. Присоединись к отцу.

– Поступив так, я стану причиной раскола, – тихо ответил Амарам. – Оставаясь с Садеасом, я могу помочь вам найти общий язык. Он мне доверяет. Так же, как и твой отец. Моя дружба с ними обоими – шаг к сохранению единства королевства.

– Садеас предаст тебя.

– Нет. Кронпринц Садеас и я пришли к взаимопониманию.

– Мы тоже так думали. Пока он нас не переубедил.

Выражение лица Амарама стало отсутствующим. Даже его походка была продиктована этикетом: прямая спина, уважительные кивки многим из тех, кого они миновали. Идеальный светлоглазый генерал – с блестящими способностями, но не высокомерный. Разящий меч своего кронпринца. Большую часть войны он провел, прилежно тренируя новых солдат и посылая лучших из них Садеасу, пока сам охранял определенные районы Алеткара. Здесь, на Разрушенных равнинах, действия Садеаса были столь эффективными наполовину благодаря Амараму.

– Твой отец – человек, которого невозможно согнуть, – сказал Амарам. – Я бы не хотел, чтобы было иначе, Адолин. Но это означает, что человек, которым он стал, – не из тех, кто сможет сотрудничать с кронпринцем Садеасом.

– А ты другой?

– Да.

Адолин фыркнул. Амарам был одним из лучших людей королевства, человеком с безукоризненной репутацией.

– Я в этом сомневаюсь.

– Садеас и я согласны, что средства, с помощью которых мы достигаем достойной цели, могут быть безнравственными. Твой отец и я согласны в том, что цель – улучшенный Алеткар, место без склок. Это вопрос точки зрения...

Амарам продолжал говорить, но Адолин понял, что не слушает его. Он уже наслушался достаточно подобных речей от отца. Если Амарам начнет цитировать «Путь королей», Адолин, наверное, закричит. По крайней мере...

А это кто?

Великолепные рыжие волосы. Ни единого черного локона. Стройная фигурка, столь отличная от пышных форм алетки. Шелковое синее платье, простое, но элегантное. Бледная кожа, почти как у шиноварцев, гармонировала с голубыми глазами. Россыпь веснушек на щеках придавала экзотический вид. Молодая девушка, казалось, скользила по комнате. Адолин повернулся следом, наблюдая за тем, как она проходит мимо. Девушка была такой необычной.

– Глаза Аш! – усмехнулся Амарам. – Ты по-прежнему неисправим, да?

– Неисправим? – Адолин оторвал взгляд от девушки.

– Засматриваешься на каждую порхающую поблизости крошку. Тебе нужно угомониться, сынок. Выбери одну. Твоя мать была бы огорчена тем, что ты все еще не женат.

– Джасна тоже не замужем. А она на десять лет старше меня.

Если надеяться на то, что она еще жива, как убеждена тетя Навани.

– В этом отношении твою кузину трудно назвать образцом для подражания.

Тон Амарама подразумевал больше. «Или в любом отношении».

– Посмотри на нее, Амарам, – проговорил Адолин, вытянув шею и наблюдая, как юная особа приближается к его отцу. – Эти волосы. Ты когда-нибудь видел такой насыщенный оттенок рыжего?

– Ручаюсь, она веденка, – ответил Амарам. – Кровь рогоедов. Существуют семейства, гордящиеся подобным наследием.

Веденка. Не может быть... Или может?

– Прошу прощения, – сказал Адолин, отходя от Амарама, и начал вежливо проталкиваться туда, где молодая веденка разговаривала с его отцом и тетей.

– Боюсь, что светледи Джасна утонула вместе с кораблем, – говорила девушка. – Я сожалею о вашей утрате...



Теперь, когда Бегущие с Ветром были так заняты, произошло событие, на которое ссылаются до сих пор: та самая находка той самой знаменитой проклятой вещи, хотя было это какое-нибудь мошенничество приверженцев Сияющих или что-то извне, Авена не упомянул.

«Слова сияния», глава 38, страница 6

– ...сожалею о вашей утрате, – сказала Шаллан. – Я привезла с собой все вещи Джасны, которые смогла вернуть. Они у моих людей снаружи.

Шаллан обнаружила, что удивительно трудно произносить слова ровным тоном. Во время путешествия девушка горевала о Джасне неделями, но заговорив о ее смерти, вспомнила ту ужасную ночь, и эмоции накатили бурными волнами, угрожая захлестнуть снова.

Рисунок, который Шаллан нарисовала для себя, пришел ей на помощь. Она стала сегодня той женщиной – и та женщина, хотя и не была бесчувственной, могла пережить потери. Шаллан сосредоточила внимание на моменте и текущей задаче, а конкретнее на двух людях перед собой. Далинар и Навани Холин.

Кронпринц оказался именно таким, как она ожидала: грубоватым мужчиной с короткими черными волосами, седыми на висках. Жесткий мундир придавал ему такой вид, будто он единственный в зале знал что-то о войне. Она спрашивала себя, не были ли синяки на его лице результатом кампании против паршенди. Навани очень походила на состарившуюся на двадцать лет Джасну, все еще красивая, хоть и отмеченная материнством. Шаллан никогда не представляла, какой была бы Джасна, стань она матерью.

Пока Шаллан подходила, Навани улыбалась, но теперь ее легкость исчезла.

«Она все еще надеялась увидеть дочь, – подумала Шаллан, когда женщина опустилась на ближайший стул. – Я только что отняла ее последнюю надежду».

– Благодарю тебя за доставленные вести, – сказал светлорд Далинар. – Хорошо... когда есть определенность.

Шаллан чувствовала себя ужасно. Не только из-за того, что пришлось вспомнить о смерти, но также потому, что пришлось возложить этот груз на других.

– У меня есть для вас информация, – сказала Шаллан, стараясь быть деликатной. – О том, над чем работала Джасна.

– Снова насчет паршменов? – перебила Навани. – Шторма, эта женщина была слишком увлечена ими. С тех самых пор, как вбила себе в голову, что виновата в смерти Гавилара.

О чем речь? Шаллан ничего не слышала о подобной точке зрения.

– Ее исследования могут подождать, – сказала Навани, сурово глядя на Шаллан. – Я хочу знать, что в точности произошло, когда ты увидела, по твоему мнению, ее смерть. Именно так, как ты помнишь, девочка. Не пропуская никаких подробностей.

– Может быть, после совета... – проговорил Далинар, кладя руку на плечо Навани.

Прикосновение было удивительно нежным. Разве она не жена его брата? Его взгляд – проявление семейной привязанности к сестре или что-то большее?

– Нет, Далинар, – ответила Навани. – Сейчас. Я хочу услышать все сейчас.

Шаллан сделала глубокий вдох, приготовившись начать рассказ, и постаралась отбросить эмоции, к своему удивлению обнаружив, что хорошо держит себя в руках. Собираясь с мыслями, она заметила наблюдающего за ней белокурого молодого человека. Скорее всего, это был Адолин. Привлекательный, как и отмечали слухи, он носил синюю форму по примеру отца. И все же Адолин каким-то образом выглядел более... стильно? Правильное слово? Ей понравилось, как его немного непослушные волосы контрастировали с новенькой, идеально сидящей формой. Он казался более реальным и менее картинным.

Шаллан повернулась к Навани.

– Я проснулась посреди ночи от криков и запаха дыма. Открыв дверь, увидела незнакомых мужчин, столпившихся у дверей каюты Джасны через коридор от моей собственной. Ее тело лежало на полу, и... ваша светлость, я видела, как они пронзили ей сердце. Мне жаль.

Навани напряглась, и ее голова дернулась, будто от пощечины.

Шаллан продолжила. Она постаралась преподнести Навани столько правды, сколько могла, но очевидно, что некоторыми ее поступками – *ткчеством светом, преобразованием корабля* – делиться было неосмотрительно, во всяком случае, сейчас. Взамен Шаллан отметила, что забаррикадировалась в каюте – ложь, которую она подготовила заранее.

– Я слышала, как наверху кричали люди, когда их убивали, одного за другим. И осознала, что единственная надежда, которую я могу им дать, – это создать проблему для бандитов, поэтому я схватила факел и подожгла корабль.

– Подожгла? – спросила Навани, приходя в ужас. – Когда моя дочь была в бессознательном состоянии?

– Навани, – вмешался Далинар, сжав ее плечо.

– Ты ее обрекла, – проговорила Навани, сверля глазами Шаллан. – В отличие от остальных Джасна не умела плавать. Она...

– Навани, – повторил Далинар более настойчиво. – Девочка сделала верный выбор. Едва ли можно ожидать, что она способна разогнать банду разбойников собственноручно. И то, что она видела... Джасна не потеряла сознание, Навани. В тот момент для нее уже ничего нельзя было сделать.

Мать принцессы глубоко вздохнула, очевидно, пытаясь справиться с эмоциями.

– Я... прошу прощения, – сказала она Шаллан. – Я сейчас сама не своя и не могу мыслить здраво. Спасибо... спасибо тебе за вести. – Она встала. – Прошу меня извинить.

Далинар кивнул, позволив ей достаточно вежливо удалиться. Шаллан отступила, сложив руки перед собой, и почувствовала себя беспомощной и

странно пристыженной, наблюдая, как уходит Навани. Она не особенно ожидала, что этот разговор пройдет гладко. Так и получилось.

Она улучила момент проверить Узора, который расположился на ее юбке, почти невидимый. Даже если его заметят, то примут за необычную выделку ткани. Конечно, если он выполнит ее распоряжения – не двигаться и не разговаривать.

– Полагаю, твое путешествие сюда стало тяжелым испытанием, – сказал Далинар, поворачиваясь к Шаллан. – Кораблекрушение произошло в Замерзших землях?

– Да. Счастье, что я встретила караван и проделала с ним весь путь. К сожалению, мы столкнулись с бандитами, но нас спасло своевременное прибытие солдат.

– Солдаты? – удивленно спросил Далинар. – Под чьими знаменами?

– Они не сказали, – ответила Шаллан. – Я считаю, что прежде они служили на Разрушенных равнинах.

– Дезертиры?

– Я не вдавалась в детали, светлорд. Но я обещала им помилование за прошлые преступления в знак признательности за их благородные действия. Они спасли десятки жизней. В караване, к которому я присоединилась, любой может поручиться за храбрость этих людей. Подозреваю, что они искали искупления и шанс начать все сначала.

– Я прослежу, чтобы король подписал им помилование, – согласился Далинар. – Подготовь мне список. Вешать солдат всегда было расточительством.

Шаллан расслабилась. Одним делом меньше.

– Есть еще одна деликатная ситуация, которую мы должны обсудить, светлорд, – сказала девушка.

Они оба повернулись к Адолину, слоняющемуся рядом. Он улыбнулся.

И у него оказалась очень приятная улыбка.

Когда Джасна впервые рассказала Шаллан о предварительной помолвке, ее интерес был совершенно абстрактным. Брак с представителем могущественного дома алети? Союзники для ее братьев? Законность и возможность продолжать работать с Джасной над спасением мира? Все эти вещи казались прекрасными.

Однако, глядя на ухмылку Адолина, она не учла некоторые дополнительные преимущества. Ее боль от рассказа о смерти Джасны еще не вполне угасла, но Шаллан обнаружила, что гораздо легче не обращать на нее внимания, если смотреть на Адолина. Девушка поняла, что покраснела.

«Здесь кроется опасность», – подумала она.

К ним подошел Адолин. Гул голосов вокруг создавал некоторое уединение посреди толпы. Он где-то нашел чашу оранжевого вина и теперь протянул его юной веденке.

– Шаллан Давар? – спросил он.

– Э-э... – Это он ее зовет? А, все верно. Шаллан взяла вино. – Да?

– Адолин Холин, – представился принц. – Мне жаль слышать о ваших трудностях. Мы должны рассказать королю о его сестре. Я могу избавить вас от этой задачи, если пойду вместо вас.

– Благодарю, – ответила Шаллан. – Но я бы предпочла увидеть короля лично.

– Конечно. Что касается нашего... соглашения. В нем было гораздо больше смысла, когда вы оставались подопечной Джасны, не так ли?

– Вероятно.

– Хотя теперь, когда вы здесь, возможно, нам стоит как-нибудь прогуляться и посмотреть, как будут развиваться события.

– Я люблю прогулки, – ответила Шаллан.

«Глупая! Быстро, скажи что-нибудь остроумное».

– М-м. У вас красивые волосы.

Часть ее разума, а именно часть, обученная Тин, застонала.

– Мои волосы? – переспросил Адолин, прикоснувшись к голове.

– Да, – ответила Шаллан, пытаясь расшевелить свои вялые мозги. – В Джа Кеведе нечасто встретишь светлые волосы.

– Некоторые видят в них знак смешения кровей в моей родословной.

– Забавно. То же самое говорят по поводу моих волос.

Она улыбнулась ему. Похоже, правильный шаг, поскольку он улыбнулся в ответ. Обмениваясь репликами, Шаллан не проявила чудес ораторского искусства, но все было не так уж плохо, пока Адолин улыбался.

Далинар откашлялся. Шаллан моргнула. Она совершенно забыла, что кронпринц стоит рядом.

– Адолин, – сказал он, – принеси мне немного вина.

– Отец? – Адолин повернулся к нему. – О! Хорошо.

Он ушел. Глаза Аш, этот мужчина – красавец. Шаллан повернулась к Далинару, который красавцем не был. О, он, несомненно, видный мужчина, но его нос когда-то сломали, а лицо казалось немного неправильным. Синяки тоже не добавляли привлекательности.

На самом деле, он был откровенно пугающим.

– Я хотел бы узнать о тебе больше, – мягко сказал Далинар. – Точный статус твоей семьи, и почему ты так стремишься быть связанной с моим сыном.

– Моя семья в нужде, – ответила Шаллан. Ей казалось, что честность была лучшим вариантом в разговоре с таким человеком. – Мой отец мертв, но люди, которым мы должны деньги, пока не в курсе. Я не задумывалась о союзе с Адолином, пока эту идею не предложила Джасна, но восприняла ее с энтузиазмом, если позволите. Замужество с представителем вашего дома обеспечит моей семье хорошую защиту.

Она все еще не знала, что делать с преобразователем, который повис долгом на ее братьях. Одно дело за раз.

Далинар хмыкнул. Он не ожидал от нее такой прямоты.

– Значит, тебе нечего предложить, – сказал он.

– Исходя из того, что о вас рассказывала Джасна, – ответила Шаллан, – полагаю, что мои предложения касательно денег или политики вас не интересуют. Если бы вам хотелось организовать союз, основанный на подобных вещах, вы бы женили принца Адолина годы назад.

Она поморщилась от собственной прямолинейности.

– Со всем возможным уважением, светлорд.

– Я не в обиде, – ответил Далинар. – Мне нравится, когда люди говорят прямо. Только потому, что я хочу позволить сыну высказать свое мнение в этом вопросе, не значит, что я не хочу хорошо его женить. Женщина из незначительного чужеземного дома, открыто признающая, что ее семья нуждается и которой нечего предложить при вступлении в союз?

– Я не говорила, что мне нечего предложить, – проговорила Шаллан. – Светлорд, сколько учеников взяла Джасна Холин за последние десять лет?

– Ни одного, насколько я знаю, – признал он.

– А вы знаете, скольким она отказала?

– Я подозреваю.

– Тем не менее она взяла меня. Может ли это служить подтверждением того, что я в состоянии кое-что предложить?

Далинар медленно кивнул.

– Пока что мы сохраним помолвку, – сказал он. – Причина, по которой я согласился на нее изначально, до сих пор не изменилась – я хочу, чтобы Адолин

считался недоступным для тех, кто хотел бы манипулировать им в политических целях. Если ты сможешь каким-то образом убедить меня, светледи Навани и, конечно же, самого парня, мы перейдем от предварительной помолвки к полноценной. А пока что я назначу тебя одним из моих младших служащих. Ты сможешь проявить себя на этой позиции.

Хоть и щедрое, предложение кронпринца показалось Шаллан затягивающимися вокруг нее веревками. Жалования младшего служащего хватит на жизнь, но без излишеств. И она не сомневалась, что Далинар станет за ней присматривать. Его глаза были пугающе пронизательными. Она не сможет сделать и шага, чтобы он не узнал.

Его милость превратится для нее в тюрьму.

– Очень щедрое предложение с вашей стороны, светлорд, – услышала Шаллан свои слова, – но на самом деле я думаю...

– Далинар! – позвал кто-то из глубины зала. – Мы начнем этот совет когда-нибудь снова или я могу приказать подавать настоящий ужин?!

Далинар повернулся к полному, бородатому мужчине в традиционной одежде – открытой спереди накидке, одетой поверх свободной рубашки, и юбке воина, которая называлась такама.

«Кронпринц Себариаал», – подумала Шаллан.

Джасна описала его как неприятного и бесполезного человека. Даже для Садеаса она использовала более мягкие слова, отмечая, что ему не стоит доверять.

– Хорошо, хорошо, Себариаал, – проговорил Далинар, отходя от Шаллан, и направился к группе стульев в центре зала.

Он уселся на один из них, устроившись за столом. Гордый человек с выдающимся носом сел рядом с ним. Должно быть, это король Элокар. Он оказался моложе, чем представляла Шаллан. Почему Себариаал призвал продолжить совет Далинара, а не короля?

Несколько следующих минут, пока высокородные мужчины и женщины рассаживались в роскошных креслах, стали для Шаллан испытанием ее подготовки. Рядом с каждым стоял маленький столик, а за ним – слуга для важных поручений. Множество паршменов следили, чтобы на столах всегда было достаточно вина, орешков, а также свежих и сушеных фруктов. Шаллан вздрагивала каждый раз, когда кто-то из паршменов проходил мимо.

Она мысленно перебрала кронпринцев. Садеаса было легко узнать по красному лицу, причиной чего являлись видимые под кожей вены, как у ее отца после запоя. Другие кивали и пропускали его садиться первым. Похоже, он вызывал такое же уважение, как и Далинар. Его жена Иалай оказалась женщиной с тонкой шеей, пухлыми губами, пышным бюстом и широким ртом. Джасна отмечала, что она так же умна, как и муж.

С обеих сторон от этой пары сидели два кронпринца. Одним из них был Аладар, знаменитый дуэлянт. Невысокого мужчину Джасна отметила в своих записях как могущественного кронпринца, любящего рисковать. Он был знатоком запрещенных девотариями азартных игр, основанных на случайных шансах. Судя по всему, он и Садеас находились в дружеских отношениях. Разве они не враждовали? Шаллан читала, что они часто вздорили из-за земель. Ну, очевидно, этот камень преткновения был разбит, так как казалось, что они заодно, когда посматривали на Далинара.

С другой стороны сидели кронпринц Рутар и его супруга. Джасна считала их немногим лучше обыкновенных воров, но предупреждала, что пара опасна и склонна к авантюрам.

По всей видимости, присутствующие в зале расположились таким образом, что их глаза устремились на эти две фракции. Король и Далинар против Садеаса,

Рутара и Аладара. Очевидно, что с тех пор, как Джасна делала свои записи, политические альянсы изменились.

Голоса в зале смолкли, и, похоже, никого не волновало то, что Шаллан их рассматривает. Адолин сел позади отца рядом с носившим очки юношей помоложе и пустым местом, вероятно, приготовленным для Навани. Шаллан осторожно обошла зал. По его периметру стояли охранники, слуги и даже несколько мужчин в Доспехах Осколков. Она держалась в поле зрения Далинара на случай, если он ее заметит и решит подозвать.

Светледи Джайла Рутар заговорила первой, склонившись над сложенными руками.

– Ваше величество, – сказала она, – боюсь, что наша сегодняшняя беседа ходит по кругу, мы так ничего и не достигли. Ваша безопасность, конечно, вызывает наибольшее беспокойство.

В кругу кронпринцев громко чавкнул Себариаал, вгрызаясь в дольку дыни. Все остальные, видимо, демонстративно игнорировали неприятного, бородатого человека.

– Да, – сказал Аладар. – Убийца в Белом. Надо что-то делать. Я не буду сидеть в своем дворце и ждать, пока меня убьют.

– Он убивает принцев и королев по всему миру! – воскликнул Ройон.

Своими сутулыми плечами и лысеющей головой этот мужчина напомнил Шаллан черепаху. Что там писала о нем Джасна?..

«Что он трус, – подумала Шаллан. – Всегда выбирает безопасный вариант».

– Мы должны представлять объединенный Алеткар, – сказал Хатам. Шаллан сразу узнала его по длинной шее и изысканной манере говорить. – Нельзя позволять атаковать нас поодиночке, и нам не следует пререкаться из-за пустяков.

– Вот почему ты должен в точности следовать моим приказам, – нахмурившись, ответил король кронпринцу.

– Нет, – вмешался Рутар, – вот почему мы должны отказаться от тех смехотворных ограничений, которые вы на нас наложили, ваше величество! Сейчас не время выглядеть глупо перед всем миром.

– Прислушайтесь к Рутару, – сухо проговорил Себариаал, откидываясь на спинку кресла. – Он эксперт в том, как выглядеть глупцом.

Спор продолжился, и Шаллан смогла получить хорошее представление о царящих настроениях. В действительности здесь было три фракции. Далинар и король, команда Садеаса и те, кого она обозначила для себя миротворцами. Под руководством Хатама, который, судя по его словам, являлся самым талантливым политиком в зале, третья группа стремилась занять промежуточное положение.

«Так вот что здесь происходит на самом деле, – подумала она, слушая, как Рутар спорит с королем и Адолином Холином. – Каждый из них пытается убедить нейтральных кронпринцев присоединиться к своей фракции».

Далинар говорил мало. Как и Садеас, который довольствовался тем, что предоставил кронпринцу Рутару и его жене высказываться за него. Эти двое смотрели друг на друга, Далинар – с нейтральным выражением, Садеас – с легкой улыбкой. Происходящее казалось довольно невинным, пока не заглянешь в их глаза. Сосредоточенные друг на друге, изредка моргающие.

В зале бушевал шторм. Безмолвный шторм.

Каждый кронпринц, по всей видимости, принадлежал к одной из трех фракций, за исключением Себариаала, который продолжал закатывать глаза и изредка бросал комментарии, граничащие с непристойностями. Он явно заставлял других высокомерных аleti чувствовать себя неудобно.

Шаллан понемногу начала улавливать подтекст разговора. Эти слова о запретах и правилах, наложенных королем... Сами по себе правила не имели

значения, важен был стоящий за ними авторитет. Насколько кронпринцы подчиняются королю и сколько они могут потребовать независимости? Завораживающе.

Как раз в этот момент один из них заметил Шаллан.

– Подождите-ка, – проговорил Вама, один из нейтральных кронпринцев. – Кто та девушка? У кого-то в свите есть веденка?

– Она говорила с Далинаром, – сказал Ройон. – Есть новости из Джа Кевода, которые ты скрываешь от нас, Далинар?

– Эй, девушка, – позвала Иалай Садеас. – Что ты можешь рассказать нам о войне за трон на твоей родине? У тебя есть сведения о том убийце? Зачем наемнику паршенди стремиться подорвать ваше королевство?

Все взгляды в зале обратились к Шаллан. На мгновение она почувствовала абсолютную панику. Самые значительные люди в мире расспрашивают, сверлят ее глазами...

И тут она вспомнила рисунок. Ту, кем она была.

– Увы, – ответила Шаллан, – я не слишком смогу вам помочь, светлорды и светледи. Я находилась далеко от родины, когда случилось трагическое убийство, и не имею представления о его причинах.

– Тогда что ты здесь делаешь? – мягко, но настойчиво спросил Хатам.

– Очевидно, что она наблюдает за нашим зверинцем, – прокомментировал Себарииал. – То, как вы строите из себя дураков, – лучшее бесплатное развлечение, которое можно найти в этой замерзшей пустоши.

Вероятно, разумнее всего его игнорировать.

– Я подопечная Джасны Холин, – произнесла Шаллан, встретившись глазами с Хатамом. – Я здесь по личным причинам.

– А, – проговорил Аладар. – Воображаемая помолвка, до меня доходили слухи.

– Все верно, – сказал Рутар.

Он имел явно отталкивающий вид, с темными масляными волосами, крепкими руками и бородой вокруг рта. Однако больше всего раздражала его улыбка – улыбка, казавшаяся чересчур хищной.

– Дитя, тебе не составит труда посетить мой лагерь и поговорить с моими писцами? Мне нужно знать, что происходит в Джа Кеводе.

– Я предложу кое-что получше, – вмешался Ройон. – Где ты остановилась, девушка? Приглашаю тебя посетить мой дворец. Я тоже хочу услышать о твоей родине.

Но... она же только что сказала, что ничего не знает...

Шаллан попыталась вспомнить, чему ее учила Джасна. Их не интересует Джа Кевед. Они хотят выудить информацию о ее помолвке – кронпринцы подозревают, что ей есть о чем рассказать.

Двое, только что ее пригласившие, были среди тех, кого Джасна считала наименее сведущими в политике. Другие, подобные Аладару и Хатаму, подождали бы возможности сделать предложение наедине, чтобы не афишировать свои интересы публично.

– Твоя забота неуместна, Ройон, – сказал Далинар. – Она, несомненно, останется в моем лагере и займет место среди моих служащих.

– В действительности, – сказала Шаллан, – я не имела возможности ответить на ваше предложение, светлорд Холин. Я бы с удовольствием воспользовалась шансом поступить к вам на службу, но, увы, уже получила должность в другом военном лагере.

В зале воцарилась оглушительная тишина.

Шаллан знала, что хочет сказать дальше. Рискованная авантюра из тех, которые Джасна никогда бы не одобрила. Так или иначе, девушка обнаружила,

что говорит вслух, доверившись интуиции. В конце концов, в искусстве это работало.

– Светлорд Себариаал, – проговорила Шаллан, посмотрев в сторону так ненавистного Джасне бородатого мужчины, – первым предложил мне должность и пригласил остановиться у него.

Кронпринц чуть не поперхнулся вином. Прищурившись, он посмотрел на Шаллан поверх бокала.

Она пожала плечами, надеясь, что жест выглядит невинным, и улыбнулась. Пожалуйста...

– Э-э, все верно, – ответил Себариаал, откидываясь в кресле. – Она дальняя родственница. Меня замучает совесть, если я не позабочусь о том, где ей остановиться.

– Его предложение было довольно щедрым, – продолжила Шаллан. – Три полных брума содержания в неделю.

Себариаал вытаращил глаза.

– Я ничего не знал, – сказал Далинар, переводя взгляд с Себариаала на Шаллан.

– Приношу свои извинения, светлорд, – проговорила Шаллан. – Мне следовало сказать вам. Я считаю, что неуместно оставаться в доме того, кто за мной ухаживает. Уверена, вы меня понимаете.

Далинар нахмурился.

– Чего я действительно не понимаю, так это почему кто-то хочет быть ближе к Себариаалу, чем необходимо.

– Ах, дядя Себариаал вполне терпим, как только вы к нему привыкнете, – сказала Шаллан. – Он как очень раздражающий шум, который в конечном счете перестаешь замечать.

Большинство, судя по всему, ужаснулось ее комментарию, хотя Аладар улыбнулся. Себариаал же, как она и надеялась, громко рассмеялся.

– Полагаю, все улажено, – недовольно произнес Рутар. – Надеюсь, ты захочешь посетить меня хотя бы ненадолго.

– Отстань от нее, Рутар, – ответил Себариаал. – Для тебя она слишком молода. Хотя в твоем случае, уверен, это дело не займет много времени.

Рутар поперхнулся.

– Я не имел в виду... Ты, заплесневелый старый... Ба!

Шаллан была рада, что внимание переключилось с нее обратно на предмет обсуждения, потому что последний комментарий заставил ее покраснеть. Себариаал вел себя неуместно. Однако по-прежнему казалось, что он прилагает все усилия, чтобы оставаться вне политических дискуссий, и именно к этому стремилась Шаллан. К позиции, обеспечивающей наибольшую независимость. Она будет работать с Далинаром и Навани над записями Джасны, но не окажется у них в долгу.

«Но есть ли какая-то разница, если я буду обязанной другому человеку?» – подумала Шаллан, обходя зал, чтобы добраться до места Себариаала, где он сидел без жены или сопровождающих его членов семьи. Кронпринц был не женат.

– Я чуть не приказал вышвырнуть тебя за дверь, девочка, – тихо сказал Себариаал, потягивая вино и не глядя на нее. – Глупый ход отдать себя в мои руки. Все знают, что мне нравится поджигать вещи и наблюдать за тем, как они горят.

– Так ведь не вышвырнули же, – ответила Шаллан. – Так что это не глупый ход. Просто риск, который стоил того.

– Ты все равно можешь обжечься. Разумеется, я не буду платить три брума. Почти столько же стоит моя любовница, а от нее я хоть что-то получаю.

– Вы будете платить, – сказала Шаллан. – Вопрос подтвержден при свидетелях. Но не беспокойтесь, я отработаю свое содержание.

– У тебя есть информация о Холине? – спросил Себариаал, изучая свое вино. Значит, на самом деле ему есть дело до происходящего.

– Да, есть, – ответила Шаллан. – Меньше о Холине и больше о самом мире. Доверьтесь мне, Себариаал. Вы только что заключили очень выгодное соглашение. Ей необходимо придумать, в чем будет состоять его выгода.

Остальные продолжали спорить об Убийце в Белом, и Шаллан поняла, что он нанес удар и здесь, но его атаку отбили. Когда Аладар свел разговор к жалобам на то, что его драгоценные камни отобрал трон – Шаллан не удалось выяснить причины их конфискации – Далинар Холин медленно встал. Он двигался, как катящийся валун. Неотвратимый, непреклонный.

Аладар умолк.

– По дороге я прошел мимо любопытной груды камней, – произнес Далинар. – Они показались мне примечательными. Растрескавшийся сланец, выветренный сверженными, был навален на более прочный камень. Кучу тонких пластин словно уложила рука смертного.

Остальные посмотрели на Далинара как на сумасшедшего. Его слова зацепили что-то в памяти Шаллан. Цитата из какой-то прочитанной в прошлом книги.

Далинар развернулся и подошел к открытому окну с подветренной стороны зала.

– Но не человек сложил те камни. Они выглядели ненадежными, но на самом деле были довольно прочными, формация из когда-то погребенных слоев теперь вышла под открытое небо. Я удивился, как стало возможным то, что они сохранились такими аккуратными слоями под яростью обрушивающихся на них бурь. Вскоре я выяснил, в чем дело. Обнаружилось, что однонаправленная сила прижимает их один к другому и к скале позади них. Никакое давление, которое я смог приложить таким же образом, не заставило их сдвинуться. И все же, когда я вынул один камень из основания – вытягивая его вместо того, чтобы проталкивать – вся гряда обрушилась как миниатюрная лавина.

Все находящиеся в зале уставились на Холина, пока Себариаал наконец не высказал общую мысль.

– Далинар, – произнес толстяк, – во имя одиннадцатого названия Бездны, о чем ты говоришь?

– Наши методы не работают, – сказал Далинар, оглянувшись на остальных. – Прошли годы войны, а мы до сих пор топчемся на месте. Мы способны сражаться с этим убийцей не лучше, чем той ночью, когда он убил моего брата. Король Джа Кеведа выставил трех Носителей Осколков и половину армии против этого создания и умер с Клинком в груди, его Осколки подобрали прихлебатели. Если мы не можем победить убийцу, тогда необходимо избавиться от причины, по которой он атакует. Если мы захватим или уничтожим его нанимателей, тогда, возможно, удастся признать недействительным связывающий его контракт. Последнее, что нам известно, – его наняли паршенди.

– Отлично, – сухо проговорил Рутар. – Нам осталось всего лишь выиграть войну, что мы и пытались сделать на протяжении всего-то пяти лет.

– Мы не пытались, – ответил Далинар. – По крайней мере, недостаточно усердно. Я намереваюсь заключить мир с паршенди. Если они не согласятся на наши требования, я отправлюсь на Разрушенные равнины вместе со своей армией и всеми, кто захочет присоединиться. Больше не будет никаких игр со сражениями за гемсердца на плато. Я направлю удар на лагерь паршенди, найду его и уничтожу их раз и навсегда.

Король еле слышно вздохнул, откинувшись на сиденье. Шаллан решила, что он ожидал такого решения.

– Выбраться на Разрушенные равнины, – проговорил Садеас. – Судя по всему, идея изумительна. Тебе стоит попробовать ее осуществить.

– Далинар, – произнес Хатам с преувеличенной заботой в голосе. – Я не вижу изменений в нашей ситуации. Разрушенные равнины до сих пор слабо исследованы, и лагерь паршенди может быть буквально где угодно, затерянный среди простирающейся на сотни миль местности, которую наши армии способны преодолевать лишь с огромными трудностями. Мы согласились, что нападение на их лагерь неразумно до тех пор, пока они сами к нам являются.

– Их желание появляться самим, Хатам, – ответил Далинар, – оказалось проблемой, потому что мы вынуждены сражаться на их условиях. Нет, наша ситуация не изменилась. В отличие от нашей решимости. Эта война продолжается слишком долго. Я положу ей конец, так или иначе.

– Звучит чудесно, – сказал Садеас. – Ты выступишь завтра или подождешь еще денек?

Далинар одарил его презрительным взглядом.

– Просто пытаюсь оценить, когда освободится лагерь, – невинно пояснил Садеас. – Я практически исчерпал свои территориальные ресурсы и не возражал бы против того, чтобы занять еще один лагерь после того, как тебя и твою армию уничтожат паршенди. Если подумать, то после всех неприятностей, свалившихся на твою голову, когда ты позволил себя окружить, ты снова собираешься проделать то же самое.

Адолин с раскрасневшимся лицом поднялся за спиной отца, у его ног пузырились спрены гнева, похожие на лужи крови. Брат убедил его сесть обратно. Здесь явно было что-то такое, о чем Шаллан не знала.

«Я вмешалась в самую гущу событий без малейшего понятия о текущей обстановке, – подумала она. – Шторма, хорошо, что меня до сих пор не прожевали и не выплюнули».

Внезапно она перестала так сильно гордиться достижениями текущего дня.

– Перед вчерашним сверхштормом, – проговорил Далинар, – прибыл посланник паршенди – первый, кто захотел поговорить с нами за все время. Он сказал, что его лидеры желают обсудить возможность заключения мира.

Кронпринцы выглядели ошеломленными.

«Мир?» – подумала Шаллан с колотящимся сердцем.

Определенно, мир облегчит ей задачу выбраться наружу и найти Уритиру.

– В ту же ночь, – тихо продолжил Далинар, – нанес удар убийца. Снова. В прошлый раз он атаковал сразу после того, как мы подписали мирный договор с паршенди. Теперь он в очередной раз появляется в день, когда поступило предложение о мире.

– Вот ублюдки, – тихо произнес Аладар. – Это у них какой-то извращенный ритуал, что ли?

– Может быть, всего лишь совпадение, – ответил Далинар. – Убийца наносил удары по всему миру. Понятно, что паршенди не связывались со всеми теми людьми. Однако случившиеся события меня насторожили. Я даже задаюсь вопросом, не подставили ли самих паршенди и не использует ли кто-то убийцу, чтобы убедиться, что в Алеткаре никогда не наступит мир. Но с другой стороны, паршенди заявили, что наняли его, чтобы убить моего брата...

– Возможно, они в отчаянии, – сказал Ройон, вжимаясь в кресло. – Одна их фракция просит мира, в то время как другая делает все возможное, чтобы нас уничтожить.

– В любом случае я рассчитываю на худшее, – проговорил Далинар, взглянув на Садеаса. – Я отправлюсь в центр Разрушенных равнин, чтобы или победить паршенди в битве, или принять их капитуляцию и разоружение. Но подготовка к экспедиции потребует времени. Мне понадобится обучить людей для

длительной операции и направить разведчиков, чтобы они составили карту плато до центра равнин. Кроме того, необходимо выбрать новых Носителей Осколков.

– ...новых Носителей Осколков? – переспросил Ройон, в любопытстве вытянув свою похожую на черепашую голову.

– Вскоре у меня появится больше Осколков, – пояснил Далинар.

– И можем ли мы узнать источник такого удивительного клада? – спросил Аладар.

– Как же, ведь Адолин выиграл их у вас всех, – сказал Далинар.

Некоторые усмехнулись, как будто прозвучала шутка. Но Далинар, похоже, не шутил. Он уселся обратно. Остальные восприняли его жест как знак окончания совета, и снова показалось, что в действительности правит Далинар, а не король.

«Соотношение сил здесь полностью изменилось, – подумала Шаллан. – Так же, как и суть войны».

Заметки Джасны о дворе алетии явно устарели.

– Что ж, полагаю, ты захочешь сопроводить меня обратно в мой лагерь, – сказал ей Себариаал, вставая. – Судя по всему, сегодняшний совет не стал обычной тратой времени, когда я вынужден выслушивать, как хвастуны скрыто угрожают друг другу – в этот раз он стоил мне кучи денег.

– Могло быть и хуже, – ответила Шаллан, помогая пожилому мужчине подняться, поскольку казалось, что он нетвердо держится на ногах. Ощущение исчезло, как только он встал и выдернул руку.

– Хуже? Каким образом?

– Я могла бы оказаться настолько же скучной, насколько и дорогой.

Он посмотрел на нее и рассмеялся.

– Думаю, ты права. Ну, пойдем.

– Минутку, – проговорила Шаллан. – Идите вперед, я догоню вас у экипажа.

Она отошла, ища короля, которому хотела лично доставить вести о смерти Джасны. Он воспринял известие спокойно, с королевским достоинством. Скорее всего, Далинар уже обо всем ему рассказал.

Покончив с этим делом, Шаллан отправилась на поиски королевских писцов. Некоторое время спустя она покинула зал совета и обнаружила Ватаха и Газа, нервно ожидающих снаружи. Она передала Ватаху листок бумаги.

– Что там такое? – спросил он, разворачивая его.

– Приказ о помиловании, – ответила Шаллан. – С печатью короля. Для тебя и твоих людей. В ближайшем будущем мы получим личные именные приказы для каждого, но пока что он поможет избежать вам ареста.

– Вы действительно это сделали? – спросил Ватах, просматривая приказ, хотя явно не мог понять смысл написанного. – Шторма, вы и в самом деле сдержали слово?

– Конечно, – ответила Шаллан. – Обрати внимание, что он аннулирует только прошлые преступления, так что скажи своим людям, чтобы они вели себя лучшим образом. Теперь нам пора. Я позаботилась о месте, где мы сможем остановиться.



Четыре года назад

Отец устраивал пиры, так как притворялся, что все было в порядке. Он приглашал местных светлордов из ближайших деревень, угощал их и поил вином, выставлял напоказ свою дочь.

На следующий день, когда все разъезжались по домам, светлорд Давар сидел за столом и выслушивал писцов, которые рассказывали, насколько он обеднел. Иногда Шаллан заставляла его в такие моменты – он держался за лоб, уставившись в пустое пространство.

Но, по крайней мере, этим вечером они пировали и притворялись.

– Вы, конечно же, встречались с моей дочерью, – произнес отец, сделав жест в сторону Шаллан, пока его гости рассаживались за столом. – Жемчужина дома Давар, наша самая большая гордость.

Гости – светлоглазые, живущие через две долины, – вежливо кивнули, в то время как отцовские паршмены внесли вино. И рабы, и вино были способом продемонстрировать богатство, которым отец на самом деле не обладал. Шаллан начала помогать ему с бухгалтерскими расчетами, в этом заключались ее дочерние обязанности. Она знала, как в действительности обстоят дела с их финансами.

Вечерняя прохлада отступила благодаря потрескивающему камину. В каком-то другом доме эта комната могла бы показаться уютной. Но не здесь.

Слуги налили ей вина. Желтое, средней крепости. Отец пил фиолетовое, зная, как оно подействует. Он разместился за высоким столом, расположенным в середине комнаты – той самой комнаты, где Хеларан угрожал убить его полтора года назад. Полгода назад они получили от Хеларана короткое письмо, а также книгу для Шаллан авторства известной Джасны Холин.

Дрожащим голосом Шаллан прочитала отцу записку брата. В ней было не так уж много слов. В основном скрытые угрозы. Тем вечером отец избил одну из служанок практически до смерти. Исан хромала до сих пор. Слуги больше не сплетничали о том, что отец убил свою собственную жену.

«Никто не осмеливается ему сопротивляться, – подумала Шаллан, бросив взгляд в сторону отца. – Мы все слишком напуганы».

Трое других братьев Шаллан сидели тесной группой за своим собственным столом. Они избегали смотреть на отца и общаться с гостями. На столах сияло

несколько маленьких кубков, наполненных сферами, но в целом комнату можно было бы осветить получше. Ни сферы, ни камин не могли разогнать полумрак. Она думала, что отцу нравится такая атмосфера.

Один из светлоглазых гостей, светлорд Тавинар, был худощавым, хорошо одетым мужчиной, носившим темно-красный шелковый сюртук. Он с женой сидел за высоким столом рядом, между ними разместились их дочь-подросток. Шаллан прослушала, как ее зовут.

За время ужина отец несколько раз пытался с ними заговорить, но получал лишь односложные ответы. Считалось, что это пир, но никто, похоже, не получал удовольствия от происходящего. Казалось, что гости были бы рады вообще отказаться от приглашения, но отец обладал большим политическим весом, чем они, поэтому хорошие отношения с ним представляли ценность.

Шаллан уткнулась в свою тарелку, слушая, как отец хвастается новой племенной громгончей. Он рассказывал, как они процветают. Ложь.

Она не хотела ему возражать. Отец хорошо к ней относился. Он всегда хорошо к ней относился. Но все же, разве не должен кто-нибудь предпринять хоть что-то?

Хеларан мог бы что-то сделать. Но он их покинул.

Становилось все хуже и хуже. Кто-то должен что-то сделать, сказать что-нибудь, изменить отца. Ему не стоило делать то, что он делал: напивался, бил темноглазых...

Унесли первую перемену блюд. Затем Шаллан кое-что заметила. Балат, которого отец начал называть нан-Балат, как будто тот был старшим, не переставая смотрел на гостей. Шаллан удивилась. Обычно он не обращал на них внимания.

Дочь Тавинара перехватила его взгляд, улыбнулась и вернулась к еде. Шаллан моргнула. Балат... и эта девушка? Как странно, если задуматься.

Отец, судя по всему, ничего не заметил. Наконец он встал и поднял кубок.

– Сегодня вечером я славлю хороших соседей и крепкое вино.

Тавинар с супругой нерешительно подняли кубки. Шаллан только начала изучать нормы поведения и морали – это было нелегко, поскольку ее учителя постоянно менялись, – но она уже знала, что достойному воринскому светлорду не приличествовало прославлять пьянство. Не то чтобы он не мог напиться, но, согласно воринизму, о таких вещах не говорили вслух. Подобная щепетильность не являлась сильной стороной характера ее отца.

– Сегодня важный вечер, – продолжил отец, сделав глоток вина. – Я только что получил вести от светлорда Гевельмара, который, полагаю, тебе известен, Тавинар. Я слишком долго прожил без жены. Светлорд Гевельмар отправляет ко мне свою младшую дочь вместе с предписанием о браке. Мои арденты проведут церемонию в конце месяца, и я обзаведусь женой.

Шаллан похолодела и поплотнее закуталась в шаль. Вышеупомянутые арденты ужинали в молчании, сидя за отдельным столом. Трое мужчин были в равной степени седовласыми и прослужили достаточно долго, чтобы помнить отца Шаллан еще юношей. Так или иначе, они относились к ней с добротой, и девочка получала удовольствие от учебы, даже когда все остальное, по-видимому, просто разваливалось на части.

– Почему все молчат? – требовательно спросил отец, оглядывая комнату. – Я только что объявил о своей помолвке! Вы выглядите, как куча штормовых аleti. Мы веденцы! Пошумите, идиоты.

Гости вежливо похлопали, хотя выглядели еще более стесненно, чем раньше. Балат и близнецы переглянулись, а затем слегка постучали по столу.

– Ну и пустота со всеми вами.

Отец рухнул на стул, а к низкому столу приблизились паршмены, каждый принес коробочку.

– Подарки для моих детей, чтобы отметить событие, – сказал отец, взмахнув рукой. – Вот еще! Не знаю, зачем проявил столько заботы.

Он допил остатки вина.

Мальчикам достались кинжалы – отличные экземпляры, с гравировкой как у Клинков Осколков. Шаллан получила ожерелье из внушительных серебряных звеньев. Она молча взяла его в руки. Отцу не нравилось, когда она много разговаривала на пирах, хотя он всегда сажал ее поближе к высокому столу.

Он никогда на нее не кричал. Не напрямую. Временами ей хотелось, чтобы он так поступал. Может быть, тогда Джушу не обижался бы на нее так сильно. Он...

Дверь в пиршественный зал резко распахнулась. Слабый свет упал на высокого мужчину в темной одежде, стоящего на пороге.

– Что за безобразие! – воскликнул отец, вскочив и ударив кулаками по столу. – Кто смеет врываться ко мне на пир?

Мужчина шагнул внутрь. Его лицо было таким узким и вытянутым, как будто его прищемили. На отворотах длинного мягкого красно-коричневого сюртука красовались оборки, а то, как он поджимал губы, создавало впечатление, что незнакомец только что наткнулся на уличную уборную, переполнившуюся из-за дождя.

Один его глаз был ярко-голубым, другой – темно-карим. Одновременно и темноглазый, и светлоглазый. По спине Шаллан побежали мурашки.

К высокому столу подбежал слуга дома Давар и что-то зашептал на ухо отцу. Шаллан не расслышала его слова, но что бы там ни было, из облика ее отца тут же испарилась любая угроза. Он остался стоять с отвисшей челюстью.

Несколько слуг в красно-коричневых ливреях окружили новоприбывшего. Он шагнул вперед, с особой тщательностью выбирая, куда наступить, словно опасаясь во что-то вляпаться.

– Меня прислал его высочество кронпринц Валам, правитель этих земель. До его внимания дошли дурные слухи, упорно гуляющие по здешним местам. Слухи касательно смерти светлоглазой женщины.

Мужчина встретился взглядом с отцом.

– Мою жену убил ее любовник, – ответил тот. – Который потом совершил самоубийство.

– Некоторые люди рассказывают другую историю, светлорд Лин Давар, – проговорил незнакомец. – Эти слухи... причиняют беспокойство. Они вызывают недовольство его высочества. Если подчиняющийся ему светлорд убивает светлоглазую женщину, имеющую высокий статус, кронпринц не может просто не обращать внимания.

Отец не отреагировал с тем возмущением, которого ожидала от него Шаллан. Он лишь сделал жест в сторону дочери и гостей.

– Прочь, – приказал он. – Освободите место. С тобой, посланник, мы поговорим наедине. Не стоит тащить грязь за порог.

Из-за стола поднялся Тавинар, явно желающий уйти как можно быстрее. Девочка взглянула на Балата и что-то тихо прошептала, когда они уходили.

Отец посмотрел на Шаллан, и она поняла, что снова застыла после упоминания о матери, по-прежнему сидя на своем месте рядом с высоким столом отца.

– Дитя, – мягко проговорил отец, – иди посиди со своими братьями.

Она отошла, пройдя мимо посланника, подошедшего к высокому столу. Его глаза... Это был Редин, незаконнорожденный сын кронпринца. Поговаривали, что отец использовал сына как палача и наемного убийцу.

Так как ее братьев не прогнали из комнаты напрямую, они расселись в креслах перед камином, достаточно далеко, чтобы обеспечить отцу уединение. Братья оставили местечко для Шаллан, и она устроилась рядом с ними, слегка помяв великолепное шелковое платье. Завернутая в многочисленные слои, создающие объем, девочка чувствовала себя так, будто только платье имело значение, а сама она находилась где-то в другом месте.

Бастард кронпринца сел за стол вместе с отцом. Хотя бы кто-то вступил с ним в конфликт. Но вдруг сын кронпринца решит, что отец виновен? Что тогда? Расследование? Шаллан не хотела, чтобы с отцом что-то случилось. Она решила, что остановит тот мрак, который медленно душил их всех. Казалось, что после смерти матери из жизни ее семьи ушел весь свет.

Когда мать...

– Шаллан? – позвал Балат. – С тобой все в порядке?

Она встряхнулась.

– Можно мне взглянуть на кинжалы? С моего стола они выглядели очень красиво.

Виким просто уставился в огонь, но Балат кинул ей свой кинжал. Она неуклюже его поймала и вытащила из ножен, восхитившись тому, как в металлических завитках отражается свет камина.

Мальчики наблюдали за спреями огня, танцующими в пламени. Трое братьев больше не разговаривали друг с другом.

Балат оглянулся через плечо, бросив взгляд в сторону высокого стола.

– Хотел бы я услышать, о чем у них идет речь, – прошептал он. – Может быть, они уволочут его прочь. Будет справедливо, учитывая, что он сделал.

– Он не убивал мать, – тихо произнесла Шаллан.

– Ага. – Балат фыркнул. – Тогда что же произошло?

– Я...

Она не знала. Не могла об этом думать. Только не о том времени, не о том дне. Неужели отец действительно пошел на убийство? Шаллан снова почувствовала озноб, несмотря на тепло очага.

Вновь наступила тишина.

Кто-то... кто-то должен что-то сделать.

– Они разговаривают о растениях, – сказала Шаллан.

Балат и Джушу посмотрели на нее. Виким продолжал пялиться в огонь.

– О растениях, – повторил Балат ровным голосом.

– Да. Мне немного слышно.

– Я ничего не слышу.

Шаллан пожалала плечами из многочисленных слоев своего платья.

– У меня слух лучше, чем у тебя. Да, о растениях. Отец жалуется, что деревья в саду никогда его не слушают, когда он приказывает им подчиняться.

«Они теряют листья из-за болезни, – говорит он, – и отказываются отращивать новые».

«Вы пробовали бить их за непокорность?» – спрашивает посланник.

«Все время, – отвечает отец. – Я даже обломал их ветки, но они все равно не подчиняются! Полный беспорядок. Они должны хотя бы убирать за собой».

«Да, это проблема, – говорит посланник, – ведь деревья без листвы вряд ли кому-то нужны. К счастью, есть решение. Когда-то у моего кузена были деревья, которые вели себя таким же образом, и он обнаружил, что требовалось всего лишь петь им песни, и тогда их листья тут же отрастали заново».

«Ах, конечно же, – соглашается отец. – Я немедленно попробую поступить таким же образом».

«Надеюсь, у вас все получится».

«Что ж, если так, я действительно испытаю облегчение».

Ее братья уставились на нее, сбитые с толку.

В конце концов Джушу вскинул голову. Он был самым младшим из братьев и старше только самой Шаллан.

– Об... лист... вение...

Балат захохотал так громко, что на них посмотрел отец.

– О, это ужасно, – вымолвил Балат. – Это на самом деле ужасно, Шаллан. Тебе должно быть стыдно.

Она поуютней устроилась в своем платье, ухмыляясь. Даже на лице Викима, старшего близнеца, показалась улыбка. Она не видела, чтобы он улыбался уже... сколько?

Балат вытер слезы.

– На мгновение я действительно решил, что ты слышишь их разговор. Ты маленькая Несущая Пустоту. – Он глубоко вздохнул. – Шторма, но было так забавно.

– Нам нужно смеяться чаще, – ответила Шаллан.

– Наш дом – не подходящее место для смеха, – сказал Джушу, глотнув вина.

– Из-за отца? – спросила Шаллан. – Он один, а нас четверо. Нам просто стоит быть более оптимистичными.

– Оптимизм не изменит факты, – сказал Балат. – Хотел бы я, чтобы Хеларан не уезжал.

Он ударил кулаком по боковине кресла.

– Не завидуй его путешествиям, тет-Балат, – тихо проговорила Шаллан. – В мире столько мест – мест, которых мы, возможно, никогда не увидим. Пусть хоть один из нас побывает там. Подумай, какие истории он расскажет, вернувшись назад. Краски жизни.

Балат оглядел тусклую комнату из черного камня с беззвучно полыхающими оранжево-красными каминами.

– Краски жизни. Я бы не возражал, если бы здесь, вокруг, появилось больше красок.

Джушу улыбнулся.

– Любое изменение лучше, чем наблюдать за лицом отца.

– Только не надо цепляться к лицу отца, – ответила Шаллан. – Оно достаточно хорошо выполняет свою задачу.

– Которая заключается в?..

– В напоминании нам всем, что есть вещи похуже, чем его запах. На самом деле вполне себе благородное призвание.

– Шаллан! – воскликнул Виким.

Он разительно отличался от Джушу. Худощавый, с глубоко посаженными глазами, Виким стриг волосы так коротко, что выглядел почти как ардент.

– Не говори такие вещи, когда тебя может услышать отец.

– Он поглощен разговором, – ответила Шаллан. – Но ты прав. Наверное, мне не нужно выставлять нашу семью на посмешище. Дом Давар – особенный и долговечный.

Джушу поднял свою чашу. Виким резко кивнул.

– Правда, – добавила она, – то же самое можно сказать и о бородавке.

Джушу чуть не подавился вином. Балат снова захохотал во все горло.

– Прекратите безобразие! – закричал на них отец.

– Это ведь пир! – крикнул Балат в ответ. – Разве не ты просил нас вести себя более по-веденски?!

Отец смерил его взглядом и вернулся к беседе с посланником. Они склонились друг к другу через высокий стол, причем поза отца была умоляющей, а бастард кронпринца сидел с поднятой бровью и неподвижным лицом.

– Шторма, Шаллан, – сказал Балат. – Когда ты успела стать такой умной?

Умная? Она не чувствовала себя умной. Внезапно нахальство сказанного заставило Шаллан вжаться в кресло. Слова как-то сами выскальзывали из ее рта.

– Я просто... просто прочла это в книге.

– Ну, тогда ты должна больше читать таких книг, крошка, – проговорил Балат. – От них здесь кажется светлее.

Отец с силой ударил рукой по столу, от чего подпрыгнули кубки и загремели тарелки. Шаллан взволнованно взглянула на него, а он наставил палец на посланника и начал что-то говорить. Слишком тихо и далеко, чтобы Шаллан могла разобрать, о чем шла речь, но она знала этот взгляд отца. Она видела его много раз перед тем, как он брал свою трость – а однажды даже кочергу – чтобы наказать одного из слуг.

Посланник встал одним плавным движением. Его утонченность казалась щитом, о который разбивался нрав отца.

Шаллан ему позавидовала.

– Похоже, я ничего не добьюсь этим разговором, – громко произнес посланник. Он смотрел на отца, но его тон, по всей видимости, подразумевал, что слова были обращены ко всем. – Я приехал, готовый к подобной неизбежности. Кронпринц наделил меня властью, и я очень хотел бы узнать правду о тех событиях, что произошли в этом доме. Я буду рад услышать любого урожденного светлоглазого, который захочет засвидетельствовать в этом деле.

– Им нужны показания светлоглазых, – тихо проговорил Джушу братьям и сестре. – Отец все еще настолько важен, что они не могут просто его убрать.

– Был один человек, – громко произнес посланник, – который хотел рассказать нам правду. Но теперь он недоступен. Обладает ли кто-то из вас его мужеством? Отправитесь ли вы со мной, чтобы засвидетельствовать перед кронпринцем о преступлениях, совершенных на этих землях?

Он посмотрел на них четверых. Шаллан сжалась в своем кресле, стараясь выглядеть маленькой. Виким не отводил взгляда от пламени. Джушу, похоже, хотел встать, но затем выругался и отвернулся к вину, его лицо покраснело.

Балат. Балат схватился за ручки кресла, словно хотел подняться на ноги, но затем взглянул на отца. Глаза отца по-прежнему светились напряженностью. Первая стадия его ярости наступала, когда он кричал и бросался предметами в слуг.

Когда наступала вторая стадия и его ярость становилась холодной – тогда он был по-настоящему опасен. Отец замолкал. Это происходило, когда затихали все крики.

По крайней мере, крики отца.

– Он меня убьет, – прошептал Балат. – Если я скажу хоть слово, он меня убьет.

Его напускная храбрость растаяла. Он больше не казался мужчиной – всего лишь юношей, перепуганным подростком.

– Ты могла бы это сделать, Шаллан, – зашипел на нее Виким. – Отец не посмеет тебя тронуть. К тому же, ты на самом деле видела, что произошло.

– Я не видела, – прошептала она.

– Ты была там!

– Я не знаю, что случилось. Не помню.

Ничего не случилось. Ничего.

В камине сдвинулось прогоревшее бревно. Балат уставился в пол и не встал. Никто из них не встал. Между ними закружилось несколько прозрачных цветочных лепестков, исчезающих из вида. Спрены стыда.

– Понятно, – проговорил посланник. – Если кто-то из вас... вспомнит правду в будущем, вы найдете готовых выслушать вас в Веденаре.

– Тебе не удастся развалить наш дом на части, ублюдок, – проговорил отец, вставая. – Мы стоим друг за друга стеной.

– Кроме тех, кто уже не может стоять, полагаю.

– Вон из моего дома!

Посланник одарил отца неприязненным взглядом и презрительно улыбнулся. Он как бы говорил: да, я ублюдок, но даже я не пал так низко, как ты. Затем он удалился, собрав своих людей, и было слышно, как бастард отдает краткие приказы, свидетельствующие о том, что он желает отправиться в путь по другим делам, несмотря на поздний час, и хочет оказаться как можно дальше от имения отца.

Когда он уехал, отец опустил обе руки на стол и глубоко вздохнул.

– Вон, – сказал он им четверым, уронив голову на руки.

Они замялись.

– Вон! – заревел отец.

Братья покинули комнату, Шаллан направилась к выходу вместе с ними. Перед ее глазами остался образ отца, утонувшего в кресле, обхватившего голову. Ее подарок, прекрасное ожерелье, лежал забытым в открытой коробочке на столе прямо перед ним.



То, что они отреагировали немедленно и с большим испугом, бесспорно. Подобная реакция была самой распространенной среди тех, кто отказался от своих клятв. Термин «Измена» тогда не применялся, но позже прочно вошел в обиход в качестве названия случившегося.

«Слова сияния», глава 38, страница 6

Себарииал разделил с Шаллан свой экипаж после того, как они покинули королевский дворец и направились к его военному лагерю. Узор продолжал тихо вибрировать в складках ее юбки, и девушке приходилось заставлять его вести себя потише.

Кронпринц сидел напротив, откинув голову к обитой мягким материалом стенке, и тихонько похрапывал под дребезжание экипажа. Земля здесь была

очищена от камнепочек и вымощена каменными плитами, уложенными слева и справа от центральной линии.

Солдатам Шаллан теперь ничего не угрожало, и они должны были присоединиться к ней позже. У девушки появились база для операций и постоянный источник дохода. Из-за напряженности встречи и последующего ухода Навани дом Холин пока не потребовал, чтобы она вернула все вещи Джасны. Ей по-прежнему необходимо сблизиться с Навани, чтобы заручиться помощью в исследовании, но до настоящего времени все складывалось вполне удачно.

Теперь Шаллан оставалось всего лишь спасти мир.

Себарииал всхрапнул и проснулся после короткого сна. Он поудобнее устроился на сиденье, почесывая щеку.

– Ты изменилась.

– Прошу прощения?

– Выглядишь моложе. Во время совета я дал бы тебе лет двадцать, возможно, двадцать пять. Но теперь вижу, что ты не можешь быть старше четырнадцати.

– Мне семнадцать, – сухо ответила Шаллан.

– Невелика разница, – фыркнул Себарииал. – Могу поклясться, раньше твоё платье выглядело поярче, черты лица – более острыми, более привлекательными... Видимо, дело в освещении.

– У вас такая привычка – оскорблять внешний вид молодых леди? – спросила Шаллан. – Или вы поступаете подобным образом только после того, как напустите слюней в их присутствии?

Себарииал ухмыльнулся.

– Тебя явно воспитывали не при дворе. Мне это нравится. Но будь осторожна. Оскорбишь здесь не тех людей – и расплата последует незамедлительно.

Сквозь окно экипажа Шаллан видела, что они наконец приближаются к лагерю, над которым реет знамя Себарииала. На нем были изображены глифы себес и лайал, стилизованные в виде ярко-золотого небоутря на черном поле.

Солдаты на воротах поприветствовали их, и Себарииал отдал приказания одному из мужчин проводить людей Шаллан в его особняк, когда те прибудут. Экипаж покатило дальше, Себарииал откинулся на сиденье и стал наблюдать за ней, будто что-то предвкушая.

Шаллан не могла понять, что именно. Возможно, она сделала неправильные выводы из его поведения. Девушка перевела внимание на вид за окном и вскоре решила, что это место являлось военным лагерем только по названию. Улицы оказались более прямыми, чем можно было бы ожидать от города, сформировавшегося естественным образом, но ей попадались на глаза гораздо больше гражданских, чем солдат.

Они проезжали мимо таверн, открытых рынков, магазинов и высоких построек, в которых легко могло разместиться с десятков семей. На улицах толпилось множество людей. Это место было не таким разношерстным и полным жизни, как Харбрант. Дома, выстроенные из крепкого дерева и камня, располагались вплотную друг к другу, чтобы было проще выдерживать свёрхшторма.

– Закругленные крыши, – заметила Шаллан.

– Мои инженеры говорят, что они лучше противостоят ветрам, – гордо ответил Себарииал. – Углы и стены зданий тоже закругленные.

– Столько людей!

– Почти все – постоянные жители. У меня самый большой штат портных, ремесленников и поваров во всех лагерях. Я уже запустил двенадцать мануфактур – текстиль, обувь, керамика, несколько мельниц. Еще я контролирую стеклодувов.

Шаллан повернулась к кронпринцу. Гордость в голосе Себариаала совсем не соответствовала тому, что Джасна писала об этом мужчине. Хотя, конечно, большинство ее заметок и сведений о кронпринцах появилось после несчастных визитов на Разрушенные равнины, последний из которых состоялся достаточно давно.

– Я слышала, – сказала Шаллан, – что ваш лагерь – один из наименее успешных в войне против паршенди.

В глазах Себариаала появился озорной блеск.

– Остальные гоняются за быстрой прибылью от гемсердец, но на что им тратить деньги? Скоро мои текстильные фабрики будут производить униформу по гораздо более низким ценам, чем привозную, а мои фермеры начнут обеспечивать нас более разнообразной пищей, чем та, что доступна благодаря преобразователям. Я выращиваю и лавис, и таллий, не говоря уж о свиных фермах.

– Вы скользкий угорь, – проговорила Шаллан. – Пока другие сражаются на войне, вы строите хозяйство.

– Требовалась осторожность, – сообщил он ей по секрету, наклонившись вперед. – Не хотел, чтобы они заметили, чем я занимался поначалу.

– Умно, – ответила Шаллан. – Но почему вы рассказываете об этом мне?

– В любом случае ты все поймешь, если должна будешь вести себя как одна из моих служащих. Кроме того, секретность больше не имеет значения. Мануфактуры уже запущены, а мои войска отправляются в забег на плато едва ли раз в месяц. Мне приходится платить Далинару штрафы, чтобы не участвовать в них самому, и вынуждать его посылать кого-то другого, но это того стоит. Как бы там ни было, сообразительные кронпринцы разгадали, что у меня на уме. Остальные считают меня ленивым дураком.

– Так вы не ленивый дурак?

– О, я именно такой! – воскликнул он. – Сражаться слишком хлопотно. К тому же, солдаты умирают, а я должен платить их семьям. Все это бессмысленно. – Он выглянул в окно. – Я открыл секрет три года назад. Все переезжали сюда, но никто не считал, что навсегда, несмотря на ценность всех тех гемсердец, означавших, что у Алеткара будет здесь постоянное представительство...

Себариаал улыбнулся.

Экипаж наконец остановился у небольшого, похожего на особняк дома, окруженного более высокими вместительными зданиями. На участке вокруг дома разросся декоративный сланцекорник, ко входу вела выложенная каменными плитами дорожка, имелось даже несколько деревьев. Величественный особняк с колоннами на фасаде не был огромным, но мог похвастаться изысканным классическим дизайном. Ряд более высоких каменных зданий позади жилища кронпринца служил отличной защитой от ветра.

– Возможно, у нас найдется для тебя комната, – сказал Себариаал. – Может быть, в подвалах. По-видимому, для всего моего имущества никогда не будет достаточно места. Три полных комплекта обеденной мебели. Ба! Как будто я кого-то приглашаю к себе.

– Вы действительно такого невысокого мнения обо всех остальных? – спросила Шаллан.

– Я их ненавижу, – ответил Себариаал. – И стараюсь ненавидеть всех. Таким образом, нет риска пропустить того, кто на самом деле этого заслуживает. Так или иначе, мы на месте. Не жди, что я помогу тебе выбраться из экипажа.

Шаллан не потребовались услуги кронпринца, поскольку подросла лакей и помог ей спуститься на каменные ступени, вырезанные рядом с подъездной дорожкой. Еще один лакей подошел к Себариялу, который выругался, но принял помощь.

На крыльце особняка, уперев руки в бедра, стояла женщина маленького роста в дорогом платье. У нее были кудрявые темные волосы. Значит, из северного Алеткара?

– Ага, – проворчал Себариял, пока они с Шаллан подходили к женщине. – Проклятие моей жизни. Пожалуйста, постарайся не смеяться, пока мы не разойдемся каждый в свою сторону. Мое хрупкое, стареющее эго больше не в состоянии выносить насмешки.

Шаллан посмотрела на него, сбита с толку.

Затем женщина заговорила:

– Только, пожалуйста, не говори мне, что ты ее похитил, Тури.

«Нет, совсем не алети», – подумала Шаллан, пытаясь определить акцент.

Хердазианка. Ногти, похожие на камни, подтверждали ее предположение. Женщина была темноглазой, но дорогое платье говорило о том, что она не служанка.

Ну, конечно же. Любовница.

– Она настояла, чтобы приехать со мной, Палона, – ответил Себариял, забираясь по ступеням. – Я не смог ее разубедить. Нужно выделить ей комнату или что-то в этом роде.

– И кто она такая?

– Какая-то чужеземка, – произнес Себариял. – Когда она сказала, что хочет отправиться со мной, то, похоже, вызвала раздражение у старого Далинара, поэтому я разрешил.

Он помедлил.

– Как там тебя звали? – спросил он, поворачиваясь к Шаллан.

– Шаллан Давар, – ответила девушка, поклонившись Палоне.

Может, та и была темноглазой, но определенно являлась хозяйкой дома. Хердазианка посмотрела одобрительно.

– Что ж, она вежлива, а значит, скорее всего, здесь не приживется. Честно говоря, не могу поверить, что ты притащил в дом какую-то случайную девушку только потому, что, по твоему мнению, это разозлит одного из кронпринцев.

– Ба! – воскликнул Себариял. – Женщина, ты делаешь из меня самого большого подкаблучника во всем Алеткаре...

– Мы не в Алеткаре.

– ...а я даже не женат, шторм побери!

– Я не выйду за тебя замуж, так что хватит спрашивать, – сказала Палона, сложив руки перед собой, и стала с любопытством разглядывать Шаллан со всех сторон. – Она слишком молода для тебя.

Себариял ухмыльнулся.

– Я уже использовал похожую фразу. На Рутаре. Получилось восхитительно – он так сильно плевался, что ты бы спутала его со штормом.

Палона улыбнулась и жестом отослала Себарияла внутрь дома.

– В кабинете тебя ждет подогретое вино с пряностями.

Он медленно направился к двери.

– А еда?

– Ты выгнал повара, забыл?

– Ах, да. Ну, ты могла бы что-нибудь приготовить.

– Так же, как и ты.

– Ба! Ты бесполезна, женщина! Только тратишь мои деньги. Напомни, почему я с тобой связался?

– Потому что ты меня любишь.

– Не может быть, – ответил Себариа, остановившись на секунду перед входными дверьми. – Я не способен любить. Слишком большой скряга. Ну, пристрой куда-нибудь девушку.

Он зашел внутрь.

Палона кивком подозвала Шаллан.

– Что на самом деле произошло, дитя?

– В принципе, он ни разу не солгал, – ответила Шаллан, обнаружив, что покраснела от смущения. – Но и не озвучил несколько фактов. Я приехала, так как условно помолвлена с Адолином Холином, и подумала, что если останусь в доме Холин, то окажусь в стесненном положении, поэтому попыталась найти другие варианты.

– Хм. Выглядит так, будто Тури...

– Не называй меня так! – донесся голос изнутри.

– ...этот идиот действительно принял политически разумное решение.

– В общем-то, – заметила Шаллан, – я вроде как силой заставила его принять меня к себе. И я публично заявила, что он будет выделять мне очень щедрое содержание.

– Слишком щедрое! – снова донесся голос Себариа.

– Он что... стоит там и подслушивает? – спросила Шаллан.

– Он хорошо умеет подкрадываться, – ответила Палона. – Ну, пойдем, устроим тебя как следует. Не забудь сказать мне, сколько он тебе пообещал, даже если косвенно, в качестве содержания. Я обо всем позабочусь.

Несколько лакеев сгрузили сундуки Шаллан с экипажа. Ее солдаты до сих пор не прибыли, и девушка надеялась, что они не попали в беду. Шаллан последовала за Палоной в дом, внутри полностью соответствовавший своему наружному классическому дизайну. Много мрамора и хрусталя. Статуи, отделанные золотом. Широкая лестница, ведущая на балкон второго этажа, возвышающийся над вестибюлем. Нигде поблизости Шаллан не заметила притаившегося Себариа.

Палона отвела Шаллан в очень симпатичные покои в восточном крыле. Они были выдержаны в светлых тонах и богато обставлены мебелью, твердый камень стен и пола смягчили шелковыми драпировками и толстыми коврами. Вряд ли она заслуживала такого роскошного внутреннего убранства.

«Полагаю, не стоит чувствовать себя подобным образом, – подумала Шаллан, пока Палона проверяла шкаф на наличие полотенец и простыней. – Ведь я помолвлена с принцем».

Но такое количество роскоши напоминало Шаллан об отце. Кружево, драгоценности и шелк, которые он дарил в попытке заставить ее забыть о... других временах...

Шаллан моргнула, повернувшись к Палоне, которая что-то ей говорила.

– Прошу прощения? – сказала девушка.

– Слуги, – проговорила Палона. – У тебя есть собственная горничная?

– Нет. Хотя, я располагаю восемнадцатью солдатами и пятью рабами.

– И они будут помогать тебе переодеваться?

Шаллан покраснела.

– Я имела в виду, что хотела бы разместить и их, если возможно.

– Возможно, – легко согласилась Палона. – Скорее всего, я даже найду, чем их занять. Полагаю, ты будешь платить им жалование из своего содержания, так же, как и горничной, которую я для тебя найду. Еда подается на втором колоколе, в полдень и на десятом колоколе вечером. Если захочешь перекусить в другое время, обращайся на кухню. Повар, возможно, тебя обругает, при условии, что на этот раз я все же смогу заставить его вернуться. У нас есть штормцистерна,

поэтому обычно имеется проточная вода. Если захочешь горячую ванну, мальчишкам понадобится около часа, чтобы подогреть воду.

– Проточная вода? – с воодушевлением переспросила Шаллан. Первый раз она увидела подобное в Харбранте.

– Как я и сказала, штормцистерна, – Палона указала вверх. – Каждый сверхшторм наполняет ее водой, а форма цистерны отсеивает крэм. Не пользуйся ею до полудня после сверхшторма, иначе вода будет мутной. И ты выглядишь чересчур возбужденной.

– Извините, – ответила Шаллан. – У нас Джа Кеведе нет ничего похожего.

– Добро пожаловать в цивилизацию. Надеюсь, ты оставила свою дубину и набедренную повязку у двери. Позволь мне теперь заняться тем, чтобы подыскать тебе горничную.

Маленькая женщина развернулась, чтобы уйти.

– Палона? – позвала Шаллан.

– Да, дитя?

– Спасибо вам.

Палона улыбнулась.

– Ветер свидетель, ты не первая сбившаяся с пути, кого он привел в дом. Некоторые из нас даже остались навсегда.

Она вышла.

Шаллан опустилась на пышную белую кровать и утонула в ней почти до шеи. Из чего ее сделали? Из воздуха и желаний? Кровать была роскошной.

В гостиной – ее гостиной – послышались звуки, возвестившие о прибытии лакеев с сундуками. Несколько мгновений спустя они прикрыли за собой дверь. Впервые за очень долгое время Шаллан поняла, что ей не нужно бороться за выживание или беспокоиться, как бы не оказаться жертвой одного из спутников по путешествию.

И она просто заснула.



Тот акт великого злодейства выходит за рамки бесстыдства, которое до сих пор приписывают орденам. Поскольку борьба в то время была особенно интенсивна, многие объясняют его врожденным духом предательства. После того, как они отказались от клятв, на них напало около двух тысяч человек, уничтоживших большую часть сообщества. Но случившееся коснулось только девяти из десяти, последний заявил, что не бросит своего оружия и не сбежит, и взамен поддержал великую уловку за счет остальных девяти.

«Слова сияния», глава 38, страница 20

Пока Семнадцатый мост строился за его спиной, Каладин коснулся пальцами стенки ущелья.

Ему вспомнилось, как он испугался ущелий, спустившись сюда впервые. Он боялся, что ливни вызовут наводнение, которое захлестнет его людей, пока они рыскали вниз. Каладин немного удивлялся, что Газ не нашел способа «случайно» отправить Четвертый мост вниз в день сверхшторма.

Четвертый мост принял свое наказание, присвоив себе эти ямы. К своему изумлению Каладин осознал, что, спускаясь в ущелья, он гораздо сильнее чувствует себя дома, чем если бы возвратился в Хартстоун к родителям. Ущелья принадлежали ему.

– Парни готовы, сэр, – отчитался Тефт, подошедший и вставший рядом.

– Где ты был прошлой ночью? – спросил Каладин, взглянув на полоску неба.

– Я не дежурил, сэр, – ответил Тефт. – Пошел посмотреть, чем можно поживиться на рынке. Я должен докладывать о каждой мелочи?

– Ты пошел на рынок, – проговорил Каладин, – во время сверхшторма?

– Возможно, я немного потерял счет времени... – ответил Тефт, отведя взгляд в сторону.

Каладин хотел нажать сильнее, но Тефт имел право на личную жизнь.

«Они больше не мостовики. Они не обязаны проводить все свое время вместе. У них снова появилась личная жизнь».

Каладин хотел поощрять подобное, но все же его не покидало беспокойство. Если он не был в курсе, где все находились, как можно быть уверенным, что они в безопасности?

Он повернулся, чтобы оглядеть пеструю бригаду Семнадцатого моста. Некоторые из них были рабами, купленными таскать мосты. Другие оказались преступниками, хотя в армии Садеаса почти за любое преступление можно было угодить в мостовики: не отдать вовремя долг, оскорбить офицера, подраться.

– Вы – Семнадцатый мост под командованием сержанта Питта, – обратился Каладин к мужчинам. – Вы не солдаты. Носите униформу, но пока ей не соответствуете, а только играете в переодевание. Мы собираемся это изменить.

Мужчины зашевелились и стали переглядываться. Несмотря на то, что Тефт работал с ними и с другими бригадами уже несколько недель, они до сих пор не ощущали себя солдатами. До тех пор, пока их отношение не изменится, они будут неуклюже носить копья, лениво оборачиваться, когда к ним обращаются, и еле плестись в строю.

– Ущелья принадлежат мне, – сказал Каладин. – Я позволяю вам тренироваться здесь. Сержант Питт!

– Да, сэр! – откликнулся Питт, вытянувшись по стойке смирно.

– Передо мной куча неряшливых штормовых отбросов, с которыми вам придется поработать, но я видел и похуже.

– Я с трудом в это верю, сэр!

– Можешь мне поверить, – ответил Каладин, оглядывая мужчин. – Я сам был в Четвертом мосту. Лейтенант Тефт, они твои. Заставь их попотеть.

– Есть, сэр, – сказал Тефт.

Он начал выкрикивать приказы, а Каладин подобрал свое копье и направился глубже в ущелья. Дело будет продвигаться медленно, пока все двадцать бригад не придут в форму, но, по крайней мере, Тефт успешно обучил сержантов. Герольды утверждали, что такое же обучение подходило и для обычных людей.

Каладину хотелось, чтобы он мог объяснить, хотя бы самому себе, почему он с такой тревогой стремился побыстрее подготовить своих людей. Он чувствовал, что стремительно несется навстречу чему-то. Но не знал к чему именно. Те надписи на стенах... Шторма, они доводили его до предела. Тридцать семь дней.

Он прошел мимо Сил, которая сидела на листовидном отростке оборцвета, высунувшемся из стены. При приближении Каладина листок сжался. Сил не заметила и продолжила сидеть прямо в воздухе.

– Чего ты хочешь, Каладин? – спросила она.

– Сохранить жизнь своим людям, – сразу же ответил он.

– Нет, – сказала Сил, – этого ты хотел раньше.

– Ты говоришь, что я не хочу, чтобы они были в безопасности?

Сил скользнула на его плечо, будто ее сдуло сильным ветром. Она скрестила ноги, усевшись, как подобает леди. Ее юбка колыхалась в такт шагам Каладина.

– В Четвертом мосту ты посвятил всего себя их спасению. Что ж, они спасены. Ты не можешь ходить кругами, пытаясь защитить каждого, как... э-э... как...

– Как самец курла, присматривающий за яйцами?

– Точно! – Сил помолчала. – Что такое курл?

– Ракообразное, – ответил Каладин. – Размером примерно с маленькую громгончую. Выглядит как помесь краба и черепахи.

– О-о-о-о... – протянула Сил. – Хочь взглянуть на такого!

– Они не живут в этой местности.

Каладин шел, устремив взгляд прямо перед собой, поэтому Сил начала тыкать его в шею, пока он на нее не посмотрел.

– Значит, ты признаешь, что твои люди в относительной безопасности, – сказала она. – Тогда ты не ответил на мой вопрос. Чего ты хочешь?

Он шел мимо сваленных в кучи костей и обломков деревьев, покрытых мхом. В одном месте кружились и спрены гниения, и спрены жизни – маленькие красные и зеленые пылинки, светящиеся вокруг лоз, неуместно пустивших живые побеги из средоточия смерти.

– Я хочу победить того убийцу, – сказал Каладин, удивленный тем, насколько неистовым было его желание.

– Почему?

– Потому что такова моя работа – защищать Далинара.

Сил покачала головой.

– Дело в другом.

– Что? Думаешь, ты стала так хорошо разбираться в человеческих стремлениях?

– Не всех людей. Только в твоих.

Каладин хмыкнул, аккуратно ступая по краю темной лужи. Ему не хотелось провести остаток дня в промокших ботинках. Новая обувь не так хорошо защищала от воды, как должна бы.

– Может быть, – проговорил он, – я хочу победить того убийцу, потому что во всем виноват именно он. Если бы он не убил Гавилара, Тьена не призвали бы в армию, и я бы не последовал за ним. Тьен бы не погиб.

– И ты думаешь, что Рошон не нашел бы другой способ отомстить твоему отцу?

Рошон был лорд-мэром родного городка Каладина в Алеткаре. Он отправил Тьена в армию, чтобы мелочно отомстить, отыграться на отце Каладина за то, что тот оказался недостаточно хорошим хирургом, чтобы спасти сына Рошона.

– Скорее всего, он устроил бы что-то другое, – признал Каладин. – И все же, тот убийца заслуживает смерти.

Он услышал остальных прежде, чем присоединился к ним, их голоса раздавались эхом по дну похожего на пещеру ущелья.

– Я пытаюсь объяснить, – говорил кто-то, – что, скорее всего, никто не задает правильных вопросов. – Голос Сигзила с его бодрым азиатским акцентом. – Мы называем паршенди дикарями, и все утверждают, что до того дня, как они повстречались с экспедицией алетитов, они никогда не видели людей. Если это правда, тогда что за шторм принес им убийцу из Шиноvara? Не просто шинского убийцу, а волноплетя.

Каладин ступил в круг света от сфер, разбросанных по дну ущелья, которое очистили от мусора после того, как Каладин побывал здесь в последний раз. Сигзил, Лоупен и Камень сидели на валунах, поджидая его.

– Ты имеешь в виду, что Убийца в Белом никогда на самом деле не работал на паршенди? – спросил Каладин. – Или что паршенди солгали о своей полной изоляции?

– Я ничего не имею в виду, – ответил Сигзил, поворачиваясь к Каладину. – Мой наставник учил меня задавать вопросы, вот я их и задаю. Что-то не сходится во всем этом деле. Шиноварцы чрезвычайно плохо относятся к чужеземцам. Они редко покидают свою страну, их никогда нельзя увидеть среди наемников. И теперь один из них носится взад-вперед и убивает королей? Клинком Осколков? Неужели он до сих пор работает на паршенди? Если да, то почему они так долго выжидали, прежде чем снова спустить его с привязи против нас?

– Разве важно, на кого он работает? – спросил Каладин, втягивая штормсвет.

– Конечно, важно.
– Почему?
– Потому что в этом заключается вопрос, – сказал Сигзил, как будто обиженно. – Кроме того, если мы выясним, кто его настоящий наниматель, то, возможно, поймем, каковы его цели, а это, в свою очередь, может помочь нам его победить.

Каладин улыбнулся и попытался пробежать по стене.

Он упал на спину и, оказавшись на земле, вздохнул.

Над ним появилась голова Камня.

– Забавно наблюдать за тобой, – сказал он. – Но ты уверен, что эта штука сработает?

– Убийца ходил по потолку, – ответил Каладин.

– Ты уверен, что он просто не сделал то, чем мы занимались раньше? – скептически спросил Сигзил. – Использовал штормсвет, чтобы приклеить один предмет к другому? Он мог рассеять штормсвет по потолку, прыгнуть на него и приклеиться.

– Нет, – ответил Каладин. Через его губы утекал штормсвет. – Он подпрыгнул и приземлился на потолке. Затем сбежал вниз по стене и каким-то образом отправил Адолина на потолок. Принц не приклеился, он упал в том направлении.

Каладин смотрел, как его штормсвет поднимается вверх и растворяется в воздухе.

– В самом конце убийца... улетел.

– Ха! – воскликнул Лоупен со своего каменного насеста. – Я знал. Когда мы выясним, как это делается, король Хердаза скажет мне: «Лоупен, да, ты сияешь, очень впечатляюще. Но ведь можешь еще и летать. Теперь я разрешаю тебе жениться на моей дочери».

– У короля Хердаза нет дочери, – сказал Сигзил.

– Нет? Мне лгали все это время!

– Ты не знаешь членов королевской семьи своей страны? – спросил Каладин, выпрямляясь.

– Ганчо, я не был в Хердазе с раннего детства. Теперь в Алеткаре и Джа Кеведе столько же хердазиан, сколько и у нас на родине. Как следует дайте мне по голове, если я практически не алетю! Правда, не такой высокий и не такой ворчливый.

Камень протянул Каладину руку и помог подняться. Сил уселась на выступе скалы.

– Ты знаешь, что делать? – спросил он у нее.

Она покачала головой.

– Но убийца является Бегущим с Ветром, – сказал Каладин.

– Возможно, – ответила Сил. – Кто-то вроде тебя? Может такое быть?

Она пожала плечами.

Сигзил проследил за взглядом Каладина.

– Хотел бы я увидеть это существо, – пробормотал он. – Было бы... Ого!

Он отпрыгнул назад, вытянув палец.

– Оно выглядит как маленький человечек!

Каладин с укором посмотрел на Сил.

– Он мне нравится, – пояснила она. – И еще, Сигзил, я – «она», а не «оно», большое спасибо.

– У спренов есть пол? – спросил пораженный Сигзил.

– Конечно. Хотя, с формальной точки зрения, все, наверное, зависит от того, как нас воспринимают люди. Персонификация сил природы или какая-то похожая дребедень.

– Разве тебя это не волнует? – спросил Каладин. – Что ты можешь быть результатом человеческого восприятия?

– Ты – результат союза твоих родителей. Кого волнует, как мы появились на свет? Я способна думать. Вполне достаточно.

Сил расплылась в озорной ухмылке и метнулась вниз ленточкой света, направившись к Сигзилу, который с ошеломленным лицом опустил на валун. Сил остановилась прямо перед ним, снова приняв форму молодой женщины, затем наклонилась, и ее лицо стало точно таким же, как у Сигзила.

– Ого! – снова воскликнул Сигзил, отпрянув в сторону, а Сил захихикала и вернула себе прежнее лицо.

Сигзил посмотрел на Каладина.

– Она разговаривает... Она разговаривает, как настоящий человек. – Он поднес руку к голове. – В легендах говорится, что на такое способна Смотрящая в Ночи... Могущественный спрен. Огромный спрен.

– Он назвал меня огромной? – спросила Сил, склонив голову набок. – Не уверена, как реагировать на такие слова.

– Сигзил, – поинтересовался Каладин, – Бегущие с Ветром могли летать?

Мужчина осторожно уселся обратно на валун, по-прежнему пристально наблюдая за Сил.

– Истории и предания – не моя специальность, – ответил он. – Я рассказываю о разных местах, делаю мир меньше и помогая людям понимать друг друга. Я слышал легенды о тех, кто был способен танцевать в облаках, но как отличить правду от лжи, ведь легендам столько лет?

– Мы должны все выяснить, – сказал Каладин. – Убийца вернется.

– Тогда, – проговорил Камень, – попробуй еще разок запрыгнуть на стену. Я не буду громко смеяться.

Он устроился поудобнее на валуне и поднял с земли рядом с собой маленького краба. Изучив его, закинул в рот и начал жевать.

– Фу, – скривился Сигзил.

– На вкус неплох, – сказал Камень с полным ртом. – Но с солью и маслом было бы вкуснее.

Каладин осмотрел стену, закрыл глаза и втянул еще больше штормсвета. Он чувствовал его внутри, чувствовал, как тот бьется о стенки вен и артерий, пытаясь выбраться наружу. Побуждая двигаться. Бегать, прыгать, действовать.

– Так что получается, – обратился Сигзил к остальным, – мы теперь полагаем, что Убийца в Белом был тем, кто повредил перила на королевском балконе?

– Ба, – проворчал Камень. – Зачем ему заниматься чем-то подобным? Он может убить гораздо проще.

– Ага, – согласился Лоупен. – Скорее всего, перила повредил кто-то из других кронпринцев.

Каладин открыл глаза и посмотрел на свою руку – ладонь, прислоненную к скользкой стене ущелья, выпрямленный локоть. От его кожи поднимался штормсвет. Закручивающиеся пряди света растворялись в воздухе.

Камень кивнул.

– Все кронпринцы желают королю смерти, хоть и не говорят об этом. Один из них отправил диверсанта.

– Но как твой диверсант пробрался на балкон? – спросил Сигзил. – Чтобы разрезать перила, потребовалось бы некоторое время. Они из металла. Если только... Насколько гладким был срез, Каладин?

Каладин прищурился, наблюдая, как испаряется штормсвет. Изначальная мощь. Нет, «мощь» – неправильный термин. Это была сила, такая же, как волны, управляющие вселенной. Они заставляли огонь гореть, камни – падать, а свет –

сиять. Завитки света были волнами, уменьшенными до какой-то примитивной формы.

Он мог его использовать. Использовать, чтобы...

– Кэл? – произнес голос Сигзила, как будто издали. Он походил на незначительное жужжание. – Насколько гладким был срез на перилах? Мог это быть Клинок Осколков?

Голос растворился. На мгновение Каладину показалось, что он увидел тени несуществующего мира, тени другого места. В том месте далекое небо с солнцем было полностью затянато коридором из облаков.

И он понял.

Каладин заставил направление к стене стать низом.

Внезапно единственной опорой оказалась его рука. Каладин упал вперед, на стену, и застонал. Осознание окружающих предметов резко вернулось вместе с ударом, только перспектива осталась странной. Он поднялся на ноги и обнаружил, что стоит на стене.

Отступив на несколько шагов, Каладин прошелся по стене ущелья. Для него она стала полом, а остальные мостовики остались на настоящем полу, который выглядел теперь как стена...

«Немного сбивает с толку», – подумал Каладин.

– Ничего себе! – воскликнул Лоупен, подскочив от возбуждения. – Да, похоже, будет действительно забавно. Пробегишь вверх по стене, ганчо!

Каладин помедлил, затем развернулся и побежал. Ему казалось, что он в пещере, а две стены ущелья – это верх и низ. Они медленно сдвигались по мере того, как он бежал к небу.

Чувствуя, как в нем ярится штормсвет, Каладин ухмыльнулся. Перед ним пронеслась смеющаяся Сил. Чем ближе они подбирались к верху, тем уже становилось ущелье. Каладин замедлил движение и остановился.

Сил выскочила прямо перед ним и вылетела из пропасти, как будто выпрыгнув из гигантского зева пещеры. Она развернулась, приняв форму ленточки света.

– Давай же! – прокричала она ему. – Выбирайся на плато! На солнечный свет!

– Там разведчики, высматривающие гемсердца, – отозвался Каладин.

– Все равно вылезай. Хватит прятаться. Действуй!

Лоупен и Камень подбадривали его снизу возбужденными воплями. Каладин выглянул наружу, в синее небо.

– Я должен знать, – прошептал он.

– Знать?

– Ты спросила, почему я защищаю Далинара. Я должен знать, тот ли он, кем кажется, Сил. Я должен знать, что хотя бы один из них соответствует своей репутации. Это подскажет мне...

– Подскажет тебе? – переспросила она, принимая вид молодой женщины в натуральный размер, стоящей на стене перед ним. Она была почти одного с ним роста, ее платье растворялось в тумане. – Подскажет тебе что?

– Мертва ли честь, – прошептал Каладин.

– Он умер, – сказала Сил. – Но продолжает жить в людях. И во мне.

Каладин нахмурился.

– Далинар Холин – хороший человек, – продолжила Сил.

– Он дружит с Амарамом. И может оказаться на самом деле точно таким же.

– Ты в это не веришь.

– Я должен знать, Сил, – повторил Каладин, делая шаг вперед.

Он попытался взять ее за руку, как человека, но спрен была слишком неосязаемой. Его рука прошла насквозь.

– Я не могу просто верить. Я должен знать. Ты спросила, чего я хочу. Что ж, вот чего. Я хочу знать, могу ли я доверять Далинару. И если могу...

Он кивнул в сторону дневного света снаружи ущелья.

– Если могу, я расскажу ему, на что способен. Я поверю, что по крайней мере один светлоглазый не попытается отнять у меня все, что в его силах. Как сделал Рошон. Как сделал Амарам. Как сделал Садеас.

– Значит, вот что потребуется? – спросила она.

– Я предупреждал тебя, что сломлен, Сил.

– Нет. Ты возродился. С людьми такое случается.

– С другими людьми, да, – сказал Каладин, поднимая руку и ощупывая щрамы на лбу. Почему штормсвет не мог их залечить? – Я все еще не уверен на свой счет. Но я буду защищать Далинара Холина во что бы то ни стало. Я выясню, кто он на самом деле. Тогда, может быть... он получит своих Сияющих рыцарей.

– А Амарам? Что насчет него?

Боль. Тьен.

– Его я собираюсь убить.

– Каладин, – произнесла Сил, сложив руки перед собой, – не позволяй этому чувству уничтожить себя.

– Ничего не выйдет, – ответил он, ощущая, что штормсвет на исходе. Униформа начала отклоняться вниз, к земле, как и волосы. – Амарам уже обо всем позаботился.

Земля снова оказалась на своем привычном месте, и Каладин начал падать, отдаляясь от Сил. Он втянул штормсвет и перевернулся в воздухе, ощущая, как его вены вспыхнули жизнью. На скорости он приземлился на ноги, объятый мощью и светом.

Трое его спутников некоторое время не произносили ни слова, и Каладин выпрямился.

– Это, – проговорил Камень, – очень быстрый способ спуститься вниз. Ха! Но мы не увидели, как ты падаешь лицом о землю, что было бы забавнее. Так что довольствуйся жидкими аплодисментами.

Он похлопал. Аплодисменты действительно вышли жидкими. Лоупен, тем не менее, издал одобрительный возглас, а Сигзил кивнул и широко ухмыльнулся.

Каладин фыркнул, взявшись за бурдюк с водой.

– Перила королевского балкона срезаны Клинком Осколков, Сигзил. – Каладин сделал глоток. – И нет, не Убийцей в Белом. Та попытка покушения на Элокара была слишком непродуманной.

Сигзил кивнул.

– Кроме того, – продолжил Каладин, – той ночью перила были срезаны после сверхшторма... В противном случае ветер покорежил бы перила. Таким образом, наш диверсант, Носитель Осколков, как-то проник на балкон после шторма.

Лоупен покачал головой, поймав бурдюк, который Каладин бросил обратно.

– То есть мы должны поверить, что один из лагерных Носителей Осколков пробрался во дворец и добрался до балкона, ганчо? И никто его не заметил?

– Мог кто-то другой проделать что-то подобное? – спросил Камень, указывая жестом на стену ущелья. – Пройтись вверх по стене?

– Сомневаюсь, – ответил Каладин.

– Веревка, – предположил Сигзил.

Все посмотрели на него.

– Если бы я хотел, чтобы Носитель Осколков пробрался внутрь, я бы подкупил слугу, чтобы он спустил вниз веревку. – Сигзил пожал плечами. – Ее легко пронести на балкон, возможно, обернув вокруг тела слуги под одеждой. Диверсант и, может, даже несколько его сообщников могли взобраться по веревке,

испортить перила и разбить скрепляющий раствор, а затем спуститься вниз. После этого сообщник срезал веревку и вернулся внутрь.

Каладин медленно кивнул.

– Получается, – проговорил Камень, – что если мы выясним, кто заходил на балкон после шторма, то найдем сообщника. Так просто! Ха! Может быть, ты не опьянен воздухом, Сигзил. Нет. Ну разве что совсем чуть-чуть.

Каладин почувствовал себя неудобно. Между штормом и чуть не состоявшимся падением короля на балконе побывал Моаш.

– Я поспрашиваю, – сказал Сигзил, вставая.

– Нет, – ответил Каладин. – Я сам все сделаю. Никому ни слова. Посмотрим, что мне удастся найти.

– Договорились, – произнес Сигзил. Он кивнул в сторону стены. – Сможешь повторить?

– Опять проверки? – вздохнул Каладин.

– У нас есть время, – ответил Сигзил. – Кроме того, полагаю, что Камень захочет посмотреть, не упадешь ли ты все-таки лицом вниз.

– Ха!

– Хорошо, – согласился Каладин. – Но я собираюсь осушить несколько сфер, которые мы используем для освещения.

Он посмотрел на маленькие кучки на слишком чистой земле.

– Кстати, почему вы расчистили мусор в этой части ущелья?

– Расчистили? – переспросил Сигзил.

– Ага, – ответил Каладин. – Можно было не убирать здесь останки, даже если это просто скелеты. Ведь...

Он замолк, когда Сигзил поднял сферу и направил ее на стену, осветив кое-что, не замеченное Каладином прежде. Глубокие борозды, содранный мох и царапины на камне.

Скальный демон. Один из громадных большепанцирников прошел здесь и смел все со своего пути.

– Я не думал, что они подходят так близко к лагерям, – сказал Каладин. – Может быть, какое-то время нам не стоит тренировать здесь новичков, просто на всякий случай.

Остальные кивнули.

– Он ушел, – проговорил Камень. – Иначе нас бы уже давно съели. Это очевидно. Так что вернемся к тренировкам.

Каладин кивнул, хотя те борозды не давали ему покоя всю тренировку.

Несколько часов спустя они привели усталую группу бывших мостовиков назад к баракам. Мужчины из Семнадцатого моста выглядели обессиленными, но казались более живыми, чем до того, как спустились в ущелья. Они оживились еще больше, когда добрались до бараков и обнаружили одного из поваров, помощника Камня, который готовил для них огромный котел рагу.

Когда Каладин и Тефт вернулись к Четвертому мосту, уже совсем стемнело. Еще один помощник Камня тоже занимался рагу, а сам Камень, подошедший немного раньше, чем Каладин, пробовал и критиковал стряпню. Позади рогоеда маячил Шен, собирая миски.

Что-то было не так.

Каладин остановился на границе света, отбрасываемого костром, и Тефт замер за его спиной.

– Что-то не в порядке, – сказал Тефт.

– Ага, – согласился Каладин, изучая людей.

Они все сгрудились с одной стороны костра, некоторые сидели, другие стояли, образуя группы. Их смех казался натянутым, а позы – нервными. Когда тренируешь людей сражаться, они начинают использовать военные стойки каждый раз, когда чувствуют себя некомфортно. Что-то на другой стороне костра представляло собой угрозу.

Каладин ступил в свет и обнаружил сидящего мужчину в новенькой форме, опустившего руки по бокам и склонившего голову. Ренарин Холин. Странно, но он немного покачивался взад-вперед, уставившись в землю.

Каладин расслабился.

– Светлорд, – проговорил он, делая шаг вперед. – Вам что-то нужно?

Ренарин вскочил на ноги и отсалютовал.

– Я хотел бы служить под вашим командованием, сэр.

Каладин мысленно застонал.

– Давайте отойдем от костра и поговорим, светлорд.

Он взял худощавого принца под руку и увел его подальше от посторонних ушей.

– Сэр, – начал Ренарин тихим голосом, – я хочу...

– Вам не следует называть меня «сэр», – прошептал Каладин. – Вы светлоглазый. Шторма, вы – сын самого могущественного человека в восточном Рошаре.

– Я хочу вступить в Четвертый мост, – сказал Ренарин.

Каладин потер лоб. За то время, пока он был рабом и решал гораздо более важные проблемы, он позабыл, какой головной болью оборачиваются любые дела с высокородными светлоглазыми. Когда-то Каладин считал, что слышал самые нелепые из их смехотворных требований. Похоже, он ошибался.

– Вы не можете вступить в Четвертый мост. Мы – телохранители вашей собственной семьи. Что вы будете делать? Охранять сами себя?

– Я не буду обременять вас, сэр. Я буду усердно трудиться.

– Я не сомневаюсь, Ренарин. Слушайте, почему вы хотите в Четвертый мост?

– Мой отец и брат, – тихо ответил принц, спрятав лицо в тени, – они воины. Солдаты. А я нет, как вы, наверное, заметили.

– Да. Что-то насчет...

– Физический недуг, – перебил Ренарин. – У меня слабая кровь.

– Так называют в народе множество различных состояний. Что у вас на самом деле?

– Я эпилептик. А значит...

– Да-да. Припадки идиопатические или симптоматические?

Ренарин застыл в темноте.

– Э-э...

– Болезнь вызвана какой-то специфической мозговой травмой, – пояснил Каладин, – или появилась без видимых причин?

– Она у меня с детства.

– Насколько серьезны судороги?

– Все не так уж плохо, – быстро ответил Ренарин. – Не так, как говорят остальные. Я не падаю на землю и не пускаю пену, как все думают. Моя рука дергается пару раз или бывают конвульсии, длящиеся несколько секунд.

– Вы остаетесь в сознании?

– Да.

– Возможно, что-то миоклоническое. Вам давали жевать горьколист?

– Я... Да. Не знаю, помогает ли он. Проблема не только в конвульсиях. Часто, когда они происходят, я сильно слабею. Особенно одна сторона моего тела.

– Хм, – пробормотал Каладин. – Полагаю, дело в судорогах. У вас появлялось когда-нибудь продолжительное снижение тонуса мышц, например, было невозможно улыбнуться одной стороной лица?

– Нет. Откуда вы знаете все эти вещи? Разве вы не солдат?

– Я немного изучал полевую медицину.

– Полевую медицину... применительно к эпилепсии?

Каладин откашлялся в кулак.

– Ну, я понимаю, почему вас не пускали сражаться в битве. Я видел раны, которые вызывали похожие симптомы, и хирурги всегда отстраняли таких людей от службы. Вовсе не позорно быть непригодным для сражений, светлорд. Не каждый мужчина должен быть воином.

– Конечно, – ответил Ренарин с горечью. – Мне говорят то же самое. А затем все возвращаются к сражениям. Арденты, они утверждают, что каждое призвание имеет значение, но в чем заключается их собственное учение насчет жизни после смерти? Что там ждет большая война за Залы спокойствия. Что лучшие воины в этой жизни будут прославлены в следующей.

– Если после смерти нас ждет большая война, – проговорил Каладин, – то я надеюсь попасть в Бездну. Там я смог бы урвать часик-другой для сна. Как бы там ни было, вы – не солдат.

– Я хотел бы им стать.

– Светлорд...

– Вам не обязательно давать мне какие-то важные задания, – зачастил Ренарин. – Я пришел к вам, а не в любой другой батальон, потому что большая часть ваших людей проводит время в патрулях. Если я буду патрулировать, то не окажусь в большой опасности, и мои припадки никому не причинят вреда. Но я хотя бы смогу увидеть, смогу почувствовать, каково это.

– Я...

Ренарин торопился высказать все, что было у него на уме. Каладин никогда не слышал столько слов от обычно спокойного молодого человека.

– Я буду подчиняться вашим приказам, – говорил Ренарин. – Обращайтесь со мной как с новичком. Когда я здесь, я не сын принца, не светлоглазый. Просто обычный солдат. Пожалуйста. Я хочу стать частью всего происходящего. Когда Адолин был моложе, отец заставил его прослужить два месяца в отделении копейщиков.

– Серьезно? – спросил Каладин, по-настоящему удивившись.

– Отец сказал, что каждому офицеру следует побывать в шкуре своих подчиненных, – ответил Ренарин. – Теперь у меня есть Осколки. Я буду участвовать в войне, но никогда не чувствовал, что значит быть настоящим солдатом. Думаю, я не смогу добиться большего. Пожалуйста.

Каладин скрестил руки, оглядев юношу. Ренарин выглядел испуганным. Очень испуганным. Юноша сжал руки в кулаки, хотя Каладин не видел той коробочки, которую принц часто вертел, когда нервничал. Ренарин начал было глубоко дышать, но стиснул челюсти и устремил взгляд вперед.

По какой-то причине ему было очень страшно прийти и попросить Каладина об услуге. Он все равно это сделал. Можно ли требовать большего от новичка?

«Неужели я действительно раздумываю?»

Ситуация казалось полной нелепостью. И в то же время одна из задач Каладина заключалась в том, чтобы защищать Ренарина. Если бы он смог вбить в него несколько серьезных приемов самообороны, они могли бы помочь ему выжить во время покушений.

– Может быть, следует заметить, – продолжил Ренарин, – насколько проще меня охранять, если я буду проводить время, тренируясь с вашими людьми. У вас

их не так много, сэр. Возможность охранять на одного человека меньше должна выглядеть привлекательно. Единственное время, когда я буду покидать батальон, – тренировки с мастером меча Зейхелом.

Каладин вздохнул.

– Вы действительно хотите стать солдатом?

– Да, сэр!

– Тогда иди собери те грязные миски из-под рагу и помой их, – приказал Каладин, переходя на «ты», и указал жестом в сторону костра. – Потом помоги Камню вычистить котел и сложить кухонные принадлежности.

– Да, сэр! – воскликнул Ренарин с энтузиазмом, какого Каладин никогда не слышал от человека, которого назначили помогать на кухне.

Ренарин убежал рысцой и начал со счастливым видом собирать миски.

Каладин прислонился к бараку. Его люди не понимали, как реагировать на Ренарина. Они отдавали наполовину недоеденные миски с рагу, чтобы сделать ему приятное. Когда он приближался, разговоры смолкали. Но они нервничали и из-за Шена, пока в итоге не приняли его. Способны ли они сделать то же самое для светлоглазого?

Моаш отказался отдать Ренарину свою миску и вымыл ее самостоятельно, будто так и полагалось. Закончив, он подошел к Каладину.

– Ты на самом деле позволишь ему присоединиться к нам?

– Завтра я поговорю с его отцом, – ответил Каладин. – Узнаю, что думает кронпринц.

– Не по душе мне все это. Четвертый мост, наши ночные разговоры... Такие вещи не для них, понимаешь?

– Да, – согласился Каладин. – Но он хороший парень. Думаю, если какой-то светлоглазый и сможет вписаться, так это он.

Моаш повернулся с сомнением на лице.

– Ты не согласен, как я понимаю? – спросил Каладин.

– Он неправильно себя ведет, Кэл. То, как он разговаривает, то, как он смотрит на людей. Он странный. Хотя все неважно, потому что он светлоглазый, и этого должно быть достаточно. Мы не можем ему доверять.

– Нам и не нужно. Мы просто будем за ним присматривать, может, поучим его самообороне.

Застонав, Моаш кивнул. Похоже, он принял эти доводы в качестве причины оставить Ренарина.

«Моаш здесь, – подумал Каладин. – Поблизости нет никого, кто мог бы услышать наш разговор. Мне нужно спросить...»

Но как ему сформулировать вопрос?

«Моаш, замешан ли ты в плане по убийству короля?»

– Ты думал, что мы будем делать? – спросил Моаш. – Относительно Амарама, я имею в виду.

– Амарам – моя проблема.

– Ты из Четвертого моста, – проговорил Моаш, беря Каладина под руку. – Твоя проблема – наша проблема. Он тот, кто сделал тебя рабом.

– Он сделал гораздо больше, – тихо прорычал Каладин, не обращая внимания на Сил, жестами показывающую, что следует помолчать. – Он убил моих друзей, Моаш. Прямо у меня на глазах. Он убийца.

– Тогда нужно что-то сделать.

– Нужно, – согласился Каладин. – Но что? Думаешь, мне следует обратиться к властям?

Моаш рассмеялся.

– Что они сделают? Тебе нужно вызвать его на дуэль, Каладин. Победи его, мужчина против мужчины. Пока ты этого не сделаешь, что-то глубоко внутри не будет давать тебе покоя.

– Ты говоришь так, будто знаешь, каково это.

– Да, – Моаш слегка улыбнулся. – У меня в прошлом тоже было несколько Несущих Пустоту. Возможно, поэтому я тебя понимаю. Возможно, поэтому ты меня понимаешь.

– Тогда что...

– Я не хочу говорить об этом.

– Мы ведь Четвертый мост, – произнес Каладин, – твои слова. Твои проблемы – мои проблемы.

«Что король сделал твоей семье, Моаш?»

– Предположим, так и есть, – Моаш отвернулся. – Я просто... Не сегодня. Сегодня вечером я хочу просто расслабиться.

– Моаш! – позвал его Тефт со стороны костра. – Ты идешь?

– Иду, – прокричал мостовик в ответ. – Что насчет тебя, Лоупен? Ты готов?

Ухмыльнувшись, Лоупен встал и потянулся возле пламени.

– Я – Лоупен, а значит, я всегда готов к чему угодно. Тебе бы уже следовало знать такие вещи.

Неподалеку фыркнул Дрехи и перевернул миску с рагу на Лоупена. Оно размазало по всей его хердазианской физиономии.

Лоупен не умолкал.

– Как видишь, я был полностью готов к чему-то подобному, что выражается в моей позе, когда я демонстрирую этот несомненно неприличный жест.

Тефт усмехнулся. Он, Пит и Сигзил подошли к Лоупену. Моаш пошел к ним, но замялся.

– Ты идешь, Кэл?

– Куда? – спросил Каладин.

– Прогуляться, – ответил Моаш, пожав плечами. – Зайдем в пару таверн, сыграем несколько партий, выпьем.

Прогуляться. В армии Садеаса мостовики редко занимались подобным, по крайней мере, в компании, с друзьями. Сначала они были слишком забиты, чтобы волноваться о чем-то еще, кроме как уткнуться носом в выпивку. Позже недостаток финансов и общая предубежденность среди других солдат заставили мостовиков держаться своих.

Теперь все изменилось. Каладин обнаружил, что запинается.

– Я... наверное, должен остаться... э-э, проверить остальные бригады у костров...

– Давай, Кэл, – проговорил Моаш. – Ты не можешь все время работать.

– Я схожу с вами в другой раз.

– Отлично.

Моаш поспешил присоединиться к остальным.

Сил покинула спренгов огня, танцевавших с ней вокруг костра, и подлетела к Каладину. Она зависла в воздухе, наблюдая, как группа мужчин удаляется в темноту.

– Почему ты не пошел? – спросила она.

– Я больше не могу жить той жизнью, Сил, – ответил Каладин. – Я не знаю, что мне делать с самим собой.

– Но...

Каладин отошел и взял себе миску с рагу.



Но что касается Иши'Элин, он являлся самой важной частью их зарождения. Он легко понял, какие последствия вызовет то, что волны будут дарованы людям, и организовал за ними необходимый контроль. Наделенный слишком большой властью, он дал понять, что уничтожит всех и каждого, если только они не договорятся соблюдать заповеди и законы.

«Слова сияния», глава 2, страница 4

Шаллан проснулась от гудения. Открыв глаза, она обнаружила, что уютно свернулась калачиком в роскошной постели в особняке Себарияла. Она заснула в одежде.

Гудел Узор, расположившийся на толстом одеяле рядом с ней. Он выглядел почти как кружевная вышивка. Оконные шторы были задернуты – она не помнила, чтобы трогала их, – а на улице стемнело. Наступил вечер того дня, когда она прибыла на равнины.

– Кто-нибудь входил? – спросила девушка Узора, садясь и отбрасывая с глаз непокорный локон рыжих волос.

– М-м-м. Кто-то. Теперь ушли.

Шаллан встала с постели и направилась в свою гостиную. Глаза Аш, ей почти не хотелось наступать на этот нетронутый белоснежный ковер. Что, если она оставит следы и испортит его?

Те, кого Узор назвал «кто-то», оставили на столе еду. Внезапно ощутив дикий голод, Шаллан уселась на диван, сняла крышку с подноса и обнаружила лепешки со сладкой начинкой, а к ним всевозможные соусы.

– Напомни мне поблагодарить с утра Палону. Эта женщина божественна, – проговорила Шаллан.

– М-м-м. Нет. Я думаю, она... Ага... Преувеличение?

– Ты быстро схватываешь, – ответила она, а Узор тем временем превратился в трехмерный шар из извилистых линий, висящий в воздухе над соседним стулом.

– Нет, – проговорил он. – Я слишком медлителен. Ты предпочитаешь одну еду другой. Почему?

– Из-за вкуса, – объяснила Шаллан.

– Я должен бы понимать это слово, – сказал Узор. – Но я не понимаю, не по-настоящему.

Шторма. Как объяснить, что такое вкус?

– Он похож на цвет... который ты видишь своим ртом. – Шаллан состроила гримасу. – Но это ужасная метафора. Извини. Я плохо объясняю на пустой желудок.

– Ты говоришь, «на» желудок, – повторил Узор. – Но я знаю, что ты имела в виду другое. Контекст позволяет мне сделать вывод, о чем ты говорила на самом деле. В некотором смысле вся фраза является ложью.

– Если все знают и понимают смысл, то это не ложь, – возразила Шаллан.

– М-м. Такая ложь самая лучшая.

– Узор, – сказала она, отломив кусочек лепешки, – иногда ты так же вразумителен, как бавлендец, пытающийся цитировать старинную воринскую поэзию.

Записка рядом с едой гласила, что Ватах и ее солдаты прибыли и расквартированы в домах поблизости. Ее рабов пока что включили в обслуживающий штат особняка.

Пережевывая хлеб – вкус был восхитительным – Шаллан подошла к сундукам с намерением их распаковать. Однако, открыв первый из них, она обнаружила мерцающий красный огонек. Самоперо Тин.

Шаллан уставилась на него. Должно быть, мошенницу ждало сообщение от человека, который передавал ей информацию. Шаллан предполагала, что это женщина, хотя, поскольку место, откуда приходила информация, находилось в Ташикке, они могли вообще не являться воринцами. Это мог быть и мужчина.

Она знала слишком мало. Ей необходимо вести себя очень осторожно... Шторма, ее могут убить, даже если она будет осторожна. Однако Шаллан устала от того, что ею помыкают.

Те люди что-то знали об Уритиру. Опасно или нет, но лучшей зацепки у Шаллан не было. Она вынула самоперо, подготовила доску с бумагой и установила его в нужную позицию. Когда она сменила режим, чтобы показать, что готова к приему сообщения, перо осталось висеть неподвижно, а не начало писать немедленно. Человек, пытающийся связаться с нею, отошел – перо, возможно, мигало в течение многих часов. Ей нужно было дождаться, пока не вернется собеседник с другой стороны.

– Неудобно, – проговорила Шаллан, а затем улыбнулась сама себе. Неужели она действительно жалуется из-за нескольких минут ожидания ради мгновенной связи через полмира?

«Мне нужно найти способ связаться с братьями», – подумала девушка.

Без самопера дело будет двигаться удручающе медленно. Возможно, ей удастся организовать передачу сообщения через один из информационных пунктов в Ташикке, используя другого посредника?

Она снова устроилась на диване, пристроив перо и доску для письма около подноса с едой, и просмотрела стопку предыдущих записей, которыми Тин обменивалась с тем далеким человеком. Листков было немного. Тин, вероятно, периодически их уничтожала. Те записи, что остались, содержали вопросы относительно Джасны, дома Давар и Кровьпризраков.

Шаллан заметила одну странность. То, как Тин говорила об этой организации, не было похоже на рассказ вора о разовых работодателях. Мошенница упоминала о «налаживании связей» и «продвижении» среди Кровьпризраков.

– Закономерность, – сказал Узор.

– Что? – спросила Шаллан, посмотрев в его сторону.

– Закономерность, – повторил он. – В словах. М-м-м.

– На этом листе? – спросила Шаллан, поднимая страницу.

– На этом и на других, – сказал Узор. – Видишь первые слова?

Шаллан нахмурилась, рассматривая записи. На каждом листе первые слова принадлежали далекому собеседнику. Простое предложение, в котором тот спрашивал о здоровье Тин или о том, как идут дела. Тин каждый раз отвечала несколькими простыми словами.

– Я не понимаю, – проговорила Шаллан.

– Они формируют группы по пять, – сказал Узор. – Эти буквы – квинтеты. М-м-м. Каждое сообщение строится по шаблону: первые три слова начинаются с одной из букв каждого из трех квинтетов. Ответы Тин – с остальных двух.

Шаллан снова посмотрела на слова, хотя так и не смогла понять, что имел в виду Узор. Он объяснил еще раз, и она подумала, что уловила суть, но закономерность была непростой.

– Шифр, – сказала Шаллан.

В этом имелся смысл, любой захочет удостовериться, что с другой стороны самопера находится нужный человек. Шаллан вспыхнула, когда поняла, какой возможности чуть не лишилась. Если бы Узор не увидел закономерность или если бы самоперо тут же начало писать, она разоблачила бы себя.

У нее не получится повернуть такое большое дело. Она не могла проникнуть в организацию, достаточно умелую и сильную, чтобы убить саму Джасну. Просто не могла.

И все же Шаллан должна это сделать.

Девушка достала альбом и начала рисовать, позволив пальцам двигаться самостоятельно. Ей нужно стать старше, но не намного. Она превратится в темноглазую. Люди обратят внимание на незнакомую светлоглазую, идущую через лагерь. Темноглазая женщина будет более незаметной. Однако нужным людям она может намекнуть, что воспользовалась глазными каплями.

Черные волосы. Длинные, как у нее, но не рыжие. Тот же рост и телосложение, но совсем другое лицо. Утомленные черты, как у Тин. Шрам поперек подбородка, более угловатое лицо. Не красивое, но и не уродливое. Более... простое.

Шаллан втянула штормсвет из стоящей перед ней лампы. Наполнившая ее энергия заставила рисовать быстрее. Ею руководило не возбуждение. Это была необходимость двигаться дальше.

Последним росчерком Шаллан закончила набросок и обнаружила, что на нее смотрит почти живое лицо. Девушка выдохнула свет и почувствовала, как он обволакивает ее и закручивается вокруг. На мгновение зрение помутилось, и она увидела только сияние исчезающего штормсвета.

Затем все прошло. Она не ощущала себя как-то по-другому. Она потрогала лицо. На ощупь никаких изменений. Разве...

Локон волос, свесившийся через плечо, оказался черным. Шаллан уставилась на него, а затем вскочила со стула, возбужденная и испуганная одновременно. Она прошла в ванную, встала перед зеркалом и увидела в нем свое измененное лицо – загорелая кожа и темные глаза. Лицо с ее наброска, обретшее цвет и жизнь.

– Сработало, – прошептала Шаллан.

У нее получилось нечто гораздо более серьезное, чем то, что она проделывала раньше: просто замаскировать прорехи на платье или показаться более взрослой. Полная трансформация.

– Что же можно с этим сделать?

– Все, что только придет нам в голову, – ответил Узор со стены неподалеку. – Вернее все, что придет тебе в голову. Мне трудно представить то, чего нет. Но мне нравится. Мне нравится... каково это... на вкус.

Он казался чрезвычайно довольным только что высказанным комментарием.

Что-то было не в порядке. Шаллан нахмурилась, подняв набросок, и увидела, что не закончила рисовать кусочек носа. В этом месте свет не скрывал ее нос полностью, и сбоку оставался смазанный просвет. Он был маленьким, и кому-то другому вполне мог показаться странным шрамом. Ей же казалось, что изъяз просто бросается в глаза, и это оскорбляло ее художественный вкус.

Шаллан потрогала нос в других местах. Она немного увеличила его по сравнению со своим собственным и могла дотянуться сквозь изображение до настоящего носа. Изображение было невещественно. Более того, если она быстро проводила пальцем сквозь кончик фальшивого носа, тот размазывался, превращаясь в штормсвет, как дым, который сдувало порывом ветра.

Она убрала палец, и изображение быстро восстановилось. Просвет сбоку по-прежнему оставался на месте. Небрежный набросок, ее вина.

– На сколько времени хватит образа? – спросила Шаллан.

– Он подпитывается штормсветом, – ответил Узор.

Шаллан выудила сферы из потайного кармана. Они все потускнели – скорее всего, она использовала их во время разговора с кронпринцами. Девушка вынула одну сферу из лампы на стене, заменив ее на тусклую такой же стоимости, и сжала в кулаке.

Шаллан вернулась в прихожую. Конечно же, потребуется другая одежда. Темноглазая женщина не станет...

Самоперо двигалось, записывая текст.

Шаллан бросилась к дивану и затаила дыхание, увидев, как появляются слова.

«По всей видимости, кое-какая сегодняшняя информация будет полезна».

Простое вступление, но оно подчинялось закономерности шифра.

– М-м-м, – прогудел Узор.

Ей нужно сделать так, чтобы первые два слова ответной реплики начинались с определенных букв.

«Вы говорили то же самое в прошлый раз», – написала Шаллан, надеясь, что Узор правильно разгадал шифр.

«Не волнуйтесь, – ответил собеседник. – Вам понравится, хотя, возможно, у нас мало времени. Они хотят встретиться».

«Хорошо», – согласилась Шаллан, расслабившись и благословляя то время, когда Тин заставляла ее практиковаться в подделке почерка.

Она быстро продвинулась в этом искусстве, так как оно было разновидностью рисования, но советы Тин позволили ей теперь копировать почерк мошенницы с выдающимся мастерством.

«Они хотят встретиться сегодня вечером, Тин», – вывело перо.

Сегодня вечером? А который час? Часы на стене показывали, что была половина второго ночного колокола. Взошла только первая луна, совсем недавно стемнело. Шаллан взялась за самоперо и хотела было написать: «Не знаю, готова ли я», но остановилась. Тин никогда бы не ответила подобным образом.

«Я не готова», – написала она вместо начальной фразы.

«Они настаивают, – ответил собеседник. – Поэтому мы пытались связаться с вами ранее. По-видимому, сегодня прибыла ученица Джасны. Что произошло?»

«Не ваше дело», – вывела Шаллан, копируя тон, которым Тин пользовалась в подобных разговорах в прошлом. Человек на другом конце самопера был слугой, а не коллегой.

«Конечно, – написало перо. – Но они хотят встретиться с вами сегодня вечером. Ваш отказ может означать разрыв отношений».

Отец Штормов! Сегодня вечером? Шаллан провела рукой по волосам, уставившись на страницу. Могла она встретиться с ними сегодня вечером?

Разве ожидание изменит хоть что-то?

С колотящимся сердцем она написала ответ:

«Я считала, что подопечная Джасны у меня в плену, но девчонка меня предала. Со мной не все в порядке. Но я пошлю свою ученицу».

«Еще одну, Тин? – спросил собеседник. – После того, что случилось с Си? В любом случае сомнительно, что они захотят встретиться с ученицей».

«У них нет выбора», – написала Шаллан.

Возможно, ей удалось бы *соткать свет* вокруг себя таким образом, чтобы выглядеть, как Тин, но Шаллан сомневалась, что готова на что-то подобное. Было достаточно тяжело притворяться кем-то выдуманным, но скопировать конкретного человека? Ее наверняка разоблачат.

«Посмотрим», – ответил собеседник.

Шаллан стала ждать. В далеком Ташикке ее собеседник достал другое самоперо и превратился в посредника между нею и Кровьпризраками. Шаллан решила проверить сферу, которую принесла из ванной.

Ее свет потускнел несильно. Чтобы поддерживать *сотканые светом* иллюзии, ей придется везде носить с собой запас заряженных сфер.

Самоперо снова начало писать.

«Они согласны. Вы можете быстро добраться до лагеря Себариаля?»

«Думаю, да, – ответила Шаллан. – Почему туда?»

«Один из немногих лагерей, где ворота не закрываются на ночь, – объяснил собеседник. – В одном из многоквартирных зданий ваши наниматели встретятся с вашей ученицей. Я нарисую карту. Пусть ученица подойдет туда, когда Салас будет в зените. Удачи».

Последовал набросок, иллюстрирующий, где находится нужное место. Зенит Саласа? В ее распоряжении оставалось двадцать пять минут, а она совсем не знала лагеря. Шаллан вскочила на ноги и замерла. Она не могла пойти в таком виде, одетая как светлоглазая леди. Девушка бросилась к сундуку Тин и начала рыться в одежде.

Несколько минут спустя она стояла перед зеркалом, рассматривая свободные коричневые брюки и белую рубашку на пуговицах. На безопасной руке красовалась перчатка. С такой рукой Шаллан казалось, что она голая. С брюками дело обстояло лучше – темноглазые женщины носили похожие во время работы на плантации дома, хотя она никогда не видела, чтобы светлоглазая женщина была одета подобным образом. Но эта перчатка...

Шаллан поежилась, заметив, что ее фальшивое лицо тоже покраснело. Нос двигался, когда она морщилась. Хорошо, хотя она и надеялась, что сможет скрыть смущение.

Девушка вытащила один из белых плащей Тин. Плащ спускался вниз до самых ботинок, и она закрепила его на талии толстым черным кожаным ремнем таким образом, чтобы плащ оказался почти закрыт спереди – так его носила Тин. Шаллан закончила приготовления и заменила тусклые сферы в кармане заряженными, вытащив их из комнатных ламп.

Ее по-прежнему беспокоил смазанный участок носа.

«Нужно чем-то затенить лицо», – подумала она, поспешив обратно к сундуку.

Оттуда девушка вытащила белую шляпу Блута, ту самую, с широкими полями, закрывающими пол-лица. Шаллан надеялась, что на ней головной убор будет смотреться лучше, чем на Блуте.

Она надела шляпу и, повернувшись к зеркалу, осталась довольной тем, как та скрыла лицо. Все же она смотрелась довольно нелепо. Но в такой одежде

казалось, что все выглядит нелепо. Рука в перчатке? Брюки? Плащ, выглядящий величественно на Тин, подчеркивающий ее опыт и чувство стиля, на Шаллан смотрелся так, будто она прикидывалась кем-то другим. Сквозь иллюзию проглядывала испуганная девчонка из деревни Джа Кеведа.

«Авторитет не существует сам по себе. – Слова Джасны. – Это просто туман, иллюзия. Я могу создать такую иллюзию... так же, как и ты».

Шаллан выпрямилась, расправила шляпу, затем прошагала в спальню и рассовала несколько мелочей по карманам, включая карту места встречи. Она подошла к окну и распахнула его настежь. К счастью, ее покои располагались на первом этаже.

– Ну, за дело, – прошептала она Узору.

И растворилась в ночи.



И таким образом, когда беспорядки в округе Ревва затихли, когда прекратили преследовать за междоусобицы, Налан'Элин занялся наконец тем, чтобы возглавить Разящих с Небес, которые назвали его своим наставником, но сначала он отверг их успехи и в своих собственных интересах отказался одобрять то, что считал стремлением к тщеславию и неприятностям. Этот Герольд был последним, кого могли бы связать с такими свойствами.

«Слова сияния», глава 5, страница 17

Несмотря на поздний час, военный лагерь был все еще оживлен. Шаллан не удивилась. Время, проведенное в Харбранте, научило ее, что не для всех наступление ночи означало прекращение работы. На улицах оставалось почти так же много людей, как тогда, когда она проезжала здесь в первый раз.

И почти никто не обращал на нее внимания.

На этот раз она чувствовала себя незаметной. Даже в Харбранте на ней останавливались взгляды – ее замечали и рассматривали. Одним приходила в голову мысль, не ограбить ли ее, другим – как ею воспользоваться. Молодая

светлоглазая женщина без надлежащего сопровождения выделялась из толпы и была потенциальным лакомым кусочком для различных мошенников. Тем не менее, пока Шаллан имела прямые темные волосы и карие глаза, она была практически невидимкой. Замечательное ощущение.

Шаллан улыбнулась, засунув руки в карманы плаща, – она по-прежнему стеснялась безопасной руки в перчатке, хотя никто на нее даже не смотрел.

Девушка дошла до перекрестка. В одном из направлений военный лагерь сиял факелами и масляными фонарями. Рынок был достаточно многолюдным, так что никто не доверял светильникам своих сфер. Шаллан двинулась в ту сторону. Наверное, ей безопаснее держаться оживленных улиц. Пальцы в кармане нащупали листок бумаги, и она вытащила его, остановившись, чтобы ее пропустила компания болтающих между собой людей, идущих навстречу.

Казалось, что в карте разобраться не трудно. Ей просто нужно узнать, где она находится. Шаллан подождала еще немного и наконец поняла, что компания перед ней не собиралась двигаться. Девушка ожидала, что ей уступят дорогу, как сделали бы, будь она светлоглазой. Покачав головой по поводу своей глупости, она обошла людей.

Все продолжилось в том же духе; ей приходилось протискиваться между телами и получать толчки в ответ. Этот рынок походил на две параллельные реки, переходящие одна в другую. По обе их стороны располагались лавки, а посередине торговцы продавали еду. В некоторых местах даже имелись навесы, натянутые через проходы к зданиям на другой стороне.

Всего около десяти шагов в ширину, рынок представлял собой шумную, беспорядочную сутолоку, вызывающую клаустрофобию. И Шаллан здесь нравилось. Она обнаружила, что хочет остановиться и набросать эскизы половины встретившихся по дороге людей, казавшихся настолько наполненными жизнью, неважно, торговались ли они или просто бродили с друзьями и жевали еду с лотка. Почему она так редко выходила прогуляться в Харбранте?

Расплывшись в улыбке, Шаллан остановилась перед человеком, устроившим на коробке спектакль с марионетками. Дальше по пути какой-то хердазианин с помощью кресала и масла создавал в воздухе вспышки пламени. Если бы она только могла задержаться ненадолго и сделать его набросок...

Нет. У нее неотложное дело. Часть ее, очевидно, не хотела продолжать путь, и разум Шаллан пытался увести внимание в сторону. Она все больше осознавала, каким защитным механизмом обладает. Шаллан использовала его, она нуждалась в нем, но она не могла позволить ему управлять своей жизнью.

Тем не менее она остановилась у тележки женщины, торгующей засахаренными фруктами. Сладости выглядели сочными и красными и были насажены на маленькую палочку, прежде чем их опустили в блестящий расплавленный сахар. Шаллан вытащила из кармана сферу и протянула ее женщине.

Торговка застыла, уставившись на сферу. Другие люди стали останавливаться рядом. В чем проблема? Это была обычная изумрудная марка. Она же не вытащила целый брум.

Шаллан посмотрела на глифы в списке цен. Палочка засахаренных фруктов стоила один чистобломок. Ей не часто приходилось задумываться о стоимости сфер, но если она правильно помнила...

Ее марка была в двести пятьдесят раз дороже стоимости сладости. Даже с точки зрения напряженной финансовой ситуации ее семьи, эта сумма не считалась такой уж значительной. Но то был уровень дворянских домов и поместий, а не уличных торговцев и темноглазых рабочих.

– Э-э, я не думаю, что смогу ее разменять, – сказала женщина. – Э-э... гражданка.

Так называли богатых темноглазых первого или второго нана.

Шаллан покраснела. Сколько же можно подтверждать свою наивность?

– Это за одно угощение и небольшую помощь. Я здесь впервые. И не откажусь, чтобы кто-нибудь указал мне направление.

– Дорогостоящий способ узнать дорогу, мисс, – ответила женщина, но ловко засунула сферу в карман.

– Мне нужно найти улицу Нар.

– Ага. Вы идете в штормовом неверном направлении, мисс. Вернитесь назад вдоль главных рядов и поверните направо. Вам нужно пройти, э-э, где-то шесть кварталов. Их легко найти, кронпринц заставил строить дома квадратами, как в настоящем городе. Как увидите таверны, значит, вы на месте. Мисс, прошу прощения за мои слова, но я думаю, что вам не стоит посещать такое место.

Даже когда она стала темноглазой, люди продолжали считать ее неспособной позаботиться о себе.

– Спасибо, – поблагодарила Шаллан, выдернув одну из палочек засахаренных фруктов.

Она поспешила отойти, пересекая поток, чтобы присоединиться к идущим через рынок в противоположном направлении.

– Узор? – прошептала она.

– М-м-м.

Он цеплялся к наружной стороне ее плаща рядом с коленями.

– Держись за мной и понаблюдай, не идет ли кто следом, – сказала Шаллан. – Сможешь это сделать?

– Они создадут закономерность, если попробуют, – ответил он, соскочив на землю.

На мгновение, пока спрен находился в воздухе, между плащом и камнем мелькнула темная масса извилистых линий. Потом он исчез, как капля воды, упавшая в озеро.

Шаллан влилась в людской поток, безопасной рукой крепко вцепившись в мешочек сфер в кармане плаща. Свободной рукой она держала палочку с фруктами. Девушка слишком хорошо помнила, как в Харбранте Джасна намеренно выставила напоказ слишком много денег и тем самым приманила воров подобно водам шторма, притягивающим лозы.

Шаллан следовала указаниям, но ее раскрепощенность сменилась тревогой. За углом рынка оказалась улица, на которой было гораздо меньше народу. Неужели продавщица фруктов попыталась направить Шаллан в ловушку, где ее можно легко обокрасть? Наклонив голову, девушка быстро пошла по улице. Она не умела *преобразовывать*, чтобы защитить себя, как это делала Джасна. Шторма! Шаллан не в состоянии заставить загореться даже палку. Она сомневалась, что сможет трансформировать живые тела.

Она умела *ткать светом*, но уже использовала это умение. Получится ли *соткать* второй образ одновременно с первым? Как, кстати, поживает ее маскировка? Вытягивает свет из сфер. Шаллан чуть не достала их наружу, чтобы проверить, сколько израсходовано штормсвета, но затем остановила себя. Глупая. Она волновалась о том, что ее ограбят, и поэтому собиралась достать пригоршню денег?

Шаллан остановилась после того, как прошла два квартала. Несколько людей все же шли по этой улице – мужчины в рабочей одежде спешили домой на ночлег. Здания здесь были определенно не так красивы, как те, что она оставила позади.

– Тебя никто не преследует, – произнес Узор у ее ног.

Шаллан подскочила чуть ли не до крыш и прижала свободную руку к груди, глубоко дыша. Она действительно думает, что сможет проникнуть в организацию убийц? Даже ее собственный спрен зачастую вынуждает ее подпрыгнуть от испуга.

«Тин сказала, что ничто меня не научит, кроме личного опыта, – подумала Шаллан. – Я просто перетерплю первые несколько раз и буду надеяться, что привыкну ко всему этому прежде, чем позволю себя убить».

– Давай двигаться дальше, – ответила она. – Время на исходе.

Шаллан пошла вперед, вгрызаясь во фрукт. Он действительно был очень вкусным, хоть ее нервозность мешала насладиться лакомством в полной мере.

На самом деле до улицы с тавернами оказалось пять кварталов, а не шесть. Согласно листку с картой, который измялся еще больше, местом встречи было многоквартирное здание напротив таверны с окнами, сияющими голубым светом.

Подойдя к зданию, Шаллан выбросила палочку от фруктового десерта. Постройка не могла быть старой – в военных лагерях ничто не старше пяти или шести лет – но выглядела древней. Камни выветрились, ставни перекосились. Удивительно, что свержшторм до сих пор не сдул эту развалюху.

Полностью осознавая, что она, может быть, шагает в логово белоспинника на ужин, Шаллан подошла и постучала. Дверь открыл темноглазый мужчина размером с валун, борода которого была подстрижена как у рогоеда. В его волосах, похоже, действительно проскакивала рыжина.

Пока он рассматривал ее сверху донизу, девушка подавляла желание переминаясь с ноги на ногу. Наконец он открыл дверь во всю ширину, поманив ее внутрь толстым пальцем. Шаллан не упустила из виду большой топор, который был прислонен к стене рядом с мужчиной и освещен единственной слабой лампой на стене – в ней, судя по всему, находился всего лишь один обломок.

Сделав глубокий вдох, Шаллан вошла внутрь.

Запахло плесенью. Она услышала, как где-то дальше внутри капает вода. Штормовые потоки безошибочно прокладывали путь с протекающей крыши вниз, вниз, вниз, до самого первого этажа. Охранник не произнес ни слова, пока вел ее по коридору. Пол был деревянным. Пока Шаллан шла по дереву, у нее возникло ощущение, словно она вот-вот провалится вниз. Казалось, половицы стонали при каждом шаге. С хорошим камнем никогда не случалось ничего подобного.

Охранник кивнул в сторону отверстия в стене, и Шаллан взгляделась во мрак. Ступени, ведущие вниз.

«Шторма, что я делаю?»

Не время для колебаний. Она делала именно то, что делала. Шаллан решительно посмотрела на грубого охранника и заставила себя говорить спокойным голосом:

– Вы действительно серьезно вложились в обстановку. Сколько же времени потребовалось, чтобы найти берлогу на Разрушенных равнинах, у которой была бы еще и жуткая лестница?

Охранник искренне улыбнулся. Но не стал выглядеть менее пугающим.

– Ступени не обрушатся прямо подо мной, ведь так? – спросила Шаллан.

– С ними порядок, – ответил охранник. Его голос был удивительно высоким. – Они не обрушились подо мной, а я сегодня дважды позавтракал. – Он похлопал свой живот. – Иди. Тебя ждут.

Шаллан достала сферу, чтобы осветить дорогу, и начала спускаться по лестнице. Каменные стены здесь были вырублены. Кто взял бы на себя труд рыть подвал для трухлявого многоквартирного здания? Ответ пришел, когда она заметила на стене несколько расплзшихся струек крэма. Немного похожие на расплавленный воск, стекающий вниз по свече, струйки давным-давно превратились в камень.

«Эта дыра появилась здесь задолго до того, как пришли алетии», – подумала Шаллан.

При устройстве военного лагеря Себариял возвел здание над уже существующим подвалом. Должно быть, когда-то в кратерах военных лагерей жили люди.

Не существовало никакого другого объяснения. Кто это был? Неужели жители древнего королевства Натан?

Ступени вели вниз, в небольшую пустую комнату. Как странно обнаружить подвал в таком ветхом здании. Обычно они имелись только в богатых домах, поскольку требовались серьезные меры предосторожности для предотвращения затопления. Шаллан сложила руки на груди в замешательстве, когда один угол в полу открылся, залил комнату светом. Девушка отступила назад, затаив дыхание. Часть каменного пола оказалась фальшивой и скрывала люк.

В подвале имелся подвал. Шаллан подошла к краю отверстия и увидела лестницу, ведущую вниз, к красному ковру и свету, который казался почти ослепляющим после того полумрака, в котором она находилась. Это место должно полностью затапливаться после шторма.

Девушка ступила на лестницу и пошла вниз, радуясь, что на ней брюки. Люк над головой закрылся – по всей видимости, у него был какой-то поворотный механизм.

Шаллан соскочила на ковер и, повернувшись, обнаружила неуместно роскошную комнату. В центре расположился длинный обеденный стол, на котором сверкали стеклянные бокалы, инкрустированные драгоценными камнями. Их сияние наполняло комнату светом. Вдоль стен тянулись вместительные полки, каждая оказалась заполнена книгами и декоративными украшениями. Многие из них были помещены в маленькие стеклянные коробочки. Какие-то трофеи?

В комнате находилось человек пять, но один из них больше других привлек ее внимание. С прямой спиной и угольно-черными волосами, он носил белую одежду и стоял перед потрескивающим комнатным очагом. Мужчина напомнил ей какого-то человека из детства. Посланника с улыбающимися глазами, загадочного человека, знавшего так много.

«Два слепца, ожидающие конца эпохи, размышляли о красоте...»

Мужчина повернулся, и перед Шаллан предстали светло-фиолетовые глаза и лицо со шрамами от старых ран; один порез сбегал вниз по щеке, деформируя верхнюю губу. Незнакомец выглядел изысканно – держал кубок вина в левой руке и был одет в великолепнейший костюм – но его лицо и руки рассказывали другую историю. Историю сражений, убийств и раздоров.

Он не был посланником из прошлого Шаллан. Человек приподнял правую руку, в которой оказалось зажато что-то вроде длинной тростинки. Он поднес ее к губам. И держал как оружие, направленное прямо на Шаллан.

Девушка застыла на месте, не в силах пошевелиться, и смотрела на него через всю комнату. В конце концов она обернулась через плечо. На стене висела мишень в виде гобелена с разнообразными существами. Шаллан вскрикнула и отпрыгнула в сторону как раз перед тем, как мужчина дунул в свое оружие, выстрелив в воздух небольшим дротиком. Тот пролетел в нескольких дюймах от нее и застрял в одной из висящих на стене фигур.

Шаллан прижала безопасную руку к груди и глубоко вздохнула.

«Спокойно, – сказала она себе. – Спокойно».

– Так значит, Тин плохо себя чувствует? – спросил мужчина, опустив духовую трубку. Тихий голос заставил Шаллан задрожать. Она не могла определить его акцент.

– Да, – ответила она, обретая дар речи.

Мужчина поставил бокал на каминную полку рядом с собой, затем вытянул еще один дротик из кармана рубашки и тщательно вставил его в конец духовой трубки.

– Казалось, она не из тех, кто может позволить чему-то настолько незначительному удержать ее от важной встречи.

Он посмотрел на Шаллан. Духовая трубка была заряжена. Эти фиолетовые глаза напоминали стекло. Лицо, покрытое шрамами, оставалось невозмутимым. Все в комнате, похоже, затаили дыхание.

Он видел ее ложь насквозь. Шаллан прошиб холодный пот.

– Вы правы, – заговорила она. – Тин в порядке. Однако все пошло не по плану. Джасна Холин мертва, но убийство выполнили небрежно. Пока что Тин считает, что благоразумней работать через посредника.

Мужчина прищурился, а затем наконец поднял свою тростинку и резко дунул. Шаллан отскочила, но дротик, вместо того чтобы попасть в нее, пролетел мимо и вонзился в драпировку на стене.

– Она показала себя трусихой, – сказал светлоглазый. – Но как случилось, что ты добровольно пришла сюда, зная, что я могу просто убить тебя за ее ошибки?

– Каждой женщине нужно с чего-то начинать, светлорд, – ответила Шаллан непослушным дрожащим голосом. – Я не смогу пробить себе путь наверх, совсем ничем не рискуя. Если вы меня не убьете, я получу шанс встретиться с людьми, с которыми Тин меня, скорее всего, никогда бы не познакомил.

– Смелая, – сказал мужчина.

Он указал двумя пальцами, и один из людей, сидящих у очага, – долговязый светлоглазый мужчина с такими крупными зубами, будто среди его предков были крысы, – подошел и швырнул что-то на длинный стол рядом с Шаллан.

Мешочек сфер. Внутри, по-видимому, бумы – мешочек, хоть и темно-коричневый, ярко светился.

– Скажи мне, где она, и эти деньги твои, – проговорил покрытый шрамами мужчина, вставляя новый дротик. – У тебя есть амбиции. Мне это нравится. Я заплачу не только за ее местонахождение, но также попытаюсь найти тебе место в моей организации.

– Прошу прощения, светлорд, – ответила Шаллан. – Но вы знаете, что я ее вам не продам.

Наверняка он видел ее страх, пот, пропитывающий подкладку шляпы, струйкой стекающий по виску. Более того, позади нее на полу появился и начал извиваться спрен страха, хотя от других его, скорее всего, заслонял стол.

– Если бы я согласилась предать Тин за деньги, то чего стоила бы для вас? Вы бы знали, что с вами я поступлю точно так же, если предложение окажется достаточно щедрым.

– Честь? – спросил мужчина. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, между двумя пальцами был зажат дротик. – У воровки?

– Еще раз прошу прощения, светлорд. Но я не простая воровка.

– А если я буду тебя пытаться? Уверяю, что смог бы получить информацию и таким способом.

– Я не сомневаюсь, что могли бы, светлорд, – сказала Шаллан. – Но неужели вы действительно думаете, что Тин прислала меня с информацией о своем местонахождении? Какой смысл меня пытаться?

– Ну, – проговорил незнакомец, посмотрев вниз и вставив дротик на место, – с одной стороны, это было бы забавно.

«Дыши, – сказала себе Шаллан. – Медленно. Ровно».

Было нелегко.

– Не думаю, что вы так поступите, светлорд.

Он поднял тростинку и дунул одним резким движением. Дротик глухо ударился, воткнувшись в стену.

– И почему нет?

– Потому что вы не кажетесь мне человеком, который выбрасывает что-то полезное.

Она кивнула на сувениры в стеклянных коробочках.

– Ты считаешь, что можешь оказаться мне полезной?

Шаллан подняла голову, встретившись с его пристальным взглядом.

– Да.

Он не отвел глаз. В очаге затрещало.

– Прекрасно, – наконец произнес мужчина, повернувшись к камину и снова взяв бокал. Он продолжал держать тростинку в одной руке, а выпивку в другой, стоя спиной к Шаллан.

Девушка почувствовала себя марионеткой, которой обрезали нити. Она с облегчением выдохнула и с трясущимися коленями села в одно из кресел рядом с обеденным столом. Дрожащими пальцами достала носовой платок и, сдвинув шляпу, вытерла лоб и виски.

Когда она прервалась, чтобы убрать платок, то обнаружила, что кто-то занял сиденье рядом с ней. Шаллан даже не увидела, как человек приблизился, и чужое присутствие заставило ее вздрогнуть. На лице низкорослого, загорелого незнакомца было что-то наподобие туго натянутой панцирной маски. Фактически это выглядело как... как будто кожа каким-то образом начала прорастать по краям маски.

Узор из красно-оранжевых кусочков панциря, похожий на мозаику, придавал бровям выражение гнева и ярости. Пара темных глаз, притаившихся под маской, рассматривала ее не мигая. Невыразительный рот и подбородок оставались открытыми. Мужчина... нет, женщина – Шаллан заметила намек на грудь и очертания верхней части тела. Ее сбила с толку открытая безопасная рука.

Шаллан подавила смущение. Женщина носила темно-коричневую одежду, простую, перевязанную на талии замысловатым поясом с кусочками панциря. Четверо других людей были одеты в более традиционную для алеты одежду и тихо переговаривались недалеко от очага. Высокий мужчина, который допрашивал ее, больше не разговаривал.

– Хм, светлорд? – позвала Шаллан, посмотрев в его сторону.

– Я размышляю, – ответил он. – Я рассчитывал убить тебя и выследить Тин. Можешь сказать ей, что она не пострадает, придя ко мне, – я не сержусь на то, что ей не удалось получить информацию от Джасны. Я нанял человека, больше, по моему мнению, подходящего для задания, и взвесил риски. Холин мертва, и именно этого должна была достигнуть Тин любой ценой. Не могу похвалить ее за работу, но я доволен. Однако решение не встречаться со мной, чтобы не объясняться лично, – от такой трусости мне тошно. Она прячется словно дичь.

Мужчина отхлебнул вина.

– Ты не трусиха. Она прислала ту, кого, как она знает, я не убью. Она всегда была умна.

Великолепно. Но что это означало для Шаллан? Она нерешительно поднялась с кресла, желая оказаться подальше от странной маленькой женщины с немигающими глазами. Шаллан воспользовалась шансом исследовать помещение более детально. Куда уходил дым от очага? Они прорубили дымоход так глубоко сюда?

На стене справа располагалось гораздо больше трофеев, в том числе несколько огромных гемсердец. Все вместе они, похоже, стоили больше, чем целое имение ее отца. К счастью, камни не были заряжены штормсветом. Даже

неограниченные, они, вероятно, могли светиться достаточно ярко, чтобы ослепить. Также там висели раковины, которые Шаллан могла определить лишь смутно. Этот клык, наверное, принадлежал белоспиннику. А та глазница по структуре пугающе напоминала череп сангида.

Другие диковины ее озадачили. Пузырек со светлым песком. Пара толстых шпилек. Локон золотистых волос. Ветка дерева с письменами, которые она не смогла прочесть. Серебряный нож. Необычный цветок, законсервированный в каком-то растворе. Не было табличек, поясняющих, что это за сувениры. Кусок бледно-розового кристалла выглядел как разновидность драгоценного камня, но почему он такой хрупкий? Куски отслоились от него в коробку, как будто кристалл разрушился от простого помещения его внутрь.

Шаллан нерешительно шагнула ближе к задней части комнаты. От огня поднимался дым. Он закручивался и извивался вокруг предмета, подвешенного кверху очага. Драгоценный камень?.. Нет, фабриал. Он собирал дым, как веретено наматывает нить. Она никогда не видела ничего подобного.

– Ты знаешь человека по имени Амарам? – спросил покрытый шрамами мужчина в белом.

– Нет, светлорд.

– Можешь называть меня Мрэйз. Как тебя зовут?

– Вейль⁹, – ответила Шаллан, используя имя, с которым она забавлялась.

– Прекрасно. Амарам – Носитель Осколков при дворе кронпринца Садеаса.

Также он – моя текущая цель.

Сказанные подобным тоном слова заставили Шаллан задрожать от услышанного.

– И чего вы хотите от меня, Мрэйз? – Она попыталась, но не смогла произнести его имя правильно. Оно не было воринским.

– Амарам расположился в особняке рядом с дворцом Садеаса, – сказал Мрэйз. – Внутри он прячет секреты. Я не прочь узнать некоторые из них. Скажи своей хозяйке разузнать что к чему и вернуться ко мне с информацией на следующей неделе в чачел. Она знает, что я ищу. Если выполнит задание, мое разочарование в ней уменьшится.

Прокрасться в особняк Носителя Осколков? Шторма! Шаллан не имела ни малейшего понятия, как проверить что-то подобное. Она должна покинуть это место, избавиться от маскировки и поблагодарить свою удачу, если останется в живых.

Мрэйз поставил пустой бокал из-под вина, и она увидела, что его правая рука покрыта шрамами, а пальцы так искривлены, словно были сломаны и плохо срослись. На среднем пальце Мрэйза сверкало золотое кольцо – печать с вырезанным на ней символом, который рисовала Джасна. Такой же символ носил управляющий Шаллан, и этот же символ в виде татуировки нашли на теле Кабзала.

Выхода не было. Шаллан придется делать все, что ей прикажут, чтобы выяснить, что известно этим людям. О ее семье, о Джасне и, собственно, о конце света.

– Задание будет выполнено, – сказала Шаллан Мрэйзу.

– Нет вопросов по оплате? – довольно спросил тот, вытащив из кармана дротик. – Твоя хозяйка всегда спрашивала.

– Светлорд, – ответила Шаллан, – в лучших винных домах не торгуются. Ваша плата будет принята.

⁹ От англ. *veil* – вуаль, покров, завеса.

В первый раз после своего прихода девушка увидела улыбку Мрэйза, хотя он даже не посмотрел на нее.

– Не навреди Амараму, маленький нож, – предостерег он. – Его жизнь принадлежит другим. Никому ничего не говори и не вызывай подозрений. Тин должна раздобыть информацию и вернуться. Ничего больше.

Он развернулся и дунул дротиком в стену. Шаллан взглянула на остальных четверых людей у огня и несколько раз мигнула, сохраняя *воспоминание* о каждом из них. Затем, поняв, что ее отпустили, она направилась к лестнице.

Шаллан чувствовала, как Мрэйз смотрит ей в спину, в последний раз поднимая свою духовую трубку. Люк наверху открылся. Все время, поднимаясь по лестнице, она ощущала его пристальный взгляд.

Дротик пролетел прямо под ней, между перекладинами, и вонзился в стену. Учащенно дыша, Шаллан покинула тайную комнату и снова оказалась в верхнем пыльном подвале. Люк закрылся, погрузив помещение в темноту.

Ее самообладание дало трещину, она взобралась по ступенькам, выскочила из здания и остановилась снаружи, глубоко дыша. Улица стала более оживленной из-за множества людей, привлеченных тавернами. Девушка поспешила в обратный путь.

Теперь она поняла, что у нее не было в запасе плана, как провести встречу с Кровьпризраками. Что она собиралась делать? Каким-то образом получить у них информацию? Для этого требуется заслужить их доверие. Мрэйз не из тех, кто доверяет кому попало. Каким образом выяснить, что ему известно об Уритиру? Как отозвать его людей от братьев? Как она сможет...

– Идут следом, – сказал Узор.

Шаллан вздрогнула.

– Что?

– Люди идут следом, – повторил Узор довольным голосом, как будто понятия не имел, в какой степени напряженным было все это приключение для Шаллан. – Ты просила меня наблюдать. Я наблюдал.

Разумеется, Мрэйз послал кого-то следить за ней. Ее снова прошиб холодный пот, она заставила себя двигаться, не оглядываясь.

– Сколько их? – спросила она Узора, который взбирался по боковой стороне ее плаща.

– Один, – ответил спрен. – Женщина в маске, хотя сейчас она в черном плаще. Подойдем поговорим с ней? Вы ведь подружились сегодня?

– Нет. Я бы так не сказала.

– М-м-м-м... – прогудел Узор.

Шаллан подозревала, что он пытается понять природу человеческих взаимоотношений. Удачи!

Что делать? Она сомневалась, что сможет оторваться от хвоста. Та женщина должна иметь опыт в подобных делах, тогда как Шаллан... Ну, она много практиковалась в чтении книг и рисовании картинок.

«Ткачество светом. Могу я что-нибудь сделать с его помощью?»

Ее маскировка все еще работала – темные волосы, спускающиеся на плечи, служили тому подтверждением. Способна ли она создать другой образ и наложить его на себя?

Шаллан втянула штормсвет, и он заставил ее ускорить шаг. Впереди переулок поворачивал между двумя группами многоквартирных домов. Игнорируя воспоминание о похожем закоулке в Харбранте, Шаллан свернула в него быстрым шагом, а затем немедленно выдохнула штормсвет, пытаясь придать тому очертания. Возможно, образ крупного мужчины, перекрывающий ее плащ, и...

Но штормсвет только клубился перед нею, ничего не происходило. Она запаниковала, но заставила себя продолжать двигаться по закоулку.

Не сработало. Почему не сработало? Ведь в своей комнате у нее получалось!

Единственное отличие, которое пришло ей на ум, заключалось в наброске. В своей комнате Шаллан нарисовала детальную картинку. Сейчас у нее таковой не было.

Она залезла в карман и достала лист бумаги с картой. Его обратная сторона была чистой. Из другого кармана Шаллан выудила карандаш, который инстинктивно положила туда раньше, и попыталась рисовать на ходу. Невозможно. Салас почти зашел, стало слишком темно. Кроме того, она не могла прорисовывать детали во время движения и без чего-то твердого, что можно было бы подложить под бумагу. Если Шаллан остановится и будет рисовать, не вызовет ли подозрений? Шторма, она так нервничала, что с трудом держала карандаш.

Ей требовалось место, чтобы спрятаться, присесть и сделать хороший набросок. Вроде одного из тех укромных уголков у дверных проемов, мимо которых она прошла в закоулке.

Шаллан начала рисовать стену.

Стену удавалось рисовать и на ходу. Девушка свернула на боковую улицу, из открытой таверны на нее упал свет. Она не обратила внимания на гулкий смех и крики, хотя некоторые из них, казалось, относились к ней, и изобразила на листке простую каменную стену.

Шаллан не представляла, получится ли задуманное, но стоило хотя бы попробовать. Она свернула в другой закоулок, почти споткнувшись о храпящего пьяницу, потерявшего обувь, побежала и через несколько шагов нырнула в дверной проем глубиной в пару футов. Выдохнув оставшийся штормсвет, Шаллан вообразила, как стена, которую она нарисовала, закрывает проем.

Все почернело.

В переулке, и без того темном, теперь она не могла разглядеть вообще ничего. Ни призрачного света луны, ни сияния от залитой светом фонарей таверны в конце улицы. Означало ли это, что ее образ работает? Шаллан прислонилась к двери за спиной, стянув шляпу, чтобы убедиться в том, что ничего из надетого на ней не высывается через иллюзорную стену. Снаружи, прямо перед нею, слышались легкий скрип сапог по камню и звук, похожий на трущуюся о стену одежду. Потом все стихло.

Шаллан оставалась на месте, застыв и прислушиваясь, но различала только стук своего сердца. Наконец она прошептала:

– Узор. Ты здесь?

– Да, – ответил он.

– Иди посмотри, нет ли где поблизости той женщины?

Он не издал ни звука, когда ушел, а затем вернулся.

– Она ушла.

Шаллан испустила еле сдерживаемый вздох. Взяв себя в руки, она шагнула сквозь стену. Свечение, подобное штормсвету, заполнило ее обзор, и она оказалась снаружи, в переулке. Иллюзия позади слегка заклубилась, как потревоженный дым, но быстро вернула форму.

Имитация оказалась на самом деле очень хорошей. При ближайшем рассмотрении стыки между камнями не вполне совпадали с настоящими, но ночью было трудно разглядеть несоответствия. Только спустя несколько мгновений иллюзия распалась на завитки и испарилась. У Шаллан больше не осталось штормсвета, чтобы ее поддерживать.

– Твоя маскировка исчезла, – отметил Узор.

Рыжие волосы. Шаллан ахнула и немедленно засунула безопасную руку в карман. Темноглазая мошенница, которую обучала Тин, могла ходить полураздетой, но не сама Шаллан. Это просто неправильно.

А еще и глупо, и она это знала, но не могла повлиять на свои чувства. Шаллан немного помешкала и сняла плащ. Без него, со снятой шляпой и изменившимися волосами и лицом, она превратилась в другого человека. Девушка покинула переулок через конец, противоположный тому, куда, как она предполагала, ушла женщина в маске.

Шаллан медлила, пытаясь определить направление. Где особняк? Она попыталась мысленно проследить свой путь, но ей было трудно определить текущее местоположение. Нужно что-то, что она могла видеть. Требовалось какое-то визуальное представление. Она вытащила измятую бумагу и быстро изобразила на карте весь проделанный ранее маршрут.

– Я могу привести тебя обратно в особняк, – сказал Узор.

– Я справлюсь.

Шаллан показала карту и кивнула.

– М-м-м... Это закономерность. Ты ее видишь?

– Да.

– Но не закономерность писем с самопером?

Как же ему объяснить?

– Там были слова. А военный лагерь – это место, которое я могу нарисовать.

Шаллан отчетливо видела изображение обратного пути.

– А... – протянул Узор.

Она вернулась в особняк без происшествий, но не испытывала уверенности ни в том, что замела все следы, ни в том, что никто из прислуги Себариаала не видел, как она пересекает двор и забирается в окно. В этом заключалась проблема скрытного передвижения. Если кажется, что все прошло хорошо, часто неизвестно, потому ли это, что ты в безопасности, или потому, что кто-то тебя заметил и просто ничего не сделал. Пока что.

Закрыв ставни и задернув шторы, Шаллан упала на роскошную кровать, глубоко дыша и дрожа.

«Это был самый нелепый поступок, который я когда-либо совершала», – подумала девушка.

И все же она ощущала себя взволнованной, наполненной трепетом. Шторма! Ей понравилось. Напряжение, беспокойство, то, как она избежала возможности быть убитой, даже погоня в конце. Что с ней не так? Когда она пыталась обворовать Джасну, ее тошнило от одной только мысли о краже.

«Я больше не та девочка, – подумала Шаллан, улыбаясь и глядя в потолок. – Уже несколько недель я другой человек».

Она сумеет собрать сведения об этом светлорде Амараме и заработает доверие Мрэйза, чтобы выяснить, что он знает.

«Мне все еще нужен союз с семьей Холин. И путь к нему лежит через принца Адолина».

Ей необходимо найти способ встретиться с ним снова как можно быстрее, но так, чтобы не выглядеть отчаявшейся.

Часть плана, касающаяся молодого принца, судя по всему, будет самой приятной. Все еще улыбаясь, Шаллан соскочила с кровати и отправилась посмотреть, не осталось ли какой-нибудь еды на подносе, который ей принесли раньше.



Но что касается Кующих Узы, их было всего трое, и это число не казалось для них необычным; они не стремились приумножить его до больших пределов, и во времена Мадаса только один из их ордена постоянно работал с Уритиру и его престолами. Их спрены считались особенными, и попытка убедить их вырасти до размеров других орденов всегда рассматривалась как крамольная.

«Слова сияния», глава 16, страница 14

Каладин никогда не ощущал себя так неуютно от того, что выделяется среди прочих, как во время посещений тренировочного полигона Далинара для светлоглазых, где все остальные солдаты были высокородными.

Кронпринц приказал солдатам носить униформу во время дежурства, и его люди повиновались. В своей собственной синей форме Каладин не должен был бы чувствовать себя чужаком, но все равно чувствовал. Форма других солдат была более роскошная, с яркими рядами пуговиц по бокам отличных мундиров, с вкрапленными в них драгоценными камнями. Кто-то украшал униформу вышивкой. Набирали популярность разноцветные шейные платки.

Светлоглазые повернулись в сторону Каладина и его людей, когда те зашли во двор. Насколько обычные солдаты считали его людей героями, насколько эти офицеры уважали Далинара и его решения, настолько же их позы были враждебными по отношению к Каладину и его солдатам.

«Вы здесь нежеланные гости, – говорили их взгляды. – Каждый должен знать свое место. Вы не на своем месте. Как чулла в обеденной зале».

– Разрешите пропустить дежурство по причине сегодняшней тренировки, сэр? – спросил Каладина Ренарин.

Юноша был одет в униформу Четвертого моста.

Каладин кивнул. Когда принц ушел, остальные заметно расслабились. Каладин указал на три наблюдательные позиции, и трое его людей побежали занять посты. Моаш, Тефт и Йейк остались с ним.

Каладин подошел с ними к Зейхелу, стоявшему в задней части покрытого песком двора. В отличие от остальных ардентов, которые были заняты тем, что подносили воду, полотенца и тренировочное оружие сражающимся светлоглазым, Зейхел нарисовал на песке круг и проводил время, кидая в него разноцветные камешки.

– Я принимаю ваше предложение, – сказал Каладин, подходя к нему. – Я привел трех своих людей, чтобы они учились вместе со мной.

– Я не предлагал обучать вас четверых, – ответил Зейхел.

– Знаю.

Зейхел хмыкнул.

– Пробежитесь трусцой сорок кругов с наружной стороны этого здания, затем возвращайтесь назад. У вас есть время, пока мне не надоест игра.

Каладин резко махнул рукой, и все четверо побежали прочь.

– Погоди, – позвал Зейхел.

Каладин остановился, скрипнув ботинками по песку.

– Я просто проверял, насколько ты готов мне подчиняться, – проговорил ардент, бросив камешек в круг. Он снова хмыкнул, словно удовлетворенный броском, и в конце концов повернулся и взглянул на них. – Полагаю, мне нет нужды вас закалять. Но, мальчики, у вас такие красные уши, каких я в жизни не видел.

– Э-э... Красные уши? – переспросил Каладин.

– Проклятый Бездной язык. Я имею в виду, что вы чувствуете, будто должны что-то доказать, ввязаться в битву. А значит, вы злы на всех и вся.

– Можно ли винить нас в этом? – спросил Моаш.

– Думаю, нет. Но, если я возьмусь за ваше обучение, парни, мне не нужно, чтобы повсюду мешались ваши красные уши. Вы будете слушать и вы будете делать то, что я говорю.

– Да, мастер Зейхел, – ответил Каладин.

– Не зови меня мастером.

Зейхел ткнул большим пальцем через плечо в сторону Ренарина, который надевал Доспехи Осколков с помощью нескольких ардентов.

– Для него я мастер. Для вас, парни, я просто заинтересованная сторона, которая хочет помочь вам сохранить жизнь моим друзьям. Ждите здесь, пока я не вернусь.

Он развернулся и направился к Ренарину. В тот момент, как Йейк подобрал один из разноцветных камешков, которые бросал Зейхел, ардент произнес, не оборачиваясь:

– И не вздумайте трогать мои камни!

Йейк подскочил и выронил камень.

Каладин прислонился к одному из столбов, поддерживающих нависающую крышу, и стал наблюдать, как Зейхел инструктирует Ренарина. Сил метнулась вниз и принялась с любопытством изучать маленькие камешки, пытаясь понять, что в них такого особенного.

Некоторое время спустя Зейхел вместе с младшим принцем прошел мимо, объясняя, в чем будет заключаться сегодняшняя тренировка. По всей видимости, он хотел, чтобы Ренарин пообедал. Каладин улыбнулся, когда несколько ардентов с поспешностью вынесли накрытый стол и тяжелый стул, который мог выдержать Носителя Осколков. У них даже имелась скатерть. Зейхел оставил Ренарина, сидевшего в массивных Доспехах Осколков с открытым шлемом, изумленно рассматривать полноценный обед.

– Вы учите его аккуратно обращаться с новообретенной силой, – сказал Каладин Зейхелу, когда тот прошел в обратном направлении.

– Доспехи Осколков – мощная штука, – ответил Зейхел, не глядя на Каладина. – Контроль над ними – нечто большее, чем пробивать стены кулаками и прыгать со зданий.

– Так когда мы...

– Ждите.

Зейхел куда-то ушел.

Каладин посмотрел на Тефта, тот только пожал плечами.

– Мне он нравится.

Йейк усмехнулся:

– Это потому что он почти такой же ворчливый, как и ты, Тефт.

– Я не ворчливый, – огрызнулся Тефт. – У меня просто низкий порог чувствительности к глупости.

Они продолжали ждать, пока к ним не подбежал Зейхел. Мужчины тут же подобрались, их глаза расширились. Ардент принес Клинок Осколков.

Мостовики надеялись на что-то подобное. Каладин сказал, что, возможно, им удастся поддержать один из них во время тренировки. Их глаза следовали за Клинком, как за роскошной женщиной, снимающей перчатку.

Зейхел сделал шаг вперед и воткнул Клинок в песок прямо перед ними. Он отпустил рукоять и сделал приглашающий жест рукой.

– Ладно. Давайте попробуем.

Они уставились на меч.

– Дыхание Келека, – наконец произнес Тефт. – Вы серьезно, да?

Неподалеку Сил отвлеклась от камешков и пристально взглянула на Клинок.

– На следующее утро после разговора с вашим капитаном посреди проклятой Бездной ночи, – сказал Зейхел, – я пошел к светлорду Далинару и королю и спросил разрешения обучать вас фехтовальным стойкам. Вам не нужно носить с собой мечи, ничего такого, но если вы собираетесь сражаться с убийцей, у которого имеется Клинок Осколков, вам лучше знать стойки и как на них реагировать.

Он посмотрел вниз, опустив руку на Клинок Осколков.

– Светлорд Далинар посоветовал позволить вам тренироваться с одним из королевских Клинков. Мудрый человек.

Зейхел убрал руку и сделал приглашающий жест. Тефт потянулся было к Клинку Осколков, но его опередил Моаш, первым схвативший меч за рукоять и дернувший его слишком сильно из песка. Моаша отнесло назад, и Тефт уклонился от столкновения.

– Эй, поосторожнее! – пролаял Тефт. – Отрежешь сам себе штормовую руку, если будешь вести себя, как дурак!

– Я не дурак, – ответил Моаш, поднимая меч и направляя его в сторону. Единственный спрен славы появился и растаял около его головы. – Он тяжелее, чем я ожидал.

– Правда? – спросил Йейк. – Все говорят, что они легкие.

– Так говорят те, кто привык к обычным мечам, – объяснил Зейхел. – Если ты всю жизнь тренировался с полуторником, а потом получил меч, выглядящий так, будто на него пошло в два-три раза больше стали, то ожидаешь, что он будет тяжелее. Уж точно не легче.

Моаш хмыкнул, осторожно взмахнув мечом.

– Судя по всем историям, которые я слышал, он вообще не должен ничего весить. Легкий, совсем как ветерок. – Он нерешительно воткнул Клинок Осколков в песок. – Когда он что-то разрезает, я чувствую большее сопротивление, чем ожидал.

– Думаю, опять все дело в ожиданиях, – проговорил Тефт, почесывая бороду, и махнул Йейку, чтобы тот следующим опробовал меч. Здоровяк вытащил его гораздо бережнее, чем Моаш.

– Отец Штормов, так странно держать его в руках, – произнес Йейк.

– Всего лишь оружие, – сказал Зейхел. – Ценное, но все равно всего лишь оружие. Запомните это.

– Он больше, чем оружие, – ответил Йейк, размахнувшись. – Простите, но это правда. Я мог бы так думать об обычном мече, но это... это искусство.

Зейхел раздраженно покачал головой.

– В чем дело? – спросил Каладин, когда Йейк неохотно протянул Клинок Осколков Тефту.

– Некоторым людям запрещено использовать меч из-за их низкого происхождения, – ответил Зейхел. – Даже спустя столько лет это кажется мне глупым. В мечах нет ничего святого. В одних ситуациях они даруют преимущество, в других – нет.

– Вы ардент, – сказал Каладин. – Разве вы не обязаны поддерживать воринские искусства и традиции?

– Ну, – проговорил Зейхел, – если ты не заметил, то я не очень-то хороший ардент. Я просто отличный мечник. – Он кивнул на меч. – Ты собираешься попробовать?

Сил пристально взглянула на Каладина.

– Я воздержусь, если вы не потребуете напрямую, – ответил Каладин.

– Совсем не любопытно ощутить, каков он?

– Такими штуками убили слишком многих моих друзей. Я предпочту их не трогать, если вам все равно.

– Как хочешь, – сказал Зейхел. – Совет светлорда Далинара заключался в том, чтобы приучить вас к этому оружию. Избавить от благоговейного трепета. В половине случаев человека убивают таким мечом, потому что он продолжает тарашиться вместо того, чтобы уворачиваться.

– Да, – тихо согласился Каладин. – Я замечал нечто подобное. Замахнитесь на меня. Мне нужно попрактиковаться сталкиваться с ним лицом к лицу.

– Конечно. Только надену защиту на лезвие.

– Нет. Никакой защиты, Зейхел. Нужно, чтобы я боялся.

Мгновение ардент рассматривал Каладина, а затем кивнул и подошел забрать меч у Моаша, который начал размахивать им по второму кругу.

Мимо пролетела Сил, закружившись у голов мужчин, которые не могли ее видеть.

– Спасибо, – проговорила она, усевшись на плечо Каладина.

Вернулся Зейхел и принял стойку. Каладин узнал в ней одну из фехтовальных стоек светлоглазых, но не мог сказать точное название. Зейхел шагнул вперед и замахнулся.

Паника.

Каладин не мог ничего поделать. В один миг перед его глазами предстал Даллет – Клинок Осколков рассекает его голову. Он увидел лица с выжженными глазами, отражающиеся на гладкой серебристой поверхности Клинка.

Клинок просвистел в нескольких дюймах перед ним. Зейхел шагнул под мах и снова скользящим движением развернул меч. На этот раз он ударил бы, поэтому Каладину пришлось сделать шаг назад.

Шторма, чудовищное оружие было прекрасным.

Зейхел замахнулся во второй раз, и Каладин отпрыгнул в сторону, чтобы уклониться от меча.

«На этот раз слишком рьяно, Зейхел», – подумал он.

Каладин уклонился снова, а затем среагировал на тень, которую заметил краем глаза. Он обернулся и столкнулся нос к носу с Адолином Холином.

Они уставились друг другу в глаза. Каладин ждал какого-нибудь саркастического замечания. Взгляд Адолина метнулся к Зейхелу и Клинку Осколков, затем вернулся к Каладину. В конце концов принц еле заметно кивнул. Он развернулся и зашагал к Ренарину.

Смысл был ясен. Убийца в Белом превзошел их обоих. Нет повода для насмешек над тем, что Каладин готовился сразиться с ним снова.

«Но это не значит, что он не испорченный хвостун», – подумал капитан мостовиков, поворачиваясь к Зейхелу.

Тот подозвал молодого ардента и передал ему Клинок Осколков.

– Я должен заняться принцем Ренарином, – сказал Зейхел. – Не могу оставить его на весь день одного ради вас, идиоты. Ивис покажет вам несколько тренировочных движений и позволит каждому столкнуться один на один с Клинком Осколков, как это сделал Каладин. Привыкайте к виду оружия, чтобы в следующий раз, когда на вас нападут с Клинком, вы не застыли на месте.

Каладин и остальные кивнули. Только после того, как Зейхел убежал прочь, Каладин заметил, что новый ардент, Ивис, – женщина. Несмотря на статус ардента, она носила перчатку, что хоть в какой-то мере определяло ее половую принадлежность, так как свободная одежда ардента и обритая голова скрывали некоторые другие отличительные признаки.

Женщина с мечом. Странное зрелище. Конечно, вряд ли более странное, чем темноглазый мужчина с Клинком Осколков.

Ивис раздала им деревянные заготовки, которые по весу и балансу почти в точности соответствовали Клинку. Примерно так же, как детский рисунок мелом соответствовал живому человеку. Затем она прошла с ними по общепринятой схеме, демонстрируя десять фехтовальных стоек.

Считалось, что Каладин будет убивать светлоглазых с того момента, как возьмется за копьё, и на протяжении последних лет, до того как его продали в рабство, он довольно-таки преуспел в этом деле. Но те светлоглазые, которых он преследовал на поле битвы, не были большими мастерами. Большинство тех, кто умел действительно хорошо обращаться с мечом, отправились на Разрушенные равнины. Поэтому стойки были для него внове.

Он начал видеть и понимать. Изучив стойки, он будет в состоянии предсказать следующее движение противника. Чтобы использовать новые знания, ему не нужно орудовать мечом самому. Каладин по-прежнему считал, что это слишком негибкое оружие.

Примерно час спустя он опустил тренировочный меч и подошел к бочке с водой. Никто из ардентов и паршменов не спешил подносить напитки ему и его людям. Каладина устраивало такое положение вещей, он не был каким-нибудь избалованным богатеньким мальчиком. Он наклонился над бочкой и зачерпнул воды, чувствуя глубоко в мышцах приятную усталость, свидетельствующую о том, что он занимался чем-то стоящим.

Каладин осмотрел окрестности, выискивая Адолина и Ренарина. Он не находился на дежурстве и не должен был присматривать ни за одним из них – Адолина охраняли Март и Эт, а Ренарин находился под наблюдением тех трех солдат, которых Каладин назначил ранее. Но все же он не мог не посмотреть, все ли с ними в порядке. Произошедший здесь несчастный случай мог бы...

На тренировочном полигоне появилась женщина. Не ардент, а самая настоящая светлоглазая женщина с ярко-рыжими волосами. Она только что вошла и изучала полигон.

Каладин не смог сдержать недовольства из-за происшествия с ботинками. Тот случай наглядно демонстрировал, что для светлоглазых такие люди, как он, – всего лишь игрушки.

Так же вел себя Рошон. Таким же был Садеас. И эта женщина. На самом деле она не злая. Ей просто все равно.

«Скорее всего, она отлично подойдет принцу», – подумал Каладин, в то время как Йейк и Тефт тоже подбежали утолить жажду. Моаш продолжал тренироваться, сосредоточенный на движениях с мечом.

– Хороша, – проговорил Йейк, проследив за взглядом Каладина.

– Что значит «хороша»? – переспросил он, пытаясь понять, что здесь делает эта женщина.

– Хорошо выглядит, капитан, – рассмеялся Йейк. – Штурма! Иногда кажется, что единственное, что занимает ваши мысли, – кого послать на очередное дежурство.

Неподалеку выразительно кивнула Сил.

– Она светлоглазая, – ответил Каладин.

– И что? – проговорил Йейк, хлопнув его по плечу. – Светлоглазая леди не может казаться привлекательной?

– Нет.

Все было очень просто.

– Вы странный человек, сэр.

Наконец Ивис прокричала Йейку и Тефту, чтобы они перестали бездельничать и вернулись к тренировке. Она не позвала Каладина. Похоже, капитан мостовиков пугал многих ардентов.

Йейк побежал обратно, но Тефт задержался на мгновение и кивнул в сторону девушки, Шаллан.

– Думаешь, нам нужно беспокоиться на ее счет? Чужеземка, о которой мы почти ничего не знаем, внезапно оказывается помолвленной с Адолином. Из нее вышел бы отличный наемный убийца.

– Бездна, – ответил Каладин. – Я должен был обратить на это внимание. Острый глаз, Тефт.

Тот скромно пожал плечами и побежал обратно тренироваться.

Каладин полагал, что девушка просто преследует свои меркантильные интересы, но могла ли она на самом деле оказаться наемным убийцей? Каладин поднял тренировочный меч и зашагал в ее сторону мимо Ренарина, который отрабатывал те же стойки, что и его люди.

Когда Каладин уже подходил к Шаллан, рядом с ним, звякнув Доспехами Осколков, появился Адолин.

– Что она тут делает? – спросил Каладин.

– По-видимому, пришла посмотреть, как я тренируюсь, – ответил принц. – Обычно мне приходится их выгонять.

– Их?

– Ну, знаешь, девушек, которые хотят поглазеть на меня, пока я дерусь. Я-то не против, но если бы мы разрешили такое, они бы заполняли весь полигон каждый раз, как я приходил сюда. Никто не смог бы нормально тренироваться.

Каладин скептически посмотрел на него.

– Что? – спросил Адолин. – Женщины никогда не приходили посмотреть, как ты тренируешься, мостовичок? Маленькие темноглазые женщины, потерявшие семь зубов и боящиеся помыться...

Каладин отвернулся от Адолина, плотно сжав губы.

«В следующий раз, – подумал он, – я позволю убийце покончить с ним».

Адолин еще секунду посмеивался, но затем неловко затих.

– Так или иначе, – продолжил он, – у нее, вероятно, больше всех причин быть здесь, учитывая наши отношения. Нам все равно придется ее выпроводить. Нельзя создавать нежелательный прецедент.

– Вы действительно позволите этому случиться? – спросил Каладин. – Помолвке с женщиной, с которой никогда прежде не встречались?

Адолин пожал покрытыми броней плечами.

– Сначала все идет так хорошо, а потом... разваливается из-за меня. Я никак не могу понять, где допускаю ошибку. Думаю, может быть, если между нами будет что-то официальное...

Он нахмурился, словно вспомнив, с кем разговаривает, и быстрее протопал вперед, чтобы отойти подальше от Каладина. Адолин догнал Шаллан, которая, напевая себе под нос, прошла мимо него, даже не взглянув. Принц поднял руку и открыл было рот, чтобы что-то сказать, и так и застыл, повернувшись и глядя, как она идет дальше по двору. Ее взгляд был направлен на Налл, главу ардентов тренировочного полигона. Шаллан поклонилась ей в знак почтения.

Адолин нахмурился и потрусил за Шаллан мимо ухмыляющегося ему Каладина.

– Я вижу, как она пришла понаблюдать за вами, – сказал мостовик. – Полностью очарована вами, определенно.

– Заткнись, – прорычал Адолин.

Каладин не спеша отправился следом за принцем, подойдя к Шаллан и Налл в середине разговора.

– ...изображения этих комплектов вызывают жалость, сестра Налл, – говорила Шаллан, вручив Налл перевязанную кожаную папку. – Нам нужны новые эскизы. Хотя большая часть моего времени будет потрачена на работу у светлорда Себариаала, я хотела бы реализовать несколько собственных проектов во время моего пребывания на Разрушенных равнинах. С вашего благословения, я хотела бы приступить.

– Твой талант вызывает восхищение, – ответила Налл, перелистывая страницы. – Твое призвание – рисование?

– Естественная история, сестра Налл, хотя эскизы так же важны для меня на пути учения.

– Как оно и должно быть. – Ардент перевернула очередную страницу. – Ты получила мое благословение, милое дитя. Скажи мне, к какому деботарию ты принадлежишь?

– Этот вопрос... вызывает у меня некоторое замешательство, – сказала Шаллан, забирая папку. – О! Адолин. Я вас не заметила. О, да вы огромны, когда носите Доспехи, правда?

– Вы позволите ей остаться? – спросил Адолин у Налл.

– Она хочет снабдить королевские записи о Доспехах и Клинках Осколков новыми эскизами, – пояснила Налл. – Предложение кажется мудрым. Текущие королевские ведомости Осколков содержат много грубых эскизов, но мало подробных чертежей.

– Так значит, вам понадобится, чтобы я позировал для вас? – спросил Адолин, поворачиваясь к Шаллан.

– Вообще-то наброски ваших Доспехов вполне подробны благодаря вашей матери, – проговорила Шаллан. – В первую очередь я сосредоточусь на королевских Доспехах и Клинках, которые никто и не думал детально зарисовывать.

– Только не попадайся под руку тренирующимся, дитя, – предупредила Налл, когда кто-то ее позвал. Она ушла.

– Послушайте, – сказал Адолин, поворачиваясь к Шаллан. – Я вижу, к чему вы подбираетесь.

– Пять футов шесть дюймов, – ответила Шаллан. – Подозреваю, что, к сожалению, это максимум, до которого я вообще смогу добраться.

– Пять футов... – повторил Адолин, нахмурившись.

– Да, – подтвердила Шаллан, осматривая полигон. – Я думала, что это нормальный рост, пока не прибыла сюда. Вы, алет, действительно до странности высокие, правда? Кажется, что все здесь на добрых два дюйма выше среднего веденца.

– Нет, дело не... – Адолин нахмурился. – Вы здесь, потому что хотите посмотреть, как я тренируюсь. Признайте. Наброски – просто предлог.

– Хм-м... Кое-кто очень высокого мнения о себе. Полагаю, что это связано с высоким происхождением. Так же, как смешные шляпы и любовь к отсечению голов. Ага, а вот и наш капитан охраны. Твои ботинки на пути к казарме. Их должен доставить посыльный.

Каладин вздрогнул, когда понял, что она обращается к нему.

– Правда?

– Я заменила подошвы, – ответила Шаллан. – Они были ужасно неудобными.

– Мне они подходили!

– Значит, у тебя камни вместо ступней. – Она взглянула вниз и вздернула бровь.

– Погодите, – проговорил Адолин, нахмурившись еще сильнее. – Вы носили ботинки мостовичка? Как это возможно?

– Неуклюже, – ответила Шаллан. – И с тремя парами носков.

Она похлопала Адолина по бронированной руке.

– Если вы действительно хотите, чтобы я вас нарисовала, Адолин, я так и сделаю. Не нужно ревновать, хотя я все еще хочу на ту прогулку, что вы мне обещали. О! Вот и то, что мне нужно. Извините.

Она зашагала к Ренарину, который принимал на броню удары Зейхела, по-видимому, для того, чтобы привыкнуть сражаться во время ношения Доспехов. Зеленое платье и рыжие волосы Шаллан яркими пятнами цвета вспыхивали на полигоне. Каладин рассматривал ее, задаваясь вопросом, насколько можно доверять девушке. Вероятно, ни на сколько.

– Несносная женщина, – проворчал Адолин. Он взглянул на Каладина. – Прекрати пялиться на ее зад, мостовичок.

– Я не пялюсь. И вообще, какая вам разница? Вы же только что сказали, что она несносная.

– Ага, – согласился Адолин, снова посмотрев на Шаллан с широкой ухмылкой. – Она едва обратила на меня внимание, верно?

– Полагаю, да.

– Несносная, – повторил Адолин, хотя казалось, что он имел в виду что-то совершенно другое.

Его улыбка стала еще шире, и он зашагал вслед за девушкой, перемещаясь в Доспехах Осколков с изяществом, так несогласующимся с их очевидной громоздкостью.

Каладин покачал головой. Светлоглазые и их игры. Как он оказался в таком положении, что ему пришлось проводить столько времени среди них? Он зашагал обратно к бочке и снова зачерпнул воды. Вскоре по песку заскрипел тренировочный меч – к нему присоединился Моаш.

Мостовик с благодарностью кивнул, когда Каладин передал ему ковш. Наступила очередь Тефта и Йейка встретиться лицом к лицу с Клинком Осколков.

– Она отпустила тебя? – спросил Каладин, кивнув в сторону их тренера.

Моаш пожал плечами, глотая воду.

– Я не дрогнул.

Каладин одобрительно кивнул.

– То, что мы делаем здесь, полезно, – сказал Моаш. – Важно. После того как ты тренировал нас в тех ущельях, я думал, что мне нечему больше учиться. Теперь вижу, как мало я знал.

Каладин кивнул, скрестив руки на груди. Адолин показывал Ренарину несколько дуэльных стоек, Зейхел одобрительно кивал. Шаллан устроилась, чтобы их зарисовать. Было ли ее поведение всего лишь предлогом, чтобы подобраться поближе и, дождавшись удачного момента, воткнуть нож в живот Адолина?

Возможно, параноидальные мысли, но это его работа. Так что он продолжал присматривать одним глазом за Адолином, который развернулся и начал тренировочную схватку с Зейхелом, чтобы Ренарин получил небольшое представление о том, как использовать стойки.

Адолин был хорошим мечником. Каладин не мог не признать очевидное. Таким же был и Зейхел, если уж на то пошло.

– Король, – сказал Моаш. – Это он приказал казнить мою семью.

Каладину потребовалось время, чтобы понять, о чем говорит Моаш. Человек, которого он хотел убить, на которого затаил обиду. Это был король.

Каладин почувствовал пронзающий его шок, как если бы его ударили. Он повернулся к Моашу.

– Мы Четвертый мост, – продолжил Моаш, глядя в сторону рассеянным взглядом. Он сделал еще один глоток. – Мы в одной связке. Ты должен знать о том... почему я стал таким, каким стал. Мои бабушка и дедушка – единственная семья, которую я когда-либо знал. Родители умерли, когда я был ребенком. Ана и Да, они воспитали меня. Король... их убил.

– Как это случилось? – тихо спросил Каладин, убедившись, что никто из ардентов поблизости не мог их услышать.

– Меня не было дома, – ответил Моаш, – работал в караване, который шел сюда, в эти пустоши. Ана и Да, у них был второй нан. Довольно значительный для темноглазых, знаешь ли. Держали свою лавку. Ювелирную, по серебру. Я никогда не хотел продолжать традицию. Предпочитал путешествовать. Куда-нибудь ездить. Ну так вот, один светлоглазый владел двумя или тремя такими же лавками в Холинаре, и одна из них располагалась напротив принадлежащей моим бабушке и дедушке. Ему никогда не нравилась конкуренция. Дело было примерно за год до смерти старого короля. Элокар остался в ответе за королевство, Гавилар уехал на равнины. Так или иначе, Элокар и тот светлоглазый, который конкурировал с моими бабушкой и дедушкой, были хорошими друзьями. И король сделал своему другу одолжение. Он предъявил Ане и Да какое-то обвинение. Они были достаточно важны, чтобы воспользоваться правом суда и добиться следствия перед судьями. Я думаю, Элокара удивило то, что он не мог полностью проигнорировать закон. Он сослался на отсутствие времени и заключил Ану и Да в темницу до момента, когда можно будет устроить следствие.

Мостовик опустил ковш обратно в бочку.

– Они умерли там несколько месяцев спустя, все еще ожидая, пока Элокар одобрит их документы.

– Не совсем то же самое, что убить их.

Моаш встретился взглядом с Каладином.

– Ты сомневаешься в том, что заключение семидесятипятилетней пары в дворцовые темницы – это смертный приговор?

– Я считаю... Ладно, я считаю, что ты прав.

Моаш резко кивнул, бросив ковш в бочку.

– Элокар знал, что они там умрут. И таким образом, разбирательство никогда бы не дошло до судей, изболочив его преступление. Ублюдок их убил –

убил, чтобы сохранить свою тайну. Я вернулся из поездки с караваном в пустой дом, и соседи сказали, что моя семья уже два месяца как мертва.

– И теперь ты пытаешься убить короля Элокара, – тихо проговорил Каладин, похолодев от сказанного.

Поблизости не было никого, кто бы мог их услышать, все заглушали звуки оружия и крики, обычные для тренировочного полигона. Тем не менее казалось, что слова повисли перед ним в воздухе, такие же громкие, как сигнал трубача.

Моаш застыл, глядя ему прямо в глаза.

– Той ночью на балконе, – продолжил Каладин, – не ты ли сделал так, чтобы все выглядело, как будто перила срезаны Клинком Осколков?

Моаш сжал его руку в жестком захвате, оглядываясь по сторонам.

– Мы не должны говорить об этом здесь.

– Отец Штормов, Моаш! – воскликнул Каладин, осознав весь ужас ситуации. – Нас наняли, чтобы защищать его!

– Наша работа – сохранить жизнь Далинару. С этим я могу согласиться. Он не кажется слишком плохим для светлоглазого. Шторма, для королевства было бы намного лучше, если бы королем стал именно он. И не говори мне, что ты думаешь иначе.

– Но убийство короля...

– Не здесь, – прошипел Моаш сквозь сжатые зубы.

– Но я не могу просто оставить все как есть. Рука Налана! Я оказываюсь перед необходимостью рассказать...

– Ты сделал бы это? – требовательно спросил Моаш. – Выдал бы члена Четвертого моста?

Они сцепились взглядами.

Каладин отвернулся.

– Бездна. Нет. По крайней мере, если ты согласишься остановиться. Возможно, ты недоволен королем, но ты не можешь просто пытаться... ну, ты знаешь...

– А что еще мне делать? – тихо спросил Моаш. Теперь он подошел к Каладину вплотную. – Какой справедливости может добиться от короля человек вроде меня, Каладин? Скажи мне.

«Этого не может быть».

– Пока что я остановлюсь. Но только если ты согласишься кое с кем встретиться.

– С кем? – спросил Каладин, снова посмотрев на друга.

– Это не мой план. Вовлечены и другие люди. Все, что я должен был сделать, – сбросить им веревку. Я хочу, чтобы ты их выслушал.

– Моаш...

– Выслушай то, что они должны сказать, – произнес Моаш, крепко сжав руку Каладина. – Просто выслушай, Кэл. И все. Если ты не согласишься с тем, что они скажут, я отступлю. Пожалуйста.

– Ты обещаешь ничего не предпринимать против короля, пока мы не проведем встречу?

– Клянусь честью моей бабушки.

Каладин вздохнул, но кивнул.

– Ладно.

Моаш заметно расслабился. Он кивнул в ответ, подобрал учебный меч и побежал обратно практиковаться с Клинком Осколков. Каладин вздохнул, повернулся, чтобы взять свой меч, и столкнулся лицом к лицу с парящей около него Сил. Ее крошечные глаза были расширены, руки сжаты в кулаки по бокам.

– Что ты только что сделал? – требовательно спросила она. – Я слышала только последнюю часть.

– Моаш замешан, – ответил Каладин. – Я должен довести дело до конца, Сил. Если кто-то пытается убить короля, моя работа – найти их.

– О. – Она нахмурилась. – Я что-то чувствую. Что-то еще. – Она покачала головой. – Каладин, это опасно. Мы должны пойти к Далинару.

– Я пообещал Моашу, – ответил он, став на колени, расшнуровал ботинки и снял носки. – Я не могу пойти к Далинару, пока не узнаю больше.

Сил последовала за ним лентой света, а он поднял свой импровизированный Клинок Осколков и пошел по песку дуэльного полигона. Песок охлаждал босые ноги. Каладину хотелось ощущать его.

Он принял стойку ветра и начал отрабатывать замахи, которым их научила Ивис. Несколько стоящих неподалеку светлоглазых мужчин, подталкивая один другого, кивали в его сторону. Один что-то тихо сказал, и остальные засмеялись, хотя некоторые другие продолжали хмуриться. Образ темноглазого, который упражнялся с Клинком Осколков, пускай даже и учебным, не был чем-то, по их мнению, забавным.

«Это мое право, – подумал Каладин, замахиваясь и не обращая на них внимания. – Я победил Носителя Осколков. Я здесь свой».

Почему темноглазых не поощряли к подобным занятиям? В прошлом темноглазых мужчин, которые выиграла Клинки Осколков, прославляли в песнях и легендах. Эвод Знакодел, Ланасин, Ранинор из Полей... Тех людей уважали. Но современные темноглазые... Им дали понять, чтобы они и не думали о чем-то, выходящем за рамки их общественного положения. Или даже хуже.

Но какую цель преследовала воринская церковь? Арденты, призвания, искусства? Самосовершенствуйся. Стань лучше. Почему же люди вроде него не могут мечтать о чем-то большем? Одно не соответствовало другому. Общество и религия сильно противоречили друг другу.

Солдат славят в Залах спокойствия. Но без крестьян солдатам нечего есть – поэтому, возможно, быть фермером тоже хорошо.

Улучшай себя в соответствии с призванием в жизни. Но не будь слишком амбициозен, иначе мы запрем тебя под замок.

Ты не должен мстить королю за смерть твоих бабушки с бабушкой. Но мсти паршенди за смертный приговор тому, кого ты никогда не встречал.

Каладин перестал размахивать мечом. Он вспотел, но не чувствовал удовлетворения. Когда он сражался или тренировался, ничего подобного происходить не должно. Предполагалось, что Каладин и оружие становились одним целым, а не как сейчас, со всеми этими проблемами, скачущими по кругу в его голове.

– Сил, – позвал он, пытаясь сделать выпад мечом, – ты спрен чести. Означает ли это, что ты можешь сказать мне, как правильно поступить?

– Именно так, – ответила она, зависнув рядом в виде юной женщины, покачивая ногами на невидимом выступе. Она не металась вокруг него лентой света, как часто делала, когда он тренировался.

– То, что Моаш пытался убить короля, – неправильно?

– Конечно.

– Почему?

– Потому что убивать неправильно.

– А паршенди, которых я убил?

– Мы уже говорили об этом. Так было нужно.

– А что, если один из них – волноплет? – спросил Каладин. – Со своим спреном чести?

– Паршенди не могут быть волнопле...

– Просто представь, – перебил Каладин, крикнув, когда попробовал провести очередной удар. Выпад не получился. – Думаю, единственное, чего

сейчас хотят паршенди, – выжить. Штурма, те из них, кто были замешаны в смерти Гавилара, возможно, уже мертвы. В конце концов, их предводителей казнили в Алеткаре. Так скажи мне, если простой паршенди, который защищает свой народ, пойдет против меня, что скажет его спрен чести? Что он поступает правильно?

– Я... – Сил сторбилась. Она ненавидела такие вопросы. – Какая разница. Ты сказал мне, что больше не будешь убивать паршенди.

– А Амарам? Могу я убить его?

– Это справедливость? – спросила Сил.

– Одна из ее форм.

– Это другое.

– Почему? – спросил Каладин, делая выпады. Штурм побери! Почему он не может направить глупое оружие туда, куда нужно?

– Из-за того, как он влияет на тебя, – тихо сказала Сил. – Размышления о нем меняют тебя. Корежат. Ты должен защищать, Каладин. Не убивать.

– Чтобы защищать, нужно убивать, – огрызнулся он. – Штурма! Ты начинаешь говорить такие же ужасные вещи, как и мой отец.

Он опробовал еще несколько стоек, пока не подошла Ивис и не поправила его. Женщина посмеялась над его досадой, когда он снова неправильно взялся за меч.

– Ты рассчитывал научиться всему за один день?

Вроде того. Каладин владел копьём; он тренировался долго и тяжело. И подумал, что, возможно, теперь будет проще.

Все оказалось не так легко. В любом случае он продолжал повторять движения, взрыхляя холодный песок, вертясь среди светлоглазых, отрабатывающих свои собственные стойки. Наконец к нему подошел Зейхел.

– Продолжай, – проговорил мужчина, даже не взглянув на позицию Каладина.

– У меня сложилось впечатление, что вы будете тренировать меня лично, – сказал ему Каладин.

– Слишком много работы, – ответил Зейхел, достав какую-то флягу из тряпичного свертка из-за одного из столбов. Другой ардент сложил там его цветные камешки, что заставило Зейхела нахмуриться.

Каладин подбежал к нему.

– Я видел, как Далинар Холин, без оружия и без Доспехов, ладонями поймал в воздухе Клинок Осколков.

Зейхел хмыкнул.

– Старик Далинар продемонстрировал последний хлопок? Неплохо для него.

– Можете и меня научить?

– Это глупый прием. Если он срабатывает, то только потому, что большинство Носителей Осколков учатся размахивать своим оружием не с такой силой, которую они приложили бы к обычному клинку. И как правило ничего не получается; чаще всего тебя ждет неудача и ты умираешь. Лучше сосредоточиться на тренировке тех приемов, которые действительно помогут.

Каладин кивнул.

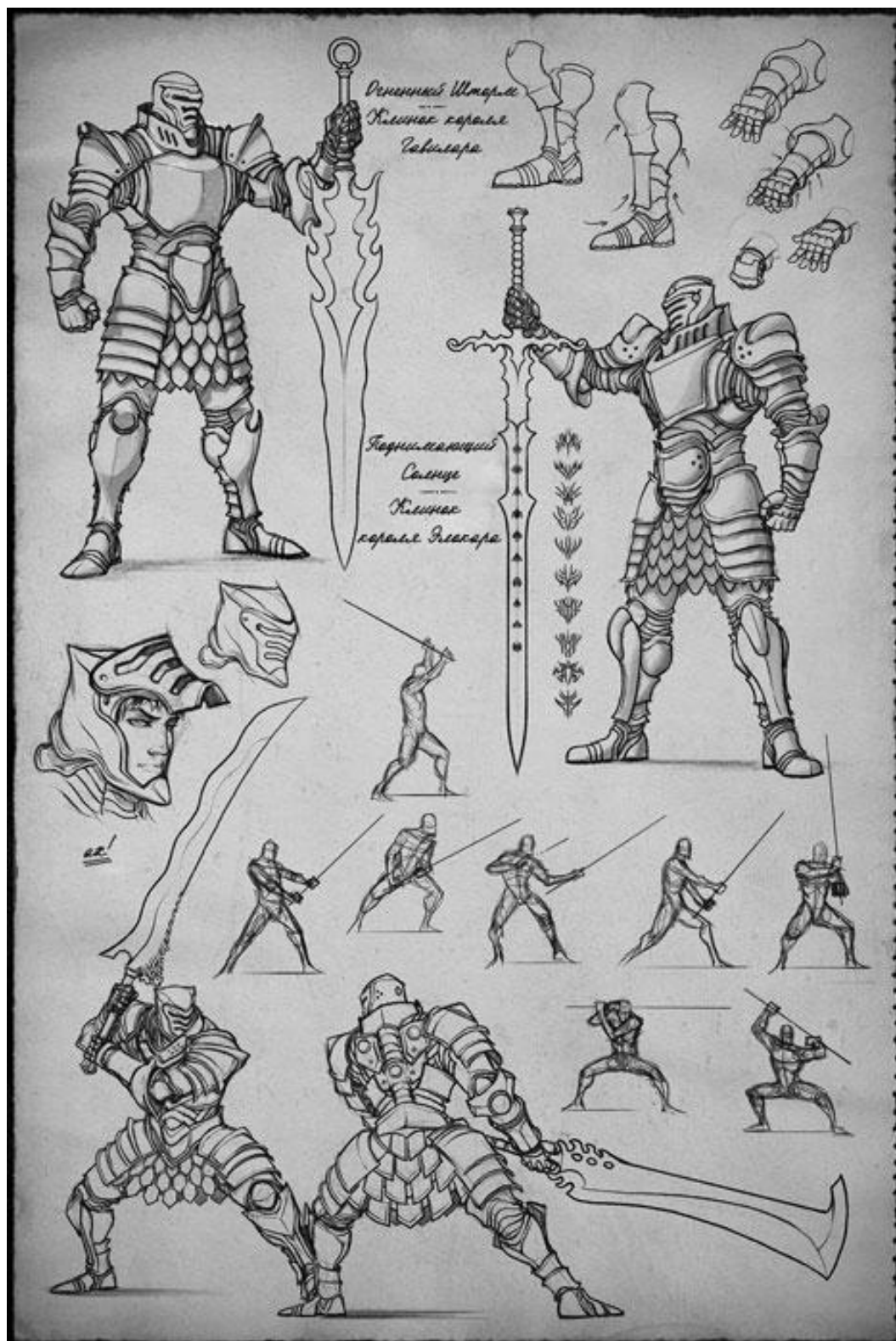
– Не собираешься подталкивать меня дальше? – спросил Зейхел.

– Ваши доводы хороши, – ответил Каладин. – Убедительная солдатская логика. Со смыслом.

– Хм. В конце концов, ты не безнадёжен. – Зейхел сделал глоток из фляги.

– Теперь отправляйся тренироваться.

Альбом Шаллан: Доспехи Осколков





Три с половиной года назад

Шаллан заглянула в клетку, и разноцветное существо внутри сдвинулось на своем насесте и, вскинув голову, посмотрело на нее.

Это было самое необычное создание, какое она когда-либо видела. Оно стояло как человек, на двух конечностях, хотя на них имелись когти. Существо было размером всего лишь с два кулака, поставленных один на другой, но то, как оно поворачивало голову, чтобы посмотреть на Шаллан, свидетельствовало о несомненном наличии разума.

Панцирь у этого создания был только на носу и вокруг рта, но самой странной частью оказались перья. Ярко-зеленые, они покрывали все его тело и лежали так ровно, будто их расчесали. Пока Шаллан наблюдала, существо повернуло голову и начало чистить перья. При этом его крыло поднялось, и девушка увидела, что оно растет из середины спины.

– Что юная леди думает о моем цыпленке? – гордо спросил торговец, стоя со сцепленными за спиной руками и выставив приличных размеров живот вперед, будто нос корабля.

Позади него по ярмарке перемещалось множество людей. Их было так много. Пять сотен человек, возможно больше, собралось в одном месте.

– Цыпленок, – сказала Шаллан, робко просовывая палец в клетку. – Я пробовала цыпленка.

– Не эту породу! – рассмеялся тайленец. – Цыплята, которых едят, глупы, а мой умный. Почти такой же умный, как человек! Он может говорить. Послушайте. Джексонофнон! Скажи свое имя!

– Джексонофнон, – проговорило существо.

Шаллан отпрыгнула. Слово оказалось искажено нечеловеческим голосом, но все же его можно было узнать.

– Несущий Пустоту! – прошипела она, прижав безопасную руку к груди. – Говорящее животное! Ты навлечешь на нас взоры Несотворенных.

Торговец засмеялся.

– Эти твари живут по всему Шиновару, юная леди. Если бы их речь привлекала Несотворенных, вся страна была бы проклята!

– Шаллан!

Отец стоял со своими телохранителями на другой стороне дороги, там, где прежде разговаривал с другим торговцем. Она поспешила к нему, оглядываясь через плечо на странное животное. Каким бы ненормальным оно ни было, оно могло говорить, и Шаллан жалела, что его заперли в клетке.

Ярмарка середины года, главное ежегодное событие, проводилась во время затишья – периода, противоположного Плачу, когда не было штормов. На нее собирались люди со всех окрестных сел и деревень. Многие из них приезжали из земель, подконтрольных ее отцу, включая светлоглазых более низкого ранга из семей, которые правили одними и теми же деревнями на протяжении веков.

Темноглазые, разумеется, тоже прибыли, включая торговцев – граждан первого и второго нанов. Ее отец не часто об этом говорил, но она знала, что он считал их богатство и положение неподобающими. Для того чтобы править, Всемогущий избрал светлоглазых, а не торговцев.

– Пойдем со мной, – сказал отец.

Шаллан последовала за ним и телохранителями через оживленную ярмарку, разместившуюся на землях светлорда Давара в половине дня пути от имения. Котловина была довольно хорошо защищена, ближайшие склоны заросли джелл-деревьями. На их толстых ветках торчали веретенообразные листья – длинные розовые, желтые и оранжевые шипы, из-за которых деревья выглядели так, будто взорвались разными цветами. В одной из отцовских книг Шаллан читала, что деревья всасывали крэм, а затем использовали его, чтобы сделать древесину твердой, как камень.

В самой котловине большую часть деревьев вырубил, но некоторые оставили – к их верхушкам привязали тенты шириной в десятки ярдов. Они прошли мимо торговца, проклинаящего спренов ветра, которые пронеслись через его лавку, заставив предметы сбиться в кучу. Шаллан улыбнулась, вытащив сумку из-под мышки. Сейчас не время рисовать, но ее отец направлялся в сторону площадок для дуэлей, где, если все будет как в предыдущие годы, она проведет большую часть дня.

– Шаллан, – позвал отец, заставляя ее поторопиться, чтобы догнать его.

В четырнадцать лет она считала себя ужасно нескладной, а свою фигуру – слишком похожей на мальчишескую. По мере взросления Шаллан поняла, что ей нужно стыдиться своих рыжих волос и веснушчатой кожи, потому что они указывали на нечистую родословную. Это был обычный цвет волос для веденцев, но только потому, что в прошлом их роды смешивались в горах с рогоедами.

Некоторые люди гордились таким цветом волос. Но не отец Шаллан, а значит, и не она.

– Ты достигла того возраста, когда тебе следует вести себя, как подобает леди, – сказал он.

Темноглазые расступались, кланяясь, когда отец проходил мимо. Задумавшись, двое отцовских ардентов шли за ним, убрав руки за спину.

– Ты должна перестать глазеть на все. Пройдет немного времени, и мы захотим найти тебе мужа.

– Да, отец, – ответила Шаллан.

– Возможно, мне стоит перестать брать тебя с собой на события вроде этого, – продолжил он. – Ты только носишься вокруг и ведешь себя как ребенок. По меньшей мере, тебе нужен новый наставник.

Он спугнул последнюю наставницу. Женщина была знатоком языков, и Шаллан преуспевала в изучении азианского, но учительница уехала вскоре после одного из отцовских... приступов гнева. На следующий день мачеха Шаллан появилась с синяками на лице. Ее светлость Хаше, наставница, собрала вещи и сбежала, никого не предупредив.

Шаллан кивнула в ответ на слова отца, но втайне понадеялась, что ей удастся ускользнуть и найти братьев. Сегодня у нее было дело. Она и отец приблизились к «дуэльной арене». Слишком громкое название для огороженного участка земли, который паршмены засыпали таким количеством песка, что его хватило бы на половину пляжа. Для светлоглазых соорудили столы с навесами, чтобы они могли сидеть, перекусывать и разговаривать.

Мачеха Шаллан, Мализа, была молодой женщиной, менее чем на десять лет старше самой Шаллан. Невысокая, с мелкими чертами лица, она сидела прямо; в ее черных волосах сверкало несколько светлых прядей. Отец разместился рядом в их ложе. Он был одним из четырех человек своего ранга, четвертого дана, посетивших ярмарку. В качестве дуэлянтов выступают светлоглазые более низкого ранга из окрестных областей. Многие из них не имели земель, и дуэли для них – один из способов получить известность.

Шаллан села на предназначенный для нее стул, и слуга подал ей стакан холодной воды. Она едва успела сделать глоток, прежде чем кто-то подошел к ложе.

Светлорд Ревилар мог бы показаться привлекательным, если бы в молодости ему не отсекали на дуэли нос. Он носил деревянный протез, выкрашенный в черный цвет – странная смесь сокрытия увечья и в то же время привлечения к нему внимания. Седовласый, одетый в костюм современного покроя, он имел встревоженный вид человека, оставившего дома зажженный камин без присмотра. Его земли граничили с отцовскими; он, как и отец, входил в число десяти человек одного ранга, подчинявшихся непосредственно кронпринцу.

Ревилар подошел не с одним, а с двумя мастер-слугами. Их отличительной особенностью являлась черно-белая униформа, которой обычные слуги были лишены, и отец с жадностью их рассматривал. Он пытался нанять мастер-слуг. Но все они отказывались, ссылаясь на его «репутацию».

– Светлорд Давар, – поздоровался Ревилар.

Он не стал ждать разрешения, чтобы подняться по ступенькам в ложу. Они с отцом были одного ранга, но все знали об обвинениях против отца и о том, что кронпринц находил их обоснованными.

– Ревилар, – ответил отец, глядя прямо перед собой.

– Могу я сесть?

Он устроился на стуле рядом с отцом, том, на котором как наследник сидел бы Хеларан, если бы присутствовал. Двое слуг Ревилара заняли места за его спиной. Каким-то образом они смогли выразить отцу свое неодобрение, не произнеся ни слова.

– Твой сын будет участвовать в сегодняшней дуэли? – спросил отец.

– В общем-то, да.

– Надеюсь, он сохранит все части своего тела. Не хотелось бы, чтобы твой опыт становился традицией.

– Ай-ай-ай, Лин, – сказал Ревилар. – Не стоит так разговаривать с деловым партнером.

– Деловым партнером? У нас есть дела, о которых мне неизвестно?

Одна из слуг Ревилара, женщина, положила на стол перед отцом небольшую стопку бумаг. Мачеха Шаллан нерешительно взяла их и начала читать вслух. В бумагах описывались положения по обмену товарами. Отец передавал Ревилару некоторое количество хлопка разрыв-дерева и сырого шама за небольшую плату. Затем Ревилар отправлял товары на рынок для продажи.

Отец остановил чтение, когда до конца оставалась четвертая часть.

– Ты бредишь? Одна чистмарка за мешок? Это десятая часть цены шама! Учитывая расходы на патрулирование дорог и содержание деревень, где собирается урожай, я потеряю на этой сделке кучу сфер.

– О, все не так плохо, – произнес Ревилар. – Думаю, ты найдешь соглашение вполне приемлемым.

– Ты безумен.

– Я популярен.

Отец нахмурился, его лицо покраснело. Шаллан помнила время, когда она редко видела его рассерженным, почти никогда. Те дни прошли давным-давно.

– Популярен? – переспросил отец. – Что...

– Возможно, ты не знаешь, – пояснил Ревилар, – что сам кронпринц недавно посетил мои владения. Похоже, он доволен тем, как я развиваю текстильную промышленность нашего княжества. Это, а также дуэльное мастерство моего сына, привлекло внимание к моему дому. Меня пригласили посещать кронпринца в Веденаре одну неделю из десяти, начиная со следующего месяца.

Временами отец вел себя не самым умным образом, но он хорошо разбирался в политике. По крайней мере, так думала Шаллан, пусть даже и потому, что хотела верить в лучшее в нем. В любом случае он сразу понял намек.

– Ты крыса, – прошептал отец.

– У тебя не так уж много вариантов, Лин, – сказал Ревилар, наклонившись к нему. – Твой дом приходит в упадок, твоя репутация разрушена. Тебе нужны союзники. Мне нужно выглядеть финансовым гением в глазах кронпринца. Мы можем помочь друг другу.

Отец склонил голову. На площадке объявили первых дуэлянтов, незначительный бой.

– Куда бы я ни отправился, я везде натыкаюсь на углы, – прошептал отец. – Понемногу они загоняют меня в ловушку.

Ревилар еще раз подтолкнул бумаги к мачехе Шаллан.

– Может быть, начнешь сначала? Мне кажется, в первый раз твой муж слушал невнимательно. – Он бросил взгляд на Шаллан. – И разве ребенку нужно здесь находиться?

Шаллан ушла, не сказав ни слова. В любом случае она хотела поступить именно так, хотя ей было неприятно оставлять отца. Он нечасто разговаривал с ней, не говоря уже о том, чтобы спрашивать ее мнение, но, казалось, он становился сильнее, когда она была рядом.

Отец оказался настолько обескуражен, что даже не послал с ней ни одного из охранников. Девушка выскользнула из ложи с сумкой под мышкой и прошла мимо слуг дома Давар, которые готовили еду для отца.

Свобода.

Для Шаллан свобода была такой же ценной, как изумрудный брум, и такой же редкой, как ларкин. Она поспешила уйти, пока отец не осознал, что не приказал никому ее сопровождать. Один из охранников периметра – Джикс – все же шагнул в ее сторону, но затем оглянулся на ложу. Он пошел туда, вероятно, собираясь спросить, нужно ли ему последовать за ней.

Лучше сделать так, чтобы он не нашел ее слишком легко, когда вернется. Шаллан шагнула в сторону ярмарки с ее экзотическими торговцами и чудесными зрелищами. Там будут игры на угадывание и, может, даже миропевец, рассказывающий истории о далеких королевствах. За вежливыми аплодисментами светлоглазых, наблюдающих за дуэлью позади нее, Шаллан могла различить барабаны простых темноглазых, а также звуки пения и веселья.

«Но сначала дело».

Тьма накрывала ее дом, словно тень шторма. Но она найдет солнце. Найдет.

Ей требовалось вернуться на какое-то время к площадке для дуэлей. Шаллан обошла ложи сзади, лавируя между паршменами, которые кланялись ей, и темноглазыми, которые кивали или отвешивали поклоны в зависимости от ранга. Наконец она нашла ложу, в которой несколько светлоглазых семей низкого ранга делили место в тени.

Эйлита, дочь светлорда Тавинара, сидела с краю, как раз в лучах солнца, светившего через боковую стенку ложи. Она наблюдала за дуэлянтами со скучающим выражением и капризной улыбкой на лице, слегка склонив голову. Ее длинные волосы были полностью черными.

Шаллан встала за ложей и шикнула ей. Старшая девушка повернулась, нахмурившись, и прижала руки к губам. Она бросила взгляд на родителей, а потом наклонилась.

– Шаллан!

– Я говорила тебе ждать меня, – прошептала в ответ Шаллан. – Ты обдумала то, о чем я тебе писала?

Эйлита потянулась к карману платья и вытащила оттуда маленькую записку. Она озорно улыбнулась и кивнула.

Шаллан взяла записку.

– Ты сможешь уйти?

– Мне придется взять служанку, но тогда я смогу пойти, куда захочу.

На что же это будет похоже?

Шаллан быстро отошла. Формально ее ранг выше, чем у родителей Эйлиты, но светлоглазые странно относились к возрасту. Иногда ребенок высокого ранга не казался таким важным, когда разговаривал со взрослыми более низкого дана. Кроме того, светлорд и светледи Тавинар присутствовали в тот день, когда приезжал бастард. Они не любили ни отца, ни его детей.

Шаллан попятилась от лож, затем повернулась к ярмарке. Она помедлила в тревоге. Ярмарка середины года была пугающей мозаикой людей и мест. Неподалеку за длинными столами пили и делали ставки на дуэли несколько десятинников. Самый низкий ранг светлоглазых, занимавших чуть более высокое положение, чем темноглазые. Им не только приходилось работать, чтобы прокормить себя, они не являлись даже торговцами или мастерами-ремесленниками. Они были просто... людьми. Хеларан говорил, что в городах таких много. Столько же, сколько темноглазых здесь. Это казалось очень странным.

Станным и пленительным одновременно. Шаллан испытывала непреодолимое желание найти уголок, где бы ее не могли заметить, чтобы достать альбом и дать выход кипящему воображению. Но она заставила себя двигаться по краю ярмарки. Вроде бы павильон, о котором говорили братья, находился с краю.

Темноглазые посетители ярмарки с готовностью уступали ей дорогу, и она поняла, что боится. Отец рассказывал о том, что молодая светлоглазая девушка может стать мишенью для грубых людей из низших классов. Конечно, никто не навредит ей здесь, на открытом месте, где полно народа. Она все равно прижала сумку к груди и дрожала, пока шла.

Каково быть храброй, как Хеларан? Как была ее мать.

Ее мать...

– Ваша светлость?

Шаллан встряхнулась. Как долго она стояла здесь, посреди дороги? Солнце в небе переместилось. Она робко обернулась и обнаружила охранника Джикса, стоящего за ее спиной. Несмотря на брюхо и отсутствие привычки причесываться, Джикс был силен – однажды она видела, как он вытащил телегу с дороги, когда застряла чулла. Она знала его как одного из охранников отца так долго, как помнила себя.

– А, – сказала она, пытаюсь скрыть, что нервничает. – Ты здесь, чтобы сопровождать меня?

– Ну, я собирался отвести вас назад...

– Тебе приказал мой отец?

Джикс жевал корень яммы, называемой некоторыми проклятой травой.

– Он был занят.

– Значит, ты будешь меня сопровождать? – Она нервно подрагивала, произнося эти слова.

– Думаю, да.

Шаллан облегченно вздохнула и вернулась на дорогу – каменную тропинку, с которой соскребли камнепочки и сланцекорник. Она повернулась в одну сторону, потом в другую.

– Э-э... Надо найти игорный павильон.

– Это не место для леди. – Джикс оглядел ее. – Особенно столь юных лет, ваша светлость.

– Отлично, я полагаю, ты можешь пойти и рассказать отцу, чем я занимаюсь. – Она переступила с ноги на ногу.

– А тем временем вы постараетесь найти его самостоятельно? Пойдете одна и поищете?

Она пожала плечами, покраснев. Именно так она и собиралась поступить.

– Значит, я оставлю вас блуждать в таком месте без защиты. – Джикс тихо застонал. – Зачем вы бросаете ему вызов, ваша светлость? Вы только его разозлите.

– Я думаю... Я думаю, он будет зол, невзирая на то, что я или кто-то еще сделает, – сказала Шаллан. – Солнце будет светить. Сверхшторма – дуть. А отец – кричать. Такова жизнь. – Она закусил губу. – Игорный павильон. Я быстро, обещаю.

– Сюда, – указал Джикс.

Он не слишком торопился, пока вел ее, и часто поглядывал на темноглазый ярмарочный люд, проходивший мимо. Джикс был светлоглазым, но имел всего лишь восьмой дан.

«Павильон» было слишком громким словом для неоднократно порванного и заштопанного куска парусины, натянутого на краю ярмарочной площади. Она и сама нашла бы его довольно быстро. Плотный материал, свисающий по сторонам на пару футов, делал павильон удивительно темным внутри.

Под навесом толпились люди. У тех немногих женщин, которых видела Шаллан, пальцы перчаток на безопасных руках были обрезаны. Возмутительно. Она обнаружила, что краснеет, когда остановилась у входа, вглядываясь в темные неясные очертания. Мужчины кричали резкими голосами, любые проявления воринской внешней благопристойности остались снаружи, под солнечным светом. Это и вправду не место для кого-то вроде нее. Шаллан с трудом верила, что такое место вообще кому-то подходило.

– Как насчет того, чтобы я сходил туда вместо вас? – предложил Джикс. – Вы ведь хотите поставить...

Шаллан протолкалась вперед. Не обращая внимания на собственные панику и дискомфорт, она двинулась в темноту. Поступи она по-другому, это означало бы, что никто из них не сопротивляется, что ничего не изменится.

Джикс шел рядом с ней, расталкивая людей и освобождая проход. Ей было трудно дышать внутри; воздух сделался влажным от пота и ругани. Мужчины оборачивались и смотрели на нее. Если ей и кланялись или даже кивали, то с опозданием. Подтекст был ясен. Раз она не подчинилась социальным нормам и не осталась снаружи, они тоже не обязаны им подчиняться и выказывать ей почтение.

– Вы ищите что-то конкретное? – спросил Джикс. – Карты? Игры на угадывание?

– Бои громгончих.

Джикс застонал.

– Вы дождетесь, что вас зарежут, а я дождусь, что меня изжарят на вертеле. Это безумие...

Шаллан повернулась, заметив группу подбадривающих кого-то людей. Выглядело многообещающе. Она не обратила внимания на растущую дрожь в руках и попыталась также проигнорировать группу пьяных, сидящих кружком на земле и уставившихся на что-то, похожее на рвоту.

Подбадривающие кого-то люди сидели на грубых скамьях, другие толпились вокруг. Между телами она мельком увидела двух маленьких громгончих. Спренов не было. Когда людей собиралось слишком много, как сейчас, спрены появлялись редко, хотя накал эмоций казался очень высоким.

Одна скамья не была заполнена людьми. На ней сидел Балат в расстегнутой куртке, положив скрещенные руки на ограждение перед собой. Растрепанные волосы и наклонная поза придавали ему безразличный вид, но глаза... его глаза вождедели. Он наблюдал, как бедные животные убивали друг друга, сосредоточившись на них с одержимостью дамы, погруженной в захватывающий роман.

Шаллан подошла к брату, Джикс остался немного позади. Теперь, увидев Балата, охранник расслабился.

– Балат? – робко позвала Шаллан. – Балат!

Он посмотрел на нее и, чуть не опрокинув скамейку, поднялся на ноги.

– Что во... Шаллан! Уходи отсюда. Что ты здесь делаешь?

Он подошел к ней.

Девочка непроизвольно сжалась. Балат говорил как отец. Как только брат взял ее за плечо, она протянула записку от Эйлиты. Лавандовая надушенная бумага, казалось, светилась.

Балат заколебался. В стороне одна громгончая намертво вгрызлась в лапу другой. На землю брызнула ярко-фиолетовая кровь.

– Что там такое? – спросил Балат. – Это же глифпара дома Тавинар.

– Записка от Эйлиты.

– Эйлиты? Дочки? Почему... что...

Шаллан сломала печать, открыв письмо, чтобы прочитать его брату.

– Она хочет пройтись с тобой вдоль ярмарочного ручья. Говорит, что будет ждать тебя там вместе со служанкой, если ты захочешь прийти.

Балат провел руками по своим кудрявым волосам.

– Эйлита? Она здесь. Конечно, она здесь. Все здесь. Ты говорила с ней? Почему... Но...

– Я видела, как ты на нее смотрел, – сказала Шаллан. – В те несколько раз, что вы оказывались рядом.

– Так ты разговаривала с ней? – требовательно спросил Балат. – Без моего разрешения? Ты сказала, что меня заинтересует что-то вроде, – он взял письмо, – этого?

Шаллан кивнула, обхватив себя руками.

Балат оглянулся на дерущихся громгончих. Он сделал ставку, потому что от него ожидали чего-то подобного, но пришел сюда не ради денег в отличие от Джушу.

Парень снова провел рукой по волосам и опять посмотрел на письмо. Он не был жестоким человеком. Шаллан знала, что странно так думать, учитывая то, что он иногда делал. Но она знала и доброту, которую он показывал, и силу, что была

скрыта в нем. Пока мать их не оставила, брат не казался околдованным смертью. Балат мог вернуться, перестать быть таким. Он мог.

– Мне нужно... – Балат выглянул из-под тента наружу. – Мне нужно идти! Она будет ждать меня. Я не должен заставлять ее ждать.

Он застегнул свою куртку.

Шаллан горячо кивнула, последовав за ним из павильона. Джикс тащился следом, хотя пара человек окликнула его. Вероятно, в этом павильоне его знали.

Балат вышел на солнечный свет. В мгновение ока он показался другим человеком.

– Балат, – позвала Шаллан. – Я не увидела там с тобой Джушу.

– Он не пошел в павильон.

– Что? Я думала...

– Я не знаю, куда он отправился. Он встретился с какими-то людьми сразу после того, как мы приехали.

Брат посмотрел в сторону отдаленного ручья, сбегавшего с холмов и огибающего ярмарку по каналу.

– Что мне ей сказать?

– Откуда мне знать?

– Ты тоже женщина.

– Мне четырнадцать!

В любом случае ей не удастся провести время при дворе. Отец сам выберет ей мужа. Единственная дочь светлорда Давара была слишком ценной, чтобы растрачивать ее время на такие непостоянные вещи, как ее собственные способности и решения.

– Думаю... Думаю, я просто поговорю с ней, – решил Балат.

Он убежал, не произнеся больше ни слова.

Шаллан проследила, как удаляется брат, а затем присела на камень и задрожала, обхватив себя руками. Это место... этот тент... он был ужасным.

Она просидела довольно много времени, стыдясь своей слабости, но также испытывая гордость. У нее получилось. Немного, но она сделала хотя бы что-то.

В конце концов девушка поднялась и кивнула Джиксу, чтобы тот отвел ее назад, к ложе. К этому времени отец уже, наверное, закончил встречу.

Оказалось, что он завершил одну встречу, только чтобы начать следующую. Незнакомый Шаллан мужчина сидел рядом с отцом с бокалом холодной воды в руке. Высокий, худощавый, голубоглазый, с черными волосами без единого намека на примесь в родословной, он носил одежду такого же оттенка. Незнакомец взглянул на Шаллан, когда она зашла в ложу.

Мужчина ахнул, уронив бокал на стол. Поймав его в стремительном рывке и не позволив перевернуться, он снова уставился на Шаллан, отвесив челюсть.

Через секунду его лицо изменилось, приняв выражение обыденного безразличия.

– Неуклюжий идиот! – проворчал отец.

Незнакомец отвернулся от Шаллан и тихо заговорил с отцом. Мачеха Шаллан стояла в стороне, вместе с поварами. Девушка проскользнула к ней.

– Кто это?

– Не имеет значения, – ответила Мализа. – Он говорит, что принес вести от твоего брата, но сам такого низкого дана, что даже не может показать документ о своем происхождении.

– Моего брата? Хеларана?

Мализа кивнула.

Шаллан снова повернулась к незнакомцу. Она углядела, как одним незаметным движением тот вытащил что-то из кармана своего плаща и пронес над напитками. Шаллан охватил шок. Она вскинула руку. Яд...

Мужчина незаметно высыпал содержимое в свой собственный бокал и, поднеся его к губам, осушил одним глотком. Что это было?

Шаллан опустила руку. Через мгновение незнакомец поднялся. Он не поклонился отцу перед тем, как уйти, но улыбнулся Шаллан, спустился по ступеням и вышел из ложи.

Вести от Хеларана. Что там могло быть? Шаллан робко направилась к столу.

– Отец?

Взгляд отца был устремлен на дуэль в центре ринга. Двое мужчин без щитов сражались на мечях в классическом стиле. Их размашистые движения копировали приемы, используемые при сражении на Клинках Осколков.

– Вести от нан-Хеларана? – подтолкнула она отца к разговору.

– Никогда не произноси его имя.

– Я...

– Больше не говори о нем, – произнес отец, посмотрев на нее с грозным выражением на лице. – Сегодня я лишу его наследства. Тет-Балат теперь официально нан-Балат, Виким становится тет, Джушу – аша. Теперь у меня только три сына.

Шаллан знала, что лучше не провоцировать отца, когда он в таком настроении. Но как ей разузнать, что сказал посланник? Она вжалась в кресло, снова задрожав.

– Твои братья меня избегают, – проговорил отец, наблюдая за дуэлью. – Хоть бы один решил пообедать с отцом, как того требуют приличия.

Шаллан сложила руки на коленях.

– Джушу, скорее всего, где-нибудь напивается, – продолжил светлорд Давар. – Один Отец Штормов ведает, куда делся Балат. Виким отказывается выходить из повозки.

Он осушил вино в чаше.

– Ты поговоришь с ним? Сегодня не самый хороший день. Если к нему пойду я, то... боюсь, что может что-то случиться.

Шаллан встала и опустила ладонь на плечо отца. Он сторбился, наклонившись вперед, и обвил одной рукой пустой графин из-под вина. Подняв другую руку, он похлопал ладонь дочери у себя на плече, уставившись в пустоту. Он пытался. Они все пытались.

Шаллан отправилась на поиски экипажа, оставленного вместе с другими повозками на западном склоне ярмарочной котловины. Здесь тянулись высоко вверх джелл-деревья, их затвердевшие стволы были окрашены светло-коричневым крэмом. С каждой ветки торчали тысячи шипов, похожих на языки пламени, но при ее приближении некоторые из них втянулись.

Шаллан удивилась, заметив норку, крадущуюся в тенях. Девушка полагала, что в этих местах их всех давно выловили. Кучеры резались в карты, сидя кружком неподалеку. Некоторые из них были вынуждены остаться, чтобы приглядывать за повозками, хотя Шаллан слышала, как Рен говорил о какой-то очередности, чтобы каждый из них имел возможность погулять по ярмарке. Как оказалось, Рена здесь не было, хотя остальные кучеры поклонились, когда она прошла мимо.

Виким сидел в их экипаже. Тощий, бледный юноша был всего лишь на пятнадцать месяцев старше Шаллан. Он походил на своего близнеца, но мало кто перепутал бы их между собой. Джушу выглядел старше, а Виким стал настолько тощим, что казался больным.

Шаллан забралась внутрь и уселась напротив брата, опустив сумку на сиденье рядом.

– Тебя прислал отец, – проговорил Виким, – или ты явилась с одной из своих миссий милосердия?

– И то, и другое.

Он отвернулся от нее, глядя в окно на деревья в стороне от ярмарки.

– Ты не можешь нас исправить, Шаллан. Джушу себя уничтожит. Это только вопрос времени. Балат превращается в отца, шаг за шагом. Мализа плачет через ночь. В один из таких дней отец ее убьет так же, как убил мать.

– А что насчет тебя? – спросила Шаллан. Она выбрала неверные слова и поняла это, как только они сорвались с ее губ.

– Меня? Меня уже не будет поблизости, чтобы увидеть, чем все закончится. К тому времени я буду мертв.

Забравшись на сиденье с ногами, Шаллан обхватила себя руками. Светледи Хаше упрекнула бы ее за неподобающую позу.

Что она наделала? Что она сказала?

«Он прав, – подумала она. – Я не могу исправить ситуацию. Хеларан мог бы. А я не могу».

Все медленно разваливалось на части.

– Так что на этот раз? Просто любопытно, что ты припасла на сегодня, чтобы «спасти» меня? Полагаю, для Балата ты использовала девчонку.

Шаллан кивнула.

– Яснее ясного, – объяснил Виким. – После всех тех писем, что ты ей отправила. Джушу? Что с ним?

– У меня есть расписание сегодняшних дуэлей, – прошептала Шаллан. – Он так мечтал драться в поединке. Если я покажу ему сражения, он, возможно, захочет за ними понаблюдать.

– Сначала тебе придется его найти, – фыркнул Виким. – А что насчет меня? Уж ты-то должна знать, что ни мечи, ни смазливые личики на меня не подействуют.

Чувствуя себя по-идиотски, Шаллан покопалась в сумке и выудила несколько листов бумаги.

– Рисунки?

– Математические задачки.

Виким нахмурился, взял их и стал просматривать, рассеянно потирая щеку.

– Я не ардент. Никто не будет пудрить мне мозги и заставлять целыми днями убеждать людей слушать Всемогущего, которому подозрительно нечего сказать самому.

– Это не значит, что ты не можешь учиться, – ответила Шаллан. – Я выписала их из книг отца – уравнения для определения наступления сверхштормов. Я перевела и упростила текст в глифы, чтобы ты мог их прочесть. Подумала, что ты мог бы спрогнозировать, когда придут следующие сверхшторма...

Он пролистал страницы.

– Ты скопировала и перевела их все, даже рисунки. Шторма, Шаллан. Сколько ты потратила времени?

Она пожала плечами. Ушли недели, но у нее было много свободного времени. Днями она сидела в саду, вечерами – в своей комнате, изредка посещая ардентов ради каких-нибудь мирных наставлений о Всемогущем. Хорошо, когда есть чем заняться.

– Глупости, – сказал Виким, отложив страницы. – Чего, ты думаешь, добьешься? Не могу поверить, что ты потратила столько времени впустую.

Шаллан опустила голову и, смаргивая слезы, выбралась из повозки. Она чувствовала себя ужасно – не только из-за слов Викима, но и из-за своей эмоциональности. Она не смогла удержать чувства под контролем.

Девушка поспешила уйти подальше от повозок, надеясь, что кучеры не заметили, как она вытирала глаза безопасной рукой. Шаллан присела на камень и

попыталась взять себя в руки, но ничего не вышло, и она разрыдалась, уже не сдерживаясь. Когда мимо пробежали несколько паршменов, ведущих хозяйских громгончих, она отвернулась в сторону. Охота была частью празднеств.

– Громгончая, – произнес голос за ее спиной.

Шаллан подскочила от неожиданности, прижав безопасную руку к груди, и обернулась.

На ветке дерева расположился мужчина, одетый в черный костюм. Когда она его заметила, он переместился, и шипообразные листья вокруг него втянулись исчезающей волной красно-оранжевого цвета. Посланник, говоривший с отцом ранее.

– Я задаюсь вопросом, – сказал он, – не кажется ли кому-нибудь из вас странным этот термин. Вы ведь знаете, что такое гром. Но что такое гончая?

– Какая разница? – спросила Шаллан.

– Ведь это слово, – продолжил посланник, – простое слово, в котором содержится целый мир, как набухшая почка.

Он осмотрел ее.

– Я не ожидал, что встречу тебя здесь.

– Я...

Инстинкты Шаллан подсказывали ей держаться подальше от этого странного человека. Но ведь у него были вести от Хеларана – вести, которыми отец никогда не поделится.

– А где вы ожидали меня встретить? На дуэльной площадке?

Мужчина раскачался на ветке и спрыгнул на землю.

Шаллан отступила назад.

– Не нужно, – сказал незнакомец, присев на камень. – Меня можно не бояться. Я совсем не умею причинять людям вред. Виню в этом свое воспитание.

– Вы располагаете новостями о моем брате Хеларане.

Посланник кивнул.

– Он очень целеустремленный молодой человек.

– Где он?

– Занимается тем, что считает очень важным. Я вменяю подобное ему в вину, потому что полагаю, что нет ничего более пугающего, чем человек, который пытается заниматься тем, что, по его мнению, важно. Очень мало вещей в мире когда-либо происходили случайно – по крайней мере, в крупных масштабах – из-за того, что кто-то решил повести себя легкомысленно.

– Так он в порядке? – спросила Шаллан.

– В относительном. Послание для твоего отца гласило, что у Хеларана есть глаза поблизости, и он наблюдает.

Неудивительно, что у отца испортилось настроение.

– Где он? – спросила Шаллан, робко шагнув вперед. – Просил ли он вас поговорить со мной?

– Сожалею, юная леди, – ответил мужчина более мягко. – Он передал только короткое послание для твоего отца, и то только потому, что я упомянул, что поеду в вашу сторону.

– О! Я подумала, что он послал вас сюда. Я имею в виду, что ваш приезд к нам был вашей главной целью.

– Получается, что так и есть. Скажи мне, юная леди, говорили ли с тобой спрены?

Гаснут огни, из них уходит жизнь.

Перекрученные символы, которые не должны видеть ничьи глаза.

Душа ее матери в коробке.

– Я... – замялась Шаллан. – Нет. Зачем спренам говорить со мной?

– Никаких голосов? – спросил мужчина, наклоняясь вперед. – Сферы не тускнеют, когда ты рядом?

– Прошу прощения, но мне следует вернуться обратно к отцу. Он будет меня искать.

– Твой отец медленно разрушает вашу семью, – проговорил посланник. – Твой брат оказался прав на его счет. Он ошибался во всем остальном.

– Например, в чем?

– Смотри.

Мужчина кивнул в сторону повозок. Шаллан находилась как раз в том месте, откуда через окно было видно, что происходит в их экипаже. Она прищурилась.

Внутри Виким склонился и писал что-то карандашом, который вытащил из оставленной ею сумки. Брат решал математические задачки.

Он улыбался.

Шаллан охватило тепло. Тепло, как яркое сияние, как радость, испытанная ею раньше. Так давно. До того, как все пошло наперекосяк. До смерти матери.

Посланник прошептал:

– Два слепца, ожидающие конца эпохи, размышляли о красоте. Они сидели на вершине утеса, высоко над землей, и ничего не видели.

Шаллан посмотрела на него.

– А?

– «Можно ли отнять красоту у человека?» – спросил один у другого.

«Ее отняли у меня, – ответил второй. – Ибо я не могу ее вспомнить».

Этот человек ослеп после несчастного случая в детстве.

«Каждую ночь я молюсь Всевышнему, чтобы он вернул мне зрение, и я смог бы заново обрести красоту».

«Значит, красоту необходимо видеть глазами?» – спросил первый.

«Конечно. В этом заключается ее природа. Как ты сможешь оценить произведение искусства, не увидев его?»

«Я могу услышать музыкальный шедевр», – ответил первый.

«Прекрасно, ты можешь услышать некоторые виды красоты, но у тебя не выйдет познать подлинную красоту, не имея зрения. Только ее малую часть».

«Скульптура, – проговорил первый. – Разве я не могу почувствовать все ее изгибы и выпуклости, касания резца, превратившего обычный камень в необыкновенное чудо?»

«Полагаю, что так, – согласился второй. – Ты сможешь познать красоту скульптуры».

«А что насчет красоты еды? Разве это не произведение искусства, когда повар создает шедевр, чтобы усладить чувство вкуса?»

«Полагаю, что так, – ответил второй. – Ты сможешь познать красоту искусства повара».

«А что насчет красоты женщины, – продолжил первый. – Разве я не могу познать красоту женщины в нежности ее ласки, мягкости ее голоса, в остроте ее разума, когда она будет читать мне философские трактаты? Разве я не смогу познать такую красоту? Разве я не смогу познать большую часть видов красоты, даже не имея зрения?»

«Прекрасно, – ответил второй. – Но что, если тебе отрежут уши, заберут твой слух? Отрежут язык, вынудив тебя замолчать, лишат чувства вкуса? Что, если твою кожу сожгут и ты больше не сможешь осязать? Что, если единственное оставшееся тебе – это боль? Тогда ты не сможешь познать красоту. Ее можно отнять у человека».

Посланник замолчал и наклонил голову, посмотрев на Шаллан.

– В чем дело? – спросила она.

– А ты что думаешь? Можно ли отнять красоту у человека? Если он не сможет касаться, ощущать запах, слышать, видеть... Что, если все, что он знает, это боль? Отняли ли у такого человека красоту?

– Я... – Какое это вообще имело отношение к чему-либо? – Меняется ли боль день ото дня?

– Допустим, что да, – ответил посланник.

– Тогда для такого человека красота будет заключаться в том времени, когда боль уменьшается. Зачем вы рассказали мне эту историю?

Посланник улыбнулся.

– Быть человеком – значит искать красоту, Шаллан. Не отчаивайся, не переставай искать, потому что на твоём пути выросли шипы. Скажи мне, какую самую прекрасную вещь ты можешь себе представить?

– Отец, скорее всего, в недоумении, куда я подевалась...

– Ответь мне, – сказал мужчина. – А я расскажу, где находится твой брат.

– Тогда чудесная картина. Это самая красивая вещь.

– Ложь. Скажи мне правду. Что это, дитя? Что для тебя красота?

– Я... – Что же это? – Моя мать до сих пор жива.

Шаллан обнаружила, что шепчет, встретившись с ним взглядом.

– И?

– И мы в саду, – продолжила она. – Мать разговаривает с отцом, а он смеется. Смеется и обнимает ее. Мы все там, в том числе и Хеларан. Он никогда не уезжал. Знакомый моей матери... Дредер... никогда не приходил в наш дом. Мать любит меня. Она обучает меня философии и показывает, как рисовать.

– Хорошо, – произнес посланник. – Но ты можешь лучше. Каково это место? Каким ты его ощущаешь?

– Весна, – проговорила Шаллан резче, чувствуя раздражение. – Мохоплющ цветет ярко-красным. Он сладко пахнет, а воздух влажный от утреннего свершшорма. Мать шепчет, но ее голос звучит музыкой. Смех отца не отдается эхом – он поднимается прямо в воздух и обволакивает нас всех. Хеларан учит Джушу, как обращаться с мечом, они тренируются неподалеку. Виким смеется, когда Хеларан получает удар по ноге. Он готовится стать ардентом, как хотела мать. Я рисую их всех, царапая угольком по бумаге. Мне тепло, несмотря на легкую прохладу в воздухе. Рядом со мной стоит чашка сидра, и я чувствую сладость во рту от только что сделанного глотка. Это красиво, потому что могло бы быть правдой. Должно было стать правдой. Я...

Она сморгнула слезы. Она видела. Отец Штормов, но она это видела. Слышала голос матери, заметила, как Джушу передает сферы Балату, потому что проиграл дуэль, но смеется, не заботясь о потере денег. Она чувствовала воздух, запахи, слышала, как в кустах шумят сонглинги. Картина практически стала реальностью.

Перед ней плавали сгустки света. Посланник вытащил пригоршню сфер и протянул в ее сторону, пристально глядя прямо в глаза. Между ними поднимался парообразный штормсвет. Шаллан пошевелила пальцами, и образ идеальной жизни обернулся вокруг нее, как уютное теплое одеяло.

«Нет».

Она отпрянула назад. Туманный свет растаял.

– Я вижу, – проговорил тихо посланник, – что ты пока не понимаешь в полной мере природу лжи. У меня была такая же проблема, много лет назад. Осколки здесь очень суровы. Тебе придется столкнуться с правдой, дитя, прежде чем ты сможешь развиваться дальше. Как человек, которому сначала необходимо изучить закон, чтобы потом нарушить его.

Тени ее прошлого плавали в глубинах разума, лишь слегка показываясь на солнечный свет.

– Вы можете мне помочь?
 – Нет. Не сейчас. Во-первых, ты еще не готова, а у меня есть дела. Как-нибудь в другой раз. Продолжай колоться о шипы, ты сильная, и прокладывай дорогу к свету. Вещи, с которыми ты сражаешься, не совсем естественные.
 Он поднялся на ноги и поклонился ей.
 – Мой брат, – напомнила Шаллан.
 – Он в Алеткаре.
 – В Алеткаре? Но почему?
 – Потому что там он чувствует себя нужным, конечно же. Если я увижу его снова, передам от тебя привет.
 Посланник пошел прочь легкой походкой, двигаясь плавно, как в танце.
 Шаллан смотрела, как он уходит, и чувствовала, что в глубине ее души все встает на места, что части ее разума собираются в одно целое. Она поняла, что даже не спросила, как зовут мужчину.



Когда Симолу сообщили о прибытии Танцующих на Грани, им, как обычно в таких случаях, овладели скрытые оцепенение и ужас. Хотя этот орден не был самым требовательным, их грациозные, мягкие движения скрывали смертельную опасность, которой они к этому времени уже весьма прославились. Кроме того, они были самыми утонченными и красноречивыми из всех Сияющих.

«Слова сияния», глава 20, страница 12

Каладин достиг конца строя мостовиков. Они стояли по стойке смирно, копья на плечах, взгляды направлены прямо перед собой. Превращение было удивительным. Он кивнул, стоя под темнеющим небом.

– Впечатляет, – сказал он Питту, сержанту Семнадцатого моста. – Мне не часто приходилось видеть такой отличный взвод копейщиков.

Это был тот вид лжи, который учились использовать командиры. Каладин не упомянул то, что некоторые мостовики не могли стоять неподвижно или что их маневры в строю казались неуклюжими. Они пытались. Он чувствовал их старание в серьезных выражениях лиц и в том, как они начали гордиться своей униформой, своей принадлежностью. Они были готовы к патрулированию, по крайней мере, недалеко от военных лагерей. Каладин мысленно отметил себе сказать Тефту, чтобы тот начал включать их в очередь вместе с двумя другими бригадами, которые уже подготовились.

Каладин гордился ими и давал им это понять на протяжении всего времени до наступления ночи. Затем он отпустил их на ужин, который пах совсем не так, как роговская похлебка Камня. Семнадцатый мост считал своей отличительной чертой вечернее бобовое карри. Проявление индивидуальности через выбор еды. Каладину это показалось забавным, пока он шел в темноте, закинув копье на плечо. Ему требовалось осмотреть еще три бригады.

Следующий, Восемнадцатый мост, был одним из тех, у которых имелись проблемы. Их сержант, хотя и серьезный, не обладал присутствием духа, необходимым хорошему офицеру. Или, скорее, ни у кого из мостовиков его не было. Он оказался просто особенно слаб. Склонен просить вместо того, чтобы приказывать, неуклюж в общении.

Однако нельзя было во всем винить Вета. Ему досталась особенно неслаженная группа. Каладин обнаружил солдат Восемнадцатого сидящими отдельными кучками и поедающими свой ужин. Ни смеха, ни духа товарищества. Они не остались одиночками, как в свою бытность мостовиками. Вместо этого разбились на маленькие группы, которые не общались между собой.

Сержант Вет скомандовал «смирно», и они лениво встали, не утруждаясь построиться или отдать честь. Каладин видел правду в их глазах. Что он мог им сделать? Точно ничего, что было бы хуже, чем их жизнь в качестве мостовиков. Так зачем напрягаться?

Какое-то время Каладин говорил им о мотивации и единстве.

«С этими людьми необходимо провести еще одну тренировку в ущельях», – подумал он.

И если тоже не сработает... Ну, вероятно, ему придется распустить их и распределить по другим взводам, в которых все в порядке.

В конце концов он покинул лагерь Восемнадцатого, качая головой. Не похоже, что они хотят быть солдатами. Зачем тогда они приняли предложение Далинара вместо того, чтобы уйти?

«Потому что они больше не хотят делать выбор, – подумал он. – Выбирать бывает трудно».

Он знал, каково это. Штурма, он действительно знал. Каладин помнил, как сидел, уставившись в голую стену, слишком подавленный даже для того, чтобы встать и пойти покончить жизнь самоубийством.

Он поежился. Не те дни, о которых ему хотелось бы помнить.

Пока он двигался к Девятнадцатому мосту, мимо на потоке воздуха проплыла Сил в форме клочка тумана. Она слилась в ленту света и стала носиться вокруг, после чего села отдохнуть на его плечо.

– Все остальные едят свой ужин, – сказала Сил.

– Хорошо.

– Это был не отчет, Каладин, – проговорила она. – А начало выговора.

– Выговора?

Он остановился в темноте возле барака Девятнадцатого моста, у людей которого все было хорошо. Они ели вокруг костра как одна группа.

– Ты работаешь, – пояснила Сил. – До сих пор.

– Мне нужно подготовить людей. – Он повернул голову и посмотрел на нее.
– Ты знаешь, ведь что-то приближается. Те отсчеты на стенах... Ты больше не видела красных спренов?

– Видела, – призналась она. – Во всяком случае, я так думаю. Краем глаза. Они наблюдали за мной. Очень редко, но они там.

– Что-то приближается, – сказал Каладин. – Тот отсчет указывает как раз на Плач. Что бы ни случилось, я прослежу, чтобы мостовики были готовы это выдержать.

– Ну, ты не сможешь, если раньше упадешь замертво от усталости! – Сил помедлила. – С людьми правда может случиться такое, да? Я слышала, как Тефт говорил, что чувствует себя так, будто с ним это произойдет.

– Тефт любит преувеличивать, – ответил Каладин. – Это черта хорошего сержанта.

Сил нахмурилась.

– И та последняя часть... была шуткой?

– Да.

– А. – Она заглянула ему в глаза. – Все равно отдохни, Каладин. Пожалуйста.

Каладин посмотрел в сторону барака Четвертого моста. Тот находился далеко, в нескольких кварталах отсюда, но ему казалось, что он слышит смех Камня, отражающийся эхом в ночи.

Наконец Каладин вздохнул, признавая усталость. Оставшиеся два взвода можно проверить завтра. С копьём в руке он повернулся и пошел обратно. Уже стемнело, а значит, через пару часов люди начнут ложиться спать. Каладин почувствовал знакомый запах рагу Камня, но еду подавал Хоббер, сидя на возвышении, которое соорудили для него товарищи, а его серые, бесполезные ноги были прикрыты одеялом. Камень стоял рядом, скрестив руки на груди, и выглядел гордым.

Ренарин тоже был здесь, он собирал и мыл тарелки тех, кто закончил ужинать. Он делал это каждый вечер, тихо стоя на коленях рядом с тазом в своей форме мостовика. Парень был определенно серьезен. Он не демонстрировал ни капли испорченного характера своего брата. Хотя принц и настоял на том, чтобы присоединиться к ним, ночью он часто сидел с краю группы, за спинами мостовиков. Такой странный молодой человек.

Проходя мимо Хоббера, Каладин сжал его плечо. Он кивнул, взглянув Хобберу в глаза, и поднял кулак.

«Борись».

Каладин потянулся за рагу и замер.

Рядом на бревне сидели трое мускулистых толсторуких хердазиан. Все носили униформу Четвертого моста, но Каладин узнал только Пунио.

Неподалеку Каладин нашел Лоупена, уставившегося на свою руку, – тот зачем-то держал ее перед собой, сжав в кулак. Каладин уже давно перестал пытаться понять Лоупена.

– Трое? – требовательно спросил Каладин.

– Кузены! – ответил Лоупен, поднимая взгляд.

– У тебя их слишком много.

– Их не может быть слишком много! Род, Уайо, поздоровайтесь!

– Четвертый мост, – проговорили двое мужчин, приподняв миски.

Покачив головой, Каладин взял свою порцию рагу и пошел мимо котла в более темное место возле барака. Он бросил взгляд внутрь склада и увидел Шена, который укладывал мешки с зерном таллия при свете одного единственного бриллиантового обломка.

– Шен?

Паршмен продолжал складывать мешки.
– Смирно! – рявкнул Каладин.
Шен замер, а потом встал навытяжку.
– Вольно, солдат, – мягко сказал Каладин, шагнув к нему. – Сегодня я говорил с Далинаром Холином насчет того, могу ли я дать тебе оружие. Он спросил, доверяю ли я тебе. Я сказал ему правду.
Каладин протянул свое копьё паршмену.
– Доверяю.
Шен перевел взгляд с копья на Каладина, его темные глаза выдавали нерешительность.
– В Четвертом мосту нет рабов. Прости, что раньше я боялся.
Каладин более настойчиво протянул копьё, и Шен наконец взял его.
– Лейтен и Натам тренируются по утрам с несколькими людьми. Они с радостью поучат тебя, так что тебе не придется заниматься вместе с новичками.
Шен держал копьё с благоговением. Каладин повернулся, чтобы покинуть склад.
– Сэр, – сказал Шен.
Каладин остановился.
– Вы, – сказал Шен в своей медленной манере, – хороший человек.
– Всю жизнь меня судили по цвету глаз, Шен. Я не буду делать ничего подобного из-за цвета твоей кожи.
– Сэр, я..
Паршмен казался чем-то обеспокоенным.
– Каладин! – послышался снаружи голос Моаша.
– Ты что-то хотел сказать? – спросил Каладин замолчавшего Шена.
– Позже, – ответил паршмен. – Позже.
Каладин кивнул и вышел узнать, из-за чего шум. Он обнаружил Моаша, ищущего его около котлов.
– Каладин! – воскликнул тот, заметив капитана. – Пошли. Мы собираемся проветриться, и ты идешь с нами. Сегодня вечером даже Камень пойдет.
– Ха! Рагу в хороших руках, – откликнулся Камень. – Я пойду. Будет хорошо избавиться от вони маленьких мостовиков.
– Эй! – воскликнул Дрехи.
– Ах, да. И от вони крупных мостовиков тоже.
– Давай, – сказал Моаш, махнув Каладину. – Ты обещал.
Он не обещал ничего подобного. Хотелось просто посидеть у костра, съесть свое рагу и понаблюдать за спренами огня. Впрочем, все смотрели на него. Даже те, кто не собирался идти на прогулку с Моашем.
– Я... – проговорил Каладин. – Хорошо, пойдём.
Мостовики одобрительно закричали и захлопали. Штормовые идиоты. Они приветствовали командира, идущего выпить? Каладин проглотил немного рагу и отдал оставшееся Хобберу, а затем с неохотой поднялся и присоединился к Моашу вместе с Лоупеном, Питом и Сигзиллом.
– Знаешь, – шепотом проворчал Каладин, обращаясь к Сил, – если бы это была одна из моих старых команд копейщиков, я бы предположил, что они хотели удалить меня из лагеря, чтобы им стало проще что-то проверить в мое отсутствие.
– Сомневаюсь, что это так, – нахмурилась Сил.
– Ты права. Мои люди просто хотят видеть во мне человека.
Именно поэтому ему и необходимо пойти. Он и так слишком обособлен от них. Каладин не хотел, чтобы они думали о нем как о светлоглазом.
– Ха! – воскликнул Камень, подбежав к ним. – Они утверждают, что могут выпить больше рогоеда. Опьяненные воздухом низинники. Это невозможно.

– Состязание, кто больше выпьет? – спросил Каладин, мысленно застонав. Во что он влез?

– Никому из нас не нужно на дежурство до полудня, – сказал Сигзил, пожав плечами. Ночью за Холинами следил Тефт и команда Лейтена.

– Сегодня вечером, – объявил Лоупен, подняв палец вверх, – я стану победителем. Говорят, никогда не ставь против однорукого хердазианина в соревновании «кто кого перепьет»!

– Прямо так и говорят? – спросил Моаш.

– Будут говорить, – поправился Лоупен, – никогда не ставь против однорукого хердазианина в соревновании «кто кого перепьет»!

– Ты вешишь примерно столько же, сколько умирающая от голода громгончая, Лоупен, – скептически заметил Моаш.

– Да, но у меня полно целеустремленности.

Они продолжали в том же духе, повернув на дорожку, что вела к рынку. В военных лагерях кварталы казарм располагались большим кольцом вокруг зданий светлоглазых, выстроенных ближе к центру. По пути к рынку, который находился во внешнем круге маркитантов, за солдатами, они миновали множество других бараков, населенных обычными солдатами – и они занимались такими делами, за которыми Каладин редко заставлял солдат в армии Садеаса. Пока не наступило время ужина, они точили копья и смазывали нагрудники.

Не только люди Каладина вышли прогуляться этим вечером. Другие группы солдат, уже поев, гуляли по рынку и смеялись. Они медленно восстанавливались после бойни, покалечившей армию Далинара.

Рынок сверкал жизнью, факелы и масляные фонари сияли с большинства зданий. Каладин не удивился. В обычной армии было бы много маркитантов, но это касалось только движущейся армии. Здесь же купцы показывали свой товар. Глашатаи продавали новости, поступившие, как они заявляли, через самоперо и сообщающие о событиях в мире. Что насчет той войны в Джа Кеведе? И кто новый император в Азире? Каладин имел весьма смутное представление о том, где находится Азир.

Сигзил отбежал, чтобы узнать последние новости, заплатив глашатаю сферу, в то время как Лоупен и Камень спорили, какой трактир лучше посетить. Каладин наблюдал, как кипит жизнь. Мимо прошли солдаты, несущие ночную стражу. Группа темноглазых женщин, болтая, перемещалась от одного торговца пряностями к другому. Светлоглазая посыльная записывала прогнозы дат и времени сверхштормов на доске, ее муж зевал рядом и выглядел скучающим – как если бы его вынудили составить ей компанию. Скоро наступит Плач, время постоянных дождей без сверхштормов с единственным перерывом, который назывался Прояснением и приходился точно на середину. Заканчивался второй год двухлетнего цикла в тысячу дней, а это означало, что Плач будет спокойным.

– Хватит спорить, – сказал Моаш Камню, Лоупену и Питу. – Мы идем в «Злобную чуллу».

– Эй! – возразил Камень. – Но у них нет рогоедского лагеря!

– Потому что лагерь рогоедов растворяет зубы, – ответил Моаш. – В любом случае сегодня мой черед выбирать.

Пит с нетерпением кивнул. Та таверна была и его выбором.

Сигзил вернулся, узнав новости. Он, по-видимому, останавливался где-то еще, так как нес что-то, пышущее паром и завернутое в бумагу.

– Только не ты, – простонал Каладин.

– Очень вкусно, – проговорил, защищаясь, Сигзил и откусил немного уты.

– Ты даже не знаешь, что там внутри.

– Конечно же, знаю. – Сигзил засомневался. – Эй, Лоупен. Что тут за начинка?

– Флангрия, – обрадованно проговорил Лоупен, в то время как Камень тоже побежал к уличному торговцу взять себе порцию уты.

– Которая представляет собой... – произнес Каладин.

– Мясо.

– Какое мясо?

– Мясное.

– *Преобразованное*, – проговорил Каладин, посмотрев на Сигзила.

– Ты ел *преобразованную* еду каждый вечер, когда был мостовиком, – заметил Сигзил, пожав плечами и откусив очередной кусок.

– Потому что у меня не было выбора. Смотри. Он обжаривает хлеб.

– Флангрию тоже обжаривают, – сказал Лоупен. – Делают из нее маленькие шарики, смешивая с земляным лависом. Скатывают и обжаривают, а затем начиняют ими хлеб и поливают соусом.

Он довольно причмокнул, облизав губы.

– Она дешевле воды, – заметил Пит, когда Камень прибежал обратно.

– Скорее всего, потому, что даже зерно *преобразовано*, – предположил Каладин. – На вкус как плесень. Камень, я в тебе разочаровался.

Рогоед смутился, но откусил немного. Его ута хрустнула.

– Ракушки? – спросил Каладин.

– Клешни крэмлинга, – усмехнулся Камень. – Глубокой прожарки.

Каладин вздохнул, но они все-таки возобновили движение сквозь толпу, в конечном итоге протиснувшись к деревянному зданию, построенному с подветренной стороны большего по размеру каменного сооружения. Все здесь, конечно же, организовали так, чтобы как можно больше дверей выходило на противоположную Источнику сторону, а улицы были проложены с востока на запад, чтобы ветер мог дуть свободно.

Из таверны лился теплый оранжевый свет. Свет огня. Ни в одной таверне не стали бы использовать сферы для освещения. Даже с замками на фонарях свет ценных сфер мог оказаться слишком заманчивым для перебравших с выпивкой клиентов заведения. Мостовики протолкались внутрь, и их встретил низкий гул болтовни, криков и пения.

– Мы не найдем здесь места, – сказал Каладин, перекрикивая шум. Даже с поредевшим населением военного лагеря Далинара таверна оказалась переполнена.

– Конечно же, найдем, – улыбнулся Камень. – У нас есть секретное оружие.

Он указал на тихого круглолицего Пита, прокладывающего себе дорогу через зал к главной стойке. За ней стояла симпатичная темноглазая женщина, полировавшая стакан. Завидев Пита, она широко улыбнулась.

– Кстати, – обратился Сигзил к Каладину, – ты уже думал, куда будешь селить женатых мужчин Четвертого моста?

Женатые мужчины? Судя по выражению лица Пита, наклонившегося через стойку, перспектива выглядела не такой уж отдаленной. Каладин никогда об этом не думал. А следовало бы. Он знал, что Камень женат – рогоед уже посылал письма семье, хотя Пики находились так далеко, что ответа до сих пор не пришло. Тефт был женат, но его жена мертва, как и большинство его родных.

У других тоже могли быть семьи. Будучи мостовиками, они не часто говорили о своем прошлом, но Каладин слышал намеки то там, то тут. Они постепенно вернуться к нормальной жизни, и семьи станут ее частью, особенно здесь, в постоянном военном лагере.

– Шторма! – воскликнул Каладин, прижав руку к голове. – Мне придется попросить больше места.

– Есть много барачков, предназначенных для семей, – отметил Сигзил. – Некоторые женатые солдаты арендуют места около рынка. Можно выбрать один из этих вариантов.

– Это разрушит Четвертый мост! – сказал Камень. – Нельзя разрешать такое.

Что ж, женатые мужчины, как правило, становились лучшими солдатами. Необходимо разобраться с этим вопросом. Теперь в лагере Далинара пустовало много барачков, возможно, стоит попросить еще несколько.

Каладин кивнул в сторону женщины за стойкой.

– Думаю, она не хозяйка заведения.

– Нет, Ка просто разливает напитки, – ответил Камень. – Пит довольно сильно ею увлечен.

– Посмотрим, умеет ли она читать, – сказал Каладин, отступив в сторону, когда полупьяный посетитель вывалился наружу в ночь. – Штурма, хорошо бы иметь кого-то для такого дела.

В нормальной армии Каладин был бы светлоглазым, и его жена или сестра выступали бы в качестве батальонного писца и клерка.

Пит махнул им, и Ка провела их к столику в стороне. Каладин сел спиной к стене, достаточно близко к окну, чтобы выглянуть из него при желании, но недостаточно, чтобы вырисовываться в виде силуэта. Под усевшимся Камнем застонал стул, и Каладин пожалел ни в чем неповинный предмет мебели. Рогоед оставался единственным в бригаде, кто возвышался над Каладином на пару дюймов и был практически вдвое шире.

– Рогоедский лагерь? – спросил Камень, с надеждой взглянув на Ка.

– Он расплавляет наши кружки, – ответила женщина. – Эль?

– Эль, – вздохнул Камень. – Его следовало бы объявить напитком для женщин, а не для здоровенных мужчин-рогоедов. По крайней мере, это не вино.

Каладин попросил ее принести что угодно, почти не уделяя внимания вопросу. Место действительно не самое привлекательное. Шум, брань, дым и зловоние. Но оно было еще и живым. Смех. Хвастовство и крики, гремящие кружки. Ради этого... ради этого жили некоторые люди. Честно трудиться днем, проводить время в таверне с друзьями вечером.

Не такая уж и плохая жизнь.

– Сегодня шумно, – заметил Сигзил.

– Тут всегда шумно, – ответил Камень. – Но сегодня, наверное, особенно.

– Армия выиграла забег на плато вместе с армией Бетаба, – сказал Пит.

Тем лучше для них. Далинар не участвовал в забеге в отличие от Адолина, отправившегося вместе с тремя людьми из Четвертого моста. Впрочем, они не были обязаны идти в бой – а любой забег на плато, который не подвергал опасности людей Каладина, неплох.

– Столько людей, это хорошо, – проговорил Камень. – Больше тепла в таверне. Снаружи слишком холодно.

– Слишком холодно? – переспросил Моаш. – Ты же со штормовых Пиков рогоедов!

– И? – спросил Камень, нахмурившись.

– И это горы. Там должно быть намного холоднее, чем где-нибудь здесь, внизу.

Камень буквально покрылся пятнами забавной смеси негодования и недоверчивости, придавшими красный оттенок его светлой рогоедской коже.

– Слишком много воздуха! Тебе тяжело думать. Холодно? Пики рогоедов теплые! Восхитительно теплые.

– В самом деле? – спросил Каладин скептически. Камень мог всего лишь шутить. Иногда его шутки не имели смысла ни для кого, кроме него.

– Так и есть, – подтвердил Сигзил. – В Пиках имеются горячие источники, согревающие местность.

– Да, но не источники, – уточнил Камень, помахав пальцем Сигзилу. – Источники – слово низинников. Океаны рогоедов – это вода жизни.

– Океаны? – спросил Пит, нахмурившись.

– Очень маленькие океаны, – поправился Камень. – По одному на вершину.

– На вершине каждой горы образовался своего рода кратер, – пояснил Сигзил, – который заполнен большим озером теплой воды. Тепла хватает для создания пригодного для жилья участка, несмотря на высоту. Хотя если отойти подальше от города рогоедов, можно оказаться на морозе среди ледяных полей, оставленных сверхштормами.

– Твои рассказы – чепуха, – проговорил Камень.

– Это факты, а не рассказы.

– Все это рассказы. Слушай. Давным-давно ункалаки, мой народ, которых вы зовете рогоедами, не жил на вершинах. Мы обитали внизу, где воздух густой и думать трудно. Но нас ненавидели.

– Кому же могло прийти в голову ненавидеть рогоедов? – спросил Пит.

– Всем, – ответил Камень, как раз когда Ка принесла им выпивку.

Особое внимание. Большинству остальных нужно было подойти к стойке, чтобы забрать напитки. Камень улыбнулся ей и схватил свою большую кружку.

– Первая выпивка. Лоупен, попытаешься меня победить?

– Как я и говорил, манча, – ответил Лоупен, поднимая свою собственную кружку, которая была не такой огромной.

Большой рогоед глотнул напиток, на губах осталась пена.

– Все хотели убить рогоедов, – сказал он, стукнув кулаком по столу. – Они нас боялись. В легендах рассказывается, что мы слишком хороши в бою. Поэтому на нас велась охота и нас почти уничтожили.

– Если вы так хороши в бою, – указал на него пальцем Моаш, – то как же так получилось, что вас почти уничтожили?

– Нас мало, – проговорил Камень, гордо приложив руку к груди. – А вас слишком много. Вы заполонили все низины. Мужчина не мог сделать ни шагу, не наступив сапогом на алету. Так вот, ункалаки были почти уничтожены. Но наш *тана'каи* – это как король, но круче – пошел к богам, чтобы вымолить помощь.

– Боги, – перебил Каладин. – Ты хочешь сказать, спрены.

Он нашел взглядом Сил, которая сидела на балке сверху, наблюдая за парой маленьких насекомых, ползущих по подпорке.

– Это боги, – сказал Камень, проследив за взглядом Каладина. – Да. Хотя одни боги сильнее других. *Тана'каи* искал сильнейших среди них. Сначала он пошел к богам деревьев.

«Можете ли вы нас спрятать?» – спросил он. Но боги деревьев не могли.

«Люди охотятся и на нас тоже, – сказали они. – Если вы спрячетесь здесь, они вас найдут и используют как древесину – так они поступают с нами».

– Используют рогоедов, – вкрадчиво повторил Сигзил, – как древесину.

– Цыц, – ответил Камень. – Следующими, кого посетил *тана'каи*, были боги воды.

«Можем ли мы жить в ваших глубинах? – умолял он. – Дайте нам силу дышать как рыбы, и мы будем служить вам в бездне океанов».

Увы, боги воды не могли помочь.

«Люди пронзают наши сердца крючками и достают тех, кого мы защищаем. Если вы будете жить здесь, вы станете их пищей».

Поэтому мы не могли бы жить там. Последними *тана'каи*, отчаявшись, посетил самых могущественных богов – богов гор.

«Мои люди умирают, – умолял он. – Пожалуйста. Позвольте нам жить на ваших склонах и поклоняться вам, и пусть ваш снег и лед защитят нас».

Боги гор долго думали.

«Вы не можете жить на наших склонах, – сказали они, – горы не для жизни. Это место принадлежит духам, а не людям. Но если вы найдете способ сделать из них место, пригодное и для людей, и для духов, мы защитим вас».

И тогда *тана'каи* вернулся к богам воды и сказал:

«Дайте нам вашей воды, чтобы мы могли пить и жить среди гор».

И они обещали ее. *Тана'каи* отправился к богам деревьев и сказал:

«Дайте нам ваших плодов в подарок, чтобы мы могли есть и жить среди гор».

И они их обещали. Затем *тана'каи* вернулся к горам и сказал:

«Дайте нам то тепло, что в ваших сердцах, чтобы мы могли жить на ваших вершинах».

И своими словами он угодил богам гор, которые видели, что ункалаки будут трудиться как следует. Они не станут обузой для богов и смогут решать проблемы сами. И тогда боги гор вмяли пики в сами горы и создали место для вод жизни. Океаны были созданы богами воды. Трава и фрукты, дающие жизнь, были обещаны богами деревьев. А тепло от сердца гор сделало то место пригодным для жизни.

Камень откинулся на спинку стула, сделал глубокий глоток из своей кружки и стукнул ею по столу, ухмыльнувшись.

– Получается, что боги, – сказал Моаш, не спеша попивая эль, – были рады, что вы решили проблемы самостоятельно... пойдя вместо них к другим богам и вымолив их помощь?

– Цыц, – ответил Камень. – Это хорошая история. И она правдива.

– Но ты сам назвал озера на вершинах водой, – заметил Сигзил. – Тогда они и есть горячие источники. Как я и сказал.

– Это другое, – ответил Камень, подняв руку и махнув Ка, а затем очень широко улыбнулся и качнул кружкой в просящем жесте.

– Почему?

– Там не просто вода. В них вода жизни. Связь с богами. Если ункалаки плавают в ней, иногда он видит обиталище богов.

При этих словах Каладин подался вперед. Он думал совсем о другом: как решить проблемы Восемнадцатого моста с дисциплиной. Сказанное его поразило.

– Обиталище богов?

– Да, – подтвердил Камень. – Место, где они живут. Вода жизни позволяет его увидеть. Там можно общаться с богами, если тебе повезет.

– Поэтому ты можешь видеть спренов? – спросил Каладин. – Потому что ты плавал в той воде и она что-то сделала с тобой?

– К истории это не относится, – проговорил Камень, в то время как прибыла его вторая кружка эля. Он улыбнулся Ка. – Ты очень замечательная женщина. Если поедешь на Пики, я составлю тебе семью.

– Просто оплати свой счет, Камень, – ответила Ка, закатив глаза.

Когда она отошла собрать пустые кружки, Пит вскочил, чтобы помочь ей, и принес несколько кружек с соседнего стола, удивив женщину.

– Ты можешь видеть спренов, – надавил Каладин, – из-за того, что случилось с тобой в тех водах.

– К истории это не относится. – Камень посмотрел прямо на Каладина. – Все... слишком запутанно. Больше я ничего не скажу на эту тему.

– Я бы хотел посетить Пики, – сказал Лоупен. – Чтоб окупиться самому.

– Ха! Любого не из нашего народа ждет смерть, – ответил Камень. – Я не мог бы позволить тебе искупаться. Даже если ты сегодня победишь меня в состязании по выпивке.

Он поднял бровь, бросив взгляд на напиток Лоупена.

– Чужаки умирают, поплавав в ваших изумрудных водоемах, – пояснил Сигзил, – потому что вы убиваете любого, кто к ним прикоснется.

– Нет, не правда. Лучше слушай историю. Не будь таким занудой.

– Это просто горячие источники, – проворчал Сигзил, но вернулся к своей выпивке.

Камень закатил глаза.

– Сверху вода. Внизу – нет. Там нечто другое. Вода жизни. Дом богов. Это все правда. Я сам встречал бога.

– Бога вроде Сил? – спросил Каладин. – Или, может быть, спрена реки?

Такие спрены встречались довольно редко, но, предположительно, умели вести простые разговоры, как спрены ветра.

– Нет, – ответил Камень. Он наклонился к ним, как будто хотел поведать какую-то тайну. – Я видел Луну'анаки.

– Ну, здорово, – сказал Моаш. – Замечательно.

– Луну'анаки, – продолжил Камень, – бог путешествий и озорства. Очень сильный бог. Он пришел из глубин океана пика, из царства богов.

– Как он выглядел? – спросил Лоупен, широко раскрыв глаза.

– Как человек, – ответил Камень. – Возможно, алети, хотя кожа была светлее. Очень угловатое лицо. Красивый, пожалуй. С белыми волосами.

Сигзил резко вскинул голову.

– Белые волосы?

– Да, – подтвердил Камень. – Не седые, как у стариков, а белые, хотя он и молодой человек. Он говорил со мной на берегу. Ха! Высмеял мою бороду. Спросил, какой это был год по календарю рогоедов. Решил, что мое имя смешное. Очень сильный бог.

– Было страшно? – спросил Лоупен.

– Нет, конечно же, нет. Луну'анаки не может повредить человеку. Это запрещено другими богами. Все об этом знают.

Камень допил вторую кружку, поднял ее вверх, ухмыльнувшись, и помахал проходящей мимо Ка.

Лоупен быстро опустошил первую кружку. Сигзил выглядел встревоженным и выпил только половину порции. Он уставился на выпивку, но когда Моаш спросил, что с ним, Сигзил отмахнулся, сославшись на усталость.

Каладин наконец отхлебнул своей выпивки. Лависовый эль, пенистый, слегка сладкий. Напиток напомнил ему о доме, хотя пить он начал только в армии.

Остальные сменили тему и заговорили о забегах на плато. Садеас определенно не желал подчиняться приказу работать в команде. Недавно он отправился в забег один, добыл гемсердце прежде, чем на место подоспели остальные кронпринцы, и бросил его на землю к их ногам как что-то несущественное. Однако всего лишь несколько дней назад он и кронпринц Рутар выступили вместе, хотя была не их очередь. Они заявили, что не смогли добраться до гемсердца, хотя все знали, что они преуспели и скрыли добычу.

Об этих поступках, неприкрытых пощечинах по авторитету Далинара, судачили по всем лагерям. Более того, Садеас, похоже, оскорбился тем, что ему не позволили направить следователей в лагерь Далинара для поиска, как он выразился, «важных фактов», связанных с безопасностью короля. Для него все это было просто игрой.

«Кому-то нужно покончить с Садеасом, – подумал Каладин и, причмокнув, глотнул холодной выпивки. – Он такой же подлец, как и Амарам. Неоднократно пытался убить меня и моих людей. Разве у меня нет причин, даже права, чтобы вернуть должок?»

Каладин учился тому, что проделывал убийца: как бегать по стенам, возможно, добираться до окон, считавшихся недоступными. Он мог посетить лагерь Садеаса ночью. Ярко светящийся, неистовый...

Каладин мог восстановить справедливость в мире.

Инстинкт говорил ему, что с такими рассуждениями что-то не в порядке, но что именно, он понять не мог. Выпив еще немного, Каладин оглядел зал и снова заметил, какими расслабленными казались все вокруг. Их жизнь – работа, затем игра. Для них этого достаточно.

Но не для него. Ему нужно нечто большее. Он достал светящуюся сферу, всего лишь бриллиантовый обломок, и начал лениво катать ее по столу.

После примерно часа разговоров, в которых Каладин принимал участие лишь эпизодически, Моаш слегка подтолкнул его локтем в бок.

– Ты готов? – прошептал он.

– Готов? – нахмурился Каладин.

– Ага. Встреча состоится в задней комнате. Я видел, как они пришли недавно. Они будут ждать.

– Кто...

Каладин замолчал, поняв, что подразумевал Моаш. Каладин сказал, что встретится с друзьями Моаша, людьми, которые пытались убить короля. Он похолодел, воздух вдруг показался ледяным.

– Так вот почему ты хотел, чтобы я пошел сегодня?

– Ага, – ответил Моаш. – Я думал, ты сам все понял. Пора.

Каладин посмотрел в свою кружку с темно-желтой жидкостью. В конце концов он выпил залпом оставшийся эль и встал. Ему нужно узнать, кто те люди. Этого требовал его долг.

Моаш извинился за них, сказав, что заметил старого друга, которому хочет представить Каладина. Камень, выглядевший ни капельки не пьяным, засмеялся и махнул им рукой. Он пил... шестую кружку? Седьмую? Лоупен опьянел уже после третьей. Сигзил едва закончил свою вторую и, похоже, не был склонен продолжать.

«Вот вам и соревнование», – подумал Каладин, пропустив Моаша вперед.

Зал был по-прежнему заполнен, хотя и близко не так сильно, как раньше. В задней части таверны скрывался коридор с отдельными комнатами для трапезы, которыми пользовались богатые торговцы, не желающие сталкиваться с грубостью общего зала. Снаружи одной из них маячил смуглый мужчина. Возможно, в нем имелась толика азианской крови или он был просто очень загорелым алети. На его поясе висели очень длинные ножи, но когда Моаш толкнул дверь, он ничего не сказал.

– Каладин... – послышался голос Сил.

Где она? Исчезла, судя по всему, даже для его глаз. Разве она делала что-то подобное раньше?

– Будь осторожен.

Он вошел в комнату вместе с Моашем. Внутри трое мужчин и одна женщина распивали за столом вино. Еще один охранник с мечом на поясе стоял сзади, завернувшись в плащ и опустив голову, как если бы он едва обращал внимание на происходящее.

Двое из сидевших людей, в том числе женщина, были светлоглазыми. Каладину следовало ожидать чего-то подобного, учитывая тот факт, что в дело вовлечен Клинок Осколков, но они все равно привели его в замешательство.

Светлоглазый человек немедленно встал. Он, возможно, был немного старше Адолина, и у него оказались черные как смоль, тщательно уложенные волосы алетти. Мужчина носил открытый сюртук и дорогую на вид рубашку под ним, вышитую белыми лозами, ползущими между пуговицами и охватывающими воротник.

– Так вот каков знаменитый Каладин! – воскликнул он, шагнув вперед и протянув руку для рукопожатия. – Шторма, как приятно с тобой познакомиться. Поставить в неловкое положение Садеаса и одновременно спасти самого Терновника? Отличное представление, парень. Отличное представление.

– А вы кто? – спросил Каладин.

– Патриот, – ответил мужчина. – Зови меня Грейвс.

– И вы Носитель Осколков?

– Сразу к делу, не так ли? – произнес Грейвс, жестом указав Каладину на место за столом.

Моаш сразу же сел, кивнув другому человеку – тот оказался темноглазым, с короткими волосами и запавшими глазами.

«Наемник», – предположил Каладин, отметив тяжелую кожаную одежду и топор за стулом.

Грейвс продолжал указывать за стол, но Каладин медлил, рассматривая молодую женщину. Она чопорно сидела и потягивала вино из кубка, удерживая его обеими руками, одна из которых была спрятана в закрытом рукаве. Привлекательная, с поджатыми красными губами. Ее волосы удерживались несколькими металлическими украшениями.

– Я вас знаю, – сказал Каладин. – Вы одна из служащих Далинара.

Она посмотрела на него с осторожностью, хотя и пыталась выглядеть расслабленной.

– Данлан состоит в свите кронпринца, – пояснил Грейвс. – Пожалуйста, Каладин. Садись. Выпей немного вина.

Каладин сел, но выпить себе не налил.

– Вы пытаетесь убить короля.

– Какой прямолинейный, а? – обратился Грейвс к Моашу.

– А также результативный, – ответил Моаш. – Вот почему он нам нравится.

Грейвс повернулся к Каладину.

– Мы патриоты, как я уже сказал. Патриоты Алеткара. Того Алеткара, которым он может стать.

– Патриоты, которые хотят убить правителя королевства?

Грейвс наклонился вперед, облокотившись о стол. Последние искры юмора покинули его, что было неплохо. Слишком уж он усердствовал.

– Отлично, давай разберемся. Элокар – чрезвычайно плохой король. Не сомневаюсь, ты заметил.

– Не мое дело осуждать короля.

– Прошу тебя. Ты хочешь сказать, что не видишь, что он творит? Избалованный, раздражительный, параноидальный. Сеет раздор вместо того, чтобы объединять, капризничает, как ребенок, вместо того, чтобы править. Он развеивает королевство по ветру.

– Ты хоть представляешь, какую политику он вел, пока Далинар не взял его под контроль? – спросила Данлан. – Я провела последние три года в Холинаре, помогая местным служащим разбираться в беспорядке, в который он превратил королевские кодексы. Было время, когда он подписывал буквально все законы, если ему умело польстить.

– Он некомпетентен, – заговорил темноглазый наемник, чьего имени Каладин не знал. – Приносит смерть хорошим людям. Позволяет, чтобы этому ублюдку Садеаса сошла с рук государственная измена.

– Поэтому вы пытаетесь его убить? – требовательно спросил Каладин.
Грейвс встретился взглядом с Каладином.
– Да.
– Если король губит свою страну, – сказал наемник, – разве не право и даже долг народа его устранить?
– Что произойдет, если его устранят? – спросил Моаш. – Задай себе этот вопрос, Каладин.
– Скорее всего, Далинар получит трон, – ответил Каладин.
У Элокара остался в Холинаре сын, но ребенку всего несколько лет от роду. Даже если Далинар просто провозгласит себя регентом при законном наследнике, кронпринц будет править.
– Королевство только выиграет, если его возглавит Далинар, – сказал Грейвс.
– Он и так управляет практически всем, – проговорил Каладин.
– Нет, – возразила Данлан. – Далинар сдерживает себя. Он знает, что ему следует занять трон, но медлит из-за любви к мертвому брату. Остальные кронпринцы трактуют его поведение как слабость.
– Мы нуждаемся в Терновнике, – произнес Грейвс, ударив по столу. – Иначе королевство не устоит. Смерть Элокара подстегнет Далинара к действию. Мы получили бы того человека, каким он был двадцать лет назад, человека, изначально объединившего кронпринцев.
– Даже если этот человек возвратится не полностью, – добавил наемник, – уж точно не будет хуже, чем сейчас.
– Итак, да, – сказал Грейвс Каладину. – Мы убийцы. Преступники или готовые ими стать. Мы не желаем государственного переворота и не хотим убивать невинных охранников. Просто хотим устранить короля. Тихо. Желательно с помощью несчастного случая.
Данлан скорчила гримасу и глотнула вина.
– К сожалению, к настоящему моменту мы не слишком преуспели.
– И поэтому я захотел встретиться с тобой, – объяснил Грейвс.
– Вы ожидаете, что я помогу вам? – спросил Каладин.
Грейвс поднял руки.
– Подумай о том, что мы сказали. Это все, чего я прошу. Подумай о действиях короля, понаблюдай за ним. Спроси себя: «Сколько еще продержится королевство с таким человеком во главе?»
– Терновник должен занять трон, – тихо произнесла Данлан. – В конце концов это произойдет. Мы хотим ему немного помочь, для его же пользы. Избавить его от сложного решения.
– Я могу донести на вас, – сказал Каладин, встретившись взглядом с Грейвсом.
Мужчина в плаще, ранее стоявший сбоку, прислонившись к стене, и слушавший разговор, пошевелился и выпрямился.
– Было рискованно приглашать меня сюда.
– Моаш говорит, что ты учился на хирурга, – ответил Грейвс, казавшийся абсолютно спокойным.
– Да.
– И что ты сделаешь, если рука гноится, угрожая всему телу? Ты подождешь в надежде, что все наладится, или будешь действовать?
Каладин не ответил.
– Теперь ты руководишь королевской стражей, Каладин, – продолжил Грейвс. – Чтобы нанести удар, нам понадобится благоприятная возможность, время, когда ни один из охранников не пострадает. Мы не хотели лично обгадить руки кровью короля, пытались сделать так, чтобы все выглядело как несчастный

случай, но я понял, что это трусость. Я сам все сделаю. Все, что мне нужно, – благоприятная возможность, и страданиям Алеткара придет конец.

– Для короля так будет лучше, – проговорила Данлан. – На троне он умирает медленной смертью, как тонущий человек вдали от берега. Лучше покончить с ним быстро.

Каладин встал из-за стола. Нерешительно поднялся Моаш.

Грейвс смотрел на Каладина.

– Я подумаю, – сказал Каладин.

– Хорошо, – ответил Грейвс. – Ты можешь связаться с нами через Моаша. Будь тем хирургом, в котором нуждается королевство.

– Пошли, – сказал Каладин Моашу. – Остальные будут задаваться вопросом, куда мы пропали.

Он вышел из комнаты, и Моаш последовал за ним, быстро со всеми попрощавшись. Честно говоря, Каладин ожидал, что кто-то из них попытается его остановить. Разве они не беспокоились, что он их сдаст, как и угрожал?

Они позволили ему уйти. Вернуться в шумящий, наполненный разговорами общий зал.

«Шторма, – подумал он. – Хотел бы я, чтобы их доводы были не так убедительны».

– Откуда ты их знаешь? – спросил Каладин у Моаша, когда тот подбежал и присоединился к нему.

– Рилл, тот, что сидел за столом, был наемником в некоторых караванах, где я работал перед тем, как оказаться в бригаде мостовиков. Он пришел ко мне, когда мы освободились от рабства.

Моаш взял Каладина за руку, остановив его перед тем, как вернуться за стол.

– Они правы. Ты знаешь, что это так, Кэл. Я вижу это в тебе.

– Они предатели. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

– Ты сказал, что подумаешь!

– Я согласился подумать, – тихо произнес Каладин, – чтобы они позволили мне уйти. У нас есть долг, Моаш.

– Большой, чем долг перед самой страной?

– Тебя не волнует страна, – отрезал капитан мостовиков. – Ты просто хочешь потешить свою обиду.

– Ладно, хорошо. Но, Каладин, разве ты не заметил? Грейвс относится ко всем одинаково, независимо от цвета глаз. Ему все равно, что мы темноглазые. Он женат на темноглазой женщине.

– Правда?

Каладин слышал о богатых темноглазых, вступавших в брак с низкородными светлоглазыми, но никто из таких светлоглазых никогда не обладал положением Носителя Осколков.

– Ага, – ответил Моаш. – Один из его сыновей даже имеет глаза разного цвета. Грейвсу наплевать, что о нем подумают другие. Он делает то, что считает правильным. И в нашем случае... – Моаш огляделся. Теперь их окружали люди. – То, что он сказал. Кто-то должен это сделать.

– Не заговаривай больше со мной об этом, – сказал Каладин, выдернув руку и направившись обратно к столу. – И больше не встречайся с ними.

Он уселся за стол, раздраженный Моаш скользнул на свое место. Каладин попытался заставить себя возобновить разговор с Камнем и Лоупеном, но просто не смог.

Люди вокруг него смеялись или кричали.

«Будь тем хирургом, в котором нуждается королевство...»

Шторма, что за неразбериха.



*Но все же ордены не были сломлены таким серьезным поражением благодаря духовной поддержке, оказываемой Ткуццими Светом. Их чудесные творения даже вдохновили других на еще одну рискованную атаку.
«Слова сияния», глава 21, страница 10*

– В них нет никакого смысла, – сказала Шаллан. – Узор, эти карты только сбивают с толку.

Спрен парил поблизости в трехмерной форме, полной углов и извилистых линий. Изобразить Узора оказалось сложной задачей, потому что каждый раз, рассматривая его, Шаллан обнаруживала слишком много деталей, чтобы осмелиться передать их на бумаге.

– М-м-м? – вопросительно прогудел он своим жужжащим голосом.

Шаллан подняла с кровати книгу и бросила ее на письменной стол, выкрашенный белой краской. Встав на колени перед сундуком Джасны, она порылась в нем и вытащила карту Рошара. Карта была старинной и не очень точной: Алеткар изображен слишком большим, а мир в целом искажен, зато отмечены торговые пути. Карту явно составили до изобретения современных методов съемки и картографии. Тем не менее она была важной, потому что показывала, как предположительно выглядели Серебряные королевства во времена Сияющих рыцарей.

– Уритиру, – указала Шаллан на сияющий город, изображенный на карте как центр всего мира.

Он находился не в Алеткаре, или Алетеле, как его называли в те времена. Согласно карте он располагался среди гор, рядом с тем местом, где мог быть современный Джа Кевед. Однако в примечаниях Джасны говорилось, что другие карты того времени помещали его в других местах.

– Как они могли не знать, где находится столица, центр рыцарских орденов? Почему каждая карта расходится с остальными?

– М-м-м-м-м-м-м... – задумчиво прожужжал Узор. – Возможно, многие слышали о нем, но никогда там не были.

– Например, картографы? Или короли, которые поручали им выполнить карты? Уверена, некоторые из них все же побывали там. Так почему столь сложно отметить его на карте Рошара?

– Может быть, они хотели сохранить его местоположение в секрете?

Шаллан прилепила карту к стене с помощью воска долгоносиков из запасов Джасны и отступила назад, сложив руки. Она еще не облачилась в дневную одежду, и на ней был халат с открытыми руками.

– Если это так, то со своей работой они справились просто великолепно.

Девушка вытащила еще несколько карт того времени, изготовленных в других королевствах. На каждой, как отметила для себя Шаллан, исходная страна была представлена гораздо большей по размеру, чем должна быть. Она прикрепила к стене и эти карты.

– Каждый отмечает Уритиру в разных местах, – проговорила Шаллан. – Примечательно близко к своим землям, но не на их территории.

– На каждой из них – разные языки, – ответил Узор. – М-м-м... здесь есть закономерность.

Он начал пытаться выговорить письмена.

Шаллан улыбнулась. Джасна считала, что некоторые из них написаны на языке зари, мертвом языке. Ученые годами пытались...

– Король Бехардан... что-то непонятное... приказал, возможно... – произнес Узор. – Карту? Да, похоже, речь идет о карте. А следующее слово, наверное, рисовать... рисовать... кое-что, чего я не пойму...

– Ты читаешь ее?

– Здесь есть закономерность.

– Ты читаешь на языке зари?

– Не очень хорошо.

– Ты читаешь на языке зари! – воскликнула Шаллан.

Она подскочила к карте, рядом с которой парил Узор.

– Ты сказал, Бехардан? Может, Баджерден... Нохадон собственной персоной.

– Баджерден? Нохадон? У людей так много имен?

– Одно почетное, – объяснила Шаллан. – Его настоящее имя считается недостаточно симметричным. Ну, я полагаю, на самом деле оно вообще не симметричное, поэтому столетия назад арденты дали ему новое имя.

– Но... новое тоже не симметричное.

– Звук «х» может заменять любую букву, – проговорила Шаллан рассеянно. – Мы пишем его как симметричную букву, чтобы сделать слово равновесным, но добавляем специальный знак, чтобы указать, что оно звучит как «х», так слово легче произносить.

– Что... Но как вы можете притворяться, что слово симметричное, когда это не так!

Шаллан проигнорировала его шипение, уставившись на чужую письменность, которая предположительно была на языке зари.

«Если мы найдем город Джасны, – подумала Шаллан, – и если там действительно есть записи, они могут оказаться на этом языке».

– Нужно проверить, как много ты можешь перевести с языка зари.

– Я не читаю на нем, – ответил Узор раздраженно. – Лишь предположил смысл нескольких слов. Имя я могу перевести, потому что оно содержит те же звуки, что и города выше на карте.

– Но они написаны не на языке зари!

– Письменности происходят одна от другой. Очевидно.

– Настолько очевидно, что ни один человеческий ученый об этом не догадался.

– Ты недостаточно хорошо разбираешься в закономерностях, – сказал Узор самодовольно. – Ты абстрактная. Ты думаешь, используя ложь, и затем убеждаешь себя в ней. Это очаровательно, но не подходит для закономерностей.

«Ты абстрактная...»

Шаллан обогнула кровать и вытащила из стопки книгу, написанную ученой Али-дочерью-Хасвет из Шиновара. Шинских ученых было особенно интересно читать, потому что их взгляды на остальной Рошар отличались свободой и независимой точкой зрения.

Она нашла отрывок, который искала. Джасна подчеркнула его в своих заметках, поэтому Шаллан послала за полной книгой. Деньги Себариаала, которые он действительно платил, пришлось очень кстати. Ватах и Газ по ее просьбе провели последние несколько дней среди торговцев книгами, спрашивая «Слова сияния» – книгу, которую Джасна дала ей перед смертью. Поиски были неудачными, хотя один торговец утверждал, что может заказать ее из Холинара.

– Уритиру связывал все народы, – прочитала Шаллан в работе шинской писательницы. – И временами был нашим единственным путем во внешний мир с его нечестивыми камнями. – Она посмотрела на Узора. – Что это значит для тебя?

– Значит то, что сказано, – ответил тот, все еще вися перед картой. – Что Уритиру был хорошей связью. Возможно, дороги?

– Я всегда читала фразу в переносном смысле. Связанный целями, мышлением и учениями.

– А. Все ложь.

– Что, если это не метафора? Что, если ты прав?

Девушка поднялась, прошла через комнату к картам и прикоснулась пальцами к Уритиру в центре.

– Связанный... но не дорогами. На некоторых из этих карт вообще нет дорог, ведущих к Уритиру. Они все помещают его в горах или хотя бы среди холмов...

– М-м-м.

– Как добраться до города, если не по дороге? – спросила Шаллан. – Нохадон мог ходить туда, как он утверждал. Но другие не говорили о поездке в Уритиру верхом либо пешком. Правда, существовало несколько отчетов людей, посещавших город. Он был легендой. Большинство современных учений утверждают, что он миф.

Ей необходимо больше информации. Она бросилась к сундуку Джасны и вытащила одну из ее записных книжек.

– Она сказала, что Уритиру не находился на Разрушенных равнинах, – произнесла Шаллан, – но что, если путь к нему здесь? Не обычный путь, конечно. Уритиру был городом волноплетов. И древних чудес, вроде Клинков Осколков.

– М-м... – тихо прогудел Узор. – Клинки Осколков – не чудеса...

Шаллан нашла упоминание, которое искала. Это была не цитата, показавшаяся ей любопытной, а комментарии Джасны к ней:

«Еще одна сказка, записанная в опусе «Среди темноглазых» Калинама. Страница 102. В сказках множество упоминаний о мгновенных перемещениях и Клятвенных вратах».

Мгновенные перемещения. Клятвенные врата.

– Вот зачем она ехала сюда, – прошептала Шаллан. – Она думала, что сможет найти проход здесь, на равнинах. Но здесь безжизненные штормовые земли, на них только камни, крем и большепанцирники.

Она посмотрела на Узора.

– Нам действительно нужно попасть непосредственно на Разрушенные равнины.

Ее заявление сопровождал зловещий звон часов. Зловещим он был в том смысле, что час оказался гораздо более поздний, чем полагала Шаллан. Шторма! Встреча с Адолином назначена на полдень. Ей необходимо выйти через полчаса, если она не хочет опоздать.

Девушка вскрикнула и побежала в ванную. Она повернула кран, чтобы наполнить ванну. Несколько мгновений он выплевывал грязную воду с крэмом, но потом потекла чистая теплая вода, и Шаллан воткнула пробку. Подставив руку под струю, она в который раз восхитилась. Текущая теплая вода. Себарил сказал, что недавно приходили мастера, установившие фабриал, который поддерживает воду в цистерне наверху постоянно теплой, как принято в Харбранте.

– Я, – сказала она, сбрасывая халат, – собираюсь позволить себе очень-очень сильно к этому привыкнуть.

Шаллан забралась в ванну, в то время как Узор двигался по стене над ней. Она решила не стесняться его. Правда, у него был мужской голос, но он не являлся настоящим человеком. Кроме того, спрены находились повсюду. Возможно, один из них сидит в ванне, а другие – на стене. В глубине души Шаллан полагала, что у всего есть душа или спрен или что-то в этом роде. Заботило ли ее то, что за ней наблюдают стены? Нет. Так почему ее должен беспокоить Узор?

Ей приходилось повторять подобные рассуждения каждый раз, когда он видел ее раздетой. Они помогали бы, если бы он не был так сильно любопытен насчет всего на свете.

– Анатомические различия между полами такие незначительные, – сказал Узор. – И в то же время столь глубокие. И ты их усиливаешь. Длинные волосы. Румянец на щеках. Прошлой ночью я сходил посмотреть, как купается Себарил и...

– Только не говори, что ты действительно это сделал, – ответила Шаллан, покраснев.

Она взяла немного пастообразного мыла из банки рядом с железной ванной.

– Но... я ведь только что сказал именно это... В любом случае меня не видели. Если бы ты стала более уступчивой, такой необходимости не возникло бы.

– Я не собираюсь рисовать для тебя обнаженных людей.

Шаллан совершила ошибку, когда упомянула, что многие великие художники тренировались подобным способом. Дома после долгих просьб она уговорила нескольких служанок позировать для нее, пообещав уничтожить наброски. Что и сделала. Она никогда не рисовала мужчин с натуры. Шторма, это бы так смущало!

Шаллан не позволила себе задержаться в ванне. Спустя пятнадцать минут по часам она стояла одетая и расчесывала перед зеркалом мокрые волосы.

Как она сможет вернуться в Джа Кевед к мирной сельской жизни? Ответ прост. Вероятно, она никогда не вернется. Когда-то такая мысль могла бы ее испугать, теперь лишь взволновала. И она была полна решимости привезти братьев на Разрушенные равнины. Здесь они будут в большей безопасности, чем в поместье отца, и что они оставят позади? Едва ли вообще что-нибудь. Шаллан начинала думать, что такое решение лучше, чем любое другое, и позволит им избежать проблем с пропавшим преобразователем.

Она отправилась в один из информационных центров, связанных с Ташикком, – их было по одному в каждом лагере – и заплатила за письмо вместе с самопером, чтобы отправить сообщение братьям из Валата. К несчастью, доставка займет несколько недель. Если оно вообще дойдет. Торговец, с которым она говорила в информационном центре, предупредил ее, что продвижение по Джа Кеведу теперь очень затруднено из-за войны за трон. Из осторожности она

отправила второе письмо из Нортгрипа, который находился так далеко от полей сражения, как только возможно. Она надеялась, что по крайней мере одно из двух писем благополучно доберется до адресата.

Снова установив контакт, Шаллан написала братьям лишь об одном. Покинуть поместье Давар. Взять деньги, посланные Джасной, и бежать на Разрушенные равнины. На данный момент она сделала все, что могла.

Бросившись через комнату, девушка запрыгала на одной ноге, натягивая туфлю, и пронеслась мимо карт.

«Я разберусь с вами позже».

Пора очаровать жениха. Так или иначе. В романах, которые она читала, все казалось так просто. Похлопать ресницами, залиться румянцем в подходящий момент. Ну, в тот последний раз всего этого хватало. Разве что было не всегда уместно. Шаллан застегнула рукав на безопасной руке, задержавшись в дверях, оглянулась и увидела на столе папку с набросками и карандаш.

Она не хотела опять уходить без них, поэтому сложила все в сумку и выбежала наружу. На пути через беломраморный дом Шаллан миновала Палону и Себариала, которые устроились в комнате с огромными стеклянными окнами, располагавшимися с подветренной стороны и выходящими в сад. Палона лежала вниз лицом с обнаженной спиной, наслаждаясь массажем, а Себариал полусидя ел сладости. За трибуной в углу стояла молодая женщина и декламировала им стихи.

Шаллан было трудно судить этих двоих. Себариал. Умный гражданский стратег или праздный обжора? Или и тот, и другой? Палона определенно наслаждалась предметами роскоши, но не казалась ни капельки высокомерной. Последние три дня Шаллан провела, изучая бухгалтерские книги Себариала, и обнаружила, что они в абсолютном беспорядке. В некоторых областях он казался очень умным. Как же он так запустил бухгалтерию?

Шаллан не слишком хорошо ладил с цифрами, особенно по сравнению со своим искусством, но в некоторых случаях получала удовольствие от математики и решила заняться бухгалтерскими книгами Себариала.

Газ и Ватах ждали ее за дверью. Они последовали за ней к экипажу Себариала, который был предоставлен к услугам Шаллан с одним из ее рабов в качестве лакея. Эн сказал, что занимался подобной работой прежде, и улыбнулся ей, когда девушка поднялась на подножку. Отрадно видеть. Шаллан не могла припомнить, чтобы пятеро рабов улыбались во время их путешествия, даже когда она освободила их из клетки.

– К вам хорошо относятся, Эн? – спросила она, когда раб открыл перед ней дверцу экипажа.

– Да, хозяйка.

– Скажешь мне, если что-то изменится?

– Э-э, да, хозяйка.

– А ты, Ватах? – спросила она, поворачиваясь к бывшему дезертиру. – Как тебе ваши покой?

Он хмыкнул.

– Полагаю, это означает, что ты теперь спокоен?

Газ усмехнулся. Коротышка улавливал игру слов.

– Вы выполнили наше соглашение, – сказал Ватах. – Отдаю вам должное. Мои люди счастливы.

– А ты?

– Скучаю. Все, что мы делаем, – сидим целыми днями, получаем жалование, которое вы платите, и ходим по кабакам.

– Большинство мужчин посчитали бы такую работу идеальной.

Она улыбнулась Эну и поднялась в экипаж.

Ватах закрыл за ней дверь, потом заглянул в окно.

– Большинство мужчин – идиоты.
– Ерунда, – улынулась Шаллан. – Согласно законам статистики, идиоты только половина из них.

Ватах хмыкнул. Она научилась интерпретировать его хмыканье, составляющее сущность разговора дезертира. Оно примерно означало: «Я не собираюсь признавать, что это шутка, потому что может пострадать моя репутация законченного и полного тупицы».

– Полагаю, – сказал он, – мы поедem сверху.

– Спасибо за предложение, – отозвалась Шаллан и опустила шторку на окне.

Снаружи опять гоготнул Газ. Оба заняли места охранников сзади, в верхней части экипажа, а Эн присоединился к кучеру спереди. Это был самый настоящий экипаж, запряженный лошадьми и со всем, что полагается. Шаллан сначала почувствовала себя неудобно, попросив им воспользоваться, но Палона лишь рассмеялась.

– Бери все, что хочешь! У меня есть свой, а если экипажа Тури нет на месте, у него появится отличный предлог не поехать, когда кто-то попросит его о визите. Он любит такие вещи.

Когда кучер тронул лошадей, Шаллан опустила другую оконную шторку и достала папку с набросками. Узор ждал на первом листе чистой бумаги.

– Теперь выясним, – прошептала Шаллан, – на что мы способны.

– Захватывающе! – воскликнул Узор.

Она достала из мешочка сферы и вдохнула немного штормсвета. Затем выдохнула его перед собой, пытаясь придать ему форму, смешать его.

Ничего.

Далее Шаллан попыталась удержать перед мысленным взором конкретное изображение – саму себя, но с небольшим отличием: черные волосы вместо рыжих. Она выдохнула штормсвет, и теперь он за клубился вокруг нее и на мгновение завис. Но снова исчез.

– Глупость какая-то, – тихо произнесла Шаллан.

Штормсвет утекал сквозь ее губы. Она начала делать набросок себя с темными волосами.

– Какая разница, нарисую я образ сначала или нет? Карандаши даже не передают цвет.

– Это не должно иметь значения, – заметил Узор. – Но для тебя имеет. Я не знаю почему.

Шаллан закончила рисунок. Он был очень простым – не передавал черт ее лица, только волосы, все остальное оставалось нечетким. Тем не менее, когда в этот раз она использовала штормсвет, образ пристал, и ее волосы почернели.

Шаллан вздохнула, с ее губ потек штормсвет.

– Как мне заставить иллюзию развеяться?

– Прекрати ее подпитывать.

– Как?

– Откуда мне знать? – спросил Узор. – Ты у нас специалист по питанию.

Шаллан собрала все свои сферы – некоторые теперь потускнели – и выложила их на сиденье напротив, вне досягаемости. Они находились недостаточно далеко, потому что, как только заканчивался ее штормсвет, инстинкты, о существовании которых девушка не подозревала, заставляли ее вдохнуть снова. И свет устремлялся через весь экипаж в нее.

– У меня довольно неплохо получается, – кисло сказала Шаллан, – учитывая, что я начала заниматься совсем недавно.

– Недавно? – сказал Узор. – Но впервые мы...

Она перестала слушать, пока он не закончил.

– Мне действительно нужно найти еще одну копию «Слов сияния», – заметила Шаллан, начиная новый рисунок. – Может быть, там сказано о том, как рассеивать иллюзии.

Она продолжила работать над следующим рисунком, портретом Себариаала. Шаллан сохранила *воспоминание* с ним прошлым вечером, сразу после возвращения с очередной вылазки в лагерь Амарама, когда они ужинали. Ей хотелось нарисовать все детали, чтобы добавить набросок в свою коллекцию, поэтому работа над ним заняла некоторое время. К счастью, на дороге не встречалось больших кочек. Условия были не идеальными, но в последнее время оставалось все меньше и меньше времени с ее исследованием, работой на Себариаала, внедрением к Кровьпризракам и встречами с Адолином Холином. Шаллан располагала намного большим количеством времени, когда была моложе. И девушка не могла не думать, что большую его часть она потратила зря.

Она позволила работе поглотить себя. Знакомый звук карандаша, скрипящего по бумаге, сосредоточенность на созидании. Красота существовала повсюду. И создать произведение искусства означало не поймать ее, а стать ее частью.

Когда Шаллан закончила и выглянула в окно, оказалось, что они достигли Пика. Она подняла набросок, изучая его, затем кивнула себе. Удовлетворительно.

Она попыталась создать образ с помощью штормсвета, выдохнув большое его количество. Свет немедленно оформился, превратившись в Себариаала, сидящего напротив нее в экипаже. Кронпринц находился в той же позе, что и на ее наброске: вытянув руки, чтобы отрезать еды, не попавшей в образ.

Шаллан улыбнулась. Детализация превосходна. Складки на коже, отдельные волоски. Она их не вырисовывала – ни один набросок не смог бы охватить все волоски на голове, все поры на коже. В ее образе все эти подробности были, так что он не воссоздавал в точности то, что она нарисовала, – рисунок стал фокусом. Моделью, из которой оказался построен образ.

– М-м-м, – прогудел Узор удовлетворенно. – Эта ложь одна из твоих самых правдивых. Прекрасно.

– Он не шевелится, – ответила Шаллан. – Никто не примет его за что-то живое, его поза выглядит неестественной. Глаза безжизненные, грудь не поднимается и не опускается с дыханием. Мускулы не двигаются. Образ детальный, но выглядит как статуя, которая также может быть детальной, но, тем не менее, мертвой.

– Статуя из света.

– Я не говорю, что она не впечатляет. Но образы будет гораздо труднее использовать, если я не смогу вдохнуть в них жизнь.

Как странно, она чувствовала, что ее наброски были живыми, а это создание – гораздо более реалистичное – мертвым.

Шаллан потянулась, чтобы провести рукой сквозь Себариаала. Если она прикасалась к нему медленно, нарушения были небольшими. Более резкое движение рукой разрушало его как дым. Она заметила кое-что еще. Пока ее рука оставалась внутри образа...

Да. Шаллан вдохнула, и образ растворился в светящемся дыму, вытягивающемся в ее кожу. Она могла забрать штормсвет у иллюзии.

«На один вопрос ответ получен», – подумала девушка, садясь обратно и делая заметки об эксперименте на обороте записной книжки.

Шаллан начала складывать вещи в сумку, когда экипаж прибыл к Внешнему рынку, где ее поджидал Адолин. Она собиралась на прогулку, обещанную днем раньше, и чувствовала, что дела шли хорошо. Но Шаллан также знала, что ей нужно произвести на него впечатление. Попытки со светледи

Навани оказались не слишком плодотворными, а ей на самом деле необходим союз с домом Холин.

Это заставило Шаллан задуматься. Волосы высохли, и девушка оставила их, длинные и свободные, струиться по спине, закручиваясь естественными локонами. Женщинам алети нравилось заплетать сложные косы.

Кожа Шаллан была бледной и слегка усыпанной веснушками, а тело и близко не имело таких роскошных форм, чтобы внушать зависть. Она могла изменить все это с помощью иллюзии. Увеличить. Но поскольку Адолин уже видел ее как есть, она не могла измениться слишком заметно. Однако можно что-то улучшить. Будет похоже на нанесение косметики.

Шаллан медлила. Если Адолин согласится на брак, то сделает это из-за нее или из-за лжи?

«Глупая девчонка, – подумала она. – Ты пожелала изменить свою внешность, чтобы заставить Ватаха следовать за собой и чтобы получить место у Себариаала, а сейчас сомневаешься?»

Но если она захватит внимание Адолина с помощью иллюзии, ее ждет трудный путь. Ведь она не сможет носить иллюзию постоянно. В замужней жизни?

«Лучше посмотреть, что получится без нее», – подумала Шаллан, выходя из экипажа.

Взамен она должна положиться на женскую хитрость.

Хотелось бы только знать, есть ли она у нее.



Три года назад

– Твои рисунки действительно хороши, Шаллан, – сказал Балат, пролистывая страницы ее набросков.

Они находились в саду в компании Викима, который сидел на земле и бросал тряпичный мячик своей громгончей Сакисе, чтобы та ловила его.

– Я неправильно передаю анатомию, – ответила Шаллан, смутившись. – Не могу разобраться с пропорциями.

Ей требовались модели для позирования, чтобы она могла совершенствоваться.

– Ты рисуешь лучше, чем мать, – проговорил Балат, переворачивая страницу, и увидел набросок самого себя во время тренировки на площадке с наставником по искусству фехтования. Он показал его Викиму, который приподнял бровь.

На протяжении последних четырех месяцев ее средний брат выглядел все лучше и лучше. Менее тощий, более плотный. Он практически постоянно носил с собой математические задачки. Однажды на него выругался отец, заявив, что это женское и неподобающее занятие, но – в редком случае несогласия – арденты отца подошли и уговорили его успокоиться, объяснив, что сам Всемогущий одобряет интересы Викима. Они надеялись, что этот путь, возможно, приведет Викима в их ряды.

– Я слышала, что ты получил очередное письмо от Эйлиты, – сказала Шаллан, пытаясь отвлечь Балата от альбома с набросками.

Она не могла перестать краснеть, когда он переворачивал страницу за страницей. Рисунки не предназначались для глаз других людей. Они ничего из себя не представляли.

– Ага, – ухмыльнулся он.

– Ты отдашь его Шаллан, чтобы она прочитала письмо для тебя? – спросил Виким, бросив мячик.

Балат откашлялся.

– Мне прочитала его Мализа. Шаллан была занята.

– Ты смутился! – проговорил Виким, указывая пальцем. – Что там, в тех письмах?

– Вещи, о которых моей четырнадцатилетней сестре знать совсем не нужно! – воскликнул Балат.

– Настолько пикантно, а? – спросил Виким. – Я бы никогда не подумал такого о дочке Тавинара. Она кажется слишком правильной.

– Нет! – покраснел Балат. – В них нет никаких пикантностей, просто они личные.

– Личные, как твой...

– Виким, – оборвала его Шаллан.

Он поднял голову и заметил, что у ног Балата запузырились спрены гнева.

– Шторма, Балат. Ты становишься таким чувствительным, когда речь заходит об этой девчонке.

– Любовь превращает нас всех в идиотов, – проговорила Шаллан, отвлекая братьев друг от друга.

– Любовь? – переспросил Балат, посмотрев на нее. – Шаллан, ты едва dorosла до того, чтобы закрывать свою безопасную руку. Что ты можешь знать о любви?

Она покраснела.

– Я... неважно.

– О, посмотрите-ка, – оживился Виким. – Она придумала какую-то остроту. Теперь тебе придется сказать ее вслух, Шаллан.

– Не нужно хранить такие вещи в себе, – согласился Балат.

– Министара говорит, что я слишком много болтаю не подумав. Не лучшее женское качество.

Виким рассмеялся.

– Такие вещи никогда не останавливали ни одну из знакомых мне женщин.

– Да, Шаллан, – согласился Балат. – Если ты не можешь рассказать нам, о чем думаешь, тогда кому можешь?

– Деревьям, камням, кустам. В целом, чему угодно, что не доставит мне проблем с учителями.

– Тогда тебе не стоит волноваться насчет Балата, – заметил Виким. – Он не может сказать ничего умного, даже если заранее подготовится.

– Эй! – проворчал Балат. Но, честно говоря, брат оказался недалек от правды.

– Любовь, – заговорила Шаллан, хотя частично только чтобы отвлечь их, – похожа на кучу навоза чуллы.

– Вонючая? – спросил Балат.

– Нет, – ответила Шаллан. – Мы стараемся избегать и того, и другого, но неизменно вляпываемся в обе эти вещи.

– Какие мудрые слова для девчонки, которой исполнилось четырнадцать всего лишь три месяца назад, – произнес Виким с усмешкой.

– Любовь, как солнце, – вздохнул Балат.

– Слепляет? – спросила Шаллан. – Белое, теплое, мощное, но также способное обжечь?

– Неплохо, – сказал Балат, кивнув.

– Любовь – как хердазианский хирург, – сказал Виким, глядя на нее.

– И как это? – спросила Шаллан.

– Вот ты и скажи, – ответил Виким. – Посмотрим, на что ты способна.

– М-м... Оба заставляют почувствовать себя неудобно? – предположила Шаллан. – Нет. О! Единственная причина желать любую из этих вещей, – сильный удар по голове!

– Ха! Любовь – как испорченная пища.

– Необходима для жизни, с одной стороны, но также, несомненно, вызывает тошноту.

– Отцовский храп.

Шаллан содрогнулась.

– Нужно пережить, чтобы понять, насколько это может беспокоить.

Виким усмехнулся. Шторма, было так приятно видеть его улыбку.

– Ну-ка, хватит, вы двое, – вмешался Балат. – Такие разговоры неумажительны. Любовь... любовь – как классическая мелодия.

Шаллан ухмыльнулась.

– Если закончить выступление слишком быстро, зрители будут разочарованы?

– Шаллан! – воскликнул Балат.

Однако Виким покатился по земле. Через мгновение Балат покачал головой и разразился согласным смехом. Шаллан же покраснела.

«Я действительно только что произнесла это вслух?»

Последняя шутка была по-настоящему остроумной, гораздо лучше, чем другие. Она была еще и неприличной.

Шаллан почувствовала волнение от вины. Балат выглядел смущенным и тоже покраснел от двойного смысла, привлекая спренов стыда. Неуступчивый Балат. Он так хотел вести их за собой. Насколько она знала, он перестал убивать кремлингов ради забавы. Влюбившись, он изменился, стал сильнее.

Шум колес, катящихся по камню, возвестил о прибытии повозки. Не было слышно стука копыт – отец владел лошадьми, но мало кто в округе мог себе позволить то же самое. Остальные повозки тянули чуллы или паршмены.

Балат поднялся, чтобы посмотреть, кто приехал, и Сакиса побежала за ним, издавая трубные возбужденные возгласы. Шаллан подобрала альбом с набросками. Недавно отец запретил ей рисовать домашних паршменов и темноглазых – он решил, что такое занятие непристойно. Теперь ей было трудно найти кого-то, на ком можно тренироваться.

– Шаллан?

Она вздрогнула, осознав, что Виким не последовал за Балатом.

– Да.

– Я был неправ, – сказал Виким, протянув ей какой-то предмет. Маленький мешочек. – Насчет того, что ты делаешь. Теперь я вижу. И... у тебя получается. Бездна, но у тебя получается. Спасибо.

Она потянулась, чтобы открыть мешочек.

– Не заглядывай в него.

– Что в нем?

– Чернойд, – пояснил Виким. – Растение, листья, по крайней мере. Если их съесть, тебя парализует. В том числе и дыхание.

Обеспокоившись, Шаллан потуже затянула завязки. Она даже не желала знать, каким образом Виким смог определить, что это за смертельное растение.

– Я носил его большую часть года, – тихо произнес брат. – Чем дольше оно у тебя, тем более ядовитыми становятся листья. Я чувствую, что больше они мне не нужны. Можешь сжечь их или поступить так, как тебе вздумается. Просто решил, что должен отдать их тебе.

Она улыбнулась, хотя и почувствовала тревогу. Виким носил с собой яд? Подумал, что должен отдать его ей?

Он убежал за Балатом, а Шаллан засунула мешочек в свою сумку. Позже она решит, как уничтожить его. Подобрав карандаши, девушка вернулась к рисованию.

Через некоторое время ее внимание привлекли крики, доносящиеся из особняка. Она оторвала взгляд от наброска, неуверенная даже, сколько прошло времени. Поднявшись на ноги и прижав сумку к груди, Шаллан пересекла двор. Лозы перед ней начинали дрожать и отползать подальше, но чем больше она ускоряла шаг, тем сильнее наступала на них, чувствуя, как они скручиваются под ее ногами и пытаются убраться в сторону. У культивированных лоз были слабые инстинкты.

Она добралась до дома, откуда снова раздались крики.

– Отец! – Это был голос аша-Джушу. – Отец, пожалуйста!

Шаллан распахнула деревянные двери из тонких досок и, шурша шелковым платьем по полу, вошла внутрь. Перед ее отцом замерли трое мужчин в старомодной одежде: похожих на юбки улату до колен, ярких свободных рубашках и тонких плащах, спускавшихся до пола.

Джушу стоял на коленях на полу со связанными за спиной руками. С возрастом брат располнел от постоянного переедания.

– Вот еще, – проговорил отец. – Я не собираюсь терпеть подобное вымогательство.

– Его репутация – ваша репутация, светлорд, – произнес один из мужчин холодным ровным тоном. Темноглазый, чего нельзя было сказать по его речи. – Он пообещал нам, что вы оплатите его долги.

– Он солгал, – ответил отец.

Сбоку от него, опустив руки на оружие, стояли Экел и Джикс, домашние охранники.

– Отец, – прошептал Джушу сквозь слезы. – Они заберут меня...

– Ты должен был заниматься нашими отдаленными земельными участками! – взревел отец. – Ты должен был осматривать наши угодья, а не трапезничать с ворами, спускать семейное состояние и порочить наше доброе имя!

Джушу повесил голову, обмякнув в своих путах.

– Он ваш, – сказал отец, отвернувшись, и быстрым шагом вышел из комнаты.

Шаллан ахнула, когда один из мужчин вздохнул и указал в сторону Джушу. Двое других схватили его. Похоже, они были не рады уходить без оплаты. Джушу

дрожал, пока они тащили его мимо Балата и Викима, которые наблюдали за происходящим, стоя поблизости. Снаружи Джушу запросил пощады и взмолился, чтобы ему позволили поговорить с отцом еще раз.

– Балат, – сказала Шаллан, подходя к брату и беря его за руку. – Сделай что-нибудь!

– Мы все знали, куда его заведут азартные игры, – ответил Балат. – Мы говорили ему, Шаллан. Он не стал слушать.

– Он все еще наш брат!

– Чего ты от меня ждешь? Откуда мне взять столько сфер, чтобы оплатить его долг?

Вопли Джушу затихали по мере того, как мужчины удалялись от особняка.

Шаллан развернулась и устремилась за отцом, пробежав мимо Джикса, чесавшего голову. Отец ушел в свой кабинет за две комнаты от этой. Она помедлила в дверях, увидев, как отец сгорбился в кресле у очага. Шаллан вошла внутрь, миновав стол, за которым его арденты, а иногда и жена, вели расчеты в бухгалтерских книгах и зачитывали сообщения.

Теперь за столом никого не было, но бухгалтерские книги лежали раскрытыми, демонстрируя суровую правду. Она поднесла руку ко рту, заметив несколько долговых писем. Шаллан помогала с мелкими расчетами, но никогда не видела картину в целом и поразились тому, что предстало перед глазами. Как ее семья умудрилась задолжать столько денег?

– Я не изменю своего решения, Шаллан, – сказал отец. – Уходи. Джушу сам сложил себе погребальный костер.

– Но...

– Оставь меня! – закричал отец, вставая.

Шаллан отпрянула, широко раскрыв глаза, ее сердце чуть не остановилось. Вокруг начали извиваться спрены страха. Он никогда не кричал на нее. Никогда.

Отец глубоко вздохнул и отвернулся к окну. Стоя спиной к ней, он продолжил:

– Я не могу позволить себе потратить эти сферы.

– Почему? – спросила Шаллан. – Отец, дело в сделке со светлордом Ревиларом? – Она посмотрела на бухгалтерские книги. – Нет, все гораздо серьезнее.

– Наконец-то я и наш дом будут что-то значить, – сказал отец. – О нас перестанут шептаться, я покончу со слухами. Дом Давар станет реальной силой в княжестве.

– С помощью подкупа предполагаемых союзников? – спросила Шаллан. – Используя деньги, которых у нас нет?

Он посмотрел на нее. Лицо оставалось в тени, но глаза отражали свет как два уголька, тлеющих в черепе. В тот момент Шаллан почувствовала, какую ужасающую ненависть испытывает ее отец. Он подошел и схватил ее. Сумка упала на пол.

– Я сделал это ради тебя, – прорычал он, сильно и болезненно сжав ее руки. – И ты подчинишься. Где-то я повел себя неправильно, позволив тебе задавать мне вопросы.

Шаллан заскулила от боли.

– В нашем доме все изменится, – продолжил отец. – Со слабостью покончено. Я нашел способ...

– Пожалуйста, остановись.

Он опустил на нее взгляд и, казалось, впервые заметил, что дочь плачет.

– Отец... – прошептала она.

Светлорд Давар посмотрел поверх ее головы. В сторону своих покоев. Шаллан знала, что он устремил взгляд туда, где находилась душа ее матери. Он выпустил ее так, что она упала на пол, рыжие локоны разметались по лицу.

– Ты будешь сидеть в своих комнатах, – проговорил отец отрывисто. – Иди и не выходи без моего разрешения.

Шаллан поднялась на ноги, схватила сумку и покинула комнату. В коридоре она прижалась спиной к стене, неровно и тяжело дыша, с подбородка закапали слезы. Все налаживалось... Ее отец становился лучше...

Она зажмурилась глазами. Внутри бушевали и вспыхивали эмоции. Шаллан не могла сдерживаться.

Джушу.

«Похоже, отец действительно хотел причинить мне боль», – подумала она, дрожа.

Он изменился слишком сильно. Девушка начала сползать на пол, обхватив себя руками.

Джушу.

«Продолжай колоться о шипы, ты сильная... Прокладывай дорогу к свету...»

Шаллан заставила себя подняться на ноги. Она побежала, все еще в слезах, обратно в пиршественный зал. Балат и Виким сидели за столом, Минара тихо подавала им напитки. Охранники ушли, возможно, на свой пост во дворе особняка.

Увидев Шаллан, Балат поднялся из-за стола, выпучив глаза. Он бросился к ней, опрокинув в спешке свою чашу и пролив вино на пол.

– Он сделал тебе больно? Бездна! Я убью его! Я пойду к кронпринцу и...

– Он ничего мне не сделал, – ответила Шаллан. – Пожалуйста, Балат, дай твой нож. Тот, что подарил отец.

Балат взглянул на свой пояс.

– Зачем он тебе?

– Он стоит хороших денег. Я собираюсь обменять его на Джушу.

Брат опустил руку на нож в защитном жесте.

– Джушу сам сложил себе погребальный костер, Шаллан.

– Именно это сказал отец, – ответила девушка, вытерев слезы, и встретилась взглядом с братом.

– Я... – Балат оглянулся через плечо в том направлении, куда увели Джушу. Он вздохнул, отстегнул ножны от пояса и протянул ей. – Этого не хватит. Они сказали, что он должен почти сотню изумрудных брумов.

– У меня еще есть ожерелье.

Виким, потихоньку пьющий вино, потянулся к поясу и снял свой нож. Он положил его на край стола. Шаллан подхватила кинжал, пробежав мимо, и поспешила наружу. Успеет ли она догнать тех людей?

На улице она заметила, что повозка не успела отъехать далеко. Девушка поспешила следом так быстро, как могла, поскользываясь на выложенной булыжником подъездной дорожке, и дальше, мимо ворот, по дороге. Шаллан не могла похвастаться скоростью, но то же самое можно было сказать и о чуллах. Немного приблизившись, она разглядела, что Джушу привязали за повозкой, и он шел пешком. Он не поднял взгляда, когда Шаллан пробежала мимо.

Повозка остановилась, и Джушу упал на землю, свернувшись калачиком. Высокомерный темноглазый мужчина распахнул дверцу, чтобы взглянуть на Шаллан.

– Он послал ребенка?

– Я пришла сама, – ответила она, вытаскивая кинжалы. – Пожалуйста, взгляните какая отличная работа.

Мужчина выгнул бровь и жестом приказал одному из своих спутников спуститься и принести кинжалы. Шаллан расстегнула ожерелье и опустила его в руки мужчины вместе с двумя ножами. Мужчина вытащил один из ножен и стал рассматривать, пока Шаллан, полная тревоги, ждала, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты плакала, – произнес мужчина, сидящий в повозке. – Так дорожишь им?

– Он мой брат.

– И? Я убил своего брата, когда он пытался меня надуть. Не стоит позволять родственным отношениям туманить разум.

– Я люблю его, – прошептала Шаллан.

Мужчина, разглядывающий кинжалы, вложил их обратно в ножны.

– Это шедевры, – признал он. – Я оценю их в двадцать изумрудных брумов.

– А ожерелье? – спросила Шаллан.

– Простое, но алюминиевое, а следовательно, изготовленное с помощью преобразования, – сказал мужчина боссу. – Десять изумрудов.

– Все вместе – половина того, что должен твой брат, – проговорил мужчина в повозке.

Сердце Шаллан ушло в пятки.

– Но... что вы с ним сделаете? Если продать его как раба, вы не окупите такой большой долг.

– Я частенько бываю в настроении, когда мне хочется напомнить себе, что кровь светлоглазых такая же, как у темноглазых, – ответил мужчина. – Иногда полезно припугнуть остальных, напомнить им, что не стоит брать в долг, если не можешь его вернуть. Он поможет мне сохранить больше денег, чем стоит сам, если я буду разумно выставлять его напоказ.

Шаллан почувствовала полную беспомощность. Она сжала руки, одну закрытую, другую – нет. Значит, она проиграла? Женщинам из книг отца, женщинам, которыми она восхищалась, не пришлось бы умолять, чтобы завоевать сердце такого человека. Они бы действовали с помощью логики.

Ей же не слишком хорошо это удавалось. Она никогда не обучалась ничему подобному и уж точно не обладала нужным характером. Но как только снова подступили слезы, девушка выдала первое, что пришло в голову.

– Таким способом он может помочь сохранить вам деньги, но, возможно, и нет. Это риск, а вы не кажетесь мне человеком, склонным рисковать.

Мужчина рассмеялся.

– Откуда тебе знать? Именно риск привел меня сюда!

– Нет, – ответила Шаллан, смутившись из-за слез. – Вы из тех людей, что получают выгоду, когда рискуют другие. Вы знаете, что обычно риск ведет к потерям. Я предлагаю вам предметы, обладающие настоящей ценностью. Возьмите их, пожалуйста.

Мужчина задумался. Он протянул руку за кинжалами, и его спутник передал их ему. Вытащив один кинжал из ножен, он начал внимательно его изучать.

– Назови мне хотя бы одну причину, почему я должен проявить жалость к парню. В моем заведении он вел себя как заносчивый обжора, не думающий о тех трудностях, в которых можете оказаться вы, его семья.

– Нашу мать убили, – ответила Шаллан. – В ту ночь, когда я плакала, Джушу сидел со мной.

Больше ей сказать было нечего.

Мужчина задумался снова. Шаллан чувствовала, как колотится сердце. Наконец он кинул ей ожерелье.

– Оставь себе. – Он кивнул спутнику. – Освободи маленького крэмлинга. Дитя, если ты мудра, то научишь брата вести себя... скромнее.

Он закрыл дверцу повозки.

Шаллан отошла назад, пока слуга освобождал Джушу. Затем мужчина вскарабкался на заднюю часть повозки и постучал. Экипаж двинулся дальше.

Шаллан опустилась на колени перед братом. Пока она развязывала его окровавленные запястья, он моргал одним глазом – другой заплыл синяком и уже начал опухать. Не прошло и четверти часа с тех пор, как отец объявил мужчинам, что его можно забирать, но они явно использовали это время, чтобы показать Джушу, что думали о тех, кто не платит по счетам.

– Шаллан? – произнес он окровавленными губами. – Что произошло?

– Ты не слушал?

– У меня гудит в ушах. Перед глазами все плывет. Я... свободен?

– Балат и Виким отдали за тебя свои кинжалы.

– Милл удовлетворился столь малым?

– Очевидно, он не представляет твоей истинной ценности.

Джушу обнажил зубы в улыбке.

– Всегда остра на язык, да?

С помощью Шаллан он с трудом поднялся на ноги и захромал обратно к дому.

На полпути к ним присоединился Балат, подхвативший Джушу под руку.

– Спасибо, – прошептал Джушу. – Она говорит, что ты меня спас. Спасибо, брат.

Он начал всхлипывать.

– Я... – Балат взглянул на Шаллан, а затем снова на Джушу. – Ты ведь мой брат. Давай вернемся и приведем тебя в порядок.

Довольная тем, что о Джушу позаботятся, Шаллан оставила их и вошла в дом. Она поднялась по лестнице, миновала светящуюся комнату отца, зашла в свои покои и уселась на кровать.

Здесь она приготовилась к свержению шторму.

Снизу послышались крики. Шаллан крепко зажмурила глаза.

В конце концов дверь в ее комнату распахнулась.

Она открыла глаза. На пороге стоял отец. За ним она различила скорчившуюся на полу коридора фигуру. Минара, служанка. Ее тело лежало в неестественной позе, одна рука выгнулась под странным углом. Девушка шевелилась, скулила и размазывала кровь по стенам, пытаясь уползти прочь.

Отец вошел в комнату Шаллан и захлопнул за собой дверь.

– Ты знаешь, что я никогда не трону тебя, Шаллан, – тихо проговорил он.

Она кивнула, из глаз потекли слезы.

– Я нашел способ держать себя в руках, – продолжил отец. – Мне нужно всего лишь выпускать гнев наружу. Я не могу винить себя за этот гнев. Он возникает, когда другие люди мне не подчиняются.

Ее возражения, что он не сказал идти в комнату немедленно, а только приказал не покидать ее после того, как она окажется внутри, умерли на губах. Глупая отговорка. Они оба знали, что она ослушалась намеренно.

– Я бы не хотел наказывать всех вокруг из-за тебя, Шаллан.

Неужели это бесчувственное чудовище действительно ее отец?

– Время пришло, – кивнул он. – Больше никакого потворства капризам. Если нам суждено стать важными персонами Джа Кеведа, никто не должен видеть наши слабости. Ты понимаешь?

Она кивнула, не в силах прекратить плакать.

– Хорошо, – проговорил отец, опустив ладонь на ее голову, и провел пальцами по волосам. – Спасибо.

Он ушел, захлопнув за собой дверь.

Фолио: фасоны одежды государственных служащих в Азире





Не случайно среди Ткущих Светом было много тех, кто занимался искусством: писатели, актеры, музыканты, художники, скульпторы. Учитывая характер ордена, можно сказать, что истории об их странных и разнообразных мнемонических способностях преувеличены.

«Слова сияния», глава 21, страница 10

Ее экипаж остался в конюшне на Внешнем рынке, и Шаллан привели к винтовой лестнице, построенной внутри каменного холма. Поднявшись по ней, она нерешительно шагнула на террасу, вырезанную в склоне. Светлоглазые в модной одежде сидели за многочисленными металлическими столами и беседовали, потягивая вино.

Здесь они находились достаточно высоко, чтобы обозревать сверху все военные лагеря. Терраса выходила на восток, в сторону Источника. Такое неестественное расположение заставило Шаллан почувствовать себя уязвимой. Она привыкла, что балконы, сады и террасы размещались на стороне, противоположной штормам. Конечно, маловероятно, что кто-то останется здесь, когда ожидается свэрхшторм, но все же ей было не по себе.

Мастер-слуга в черно-белом костюме подошел к Шаллан и поклонился, назвав ее «ваша светлость Давар», хотя она не представилась. Ей придется привыкнуть к этому; в Алеткаре Шаллан была новичком и очень узнаваемым новичком. Она отпустила охранников и позволила слуге провести себя между столов к большому залу, вырезанному глубже в скале с правой стороны. Помещение обладало настоящими крышей и стенами, так что его можно было полностью закрыть. Еще одна группа охранников ожидала здесь приказов своих хозяев.

Шаллан привлекала внимание других посетителей. Что ж, хорошо. Она пришла сюда, чтобы перевернуть их мир. Чем больше людей говорит о ней, тем больше у нее шансов, когда придет время, убедить их прислушаться к ее словам относительно паршменов. Они были повсюду в лагере, даже здесь, в роскошном винном доме. Она заметила троих в углу, переносящих бутылки вина с настенных полок в ящики. Они двигались в медленном, но неизменном темпе.

Еще несколько шагов, и девушка оказалась у мраморной балюстрады, прямо на краю террасы. Здесь у Адолина был заказан отдельный столик с открытым обзором на восток. На небольшом отдалении у стены стояли двое охранников из дома Холин – очевидно, Адолин был слишком значительной фигурой, чтобы его охранникам приходилось ожидать снаружи вместе с остальными.

Сам принц просматривал фолио такого большого формата, что его нельзя было принять за женскую книгу. Шаллан видела несколько фолио, содержащих карты сражений, и другие, с образцами Доспехов или рисунками архитектурных сооружений. Ее позабавило, когда она мельком взглянула на глифы с женскими пометками внизу для пояснений. Модные фасоны из Лиафора и Азира.

Адолин выглядел таким же красивым, как и раньше. Возможно, даже больше, потому что сейчас был явно более расслаблен. Шаллан не позволит затуманить себе разум. На этой встрече у нее есть цель – союз с домом Холин, с помощью которого можно позаботиться о братьях и получить средства для разоблачения Несущих Пустоту и обнаружения Уритиру.

Она не могла позволить себе такой отговорки, как слабость. Требовалось контролировать ситуацию, но нельзя действовать как подхалим и не...

Адолин увидел ее и закрыл фолио. Он встал, ухмыляясь.

...О шторма! Эта улыбка.

– Ваша светлость Шаллан, – сказал он, протянув ей руку. – Вы хорошо устроились в лагере Себариаала?

– Да, – улыбнулась она в ответ. Ей захотелось протянуть руку и запустить пальцы в его копну непослушных волос.

«У наших детей могут получиться очень странные волосы, – подумала она. – Его золотые с черным локоны алетти, мои рыжие и...»

Она на самом деле думает об их детях? Уже? Глупая девчонка.

– Да, – повторила Шаллан, пытаясь немного собраться. – Он был довольно добр ко мне.

– Возможно, это потому, что вы родственники, – сказал Адолин, придвигая ей кресло, чтобы она села.

Принц сделал это сам, вместо того чтобы предоставить помочь ей слуге. Она не ожидала ничего подобного от такого знатного человека.

– Себариаал делает что-то, только если чувствует, что вынужден.

– Я думаю, он может вас удивить, – произнесла Шаллан.

– О, у него уже получилось в нескольких случаях.

– В самом деле? Когда?

– Ну, – сказал Адолин, усаживаясь, – однажды он произвел очень, гм, громкий и неуместный звук на совете с королем...

Адолин улыбнулся, пожав плечами, как будто смутился, но не покраснел, как это вышло бы у Шаллан в похожей ситуации.

– Считается?

– Не уверена. При том, что я знаю о дяде Себариаале, сомневаюсь, что такие вещи в его исполнении особенно удивительны. Скорее, они ожидаемы.

Адолин рассмеялся, откинув голову назад.

– Да, я полагаю, вы правы.

Он казался таким уверенным в себе. Не самодовольным, каким был ее отец. Шаллан пришло в голову, что на самом деле причиной характера ее отца являлась не уверенность в себе, а наоборот.

Адолин казался совершенно непринужденным и с людьми своего положения, и со всеми окружающими. Сделав жест мастер-слуге принести ему винную карту, он улыбнулся женщине, хотя она была темноглазой. Улыбки оказалось достаточно для того, чтобы даже мастер-слуга зарделась от смущения.

И Шаллан должна заставить такого человека ухаживать за ней? Шторма! Она чувствовала себя гораздо увереннее, когда пыталась обмануть главаря Кровьпризраков.

«Действуй изящно, – сказала себе Шаллан. – Адолин вращается среди элиты и имел отношения с самыми утонченными леди мира. От тебя он ожидает того же».

– Итак, – произнес принц, перелистывая винную карту, написанную глифами, – предполагается, что мы поженимся.

– Я бы смягчила формулировку, светлорд, – сказала Шаллан, тщательно подбирая слова. – Не предполагается, что мы поженимся. Ваша кузина Джасна просто хотела, чтобы мы обдумали союз, и, похоже, ваша тетя была согласна.

– Всемогущий, спаси мужчину, когда его родственницы тайно сговариваются о его будущем, – ответил Адолин со вздохом. – Конечно, когда Джасна в свои не юные годы обходится без супруга, это нормально, а если я не обзаведусь невестой к моим двадцати трем, то стану представлять какую-то угрозу. Очень женская точка зрения, вы так не думаете?

– Ну, она хотела и меня выдать замуж, – проговорила Шаллан. – Так что я не стала бы упрекать ее. Просто... такова джасновская точка зрения? – Она сделала паузу. – Джаснианская? Нет, Бездна. Должно быть что-то вроде «антиджаснианская», но все равно не отражает смысл в полной мере, верно?

– Вы меня спрашиваете? – задал вопрос Адолин, переворачивая меню так, чтобы она могла его видеть. – Что мне заказать, как думаете?

– Шторма! – выдохнула она. – Столько разных сортов вин?

– Ага, – ответил Адолин и заговорщически наклонился к ней. – Честно говоря, я не уделяю всему этому достаточно внимания. Ренарин знает разницу между ними – он прожужжит вам все уши, если только ему позволить. Как по мне, я заказываю что-нибудь, что звучит внушительно, но на самом деле выбираю по цвету.

Он скорчил гримасу.

– Формально мы на войне. В любом случае я не могу выбрать что-то слишком крепкое. Глупо, потому что сегодня не будет забегов на плато.

– Вы уверены? Я думала, что забеги – дело случая.

– Ага, но сейчас черед не моего лагеря. Так или иначе, паршенди почти никогда не подходят слишком близко перед сверхштурмом.

Он откинулся назад и еще несколько мгновений изучал меню, прежде чем указать на одно из вин и подмигнуть прислуживающей женщине.

Шаллан похолодела.

– Подождите. Сверхштурм?

– Ага, – подтвердил Адолин, сверяясь с часами в углу. Себариал упомянул, что сверхштурма становились все более частыми. – Теперь может начаться в любое время. Вы не знали?

Шаллан пролепетала что-то, глядя на восток, на покрытый разломами ландшафт.

«Веди себя достойно! – подумала она. – Утонченно!»

Инстинктивно ей хотелось забраться в какую-нибудь дыру и затаиться. Неожиданно девушка почувствовала, что давление начинает падать, как будто даже воздух пытался убежать. Неужели начинается? Нет, должно быть, ей показалось. Но она все равно прищурилась.

– Я не смотрела прогноз штормов, который есть у Себариала, – выдавила из себя Шаллан. Честно говоря, зная его, можно было с уверенностью утверждать, что прогноз устарел. – Я оказалась занята.

– Ха, – усмехнулся Адолин. – А я-то думал, почему вы не спрашиваете об этом месте. Решил, что вы уже слышали о нем.

Это место. Открытый балкон, выходящий на восток. Светлоглазые, пьющие вино, теперь казались ей ожидающими чего-то, а в воздухе чувствовалась нервозность. Шаллан начала понимать, для чего нужна вторая комната, большая, с охранниками и крепкими дверьми.

– Мы здесь, чтобы наблюдать за штормом? – прошептала Шаллан.

– Новомодное увлечение, – объяснил Адолин. – По-видимому, предполагается, что мы будем сидеть здесь, пока шторм почти не накроет нас, а потом побежим в другой зал, чтобы спрятаться. Я уже несколько недель хотел прийти сюда, но только теперь удалось убедить моих телохранителей, что я здесь в безопасности.

Последние слова он произнес с некоторой горечью.

– Если хотите, мы можем пойти в укрытие прямо сейчас.

– Нет, – сказала Шаллан, с трудом отрывая пальцы от края стола. – Я в порядке.

– Вы выглядите бледной.

– Это мой обычный цвет кожи.

– Потому что вы веденка?

– Потому что в последнее время я постоянно на грани паники. О, это наше вино?

«Не теряй самообладания», – снова напомнила себе Шаллан.

Она подчеркнуто не смотрела на восток.

Мастер-слуга принесла им два бокала великолепного синего вина. Адолин взял свой и внимательно осмотрел. Он понюхал вино, попробовал, удовлетворенно кивнул и отпустил женщину, улыбнувшись ей на прощание. Пока она уходила, принц смотрел на ее округлости.

Шаллан изумилась, но принц, похоже, не заметил, что сделал что-то не так. Он перевел взгляд обратно на Шаллан и снова наклонился к ней.

– Я знаю, что нужно покрутить бокалом с вином, попробовать его и все такое, – прошептал Адолин, – но никто мне так и не объяснил, что я должен там искать.

– Возможно, плавающих в нем жуков?

– Да нет, мой новый дегустатор заметил бы их.

Он улыбнулся, но Шаллан поняла, что Адолин, судя по всему, не шутит. Худой человек, не носивший униформу, подошел поговорить с телохранителями. Видимо, это и был дегустатор.

Шаллан отпила из своего бокала. Вино оказалось хорошим – немного сладким, чуточку пряным. Хотя она и не могла сосредоточиться на его вкусе из-за шторма.

«Прекрати», – сказала она себе, улыбаясь Адолину.

Она должна сделать так, чтобы их встреча прошла хорошо.

«Заставь его говорить о себе».

Так советовали книги, насколько она помнила.

– Атаки на плато, – сказала Шаллан. – Как вы узнаете, когда нужно их начинать?

– Хм-м? А, у нас есть наблюдатели, – ответил Адолин, откинувшись на спинку кресла. – Люди, которые дежурят на башнях с огромными подзорными трубами. Они осматривают все плато, до которых мы можем добраться достаточно быстро, и ищут куколки.

– Я слышала, что вы захватили немало куколок.

– Не думаю, что мне следует об этом говорить. Отец больше не хочет делать из забегов соревнование. – Он выжидательно посмотрел на нее.

– Но вы же можете говорить о том, что уже произошло, – сказала Шаллан, чувствуя себя так, будто сыграла роль, которую от нее ожидали.

– Полагаю, что могу, – согласился Адолин. – Несколько месяцев назад была одна атака, в которой я захватил куколку практически в одиночку. Видите ли, мы с отцом обычно перепрыгиваем расщелины первыми и расчищаем место для мостов.

– А это не опасно? – спросила Шаллан, почтительно смотря на него широко открытыми глазами.

– Опасно, но мы Носители Осколков. У нас есть сила и мощь, дарованные Всемогущим. Большая ответственность, и наш долг – использовать эту силу для защиты людей. Мы спасаем сотни жизней тем, что переправляемся первыми. И так мы можем вести армию в бой лично.

Он замолчал.

– Вы такой храбрый, – сказала Шаллан, как она надеялась, восхищенным, с придыханием голосом.

– Ну, поступать так правильно. Но опасно. В тот день я прыгнул первым, но паршенди развели нас с отцом слишком далеко друг от друга. Он был вынужден перепрыгнуть обратно, и из-за пропущенного удара по ноге, когда он приземлился, его наголенник – это часть доспехов на ноге – треснул. Для него стало опасно снова прыгать. Я остался один, пока он ждал установки моста.

Адолин снова замолчал. Видимо, она должна была спросить, что произошло дальше.

– А что, если вам захочется в туалет по-большому? – выдала Шаллан.

– Ну, я встал спиной к расщелине и взмахнул перед собой мечом, собираясь... Подождите. Что вы сказали?

– В туалет. Вы на поле боя, заключены в металл, как краб в свой панцирь. Что вы делаете, если нужно отойти по нужде?

– Я... э-э... – насупился Адолин. – Еще ни одна женщина не спрашивала меня о таком.

– Да здравствует оригинальность! – воскликнула Шаллан, хотя и покраснела при этих словах.

Джасна была бы недовольна. Неужели Шаллан не могла последить за своим языком хотя бы в течение одного разговора? Она заставила Адолина говорить о том, что ему нравится, все шло хорошо. А теперь это.

– Ну, – медленно проговорил принц, – в каждой битве бывают перерывы, люди сменяют друг друга на передовой. На каждые пять минут сражения чаще всего есть столько же времени на отдых. Когда Носитель Осколков отходит назад, солдаты осматривают его Доспехи в поисках трещин, дают ему поесть или попить и помогают... с тем, что вы только что упомянули. Это не лучшая тема для разговора, ваша светлость. Мы обычно не обсуждаем такие вещи.

– И именно поэтому это хорошая тема для разговора, – ответила Шаллан. – Я могу узнать о войнах, Носителях Осколков и выдающихся убийствах в официальных отчетах. Но грязные детали никто не записывает.

– Ну, они действительно грязные, – произнес Адолин, скривившись, и сделал глоток. – Невозможно самостоятельно... не могу поверить, что говорю это... самостоятельно подтереться в Доспехах Осколков, поэтому кому-то приходится делать это за тебя. В такие моменты я чувствую себя младенцем. А иногда просто нет времени...

– И?

Он осмотрел ее, прищурившись.

– Что? – спросила она.

– Просто пытаюсь понять, а не Шут ли вы в парике. Такие шутки в его духе.

– Я не подшучиваю над вами, – ответила Шаллан. – Мне просто любопытно.

И, честно говоря, так и было. Она думала о подобных вещах. Возможно, больше, чем они заслуживали внимания.

– Ну, – сказал Адолин, – если хотите знать, старая военная пословица говорит, что лучше опозориться, чем умереть. Нельзя допускать, чтобы хоть что-то отвлекало тебя от сражения.

– То есть...

– То есть да, я, Адолин Холин, двоюродный брат короля, наследник княжества Холин, обделался в своих Доспехах Осколков. Трижды, и все три раза осознанно. – Он допил остатки вина. – Вы очень странная женщина.

– Если позволите напомнить, – проговорила Шаллан, – именно вы начали наш сегодняшний разговор с шуток о метеоризме Себариаала.

– Действительно. – Он ухмыльнулся. – Наша беседа идет не так, как должна бы, не правда ли?

– Это плохо?

– Нет, – сказал Адолин, и его ухмылка стала шире. – На самом деле даже интересно. Знаете, сколько раз я рассказывал ту историю о спасении во время забега на плато?

– Я уверена, вы были весьма отважны.

– Весьма.

– Хотя, наверное, не так отважны, как бедняга, которому пришлось чистить ваши Доспехи.

Адолин захохотал. Впервые он выглядел искренним, проявив эмоции, которые не были запланированы или ожидаемы. Он ударил кулаком по столу, потом жестом попросил еще вина, вытирая слезы с глаз. Его широкая улыбка угрожала снова вогнать ее в краску.

«Стоп, – подумала Шаллан, – неужели... сработало?»

Она намеревалась вести себя женственно и тактично, а не спрашивать мужчину, каково это, справлять большую нужду в бою.

– Ладно, – произнес Адолин, взяв бокал вина. Теперь он даже не взглянул на слугу. – Какие еще грязные секреты вы хотите узнать? Вы вывернули меня наизнанку. Есть множество вещей, которые не упоминаются в рассказах и официальных хрониках.

– Куколки, – спросила Шаллан с нетерпением. – Как они выглядят?

– Вот что вас интересует? – удивился Адолин, почесав голову. – Я был уверен, что вы захотите узнать об опрелостях...

Шаллан достала свою сумку, вытащила на стол лист бумаги и начала рисовать.

– Из того, что мне удалось узнать, никто всерьез не изучал скальных демонов. Есть несколько изображений мертвых особей, но это все, а наброски их анатомии никуда не годятся. У них наверняка интересный жизненный цикл. Они появляются в окрестных расщелинах, но я сомневаюсь, что они в них живут. Там недостаточно еды, чтобы прокормить созданий такого размера. А значит, они приходят сюда, следуя какому-то миграционному маршруту. Они приходят сюда, чтобы окуклиться. Вы когда-нибудь видели молодых особей? До того, как они превратятся в куколку?

– Нет, – ответил Адолин, передвигая свое кресло вокруг стола. – Это часто происходит ночью, и мы не замечаем их до утра. Скальных демонов трудно увидеть, их окраска повторяет цвет скал. Я начинаю думать, что паршенди за нами наблюдают. Нам очень часто приходится сражаться за плато. Возможно, они замечают, как мы начинаем готовиться, затем по направлению, в котором мы выдвигаемся, они определяют, где найти куколку. Мы стартуем раньше, но они быстрее двигаются через равнины, поэтому мы прибываем почти одновременно...

Он умолк, наклонив голову, чтобы лучше рассмотреть ее рисунок.

– Шторма! Отличная работа, Шаллан.

– Спасибо.

– Нет, правда, отличная.

Она сделала наброски нескольких типов куколок, о которых читала в книгах, вместе с символическими изображениями людей рядом с ними для сравнения размеров. Рисунки получились не очень хорошими – она делала их на скорую руку. Но Адолин выглядел искренне пораженным.

– Форма и структура куколок, – сказала Шаллан, – могут помочь определить, к какому семейству родственных животных принадлежат скальные демоны.

– Они больше всего похожи на эту, – произнес Адолин, пододвигаясь ближе и указывая на один из рисунков. – Когда я дотрагивался до них, они были твердыми как скала. Трудно пробиться внутрь куколки без Клинка Осколков. Людям с молотами может потребоваться вечность, чтобы проломить ее.

– Хм-м-м, – пробормотала Шаллан, делая пометку. – Вы уверены?

– Ага. Вот так они выглядят. А в чем дело?

– Это куколки ю-нерига, – пояснила девушка. – Большепанцирника из морей вокруг Марабетии. Как мне рассказывали, им скармливают преступников.

– Ого!

– Возможно, сходство ложное и это всего лишь совпадение. Ю-нериги – водный вид. Они выходят на сушу только для того, чтобы оуклиться. Связь слишком слабая, чтобы предположить, что они состоят в родстве со скальными демонами...

– Конечно, – сказал Адолин, глотнув вина. – Если вы так говорите.

– Возможно, это важно, – ответила Шаллан.

– Для исследований. Да, я знаю. Тетя Навани всегда рассказывает о подобных вещах.

– Практическая значимость может оказаться гораздо большей, – пояснила Шаллан. – Сколько всего таких существ убивают ваши армии и паршенди каждый месяц?

Адолин пожал плечами.

– Каждые три дня или около того, я полагаю. Иногда больше, иногда меньше. Так что... примерно пятнадцать в месяц?

– Вы видите проблему?

– Я... – Адолин покачал головой. – Нет. Извините. Я вроде как бесполезен во всем, что не касается того, как проткнуть кого-нибудь мечом.

Шаллан улыбнулась ему.

– Ерунда. Вы доказали свое умение выбирать вино.

– По сути, я полагался на случай.

– И оно очень вкусное. Эмпирическое подтверждение вашей методологии. Возможно, сейчас вы не видите проблемы, потому что у вас нет точных данных. Большепанцирники, как правило, медленно размножаются и медленно растут из-за того, что большинство экосистем могут поддерживать только небольшую популяцию высших хищников такого размера.

– Я раньше слышал некоторые из этих слов.

Она посмотрела на него, приподняв бровь. Стремясь рассмотреть рисунок, Адолин придвинулся к ней гораздо ближе, чем полагалось. От него слабо пахло одеколоном со свежим древесным ароматом.

«Подумать только...»

– Хорошо, хорошо, – проговорил он, посмеиваясь и разглядывая ее рисунок. – Я не такой дремучий, каким притворяюсь. Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы в самом деле думаете, что мы могли убить их так много, что возникла

проблема? Я к тому, что люди поколениями охотились на большепанцирников, но животные по-прежнему процветают.

– Здесь вы не охотитесь на них, Адолин. Вы собираете их как урожай. Систематически уничтожаете молодую популяцию. Не стало ли их окукливаться меньше в последнее время?

– Да, – признал он, хотя и с неохотой. – Мы думаем, явление может быть сезонным.

– Может быть. Или после более чем пяти лет сбора гемсердец популяция начала сокращаться. На животных, подобных скальным демонам, в нормальных условиях никто не охотится. Внезапная потеря ста пятидесяти или даже более особей от их численности в год может оказаться катастрофой для популяции.

Адолин нахмурился.

– Гемсердца кормят людей в военных лагерях. Без постоянного притока новых камней подходящего размера преобразователи будут трескаться, и мы не сможем поддерживать существование армий на равнинах.

– Я не говорю о том, чтобы прекратить охоту, – сказала Шаллан, покраснев.

Наверное, ей не следует заниматься этим вопросом. Уритиру и паршмены – вот безотлагательные проблемы. Но завоевать доверие Адолина все еще необходимо. Если она предоставит ему полезную информацию о скальных демонах, возможно, он прислушается, когда она обратится к нему с чем-то более революционным.

– Я только хочу сказать, – продолжила Шаллан, – что стоит задуматься над сложившейся ситуацией и заняться ее изучением. Что, если бы мы могли выращивать скальных демонов, разводить их молодняк партиями, как чулл? Что, если вместо того, чтобы убивать трех в неделю, мы сможем выращивать их и собирать гемсердца сотнями?

– Было бы неплохо, – задумчиво проговорил Адолин. – Что вам понадобится, чтобы осуществить подобный план?

– Ну, я не говорю... Я имею в виду...

Шаллан остановила себя.

– Мне нужно попасть на Разрушенные равнины, – сказала она более твердо. – Если я хочу попытаться выяснить, как их разводить, мне необходимо взглянуть на одну из куколок до того, как ее разрежут. Желательно увидеть взрослого скального демона, и в идеале я бы хотела изучить пойманную молодую особь.

– Какой скромный список неосуществимых вещей.

– Ну, вы сами спросили.

– Возможно, я смогу взять вас на равнины, – произнес Адолин. – Отец обещал показать Джасне мертвого скального демона, так что я думаю, он планировал разрешить ей отправиться туда после охоты. Однако посмотреть на куколку... Они редко появляются вблизи лагеря. Для вас может оказаться опасным приближаться к территориям паршенди.

– Я уверена, что у вас получится меня защитить.

Он посмотрел на нее с ожиданием.

– Что? – спросила Шаллан.

– Я жду остроты.

– Я серьезно. Уверена, что с вами паршенди не посмеют приблизиться.

Адолин улыбнулся.

– Я имею в виду, – сказала она, – один только запах...

– Подозреваю, что мне никогда не удастся заставить вас об этом забыть.

– Никогда, – согласилась Шаллан. – Вы были честным, обстоятельным и располагающим. Не те мужские качества, о которых я могу забыть.

Его улыбка стала шире. Шторма, его глаза...

«Осторожнее, – сказала себе Шаллан. – Осторожнее! Кабзал легко тебя одурачил. Не позволяй повториться чему-то подобному».

– Посмотрим, что мне удастся сделать, – ответил Адолин. – В ближайшее время паршенди могут перестать быть проблемой.

– Правда?

Он кивнул.

– Немногие в курсе, но мы сообщили кронпринцам. Завтра отец собирается встретиться с некоторыми лидерами паршенди. Возможно, их встреча станет началом мирных переговоров.

– Замечательно!

– Да, – сказал Адолин. – Но я не слишком надеюсь. Убийца... В любом случае посмотрим, что случится завтра. Но мне придется заняться обещанным, когда я буду свободен от дела, порученного мне отцом.

– Дуэли, – поняла Шаллан, наклонившись вперед. – Что происходит, Адолин?

Он, похоже, засомневался.

– Что бы ни происходило сейчас в лагерях, – сказала она мягче, – Джасна ничего не знала. Я чувствую себя удручающе неосведомленной о местной политике, Адолин. Насколько я поняла, между вашим отцом и кронпринцем Садеасом произошла размолвка. Король изменил суть забот на плато, и все говорят о том, что вы теперь постоянно участвуете в поединках. Но, судя по тому, что мне удалось узнать, вы никогда и не переставали сражаться на дуэлях.

– Теперь все иначе, – ответил он. – Сейчас я сражаюсь, чтобы победить.

– А раньше по другой причине?

– Нет, раньше я дрался, чтобы наказать. – Адолин огляделся и посмотрел ей в глаза. – Все началось, когда моего отца стали посещать видения...

Он продолжил и изложил удивительную историю, намного более детальную, чем она ожидала. Историю предательства и надежды. Историю видений прошлого. Историю объединенного Алеткара, готового выдержать приближающийся шторм.

Шаллан не знала, что и думать обо всем сказанном, однако заключила, что Адолин рассказал ей эту историю, потому что знал о слухах в лагере. Она, конечно, слышала о припадках Далинара и подозревала, что именно совершил Садеас. Когда Адолин упомянул, что его отец хотел возродить Сияющих рыцарей, Шаллан почувствовала озноб. Она поискала взглядом Узора – он должен был находиться недалеко – но не смогла его найти.

Основной сутью истории, по крайней мере, по мнению Адолина, было предательство Садеаса. Глаза молодого принца потемнели, а лицо раскраснелось, когда он поделился тем, как их, окруженных врагами, бросили на равнинах. Похоже, он смутился, когда рассказывал, как их спасла обычная бригада мостовиков.

«Он действительно доверяет мне», – подумала Шаллан, чувствуя волнение.

Она положила свободную руку на его предплечье, пока принц говорил. Невинный жест, по-видимому, поощривший его продолжать, так как затем Адолин тихо объяснил ей, в чем заключался план Далинара. Шаллан сомневалась, стоило ли ему делиться всем этим с ней. Они едва знали друг друга. Но разговор, как ей показалось, снял груз с плеч Адолина, и принц стал более расслабленным.

– Мне кажется, – сказал он, – что этой части плана пришел конец. Предполагалось, что я выиграю Клинки Осколков у остальных, вырву их жала, досадив им. Но я не знаю, сработает ли.

– Почему нет? – спросила Шаллан.

– Те, кто соглашается драться со мной на дуэли, недостаточно важны, – объяснил Адолин, сжав пальцы в кулак. – Если я буду побеждать слишком многих

из них, реальные цели – кронпринцы – испугаются меня и откажутся от поединков. Я нуждаюсь в состязаниях более высокого уровня. Но что мне необходимо на самом деле – так это дуэль с Садеасом. Разбить его усмехающееся лицо о камни и вернуть Клинок отца. Однако он слишком скользкий. Мы никогда не заставим его согласиться.

Шаллан обнаружила, что отчаянно желает сделать хоть что-то, что угодно, чтобы помочь. Она чувствовала, что тает от сильного беспокойства и азарта в глазах Адолина.

«Вспомни Кабзала», – напомнила она себе снова.

Ну, Адолин, вероятно, не станет пытаться убить ее – но это не означало, что она должна позволять своему мозгу расползаться кашей в его присутствии. Она откашлялась, оторвав от него взгляд, и посмотрела вниз, на набросок.

– Боюсь, – сказала Шаллан, – я вас расстроила. У меня не очень-то получается очаровывать мужчин.

– Со мной могло бы и получиться... – ответил Адолин, положив свою ладонь ей на руку.

Шаллан скрыла очередной румянец смущения, наклонив голову, и начала рыться в сумке.

– Вам, – проговорила она, – необходимо знать, над чем работала ваша кухня перед смертью.

– Еще один том биографии ее отца?

– Нет, – ответила Шаллан, вытащив лист бумаги. – Адолин, Джасна думала, что Несущие Пустоту собираются вернуться.

– Что? – спросил он, нахмурившись. – Она же даже не верила во Всемогущего. Почему она поверила в Несущих Пустоту?

– У нее имелись доказательства, – сказала Шаллан, коснувшись бумаги пальцем. – Боюсь, многие из них утонули в океане, но кое-что осталось в ее заметках, и... Адолин, как вы думаете, трудно ли будет убедить кронпринцев избавиться от паршменов?

– Избавиться от кого?

– Насколько трудно будет заставить всех прекратить использовать паршменов в качестве рабов? Прогнать их или... – Шторма. Она не хотела начать геноцид, ведь так? Но они были Несущими Пустоту. – ...или освободить их или что-то еще. Убрать их из военных лагерей.

– Насколько трудно? – переспросил Адолин. – Навскидку я бы сказал, что невозможно. Ну, или действительно невозможно. С чего бы нам захотелось сделать что-то подобное?

– Джасна думала, что они могут быть связаны с Несущими Пустоту и их возвращением.

Ошеломленный, Адолин покачал головой.

– Шаллан, мы едва можем уговорить кронпринцев вести войну надлежащим образом. Если мой отец или король потребуют, чтобы все избавились от своих паршменов... Шторма! Королевство разрушится в один миг.

Получается, Джасна оказалась права и на этот счет. Неудивительно. Шаллан было интересно увидеть, насколько яростно сам Адолин сопротивлялся идее. Он сделал большой глоток вина и, кажется, совершенно не знал, что сказать.

Значит, настало время отступить. Встреча прошла очень хорошо; она бы не хотела закончить ее на грустной ноте.

– Это всего лишь мнение Джасны, – сказала Шаллан, – но на самом деле я бы предпочла, чтобы о его важности судила светледи Навани. Она знает свою дочь и поняла бы ее заметки лучше, чем кто-либо.

Адолин кивнул.

– Так обратитесь к ней.

Шаллан постучала пальцем по бумаге.

– Я пыталась. Она повела себя не особенно любезно.

– Тетя Навани иногда бывает очень высокомерной.

– Дело в другом, – пояснила Шаллан, просматривая письмо – ответ, который она получила после просьбы о встрече и разговоре о работе Джасны. – Она не хочет со мной встречаться. Похоже, она едва желает признавать мое существование.

Адолин вздохнул.

– Она не хочет верить. Я имею в виду, по поводу Джасны. Вы кое-что для нее олицетворяете – правду, в некотором роде. Дайте ей время. Ей просто нужно погоревать.

– Я не уверена, что это дело может подождать, Адолин.

– Я поговорю с ней, – сказал он. – Вас это устроит?

– Прекрасно, – ответила она. – Как и многое другое в вас.

Принц усмехнулся.

– Мне не трудно. Я имею в виду, если мы наполовину-вроде-возможно-женаты, наверное, нам стоит блюсти интересы друг друга. – Он помолчал. – Впрочем, не упоминайте о деле с паршменами кому-либо еще. Это не то, что может вызвать положительную реакцию.

Шаллан отсутствующе кивнула и поняла, что уставилась на Адолина. Когда-нибудь она обязательно поцелует его губы. Она позволила себе представить этот момент.

О глаза Аш... Он вел себя очень дружелюбно. Девушка не ожидала подобного поведения от кого-то столь высокородного. На самом деле она никогда не встречала человека его ранга, прежде чем попала на Разрушенные равнины, но все мужчины близкого ему уровня, которых она знала, были жесткими и даже злыми.

Но не Адолин. Шторма, находиться рядом с ним – еще одна вещь, к которой она могла очень-очень привыкнуть.

Люди на террасе зашевелились. Мгновение она не обращала на них внимания, но потом многие стали вставать со своих мест, глядя на восток.

Ах, да. Сверхшторм.

Шаллан почувствовала всплеск тревоги, когда посмотрела в сторону Источника штормов. Поднялся ветер, по террасе пронесли листья и кусочки мусора. Внизу закончил работу Внешний рынок: свернулись палатки, навесы, закрылись окна. Все военные лагеря приготовились.

Шаллан сунула свои вещи в сумку, поднялась на ноги, подошла к краю террасы и коснулась пальцами свободной руки каменных перил. Адолин присоединился к ней. Позади них люди собирались в группы и перешептывались. Она услышала скрежет железа о камень; паршмены начали задвигать столы и кресла, складывая их, чтобы защитить от непогоды и освободить путь светлоглазым, когда те устрелятся в безопасное место.

Светлый горизонт залило тьмой, как будто человек побагровел от гнева. Шаллан вцепилась в перила, наблюдая за полной трансформацией мира. Лозы втянулись, камнепочки закрылись. Трава спряталась в норы. Каким-то образом они знали. Они все знали.

Воздух стал холодным и влажным, и порывы предштормового ветра отбросили назад ее волосы. Ниже и чуть севернее высились кучи мусора и отходов со всех лагерей, их должно было унести штормом. Подобная практика запрещена в большинстве цивилизованных районов, где отбросы могло сдуть на другой город. Но здесь на пути шторма не располагалось других городов.

Горизонт стал еще темнее. Некоторые люди сбежали с балкона в безопасность задней комнаты, вдоволь пощекотав себе нервы. Большая часть

осталась, стоя в молчании. Спрены ветра носились в крошечных потоках света над головой. Шаллан взяла Адолина за руку и стала пристально смотреть на восток. Прошли минуты, прежде чем она наконец увидела.

Стена шторма.

Огромное полотнище воды и мусора, опережающее бурю. Местами в нем вспыхивали молнии, являя взору движущиеся тени внутри. Подобно костям руки, предстающим, когда свет просвечивает сквозь плоть, что-то виднелось внутри стены разрушения.

Большинство людей сбежали с балкона, хотя стена шторма все еще была далеко. Через несколько мгновений осталось всего лишь несколько человек. Шаллан и Адолин оказались среди них. Прикованная к месту, она наблюдала за приближением шторма. Оно занимало больше времени, чем ожидала Шаллан. Шторм двигался с ужасающей скоростью, но был таким огромным, что они могли заметить его с большого расстояния.

Он поглощал Разрушенные равнины, одно плато за другим, и вскоре замаячил над военными лагерями, наступая с ревом.

– Пора уходить, – сказал наконец Адолин.

Шаллан едва его расслышала.

Жизнь. Что-то жило внутри шторма, что-то, чего никогда не изображал ни один художник, что-то, чего не описывал ни один ученый.

– Шаллан! – Адолин начал тянуть ее к защищенной комнате.

Она схватилась за перила свободной рукой, оставаясь на месте и прижимая сумку к груди безопасной рукой. Что-то загудело – Узор.

Она никогда не была так близко к сверхшторму. Даже когда находилась всего в дюйме от него, отделенная оконной ставней, она не была так близко, как сейчас. Наблюдая, как мрак опускается на лагерь...

«Я должна его нарисовать».

– Шаллан! – позвал Адолин, оттащивая ее от перил. – Они закроют дверь, если мы сейчас не уйдем!

Вздвигнув, она поняла, что все остальные уже покинули балкон. Девушка позволила Адолину увести себя и побежала с ним через пустую террасу. Они добрались до комнаты на другой стороне зала, заполненной толпящимися светлоглазыми, которые смотрели с ужасом. Охранники Адолина зашли сразу за ней, и несколько паршменов захлопнули толстые двери. Засов упал на место, отрезав их от неба, оставив в свете сияющих со стен сфер.

Шаллан начала считать. Налетел сверхшторм – она смогла ощутить его как удар по двери и отдаленный раскат грома.

– Шесть секунд, – сказала она.

– Что? – спросил Адолин. Его голос был приглушен, и остальные в комнате говорили шепотом.

– Шесть секунд прошло между тем, как слуги закрыли дверь, и ударил шторм. Мы могли пробыть снаружи дольше на это время.

Адолин посмотрел на нее со скептическим выражением.

– Когда вы поняли, что мы делаем на балконе, то казались испуганной.

– Так и было.

– А сейчас вы бы хотели остаться снаружи до последнего момента, пока не ударит шторм?

– Я... да, – сказала Шаллан, покраснев.

– Не знаю, что и думать, – оглядел ее Адолин. – Я не встречал никого, похожего на вас.

– Это все моя женская загадочность.

Он выгнул бровь.

– Термин, – пояснила Шаллан, – который мы используем, когда чувствуем себя особенно неуверенно. Считается хорошим тоном не указывать, что вы знаете, о чем речь. Теперь мы просто... ждем здесь?

– В этой коробке? – спросил Адолин удивленно. – Мы светлоглазые, а не домашний скот.

Он указал жестом в сторону, где несколько слуг открыли двери, ведущие в помещения, расположенные глубже в горе.

– Две гостиные. Одна для мужчин, другая для женщин.

Шаллан кивнула. Иногда во время свержения мужчины и женщины удалялись в разные комнаты для бесед. Похоже, в винном доме соблюдали эту традицию. Возможно, там будут закуски. Шаллан направилась в указанную комнату, но Адолин удержал ее за руку, вынудив остановиться.

– Посмотрим, получится ли взять вас на Разрушенные равнины, – сказал он. – Амарам хочет исследовать их дальше, чем у него получается во время забегов на плато, как он сказал. Думаю, он и отец поужинают завтра вечером, чтобы обсудить эту тему, и я спрошу, можно ли привести вас. Я также поговорю с тетей Навани. Может быть, мы сможем обсудить мои успехи во время пира на следующей неделе?

– На следующей неделе будет пир?

– Здесь всегда бывает пир на следующей неделе, – ответил Адолин. – Просто нужно выяснить, кто его проводит. Я вам сообщу.

Она улыбнулась, и они расстались.

«Следующая неделя не достаточно скоро, – подумала Шаллан. – Мне нужно найти способ навестить его, когда будет не слишком неудобно».

Неужели она пообещала помочь ему разводить скальных демонов? Словно у нее было время заниматься чем-то подобным. Но все равно ей понравилось, как прошел день. Девушка вошла в женскую гостиную, а ее охранники заняли свои места в соответствующей комнате ожидания.

Шаллан прошла по гостиной, которая была хорошо освещена драгоценными камнями, собранными в кубки, – камни оказались огранены, но не в сферы. Показная роскошь.

Она чувствовала, что, наблюдая за ней ее наставницы, обе остались бы разочарованы разговором с Адолином. Тин хотела бы, чтобы Шаллан больше манипулировала принцем, а Джасна – чтобы она стала более уравновешенной и лучше следила за своим языком.

В любом случае, похоже, она понравилась Адолину. И от этого хотелось ликовать.

Но устремленные на Шаллан взгляды других женщин погасили это желание. Некоторые отвернулись от нее, другие поджали губы и скептически ее осматривали. То, что Шаллан общалась с самым завидным холостяком королевства, не добавляло ей популярности, тем более она была здесь чужой.

Шаллан не беспокоилась. Она не нуждалась в признании придворных женщин. Единственное, чего она хотела, – найти Уритиру и секреты, которые он хранил. Завоевание доверия Адолина – большой шаг в нужном направлении.

Она решила наградить себя поеданием сладостей и дальнейшим обдумыванием плана по проникновению в дом светлорда Амарама.



И теперь, если и оставался неограниченный драгоценный камень среди Сияющих, это были Формирующие Волю. Хотя и предприимчивые, они отличались непредсказуемостью, и Инвия написал про них: «капризные, разочаровывающие, ненадежные», подразумевая, что это абсолютно очевидно и что все обязательно согласятся. Такой взгляд, возможно, нетерпим, но Инвия часто выражался подобным образом, поскольку этот орден, как говорили, был наиболее разнообразен, противоречив по темпераментам, и объединяла его только любовь к приключениям, новизне и чудачеству.

«Слова сияния», глава 7, страница 1

Адолин сидел в кресле с высокой спинкой, с чашей вина в руке, прислушиваясь к грохоту сверхшторма снаружи. Ему полагалось чувствовать себя в безопасности в этом каменном мешке, но было в штормах что-то такое, что лишало любого ощущения безопасности, независимо от того, насколько оно казалось разумным. Он обрадуется Плачу и прекращению сверхштормов на пару недель.

Адолин поднял кубок, поприветствовав Элита, шедшего мимо. Он не видел его наверху, на террасе винного дома, но комната служила укрытием от сверхштормов также для нескольких магазинов Внешнего рынка.

– Ты готов к нашей дуэли? – спросил Адолин. – Ты заставил меня ждать уже целую неделю, Элит.

Низкорослый, лысеющий мужчина отпил немного вина и опустил свой кубок, не глядя на Адолина.

– Мой кузен планирует убить тебя за то, что ты бросил мне вызов, – сказал он. – Сразу после того, как он убьет меня за то, что я согласился.

Элит наконец повернулся к Адолину.

– Но когда я втопчу тебя в песок и потребую все Осколки твоей семьи, я стану богачом, и о нем все забудут. Готов ли я к дуэли? Я жажду ее, Адолин Холин.

– Именно ты хотел подождать, – напомнил Адолин.

– Тем больше времени насладиться предвкушением того, что я собираюсь с тобой сделать.

Элит усмехнулся одними губами и пошел дальше.

Жуткий парень. Ну, что ж, через два дня, на дуэли, Адолин с ним разберется. Однако перед поединком должна состояться завтрашняя встреча с Носителем Осколков паршенди. Встреча нависла над ним, как грозовой фронт. Что, если они наконец обретут мир?

Адолин обдумывал мысль, уделяя внимание вину и вполуха слушая, как за его спиной с кем-то болтает Элит. Адолин ведь узнал этот голос.

Принц выпрямился и посмотрел через плечо. Как долго Садеас уже здесь и почему Адолин не заметил его сразу, как вошел?

Садеас повернулся к нему со спокойной улыбкой на лице.

«Может, он просто...»

Кронпринц медленно подошел к Адолину, сложив руки за спиной, одетый в модный, открытый спереди, короткий коричневый сюртук с зеленым шейным платком, украшенным вышивкой. Пуговицы на передней части сюртука были из драгоценных камней. Изумруды сочетались с цветом платка.

Шторма. Сегодня он не хотел иметь дел с Садеасом.

Кронпринц сел рядом с Адолином, спиной к камину, который начал разжигать паршмен. В комнате стоял тихий гул нервных разговоров. Когда снаружи бушует сверхшторм, в помещении никогда не бывает достаточно комфортно, не важно, насколько красиво оно оформлено.

– Юный Адолин, – сказал Садеас. – Как тебе мой сюртук?

Адолин глотнул вина, не слишком уверенный в себе, чтобы ответить.

«Я должен просто встать и уйти».

Но он не ушел. Какая-то часть его разума хотела, чтобы Садеас спровоцировал его, позволил отбросить запреты и вынудил совершить что-то глупое. Убийство человека здесь и сейчас, скорее всего, приведет Адолина к смертной казни или, самое малое, к изгнанию. Возможно, убийство Садеаса стоит любого наказания.

– Ты всегда был таким остроглазым, когда дело доходило до стиля, – продолжил Садеас. – Я хотел бы знать твое мнение. Думаю, что сюртук великолепен, но тревожусь, что такой короткий крой может выбиваться из моды. Каковы последние модные веяния в Лиафоре?

Садеас распахнул сюртук, двинув рукой, чтобы показать, что кольцо сочетается с пуговицами. Изумруд кольца, как и те, что на сюртуке, был неограниченным. Камни мягко светились штормсветом.

«Неограниченные изумруды», – подумал Адолин, затем поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с Садеасом. Тот улыбался.

– Драгоценные камни – недавнее приобретение, – отметил кронпринц. – Я пристрастился к ним.

Полученные после забега на плато с Рутаром, в котором они не должны были участвовать. Забега наперегонки с остальными кронпринцами, как в старые времена, когда каждый принц пытался прибыть первым и заявить права на свой выигрыш.

– Я ненавижу вас, – прошептал Адолин.

– Ты и должен, – ответил Садеас, отпустив сюртук.

Он кивнул в сторону стоящих неподалеку мостовиков, охранявших Адолина и смотревших с неприкрытой враждебностью.

– Моя бывшая собственность относится к тебе хорошо? Я видел их так называемое патрулирование здесь, на рынке. Подумал, что это забавно по причинам, которые я вряд ли когда-нибудь сумею верно выразить.

– Они патрулируют, – сказал Адолин, – чтобы выстроить лучший Алеткар.

– Так вот чего хочет Далинар? Я удивлен тому, что услышал. Разумеется, он говорит о справедливости, но не позволяет ей идти своим чередом. Так, как следовало бы.

– Я знаю, к чему вы ведете, Садеас, – огрызнулся Адолин. – Вы раздражены тем, что мы не позволяем вам назначить судей в наш лагерь как кронпринцу информации. Что ж, я думаю, вы знаете, что отец решил пустить...

– Кронпринц... информации? Ты не слышал? Я недавно отказался от этого титула.

– Что?

– Да, – подтвердил Садеас. – Боюсь, что никогда не подходил для этой должности. Возможно, из-за моего темперамента, под стать Шалаш. Я желаю Далинару удачи в поиске замены, хотя, как слышал, остальные кронпринцы пришли к выводу, что никто из нас... не подходит для подобных назначений.

«Он не признает власть короля», – подумал Адолин.

Шторма, ничего хорошего. Принц заскрипел зубами и обнаружил, что тянется рукой в сторону, чтобы призвать Клинок. Нет. Адолин опустил руку. Он найдет способ заставить этого человека выйти на дуэльную арену. Если убить Садеаса сейчас, не важно, как сильно он того заслуживает, тогда те законы и кодексы, которые столь усердно отстаивал отец Адолина, окажутся подорваны.

Но, шторма... Адолина терзало искушение.

Садеас снова улыбнулся.

– Думаешь, я злой человек, Адолин?

– Это еще слишком мягко сказано, – опять огрызнулся принц. – Вы не просто злой, вы эгоистичный, покрытый кремом угорь, пытающийся задушить королевство своей узловатой, ублюдочной рукой.

– Красноречиво, – сказал Садеас. – Ты ведь понимаешь, что я создал это королевство.

– Вы всего лишь помогли моему отцу и дяде.

– И оба они мертвы. Терновник мертв так же, как и старый Гавилар. Вместо них королевством правят два идиота, и каждый из них, в своем роде, тень того человека, что я любил.

Он наклонился вперед, глядя Адолину прямо в глаза.

– Я не душу Алеткар, сынок. Я пытаюсь всеми силами сохранить те куски, что достаточно сильны, чтобы выдержать разрушение, которое вызывает твой отец.

– Я вам не сынок, – прошипел Адолин.

– Прекрасно, – проговорил, вставая, Садеас. – Но я скажу тебе одну вещь. Я рад, что ты выжил тогда, на Башне. В следующие несколько месяцев ты станешь отличным кронпринцем. У меня есть ощущение, что через десять лет или около того – после продолжительной гражданской войны между нами – наш альянс станет очень крепким. К тому времени ты поймешь, почему я сделал то, что сделал.

– Сомневаюсь. Я проткну мечом ваше брюхо задолго до этого, Садеас.

Кронпринц поднял свой кубок с вином и отошел, присоединившись к другой группе светлоглазых. Адолин вздохнул с облегчением и откинулся в кресле. Стоявший неподалеку низкорослый мостовик-охранник с сединой на висках кивнул Адолину с уважением.

Адолин просидел, сторбившись, чувствуя себя опустошенным, пока не закончился свержшторм и люди не начали расходиться. Как бы то ни было, перед уходом Адолин предпочел бы дождаться, пока дождь не прекратится полностью. Ему никогда не нравилось, как выглядела его форма, когда промокала.

Наконец он поднялся, подозвал двух своих охранников и вышел из винного дома под серое небо к пустынному Внешнему рынку. Он почти отошел от

разговора с Садеасом и продолжал напоминать себе, что до встречи с ним день складывался очень хорошо.

Конечно же, Шаллан и ее экипаж уже отбыли. Он мог бы приказать отвезти себя, но после долгого времени в замкнутом пространстве чувствовал, что будет лучше пройтись по открытому воздуху, прохладному, влажному и свежему после шторма.

Засунув руки в карманы мундира, Адолин пошел по дорожке через Внешний рынок, обходя лужи. По обочинам садовники начали выращивать декоративный сланцекорник, но пока что он вырос несильно, всего на несколько дюймов. Чтобы образовалась хорошая изгородь, потребуются годы.

Те два невыносимых мостовика следовали сразу за ним. Не то чтобы Адолин возражал против самих охранников – они казались довольно приятными парнями, особенно когда находились далеко от своего капитана. Адолину просто не нравилось нуждаться в няньках. Несмотря на то, что шторм ушел на запад, день оставался мрачным. Облака закрыли солнце, которое вышло из зенита и медленно сползало к далекому горизонту. Ему повстречалось не много людей, поэтому единственными спутниками были мостовики – ну, ладно, они и легион крэмлингов, выползших, чтобы попить на растениях, которые жадно поглощали воду из луж.

Почему здешние растения проводили гораздо больше времени в своих раковинах, чем те, что росли дома, в Алеткаре? Шаллан, наверное, знала. Адолин улыбнулся, загоня мысли о Садеасе поглубже. С Шаллан все складывалось наилучшим образом. Хотя так всегда бывало на первых порах, так что он пока попридержал энтузиазм.

Девушка оказалась изумительной. Экзотичной, остроумной и не задушенной приличиями алети. Она была умнее, чем он, но не заставляла его чувствовать себя глупцом. Большой плюс в ее пользу.

Адолин покинул рынок, пересек открытое пространство и наконец дошел до военного лагеря Далинара. Охранники пропустили его, образцово отсалютовав. Он остановился на рынке военного лагеря, сравнивая товары, которые видел здесь, с теми, что продавались около Пика.

«Что произойдет с этим местом, – подумал Адолин, – когда война закончится?»

Когда-то же она должна закончиться. Возможно, даже завтра, на переговорах с Носителем Осколков паршенди.

Алети не уйдут отсюда, пока есть скальные демоны, на которых можно охотиться, но, конечно, такое крупное поселение не могло продолжать разрастаться. Неужели на его глазах произойдет перенос королевского престола?

Несколько часов спустя – после некоторого времени, проведенного в ювелирных магазинах в поисках подарка для Шаллан, – Адолин с охраной добрался до резиденции отца. К этому времени ступни Адолина начали ныть, а лагерь погрузился во тьму. Он зевнул, продвигаясь по похожему на пещеру внутренностям отцовского жилища, чем-то напоминавшего бункер. Разве не пора им построить надлежащий особняк? Быть примером для своих людей – хорошо и правильно, но существовали определенные стандарты, которых семья, подобная их собственной, должна придерживаться. В особенности если Разрушенные равнины останутся такими же важными, какими были до сих пор. Ведь...

Он замешкался, остановившись на пересечении коридоров, и посмотрел направо. Принц собирался наведаться на кухню, чтобы перекусить, но в противоположной стороне двигалась и отбрасывала тени группа людей. Они приглушенно перешептывались.

– Что тут у вас? – требовательно спросил Адолин, подойдя к собравшимся. За ним следовали два охранника. – Солдаты? Что вы нашли?

Мужчины поспешили повернуться и отсалютовать, прижав копыя к плечам. Мостовики из отряда Каладина. Сразу за ними находились двери, которые вели в крыло, где располагались покои Далинара, Адолина и Ренарина. Двери были открыты, а на полу солдаты разложили сферы.

Что случилось? Обычно два, может, четыре человека стояли на этом посту на страже. Не восемь. И... почему паршмен, одетый в форму охранников, держит копьё наравне с остальными?

– Сэр! – проговорил долговязый, длиннорукий мужчина, стоявший ближе всех. – Мы всего лишь направлялись проверить кронпринца, когда...

Дальше Адолин не слушал. Он протолкался сквозь мостовиков, наконец увидев, что освещали сферы на полу гостиной.

Снова нацарапанные глифы. Адолин встал на колени, пытаясь их прочитать. К несчастью, они не были нарисованы в форме какого-либо рисунка. Он предположил, что это числа...

– Тридцать два дня, – прочитал один из мостовиков, низкорослый азианин. – Ищи центр.

Бездна.

– Вы говорили кому-нибудь о них? – спросил Адолин.

– Мы только что их нашли, – ответил азианин.

– Поставьте охрану с обоих концов коридора, – приказал принц. – И пошлите за моей тетей.

Адолин призвал Клинок, затем отпустил его, затем снова призвал. Нервная привычка. Белый туман появлялся в виде маленьких усиков, разрастающихся в воздухе, и превращался в Клинок Осколков, который тут же отягощал руку.

Принц стоял в гостиной, уставившись на не предвещающие ничего хорошего знаки. Они смотрели на него с немым вызовом. Закрытую дверь охраняли мостовики, так что только он, Далинар и Навани будут участвовать в разговоре. Адолин хотел вырезать Клинком эти проклятые глифы. Далинар доказал, что находится в здравом уме. У тети Навани имелся документ на языке зари, который удалось почти полностью перевести с помощью слов из видений отца!

Видения исходили от Всемогущего. Все встало на свои места.

И вот теперь это.

– Их вырезали ножом, – сказала Навани, стоя на коленях перед глифами.

Гостиная представляла собой большое открытое помещение, используемое для приема гостей или проведения встреч. Двери в дальней части комнаты вели в рабочий кабинет и спальню.

– Этим ножом, – ответил Далинар, поднимая свой поясной нож, выполненный в том же стиле, что носили большинство светлоглазых. – Моим ножом.

Лезвие оказалось затуплено, и на нем все еще оставались частички камня после вырезания глифов. Линии соответствовали размеру клинка. Они нашли нож прямо перед дверью кабинета Далинара, где тот переждал свержштурм. Один. Экипаж Навани задержался, и ей пришлось вернуться во дворец, чтобы не рисковать быть застигнутой штурмом.

– Кто-то еще мог взять нож, – отрезал Адолин. – Он мог проникнуть в кабинет, вытащить его, пока ты был поглощен видениями, и прийти сюда...

Навани и Далинар вдвоем уставились на него.

– Зачастую, – сказала Навани, – самый простой ответ является самым верным.

Адолин вздохнул, отпустил Клинок и рухнул в кресло рядом с вызывающими глифами. Его отец стоял выпрямившись. На самом деле Далинар Холин никогда не стоял так прямо, как сейчас, сложив руки за спиной и отведя взгляд от глифов. Он смотрел в сторону стены – на восток.

Далинар походил на камень, валун, слишком большой, чтобы даже шторм его сдвинул. Он выглядел таким уверенным. Он был тем, за кого можно держаться.

– Ты ничего не помнишь? – спросила, вставая, Навани у Далинара.

– Нет. – Он повернулся к Адолину. – Я думаю, теперь уже очевидно, что за каждой надписью стоял я. Что так сильно беспокоит тебя, сын?

– Мысль, что ты царапаешь по земле, – объяснил Адолин, поежившись. – Погруженный в одно из своих видений, не контролирующий себя.

– Всемогуший выбрал для меня странный путь, – проговорил Далинар. – Почему я должен получать информацию подобным образом? Почему не сказать мне что-то прямо в видениях?

– Ты ведь понимаешь, что это предсказание, – тихо сказал Адолин. – Видение будущего. Способность Несущих Пустоту.

– Да. – Далинар прищурился. – «Ищи центр». Что ты думаешь, Навани? Центр Разрушенных равнин? Какая истина там скрыта?

– Паршенди, очевидно.

Они говорили о центре Разрушенных равнин так, будто уже знали, что это за место. Но ни один человек не бывал там, только паршенди. Для алети слово «центр» означало всего лишь огромный простор неисследованных плато за пределами разведанной области.

– Да. Но где? Может, они перемещаются? Может, и нет никакого города паршенди в центре?

– Они могли бы перемещаться, только если у них есть преобразователи, – ответила Навани, – в чем я лично сомневаюсь. Они укрепились в каком-то одном месте. Паршенди не кочевники, и нет никаких причин для того, чтобы они передвигались по равнинам.

– Если мы сможем заключить мир, – размышлял Далинар, – достичь центра станет намного легче... – Он посмотрел на Адолина. – Пусть мостовики замажут царапины крэмом, а затем прикроют эту часть пола ковром.

– Я прослежу.

– Хорошо, – произнес Далинар, выглядевший отстраненным. – Потом, сын, поспи немного. Завтра важный день.

Адолин кивнул.

– Отец, ты знал, что среди мостовиков есть паршмен?

– Да. Он был среди них с самого начала, но ему не давали оружия, пока я не разрешил.

– Почему ты так поступил?

– Из любопытства. – Далинар повернулся и кивнул в сторону глифов на полу. – Скажи мне, Навани. Если считать, что цифры ведут обратный отсчет к какой-то дате, это будет день, когда придет сверхшторм?

– Тридцать два дня? – задумалась женщина. – Как раз наступит середина Плача. Через тридцать два дня – даже не точная дата конца года, а за два дня до него. Я не могу понять, какой в ней смысл.

– А, в любом случае, это слишком удобный ответ. Отлично. Давайте позволим охранникам вернуться обратно и заставим их поклясться в соблюдении секретности. Не хотелось бы спровоцировать панику.



Вкратце, если кто-либо предполагает, что Казила невиновен, то ему следует посмотреть на факты и опровергнуть их во всей их полноте; утверждение о том, что Сияющие были лишены неприкосновенности ради исполнения приговора над одним из них, тем, кто, очевидно, связался с нездоровыми элементами, является признаком самого нерадивого суждения, поскольку пагубное влияние врага требовало бдительности во всех случаях – и во время войны, и во время мира.

«Слова сияния», глава 32, страница 17

На следующий день, не успев толком высушить голову после утренней ванны, Адолин сунул ноги в ботинки. Удивительно, на что способны горячая вода и немного времени для размышления. Принц принял два решения.

Во-первых, он больше не собирался волноваться из-за странного поведения отца во время его видений. Все, что происходило: видения, приказ о восстановлении Сияющих рыцарей, подготовка к катастрофе, которая могла случиться, – все это было одним целым. Раньше Адолин уже решил верить, что отец не сошел с ума. Дальнейшие волнения бессмысленны.

Второе решение могло навлечь на него беду. Он покинул свои покои и вошел в гостиную, где уже обсуждали план действий Далинар, Навани, генерал Хал, Тешав и капитан Каладин. К его разочарованию, Ренарин в униформе Четвертого моста охранял дверь. Он отказался изменить это свое решение, несмотря на то, что Адолин настаивал.

– Нам снова понадобятся мостовики, – сказал Далинар. – Если что-то пойдет не так, нам, возможно, потребуется быстро отступить.

– Я подготовлю к нужному дню Пятый и Двенадцатый мосты, сэр, – ответил Каладин. – Эти две бригады, по-видимому, с ностальгией относятся к своим мостам и с любовью вспоминают о том времени, когда их носили.

– Разве то время не было кровавым кошмаром? – спросила Навани.

– Было, – подтвердил Каладин, – но солдаты – странный народ, ваша светлость. Несчастье их объединяет. Те люди никогда не захотели бы вернуться к прошлому, но в душе они по-прежнему мостовики.

Неподалеку понимающе кивнул генерал Хал, хотя Навани, судя по всему, оказалась сбита с толку.

– Я займу позицию вот здесь, – произнес Далинар, поднимая и показывая карту Разрушенных равнин. – Сначала, пока я жду, мы можем разведать место встречи. Там явно находятся какие-то странные каменные образования.

– Звучит неплохо, – произнесла светледи Тешав.

– Звучит, конечно, неплохо, – проговорил Адолин, присоединяясь к беседе, – за одним исключением. Тебя там не будет, отец.

– Адолин, – ответил Далинар со страданием в голосе. – Я знаю, ты думаешь, что это опасно, но...

– Слишком опасно, – уточнил Адолин. – Убийца по-прежнему где-то там, и в последний раз он атаковал нас в тот самый день, когда посланник паршенди прибыл в лагерь. Теперь у нас встреча с врагом снаружи, на Разрушенных равнинах. Отец, ты не можешь пойти туда.

– Я должен, – ответил Далинар. – Адолин, это может означать конец войны. Это может означать ответы – почему они вообще напали на нас. Я не упущу такую возможность.

– Мы не собираемся упускать возможность. Просто сделаем все немного по-другому.

– Как? – спросил Далинар, сузив глаза.

– Ну, во-первых, – объяснил Адолин, – я займу твое место.

– Невозможно. Я не буду рисковать своим сыном, чтобы...

– Отец! – перебил его Адолин. – Это не обсуждается!

Комната погрузилась в тишину. Далинар отвел руку от карты и опустил ее. Адолин сжал челюсти, встретившись взглядом с отцом. Шторма, Далинару Холину было трудно противостоять. Осознавал ли он, какой харизмой обладал, как действовал на окружающих одной только силой ожиданий?

Никто ему не противоречил. Далинар делал то, что хотел. К счастью, в последнее время его мотивы преследовали благородную цель. Но во многих отношениях он по-прежнему оставался тем человеком, каким был двадцать лет назад. Человеком, который завоевал королевство. Он был Терновником и получал все, что хотел.

Но не сегодня.

– Ты слишком важен, – проговорил Адолин, указав на отца. – Не отрицай. Не отрицай, что твои видения жизненно важны. Не отрицай, что, если ты умрешь, Алеткар развалится на части. Не отрицай, что каждый человек в этой комнате менее важен, чем ты.

Далинар сделал глубокий вдох и затем медленно выдохнул.

– Так не должно быть. Королевству необходимо быть достаточно сильным, чтобы пережить потерю одного человека, неважно кого именно.

– Ну, до чего-то подобного еще далеко, – ответил Адолин. – И чтобы прийти к этому, нам нужен ты. А значит, тебе следует позволить нам присматривать за тобой. Прости, отец, но бывают случаи, когда ты должен позволить другим сделать их работу. Ты не можешь решать все проблемы сам.

– Он прав, сэр, – произнес Каладин. – Вам действительно не стоит рисковать собой снаружи, на Разрушенных равнинах. Тем более если есть другой выбор.

– Не вижу никакого другого выбора, – ответил Далинар прохладным тоном.

– О, он есть, – проговорил Адолин. – Но мне понадобится одолжить Доспехи Осколков Ренарина.

По мнению Адолина, самым странным в его сегодняшнем опыте было не то, что он надел старые отцовские доспехи. Несмотря на внешние стилистические различия, все Доспехи Осколков ощущались одинаково. Броня подстраивалась под Носителя, и через некоторое время после того, как была надета, ничем не отличалась от собственных Доспехов Осколков Адолина.

Также не казалось странным скакать во главе армии, когда над головой развевалось знамя Далинара. Адолин уже шесть недель водил войска в битву самостоятельно.

Нет, самое странное заключалось в том, что он ехал верхом на отцовском коне.

Кавалер был огромным черным ришадием, более громоздким и приземистым, чем собственный жеребец Адолина, Чистокровный. Кавалер выглядел боевым конем даже по сравнению с другими ришадием. Насколько было известно Адолину, ни один человек, за исключением Далинара, на него не садился. Ришадием проявляли разборчивость в этом плане. Потребовалось продолжительное объяснение Далинара, чтобы конь позволил Адолину хотя бы взяться за поводья, не говоря уж о том, чтобы сесть в седло.

В конце концов дело завершилось успехом, но Адолин никогда бы не осмелился отправиться на Кавалере в битву. Он не сомневался, что зверь скинет его на землю и ускачет прочь, чтобы защитить Далинара. Оказалось странно садиться в седло, не принадлежащее Чистокровному. Принц ожидал, что Кавалер будет двигаться иначе, поворачивать голову по-другому. Когда Адолин трепал Чистокровного по шее, прикосновение к гриве коня дарило ему ощущения, которых он не смог бы объяснить. Он и ришадием были чем-то большим, чем просто всадник и лошадь. Поэтому Адолин осознал, что испытывает странную печаль из-за того, что отправился верхом без Чистокровного.

Глупости. Ему нужно оставаться сосредоточенным. Процессия приближалась к плато, на котором должна была состояться встреча. В его центре виднелась большая каменная насыпь странной формы. Нужное плато Разрушенных равнин располагалось ближе к стороне аleti, но гораздо дальше на юг, чем когда-либо доводилось бывать Адолину. Ранние патрули сообщали, что в этой области часто встречались скальные демоны, но здесь ни разу не удалось заметить ни одной куколки. Возможно, своего рода территория для охоты, но не для размножения?

Паршенди пока не появились. Когда разведчики доложили, что на плато опасности не обнаружено, Адолин направил Кавалера по передвижному мосту. Ему было тепло в Доспехах Осколков. Времена года, похоже, наконец-то решили обратиться к весне и, может быть, даже к лету.

Он подъехал к каменной насыпи в центре. Она на самом деле казалась странной. Адолин обогнул ее, отмечая очертания, выветренные кое-где, почти как...

– Это скальный демон, – понял принц.

Он проехал мимо морды – полого каменного образования, сильно напоминающего голову скального демона. Статуя? Нет, выглядит слишком естественно. Скальный демон умер здесь столетия назад и, вместо того чтобы быть сдутым ветром, медленно покрывался коркой из крэма.

В итоге получилось нечто зловещее. Крэм застыл в форме туши чудовища, пристав к панцирю и похоронив его под собой. Объемистая скала походила на существо из камня, явившееся из древних легенд о Несущих Пустоту.

Адолин поехал и легонько толкнул пятками коня, чтобы тот отошел подальше от каменного трупа, к другой стороне плато. Вскоре он услышал сигналы, которые подавали разведчики. Приближались паршенди. Он собрался с

духом и приготовился в случае чего призвать Клинок Осколков. За ним сгруппировались мостовики, десять человек, включая того паршмена. Капитан Каладин остался с Далинаром в военном лагере, просто на всякий случай.

Адолин оказался самым уязвимым. Отчасти он желал, чтобы убийца явился сегодня. Тогда Адолин смог бы испытать себя еще раз. Из всех поединков, в которых он надеялся сразиться в будущем, этот – против человека, убившего его дядю, – мог бы стать наиболее важным, даже важнее, чем тот, в котором он разберется с Садеасом.

Убийца так и не показался, когда группа из двухсот паршенди пересекла ущелье, изящно прыгая и приземляясь на плато, где была назначена встреча. Солдаты Адолина зашевелились, позвякивая броней и опустив копыя. Прошли годы с тех пор, как люди и паршенди встречались без кровопролития.

– Ну что ж, – произнес Адолин, не снимая шлема. – Приведите моего писца.

Ее светлость Инадару пронесли в паланкине через ряды солдат. Далинар хотел, чтобы Навани осталась с ним – якобы потому, что ему требовался ее совет, но, вероятно, еще и для того, чтобы уберечь ее.

– Вперед, – сказал Адолин, тронув поводья Кавалера.

Они пересекли плато, только он и ее светлость Инадара, которая спустилась с паланкина, чтобы идти пешком. Она была высохшей пожилой женщиной с седыми, коротко подстриженными волосами. Адолину доводилось видеть кости, на которых было больше мяса, чем у нее, но женщина обладала острым умом и слыла их самым надежным писцом.

Носитель Осколков паршенди вышла из их рядов и в одиночку зашагала к скалам. Не волнуясь, не беспокоясь. Она была уверена в себе.

Адолин спешил и прошагал остаток пути, Инадара шла рядом с ним. Они остановились в нескольких футах от паршенди. На выступе скалы находились только они трое, а окаменевший скальный демон уставился на них слева.

– Я Эшоной, – сказала паршенди. – Помнишь меня?

– Нет, – ответил Адолин.

Он понизил голос, стараясь походить на отца и надеясь, что в шлеме этого хватит, чтобы обмануть женщину, которая не могла хорошо знать, как звучит голос Далинара.

– Не удивительно, – произнесла Эшоной. – Я была молода и незначительна, когда мы встретились впервые. И едва ли стоила того, чтобы меня запомнили.

Судя по тому, что Адолин слышал от паршенди раньше, он ожидал, что ее речь будет похожа на пение. Но все оказалось совсем не так. В словах Эшоной присутствовал ритм, в том, как она их выделяла, где делала паузы. Она меняла интонации, но результат скорее напоминал молитву, чем на песню.

Инадара достала доску для письма и самоперо и начала записывать все, что говорила паршенди.

– Что она делает? – требовательно спросила Эшоной.

– Я пришел один, как ты и просила, – сказал Адолин, пытаясь подражать командирскому тону отца. – Но я запишу все, что будет сказано здесь, и отправлю своим генералам.

Эшоной не подняла забрало, так что у Адолина было отличное оправдание, чтобы не поднимать свое. Они пристально смотрели друг на друга через прорези для глаз. Все шло не так хорошо, как надеялся отец, но почти так, как ожидал Адолин.

– Мы здесь, – проговорил принц, используя слова, с которых предложил начать отец, – чтобы обсудить условия капитуляции паршенди.

Эшоной засмеялась.

– Совсем не для этого.

– Тогда для чего? Ты так хотела встретиться со мной. Зачем?
– Кое-что изменилось с тех пор, как я говорила с твоим сыном, Терновник.
Кое-что важное.

– Что?

– То, чего ты даже представить не можешь.

Адолин подождал, словно раздумывая, но на самом деле он давал Инадаре время, чтобы связаться с военным лагерем. Инадара наклонилась к нему и прошептала то, что написали Далинар и Навани.

– Мы устали от войны, паршенди, – сказал Адолин. – Вас осталось немного. Мы это знаем. Давайте заключим перемирие, от которого выиграют все.

– Мы не так слабы, как вам кажется, – не согласилась Эшонай.

Адолин понял, что хмурится. Во время их предыдущего разговора она казалась пылкой, располагающей. А теперь – холодной и пренебрежительной. Не странно ли? Она была паршенди. Возможно, нельзя приписывать ей человеческие эмоции.

Инадара прошептала ему еще кое-что.

– Чего ты хочешь? – спросил Адолин, повторяя слова, которые прислал отец. – Как нам добиться мира?

– Мир настанет, когда один из нас умрет, Терновник. Я пришла сюда, потому что хотела увидеть тебя своими собственными глазами и предупредить. Мы только что изменили правила конфликта. Стычки за гемсердца больше не имеют значения.

Больше не имеют значения? Адолин вспотел.

«Она говорит так, будто все это время они вели свою игру. И она совсем не выглядит отчаявшейся».

Неужели алету так глубоко заблуждались в происходящем?

Эшонай повернулась, чтобы уйти.

Нет! Все усилия лишь для того, чтобы встреча превратилась в дым? Шторм побори!

– Стой! – крикнул Адолин, делая шаг вперед. – Почему? Почему ты так поступаешь? Что случилось?

Она оглянулась.

– Ты действительно хочешь покончить со всем этим?

– Да. Пожалуйста. Я хочу мира. Чего бы он ни стоил.

– Тогда тебе придется уничтожить нас.

– Почему? – повторил Адолин. – Почему вы убили Гавилара тогда, несколько лет назад? Почему нарушили наше соглашение?

– Король Гавилар, – проговорила Эшонай, как будто обдумывая имя. – Ему не стоило открывать нам свои планы той ночью. Несчастный глупец. Он не знал. Он похвалялся, думая, что мы обрадуемся возвращению наших богов.

Она покачала головой, развернулась и побежала, позвякивая Доспехами.

Адолин отступил, чувствуя себя бесполезным. Будь отец здесь, получилось бы у него сделать больше? Инадара все еще писала, передавая слова Далинару.

Наконец от него пришел ответ.

«Возвращайся в лагерь. Ни я, ни ты не смогли бы ничего сделать. Очевидно, она уже приняла решение».

Адолин провел обратный путь в тягостных раздумьях. Когда несколько часов спустя он наконец добрался до лагеря, то обнаружил отца на совете вместе с Навани, Халом, Тешав и четырьмя армейскими батальон-лордами.

Вместе они обдумывали слова, которые прислала Инадара. Несколько слуг – паршменов – тихо принесли вино и фрукты. Телеб, облаченный в Доспехи, которые Адолин выиграл на дуэли с Эраннивом, наблюдал, сидя с края комнаты, с молотом Осколков на спине и поднятым забралом. Его род когда-то правил

Алеткаром. Что он думал обо всем случившемся? Этот человек обычно держал свое мнение при себе.

Адолин вошел в комнату, снимая шлем отца, а вернее, Ренарина.

– Стоило позволить идти тебе, – сказал Адолин. – Не было никакой ловушки. Возможно, тебе бы удалось с ней договориться.

– Это народ, который убил моего брата в ту же ночь, в которую подписал с ним договор, – ответил Далинар, изучая карты на столе. – Похоже, они совсем не изменились с того дня. Ты отлично справился, сын, мы узнали все, что нам нужно.

– Правда? – спросил Адолин, подходя к столу со шлемом под мышкой.

– Да, – произнес Далинар, поднимая взгляд. – Мы узнали, что они не согласны на перемирие несмотря ни на что. Моя совесть чиста.

Адолин взглянул на разостланные карты.

– Что здесь? – спросил он, обратив внимание на символы, обозначающие передвижения войск. Все они были направлены вглубь Разрушенных равнин.

– План атаки, – тихо пояснил Далинар. – Паршенди не собираются с нами договариваться, и они задумали что-то грандиозное. То, что изменит войну. Пришло время нанести удар прямо по ним и закончить эту войну, так или иначе.

– Отец Штормов! А если нас окружают там, на равнинах?

– Мы возьмем с собой всех, – произнес Далинар, – всю нашу армию и всех кронпринцев, которые присоединятся ко мне. Преобразователей для создания еды. Паршенди не смогут окружить такое большое войско, а если и смогут, не важно. Мы сможем им противостоять.

– Мы можем выдвигаться сразу после последнего сверхшторма перед Плачем, – сказала Навани, записывая какие-то числа на краю карты. – Сейчас Ясный год, поэтому несколько недель будут лить постоянные дожди, но никаких сверхштормов. Так что мы не попадем в шторм на равнинах.

А еще они окажутся на Разрушенных равнинах одни всего за несколько дней до даты, нацарапанной на стенах и на полу.

...По спине Адолина побежали мурашки.

– Мы должны разбить их до наступления той даты, – тихо произнес Далинар, изучая карты. – Сорвать их планы до того, как закончится отсчет. – Он посмотрел на Адолина. – Мне нужно, чтобы ты больше бился на дуэлях. В поединках высокого уровня, настолько высокого, насколько возможно. Выиграй для меня Осколки, сын.

– Завтра я сражаюсь с Элитом, – ответил Адолин. – После него у меня есть планы на следующую цель.

– Хорошо. Чтобы преуспеть на равнинах, нам понадобятся Носители Осколков. И верность как можно большего числа кронпринцев, которые последуют за мной. Постарайся сражаться с Носителями Осколков из фракции, верной Садеасу, и побей их как можно более зрелищно. Я обращусь к нейтральным кронпринцам и напому им об их клятвах исполнить Пакт мщения. Если мы отнимем Осколки у тех, кто следует за Садеасом, и используем их, чтобы закончить войну, это поможет доказать то, о чем я говорил все время. Единство – путь к величию аleti.

Адолин кивнул.

– Я сделаю все возможное.



В силу мистической природы Видящих Истину никто из состоявших в ордене никогда не говорил и не писал о том, чем они занимались. Этим и обусловлено разочарование тех, кто наблюдал со стороны их чрезмерную скрытность. Они не были склонны к объяснениям, и в случае разногласий по поводу Корберона их молчание – признак не чрезмерного презрения, а скорее чрезмерного такта.

«Слова сияния», глава 11, страница 6

Наступила ночь. Каладин шагал вдоль Разрушенных равнин, проходя мимо скоплений сланцекорника и лоз, вокруг которых мельтешили спрены жизни, похожие на пылинки. После вчерашнего сверхшторма в низинах все еще оставались лужи, полные крэма для пирующих в них растений. Слева до Каладина доносились звуки оживленного военного лагеря. Справа... тишина. Только бесконечные плато.

Когда он был мостовиком, солдаты Садеаса не останавливали его, если он гулял этой тропой. Что ждало людей снаружи, на равнинах? Садеас ставил охрану на краю лагерей и у мостов, чтобы рабы не могли сбежать.

Что ждало людей снаружи? Ничего, кроме избавления в глубине ущелий.

Каладин повернулся и побрел вдоль одного из них, мимо солдат, охраняющих мосты, и факелов, чей огонь дрожал на ветру. Ему отсалютовали.

«Туда», – подумал он, пробираясь к конкретному плато.

Военный лагерь слева отбрасывал достаточно света, чтобы он видел, куда идет. На краю плато Каладин подошел к месту, где встретил королевского Шута той ночью, много недель назад. То была ночь решений, ночь перемен.

Каладин шагнул к краю пропасти, глядя на восток.

Перемены и решения. Он оглянулся через плечо. Пост охраны остался позади, и теперь поблизости не было никого, кто мог бы его увидеть. Поэтому Каладин шагнул в ущелье с наполненной сферами сумкой на поясе.

Шаллан не нравился военный лагерь Садеаса.

Воздух здесь оказался не такой, как в лагере Себариаала. Воняло, и это был запах отчаяния.

Имело ли отчаяние запах? Она подумала, что может его описать. Зловоние пота, дешевой выпивки и крэма, который не убирали с улиц. Все эти запахи смешивались над слабо освещенными дорогами. В лагере Себариаала люди гуляли группами, здесь же они шныряли, сбившись в стаи.

Лагерь Себариаала пах пряностями и ремеслами – новой кожей – и иногда домашним скотом. Лагерь Далинара – мастикой и смазкой, на каждом втором углу кто-то делал что-нибудь полезное. Теперь в лагере Далинара осталось слишком мало солдат, но каждый носил форму подобно щиту против хаоса времен.

Те солдаты в лагере Садеаса, что носили форму, ходили в расстегнутых мундирах и мятых брюках. Шаллан проходила таверну за таверной, и из каждой наружу доносился гам. Женщины, слонявшиеся перед некоторыми из них, свидетельствовали о том, что это не просто таверны. Конечно, публичные дома имелись в каждом лагере, но тут они казались особенно вульгарными.

Здесь было меньше паршменов, чем Шаллан привыкла видеть в лагере Себариаала. Садеас предпочитал традиционных рабов: мужчин и женщин с клеймами на лбах, снующих повсюду со сгорбленными спинами и опущенными плечами.

Честно говоря, она ожидала встретить подобное во всех военных лагерях. Шаллан читала отчеты людей с войны – о маркитантах и проблемах с дисциплиной. О вспышках раздражительности, о настроении мужчин, которых учат убивать. Возможно, вместо того чтобы поражаться ужасам лагеря Садеаса, ей следовало удивляться, что другие на него не похожи.

Шаллан ускорила шаг. Сегодня она примерила лицо темноглазого юноши, волосы спрятаны под шляпой, а на руках – пара плотных перчаток. Даже замаскированная под парня, она оказалась не готова ходить с открытой безопасной рукой.

Перед тем как выйти из дома, она сделала серию набросков, которые при необходимости можно использовать в качестве новых лиц. Проверка подтвердила, что если она нарисует набросок утром, то сможет использовать его для создания образа днем. Однако если ей приходилось ждать больше одного дня, образ становился нечетким и иногда расплывался. Шаллан уловила смысл. Процесс рисования запечатлевал в ее голове картинку, но в конечном итоге она рассеивалась.

Прообразом для ее нынешнего лица послужил юный посыльный, сновавший по лагерю Садеаса. Хотя сердце Шаллан бешено билось каждый раз, когда она проходила мимо группы солдат, никто не бросил в ее сторону лишнего взгляда.

Амарам был кронлордом – светлоглазым третьего дана, что делало его на целый ранг выше отца Шаллан и двумя рангами выше ее самой. Высокое положение давало ему право владеть собственной маленькой территорией в лагере сюзерена. Над особняком развевалось его личное знамя, а ближайшие здания занимали его собственные солдаты. Столбы, вбитые в камень и выкрашенные в цвета Амарама – бордовый и темно-зеленый – очерчивали его зону влияния. Она прошла мимо них без остановки.

– Эй, ты!

Шаллан застыла на месте, чувствуя себя такой маленькой в темноте. Но недостаточно маленькой. Она медленно повернулась, когда подошли двое патрулирующих периметр охранников. Их униформа была строже, чем та,

которую она видела в лагере. Даже пуговицы отполированы, хотя они носили похожие на юбки такамы вместо штанов. Амарам оставался приверженцем традиций, и униформа отражала его взгляды.

Охранники нависли над ней, как это делали большинство аleti.

– Посыльный? – спросил один. – В такое время ночи?

Он был крепким детиной с седой бородой и толстым широким носом.

– Еще даже не взошла вторая луна, сэр, – ответила Шаллан голосом, который, как она надеялась, походил на мальчишеский.

Охранник нахмурился. Что она такого сказала?

«Сэр, – поняла Шаллан. – Он не офицер».

– Отныне докладывай о своем прибытии постам охраны, – сказал мужчина, указав на маленький освещенный участок на некотором расстоянии позади них. – Мы собираемся поддерживать безопасный периметр.

– Да, сержант.

– О, хватит изводить парня, Хав, – проговорил другой солдат. – Ты же не думаешь, что он должен быть в курсе правил, которые не знает половина солдат.

– Свободен, – произнес Хав, махнув Шаллан.

Девушка поспешила подчиниться. Безопасный периметр? Она не завидовала этим людям с таким заданием. У Амарама нет стены, чтобы отгородиться от других, только несколько полосатых столбов.

Обособник Амарама оказался относительно небольшим – два этажа с несколькими комнатами на каждом. Возможно, раньше здесь располагалась таверна, жилище было временным, потому что Амарам только недавно приехал в военный лагерь. Сложенные поблизости груды кирпича из крэма и камня указывали на то, что планировалась постройка чего-то более грандиозного. Рядом находились другие здания, приспособленные под казармы личной охраны Амарама, в которую входило всего около пятидесяти человек. Большинство пришедших с ним солдат, завербованных на землях Садеаса и присягнувших кронлорду, будут расквартированы где-то еще.

Подойдя ближе к дому Амарама, Шаллан пригнулась рядом с хозяйственной постройкой и присела на корточки. У нее ушло три вечера, чтобы разведать территорию, и каждый раз она использовала разные лица. Не исключено, что такая осторожность чрезмерна. Шаллан не делала ничего подобного раньше и не была уверена. Дрожащими пальцами она сняла шляпу – настоящую часть костюма – и позволила волосам рассыпаться по плечам. Затем достала из кармана сложенный рисунок и стала ждать.

Проходили минуты, а она все смотрела на особняк.

«Давай же... – думала она. – Выходи...»

Наконец из дома показалась молодая темноглазая женщина под руку с высоким мужчиной в брюках и свободной рубашке на пуговицах. Женщина захихикала, когда ее друг что-то сказал, и убежала в темноту. Мужчина позвал ее и поспешил следом. Служанка – Шаллан до сих пор не смогла узнать ее имя – уходила каждую ночь в одно и то же время. Дважды с этим мужчиной. Один раз с другим.

Шаллан глубоко вдохнула, втягивая штормсвет, и подняла картинку, на которой раньше изобразила убежавшую девушку. Та была примерно одного роста с Шаллан, с волосами почти такой же длины, довольно схожего телосложения... Должно сработать. Шаллан выдохнула и превратилась в другого человека.

«Служанка хихикает и смеется, – подумала она, стягивая мужские перчатки и надевая на безопасную руку женскую перчатку коричневого цвета, – и часто перемещается вприпрыжку. Ее голос выше, чем мой, и у нее нет акцента».

Шаллан практиковалась говорить правильно, но надеялась на то, что ей не понадобится выяснять, насколько достоверен ее голос. Все, что ей требуется

сделать, – войти в дверь, подняться по лестнице и проскользнуть в нужную комнату. Легко.

Она встала, затаила дыхание и, выпустив штормсвет, шагнула к зданию.

Каладин достиг дна пропасти в светящемся облаке штормсвета и перешел на бег, закинув копьё на плечо. Было трудно стоять на месте со штормсветом в венах.

Он сбросил пару мешочков сфер, чтобы использовать их позже. Штормсвета, поднимавшегося с участков его открытой кожи, хватало, чтобы освещать пропасть и отбрасывать тени на стены, пока он бежал. Тени же, казалось, становились фигурами из костей и ветвей, тянущихся от груд на земле. Тела и души. Его движения заставляли тени изгибаться, как если бы они поворачивались, чтобы посмотреть на него.

Он бежал, окруженный немymi зрителями. Сил слетела вниз лентой света и заняла место рядом с головой Каладина, сравнявшись с ним по скорости. Он перепрыгивал через препятствия и шлепал по лужам, разогревая мышцы для упражнений.

А потом запрыгнул на стену.

Неуклюже ударившись, Каладин упал и перекатился через несколько оборцов. Он остановился лицом вниз, лежа на стене, но зарычал и поднялся на ноги, в то время как штормсвет затягивал небольшой порез на его руке.

Прыжок на стену ощущался очень противоестественно. Когда он ударился, потребовалось время, чтобы сориентироваться.

Каладин снова побежал, втянув больше штормсвета, приучая себя к смене перспективы. Когда он приблизился к следующей расщелине между плато, для его глаз это выглядело, как если бы он достиг дна ямы. Стены ущелья казались ему полом и потолком.

Он соскочил со стены, сосредоточившись на дне пропасти, и мигнул, пожелав, чтобы то направление снова стало для него низом. Приземлившись, он снова споткнулся и в этот раз полетел в лужу.

Каладин со вздохом перевернулся на спину, лежа в холодной воде. Крэм, ранее осевший на дне, захлопал между пальцев, когда он сжал кулаки.

Сил приземлилась ему на грудь, приняв образ молодой женщины. Она уперла руки в бедра.

– Что? – спросил Каладин.

– Это было жалкое зрелище.

– Согласен.

– Может, ты слишком спешишь, – добавила она. – Почему бы не попробовать прыгнуть на стену без разбега?

– Убийца мог так делать, – ответил Каладин. – Мне нужно уметь сражаться так же, как и он.

– Понятно. И, полагаю, он научился всему этому с пеленок, без какой-либо практики.

Каладин тихо выдохнул.

– Ты говоришь так же, как и Туккс.

– Неужели? Он был блистателен, прекрасен и всегда прав?

– Он был крикливым, нетерпимым и чрезвычайно язвительным, – ответил, вставая, Каладин. – Но да, он в основном всегда был прав.

Он повернулся к стене и прислонил к ней копьё.

– Сет называл это «сплетением».

– Хороший термин, – кивнула Сил.

– Что ж, чтобы научиться, мне придется заняться некоторыми основными принципами.

Совсем как учиться сражаться с копьём.

Видимо, ему придется запрыгнуть на стену и соскочить вниз пару сотен раз.

«Лучше так, чем смерть от Клинка Осколков убийцы», – подумал Каладин и взялся за дело.

Шаллан вошла в кухню Амарама, пытаясь двигаться с энергичной грацией той девушки, лицом которой она воспользовалась. В большой комнате сильно пахло карри, томившимся над очагом, – остатки вечерней трапезы на случай, если кто-нибудь из светлоглазых проголодается. Повариха в углу читала роман, пока ее девушки мыли кастрюли. Комната была хорошо освещена сферами. Судя по всему, Амарам доверял слугам.

Длинная лестница вела на второй этаж, позволяя слугам быстро приносить еду хозяину. Шаллан нарисовала план здания по догадкам, основанным на расположении окон. Комнату с секретами было легко обнаружить: Амарам закрыл ставни на окнах и никогда их не открывал. Похоже, она правильно предположила насчет лестницы на кухне. Шаллан направилась к ступеням, напевая под нос, как часто делала девушка, которую она изображала.

– Уже вернулась? – спросила повариха, не поднимая голову от романа. Судя по акценту, она была хердазианкой. – Его сегодняшний подарок оказался недостаточно хорош? Или тот, другой, заметил вас вместе?

Шаллан ничего не сказала, пытаясь скрыть беспокойство за напеванием.

– Для тебя найдется занятие, – сказала повариха. – Стайну требуется помощь, чтобы отполировать зеркала. Он в кабинете, чистит флейты хозяина.

Флейты? У такого солдата, как Амарам, есть флейты?

Что сделает повариха, если Шаллан взбежит по лестнице и проигнорирует приказ? Возможно, эта женщина высокого ранга для темноглазой. Важный представитель домашней прислуги.

Повариха не оторвалась от своего романа, но продолжила мягче:

– Думаешь, мы не заметили, как ты выбралась тайком в полдень, дитя? То, что хозяин тебя любит, не означает, что ты можешь этим пользоваться. Иди работать. Уборка в твой свободный вечер вместо того, чтобы любезничать с мужчинами, поможет напомнить тебе об обязанностях.

Стиснув зубы, Шаллан посмотрела вверх, на ступени, ведущие к ее цели. Повариха медленно опустила роман. Ее нахмуренный вид указывал на то, что она из тех, кому лучше не перечить.

Шаллан кивнула и двинулась прочь от лестницы, дальше по коридору. В вестибюле должна быть другая лестница, ведущая наверх. Ей только нужно пройти в том направлении и...

Шаллан застыла на месте, когда из боковой комнаты в коридор шагнула фигура. Высокий мужчина с квадратным лицом и угловатым носом был одет по современной моде светлоглазых: открытый сюртук поверх рубашки с пуговицами, обтягивающие брюки, на шее повязан широкий платок.

Шторма! Предполагалось, что кронлорд Амарам – модно одетый или не модно – не должен находиться сегодня в доме. Адолин сказал, что этим вечером Амарам ужинает с Далинаром и королем. Почему он здесь?

Амарам стоял, изучая бухгалтерскую книгу в руках, и, казалось, не замечал ее. Он отвернулся и зашагал по коридору.

«Бежать».

Это было первой реакцией Шаллан. Выскочить через переднюю дверь, исчезнуть в ночи. Проблема в том, что она поговорила с поварихой. Когда

девушка, которую изображает Шаллан, вернется, то окажется в шторме проблем – и она способна доказать, со свидетелями, что не возвращалась в дом раньше положенного. Что бы Шаллан не сделала, есть большая вероятность того, что когда она уйдет, Амарам узнает, что кто-то шнырял вокруг под видом одной из его служанок.

Отец штормов! Не успела она войти в дом, как уже все испортила.

Впереди закрипели ступени. Амарам поднимался как раз в ту комнату, которую Шаллан намеревалась осмотреть.

«Кровьпризраки рассердятся на меня, если я насторожу Амарам, – подумала девушка, – но они разозлятся еще больше, если я еще и вернусь без информации».

Она должна попасть в ту комнату, причем одна. А значит, она не может позволить Амараму войти туда.

Шаллан бросилась за ним, вбежала в вестибюль и крутанулась вокруг столба перил, чтобы побыстрее подняться по лестнице. Амарам добрался до верхней площадки и повернул к коридору. Может, он идет в другую комнату.

Ей не настолько повезло. Пока Шаллан спешила вверх по лестнице, Амарам дошел до нужной двери, достал ключ, вставил его в замок и повернул.

– Светлорд Амарам, – проговорила Шаллан, запыхавшись, когда добежала до верхней площадки.

Он повернулся к ней, нахмурившись.

– Телеш? Ты же собиралась уйти сегодня ночью?

Ну, теперь она хотя бы знает, как ее зовут. На самом ли деле Амарам так интересуется своими слугами, что осведомлен о планах на вечер простой горничной?

– Да, светлорд, – ответила Шаллан, – но я вернулась.

«Нужно его отвлечь. Но чем-то не слишком подозрительным. Думай!»

Заметит ли он, что голос изменился?

– Телеш, – сказал Амарам, покачав головой. – Ты все еще не можешь выбрать между ними? Я обещал твоему доброму отцу, что позабочусь о тебе. Что же мне делать, если ты никак не угомонишься?

– Дело не в этом, светлорд, – быстро ответила Шаллан. – Хав остановил идущего к вам посыльного на границе периметра. Он отправил меня рассказать о нем.

– Посыльный? – спросил Амарам, вытаскивая ключ из замка. – От кого?

– Хав не сказал, светлорд. Хотя он, кажется, думает, что послание важное.

– Ох уж этот солдат... – вздохнул Амарам. – Он слишком подозрительный. Думает, что может поддерживать безопасный периметр в таком беспорядке, называемом лагерем?

Светлорд подумал и убрал ключ обратно в карман.

– Лучше посмотреть, что там.

Шаллан поклонилась ему, когда он прошел мимо и стал спускаться вниз по лестнице. Она сосчитала до десяти после того, как он скрылся из вида, и подкралась к двери. Комната все еще оставалась запертой.

– Узор! – прошептала Шаллан. – Ты где?

Он показался из складок ее юбки, скользнул по полу и поднялся к двери, появившись прямо перед ней в виде выпуклой резьбы на дереве.

– Замок?

– Это структура, – сказал он, уменьшился и протиснулся в замочную скважину.

Шаллан заставила его проделать подобное несколько раз на замках в своей комнате, и он оказался способен открыть их так же, как и сундук Тин.

Замок щелкнул, Шаллан открыла дверь и проскользнула в темную комнату. Вытащенная из кармана платья сфера осветила помещение.

Секретная комната. Комната со всегда закрытыми ставнями, которую постоянно держали запертой. Комната, которую так отчаянно хотели видеть Кровьпризраки.

Она была заполнена картами.

Хитрость в прыжке между поверхностями заключалась не в приземлении, как узнал Каладин. Дело было не в рефлексах или ощущения времени. И даже не в изменении перспективы.

Все дело было в страхе.

В том моменте, когда его тело, зависшее в воздухе, переходило от падения вниз к падению вбок. Его инстинкты оказались не приспособлены к таким изменениям. Примитивная часть разума паниковала каждый раз, когда низ переставал быть низом.

Каладин побежал к стене и прыгнул, направив ноги в сторону. Он не должен сомневаться, не должен бояться, не должен отклоняться. Это походило на обучение прыгать лицом на каменную поверхность, не поднимая рук для защиты.

Он изменил свою перспективу и использовал штормсвет, чтобы заставить стену стать полом. Переместил ноги. Даже утихомиранные, в тот краткий момент его инстинкты восстали. Тело знало, оно знало, что он собирался упасть обратно на дно ущелья. Он сломает кости и разобьет голову.

Каладин приземлился на стену, не споткнувшись. Удивленный, выпрямился и глубоко вздохнул, выпуская клубы штормсвета.

– Неплохо! – похвалила Сил, мельтеша вокруг.

– Это противоестественно, – сказал Каладин.

– Нет. Я никогда не стала бы ввязываться во что-то противоестественное. Это всего лишь... особенноеестественно.

– Ты имеешь в виду, сверхъестественно.

– Нет, не имею.

Она рассмеялась и закружилась перед ним.

Это было противоестественно – как противоестественно для ребенка шагать, когда он только учится ходьбе. Но станет естественным со временем. Каладин учился ползать, но, к несчастью, вскоре он должен уметь бегать. Как ребенок, свалившийся в логово белоспинника. Учись быстро или станешь обедом.

Он побежал по стене, перескакивая через пласты сланцекорника, затем прыгнул в сторону и изменил направление к дну пропасти, приземлившись лишь с небольшой заминкой.

Лучше. Он побежал за Сил, держась позади.

Карты.

Шаллан прокралась вперед, ее единственная сфера проливала свет на комнату, завешанную картами и заваленную бумагами. Они были покрыты наскоро набросанными глифами, что не добавляло им красоты. Она едва могла прочесть большинство из них.

«Я слышала о таком, – подумала она. – Рукописная система штормстражей. Их способ обойти запреты насчет письма».

Амарам был штормстражем? Графики периодичности на одной из стен, перечисляющие сверхшторма, и вычисления их следующих приходов, написанные той же рукой, что и пометки на картах, похоже, служили тому подтверждением. Возможно, именно это искали Кровьпризраки –

компрометирующие материалы. Штормстражи, будучи учеными мужского пола, вызывали у большинства людей чувство неловкости. То, как они использовали глифы, по существу, ничем не отличалось от письма, их тайная природа... Амарам слыл одним из самых идеальных генералов во всем Алеткаре. Его уважали даже те, с кем он сражался. Выставить его штормстражем значило серьезно навредить его репутации.

Зачем ему возиться с таким странным увлечением? Все эти карты смутно напомнили ей те, что она обнаружила в кабинете отца после его смерти, хотя те изображали только Джа Кевед.

– Понаблюдай снаружи, Узор, – сказала Шаллан. – Скажешь мне, как только Амарам вернется в дом.

– М-м-м-м, – прожужжал Узор, удаляясь.

Понимая, что ее время ограничено, Шаллан поспешила к стене, подняв сферу, и сохранила воспоминания о картах. Разрушенные равнины? Эта карта была более детальна, чем те, что она видела раньше, включая Главную карту, которую она изучала в королевской галерее карт.

Откуда у Амарам что-то настолько детальное? Шаллан попыталась понять глифы – насколько она видела, в них не было грамматики. Глифы не предназначались для подобного использования. Они передавали единичные идеи, а не последовательность мыслей. Она прочитала несколько в ряду:

«Происхождение... направление... неопределенность... Место в центре не определено?»

Возможно, имелось в виду именно это.

Другие записи были простыми, и она перевела их в уме.

«Возможно, движение в том направлении принесет результаты. Воины заметили наблюдающих оттуда».

Другие группировки глифов не имели для нее смысла. Письменность была причудливой. Вероятно, Узор смог бы ее перевести, но Шаллан точно не могла.

В стороне от карт стенах были увешаны длинными свитками, заполненными письменами, знаками и диаграммами. Амарам над чем-то работал, чем-то значительным.

«Паршенди!» – поняла Шаллан.

Вот что означали те глифы. Парап-шенеш-иди. Три глифа по отдельности означали три разные вещи, но вместе их звучание составляло слово «паршенди». Вот почему некоторые письмена казались тарабарщиной. Амарам использовал некоторые глифы фонетически. Он подчеркнул такие глифы, и ему удалось передать с их помощью понятия, которые никогда бы не получилось выразить другим способом. Штормстражи на самом деле превратили глифы в настоящую письменность.

«Паршенди, – перевела она, – до сих пор отвлеченные природой своих характеров, должны знать, как вернуть Несущих Пустоту».

Что?

«Вызвать у них тайну».

«Добраться до центра раньше армий алетии».

Некоторые письмена оказались списками первоисточников. Хотя их перевели в глифы, она узнала некоторые цитаты из работ Джасны. Одни ссылались на Несущих Пустоту. Другие были предполагаемыми рисунками Несущих Пустоту и разных мифологических созданий.

Вот оно, полное доказательство того, что Кровьпризраки интересовались теми же вещами, что и Джасна. Очевидно, как и Амарам. С колотящимся от волнения сердцем Шаллан повернулась вокруг, оглядывая комнату. Неужели где-то здесь секрет Уритиру? Нашел ли он его?

В комнате было слишком много всего, чтобы Шаллан могла перевести все полностью и сразу. Письменность слишком трудна, а учащенное сердцебиение чересчур нервирует. Она сохранила несколько *воспоминаний*, чтобы позже нарисовать все целиком.

Переведенные мимоходом письма вызвали в Шаллан новый вид страха. Похоже... похоже, что светлорд Амарам, идеал чести алети, на самом деле пытался вызвать возвращение Несущих Пустоту.

«Я должна по-прежнему участвовать во всем происходящем, – подумала Шаллан. – Нельзя допустить, чтобы Кровьпризраки перестали иметь со мной дело из-за неразберихи с вторжением к Амараму. Мне нужно узнать, что еще им известно. И я должна понять, почему Амарам ввязался в это дело».

Сегодня ночью она не могла просто сбежать. Нельзя было рисковать и насторожить Амарама тем, что кто-то проник в его секретную комнату. Она не могла провалить задание.

Шаллан должна смастерить ложь получше.

Она вытащила лист бумаги из кармана и шлепнула его на стол, а затем принялась неистово рисовать.

На безопасной скорости Каладин спрыгнул со стены, крутанулся вбок и приземлился на землю, не сбив шаг. Он двигался не очень быстро, но хотя бы больше не спотыкался.

С каждым прыжком он все удачнее приглушал внутреннюю панику. Вверх, обратно на стену. Снова вниз. Раз за разом, втягивая штормсвет.

Да, появилось ощущение естественности. Да, появилось ощущение принадлежности.

Он продолжил бег вдоль дна ущелья, чувствуя волну возбуждения. Взметнулись тени, когда он увернулся от груды костей и мха. Каладин прыгнул через большую лужу, но недооценил ее размер, начал падать и вот-вот должен был шлепнуться на мелководье.

Но рефлекторно посмотрел вверх и *сплел* себя с небом.

На короткий момент он перестал падать и начал двигаться вверх. Его импульс продолжал толкать его дальше, и он перелетел через лужу и снова *сплел* себя с низом. Вспотев, он приземлился, перейдя на быстрый шаг.

«Я могу *сплести* себя с верхом, – подумал он, – и падать в небо вечно».

Но нет, так мог бы думать обычный человек. Разве небоуторь боится упасть? Рыба ведь не боится утонуть.

Пока Каладин не начнет думать по-новому, он не сможет управлять данным ему даром. Это был действительно дар. И он его примет.

Теперь небо принадлежало ему.

Каладин закричал, устремляясь вперед. Он подпрыгнул и *сплел* себя со стеной. Без паузы, без колебаний, без страха. Приземлившись на стену, он побежал так быстро, как только мог, а Сил, кружившая рядом, засмеялась от восхищения.

Но ведь это так... так просто. Каладин спрыгнул со стены и посмотрел прямо вверх на противоположную стену. Он *сплел* себя в том направлении, сделал сальто и приземлился на одно колено туда, где мгновением раньше находился потолок.

– У тебя получилось! – воскликнула Сил, порхая вокруг него. – Что изменилось?

– Я.

– Ну да, но что в тебе изменилось?

– Все.

Сил нахмурилась. Он усмехнулся в ответ, а затем поднялся и побежал по стене ущелья.

Шаллан спустилась по задней лестнице особняка в кухню, топая ногами сильнее, чем при нормальной ходьбе, чтобы изобразить более тяжелого человека, чем она сама. Повариха оторвалась от своего романа, поняла голову и, выпучив глаза, в панике уронила книгу, порываясь встать.

– Светлорд!

– Сиди.

Шаллан делала вид, что говорит, почесывая лицо, чтобы скрыть губы. Узор проговаривал слова, которые она ему сказала, превосходно имитируя голос Амарама.

Повариха осталась сидеть, как ей приказали. Шаллан надеялась, что со своей позиции она не заметит, что Амарам ниже, чем должен быть. Даже встав на цыпочки – иллюзия скрывала ее уловку – она была гораздо ниже кронлорда.

– Ты недавно говорила с горничной Телеш, – сказал Узор, в то время как Шаллан двигала губами.

– Да, светлорд, – ответила повариха, говоря тихо, чтобы соответствовать тону Узора. – На вечер я отправила ее работать к Стайну. Подумала, что девушку необходимо немного приструнить.

– Ни к чему, – произнес Узор. – Она вернулась по моему распоряжению. Я снова отправил ее наружу и наказал не говорить о том, что произошло сегодня вечером.

Повариха нахмурилась.

– А что... произошло сегодня вечером?

– Ни слова о случившемся. Ты вмешалась не в свое дело. Сделай вид, что не видела Телеш. Никогда не говори со мной об этом происшествии. Если ты все же попробуешь, я притворюсь, что ничего не случилось. Поняла?

Повариха побледнела и кивнула, обмякнув в кресле.

Шаллан коротко ей кивнула и вышла из кухни в темноту. Снаружи девушка нырнула к стене особняка, сердце бешено колотилось. Но все равно на ее лице появилась усмешка.

Скрывшись из виду, она выдохнула облачко штормсвета и шагнула вперед. Когда она прошла сквозь него, Амарам исчез, его место занял мальчик-посыльный, которого она изображала прежде. Шаллан пробралась обратно к фасаду здания и села на ступеньки, сгорбившись и уронив голову на руки.

В темноте показались Амарам и Хав, тихо переговаривающиеся между собой.

– ...Я не заметил, что девчонка видела, как я разговариваю с посыльным, кронлорд, – говорил Хав. – Она должна понимать...

Он остановился, когда они увидели Шаллан.

Девушка вскочила на ноги и поклонилась Амараму.

– Теперь это не важно, Хав, – сказал Амарам, жестом отослав солдата обратно на его пост.

– Кронлорд, – проговорила Шаллан. – Я принес вам послание.

– Очевидно, от темнорожденного, – сказал Амарам, шагнув к ней. – Что он хочет?

– Он? – переспросила Шаллан. – Послание от Шаллан Давар.

Амарам вскинул голову.

– От кого?

– От невесты Адолина Холина, – пояснила Шаллан. – Она пытается обновить информацию обо всех учтенных Клинках Осколков в Алеткаре с

помощью рисунков. И хотела бы, чтобы вы выбрали время, когда она сможет прийти и нарисовать ваш, если вы не против.

– О, – ответил Амарам. Казалось, он расслабился. – Да, хорошо, я не против. Я свободен в основном после обеда. Пусть она пришлет кого-нибудь поговорить с моим управляющим об организации встречи.

– Да, кронлорд. Я прослежу, чтобы все было выполнено.

Шаллан двинулась, чтобы уйти.

– Ты пришел так поздно? – спросил Амарам. – Чтобы решить такой простой вопрос?

Шаллан пожала плечами.

– Я не задаю вопросов, когда приказывают светлоглазые, кронлорд. Но моя хозяйка, ну, она бывает временами рассеянной. Полагаю, она дала мне задание, пока оно свежо в ее голове. И она на самом деле интересуется Клинками Осколков.

– А кто не интересуется? – задумчиво проговорил Амарам, поворачиваясь, чтобы уйти. – Изумительные вещи, разве не так?

Он говорил с ней или с самим собой? Шаллан засомневалась. В его руке сформировался меч, туман осел бисерными каплями воды на его лезвии. Амарам поднял Клинок Осколков, любуясь своим отражением.

– Такая красота, – сказал он. – Такое искусство. Почему мы должны убивать нашими величайшими творениями? О, но я задерживаю тебя своей болтовней. Прошу прощения. Клинок все еще нов для меня. Я выдумываю предлоги для его призыва.

Шаллан почти не слушала. Клинок, по задней кромке которого вырезаны плавные волны. Или, может быть, языки пламени. Гравировка по всей плоскости. С извилистыми завитками.

Она узнала этот Клинок.

Он принадлежал ее брату Хеларану.

Каладин неся по ущелью, и к нему присоединился ветер, дующий в спину. Сил извивалась впереди лентой света.

Он добежал до валуна и подпрыгнул в воздух, *сплетая* себя с верхом. Прежде чем *сплести* себя с боковым направлением и низом одновременно, он взлетел на добрых тридцать футов. *Сплетение* с низом замедлило движение вверх, боковое *сплетение* приблизило его к стене.

Каладин распустил *сплетение* с низом и ударился о стену одной рукой, крутанувшись и приземлившись на ноги, а затем продолжил бежать по стене ущелья. Достигнув края плато, он перепрыгнул на следующее и *сплел* себя с его стеной.

«Быстрее!»

Он удерживал почти весь имеющийся штормсвет, вытянутый из брошенных ранее мешочков со сферами. Удерживал его так много, что сверкал, как костер. Ободренный ощущениями, он прыгнул и *сплел* себя с направлением вперед, на восток, начав падать в ущелье. Его дно быстро приближалось, очертания растений расплылись, проносясь мимо.

Каладин должен был помнить, что падает. Это не полет, и с каждой секундой продвижения его скорость увеличивалась. Но он по-прежнему испытывал чувство независимости, абсолютной свободы. Просто нужно помнить, что может быть опасно.

Ветра подхватили его, и в последний момент он *сплел* себя в обратном направлении, замедлив спуск и врезавшись в стену ущелья перед собой.

Теперь это направление стало для него низом, так что он встал и побежал вдоль него. Каладин расходовал штормсвет с бешеной скоростью, но ему не требовалось его беречь. Ему платили как светлоглазому офицеру шестого дана, и сферы были не крошечными обломками, а полновесными брумами. Его месячная плата теперь составляла больше, чем он когда-либо видел за раз, и штормсвета в ней содержалось огромное количество по сравнению с тем, чем он владел раньше.

Каладин издал клич, перепрыгнув скопление оборцветов, и их листья под ним втянулись. Он *сплел* себя с другой стеной ущелья, пересек его, приземлившись на руки, и снова оттолкнулся вверх, каким-то образом *сплетя* себя в том направлении лишь самую малость.

Теперь, став намного легче, он оказался способен переворачиваться в воздухе и приземляться на ноги. Каладин стоял на стене, лицом к дну ущелья, сжав кулаки, и из него изливался свет.

Сил медлила, порхая вокруг него взад-вперед.

– В чем дело? – спросила она.

– Еще, – сказал Каладин и в очередной раз *сплел* себя вперед, дальше по ущелью.

Он падал без страха. Это был его океан, чтобы плавать, его ветра, чтобы парить. Он падал лицом в сторону следующего плато. Перед самым подлетом *сплел* себя в сторону и назад.

Его желудок подскочил к горлу. Было такое чувство, как будто кто-то обвязал его веревкой и столкнул с утеса, а затем рванул за веревку как раз перед тем, как он ударился о землю. Штормсвет внутри, правда, смягчил дискомфорт. Каладин переместился в сторону, к следующему ущелью.

Сплетения снова повлекли его на восток, вдоль очередной пропасти, и он стал лавировать между плато, оставаясь в ущельях, как угорь, который плавает по волнам, огибая валуны. Вперед, все быстрее, продолжая падать...

Сжав зубы одновременно от удивления и скрутивших его сил, Каладин отбросил осторожность и *сплел* себя с небом. Один, два, три раза. Он отпустил все остальные *сплетения* и окруженный струящимся штормсветом вылетел из ущелий на открытое пространство.

Сплетя себя с востоком, Каладин снова стал падать в том направлении, но на этот раз никакие плато не преграждали ему дорогу. Он стремительно двигался к горизонту, неуловимый, затерявшийся в темноте. Он увеличил скорость, и его плащ захлопал, касаясь волос сзади. Воздух бил в лицо, и Каладин сощурил глаза, но не стал их закрывать.

Внизу, одно за другим, проплывали темные ущелья. Плато. Пропасть. Плато. Пропасть. Это чувство... полета над землей... он испытывал его раньше, во сне. То расстояние, на преодоление которого мостовикам требовались часы, он пролетал за минуты и чувствовал, словно что-то поддерживало его снизу. Его нес на себе сам ветер. Сил промелькнула справа.

И слева? Нет, там другой спрен ветра. Каладин привлек десятки спренов, летающих вокруг него лентами света. Среди них можно было узнать Сил. Каладин не знал, каким образом, ведь она ничем не выделялась, но он точно мог сказать, что это она. Как если бы можно было выделить члена семьи из толпы только по его походке.

Сил и ее кузины закручивались вокруг него спиралями света, свободно и хаотично, но с намеком на согласованность.

Сколько времени прошло с той поры, когда он последний раз чувствовал себя так хорошо, ощущал подобное ликование, казался себе таким живым? Еще до гибели Тьена. Даже после того, как Каладин спас Четвертый мост, над ним нависала тьма.

Она испарилась. Впереди на плато он увидел каменный шпиль и направился в его сторону, осторожно *сплетя* себя вправо. Очередное *сплетение*, направленное назад, замедлило его падение достаточно, чтобы, когда Каладин ударился о верхушку каменного шпиля, он смог обхватить и закрутиться вокруг него, скользя пальцами по окаменевшему крэму.

Сотни спренов ветра рассеялись вокруг него, как разбивается волна, разлетевшись в стороны от Каладина веером света.

Он усмехнулся. А затем взглянул вверх, в небо.

Светлорд Амарам продолжал пристально смотреть в ночи на Клинок Осколков. Он держал его перед собой, острием вверх, в свете, льющемся от фасада особняка.

Шаллан вспомнила тихий ужас отца, когда он смотрел на то же самое оружие, направленное на него. Возможно ли подобное совпадение? Два меча, которые выглядят одинаково? Вдруг ее подвела память.

Нет. Нет, она никогда не забудет вид того Клинка. Это тот самый, которым владел Хеларан. Не могло быть двух одинаковых Клинков.

– Светлорд, – проговорила Шаллан, привлекая внимание Амарама. Он казался удивленным, как будто забыл, что она здесь.

– Да?

– Ее светлость Шаллан, – сказала она, – желает удостовериться, что все записи правильны и что истории Клинков и Доспехов в армии алети должным образом отслежены. Вашего Клинка в них нет. Она спрашивает, не могли бы вы поделиться воспоминаниями о происхождении вашего Клинка, ради науки.

– Я уже объяснял Далинару, – ответил Амарам. – Я не знаю истории своих Осколков. Ими владел убийца, который пытался лишить меня жизни. Молодой человек, веденец, с рыжими волосами. Мы не узнали его имени, а лицо оказалось обезображено ранами. Видишь ли, мне пришлось ударить его в лицо, через шлем.

«Молодой человек. С рыжими волосами».

Она стояла перед убийцей своего брата.

– Я... – Шаллан запнулась, почувствовав слабость. – Спасибо. Я передам информацию.

Она повернулась и зашагала, стараясь не споткнуться. Наконец она узнала, что случилось с Хелараном.

«Ты был замешан во все это, не так ли, Хеларан? – подумала она. – Так же, как отец. Но как, почему?»

Похоже, Амарам старался вернуть Несущих Пустоту. А Хеларан попытался его убить.

Но неужели на самом деле кто-то хочет вернуть Несущих Пустоту? Возможно, она ошиблась. Ей необходимо попасть в свою комнату, нарисовать те карты, *воспоминания* о которых она сохранила, и попробовать выяснить смысл всего происходящего.

К счастью, охранники не доставили дальнейших проблем, когда она выскользнула мимо них из лагеря Амарама и растворилась в спасительной темноте. И хорошо, потому что, взгляни они поближе, увидели бы мальчика-посыльного в слезах. Оплакивая брата, теперь Шаллан уже наверняка знала, что он мертв.

Вверх.

Одно *сплетение*, затем другое, потом третье. Каладин взмыл в небо. Ничего, кроме открытого простора, бесконечное море для его удовольствия.

Воздух становился холоднее. Он по-прежнему летел вверх, направляясь к облакам. Наконец, забеспокоившись, что штормсвет закончится быстрее, чем он вернется на землю, – у него в кармане про запас осталась только одна заряженная сфера, – Каладин неохотно *сплел* себя с низом.

Он не упал вниз сразу, его движение вверх просто немного замедлилось. Он все еще был *сплетен* с небом, так как не отпустил предыдущие *сплетения* с верхом.

Испытав любопытство, Каладин *сплел* себя с землей, чтобы замедлиться еще больше, а затем отпустил все *сплетения*, за исключением одного с верхом и одного с низом. В итоге он завис в воздухе. Вторая луна уже взошла, залив равнины далеко внизу светом. Отсюда они выглядели как разбитая тарелка.

«Нет... – подумал Каладин, щурясь. – Это узор».

Он видел его раньше. Во сне.

Ветер дул в лицо, заставляя Каладина дрейфовать подобно воздушному змею. Спрены ветра, привлеченные им прежде, унеслись прочь, теперь, когда он не летал вместе с ветрами. Забавно. Он никогда бы не подумал, что кто-то может привлечь спренов ветра так же, как кто-то привлекает спренов эмоций.

Нужно было всего лишь упасть в небо.

Сил осталась и кружилась вихрем, пока наконец не опустилась отдохнуть на его плечо. Она села и посмотрела вниз.

– Не многие люди узрели подобное, – отметила она.

Отсюда военные лагеря, похожие на круги огней справа, выглядели ничтожными. Было достаточно холодно, чтобы испытывать дискомфорт. Камень заявлял, что чем выше, тем разреженней становится воздух, но Каладин не ощущал никакой разницы.

– Я уже некоторое время пыталась заставить тебя это сделать, – сказала Сил.

– Похоже на то время, когда я впервые взял в руки копьё, – прошептал Каладин. – Я был всего лишь ребенком. Ты была со мной тогда? Ты была со мной все это время?

– И да, – ответила Сил, – и нет.

– Не может быть все сразу.

– Может. Я знала, что должна тебя найти. А ветра знали тебя. Они и привели меня к тебе.

– Так все, чего я достиг, – проговорил Каладин, – мое искусство обращения с копьем, то, как я сражаюсь. Это не я. Это ты.

– Это мы.

– Всего лишь обман. Я добился всего не самостоятельно.

– Ерунда, – сказала Сил. – Ты практиковался каждый день.

– У меня было преимущество.

– Преимущество таланта, – уточнила Сил. – Когда мастер музыки впервые берет инструмент и рождает с его помощью мелодию, недоступную никому другому, это обман? Разве ее искусство не заслуженно просто потому, что она более умела? Или это проявление гениальности?

Каладин *сплел* себя с западом, направившись обратно к военным лагерям. Он не хотел застрять посреди Разрушенных равнин без штормсвета. Буря внутри него значительно успокоилась с тех пор, как он начал тренироваться. Некоторое время он падал в западном направлении, подлетев так близко, как только посмел, перед тем как замедлиться, а затем отпустил часть *сплетения* с верхом и начал скользить вниз.

– Я принимаю его, – сказал Каладин. – Чем бы ни было то, что дает мне это преимущество. Я буду его использовать. Оно понадобится мне, чтобы победить убийцу.

Сил кивнула, все еще сидя на его плече.

– Ты думаешь, что у него нет спрена, – продолжил Каладин. – Но как тогда он делает то, что делает?

– Оружие, – ответила Сил более уверенно, чем раньше. – Оно какое-то особенное. Создано, чтобы наделять людей способностями, такими же, как и наша связь.

Каладин кивнул. Легкий ветерок трепал его плащ, пока он падал сквозь ночь.

– Сил... – Как же сформулировать мысль? – Я не могу сражаться с ним без Клинка Осколков.

Она посмотрела в сторону, сжав руки и обхватив ими себя. Такие человеческие жесты.

– Я уклонился от тренировки с Клинком, которую предлагал Зейхел, – продолжил Каладин. – Такому трудно найти оправдание. Мне нужно научиться пользоваться подобным оружием.

– Они зло, – сказала Сил тоненьким голосом.

– Потому что являются символами рыцарей, нарушивших клятвы. Но откуда они появились изначально? Как они были выкованы?

Сил не ответила.

– Можно ли выковать новый клинок? Не запятнанный нарушенными обещаниями?

– Да.

– Как?

Она не ответила. Какое-то время они плыли вниз в молчании, пока мягко не опустились на темное плато. Каладин сориентировался, подошел к краю и начал спускаться в ущелье. Он не хотел возвращаться через мосты. Разведчики сочли бы странным, что он вернулся обратно, не выходя за пределы лагеря раньше.

Шторма. Они же могли увидеть его полет. Что они подумали? Находился ли кто-то достаточно близко, чтобы заметить его приземление?

Ну, ладно, он не мог ничего поделать. Каладин достиг дна ущелья и пошел в сторону военных лагерей. Штормсвет медленно иссяк, погрузив его в темноту. Без него он почувствовал себя опустошенным, вялым и уставшим.

Выудив из кармана последнюю сферу, он использовал ее для освещения своего пути.

– Есть вопрос, которого ты избегаешь, – сказала Сил, приземлившись на его плечо. – Прошло уже два дня. Когда ты собираешься сообщить Далинару о тех людях, с которыми Моаш устроил тебе встречу?

– Но он же не стал слушать, когда я рассказал ему про Амарама.

– Очевидно, что это совсем другое, – возразила Сил.

Действительно, она права. Так почему же он не поговорил с Далинаром?

– Судя по всему, те люди не будут долго ждать.

– Я что-нибудь придумаю, – ответил Каладин. – Просто решил поразмышлять обо всем еще немного. Не хочу, чтобы Моаша застиг шторм, когда мы их скрутим.

Сил хранила молчание, пока он прошел остаток пути, подняв копьё, а затем забрался по лестнице вверх на плато. Небо затянуло облаками, но погода в последнее время склонялась к весенней.

«Наслаждайся, пока можешь, – подумал Каладин. – Скоро придет Плач».

Недели непрерывного дождя. И не будет Тьена, чтобы его ободрить. Брату всегда удавалось поднять ему настроение.

Амарам лишил его этого. Каладин опустил голову и зашагал вперед. На границе военных лагерей он повернул направо и пошел в северном направлении.

– Каладин? – позвала, подлетев к нему, Сил. – Зачем ты идешь туда?

Он поднял взгляд. Путь вел к лагерю Садеаса. Лагерь Далинара был в другом направлении.

Каладин продолжил идти.

– Каладин? Что ты делаешь?

Наконец он остановился. Амарам находился где-то там, прямо впереди, в лагере Садеаса. Было поздно, Номон медленно приближался к зениту.

– Я мог бы покончить с ним, – сказал Каладин. – Забраться в окно, использовав штормсвет, убить его и исчезнуть прежде, чем кто-то успеет среагировать. Так просто. Все будут винить в случившемся Убийцу в Белом.

– Каладин...

– Это справедливость, Сил, – проговорил он, внезапно рассердившись, и повернулся к ней. – Ты говоришь мне, что я должен защищать. Если я его убью, я это и сделаю! Защищу людей, не дав ему разрушить их жизни так, как он разрушил мою.

– Мне не нравится, каким ты становишься, когда думаешь о нем. – При этих словах она казалась маленькой. – Ты перестаешь быть собой. Перестаешь думать. Пожалуйста.

– Он убил Тьена, – ответил Каладин. – Я его прикончу, Сил.

– Но как же сегодняшний вечер? После всего, что ты только что открыл, после только что проделанного тобой?

Каладин глубоко вздохнул, вспомнив, насколько захватывающими были ущелья, свободу от полета. Кажется, в первый раз за целую вечность он испытал истинное наслаждение.

Хочет ли он запятнать это воспоминание Амарамом? Нет. Даже в том случае, если тот скончается, что, конечно же, будет великолепно.

– Хорошо, – сдался он, поворачивая обратно к лагерю Далинара. – Не сегодня.

Когда Каладин вернулся в бараки, вечернее рагу уже закончилось. Он прошел мимо костра, в котором все еще тлели угли, и направился в свою комнату. Сил взметнулась в воздух. Ночами она каталась на ветрах, играя со своими кухнями. Насколько он знал, Сил не нуждалась во сне.

Каладин вошел в свою личную комнату, чувствуя приятную усталость и опустошенность. Как же...

В комнате кто-то был.

Каладин повернулся, поднимая копьё, и втянул последний свет из сферы, которую использовал, чтобы подсветить себе путь. Заструившийся из него штормсвет осветил черное с красным лицо. В тених Шен выглядел подозрительно зловещим, как злобный спрен из сказок.

– Шен, – сказал Каладин, опустив копьё. – Что за...

– Сэр, – ответил Шен, – я должен уйти.

Каладин нахмурился.

– Я сожалею, – добавил Шен в своей медленной, неторопливой манере. – Я не могу вам сказать почему.

Казалось, что он чего-то ждал, его пальцы крепко обхватили копьё. Копьё, которое дал ему Каладин.

– Ты свободный мужчина, Шен, – произнес Каладин. – Я не буду удерживать тебя здесь, если ты чувствуешь, что должен уйти, но я не знаю другого места, где ты мог бы оставаться на самом деле свободным.

Шен кивнул и направился к выходу мимо Каладина.

– Ты уходишь сегодня вечером?

– Немедленно.

– Стража на границе равнин попытается тебя остановить.

Шен покачал головой.

– Паршмены не бегут из рабства. Они увидят всего лишь раба, выполняющего какое-то порученное ему задание. Я оставлю ваше копьё возле костра.

Он прошел к двери, но задержался возле Каладина и положил руку на его плечо.

– Вы хороший человек, капитан. Я многому научился. Мое имя не Шен. Меня зовут Рлаин.

– Пусть ветра будут благосклонны к тебе, Рлаин.

– Я страшусь вовсе не ветров, – ответил паршмен.

Он хлопнул Каладина по плечу, глубоко вздохнул, будто предчувствуя что-то трудное, и вышел из помещения.



В отношении других орденов, которые играли второстепенную роль в посещении далекого королевства спренов, Перемещающиеся по Мирам были необыкновенно доброжелательны, позволяя другим выступать в роли помощников во время визитов и взаимодействий, хотя они никогда не уступали свое место главным связующих с величайшими из спренов. И Ткущие Светом, и Формирующие Волю также имели предрасположенность к подобному, хотя ни те, ни другие не являлись истинными знатоками того королевства.

«Слова сияния», глава 6, страница 2

Адолин отбил предплечьем Клинок Осколков Элита. Носители Осколков не использовали щиты – каждая часть Доспехов была крепче камня.

Он рванулся вперед, двигаясь по песку арены в стойке ветра.

«Выиграй для меня Осколки, сын».

Адолин перетекал из одной стойки в другую, меняя направление атаки, заставляя Элита отступить. Противник дрогнул, свет сочился из множества трещин в его Доспехах, оттуда, куда попали удары Адолина.

Все надежды на мирное окончание войны на Разрушенных равнинах исчезли. Он знал, как сильно отец хотел мира, и высокомерие паршенди злило Адолина. Выводило из себя.

Он старался сдерживаться. Нельзя позволить ярости поглотить его разум. Он плавно и осторожно двигался, сохраняя ясность ума.

Похоже, Элит ожидал, что Адолин поведет себя безрассудно, как во время первой дуэли за Осколки. Противник продолжал отступать, ожидая момента, когда Адолин потеряет над собой контроль. Но принц не оправдывал его надежд.

Сегодня он сражался аккуратно: точные удары и стойки, ничего лишнего. Преуменьшив свои способности в прошлой дуэли, Адолин не смог уговорить никого могущественного на участие в поединке. Он и Элита уговорил с трудом.

Пришло время изменить тактику.

Адолин прошел мимо наблюдающих за ним Садеаса, Аладара и Рутара. Ядро коалиции против отца. На сегодняшний день каждый из них участвовал в забегах на плато незаконно, и, добираясь первым, воровал гемсердце прежде, чем прибывали те, кто соблюдал очередность. Каждый раз они платили Далинару штраф за неповиновение. Далинар не мог пойти на что-то большее без риска начать открытую войну.

Но Адолин мог наказать их по-другому.

Элит осторожно пятился, в то время как Адолин продолжал наступать. Противник принца попробовал ринуться вперед, и тот отвел Клинок, а затем ударил слева и рассек наруч Элита. Он также начал испускать штормсвет.

Толпа загудела, по арене поползли разговоры. Элит снова пошел в атаку, и Адолин отбил его удары, но не стал контратаковать.

Идеальные движения. Каждый шаг – к месту. В нем поднялась было дрожь, но он ее подавил. Адолин чувствовал отвращение к кронпринцам и их грызне, но сегодня он не покажет им свою ярость. Взамен он продемонстрирует безупречность.

– Он пытается измотать тебя, Элит! – раздался голос Рутара с ближайших трибун. В свои молодые годы Рутар был неплохим дуэлянтом, хотя и близко не достигал уровня Далинара или Аладара. – Не позволяй ему!

Адолин улыбнулся под своим шлемом, когда Элит кивнул и бросился вперед в стойке дыма, полагаясь на Клинок. Рискованно.

Большинство поединков, участники которых носили Доспехи, выигрывалось путем разбивания секций брони, но иногда удавалось направить острие Клинка в стык между пластинами, взломать их и добиться победы.

Таким же образом можно было не просто победить соперника, а попытаться его ранить.

Адолин спокойно отступил и парировал удар, используя широкие взмахи подходящей в данной ситуации стойки ветра. Оружие Элита с лязгом отскочило в сторону, и толпа снова заворчала. Сначала Адолин устроил для них жестокое представление, вызвав тем самым раздражение. Затем продемонстрировал ближний бой, заставив поволноваться.

В этот раз он сделал нечто противоположное обоим вариантам, отказавшись от захватывающих столкновений, которые слишком часто были элементом дуэлей.

Адолин шагнул в сторону, замахнулся и нанес легкий удар по шлему Элита. Из маленькой трещины заструился штормсвет. Однако не так сильно, как должен бы.

«Отлично».

Элит громко зарычал внутри шлема и бросился в очередную атаку, целясь в забрало Адолина.

«Ты что же, пытаешься меня убить?» – подумал Адолин, сняв одну руку с меча, и поднял ее точно под надвигающийся Клинок Элита, позволив тому скользнуть между большим и указательным пальцами.

Клинок Элита опустил вдоль руки Адолина, которую он поднял вверх и вправо. Движение, которое никогда не получилось бы выполнить без Доспехов: можно было остаться без руки, попробовав проделать подобное с обычным мечом и тем более – с Клинком Осколков.

Однако с помощью Доспехов принц легко отвел удар вверх, за голову, а затем взмахнул другой рукой и обрушил свой Клинок на боковую часть нагрудника Элита.

Некоторые в толпе издали одобрительные возгласы при прямом ударе. Остальные все равно улюлюкали. Классический прием в таком случае поразил бы голову Элита в попытке разбить шлем.

Элит, выбитый из равновесия промахом и последующим ударом, стал заваливаться вперед. Адолин двинул его плечом, сшибая на землю. Затем, вместо того, чтобы атаковать, отступил назад.

Снова послышались негодующие крики зрителей.

Элит встал, сделал шаг. Слегка накренившись, сделал еще один шаг. Адолин отошел и направил свой Клинок острием в землю, ожидая. Сверху, с неба, раздался гром. Возможно, позже пойдет дождь – благо, не сверхшторм. Просто обычный ливень.

– Сражайся со мной! – крикнул Элит из-под шлема.

– Я сразился, – спокойно ответил Адолин. – И победил.

Элит качнулся вперед. Адолин попятился. Под негодующие возгласы толпы он подождал, пока Элит окончательно утратит способность двигаться – у его Доспехов закончился штормсвет. Десятки мелких трещин, нанесенных Адолином по его броне, привели в конечном итоге к полной потере штормсвета.

Адолин подошел к Элиту, положил руку ему на грудь и толкнул. Тот рухнул на землю.

Принц поднял взгляд на светледи Истоу, верховного судью.

– Победа снова присуждается Адолину Холину, – проговорила она со вздохом. – Элит Рутар лишается своих Доспехов.

Толпе не очень понравилось происшедшее. Адолин повернулся к ним и взмахнул пару раз Клинком перед тем, как отпустить его в туман. Он снял шлем и поклонился негодующим крикам. Позади него к поверженному сопернику подбежали предупрежденные Адолином оружейники и оттолкнули своих коллег, служащих Элиту. Они сняли с него Доспехи, которые теперь принадлежали Адолину.

Он улыбнулся и, когда оружейники закончили, прошел за ними в подсобную комнату под трибунами. Ренарин ждал у двери, одетый в свои собственные Доспехи, а тетя Навани сидела в комнате у жаровни.

Ренарин выглянул, чтобы посмотреть на недовольных зрителей.

– Отец Штормов! Первая из твоих дуэлей закончилась меньше, чем за минуту, и они тебя возненавидели. Сегодня ты сражался почти добрый час, и они, похоже, ненавидят тебя даже больше.

Вздыхнув, Адолин сел на одну из скамеек.

– Я выиграл.

– Да, выиграл, – сказала Навани, подойдя и осматривая его, как если бы он был ранен. Она все время волновалась, когда он дрался на дуэли. – Но разве ты не собирался сделать это с большой помпезностью?

Ренарин кивнул.

– Того же просил и отец.

– Сегодняшняя дуэль запомнится надолго, – ответил Адолин, взяв чашку воды у Пита, одного из мостовиков, охранявших его сегодня. Принц благодарно кивнул. – Смысл помпезности в том, чтобы все обратили на тебя внимание. Так что сработает.

По крайней мере, он надеялся. Следующая часть плана была не менее важной.

– Тетя, – сказал Адолин, когда та начала рисовать благодарственную молитву. – Ты подумала над моим вопросом?

Навани продолжала рисовать.

– Работа Шаллан кажется действительно важной, – добавил Адолин. – Я имею в виду...

В дверь комнаты постучали.

«Так быстро?» – подумал Адолин, поднимаясь.

Один из мостовиков открыл дверь.

Внутри ворвалась Шаллан Давар в фиолетовом платье, ее рыжие волосы вспыхнули огнем, когда она пересекла комнату.

– Просто невероятно!

– Шаллан! – Он ждал не ее, но был рад встрече. – Перед боем я не увидел вас на месте.

– Я забыла сжечь молитву, – объяснила она, – поэтому и задержалась. И все же я успела посмотреть большую часть боя.

Она замялась перед ним и мгновение выглядела неловко. Адолин разделял эту неловкость. Их только официально представили немногим более недели назад, но по понятной причине... Что у них за отношения?

Навани откашлялась. Шаллан развернулась и прижала свободную руку к губам, как если бы только что заметила бывшую королеву.

– Ваша светлость, – произнесла она, поклонившись.

– Шаллан, – ответила Навани. – Я слышала только хорошее о тебе от моего племянника.

– Спасибо.

– В таком случае я оставляю вас наедине, – проговорила Навани и направилась к двери, не дорисовав глифпару.

– Ваша светлость... – начала было Шаллан, протянув в ее сторону руку.

Навани вышла и закрыла за собой дверь.

Шаллан опустила руку, и Адолин поморщился.

– Извините, – сказал он. – Я пытался с ней поговорить. Думаю, ей нужно еще несколько дней, Шаллан. Тетя изменит отношение – она знает, что не должна вас игнорировать, я это чувствую. Вы просто напоминаете ей о случившемся.

Шаллан разочарованно кивнула. Оружейники Адолина подошли помочь ему снять Доспехи, но он жестом отослал их прочь. Довольно того, что он показался перед девушкой с мокрыми от пота волосами, прилипшими к голове. Одежда под броней – подбитая мягким материалом униформа – будет выглядеть просто ужасно.

– Так что, вам понравилась дуэль? – спросил он.

– Вы были изумительны, – похвалила Шаллан, поворачиваясь к принцу. – Элит продолжал наскокивать на вас, а вы просто стряхивали его, будто надоедливую крэмлинга, пытающегося взобраться по ноге.

Адолин усмехнулся.

– Остальной части толпы мои действия изумительными не показались.

– Они пришли увидеть, как вас раздавят. С вашей стороны так неосмотрительно не позволить этому случиться.

– Я весьма неуступчив в этом отношении.

– Судя по тому, что я узнала, вы практически никогда не проигрываете. Ужасно скучно с вашей стороны. Возможно, вам время от времени стоит попробовать сражаться вничью. Для разнообразия.

– Я подумаю, – пообещал Адолин. – Может быть, мы могли бы обсудить этот вопрос за ужином сегодня вечером? В военном лагере моего отца?

Шаллан скривилась.

– Вечером я занята. Мне жаль.

– Вот как.

– Но, – сказала она, подходя ближе, – возможно, скоро у меня появится для вас подарок. У меня было не так уж много времени, чтобы учиться – пришлось упорно трудиться над восстановлением домашних бухгалтерских книг Себарииала, но, судя по всему, я наткнулась на кое-что полезное. Касательно ваших поединков.

– Что же? – спросил он, нахмурившись.

– Я вспомнила кое-что из биографии короля Гавилара. Вам нужно выиграть поединок эффектным способом. Каким-нибудь удивительным, таким, который внушил бы толпе благоговение.

– Тогда будет меньше негодования, – ответил Адолин, почесав голову.

– Думаю, все бы оценили, – отметил Ренарин, стоявший у двери.

– Эффектным... – повторил Адолин.

– Я объясню подробнее завтра, – сказала Шаллан.

– А что случится завтра?

– Вы угостите меня ужином.

– Я?

– И возьмете на прогулку, – добавила она.

– Я?

– Вы.

– Я счастливчик. – Он улыбнулся ей. – Ну хорошо, тогда мы можем...

Дверь с грохотом распахнулась.

Охраняющие Адолина мостовики подскочили, а Ренарин, подобравшись, выругался. Адолин просто повернулся, мягко отодвинув Шаллан в сторону, чтобы увидеть, кто там стоял. Релис, действующий чемпион по дуэлям и старший сын кронпринца Рутара.

Чего и следовало ожидать.

– Что ты устроил? – требовательно спросил Релис, войдя в комнату. Его сопровождала небольшая стайка других светлоглазых, включая светледи Истоу, верховного судью. – Ты нанес оскорбление мне и моему дому, Холин.

Адолин сложил руки в латных рукавицах за спиной, в то время как Релис шагнул прямо к нему, приблизив свое лицо вплотную к лицу принца.

– Тебе не понравился поединок? – небрежно спросил Адолин.

– Это не поединок, – отчеканил Релис. – Ты опозорил моего кузена, отказавшись драться с ним должным образом. Я требую, чтобы этот фарс был аннулирован.

– Я говорила вам, принц Релис, – раздался сзади голос Истоу. – Принц Адолин не нарушал никаких...

– Хочешь вернуть Доспехи кузена? – спокойно спросил Адолин, встретившись глазами с Релисом. – Сразись со мной за них.

– Тебе не удастся меня спровоцировать, – ответил Релис, тыча пальцем в нагрудник Адолина. – Я не позволю втянуть себя в очередной дуэльный фарс.

– Шесть Осколков, Релис, – сказал Адолин. – Мои, моего брата, Доспехи Эраннива и Доспехи твоего кузена. Я ставлю их все в одной схватке. Ты и я.

– Ты тупица, если думаешь, что я соглашусь на такое, – огрызнулся Релис.

– Так сильно испугался?

– Ты слаб для меня, Холин. Последние два поединка это доказывают. Теперь ты даже не знаешь, как драться на дуэли, только и можешь, что хитрить.

– Тогда ты, должно быть, способен легко меня побить.

Релис отмахнулся, переминаясь с ноги на ногу. Наконец он снова указал на Адолина.

– Ты ублюдок, Холин. Я знаю, что ты бился с моим кузенком, чтобы поставить в неловкое положение моего отца и меня. Я отказываюсь идти у тебя на поводу.

Он повернулся, чтобы уйти.

«Что-то эффектное, – подумал Адолин, взглянув на Шаллан. – Отец просил зрелищности...»

– Если боишься, – сказал он, снова посмотрев на Релиса, – тебе необязательно биться со мной в одиночку.

Релис остановился на месте и обернулся.

– Ты хочешь сказать, что будешь сражаться со мной и кем-нибудь еще одновременно?

– Да, – подтвердил Адолин. – Я буду сражаться с тобой и с кем угодно еще, кого ты приведешь.

– Ты глупец, – выдохнул Релис.

– Да или нет?

– Через два дня, – отрезал Релис. – Здесь, на арене. – Он посмотрел на верховного судью. – Вы засвидетельствуете?

– Засвидетельствую, – ответила она.

Релис штурмом вылетел наружу. Остальные потянулись следом. Судья задержалась, изучая Адолина.

– Вы осознаете, что наделали?

– Я достаточно хорошо разбираюсь в дуэльных соглашениях. Да. Осознаю.

Она вздохнула, но кивнула и вышла.

Пит закрыл дверь и посмотрел на Адолина, вскинув бровь. Замечательно. Теперь и мостовик смотрит на него с укоризной. Адолин опустил на скамью.

– Сойдет за эффектный поединок? – спросил он Шаллан.

– Вы действительно уверены, что сможете побить двоих за раз?

Адолин не ответил. Сражаться одновременно с двумя было сложно, особенно, если оба – Носители Осколков. Они могут действовать организованно, зайти сбоку, закрыть обзор. Куда сложнее, чем драться с двумя по очереди.

– Не знаю. Но вы хотели эффектного поединка. Так что я постараюсь ради зрелищности. Я только надеюсь, что у вас и в самом деле есть план.

Шаллан села рядом с ним.

– Что вы знаете о кронпринце Йеневе?..

Альбом Шаллан: походы

"Городская леди" в исполнении
и стилизации Чалланности

Воспитанная баронесская леди
ходит, накрыв безопасную руку
свободной рукой и держа обе
руки перед собой.

Она шагает с уравновешенностью
и неотрапелостью!

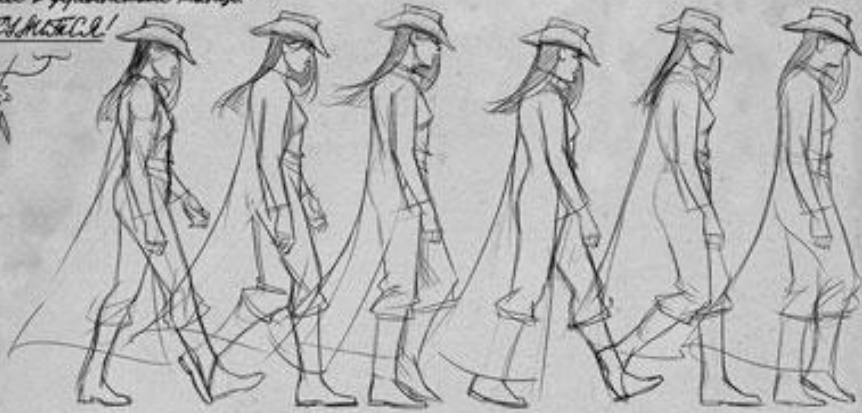
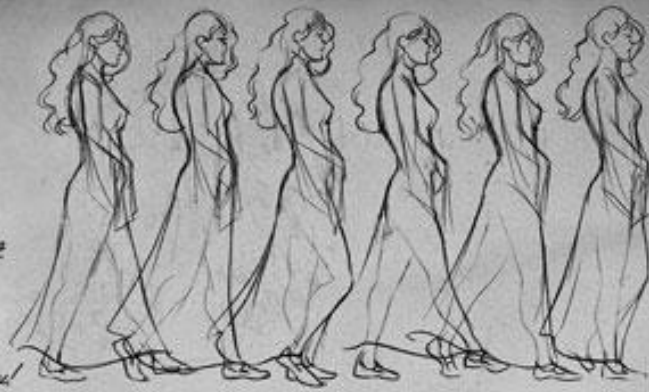
~ Выше голову!

~ Выпрямь спину!

~ Не слюнькай поднимай нос!

Она НЕ размахивает руками
и не может вприпрыжку как простая
мелкошная в деревенской манере!

Она не СТУПАЕТ!





Также туда пришли шестнадцать из ордена Бегущих с Ветром, а с ними значительное количество оруженосцев, и встретили в том месте Разящих с Небес, которые отделяли невинных от виновных, и возник великий спор.

«Слова сияния», глава 28, страница 3

Шаллан вышла из экипажа под легкий дождик. На ней был белый плащ и брюки ее темноглазой версии, которую она назвала Вейль. Дождь капал на поля шляпы. Она слишком долго беседовала с Адолином после его дуэли, поэтому пришлось спешить, чтобы успеть на встречу, которая была назначена в Ничейных холмах в добром часе езды от лагерей.

Но она прибыла сюда, переодетая, вовремя. Едва успела. Шаллан прошлась вперед, слушая, как дождь стучит по камням вокруг. Ей всегда нравились такие дожди, как этот. Младшие братья сверхштормов, они приносили жизнь без неистовства. Даже заброшенные штормовые земли здесь, к западу от военных лагерей, расцветали с приходом воды. Камнепочки раскрывались, и хотя у них не было таких лепестков, как на ее родине, они выпускали трепещущие зеленые лозы. Трава жадно тянулась из нор и втягивалась обратно, только когда на нее практически наступали. На некоторых видах тростника распускались цветы, чтобы привлечь крэмлингов, пирующих на лепестках. Крэмлинги распространяли споры, которые дадут жизнь следующему поколению, смешавшись со спорами других растений.

Будь она дома, появилось бы гораздо больше лоз – так много, что стало бы трудно идти, не спотыкаясь. На лесных участках требовался мачете, чтобы продвинуться дальше, чем на пару футов. Здесь растительность была полна красок, но не превращалась в препятствие.

Шаллан улыбнулась чудесному окружению, легкому дождику, прекрасной растительной жизни. Немного сырости – небольшая цена за мелодичные звуки морозящего дождя, свежий чистый воздух и прекрасное небо, заполненное облаками, окрашенными во все оттенки серого.

Шаллан шла с водонепроницаемой сумкой под мышкой. Возница наемной повозки – она не могла использовать экипаж Себариаала для сегодняшней встречи

– ожидал ее возвращения, как ему было велено. Вместо лошадей повозку тянули паршмены, но они передвигались быстрее чулл и работали достаточно хорошо.

Шаллан шагала к склону холма впереди – месту встречи, указанному на карте, которую она получила через самоперо. На девушке была хорошая пара крепких ботинок. Одевание Тин могло показаться необычным, но Шаллан ему радовалась. Плащ и шляпа защищали от дождя, а ботинки служили хорошей опорой на скользких камнях.

Она обогнула холм и обнаружила, что на другой стороне он разрушен: скала треснула и обрушилась небольшим оползнем. Слои затвердевшего крэма были хорошо видны по краям скальных обломков, что указывало на то, что разлом свежий. Если бы он оказался старым, новый крэм скрыл бы его окраску.

Благодаря разлому на склоне холма появилась маленькая долина, покрытая трещинами и бороздами от раскрошившейся скалы. Сюда попали споры и занесенные ветром стебли, вызвавшие, в свою очередь, бурный всплеск жизни. Где бы ни появлялось укрытие от ветра, растения сразу же находили благоприятные условия и начинали развиваться.

Заросли зелени располагались беспорядочно – это был не настоящий лейт, где жизнь в безопасности постоянно, а временное убежище, пригодное самое большее в течение нескольких лет. Сейчас растения заполнили все вокруг, прорастая иногда одно на другом, зацветая, извиваясь, скручиваясь, живя. Пример настоящей дикой природы.

Шатер же казался чем-то чужеродным.

Он укрывал четверых человек, которые сидели в креслах, слишком изысканных для такого окружения. Люди перекусывали и грелись у жаровни в центре открытого со всех сторон шатра. Шаллан приблизилась, сохранив *воспоминания* о лицах сидящих. Она нарисует их позже, как сделала с первой группой Кровьпризраков. Двоих из них она видела на прошлой встрече. Еще двое тогда не присутствовали. Вызывающей неудобство женщины в маске, похоже, здесь не было.

Мрэйз стоял, гордо выпрямившись, и осматривал свою длинную духовую трубку. Он не поднял глаз, когда Шаллан шагнула под навес.

– Мне нравится учиться обращению с местным оружием, – сказал Мрэйз. – Оно причудливое, но я чувствую, что это оправдано. Если хочешь понять народ, изучи его оружие. Способ, которым люди убивают друг друга, говорит о культуре больше, чем любая научная этнография.

Он направил оружие на Шаллан, и она застыла на месте. Затем повернулся к расщелине и дунул, выпуская дротик в растения.

Шаллан подошла к Мрэйзу. Дротик приколол крэмлинка к одному из стеблей. Маленькое многоногое существо конвульсивно подергивалось и билось, пытаясь освободиться, хотя пронзивший его дротик наверняка означал смерть.

– Это духовая трубка паршенди, – пояснил Мрэйз. – Как ты думаешь, что она говорит о них, маленький нож?

– Очевидно, что она не для крупной дичи, – ответила Шаллан. – И в этом есть смысл. Единственная известная мне крупная дичь в округе – скальные демоны, которым, по слухам, паршенди поклоняются как богам.

Она не была уверена в том, что сказанное ею – правда. Ранние сообщения, которые она читала по настоянию Джасны, допускали, что скальные демоны являлись богами паршенди. Как дело обстояло в действительности – неясно.

– Возможно, они использовали ее, выслеживая мелкую дичь, – продолжила Шаллан. – То есть охотились ради еды, а не для удовольствия.

– Почему ты так говоришь? – спросил Мрэйз.

– Люди, которые охотятся ради славы, ищут большую добычу, – пояснила Шаллан. – Трофеи. Эта духовая трубка – оружие человека, который просто хочет накормить свою семью.

– А если он использует ее против других людей?

– Она не принесет пользы на войне. Думаю, у нее слишком малая дальность, а у паршенди в любом случае есть луки. Возможно, ее можно использовать для убийства, хотя меня бы позабавило, если бы обнаружилось подобное применение.

– Почему же?

Какая-то проверка?

– Ну, – сказала Шаллан, – большинство аборигенов – туземцы Силнашена, народы Реши, бегуны равнин Ири – не имеют настоящей концепции убийства. Насколько я знаю, они, судя по всему, вообще мало сражаются. Охотники слишком ценны, поэтому «война» в их культурах означает много криков и позерства, но мало смертей. Подобный тип хвастливого общества не кажется тем, в котором могут существовать наемные убийцы.

Тем не менее паршенди послали одного такого. Против алет.

Мрэйз изучал ее непроницаемым взглядом, держа длинную духовую трубку кончиками пальцев.

– Вижу, – наконец проговорил он, – что на этот раз Тин выбрала себе в ученицы ученого. Я нахожу ее выбор необычным.

Шаллан покраснела. Ей пришло в голову, что личность, которой она становилась, когда надевала шляпу и изменяла цвет волос, не была имитацией другого человека, другой личности. Просто вариация самой Шаллан.

Здесь крылась опасность.

– Итак, – сказал Мрэйз, выудив из кармана рубашки еще один дротик, – какое оправдание дала тебе Тин сегодня?

– Оправдание? – переспросила Шаллан.

– Провалу ее миссии.

Мрэйз зарядил дротик.

Провал? Шаллан бросило в пот, лоб начало покалывать холодом. Но она проследила, не произошло ли чего-то необычного в лагере Амарама! Сегодняшним утром она вернулась туда в образе рабочего, опоздав тем самым на дуэль Адолина. Она прислушивалась, не болтает ли кто-нибудь о взломе или о том, что Амарам что-то заподозрил. Ей не удалось ничего обнаружить.

Что ж, очевидно, Амарам не выразил своих подозрений публично. После всех предпринятых усилий с целью скрыть свое вторжение, она потерпела неудачу. Наверное, не стоило удивляться, но Шаллан все равно оказалась удивлена.

– Я...

– Я начинаю спрашивать себя, на самом ли деле Тин настолько больна, – сказал Мрэйз, подняв духовую трубку и выстрелив в заросли другим дротиком, – чтобы даже не попытаться выполнить поставленное задание.

– Даже не попытаться? – переспросила Шаллан, сбитая с толку.

– Ну и какое оправдание? – спросил Мрэйз. – Что, она предприняла попытку, но провалилась? Мои люди наблюдали за домом. Если бы она...

Он умолк, когда Шаллан стряхнула воду с сумки, а затем осторожно расстегнула ее и вынула лист бумаги с изображением запертой комнаты Амарама с картами на стенах. Ей пришлось нарисовать некоторые детали наугад, потому что было темно, а ее единственная сфера осветила не много, но она нарисовала все достаточно точно.

Мрэйз взял у нее рисунок и поднял его. Он изучал листок бумаги, а Шаллан тем временем нервно потела.

– Я редко оказываюсь в дураках, – произнес Мрэйз. – Мои поздравления.

Было ли это похвалой?

– Тин не обладает подобным мастерством, – продолжил Мрэйз, все еще рассматривая лист. – Ты сама видела ту комнату?

– Это причина, по которой она выбрала в помощники ученого. Мои навыки дополняют ее собственные.

Мрэйз опустил лист.

– Неожиданно. Твоя учительница, возможно, блистательная воровка, но всегда проявляла невежественность при выборе компаньонов.

Он говорил так изысканно. Его речь совсем не соответствовала шрамам на лице, кривой губе и натруженным рукам. Он разговаривал как человек, который проводил свои дни, потягивая вино и слушая прекрасную музыку, но выглядел так, будто ему неоднократно ломали кости – и, скорее всего, он возвращал такие долги в многократном размере.

– Жалко, что твои карты не слишком детальные, – заметил Мрэйз, продолжив рассматривать рисунок.

Шаллан услужливо достала пять других выполненных для него рисунков. Четыре из них были подробными картами, а последний – приближенным изображением настенных свитков с записями Амарама. На каждом рисунке фактические записи казались неразборчивыми, одни извилистые линии. Шаллан сделала это нарочно. Никто не ожидал от художника, что он будет в состоянии добыть такие подробности из памяти, хотя лично ей это было под силу.

Она утаит от них детальные записи. Девушка намеревалась завоевать доверие Кровьпризраков, понять, на что способна, но она не будет помогать им больше, чем необходимо.

Мрэйз протянул свою духовую трубку в сторону. Там стояла невысокая женщина в маске, которая держала пронзенного крэмлинка и мертвую норку, убитую дротиком в шею. Нет, лапка зверька дернулась. Норка всего лишь оглушена. Значит, на дротике какой-то яд?

Шаллан передернуло. Где пряталась эта женщина? Ее темные глаза уставились на Шаллан не моргая, а остальная часть лица скрывалась за цветной маской из панциря. Она взяла духовую трубку.

– Изумительно, – прокомментировал Мрэйз рисунки Шаллан. – Как ты пробралась внутрь? Мы наблюдали за окнами.

Так ли стала бы действовать Тин – пробралась бы глубокой ночью через одно из окон? Она не обучала Шаллан ничему подобному, только акцентам и подражанию. Возможно, Тин решила, что Шаллан, которая иногда спотыкалась о собственные ноги, не проявила бы себя в акробатическом воровстве.

– Выполнено мастерски, – проговорил Мрэйз, подойдя к столу и положив рисунок. – Безусловно, это успех. Так художественно.

Что случилось с опасным, невозмутимым человеком, который противостоял ей на первой встрече с Кровьпризраками? Оживленный эмоциями, Мрэйз наклонился, изучая каждый рисунок по отдельности. Он даже вытащил лупу, чтобы исследовать их более детально.

Шаллан не стала задавать интересующие ее вопросы. Чем занимается Амарам? Знаете ли вы, как он получил свой Клинок Осколков? Как он... убил Хеларана Давара? Ее дыхание перехватывало каждый раз, когда она даже просто думала о Хеларане, но какая-то часть ее разума признала еще годы назад, что брат не вернется.

Однако это не помешало ей почувствовать особенную и неожиданную ненависть к человеку по имени Меридас Амарам.

– Ну? – спросил Мрэйз, посмотрев на нее. – Подойди и присядь, дитя. Неужели ты сама их выполнила?

– Да, – ответила Шаллан, подавив эмоции.

Мрэйз действительно только что назвал ее «дитя»? Она намеренно придала своей текущей версии более зрелый вид, с более угловатым лицом. Что еще ей нужно сделать? Начать добавлять себе седые волосы?

Она опустила на сиденье за столом. Рядом с ней появилась женщина в маске, держащая чашку и испускающий пар чайник. Шаллан нерешительно кивнула и была вознаграждена подогретым оранжевым вином с пряностями. Она сделала маленький глоток – вероятно, не стоит беспокоиться насчет яда, поскольку эти люди могут убить ее в любой момент. Остальные в шатре разговаривали друг с другом приглушенными голосами, но Шаллан ничего не могла разобрать. Она чувствовала себя так, будто ее выставили напоказ перед публикой.

– Я скопировала для вас немного текста, – сказала она, выуживая страницу с письменами.

Из строк, которые она специально отбирала, чтобы показать им, нельзя было извлечь слишком много информации, но они могли послужить приманкой, чтобы Мрэйз заговорил на нужную тему.

– У нас не получилось надолго задержаться в комнате, поэтому я скопировала лишь несколько строк.

– Ты потратила так много времени, чтобы сделать рисунки, и так мало, чтобы переписать текст? – спросил Мрэйз.

– О нет, – ответила Шаллан. – Я нарисовала их по памяти.

Мрэйз поднял на нее взгляд, его челюсть немного отвисла, а по лицу пробежало выражение подлинного изумления, прежде чем он быстро вернул себе свою обычную уверенную невозмутимость.

«Наверное... не слишком умно признаваться в таких вещах», – поняла Шаллан.

Сколько людей могли так хорошо рисовать по памяти? Демонстрировала ли Шаллан свои умения на публике в военных лагерях?

Насколько она помнила, нет. Теперь ей придется хранить свой навык в секрете, чтобы Кровьпризраки не соотнесли светлоглазую леди Шаллан с темноглазой воровкой-художницей Вейль. Шторма.

Что ж, она не могла не совершить какую-нибудь ошибку. Эта, по крайней мере, не была смертельной. Вроде бы.

– Джин, – резко приказал Мрэйз.

С одного из стульев встал золотоволосый мужчина с обнаженным торсом под ниспадающей верхней одеждой.

– Посмотри на него, – сказал Мрэйз Шаллан.

Она сохранила *воспоминание*.

– Джин, оставь нас. А ты его нарисуешь, Вейль.

У нее не было другого выбора, кроме как подчиниться. Когда Джин ушел, ворча про себя на дождь, Шаллан начала рисовать. Она сделала полный набросок – не только его лицо и плечи, но и окружение, включая задний план из упавших валунов. Из-за того, что она нервничала, не получилось выполнить набросок так хорошо, как она могла бы, но Мрэйз все равно ворковал над ее рисунком, словно гордый отец. Она завершила работу и потянулась за лаком – рисунок был сделан углем и требовал покрытия – но Мрэйз выхватил его из ее пальцев первым.

– Невероятно, – сказал он, поднимая лист бумаги. – С Тин твой талант тратится впустую. Впрочем, ты ведь не можешь делать это и с текстами?

– Нет, – солгала Шаллан.

– Жаль. Тем не менее замечательно. Великолепно. Должны найтись способы это использовать, конечно, должны.

Он посмотрел на нее.

– Какова твоя цель, дитя? Возможно, у меня найдется для тебя местечко в моей организации, если ты окажешься надежной.

Да!

– Я бы не согласилась прийти вместо Тин, если бы не желала получить подобную возможность.

Мрэйз прищурился, посмотрев на Шаллан.

– Ты убила ее, не так ли?

«О проклятие».

Шаллан, конечно же, моментально покраснела.

– Э-э...

– Ха! – воскликнул Мрэйз. – Она наконец подобрала помощницу, которая оказалась слишком умелой. Восхитительно. После всего ее высокомерного позерства Тин повергла та, из кого она думала сделать подхалима.

– Сэр, – промолвила Шаллан. – Я не... Я имею в виду, что не хотела ничего подобного. Она на меня напала.

– По всей видимости, интереснейшая история, – улыбнулся Мрэйз. Улыбка была неприятной. – Знай – то, что ты сделала, не запрещено, но и не слишком поощряется. Мы не сможем руководить организацией должным образом, если подчиненные считают охоту на своих начальников простейшим методом продвижения.

– Да, сэр.

– Однако твоя начальница не входила в нашу организацию. Тин считала себя охотником, но все время была лишь дичью. Если ты присоединишься к нам, то должна понимать: мы не похожи ни на кого из известных тебе людей. У нас есть великая цель, и мы... защищаем друг друга.

– Да, сэр.

– Так кто же ты? – спросил он, жестом велел слуге подать духовую трубку. – Кто ты на самом деле, Вейль?

– Та, кто хочет участвовать в настоящих делах, – ответила Шаллан. – Делах более важных, чем воровство у случайных светлоглазых или афера ради пары дней роскоши.

– Значит, охота, – тихо проговорил Мрэйз, ухмыльнувшись. Он отвернулся от нее и прошел к краю шатра. – Следующие инструкции получишь позже. Выполни порученное тебе задание. Тогда посмотрим.

«Значит, охота...»

Что за охота? Шаллан похолодела от его заявления.

Как и в прошлый раз, она не была уверена в том, что ее отпустили, но сложила вещи в сумку и собралась уходить. Она взглянула на оставшихся сидеть людей. Выражения их лиц казались холодными. Даже пугающими.

Шаллан покинула шатер и обнаружила, что дождь прекратился. Она зашагала прочь, спиной ощущая взгляды.

«Они все знают, что я могу с точностью их опознать, – поняла она. – И могу представить их достоверные портреты любому, кто потребует».

Им не понравилось увиденное. Мрэйз ясно дал понять, что Кровьпризраки не часто убивают друг друга. Но он также дал понять, что она не была одной из них, во всяком случае, пока. Он сказал это многозначительно, как будто дал разрешение тем, кто слушал.

Рука Талата, во что она ввязалась?

«Ты только сейчас поняла?» – подумала Шаллан, огибая холм.

Ее экипаж ждал впереди, кучер сидел, развалившись, наверху, спиной к ней. Шаллан с тревогой оглянулась через плечо. За ней никто не шел, по крайней мере, она не заметила.

– Кто-нибудь следит, Узор?

– М-м-м. Я. Не люди.

Валун. На рисунке для Мрэйза Шаллан изобразила валун. Не думая, действуя инстинктивно и без малейшей паники, она выдохнула штормсвет и сформировала перед собой образ огромного камня.

Затем быстро спряталась внутри.

Здесь было темно. Она свернулась в валуне, поджав ноги. Подобное поведение казалось недостойным. Другие люди, работавшие на Мрэйза, скорее всего, не занимались такими глупыми вещами. Они были опытными, уравновешенными, способными. Шторма, возможно, ей не стоило прятаться изначально.

Так или иначе, она сидела здесь. Взгляды остальных... То, как говорил Мрэйз...

Лучше быть чрезмерно осторожной, чем наивной. Ей надоели люди, полагающие, что она не может о себе позаботиться.

– Узор, – прошептала Шаллан. – Иди к вознице экипажа. Скажи ему моим точным голосом: «Ты не увидел, как я зашла в экипаж. Не оборачивайся. Мне нужно выйти незаметно. Отвези меня в город. Остановись у лагерей и подожди, досчитав до десяти. Я выйду. Не подсматривай. Я тебе уже заплатила, в том числе и за конфиденциальность».

Узор загудел и удалился. Спустя короткое время экипаж, влекомый паршменами, загрохотал прочь. Вскоре послышался цокот копыт. Она не увидела лошадей.

Шаллан с тревогой ждала. Поймет ли кто-нибудь из Кровьпризраков, что этого валуна здесь быть не должно? Вернутся ли они, чтобы выследить ее, когда не увидят, как она выходит из экипажа в военном лагере?

Возможно, они даже не пошли за ней. Возможно, она параноик. Шаллан ждала, страдая. Опять начался дождь. Что станет с ее иллюзией? Камень, который она нарисовала, уже был влажным, так что сухость его не выдаст, но, между прочим, дождь попадал на нее и совершенно очевидно, что он проходил сквозь образ.

«Мне нужно найти способ выглянуть наружу, пока я тут прячусь», – подумала девушка.

Отверстия для глаз? Сможет она сделать их внутри иллюзии? Возможно, ей...

Голоса.

– Нам нужно выяснить, как много ему известно. – Голос Мрэйза. – Отнеси страницы мастеру Тайдакару. Мы близко, но, видимо, дружки Рестареса тоже.

Ему ответил дребезжащий голос. Шаллан не смогла разобрать слова.

– Нет, я не беспокоюсь о нем. Старый дурак сеет хаос, но не берет власть в свои руки, хотя возможность есть. Он прячется в своем ничтожном городишке, слушая его песни и думая, что играет мировыми событиями. Он понятия не имеет. Он не охотник. Существо в Тукаре, однако, не такое. Я не уверен в том, что оно человек. А если человек, то наверняка не местного вида...

Мрэйз продолжал говорить, но Шаллан больше ничего не расслышала, потому что они отошли. Через некоторое время она опять услышала цокот копыт.

Она ждала, а вода просачивалась сквозь плащ и брюки. Содрогнувшись, девушка зажала сумку коленями и стиснула зубы, чтобы они не стучали. В последнее время погода установилась более теплая, но, сидя под дождем, этого не ощущалось. Шаллан ждала до тех пор, пока не заболела спина и не свело мышцы. Она ждала до тех пор, пока валун в конце концов не разлетелся светящимся дымом и не растаял.

Шаллан вздрогнула. Что произошло?

«Штормсвет», – поняла она, вытянув ноги.

Девушка проверила мешочек в кармане – она неосознанно осушила все сферы, пока поддерживала иллюзию валуна.

Прошло несколько часов, с наступлением вечера небо потемнело. Поддержание такой простой иллюзии, как валун, не требовало много штормсвета, и ей не пришлось сознательно думать над ее сохранением. Полезная информация.

Шаллан снова доказала собственную глупость, не позаботившись о том, чтобы проконтролировать количество используемого штормсвета. Вздохнув, она поднялась и покачнулась – ноги еще противились резким движениям. Она сделала глубокий вдох, прошла и осмотрелась вокруг. Шатер исчез, а вместе с ним все следы пребывания Кровьпризраков.

– Думаю, мне пора идти, – сказала Шаллан, повернувшись к военным лагерям.

– Ты ожидала чего-то еще? – с неподдельным любопытством спросил Узор со своего места на ее плаще.

– Нет. Я просто разговариваю сама с собой.

– М-м-м. Нет, ты говоришь со мной.

Замерзшая, она зашагала в вечерние сумерки. Холод оказался не таким смертельным, как тот, от которого она страдала на юге. Было некомфортно, но не более. Если бы она не вымокла, воздух казался бы приятным, несмотря на прохладу. Шаллан потратила время в дороге, репетируя с Узором акценты: она говорила и заставляла его точно повторить сказанное ее голосом и тоном. Возможность слышать себя со стороны здорово помогала.

Как убедилась Шаллан, ее акцент, когда она говорила на алети, исчез. Хорошо, потому что Вейль выдавала себя за алети. Алети давался легко, так как очень походил на веден, поэтому, зная один из двух языков, можно было почти понимать другой.

Ее рогоедский акцент тоже стал довольно хорош, как на алети, так и на ведене. Шаллан стала использовать его гораздо лучше и уже не утрировала слова, следуя советам Тин. Бавлендский акцент звучал удовлетворительно, когда она говорила и на алети, и на ведене, и в течение почти всего обратного пути Шаллан практиковала хердазианский акцент в обоих языках. Речь Палоны служила хорошим примером на алети, и Узор мог повторить ее прозвучавшие ранее слова, что было очень полезно для практики.

– Что мне нужно сделать, – сказала Шаллан, – так это научить тебя говорить одновременно с моими образами.

– Тебе лучше сделать так, чтобы они сами говорили, – ответил Узор.

– А я смогу?

– Почему нет?

– Потому что... Ну, я применяю для иллюзии штормсвет, поэтому они представляют собой имитацию света. Это имеет смысл. Но я не использую звуки, чтобы их создавать.

– Это волна, – сказал Узор. – Звук – ее часть. М-м-м... Они кузены друг другу. Очень похожи. Вполне осуществимо.

– Как?

– М-м-м-м. Как-нибудь.

– Ты очень помог.

– Я рад... – Он затих. – Ложь?

– Ага.

Шаллан засунула безопасную руку в карман, который тоже отсырел, и продолжила идти через участки травы, втягивающейся перед ней в норы. Дальние холмы были покрыты лависом, растущим на аккуратных полиповых полях, хотя она не увидела в этот час фермеров.

Хотя бы дождь прекратился. Он все еще ей нравился, хотя Шаллан никогда не предполагала, насколько неприятно ходить под дождем на дальние расстояния. И...

Что там такое?

Она резко остановилась. Впереди на земле выделялась какая-то темная масса. Девушка нерешительно приблизилась и почувствовала запах дыма. Влажного, сырого дыма, какой бывает после того, как залить костер.

Ее экипаж. Теперь в темноте Шаллан могла определить, что он частично сожжен. Дождь потушил огонь; повозка горела недолго. Наверное, ее подожгли изнутри, где было сухо.

Несомненно, это тот самый, нанятый ею экипаж. Она узнала отделку на колесах. Шаллан нерешительно подошла. Что ж, беспокоилась она не напрасно. Хорошо, что она отстала. Что-то не давало ей покоя...

«Кучер!»

Она побежала вперед, опасаясь худшего. Тело кучера нашлось здесь же, устремившее неподвижный взгляд в небо. Горло было перерезано. Рядом, сваленные в кучу, лежали мертвые паршмены-носильщики.

Шаллан опустилась на мокрые камни, почувствовав тошноту, и прижала руку ко рту.

– О... Всемогуций над нами...

– М-м-м... – загудел Узор, каким-то образом передавая мрачный тон.

– Они умерли из-за меня, – прошептала Шаллан.

– Ты их не убила.

– Убила. Так же верно, как если бы держала нож. Я знала об опасности, которой подвергалась. А кучер – нет.

И паршмены. Что она чувствовала по этому поводу? Несущие Пустоту, да, но было трудно не испытывать тошноту от случившегося.

«Ты станешь причиной чего-то гораздо худшего, чем происшедшее, если докажешь предположения Джасны», – сказала какая-то часть ее разума.

На короткий миг, наблюдая за восхищением Мрэйза ее искусством, Шаллан решила, что он может ей понравиться. Что ж, лучше ей запомнить этот момент. Мрэйз одобрил убийства. Возможно, не он сам перерезал горло кучера, но именно он уверил остальных в том, что будет правильным убить ее, если получится.

Они сожгли экипаж, чтобы создать видимость нападения бандитов, но никакие бандиты не подошли бы так близко к Разрушенным равнинам.

«Бедняга», – подумала Шаллан про кучера.

Но если бы она не заказала экипаж, не получилось бы спрятаться, что она и сделала, пока кучер удалялся по ложному следу. Шторма! Разве могла она обставить все так, чтобы никто не погиб? Было ли это возможно?

В конце концов Шаллан заставила себя подняться на ноги и, сгорбив плечи, продолжила путь к военному лагерю.



Значительные способности Разящих с Небес к таким вещам, доходящие почти до божественного мастерства, коих не дают ни какая-то определенная волна, ни спрены, но которые, однако, приобрел этот орден, сам факт их наличия, были реальны и признаны даже их противниками.

«Слова сияния», глава 28, страница 3

– Отлично. Это ты охраняешь меня сегодня?

Каладин повернулся, когда Адолин вышел из своей комнаты. Принц, как обычно, был одет в стильный мундир. Пуговицы с монограммами, сапоги, стоившие дороже некоторых домов, поясной нож. Странный выбор для Носителя Осколков, но Адолин носил его скорее как украшение. Волосы принца представляли собой беспорядочную светлую копну с черными прядями.

– Я ей не доверяю, Адолин, – сказал Каладин. – Женщина из другой страны, тайная помолвка, а единственная, кто мог за нее поручиться, – мертва. Она может оказаться убийцей, следовательно, вас должен охранять лучший из нас.

– Да ты сама скромность, – ответил Адолин, зашагав по каменному коридору. Каладин шел в ногу рядом с ним.

– Нет.

– Я пошутил, мостовичок.

– Моя ошибка. Считал, что шутки должны быть смешными.

– Только для людей с чувством юмора.

– Ах да, конечно же. Я выменял свое чувство юмора давным-давно.

– И что получил взамен?

– Шрамы, – тихо ответил Каладин.

Взгляд Адолина метнулся к клейму на лбу капитана мостовиков, хотя большую часть шрама скрывали волосы.

– Отлично, – пробормотал Адолин себе под нос. – Просто превосходно. Я рад, что мы начинаем находить общий язык.

В конце коридора они вышли на дневной свет. Хотя и не яркий. Из-за дождей, прошедших в последние дни, небо по-прежнему оставалось пасмурным.

Они углубились в военный лагерь.

– Мы ждем еще кого-то из охранников? – спросил Адолин. – Обычно вас двое.

– Сегодня только я.

У Каладина было слишком мало людей, учитывая, что требовалось охранять короля, а Тефт снова забрал новичков на патрулирование. Оставалось еще два или три свободных человека, но Каладин решил, что за Адолином сможет присмотреть самостоятельно.

Экипаж ждал, запряженный парой выглядящих норовистыми лошадями. Все лошади выглядели норовистыми, с этими их слишком умными глазами и резкими движениями. К сожалению, принц не мог ехать в экипаже, запряженном чуллами. Лакей открыл дверцу для Адолина, и тот разместился внутри. Лакей закрыл дверцу и залез на свое место на запятках кареты. Каладин собрался взобраться на сиденье рядом с возницей, но вдруг остановился.

– Ты! – воскликнул он, указав на возницу.

– Я! – ответил державший поводья Шут.

Синие глаза, черные волосы, черная форма. Почему он управлял экипажем? Разве он слуга?

Каладин осторожно забрался на сиденье к Шуту, и тот тряхнул вожжами, заставив лошадей тронуться.

– Что ты тут делаешь? – спросил его Каладин.

– Ищу, чем бы поразвлечься, – беспечно ответил Шут под цоканье лошадиных подков о камень. – Ты упражнялся в игре на моей флейте?

– Э-э...

– Только не говори, что оставил ее в лагере Садеаса, когда уходил.

– Ну...

– Я сказал «не говори», – произнес Шут. – Тебе не нужно этого делать, поскольку я и так в курсе случившегося. Позор. Если бы ты знал историю той флейты, твои мозги перевернулись бы вверх тормашками. В прямом смысле – я спихнул бы тебя с повозки за то, что ты за мной следил.

– Э-э...

– Вижу, ты сегодня красноречив.

Каладин не стал брать с собой флейту. Когда он собирал мостовиков, оставшихся в лагере Садеаса, – раненых Четвертого моста и членов других бригад – он был сосредоточен на людях, а не на вещах. Он и не вспомнил о маленьком узелке со своими пожитками, забыв, что флейта осталась среди них.

– Я солдат, а не музыкант, – сказал он. – Кроме того, музыка для женщин.

– Все люди – музыканты, – возразил Шут. – Вопрос только в том, делятся ли они своими песнями. Что касается женственности музыки, то интересно, что женщина, написавшая этот трактат, та, которую почти боготворят в Алеткаре, решила, что все женские занятия связаны с сидением без дела и получением удовольствия, в то время как мужские – с поиском того, кто воткнет в тебя копьё. Впечатляюще, да?

– Думаю, да.

– Знаешь, я очень стараюсь придумывать цепляющие, умные, содержательные, интересные фразы, которые затем высказываю тебе. И не могу отделаться от мысли, что ты не поддерживаешь разговор со своей стороны. Немного похоже на то, когда играют музыку для глухого человека. Что я мог бы даже попробовать сделать, поскольку это звучит забавно, если бы только кое-кто не потерял мою флейту.

– Мне жаль, – ответил Каладин.

Он предпочел бы поразмышлять о новых стойках с мечом, которым научил его Зейхел, но раньше Шут был добр к нему. Самое меньшее, что Каладин мог сделать, – поговорить с ним.

– Так, э-э, ты сохранил свою работу? Я имею в виду, в качестве королевского шута. В нашу прошлую встречу ты намекнул, что рискуешь потерять должность.

– Я еще не проверял, – сказал Шут.

– Ты... ты еще... Король знает, что ты вернулся?

– Нет! Я пытаюсь придумать подходящий эффектный способ уведомить его. Возможно, сотня скальных демонов, марширующих в такт и поющих оды моему великолепию.

– Такое... будет трудно выполнить.

– Ага, у штормовых созданий реальные проблемы с настройкой связок, они передают лишь интонации.

– Я ничего не понял из того, что ты только что сказал.

– Ага, у штормовых созданий реальные проблемы с настройкой связок, они передают лишь интонации.

– Все равно не понятно, Шут.

– А! Так ты глохнешь, да? Дай мне знать, когда процесс завершится. Я хочу кое-что попробовать. Если бы я только помнил...

– Да-да, – вздохнул Каладин. – Ты хочешь сыграть на флейте для глухого.

– Нет, не то... А! Да. Я всегда хотел подкрасться и ткнуть глухого человека в затылок. Думаю, будет весело.

Каладин снова вздохнул. Потребуется около часа, даже если ехать быстро, чтобы прибыть в военный лагерь Себариаала. Это будет очень долгий час.

– Так ты здесь, – сказал Каладин, – чтобы поиздеваться надо мной?

– Ну, я вроде как этим и занимаюсь. Но на тебя не налегаю. Я не хотел бы, чтобы ты воспарил.

Каладин резко вздрогнул.

– Ну, знаешь, – беззаботно продолжил Шут, – воспарил на крыльях гнева и обрушился на меня с кучей проклятий. Что-то в этом роде.

Каладин сощурил глаза на высокого светлоглазого человека.

– Что тебе известно?

– Почти все. Это «почти все» иногда может быть ударом в зубы.

– Тогда чего ты хочешь?

– То, чего я не могу иметь. – Шут повернулся к нему, его глаза посерьезнели. – Как и все остальные, Каладин Благословленный Штормом.

Каладин заерзал. Шут знал о нем и волноплетении. Каладин был в этом уверен. Так должен ли он ожидать каких-то требований?

– Чего ты хочешь, – повторил Каладин, стараясь быть как можно более точным, – от меня?

– А, вот оно что. Хорошо. От тебя, мой друг, я хочу только одного – рассказа.

– Какого именно рассказа?

– Тебе решать, – улыбнулся Шут. – Я надеюсь, что он будет динамичным. Есть одна вещь, которую я не переношу, – это скука. Любезно прошу не быть скучным. В противном случае мне придется подкрасться и ткнуть тебя в затылок.

– Я не глохну.

– Очевидно, что не менее весело так же поступать с не глухими людьми. Ты что, думал, я буду мучить кого-то просто потому, что он оглох? Это было бы безнравственно. Нет, я мучаю всех людей одинаково, спасибо большое.

– Великолепно.

Каладин откинулся назад, ожидая продолжения. Удивительно, но Шут, похоже, решил прекратить разговор.

Каладин посмотрел в небо, такое унылое. Он ненавидел дни, подобные сегодняшнему. Они напоминали о Плаче. Отец Штормов, серые небеса и скверная погода заставляли его задаться вопросом: зачем вообще он встал с кровати.

В конце концов экипаж достиг военного лагеря Себариаала – места, которое походило на город еще больше, чем другие военные лагеря. Каладин поразился добротной выстроенным многоквартирным домам, рынкам...

– Фермеры? – спросил он, когда они проехали группу людей, направляющихся к воротам и несущих ползучие тростники и ведра крэма.

– Себариаал приказал им разбить лависовые поля на юго-западных холмах, – объяснил Шут.

– Сверхшторма здесь слишком сильные для занятия сельским хозяйством.

– Скажи это жителям Натана. Они занимались сельским хозяйством на всей окружающей территории. Им потребовались сорта растений, которые не достигали привычных размеров.

– Но почему? – спросил Каладин. – Почему фермеры не уйдут туда, где проще? Например, в Алеткар.

– Ты не много знаешь о человеческой природе, не так ли, Благословенный Штормом?

– Я... Нет, не знаю.

Шут покачал головой.

– Такой откровенный, такой глупый. Ты и Далинар, определенно, похожи. Кому-то нужно научить вас, как приятно проводить время.

– Я прекрасно знаю, как приятно провести время.

– Правда? Знаешь?

– Да. Главное, находиться где-нибудь подальше от тебя.

Шут пристально посмотрел на Каладина, а затем усмехнулся и тряхнул вожжами так, что лошади стали немного пританцовывать.

– Все же в тебе есть искра остроумия.

Эта черта досталась Каладину от матери. Она часто говорила подобные вещи, хотя никогда настолько оскорбительные.

«Должно быть, на меня влияет присутствие Шута».

Наконец Шут остановил экипаж у симпатичного особняка. Подобное жилище Каладин ожидал бы увидеть в каком-нибудь благополучном лейте, но не здесь, в военном лагере. С этими колоннами и красивыми стеклянными окнами особняк был еще более прекрасен, чем поместье лорд-мэра в его родном городе, Хартстоуне.

На подъездной дорожке Шут попросил лакея вызвать невесту принца. Адолин вылез, чтобы встретить ее, поправил мундир, смахнул рукавом пыль с пуговиц. Он взглянул вверх на козлы и вздрогнул.

– Ты! – воскликнул он.

– Я! – отозвался Шут. Он спрыгнул с верхней части экипажа и отвесил затайливый поклон. – Всегда к вашим услугам, светлорд Холин.

– Что ты сделал с моим кучером?

– Ничего.

– Шут...

– Неужели ты намекаешь, что я причинил вред бедняге? Разве это похоже на меня, Адолин?

– Ну, нет.

– Совершенно верно. Кроме того, я уверен, что он уже справился с веревками. Ага, вот и ваша прекрасная почти-но-не-совсем невеста.

Из дома вышла Шаллан Давар. Она сбежала со ступенек вприпрыжку, а не спустилась плавно, как делало большинство светлоглазых леди.

«Она, несомненно, полна энтузиазма», – лениво подумал Каладин, держа поводья, которые подхватил, когда их выпустил Шут.

Что-то с этой Шаллан Давар было не так. Что она прячет за импульсивностью и готовностью улыбаться? В застегнутом рукаве платья светлоглазой женщины на безопасной руке можно спрятать огромное количество смертоносных орудий. Простой отравленной иглы, проткнувшей ткань, будет достаточно, чтобы покончить с Адолином.

К сожалению, Каладин не мог наблюдать за ней все время, пока она с принцем. Нужно проявлять больше инициативы. Мог ли он проверить, что она на самом деле та, за кого себя выдает? Решить, исходя из ее прошлого, представляет ли она угрозу?

Каладин поднялся, собираясь спрыгнуть на землю, чтобы последить за девушкой, когда она подойдет к Адолину. Она неожиданно вздрогнула и широко раскрыла глаза, свободной рукой указав на Шута.

– Вы! – воскликнула Шаллан.

– Да-да. Сегодня люди узнают меня необычно хорошо. Возможно, мне следует носить...

Шут прервался на полуслове, когда Шаллан бросилась к нему. Каладин спрыгнул на землю, схватившись за нож на боку, но замешкался, когда девушка заключила Шута в объятия, прижавшись головой к его груди, и зажмурилась.

Каладин убрал руку с ножа и, приподняв бровь, посмотрел на Шута, который выглядел совершенно пораженным. Он стоял с опущенными по бокам руками, как будто не знал, что с ними делать.

– Я всегда хотела поблагодарить вас, – прошептала Шаллан. – Но все не было возможности.

Адолин откашлялся. Наконец Шаллан отпустила Шута и посмотрела на принца.

– Вы обняли Шута, – сказал Адолин.

– Это его имя? – удивилась Шаллан.

– Одно из них, – ответил Шут, все еще явно пребывающий в замешательстве. – На самом деле их слишком много, чтобы сосчитать. К счастью, большинство связаны с тем или иным ругательством...

– Вы обняли Шута, – повторил Адолин.

Шаллан покраснела.

– Разве это неприлично?

– Дело не в приличиях, – объяснил принц. – А в здравом смысле. Обнимать его – все равно что обнимать белоспинника, или кучу гвоздей, или еще что-то наподобие. Я имею в виду, это же Шут. Он не должен был вам понравиться.

– Нам нужно поговорить, – сказала Шаллан, поднимая взгляд на Шута. – Я не помню всего, о чем мы говорили, но кое-что из того...

– Попытаюсь втиснуть разговор в свое расписание, – ответил Шут. – Хотя я довольно-таки занят. Я имею в виду, одни только оскорбления Адолина займут время примерно до следующей недели.

Адолин покачал головой, отмахнулся от лакея и сам помог Шаллан сесть в экипаж. Затем он наклонился к Шуту:

– Руки прочь!

– Она слишком юная для меня, малыш, – ответил Шут.

– Все верно, – кивнул Адолин. – Придерживайся женщин своего возраста.

Шут усмехнулся.

– Ну, это может быть несколько трудновато. Думаю, в здешних краях есть только одна такая, и мы с ней никогда не ладили.

– Ты такой странный, – сказал Адолин, забираясь в экипаж.

Каладин вздохнул и собрался забраться вслед за ними.

– Ты намереваешься ехать внутри? – спросил Шут, широко ухмыльнувшись.

– Да, – ответил Каладин.

Ему хотелось понаблюдать за Шаллан. Скорее всего, она не будет ничего предпринимать в открытую, пока едет в экипаже с Адолином. Но Каладин мог что-нибудь заметить, наблюдая за ней, и нельзя быть абсолютно уверенным, что она не попытается навредить принцу.

– Не пытайся флиртовать с девушкой, – прошептал Шут. – Видимо, юный Адолин становится собственником. Или... что я говорю? Флиртуй с девушкой, Каладин. Это может заставить принца выпучить глаза.

Каладин фыркнул.

– Она светлоглазая.

– И что? Ваш народ слишком зациклен на таких вещах.

– Не обижайся, – прошептал Каладин, – но я скорее стану флиртовать со скальным демоном.

Он оставил Шута править экипажем, а сам залез внутрь.

Адолин закатил глаза.

– Ты шутишь!

– Это моя работа, – ответил Каладин, сев рядом с принцем.

– Здесь я точно в безопасности, – проговорил Адолин сквозь зубы, – с моей невестой.

– Ладно, тогда я просто хочу ехать с комфортом, – ответил Каладин, кивнув Шаллан Давар.

Она его проигнорировала, улыбнувшись Адолину, когда экипаж тронулся.

– Куда мы сегодня собираемся?

– Ну, вы что-то говорили об ужине, – произнес Адолин. – Я знаю один винный дом на Внешнем рынке, и там даже кормят.

– Вы всегда знаете лучшие места, – отозвалась Шаллан, и ее улыбка стала шире.

«Могла ли твоя лесть быть более очевидной, женщина?» – подумал Каладин.

Адолин улыбнулся в ответ.

– Я просто прислушиваюсь к тому, о чем говорят.

– Если бы только вы уделяли больше внимания тому, как выбрать хорошее вино...

– Зачем, если это так легко. – Он усмехнулся. – Они все хороши.

Шаллан хихикнула.

Шторма, светлоглазые раздражали. Особенно когда лебезили друг перед другом. Их беседа продолжилась, и Каладин счел абсолютно очевидным, что девушка сильно желала отношений с Адолином. Что ж, неудивительно. Светлоглазые всегда искали случай забраться повыше или попытаться воткнуть нож в спину один другому, если были не в том настроении. Его работа заключалась не в том, чтобы вычислить, хотела ли эта девушка воспользоваться Адолином. Все светлоглазые использовали друг друга. Он просто должен выяснить, являлась ли она беспринципной охотницей за удачей или беспринципным убийцей.

Они продолжали разговаривать, и Шаллан вернула беседу к планам на день.

– Так вот, я не говорю, что возражаю против другого винного дома, – сказала она. – Но задаюсь вопросом, не становится ли выбор подобного места слишком очевидным.

– Знаю, – ответил Адолин – Но здесь, шторм побери, особенно нечем заняться. Ни выступлений, ни выставок искусств, ни состязаний скульпторов.

«Вы действительно тратите свое время на подобные вещи? – задался вопросом Каладин. – Спаси вас Всемогущий, если вы не увидите соревнований скульпторов».

– Там есть зверинец, – с нетерпением проговорила Шаллан. – На Внешнем рынке.

– Зверинец? – переспросил Адолин – Разве это немного не соответствует... нашему положению?

– Ой, да ладно. Мы могли бы любоваться на всех тех животных, а вы бы рассказали, кого из них отважно убили на охоте. Будет очень занимательно.

Она помедлила, и Каладину показалось, что он увидел что-то в ее глазах. Проблеск чего-то более глубокого. Боль? Беспокойство?

– И я могла бы немного отвлечься, – добавила Шаллан уже тише.

– На самом деле я презираю охоту, – сказал Адолин, как будто не обратив внимания. – В ней нет настоящего соревнования.

Он посмотрел на Шаллан, которая сидела с приклеенной улыбкой и нетерпеливо кивала.

– Что ж, немного разнообразия не помешает. Хорошо, я попрошу Шута отвезти нас туда. Надеюсь, он так и сделает, вместо того чтобы скинуть нас в пропасть и посмеяться над тем, как мы будем кричать от ужаса.

Адолин развернулся, отодвинул маленькую скользящую заслонку, открывающуюся к сиденью кучера, и отдал приказ. Каладин наблюдал за Шаллан, которая расслабилась и сидела с удовлетворенной улыбкой на лице. У нее был скрытый мотив для посещения зверинца. Какой?

Адолин развернулся обратно и справился о том, как прошел ее день. Каладин слушал вполуха, изучая Шаллан, пытаясь обнаружить, не прячет ли она нож за пазухой. При очередной реплике Адолина девушка покраснела и рассмеялась. Принц не слишком нравился Каладину, но, по крайней мере, он был честен. Он обладал горячим отцовским темпераментом и всегда был искренен с Каладином. Избалованный и распущенный, но прямолинейный.

Эта девушка казалась другой. Ее рассчитанные движения, то, как она смеялась, как подбирала слова. Она могла хихикать и краснеть, но глаза всегда оставались пронизательными, всегда наблюдали. Она олицетворяла все то, что вызывало у него неприязнь в культуре светлоглазых.

«Ты просто в плохом настроении», – признала какая-то часть разума Каладина.

Так бывало иногда, чаще в пасмурную погоду. Но разве они должны вести себя до тошноты радостно?

Он следил за Шаллан в течение всей поездки и в конечном счете решил, что относится к ней слишком подозрительно. Она не представляла непосредственную угрозу для Адолина. Каладин поймал себя на том, что мысленно возвратился к ночи в ущельях. Полет с ветрами, буйство штормсвета внутри. Свобода.

Нет, не просто свобода. Цель.

«У тебя есть цель, – подумал Каладин, возвращаясь к настоящему. – Охранять Адолина».

Идеальная работа для солдата, другие могли только мечтать о такой. Высокое жалование, собственный взвод, чтобы командовать, важное задание. Командир, заслуживающий доверия. Идеально.

Но те ветра...

– О! – воскликнула Шаллан, достав сумку и начав в ней копаться. – Я принесла вам тот отчет, Адолин.

Она помедлила, глядя на Каладина.

– Вы можете ему доверять, – несколько неохотно проговорил принц. – Он дважды спас мою жизнь, и отец позволяет ему охранять нас даже на самых важных встречах.

Шаллан вытащила несколько листов бумаги, исписанных неразборчивым женским почерком.

– Восемнадцать лет назад кронпринц Йенев представлял собой большую силу в Алеткаре и являлся одним из самых влиятельных кронпринцев, которые выступали против проводимой Гавиларом кампании по объединению. Йенева не сразили в битве. Он был убит на дуэли. Садеасом.

Адолин кивнул, нетерпеливо наклонившись вперед.

– Вот личный отчет светледи Иалай о тех событиях, – продолжила Шаллан. – «Победить Йенева оказалось до гениальности просто. Мой муж разговаривал с Гавиларом относительно права вызова и королевского дара – древних традициях, которые были известны многим светлоглазым, но в современных условиях им не уделялось должного внимания. Те традиции имели отношение к истории трона, и обращение к ним в очередной раз подтвердило наше право на власть. Случай представился на торжестве могущества и славы, где мой муж сначала сразился с другим противником».

– Что там по поводу могущества и славы? – спросил Каладин.

Оба посмотрели на него, будто удивились, что он заговорил.

«По-прежнему забываете о моем присутствии, не так ли? – подумал Каладин. – Предпочитаете игнорировать темноглазых».

– Торжество могущества и славы, – сказал Адолин. – Так причудливо называли турниры. Тогда они были обычным делом. Способ для кронпринцев покрасоваться друг перед другом в мирное время.

– Нам нужно найти повод, чтобы Адолин мог вызвать на дуэль или хотя бы дискредитировать Садеаса, – объяснила Шаллан. – Размышляя об этом, я вспомнила упоминание о дуэли Йенева в биографии старого короля, написанной Джасной.

– Хорошо... – нахмурился Каладин.

– «Целью, – Шаллан подняла палец, продолжая читать отчет, – той предварительной дуэли было внушить страх и произвести впечатление на кронпринцев. Хотя мы замыслили все заранее, первый побежденный человек не знал о своей роли в нашей уловке. Садеас зрелищно разгромил его, как и ожидалось. Он несколько раз прекращал сражаться и поднимал ставки, сначала деньгами, затем землями. В конце концов победа оказалась драматичной. С одобрения полностью поглощенной происходящим толпы король Гавилар встал и предложил Садеасу награду за доставленное удовольствие согласно старинной традиции. Ответ Садеаса был прост: “Для меня не будет лучшей награды, чем трусливое сердце Йенева на острие моего меча, ваше величество!”»

– Вы шутите, – проговорил Адолин. – Хвастун Садеас такое сказал?

– То событие, как и его слова, записано в нескольких исторических хрониках, – ответила Шаллан. – Затем Садеас сразился с Йеневом, убил его и предоставил возможность своему союзнику Аладару взять под контроль княжество поверженного кронпринца.

Адолин задумчиво кивнул.

– Может сработать, Шаллан. Я могу попытаться сделать то же самое – устроить зрелищное представление из моего сражения с Релисом и тем, кого он приведет, поразить толпу, заслужить награду от короля и потребовать право вызова, применив его к самому Садеасу.

– В этом есть несомненное очарование, – согласилась Шаллан. – Предпринять маневр, который применил сам Садеас, и использовать против него.

– Садеас никогда не согласится, – заметил Каладин. – Он не позволит заманить себя в такую ловушку.

– Возможно, – произнес Адолин. – Но я думаю, что ты недооцениваешь положение, в которое он попадет, если мы все сделаем правильно. Право вызова – старинная традиция, утвержденная Герольдами, как говорят некоторые. Светлоглазый воин, доказавший свою доблесть перед Всемогущим и королем, встает и требует справедливости по отношению к тому, кто нанес ему оскорбление...

– Он согласится, – сказала Шаллан. – Ему придется. Но сможете ли вы устроить зрелищный поединок, Адолин?

– Толпа ожидает, что я буду жульничать. Они не слишком высокого мнения о моих предыдущих дуэлях – очко в мою пользу. Если я смогу устроить для них настоящее представление, они будут в восторге. Кроме того, разгромить одновременно двух человек? Это само по себе должно обеспечить необходимое внимание, которое нам требуется.

Каладин перевел взгляд с одного на другую. Они подошли к идее очень серьезно.

– Вы на самом деле думаете, что может сработать что-то подобное? – спросил Каладин с растущей задумчивостью.

– Да, – ответила Шаллан, – хотя, согласно традиции, Садеас может назначить сражаться вместо себя чемпиона, так что не обязательно, что Адолин добьется дуэли лично с ним. Однако он все равно выиграет Осколки Садеаса.

– Это будет не достаточно удовлетворительным, но приемлемым, – сказал Адолин. – Победа над чемпионом Садеаса в поединке подрежет ему колени. Он утратит большую долю доверия.

– Но на самом деле победа не будет ничего означать, – произнес Каладин. – Не так ли?

Они уставились на него.

– Это всего лишь дуэль, – пояснил Каладин. – Игра.

– Тут все будет по-другому, – ответил Адолин.

– Я не понимаю почему. Конечно, вы можете выиграть его Осколки, но титул и авторитет Садеаса останутся теми же.

– Речь идет о восприятии, – объяснила Шаллан. – Садеас создал коалицию против короля. Подразумевается, что он сильнее короля. Проигрыш королевскому чемпиону опровергнет его статус.

– Но все это – лишь игры, – сказал Каладин.

– Да, – ответил Адолин. Каладин не ожидал, что он согласится. – Но это игра, в которую играет Садеас. Это правила, которые он принимает.

Каладин откинулся назад, позволив себе погрузиться в мягкую спинку сиденья.

«Эта традиция может стать ответом, – подумал он. – Решением, которое я искал...»

– Раньше Садеас был таким сильным союзником, – проговорил Адолин с сожалением. – Я забыл то, как он поразил Йенева.

– Так что изменилось? – спросил Каладин.

– Гавилар мертв, – тихо произнес Адолин. – Старый король был тем, кто сдерживал отца и Садеаса от обострения отношений.

Он наклонился вперед, глядя на листы Шаллан с записями, хотя было очевидно, что он не может их прочесть.

– Мы должны воплотить вашу затею в жизнь, Шаллан. Мы должны затянуть петлю на горле угря. Идея блестящая. Спасибо вам.

Она покраснела, убрала записи в конверт и протянула его Адолину.

– Возьмите, для вашей тети. Здесь подробно изложено то, что я обнаружила. Ей и вашему отцу будет виднее, хороша идея или нет.

Адолин принял конверт и коснулся ее руки. Двое молодых людей разделили мгновение, растворившись друг в друге. Да, Каладин все больше убеждался в том, что девушка не представляла непосредственной опасности для Адолина. Если она и являлась какой-то мошенницей, жизни Адолина ничего не угрожало. Только его достоинству.

«Слишком поздно, – подумал Каладин, наблюдая за тем, как Адолин садится обратно с глупой улыбкой на лице. – Оно уже мертво и обратилось в пепел».

Вскоре экипаж добрался до Внешнего рынка, и они миновали несколько групп патрулей в синей форме Холина. Мостовики не из Четвертого моста, а из других бригад. Одним из способов, которым Каладин тренировал их, было патрулирование рынка.

Каладин первым выбрался из экипажа и заметил ряды штормповозок, расположившихся неподалеку. Веревки на столбах перегораживали площадь, по-видимому, для того, чтобы удерживать людей от проникновения внутрь, хотя мужчины с дубинками, прогуливающиеся рядом с некоторыми столбами, вероятно, лучше справлялись с подобной работой.

– Спасибо за поездку, Шут, – сказал Каладин, оборачиваясь. – Я еще раз прошу прощения за твою флейту.

Шут исчез с козел экипажа. Вместо него сидел другой человек, молодой парень в коричневых брюках, белой рубашке и шляпе на голове. Он стянул ее, выглядя смущенным.

– Звиняйте, сэр, – произнес парень с акцентом, который Каладин не узнал. – Он мне денежку хорошую дал, ага. Сказал тучочки стоять, чтоб местами сменяться.

– В чем дело? – спросил Адолин, выйдя из экипажа и посмотрев вверх. – О, Шут горазд на такие проделки, мостовичок.

– Проделки?

– Любит таинственно исчезать, – пояснил Адолин.

– Не таинственно было, сэр, – проговорил парень, поворачиваясь и указывая в сторону. – Там, недалече, где карета становилась и поворачивалась. Мне сказали ждать, а потом поменяться и привести экипаж досюда. Пришлось прыгать тихонько. Он убежал и хихикал, как дите, ага, убежал.

– Просто ему нравится удивлять окружающих, – сказал Адолин, помогая Шаллан выбраться из экипажа. – Не обращай на него внимания.

Новый возница склонился, будто в смущении. Каладин не узнал его, он не был одним из постоянных слуг Адолина.

«Обратно лучше поехать наверху. Присмотреть за парнем».

Шаллан и Адолин направились в сторону зверинца. Каладин вытащил свое копьё из задней части экипажа и побежал догонять, в итоге пристроившись на несколько шагов позади. Он слушал, как они смеются, и хотел врезать кулаком им в лицо.

– Ничего себе, – послышался голос Сил. – Предполагается, что ты должен обуздывать шторма, Каладин. А не держать их в своей голове.

Он посмотрел, как она подлетела и затанцевала вокруг него ленточкой света. Закинув копьё на плечо, он зашагал дальше.

– В чем дело? – спросила Сил, зависнув в воздухе перед ним.

Куда бы Каладин ни поворачивал голову, она сразу же скользила в том же направлении, будто сидя на невидимом выступе. Ее девичье платье колыхалось и превращалось в туман ниже колен.

– Ни в чем, – тихо ответил Каладин. – Я просто устал слушать тех двоих.

Сил посмотрела через плечо на шедшую впереди пару. Адолин оплатил вход и ткнул большим пальцем себе за спину, на Каладина, показав, что заплатил и за него тоже. Напыщенный азианин в шляпе с необычными узорами и длинном плаще замысловатого покроя махнул им рукой в сторону рядов клеток и содержащихся внутри животных.

– Шаллан и Адолин кажутся счастливыми, – сказала Сил. – Что в этом плохого?

– Ничего, – ответил Каладин. – Пока мне не приходится слушать их разговоры.

Сил наморщила носик.

– Дело не в них, а в тебе. Ты закис. Я почти могу ощутить вкус.

– Вкус? Ты не ешь, Сил. Сомневаюсь, что ты знаешь, что такое вкусовые ощущения.

– Это метафора. И у меня есть фантазия. И ты кислый на вкус. И прекрати спорить, потому что я права.

Она умчалась от него, чтобы зависнуть вблизи Шаллан и Адолина, пока они осматривали первую клетку.

«Проклятый спрен, – подумал Каладин, подходя к Шаллан и Адолину сзади. – Спорить с ней, все равно что... ну, спорить с ветром, наверное».

Штормповозка перед ним была во многом похожа на клетку для рабов, в которой его доставили на Разрушенные равнины, хотя казалось, что с животным, находящимся внутри, обращались гораздо лучше, чем с рабами. Оно сидело на камне, а клетка была покрыта изнутри крэмом, чтобы напоминать пещеру. Само животное представляло собой комок плоти с двумя выпуклыми глазами и четырьмя длинными щупальцами.

– О-о-о, – протянула Шаллан, широко раскрыв глаза.

Сложилось впечатление, что ей подарили гору драгоценностей, только вместо драгоценных камней перед ней сидел скользкий комок непонятно чего. Каладин скорее ожидал бы увидеть что-то подобное налипшим на подошву своего ботинка.

– Это, – произнес Адолин, – самая отвратительная вещь, которую я когда-либо видел. Похоже на внутренности хаспера, только без панциря.

– Один из сарпентинов, – объяснила Шаллан.

– Бедняга, – ответил Адолин. – Его мать дала ему такое имя?

Шаллан хлопнула принца по плечу.

– Это название семейства.

– Значит, все-таки за этим стоит его мать.

– Семейства животных, глупый. Их чаще можно встретить на западе, где шторма не так сильны. Я видела похожих животных всего несколько раз – в Джа Кеведе водятся их меньшие родичи, но и близко не такие большие. Я даже не знаю, что это за вид.

Она помедлила, а затем сунула пальцы сквозь прутья решетки и схватила одно из щупалец.

Животное сразу же отпрянуло, надулось, чтобы казаться больше размером, и угрожающе подняло две конечности над головой. Адолин вскрикнул и потянул Шаллан назад.

– Он сказал, никого не трогать! – воскликнул Адолин. – Что, если оно ядовитое?

Шаллан не обратила на принца внимания и выудила из сумки блокнот.

– Теплое на ощупь, – пробормотала она, обращаясь сама к себе. – Действительно теплокровное. Восхитительно. Нужно его нарисовать.

Она сощурила глаза, прочитав маленькую табличку на клетке.

– Ну что за бессмыслица.

– Что там говорится? – спросил Адолин.

– «Демонический камень, пойманный в Марабетии. Местные жители утверждают, что он – возродившийся мстительный дух убитого ребенка». Вид даже не упоминается. Что же это за наука?

– Мы в зверинце, Шаллан, – усмехнулся Адолин. – Который добрался сюда, чтобы развлекать солдат и обитателей лагеря.

Зверинец в самом деле пользовался популярностью. Пока Шаллан рисовала, Каладин был занят тем, что осматривал проходящих мимо, следя за тем, чтобы они не слишком приближались. Здесь можно было встретить кого угодно, начиная от посудомоек и десятинников и заканчивая офицерами и даже более высокопоставленными светлоглазыми. За их спинами пронесли светлоглазую даму в паланкине, едва обращающую внимание на клетки. Она составила контраст с энергично рисующей Шаллан и по-доброму насмехающимся Адолином.

Каладин был слишком строг с двумя молодыми людьми. Возможно, они не обращали на него внимания, но не вели себя по-настоящему недоброжелательно. Они казались счастливыми и довольными. Откуда же в нем столько раздражения?

В конце концов Шаллан и Адолин переместились к следующей клетке, в которой находились небоугри и большая кадка с водой, чтобы они могли в ней нырять. По всей видимости, небоугри не чувствовали себя так же уютно, как демонический камень. В клетке было мало места для перемещения, и они не часто взмывали в воздух. Не слишком интересно.

В следующей клетке сидело существо, похожее на маленькую чуллу, но с большими по размеру лапами. Шаллан захотела сделать и его набросок, поэтому Каладин расположился около клетки, наблюдая за снующими мимо людьми и слушая, как Адолин пытается шутками развеселить свою невесту. Шутки были не особенно удачными, но Шаллан все равно смеялась.

– Бедняжка, – проговорила Сил, приземлившись на пол клетки и рассматривая ее обитателя, похожего на краба. – Что у него за жизнь?

– В безопасности, – пожал плечами Каладин. – По крайней мере, ему не нужно волноваться насчет хищников. Всегда сыт. Сомневаюсь, что чуллообразным животным требуется что-то большее.

– Разве? – спросила Сил. – И ты хорошо бы себя чувствовал, окажись на его месте?

– Конечно же, нет. Я не похож на чуллу. Я солдат.

Они зашагали дальше, перемещаясь от одной клетки с животными к другой. Некоторых Шаллан зарисовывала, остальные, по ее мнению, не нуждались в немедленных набросках. Одно из животных, которое она считала самым очаровательным, было одновременно и самым странным – что-то вроде разноцветного цыпленка с красными, синими и зелеными перьями. Девушка вытащила из сумки цветные карандаши. Стало понятно, что когда-то в прошлом она уже упустила возможность выполнить набросок подобного создания.

Каладин был вынужден признать, что животное оказалось симпатичным. Но как оно выживало? Панцирь имелся только в передней части мордочки, а вся остальная тушка не отличалась гибкостью, поэтому создание не смогло бы спрятаться в трещинах, как это делал демонический камень. Как поступало животное, когда налетал шторм?

Сил приземлилась на плечо Каладина.

– Я солдат, – повторил Каладин, говоря очень тихо.

– Это то, кем ты был, – сказала Сил.

– Это то, кем я снова хочу стать.

– Уверен?

– Почти. – Он сложил руки на груди, уперев копые в плечо. – Единственное, что... Это безумие, Сил. Сумасшествие. Время, когда я был мостовиком, – худшее в моей жизни. Мы вытерпели смерть, притеснения, унижения. И все же, мне кажется, что я никогда не чувствовал себя таким живым, как в те последние недели.

По сравнению с тем, что он проделал с Четвертым мостом, его теперешнее положение обычного солдата, даже всеми уважаемого, такого, как капитан охраны кронпринца, казалось обычным. Заурядным.

Но парящий полет с ветрами – его можно было назвать как угодно, только не заурядным.

– Ты почти готов, не так ли? – прошептала Сил.

Он медленно кивнул.

– Да. Думаю, да.

Вокруг очередной клетки в ряду собралась целая толпа, а из земли даже появилось несколько спренов страха. Каладин протолкался вперед, хотя ему даже не пришлось расчищать пространство – посетители освободили место для наследника Далинара, как только увидели, кто он такой. Адолин прошел мимо них даже не взглянув, очевидно привычный к подобному почтению.

Эта клетка отличалась от всех остальных. Прутья располагались ближе друг к другу, деревянные пластины укреплены. Находящееся внутри животное, казалось, не заслуживало подобного обращения. Жалкий зверь лежал перед несколькими камнями, закрыв глаза. На квадратной морде виднелись заостренные жвалы, похожие на зубы, только почему-то более ужасные, и пара длинных клыков, свисающих с верхней челюсти. Окостеневшие шипы, сбегавшие от головы по волнообразной спине до мощных лап, намекали, на что был способен зверь.

– Белоспинник, – выдохнула Шаллан, шагнув к клетке.

Каладин никогда их не видел. Он вспомнил юношу, лежащего на операционном столе, всего покрытого кровью. Вспомнил страх, разочарование, а затем боль.

– Я ожидал, – сказал Каладин, пытаясь отвлечься от воспоминаний, – что это существо будет... больше.

– Они плохо развиваются в неволе, – объяснила Шаллан. – Этот экземпляр, наверное, уже давно погрузился бы в спячку в кристалле, если бы имел возможность. Должно быть, они окунают его в воду, чтобы промыть панцирь.

– Не жалею его, – произнес Адолин. – Я видел, что они способны сотворить с человеком.

– Точно, – тихо согласился Каладин.

Шаллан вытащила принадлежности для рисования, однако, когда она начала набросок, толпа стала расходиться. Сперва Каладин подумал, что дело в самом звере – но тот продолжал просто лежать на месте с закрытыми глазами, время от времени пофыркивая через одно из носовых отверстий.

Нет, люди собирались на другом конце зверинца. Каладин привлек внимание Адолина и указал в том направлении. «Пойду проверю в чем там дело», – означал его жест. Адолин кивнул и опустил руку на меч: «Я побуду на страже».

Закинув копые на плечо, Каладин трусцой побежал выяснить, что происходит. К сожалению, вскоре он различил над толпой знакомое лицо. Амарам был высоким мужчиной. Рядом с ним стоял Далинар, охраняемый несколькими мостовиками Каладина. Они держали толпу на безопасном расстоянии.

– ...слышал, что мой сын здесь, – донесся голос Далинара, разговаривающего с хорошо одетым хозяином зверинца.

– Вам не нужно платить, кронпринц! – воскликнул хозяин с характерным акцентом, похожим на произношение Сигзила. – Ваш приход – великое

благословление Герольдов для моей скромной коллекции. Как и присутствие вашего знаменитого спутника.

Амарам. На нем был странный плащ. Яркий, золотисто-желтый, с черным глифом на спине. «Клятва»? Каладин не узнал очертания. Однако он выглядел знакомым.

«Двойной глаз, – понял он. – Символ...»

– Это правда? – спросил хозяин зверинца, изучая Амарама. – По лагерю гуляют интригующие слухи...

Далинар громко вздохнул.

– Мы собирались объявить новость на пиру сегодня вечером, но, так как Амарам настаивает на том, чтобы носить плащ, полагаю, нужно сделать это сейчас. С одобрения короля я приказал возродить Сияющих рыцарей. Пусть известят обитателей лагерей. Древние клятвы снова произнесены, и светлорд Амарам сделал это – по моей просьбе – первым. Сияющие рыцари восстановлены, и он стоит в их главе.



Позади следовали двадцать три отряда, которые прибыли благодаря содействию короля Макабакама. Хотя связь между человеком и спреном иногда необъяснима, способность связанных спренов появляться в нашем мире вместо их собственного становилась сильнее через принесение клятв.

«Слова сияния», глава 35, страница 9

– Очевидно, что Амарам не обладает никакими способностями к волноплетению, – негромко сказал Сигзил, стоя рядом с Каладином.

Впереди из экипажа выбрались Далинар, Навани, король и Амарам. Рядом с ними возвышалась дуэльная арена – еще одно кратероподобное образование из тех, что окаймляли Разрушенные равнины. Тем не менее оно было намного меньше чем те, в которых располагались военные лагеря, а внутри имелись ярусы сидений.

Так как на дуэли присутствовали и Элокар, и Далинар, не говоря уже о Навани и обоих сыновьях кронпринца, Каладин привел всех охранников, кого только смог. В том числе некоторых из Семнадцатого и Второго мостов. Они стояли гордо, с высоко поднятыми копьями, явно обрадованные тому, что им наконец доверили впервые находиться на страже. Всего дежурило сорок человек.

И ни один из них не будет стоять и капли дождя, если Убийца в Белом нанесет удар.

– Можем ли мы быть уверены? – спросил Каладин, кивнув в сторону Амарама, который по-прежнему носил свой желто-золотой плащ с символом Сияющих рыцарей на спине. – Я никому не показывал своих сил. Должны существовать и другие обученные, такие же, как я. Шторма, Сил, можно сказать, пообещала мне, что они появились.

– Он бы продемонстрировал способности, если бы имел их, – сказал Сигзил. – Слухи распространяются по всем десяти лагерям подобно наводнению. Половина людей считает, что действия Далинара кощунственны и глупы. Другая половина еще не определилась. Если бы Амарам проявил силу волноплетения, действия светлорда Далинара выглядели бы гораздо менее сомнительными.

Скорее всего, Сигзил прав. Но... Амарам? Этот человек вышагивал с такой гордостью, высоко подняв голову. Каладин почувствовал, как его шея становится горячей, и на мгновение ему показалось, что единственное, что он видит, – это Амарам. Золотой плащ. Надменное лицо. Запятнанное кровью. Этот человек запятнан кровью. Каладин рассказал о нем Далинару!

Далинар ничего не сделал.

Значит, придется сделать кому-то еще.

– Каладин? – позвал Сигзил.

Каладин вдруг понял, что шагнул к Амараму, сжимая в руках копьё. Он глубоко вздохнул и отдал приказ:

– Поставь людей на другой край арены. Шрам и Эт с Адолином в подготовительной комнате, ради безопасности лучше пока держать его подальше от поля. На всякий случай расположи еще нескольких внизу арены. По три человека у каждой двери. Шестерых я возьму с собой к сиденьям короля.

Каладин помолчал и добавил:

– И давай на всякий случай оставим двоих охранять невесту Адолина. Она будет сидеть с Себариалом.

– Будет сделано.

– Скажи парням, чтобы не теряли бдительности, Сиг. Похоже, нас ждет драматичное сражение. Я хочу, чтобы они думали о возможных убийцах, а не о поединке.

– Он на самом деле собирается сражаться одновременно с двумя?

– Да.

– Он может выиграть?

– Я не знаю, и на самом деле меня это не заботит. Наша работа наблюдать за другими угрозами.

Сигзил кивнул и собрался уходить, но замешкался, взяв Каладина за руку.

– Ты можешь присоединиться к ним, Кэл, – тихо сказал он. – Если король возрождает Сияющих рыцарей, у тебя появился предлог показать, кто ты есть. Далинар пытается, но так много людей думают о Сияющих как о злой силе, забывая о том хорошем, что они сделали до предательства. Если ты покажешь свои способности, их мнение может измениться.

Присоединиться. Под началом Амарама. Это вряд ли.

– Иди передай мои приказы.

Каладин подкрепил свои слова жестом, выдернул руку из хватки Сигзила и побежал за королем и его свитой. По крайней мере, сегодня солнечный день, и весенний воздух прогрелся.

Рядом с ним замельтешила Сил.

– Амарам разрушает тебя, Каладин, – прошептала она. – Не позволяй ему.

Он стиснул зубы и промолчал, направившись к Моашу, который возглавлял команду, наблюдающую за светледи Навани – она предпочитала смотреть на поединок снизу, из подготовительных комнат.

Часть его задавалась вопросом, следует ли позволять Моашу охранять кого-то, кроме Далинара, но, шторм с ним, Моаш поклялся, что больше не будет предпринимать действий против короля. Каладин доверял Моашу. Они были Четвертым мостом.

«Я вытащу тебя, – подумал Каладин, отводя мужчину в сторону. – Мы все исправим».

– Моаш, – тихо проговорил он. – Начиная с завтрашнего дня, я поставлю тебя в патруль.

Мостовик нахмурился.

– Я думал, ты всегда хотел, чтобы я был в охране... – Он помрачнел. – Это из-за того, что произошло в таверне.

– Я хочу послать тебя в дальнейшее патрулирование, – сказал Каладин. – Отправитесь к Новому Натанану. Не хочу, чтобы ты находился здесь, когда мы займемся Грейвсом и его людьми.

Ситуация и так слишком затянулась.

– Я не уеду.

– Уедешь, и это не предмет для...

– То, что они делают, – правильно, Кэл!

Каладин нахмурился.

– Ты все еще встречаешься с ними?

Моаш отвел взгляд.

– Только один раз. Чтобы уверить их, что ты раздумываешь.

– Но все равно ты не подчинился приказу! – воскликнул Каладин. – Шторм побереи, Моаш!

Шум на арене нарастал.

– Поединок вот-вот начнется, – сказал Моаш, выдернув руку. – Поговорим об этом позже.

Каладин стиснул зубы, но Моаш, к сожалению, был прав. Сейчас не время.

«Надо было прижать его сегодня утром, – подумал Каладин. – Нет, что я на самом деле должен был сделать, так это принять решение еще много дней назад».

Виноват только он сам.

– Ты отправишься в патрулирование, Моаш, – сказал он. – Ты не можешь нарушать субординацию только потому, что мы друзья. Иди.

Мужчина побежал вперед, собирая свой отряд.

В подготовительной комнате Адолин опустился на колени рядом с мечом и обнаружил, что не знает, что сказать.

Он посмотрел на свое отражение в Клинке. Два Носителя сразу. Он никогда не пытался повернуть что-то подобное за пределами тренировочной площадки.

Сражаться против нескольких было непросто. Если в легендах какой-то человек дрался сразу с шестью противниками или что-то в таком духе, то на самом деле он, скорее всего, справлялся с ними по очереди. Сражаться одновременно с двумя было тяжело, если они подготовились и соблюдали осторожность. Не невозможно, но очень тяжело.

– В общем, так, – произнес Адолин. Требовалось что-то сказать мечу. Такова традиция. – Давай покажем им настоящее зрелище. А затем сотрем улыбку с лица Садеаса.

Он встал и отпустил Клинок. Покинув маленькую подготовительную комнату, Адолин прошел по туннелю, на стенах которого были вырезаны и раскрашены картины поединков. В следующей комнате сидел Ренарин в униформе Холинов – он надевал ее на все официальные мероприятия вроде сегодняшнего вместо проклятой униформы Четвертого моста – и с беспокойством ждал. Тетя Навани откручивала крышку с баночки с краской, чтобы нарисовать глифпару.

– Не нужно, – сказал Адолин, вынув глифпару из своего кармана. Нарисованная синим цветом Холинов, она читалась как «превосходство».

Навани подняла бровь.

– Девушка?

– Ага, – ответил Адолин.

– Каллиграфия неплохая, – неохотно признала Навани.

– Шаллан замечательная, тетя, – проговорил Адолин. – Я хотел бы, чтобы ты дала ей шанс. И она действительно хочет поделиться с тобой своим исследованием.

– Посмотрим, – ответила Навани.

Ее слова в отношении Шаллан показались более вдумчивыми, чем раньше. Хороший знак.

Адолин кинул глифпару в жаровню и склонил голову, когда она загорелась. Молитва Всемогущему о помощи. Его сегодняшние соперники наверняка тоже сожгли свои собственные молитвы. Как Всемогущий определял, кому помочь?

«Не могу поверить, – подумал Адолин, поднимая голову от молитвы, – что он хотел бы, чтобы успех сопутствовал тем, кто, пусть даже косвенно, служит Садеасу».

– Я беспокоюсь, – сказала Навани.

– Отец думает, что план может сработать, да и Элокару он действительно понравился.

– Элокар бывает импульсивным, – ответила Навани, скрестив руки и наблюдая за тем, как догорают остатки глифпары. – Условия изменяют положение вещей.

В условиях, согласованных ранее с Релисом и оглашенных перед верховным судьей, указывалось, что поединок будет длиться до капитуляции, а не до разбивания определенного количества секций Доспехов. Подразумевалось, что если Адолину удастся одержать верх над одним из противников, заставив того сдаться, другой мог продолжать бой.

Это также означало, что Адолин не должен прекращать драться, пока не докажет, что он лучший.

Или пока не потеряет способность двигаться.

Ренарин подошел и положил руку на плечо Адолина.

– Думаю, план хорош, – сказал он. – У тебя получится.

– Тебя попытаются сломить, – добавила Навани. – Именно поэтому они настояли на поединке до капитуляции. Адолин, они сделают из тебя калеку, если смогут.

– Не слишком отличается от поля боя, – ответил принц. – Вообще-то, в данном случае они захотят оставить меня в живых. В качестве наглядного примера с умерщвленными Клинком ногами от меня будет больше пользы, чем от моего праха.

Глубоко вздохнув, Навани закрыла глаза. Она выглядела бледной. Немного похоже, будто его мать вернулась. Немного.

– Убедись, что не оставил Садеасу выхода, – сказал ему Ренарин, когда вошли оружейники с Доспехами Адолина. – Вызовом на дуэль ты загонишь его в угол, и он будет искать способ выбраться. Не позволяй ему. Вытащи его на песок и избей до крови, брат.

– С удовольствием.

– Ты поел цыпленка? – спросил Ренарин.

– Две тарелки, с карри.

– Цепочка матери?

Адолин полез в карман.

Затем проверил в другом.

– Что? – спросил Ренарин, сжав плечо Адолина.

– Я мог бы поклясться, что положил ее туда.

Ренарин выругался.

– Может быть, осталась в моих покоях, – сказал Адолин. – В лагере. На моем столе.

Если не предполагать, что он все-таки взял ее и потерял по дороге.

«Шторма».

Это был всего лишь ничего не значащий амулет на удачу. Так или иначе, Адолина бросило в пот, когда Ренарин выбежал из комнаты, чтобы отправить гонца на поиски. Он не вернется вовремя. Снаружи уже слышался нарастающий рев толпы, предшествующий началу поединка. Адолин неохотно позволил оружейникам начать облачать себя в Доспехи.

К тому времени, как ему передали шлем, он вернулся к привычному ожиданию – странной смеси тяжести в животе и расслабленности в мышцах. Нельзя сражаться напряженным. Можно сражаться возбужденным, но не напряженным.

Адолин кивнул слугам, и они открыли дверь, пропуская его на арену. По громким приветственным возгласам можно было понять, где сидели темноглазые. Светлоглазые с его появлением, наоборот, притихли. Хорошо, что Элокар зарезервировал места для темноглазых. Адолину нравился шум. Он напоминал о поле боя.

«Когда-то, – подумал Адолин, – мне не нравилось сражаться в битве, потому что там не так тихо, как на дуэли».

Несмотря на первоначальное нежелание быть солдатом, он им стал.

Адолин вышел в центр арены. Соперники еще находились в своих подготовительных комнатах.

«Сначала разделись с Релисом, – сказал себе Адолин. – Ты знаешь его манеру боя».

Релис предпочитал стойку лозы, медленную и устойчивую, но с внезапными, быстрыми выпадами. Адолин не был уверен, кого Релис приведет драться с ним, хотя тот позаимствовал полный комплект Доспехов и Клинок короля. Возможно, ради мести его кузен попытается еще раз?

Шаллан сидела на противоположной стороне арены, ее рыжие волосы выделялись в толпе, словно кровь на камне. Рядом стояли два охранника-мостовика. Адолин обнаружил, что кивает, оценив предусмотрительность Каладина, и поднял кулак, приветствуя Шаллан. Она помахала в ответ.

Адолин сделал несколько движений, переминаясь с ноги на ногу, позволяя силе Доспехов заструиться по телу. Он мог победить даже без цепочки матери. Проблема в том, что сразу после боя он намеревался вызвать Садеаса. А значит, необходимо сохранить достаточно сил для второго поединка.

Адолин взволнованно осмотрелся. Здесь ли Садеас? Да, сидит неподалеку от отца и короля. Принц сузил глаза, вспомнив сокрушительный момент понимания, когда он увидел армии Садеаса отступающими с Башни.

Эта мысль придала решимости. Он долго переваривал то предательство. Наконец настало время расплаты. Двери напротив открылись. На арену вышли четверо в Доспехах Осколков.

– Четверо? – воскликнул Далинар, вскочив на ноги.

Каладин сделал шаг вниз. Да, все выходящие на песок дуэльной арены были Носителями Осколков. Один из них оказался облачен в королевские Доспехи; остальные трое надели свои собственные, украшенные орнаментом и росписью.

Внизу верховный судья схватки повернулась и вскинула голову в сторону короля.

– Что происходит? – зарычал Далинар Садеасу, который сидел совсем недалеко.

Светлоглазые, сидевшие на трибунах между ними, ссутулились или разбежались, позволив кронпринцам беспрепятственно видеть друг друга.

Садеас и его жена лениво обернулись.

– Почему ты спрашиваешь меня? – спросил Садеас в ответ. – Это не мои люди. Сегодня я просто зритель.

– О, не будь таким занудой, Садеас, – крикнул Элокар. – Ты же прекрасно знаешь, в чем дело. Почему их четверо? Или предполагается, что Адолин должен выбрать двоих, с кем будет сражаться?

– Двоих? – переспросил Садеас. – Когда это он сказал, что будет сражаться с двумя?

– Когда договаривался о дуэли, – громко крикнул Далинар. – Парная дуэль в невыгодном положении, двое на одного, согласно дуэльным соглашениям!

– Вообще-то, – ответил Садеас, – юный Адолин согласился на другое. Ведь из очень достоверных источников я слышал, что он сказал принцу Релису следующее: «Я буду сражаться с тобой и с кем угодно еще, кого ты приведешь». Я не слышал упоминания их количества, что означает для Адолина полную дуэль в невыгодном положении, а не парную. Релис может привести столько народу, сколько захочет. Я знаю нескольких писцов, которые зафиксировали точные слова Адолина, и я слышал, как верховный судья переспросила его, осознает ли он, что наделал, и он ответил «да».

Далинар тихо зарычал. Это был звук, которого Каладин никогда не слышал от него, рык зверя на цепи. Мостовик удивился. Однако кронпринц сдержался и резко сел.

– Он нас обхитрил, – тихо сказал Далинар королю. – Снова. Нам необходимо отступить и обдумать следующий шаг. Нужно сказать Адолину, чтобы он признал поражение.

– Ты уверен? Если Адолин признает поражение, он проиграет, дядя. На кону шесть Осколков, как я понимаю. Все, чем ты владеешь.

Каладин видел, как внутри Далинара происходит борьба: вздернутые брови, нарастающий румянец на щеках, нерешительность в глазах. Сдаться? Без борьбы? Вероятно, это решение было бы правильным.

Но Каладин сомневался, что Далинар сможет его принять.

Внизу после длительной паузы застывший на песке Адолин поднял руку в знак согласия. Судья объявила о начале дуэли.

«Я – идиот. Я – идиот. Я – проклятый штормом идиот!»

Адолин побежал трусцой через покрытый песком круг арены. Ему придется отойти к стене, чтобы избежать полного окружения. Это означало, что он начнет дуэль, не имея места для отступления, будто запертый в коробке. Загнанный в угол.

Почему он не выразился более определенно? Теперь он видел слабые места в формулировке своего вызова – он согласился на полную дуэль в невыгодном положении, не понимая, что делает. Ему следовало высказаться более конкретно, чтобы Релис не смог больше никого привести. Но нет, так поступил бы умный человек. А Адолин был штормовым идиотом!

Он узнал Релиса по Доспехам и Клинку, выкрашенным в абсолютно черный цвет; на распахнувшемся плаще виднелась глифпара его отца. Человек в королевских Доспехах, судя по росту и походке, действительно был Элитом, кузеном Релиса, вернувшимся за реваншем. Он нес огромный молот, а не Клинок. Эти двое осторожно перемещались по полю, а двое их компаньонов обходили фланги. Один в оранжевом, другой в зеленом.

Адолин узнал Доспехи. Абробадар, полный Носитель Осколков из лагеря Аладара, и... и Джакамав, вооруженный королевским Клинком, который одолжили Релису.

Джакамав. Друг Адолина.

Адолин выругался. Эти двое являлись одними из лучших дуэлянтов в лагере. Джакамав выиграл бы свой собственный Клинок еще много лет назад, если бы только ему позволили рискнуть Доспехами. По-видимому, произошли изменения. Неужели Джакамава и его дом подкупили обещаниями поделиться трофеями?

В руке Адолина сформировался Клинок, и принц отступил в прохладную тень стены, огораживающей арену. Прямо над ним на своих скамьях ревели темноглазые. Адолин не мог сказать, возбуждены ли они или напуганы тем, с чем ему предстояло столкнуться. Он пришел сюда, намереваясь устроить эффектное зрелище. Взамен зрителям достанется совсем другое. Быстрая жестокая резня.

Что ж, он сам сложил себе погребальный костер. Даже если он на нем сгорит, то сначала хотя бы устроит хорошую драку.

Релис и Элит подкрались ближе, один в свинцово-сером, второй в черном, а их союзники продвигались по бокам. Они будут медлить, пытаясь заставить Адолина сосредоточиться на тех, кто перед ним. Затем нападут с двух сторон.

– Одного за раз, парень! – Один из криков над песком, казалось, отделился от остальных. Голос Зейхела? – Ты не загнан в угол!

Релис быстро шагнул вперед, проверяя Адолина. Танцующим движением стойки ветра – она, безусловно, была лучшей против стольких соперников – Адолин отодвинулся назад, схватил Клинок обеими руками, поместив перед собой, и расположился боком, выставив вперед одну ногу.

«Ты не загнан в угол!» Что Зейхел имел в виду? Конечно же, он загнан в угол! Таков единственный способ противостоять четверым. И как вообще сражаться с ними по одному за раз? Они никогда не позволят ему проверить что-то подобное.

Релис снова сделал пробный выпад, заставив Адолина сместиться вдоль стены и сосредоточиться на противнике. Тем не менее принц должен был повернуться таким образом, чтобы противостоять Релису, а значит, Абробадар, надвигающийся с другой стороны и одетый в оранжевое, окажется в слепой для Адолина зоне. Шторма!

– Они боятся тебя, – послышался голос Зейхела, вознесшийся над толпой. – Разве ты не видишь? Покажи им почему.

Адолин медлил. Релис шагнул вперед, нанеся удар из стойки камня. Стойка камня гарантировала устойчивость. Элит шел следом, занеся молот для удара. Они оттесняли Адолина вдоль стены к Абробадару.

Нет. Адолин потребовал эту дуэль. Он хотел, чтобы она состоялась. И он не превратится в испуганную крысу.

«Покажи им почему».

Адолин атаковал. Он прыгнул вперед, обрушившись шквалом ударов на Релиса. Элит с проклятиями отскочил назад. Они были похожи на людей, колющих копьями белоспинника.

И этого белоспинника пока еще не загнали в клетку.

Адолин громко закричал, столкнувшись с Релисом, и стал наносить удары по его шлему и левому наручу, проломив последний. Из предплечья Релиса заструился штормсвет. Поскольку сбоку подбирался Элит, Адолин развернулся к нему и ударил, оставив Релиса ошалевшим от нападения. Атака вынудила Элита отвести молот и заблокировать удар предплечьем, иначе Адолин рассек бы его молот на две части, оставив противника без оружия.

Вот что имел в виду Зейхел. Атаковать с неистовством. Не давать им времени на ответ или оценку ситуации. Четверо. Если он сможет утратить их, заставить сомневаться... Возможно...

Адолин перестал раздумывать. Он позволил потоку битвы поглотить его. Ритм сердца направлял удары меча. Элит выругался и отступил, его левое плечо и предплечье истекали штормсветом.

Адолин развернулся и впечатался плечом в Релиса, который отступал в прежнюю стойку. Толчок отбросил воина в черных Доспехах на землю. Затем Адолин с криком обернулся и встретился лицом к лицу с Абробадаром, примчавшимся на помощь. Принц сам занял стойку камня, снова и снова ударяя Клинком по поднятому мечу Абробадара, пока не услышал стоны и проклятия, пока не почувствовал похожий на зловоние испуг, исходящий от воина в оранжевом, и не увидел на земле спренов страха.

Пока Релис поднимался на ноги, осторожно приблизился Элит. Адолин снова принял стойку ветра и стал размахивать вокруг себя широкими, плавными движениями. Элит отскочил в сторону, а Абробадар отступил назад, держась рукой в латной перчатке за стену арены.

Адолин снова повернулся к Релису, который хорошо восстановился, учитывая обстоятельства. Принц пошел в следующую атаку и ударил в нагрудник чемпиона. В настоящей битве с обычными врагами Релис оказался бы убит, а Элит искалечен. На Адолине по-прежнему не было ни царапины.

Но перед ним стояли не обычные враги, а Носители Осколков. Вторая атака на нагрудник Релиса не пробилась броню. Адолин был вынужден повернуться к Абробадару раньше, чем хотел, и тот, уже приготовившись к ярости нападения, поднял меч, защищаясь. На сей раз непрерывный поток ударов Адолина не ошеломил его. Мужчина выдержал атаку, в то время как Элит и Релис заняли позиции.

Просто необходимо...

Что-то ударило Адолина сзади.

Джакамав. Адолин возился слишком долго и позволил четвертому противнику – своему мнимому другу – обойти себя. Юноша развернулся, двигаясь в облаке штормсвета, поднимающегося от задней пластины его брони. Он поднял меч, отбивая следующую атаку Джакамава, но открыл тем самым свой левый фланг. Элит замахнулся, и молот врезался в бок Адолина. Доспехи треснули, а удар вывел принца из равновесия.

Он размахивал мечом вокруг себя, все больше погружаясь в отчаяние. В этот раз его противники не отступали. Джакамав бросился вперед, опустив голову,

даже не подняв меч для удара. Умно. Его зеленая броня не повреждена. Несмотря на то, что его поступок позволял Адолину отклонить меч противника вниз и ударить Джакамава в спину, это полностью выбило бы принца из стойки.

Адолин отскочил назад, едва удержавшись от того, чтобы не упасть на землю после того, как в него врезался Джакамав. Принц оттолкнул его, каким-то образом избежав встречи с Клинком Осколков, но в бой вступили остальные трое. Удары дождем полились на его плечи, шлем, нагрудник. Шторма, тот молот бил как следует.

Голова Адолина звенела от ударов. У него почти получилось. Он позволил себе ухмыльнуться, пока его избивали. Четверо одновременно. У него почти получилось.

– Я сдаюсь, – сказал он голосом, приглушенным из-за шлема.

Они продолжали атаковать. Он повторил громче.

Никто не слушал.

Адолин поднял руку, чтобы показать судье, что нужно остановить поединок, но кто-то сбил его руку вниз.

«Нет!» – подумал он, в панике повернувшись вокруг себя.

Судья не могла остановить бой. Если он останется в живых после дуэли, то точно станет калекой.

– Вот и все, – проговорил Далинар, наблюдая, как четверо Носителей Осколков по очереди избивают Адолина, который был, очевидно, дезориентирован и едва в состоянии с ними бороться. – Правила позволяют Адолину получить помощь, так как его сторона находится в невыгодном положении, в количестве на одного меньше, чем в команде Релиса. Элокар, мне понадобится твой Клинок Осколков.

– Нет, – ответил король.

Он сидел в тени, сложив руки. Люди в его окружении смотрели на дуэль... нет, избиение... в тишине.

– Элокар! – воскликнул Далинар, обернувшись. – Там мой сын.

– На тебе нет Доспехов. Если ты отправишься их надевать, то будет уже слишком поздно. Если ты пойдешь вниз, то не сможешь спасти Адолина. Просто потеряешь мой Клинок так же, как и все остальное.

Далинар стиснул зубы. В словах короля имелась толика здравого смысла, и он это знал. Адолину конец. Им нужно остановить бой сейчас, не рискуя ничем больше.

– Ты мог бы помочь ему, знаешь ли, – донесся голос Садеаса.

Далинар повернулся к нему.

– Дуэльные соглашения это не запрещают, – продолжил Садеас достаточно громко, чтобы Далинар его услышал. – Я проверил, чтобы убедиться. Юному Адолину могут помочь до двух человек. Терновник, которого я когда-то знал, уже спустился бы вниз и сражался даже со скалой, если бы потребовалось. Подозреваю, что ты уже не тот человек, которым был когда-то.

Далинар втянул воздух, затем встал.

– Элокар, я внесу плату и одолжу твой Клинок по праву традиции, касающейся королевского Клинка. Так ты не будешь им рисковать. Я буду драться.

Элокар поймал его за руку, вставая.

– Не будь дураком, дядя. Послушай его! Разве ты не видишь, что он делает? Он явно хочет, чтобы ты пошел вниз и сражался.

Далинар обернулся, чтобы встретиться взглядом с королем. Светло-зеленые глаза. Как и у отца.

– Дядя, – проговорил Элокар, сильнее сжимая его руку, – послушай меня хоть раз в жизни. Побудь немного параноиком. Почему Садеас хочет, чтобы ты спустился вниз? Затем, чтобы мог произойти «несчастный случай»? Он хочет тебя устранить, Далинар. Я гарантирую, как только ты ступишь на песок, все четверо нападут прямо на тебя. С Клинком Осколков или без него, ты будешь мертв прежде, чем примешь стойку.

Далинар глубоко вдохнул, затем выдохнул. Элокар был прав. Шторм его побери, но он был прав. Но все же Далинар должен что-то сделать.

Глазеющая толпа зашумела, поползли шепотки, похожие на шорох пера по бумаге. Далинар обернулся и увидел, что кто-то еще присоединился к битве, выйдя из подготовительной комнаты и нервно удерживая Клинок Осколков двумя руками, но без Доспехов.

Ренарин.

«О нет...»

Один из атакующих отступил в сторону, заскрипев по песку бронированными подошвами. Адолин бросился в том направлении, пробивая себе путь между тремя остальными. Он обернулся и отскочил назад. Его Доспехи начали тяжелесть. Сколько еще осталось штормсвета?

«Все фрагменты по-прежнему целы», – подумал Адолин, продолжая направлять меч на трех остальных мужчин, которые рассредоточились и надвигались на него. Возможно, он мог бы...

Нет. Пора покончить с этой ситуацией. Он чувствовал себя дураком, но лучше живой дурак, чем мертвый. Адолин повернулся к верховному судье, чтобы подать сигнал о капитуляции. Несомненно, сейчас она сможет его увидеть.

– Адолин, – сказал Релис, пробравшись вперед. Его Доспехи покрылись небольшими трещинами на груди и сочились штормсветом. – Нам бы не хотелось закончить все так поспешно, верно?

– Какой славы ты думаешь добиться в таком бою? – фыркнул в ответ Адолин, осторожно держа меч, готовый подать сигнал. – Думаешь, зрители будут тебе рукоплескать? За то, что ты победил кого-то вчетвером на одного?

– Это не ради почестей, – ответил Релис. – Просто наказание.

Адолин снова фыркнул. И только тогда он кое-что заметил на другой стороне арены. Ренарин в синих цветах Холинов, неуверенно держащий Клинок Осколков, и повернувшийся к нему Абробадар, который стоял с мечом на плече, как будто не представляя никакой угрозы.

– Ренарин! – закричал Адолин. – Что, во имя штормов, ты делаешь?! Возвращайся...

Абробадар атаковал, и Ренарин неуклюже парировал. Принц до сих пор тренировался в своих Доспехах Осколков, но облачиться в них не было времени. Удар Абробадара почти выбил оружие из его рук.

– Пока что, – сказал Релис, подходя ближе к Адолину, – Абробадару по душе юный Ренарин, и он не хочет причинять ему боль. Поэтому он просто займет юношу, устроив зрелищный бой. Ровно до тех пор, пока ты желаешь продолжать обещанную дуэль и будешь сражаться как следует. Капитулируй как трус или дай королю знак закончить поединок – и меч Абробадара может просто скользнуть не в ту сторону.

Адолин почувствовал, как нарастает паника. Он взглянул на верховного судью. Она могла остановить поединок сама, если бы заметила, что дело зашло слишком далеко.

Женщина властно сидела на своем месте, наблюдая за ним. Адолину показалось, что он видит кое-что за ее спокойным лицом.

«Они до нее добрались, – подумал он. – Вероятно, с помощью взятки».

Принц сильнее стиснул рукоять Клинка и снова взглянул на трех своих противников.

– Вы ублюдки, – прошептал он. – Джакамав, как ты посмел участвовать в этом?

Джакамав не ответил, и Адолин не смог разглядеть его лица под шлемом.

– Итак, – сказал Релис, – продолжим?

Адолин ответил атакой.

Далинар дошел до места судьи, которая сидела на своем собственном маленьком каменном возвышении, выступающем на пару дюймов над дуэльной площадкой.

Ее светлость Истоу, высокая седая женщина, сложила руки на коленях и наблюдала за дуэлью. Она не обернулась, когда Далинар встал рядом с ней.

– Пора положить дуэли конец, Истоу, – сказал кронпринц. – Остановите бой. Присудите победу Релису и его команде.

Женщина продолжила смотреть прямо вперед, не сводя глаз с поединка.

– Вы слышали меня? – требовательно спросил Далинар.

Она ничего не ответила.

– Отлично, – сказал он. – Тогда я сам все закончу.

– Здесь я – кронпринц, Далинар, – произнесла женщина. – На этой арене мое слово является единственным законом, данным мне властью короля.

Она повернулась к нему.

– Ваш сын не сдался и он не повержен. Условия дуэли не выполнены, и я не закончу ее, пока они не выполнятся. Как вы можете не уважать закон?

Далинар сжал зубы и снова посмотрел на арену. Ренарин сражался с одним из мужчин. Парень почти не имел никакой фехтовальной подготовки. Собственно, Далинар увидел, как плечо Ренарина начало сильно дергаться, подтягиваясь к голове. Один из его припадков.

Адолин сражался с остальными тремя, снова и снова набрасываясь на противников. Он дрался изумительно, но не мог защититься от всех сразу. Трое мужчин окружили его и осыпали ударами.

Левый наплечник Адолина взорвался расплавленным металлом, и его дымящиеся кусочки разлетелись по воздуху, а основная часть упала на песок неподалеку. Плоть Адолина оказалась открыта и воздуху, и направленным на него Клинкам.

«Пожалуйста... Всемогущий...»

Далинар повернулся к трибунам, полным наблюдающих светлоглазых.

– Вы можете лишь смотреть? – крикнул он им. – Мои сыновья сражаются в одиночку! Среди вас есть Носители Осколков. Неужели не найдется никого, кто сразится на их стороне?

Он оглядел толпу. Король смотрел себе под ноги. Амарам. Что будет делать Амарам? Далинар заметил его сидящим рядом с королем. Далинар встретился с ним глазами.

Амарам отвел взгляд.

«Нет...»

– Что с нами произошло? – спросил Далинар. – Где наша честь?

– Честь мертва, – прошептал голос позади него.

Далинар обернулся и посмотрел на капитана Каладина. Он не заметил, как мостовик спустился за ним по ступенькам.

Каладин глубоко вздохнул и посмотрел на Далинара.

– Но я посмотрю, что смогу сделать. Если все обернется плохо, позаботьтесь о моих людях.

С копьем в руке он схватился за край стены и перепрыгнул через нее, приземлившись на песок арены этажом ниже.



Малчин оказался в безвыходном положении, поскольку, не уступая ни в одном из искусств войны, он не подходил для Ткущих Светом. Он желал, чтобы его клятвы были простыми и однозначными. И хотя их спрены очень вольно, в нашем понимании, трактовали эти вопросы, сам процесс включал произнесение правды с целью приблизиться к порогу самосознания, чего Малчин никогда не мог достичь.

«Слова сияния», глава 12, страница 12

Шаллан привстала на своем сиденье, наблюдая за сражающимся внизу Адолином. Почему он не сдался? Не отменил поединок?

Четверо. Ей следовало предвидеть подобную уловку. В качестве его жены следить за подобными интригами будет ее обязанностью. Но даже теперь, будучи помолвленной, она уже крайне сильно его подвела. Более того, идея, закончившаяся полным фиаско, принадлежала ей.

Показалось, что Адолин собирается сдаться, но затем по непонятной причине он снова бросился в сражение.

– Глупец, – проговорил Себариа, развалившийся рядом с ней. Палона разместила по другую его руку. – Слишком высокомерный, чтобы понять, что уже побежден.

– Нет, – ответила Шаллан. – Тут что-то другое.

Ее глаза метнулись к бедному Ренарину, полностью ошеломленному, но пытающемуся сражаться с Носителем Осколков.

В течение краткого мгновения она раздумывала над тем, чтобы спуститься вниз и помочь. Явная глупость, внизу она будет еще более бесполезной, чем

Ренарин. Почему больше никто не поспешил на выручку? Шаллан оглядела собравшихся светлоглазых аleti, в том числе и кронлорда Амарама, предполагаемого Сияющего рыцаря.

Ублюдок.

Опешив от того, как быстро возникло это чувство по отношению к Амараму, Шаллан отвела от него взгляд.

«Не думай о нем».

Что ж, из-за того, что никто не собирался помочь, оба принца имели все шансы умереть.

– Узор, – прошептала Шаллан. – Иди посмотри, сможешь ли ты отвлечь Носителя Осколков, который сражается с принцем Ренарином.

Она не станет вмешиваться в поединок Адолина, потому что он явно решил, что по какой-то причине должен продолжать сражаться. Но попытается сделать все, что сможет, чтобы не изувечили Ренарина.

Узор загудел, соскользнул с ее юбки и стал спускаться по каменным скамьям арены. Ей казалось, чтодвигающийся по открытому пространству спрен слишком заметен, но внимание всех остальных было сосредоточено на разворачивающейся внизу дуэли.

«Не вздумай погибнуть, Адолин Холин, – подумала Шаллан, снова повернувшись к принцу и наблюдая, как тот бьется с тремя противниками сразу. – Пожалуйста...»

На песок прыгнул еще кто-то.

Каладин бросился через дуэльную арену.

«Снова», – подумал он, вспомнив, как когда-то точно так же спешил на помощь Амараму.

– Пусть все закончится не так, как в тот раз.

– Так и будет, – пообещала Сил, метавшаяся взад-вперед у его головы лентой света. – Верь мне.

Доверие. Он поверил ей и поговорил с Далинаром насчет Амарама. Все прошло просто чудесно.

У одного из Носителей Осколков – Релиса, облаченного в черную броню, – из трещины на левом наплечнике струился штормсвет. Он взглянул на Каладина, когда тот приблизился, а затем отвернулся с безразличием. Релис явно не видел угрозы в обычном копейщике.

Каладин улыбнулся и втянул немного штормсвета. В такой ясный день, когда солнце ярко светило над головой, он мог рискнуть сильнее, чем обычно. Оставалось надеяться, что никто ничего не заметит.

Он ускорился, проскользнул между двумя Носителями и вонзил копьё в надтреснутый наплечник Релиса. Мужчина издал крик боли, а Каладин выдернул копьё и, крутанувшись между нападающими, занял позицию ближе к Адолину. Молодой человек в синей броне уставился на Каладина и, сориентировавшись, быстро развернулся.

Каладин и Адолин встали спиной к спине, чтобы каждый из них мог избежать нападения сзади.

– Что ты здесь делаешь, мостовичок? – прошипел Адолин изнутри шлема.

– Выступаю одним из десяти дураков.

Адолин хмыкнул.

– Добро пожаловать на вечеринку.

– Я не смогу пробиться через их броню, – сказал Каладин. – Нужно ее надломить.

Неподалеку Релис с проклятиями тряс рукой. На острие копья Каладина виднелась кровь. К сожалению, не много.

– Просто отвлекай одного от меня, – ответил Адолин. – С двумя я смогу управиться.

– Я... Хорошо.

Вероятно, это был лучший план.

– Присматривай за моим братом, если сможешь, – добавил Адолин. – Если все обернется плохо для этих троих, они могут решить использовать его в качестве рычага давления на нас.

– Ясно.

Каладин отскочил в сторону, когда противник с молотом – Далинар назвал его Элитом – попытался атаковать Адолина.

Релис зашел с другой стороны, замахиваясь, как будто хотел прорубиться к принцу прямо через Каладина.

Сердце Каладина тяжело забилося, но тренировки с Зейхелом не прошли даром. Он пристально следил за Клинком Осколков и, чувствуя лишь легкое волнение, петлял вокруг Релиса, избегая Клинка.

Мужчина в черных Доспехах Осколков взглянул на Адолина и шагнул в его сторону, но Каладин неожиданно совершил выпад, будто снова намереваясь ударить противника в руку.

Релис развернулся и неохотно позволил Каладину отвлечь себя от битвы с Адолином. Быстро атаковав, он использовал приемы, в которых Каладин мог теперь опознать стойку лозы – стиль боя, основное внимание в котором уделялось гибкости и устойчивому положению ног.

Релис усилил натиск на Каладина, но тот крутился и уворачивался, все время опережая атакующий удар на долю мгновения. Релис начал ругаться, а затем развернулся и направился обратно к Адолину.

Каладин ударил Релиса по боковой части шлема древком копья. Оружие совершенно не подходило для боя с Носителем Осколков, но удар снова привлек внимание противника. Релис обернулся и отмахнулся Клинком.

Каладин отпрыгнул, но на долю секунды медленнее, чем было нужно, и Клинок срезал заточенный наконечник его копья. Напоминание. Его собственная плоть окажет еще меньшее сопротивление, чем копьё. Если рассечь позвоночник, он будет убит, и никакое количество штормсвета не исправит положение.

Каладин осторожно попытался отвести Релиса подальше от битвы. Однако, когда он отступил слишком далеко, воин просто отвернулся и направился обратно к Адолину.

Принц отчаянно сражался против двух противников, размахивая Клинком взад-вперед между находящимися по обеим от него сторонам мужчинами. И, шторма, он был хорош. Каладин никогда не видел, чтобы Адолин дрался настолько мастерски на тренировочном полигоне – в этом никогда не возникало необходимости. Адолин двигался между взмахами своего Клинка, парируя Клинок Осколков противника в зеленом, и отражал атаки того, что с молотом.

Он часто оказывался всего в нескольких дюймах от того, чтобы задеть своих соперников. Схватка двое на одного при участии Адолина в самом деле казалась равным поединком.

Но с троими сразу он, очевидно, не мог справиться. Каладину требовалось продолжать отвлекать Релиса. Но как? Он не сможет пробиться через его Доспехи с помощью копья. Единственными слабыми местами оставались только забрало шлема и небольшая трещина в наплечнике.

Нужно что-то сделать. Релис шагнул к Адолину, занося оружие. Стиснув зубы, Каладин атаковал.

Он пересек песок одним стремительным броском и прямо перед тем, как настигнуть Релиса, подпрыгнул и обрушился ногами на Носителя Осколков, быстро *сплетя* себя в этом направлении несколько раз. Столько раз, насколько отважился, столько раз, что вспыхнул, используя весь свой штормсвет.

Хотя Каладин пролетел только небольшое расстояние – такое, что оно не выглядело слишком необычным для зрителей, – сила его удара была намного больше. Его ступни обрушились на Доспехи со всей возможной мощностью.

Боль пронзила ноги как вспышка молнии, и Каладин услышал хруст своих костей. Удар отбросил Носителя Осколков в черной броне вперед, словно его стукнули валуном. Релис ткнулся лицом в землю, Клинок выпал из его рук. Оружие растворилось в тумане.

Каладин со стоном рухнул на песок, его штормсвет иссяк, и *сплетения* распустились. Рефлекторно он втянул еще света из сфер в кармане, исцеляя ноги. Он сломал их обе, а также повредил ступни.

Казалось, что процесс исцеления будет длиться вечно, и Каладин заставил себя перекатиться и посмотреть на Релиса. Невероятно, но атака проломила Доспехи Осколков. Не по центру спины, куда он бил, а на плечах и по бокам. Релис поднялся на колени, тряхнув головой, и оглянулся на Каладина с выражением, походившим на благоговейный страх.

За упавшим мужчиной развернулся Адолин, наступая на одного из противников – Элита, орудующего молотом, и, сжав двумя руками Клинок, рубанул того в грудь. Нагрудник взорвался светом. Чтобы осуществить задуманное, Адолину пришлось принять удар от противника в зеленом по боковой части шлема.

Дела у принца шли не слишком хорошо. Практически каждый фрагмент Доспехов, в которые был облачен Адолин, испускал штормсвет. С таким темпом он скоро иссякнет, и Доспехи станут слишком тяжелыми, чтобы он мог двигаться.

К счастью, на данный момент Адолин практически вывел из строя одного из своих противников. Носитель Осколков мог сражаться с разбитым нагрудником, но считалось, что это было штормово трудно. И в самом деле, когда Элит отступил, его шаги показались неуклюжими, словно Доспехи внезапно стали весить на порядок больше.

Адолину нужно было развернуться, чтобы продолжить бой с другим Носителем Осколков. На противоположной стороне арены четвертый противник – тот, который «сражался» с Ренарином, – по какой-то причине отмахивался мечом от земли. Он оглянулся, обнаружил, насколько плохи дела у его соратников, оставил Ренарина и бросился через арену.

– Постой-ка, – проговорила Сил. – Что же там такое?

Она метнулась к Ренарину, но Каладин не мог уделять слишком много внимания ее поведению. Когда воин в оранжевом добежит до Адолина, тот снова окажется в окружении.

Каладин с трудом поднялся на ноги. К счастью, они слушались; кости срослись достаточно для того, чтобы ходить. Он бросился к Элиту с зажатым в одной руке копьём, взрылая на бегу песок.

Элит качнулся к Адолину, намереваясь продолжить бой, несмотря на выведенные из строя Доспехи. Однако Каладин добрался до него первым, поднырнув под стремительный удар молотом. Держа свое сломанное копьё обеими руками, он замахнулся от плеча и вложил в атаку все силы.

Оружие врезалось в незащищенную грудь Элита с убедительным треском. Мужчина сильно выдохнул, согнувшись пополам. Каладин снова замахнулся копьём, но Элит поднял дрожащую руку, пытаясь что-то сказать.

– Сдаюсь... – произнес он слабым голосом.

– Громче! – резко приказал ему Каладин.

Мужчина попытался, но ему не хватило дыхания. Тем не менее руки, которую он поднял, оказалось достаточно. Наблюдающая судья вынесла решение.

– Светлорд Элит признал поражение в битве, – неохотно проговорила она.

Каладин отошел от съездившегося мужчины, чувствуя легкость в ногах. Внутри бурлил штормсвет. Толпа заревела, зашумели даже многие светлоглазые.

Осталось три Носителя Осколков. Релис присоединился к своему товарищу в зеленом, и оба они занялись Адолином. Они снова прижали его к стене. Третий Носитель Осколков в оранжевой броне приблизился, чтобы им помочь, оставив Ренарина в покое.

Ренарин сидел на песке, повесив голову, Клинок Осколков торчал перед ним из земли. Был ли он побежден? Каладин не слышал объявления от судьи.

Некогда о нем беспокоиться. Адолин снова оказался вынужден сражаться с тремя противниками. Релис сумел попасть по его шлему, и тот взорвался, обнажив лицо принца. Адолин не выдержит слишком долго.

Каладин бросился к Элиту, который пытался уковылять за пределы поля боя после признания поражения.

– Снимай шлем, – закричал на него Каладин.

Мужчина повернулся к нему с ошеломленным видом.

– Твой шлем! – снова заорал Каладин, поднимая копьё, чтобы еще раз ударить.

Зрители на трибунах возмущенно закричали. Каладин не был уверен в правилах, но подозревал, что если он ударит этого человека, то проиграет дуэль. Может быть, его даже обвинят в преступлении. К счастью, угрозу выполнять не пришлось, поскольку Элит снял шлем. Каладин выхватил его, оставил Элита и побежал к Адолину.

На бегу он отбросил сломанное копьё и сунул руку внутрь шлема. Каладин кое-что знал о Доспехах Осколков – они автоматически подстраивались по размеру того, кто их носил. Он надеялся, что теперь то же самое случится со шлемом. Так и произошло – внутренняя поверхность шлема сжалась вокруг его запястья. Когда Каладин его отпустил, шлем остался на руке, приняв форму очень странной перчатки.

Глубоко вздохнув, мостовик рванул нож с пояса. Он начал носить нож, намереваясь использовать его для метания, как тогда, до своего пленения, когда он был копейщиком. Тем не менее не помешало бы попрактиковаться. Метание ножа в любом случае никак не поможет против такой брони, это жалкое оружие против Носителей Осколков. Но Каладин не мог драться копьём с помощью лишь одной руки. Он снова атаковал Релиса.

В этот раз Релис отступил немедленно. Он наблюдал за Каладином, вытянув наготове меч. По крайней мере, Каладин сумел его испугать.

Он продвигался, вынуждая Релиса пятиться. Тот отступал легко, держа дистанцию. Каладин изобразил целое представление, бросаясь вперед, а затем отскакивая от мужчины подальше, как будто желая дать им обоим пространство для боя. Носителю Осколков такое поведение было на руку; с его Клинком открытый простор вокруг пришелся бы кстати. Узкие границы обеспечили бы преимущество ножу Каладина.

Тем не менее, когда они отошли на достаточное расстояние, Каладин развернулся и помчался обратно к Адолину и его двоим противникам. Он оставил Релиса стоять на месте с озадаченным видом. Отступление Каладина на мгновение сбilo его с толку.

Адолин взглянул на Каладина и кивнул.

Воин в зеленом повернулся, удивленный появлением мостовика. Он взмахнул мечом, и Каладин поймал удар на шлем из Доспехов Осколков,

отклонив его. Мужчина хмыкнул, а в то же самое время Адолин бросил все свои силы на Носителя Осколков в оранжевой броне, обрушив на него град ударов.

Несколько мгновений Адолину пришлось биться только с одним противником. К счастью, он смог хорошо воспользоваться ситуацией, несмотря на то, что уже еле переставлял ноги. Штормсвет из его Доспехов сочился тонкими струйками. Ноги почти не двигались.

Носитель Осколков в зеленых Доспехах снова атаковал Каладина, и тот отбил удар с помощью шлема, который треснул и начал испускать штормсвет. С другой стороны к атаке подключился Релис, но не стал нападать на Адолина – он бросился на Каладина.

Каладин скрипнул зубами, уходя от атаки в сторону и почувствовав, как Клинок просвистел в воздухе. Он должен выиграть время для принца. Секунды. Ему нужны секунды.

Вокруг поднялся ветер. Сил вернулась к нему, метнувшись по воздуху лентой света.

Каладин поднырнул под очередной удар и обрушил свой импровизированный щит на Клинок, отбросив его назад. Когда Каладин отпрыгнул, взвихрился песок, и Клинок Осколков ударил по земле рядом с ним.

Ветер. Движение. Каладин сражался одновременно с двумя Носителями Осколков, отбивая их Клинки шлемом. Он не мог атаковать – не отваживался даже попробовать. Он мог только выживать, и в этом ветра, похоже, ему помогали.

Сначала инстинкт... затем что-то более глубокое руководило его движениями. Он танцевал между Клинками, его обволакивал прохладный воздух. На одно мгновение Каладин почувствовал невозможное – он мог бы уклоняться точно так же, если бы закрыл глаза.

Носители Осколков ругались, пытаясь достать его снова и снова. Каладин услышал, что судья что-то сказала, но был слишком поглощен сражением, чтобы обратить внимание на ее слова. Он отпрыгнул от одной атаки, чтобы только шагнуть в сторону от другой.

Нельзя убить ветер. Нельзя его остановить. Он за пределами человеческих возможностей. Он безграничен...

Его штормсвет закончился.

Каладин застыл на месте. Он попытался втянуть еще немного, но все его сферы оказались разряжены.

«Шлем», – понял он, заметив, как из многочисленных трещин еще изливается штормсвет. Каким-то образом шлем подпитывался его штормсветом.

Релис атаковал, и Каладин едва сумел увернуться. Его спина ударилась о стену арены.

Носитель в зеленой броне увидел, что Каладин открылся, и занес свой Клинок.

Кто-то налетел на него сзади.

Каладин ошеломленно наблюдал, как Адолин, сцепившись с Носителем в зеленых Доспехах, взял того в захват. Броня принца практически перестала истекать штормсветом – он был исчерпан. Казалось, Адолин с трудом мог двигаться, песок поблизости испещрили борозды, которые вели к Носителю в оранжевых Доспехах, поверженному, лежащему на земле.

Так вот что сказала судья ранее – мужчина в оранжевом сдался. Адолин одолел своего противника, а затем медленно – один напряженный шаг за другим – пошел к тому месту, где сражался Каладин. Все выглядело так, будто он использовал последнюю оставшуюся толику энергии, чтобы запрыгнуть на спину Носителю в зеленом и удержать его.

Мужчина в зеленых Доспехах выругался, пытаясь стряхнуть Адолина. Принц продолжал удерживать захват, и его Доспехи, что называется, закрылись – стали тяжелыми и почти не давали возможности двигаться.

Вдвоем они покачнулись и свалились на землю.

Каладин посмотрел на Релиса, который переводил взгляд с упавшего Носителя в зеленом на Носителя в оранжевом, а затем на Каладина.

Релис повернулся и бросился через арену к Ренарину.

Каладин выругался и устремился за ним, отбрасывая на ходу шлем. Без штормсвета его тело казалось медлительным.

– Ренарин! – закричал Каладин. – Сдавайся!

Мальчишка поднял голову. Шторма, он плакал. Был ли он ранен? На вид – нет.

– Сдавайся! – повторил Каладин, пытаясь бежать быстрее и призывая каждую каплю энергии к иссушенным мышцам, истощенным от недавнего переизбытка штормсвета.

Ренарин посмотрел на Релиса, который надвигался на него, но ничего не сказал. Парень просто отпустил свой Клинок.

Релис затормозил, подняв меч высоко над головой, и нацелился на беззащитного принца. Ренарин закрыл глаза, глядя вверх, словно подставляя горло под Клинок Осколков.

Каладин не успевал добежать вовремя. Он был слишком медленным по сравнению с человеком в Доспехах.

Релис, к счастью, замялся, будто не желая причинять вред Ренарину.

Каладин подоспел. Релис развернулся и замахнулся на него.

Мостовик упал в песок, проскользив по нему на коленях, и проехался немного вперед под действием импульса. Когда Клинок опустился, он вскинул руки в хлопке.

И поймал Клинок.

Крик.

Откуда он мог слышать крик? В своей голове? Это был голос Сил?

Крик прошел Каладина насквозь. Ужасный, кошмарный вопль встряхнул его, вызвал дрожь в мышцах. С трудом дыша, Каладин выпустил Клинок Осколков и повалился на спину.

Релис выронил меч, как будто его ужалили. Он отступил, схватившись руками за голову.

– Что это? Что это?! Нет, я не убивал тебя!

Он завопил, как от огромной боли, бегом пересек арену и, распахнув дверь в подготовительную комнату, исчез внутри. Каладин еще долго слышал его крики, эхом отдающиеся в коридорах.

Трибуны замерли.

– Светлорд Релис Рутар, – наконец объявила судья встревоженным голосом, – признается проигравшим, так как покинул арену.

Дрожа всем телом, Каладин с трудом поднялся на ноги. Он посмотрел на Ренарина – парень оказался в порядке – и медленно пересек арену. Даже наблюдающие темноглазые затихли. Каладин был вполне уверен, что никто не слышал тот странный крик. Его услышали только он и Релис.

Он зашагал к Адолину и Носителю в зеленых Доспехах.

– Встань и сразись со мной! – крикнул мужчина в зеленой броне.

Он лежал на спине, а Адолин, погребенный под ним, удерживал его в борцовском захвате.

Каладин опустился на колени. Носитель в зеленом задергался сильнее, когда мостовик поднял с песка свой нож и прижал его острие к отверстию в зеленых Доспехах.

Мужчина полностью замер.

– Ты собираешься сдаваться? – прорычал Каладин. – Или мне придется убить уже второго Носителя Осколков?

Молчание.

– Будьте вы оба прокляты штормом! – наконец прокричал из-под шлема воин в зеленой броне. – Не поединок, а какой-то цирк! Удержанием побеждают только трусы!

Каладин продвинул нож глубже.

– Я сдаюсь! – завопил мужчина, хватая его за руку. – Шторм тебя побери, я сдаюсь!

– Светлорд Джакамав сдается, – объявила судья. – Победа за светлордом Адолином.

Темноглазые на своих местах разразились аплодисментами. Светлоглазые выглядели ошеломленными. Высоко над ареной кружилась с ветрами Сил, и Каладин ощущал ее ликование. Адолин выпустил Носителя в зеленом, тот перекатился и затопал прочь. На песке, вдавленный в его поверхность, лежал принц, через разбитые части Доспехов выглядывали его голова и плечо.

Он смеялся.

Каладин уселся рядом, а Адолин продолжал легкомысленно хохотать, из его глаз потекли слезы.

– Самая большая нелепость, которую я когда-либо совершал, – проговорил он. – Ох, ничего себе... Ха! Мостовичок, думаю, я только что выиграл три полных комплекта Доспехов и два Клинка. Эй, помоги мне снять броню.

– Это могут сделать твои оружейники, – ответил Каладин.

– Нет времени, – сказал Адолин, пытаясь сесть. – Шторма, они полностью истощились. Быстрее, помоги. Мне еще нужно кое-что сделать.

«Вызвать на бой Садеаса», – понял Каладин. Главная цель всего поединка.

Он потянулся к перчатке Адолина, помогая расстегнуть ремешок под ней. Латные рукавицы не открылись автоматически, как должны бы. Адолин действительно полностью истощил Доспехи.

Они стянули перчатку и занялись остальным. Несколько минут спустя подошел Ренарин и помог им. Каладин не спрашивал его о случившемся. Парень принес несколько сфер, и, после того как Каладин засунул их под ослабленный нагрудник Адолина, броня снова начала функционировать.

Толпа взревела, когда Адолин наконец высвободился из Доспехов и встал. Король подошел к судье и, поставив одну ногу на перила вокруг арены, посмотрел вниз на кивнувшего принца.

«Вот он, шанс Адолина, – понял Каладин, – но, возможно, и мой шанс».

Король поднял руки, успокаивая толпу.

– Воин, мастер-дуэлянт, – крикнул король, – я весьма доволен тем, что ты совершил сегодня. Мы насладились битвой, подобных которой Алеткар не видел несколько поколений. Ты невероятно порадовал своего короля.

Буря аплодисментов.

«Я мог бы это сделать», – подумал Каладин.

– Я предлагаю тебе дар, – объявил король, указывая на Адолина, когда одобрительные возгласы утихли. – Назови, чего ты желаешь от меня или от этой публики. Оно станет твоим. Ни один человек, лицезревший дуэль, не сможет тебе отказать.

«Право вызова», – подумал Каладин.

Адолин высматривал Садеаса, который поднялся и пробирався по ступеням, чтобы сбежать. Кронпринц все понял.

Далеко справа сидел Амарам в своем золотом плаще.

– В качестве дара, – крикнул притихшей арене Адолин, – я требую право вызова. Я требую возможности сразиться на дуэли с кронпринцем Садеасом, прямо здесь и сейчас, чтобы по заслугам воздать за преступления, совершенные им против моего дома!

Садеас остановился на ступенях. По толпе прокатился ропот. Адолин выглядел так, словно собирался сказать что-то еще, но засомневался, а Каладин подошел и встал рядом.

– И в качестве дара для меня, – крикнул он, – я требую право вызова для убийцы Амарама! Он обокрал меня и убил моих друзей, чтобы скрыть преступление. Амарам заклеймил меня меткой раба! Я буду сражаться с ним здесь и прямо сейчас. Вот дар, который я требую!

У короля отвисла челюсть.

Толпа погрузилась в полную тишину.

Рядом с ним застонал Адолин.

У Каладина не осталось ни единой мысли. Он встретился взглядом со светлордом Амарамом, убийцей.

В глазах Амарама застыл ужас.

Он встал, но тут же плюхнулся обратно. До этого момента он не замечал, не узнавал Каладина.

«Тебе стоило меня убить», – подумал Каладин.

Толпа разразилась воплями.

– Арестовать его! – проревел король сквозь шум.

Прекрасно. Каладин расплылся в ухмылке.

Пока не заметил, что солдаты шли за ним, а не за Амарамом.



Затем Мелиши удалился в свою палатку и отказался уничтожать Несущих Пустоту до следующего дня. Но той ночью ему в голову пришла военная хитрость, связанная с уникальными способностями Кующих Узы. В спешке он не придавал особого значения процессу, который имел отношение к самой природе Герольдов и их божественных обязанностей; Кующие Узы были единственными, кто могли использовать этот атрибут.

«Слова сияния», глава 30, страница 18

– Капитан Каладин – человек чести, Элокар! – закричал Далинар, показывая в сторону Каладина, сидевшего неподалеку. – Он единственный отправился помочь моим сыновьям.

– Это его работа! – огрызнулся в ответ Элокар.

Каладин, прикованный к стулу внутри покоев Далинара в его лагере, вяло прислушивался. Они не пошли во дворец. Каладин не знал почему.

Они втроем были одни.

– Он оскорбил светлорда перед всем двором, – проговорил Элокар, вышагивая вдоль стены. – Осмелился бросить вызов человеку, стоящему настолько выше него, что в пропасть между ними вместились бы целое королевство.

– Он воспользовался сложившейся ситуацией, – ответил Далинар. – Будь благоразумным, Элокар. Он только что помог уложить четверых Носителей Осколков!

– На дуэльной арене, где его помощь только приветствовалась, – сказал Элокар, всплеснув руками. – Я по-прежнему не согласен с тем, что темноглазый сражался с Носителем Осколков. Если бы ты не удержал меня... Ба! Я не буду вставать на его сторону, дядя. Не буду. Обычные солдаты бросают вызов нашим самым высокопоставленным и значительным генералам? Что за сумасшествие.

– Я сказал правду, – прошептал Каладин.

– Не смей разговаривать! – прокричал Элокар, остановившись и наставив на Каладина палец. – Ты все погубил! Мы упустили шанс подловить Садеаса!

– Адолин бросил свой вызов, – ответил Каладин. – Несомненно, Садеас не может просто его проигнорировать.

– Конечно, не может, – снова закричал Элокар. – Он на него уже ответил!

Каладин нахмурился.

– У Адолина не получилось вызвать его на дуэль сразу, – пояснил Далинар, взглянув на Каладина. – Как только Садеас покинул арену, он прислал сообщение о согласии на поединок с Адолином – через год.

Через год? Каладин почувствовал, как у него свело желудок. Вполне возможно, что к исходу этого времени дуэль не будет иметь никакого значения.

– Он избежал западни, – произнес Элокар, снова всплеснув руками. – Нам требовался тот момент на арене, чтобы он не смог отвертеться и был вынужден драться! А ты украл этот момент, мостовик.

Каладин опустил голову. Он встал и поспорил бы с ними, если бы не цепи. Они холодили лодыжки, прочно удерживая его на стуле.

Он помнил цепи, похожие на эти.

– Вот что получается, дядя, когда ты ставишь раба во главе стражи. Штурма! О чем ты думал? О чем я думал, позволив тебе совершить такое?

– Ты видел, как он дерется, Элокар, – тихо произнес Далинар. – Он хорош.

– Дело не в мастерстве, а в его дисциплине, вот в чем проблема! – Король сложил руки на груди. – Казнить.

Каладин резко вскинул голову.

– Не будь посмешищем, – ответил Далинар, подойдя к стулу Каладина.

– Таково наказание за клевету на светлорда, – напомнил Элокар. – Таков закон.

– Как король ты можешь помиловать совершившего любое преступление. Только не говори мне, что ты и правда хочешь увидеть, как этого человека повесят после того, что он сделал сегодня.

– Ты попытаешься меня остановить?

– Я точно не стану поддерживать такое решение, будь уверен.

Элокар пересек комнату и подошел вплотную к Далинару. На мгновение показалось, что о Каладине забыли.

– Я король? – спросил Элокар.

– Конечно.

– Но ты действуешь так, будто дело обстоит иначе. Тебе придется кое о чем поразмыслить, дядя. Я не позволю тебе править и дальше, делая из меня марионетку.

– Я не...

– Я решил, что мальчишку казнят. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что, пытаясь совершить подобные вещи, ты наживешь в моем лице врага, Элокар.

Далинар напрягся.

«Только попробуйте меня казнить, – подумал Каладин. – Только попробуйте».

В течение одного долгого мгновения двое мужчин пристально смотрели друг на друга. В конце концов Элокар отвел взгляд.

– В тюрьму его.

– На сколько? – спросил Далинар.

– Пока я не посчитаю нужным выпустить! – воскликнул король, махнув рукой, и зашагал к выходу. Он остановился в дверях и с вызовом посмотрел на Далинара.

– Хорошо, – ответил кронпринц.

Король ушел.

– Лицемер, – прошипел Каладин. – Именно он настоял на том, чтобы поставить меня во главу стражи. Теперь он винит вас?

Далинар вздохнул и опустился перед Каладином на колени.

– То, что ты совершил сегодня, – чудо. Защитив моих сыновей, ты оправдал то доверие, которое я испытываю к тебе, перед всем двором. Затем, к несчастью, ты растратил его впустую.

– Он спросил меня о даре! – огрызнулся Каладин, поднимая скованные руки. – Похоже, я его получил.

– Он спросил о даре у Адолина. Ты знал, что мы задумали, солдат. Ты слышал весь план во время совета сегодня утром. И поставил его под угрозу во имя своей жалкой мести.

– Амарам...

– Я не знаю, где ты набрался своих идей насчет Амарама, – перебил Далинар, – но ты должен остановиться. Я проверил твои слова после того, как ты рассказал мне о нем в первый раз. Семнадцать свидетелей подтвердили, что он завоевал свой Клинок Осколков только четыре месяца назад, гораздо позже, чем, судя по документам, тебя сделали рабом.

– Ложь.

– Семнадцать человек, – повторил Далинар. – Светлоглазые и темноглазые. Еще у меня есть слово человека, которого я знаю десятилетия. Ты ошибаешься на его счет, солдат. Ты просто не прав.

– Если он такой благородный, – прошептал Каладин, – то почему не стал сражаться, чтобы спасти ваших сыновей?

Далинар замялся.

– Неважно, – продолжил Каладин, отвернувшись. – Вы позволите королю отправить меня за решетку.

– Верно, – ответил кронпринц, вставая. – У Элокара горячий нрав. Когда он поостынет, я тебя освобожу. Теперь же, возможно, к лучшему, что у тебя появится время поразмышлять на досуге.

– Меня будет нелегко заставить отправиться в тюрьму, – тихо проговорил Каладин.

– Ты вообще меня слушал? – неожиданно взревел Далинар.

Каладин повернулся обратно, широко раскрыв глаза, а побагровевший Далинар наклонился и схватил его за плечи, будто собирался как следует встряхнуть.

– Разве ты не видишь, что происходит? Разве ты не видишь, как все в этом королевстве пререкаются из-за пустяков? У нас нет времени на игры! Перестань вести себя как ребенок и поступай, наконец, как солдат! Ты отправишься в тюрьму и отправишься туда с радостью. Это приказ. Ты еще выполняешь приказы?

– Я... – Каладин обнаружил, что заикается.

Далинар выпрямился и потер пальцами виски.

– Я подумал, что мы загнали Садеаса в угол. Подумал, что мы сможем вышибить землю у него из-под ног и спасти королевство. Теперь я не знаю, что делать. – Он развернулся и направился к двери. – Спасибо, что спас моих сыновей.

Он оставил Каладина одного в холодной каменной комнате.

Торол Садеас с грохотом распахнул дверь в свои покои. Он подошел к столу, склонился над ним, уперев ладони в гладкую поверхность, и посмотрел вниз, на разрез в середине, проделанный им Носителем Присяги.

Капля пота упала на поверхность стола как раз рядом с этим местом. Он сдерживал дрожь в течение всего времени, пока добирался до спасительной

безопасности своего собственного лагеря, – он даже смог натянуть улыбку. Не проявил ни малейшей озабоченности, даже когда надиктовывал жене ответное послание на вызов.

И все это время в глубине его разума над ним смеялся чей-то голос.

Далинар. Далинар чуть его не перехитрил. Если бы тот вызов был исполнен, Садеас быстро бы очутился на арене, и его соперником стал бы человек, который только что победил не одного, а целых четверых Носителей Осколков.

Садеас опустил на стул. Он не искал утешения в вине. Вино заставляло забывать, а он не хотел забывать случившееся. Он никогда не должен забыть то, что произошло.

Какое же удовольствие он получит, когда в один прекрасный день вонзится собственный меч Далинара ему в грудь. Шторма. Подумать только, он практически стал чувствовать жалость к бывшему другу. И тот выкинул такое. Когда Далинар успел стать таким ловкачом?

«Нет, – сказал себе Садеас. – Это не ловкость. Это удача. Самая настоящая обычная удача».

Четверо Носителей Осколков. Как? Даже учитывая помощь того раба, ясно, что Адолин наконец-то превращается в мужчину, которым когда-то был его отец. Это повергло Садеаса в ужас, потому что человек, которым когда-то был Далинар, – Терновник – сыграл одну из главных ролей в завоевании королевства.

«Не этого ли ты хотел? – подумал Садеас. – Пробудить его снова?»

Нет. Более глубокая правда заключалась в том, что Садеас не желал возрождения Далинара. Он хотел убрать старого друга с дороги, и дело обстояло именно так на протяжении уже многих месяцев, неважно, в чем он себя убеждал.

Через некоторое время открылась дверь кабинета и внутрь проскользнула Иалай. Увидев, что муж погружен в размышления, она остановилась у входа.

– Подними всех своих информаторов, – сказал Садеас, глядя в потолок. – Каждого шпиона, каждый источник, которым располагаешь. Найди мне что-нибудь, Иалай. Что-нибудь, что причинит ему боль.

Она кивнула.

– А затем, – продолжил Садеас, – наступит время использовать тех наемных убийц, что ты внедрила ранее.

Он должен устроить все так, чтобы Далинар почувствовал себя в отчаянии, раненым и чтобы другие увидели его сломленным и опустошенным.

И тогда он покончит с ним.

Некоторое время спустя за Каладином пришли солдаты. Незнакомые ему солдаты. Они вели себя уважительно, пока отвязывали его от стула, но не сняли цепи, сковывающие кисти и ступни. Один из них вскинул кулак в знак уважения, как бы говоря: «Будь сильным».

Каладин опустил голову и двинулся за конвоирами, которые повели его через лагерь под внимательными взглядами других солдат, писцов и прочих любопытных. Краем глаза он заметил в толпе униформу Четвертого моста.

Они пришли к лагерной тюрьме, где проводили время солдаты, вздумавшие подраться или оскорбить других. Это была маленькая постройка с толстыми стенами, практически без окон.

Каладина поместили в камеру с каменными стенами и дверью со стальными прутьями, расположенную в изолированной секции тюрьмы.

Он присел на каменную скамейку и стал ждать, пока Сил наконец не влетела в камеру.

– Вот что бывает, – сказал Каладин, посмотрев на нее, – когда доверяешься светлоглазым. Больше никогда, Сил.

– Каладин...

Он закрыл глаза, отвернулся и устроился поудобнее на холодной каменной скамейке.

Он снова оказался в клетке.

ИНТЕРЛЮДИИ

ЛИФТ · СЕТ · ЭШОНАЙ



Лифт еще никогда не доводилось воровать во дворце. Все-таки подобные поступки не безопасны. И дело даже не в том, что могут схватить. Ограбишь этот, голод его подери, дворец, и куда потом?

Она забралась на внешнюю стену и взглянула на просторы дворцового парка. Все внутри: деревья, камни, строения – причудливо отражало звездный свет. Посреди парка возвышалось, будто пузырь в пруду, округлое, похожее на луковицу здание. Хотя что уж, все строения здесь имели такую же форму, некоторые из них венчал возвышающийся бугорок-выступ. Да тут нигде, голод подери, не было ни одной ровной линии! Кривые да изгибы, изгибы да кривые...

За Лифт уже влезали ее сообщники, им тоже хотелось посмотреть на дворцовый парк. Какие же они все неуклюжие, пыхтящие, шумные! Шестеро. Они не в состоянии взобраться даже на стену, а еще считаются прекрасными воришками.

– Бронзовый дворец, – выдохнул Хуквин.

– Бронзовый? Это что же, здесь все из бронзы? – спросила Лифт. Она сидела на стене, свесив одну ногу вниз. – Как будто уйма грудей.

Парни изумленно переглянулись. Все они были азианами, с темной кожей и такими же темными волосами. Лифт же принадлежала к народу реши, который жил на северных островах. Об этом ей рассказывала мать, сама Лифт там никогда не бывала.

– Чего? – спросил Хуквин.

– Грудей! – Лифт указала на здания. – Ну, гляди, словно женщина лежит на спине. Вот те выступающие штучки – соски. Малый, который тут все строил, наверное, о-о-очень долго был без женщины.

Хуквин повернулся к одному из своих дружков. По веревкам они спустились на землю, чтобы шепотом обсудить дальнейшие действия.

– Все, как мне и говорили, в этой части парка никого нет, – сказал Хуквин.

Он ими командовал. У него был очень длинный нос, такой, будто в детстве его кто-то крепко схватил и сильно-сильно оттянул. Лифт удивлялась, как он умудряется не задевать им людей, когда вертит головой.

– Все внимание сейчас на выборах Высокочтимого акастикса, – заметил Максин. – У нас действительно хороший шанс повернуть дельце – грабануть Бронзовый дворец прямо перед носом достопочтенного собрания визирей.

– А нас... того... не повяжут? – спросил племянник Хуквина, юноша, переходный возраст которого оказался к нему безжалостен: не к коже лица, как ни странно, а к голосу и длинным тощим ногам.

– Цыц, – утихомирил его Хуквин.

– А что, – вставил Тигзикк, – мальчишка прав, и сомнения его имеют основания. Все это предприятие и впрямь крайне опасно.

Среди них Тигзикк считался самым умным и знающим. Еще бы! Ведь он умел ругаться на трех языках. Грамотей, ученый. Как пить дать. И даже одеждой он выделялся: если остальные носили черное, то он был в чем-то необычном.

– Во дворце, конечно, сейчас суматоха. Как-никак, в день выборов там снует куча разного народа, – продолжил Тигзикк. – Но, значит, и охраны будет больше, и подозрительность на каждом углу. Что не есть безопасно.

Тигзикк был постарше остальных. Из всей группы лишь его Лифт знала достаточно близко. А вот имечко парня выговорить не могла. Это «икк» на конце звучало, словно кто-то подавился, когда пытался его выговорить. Поэтому она звала воришку просто Тиг.

– Тигзикк, – сказал Хуквин. Ну точно. Подавился. – Ты же сам все предложил. Только не говори мне теперь, что решил соскочить.

– Я ни от чего не отказываюсь. Просто взываю к осторожности.

Лифт нагнулась к ним со стены.

– Хватит спорить. Пошевеливайтесь. Я проголодалась.

Хуквин взглянул наверх:

– И зачем мы ее с собой взяли?

– Она нам пригодится, – ответил Тигзикк. – Вот увидишь.

– Да она же дитя!

– Она уже не ребенок. Ей не меньше двенадцати.

– Ничего мне не двенадцать! – отрезала Лифт, нависая над ними сверху.

Теперь они все смотрели на нее.

– Ничего не двенадцать, – повторила она. – Двенадцать – несчастливое число. – Она подняла обе свои руки. – Мне вот сколько.

– ...Десять? – спросил Тигзикк.

– Это я столько пальцев показываю? Тогда точно. Десять. – Она опустила руки. – Если я чего-то не могу посчитать на пальцах, значит, оно несчастливое.

И ей было десять уже три года. Так вот.

– Уж больно много несчастливых лет получается, – изумленно прокомментировал Хуквин.

– Ага, – согласилась Лифт.

Она снова обвела взглядом парк, затем обернулась посмотреть на путь, которым они пришли из города.

По одной из улочек, ведущих к дворцу, шагал человек. Его одеяние сливалось с сумраком, однако серебряные пуговицы блестели каждый раз, как он заходил под свет уличных фонарей.

«Шторма, – подумала Лифт. По ее спине пробежал холодок. – Значит, мне все-таки не удалось от него уйти».

Она снова посмотрела на группку воров.

– Ну, вы идете или нет? А то я пошла!

Девочка соскользнула внутрь дворцового парка. От земли шел заметный холод. Все правильно, это ж металл. Здесь все из бронзы. Она решила, что богатеи любят, когда все в каком-нибудь одном стиле.

Парни наконец перестали пререкаться и полезли на стену. В это время из темноты вдруг появились тонкие лозы, которые стали расти, извиваясь и переплетаясь. Они потянулись к Лифт, словно маленький ручеек пролитой воды, медленно растекающийся по полу. На лозах то тут, то там появлялись маленькие

кусочки кристаллов, будто жилки кварца в черной породе. Гладкие и совсем не острые, похожие на полированное стекло. И еще, они не сияли штормсветом.

Неожиданно лозы резко выросли, обвили друг друга, закрутились и сформировались в лицо.

– Госпожа, – проговорило оно, – мудрое ли это решение?

– Здорова, Несущий Пустоту! – небрежно поздоровалась Лифт, осматривая парк.

– Я не Несущий Пустоту! – воскликнул он. – И ты это знаешь. Просто... просто перестань меня так называть!

Лифт ухмыльнулась.

– Ты же мой ручной Несущий Пустоту. И ничто этого не изменит. Я тебя поймала. Так что душ больше никто похищать не будет. Мы с тобой сюда не за душами пришли. Так, поворовать немного, никто от этого не пострадает.

Лицо из лоз, или, как он называл себя, Виндл, вздохнуло. Лифт быстро пробежала по бронзовому полу к бронзовому же, а как иначе, дереву. Хуквин выбрал для дела самую темную часть суток, между лунами. Однако звездного света хватало, чтобы ориентироваться, особенно в такую погоду, когда на небе ни облачка.

Виндл подрос ближе к ней. Каждый раз, когда он перемещался, за ним оставался шлейф из многочисленных лоз. Похоже, для окружающих он оставался невидим. Через какое-то время лозы затвердевали, словно кристаллы, а затем рассыпались в пыль. Порой кое-кто успевал ее заметить, но самого Виндла точно никто не видел.

– Я спрен, – сказал ей Виндл. – Часть гордого и благородного...

– Тише, – ответила Лифт, выглянув из-за бронзового дерева.

Экипаж с открытым верхом, везший нескольких важных азиан, проехал мимо по подъездной дорожке. Об их важности можно было судить по одеяниям. Большие, ниспадающие мантии с очень широкими рукавами и не сочетающимися узорами. Все они выглядели как дети, которые забрались в шкаф родителей. Хотя шляпы щегольские.

Воры последовали за ней, двигаясь довольно незаметно. Они в самом деле оказались не так уж плохи. Даже если не знали, как правильно взбираться на стену.

Парни собрались вокруг нее, и Тигзикк встал, расправив плащ, походивший на мантии богатых писцов, работающих в правительстве. Здесь, в Азире, работать на государство было действительно престижно. Обо всех остальных говорили, что они «обособленные», что бы это не означало.

– Готов? – спросил Тигзикк у Максина, который тоже выделялся среди воров хорошей одеждой.

Максин кивнул, и они вдвоем двинулись направо, к дворцовому скульптурному саду. По их предположениям там бродили важные люди, размышляя, кто станет следующим Высокочтимым.

Опасная работенка, уж точно. Последним двум отрубил головы какой-то парень в белом с Клинком Осколков. Последний Высокочтимый и двух, голод их подери, дней не протянул!

После ухода Тигзикка и Максина Лифт осталось присмотреть только за остальными четверьмя. Хуквин, его племянник и два тощих братца, которые мало говорили и чуть что хватались за ножи под плащами. Лифт не нравились их методы. Убить слишком легко. Какое удовольствие от кражи, если убивать каждого, кто тебя заметит?

– Ведь ты можешь провести нас внутрь, правда? – обратился Хуквин к Лифт.

Лифт многозначительно закатила глаза. А затем побежала через бронзовую площадь к главному строению дворца.

«В самом деле, выглядит как грудь...»

Виндл извивался по земле рядом с ней, след его лозы оставлял крошечные кристаллы то здесь, то там. Он скручивался и быстро полз, словно угорь, только в действительности прорастал, а не двигался. В Несущих Пустоту было много странного.

– Ты ведь понимаешь, что не я тебя выбрал, – сказал он.

Его лицо появлялось среди лоз, пока они двигались. Когда спрен говорил, происходило нечто необычное – позади него оставалась череда застывших лиц. Казалось, что рот шевелится, потому что он очень быстро вырастал рядом с ней.

– Я хотел выбрать видную ириальскую матрону. Бабушку, искусного садовода. Но нет, Кольцо решило, что мы должны выбрать тебя. «Она посетила Старую магию», – сказали они. «Наша мать ее благословила», – сказали они. «Она юна, и мы сможем лепить из нее все, что пожелаем», – сказали они. Ну, им-то не приходится терпеть твои...

– Заткнись, Несущий Пустоту, – прошипела Лифт, подтягиваясь вверх по стене дворца. – Не то я искупаюсь в святой воде и пойду послушаю жрецов. Может, изгоню нечисть.

Лифт двигалась боком по краю до тех пор, пока не смогла выглянуть из-за изгиба стены. Она заметила патруль охраны: вооруженных длинными алебардами мужчин в узорчатых жилетах и шляпах. Девочка посмотрела вверх на стену. Там имелась похожая на камнепочку выпуклость прямо над ее головой, а дальше стена сужалась. На гладкой бронзе рукам было не за что ухватиться.

Лифт подождала, пока охранники не скрылись вдалеке.

– Ну, ладно, – прошептала она Виндлу. – Сделаешь, как я скажу.

– Нет.

– Конечно, сделаешь. Я пленила тебя, прям как в легендах.

– Я пришел к тебе, – сказал Виндл. – Твои способности от меня! Ты хоть слушаешь, чт...

– Поднимайся на стену, – указала Лифт.

Виндл вздохнул, но подчинился и стал подниматься по стене широким петляющим узором. Лифт подпрыгнула и ухватила за маленькие опоры из лоз, которые образовались на поверхности благодаря тысячам ветвящихся стеблей с липкими присосками. Виндл сплетался над нею, образуя своего рода лестницу.

Было не легко. Было, голод подери, трудно из-за той выпуклости, а опоры Виндла оказались совсем небольшими. Но у нее получилось, она проделала весь путь почти до вершины купола строения, с которого выходили окна на двор.

Лифт бросила взгляд на город. Никаких признаков человека в черной форме. Может быть, он наконец потерял ее след?

Она повернулась рассмотреть окно. Его симпатичные деревянные рамы удерживали очень толстое стекло, хотя оно выходило на восток. Нечестно, что Азимир был так хорошо защищен от сверхштормов. Им следует жить с ветрами, как всем нормальным народам.

– Нам нужно его опустошить, – сказала она, указав на окно.

– Ты понимаешь, – спросил Виндл, – что в то время, как ты заявляешь о себе как о мастер-воре, именно я проделываю всю работу в нашем союзе?

– И все время жалуешься тоже именно ты. Как нам пробраться через него?

– У тебя есть семена?

Лифт кивнула и полезла в карман. Затем в другой. Потом в задний карман. А, вот где они. Она вытащила горстку семян.

– Я не могу влиять на физическую реальность, кроме как совсем незначительно, – сказал Виндл. – А значит, тебе нужно использовать *вложение*...

Лифт зевнула.

– Использовать *вложение*, чтобы...

Она зевнула шире. Голод забори этих Несущих Пустоту, никогда не понимали намеков. Виндл вздохнул:

– Рассыпь семена по раме.

Она сделала, как он сказал, разбросав горстку семян по окну.

– Связь со мной дарует тебе два основных вида способностей, – начал объяснять Виндл. – Первый, манипуляции с трением, ты – перестань зевать на меня! – уже обнаружила. Мы пользуемся им уже много недель, и пора тебе выучить второй, силу *роста*. Ты пока не готова столкнуться с тем, что было когда-то известно как *восстановление*, сила лече...

Лифт прижала рукой семена и призвала потрясность.

Она не знала, как у нее получается. Просто делала. Все началось сразу после того, как впервые появился Виндл.

Тогда он еще не разговаривал. Лифт вроде как скучала по тем дням.

Ее рука слабо засветилась белым, поднимающимся от кожи светом, похожим на пар. Семена, оказавшиеся в этом свете, начинали прорастать. Быстро. Лозы выстреливали из семян и заползали в трещины между оконной коробкой и рамой.

Лозы росли по ее воле, звучно скручиваясь и растягиваясь. Стекло треснуло, и оконная рама открылась с громким щелчком.

Лифт ухмыльнулась.

– Молодец, – похвалил Виндл. – Мы еще сделаем из тебя Танцующую на Грани.

Ее желудок заворчал. Когда она ела в последний раз? Лифт использовала много потрясности, практикуясь раньше. Возможно, стоит украсть какой-нибудь еды. Голодная, она не могла оставаться такой потрясной.

Девочка проскользнула за окно. Иметь Несущего Пустоту оказалось полезным, хотя она была не вполне уверена в том, что ее силы появились из-за него. Похоже, Несущий Пустоту врет о таких вещах. Она его поймала, все по-честному. Использовала слова. У Несущего Пустоту нет настоящего тела. Чтобы поймать кого-то вроде него, нужно использовать слова. Это все знают. Так же, как проклятия помогают злу найти тебя.

Ей пришлось достать сферу – бриллиантовую марку, которая приносила удачу, – чтобы как следует осмотреться вокруг. Маленькая спальня была украшена в азианском стиле – множеством сложных узоров на коврах и тканевой обивке стен, преимущественно золотого и красного цветов. Все узоры азианские. Они походили на слова.

Лифт выглянула в окно. Несомненно, она убежала от Темного, человека в черном и серебряном, с бледной родинкой в форме полумесяца на щеке. Мужчина со смертельным, безжизненным взглядом. Наверняка он не смог проследить весь ее путь от Марабетии. Это же за полконтинента отсюда! Ну, по крайней мере за четверть.

Убедив себя, девочка размотала веревку, обвивавшую ее талию и плечи. Привязав ее к двери встроенной кладовки, Лифт спустила ее из окна. Веревка натянулась, когда по ней начали подниматься. Рядом, вокруг одного из столбиков кровати, вырос Виндл, извиваясь как небоугорь.

Она услышала шепчущие внизу голоса:

– Видал? Она поднялась прямо по стене. Тут же не за что держаться. Как?..

– Цыц. – Это был Хуквин.

Пока парни по одному поднимались в окно, Лифт начала рыться в шкафах и ящиках. Оказавшись внутри, воры подняли веревку и прикрыли окно как можно лучше. Хуквин изучил лозы, которые она вырастила на раме из семян.

Лифт засунула голову в нижнюю часть шкафа, роясь в его содержимом.

– В комнате нет ничего, кроме старых башмаков.

– Ты и мой племянник возьмете на себя эту комнату, – сказал ей Хуквин. – Остальные трое поищут в спальнях рядом. Мы быстро.

– Скорее всего, ты найдешь целый мешок старых башмаков... – ответила Лифт, вылезая из шкафа.

– Невежественное дитя, – произнес Хуквин, указывая на шкаф. Один из его дружков стал набивать мешок одеждой и обувью. – Такие тряпки у нас расхватывают узлами. Как раз то, что мы искали.

– А что насчет настоящих богатств? Сферы, драгоценности, картины...

Лифт сама мало интересовалась такими вещами, но думала, что Хуквин пришел за ними.

– Все это будет слишком хорошо охраняться, – объяснил тот, пока двое его сообщников быстро собирали одежду по комнате. – Разница между успешным вором и мертвым вором заключается в том, чтобы знать, когда пора убежать с добычей. Сегодняшний улов позволит нам жить в роскоши год или два. Вполне достаточно.

Один из братьев выглянул за дверь в коридор. Он кивнул, и трое выскользнули из комнаты.

– Не забудь, о чем я тебя предупреждал, – сказал Хуквин племяннику и отпустил дверь, которая почти закрылась за ним.

Тигзикк и Максин прислушивались внизу, не поднимется ли тревога. Если что-то пойдет не так, они выскользнут за пределы дворца и подуют в свистки. Племянник Хуквина пригнулся у окна и наострил уши. Было заметно, что он очень серьезно относится к своим обязанностям. На вид ему было около шестнадцати. Несчастливый возраст, уж точно.

– Как тебе удалось так просто подняться по стене? – спросил юноша.

– Дело в мозгах, – объяснила Лифт, – и в слюнях.

Он нахмурился.

– Я обладаю волшебным плевком.

Похоже, он ей поверил. Идиот.

– Как тебе здесь живется? – спросил парень. – Вдали от своего народа?

Лифт выделялась. Прямые черные волосы до талии, смуглая кожа, округлые черты лица. Каждый сразу поймет, что она решит.

– Не знаю, – ответила Лифт, идя к двери. – Я никогда не жила среди своего народа.

– Ты не с островов?

– Неа. Выросла в Ралл Элориме.

– Это... город теней?

– Ага.

– А он...

– Ага. Все так, как и говорят.

Она выглянула за дверь. Хуквина и остальных уже не было видно. Весь коридор блестел бронзой – стены и все остальное – только по центру расстилались красные и синие ковры, покрытые множеством мелких узоров в виде виноградных лоз. На стенах висели картины.

Девочка открыла дверь полностью и вышла.

– Лифт! – Племянник бросился к двери. – Они сказали нам ждать здесь!

– И?

– И мы должны ждать здесь! Ты же не хочешь, чтобы дядя Хуквин попал в неприятности!

– Зачем забираться во дворец, если не для того, чтобы попасть в неприятности? – Лифт покачала головой. Странные они люди. – По-видимому, местечко интересное, со всеми теми богатеями, снующими вокруг.

Здесь должна быть какая-нибудь действительно хорошая еда.

Лифт выбралась в коридор, и Виндл вырос на полу рядом с ней. Что интересно, племянник пошел следом. Она думала, что он останется в комнате.

– Нам не следует так поступать, – проговорил он, когда они прошли мимо едва приоткрытой двери. Изнутри слышались шаркающие шаги. Хуквин и его люди, по-глупому грабившие дворец.

– Тогда оставайся, – прошептала Лифт, подходя к большой лестнице. Внизу туда-обратно шмыгали слуги, даже несколько паршменов, но она не увидела никого в одной из тех мантий. – Где те важные богатеи?

– Читают заявки.

– Заявки?

– Конечно, – ответил идущий рядом племянник. – Со смертью Высококотимого все визири, писцы и судьи получили шанс заполнить надлежащие документы, чтобы претендовать на его место.

– Чтобы стать императором, нужно подать заявление?

– Конечно. Придется заполнить кучу бумаг. И эссе написать. Эссе должно быть действительно хорошим, чтобы получить эту должность.

– Шторма. Твой народ безумен.

– Другие народы лучше? С кровавыми войнами за трон? А таким образом все имеют шанс. Даже низший клерк может подать документы. Ты даже можешь быть обособленным и в итоге занять трон, если достаточно убедителен. Однажды такое произошло.

– Безумие.

– Говорит девчонка, которая болтает сама с собой.

Лифт пронзительно посмотрела на него.

– Не притворяйся, что это не правда, – продолжил юноша. – Я видел тебя. Говорила с воздухом, словно там кто-то был.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Гокс.

– Ого! Тогда так, Го. Я говорю сама с собой не потому, что чокнутая.

– Нет?

– Я это делаю, потому что я потрясная.

Лифт начала спускаться по лестнице, подождала паузы между снующими слугами, затем перебежала к кладовке. Гокс выругался и последовал за ней.

Лифт боролась с искушением использовать потрясность, чтобы быстро проскочить по этажу, но пока можно было обойтись без нее. К тому же Виндл все время жаловался, что она слишком часто пользуется потрясностью. Что она рискует заработать истощение, что бы это не означало.

Девочка незаметно прошмыгнула к кладовке с помощью только своих обычных навыков и пробралась внутрь. Гокс прокрался в кладовку за мгновение до того, как она захлопнула дверь. Звякнула столовая посуда на сервировочной тележке, и они едва втиснулись. Гокс шевельнулся, спровоцировав еще больше шума, и Лифт ткнула его локтем. Он застыл, пока их не миновали два паршмена с большими винными бочонками.

– Ты должен вернуться наверх, – прошептала она. – Здесь может быть опасно.

– О, пробраться в штормовой королевский дворец опасно? Спасибо. А то я не понял.

– Я серьезно, – сказала Лифт, выглядывая из кладовки. – Возвращайся наверх и уходи с Хуквином, когда он вернется. Меня он бросит и глазом не моргнув. Скорее всего, и тебя тоже.

Кроме того, она не хотела использовать потрясность перед Гоксом. Начнутся вопросы. Поползут слухи. Лифт ненавидела и то, и другое. Она хотела хотя бы раз остаться где-нибудь на какое-то время, и чтобы ей не нужно было уносить ноги.

– Нет, – тихо ответил Гокс. – Если ты собираешься стащить что-то ценное, я хочу участвовать. Может, тогда Хуквин перестанет оставлять меня в стороне, поручая легкую работу.

Ха, все-таки в нем была капля задора.

Мимо прошла служанка, неся большой, уставленный тарелками поднос. От поднимающихся от него запахов желудок Лифт заворчал. Еда для богатых. Такая вкусная.

Лифт проводила женщину взглядом, выбралась из кладовки и пошла следом. С Гоксом на хвосте будет сложнее. Дядя его неплохо обучил, но двигаться незаметно через заполненное людьми здание нелегко.

Служанка распахнула дверь, скрытую в стене. Служебные коридоры. Лифт поймала дверь, когда та стала закрываться, подождала несколько ударов сердца, открыла ее и юркнула внутрь. Узкий коридор был плохо освещен и пах только что пронесенной через него едой.

Гокс вошел за Лифт и молча закрыл дверь. Служанка исчезла впереди за углом – возможно, во дворце много таких коридоров. Позади Лифт в дверной раме вырос Виндл – темно-зеленое, похожее на плесень переплетение из лоз, покрывшее дверь, а затем и стену рядом с ней.

Он сформировал лицо среди лоз и вкраплений кристаллов и покачал головой.

– Слишком узко? – спросила Лифт. Он кивнул. – Здесь темно. Нас трудно увидеть.

– Вибрация пола, госпожа. Кто-то идет сюда.

Она бросила голодный взгляд вслед служанке с едой, толкнула Гокса и открыла дверь, возвращаясь в главный коридор.

Гокс выругался.

– Ты хотя бы знаешь, что делаешь?

– Нет, – ответила она, перебегая за угол в большой коридор с чередующимися зелеными и желтыми лампами, заполненными драгоценными камнями. К несчастью, слуга в облегающей черно-белой униформе шел прямо на нее.

Гокс издал тревожное «уфф», нырнув обратно за угол. Лифт выпрямилась, сложив руки за спиной, и зашагала вперед.

Она прошла мимо мужчины. Его униформа свидетельствовала о том, что он был кем-то позначительнее обычного слуги.

– Ты, там! – рявкнул мужчина. – В чем дело?

– Госпожа захотела пирожных, – ответила Лифт, задрав подбородок.

– О, во имя Яэзира! Еду подали в саду. Там и пирожные!

– Не те, – пояснила девочка. – Госпожа хочет ягодных пирожных.

Мужчина воздел руки к потолку.

– Кухни в другой стороне, – сказал он. – Попробуй убедить повариху, хотя она скорее отрубит тебе руки, чем примет еще один особый заказ. Штормовые провинциальные писцы! Если нужна специальная диета, то следует предупредить о ней заранее, с надлежащим оформлением!

Он направился прочь, оставив Лифт наблюдать за ним со сложенными за спиной руками.

Из-за угла крадучись вышел Гокс.

– Я уже подумал, что мы наверняка покойники.

– Не будь глупцом, – ответила Лифт, спеша по коридору. – Это еще не самая опасная часть.

Коридор в конце пересекался с другим – с таким же широким ковром по центру, бронзовыми стенами и сияющими металлическими лампами. Полоски света под дверью, которой заканчивался коридор, видно не было. Лифт посмотрела по сторонам и рванула к двери. Вскрыв замок, она заглянула внутрь и подала знак Гоксу присоединиться к ней.

– Мы должны идти прямо по тому коридору снаружи, – прошептал Гокс, пока она закрывала дверь так, чтобы оставить только маленькую щель. – В той стороне покои визирей. Возможно, там никого не будет, потому что все совещаются в крыле Высокочтимого.

– Ты знаешь расположение дворца? – спросила Лифт, притаившись в темноте у двери. Они находились в своего рода небольшой гостиной с парой затененных кресел и маленьким столиком.

– Ага, – ответил Гокс. – Я запомнил план дворца перед нашим приходом. А ты нет?

Она пожала плечами.

– Я однажды был здесь. Видел спящего Высокочтимого.

– Ты что?

– Он публичный человек и принадлежит всем. Можно поучаствовать в лотерее и прийти посмотреть, как он спит. Люди чередуются каждый час.

– Чего? В какой-то особенный день или типа того?

– Нет, каждый день. Можно также понаблюдать, как он ест или как исполняет ежедневные ритуалы. Если у него выпадет волос или он обрежет ноготь, их можно забрать как реликвию.

– Звучит жутко.

– Немножко.

– Как пройти в его комнаты? – спросила Лифт.

– Тем путем. – Гокс указал налево по наружному коридору, в противоположном направлении от комнат визирей. – Ты же не собираешься отправиться туда, Лифт. Там визири и все важные шишки будут рассматривать заявки. В присутствии Высокочтимого.

– Но он же мертв.

– Нового Высокочтимого.

– Его еще не выбрали!

– Ну, это такая странность, – пояснил Гокс.

В тусклом свете от приоткрытой двери она увидела, как юноша покраснел, будто понимал, насколько все происходящее, голод побери, странно.

– Там всегда есть Высокочтимый. Мы только еще не знаем, кто он. Я имею в виду, он живой и он уже Высокочтимый – прямо сейчас. Мы просто наворачиваем упущенное. В общем, там его покои. Отпрыски и визири хотят находиться в его присутствии, пока решают, кто он. Даже если человека, о котором они решают, нет в комнате.

– Это не имеет смысла.

– Конечно, имеет. Это правительство. Все очень подробно изложено в кодексах и...

Он замолк, когда Лифт зевнула. Азиане бывали невыносимо скучными. Хорошо хоть этот понимал намеки.

– В любом случае, – продолжил Гокс, – снаружи, в садах, каждый тешит себя надеждой, что именно его позовут для приватной беседы. Хотя вполне вероятно, что до нее и не дойдет. Отпрыски не могут стать Высокочтимым,

поскольку слишком заняты, посещая и благословляя деревни по всему королевству. Но визири – могут, поэтому у них самые лучшие заявки. Обычно выбирают кого-то из их числа.

– Покои Высокоchtимого, – сказала Лифт. – В их направлении унесли еду.

– Что у тебя за проблемы с едой?

– Я собираюсь съесть их ужин, – тихо, но решительно проговорила она.

Гокс заморгал в изумлении.

– Ты... Что?

– Я собираюсь съесть их еду. У богачеев лучшая пища.

– Но... в комнатах визирей можно найти сферы...

– Ага. Их я тоже на еду потрачу.

В краже обыкновенных вещей не было никакого веселья. Она любила непростые задачки. На протяжении последних двух лет Лифт выбирала самые труднодоступные для проникновения места и прокрадывалась внутрь.

И съедала там ужин.

– Пошли, – произнесла она, выйдя из дверного проема, и повернула налево, к покоям Высокоchtимого.

– Да ты в самом деле чокнутая, – прошептал Гокс.

– Неа. Мне просто скучно.

Гокс посмотрел в другую сторону.

– Я иду к покоям визирей.

– Как хочешь. На твоём месте я бы вернулась наверх. У тебя недостаточно практики для подобных вещей. Бросишь меня и, скорее всего, вляпаешься в неприятности.

Гокс потоптался на месте, затем скользнул в направлении покоев визирей. Лифт закатила глаза.

– Почему ты вообще с ними пошла? – спросил Виндл, выползая из комнаты. – Почему бы просто не забраться сюда самостоятельно?

– Тигзикк разузнал обо всей этой затее с выборами, – объяснила Лифт. – Он сказал, что сегодня отличная ночь для кражи. Я ему задолжала. Кроме того, я хотела быть здесь на случай, если он попадет в беду. Я могу понадобиться, чтобы помочь.

– С чего вдруг столько беспокойства?

И правда, с чего бы?

– Кому-то же должно быть не все равно, – ответила Лифт, зашагав по коридору. – В наше время слишком мало людей беспокоятся о других.

– И ты говоришь это, когда сама забралась сюда, чтобы их обворовать.

– Конечно. Я не собираюсь причинять им вред.

– У тебя странные представления о нравственности, госпожа.

– Не тупи, – огрызнулась она. – Все представления о нравственности странные.

– Надо полагать.

– Особенно для Несущего Пустоту.

– Я не...

Лифт ехидно усмехнулась и ускорила шаг к покоям Высокоchtимого. Она поняла, что оказалась на месте, когда выглянула в боковой коридор и заметила в его конце стражников. Ага. Та дверь была настолько хороша, что должна принадлежать императору. Только супербогачеи делают причудливые двери. Нужно, чтоб деньги из ушей полезли, прежде чем потратить их на дверь.

Стражники представляли проблему. Лифт опустилась на колени, выглянув за угол. Коридор, ведущий к покоям императора, был узким, как проулок между домами. Умно. Трудно подкрасться по такому коридору. И те два стражника явно не из числа тех, кто умирает от скуки на посту. Они были из разряда «мы должны

торчать здесь и выглядеть по-настоящему злобно». Стояли с такими прямыми спинами, что казалось, будто кто-то привязал им метлы к позвоночнику.

Лифт взглянула вверх. Коридор оказался высоким, богатым всегда нравились высокие штуковины. Если бы они были бедны, то построили бы еще один этаж, чтоб на нем жили их тети и кузены. Но богатые людишки лишь зря переводили место. Показывали, что, когда имеешь столько денег, можно тратить их впустую.

Поэтому обворовать их представлялось совершенно разумным.

– Туда, – прошептала Лифт, указав на маленький украшенный выступ, который опоясывал стену чуть выше.

Он был не достаточно широк, чтобы идти по нему... если, конечно, вы не Лифт. Но это, к счастью, была она. Там, под потолком, еще и свет более тусклый – висячие люстры располагались невысоко, а зеркала отражали свет от сфер вниз, на пол.

– Мы идем вверх, – сказала Лифт.

Виндл демонстративно вздохнул.

– Будешь делать, что скажу – иначе обкарнаю листья по самый стебель.

– Ты... меня подрежешь?

– Не сомневайся.

По идее, звучало устрашающе.

Виндл начал расти вверх по стене, создавая для нее опоры. Одновременно лозы, устилавшие побегами коридор позади, исчезали, обращаясь в кристаллы и распадаясь в пыль.

– Почему они тебя не замечают? – прошептала Лифт. Она никогда не спрашивала его, несмотря на месяцы, проведенные вместе. – Потому что только «чистый сердцем» может увидеть тебя, что ль?

– Ты же не серьезно?

– Конечно, серьезно. Такое прекрасно вписывается в легенды, истории и все остальное.

– Ну, сама теория не столь глупа, – ответил Виндл, издавая звуки из пучка лоз рядом с девочкой – нескольких зеленых жгутиков шевелились, имитируя движение губ. – Только вот идея, что ты считаешь себя «чистой сердцем»...

– Я чиста! – прошептала Лифт, хмыкнув и вскарабкавшись повыше. – Я – ребенок и все такое. Я так, шторм побери, чиста, что практически радугами отрыгиваю.

Когда они добрались до выступа, Виндл снова тяжело вздохнул – ему нравилось так делать. Он пророс вдоль края выступа, делая его несколько шире, и Лифт шагнула на стену. Она осторожно выровняла равновесие и кивнула Виндлу. Тот стал расти дальше, вдоль выступа, затем перегнулся и разросся вверх по стене, к точке над ее головой. Оттуда протянулся горизонтально, чтобы обеспечить ее опорой. С дополнительным дюймом из лоз на выступе и опорой сверху девочка смогла бочком продвигаться вперед, животом к стене. Она сделала глубокий вдох и повернула за угол в коридор со стражниками.

Лифт продвигалась медленно. Виндл прорастал взад-вперед, усиливая опоры для рук и ног. Стражники не поднимали шум. У нее получалось.

– Они не могут меня видеть, – сказал Виндл, вырастая около нее, чтобы создать очередной ряд опор, – потому что я существую главным образом в когнитивной реальности, даже несмотря на то, что переместил свое сознание в эту реальность. Я могу сделаться видимым любому, только пожелав, не без усилий, само собой. Одни спрены более умелы в этом плане, в то время как другие, наоборот, испытывают затруднения. Конечно, независимо от того, как я проявляю себя, никто не может прикоснуться ко мне, поскольку в этой реальности я едва ли материален.

– Никто, кроме меня, – прошептала Лифт, дюйм за дюймом продвигаясь по коридору.

– Ты тоже не должна, – сказал он с беспокойством в голосе. – Что ты попросила, когда пришла к моей матери?

Лифт не была обязана отвечать, уж точно не штормовому Несущему Пустоту. Она наконец добралась до конца коридора. Под ней располагалась дверь. К сожалению, именно там, где стояли стражники.

– Кажется, ты не очень хорошо все продумала, госпожа, – отметил Виндл. – Ты просчитала, что будешь делать после того, как доберешься сюда?

Она кивнула.

– Ну, и?

– Ждем, – прошептала она.

Так они и сделали. Лифт прижималась к стене животом, ее пятки свисали в пятнадцати футах над стражниками. Ей не хотелось бы упасть. Она почти не сомневалась, что располагала достаточной потрясностью, чтобы пережить падение, но если ее заметят – игре конец. Придется уносить ноги, и никакого ужина.

К счастью для Лифт, но к сожалению для Гокса, ее догадка оказалась верна. В другом конце коридора появился стражник, запыхавшийся и в немалой степени раздраженный. Два охранника подбежали к нему. Он повернулся, указывая в другую сторону.

У нее появился шанс. Виндл отрастил лозу вниз, и Лифт ухватилась за нее. Она ощущала, как кристаллы выступали между усиками, но они были гладкими и правильно ограненными, а не угловатыми и острыми. Лифт прыгнула, держась за лозу, скользящую между пальцами, и в последний момент сжала ее покрепче, остановившись точно над полом.

Оставалось всего несколько секунд.

– ...схвачен вор, пытавшийся обчистить покои визирей, – рассказывал прибежавший стражник. – Он мог быть не один. Оставайтесь начеку. Во имя Яэзира! Не могу поверить, что они посмели. Из всех ночей выбрали именно сегодняшнюю!

Лифт приоткрыла дверь и заглянула в покои императора. Большая комната. Мужчины и женщины за столом. Никто не смотрит в ее сторону. Она проскользнула внутрь.

И воспользовалась своей потрясностью.

Нырнув вниз, она бросилась вперед, и на какое-то мгновение пол – ковер и доски под ним – перестал быть для нее опорой. Она плавно двигалась, будто по льду, бесшумно преодолевая десятифутовое пространство. Ничто не могло ее удержать, когда она делалась такой *скользящей*. Никакие пальцы не смогли бы ее схватить, и она была способна *скользить* вечно. Лифт считала, что вообще никогда не остановится, если не отключит потрясность. Шторм побереи, она бы *скользила* до самого океана.

Этим вечером девочка остановилась под столом с помощью пальцев, которые не были *скользящими*, а затем устранила *скольжение* с ног. Живот недовольно заурчал. Ей требовалась еда. И побыстрее, иначе потрясности совсем не останется.

– Каким-то образом ты частично находишься в когнитивной реальности, – проговорил Виндл, извиваясь рядом с ней, выращая и скручивая петли из лоз, которые походили на лицо. – Вот единственное объяснение, которое я могу дать в ответ на вопрос, почему ты можешь коснуться спрена. И твой организм может перерабатывать пищу непосредственно в штормсвет.

Лифт пожала плечами. Он всегда трепался о чем-то подобном. Ее Несущий Пустоту, голод его побереи, пытался ее запутать. Что ж, она не станет возражать.

Не сейчас. Люди, стоящие вокруг стола, могли ее услышать, даже если они не слышали Виндла.

Еда была где-то здесь. Лифт чуяла ее запах.

– Но почему? – с изумлением спросил Виндл. – Почему Она одарила тебя таким невероятным талантом? Почему тебя, ребенка? Среди людей есть солдаты, великие короли, невероятные ученые. Взамен она выбрала тебя.

Еда, еда, еда. Восхитительный аромат. Лифт поползла под длинным столом вперед. Мужчины и женщины над ней разговаривали очень озабоченными голосами.

– Ваше заявление, Далкси, определено лучше.

– Да что вы! Я в одном только первом параграфе написал три слова с орфографическими ошибками!

– Я не заметил.

– Не заметили... Конечно, вы заметили! Но это не имеет значения, потому что эссе Аксикка, очевидно, превосходит мое.

– Не втягивайте меня снова. Мы исключили мою персону. Я не гожусь на пост Высокочтимого. У меня неважное прошлое.

– У Ашно Мудрого тоже было совсем не идеальное прошлое. Однако он стал одним из величайших Высокочтимых народа эмули.

– Ба! Мое эссе – абсолютный вздор, и вы прекрасно это знаете.

Виндл продвигался рядом с Лифт.

– Мать потеряла надежду относительно вашего вида. Я чувствую. Теперь ей все равно. Теперь, когда Он умер...

– Данный спор нам не приличествует, – произнес властный женский голос.

– Необходимо проголосовать. Народ ждет.

– Давайте выберем одного из тех дураков в саду.

– Их эссе отвратительны. Только взгляните, что проходит красной нитью через все, что написала Пандри.

– Мой... Я... Я не понимаю и половины, но оно действительно кажется оскорбительным.

Последние слова наконец привлекли внимание Лифт. Она взглянула на стол над своей головой.

«Интересные ругательства? – подумала она. – Ну, давайте же, прочтите хоть несколько».

– Нам нужно выбрать одного из них, – проговорил другой голос, казавшийся очень озабоченным. – Кадасиксы и звезды, вот так ребус! Что нам делать, если никто не хочет становиться Высокочтимым?

Никто не хотел становиться Высокочтимым? Вся страна вдруг обрела немного здравого смысла? Лифт продолжила ползти. Быть богатым кажется забавным и все такое, но стоять во главе стольких людей? Страдание в чистом виде, уж точно.

– Возможно, нам стоит остановиться на худшем заявлении, – произнес один из голосов. – В сложившейся ситуации оно указало бы на самого умного кандидата.

– Убиты шесть монархов из разных стран... – ответил другой голос, новый.

– За каких-то два месяца. По всему востоку вырезали кронпринцев. Религиозных лидеров. И теперь двое Высокочтимых убиты в течение одной недели. Штурма... Мне почти кажется, что на нас надвигается очередное Опустошение.

– Опустошение в виде одного-единственного человека. Да поможет Яэзир тому, кого мы выберем. Это – смертный приговор.

– Мы и так слишком затянули процесс. Все недели ожидания без Высокочтимого пагубно сказались на Азире. Давайте просто возьмем худшее заявление из стопки.

– А что, если наш выбор падет на кого-то, воистину ужасного? Разве не наша обязанность заботиться о королевстве, независимо от риска для того, кого мы предпочтем?

– Но при выдвижении лучшего среди нас мы осуждаем нашего ярчайшего, нашего лучшего на смерть от меча... Помогите нам Яэзир. Отпрыск Этид, молитва о помощи была бы кстати. Нам нужно, чтобы сам Яэзир изъявил свою волю. Возможно, если мы выберем правильного человека, то он или она будет защищен его рукой.

Лифт достигла конца стола и увидела блюда, расставленные на меньшем по размеру столике в другом конце комнаты. Отделка помещения была очень азиатской. Повсюду завитки вышивки, ковры, столь прекрасные, что, вероятно, какая-нибудь бедная женщина ослепла, пока их ткала. Темные оттенки и приглушенное освещение. Картины на стенах.

«Ха, – подумала Лифт, – на этой кто-то изодрал одно из лиц. Кому могло прийти в голову испортить картину, да еще такую прекрасную, изображающую выстроившихся в ряд Герольдов?»

Что ж, к блюдам, похоже, никто не притрагивался. Ее желудок урчал, но девочка ждала чего-нибудь, что отвлекло бы внимание вельмож.

Случай не замедлил представиться. Дверь открылась. Скорее всего, стражники прибыли доложить об обнаруженном воре. Бедный Гокс. Позже ей нужно будет его вытащить.

Прямо сейчас – время подкрепиться. Лифт оттолкнулась коленями и применила потрясность, чтобы сделать ноги *скользящими*. Она проехала по полу и схватилась за угловую ножку стола с едой. Используя импульс движения, девочка плавно крутанулась вокруг ножки, оказавшись за ней. Припав к полу, она устранила *скольжение* с ног – свисающая скатерть надежно скрывала ее от людей в центре комнаты.

Идеально. Лифт дотянулась рукой до булочки, стащила ее со стола и откусила немного, но вдруг насторожилась.

Почему все затихли? Она рискнула выглянуть из-под стола.

Он.

Высокий азианин с белой меткой в виде полумесяца на щеке. Черная форма с двойным рядом серебряных пуговиц вдоль передней стороны мундира, жесткий серебристый ворот высунувшейся из-под него рубашки. У толстых перчаток были собственные отвороты, которые отгибались до середины предплечий.

Мертвые глаза. Темный собственной персоной.

«О нет».

– Что это значит?! – потребовала ответа одна из визирей, женщина в широкой мантии со слишком большими рукавами. Ее шляпа с необычным узором весьма эффектно сочеталась с мантией.

– Я пришел сюда за воров, – ответил Темный.

– Вы понимаете, где находитесь? Как вы смеете прерывать...

– У меня есть соответствующие документы.

Темный говорил совершенно без эмоций. Никакого раздражения от предъявленных претензий, никакого высокомерия или напыщенности. Вообще ничего. Из-за спины Темного вышел один из его спутников – мужчина в черной с серебром форме, украшенной не так обильно. Он подал начальнику аккуратно перевязанную пачку бумаг.

– Документы – это, конечно, хорошо, – проговорила визирь. – Но, констебль, сейчас не время для...

Лифт дала деру.

Ее инстинкты наконец побороли удивление, и она побежала, перепрыгнув через кушетку на пути к задней двери. Виндл стремительно двигался рядом с ней размытой полоской.

Зубами она оторвала от булочки большой кусок. Еда ей понадобится. За дверью должна находиться спальня, а в спальне будет окно. Вломившись в дверь, она бросилась вперед.

С другой стороны, из тени, что-то взметнулось.

Дубинка ударила ее в грудь. Ребра затрещали. Лифт ахнула и повалилась лицом на пол.

Еще один помощник выступил из теней спальни.

– Даже хаотическое поведение, – сказал Темный, – можно предугадать при надлежащем изучении.

Его шаги приближались к Лифт сзади.

Она стиснула зубы и свернулась калачиком на полу.

«Не наелась...»

Она испытывала сильный голод.

Те несколько кусков, которые Лифт успела проглотить, уже делали свое дело. Она ощутила знакомое чувство, словно шторм в венах. Жидкая потрясность. По мере того как Лифт исцелялась, боль в груди постепенно исчезала.

Виндл сновал кругами, обвивая ее снова и снова небольшим лассо из лоз, прораставших листьями на полу. Темный подошел ближе.

«Вперед!»

Лифт вскочила на четвереньки. Темный схватил ее за плечо, но девочка смогла вырваться. И призвала свою потрясность.

Темный резко ткнул в нее чем-то.

Небольшое животное походило на крэмлинга, только с крыльями. Связанные крылья и лапки, странная маленькая голова, не такая крабовидная, как у крэмлинга. Мордочкой, ртом и глазами оно больше напоминало громгончую.

Казалось, что животное нездорово, его мерцающие глаза застилала боль. Откуда такие мысли?

Существо втянуло всю потрясность Лифт. Она своими глазами увидела, как что-то белое и сияющее, похожее на завитки света, устремляется от нее к маленькому животному. Оно открыло рот и выпило свет.

Внезапно Лифт почувствовала, что устала и очень-очень голодна.

Темный передал животное одному из своих спутников, который убрал его в черный мешок и засунул в карман. Лифт была уверена, что визирь, возмущенно столпившиеся у стола, не увидели ничего из случившегося благодаря тому, что Темный и его спутники загородили все своими спинами.

– Держите сферы подальше от нее, – приказал Темный. – Нельзя позволить ей совершить *вложение*.

Лифт обуял ужас, она запаниковала так сильно, как не случалось уже многие годы, со времен ее пребывания в Ралл Элориме. Она забилась, задергалась, стала кусать удерживающую руку. Темный даже не заворчал. Он вздернул ее на ноги, а его спутник стал выворачивать девочке руки, пока она не задохнулась от боли.

Нет. Она выкрутится! Ее нельзя так легко поймать. Несчастный Виндл продолжал кружить на полу. Видимо, он был доброй разновидностью Несущего Пустоту. Темный повернулся к визирям.

– Не смею больше вас беспокоить.

– Госпожа! – воскликнул Виндл. – Сюда!

На полу валялась наполовину съеденная булочка, которую Лифт уронила, когда ее ударили дубинкой. Виндл метнулся к булочке, но не смог сделать ничего,

кроме как слегка ее покачнуть. Лифт дернулась, чтобы освободиться, но без шторма, бушевавшего внутри, она была обычным ребенком, которого держал обученный солдат.

– Я чрезвычайно обеспокоена характером вашего вторжения, констебль, – проговорила главный визирь, просматривая стопку бумаг, которую оставил Темный. – Документы в порядке, и я вижу, что вы даже включили заявление, одобренное судьями, об обыске самого дворца для поимки этой оборванки. Несомненно, не было нужды беспокоить святой конклав. Уж точно не ради обычной воровки.

– Правосудие одно для всех: и мужчин, и женщин, – абсолютно спокойно ответил Темный. – А эта воровка какая угодно, только не обычная. С вашего позволения, мы больше не станем вам докучать.

Казалось, ему было все равно, дадут они ему позволение или нет. Он направился к двери, и его спутник потащил Лифт следом. Она дотянулась ногой до булочки, но смогла лишь пнуть ее вперед, под длинный стол, за которым сидели визири.

– Разрешение на казнь, – удивленно произнесла визирь, держа в руках последний листок из стопки. – Вы убьете ребенка? Всего лишь за воровство?

«Убьете? Нет. Нет!»

– За воровство и за проникновение во дворец Высокочтимого, – ответил Темный, дойдя до двери. – И за прерывание заседания святого конклава.

Визирь встретила с ним глазами, но через несколько мгновений отвела взгляд.

– Я... – проговорила она. – Да, конечно же... э-э... констебль.

Темный отвернулся и распахнул дверь. Визирь опустила одну руку на стол, а другую поднесла к голове.

Помощник Темного тащил Лифт к двери.

– Госпожа! – воскликнул Виндл, круживший рядом. – О... о, как же так. С этим человеком что-то очень сильно не в порядке! Он не прав, совсем не прав. Ты должна использовать свои способности.

– Пытаюсь, – простонала Лифт.

– Ты слишком похудела, – сказал Виндл. – Не хорошо. Ты всегда расходуешь излишки... Низкое содержание жировой ткани... Возможно, проблема в этом. Я не знаю, как и что работает!

Темный остановился в дверях и посмотрел на низко висящие в коридоре люстры с зеркалами и сверкающими драгоценными камнями. Он указал на них рукой. Помощник, который не держал Лифт, направился в коридор и отыскал веревки, удерживающие люстры. Он отвязал их и потянул, люстры поднялись выше.

Лифт пыталась призвать потрясность, хотя бы немного. Ей было нужно совсем чуть-чуть.

Тело оказалось истощено. Осушено. Девочка действительно перенапряглась. С нарастающими паникой и отчаянием она старалась изо всех сил.

Помощник привязал люстры в коридоре так, что теперь они висели высоко в воздухе. Визирь, стоящая неподалеку, перевела взгляд с Темного на Лифт.

– Пожалуйста, – проговорила девочка одними губами.

Визирь намеренно толкнула стол. Он резко ударил по локтю держащего Лифт помощника. Тот выругался, отпустив одну руку.

Лифт нырнула к полу, вырываясь из его хватки. Она изогнулась и юркнула вперед, под стол.

Помощник схватил ее за лодыжки.

– Что случилось? – спросил Темный холодным бесчувственным тоном.

- Я поскользнулась, – ответила визирь.
- Будьте осторожнее.
- Угрожаете, констебль? До меня вам не добраться.
- Я могу добраться до кого угодно.

По-прежнему никаких эмоций.

Лифт боролась под столом, отбиваясь от помощника. Он тихо выругался и вытащил Лифт за ноги, а затем вздернул вверх. Темный наблюдал с бесстрастным лицом.

Их взгляды встретились, глаза в глаза. У нее во рту торчала наполовину съеденная булочка. Опустив взгляд, Лифт стала быстро жевать и проглатывать куски.

В этот раз он проявил эмоции и казался сбитым с толку.

– Все ради булочки?

Лифт промолчала.

«Давай же...»

Они провели ее по коридору и свернули за угол. Один из помощников бежал впереди и убирал сферы из настенных ламп. Неужели грабил дворец? Нет, после того как они проходили мимо, он возвращался и засыпал сферы на место.

«Давай же...»

Они прошли мимо дворцового стражника, стоящего в более широком коридоре. Тот заметил что-то на Темном – возможно, шнур из разноцветных нитей, сплетенных в определенном для азиан порядке, – и отсалютовал.

– Констебль, сэр. Вы нашли еще одну?

Темный остановился, наблюдая за тем, как стражник открывает ближайшую дверь. Внутри на стуле сидел Гокс, сгорбившийся между еще двумя стражниками.

– Так у тебя действительно были сообщники! – заорал один из солдат в комнате и отвесил Гоксу пощечину.

За спиной Лифт ахнул Виндл.

– Определенно, он не заслужил ничего подобного!

«Давай же...»

– Его сообщница не ваша забота, – сказал Темный стражникам, ожидая, пока один из его спутников закончит свои странные действия со сферами. Почему они волновались о них?

Внутри Лифт что-то зашевелилось. Как маленькие завихрения ветра перед наступлением шторма.

Темный резко взглянул на нее.

– Что-то...

Потрясность вернулась.

Лифт стала скользкой, вся целиком, кроме ступней и ладоней. Она выдернула руку из пальцев помощника, оттолкнулась вперед и, упав на колени, проскочила под рукой Темного, когда он потянулся в ее сторону.

Виндл издал восторженный возглас и метнулся к ней, а Лифт стала отталкиваться ладонями от пола, будто плывя, каждым взмахом продвигая себя вперед. Она едва касалась пола дворцового коридора, скользя на коленях, словно их смазали маслом.

Ее поза не отличалась особенной грацией. Величавость – это для богачей, у которых имелось время выдумывать игры, чтобы порисоваться друг перед другом.

Лифт очень легко разогналась настолько, что, когда ослабила потрясность и попыталась встать на ноги, ей стало трудно себя контролировать. Она со всего маху врезалась в стену в конце коридора, неуклюже развалившись на полу.

Ухмыльнувшись, юная воровка приняла вертикальное положение. У нее получилось гораздо лучше, чем в те последние несколько раз, когда она пробовала

нечто подобное. Ее первая попытка оказалась совсем позорной. Тогда она стала настолько скользкой, что даже не могла удержаться на коленях.

– Лифт! – воскликнул Виндл. – Сзади.

Девочка оглянулась. Она могла бы поклясться, что мужчина, спешащий по коридору, слабо светился и явно бежал слишком быстро.

У Темного тоже была потрясность.

– Так нечестно! – закричала Лифт, вскакивая на ноги и бросаясь в боковой коридор – путь, которым она пробиралась вместе с Гоксом.

Ее тело снова начало уставать. От одной булочки мало толку.

Она помчалась по роскошному коридору, заставив служанку подпрыгнуть и пронзительно завизжать, будто та увидела крысу. Лифт притормозила, завернув за угол, понеслась на аппетитные запахи и ворвалась на кухню.

Она пробежала сквозь беспорядочно снующих людей. Секундой позже от пинка преследователя распахнулась дверь. Темный.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, Лифт запрыгнула на длинную стойку, сделала свою ногу скользкой и проехала на ней боком, сбив с шумом и грохотом миски и сковородки. Она соскочила с другой стороны стойки, в то время как Темный неуклюже прокладывал себе путь через поваров, высоко подняв вверх Клинок Осколков.

Он не сквернословил от раздражения. Нормальный человек ругался бы. Люди казались настоящими, когда ругались.

Но, без сомнения, Темный – не настоящий человек. В этом, как ни в чем другом, Лифт была уверена.

Она стащила сосиску с исходящей паром тарелки и устремила в служебные коридоры. Лифт жевала на бегу, а Виндл вырастал на стене рядом с ней, оставляя за собой полоску темно-зеленых лоз.

– Куда мы направляемся? – спросил он.

– Подальше отсюда.

Позади нее хлопнула дверь, ведущая в служебные коридоры. Лифт свернула за угол, напугав конюха. Призвав потрясность, она сместилась в сторону, легко проскочив мимо него в узком коридоре.

– Что со мной стало? – спросил Виндл. – Воруя по ночам, за мной гоняются всякие выродки. Я был садовником. Чудесным садовником! И криптики, и спрены чести приходили, чтобы увидеть кристаллы, которые я выращивал из разумов вашего мира. Во что я превратился?

– В нытика, – ответила Лифт, отдуваясь.

– Чепуха.

– Значит, ты всегда был нытиком?

Она оглянулась через плечо. Темный небрежно оттолкнул с дороги конюха, почти не сбившись с шага, и пробежал мимо.

Лифт добралась до двери и вломилась в нее плечом, снова выбираясь в богатые коридоры.

Ей требовался выход. Окно. Своим безоглядным бегством она просто описала круг, вернувшись к покоям Высокочтимого. Выбрав направление инстинктивно, она побежала, но впереди из-за угла показался один из помощников Темного. У него также имелся Клинок Осколков. Вот так удача, голод подери.

Лифт развернулась в другую сторону и проскочила мимо Темного, выбегающего из служебного коридора. Она едва увернулась от взмаха его Клинка, поднырнув вниз, сделав себя скользкой и проехавшись по полу. На этот раз она вскочила на ноги не споткнувшись. Ну, хоть что-то.

– Кто те люди? – спросил Виндл сбоку.

Лифт хмыкнула.

– Почему они так озабочены твоей персоной? С их оружием что-то не так...
– Клинки Осколков, – ответила Лифт. – Стоят целого королевства. Предназначены для убийства Несущих Пустоту. И у них их два. Безумие.
«Предназначены для убийства Несущих Пустоту...»
– Ты! – воскликнула она на бегу. – Они охотятся за тобой!
– Что? Конечно же нет!
– Так. Не волнуйся. Ты мой. Никому тебя не отдам.
– Очаровательная преданность, – проговорил Виндл. – Даже ни капельки не обидно. Но они охотятся не за...
Второй помощник Темного шагнул в коридор прямо перед Лифт. Он держал Гокса.
К шее юноши был прижат нож.
Девочка резко остановилась. Гокс всхлипывал в руках мужчины, сильно вытянув шею.
– Не двигайся, – сказал помощник, – или я его убью.
– Ублюдок, голод тебя подери, – отозвалась Лифт. Она сплюнула в сторону.
– Это подло.
Сзади подоспел тяжело топавший Темный, к нему присоединился второй преследователь. Ее загнали в ловушку. Вход в покои Высокопочтимого находился прямо впереди, визири и отпрыски заполонили коридор, переговариваясь возмущенными голосами.
Гокс плакал. Бедный дурак.
Что ж. Такие вещи никогда не заканчивались хорошо. Лифт последовала своей интуиции – что, в общем, она всегда и делала – и проверила блеф помощника, бросившись вперед. Он был из тех, кто соблюдает закон. Он не сможет хладнокровно убить заложника в...
Помощник Темного перерезал горло Гокса.
Алая кровь выплеснулась и запачкала одежду юноши. Спутник Темного отшвырнул Гокса на пол и отступил назад, будто удивившись тому, что наделал.
Лифт замерла. Он не мог... Он не...
Темный схватил ее сзади.
– Что ты натворил? – спросил он помощника лишенным эмоций тоном.
Лифт едва его слышала.
«Так много крови».
– Ты будешь наказан.
– Но... – проговорил помощник. – Мне пришлось исполнить угрозу...
– Чтобы убить этого мальчишку в этом королевстве, ты не собрал нужные документы, – произнес Темный.
– Разве мы не выше закона?
Темный отпустил Лифт и, шагнув вперед, отвесил помощнику пощечину.
– Если бы не закон, ничего бы не было. Ты станешь следовать их правилам и принимать веления правосудия. Это все, что у нас есть, единственное, в чем можно быть уверенным в мире.
Лифт не отрывала взгляда от умирающего Гокса, который прижал руки к шее, как если бы пытался остановить кровотечение. Его слезы...
Сзади к ней подошел второй помощник.
– Беги! – воскликнул Виндл.
Она вздрогнула.
– Беги!
Лифт побежала.
Она проскочила мимо Темного и протолкалась сквозь визирей, которые ахали и вскрикивали при виде смерти. На полной скорости Лифт пронеслась

через покои Высокочтимого, проскользила по столу, ухватила еще одну булочку с большого блюда и ворвалась в спальню. Секундой позже она выбралась из окна.

– Наверх, – сказала девочка Виндлу и засунула булочку в рот.

Он метнулся вверх по наружной части стены, и Лифт начала карабкаться, истекая потом. Секунду спустя один из помощников высунулся из окна под ней.

Не посмотрев вверх, он прыгнул во двор и стал озираться по сторонам. Его Клинок Осколков поблескивал в темноте, отражая свет звезд.

Лифт успешно добралась до верхнего уровня дворца и спряталась там в тених. Она присела на корточки, обхватив руками колени, и почувствовала, что замерзает.

– Ты едва его знала, – сказал Виндл. – И, тем не менее, скорбишь.

Она кивнула.

– Ты видела много смертей, – продолжил спрен. – Я это знаю. Неужели ты не привыкла к ним?

Лифт покачала головой.

Помощник внизу уходил все дальше и дальше, продолжая охоту. Она была свободна. Вскрабкаться по крыше, скользнуть вниз с другой стороны, исчезнуть.

Неужели что-то шевельнулось у стены рядом с землей? Да, те движущиеся тени были людьми. Остальные воры перелезли через стену и исчезли в ночи. Хуквин бросил своего племянника, как и ожидалось.

Кто станет проливать слезы по Гоксу? Никто. Его бросят и забудут.

Лифт выпрямила ноги и поползла через выгнутую луковицу крыши к окну, через которое недавно проникла во дворец. В отличие от выращенных Виндлом, лозы из семян все еще были живы. Они заплели окно, трепеща листьями на ветру.

«Беги, – говорили ее инстинкты. – Прочь».

– Ты что-то говорил раньше, – прошептала Лифт. – Вос...

– *Восстановление*, – ответил Виндл. – Каждая связь дарует силу двух волн. Ты можешь влиять на рост.

– Могу ли я использовать их, чтобы помочь Гоксу?

– Если бы была лучше обучена? Да. Но с твоим нынешним уровнем, сомневаюсь. Ты не очень сильна, не очень опытна. И он, возможно, уже мертв.

Лифт коснулась одной из лоз.

– Почему ты о нем беспокоишься? – снова спросил Виндл. Похоже, ему было любопытно. Никакого вызова. Он просто пытался понять.

– Потому что кто-то должен.

На этот раз Лифт проигнорировала то, что твердили ей инстинкты, пробралась в окно и стремительно пересекла комнату.

Через коридор верхнего этажа. На лестницу. Она слетела вниз, просто перепрыгнув большую часть. Через дверной проем. Повернуть налево. По коридору. Снова налево.

В роскошном коридоре собралась толпа. Лифт подошла и стала проталкиваться сквозь людей. Для этого ей не требовалась потрясность. Она проскальзывала сквозь промежутки в толпе с тех пор, как начала ходить.

Гокс лежал в луже крови, темным пятном растекшейся по прекрасному ковру. Его окружали визири и стражники, переговаривающиеся приглушенными голосами.

Лифт подползла к юноше. Его тело было еще теплым, но кровь, кажется, перестала течь. Глаза были закрыты.

– Слишком поздно? – прошептала она.

– Не знаю, – ответил Виндл, скручиваясь рядом.

– Что мне надо делать?

– Я... Я не уверен. Госпожа, переход на вашу сторону оказался сложным, и в моей памяти образовалось множество пробелов, несмотря на меры предосторожности, которые предпринял мой народ. Я...

Она уложила Гокса на спину, лицом к небу. Он действительно был для нее никем, все верно. Они только-только встретились, и он повел себя как дурак. Она говорила ему, чтобы он уходил.

Но Лифт была той, кем была, той, кем должна быть.

«Я буду помнить тех, о ком забыли».

Девочка наклонилась вперед, коснувшись лба юноши, и выдохнула. Маленькое мерцающее облачко сияющего света слетело с ее губ. Оно повисло перед ртом Гокса.

«Давай же...»

Облачко шевельнулось и втянулось в его рот.

Чья-то рука схватила Лифт за плечо и оттащила от тела. Она осела, вдруг почувствовав сильнейшую усталость. Настоящую усталость, такую, что даже стоять трудно.

Темный потянул ее за плечо прочь от толпы.

– Пойдем, – сказал он.

Гокс шевельнулся. Визирь дружно вздохнули, и их внимание обратилось на юношу, который застонал, а затем сел.

– А ты все-таки Танцующая на Грани, – сказал Темный, увлекая ее по коридору, когда остальные сомкнулись вокруг Гокса, переговариваясь между собой. Лифт споткнулась, однако Темный ее поддержал. – Я задавался вопросом, кем же из двух ты окажешься.

– Чудо! – воскликнул один из визирей.

– Яэзир подал знак! – проговорил один из отпрысков.

– Танцующая на Грани, – сказала Лифт. – Я не знаю, что это такое.

– Когда-то они были одним из прославленных орденов, – пояснил Темный, уводя ее по коридору. На них никто не обращал внимания, все сосредоточилось исключительно на Гоксе. – Там, где ты допустила промахи, они блистали бы красотой и изяществом. Они могли быстро пробежать по самой тонкой веревке, танцевать на коньках крыш, перемещаться по полю битвы, как ленточки на ветру.

– Звучит... поразительно.

– Да. К сожалению, их всегда волновали мелочи, они не уделяли внимания более значительным вещам. У тебя, как выяснилось, похожий нрав. Ты стала одной из них.

– Я не нарочно, – ответила Лифт.

– Я понял.

– Почему... почему вы охотитесь за мной?

– Во имя правосудия.

– Полно людей, которые поступают неправильно.

Ей приходилось заставлять себя произносить каждое слово. Говорить было тяжело. Думать было тяжело. Она так устала.

– Вы... могли бы гоняться за большими преступными главарями, за убийцами. Но выбрали меня. Почему?

– Другие, возможно, и отвратительны, но они не занимаются тем, что может навлечь на наш мир Опустошение. – Слова Темного отдавали холодом. – Поэтому тебя нужно остановить.

Лифт оцепенела. Она попыталась призвать потрясность, но уже израсходовала ее полностью. И, наверное, даже немного больше.

Темный развернул ее и прижал к стене. Девочка не могла стоять и, сгорбившись, опустилась на пол. Рядом мельтешил Виндл, разрастаясь во все стороны ползучими лозами.

Темный встал рядом с ней на колени и поднял руку.

– Я его спасла, – сказала Лифт. – Сделала что-то хорошее, разве нет?

– Добродетель к делу не относится, – ответил мужчина. В его руках появился Клинок Осколков.

– Вам все равно, да?

– Да. Все равно.

– Вам стоило бы, – проговорила она обессиленно. – Вам стоило бы... стоило бы подумать об этом, я имею в виду. Когда-то я хотела быть такой, как вы. Не получилось. Это было так... словно ты уже умер...

Темный занес Клинок.

Лифт закрыла глаза.

– Она помилована!

Хватка Темного на ее плече усилилась.

Чувствуя себя полностью опустошенной, как если бы кто-то поднял ее за кончики пальцев на ногах и выжал из тела все, что можно, Лифт заставила себя открыть глаза. Возле нее притормозил запыхавшийся Гокс. За ним спешили визири и отпрыски.

В окровавленной одежде, выпучив глаза, Гокс зажимал в руке клочок бумаги. Он сунул его Темному.

– Я дарю этой девочке помилование. Освободите ее, констебль!

– Кто ты такой, – ответил Темный, – чтобы поступать подобным образом?

– Я Высокочтимый акасикус, – объявил Гокс. – Правитель Азира!

– Что за нелепость.

– Кадасиксы послали знак, – сказал один из отпрысков.

– Герольды? – спросил Темный. – Вряд ли. Вы ошибаетесь.

– Мы проголосовали, – ответил визирь. – Заявление этого юноши оказалось лучшим.

– Какое еще заявление? – возмутился Темный. – Он вор!

– Он явил чудо *восстановления*, – объяснил один из визирей. – Умер и возродился. Могли ли мы требовать лучшее заявление?

– Нам ниспослан знак, – сказала главный визирь. – Теперь у нас есть Высокочтимый, которому не страшен Человек в Белых Одеждах. Слава Яэзиру, Кадасикусу королей, да направит он нашу мудрость. Этот юноша – Высокочтимый. Он всегда им был. Мы осознали это только теперь и умоляем его простить нас за то, что не узрели правду раньше.

– Так было всегда, – произнес старший из отпрысков. – И так будет снова. Встаньте, констебль. Вы получили приказ.

Темный оглядел Лифт. Она устало улыбнулась. Показала зубы, голод его подери. Так было правильнее всего.

Клинок Осколков растворился в тумане. Его обставили, но Темный, похоже, не беспокоился на сей счет. Ни разу не выругался, ни разу даже не сощурил глаза. Он встал и натянул перчатки, потянув за отвороты, сначала одну, затем другую.

– Слава Яэзиру, Герольду королей, – сказал Темный. – Да направит он нашу мудрость. Если когда-нибудь перестанет пускать слюни.

Он поклонился новому Высокочтимому и уверенным шагом направился прочь.

– Кто-нибудь знает, как зовут констебля? – спросил один из визирей. – Разве мы разрешали судебным исполнителям пользоваться Клинками Осколков?

Гокс опустил на колени рядом с Лифт.

– Значит, ты теперь император или что-то вроде того, – сказала она, закрывая глаза и откидываясь назад.

– Ага. До сих пор мало что понимаю. Я вроде как явил чудо.

– Ну и хорошо, – ответила Лифт. – Могу я съесть твой ужин?



Сет-сын-сына-Валлано, Не Знающий Правду из Шиновара, сидел на верхушке самой высокой башни в мире и размышлял о конце всего сущего.

В тенях притаились души убитых им людей. Они шептали ему. Если он приближался, они начинали кричать.

Они также кричали, когда он закрывал глаза. Он старался моргать как можно реже. Глаза казались сухими. Это было тем, что... сделал бы любой человек в здравом уме.

Самая высокая башня в мире, затерянная между пиками гор, оказалась идеальным местом для размышлений. Если бы он не был привязан к Клятвенному камню, если бы он был полностью другим человеком, он остался бы здесь. Единственное место на востоке, где камни не прокляты, где по ним разрешено ходить. Это место было священным.

Яркий солнечный свет озарял все вокруг, прогоняя тени и уменьшая крики. Конечно же, те, кто кричал, заслуживали смерти. Им следовало бы убить Сета.

«Я ненавижу вас. Я ненавижу... всех».

Во имя славы, что за странное чувство.

Он не смотрел вверх. Не хотел встретиться взглядом с Богом Богов. Но сидеть под солнцем так приятно. Здесь не было облаков, приносящих тьму. Это место находилось над ними всеми. Уритиру повелевал даже облаками.

Массивная башня стояла пустой – еще одна причина, по которой она ему нравилась. Сотня этажей, выстроенных кругами, каждый нижестоящий больше предыдущего, чтобы балкон заливало солнечным светом. Однако восточная сторона была полностью плоской, поэтому издали казалось, что от башни отсеки часть огромным Клинком Осколков. Какая странная форма.

Он сидел на краю среза, на самом верху, свесив ноги над обрывом в сотню массивных этажей и отвесным склоном горы. На гладкой поверхности плоской стороны башни поблескивало стекло.

Застекленные окна. Выходящие на восток, к Источнику. Первый раз, когда он оказался в этом месте – сразу после изгнания с родины – он не понял, насколько они странные. Дома он привык к мягким сверхштормам. Дождь, ветер и медитация.

В проклятых землях людей, ступающих по камням, все было иначе. В этих ненавистных землях. Землях, истекающих кровью, полных смерти и криков. И... И...

Дышать. Он заставил себя вдыхать и выдыхать воздух, а затем поднялся на ноги, стоя на краю парапета на верхушке башни.

Он сражался с невозможным. Человек со штормсветом, человек, который ощущал шторм внутри. Это означало... проблемы. Много лет назад Сета изгнали за то, что он поднял тревогу. Ложную тревогу, как ему сказали.

Нет больше Несущих Пустоту, сказали ему.

Сами духи камней подтверждали этот факт.

Нет больше древних сил.

Сияющие рыцари пали.

Мы – все, что осталось.

Все, что осталось... Не Знающий Правду.

– Разве я не верил? – закричал Сет, наконец вскинув голову, чтобы посмотреть на солнце. Его голос отразился эхом от гор и их душ. – Разве я не подчинился, не сдержал клятву? Разве я до сих пор не выполнил то, что вы от меня требовали?

Убийства, сплошные убийства. Он моргнул уставшими глазами.

КРИКИ.

– Что, если шаманы неправы? Что, если они изгнали меня по ошибке?

Это означало всеобщий конец. Конец правде. Это значило бы, что все бессмысленно и его клятва не имеет значения.

Это значило бы, что он убивал без причины.

Он спрыгнул с башни. Белая одежда, ставшая для него символом во многих смыслах, хлопала на ветру. Он втянул штормсвет и с помощью *сплетения* направил себя к югу. Его тело развернулось в нужном направлении, падая по небу вдоль земли. Таким образом он мог путешествовать только ограниченное время, штормсвета не хватало надолго.

Слишком несовершенное тело. Сияющие рыцари... Считалось... считалось, что они лучше управляли такими способностями... подобно Несущим Пустоту.

Его света хватит, только чтобы выбраться из гор и приземлиться в деревне в предгорьях. Жители деревень часто оставляли для него сферы в качестве подношения, принимая за какого-то бога. Сет использует их штормсвет, и тот позволит ему продвинуться дальше, пока он не достигнет очередного города и очередной порции штормсвета.

Чтобы попасть туда, куда он намеревался, потребуется много дней, но он найдет ответы. И, возможно, кое-кого убьет.

На этот раз по своему собственному выбору.



Эшонай поднималась на центральный шпиль Нарака. Она махнула рукой, пытаясь отогнать крошечного спрена. Похожий на комету, он вертелся вокруг ее головы, излучая кольца света. Ужасное создание. Почему он не оставит ее в покое?

Может быть, он не мог держаться в стороне. В конце концов, она переживала поразительный новый опыт. Состояние, недоступное веками. Штормовая форма. Форма истинной силы.

Форма, дарованная богами.

Она продолжила подниматься по ступеням, позвякивая Доспехами Осколков. В них ей было комфортно.

В новой форме Эшонай пребывала уже пятнадцать дней — пятнадцать дней она слышала новые ритмы. Поначалу она настраивала их часто, но некоторые слушающие чересчур нервничали по этому поводу. Она уступила и во время разговора заставила себя ограничиваться старыми, знакомыми ритмами.

Было нелегко, старые ритмы казались такими скучными. Погруженная в новые ритмы, названия которых Эшонай каким-то образом поняла интуитивно, она почти слышала говорящие с ней голоса. Дающие советы. Если бы ее народ получил подобные наставления столетия назад, несомненно, они не сдались бы так быстро.

Эшонай добралась до вершины шпиля, где ее ожидали остальные четверо. Сестра Венли, также пребывавшая в новой форме, снова находилась здесь. Выступающая шипами броня, красные глаза, опасная грация. Это собрание пройдет совсем не так, как предыдущее. Эшонай следовала новым ритмам, тщательно следя за тем, чтобы не напевать их вслух. Остальные еще не готовы.

Она села и вдруг ахнула.

Ритм! Он звучал так... так, словно ее собственный голос кричал на нее. Кричал от боли. Что это было? Эшонай потрясла головой и поймала себя на том, что в испуге рефлекторно прижала руку к груди. Когда она ее отняла, оттуда вылетел похожий на комету спрен.

Она настроила ритм раздражения. Остальные члены Совета пяти оглядели ее, наклонив головы, двое стали напевать в ритме любопытства. Почему она вела себя подобным образом?

Эшонай расположилась на земле, лязгнув Доспехами Осколков по камню. Совсем немного осталось до затишья — времени, которое люди называли Плачем. Сверхшторма приходили все реже. По этой причине возникло небольшое

затруднение в процессе перехода всех слушающих в штормовую форму. С момента трансформации самой Эшонай прошел только один сверхшторм, во время которого обрели штормовую форму Венли со своими учеными и двести солдат, отобранных Эшонай. Не офицеры, обычные солдаты. Те, кто, по ее мнению, будут подчиняться.

До следующего сверхшторма оставались считанные дни, и Венли собирала спренов. Уже тысячи были готовы. Время пришло.

Эшонай оглядела остальных членов Совета пяти. С сегодняшнего ясного неба лился солнечный свет, и несколько спренов ветра подлетели с дуновением легкого бриза. Подобравшись к шпилью, они метнулись в обратном направлении.

— Зачем вы собрали совещание? — спросила Эшонай у присутствующих.

— Ты говорила о плане, — произнес Давим, сложив грубые руки рабочего перед собой. — Рассказала о нем всем. Может быть, тебе стоило сначала посвятить в него Совет пяти?

— Прошу прощения, — ответила Эшонай. — Я довольно-таки взволнована. Однако полагаю, что нам нужно стать Советом шести.

— Это еще не решено, — проговорил Абронай, слабый и пухлый. Партнерская форма была отвратительной. — Все происходит слишком быстро.

— Мы и должны действовать быстро, — ответила Эшонай в ритме решимости. — До затишья осталось всего два сверхшторма. Люди планируют финальный удар по нам, по Нараку.

— Какая жалость, — проговорил Абронай в ритме размышления, — что ваша встреча прошла настолько безуспешно.

— Они хотели рассказать мне о разрушении, которое спланировали, — солгала Эшонай. — Решили позлорадствовать. Вот единственная причина, по которой они со мной встретились.

— Мы должны быть готовы сразиться с ними, — сказал Давим в ритме тревоги.

Эшонай рассмеялась. Вопиющее проявление эмоций, но она действительно их испытывала.

— Сразиться с ними? Разве ты не слушал? Я могу призвать сверхшторм.

— С нашей помощью, — уточнила Чиви в ритме любопытства. Ловкая форма. Еще одна слабая форма. — Ты говорила, что не сможешь сделать это в одиночку. Сколько еще слушающих тебе понадобится? Безусловно, тех двух сотен, что есть у тебя сейчас, должно хватить.

— Нет, их и близко не достаточно, — ответила Эшонай. — Я чувствую, что чем больше будет пребывающих в штормовой форме, тем больше наш шанс преуспеть. Однако я хочу переместить тех, кто уже трансформировался.

— Хорошо, — сказала Чиви. — Но сколько тебе нужно?

— Все, кто есть.

Давим тихонько загудел в ритме веселья, подумав, что прозвучала шутка, но затем умолк, так как все остальные продолжали сидеть в тишине.

— У нас только один шанс, — сказала Эшонай с решимостью. — Люди покинут военные лагеря все вместе, одной большой армией, и выдвинутся к Нараку, чтобы добраться до нас во время затишья. Не имея укрытия на плато, они будут полностью беззащитны. Сверхшторм, налетевший в такой момент, уничтожит их всех.

— Мы даже не знаем на самом деле, сможешь ли ты его призвать, — проговорил Абронай со скептицизмом.

— Вот поэтому нам и потребуется как можно больше слушающих в штормовой форме, — сказала Эшонай. — Если мы упустим эту возможность, наши дети будут петь нам песни проклятий при условии, что проживут достаточно долго. Это наш шанс, наш единственный шанс. Представьте себе десять

человеческих армий, изолированных на плато, ошеломленных под ударами бури, которую они не ожидали! В штормовой форме мы будем не подвержены ее влиянию. Если кто-то выживет, мы легко их уничтожим.

— Заманчиво, — заметил Давим.

— Мне не нравится взгляд, который появляется у тех, кто перешел в новую форму, — сказала Чиви. — Мне не нравится, что многие требуют, чтобы им дали перейти в эту форму. Возможно, двух сотен достаточно.

— Эшонай, — обратился Давим, — какова она по ощущениям?

В его вопросе заключалось больше, чем было произнесено вслух. Каждая форма в каком-то смысле меняла личность. Боевая форма добавляла агрессивности, в партнерской форме легко отвлечься, ловкая форма усиливала сосредоточенность, а рабочая форма делала тебя послушным.

Эшонай настроила ритм мира.

Нет. Голос продолжал кричать. Каким образом она провела в штормовой форме недели и не замечала его раньше?

— Я чувствую себя живой, — сказала Эшонай с радостью. — Я чувствую себя сильной и могущественной. Я чувствую связь с миром, которую следовало знать всегда. Давим, это как сменить вялую форму на одну из других форм — настолько существенно улучшение. Теперь, обладая силой, я понимаю, что раньше не жила в полной мере.

Эшонай подняла руку и сжала ее в кулак. Она чувствовала энергию, бегущую по предплечью, когда сжимались мускулы, хотя оно было скрыто под Доспехами Осколков.

— Красные глаза, — прошептал Абронай. — Вот до чего мы дошли?

— Если мы решимся, — сказала Чиви, — может быть, сначала стоит оценить ее нам четверым, а потом обсудить, нужно ли, чтобы за нами последовали остальные.

Венли открыла рот, собираясь что-то сказать, но Чиви остановила ее взмахом руки.

— Ты сказала свое слово, Венли. Мы знаем, чего ты хочешь.

— К сожалению, мы не можем ждать, — ответила Эшонай. — Если мы хотим заманить армии аleti в ловушку, нам требуется время, чтобы все трансформировались до того, как люди отправятся в путь на поиски Нарака.

— Я хочу попробовать, — сказал Абронай. — Возможно, стоит рассмотреть предложение о массовой трансформации нашего народа.

— Нет, — заговорила Зулн в ритме мира.

Член Совета пяти в вялой форме сидела, сгорбив плечи, и смотрела в землю перед собой. Она почти никогда ничего не говорила.

Эшонай настроила раздражение.

— Ну что еще?

— Нет, — повторила Зулн. — Это неправильно.

— Я бы хотел, чтобы мы все пришли к соглашению, — сказал Давим. — Зулн, разве ты не услышала причины?

— Это неправильно, — снова проговорила пребывающая в вялой форме.

— Она глупа, — сказала Эшонай. — Нам не следует обращать на нее внимания.

Давим загудел в ритме тревоги.

— Зулн представляет наше прошлое, Эшонай. Тебе не стоит говорить о ней такие вещи.

— Прошлое умерло.

Абронай присоединился к Давиму, загудев с тревогой.

— Наверное, стоит еще раз все обдумать. Эшонай, ты... разговариваешь не так, как раньше. Я не понимал, что изменения настолько сильные.

Эшоной настроила один из новых ритмов, ритм ярости. Песня звучала внутри нее, и она обнаружила, что тихонько гудит. Они были такими осмотрительными, такими слабыми! Они будут стоять и смотреть, как уничтожают ее народ.

— Мы встретимся сегодня позже, — сказал Давим. — Давайте поразмышляем. Эшоной, до этого я бы хотел поговорить с тобой наедине, если ты не против.

— Конечно.

Они поднялись со своих мест на вершине. Пока остальные спускались, Эшоной подошла к краю и посмотрела вниз. Шпиль казался слишком высоким, чтобы можно было спрыгнуть, даже в Доспехах Осколков. Но ей так хотелось попробовать.

Похоже, каждый слушающий в городе пришел к основанию шпиля, чтобы дожидаться решения. За те недели, что прошли с момента трансформации Эшоной, разговоры о случившемся с ней — а потом и с другими — наполнили город определенной смесью тревоги и надежды. Многие приходили к ней и умоляли, чтобы их одарили новой формой. Они видели предлагаемые возможности.

— Не согласятся, — проговорила Венли за ее спиной, когда остальные спустились достаточно далеко. Она говорила в ритме злости, одном из новых ритмов. — Твои слова были слишком агрессивны, Эшоной.

— Давим с нами, — ответила Эшоной с уверенностью. — Чиви тоже решится, после некоторого убеждения.

— Этого не достаточно. Если Совет пяти не согласится единодушно...

— Не волнуйся.

— Наш народ должен перейти в новую форму, Эшоной, — сказала Венли. — Это неизбежно.

Эшоной поймала себя на том, что настроила новый вариант веселья... ритм насмешки. Она повернулась к сестре.

— Ты ведь знала, так? Ты знала в точности, что сотворит со мной новая форма. Знала еще до того, как перешла в нее сама.

— Я... Да.

Эшоной схватила сестру за переднюю часть накидки и, крепко держа, дернула к себе. В Доспехах Осколков это получилось легко, хотя Венли сопротивлялась сильнее, чем ей следовало, и маленькая искра красной молнии пробежала по рукам и лицу слушающей. Эшоной не привыкла к такой силе, проявляемой ее сестрой-ученым.

— Ты могла нас уничтожить, — проговорила Эшоной. — Что, если эта форма сотворила бы с нами что-то ужасное?

Крики. В ее голове. Венли улыбнулась.

— Как ты ее открыла? — спросила Эшоной. — О ней не поется в песнях. Здесь что-то другое.

Венли молчала. Она встретилась взглядом с Эшоной и загудела в ритме уверенности.

— Мы должны удостовериться, что Совет пяти согласится с планом, — сказала она. — Если мы хотим выжить и победить людей, нам придется перейти в штормовую форму — всем до одного. Мы должны призвать шторм. Он... этого ждал, Эшоной. Ждал и усиливался.

— Я обо всем позабочусь, — ответила Эшоной, отпустив Венли. — Ты сможешь собрать достаточно спренов, чтобы хватило на весь наш народ?

— Мои коллеги работали на протяжении всех трех недель. Мы будем готовы к трансформации многих тысяч за те два сверхшторма, что придут до наступления затишья.

— Хорошо.

Эшонай начала спускаться по ступеням.

— Сестра? — позвала Венли. — Ты что-то задумала. Что именно? Как ты убедишь Совет пяти?

Эшонай продолжила спускаться. С дополнительной устойчивостью и силой Доспехов Осколков ей не требовалось удерживаться за цепи для сохранения равновесия. Когда она спустилась почти до самого конца, туда, где члены Совета пяти разговаривали с народом, Эшонай остановилась, немного не доходя до толпы, и глубоко вздохнула.

Затем, так громко, как только смогла, она прокричала:

— Через два дня я поведу всех желающих в шторм и подарю им новую форму.

Толпа застыла, их напевы смолкли.

— Совет пяти пытается отказать вам в этом праве, — проревела Эшонай. — Они не хотят, чтобы вы обладали формой силы. Они испуганы как кремлинги, прячущиеся в расщелинах. Они не могут вам отказывать! Каждый слушающий имеет право выбрать свою собственную форму.

Она воздела руки к небу, загудев в ритме решимости, и призвала шторм.

Крошечный шторм, жалкий вихрь по сравнению с тем, что ожидал своего часа. Он вырос между ее руками, появился ветер, пронзаемый молниями. Миниатюрная буря в ее ладонях — свет, мощь и ветер закрутились воронкой. Прошли столетия с тех пор, как использовалась эта сила, поэтому подобно реке, перекрытой дамбой, энергия нетерпеливо ожидала освобождения.

Буря выросла настолько, что стала задевать одежду, вокруг Эшонай бушевал вихрь из ветра и темного тумана, пронзаемый красными молниями. В конце концов все стихло. Она услышала, как повсюду в толпе запели в ритме благоговения — настоящие песни, а не тихие напевы или гудение. Слушающих захватили эмоции.

— С такой силой, — объявила Эшонай, — мы сможем уничтожить аleti и защитить наш народ. Я видела ваше отчаяние. Я слышала, как вы поете в ритме скорби. Так не должно быть! Пойдемте со мной в шторм. Это ваше право, ваш долг — присоединиться ко мне.

За ее спиной на ступенях Венли загудела в ритме напряжения.

— Твои слова разделят нас, Эшонай. Слишком агрессивно, слишком внезапно!

— Сработает, — ответила Эшонай с уверенностью. — Ты не знаешь их так, как я.

Снизу на нее смотрели остальные члены Совета пяти. Они выглядели так, будто их предали, хотя она не слышала их песен.

Эшонай прошагала к основанию шпиля и протолкалась сквозь толпу. К ней присоединились солдаты в штормовой форме. Слушающие освободили ей проход, многие напевали в ритме тревоги. Большинство присутствующих были рабочими или пребывали в ловкой форме. Это имело смысл. Солдаты слишком практичны, чтобы без толку глазеть на Совет.

Эшонай и ее воины в штормовой форме покинули центральное кольцо города. Она позволила Венли идти следом, но не обращала на женщину никакого внимания. В конце концов Эшонай добралась до барачков на подветренной стороне Нарака — большой группы построек, расположенных рядом друг с другом и образующих солдатскую общину. Хотя ее солдаты не были обязаны спать именно здесь, многие поступали подобным образом.

С тренировочного полигона на соседнем плато доносился шум — там оттачивали свои навыки воины или, что более вероятно, обучались недавно прошедшие трансформацию новички. Второе отделение численностью сто двадцать восемь слушающих находилось за пределами города, наблюдая за

людьми, вторгающимися на центральные плато. Военные пары разведчиков прочесывали равнины. Она дала им это задание вскоре после обретения новой формы, словно знала, что ей будет необходимо изменить ход битвы. Она хотела разузнать все, что только возможно, об алетии и их текущей тактике.

Уже некоторое время ее солдаты не обращали внимания на куколок. Больше Эшонай не будет терять слушающих в этой жалкой игре. Теперь каждый мужчина или женщина под ее командованием представляли собой потенциал для штормовой формы.

Тем не менее здесь присутствовали и остальные дивизии. Всего семнадцать тысяч слушающих. В некоторых случаях могущественная сила, но такая незначительная по сравнению с тем, чем они располагали раньше. Эшонай подняла сжатый кулак, и ее отделение из солдат в штормовой форме распространило призыв собраться всем остальным. Те, кто тренировался, сложили оружие и направились к ней. Другие выходили из барачков. Через какое-то время все собрались вокруг Эшонай.

— Настало время покончить с алетией, — громко объявила она. — Кто из вас готов последовать за мной?

В толпе послышались напевы в ритме решимости. Насколько она слышала, никто не настроил скептицизм. Великолепно.

— Для этого потребуются, чтобы каждый солдат перешел в штормовую форму, — прокричала Эшонай. Ее слова передавали по рядам.

Напевы в ритме решимости усилились.

— Я вами горжусь, — сказала Эшонай. — Я хочу, чтобы Штормовой отряд прошел по рядам и взял с вас слово, с каждого из вас, что он трансформируется. Если среди вас есть те, кто не хочет меняться, я хочу узнать об этом лично. Решение ваше по праву, и я не буду вас заставлять, но я должна знать.

Она взглянула на солдат в штормовой форме. Они отсалютовали и двинулись в толпу, разделившись на боевые пары. Эшонай шагнула назад, сложив руки на груди, и стала наблюдать, как они обходят каждую дивизию по очереди. В ее голове бились новые ритмы, хотя она старалась держаться подальше от ритма мира с его странными криками. Она не боролась с тем, во что превратилась. Глаза богов смотрели на нее слишком пристально.

Неподалеку собралось несколько солдат — знакомые лица на усиленных костях черепа, мужчины с кусочками драгоценных камней в бородах. Ее собственное отделение, ее бывшие друзья.

Она не могла толком объяснить, почему не выбрала их для первой трансформации, предпочтя двести солдат из разных дивизий. Ей были нужны послушные, но не самые умные воины.

Тьюд и остальные солдаты из отделения Эшонай... Они знали ее слишком хорошо. Они стали бы задавать вопросы.

Вскоре со всех взяли слово. Из ее семнадцатитысячного войска только горстка отвергла требуемую трансформацию. Тех, кто отказался, собрали на тренировочном полигоне.

Пока Эшонай обдумывала свой следующий шаг, приблизился Тьюд. Высокий, с мощными конечностями, он всегда пребывал в боевой форме за исключением двух недель в качестве партнера Билы. Он гудел в ритме решимости — способ, с помощью которого солдат выражал готовность подчиняться приказам.

— Я волнуюсь из-за всего происходящего, Эшонай, — сказал он. — Неужели нужно измениться столь многим?

— Если мы не пройдем трансформацию, — ответила она, — умрем. Люди нас уничтожат.

Он продолжал гудеть в ритме решимости, показывая, что доверяет ей. Однако его глаза говорили другое.

Вернулась и отсалютовала Мелу, одна из ее солдат в штормовой форме.

— Расчет окончен, генерал.

— Превосходно, — ответила Эшонай. — Передай мое слово войскам. Мы собираемся точно так же поступить с каждым в городе.

— С каждым? — спросил Тьюд с тревогой.

— У нас мало времени. Если мы не начнем действовать, то упустим шанс выступить против людей. Осталось два шторма. Я хочу, чтобы каждый доброволец в городе был готов принять штормовую форму до того, как они пройдут. Те, кто не желает измениться, имеют на это право, но я хочу, чтобы они собрались все вместе, чтобы мы понимали, что к чему.

— Да, генерал, — проговорила Мелу.

— Двигайтесь тесными разведывательными порядками, — продолжила Эшонай, указав на городские кварталы. — Прочешите улицы, посчитайте каждого. Для скорости используйте также и нештормовые отряды. Говорите обычным жителям, что мы пытаемся определить, сколькими солдатами будем располагать в будущей битве. Пусть воины демонстрируют спокойствие и поют в ритме мира. Приведите всех, кто захочет трансформироваться, в центральный круг, а тех, кто откажется, — сюда. Выделите им сопровождение, чтобы они не затерялись.

Когда Мелу отошла передать приказ по рядам, к Эшонай подошла Венли. Тьюд вернулся в свое отделение.

Каждые полгода они подсчитывали численность и проверяли баланс форм. Бывало, им требовались добровольцы для партнерской или рабочей формы. Гораздо чаще нужны были желающие перейти в боевую форму.

А значит, подобные действия знакомы солдатам, и они с легкостью выполняют распоряжения. После стольких лет войны они привыкли делать то, что она им приказывала. У многих проявлялась та же депрессия, что и у обычных слушающих, только у солдат она выражалась в жажде крови. Они просто хотели сражаться. Возможно, если бы Эшонай отдала соответствующий приказ, они бросились бы на людские лагеря, даже десятикратно превосходящие их по численности.

«Совет пяти фактически сам вручил мне власть, — подумала Эшонай, когда показались первые из не желающих трансформироваться, сопровождаемые солдатами. — Все эти годы я была абсолютным военным лидером, и каждый, в ком был хоть намек на агрессию, стал моим солдатом».

Рабочие подчинятся в соответствии с их природой. Многие представители ловкой формы, кто еще не трансформировался, оставались верны Венли, и большинство из них стремилось стать учеными. Тем, кто в партнерской форме, все равно, а нескольким слушающим в вялой форме не хватит мозгов, чтобы возразить.

Город принадлежал ей.

— К сожалению, нам придется их убить, — сказала Венли, наблюдая за собравшимися вместе несогласными. Они столпились, испуганные, несмотря на тихие напевы солдат. — Твои войска справятся с заданием?

— Нет, — ответила Эшонай, покачивая головой. — Многие откажутся, если мы решим действовать сейчас. Нам нужно подождать, пока все солдаты трансформируются. Тогда они не станут возражать.

— Что за сентиментальность, — проговорила Венли со злостью. — Я думала, ты контролируешь их преданность.

— Не устраивай мне допрос, — ответила Эшонай. — Этим городом управляю я, не ты.

Венли притихла, хотя продолжила гудеть в ритме злости. Она попытается перехватить контроль у Эшонай. Неприятное понимание, так же, как понимание

того, насколько сильно сама Эшонай жаждала власти. Так на нее не похоже. Совсем.

«Ничего из происходящего не пришлось бы мне по вкусу. Я...»

Биения новых ритмов омывали ее разум. Она отвлеклась от своих мыслей, когда приблизилась группа солдат, тащивших кричащего мужчину. Абронай, один из Совета пяти. Ей следовало догадаться, что он станет проблемой. Он слишком легко справлялся с недостатками партнерской формы, избегая ее соблазнов.

«Его трансформация может оказаться опасной», — подумала Эшонай. Абронай контролировал себя слишком хорошо.

По мере того как солдаты в штормовой форме подвели его к Эшонай, крики становились отчетливее.

— Это возмутительно! Нами руководит Совет пяти, а не воля одного-единственного слушающего! Разве вы не видите, что эта форма, новая форма, взяла над ней верх? Вы все сошли с ума! Или... или хуже.

Его слова казались тревожаще близки к правде.

— Отведите его к остальным, — приказала Эшонай, сделав жест в сторону группы несогласных. — Что насчет остальных из Совета?

— Они согласились, — ответила Мелу. — Некоторые неохотно, но согласились.

— Иди и найди Зулн. Отправь ее к несогласным. Я не доверяю ей в том, что нужно сделать.

Солдат не стала задавать вопросы, потащив Аброню прочь. На большом плато собралось около тысячи несогласных, заполнив собой тренировочный полигон. Приемлемо маленькое количество.

— Эшонай... — Песня звучала в ритме тревоги. Она повернулась навстречу подошедшему Тьюду. — Мне не нравится то, чем мы здесь занимаемся.

Тревога. Эшонай волновалась, что с ним будет не просто. Она взяла Тьюда под руку, увлекая в сторону. Новые ритмы бились в ее разум в такт бронированным ступням, скрипящим о камень. Как только они отошли на безопасное расстояние, чтобы их не могли услышать Венли и остальные, Эшонай повернулась к Тьюду и посмотрела ему в глаза.

— Не вмешивайся, — сказала она с раздражением, выбрав один из старых, знакомых ему ритмов.

— Эшонай, — тихо произнес он. — Это неправильно. Ты знаешь, что это неправильно. Я согласился измениться — как и каждый солдат — но это неправильно.

— Разве ты не согласен, что нам требуется новая тактика в войне? — спросила Эшонай в ритме решимости. — Мы медленно умираем, Тьюд.

— Нам действительно требуется новая тактика, — ответил Тьюд. — Но... С тобой что-то не так, Эшонай.

— Нет, мне всего лишь требовался повод для решительных действий. Тьюд, я раздумывала над чем-то подобным на протяжении месяцев.

— Над переворотом?

— Не над переворотом. Над сменой приоритетов. Мы обречены, если не изменим подход! Моей единственной надеждой стало исследование Венли. Она открыла только эту форму. Что ж, я должна попробовать использовать ее, предпринять одну последнюю попытку спасти наш народ. Совет пяти хотел меня остановить. Я сама слышала, как ты жаловался, что они только разговаривают, но не действуют.

Он загудел в ритме размышления. Однако она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, когда он настраивает неискренний ритм. Биения были слишком явными, слишком сильными.

«Я почти его убедила, — подумала Эшонай. — Дело в красных глазах. Я вселила в него и в некоторых других солдат дивизии страх. Они слишком боятся наших богов».

Стыдно признать, но, возможно, ей придется казнить его и своих бывших товарищей.

— Я вижу, что не убедила тебя, — сказала Эшонай.

— Я просто... Не знаю, Эшонай. Мне не нравится то, что происходит.

— Позже я поговорю с тобой поподробнее. Прямо сейчас у меня нет времени.

— И что ты собираешься с ними сделать? — спросил Тьюд, кивнув на группу слушающих. — Очень напоминает облаву на тех, кто с тобой не согласен. Эшонай... Ты понимаешь, что твоя собственная мать находится среди них?

Она вздрогнула, вглядевшись и заметив свою старую мать, которую вели к общей группе двое солдат в штормовой форме. Они даже не обратились к ней с вопросом. Означало ли это, что они были крайне послушными несмотря ни на что или просто опасались, что она даст слабинку из-за того, что ее мать отказалась измениться?

Эшонай слышала, как поет мать. Пока ее вели, звучала одна из старых песен.

— Можешь присматривать за этой группой, — сказала Эшонай Тьюду. — Ты и те солдаты, которым доверяешь. Я поручу контроль над несогласными своему собственному отделению и поставлю тебя во главе. Таким образом, с ними ничего не случится без твоего одобрения.

Он помедлил и кивнул, загудев в ритме размышления, на этот раз по-настоящему. Она позволила ему удалиться, и Тьюд трусцой побежал к Биле и нескольким другим солдатам из бывшего отделения Эшонай.

«Бедный, доверчивый Тьюд, — подумала она, пока он принимал командование над охраной несогласных. — Спасибо, что позволил так просто себя одурачить».

— С этой частью ты хорошо справишься, — сказала Венли, когда Эшонай подошла к ней обратно. — Ты сможешь удерживать город под контролем достаточно долго, чтобы все успели трансформироваться?

— С легкостью, — ответила Эшонай, кивнув солдатам, подошедшим с донесениями. — Просто позаботься о том, чтобы спрены были в наличии и в нужном количестве.

— Позабочусь, — проговорила Венли с удовлетворением.

Эшонай выслушала донесения. Все, кто согласился на трансформацию, собрались в центре города. Настало время поговорить с ними и опутать их заготовленной ложью: что Совет пяти будет восстановлен после того, как они разберутся с людьми, что нет причин волноваться. Что все в полном порядке.

Окруженная солдатами в новой форме, Эшонай шла по городу, который теперь принадлежал ей. Ради пущего эффекта она призвала Клинок Осколков, последний Клинок ее народа, и закинула его на плечо.

Она прошла к центру города, минуя полуразрушенные здания и хижины из панцирей. Чудо, что постройки оказались способны пережить сверхшторм. Ее народ заслуживал большего. С возвращением богов они это получат.

К ее раздражению, понадобилось некоторое время, чтобы слушающие успокоились и приготовились внимать. Примерно двадцать тысяч пребывающих не в боевой форме, собранные вместе, являли собой впечатляющее зрелище. При их виде казалось, что население города не такое уж и маленькое. Тем не менее здесь присутствовала лишь толика их первоначальной численности.

Солдаты усадили всех собравшихся и приготовили посланников, чтобы передавать слова Эшонай тем, кто находился далеко и не мог ее услышать.

Ожидая окончания приготовлений, Эшоной выслушала доклады по численности населения. Поразительно, но большинство отказавшихся трансформироваться оказались рабочими. Считалось, что они должны слушаться. Что ж, большая их часть были пожилыми, теми, кто не сражался в войне против аleti. Теми, кому не пришлось видеть, как погибают их друзья.

Она ожидала у основания шпиля, пока все будет готово. Чтобы начать свою речь, Эшоной поднялась по ступеням, но остановилась, заметив бегущего к ней Вараниса, лейтенанта. Он был одним из тех, кого она выбрала для первой трансформации в штормовую форму.

Внезапно встревожившись, Эшоной настроила ритм разрушения.

— Генерал, — проговорил Варанис с тревогой. — Они сбежали!

— Кто?

— Те, кого вы приказали нам отделить, те, кто не захотел трансформироваться. Они сбежали.

— Что ж, догоните их, — ответила Эшоной со злостью. — Они не могли уйти далеко. Рабочие не смогут перепрыгнуть ущелья, они убежали не дальше последних мостов.

— Генерал! Они разрушили один из мостов, а затем использовали веревки, чтобы спуститься в само ущелье. Они ушли понизу.

— Тогда в любом случае они все равно что мертвы, — проговорила Эшоной. — Через два дня налетит шторм. Они окажутся запертыми в ущельях и погибнут. Забудьте о них.

— Что насчет их охранников? — требовательно спросила Венли в ритме злости, протолкавшись к Эшоной. — Почему за ними не следили?

— Охранники сбежали вместе с ними, — ответил Варанис. — Эшоной, их возглавлял Тьюд.

— Не важно, — ответила Эшоной. — Ты свободен.

Варанис ушел.

— Ты не удивлена, — произнесла Венли в ритме разрушения. — Что это за охранники, которые помогают сбежать заключенным? Что ты наделала, Эшоной?

— Не ставь под сомнение мои действия.

— Я...

— Не ставь под сомнение мои действия, — повторила Эшоной, схватив сестру за шею бронированной рукой.

— Убей меня, и ты уничтожишь все, — ответила Венли без малейшего намека на страх в голосе. — Они никогда не последуют за женщиной, публично убившей собственную сестру, и только я смогу подготовить спренов, которые нужны тебе для трансформации.

Эшоной загудела в ритме насмешки, но отпустила Венли.

— Я собираюсь произнести речь.

Она повернулась к сестре спиной и стала подниматься по ступеням, чтобы выступить перед своим народом.



ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ

СБЛИЖЕНИЕ

ҚАЛАДИН • ШАЛЛАН • ДАЛИНАР



Я адресую это письмо «старому другу», поскольку даже не могу представить, какое имя ты используешь теперь.

Каладин никогда раньше не сидел в тюрьме.

Клетки, да. Ямы. Загоны. Под стражей в комнате. В настоящей тюрьме – никогда.

Возможно потому, что в тюрьмах было слишком удобно. Ему предоставили два одеяла, подушку и ночной горшок, который регулярно меняли. Кормили намного лучше, чем когда он был рабом. Каменная полка – не самая удобная постель, но с одеялами не так уж плоха. В камере не имелось ни одного окна, но он хотя бы не оставался снаружи во время шторма.

В общем, камера была очень хорошей. И Каладин ее ненавидел.

В прошлом он попадал в тесные помещения только для того, чтобы переждать сверхшторм. Теперь же, запертый здесь в течение многих часов, когда ему не оставалось ничего иного, кроме как лежать на спине и размышлять... Каладин обнаружил, что тревожится, потеет, скучает по открытому пространству. Скучает по ветру. Одиночество его не беспокоило. Только эти стены. Он чувствовал, как они давят на него.

На третий день заключения мостовик услышал шум, доносящийся из глубины тюрьмы, вдали от камеры. Он поднялся, не обращая внимания на Сил, которая сидела на невидимой скамейке на стене. Почему кричали? Из коридора донеслось эхо.

Его маленькая камера была единственной в этом помещении. С тех пор как его заперли, Каладин видел только стражников и слуг. Сферы на стенах сияли, хорошо освещая пространство. Сферы – в месте содержания преступников. Неужели их принесли сюда в насмешку над заключенными? Богатство, но вне пределов досягаемости.

Он прижался к холодной решетке, прислушиваясь к отдаленным крикам. Представил, как Четвертый мост пришел, чтобы его спасти. Отец Штормов, не дай им выкинуть что-нибудь настолько идиотское.

Каладин посмотрел на одну из сфер в лампе на стене.

– Что? – спросила его Сил.

– Я мог бы подобраться достаточно близко, чтобы выпить ее свет. Она лишь чуть-чуть дальше, чем находились паршенди, когда я вытягивал свет из их драгоценных камней.

– И что потом? – тихо спросила Сил.

Хороший вопрос.

– Ты помогла бы мне сбежать, если бы я захотел?

– А ты хочешь?

– Я не уверен. – Каладин развернулся на месте и прислонился спиной к прутьям. – Может быть, это будет необходимо. Но побег – нарушение закона.

Сил задрала подбородок.

– Я не высший спрен. Законы не важны, важна справедливость.

– В этом вопросе мы единодушны.

– Но ты пришел добровольно, – сказала она. – Почему теперь ты хочешь уйти?

– Я не позволю им казнить себя.

– Они и не собираются. Ты слышал Далинара.

– Далинар может идти в Бездну. Он позволил этому случиться.

– Он попытался...

– Он позволил этому случиться! – отрезал Каладин, отвернувшись и ударив кулаком по решетке.

Очередная штормовая клетка. Закончил там же, где и начал!

– Он такой же, как и остальные, – прорычал он.

Сил метнулась к нему, остановившись между прутьями решетки, и уперла руки в бедра.

– Повтори-ка.

– Он... – Каладин отвернулся. Лгать ей было трудно. – Ладно, хорошо. Он не такой. Чего не скажешь о короле. Признай, Сил. Элокар – ужасный король. Сначала он пел мне дифирамбы, когда я пытался его защитить. А теперь, по щелчку пальцев, желает меня казнить. Как ребенок.

– Каладин, ты меня пугаешь.

– Я? Ты говорила, чтобы я доверял тебе, Сил. Когда я прыгнул вниз, на арену, ты сказала, что теперь-то все будет по-другому. И в чем отличие?

Она отвела взгляд в сторону, внезапно став очень маленькой.

– Даже Далинар признал, что король совершил большую ошибку, позволив Садеасу избежать поединка, – сказал Каладин. – Моаш и его друзья правы. Королевству будет лучше без Элокара.

Сил опустила на пол, склонив голову.

Каладин вернулся к скамье, но был слишком возбужден, чтобы сидеть. Он обнаружил, что меряет шагами камеру. Как можно ожидать, что кто-то станет жить взаперти в маленькой камере без свежего воздуха, без возможности дышать? Не стоило позволять запереть себя.

«Тебе лучше сдержать свое слово, Далинар. Вытащи меня отсюда. Поскорее».

Шум, чем бы он ни был, затих. Когда служанка принесла еду, протолкнув ее через маленькое отверстие в нижней части решетки, Каладин спросил, в чем дело. Она не стала отвечать и убежала прочь, как крэмлинг перед штормом.

Вздыхнув, он потянулся за пищей – вареные овощи, политые черным соевым соусом, – и шлепнулся обратно на скамью. Ему давали еду, которую можно есть руками. На всякий случай никаких вилок или ножей.

– Милое у тебя тут местечко, мостовичок, – произнес Шут. – Я сам несколько раз подумывал переехать сюда. Но хотя арендная плата, возможно, и низкая, вступительный взнос непомерно высок.

Каладин вскочил на ноги. Шут сидел за пределами камеры, на скамейке у дальней стены, под лампой, и настраивал у себя на коленях какой-то странный инструмент с тугими струнами, изготовленный из полированного дерева. Еще минуту назад никакого Шута не было и в помине. Шторма... А разве скамейка стояла там раньше?

– Как ты сюда попал? – спросил Каладин.

– Ну, есть такие штуки, называются двери...

– Охрана пропустила тебя?

– Технически? – спросил Шут, ущипнув струну, и наклонился, чтобы послушать звук, а затем ущипнул другую. – Да.

Каладин снова сел на койку в камере. Шут был полностью в черном. Он вытащил из-за пояса тонкий серебристый меч, положил его на скамью рядом и свалил туда же коричневый мешок. Склонившись и скрестив ноги, Шут продолжал настраивать инструмент. Он тихо напевал про себя и кивал.

– Благодаря абсолютному слуху, – проговорил он, – все становится намного проще, чем было когда-то...

Каладин сидел и ждал, в то время как Шут откинулся к стене. И... ничего.

– Удобно? – спросил Каладин.

– Да. Спасибо.

– Ты явился, чтобы порадовать меня музыкой?

– Нет. Ты ее не оценишь.

– Тогда почему ты здесь?

– Мне нравится посещать людей в тюрьме. Я могу сказать им все, что пожелаю, и они ничего не могут с этим поделать.

Шут посмотрел на Каладина и с улыбкой положил пальцы на инструмент.

– Я пришел за историей.

– Какой историей?

– Той, которую ты собираешься мне рассказать.

– Ба! – воскликнул Каладин, ложась на скамейку. – Сегодня у меня нет настроения играть в твои игры, Шут.

Шут извлек ноту из инструмента.

– Все постоянно так говорят, что заранее делает эту фразу избитой. Я в сомнении. Бывает ли хоть кто-то в настроении для моих игр? И если так, то не разрушит ли это цель игры изначально?

Каладин вздохнул, а Шут продолжил извлекать ноты.

– Если сегодня я подыграю, – спросил Каладин, – избавишь ли ты меня от своего присутствия?

– Я уйду, как только история закончится.

– Замечательно. Человека посадили в тюрьму. Он ее возненавидел. Конец.

– А... – протянул Шут. – Так это история о ребенке.

– Нет, она обо... – Каладин замолчал.

«Мне».

– Возможно, стоит поведать тебе детскую историю, – сказал Шут. – Я расскажу одну, чтобы ты настроился на нужный лад. Однажды в солнечный денек в траве резвились кролик и птенчик.

– Птенчик... детеныш птицы? – спросил Каладин. – И кто еще?

– Ах, забылся на мгновение. Прости. Позволь мне сделать ее более подходящей для тебя. Однажды в невыносимо дождливый день кусок мокрой слизи и отвратительное крабовидное существо с семнадцатью лапами крались через камни. Так лучше?

– Полагаю, да. История окончилась?

– Она еще не началась.

Шут неожиданно ударил по струнам и заиграл с яростной решимостью. Вибрирующие, повторяющиеся звуки, наполненные энергией. Нота, пауза и затем семь нот подряд, наполненных, как казалось, исступлением.

Ритм захватил Каладина. Музыка практически сотрясала все помещение.

– Что ты видишь? – требовательно спросил Шут.

– Я...

– Закрой глаза, идиот!

Каладин закрыл глаза.

«Что за глупость».

– Что ты видишь? – повторил Шут.

Шут его разыгрывал. В этом заключалась его сущность. Предположительно, он старший наставник Сигзила. Разве Каладин не заслужил снисхождение за помощь его ученику?

Но в звуках не было ни капли юмора. Ноты казались наполненными силой. Шут добавил еще одну мелодию, дополняющую первую. Как он это сделал? Заиграл другой рукой? Двумя руками сразу? Как один человек с одним инструментом мог создать столько музыки?

Каладин увидел... у себя в голове...

Гонку.

– Эта песня о человеке, который бежит, – проговорил он.

– В солнечный день, в палящий зной вышел в путь человек от восточного моря, – Шут рассказывал точно в ритме своей музыки, монотонный речитатив почти превращался в песню. – Куда он спешил, зачем он бежал, жду от тебя ответа я скоро.

– Он убегает от шторма, – тихо произнес Каладин.

– То был Флит Скороход, чье имя все знают, в легендах и песнях его воспевают. Быстрейший из всех когда-либо живших уверенным шагом по миру скитался. В далеком прошлом, я сам был свидетель, с Чанарач, Герольдом, он состязался. И выиграл гонку, как прежде всегда, но вот поражения настала пора. Убежденный в себе и в своей быстроте, Флит на весь мир решил заявить: собрался я, мол, победить сам сверхшторм и ветер стремительный опередить. Неслыханна дерзость сие утверждать. Возможно ли это, ветра обогнать? Но Флит наш бесстрашен, спешит на восток, оставив на взморье условный флажок. Шторм лишь крепчает, ярится, ревет. Что за безумец помчится вперед? Бога Штормов нет причин искушать. Лишь глупый дурак может так поступать.

Как удавалось Шуту играть такую музыку с помощью всего лишь двух рук? Несомненно, к игре присоединилась еще одна рука. Может быть, Каладину стоило взглянуть?

Перед своим мысленным взором он видел гонку. Вот Флит, босоногий мужчина. Шут говорил, что его все знают, но Каладин никогда не слышал подобной истории. Тощий, высокий, с длинными волосами до пояса, подвязанными сзади, Флит поднял флажок на берегу, наклонился вперед, приготовившись бежать, ожидая, пока стена шторма с грохотом обрушится, понесется через море в одном направлении с ним. Каладин подскочил, когда Шут с силой ударил по струнам, возвестив о начале гонки.

Флит сорвался с места прямо перед сердитой, жестокой стеной воды, молний и сорванных ветром камней.

Шут не заговорил снова, пока Каладин ему не подсказал.

– Сначала, – проговорил мостовик, – у Флита дела шли хорошо.

– По лугу и скалам наш Флит поспешал! Перепрыгивал камни, под ветви нырял. Ноги его пятном размывались, и лучики солнца в душе распускались. Огромный сверхшторм кружил, бушевал, но прочь от него наш Флит убегал! Он вел эту гонку, а ветер за ним. Докажет ли Флит, что шторм победим? Бежит по

земле он уверенно, быстро, остался уже Алеткар позади. Но Флита ждало впереди испытание – горы поднялись на трудном пути. Шторм накатил, шторм заревел – настичь Скорохода шанс углядел. Лезет наш Флит к пикам морозным, по зыбкой тропе, через обрыв. Склоны круты и горы высоки, сможет ли он сохранить свой отрыв?

– Конечно же нет, – сказал Каладин. – Никогда нельзя оставаться впереди долгое время.

– О нет! Шторм уже наступает на пятки. Флит шеей его холодок ощущал. Крылья мороза, дыхание ночи, глас, камни дробящий, в дожде грохотал.

Каладин смог это ощутить. Ледяная вода, просачивающаяся сквозь одежду. Ветер, хлещущий по коже. Рев, такой громкий, что вскоре он не мог вообще ничего услышать.

Он был там. Он чувствовал.

– Но он добрался до конца, вершины ледяной достиг! Подъем для Флита завершен, он перебрался через пик. Былую прыть Флит приобрел, легко спускаться вниз да вниз. А шторм остался позади, над Флитом солнца диск повис. На запад держит путь герой, его шаги лишь шире. Остались горы позади – теперь наш Флит в Азире.

– Но он слабел, – проговорил Каладин. – Никто не может убежать так далеко и не устать. Даже Флит.

– Но гонка есть гонка, стали ноги как тряпки, ими теперь так тяжело ступать. Флит Скороход с хрипом втягивал воздух, горло в огне, нечем дышать. Приближался конец, шторм побеждал, но потихоньку герой наш бежал.

– Очередные горы, – прошептал Каладин. – Шиновар.

– Последний барьер встает на пути – ужасная тень, от нее не уйти. Вздывается снова земля среди вершин – Туманные горы, хранящие Шин. И сзади оставив и ветер, и шторм, Флит вновь круто вверх начинает подъем.

– Шторм наверстал упущенное.

– Шторм снова в спину задышал, и ветер лишь сильнее кружит! Конец уж близок, но, не дрогнув, чрез горы дальше мчится Флит.

– Его почти настигли. Даже начав спускаться вниз по другую сторону гор, он не мог сильно оторваться.

– Он перешел вершины гор, но преимущества не стало. Совсем недолго до конца, хватило б сил, их слишком мало. За шагом шаг, с трудом и с болью, огонь в груди не затихает. Мертва трава в низине шинской, под землю даже не ныряет. Через горы пройдя, ослабел и сверхшторм. Растрочены молнии, кончился гром, лишь слабые капли скользят по домам. Ведь здесь Шиновар, здесь не рады штормам. Виднеется море – гонки финал. Мышцы свело, Флит застонал. В глазах потемнело, ноги сплелись, навстречу с судьбой Флит спешит – берегись! Конец всем известен и в памяти жив, потряс он людей, а тебя? Расскажи.

Музыка, но без слов. Шут ждал, пока Каладин заговорит.

«Ну, хватит», – подумал мостовик.

– Он умер. Не справился. Конец.

Музыка внезапно оборвалась. Каладин открыл глаза, посмотрев в сторону Шута. Рассердится ли он из-за того, что Каладин так плохо закончил историю?

Шут пристально смотрел на него, по-прежнему сжимая инструмент на коленях. Он не казался сердитым.

– Значит, ты и правда знаешь эту историю, – сказал он.

– Что? Я решил, что ты ее выдумал.

– Нет, ты это сделал.

– Тогда какой в ней смысл?

Шут улыбнулся.

– Все известные истории уже рассказывали прежде. Мы рассказываем их сами себе, как и любой из живших до нас. Как и любой, кто будет жить позже. Единственное, что меняется, – имена.

Каладин сел и начал барабанить пальцем по каменному блоку скамьи.

– Так... Флит. Он существовал на самом деле?

– Так же, как я сам, – ответил Шут.

– И он умер? – спросил Каладин. – Прежде чем смог закончить гонку?

– Он умер.

Шут улыбнулся.

– Что?

Шут снова набросился на инструмент. Музыка разрывала маленькое помещение. Каладин поднялся на ноги, когда ноты достигли новых высот.

– На землю, покрытую грязью и сором, – прокричал Шут, – пал наш герой и не шелохнется! Силы растратил, лежит истощенный, героем быть больше не доведется. Приблизился шторм и нашел Скорохода. Недвижимый, замер у тела его! Дождь лил как безумный, ветра задували не в силах поделаться совсем ничего. Ради славы священной, целей заветных, ради жизни самой каждый должен понять, что нужно стремиться, что нужно пытаться, что нужно стараться свой путь отыскать. Флит Скороход бежал что есть мочи, и в гонке свершившейся ветер узрел, что пусть проиграл человек, но поверил в возможность, в мечту, испытал свой предел!

Каладин медленно подошел к решетке. Даже с открытыми глазами он видел, представлял себе эту картину.

– Вот так в той земле, необычной, далекой, сам шторм наш герой остановил. Пока, будто слезы, дождь проливался, Флит не заканчивать гонку решил. Его тело мертво, но воля жива, и на легких ветрах воспарила душа. На крыльях напева ушедшего дня к рассвету за море летела она, чтоб выиграть гонку, восход объявить. Свободно дышал, ликовал быстрый Флит. Навеки свободен, проворен, силен, он состязаться с ветрами рожден.

Каладин опустил ладони на прутья решетки. Музыка звучала еще какое-то время, а затем смолкла.

Мостовик помедлил, пока музыкант смотрел на свой инструмент с гордой улыбкой на губах. В конце концов Шут сунул его под мышку, забрал мешок и меч и направился к выходу.

– Что все это значит? – прошептал Каладин.

– Твоя история. Тебе решать.

– Но ты ее уже знаешь.

– Я знаю большинство историй, но никогда не пел эту прежде. – Шут оглянулся, улыбнувшись. – Что она означает, Каладин из Четвертого моста? Каладин Благословленный Штормом?

– Шторм его настиг, – сказал Каладин.

– В конечном итоге шторм настигает всех. Разве это имеет значение?

– Не знаю.

– Хорошо. – Шут прикоснулся мечом ко лбу, будто в знак уважения. – Тогда у тебя есть, над чем подумать.

И ушел.

Карта Штормпоста



*Репродукция мозаики, предположительно
иллюстрирующей город Штормпост.*



Ты отказался от драгоценного камня теперь, когда он мертв? И больше не прячешься за именем своего старого хозяина? Мне сказали, что в нынешнем воплощении ты взял имя, которое ссылается на то, что, по твоему мнению, является одной из твоих добродетелей.

– Ага! – воскликнула Шаллан.

Она пробралась через пуховую постель, с каждым движением утопая почти по шею, и свесилась с края. Девушка начала рыться в стопках бумаг на полу, отбрасывая в сторону не относящиеся к делу листы.

Наконец она нашла нужный и подняла его, откидывая волосы с глаз и убирая их за уши. На листе была карта, одна из тех старинных карт, о которых говорила Джасна. Потребовалась вечность, чтобы найти на Разрушенных равнинах торговца, у которого имелась копия.

– Смотри, – сказала Шаллан, держа ее рядом с современной картой тех же территорий, собственноручно скопированной ею со стены Амарама.

«Ублюдок», – отметила она про себя.

Шаллан повернула карты так, чтобы Узор, украшавший стену над изголовьем ее кровати, мог их видеть.

– Карты, – проговорил он.

– Закономерность! – воскликнула Шаллан.

– Я не вижу закономерности.

– Смотри прямо сюда, – сказала она, придвигаясь к стене. – На этой старой карте территория называется...

– Натанатан, – прочитал Узор и тихо загудел.

– Одно из Серебряных королевств, – пояснила Шаллан. – Основанное самими Герольдами ради божественных целей и бла-бла. Но посмотри. – Она ткнула в страницу пальцем. – Столица Натанатана, Штормпост. Если бы ты рассуждал, где можно отыскать его развалины, сравнивая эту старую карту с картой Амарама...

– Они находились бы где-то в тех горах, – подхватил Узор, – между названием «Тень рассвета» и «Н» в Ничейных холмах.

– Нет-нет, – возразила Шаллан. – Пофантазируй немного! Старая карта ужасно неточная. Штормпост был прямо здесь, на Разрушенных равнинах.

– Карта говорит совсем другое, – прогудел Узор.

– Довольно близко.

– Это не закономерность, – сказал он обиженно. – Люди... Вы не понимаете закономерностей. Прямо как сейчас. Вторая луна. По ночам в это время ты спишь. Но не сегодня ночью.

– Сегодня я не могу спать.

– Пожалуйста, побольше информации, – произнес Узор. – Почему не сегодня ночью? Из-за дня недели? Ты всегда не спишь в джесел? Или из-за погоды? Стало слишком тепло? Положение лун относительно...

– Ничего из перечисленного, – ответила Шаллан, пожав плечами. – Я просто не могу спать.

– Но, несомненно, твое тело на это способно.

– Возможно. Но не моя голова. В ней плещется слишком много мыслей, как волны о скалы. Скалы, которые... я полагаю... тоже в моей голове. – Шаллан вскинула голову. – Думаю, по этой метафоре не скажешь, что я отличаюсь умом.

– Но...

– Больше не жалуйся, – сказала девушка, поднимая палец. – Сегодня ночью я занимаюсь наукой.

Она положила страницу на кровать и перегнулась через край, выуживая несколько других листков.

– Я не жаловался, – пожаловался Узор. Он передвинулся вниз, на кровать рядом с ней. – Я не очень хорошо помню, но разве Джасна не пользовалась письменным столом, когда... «занималась наукой»?

– Письменные столы для зануд, – объяснила Шаллан. – И для тех, у кого нет мягких кроватей.

Нашлась бы для нее в лагере Далинара такая шикарная кровать? Скорее всего, ее бы ждал меньший объем работы. Шаллан наконец закончила разбирать личные финансовые отчеты Себариаала и была почти готова представить ему их с комплектом приведенных в относительный порядок бухгалтерских книг.

В порыве внезапного озарения она вытащила копию одной из страниц с цитатами об Уритиру – о его возможных богатствах и связи с Разрушенными равнинами – из других сообщений, которые собиралась отправить Палоне. Внизу Шаллан подписала: «Среди записей Джасны Холин есть указания о ценностях, спрятанных на Разрушенных равнинах. Буду держать вас в курсе моих открытий». Если Себариаал подумает, что помимо поиска гемсердец на равнинах существуют другие возможности, она, вероятно, сможет заставить его взять ее туда вместе с армией в случае, если Адолин не исполнит своего обещания.

К несчастью, со всеми этими приготовлениями у нее осталось мало времени на исследования. Возможно, поэтому она не могла спать.

«Было бы легче, – подумала Шаллан, – если бы Навани согласилась со мной встретиться».

Она в очередной раз отправила матери короля послание и получила ответ, что Навани занята заботами о Далинаре, который слег с болезнью. По-видимому, ничего опасного для жизни, но он на несколько дней отошел от дел, чтобы выздороветь.

Винила ли ее тетя Адолина в неудачно составленных условиях поединка? После того, что Адолин решил сделать на прошлой неделе... Ну, по крайней мере, его занятость позволила Шаллан найти время для чтения и размышлений об Уритиру. Хоть что-то, кроме беспокойства о братьях, все еще не ответивших на ее письма, в которых она предлагала им уехать из Джа Кеведа.

– Я считаю, что спать – очень странно, – сказал Узор. – Я знаю, что этим занимаются все существа в физической реальности. Ты находишь сон приятным? Ты боишься небытия, но разве бессознательное состояние не то же самое?

– Сон – всего лишь временное явление.

– А, так ты не волнуешься по этому поводу, потому что по утрам к тебе каждый раз возвращается способность мыслить.

– Ну, зависит от человека, – рассеянно ответила Шаллан. – Для многих «способность мыслить» – слишком громко сказано...

Узор загудел, пытаясь проанализировать в уме ее слова. Наконец он зажужжал с похожей на смех интонацией.

Шаллан вопросительно посмотрела на него.

– Я предположил, что сказанное тобой является юмором, – произнес спрен. – Хотя не знаю почему. Это не шутка. Я знаю шутки. Солдат вернулся в лагерь после того, как ходил к проституткам. Друзья спросили его, хорошо ли он провел время. Он ответил, что нет. Они спросили почему. Он сказал, что, когда поинтересовался у женщины, сколько она стоит, та ответила: «Марку, на худой конец полмарки». Он сказал друзьям, что не знал о том, что они теперь берут плату в зависимости от размера.

Шаллан скривилась.

– Ты слышал ее от людей Ватаха, так?

– Да. Это забавно, потому что «на худой конец» обозначает «в крайнем случае», а также еще кое-что на солдатском сленге, и парень подумал, что ему придется отдать целую марку, так как у него...

– Все, спасибо, – сказала Шаллан.

– Та шутка, – продолжил Узор. – Я понимаю, почему она забавна. Ха-ха. Так же и с сарказмом. Ты замещаешь ожидаемый результат на чрезвычайно не ожидаемый, и юмор заключается в сопоставлении. Но что забавного в том твоём комментарии?

– Теперь уже не факт, что он вообще был забавным...

– Но...

– Узор, ничто так не портит шутку, как объяснение, в чем заключается юмор, – пояснила Шаллан. – У нас есть более важные предметы для обсуждения.

– М-м-м... Например, почему ты забыла, как научить образы произносить звуки? Однажды ты это сделала, давно.

...

Шаллан моргнула и подняла современную карту.

– Столица Натанатана находилась здесь, на Разрушенных равнинах. Старые карты вводят в заблуждение. Амарам заметил, что паршенди пользуются искусно выполненным оружием, изготовление которого выходит далеко за пределы их умений. Откуда они его берут? Из развалин города, который когда-то был там.

Шаллан порылась в кипе бумаг и достала карту самого города, взятую из купленной книги. На ней не была показана окружающая территория – только город, причем довольно неточно. Шаллан считала, что карта – одна из тех, на которые ссылались Джасна в своих заметках.

Торговец, у которого она ее купила, утверждал, что карта очень древняя и является копией копии из книги в Азире, в которой якобы имелся рисунок мозаики, изображающей Штормпост. Мозаика больше не существовала – многое из того, что оставалось в темные дни, дошло такими фрагментами, как этот.

– Ученые отвергают идею о том, что Штормпост располагался здесь, на Разрушенных равнинах, – сказала Шаллан. – Они говорят, что кратеры военных лагерей не соответствуют описаниям города. По их предположениям руины должны быть скрыты в горах, как ты и отметил. Но Джасна с ними не

соглашалась. Она указывала на то, что на самом деле немногие ученые бывали здесь лично, и территория в целом плохо изучена.

– М-м-м, – прогудел Узор. – Шаллан...

– Я согласна с Джасной, – сказала Шаллан, отворачиваясь от него. – Штормпост не был большим городом. Он мог находиться посередине Разрушенных равнин, а те кратеры, вероятно, что-то еще... Амарам говорит, что, по его мнению, здесь когда-то могли располагаться купола. Я задаюсь вопросом, возможно ли вообще что-то подобное... Они были бы такими большими... Во всяком случае, это мог быть пригород или что-то наподобие.

Шаллан почувствовала, что приближается к разгадке. В записях Амарамы говорилось главным образом о попытках встретиться с паршенди, расспросить их о Несущих Пустоту и о том, как их вернуть. Однако он упоминал и Уритиру и, похоже, пришел к тем же заключениям, что и Джасна: в древнем Штормпосте мог находиться путь к Уритиру, в котором, в свою очередь, располагались своего рода зал совета для десяти монархов Серебряных королевств и престолы для каждого из них.

Вот почему на картах священный город помещался каждый раз в разное место. Было бы нелепо идти туда пешком; требовалось просто добраться до ближайшего города с Клятвенными воротами и использовать их.

«Он ищет здесь информацию, – подумала Шаллан. – Так же, как и я. Но он хочет вернуть Несущих Пустоту, а не сражаться с ними. Почему?»

Она держала старинную карту Штормпоста, скопированную с мозаики. Карта была выполнена в художественном стиле и не имела конкретных обозначений таких понятий, как расстояние или местоположение. Пока Шаллан оценивала первое, второе по-настоящему разочаровывало.

«Здесь ли вы? – подумала она. – Тайна равнин, Клятвенные ворота? На этом ли возвышении, как думала Джасна?»

– Разрушенные равнины не всегда были разрушены, – прошептала Шаллан сама себе. – Вот что упустили все ученые, кроме Джасны. Штормпост пал во время последнего Опустошения, но оно случилось так давно, что никто не может рассказать, как все произошло. Пожар? Землетрясение? Нет. Нечто более ужасное. Город оказался разбит, как столовая посуда под ударами молота.

– Шаллан, – позвал Узор, придвигаясь к ней. – Я знаю, что ты забыла многое из того, что когда-то произошло. Та ложь привлекла меня. Но ты не можешь так продолжать, ты должна признать правду обо мне. О том, на что я способен и что мы сделали. М-м-м... Больше того, ты должна узнать саму себя. И вспомнить.

Шаллан села, скрестив ноги на чересчур роскошной кровати. Воспоминания пытались выбраться наружу из глубин ее памяти. Те воспоминания всегда приводили к одному – окровавленному ковру. И ковер... Нет.

– Ты хочешь помочь, – продолжил Узор. – Хочешь подготовиться к Вечному Шторму, к необычным спремам. Ты должна стать кем-то другим. Я пришел не просто для того, чтобы учить тебя шалостям со светом.

– Ты пришел, чтобы учиться, – ответила Шаллан, уставившись на карту. – Ты так сказал.

– Я пришел учиться. «Мы» возникло для чего-то большего.

– Ты бы хотел, чтобы я перестала смеяться? – требовательно спросила она, сдерживая внезапно подступившие слезы. – Ты бы хотел, чтобы я стала покалеченной? Вот что могут сделать со мной те воспоминания. Я смогла стать той, кто я есть, потому что запрятала их как можно дальше и забыла о них.

Перед ней сформировался порожденный штормсветом образ, созданный инстинктивно. Ей не понадобилось предварительно рисовать, она знала его слишком хорошо.

Образ ее самой. Шаллан, какой она должна была стать. Свернувшись калачиком на кровати, не в силах плакать, потому что слезы давно кончились. Та девочка... не женщина, а девочка... вздрагивала каждый раз, когда начинала говорить. Она ожидала, что все будут на нее кричать. Она не могла смеяться, потому что смех был вытеснен из ее детства мраком и болью.

Такова настоящая Шаллан. Она знала это так же точно, как свое собственное имя. Та, кем она стала взамен, – ложь, придуманная ради выживания. Чтобы помнить себя ребенком, исследующим свет в саду, узоры на каменной кладке и сны, ставшие реальностью...

...

– М-м-м-м... Такая глубокая ложь, – прошептал Узор. – Действительно глубокая ложь. Но все равно ты должна обрести свои способности. Учись заново, если необходимо.

– Ладно, – ответила Шаллан. – Но если мы делали это раньше, разве ты не можешь просто рассказать мне, в чем суть?

– Моя память слаба. Я так долго находился в оцепенении, был почти мертвым. М-м-м. Не мог говорить.

– Да уж, – ответила Шаллан, вспоминая его вертящимся на земле и бегающим по стене. – Хотя ты был вполне милым.

Она прогнала образ напуганной, съезжившейся, хнычущей девочки, а затем достала рисовальные принадлежности. Девушка постучала карандашом по губам и набросала несложное изображение Вейль, темноглазой мошенницы.

Вейль не являлась Шаллан. Черты их лиц достаточно отличались, чтобы они показались разными людьми тому, кто увидел бы обеих. Тем не менее в Вейль проглядывала сама Шаллан. Вейль стала ее темноглазой, смуглокожей алетиверсией – на несколько лет старше, с более заостренным носом и подбородком.

Закончив рисунок, Шаллан выдохнула штормсвет и создала образ. Он появился рядом с кроватью, сложив руки, и с таким уверенным видом, как мастер-дуэлянт предстает перед ребенком с палкой.

Звук. Как заставить его звучать? Узор называл это силой, частью волны Иллюминации, или, по крайней мере, как-то похоже. Шаллан расположилась на кровати, поджав одну ногу, и стала рассматривать Вейль. В течение следующего часа девушка перепробовала все, что только могла придумать, начиная с того, что напрягалась и сосредотачивалась, и заканчивая попытками изобразить звуки, чтобы заставить их появиться. Ничего не сработало.

Наконец она встала с кровати и пошла за бутылкой вина, охлаждающейся в ведре в соседней комнате. Однако, дойдя туда, Шаллан ощутила внутри себя напряжение. Она бросила взгляд через плечо в спальню и увидела, что образ Вейль начал расплываться, словно смазанные карандашные линии.

Бездна, как неудобно. Поддержание иллюзии требовало от Шаллан обеспечить контакт с источником штормсвета. Она вернулась в комнату и поместила сферу на полу, внутри ступни Вейль. Когда Шаллан отошла, иллюзия по-прежнему оставалась размытой, как готовый лопнуть мыльный пузырь. Девушка повернулась и, уперев руки в бедра, уставилась на ставшую нечеткой версию Вейль.

– Вот досада!

Узор загудел.

– Мне жаль, что твои таинственные божественные силы не срабатывают немедленно, как тебе хотелось бы.

Шаллан повела бровью.

– Я думала, что ты не понимаешь юмор.

– Понимаю. Я только что объяснил, что... – Он немного помолчал. – Я был забавным? Сарказм. Я был саркастичным. Случайно!

Узор казался удивленным, даже радостным.

– Полагаю, ты учишься.

– Это из-за связи, – объяснил он. – В Шейдсмаре я не общался таким образом, таким... человеческим способом. Наше общение позволяет мне проявляться в физической реальности сильнее, чем просто бессмысленным проблеском. М-м-м-м. Оно связывает меня с тобой, помогает мне общаться, как ты. Очаровательно. М-м-м-м.

Узор походил на трубящую громгончую, полностью довольный. И тогда Шаллан кое-что заметила.

– Я не свечусь, – сказала она. – Во мне много штормсвета, но я не свечусь.

– М-м-м... Большая иллюзия трансформирует волну во что-то другое. Вытягивает твой штормсвет.

Шаллан кивнула. Штормсвет, который она удерживала, подпитывал иллюзию. Его избыток, который обычно рассеивался над кожей, вытягивался из ее тела. Это могло оказаться полезным. Когда Узор передвинулся к кровати, ближайший к нему локоть Вейль стал более отчетливым.

Шаллан нахмурилась.

– Узор, придвинься к образу.

Он подчинился и пополз через покрывало на кровати к Вейль. Та стала отчетливее. Не полностью, но его присутствие сделало разницу заметной.

Шаллан подошла, и ее близость заставила очертания иллюзии обрести четкость полностью.

– Ты можешь удерживать штормсвет? – спросила Шаллан.

– Я не... Я имею в виду... *Вложение* – вовсе не то, чем я...

– Вот так, – проговорила она, надавив на Узор рукой и заглушив его слова до раздраженного жужжания.

Странное ощущение, как будто она поймала рассерженного крэмлинка под простыней. Девушка направила в него немного штормсвета и отняла руку. От Узора поднимались светящиеся завитки, похожие на пар от нагревательного фабриала.

– Мы связаны, – сказала Шаллан. – Моя иллюзия – это твоя иллюзия. Пойду налью себе вина. Посмотрим, сможешь ли ты удержать образ от распада.

Она вышла в гостиную и улыбнулась. Узор, все еще раздраженно жужжа, спустился на пол. Его не было видно – мешала кровать – но Шаллан полагала, что он подобрался к ступне Вейль.

Сработало. Иллюзия не исчезла.

– Ага! – воскликнула она.

Шаллан налила себе вина, вернулась в спальню и мягко опустилась на кровать – плюхаться на нее с чашей красного вина не казалось благоразумным. Девушка посмотрела на пол, туда, где под Вейль сидел Узор, видимый из-за сияния штормсвета.

«Нужно принять его в расчет, – подумала Шаллан. – Формировать иллюзии так, чтобы он мог в них прятаться».

– Получилось? – спросил Узор. – Как ты узнала, что может сработать что-то подобное?

– Я не знала. – Шаллан сделала глоток вина. – Я предположила.

Она сделала еще один глоток, Узор загудел. Джасна бы не одобрила.

«Наука требует ясного ума и внимательности в ощущениях. И то, и другое не ладят с алкоголем».

Шаллан махом допила остатки вина.

– Вот так, – проговорила она, потянувшись вниз.

Следующий шаг получился инстинктивно. У нее была связь с иллюзией и связь с Узором, таким образом...

Порцией штормсвета Шаллан прикрепила иллюзию к Узору, как она часто скрепляла ее с собой. Его свечение уменьшилось.

– Пройдись, – сказала она.

– Я не умею ходить... – ответил Узор.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Узор сдвинулся, и образ переместился вместе с ним. К сожалению, не слишком похоже на ходьбу. Образ всего лишь скользил подобно свету, отражающемуся в ложке, которую лениво вертят в руках. После стольких неудач в попытках извлечь звуки из одного из своих творений другое открытие показалось Шаллан значительной победой.

Можно ли заставить образ двигаться более естественно? Она уселась с альбомом и начала рисовать.



Полтора года назад

Шаллан стала прекрасной дочерью.

Она сохраняла спокойствие, особенно в присутствии отца. Большинство дней проводила в своей комнате, сидя у окна, раз за разом читая одни и те же книги или снова и снова рисуя одни и те же предметы. К тому времени отец уже несколько раз подтверждал обещание не трогать ее, если она его рассердит.

Вместо нее он бил других.

Только когда он не мог ее слышать, наедине с братьями, Шаллан позволяла себе сбросить маску. Трое братьев часто уговаривали ее – на грани безрассудства – рассказать им истории из книг. Только для них она придумывала шутки, насмеялась над гостями отца и сочиняла нелепые сказки у камина.

Такой ничтожный способ дать отпор. Она чувствовала себя трусихой от того, что не делала ничего больше. Но, конечно... теперь все станет лучше. В самом деле, теперь, когда арденты больше задействовали Шаллан в своих расчетах, она заметила, что другие светлоглазые прекратили задира́ть отца, и то, с какой дальновидностью он начал заставлять их играть друг против друга. Он произвел на нее впечатление, но и испугал тем, как захватил власть. Благосостояние отца изменилось еще больше, когда на его землях открыли новое

месторождение мрамора, обеспечивающее ресурсы для поддержания его обещаний, а также взяток и сделок.

Несомненно, случившееся должно было заставить его смеяться снова. Несомненно, из его глаз должна была исчезнуть тьма.

Но этого не произошло.

– Она слишком низкого происхождения для того, чтобы вы поженились, – сказал отец, поставив кубок на стол. – Я такого не потерплю, Балат. Разорви отношения с той девушкой.

– Она из хорошей семьи! – воскликнул Балат, вставая и опираясь ладонями о стол.

Разговор произошел во время ланча, и предполагалось, что Шаллан должна присутствовать на нем, а не сидеть взаперти в своей комнате. Она сидела в боковой части зала, за собственным столом. Балат стоял напротив отца с другой стороны высокого стола.

– Отец, они твои вассалы! – вскричал Балат. – Ты сам приглашал их к нам на ужин.

– Мои громгончие едят у моих ног, – ответил отец. – Я ведь не позволяю своим сыновьям ухаживать за ними. Дом Тавинар недостаточно честолюбив для нас. А вот что касается Суди Валам, над этим стоит поразмыслить.

Балат нахмурился.

– Дочь кронпринца? Ты серьезно? Ей за пятьдесят!

– Она не замужем.

– Потому что ее муж погиб на дуэли! В любом случае кронпринц никогда не одобрит такой брак.

– Его мнение о нас изменится, – сказал отец. – Теперь мы богатая семья, с большим влиянием.

– Но глава семьи по-прежнему убийца, – огрызнулся Балат.

«Это чересчур!» – подумала Шаллан.

С другой стороны от отца Льюиш переплел перед собой пальцы. Лицо нового управляющего походило на поношенную перчатку, помятую и сморщенную в местах наибольшего употребления – прежде всего, морщины от того, что он хмурился.

Отец медленно поднялся. Его новый гнев, холодный гнев, ужасал Шаллан.

– Твои новые щенки громгончей, – сказал он Балату. – Как ужасно, что они подхватили болезнь во время последнего свержения. Трагично. Жаль, конечно, что от них придется избавиться.

Он махнул рукой, и один из новых охранников, человек, которого Шаллан плохо знала, вышел, на ходу вытаскивая меч из ножен.

Шаллан стало очень холодно. Даже Льюиш забеспокоился, положив руку отцу на предплечье.

– Ты ублюдок, – сказал Балат, бледнея. – Я...

– Ты что, Балат? – спросил отец, стряхнув руку Льюиша и наклонившись к сыну. – Давай же. Скажи. Бросаешь мне вызов? Не думай, что я не убью тебя, если ты это сделаешь. Виким, может быть, и жалкая развалина, но он послужит нуждам нашего дома так же хорошо, как и ты.

– Хеларан вернулся, – ответил Балат.

Отец застыл, опустив руки на стол.

– Я видел его два дня назад, – продолжил Балат. – Он послал за мной, и я выехал, чтобы встретиться с ним в городе. Хеларан...

– Я запретил произносить его имя в моем доме! – воскликнул отец. – Я серьезно, нан-Балат! Не смей!

Балат встретился с пристальным взглядом отца, и Шаллан насчитала десять ударов сердца, прежде чем брат опустил глаза и отвел взгляд в сторону.

Отец сел. Он выглядел опустошенным, когда Балат вышел из комнаты. Зал погрузился в абсолютное молчание. Шаллан была слишком напугана, чтобы заговорить. Наконец отец встал, отодвинув кресло, и удалился. За ним последовал Льюиш.

Шаллан осталась одна со слугами. Она робко поднялась и пошла за Балатом.

Брат нашелся на псарне. Охранник быстро выполнил поручение. Щенки из нового выводка Балата лежали мертвыми в луже фиолетовой крови на каменном полу.

Шаллан поощряла желание Балата разводить их. На протяжении многих лет он успешно боролся со своими демонами и редко причинял вред кому-то крупнее кремлинга. Теперь юноша сидел на ящике, в ужасе разглядывая маленькие трупы. На земле рядом с ним мельтешили спрены боли.

Металлические ворота псарни заскрипели, когда Шаллан толкнула их, чтобы войти внутрь. Подойдя ближе к жалким останкам, она зажала рот безопасной рукой.

– Охранники отца, – сказал Балат. – Похоже, они лишь ждали случая сделать что-то подобное. Мне не нравится их новый состав. Леврин со злыми глазами и Рин... Он пугает меня. Что случилось с Теном и Билом? С теми солдатами можно было пошутить. Они вели себя почти как друзья...

Шаллан опустила ладонь на его плечо.

– Балат. Ты в самом деле видел Хеларана?

– Да. Он попросил, чтобы я никому не рассказывал. Предупредил меня, что на этот раз, когда он уедет, может вернуться не скоро. Он сказал мне... сказал мне присматривать за семьей. – Балат уронил голову на руки. – Я не могу быть им, Шаллан.

– Тебе и не нужно.

– Он смелый. И сильный.

– Он нас покинул.

Балат посмотрел на нее, по его щекам бежали слезы.

– Возможно, он был прав. Возможно, это единственный путь, Шаллан.

– Покинуть наш дом?

– Чем все закончится? – спросил Балат. – Ты проводишь каждый день взаперти, выходя, только чтобы отец мог выставить тебя напоказ. Джушу вернулся к азартным играм – ты знаешь, что это так, даже если он стал вести себя умнее. Виким твердит о вступлении в ряды ардентов, но я не уверен, отпустит ли его отец. Он использует Викима в качестве страховки.

К несчастью, возразить было нечего.

– Куда нам идти? – спросила Шаллан. – У нас ничего нет.

– Но здесь у меня тоже ничего нет. Я не собираюсь отказываться от Эйлиты, Шаллан. Она – единственное, что есть в моей жизни прекрасного. Если мы должны уехать жить в Веденар как представители десятого дана, а мне придется работать охранником в доме или заниматься чем-то подобным, мы это сделаем. Разве такая жизнь не кажется тебе лучше теперешней?

Балат указал на мертвых щенков.

– Возможно.

– Ты поедешь со мной? Если я заберу Эйлиту и уеду? Ты могла бы стать писцом. Выбрать собственный путь, быть независимой от отца.

– Я... Нет, мне нужно остаться.

– Почему?

– Что-то завладело отцом, что-то ужасное. Если мы все уедем, то отдадим его на растерзание. Кто-то должен ему помочь.

– Почему ты так его защищаешь? Ты же знаешь, что он сделал.

– Он этого не делал.

– Ты не можешь вспомнить, – проговорил Балат. – Ты много раз рассказывала мне о пробелах в памяти. Ты увидела, как он ее убил, но не захотела признать, что стала свидетельницей такого поступка. Шторма, Шаллан. Ты так же сломлена, как Виким и Джушу. Как... как и я временами...

Шаллан стряхнула с себя оцепенение.

– Не имеет значения. Если ты уедешь, то возьмешь с собой Викима и Джушу?

– Не могу себе позволить. Джушу в особенности. Нам придется жить скромно, а ему нельзя доверять... знаешь ли. Но если ты поедешь с нами, для одного из нас, возможно, будет легче найти работу. Ты пишешь и рисуешь лучше, чем Эйлита.

– Нет, Балат, – сказала Шаллан, испугавшись того, как легко какая-то ее часть хотела сказать ему «да». – Я не могу. Особенно если Джушу и Виким останутся здесь.

– Понятно, – ответил он. – Может... может быть, есть другой выход. Я подумаю.

Шаллан оставила его на псарне, беспокоясь о том, что отец может найти ее здесь и что это его огорчит. Она вошла в особняк, но не могла отделаться от чувства, будто пытается удержать рассыпающийся ковер, в то время как десяток людей вытаскивает из него нити.

Что случится, если Балат уедет? Он отступился от борьбы с отцом, но, по крайней мере, пытался сопротивляться. Виким просто делал то, что ему говорили, а Джушу по-прежнему бездельничал.

«Мы должны просто выдержать, – подумала Шаллан. – Прекратить провоцировать его, позволить ему расслабиться. Тогда он снова станет самим собой...»

Она поднялась по лестнице и прошла мимо двери отца. Та оказалась чуть-чуть приоткрыта; Шаллан услышала голоса внутри.

– ...найти его в Валате, – произнес отец. – Нан-Балат заявил, что встретился с братом в городе, и, по всей видимости, имел в виду именно его.

– Будет сделано, светлорд.

Этот голос. Рин, капитан новых охранников отца. Шаллан отступила и заглянула в комнату. Сейф отца сиял из-за картины на задней стене, яркий свет пробивался сквозь холст. Для нее он был почти ослепляющим, хотя мужчины в комнате, похоже, его не видели.

Рин поклонился отцу, придерживая меч рукой.

– Принеси мне его голову, Рин, – сказал отец. – Я хочу увидеть ее собственными глазами. Он тот, кто может все разрушить. Преподнеси ему сюрприз, убей его до того, как он сможет призвать Клинок. Его оружие перейдет к тебе как плата на время, пока ты будешь служить дому Давар.

Шаллан бросилась прочь от двери, не дожидаясь, пока отец поднимет голову и увидит ее. Хеларан. Отец только что распорядился убить Хеларана.

«Я должна что-то сделать. Я должна его предупредить. Как? Может ли Балат связаться с ним снова?»

– Как ты смеешь, – произнес женский голос.

Последовало ошеломленное молчание. Шаллан осторожно вернулась, чтобы заглянуть в комнату. Мализа, ее мачеха, стояла в дверном проеме между спальней и гостиной. Маленькая, пухленькая женщина прежде никогда не

казалась Шаллан грозной. Но сегодня шторм на ее лице мог бы напугать белоспинника.

– Твой собственный сын, – сказала Мализа. – У тебя нет совести? У тебя нет жалости?

– Он больше мне не сын, – прорычал отец.

– Я поверила в твою историю о моей предшественнице, – проговорила Мализа. – Поддержала тебя. Жила в этом доме, над которым нависла туча. А теперь я слышу такое? Одно дело – бить слуг, но лишить жизни своего собственного сына?

Отец что-то прошептал Рину. Шаллан подскочила и едва успела добежать по коридору до своей комнаты, когда из покоев отца вышел мужчина и со щелчком закрыл за собой дверь.

Шаллан заперлась в своей комнате, когда Мализа и отец начали яростно, гневно кричать друг на друга. Свернувшись калачиком на кровати, она пыталась заглушить звуки подушкой. Когда девушка решила, что все закончилось, она убрала подушку.

Отец выскочил в коридор.

– Почему никто в этом доме не подчиняется? – кричал он, топоча по лестнице. – Ничего бы не случилось, если бы только вы все подчинялись.



Подозреваю, это немного похоже на сунса, названного так из-за его вони.

В камере Каладина продолжалась жизнь. Несмотря на то, что для тюрьмы условия были прекрасными, он обнаружил, что мечтает вернуться в повозку работорговца. Там можно хотя бы любоваться пейзажем. Свежий воздух, ветер, случайное омовение во время дождя уходящего сверхшторма. Жизнь, конечно, была не так уж хороша, но это лучше, чем сидеть взаперти всеми забытым.

На ночь сферы забирали, оставляя его в темноте. Каладин ловил себя на том, что ему представлялось, будто он сидит где-то глубоко под землей, над головой мили камня, нет пути наружу и ни одного шанса на спасение. Он не мог

представить худшей смерти. Лучше быть зарезанным на поле боя, устремив взгляд в синее небо, пока твоя жизнь утекает прочь.

Его разбудил свет. Мостовик вздохнул и уставился в потолок, пока охранники – светлоглазые солдаты, которых он не знал, – меняли сферы в лампах. День за днем все здесь повторялось, шторм побери. Он просыпался при слабом свете сфер и только сильнее желал увидеть солнце. Пришла служанка с завтраком. Каладин передвинул ночной горшок поближе к отверстию в решетке. Женщина вытащила его, царапнув по камню, и заменила на чистый.

Она поспешила уйти. Он пугал ее. Застонав от боли в затекших мышцах, Каладин сел и стал изучать еду. Лепешки, начиненные бобовой пастой. Он встал, отмахнувшись от нескольких странных спренов, похожих на натянутую, скрещенную перед ним проволоку, и заставил себя сделать серию отжиманий. Если заключение продлится слишком долго, поддерживать тело в форме станет трудно. Возможно, он попросит несколько камней для тренировки.

«Неужели именно это произошло с бабушкой и дедушкой Моаша? – спросил себя Каладин, принимаясь за еду. – Ждали суда до тех пор, пока не умерли в тюрьме?»

Мостовик уселся обратно на скамью, откусывая от лепешки. Вчера бушевал сверхшторм, но, изолированный в своей камере, Каладин едва мог слышать шум бури.

Он уловил, как рядом напевает Сил, но не смог ее обнаружить.

– Сил?

Она продолжала от него прятаться.

– В поединке участвовал криптик, – тихо произнес ее голос.

– Ты упоминала о них раньше, верно? Это вид спренов?

– Отвратительный вид.

Сил помолчала.

– Но не думаю, что злой. – Ее голос был ворчливым. – Я собиралась последовать за ним, когда он убежал, но ты нуждался во мне. Когда я вернулась посмотреть, он от меня спрятался.

– Что это значит? – нахмурился Каладин.

– Криптикам нравится строить планы, – медленно произнесла Сил, как будто припоминая давно забытое. – Да... Я помню. Они обсуждают и наблюдают, но никогда ничего не делают. Но...

– Что? – спросил Каладин, поднимаясь.

– Они кого-то выискивают. Я увидела признаки. Скоро ты можешь оказаться не единственным, Каладин.

Кого-то выискивают. Чтобы выбрать волноплетом, как выбрали его. Что за Сияющий рыцарь получится при участии спренов, к которым Сил питала такое явное отвращение? Судя по всему, ему не захочется с ним знакомиться.

«О шторма, – подумал Каладин, садясь. – Если они выберут Адолина...»

От мелькнувшей мысли он ощутил тошноту. Тем не менее открытие Сил доставило странное удовольствие. Не быть единственным, даже если вторым окажется Адолин. Каладин почувствовал себя лучше, и его уныние немного уменьшилось.

Когда он заканчивал есть, из коридора донесся тяжелый удар. Открывающаяся дверь? Навещать его разрешалось только светлоглазым, хотя уже давно никто не приходил. Если не считать Шута.

«В конечном итоге шторм настигает всех...»

В помещение шагнул Далинар Холин.

Несмотря на угрюмые мысли, немедленной реакцией Каладина, вбитой в него годами, было вскочить и отсалютовать, приложив руку к груди. Перед ним находился вышестоящий офицер, его командир. Каладин почувствовал себя идиотом сразу же, как это сделал – он сидел за решеткой и приветствовал человека, отправившего его сюда?

– Вольно, – кивнул Далинар.

Широкоплечий мужчина стоял, заложив руки за спину. В Далинаре чувствовалось что-то внушительное, даже когда он оставался в расслабленном состоянии.

«Он выглядит как полководец из легенд», – подумал Каладин.

Широкое лицо и седина в волосах, надежность камня. Не кронпринц носил форму, форма носила его. Далинар Холин представлял собой тот идеал, который Каладин уже давно считал всего лишь фантазией.

– Как тебе условия размещения? – спросил кронпринц.

– Сэр? Я в тюрьме, шторм побери.

На лице Далинара показалась улыбка.

– Вижу. Успокойся, солдат. Если бы я приказал тебе неделю охранять комнату, ты бы выполнил приказ?

– Да.

– Тогда считай, что ты на дежурстве. Охраняй это помещение.

– Я позабочусь о том, чтобы никто неуполномоченный не сбежал с горшком, сэр.

– Элокар возвращается в благожелательное расположение духа. Он уже остыл и сейчас беспокоится только о том, что твое слишком поспешное освобождение будет выглядеть как его слабость. Мне нужно, чтобы ты оставался здесь еще несколько дней, затем мы составим официальное помилование и восстановим твое положение.

– Вижу, что у меня нет выбора, сэр.

Далинар подошел ближе к решетке.

– Тебе тяжело.

Каладин кивнул.

– О тебе хорошо заботятся, как и о твоих людях. Двое мостовиков все время охраняют вход в здание. Тебе не о чем тревожиться, солдат. Если ты беспокоишься о своей репутации в моих глазах...

– Сэр, – сказал Каладин. – Полагаю, что я просто не уверен в том, что король позволит мне выйти отсюда. В его правлении был случай, когда он позволил неудобным людям гнить в подземелье до тех пор, пока они не умерли.

Произнеся эти слова, Каладин не поверил в то, что они сорвались с его губ. Они прозвучали как непокорность, даже как измена. Но они ждали на кончике языка, требуя, чтобы их произнесли.

Далинар не двинулся с места, по-прежнему стоя с заложенными за спину руками.

– Ты говоришь о серебряных дел мастерах из Холинара?

Так он знал. Отец Штормов... Замешан ли Далинар? Каладин кивнул.

– От кого ты услышал о том случае?

– От одного из моих людей, – ответил Каладин. – Он знал заключенных.

– Я надеялся, что нам удастся избежать слухов, – сказал Далинар. – Но, конечно, слухи распространяются как лишайник, такой твердый, что его невозможно полностью отскрести. Случившееся с теми людьми было ошибкой, солдат. Я откровенно это признаю. С тобой такого не произойдет.

– Значит, слухи о них – правда?

– Я предпочел бы не говорить о деле Рошона.

Рошон.

Каладин вспомнил крики. Кровь на полу хирургического кабинета отца. Умирающего мальчика.

Дождливый день. День, когда один человек попытался украсть свет Каладина. И ему действительно удалось задуманное.

– Рошон? – прошептал Каладин.

– Да, незначительный светлоглазый, – вздохнул Далинар.

– Сэр, мне важно об этом знать. Ради собственного спокойствия.

Далинар оглядел его сверху донизу. Каладин просто уставился прямо перед собой, его разум... оцепенел. Рошон. Все начало разваливаться, когда Рошон прибыл в Хартстоун, чтобы стать новым лорд-мэром. До его приезда отца Каладина уважали.

Когда приехал тот ужасный человек, волоча мелочную зависть за своей спиной как плащ, мир перевернулся. Рошон распространил заразу по Хартстоуну подобно спренам гниения в грязной ране. Он стал причиной того, что Тьен отправился воевать. Он стал причиной того, что Каладин последовал за братом.

– Полагаю, я тебе задолжал, – ответил Далинар. – Но это должно остаться между нами. Рошон был мелким человеком, получившим возможность наушничать Элокару. Элокара, тогда наследного принца, поставили управлять Холинармом и присматривать за королевством, пока его отец организовывал наши первые лагеря здесь, на Разрушенных равнинах. В то время я находился... далеко. Как бы то ни было, не обвиняй Элокара. Он прислушивался к советам того, кому верил. Однако Рошон следовал собственным интересам, не заботясь об интересах трона. Он владел несколькими серебряными лавками... Ну, детали не важны. Достаточно сказать, что Рошон подтолкнул принца к нескольким ошибкам. Вернувшись, я все исправил.

– Вы позаботились о том, чтобы наказать этого Рошона? – спросил Каладин тихим голосом, чувствуя оцепенение.

– Его изгнали, – кивнул Далинар. – Элокар выдворил его в такое место, где он не смог бы принести вред кому-то еще.

Место, где он не смог бы принести вред кому-то еще. Каладин почти рассмеялся.

– Тебе есть что сказать?

– Вы не захотите узнать, о чем я думаю, сэр.

– Возможно, и нет. Но, вероятно, мне все-таки нужно это услышать.

Далинар был хорошим человеком. В чем-то действующим вслепую, но хорошим.

– Что ж, сэр, – сказал Каладин, с трудом контролируя эмоции. – Я нахожу... тревожным, что человек вроде этого Рошона, судя по всему, ответственный за смерть невинных людей, все еще не в тюрьме.

– Все не так просто, солдат. Рошон являлся одним из вассалов Садеаса, родственником влиятельных людей, чья поддержка была нам необходима. Вначале я высказывался за то, чтобы Рошона лишили ранга и сделали десятинником, что заставило бы его провести жизнь в нищете. Но такой поступок отвратил бы союзников и мог подорвать королевство. Элокар ратовал за терпимость к Рошону, и его отец согласился с ним в переписке через самоперо. Я смягчился, посчитав, что милосердие – не то чувство, к которому мне следует отбивать охоту у Элокара.

– Конечно же нет, – ответил Каладин, сжав зубы. – Хотя кажется, что в конечном итоге подобное милосердие часто приносит пользу родственникам могущественных светлоглазых и редко – кому-то более низкого положения.

Он уставился на прутья решетки между собой и кронпринцем.

– Солдат, – холодно проговорил Далинар, – считаешь ли ты, что я был несправедлив к тебе или твоим людям?

– Вы? Нет, сэр. Но речь не о вас.

Далинар тихо вздохнул, как будто расстроившись.

– Капитан, ты и твои люди в уникальном положении. Вы проводите свою повседневную жизнь в окружении короля. Вы не видите образ, обращенный к миру, вы видите человека. Для личных телохранителей дело всегда обстояло подобным образом. Поэтому ваша преданность должна быть особенно твердой и благородной. Да, у человека, которого вы охраняете, имеются недостатки. Они есть у каждого человека. Но он по-прежнему король, и я требую вашего уважения.

– Я могу испытывать уважение к трону, сэр, и я его испытываю, – сказал Каладин.

Но, возможно, не к человеку, сидящему на нем. Однако он уважал титул. Кто-то же должен править.

– Сынок, – отозвался Далинар после секундного раздумья, – знаешь ли ты, почему я поручил эту должность тебе?

– Вы сказали, что вам нужен кто-то, кому можно доверять, потому что он не будет шпионом Садеаса.

– Это логическое объяснение, – пояснил Далинар, подойдя ближе к решетке и оказавшись всего в нескольких дюймах от Каладина. – Но не причина. Я поступил так, потому что почувствовал, что решение правильное.

Каладин нахмурился.

– Я доверяю своей интуиции, – продолжил Далинар. – Мои инстинкты подсказали мне, что ты – тот человек, который может помочь изменить королевство. Человек, который смог пройти через саму Бездну в лагере Садеаса и, тем не менее, вдохновил других – именно тот человек, которого я хотел видеть под своим командованием. – Выражение его лица стало жестче. – Я поручил тебе должность, которую никогда не занимал ни один темноглазый в моей армии. Я позволил тебе присутствовать на королевских советах и слушал, когда ты говорил. Не заставляй меня жалеть о своих решениях, солдат.

– Разве вы еще не пожалели? – спросил Каладин.

– Я был близок к этому, – ответил Далинар. – Но я могу понять. Если ты всерьез убежден в том, в чем обвиняешь Амарама... Что ж, я, будучи на твоём месте, испытывал бы огромные трудности, чтобы не сделать того же, что и ты. Но, шторм побери, парень, ты все еще темноглазый.

– Цвет глаз не должен иметь значения.

– Возможно, и не должен, но имеет. Хочешь это изменить? Хорошо, но у тебя ничего не выйдет, если ты будешь вопить как душевнобольной и бросать вызов таким людям, как Амарам. Ты можешь добиться желаемого, отличившись на посту, который я тебе доверил. Стань человеком, которым восхищаются другие, не важно, светлоглазые они или темноглазые. Убеди Элокара, что темноглазые способны быть лидерами. Вот что изменит мир.

Далинар отвернулся и направился к выходу. Каладин не мог избавиться от мысли, что плечи кронпринца казались более ссутулившимися, чем когда он вошел.

Когда Далинар удалился, Каладин снова сел на скамью, глубоко и раздраженно выдохнув.

– Оставайся спокойным, – прошептал он. – Делай, как тебе сказано, Каладин. Оставайся в своей клетке.

– Он пытается помочь, – сказала Сил.

Каладин посмотрел вбок. Где она пряталась?

– Ты же слышала по поводу Рошона.

Тишина.

– Да, – ответила наконец Сил, и ее голос был очень тонким.

– Бедность моей семьи, то, как мы стали изгнанниками в городе, Тьен, вынужденный пойти в армию, – все это произошло по вине Рошона. И послал его к нам Элокар.

Сил не ответила. Каладин выудил кусочек лепешки из миски и прожевал его. Отец Штормов, Моаш действительно оказался прав. Королевству было бы лучше без Элокара. Далинар старался изо всех сил, но в отношении племянника перед его глазами расплылось огромное слепое пятно.

Пришло время кому-то выступить вперед и разрезать путы, связывающие руки Далинара. Ради блага королевства, ради блага самого Далинара Холина король должен умереть.

Некоторых людей нужно просто отрезать, как нагноившийся палец или ногу, сломанную так, что ее не восстановить.



А теперь посмотри, что ты заставил меня сказать. Ты всегда был способен выявить во мне крайности, старый друг. И я по-прежнему называю тебя другом, хоть ты и утомляешь меня.

«Что вы делаете?» – вывело самоперо.

«Ничего особенного, – написала Шаллан в ответ при свете сфер. – Просто занимаюсь бухгалтерскими книгами Себариаала».

Она выглянула из отверстия в иллюзии, рассматривая улицу далеко внизу. По городу текли люди, будто маршируя в странном ритме. Сначала словно капля, затем всплеск, переходящий снова в каплю. Реже они шли постоянным потоком. В чем же причина?

«Хотите увидеться? – написало самоперо. – Становится очень скучно».

«К сожалению, – ответила она Адолину, – мне действительно нужно закончить работу. Хотя было бы чудесно развлечься беседой посредством самопера».

Узор тихонько жужжал, пока она лгала. Шаллан использовала иллюзию, чтобы увеличить размер чердака наверху жилого дома в военном лагере Себариаала, тем самым обеспечив себя укрытием для наблюдения за улицей ниже. Пять часов ожидания, достаточно комфортного, со стулом и сферами для

освещения, ничего не принесли. Никто так и не приблизился к одиноко стоящему дереву с каменной корой, которое росло рядом с дорогой.

Шаллан не знала, к какому виду относилось дерево. Оно было слишком старым, чтобы его посадили недавно; вероятно, это случилось еще до прибытия Себариаала. Сучковатая, крепкая кора навела девушку на мысли, что дерево является какой-то разновидностью дендролита, но у него также имелись длинные ветви, которые вздымались в воздух как вымпелы, скручиваясь и трепеща листьями на ветру. Ветвями дерево напоминало долинную иву. Шаллан уже сделала эскиз; позже она поищет его в книгах.

Дерево привыкло к людям и не втягивало листья, когда они проходили мимо. Подойди кто-нибудь достаточно осторожно, чтобы не зацепить листьев, Шаллан бы его увидела. Двигайся он, наоборот, быстро, ветви почувствовали бы вибрацию и втянулись – что она тоже заметила бы. Девушка была достаточно уверена, что, если кто-то попытается положить в дерево какой-то предмет, она узнает об этом, даже если на мгновение отвлечется.

«Полагаю, что смогу составить вам компанию, – написало самоперо. – Шорену все равно нечем заняться».

Шорен был ардентом, который писал сегодня для Адолина по его приказу. Принц многозначительно отметил, что использует ардентов, а не писцов отца. Думал ли он, что пробудит в Шаллан ревность, если станет использовать другую женщину для письменных обязанностей?

Адолина и в самом деле удивляло, что она не ревнует. Неужели женщины при дворе настолько мелочны? Или это Шаллан вела себя странно и слишком расслабилась? Глаза принца действительно блуждали по сторонам, и она должна была признать, что ей это не слишком нравилось. Стоило также учитывать его репутацию. Поговаривали, что в прошлом Адолин менял женщин так же часто, как другие мужчины переодевали плащи.

Возможно, ей следует держаться за него покрепче, но одна только подобная мысль вызывала отвращение. Такое поведение напомнило Шаллан об отце. Он контролировал окружающих так жестко, что в конечном счете все развалилось на части.

«Хорошо, – написала она в ответ Адолину, используя для письма доску, размещенную на ближайшем ящике. – Я уверена, что хорошему арденду и правда больше нечем заняться, кроме как передавать записки между двумя флиртующими светлоглазыми».

«Он же ардент, – пришло сообщение от Адолина. – Ему нравится служить. Таково их призвание».

«Я думала, – написала она, – что их призвание – спасение душ».

«Он устал от этого, – прислал ответ Адолин. – Говорит, что сегодняшним утром спас уже три души».

Шаллан улыбнулась, проверив, что там с деревом – по-прежнему без изменений.

«На самом деле спас? – написала она. – И, как я понимаю, спрятал их в задний карман для сохранности?»

Нет, то, что делал отец, было неправильно. Если Шаллан хочет удержать Адолина, ей придется сделать нечто гораздо более сложное, чем просто цепляться за него. Она должна быть настолько неотразимой, чтобы он сам не захотел ее отпустить. К несчастью, это была та область, где не могли помочь тренировки ни Джасны, ни Тин. Джасна казалась равнодушной к мужчинам, тогда как Тин задумывалась не об их удержании, а только о том, как их отвлечь, чтобы побыстрее надуть.

«Улучшилось ли самочувствие вашего отца?» – написала Шаллан.

«В целом, да. Со вчерашнего дня он на ногах и выглядит таким же бодрым, как обычно».

«Приятно слышать», – ответила она.

Пока они продолжали обмениваться досужими замечаниями, Шаллан наблюдала за деревом. В записке от Мрэйза содержался приказ прийти на восходе солнца и поискать инструкции в дупле. Она пришла на четыре часа раньше, пока небо еще было темным, и пробралась на крышу этого здания, чтобы понаблюдать.

Видимо, она явилась недостаточно рано. Ей так хотелось увидеть, как они поместят инструкции в дерево.

– Не по душе мне все это, – прошептала Шаллан Узору, не обращая внимания на перо, которое писало следующую строчку от Адолина. – Почему Мрэйз просто не передал инструкции через самоперо? Почему заставил меня прийти сюда?

– М-м-м... – прогудел Узор с пола.

Солнце давно взошло. Ей пора идти за инструкциями, но она все еще медлила, постукивая пальцем по лежащей рядом доске с листом бумаги.

– Они наблюдают, – поняла Шаллан.

– Что? – спросил Узор.

– Они делают в точности то же, что и я. Где-то прячутся и хотят посмотреть, как я буду забирать инструкции.

– Зачем? Чего они хотят добиться?

– Они получают информацию. А это одна из тех вещей, на которых наживаются люди.

Девушка наклонилась вбок, выглянув из отверстия, которое снаружи казалось щелью между двумя кирпичами.

Она не считала, что Мрэйз хочет ее смерти, несмотря на отвратительное происшествие с бедолагой-кучером. Кровьпризрак разрешил другим из своего окружения убить ее, если они боялись, но это – как и многое другое у Мрэйза – было проверкой.

«Если ты на самом деле достаточно сильна и умна, чтобы присоединиться к нам, – подразумевал тот случай, – то сможешь избежать убийства».

Очередная проверка. Как ее пройти, чтобы на этот раз никто не погиб?

Они будут наблюдать за тем, как Шаллан придет за инструкциями, но здесь не так уж много подходящих мест, откуда бы открывался вид на дерево. Будь она Мрэйзом и его людьми, где бы она устроила наблюдательный пост?

От подобных мыслей Шаллан почувствовала себя глупо.

– Узор, – прошептала она, – пойди загляни в окна тех зданий, что выходят фасадами на улицу. Посмотри, не сидит ли кто-то в одном из них, наблюдая так же, как и мы.

– Ладно, – ответил он, выскользнув из иллюзии.

Вдруг Шаллан осознала тот факт, что люди Мрэйза могут прятаться очень близко, но подавив нервозность, стала читать ответ Адолина.

«Между прочим, есть хорошие новости. Вчера вечером приходил отец и мы проговорили всю ночь. Он готовит экспедицию на равнины, чтобы уничтожить паршенди раз и навсегда. Подготовка включает в себя несколько разведывательных миссий в ближайшие дни. Я уговорил его взять вас на плато во время одной из них».

«А мы сможем найти куколку?» – спросила Шаллан.

«Ну, – ответило самоперо, – даже если паршенди больше не сражаются за них, отец не станет рисковать. Я не могу взять вас в забег, если есть вероятность, что они могут прийти и вступить с нами в борьбу за гемсердце. Но я подумал, что мы, вероятно, сможем организовать разведывательную миссию таким образом,

что она пройдет по плато с куколкой спустя примерно день после того, как было вырезано гемсердце».

Шаллан нахмурилась.

«Мертвая куколка без гемсердца? Не знаю, как много она сможет мне поведать».

«Зато, – ответил Адолин, – это лучше, чем не увидеть ее вообще, ведь так? И вы сказали, что хотите получить возможность ее разрезать. Это почти то же самое».

Он был прав. Кроме того, ее истинной целью оставалось попасть на равнины.

«Так и сделаем. Когда?»

«Через несколько дней».

– Шаллан!

Она подскочила, но это был всего лишь возбужденно жужжащий Узор.

– Ты оказалась права, – сказал он. – М-м-м-м. Она наблюдает внизу. Всего на один этаж ниже, вторая комната.

– Она?

– М-м-м. Та, что в маске.

Шаллан содрогнулась. Что теперь? Вернуться в свою комнату и написать Мрэйзу, что ей не нравится, когда за ней шпионят?

Так ничего не добиться. Посмотрев на стопку листов, Шаллан поняла, что ее отношения с Мрэйзом очень похожи на отношения с Адолином. В обоих случаях она просто не могла вести себя так, как от нее ожидали. Ей требовалось пробудить интерес, выйти за общепринятые рамки.

«Мне нужно идти, – написала она Адолину. – Себариял хочет поговорить со мной. Возможно, разговор займет какое-то время».

Она щелкнула самопером и засунула его и доску в сумку – не в обычную, а из жесткой ткани с кожаным ремешком, которую носили через плечо, что вполне соответствовало Вейль. Затем, до того, как окончательно потерять самообладание, Шаллан вынырнула из своего иллюзорного убежища. Прислонившись к стене чердака и отвернувшись от улицы, она дотронулась до образа и втянула штормсвет.

Иллюзорная часть стены исчезла, быстро расплывшись и устремившись в ладонь. Оставалось надеяться, что в этот момент никто не смотрел на чердак. Хотя даже если кто-то что-то заметил, то наверняка решил, что это просто обман зрения.

Шаллан опустилась на колени и зарядила штормсветом Узора, привязав к нему образ Вейль, чей набросок она выполнила заранее. Девушка кивнула, чтобы спрен пошевелился, и когда он двинулся с места, Вейль зашагала.

Выглядела она отлично. Широкий уверенный шаг, шелестящий плащ, остроконечная шляпа, закрывающая лицо от солнца. Иллюзия даже моргала и временами поворачивала голову в полном соответствии с серией рисунков, выполненных Шаллан.

Шаллан понаблюдала, все еще сомневаясь. Действительно ли она так выглядела, когда принимала образ Вейль и натягивала ее одежду? Она считала себя и близко не такой уравновешенной, а одежда всегда казалась непомерно большой, даже глупой. Но в этом образе всего было в меру.

– Спустись, – прошептала она Узору, – и пройди к дереву. Старайся двигаться осторожно, медленно и громко жужжи, чтобы листья на дереве втянулись. Немного постой у дупла, будто достаешь какой-то предмет изнутри, а затем пойдешь в переулок между этим зданием и соседним.

– Да! – обрадовался Узор. Он метнулся к лестнице, взволнованный тем, что может поучаствовать в создании лжи.

– Медленнее! – воскликнула Шаллан и вздрогнула, когда заметила, что шаги Вейль не совпадают с ее скоростью. – Так, как мы тренировались!

Узор замедлился и добрался до ступеней. Образ Вейль начал спускаться. Неуклюже. Иллюзия умела ходить и неподвижно стоять на плоскости, но не была приспособлена для других типов поверхности, например, ступеней. Любому наблюдателю показалось бы, что Вейль ни на что не наступает, а просто скользит вниз по лестнице.

Что ж, ничем лучшим на данный момент они не располагали. Шаллан глубоко вздохнула и, натянув шляпу, выдохнула второй образ, который скрыл ее и превратил в Вейль. Тот, что был связан с Узором, продержится до тех пор, пока не иссякнет штормсвет спрена. Однако он расходовался гораздо быстрее, чем у Шаллан. Она не знала почему.

Девушка спустилась по лестнице, но только на один этаж, шагая как можно тише, и остановилась перед второй дверью в тускло освещенном коридоре. Внутри поджидала женщина в маске. Шаллан не стала оставаться на открытом месте, нырнув в нишу под лестницей, где ее не смог бы заметить никто из коридора.

Она решила подождать.

Наконец дверь со щелчком отворилась, и в коридоре раздался шорох одежды. Женщина в маске прошла мимо убежища Шаллан и удивительно тихо направилась вниз по лестнице.

– Как тебя зовут? – спросила Шаллан.

Женщина замерла на ступенях. Она обернулась – ее безопасная рука, затянутая в перчатку, покоилась на пояском ноже – и увидела Шаллан, стоящую в нише. Глаза женщины в маске блеснули, когда она перевела взгляд в сторону комнаты, из которой вышла.

– Я послала двойника в своей одежде, – сказала Шаллан. – Вот что ты видела.

Женщина не двигалась, по-прежнему стоя на ступенях.

– Почему он хотел, чтобы ты следила за мной? – спросила Шаллан. – Ему настолько интересно, где я остановилась?

– Нет, – в конце концов ответила женщина. – Согласно инструкциям в дереве ты должна сразу же приступить к заданию, не отвлекаясь больше ни на что.

Шаллан нахмурилась, размышляя.

– Значит, ты должна была проследить за мной не до дома, а во время задания. Чтобы посмотреть, как я с ним справлюсь?

Женщина ничего не сказала.

Широким шагом Шаллан направилась к лестнице и присела на верхнюю ступеньку, скрестив руки на коленях.

– Так в чем заключается мое задание?

– Инструкции находятся в...

– Я предпочла бы услышать их от тебя. Считай меня чокнутой.

– Как ты меня нашла? – спросила женщина.

– С помощью зоркого союзника, – пояснила Шаллан. – Я сказала, чтобы он наблюдал за окнами, а затем отправил мне послание, в котором говорилось о твоём местоположении. Я ждала наверху. – Она состроила гримасу. – Надеюсь подловить одного из ваших людей, когда он будет закладывать инструкции.

– Мы подложили их еще даже до того, как связались с тобой. – Женщина помедлила и поднялась на несколько ступеней вверх. – Иятил.

Шаллан вскинула голову.

– Меня зовут Иятил, – повторила женщина.

– Никогда не слышала такого имени.

– Неудивительно. Твое задание на сегодня заключается в сборе сведений об определенном человеке, прибывшем в лагерь Далинара. Мы хотим побольше разузнать о нем, а преданность кронпринца сомнительна.

– Он верен королю и трону.

– Внешне, – проговорила женщина. – Его брату были известны вещи исключительного характера. Мы не уверены, в курсе ли Далинар, а его общение с Амарамом вызывает наши опасения. В этом деле замешан и новоприбывший.

– Амарам составляет карты Разрушенных равнин, – сказала Шаллан. – Зачем? Что там такого, до чего он хочет добраться?

«И почему он хочет возвращения Несущих Пустоту?»

Иятил не ответила.

– Что ж, – произнесла Шаллан, вставая. – Тогда за дело. Так?

– Вместе? – удивилась Иятил.

Шаллан пожала плечами.

– Ты можешь красться позади или просто отправиться вместе со мной.

Она протянула руку.

Иятил изучила ладонь, а затем одобрительно пожала ее своей безопасной рукой в перчатке. Однако другую руку все это время она держала на кинжале.

Шаллан листала инструкции от Мрэйза, пока огромный паланкин, покачиваясь, направлялся к лагерю Далинара. Иятил сидела напротив, поджав ноги и наблюдая за ней блестящими из-под маски глазами. Женщина носила простые брюки и рубашку, именно поэтому в первую встречу Шаллан приняла ее за мальчика.

Ее присутствие очень тревожило.

– Сумасшедший, – проговорила Шаллан, переходя к следующей странице инструкций. – Мрэйза интересует обычный сумасшедший?

– Он интересуется Далинара и короля, – ответила Иятил. – А значит, и нас.

Действительно, казалось, что здесь не все чисто. Сумасшедший прибыл под опекой Бордина, слуги, которого Далинар оставил в Холинаре много лет назад. Судя по информации Мрэйза, этот Бордин был не обычным посланником, а одним из самых доверенных слуг Далинара. Его оставили в Холинаре, чтобы шпионить за королевой, по крайней мере, такой вывод сделали Кровьпризраки. Но зачем кому-то присматривать за королевой? В инструктаже ответа не было.

Бордин спешно прибыл на Разрушенные равнины пару недель назад, привезя с собой сумасшедшего и какой-то таинственный груз. Задание Шаллан заключалось в том, чтобы выяснить, кем был тот сумасшедший и почему Далинар скрыл его в монастыре, строго запретив посещения для всех, кроме определенных ардентов.

– Твоему хозяину известно больше, чем он говорит мне, – сказала Шаллан.

– Моему хозяину? – переспросила Иятил.

– Мрэйзу.

Женщина рассмеялась.

– Ты ошибаешься. Он не мой хозяин. Он – мой ученик.

– Что? – удивилась Шаллан.

Иятил пристально посмотрела ей прямо в глаза и ничего не ответила.

– Почему ты носишь маску? – спросила Шаллан, наклоняясь вперед. – Что она означает? Почему ты прячешь лицо?

– Я спрашивала себя много раз, – проговорила Иятил, – почему вы здесь так бесстыдно расхаживаете с открытыми лицами, демонстрируя их каждому, кто захочет увидеть. Маска меня бережет. Кроме того, она позволяет мне приспособливаться.

Шаллан задумчиво откинулась назад.

– Ты решила поразмышлять, – продолжила Иятил, – вместо того, чтобы задавать вопрос за вопросом. Это хорошо. Однако твои инстинкты нужно уточнить. Ты охотник или жертва?

– Ни то, ни другое, – немедленно ответила Шаллан.

– Каждый из нас либо то, либо другое.

Носильщики паланкина замедлили шаг. Шаллан выглянула из-за занавесок и обнаружила, что они наконец добрались до границы военного лагеря Далинара. Здесь, на воротах, солдаты по очереди останавливали каждого желающего попасть внутрь.

– Как ты проведешь нас в лагерь? – спросила Иятил, когда Шаллан сдвинула занавески. – В последнее время, когда посреди ночи появляются убийцы, кронпринц Холин стал осторожничать. Какая ложь заставит двери его владений раскрыться для нас?

«Восхитительно», – подумала Шаллан, мысленно перебирая список своих задач.

Требовалось не только проникнуть в монастырь и собрать информацию о сумасшедшем, но и сделать все так, чтобы не слишком раскрыться самой или своим умениям перед Иятил.

Ей необходимо думать быстро. Солдаты впереди позвали, чтобы ее паланкин приблизился – светлоглазым не полагалось ждать в общей очереди, а по роскошному транспортному средству солдаты сделали вывод, что внутри находился кто-то богатый. Глубоко вздохнув, Шаллан сняла шляпу, перекинула волосы через плечо вперед и выставила лицо из паланкина наружу. В то же самое время она развеяла иллюзию и сомкнула занавески за головой, сжав их у шеи таким образом, чтобы Иятил не заметила произошедших изменений.

Носильщиками были паршмены, и она сомневалась, что они скажут хоть слово насчет того, чему стали свидетелями. К счастью, их светлоглазый хозяин отвернулся. Раскачиваясь из стороны в сторону, паланкин приблизился к началу очереди, и солдаты вздрогнули, увидев ее. Они немедленно махнули, чтобы светледи продвигалась внутрь. К этому времени невесту Адолина хорошо знали в лицо.

Теперь требовалось как-то восстановить внешность Вейль. По улице шли люди, она не могла просто взять и выдохнуть штормсвет, свесившись из окна.

– Узор, – прошептала Шаллан. – Иди пошуми у окна с другой стороны паланкина.

Тин вбила ей в голову, что, в то время как прячешь в одной ладони какой-то предмет, необходимо сделать отвлекающее движение другой рукой. Тот же принцип мог сработать и здесь.

У второго окна раздался резкий вскрик. Шаллан быстро засунула голову обратно в паланкин и выдохнула штормсвет. Задержав занавески отвлекающим движением, она скрыла лицо и надела шляпу.

Иятил оглянулась на нее от окна, рядом с которым кричали, но Шаллан уже снова превратилась в Вейль. Она откинулась назад, встретившись с Иятил взглядом. Заметила ли та хоть что-то?

Несколько мгновений они ехали молча.

– Ты заранее подкупила стражников, – наконец предположила Иятил. – Я узнаю, как у тебя получилось это проверить. Людей Холина трудно подкупить. Возможно, ты действовала через одного из начальников?

Шаллан улыбнулась, пытаясь изобразить разочарование.

Паланкин продолжил двигаться к лагерному храму, той части лагеря Далинара, где она еще ни разу не бывала. Вообще-то, она не слишком часто

посещала и ардентов Себариаала, но придя к ним однажды, обнаружила, что те удивительно благочестивы, учитывая, кто являлся их хозяином.

Когда паланкин приблизился к храму, Шаллан выглянула из окна. Двор лагерного храма оказался таким же незамысловатым, каким она и ожидала его увидеть. Арденты в серых робах шествовали мимо по двое или маленькими группками, смешиваясь с людьми всех рангов. Люди приходили сюда помолиться, получить наставление или совет – в хорошем храме, оснащённом всем необходимым, могли помочь по любому из таких вопросов. Темноглазые практически любого нана могли обучиться здесь какому-то ремеслу, пользуясь правом учиться, заповеданным Герольдами. Светлоглазые невысокого происхождения тоже приходили изучать разные профессии, а принадлежащие к высшим данам постигали искусства или продвигались в своих призваниях, чтобы порадовать Всемогущего.

В такой большой общине ардентов, как эта, наверняка имелись настоящие мастера в каждом искусстве и ремесле. Возможно, ей стоило бы прийти сюда как-нибудь и поискать художников Далинара, чтобы поучиться у них.

Шаллан вздрогнула, задавшись вопросом, где она найдет на все это время. Учитывая, что она общалась с Адолином, сотрудничала с Кровьпризракам, исследовала Разрушенные равнины и занималась бухгалтерскими книгами Себариаала, удивительно, что вообще оставалось время поспать. И все же Шаллан казалось нечестивым ожидать успеха в делах, если она не уделяла должного внимания Всемогущему. Ей действительно нужно больше думать о таких вещах.

«И что должен думать о тебе Всемогущий? – спросила она себя. – И о той лжи, которую ты научилась так искусно плести?»

В конце концов, честность была одним из божественных атрибутов Всемогущего, а им полагалось следовать.

Местный храмовый комплекс включал в себя несколько зданий, хотя большинство людей посещало только главную постройку. В инструкциях Мрэйза содержалась карта, поэтому девушка знала, в какое именно здание должна попасть – оно располагалось сзади, там, где арденты-целители осматривали больных и заботились о людях с хроническими недугами.

– Попасть в монастырь будет непросто, – сказала Иятил. – Арденты стремятся всеми силами защитить тех, кто находится у них на попечении, и запирают их в задней части здания, подальше от глаз обычных людей. Они не обрадуются попытке проникновения.

– Согласно инструкциям сегодняшний день – удачное время, чтобы пробраться внутрь, – ответила Шаллан. – Я должна поторопиться, чтобы не упустить возможность.

– Раз в месяц, – пояснила Иятил, – любой может прийти в храм, чтобы задать свой вопрос или посетить целителя без обязательного пожертвования. Сегодня беспокойный день, день путаницы и неразберихи. Поэтому проще проникнуть внутрь, но это не значит, что они позволят тебе запросто прогуляться по зданию.

Шаллан кивнула.

– Если ты предпочтешь попробовать ночью, – продолжила Иятил, – вероятно, у меня получится убедить Мрэйза, что дело может немного подождать.

Шаллан покачала головой. У нее не было опыта шнырять по ночам. Она только выставит себя душой.

Но как же попасть внутрь?..

– Носильщик, – скомандовала она, высунув голову из окна, и указала вперед, – отнесите нас к тому зданию и оставьте. Пошлите одного из ваших паршменов за главным целителем. Скажите ему, что мне требуется его помощь.

Возглавляющий паршменов десятинник, нанятый на сферы Шаллан, отрывисто кивнул. Десятинники были странными людьми. Этот не являлся хозяином паршменов, он просто работал на женщину, которая сдала их в аренду. Темноглазая Вейль стояла ниже его на общественной лестнице, но платила, и поэтому он относился к ней, как подобает относиться к любому другому хозяину.

Паланкин опустил на землю, и один из паршменов отправился выполнять поручение.

– Собираешься изобразить болезнь? – спросила Иятил.

– Вроде того, – ответила Шаллан, когда снаружи послышались шаги.

Она выбралась из паланкина и увидела пару ардентов с квадратными бородками, которые жаловались все время, пока паршмен вел их в ее сторону. Они оглядели девушку, отметив темные глаза и одежду, которая, хоть и из хорошей ткани, явно предназначалась для грубого использования. Скорее всего, они решили, что она обладает наном выше среднего, то есть является гражданкой, но не особенно значительной.

– Какая у вас проблема, девушка? – спросил старший из ардентов.

– Моя сестра, – ответила Шаллан. – Она надела странную маску и отказывается ее снимать.

Из паланкина донесся тихий стон.

– Дитя, – произнес главный ардент страдальческим тоном, – упрямая сестра – не забота для ардентов.

– Я понимаю, брат, – проговорила Шаллан, заламывая руки. – Но это не простое упрямство. Мне кажется... Мне кажется, что в нее вселился один из Несущих Пустоту!

Она раздвинула занавески паланкина, позволив им увидеть Иятил. Из-за странной маски арденты отпрянули назад и прекратили возражения. Младший ардент уставился на Иятил, выпучив глаза.

Та повернулась к Шаллан и с едва слышным вздохом принялась раскачиваться на месте.

– Стоит ли их убить? – забормотала она. – Нет. Нет, не стоит. Но кто-то увидит! Нет, не говори такие вещи. Нет. Я не слушаю тебя.

Она начала напевать.

Младший ардент оглянулся на старшего.

– Какое несчастье, – кивнул тот. – Носильщик, пойдём. Скажи своим паршменам перенести паланкин.

Некоторое время спустя Шаллан ожидала в углу маленькой монастырской комнаты, наблюдая за тем, как Иятил сидит и отказывается от помощи нескольких ардентов. Женщина продолжала уверять их, что если они снимут ее маску, ей придется их убить.

Это не походило на часть представления.

К счастью, во всем остальном Иятил отлично играла свою роль. Бредовые речи в сочетании со скрытым лицом заставили даже Шаллан поежиться. Арденты, по всей видимости, были в равной степени очарованы и напуганы.

«Сосредоточься на рисунке», – подумала Шаллан.

Она делала набросок ардента – полного мужчины примерно одного с ней роста. Рисунок был поспешным, но искусным. Девушка лениво поймала себя на мысли, что раздумывает, каково это – носить бороду. Не чешется ли она? Но нет, ведь волосы на голове не чесались, так почему что-то подобное должно произойти с волосами на лице? Как им удавалось не пачкать бороду едой?

Она закончила набросок несколькими быстрыми росчерками и тихо поднялась. Иятил удерживала внимание ардентов очередной порцией бреда.

Шаллан благодарно кивнула ей и выскользнула из комнаты, направившись дальше по коридору. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, она превратилась в ардента, выдохнув облачко штормсвета. Затем подобрала рыжие волосы – единственную часть тела, которая могла выскочить из иллюзии – и спрятала их в плаще за спиной.

– Узор, – прошептала Шаллан, зашагав по коридору в расслабленной манере ардента.

– М-м-м?

– Найди его, – сказала девушка, доставая из сумки набросок сумасшедшего, который Мрэйз оставил в дереве вместе с инструкциями.

Набросок был выполнен с большого расстояния и не особенно хорош. Оставалось только надеяться...

– Второй коридор налево, – ответил Узор.

Шаллан посмотрела вниз, хотя ее новый костюм – роба ардента – скрывал Узора, когда тот сидел на ее плаще.

– Откуда ты знаешь?

– Ты отвлеклась на рисование, – объяснил он. – Я осмотрелся. Через четыре двери отсюда содержится очень интересная женщина. Похоже, она натирает стены экскрементами.

– Фу.

Шаллан показалось, что она уловила запах.

– Узоры... – проговорил спрен, когда они пошли дальше. – Я не слишком хорошо рассмотрел, что она писала, но, кажется, что-то очень интересное. Думаю, мне следует пойти и...

– Нет, – прошептала Шаллан. – Остайся со мной.

Она улыбнулась, кивнув нескольким ардентам, прошедшим мимо. К счастью, они не заговорили с ней, едва кивнув в ответ.

Здание монастыря, впрочем, как и почти каждое строение в лагере Далинара, прорезали скучные неукрашенные коридоры. Согласно указаниям Узора Шаллан проследовала до толстой двери, укрепленной в камне. С помощью спрена замок щелкнул и открылся, Шаллан тихонько проскользнула внутрь.

Света от единственного маленького окошка, больше похожего на щель, было недостаточно для того, чтобы полностью осветить крупную фигуру, сидящую на кровати. Темнокожий, как жители королевств Макабаки, с темными нечесаными волосами и громадными руками. Руки трудяги или солдата. Мужчина сидел сгорбившись, с опущенной головой, слабый свет из окна выхватывал часть его спины в белом. Силуэт казался мрачным и внушительным.

Мужчина что-то шептал. Шаллан не могла разобрать слов. Она содрогнулась, прислонившись спиной к двери, и подняла набросок, полученный от Мрэйза. Судя по всему, тот самый человек, цвет кожи и крепкое телосложение совпадали, хотя сидящий перед ней мужчина оказался гораздо мускулистее, чем на рисунке. Шторма... Его руки выглядели так, словно способны раздавить ее как крэмлинга.

Человек не двигался. Он не поднял головы, не шевельнулся. Как валун, который прикатился и остановился на месте.

– Почему в этом помещении так темно? – жизнерадостно спросил Узор.

Безумец не отреагировал на комментарий и даже на Шаллан, когда она шагнула вперед.

– Современная теория помощи помешанным предполагает содержание в полумраке, – прошептала девушка. – Изобилие света возбуждает их и может снизить эффективность лечения.

По крайней мере, вспомнила она именно это. Шаллан не очень много читала по теме. Помещение оказалось темным. Ширина окна не превышала нескольких пальцев.

Что он шепчет? Шаллан сделала еще один осторожный шаг.

– Сэр? – позвала она и запнулась, поняв, что молодой женский голос исходит от тела старого толстого ардента. Может такое напугать этого человека? Он не смотрел, поэтому она развеяла иллюзию.

– Ты называешь его помешанным, – сказал Узор. – Кому и чем он мешает?

– Термин «помешанный» означает неполадки с головой, – пояснила Шаллан.

– А, – произнес Узор. – Как спрен, который потерял свою связь.

– Думаю, не совсем так, – сказала Шаллан, подходя к сумасшедшему. – Но похоже.

Она встала на колени рядом с мужчиной, пытаясь разобраться, что он бормочет.

– Близится время Возвращения, Опустошения, – прошептал он. Основываясь на цвете его кожи, Шаллан ждала азиатского акцента, но мужчина говорил на превосходном алетти. – Мы должны подготовиться. Вы забыли многое, следуя разрушениям прошлого.

Шаллан посмотрела на Узора, оставшегося в тених с краю комнаты, и перевела взгляд обратно на мужчину. Свет мерцал в его темно-карих глазах двумя яркими точками на затененном лице. Сгорбленная поза казалась такой мрачной. Он пробормотал что-то еще о бронзе и стали, о приготовлениях и обучении.

– Кто ты? – прошептала Шаллан.

– Таленел'Элин. Тот, кого вы называете Мощью Камня.

Она похолодела. Сумасшедший продолжил бормотать, шепча то же самое, что и раньше, повторяя все в точности. Шаллан даже не была уверена в том, являлся ли его комментарий ответом на ее вопрос или же частью его речи. Больше безумец не отвечал на вопросы.

Шаллан отступила назад, сложив руки на груди, с сумкой на плече.

– Таленел, – сказал Узор. – Мне знакомо это имя.

– Таленелат'Элин – имя одного из Герольдов, – ответила Шаллан. – Это почти такое же.

– А-а.

Узор помолчал.

– Ложь?

– Бесспорно. Нет причин, по которым Далинар Холин держал бы одного из Герольдов Всемогущего взаперти в задних помещениях храма. Многие безумцы считают себя кем-то другим.

Конечно, многие утверждали, что Далинар Холин сам сумасшедший. И он пытался возродить Сияющих рыцарей. То, что он подобрал безумца, считающего себя одним из Герольдов, соответствовало такой линии поведения.

– Безумец, – произнесла Шаллан, – откуда ты пришел?

Тот продолжил бормотать.

– Ты знаешь, чего от тебя хочет Далинар Холин?

Опять речитатив.

Шаллан вздохнула, но опустила на колени и записала его слова, чтобы передать их Мрэйзу. Она уловила точную последовательность и прослушала ее дважды, чтобы быть уверенной, что он не скажет ничего нового. Правда, в этот раз он не сказал своего предположительного имени. Так что одно отличие имелось.

Мог ли он на самом деле оказаться одним из Герольдов?

«Не глупи, – подумала Шаллан, убирая письменные принадлежности. – Герольды сияли как солнце, владели Клинками Чести и говорили голосами тысячи труб».

Силой слова они могли повергать здания, подчинять шторма, а прикосновением – исцелять.

Шаллан подошла к двери. Теперь ее отсутствие в другой комнате уже могли заметить. Ей необходимо вернуться и соврать что-нибудь насчет того, что она искала, где попить, так как у нее пересохло горло. Хотя сначала требовалось вернуть облик ардента. Она втянула немного штормсвета и выдохнула, используя еще свежее воспоминание об ардене, чтобы создать...

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Сумасшедший с криком вскочил на ноги. Он бросился к ней, двигаясь с невероятной скоростью. Шаллан взвизгнула от потрясения, а он схватил ее и вытолкнул из облачка штормсвета. Образ распался, испаряясь, и безумец прижал ее к стене, его глаза расширились, а дыхание стало тяжелым. Он зашарил по ее лицу безумными глазами с бегущими зрачками.

Шаллан задрожала, задыхаясь.

Десять ударов сердца.

– Одна из рыцарей Ишара, – прошептал сумасшедший. Его глаза сузились. – Я помню... Он основал их? Да. Несколько Опустошений назад. Непросто говорить дольше. Не разговаривал тысячи лет. Но... Когда...

Он отступил от Шаллан, схватившись рукой за голову. Ее Клинок Осколков появился в руке, но, видимо, больше не требовался. Мужчина повернулся к ней спиной, подошел к кровати, лег на нее и свернулся клубком.

Шаллан медленно шагнула вперед и обнаружила, что он опять шепчет то же, что и раньше. Она отпустила Клинок.

«Душа матери...»

– Шаллан? – позвал Узор. – Шаллан, ты помешалась?

Девушка встряхнулась. Сколько времени прошло?

– Да, – сказала она, поспешив к двери, и выглянула наружу.

Нельзя было рисковать и снова использовать штормсвет в этой комнате. Ей нужно просто выскользнуть в коридор...

Проклятие! По коридору приближалось несколько человек. Ей придется подождать, пока они пройдут мимо. Хотя они, судя по всему, направлялись именно к этой двери.

Одним из мужчин был кронлорд Амарам.



Да, я разочарован. На веки вечные, как ты выражаешься.

Каладин лежал на скамье, не обращая внимания на стоящую на полу дневную порцию дымящегося таллия со специями.

Он начал представлять себя тем белоспинником в зверинце. Хищником в клетке. Да ниспошлют ему шторма не такую жалкую участь, как тому бедному зверю. Ослабевший, голодный, сбитый с толку. Шаллан говорила, что они плохо переносят неволю.

Сколько дней уже прошло? Каладин обнаружил, что ему все равно. Это беспокоило. Будучи рабом, он тоже перестал думать о времени.

Он недалеко ушел от того несчастного жалкого создания, каким был когда-то. Каладин чувствовал, как возвращается обратно к тому складу ума, словно человек, карабкающийся по утесу, покрытому крэмом и илом. Каждый раз, пытаясь подтянуться вверх, он соскальзывал обратно. В конце концов он упадет.

Старые способы мышления... способы мышления раба... бурлили у Каладина в голове. Перестать беспокоиться. Волноваться только о следующем приеме пищи и о том, чтобы не позволить остальным завладеть ею. Не думать слишком много. Думать опасно. Мысли приносят надежду, желания.

Каладин закричал, вскочив со скамьи, и начал мерить шагами маленькое помещение, схватившись руками за голову. Он считал себя таким сильным. Борцом. Чтобы лишиться этого ощущения, требовалось просто засунуть его в похожую на коробку камеру на пару недель, и все встало на свои места! Каладин ударился всем телом о решетку и протянул руку между прутьями к одной из ламп на стене. Он втянул воздух.

Ничего не произошло. Никакого штормсвета. Сферы продолжали светиться, ровно и непоколебимо.

Каладин вскрикнул, продвинувшись еще дальше, протягивая кончики пальцев к отдаленному свету.

«Не позволяй тьме захватить меня», – подумал он.

Каладин... молился. Сколько прошло времени с тех пор, как он делал это в последний раз? Не было никого, кто мог бы написать и сжечь слова надлежащим образом, но Всемогущий прислушивался к зову сердец, не так ли?

«Пожалуйста. Только не снова. Я не могу вернуться к прошлому. Пожалуйста».

Он потянулся к сфере, вдыхая. Свет, казалось, воспротивился, но затем победоносно устремился в кончики его пальцев. В венах забушевал шторм.

Каладин задержал дыхание, закрыв глаза и наслаждаясь ощущением. Мощь билась в нем, пытаясь вырваться наружу. Он оттолкнулся от решетки и снова начал мерить шагами камеру, но уже не с таким неистовством, как прежде.

– Я волнуюсь, – раздался голос Сил. – Тьма поглощает тебя.

Каладин открыл глаза и наконец обнаружил ее сидящей между двумя прутьями решетки, как на качелях.

– Со мной все будет в порядке, – ответил Каладин, позволив штормсвету дымком подняться с губ. – Я просто должен выбраться из клетки.

– Это гораздо хуже. Тьма... тьма...

Сил отвела взгляд в сторону, неожиданно захихикала и метнулась вниз, чтобы изучить что-то на полу. По краю камеры полз маленький крэмлинг. Она встала над ним, широко раскрыв глаза, и принялась рассматривать его яркий красно-фиолетовый панцирь.

Каладин улыбнулся. Она по-прежнему оставалась спреном. По-детски непосредственным. Для Сил мир был местом чудес. Каково это?

Он сел и принялся за еду, чувствуя себя так, будто его на какое-то время оттолкнули прочь от наступающей тьмы. В конце концов один из стражников пришел с проверкой и обнаружил разряженную сферу. Он вытащил ее, нахмурившись, и покачал головой, прежде чем заменить и последовать дальше.

Амарам шел в эту комнату.

«Прячься!»

Шаллан могла бы гордиться, насколько быстро сумела выдохнуть остатки заклубившегося вокруг нее штормсвета. Она даже не подумала, как отреагировал сумасшедший на то, что она *ткала светом* ранее, хотя, наверное, следовало бы. Так или иначе, в этот раз он, видимо, не обратил на нее внимания.

Стоит ли ей превратиться в ардента? Нет. Нужно что-то более простое, что-то быстрое.

Темнота.

Ее одежда почернела. Кожа, шляпа, волосы – все стало насыщенного черного цвета. Шаллан бросилась прочь от двери в самый дальний от оконного проема угол комнаты и притаилась. После создания иллюзии *ткачество светом* стало поглощать завитки штормсвета, обычно поднимающиеся от кожи, еще больше маскируя ее присутствие.

Открылась дверь. Сердце Шаллан глухо стукнуло. Ей бы хотелось, чтобы времени оказалось достаточно для создания фальшивой стены. В комнату вошел Амарам с молодым темноглазым мужчиной, явно алети, с короткими темными волосами и выступающими надбровьями. На нем была надета ливрея Холинов. Они бесшумно прикрыли за собой дверь, и Амарам опустил ключ в карман.

При виде убийцы брата Шаллан внезапно охватил гнев, но она поняла, что чувство уже не такое сильное, как прежде. Тлеющее отвращение вместо глубокой ненависти. Прошло уже слишком много времени с тех пор, как она в последний раз видела Хеларана. И Балат был отчасти прав, когда говорил, что старший брат их бросил.

Определенно, чтобы попытаться убить этого человека – во всяком случае, такой вывод она сделала из сказанного Амарамом о Клинке Осколков. Зачем Хеларану было его убивать? И могла ли она действительно винить Амараму, когда на самом деле он, возможно, всего лишь защищался?

Шаллан чувствовала, что ей известно слишком мало. Хотя, конечно, Амарам по-прежнему был ублюдком.

Оба мужчины, и Амарам, и темноглазый алет, повернулись к сумасшедшему. Шаллан плохо различала черты их лиц в почти темной комнате.

– Не понимаю, зачем вам самому нужно услышать его слова, светлорд, – произнес слуга. – Я передал вам то, что он сказал.

– Тише, Бордин, – ответил Амарам, пересекая комнату. – Встань у двери.

Шаллан замерла, сжавшись в углу. Они ее увидят, ведь так?

Амарам опустил на колени перед кроватью.

– Великий принц, – прошептал он, положив руку на плечо человека. – Повернитесь. Позвольте мне вас рассмотреть.

Сумасшедший поднял голову, по-прежнему что-то бормоча.

– О... – выдохнул Амарам. – Всемогущий над нами, десять имен, все правда. Вы прекрасны. Гавилар, у нас получилось. Наконец у нас получилось.

– Светлорд? – позвал Бордин от двери. – Мне здесь не нравится. Если нас обнаружат, нам, скорее всего, начнут задавать вопросы. Сокровище...

– Он действительно говорил о Клинках Осколков?

– Да, – подтвердил Бордин. – Целый тайник с ними.

– Клинки Чести, – прошептал Амарам. – Великий принц, пожалуйста, повторите для меня те же слова, что вы говорили этому человеку.

Сумасшедший забормотал то же самое, что Шаллан слышала ранее. Амарам продолжал стоять на коленях, но в конце концов повернулся к нервничающему Бордину.

– Ну?

– Он повторял те же слова каждый день, – сказал тот. – Но только раз сказал о Клинках.

– Я хотел бы сам о них услышать.

– Светлорд... Мы можем прождать здесь много дней и не услышать нужные слова. Пожалуйста. Мы должны уйти. Рано или поздно арденты устроят обход.

Амарам поднялся с явной неохотой.

– Великий принц, – сказал он сжавшемуся сумасшедшему. – Я отправлюсь за вашими сокровищами. Не говорите о них никому. Я найду Клинкам хорошее применение. – Он повернулся к Бордину. – Пойдем. Нужно обыскать то место.

– Сегодня?

– Ты сказал, что оно близко.

– Да, собственно, поэтому я и привез его сюда, проделав весь этот путь. Но...

– Если он случайно проговорится о Клинках кому-то еще, они обнаружат лишь пустой тайник. Пойдем, быстрее. Тебя вознаградят.

Широкими шагами Амарам направился к выходу из комнаты. Бордин задержался, посмотрев на сумасшедшего, но затем вышел и закрыл со щелчком дверь.

Шаллан испустила длинный, глубокий выдох, осев на пол.

– Будто поплавала в том море сфер.

– Шаллан? – позвал Узор.

– Я упала в него, – сказала она, – и дело не в том, что вода сомкнулась над головой, а в том, что это была даже не вода, а я не имела ни малейшего понятия, как в ней плавать.

– Я не понимаю твою ложь, – ответил Узор.

Она покачала головой, возвращая цвет коже и одежде. Девушка снова приняла образ Вейль и прошла к двери под звуки бессвязной речи безумца.

«Герольд войны. Время Возвращения почти наступило...»

Шаллан вернулась тем же путем в комнату с Иятил и долго извинялась перед ардентами, уже начавшими ее искать. Она объяснила, что потерялась, и сказала, что не откажется от сопровождения, чтобы вернуться к паланкину.

Тем не менее, перед тем как уйти, она наклонилась обнять Иятил, якобы чтобы попрощаться с сестрой.

– Ты сможешь сбежать? – прошептала Шаллан.

– Не глупи. Конечно смогу.

– Возьми это, – проговорила Шаллан, сунув в затянутую перчаткой безопасную руку Иятил листок бумаги. – Я записала бормотания сумасшедшего. Они повторяются без изменений. Я видела, как в его комнату пробрался Амарам. Он, видимо, считает, что словам сумасшедшего можно верить, и ищет сокровище, о котором тот говорил ранее. Я передам подробный отчет через самоперо тебе и остальным сегодня ночью.

Шаллан потянулась было, чтобы отстраниться, но Иятил ее удержала.

– Кто ты на самом деле, Вейль? – спросила женщина. – Ты тайком подловила меня, когда я шпионила за тобой, и ты можешь оторваться от меня на улицах. Такого добиться непросто. Твои талантливые рисунки заморозили Мрэйза, еще одна практически невыполнимая задача, учитывая, что он повидал. Теперь твои сегодняшние действия.

Шаллан охватил трепет. Почему ей так хотелось завоевать уважение тех людей? Они были убийцами.

Но, шторм поберет, она заслужила это уважение.

– Я ищу истину, – ответила Шаллан. – Где бы она ни находилась, кто бы ни обладал ею. Вот кто я такая.

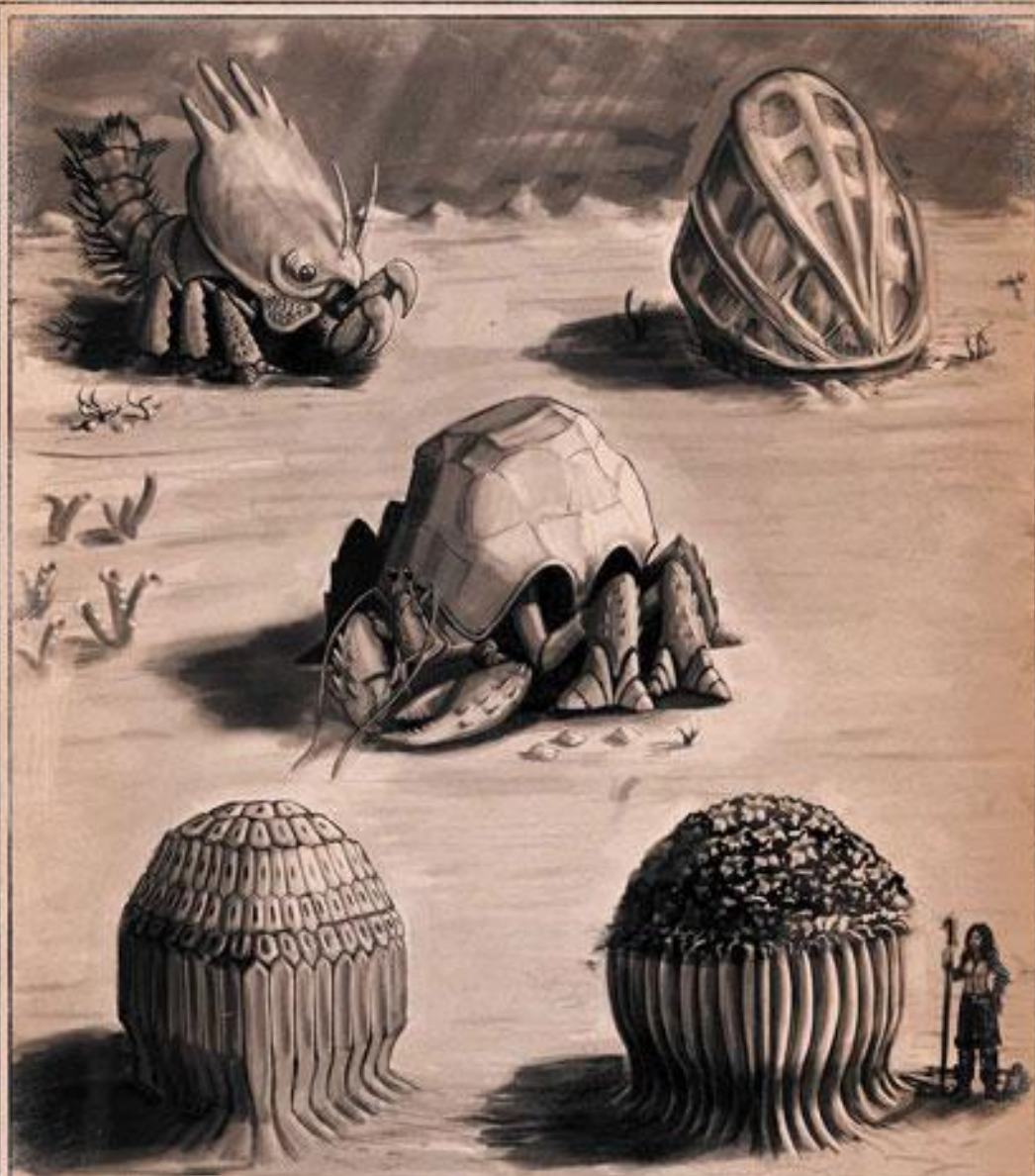
Она кивнула Иятил, вышла из комнаты и покинула монастырь.

Позже тем же вечером, после того, как Шаллан отправила полный отчет о происшедшем за день вместе с обещанием сделать наброски сумасшедшего, Амарама и Бордина в качестве дополнения, она получила короткое сообщение от Мрэйза:

«Истина уничтожает больше людей, чем спасает, Вейль. Но ты себя проявила. Тебе больше не нужно бояться членов нашей организации, они получили указания не трогать тебя. Ты должна сделать особенную татуировку, символ твоей преданности. Я пришлю рисунок. Можно нанести его на любую часть тела, но тебе придется продемонстрировать татуировку во время нашей следующей встречи. Добро пожаловать к Кровьпризракам».

Жизненный цикл чуллы

воспоминаний при метаморфозе, и обучение должно возобновляться, словно перед вами новое животное. Нет гарантий, что послушная личинка окуклится



Для стимуляции окукливания зрелых личинок требуется кормить их единообразной пищей из листьев сон-травы. Чтобы воспрепятствовать окукливанию взрослых чулл, добавляйте капли масла сланцекорника в их питьевую воду и перед штормом кормите чулл измельченными панцирями клещей. Содержание животных в укрытии во время сверхшторма остается самым надежным способом уберечь чулл от окукливания.

Рис. 38. Метаморфоза чуллы: личинка (крэмлинг чуллы), первое окукливание, взрослая чулла, второе окукливание, старение.



Полтора года назад

«Каково место женщины в современном мире? – прочитала Шаллан в книге Джасны Холин. – Я возмущена таким вопросом, хотя им часто задаются мои современники. Похоже, его предвзятость для большинства остается невидимой. Они считают себя сторонниками прогресса, потому что желают бросить вызов многим предубеждениям прошлого.

Они не обращают внимания на более важное предположение: для начала требуется обязательно определить и установить «место» женщины. Половина населения должна быть каким-то образом принижена к определенной роли после одного-единственного разговора. Не важно, насколько обширна эта роль, согласно природе она станет всего лишь малой частью того бесконечного многообразия, которое называют женственностью.

Я говорю, что нет общей женской роли, но есть роль для каждой женщины, и каждая женщина должна ее выбрать сама для себя. Для кого-то это будет роль ученого, для кого-то – роль жены. Для некоторых – и то, и другое. Для некоторых – ничего из перечисленного.

Не совершайте ошибку, думая, что я считаю одну женскую роль более важной, чем другую. Моя цель не в том, чтобы вызвать расслоение общества, мы уже это сделали достаточно хорошо, моя цель – разнообразить наши беседы.

Сила женщины должна заключаться не в ее роли, независимо от того, что она выберет, а в возможности выбрать эту роль. Меня удивляет то, что даже приходится объяснять свою точку зрения, так как мне кажется, что она является первопричиной нашего диалога».

Шаллан закрыла книгу. Не прошло и двух часов с тех пор, как отец заказал убийство Хеларана. После того, как девушка удалилась в свою комнату, снаружи в коридоре появились двое охранников отца. Возможно, не за тем, чтобы наблюдать за ней – Шаллан сомневалась, что отец знал о том, что она подслушала его приказ убить Хеларана. Целью охранников было не допустить, чтобы Мализа, ее мачеха, попыталась сбежать.

Предположение Шаллан могло быть ошибочным. Она даже не знала, жива ли Мализа до сих пор, учитывая, как она вскрикивала и с какой холодной яростью ругался отец.

Шаллан хотелось спрятаться, забиться в стенной шкаф, завернувшись в одеяло, и зажмурить глаза. Слова из книги Джасны Холин придали ей сил, хотя в некотором смысле Шаллан позабавило, что она вообще ее читала. Светледи Холин рассуждала о благородстве выбора, словно каждая женщина имела подобную возможность. Выбор между тем, чтобы стать матерью или ученым, по мнению Джасны, был сложным решением. В этом нет ничего сложного! Если бы она находилась в подобном положении! Любой вариант оказался бы восхитительным по сравнению с жизнью в страхе в доме, охваченном гневом, унынием и безнадежностью.

Шаллан представляла себе, какой должна быть светледи Холин – одаренная женщина, не подчиняющаяся чужим приказам. Женщина, имеющая власть, авторитет. Женщина, обладающая роскошью следовать своим мечтам.

Каково это?

Шаллан встала с кровати. Она подошла к двери и приоткрыла ее. Несмотря на то, что вечер близился к концу, охранники по-прежнему стояли в конце коридора. Сердце Шаллан забило сильнее, и она прокляла свою робость. Почему она не могла вести себя как те женщины, которые предпочитали действовать, а не прятаться в комнате, уткнувшись в подушку?

Вся дрожа, она выскользнула в коридор. Мягко ступая, девушка направилась к мужчинам, чувствуя на себе их взгляды. Один из них поднял руку. Она не знала, как его зовут. Когда-то Шаллан помнила имена всех охранников. Тех людей, в чьем присутствии она выросла, теперь заменили.

– Отец нуждается во мне, – сказала она, не обращая внимания на его жест.

Он был светлоглазым, но Шаллан не обязана ему подчиняться. Может быть, она и проводила большую часть дня в своей комнате, но по-прежнему значительно превосходила его по общественному положению.

Девушка миновала охранников, крепко сжав трясущиеся руки. Ей не стали препятствовать. Проходя мимо отцовской двери, она услышала тихие всхлипывания, раздающиеся изнутри. К счастью, Мализа до сих пор жива.

Шаллан обнаружила отца, одиноко сидящего в пиршественном зале. В обоих каминах ревел пламя. Залитый резким светом, отец сгорбился за высоким столом, уставившись на скатерть.

Девушка скользнула в кухню, пока он ее не заметил, и смешала его любимый напиток. Ярко-фиолетовое вино, приправленное корицей и подогретое в этот холодный день. Отец поднял голову, когда она вошла обратно в пиршественный зал и поставила перед ним чашу, заглядывая в глаза. Сегодня в них не было тьмы. Только он сам. Такая редкость в последние дни.

– Они не слушают, Шаллан, – прошептал он. – Никто не слушает. Терпеть не могу, когда вынужден воевать в своем собственном доме. Они должны меня поддерживать.

Отец взял напиток.

– Виким половину времени просто таращится в стену. Джушу бесполезен, а Балат перечит мне по любому поводу. А теперь и Мализа.

– Я поговорю с ними, – сказала Шаллан.

Он выпил вино и кивнул.

– Да. Да, было бы неплохо. Балат до сих пор сидит с теми проклятыми трупиками громгончих. Я рад, что они мертвы. Последний помет оказался слабым. В любом случае они ему не нужны...

Шаллан вышла на холодный воздух. Солнце село, но на карнизе особняка висели фонари. Она редко видела сад ночью, и темнота придавала ему загадочный вид. Лозы стали похожими на пальцы, тянущиеся из пустоты, ищущие, что бы ухватить и утянуть в ночь.

Балат лежал на одной из скамеек. Что-то хрустнуло под ногой Шаллан, когда она подходила к нему. Клешни крэмлингов, оторванные от туловищ одна за другой и брошенные на землю. Девушка поежилась.

– Тебе лучше уехать, – сказала она Балату.

Он поднялся и сел.

– Что?

– Отец больше не может себя контролировать, – тихо проговорила Шаллан.

– Ты должен уехать, пока можешь. Я хочу, чтобы ты взял с собой Мализу.

Балат провел рукой по спутанной копне темных кудрявых волос.

– Мализу? Отец никогда ее не отпустит. Он нас выследит.

– Он будет выслеживать вас в любом случае. Он разыскивает Хеларана. Ранее сегодня он приказал одному из своих людей найти и убить нашего брата.

– Что?! – Балат вскочил. – Ублюдок! Я... Я...

В темноте он посмотрел на Шаллан, его лицо было залито звездным светом. Затем сгорбился, сел обратно и обхватил руками голову.

– Я трус, Шаллан, – прошептал он. – О Отец Штормов, я трус. Я не отважусь столкнуться с ним лицом к лицу. Не смогу.

– Уезжай к Хеларану, – сказала Шаллан. – Если понадобится, ты сможешь его отыскать?

– Он... Да, он оставил мне имя человека в Валате, который поможет с ним связаться.

– Возьми с собой Мализу и Эйлиту. Отправляйтесь к Хеларану.

– Отец поймает нас прежде, чем я его найду.

– Тогда мы свяжемся с Хелараном, – решила Шаллан. – Мы договоримся, чтобы вы с ним встретились, и ты спланируешь побег, когда отца не будет дома. Через несколько месяцев он собирается снова отправиться в Веденар. Сбежишь, пока он в отъезде, и у тебя будет фора по времени.

Балат кивнул.

– Да... Да, это хороший план.

– Я набросаю письмо Хеларану, – продолжила Шаллан. – Мы обязаны предупредить его об убийцах, отправленных отцом, и можно попросить его принять вас троих.

– Тебе не стоит заниматься такими вещами, малышка, – ответил Балат, не поднимая головы. – Я старший после Хеларана. К этому времени мне бы уже следовало уметь останавливать отца. Каким-то образом.

– Забери Мализу. Этого будет достаточно.

Он кивнул.

Шаллан вернулась в дом, прошла мимо отца, размышляющего над своей непокорной семьей, и принесла кое-что из кухни. Затем вернулась к лестнице и посмотрела вверх. Несколько раз глубоко вздохнув, она повторила слова, которые собиралась сказать охранникам, если ее остановят. Проскочив мимо них, она открыла дверь, ведущую в кабинет отца.

– Подождите, – произнес один из них. – Он оставил указания. Никто не входит, никто не выходит.

У Шаллан пересохло в горле, и, даже подготовившись заранее, она запинаясь, проговаривая слова.

– Я только что с ним побеседовала. Он хочет, чтобы я пообщалась с ней.

Охранник оглядел девушку, что-то пожеывая. Шаллан ощутила, как ее уверенность увядает, а сердце начинает колотиться. Конфликт. Она трусила так же, как и Балат.

Мужчина сделал знак второму охраннику, и тот спустился, чтобы проверить ее слова. Наконец он вернулся, кивнув, и его товарищ неохотно махнул ей, разрешая войти. Шаллан скользнула в комнату.

В то самое место.

Она не посещала эту комнату уже много лет. С тех пор, как...

С тех пор, как...

Она подняла руку, прикрыв глаза от света, льющегося из-за картины. Как отец мог здесь спать? Почему никто больше не видел, никому не было дела? Свет ослеплял.

К счастью, Мализа свернулась калачиком в мягком кресле, стоящем у стены, поэтому Шаллан могла повернуться спиной к картине и заслонить свет. Она опустила ладонь на руку мачехи.

Девушке казалось, что, несмотря на годы, прожитые в одном доме, она совсем не знает Мализу. Что за женщина могла выйти замуж за человека, о котором все вокруг шептались, якобы он убил свою первую жену? Мализа следила за образованием Шаллан. Это означало, что она подыскивала новых учителей каждый раз, когда сбегали старые, но сама Мализа мало чем могла помочь в обучении. Никто не мог обучить тому, чего не знал.

– Мама? – позвала Шаллан. Она все же употребила это слово.

Мализа подняла голову. Несмотря на ослепляющий свет в комнате, Шаллан заметила, что губа мачехи рассечена и кровоточит. Мализа баюкала левую руку. Да, она сломана.

Шаллан взяла в руки марлю и лоскуты ткани, которые захватила с кухни, и начала обрабатывать раны. Нужно будет найти что-то подходящее, что можно использовать как шину для руки.

– Почему он тебя не ненавидит? – резко спросила Мализа. – Он ненавидит всех, кроме тебя.

Шаллан легко прикоснулась к губе женщины.

– Отец Штормов, зачем я приехала в это проклятое поместье? – Мализа вздрогнула. – Он убьет нас всех. Одного за другим, он всех нас сломает и убьет. В нем тьма. Я видела тьму в его глазах. Зверь...

– Ты уедешь, – тихо проговорила Шаллан.

Мализа хрипло засмеялась.

– Он никогда меня не отпустит. Он никогда никого и ничего не отпускает.

– Ты не станешь просить разрешения, – прошептала Шаллан. – Балат собирается сбежать и присоединиться к Хеларану, у которого имеются влиятельные друзья. Хеларан – Носитель Осколков. Он защитит вас обоих.

– Мы никогда не доберемся до него, – ответила Мализа. – И даже если у нас получится, с какой стати Хеларану принимать нас к себе? У нас ничего нет.

– Хеларан – хороший человек.

Мализа пошевелилась в кресле, отвернувшись от Шаллан, продолжавшей оказывать ей первую помощь. Женщина заскулила, когда девушка занялась ее рукой, но не стала отвечать на вопросы. Наконец Шаллан закончила и собрала окровавленные лоскуты, чтобы их выбросить.

– Если я уеду, – прошептала Мализа, – и Балат вместе со мной, кого он станет ненавидеть? Кого он будет бить? Может быть, наконец, тебя? Ту, кто действительно этого заслуживает?

– Может быть, – ответила Шаллан шепотом и вышла из комнаты.



Разве недостаточно разрушений мы уже вызвали? Миры, по которым ты теперь ступаешь, несут след и суть Адоналсиума. До сих пор наше вмешательство не принесло ничего, кроме боли.

Снаружи камеры Каладина раздалось шарканье ног. Один из тюремщиков снова его проверял. Мостовик продолжал лежать неподвижно с закрытыми глазами, не обращая на него внимания.

Чтобы не позволить тьме поглотить себя, он начал планировать. Что он будет делать, когда выйдет на свободу? Когда выйдет на свободу. Каладин должен был принуждать себя повторять эти слова. Не то чтобы он не верил Далинару. Просто рассудок... рассудок его предавал и нашептывал вещи, которые не могли быть правдой.

Искаженные мысли. В своем состоянии он мог поверить, что Далинар лжет. Он мог поверить, что кронпринц втайне желает, чтобы Каладин оставался в заключении. В конце концов, Каладин был ужасным телохранителем. Он ничего не смог поделаться с загадочными письменами с обратным отсчетом на стенах, не смог остановить Убийцу в Белом.

Его рассудок нашептывал ложь, и Каладин мог поверить, что Четвертый мост был рад от него избавиться – они только притворялись, что хотят быть телохранителями, лишь бы его порадовать. На самом деле они стремились прожить свои собственные жизни, от которых будут получать удовольствие, и без Каладина, который все испортит.

Вся эта ложь должна была казаться ему смехотворной. Но этого не происходило.

Щелчок.

Каладин резко открыл глаза, напрягшись. Не пришли ли они за ним, чтобы казнить, как того желал король? Он вскочил на ноги и занял боевую стойку, приготовив для броска пустую миску из-под еды.

Тюремщик в дверном проеме отступил назад, выпучив глаза.

– Шторма, парень, – произнес он. – Я думал, ты спишь. Что ж, ты свое отсидел. Сегодня король подписал помилование. Они даже не лишили тебя ни ранга, ни должности.

Мужчина потер подбородок и распахнул дверь камеры.

– Полагаю, тебе повезло.

Повезло. Люди всегда говорили так о Каладине. До сих пор надежда на свободу сдерживала тьму внутри. Каладин приблизился к двери. Осторожно. Он шагнул наружу, и тюремщик отошел назад.

– А ты не из доверчивых, да? – поинтересовался он. Стражник был светлоглазым низкого ранга. – Думаю, поэтому ты хороший телохранитель.

Он махнул Каладину, чтобы тот вышел из помещения первым.

Каладин ждал.

В конце концов мужчина вздохнул.

– Что ж, ладно.

Он вышел через дверной проем в коридор.

Каладин последовал за ним, чувствуя, что с каждым шагом возвращается на несколько дней в прошлое. Обуздать тьму. Он больше не раб. Он солдат. Капитан Каладин. Он пережил заключение... Сколько оно длилось? Две, три недели? Короткий срок, снова проведенный в клетке.

Теперь он был свободен. Он сможет вернуться к своим обязанностям в качестве телохранителя. Но кое-что... кое-что изменилось.

«Больше никто никогда, никогда не поступит так со мной снова. Ни король, ни генерал, ни светлорд или светледи».

Только через его труп.

Они миновали окно на подветренной стороне, и Каладин остановился, чтобы вдохнуть аромат свежего холодного воздуха. Из окна открывался обычный, ничем не примечательный вид на лагерь, но он показался мостовику великолепным. Легкий ветерок шевельнул волосы, и Каладин позволил себе улыбнуться, коснувшись рукой подбородка. За несколько недель отросла щетина. Нужно будет сказать Камню, чтобы он ее сбрил.

– Вот, – сказал тюремщик. – Он свободен. Мы можем, наконец, завершить этот фарс, ваше высочество?

«Ваше высочество?»

Каладин свернул в коридор, где стражник остановился перед другой камерой – одним из больших по размеру помещений, выходящих в сам коридор. Каладина поместили в самую глубокую камеру, подальше от окон.

Тюремщик вставил ключ в замок деревянной двери и открыл ее. Из камеры вышел Адолин Холин, одетый в простую опрятную униформу. За несколько недель он также обзавелся растительностью на лице, только его щетина была светлой, с вкраплениями черных волос. Принц сделал глубокий вдох, повернулся к Каладину и кивнул.

– Он запер вас? – произнес сбитый с толку Каладин. – Как?.. Что за?..

Адолин повернулся к тюремщику.

– Мои приказы выполнены?

– Они ждут в комнате неподалеку, – ответил тот взволнованным голосом.

Адолин кивнул и зашагал в указанном направлении.

Каладин подошел к тюремщику и удержал его за руку.

– Что происходит? Король поместил сюда наследника Далинара?

– Король не имеет к случившемуся никакого отношения, – ответил мужчина. – Светлорд Адолин сам настоял, что не покинет тюрьму, пока ты находишься здесь. Мы пытались его остановить, но он – принц. Мы, шторм побери, ничего не могли с ним поделать, даже заставить уйти. Он запер себя в камере, и нам пришлось лишь смириться.

Невероятно. Каладин взглянул на медленно шедшего по коридору Адолина. Принц выглядел гораздо лучше, чем чувствовал себя Каладин. Адолин явно

несколько раз принимал ванну, и его камера была гораздо большего размера и более уединенной.

Но все же она не переставала быть камерой.

«Шум, который я слышал в тот день, вскоре после того, как меня бросили сюда, – подумал Каладин. – Это был Адолин. Он пришел и запер себя».

Каладин подбежал к принцу.

– Зачем?

– Мне показалось неправильным, что ты находишься здесь, – ответил Адолин, смотря прямо перед собой.

– Я лишил тебя возможности вызвать Садеаса на дуэль.

– Если бы не ты, я был бы мертв или превратился бы в калеку, – пояснил Адолин. – Так что в любом случае у меня не оставалось шансов сразиться с Садеасом.

Принц остановился в коридоре и посмотрел на Каладина.

– Кроме того, ты спас Ренарина.

– Это моя работа, – ответил Каладин.

– В таком случае нам нужно платить тебе больше, мостовичок. Потому что мне кажется, что я еще никогда не встречал человека, который ринулся бы, будучи безоружным, в битву между шестью Носителями Осколков.

Каладин нахмурился.

– погоди. Ты пользовался одеколоном? В тюрьме?

– Ну, не обязательно же скатываться в варварство только потому, что я находился в заключении.

– Шторма, ты действительно избалован, – улыбнулся Каладин.

– Я благороден, ты, наглый крестьянин, – ответил Адолин, но затем ухмыльнулся. – Кроме того, признаюсь тебе, что был вынужден пользоваться здесь холодной водой для ванны.

– Бедный мальчик.

– Знаю.

Адолин помедлил и протянул руку.

Каладин пожал ее.

– Прости меня. За то, что испортил весь план.

– Ба, да ты его не испортил, – заявил Адолин. – Это сделал Элокар. Ты не думал, что он мог бы просто проигнорировать твою просьбу и продолжить следовать плану, позволив мне вызвать Садеаса? Он вышел из себя вместо того, чтобы успокоить толпу и действовать дальше. Шторм его побери!

Каладина обескуражил подобный дерзкий тон. Он бросил взгляд на тюремщика, который держался сзади на расстоянии и явно старался не привлекать внимания.

– То, что ты рассказал об Амараме, – спросил Адолин, – правда?

– Каждое слово.

Адолин кивнул.

– Меня всегда интересовало, что скрывает этот человек.

Он зашагал дальше.

– Подожди-ка, – позвал Каладин, прибавляя шаг, чтобы нагнать принца, – ты мне веришь?

– Мой отец – лучший человек из тех, кого я знаю, возможно, лучший из ныне живущих. Но даже он иногда теряет самообладание, делает неверные выводы и не может похвастаться безупречным прошлым. Амарам никогда не был замечен в чем-то неподобающем. Если послушать истории о нем, то складывается впечатление, что каждый считает, будто он светится в темноте и справляет нужду нектаром. По мне, так это пахнет тем, что кто-то слишком старается поддерживать свою репутацию.

– Твой отец говорит, что мне не следовало пытаться вызвать Амарама на дуэль.

– Ага, – ответил Адолин, подходя к двери в конце коридора. – Проведение дуэлей имеет четкие правила, которых ты, подозреваю, просто не знаешь. Темноглазый не может бросить вызов такому человеку, как Амарам, и ты, безусловно, не должен был делать этого так, как сделал. Ты поставил короля в неудобное положение, словно наплевал на предложенный им дар.

Адолин на секунду задумался.

– Конечно, после сегодняшнего дня для тебя это больше не должно иметь значения.

Принц распахнул дверь. За ней находилась маленькая комната, в которой, видимо, проводили свои дни тюремщики – теперь же в помещении толпилось большинство солдат Четвертого моста. Стол и стулья передвинули в угол, чтобы освободить место для примерно двадцати мужчин, которые отсалютовали Каладину, когда открылась дверь. Салюты почти мгновенно сменились приветственными возгласами.

Эти звуки... эти звуки разгоняли тьму, пока она не исчезла полностью. Каладин понял, что улыбается, когда вошел внутрь, встретился с товарищами, стал пожимать им руки, услышал, как Камень отпускает остроту насчет его отросшей щетины. Там был и Ренарин в униформе Четвертого моста. Он немедленно присоединился к брату, заговорив с ним тихо и радостно, хотя и вытащил свою маленькую коробочку, которую любил вертеть в руках.

Каладин бросил взгляд в сторону. Кем были те мужчины у стены? Сопровождающие Адолина? Может быть, кто-то из его оружейников? Они держали какие-то предметы, укрытые полотном. Адолин вошел в комнату и громко хлопнул в ладоши, успокаивая Четвертый мост.

– Так уж вышло, – сказал он, – что с недавних пор я владею даже не одним, а двумя новыми Клинками Осколков и тремя комплектами Доспехов. Дому Холин теперь принадлежит четверть Осколков всего Алеткара, и мне присвоили титул дуэльного чемпиона. Неудивительно, учитывая, что Релис отбыл с караваном, направляющимся назад в Алеткар. Он уехал спустя только ночь после нашего поединка, отосланный своим отцом в попытке скрыть позор от столь нашумевшего проигрыша. Один полный комплект Осколков отправится к генералу Халу, два набора Доспехов я приказал передать светлоглазым высокого ранга в армии моего отца.

Адолин кивнул в сторону свертков.

– Таким образом, остается один полный комплект. Лично мне любопытно узнать, сколько правды в легендах. Если темноглазый свяжет себя узами с Клинком Осколков, изменят ли его глаза цвет?

Каладин ощутил острый приступ паники. Снова. Снова то же самое.

Оружейники развернули полотно, обнажив мерцающий серебристый Клинок. Обоюдоострый, по центру – гравировка в виде извивающихся вдоль всего лезвия лоз. У своих ног оружейники разложили комплект выкрашенных в оранжевый цвет Доспехов, который достался принцу от одного из мужчин, которых помог победить Каладин.

Принять Осколки, и все изменится. Каладин немедленно почувствовал, как к горлу подступает тошнота, его чуть не вывернуло наизнанку. Он повернулся к Адолину.

– Я могу сделать с ними все, что пожелаю?

– Прими их, они твои, – кивнул в ответ Адолин.

– Уже нет, – сказал Каладин, указав в сторону одного из членов Четвертого моста. – Моаш. Возьми их. Теперь ты Носитель Осколков.

Лицо Моаша стало белым как мел. Каладин приготовился. В прошлый раз... Он вздрогнул, когда Адолин схватил его за плечо, но произошедшая в армии Амарама трагедия не повторилась. Адолин потащил Каладина обратно в коридор, подняв вверх руку и тем самым приказав мостовикам воздержаться от разговоров.

– Одну секунду. Никому не двигаться, – произнес принц и затем, уже тише, прошипел Каладину: – Я дарю тебе Клинок и Доспехи Осколков!

– Спасибо, – спокойно ответил Каладин. – Моаш будет использовать их во благо. Он тренировался с Зейхелом.

– Я отдал их не ему. Я отдал их тебе!

– Если они действительно мои, значит, я могу делать с ними все, что пожелаю. Или на самом деле они не мои?

– Да что с тобой? – удивился Адолин. – Это заветная мечта любого солдата, будь он светлоглазым или темноглазым. Поступаешь так мне назло? Или... это потому...

Он казался полностью обескураженным.

– Нет, не назло, – так же тихо ответил Каладин. – Адолин, Клинки Осколков погубили слишком многих людей, которых я любил. Я не могу смотреть на них, не могу прикасаться к ним, перед глазами сразу встает кровь.

– Но ты бы стал светлоглазым, – прошептал Адолин. – Ты бы считался одним из нас, даже если Осколки не изменят цвет твоих глаз. Носители немедленно получают четвертый дан. Ты сможешь бросить вызов Амараму. Вся твоя жизнь изменится!

– Я не хочу, чтобы моя жизнь изменилась только потому, что я вдруг стал светлоглазым, – ответил Каладин. – Я хочу, чтобы изменились жизни таких людей, как я... какой я теперь... Этот дар не для меня, Адолин. Я не пытаюсь досадить тебе или кому-либо еще. Просто не хочу обзаводиться Клинком Осколков.

– Убийца вернется. Мы оба это знаем. И я бы не прочь, чтобы в нужный момент ты с Осколками оказался рядом и прикрыл мне спину.

– Без них от меня больше пользы.

Адолин нахмурился.

– Позволь мне отдать Осколки Моашу, – попросил Каладин. – Ты же видел на арене, что я могу позаботиться о себе без Клинка и Доспехов. Если вооружить Осколками одного из моих лучших людей, сражаться против убийцы мы будем уже втроем.

Адолин заглянул в комнату и, скептически покачав головой, снова подошел к Каладину.

– Ты сумасшедший, ты это понимаешь?

– Я смирился.

– Отлично, – проговорил Адолин, шагнув обратно в комнату. – Ты. Моаш, не так ли? Полагаю, теперь эти Осколки принадлежат тебе. Мои поздравления. Теперь ты превосходишь по рангу девяносто процентов жителей Алеткара. Выбери себе родовое имя и попроси присоединиться к одному из домов под знаменем Далинара или можешь основать свой собственный, если захочешь.

Моаш бросил вопросительный взгляд на Каладина. Тот кивнул.

Высокий мостовик шагнул к краю комнаты, протягивая руку, чтобы прикоснуться к Клинку Осколков. Он провел пальцами по всему лезвию до рукояти, а затем обхватил ее, с благоговением подняв Клинок. Как и большинство таких мечей, тот был огромен, но Моаш с легкостью держал его одной рукой. Гелиодор, вставленный в навершие эфеса меча, вспыхнул ослепительным светом.

Моаш посмотрел на остальных членов Четвертого моста, вытаращивших глаза и потерявших дар речи. Вокруг него появились спрены славы – вращающаяся масса из самое малое двух десятков светящихся сфер.

– Его глаза, – проговорил Лоупен, – разве они не должны измениться?
– Если это и произойдет, – ответил Адолин, – то, возможно, только после полного связывания с Клинком. Для связывания потребуется неделя.

– Наденьте на меня Доспехи, – сказал оружейникам Моаш с такой настойчивостью в голосе, словно боялся, что их у него отберут.

– Ну, будет уже! – пророкотал Камень голосом, заполнившим комнату подобно плененному грому, когда оружейники засуетились вокруг Моаша. – Нам еще вечеринку нужно закатить! Великий капитан Каладин Благословленный Штормом, обитатель тюрем, сейчас ты пойдешь есть мое рагу. Ха! Я готовил его все время, пока ты был взаперти.

Каладин позволил мостовикам вывести себя наружу, на солнечный свет, где ожидала толпа солдат, в том числе многие мостовики из других бригад. Они разразились приветственными возгласами, и Каладин краем глаза заметил Далинара, ожидающего в стороне. Адолин направился к отцу, но Далинар пристально следил за Каладином. Что мог означать его взгляд? Такой задумчивый. Каладин отвернулся и продолжил принимать поздравления от пожимающих ему руку и дружески хлопающих по спине мостовиков.

– О чем ты там болтал, Камень? – спросил Каладин. – Ты наготовил рагу на каждый день, пока я был заперт в тюрьме?

– Нет, – ответил Тефт вместо Камня, почесывая бороду. – Наш рогоед, шторм его побери, все это время готовил один единственный котелок, позволяя ему томиться в течение нескольких недель. Не позволял нам пробовать и упорствовал в том, что нужно вставать посреди ночи и следить за ним.

– Праздничное рагу, – пояснил Камень, сложив руки на груди. – Должно долго тушиться на медленном огне!

– Ну что ж, тогда вперед, – сказал Каладин. – Наконец-то я смогу попробовать что-то повкуснее тюремной еды.

Мужчины одобрительно заголосили и всей гурьбой поспешили к своему бараку. Когда они двинулись, Каладин схватил Тефта за руку.

– Как все это восприняли? – спросил он. – В смысле, мое заключение.

– Заходил разговор о том, чтобы вытащить тебя, – тихо признался Тефт. – Я вдолбил в их головы немного здравого смысла. Тот, кто не проведет день или два под замком, не может считаться настоящим солдатом. Это часть профессии. Тебя не понизили в звании, значит, просто хотели немного потрепать за уши. Все поняли, что происходит на самом деле.

Каладин кивнул.

Тефт бросил взгляд на остальных.

– Они достаточно сильно разозлились на этого Амарама. И проявили большой интерес. Знаешь, любая информация о твоём прошлом вызывает пересуды.

– Отведи их обратно в казарму. Я присоединюсь к вам через минуту.

– Не задерживайся слишком долго, – ответил Тефт. – Парни охраняли вход в тюрьму в течение трех недель. Ты задолжал им праздник.

– Я скоро подойду, – успокоил его Каладин. – Просто хочу сказать пару слов Моашу.

Тефт кивнул и убежал прочь присматривать за остальными. Тюремная приемная комната казалась опустевшей, когда Каладин зашел обратно. Остались только Моаш и оружейники. Каладин направился к ним, наблюдая, как Моаш сжал в кулак руку в латной перчатке.

– Я все еще не могу поверить в случившееся, Кэл, – проговорил он, пока оружейники надевали на него нагрудник. – Шторма... Теперь я стою больше некоторых королевств.

– Я бы не советовал тебе продавать Осколки, по крайней мере, не чужеземцу, – сказал Каладин. – Подобное могут расценить как предательство.

– Продать? – переспросил Моаш, резко вскинув голову. Он сжал другую руку в кулак. – Никогда.

Мостовик улыбнулся с неподдельной радостью, когда нагрудник защелкнулся на месте.

– Я помогу ему с остальным, – сказал Каладин оружейникам.

Они неохотно ушли, оставив Каладина и Моаша наедине. Каладин помог приладить один из наплечников.

– У меня там было много времени для размышлений, – произнес он.

– Могу представить.

– Размышления привели меня к нескольким решениям, – продолжил Каладин, защелкивая очередную часть Доспехов. – Одно из них – твои друзья правы.

Моаш резко повернулся к нему.

– Значит...

– Значит, можешь им сказать, что я согласен с их планом, – проговорил Каладин. – Я сделаю то, чего они от меня хотят, чтобы помочь... выполнить их задачу.

Комната погрузилась в странную тишину.

Моаш взял его под руку.

– Я говорил им, что ты поймешь. – Он указал на свои Доспехи. – Они тоже помогут в нашем деле. И как только мы закончим, об одном определенном человеке, которому ты бросил вызов, возможно, придется позаботиться таким же образом.

– Я согласился лишь потому, – ответил Каладин, – что это к лучшему. Для тебя, Моаш, речь идет о мести – и не пытайся отрицать. Я действительно думаю, что это то, что нужно Алеткару. Может быть, даже то, что нужно миру.

– О, я знаю, – проговорил Моаш, надевая шлем с поднятым забралом.

Он глубоко вздохнул, а затем шагнул и споткнулся, чуть не рухнув на землю. Схватившись за стол, мостовик удержал равновесие, но дерево хрустнуло под его пальцами и расщепилось.

Моаш уставился на содеянное и рассмеялся.

– Это... это изменит все. Спасибо тебе, Каладин. Спасибо.

– Давай позовем оружейников и поможем тебе их снять, – сказал Каладин.

– Нет. Ты иди на штормовой праздник Камня. Я же отправлюсь на тренировочный полигон! Я не сниму их, пока не смогу двигаться естественно.

Помня о том, скольких трудов стоило Ренарину привыкнуть к Доспехам, Каладин подозревал, что Моашу потребуется больше времени, чем тот рассчитывал. Каладин не стал ничего говорить, вышел на солнечный свет и несколько мгновений просто наслаждался, закрыв глаза и подняв голову к небу.

А потом побежал догонять Четвертый мост.



Мой путь был выбран очень осторожно. Да, я согласен со всем сказанным тобой о Рэйсе, включая серьезную опасность, которую он представляет.

Далинар остановился на серпантине, ведущем вниз от Пика, Навани была рядом с ним. В сгущающихся сумерках он наблюдал за тем, как людская река течет в военные лагеря с Разрушенных равнин. Армии Бетаба и Танадала возвращались с забега на плато, следуя за своими кронпринцами, которые, вероятно, прибыли немного раньше.

Снизу к Пику приближался всадник, похоже, с новостями для короля с забега. Далинар посмотрел на одного из своих охранников – сегодня вечером их у него было четверо, два для него и два для Навани – и сделал жест рукой.

– Вы хотите подробностей, светлорд? – спросил мостовик.

– Будь добр.

Мужчина побежал вниз по серпантину. Далинар задумчиво смотрел, как он спускается. Эти люди оказались необычайно дисциплинированы, учитывая их происхождение, но они не были профессиональными солдатами. Им не понравилось, как он повел себя, бросив их капитана в тюрьму.

Далинар предполагал, что они не станут раздувать из этого проблему. Капитан Каладин хорошо ими руководил – он точно соответствовал тому типу офицера, которого искал кронпринц. Такие люди выказывали инициативу не потому, что жаждали продвижения по службе, а ради удовлетворения от хорошо выполненной работы. Таким солдатам часто приходится нелегко поначалу, пока они не научатся сохранять спокойствие. Шторма, Далинару самому пришлось усвоить несколько подобных уроков в различные моменты своей жизни.

Он продолжил медленно спускаться по серпантину вместе с Навани. Сегодня вечером она выглядела великолепно, ее волосы украшали сапфиры, мягко сияющие на свету. Навани нравились такие совместные прогулки, и они не спешили на пир.

– Я продолжаю раздумывать над тем, – произнесла она, возобновляя разговор, – что должен быть способ использовать фабриалы в качестве насосов. Ты видел, как встраивают драгоценные камни, чтобы притягивать определенные

субстанции. Самый полезный пример – дым над огнем. Но сможем ли мы применить их к воде?

Кивнув, Далинар что-то пробормотал.

– В военных лагерях все больше и больше зданий обзаводятся водопроводом в харбрантском стиле, – продолжила Навани, – но чтобы проводить жидкость через трубы, в них используется сила тяжести сама по себе. Мне же представляется настоящее движение, когда на концах сегментов труб укреплены драгоценные камни, с помощью которых вода устремляется потоком в направлении, противоположном земному притяжению.

Он снова что-то пробормотал.

– Недавно мы совершили прорыв в разработке новых Клинков Осколков.

– Что, на самом деле? – спросил Далинар. – Как это произошло? Как скоро у тебя будет готовый образец?

Навани улыбнулась, взяв его под руку.

– Что?

– Просто проверяю, что ты по-прежнему верен себе, – сказала она. – Наше открытие заключается в том, что драгоценные камни, с помощью которых связывают Клинки, возможно, не являлись изначально частью мечей.

Далинар нахмурился.

– Это важно?

– Да. Если это правда, значит, Клинки не черпают силу из камней. Заслуга принадлежит Рушу, которая задалась вопросом, почему Клинок Осколков может быть призван и отпущен, даже если его драгоценный камень потускнел. У нас не было ответов, и она провела несколько последних недель в общении с Харбрантом при помощи тех новых информационных центров. Она наткнулась на обрывок текста, написанного спустя несколько десятилетий после Измены, в котором говорилось о том, как люди научились призывать и отпускать Клинки путем добавления в них драгоценных камней, по всей видимости, случайно, когда занимались украшением Клинков.

Далинар снова нахмурился. Они миновали выступ сланцекорника, где в этот поздний час работал садовник, тщательно подрезая растение и напевая себе под нос. Солнце село; на востоке только что поднялся Салас.

– Если это правда, – радостно продолжила Навани, – мы вернемся к абсолютному незнанию того, как были изготовлены Клинки Осколков.

– Я вообще не вижу, в чем здесь прорыв.

Она улыбнулась, похлопав его по руке.

– Представь, что ты провел последние пять лет, полагая, что в качестве тактической модели враги следовали «Войне» Диалектура, а потом узнал о том, что они никогда не слышали о его трактате.

– А...

– Мы предполагали, что прочность и легкость Клинков обусловлена определенной фабриальной конструкцией, питаемой драгоценными камнями. Но, возможно, дело в другом. Судя по всему, драгоценные камни нужны лишь для изначального связывания Клинка – а это то, в чем Сияющие не нуждались.

– Подожди. Они в этом не нуждались?

– Нет, если отрывок верен. Напрашивается вывод, что Сияющие всегда могли отпускать и призывать Клинки, но со временем способность была утрачена. Ее открыли вновь только после того, как кто-то присоединил драгоценный камень к Клинку. В отрывке говорится, что оружие даже изменяло форму, чтобы подошли камни, но я не уверена, что тексту можно доверять. В любом случае после того, как Сияющие пали, но до того, как люди научились помещать драгоценные камни в Клинки и связывать их, оружие, по-видимому, также обладало невероятной остротой и легкостью, хотя связывание было невозможно.

Это бы объяснило несколько других отрывков из записей, которые я читала и которые привели меня в замешательство...

Навани продолжила рассказывать, и Далинар ощутил, как приятно звучит ее голос. Однако подробности конструкций фабриалов не слишком занимали его в тот момент. Ему не было все равно. Он должен уделять внимание подобным вещам. И ради нее, и ради нужд королевства.

Просто он не мог волноваться о чем-то подобном прямо сейчас. Мысленно он пробежался по приготовлениям к экспедиции на Разрушенные равнины. Подумал о том, как скрыть из виду преобразователей согласно их пожеланиям. С отправлением естественных нужд проблем не возникнет, воды будет в изобилии. Сколько нужно взять писцов? Лошадей? Оставалась только одна неделя, и большинство приготовлений, таких, как передвижные конструкции мостов и оценка снабжения, подходили к концу. Однако всегда есть, о чем подумать на будущее.

К сожалению, самую важную вещь Далинар мог спланировать заранее лишь приблизительно. Он не знал, какова окажется численность его войск. Она зависела от того, кто из кронпринцев, если таковые вообще найдутся, согласится отправиться вместе с ним. Меньше недели, а он все еще не был уверен в том, согласится ли хоть кто-нибудь.

«В основном я могу использовать Хатама, – подумал Далинар. – Он руководит крепкой армией. Если бы только Аладар не принял так решительно сторону Садеаса. Не могу представить его не в деле. Танадал и Бетаб... Шторма, возьму ли я их наемников, если кто-то из этих двоих согласится пойти со мной? Нужна ли мне такая сила? Осмелюсь ли я отказаться хотя бы от одного копья, которое примет мою сторону?»

– Сегодня мне не удастся разговорить тебя, не так ли? – спросила Навани.

– Да, – признался Далинар. Они достигли основания Пика и повернули на юг. – Прости.

Навани кивнула, и он увидел, как ее маска дала трещину. Она рассказывала о своей работе, потому что нужно было о чем-то говорить. Далинар остановился рядом с ней.

– Я знаю, тебе больно, – тихо сказал он. – Но все образуется.

– Она не позволяла мне быть ей матерью, Далинар, – произнесла Навани, глядя вдаль. – Ты знал? Это было почти как... как будто, когда Джасна достигла отрочества, ей больше не требовалась мать. Я пыталась с ней сблизиться, но между нами вставала лишь холодность, словно даже мое присутствие напоминало ей о том, что когда-то она была ребенком. Что случилось с моей маленькой девочкой, всегда задававшей так много вопросов?

Далинар крепко прижал ее к себе. Приличия могут катиться в Бездну. Трое охранников неподалеку зашевелились, отворачиваясь в сторону.

– Они скоро заберут и моего сына, – прошептала Навани. – Они пытаются.

– Я буду его защищать, – пообещал Далинар.

– А кто защитит тебя?

У него не было ответа на этот вопрос. Если сказать, что о нем позаботятся его охранники, прозвучит банальность. На самом деле она задала совсем другой вопрос: «Кто защитит тебя, когда вернется убийца?»

– Я почти желаю, чтобы ты потерпел неудачу, – сказала Навани. – Удерживая королевство единым, ты сделал самого себя мишенью. Если все просто рухнет и мы вернемся к разрозненным княжествам, возможно, он оставит нас в покое.

– И тогда придет шторм, – тихо ответил Далинар. – Через двенадцать дней. Навани наконец отстранилась, кивая и успокаиваясь.

– Разумеется, ты прав. Я только... Для меня это впервые. Иметь дело с чем-то подобным. Как ты справился с горем, когда Ш-ш-ш-ш умерла? Я знаю, что ты ее любил, Далинар. Ты не должен отрицать очевидное, боясь уязвить мое самолюбие.

Кронпринц пришел в замешательство. «Впервые» намекало на то, что когда погиб Гавилар, она не была сломлена случившимся. Навани никогда не говорила так откровенно, намекая на... трудности в отношениях.

– Прости, – сказала она. – Слишком неприятный вопрос, учитывая, от кого он исходит?

Женщина вытащила платок, чтобы промокнуть глаза.

– Прошу прощения. Я знаю, что ты не любишь о ней говорить.

Дело было не в том, что вопрос оказался неприятен. Просто Далинар не помнил свою жену. Как странно, что он мог неделями даже не замечать пробелов в памяти, того изменения, вырвавшего из него кусок личности и оставившего ненадежную заплатку. Он не испытывал ни малейшего намека на эмоции, когда кто-то упоминал ее имя, которое он не мог слышать.

Лучше сменить тему беседы.

– Я не могу не сделать вывод, что убийца замешан во всем происходящем, Навани. Грядущий шторм, секреты Разрушенных равнин, даже Гавилар. Мой брат что-то знал, что-то, чем он не поделился ни с кем из нас. «Ты должен найти самые важные слова, которые может сказать человек». Я бы отдал все, чтобы узнать, что же это за слова.

– Думаю, – ответила Навани, – мне стоит снова обратиться к своим дневникам того времени. Возможно, он сказал что-то, что могло бы дать нам подсказку, хотя предупреждаю тебя – я вчитывалась в те записи десятки раз.

Далинар кивнул.

– Как бы там ни было, это забота не на сегодня. Наша текущая цель – они.

Далинар и Навани повернулись и стали смотреть, как мимо с грохотом катятся экипажи, которые направлялись к праздничной лагуне неподалеку, светящейся в ночи мягкими фиолетовыми огнями. Далинар прищурился и увидел, как приближается экипаж Рутара. Кронпринца лишили всех Осколков кроме его собственного Клинка. В неразберихе они отрезали правую руку Садеаса, но голова осталась на месте. И она была ядовитой.

Другие кронпринцы представляли собой почти такую же большую проблему, что и Садеас. Они противостояли ему, потому что хотели, чтобы все было просто, как раньше. Богатства и игры их развратили, а пиры с экзотической пищей и роскошными нарядами только лишней раз это демонстрировали.

Казалось, что весь мир катится в пропасть, а алетии устроили пир.

– Тебе не следует их презирать, – проговорила Навани.

Далинар еще больше нахмурился. Она слишком хорошо понимала, что у него на уме.

– Послушай меня, Далинар. – Навани повернулась, чтобы встретиться с ним глазами. – Что хорошего может выйти, если отец ненавидит своих детей?

– Я не испытываю к ним ненависти.

– Ты чувствуешь отвращение к их излишествам, и ты близок к тому, чтобы обратить это чувство и на них самих. Они живут той жизнью, которую знают, жизнью, которую общество научило их считать подходящей. Ты не изменишь их презрением. Ты не Шут, насмехаться над ними не твоя задача. Твоя задача – окружать вниманием, поощрять. Веди их, Далинар.

Он глубоко вздохнул и кивнул.

– Я отправлюсь на женский остров, – продолжила Навани, отметив, что охранник-мостовик возвращается с новостями о забеге на плато. – Они считают

меня эксцентричным пережитком того, что лучше оставить в прошлом, но я думаю, что они все еще прислушиваются ко мне. Иногда. Я сделаю, что смогу.

Они расстались. Навани поспешила на пир, а Далинар остался ждать, пока мостовик приблизится с новостями. Забег на плато оказался успешным, захватили гемсердце. Довольно много времени потребовалось, чтобы достичь нужного плато, расположенного в глубине Разрушенных равнин, почти на границе разведанной территории. Паршенди не появились, чтобы сразиться за гемсердце, хотя их разведчики наблюдали за происходящим издалека.

«Они снова решили не сражаться, – подумал Далинар, направившись на пир. – Что означает эта перемена? Что они замышляют?»

Праздничная лагуна представляла собой несколько *преобразованных* островов рядом с комплексом Пика. Ее заполнили водой, как это часто бывало, таким образом, что *преобразованные* насыпи выступали между маленькими речками. Вода светилась пурпурным в соответствии с только что взошедшей бледной фиолетовой луной на горизонте. Чтобы получить такой неземной оттенок, в воду было необходимо погрузить сферы, причем в большом количестве.

Повсюду равномерно разместили фонари, но с тусклыми сферами – возможно, чтобы не отвлекать от светящейся воды. Далинар прошел по мостам к самому дальнему острову – королевскому, где присутствовали гости обоих полов и куда приглашали только самых влиятельных. Он знал, что найдет там кронпринцев. Даже Бетаб, только что вернувшийся с забега на плато, уже здесь. Впрочем, он предпочитал использовать в своей армии наемников, поэтому неудивительно, что так быстро вернулся с забега. Часто, как только они захватывали гемсердце, он возвращался верхом с призом, предоставляя войскам добираться обратно самостоятельно.

Далинар прошел мимо Шута, который вернулся в лагерь со свойственной ему таинственностью и теперь насмешничал над всеми, кто проходил мимо. Сегодня Далинару не хотелось упражняться с ним в остроумии. Кронпринц поискал глазами Ваму; казалось, что Вама действительно прислушивался к доводам Далинара во время их последнего ужина. Возможно, если его подтолкнуть, он присоединится к экспедиции против паршенди.

Пока Далинар пересекал остров, его преследовали взгляды всех присутствующих, а шепот разговоров поспешно стихал, когда он проходил мимо. Теперь он уже ожидал этих взглядов, хотя они все еще его нервировали. Не стало ли их больше сегодня вечером? Были они более пристальными? В последние дни он не мог находиться в обществе аleti без того, чтобы не поймать улыбки на губах слишком многих, как будто все они участвовали в некой грандиозной шутке, о которой ему не рассказали.

Далинар обнаружил Ваму разговаривающим с группой из трех немолодых женщин. Одной из них была Сиви, светледи из свиты Рутара, которая вопреки обычаю оставила мужа дома присматривать за землями и лично явилась на Разрушенные равнины. Она оглядела Далинара пронзительным, как кинжал, взглядом и улыбнулась. Замысел подорвать доверие к Садеасу потерпел, по большому счету, полный провал, но частично потому, что ущерб и позор приняли на себя Рутар и Аладар. Им пришлось лишиться Носителей Осколков, которые сражались с Адолином на дуэли.

Впрочем, эти двое никогда и не собирались примыкать к Далинару – они являлись самыми убежденными сторонниками Садеаса.

Четверо беседующих замолчали, когда к ним подошел Далинар. Прищурившись в тусклом свете, кронпринц Вама оглядел Далинара сверху донизу. Рядом с круглолицым мужчиной стоял виночерпий с бутылкой какого-то экзотического ликера. Вама часто приносил на пиры свое спиртное, независимо от того, кто устраивал праздник. Если вы оказывались достаточно приятным

собеседником, чтобы заслужить глоток того, что он ухитрился привозить из-за границы, можно было считать, по мнению многих его оппонентов, что вы достигли политического триумфа.

– Вама, – поприветствовал его Далинар.

– Далинар.

– Есть дело, которое я хотел бы с тобой обсудить, – сказал Далинар. – Меня впечатлило, на что ты оказался способен с легкой кавалерией во время забегов на плато. Скажи мне, как ты решаешь, когда следует пойти на риск и отправить всадников в решительную атаку? Убытки от потери лошадей могут легко превзойти доходы от гемсердец, но ты смог найти баланс, используя изящные военные уловки.

– Я... – Вама вздохнул, отведя взгляд в сторону. Несколько молодых людей неподалеку хихикали, посматривая на Далинара. – Это вопрос...

Другой смешок, более громкий, донесся с противоположной стороны острова. Вама начал заново, но его глаза метнулись в том направлении, и кружок смеющихся взорвался громким хохотом. Далинар заставил себя посмотреть туда же и заметил женщин, прижимающих руки к губам, и мужчин, скрывающих восклицания кашлем. Слабые попытки сохранить подобающие авети приличия.

Далинар перевел взгляд обратно на Ваму.

– Что происходит?

– Я сожалею, Далинар.

Стоящая рядом с ним Сиви держала под мышкой несколько листов бумаги. Она встретилась с пристальным взглядом Далинара с напускным безразличием.

– Прошу меня извинить, – проговорил он.

Сжав кулаки, кронпринц пошел через остров к источнику шума. Когда он приблизился, авети затихли и разбились на меньшие группки, рассеявшись по сторонам. То, как быстро они разошлись, казалось почти спланированным. Он остался лицом к лицу с Садеасом и Аладаром, стоящими бок о бок.

– Что вы тут устроили? – требовательно спросил у них Далинар.

– Наслаждаемся пиром, – ответил Садеас и сунул в рот кусочек фрукта. – Это же очевидно.

Далинар глубоко вздохнул и взглянул на Аладара, лысого и длинноношего, с усами и клочком волос под нижней губой.

– Ты бы постыдился, – зарычал на него Далинар. – Мой брат когда-то называл тебя другом.

– Но не меня? – спросил Садеас.

– Что вы сделали? – снова потребовал ответа Далинар. – О чем все шушукаются, посмеиваясь и прикрывая рты руками?

– Ты всегда считаешь, что виноват я, – сказал Садеас.

– Потому что каждый раз, думая, что ты ни при чем, я ошибаюсь.

Садеас улыбнулся ему одними губами и начал было отвечать, но затем подумал мгновение и в конце концов просто засунул в рот очередной кусочек фрукта. Прожевал его и осклабился.

– Вкусно, – вот и все, что сказал Садеас, а затем повернулся и пошел прочь.

Аладар замешкался, покачал головой и поспешил следом.

– Я никогда не считал тебя щенком, бегущим по пятам за хозяином, Аладар, – крикнул ему Далинар.

Тот не ответил.

Далинар что-то пробормотал, зашагав назад через остров, и стал высматривать кого-нибудь из своего военного лагеря, кто мог бы рассказать ему, что происходит. Элокар, похоже, опаздывал на собственный пир, хотя Далинар увидел, как король приближается ко входу. До сих пор не было видно Тешав и

Хала – они, несомненно, появятся, теперь, когда генерал стал Носителем Осколков.

Возможно, Далинару стоило переместиться на другой остров, где будет меньше светлоглазых. Он уже двинулся в ту сторону, но остановился, когда кое-что услышал.

– Надо же, светлорд Амарам! – закричал Шут. – Я так надеялся, что смогу встретить тебя сегодня вечером. Я провел всю жизнь, обучаясь тому, как заставлять других чувствовать себя жалкими, и для меня подлинная радость встретить того, кто уже от природы одарен именно этим свойством.

Далинар повернулся, заметив только что прибывшего Амарама. Тот пришел в своем плаще Сияющих рыцарей и нес под мышкой стопку бумаг. Амарам остановился рядом с креслом Шута. Вода бросала лавандовые отблески на их кожу.

– Я тебя знаю? – спросил Амарам.

– Нет, – беспечно ответил Шут, – но, к счастью, ты можешь добавить меня к списку многих-многих вещей, о которых ты не осведомлен.

– Но теперь я тебя встретил, – сказал Амарам, протягивая руку. – Так что в списке на один пункт меньше.

– Пожалуйста, не надо, – ответил Шут, отвергая руку. – Даже не хочу до этого дотрагиваться.

– Этого?

– Того, чем ты пользуешься, чтобы твои руки выглядели чистыми, светлорд Амарам. Должно быть, очень сильнодействующее средство.

Кронпринц поспешил подойти.

– Далинар, – кивнул ему Шут.

– Шут. Амарам, что у тебя за бумаги?

– Один из ваших клерков заполучила их и принесла мне, – ответил Амарам. – Копии распространили среди посетителей пира перед вашим прибытием. Ваш клерк подумала, что светледи Навани захочет их увидеть, если не видела до сих пор. Где она?

– Очевидно, держится подальше от тебя, – заметил Шут. – Счастливая женщина.

– Шут, – строго сказал Далинар, – ты вообще соображаешь?

– Редко.

Далинар вздохнул, обернувшись к Амараму, и забрал бумаги.

– Ее светлость Навани на другом острове. Ты знаешь, о чем в них говорится?

Лицо Амарама помрачнело.

– Лучше бы не знал.

– Я могу ударить тебя по голове молотом, – радостно предложил Шут. – Хороший удар отшибет память и заставит тебя принять удивленный вид.

– Шут, – решительно произнес Далинар.

– Я просто шучу.

– Хорошо.

– С таким крепким черепом, как у него, одним молотом не обойдешься.

Амарам повернулся к Шуту с замешательством на лице.

– У тебя очень хорошо получается это выражение, – заметил Шут. – Полагаю, ты много тренировался?

– Это новый Шут? – спросил Амарам.

– Я имею в виду, мне не хотелось бы называть Амарама имбецилом...

Далинар кивнул.

– ...потому что тогда мне придется объяснять ему значение этого слова, а я не уверен, что у нас хватит времени.

Амарам вздохнул.

– Почему еще никто его не убил?
– Глупое везение, – пояснил Шут. – Мне повезло, что вы все такие глупые.
– Спасибо, Шут, – сказал Далинар, беря Амарама под руку и отводя в сторону.

– Еще одно, Далинар! – воскликнул Шут. – Только одно последнее оскорбление, и я оставлю его в покое.

Они не обернулись.

– Лорд Амарам, – позвал Шут, отвесив поклон, его голос стал торжественным. – Я отдаю тебе должное. Ты тот идеал, к которому меньшие кретины вроде Садеаса могут только стремиться.

– Бумаги? – сказал Далинар Амараму, подчеркнуто игнорируя Шута.

– В них описания ваших... переживаний, светлорд, – тихо ответил Амарам.
– Тех, что вы испытываете во время штормов. Записанные собственноручно светледи Навани.

Далинар взял бумаги. Его видения. Он поднял голову и увидел группы людей на острове, болтающих и смеющихся, бросающих на него взгляды.

– Понятно, – тихо ответил он. Скрытые насмешки обрели смысл. – Найди для меня светледи Навани, будь так любезен.

– Как пожелаете, – сказал Амарам, но резко остановился, на что-то указывая. Через соседний остров шла мать короля, направляясь к ним с видом приближающейся бури.

– Что ты думаешь, Амарам? – спросил Далинар. – О том, что наговорили на мой счет?

Амарам встретился с ним взглядом.

– Очевидно, что эти видения посланы самим Всемогущим и даны нам во времена великой нужды. Хотел бы я узнать их содержание раньше. Они заряжают меня огромной уверенностью в своей позиции и в вашем предназначении в качестве пророка Всемогущего.

– У мертвого бога не может быть пророков.

– Мертвый... Нет, Далинар! Несомненно, вы неверно истолковали этот комментарий из ваших видений. Он говорил о том, что мертв в умах людей, что они больше не слушают его приказы. Бог не может умереть.

Амарам казался таким серьезным.

«Почему он не помог вашему сыну?» – зазвенел в голове Далинара голос Каладина.

Конечно же, Амарам пришел к Далинару в тот день и принес извинения, объяснив, что с его назначением Сияющим он никак не мог помочь одной фракции против другой. Он сказал, что ему следует быть выше мелочных ссор между кронпринцами, даже если это причиняло боль.

– А мнимый Герольд? – спросил Далинар. – Дело, которое я поручил тебе?

– Я все еще собираю сведения.

Далинар кивнул.

– Я был удивлен, – заметил Амарам, – когда вы оставили раба во главе охраны.

Он посмотрел в ту сторону, где в темноте стояли телохранители Далинара, недалеко от острова, на их собственной территории, ожидающие с другими охранниками и сопровождающими лицами, включая многих учениц присутствующих на пиру светледи.

Еще не так давно никто не чувствовал необходимости приводить с собой на пир охранников. Теперь вокруг былолюдно. Капитан Каладин отсутствовал – отдыхал после заключения.

– Он хороший солдат, – негромко проговорил Далинар. – Просто несколько его шрамов не хотят заживать.

«Веделеев свидетельница, – подумал Далинар, – у меня самого есть пара шрамов».

– Я просто беспокоюсь о том, что он не способен как следует вас защищать, – сказал Амарам. – Ваша жизнь важна, Далинар. Мы нуждаемся в ваших видениях, в вашем руководстве. Тем не менее, если вы доверяете рабу, то так тому и быть, хотя я, честно говоря, не прочь услышать от него извинения. Не ради самолюбия, а чтобы знать, что недоразумение разрешилось.

Далинар не ответил. Навани уже переходила через короткий мост на их остров. Шут начал было провозглашать оскорбление, но она шлепнула его по лицу стопкой бумаг, едва взглянув, и направилась к Далинару. Шут посмотрел ей вслед, потирая щеку и ухмыляясь.

Подойдя к ним, она заметила в руке кронпринца бумаги. Казалось, Далинар и Навани стояли посреди моря любопытных глаз и приглушенных смешков.

– Они добавили слов, – прошипела женщина.

– Что?

Она потрясла бумагами.

– Вот! Ты знаешь их содержание?

Далинар кивнул.

– Здесь не то, что я писала, – объяснила Навани. – Они изменили общий тон, некоторые мои слова, чтобы придать смехотворность всему случившемуся, чтобы все звучало так, будто я просто тебе потворствую. Хуже того, другим почерком они добавили комментарии, которые высмеивают твои слова и действия.

Она глубоко вздохнула, как бы успокаивая себя.

– Далинар, они пытаются уничтожить ту малую часть доверия к тебе, которая еще осталась.

– Я вижу.

– Как записи попали к ним в руки? – спросил Амарам.

– Не сомневаюсь, что их украли, – ответил Далинар, начиная понимать, что к чему. – К Навани и моим сыновьям всегда приставлена охрана, но когда они покидают комнаты, те остаются относительно незащищенными. Нам не следовало быть настолько небрежными. Я допустил промах. Думал, что его нападения будут только физическими.

Навани посмотрела на целое море светлоглазых в мягком фиолетовом свете, многие из которых собрались группами вокруг разных кронпринцев. Она шагнула ближе к Далинару, и хотя глаза ее были бешеными, он знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, что она чувствует. Предательство. Посягательство. То, что было для них личным, раскрыли, извратили и выставили на обозрение всему миру.

– Далинар, я сожалею, – промолвил Амарам.

– Они не изменили сами видения? – спросил Далинар. – Скопировали их аккуратно?

– Насколько я могу судить, да, – ответила Навани. – Но общий тон другой и еще эти издевательства. Шторма. Просто отвратительно. Когда я найду женщину, которая это сделала...

– Пожалуйста, Навани, – проговорил Далинар, положив руку ей на плечо.

– Как ты можешь говорить так?

– Потому что это детская выходка людей, которые полагают, что меня может смутить правда.

– Но комментарии! Изменения. Они сделали все возможное, чтобы тебя дискредитировать. Извратили даже ту часть, где ты предлагаешь перевод с языка зари. Они...

– Так же, как я не боюсь ребенка с оружием, которое он не в силах поднять, я никогда не испугаюсь мыслей человека, который не умеет думать.

Навани нахмурилась.

– Цитата из «Пути королей», – пояснил Далинар. – Я не юноша, нервничающий перед своим первым балом. Садеас совершил ошибку, полагая, что я отвечу ему тем же. В отличие от меча насмешка может ударить только по тому, кто сам решит быть битым.

– Это задевает тебя, – сказала Навани, встретившись с ним взглядом. – Я же вижу, Далинар.

К счастью, другие не знали его достаточно хорошо, чтобы увидеть то, что заметила она. Да, это вредило. Вредило, потому что видения были предназначены ему, возложены на него, чтобы он поделился ими ради блага людей, а не для насмешек. Ему причинял боль не смех сам по себе, а потеря возможности воплотить в жизнь то, что могло произойти.

Далинар отступил от Навани и стал пробираться через толпу. В некоторых взглядах он теперь замечал печаль, а не только насмешку. Возможно, ему только казалось, но он подумал, что некоторые испытывали к нему больше жалости, чем презрения.

Он не был уверен, какое чувство наносило больший вред.

Далинар добрался до стола с едой в задней части острова. Он взял большую кастрюлю и протянул ее пришедшей в замешательство прислуживающей женщине, а затем взобрался на стол. Держась одной рукой за соседний фонарный столб, он посмотрел сверху на маленькую толпу. Перед ним находились важнейшие люди Алеткара.

Те, кто еще не наблюдал за ним до сих пор, повернулись в его сторону, шокированные тем, где он оказался. Вдали Далинар заметил Адолина и светледи Шаллан, спешащих на остров. Видимо, они только что прибыли и услышали разговоры.

Далинар посмотрел на толпу.

– То, что вы прочитали, – проревел он, – правда.

Воцарилось ошеломленное молчание. В Алеткаре еще не было случая, чтобы кто-нибудь устраивал подобное представление. Однако он уже стал главным посмешищем вечера.

– Комментарии добавили, чтобы дискредитировать меня, – продолжил Далинар, – а общий тон записей Навани изменили. Но я не буду скрывать того, что случилось со мной. Меня посещают видения от Всемогущего. Они приходят почти каждый шторм. Вам не стоит удивляться. Слухи о моих переживаниях циркулировали неделями. Возможно, мне следовало рассказать о своих видениях раньше. В будущем я собираюсь обнародовать их, одно за другим, чтобы ученые всего мира могли изучать то, что я видел.

Он нашел глазами Садеаса, стоящего с Аладаром и Рутаром, и стиснул фонарный столб, оглядывая толпу аleti.

– Я не виню вас в том, что вы считали меня сумасшедшим. Это естественно. Но в ближайшие ночи, когда дождь омоет ваши стены и завоет ветер, вы захотите знать. У вас появятся вопросы. И вскоре, когда я предъявлю доказательства, вы узнаете. Сегодняшняя попытка уничтожить меня только докажет мою правоту.

Он скользил взглядом по лицам – некоторые ошеломленные, некоторые сочувственные, другие насмешливые.

– Среди вас есть те, кто полагал, что я сбегу или буду сломлен после сегодняшнего нападения. Они знают меня не настолько хорошо, как им кажется. Пусть пир продолжается, я хочу поговорить с каждым из вас. Ваши слова могут оказаться издевкой, но если вы будете смеяться, делайте это, глядя мне в глаза.

Далинар спустился со стола.

А затем отправился продолжать начатое.

Прошли часы, прежде чем кронпринц наконец позволил себе присесть к пиршественному столу. Его окружили спрены усталости. Он провел остаток вечера, перемещаясь в толпе, заставляя себя вступать в разговоры, ища поддержку для экспедиции на равнины.

Далинар подчеркнуто игнорировал страницы с видениями, если только ему не задавали прямые вопросы о том, что он видел. Взамен он представал перед ними как сильный, уверенный человек – Терновник превратился в политика. Пусть они поразмышляют об увиденном и сравнят его с тем жалким сумасшедшим, каким его изобразили в фальшивых копиях.

Снаружи, мимо маленьких речек – они теперь светились голубым, сферы поменяли, чтобы они соответствовали второй луне, – покотился прочь королевский экипаж, везущий Элокара и Навани к недалекому Пику, откуда носильщики отнесут их в паланкине на вершину. Адолин уже покинул пир, сопровождая Шаллан в военный лагерь Себариаала, до которого было довольно долго ехать.

Судя по всему, в последнее время Адолин был очарован юной веденкой сильнее, чем другими женщинами. Хотя бы по этой причине Далинар все больше склонялся к поощрению их отношений, предполагая, что когда-нибудь он все-таки сможет получить достоверные сведения из Джа Кевода о семье девушки. В соседнем королевстве царила полная неразбериха.

Большинство других светлоглазых удалилось, оставив его на острове в окружении слуг и паршменов, уносивших еду. Несколько мастер-слуг, которым доверили такую обязанность, начали собирать сферы из реки сетями на длинных шестах. Мостовики Далинара после его предложения набросились на остатки пира с ненасытным аппетитом, свойственным солдатам, которым неожиданно предложили еду.

Проходивший мимо слуга остановился, протянув руку к мечу на боку. Далинар вздрогнул, поняв, что принял черную военную форму Шута за одежду ученика мастер-слуги.

Кронпринц придал лицу невозмутимое выражение, хотя в душе застонал. Шут? Сейчас? Далинар чувствовал себя так, будто сражался на поле битвы десять часов без перерыва. Странно, что несколько часов вежливых бесед могут вызвать похожее ощущение.

– То, что ты сделал сегодня вечером, было очень хитро, – сказал Шут. – Ты превратил нападение в обещание. Мудрейшие из людей знают: чтобы оскорбление потеряло силу, чаще всего нужно просто его принять.

– Спасибо, – ответил Далинар.

Шут коротко кивнул, следуя взглядом за королевским экипажем, пока тот не скрылся из вида.

– Сегодня вечером я обнаружил, что мне особенно нечего делать. Элокар не нуждался в Шуте, потому что не многие ищут с ним разговора. Все идет к тебе.

Далинар вздохнул. Похоже, его силы полностью истощились. Шут не сказал этого вслух, но и не было нужды. Далинар понял намек.

«Они идут к тебе, а не к королю. Потому что на самом деле король – ты».

– Шут. – Далинар обнаружил, что говорит вслух. – Я тиран?

Шут вздернул бровь и, видимо, стал подыскивать умную остроту. Моментом позже он отверг эту мысль.

– Да, Далинар Холин, – произнес он мягко и сердечно, как мог бы говорить с заплаканным ребенком. – Ты тиран.

– Я не хочу им быть.

– Со всем должным уважением, светлорд, ты не вполне правдив. Ты стремишься к власти. Все, что попадает к тебе в руки, ты с большим трудом выпускаешь обратно.

Далинар склонил голову.

– Не горюй, – подбодрил его Шут. – На дворе эпоха тиранов. Сомневаюсь, что люди готовы к чему-то еще, и милосердный тиран предпочтительнее, чем бедствие в виде слабого правителя. Возможно, в другом месте, в другое время я бы заклеил тебя плевками и желчью. Здесь, сегодня, я восхваляю тебя как того, в ком нуждается наш мир.

Далинар покачал головой.

– Я должен был позволить Элокару править. Мне не стоило вмешиваться.

– Почему?

– Потому что он король.

– И его должность – нечто священное? Божественное?

– Нет, – признал Далинар. – Всемогущий или тот, кто называет себя им, мертв. Даже если это не так, королевское правление не перешло к нашей семье естественным образом. Мы предъявили на него права и силой возглавили других кронпринцев.

– Так почему же тогда?

– Потому что мы были не правы, – сказал Далинар, прищурившись. – Гавилар, Садеас и я ошиблись в том, что делали все эти годы.

Шут казался искренне удивленным.

– Ты объединил королевство, Далинар. Прodelал хорошую работу, сделал то, что было болезненно необходимо.

– Разве это единство? – спросил кронпринц, махнув рукой в сторону остатков пира и отбывающих светлоглазых. – Нет, Шут. Мы потерпели поражение. Мы громили, мы убивали – и потерпели горькое поражение.

Он поднял голову.

– Я получаю от Алеткара только то, что потребовал. Захватив трон силой, мы подразумевали, нет, мы кричали, что сила дарует право власти. Если Садеас думает, что он сильнее, тогда его прямой долг – попытаться отобрать у меня трон. Это плоды моей юности, Шут. Вот почему, чтобы изменить королевство, нам нужно нечто большее, чем тирания, даже если она милосердна. Вот чему учил Нохадон. И я все время упускал из вида его слова.

Шут задумчиво кивнул.

– Похоже, мне нужно перечитать твою книгу. Но хочу предупредить тебя, что скоро уеду.

– Уедешь? – переспросил Далинар. – Но ведь ты только приехал.

– Я знаю. Должен признаться, что это невероятно расстраивает. Есть место, куда я должен попасть, хотя, честно говоря, не вполне уверен в том, зачем мне нужно быть там. Не всегда все срабатывает так, как мне хотелось бы.

Далинар нахмурился. Шут приветливо улыбнулся.

– Ты один из них? – спросил Далинар.

– Прошу прощения?

– Герольд?

Шут рассмеялся.

– Нет. Спасибо тебе, но нет.

– Тогда ты тот, кого я ищу? – спросил Далинар. – Сияющий?

Шут улыбнулся.

– Я всего лишь человек, Далинар, хотя временами так хочу, чтобы это было неправдой. Я не Сияющий. И хотя я твой друг, пожалуйста, пойми, что наши цели не вполне совпадают. Ты не должен доверять себе на мой счет. Если для того,

чтобы получить желаемое, мне придется наблюдать за тем, как этот мир рухнет и сгорит, я так и сделаю. Со слезами, да, но я позволю этому случиться.

Далинар нахмурился.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь, – продолжил Шут, – и поэтому должен идти. Нельзя слишком рисковать, потому что если он найдет меня, я стану ничем – душой, разорванной и растерзанной на части, которые нельзя собрать. То, что я делаю здесь, более опасно, чем ты даже можешь себе представить.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Шут, – позвал Далинар.

– Да?

– Кто ищет тебя?

– Тот, с кем ты сражаешься, Далинар Холин. Отец ненависти.

Шут отсалютовал и побежал прочь.



Тем не менее мне кажется, все это устраивалось ради конкретной цели, и если мы, словно недоросли, застрянем на обсуждении проблемы из-за разногласий, то рискуем обострить и так уже сложную ситуацию вместо того, чтобы ее решить.

Разрушенные равнины.

Каладин не объявлял эти земли своими, как он сделал в ущельях, где его люди обрели безопасность. Он слишком хорошо помнил, как болели его окровавленные ступни после первого забега, истерзанные камнями расколотой пустоши. Здесь почти ничего не росло, изредка встречались островки камнепочек или подвижных лоз, спускающихся в ущелья с подветренной стороны плато. Дно ущелий кишело жизнью, но наверху простиралась бесплодная равнина.

Больные ноги и горящие от бега с мостом плечи не шли ни в какое сравнение с резней, ожидающей его людей в конце забега. Шторма... Даже мимолетный взгляд на равнины заставил Каладина вздрогнуть. Он слышал свист стрел в воздухе, крики испуганных мостовиков, песни паршенди.

«Мне следовало спасти больше людей из Четвертого моста, – подумал Каладин. – Получилось бы у меня, если бы я быстрее овладел своими способностями?»

Он вдохнул штормсвет, чтобы успокоиться. Только ничего не вышло. Он замер, ошеломленный, пока солдаты маршировали через один из огромных механических мостов Далинара. Попробовал снова. Ничего.

Каладин выудил сферу из мешочка. Огненная марка сияла обычным светом, окрашивая пальцы красным. Что-то пошло не так. Каладин не мог, как раньше, почувствовать штормсвет внутри.

Высоко в воздухе с несколькими спренами ветра пролетела над расщелиной Сил. До Каладина донеслось ее хихиканье, и он посмотрел вверх.

– Сил? – позвал он тихо. Шторма, ему не хотелось выставлять себя идиотом, но что-то глубоко внутри запаниковало, как крыса, которую поймали за хвост. – Сил!

Несколько марширующих солдат взглянули на Каладина, затем вверх. Каладин не обратил на них внимания, так как Сил метнулась вниз ленточкой света. Она покружилась над ним, все еще хихикая.

Штормсвет вернулся. Каладин снова его чувствовал и жадно вдохнул из сферы, хотя и догадался сжать ее в кулак и поднести руку к груди, чтобы процесс казался менее очевидным. Света от одной марки было недостаточно, чтобы его выдать, но с бушующим внутри штормсветом он ощутил себя гораздо лучше.

– Что случилось? – прошептал Каладин. – Что-то не так с нашей связью? Потому что я не могу достаточно быстро отыскать слова?

Сил приземлилась на его запястье, приняла образ молодой женщины и взгляделась в его кулак, вскинув голову.

– Что внутри? – спросила она заговорщическим шепотом.

– Ты знаешь, что внутри, Сил, – ответил Каладин, почувствовав холодок, как если бы его ударила волна ледяного дождя. – Сфера. Разве ты не видела ее только что?

Она посмотрела на него с невинным выражением лица.

– Ты делаешь плохой выбор. Дурной.

Ее черты на мгновение превратились в его, и она резко подалась вперед, как если бы хотела его напугать, но затем рассмеялась и упорхнула прочь.

«Плохой выбор. Дурной».

Значит, дело в его обещании помочь Моашу убить короля. Вздохнув, Каладин снова зашагал вперед.

Сил не понимала, почему его решение правильно. Она была спреном и обладала глупой, упрощенной моралью. Иногда людям приходилось выбирать между неприятными вариантами. Жизнь не настолько чиста и безгрешна, как хочется Сил. Жизнь беспорядочна, покрыта крэмом. Никто не проживал ее, не испачкавшись, даже Далинар.

– Ты хочешь от меня слишком многого, – отрывисто проговорил Каладин, когда добрался до другой стороны ущелья. – Я не какой-нибудь прославленный рыцарь из древних времен. Я сломленный человек. Слышишь меня, Сил? Я сломлен.

Она метнулась к нему и прошептала:

– Именно такими они все и были, глупенький.

И устремилась прочь.

Каладин стал наблюдать, как солдаты колонной переходили через мост. Это был не забег на плато, но Далинар все равно привел довольно много солдат. Углубиться в Разрушенные равнины означало вступить в зону боевых действий, а паршенди всегда оставались угрозой.

Четвертый мост протопал через механическую конструкцию, неся на плечах мост поменьше. Каладин не хотел покидать без него лагерь. Устройства, используемые Далинаром, – массивные, приводящиеся в действие храповым колесом мосты, которые тянули чуллы, – были удивительными, но Каладин им не доверял. Надежный мост на своих собственных плечах – совсем другое дело.

Сил снова пролетела неподалеку. Неужели она действительно ожидала, что он будет жить в соответствии с ее восприятием того, что правильно, а что нет? Неужели она собиралась отнимать у него способности каждый раз, когда он рисковал пойти против нее?

Это будет похоже на жизнь с петлей на шее.

Настроившись на то, что его волнения не смогут испортить сегодняшний день, Каладин отправился проверить, как идут дела у Четвертого моста.

«Посмотри в бескрайнее небо, – сказал он самому себе. – Вдохни ветер. Наслаждайся свободой».

После стольких дней взаперти подобные вещи казались чудесными.

Каладин обнаружил бригаду Четвертого выстроившейся рядом с мостом. Было странно видеть их в старых, подбитых на плечах кожаных жилетах поверх новой униформы, превративших мостовиков в причудливую смесь того, кем они были раньше и кем стали теперь. Они отсалютовали ему все вместе, и он поприветствовал их в ответ.

– Вольно, – сказал Каладин, и они разошлись, смеясь и отпуская шуточки друг над другом, пока Лоупен и его помощники распределяли бурдюки с водой.

– Ха! – воскликнул Камень, устраиваясь на краю моста, чтобы напиться. – Эта штука не такая тяжелая, какой я ее помнил.

– Потому что мы передвигаемся медленнее, – ответил Каладин, указав на механический мост Далинара. – И потому что ты помнишь, как носил мост поначалу, а не в конце, когда мы хорошо питались и много тренировались. Тогда он и полегчал.

– Нет, – возразил Камень. – Мост стал легким, потому что мы победили Садеаса. Все, как и должно было случиться.

– В этом нет никакого смысла.

– Ха! Смысл как раз в этом. – Рогоед глотнул воды. – Опыренный воздухом низинник.

Каладин покачал головой, но позволил себе улыбнуться знакомому голосу Камня. Утолив жажду, он побежал трусцой через плато к Далинару, который только что закончил переправляться. Плато венчала высокая каменная формация, и на ее верхушке разместилась деревянная постройка, похожая на маленький форт. От одной из размещенных там подзорных труб бликом отразился солнечный свет.

На это плато не вел ни один из постоянных мостов, окружавших безопасную зону около лагерей. Дежурившие здесь разведчики располагали шестами и перепрыгивали ущелья в самых узких местах. Судя по всему, занимающиеся подобным должны быть немного безумными, и именно поэтому Каладин всегда испытывал к ним уважение.

Один из прыгунов разговаривал с Далинаром. Каладин ожидал, что человек окажется высоким и гибким, но он был низкорослым и крепко сбитым, с мускулистыми предплечьями. На нем красовалась униформа Холинов с белыми полосками на мундире.

– Мы действительно кое-что заметили, светлорд, – сказал прыгун Далинару. – Я видел его своими собственными глазами и записал дату и время глифами в учетной книге. Мужчина весь светился и летал по небу взад-вперед над равнинами.

Далинар хмыкнул.

– Я не сошел с ума, сэр, – продолжил прыгун, переминаясь с ноги на ногу. – Другие парни тоже его заметили, когда я...

– Я верю тебе, солдат, – ответил Далинар. – Это был Убийца в Белом. Он выглядел точно так же, когда явился за королем.

Мужчина расслабился.

– Светлорд, сэр, я подумал о том же. Кое-кто в лагере говорил мне, что я просто увидел то, что хотел видеть.

– Никому не хочется его увидеть, – проговорил Далинар. – Но зачем ему тратить время на равнинах? Почему он не нанес удар снова, если подобрался так близко?

Каладин откашлялся, испытывая неудобство, и указал на наблюдательный пост.

– Тот форт, он из дерева?

– Да, – ответил прыгун, но затем заметил узлы на плечах Каладина. – Э-э, сэр.

– Он явно не выдержит сверхшторм, – сказал капитан мостовиков.

– Мы его разбираем, сэр.

– И относите в лагерь? – уточнил Каладин. – Или оставляете здесь во время шторма?

– Оставляем, сэр? – переспросил низкорослый мужчина. – Мы остаемся здесь, с ним.

Он указал на пустое углубление в основании скалы, выдолбленное молотами или вырезанное Клинком Осколков. Оно не казалось слишком большим – на самом деле, всего лишь закуток. Похоже, они перетаскивали деревянный пол с верхней платформы и укрепляли его зажимами у входа в углубление, чтобы получилась своего рода дверь.

Действительно, своеобразное безумие.

– Светлорд, сэр, – обратился прыгун к Далинару. – Человек в белом может скрываться где-то неподалеку, выжидая.

– Спасибо, солдат, – поблагодарил кронпринц, кивком отпустив его. – Смотри в оба, пока мы на марше. Поступили сообщения, что в окрестностях лагерей бродит скальный демон.

– Да, сэр.

Мужчина отсалютовал и побежал обратно к веревочной лестнице, ведущей на высокий наблюдательный пост.

– Что, если убийца действительно явится за вами? – тихо спросил Каладин.

– Не вижу никакой разницы, если это произойдет здесь, – ответил Далинар. – В конце концов он вернется. На равнинах или во дворце, нам все равно придется с ним сразиться.

Каладин хмыкнул.

– Мне бы хотелось, чтобы вы приняли один из тех Клинков Осколков, которые выиграл Адолин, сэр. Я бы чувствовал себя спокойнее, если бы знал, что вы сможете себя защитить.

– Думаю, я еще способен тебя удивить, – произнес Далинар, поднеся руку козырьком ко лбу, и стал всматриваться в сторону лагерей. – Однако я чувствую, что поступил неправильно, оставив Элокара одного.

– Убийца сказал, что пришел за вами, сэр. То, что вы далеко от короля, только послужит его защите.

– Полагаю, ты прав. Если только слова убийцы не были призваны нас запутать. – Далинар покачал головой. – Возможно, я прикажу тебе остаться с ним в следующий раз. Не могу отделаться от мысли, что упускаю что-то важное, что-то прямо перед носом.

Каладин сжал челюсти, пытаясь не обращать внимания на охвативший его озноб.

«Прикажу тебе остаться с ним в следующий раз...»

Казалось, сама судьба толкает его к тому, чтобы предать короля.

– Насчет твоего заключения, – сказал кронпринц.

– Все уже забыто, сэ, – ответил Каладин. По крайней мере, участие в нем Далинара. – Я благодарен, что меня не понизили в должности.

– Ты хороший солдат. Большую часть времени.

Глаза Далинара сверкнули, обратившись к мужчинам Четвертого моста, поднимающим свой мост. Один из них с краю привлекал особенное внимание – это был одетый в униформу Четвертого моста Ренарин, помогающий распределить вес. Стоящий неподалеку Лейтен посмеивался над ним и давал указания, как правильно держать мост.

– Он взаправду начал вливаться в коллектив, сэ, – сказал Каладин. – Парням он нравится. Я думал, что этот день никогда не наступит.

Далинар кивнул.

– Как он? – тихо спросил Каладин. – После того, что произошло на арене?

– Отказался тренироваться с Зейхелом. Насколько мне известно, он не призывал свой Клинок уже несколько недель. – Кронпринц понаблюдал еще мгновение. – Я не могу решить, идет ли ему на пользу время, проводимое с твоими людьми, помогает ли оно ему мыслить, как подобает солдату, или он просто избегает брать на себя большую ответственность.

– Сэр. Если позволите, ваш сын кажется немного не приспособленным к жизни. Находящимся не на своем месте. Неуклюжим, одиноким.

Далинар кивнул.

– Тогда со всей уверенностью могу сказать, что Четвертый мост, возможно, самое лучшее место, какое он мог найти.

Странно говорить такие вещи о светлоглазом, но это была правда.

Далинар хмыкнул.

– Я доверяю твоему суждению. Свободен. Иди убедись, что твои люди готовы к встрече с убийцей, если он в самом деле объявится сегодня.

Каладин кивнул и отошел, оставив кронпринца позади. Он и раньше слышал о видениях Далинара и об их содержании. Он не знал, что думать, но решил добыть полную копию записей видений, чтобы Ка могла их ему прочитать.

Возможно, эти видения могли объяснить, почему Сил всегда так безоговорочно доверяла Далинару.

Шло время, и армия двигалась по равнинам подобно потоку какой-то вязкой жидкости – грязи, стекающей по неглубокому желобу. И все ради того, чтобы Шаллан смогла увидеть куколку скального демона. Каладин покачал головой, пересекая плато. Адолин явно был без ума от девчонки – ему удалось поднять на ноги всю мощь армии, включая своего отца, только для того, чтобы удовлетворить ее прихоть.

– Идешь пешком, Каладин? – спросил Адолин, подъезжая к нему рысью.

Принц сидел верхом на том чудовищном белом жеребце с копытами, напоминающими молоты. Адолин облачился в полный комплект синих Доспехов Осколков, его шлем был привязан к задней луке седла.

– Я думал, у тебя есть право получать все необходимое в конюшнях моего отца.

– У меня также есть право получать что угодно у интенданта, – ответил Каладин, – но ты же видишь, что я не марширую с котлом на спине только потому, что мог его взять.

Адолин фыркнул.

– Тебе необходимо больше практиковаться в верховой езде. Ты должен признать, что она дает преимущества. Скорость галопа, более высокая позиция при атаке.

Принц похлопал коня по шее.

– Кажется, я гораздо больше доверяю своим собственным ногам.

Адолин кивнул, как будто слова Каладина были самой мудрой вещью, которую когда-либо произносил человек, и поехал обратно, к паланкину, чтобы проверить, как там Шаллан. Чувствуя себя немного усталым, Каладин выудил из кармана еще одну сферу, на этот раз простой бриллиантовый обломок, поднес ее к груди и сделал вдох.

Снова ничего не произошло. Шторм побери! Он поискал взглядом Сил, но не увидел ее. В последнее время она стала слишком игривой, и Каладин начал задаваться вопросом, не было ли ее поведение какой-то уловкой. На самом деле он надеялся, что дело обстояло именно так и что не случилось ничего похуже. Несмотря на внутреннее ворчание и жалобы, он отчаянно желал распорядиться своей силой. Каладин предъявил права на небо, на сами ветра. Отказаться от них было все равно что отказаться от собственных рук.

В конце концов он добрался до края плато, где устанавливали механический мост Далинара. К счастью, здесь и нашлась Сил, рассматривающая крэмлинка, который полз через камни к ближайшей безопасной трещине.

Каладин сел перед ней на камень.

– Итак, ты меня наказываешь, – сказал он. – За мое согласие помочь Моашу. Вот почему у меня трудности со штормсветом.

Сил продолжала следить за крэмлинком, который походил на жука с круглым радужным панцирем.

– Сил? – позвал Каладин. – С тобой все в порядке? Ты кажешься...

«Такой, как была раньше. Когда мы впервые встретились».

Осознание этого факта вызвало страх. Если его силы исчезали, не из-за того ли, что слабела сама связь?

Сил посмотрела на него, и ее взгляд стал более сфокусированным, а выражение лица – больше похожим на обычное.

– Ты должен решить, чего хочешь, Каладин, – проговорила она.

– Тебе не нравится план Моаша, – сказал Каладин. – Ты пытаешься заставить меня изменить мнение на его счет?

Она поморщилась.

– Я вообще не хочу тебя заставлять. Ты должен делать то, что считаешь правильным.

– Но ведь именно это я и пытаюсь делать!

– Нет, я так не думаю.

– Отлично. Я скажу Моашу и его друзьям, что не участвую в деле, что не собираюсь им помогать.

– Но ты же дал Моашу слово!

– Я дал слово и Далинару...

Сил поджала губы, встретившись с ним взглядом.

– Вот в чем проблема, не так ли? – прошептал Каладин. – Я дал два обещания, но не могу сдержать их оба.

О шторма. Неужели что-то подобное уничтожило Сияющих рыцарей?

Что происходило со спренами чести, когда их заставляли делать такой выбор? Так или иначе, клятва оказывалась нарушена.

«Идиот», – подумал Каладин.

По всей видимости, в последнее время он никак не мог сделать правильный выбор.

– Что мне делать, Сил?

Она взлетела, зависла в воздухе прямо перед Каладином и встретила с ним взглядом.

– Ты должен произнести слова.

– Я их не знаю.

– Найди их. – Сил посмотрела в небо. – Найди их, и поскорее, Каладин. И нет, ничего не выйдет, если ты просто скажешь Моашу, что больше не будешь ему помогать. Мы зашли слишком далеко. Тебе нужно поступить так, как требует твое сердце.

Она взмыла в небо.

– Останься со мной, Сил, – прошептал Каладин ей вслед, вставая. – Я найду способ. Просто... не теряй себя. Пожалуйста. Ты нужна мне.

Неподалеку завертелись шестеренки механизмов моста Далинара, солдаты стали крутить рычаги, и вся конструкция начала разворачиваться.

– Стоп, стоп, стоп!

К ним подскочила Шаллан Давар – облако рыжих волос и синего шелка. На ее голове красовалась большая шляпа с мягкими полями, защищающая от солнца. Двое охранников бежали следом, но Газа среди них не было.

Каладин резко обернулся, встревоженный ее тоном, выискивая признаки Убийцы в Белом.

Шаллан, отдуваясь, прижала безопасную руку к груди.

– Шторма, что не так с носильщиками паланкина? Они совершенно не в состоянии быстро передвигаться. «Это не величественно», – говорят они. Ну, на самом деле мне совершенно не нужна величественность. Ладно, погодите минуту, а затем можете продолжать.

Она уселась на камень возле моста. Сбитые с толку солдаты пытались понять, что за девушка перед ними, а Шаллан тем временем вытаскивала альбом и начала рисовать.

– Все в порядке, – сказала она. – Продолжайте. Я весь день пыталась сделать последовательные наброски моста в процессе разворачивания. Штормовые носильщики.

Что за взбалмошная женщина.

Солдаты нерешительно продолжили устанавливать мост, разворачивая его под пристальным наблюдением трех инженеров Далинара – овдовевших жен его погибших офицеров. Несколько плотников также стояли наготове, чтобы при надобности помочь, если мост застрянет или его частично заклинит.

Каладин крепче сжал копьё, пытаясь разобраться в своих эмоциях по поводу Сил и обещаниях, которые он дал. Конечно, он сможет что-нибудь придумать. Ведь сможет?

Наблюдение за мостом навязчиво вызывало в памяти мысли о забегах на плато, и он решил, что можно и отвлечься. Каладин понимал, почему Садеас предпочитал простой, хоть и жестокий подход, использующий бригады мостовиков. Его мосты были быстрее, дешевле, создавали меньше проблем. Эти же массивные громоздкие конструкции напоминали большие корабли, пытающиеся маневрировать в бухте.

«Защищенные мостовики, передвигающиеся бегом, – вот самое удачное решение, – подумал Каладин. – Люди со щитами, с полной поддержкой армии, помогающей им занять позицию. Можно иметь быстрые, мобильные мосты и не отправлять людей на убой».

Но дело в том, что Садеас хотел, чтобы мостовиков убивали, поскольку они служили приманкой, отвлекающей лучников врага от солдат.

Каладину показался знакомым один из помогающих с мостом плотников, который проверял деревянную опорную спицу и говорил о том, что надо бы

вырезать новую. На лбу у толстяка выделялось родимое пятно, прикрытое шляпой плотника.

Каладин видел его где-то раньше. Возможно, один из тех солдат, что потеряли волю к борьбе после кровопролития на Башне? Некоторых из них перевели на другие должности в лагере.

Он отвлекся, когда подошел Моаш, взмахом руки поприветствовавший Четвертый мост. Мужчины ответили ему одобрительными возгласами. Блестящие Доспехи Осколков, которые Моаш перекрасил в синий цвет, выделив стыки красным, смотрелись на нем удивительно естественно. Еще и недели не прошло, а он уже легко двигался в своей броне.

Моаш подошел к Каладину, опустился на одно колено, звякнув Доспехами, и отсалютовал, приложив руку к груди.

Его глаза... Они стали светлее – желто-коричневые, а не темно-карие, какими были когда-то. Он носил Клинок Осколков на перевязи за спиной, в предохранительных ножнах. Оставался всего один день до того, как окончательно установится связь.

– Ты не обязан салютовать мне, Моаш, – сказал Каладин. – Ты же теперь светлоглазый. И на пару миль превосходишь меня по званию.

– Я никогда не буду стоять выше тебя, Кэл, – ответил Моаш. Забрало на его шлеме было поднято. – Ты мой капитан. Навсегда. – Он ухмыльнулся. – Но я не могу тебе описать, сколько штормового удовольствия получаю, когда светлоглазые пытаются понять, как же вести себя со мной.

– Твои глаза и вправду меняются.

– Ага. Но я не один из них, слышишь меня? Я – один из нас. Четвертый мост. Я – наше... секретное оружие.

– Секретное? – переспросил Каладин с сомнением в голосе. – Моаш, разговоры о тебе, возможно, уже дошли до самого Ири. Ведь ты первый темноглазый, получивший Клинок и Доспехи за несколько последних поколений.

Далинар даже пожаловал Моашу земли и регулярное денежное содержание, щедрую сумму, и не только по стандартам мостовиков. Моаш все еще заходил поесть рагу, но не каждый вечер. Он был слишком занят, обустраивая свое новое жилье.

В этом не было ничего плохого. Подобные перемены естественны. Частично поэтому сам Каладин отказался принять Клинок, и, возможно, поэтому он всегда беспокоился о том, что о его способностях станет известно светлоглазым. Если даже они не найдут способа забрать его силы – он знал, что его страх иррационален, но все равно его испытывал, – они смогут найти способ забрать у него Четвертый мост. Его людей... его самого.

«А может, не они заберут их у тебя, – подумал Каладин. – Может, ты сам проделываешь это с собой лучше любого светлоглазого».

Подобные мысли вызвали у него отвращение.

– Мы уже близки к цели, – тихо сказал Моаш, когда Каладин вытащил бурдюк с водой.

– К цели? – Каладин опустил бурдюк и посмотрел через плечо на плато. – Я думал, у нас еще несколько часов в запасе, пока мы не доберемся до мертвой куколки.

Она оказалась далеко, почти так же далеко, как когда армии ходили в забеги с мостами. Вчера добыли гемсердце Бетаб и Танадал.

– Я не об этом, – проговорил Моаш, глядя в сторону. – О другом деле.

– О-о. Моаш, ты же... Я имею в виду...

– Кэл, ты же с нами, правда? Ты сам так сказал.

«Два обещания».

Сил сказала ему следовать за своим сердцем.

– Каладин, – продолжил Моаш более торжественно. – Ты подарил мне Осколки, несмотря на то, что злился на меня за неподчинение приказу. И не без причины. В глубине души ты знаешь: то, что я делаю, правильно. Это единственное решение.

Каладин кивнул.

Моаш огляделся вокруг, затем встал, звякнув Доспехами, наклонился и прошептал:

– Не волнуйся. Грейвс говорит, что от тебя много не потребуется. Нам просто нужна брешь в охране.

Каладину стало дурно.

– Мы не можем ничего сделать, пока Далинар находится в военном лагере, – прошептал он. – Я не буду рисковать, если есть шанс, что ему причинят вред.

– Не проблема, – ответил Моаш. – Мы думаем так же. Дождемся нужного момента. Согласно новому плану короля поразят стрелой, поэтому не возникнет риска впутать тебя или кого-то еще. Ты направишь Элокара в нужное место, а Грейвс завалит его из своего собственного лука. Он великолепный стрелок.

Стрела. Оружие труса.

Но это нужно сделать. Нужно.

Моаш хлопнул Каладина по плечу и зашагал прочь в позвякивающих Доспехах. Все, что необходимо сделать, – просто направить короля в определенное место... и предать доверие Далинара.

«А если я не помогу убить короля, не предам ли я справедливость и честь?»

Король убил или все равно что убил многих людей: одних из-за безразличия, других – по некомпетентности. И, шторма, Далинар тоже не невинен. Если он был столь благороден, как притворялся, почему он не заключил Рошона в тюрьму, а отправил туда, где он «не мог больше причинять вред»?

Каладин пошел к мосту, наблюдая, как маршируют солдаты. Шаллан Давар с важным видом сидела на камне, продолжая рисовать наброски механизма моста. Адолин слез с коня и передал поводья конюхам, чтобы те его напоили. Он жестом подозвал Каладина.

– Принц? – произнес подошедший к нему мостовик.

– Здесь видели убийцу, – сказал Адолин. – Ночью, на равнинах.

– Да, я слышал, как разведчик говорил о нем твоему отцу.

– Нам нужен план. Что, если он атакует здесь?

– Надеюсь, он так и сделает.

Адолин взглянул на него и нахмурился.

– Судя по тому, что я видел, – пояснил Каладин, – и исходя из того, что узнал про первую атаку убийцы на старого короля, его успех определяется замешательством жертв. Он прыгает со стен на потолок, заставляет людей падать в неестественном направлении. Так вот, здесь нет ни стен, ни потолков.

– Значит, он может всего лишь летать, – состроил гримасу Адолин.

– Да, – улыбнулся Каладин, указав рукой. – Зато у нас, сколько там, примерно три сотни лучников?

Каладин эффективно использовал свои возможности против стрел паршенди, а значит, лучники, скорее всего, не смогут попасть в убийцу. Но он предполагал, что убийце будет трудно бороться со стрелами, летящими в него волна за волной.

Адолин медленно кивнул.

– Я скажу, чтобы в случае чего они были наготове.

Принц пошел к мосту, и Каладин присоединился к нему. Они прошли мимо Шаллан, которая все еще была поглощена своими набросками. Она даже не заметила, что Адолин ей помахал. Светлоглазые женщины и их развлечения. Каладин покачал головой.

– Ты знаешь что-нибудь о женщинах, мостовичок? – спросил Адолин, оглянувшись через плечо и увидев Шаллан, которая, как и они, шла по мосту.

– Светлоглазых женщинах? – уточнил Каладин. – Ничего. К счастью.

– Многие думают, что я разбираюсь в женщинах, – поделился Адолин. – Но правда заключается в том, что я знаю, как их завоевать – как рассмешить, как заинтересовать. Но не знаю, как удержать. – Он запнулся. – Эту я действительно хочу удержать.

– Ну... может, стоит сказать ей об этом? – предложил Каладин, снова подумав о Таре и о совершенных им ошибках.

– Такое срабатывает с темноглазыми женщинами?

– Ты спрашиваешь не того человека. В последние месяцы я проводил с женщинами не так много времени. Был слишком занят, пытаюсь избежать смерти.

Похоже, Адолин совсем не слушал.

– Может, я и смогу сказать ей что-то в таком духе... Кажется слишком просто, а она какая угодно, но не простая... – Он снова обернулся к Каладину. – Как бы там ни было, насчет Убийцы в Белом. Нам нужно разработать план получше, чем просто предупредить лучников о готовности.

– У тебя есть какие-нибудь идеи? – спросил Каладин.

– У тебя не будет Клинка Осколков, но он тебе и не понадобится, потому что... ну, ты и сам знаешь.

– Знаю? – Каладин ощутил укол тревоги.

– Ага... знаешь. – Адолин отвел взгляд и пожал плечами, пытаюсь вести себя беззаботно. – Насчет той штуки.

– Какой штуки?

– Той штуки... с... гм, со всеми придамбасами.

«Он не знает, – понял Каладин. – Просто забрасывает удочку, пытаюсь понять, почему я способен так хорошо сражаться. И делает это очень неумело».

Каладин расслабился и даже обнаружил, что улыбается неуклюжим попыткам Адолина. Приятно ощутить хоть что-то, отличное от паники и беспокойства.

– Думаю, ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Адолин помрачнел.

– В тебе есть что-то странное, мостовичок, – сказал он. – Признай.

– Не буду я ничего признавать.

– Ты выжил в том падении вместе с убийцей, – проговорил Адолин. – И сначала я думал, что ты работаешь с ним в паре. Теперь же...

– Теперь что?

– Ну, я решил, что кем бы ты ни являлся, ты на моей стороне. – Адолин вздохнул. – Так или иначе, вернемся к убийце. Мои инстинкты подсказывают, что самый лучший план – тот, что мы использовали на арене. Ты его отвлекаешь, а я убиваю.

– Может сработать, но я боюсь, что он не из тех, кто позволит себя отвлечь.

– Как и Релис. Мы это сделаем, мостовичок. Ты и я. Завалим этого монстра.

– Нужно действовать быстро, – ответил Каладин. – Он выиграет затяжной поединок. И, Адолин, бей по позвоночнику или в голову. Не пытайся наносить ослабляющие удары. Сразу убивай.

Принц нахмурился.

– Почему?

– Я заметил кое-что, когда мы вместе падали, – объяснил Каладин. – Я его порезал, но рана каким-то образом исцелилась.

– Но у меня Клинок. Убийца не сможет исцелиться от нанесенной им раны... верно?

– Лучше не проверять. Бей насмерть. Верь мне.

Адолин встретился с ним взглядом.

– Странно, но да. В смысле, я тебе верю. Очень странное ощущение.

– Ага, ладно, я попробую удержаться, чтобы не начать прыгать по плато от радости.

Адолин ухмыльнулся.

– Я бы заплатил, чтобы полюбоваться таким зрелищем.

– Моими прыжками?

– Твоей радостью. – Принц улыбнулся. – У тебя лицо как шторм! Я наполовину уверен, что ты мог бы его отпугнуть.

Каладин фыркнул.

Адолин снова улыбнулся, хлопнул его по плечу и повернулся к Шаллан, которая наконец пересекла мост – видимо, ее наброски были закончены. Она нежно взглянула на Адолина, и когда он потянулся, чтобы взять ее за руку, поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. Принц отпрянул назад и вздрогнул. Обычно алетии вели себя более сдержанно на публике.

Шаллан улыбнулась ему, а затем повернулась и ахнула, прижав руку ко рту. Каладин снова подскочил, выискивая опасность, но Шаллан просто бросилась к ближайшей куче камней.

Адолин поднес руку к щеке и с ухмылкой оглянулся на Каладина.

– Вероятно, она просто увидела интересного жука.

– Нет, это мох! – крикнула Шаллан в ответ.

– А, ну конечно, – произнес Адолин, подходя к ней, и Каладин направился следом. – Мох. Как интересно.

– А ну-ка, цыц, – шикнула Шаллан, направив на Адолина карандаш, а сама тем временем нагнулась и стала изучать камни. – Этот мох растет странным образом. Что могло бы послужить причиной?

– Алкоголь, – ответил Адолин.

Шаллан одарила его пристальным взглядом.

Принц пожал плечами.

– По крайней мере, меня он заставляет делать сумасшедшие вещи.

Адолин взглянул на Каладина, тот лишь покачал головой.

– Это забавно, – сказал Адолин. – Это шутка! Ну, или что-то вроде.

– О, да замолчите вы, – произнесла Шаллан. – Рисунок мха напоминает аналогичный узор у цветущих камнепочек, довольно распространенных здесь, на равнинах...

Она начала делать набросок.

Каладин сложил руки на груди. Затем вздохнул.

– Что означает твой вздох? – спросил его Адолин.

– Скуку, – ответил Каладин, оглядываясь на армию, все еще пересекающую мост.

Переброска трех тысяч солдат требовала времени. Здесь находилась приблизительно половина армии Далинара, вербовка в ряды которой активно проходила в последние дни. Во время забегов с мостами эти переходы казались слишком быстрыми. В те дни Каладин постоянно находился на грани истощения, наслаждаясь каждым шансом на передышку.

– Я имею в виду, что местность здесь настолько бесплодна, что не от чего прийти в восторг, кроме как ото мха.

– И ты тоже помолчи, – сказала ему Шаллан. – Иди полировать свой мост, займись чем-нибудь.

Она наклонилась и ткнула карандашом в жука, ползущего по мху.

– А-а-а... – протянула она и торопливо черкнула несколько заметок. – В любом случае ты ошибаешься. Тут много чем можно восхищаться, если знать,

куда смотреть. Кто-то из солдат говорил, что был замечен скальный демон. Как вы думаете, он может нас атаковать?

– Вы говорите так, как будто на это надеетесь, Шаллан, – поддел ее Адолин.

– Ну, мне действительно не помешал бы хороший набросок скального демона.

– Мы доставим вас к куколке. Это должно умерить ваше любопытство.

Исследования Шаллан – лишь оправдания. Для Каладина правда была очевидна. Сегодня Далинар взял с собой необычно большое количество разведчиков, и по предположениям Каладина, как только армия достигнет куколки, которая располагалась на границе разведанной территории, они рассредоточатся впереди и станут собирать информацию. Весь поход являлся подготовкой к экспедиции Далинара.

– Я не понимаю, зачем нам нужно так много солдат, – сказала Шаллан, заметив пристальный взгляд Каладина, наблюдающего за армией. – Разве вы не говорили, что в последнее время паршенди не показываются, чтобы сражаться за куколок?

– Они и не показывались, – подтвердил Адолин. – Именно поэтому мы так сильно обеспокоены.

Каладин кивнул.

– Всякий раз, когда враг меняет обычную тактику, появляется повод для беспокойства. Возможно, они впадают в отчаяние. А отчаяние очень опасно.

– Для мостовика ты слишком хорошо разбираешься в военном деле, – заметил Адолин.

– По странному совпадению, – ответил Каладин, – для принца ты слишком хорошо понимаешь, что значит не быть не таким уж несносным.

– Благодарю.

– Дорогой, это было оскорбление, – промолвила Шаллан.

– Что? – спросил Адолин. – Оскорбление?

Она кивнула, все еще рисуя, но бросила взгляд на Каладина. Он спокойно встретился с ней глазами.

– Адолин, – проговорила Шаллан, поворачиваясь к небольшому скальному образованию перед ней, – не могли бы вы срезать для меня этот мох? Пожалуйста.

– Срезать... мох.

Адолин посмотрел на Каладина, который просто пожал плечами. Откуда ему знать, что имеет в виду светлоглазая женщина? Они были непостижимыми существами.

– Да, – подтвердила Шаллан, вставая. – Срежьте тот мох и скалу под ним одним хорошим ударом. Окажите любезность вашей невесте.

Адолин выглядел сбитым с толку, но сделал, как она просила, вызвав Клинок Осколков и рубанув по мху и скале. Верхняя часть небольшого каменного образования соскользнула вниз, срезанная с легкостью, и обрушилась на поверхность плато.

Шаллан нетерпеливо шагнула поближе и присела рядом с совершенно плоской верхушкой срезанной скалы.

– М-м-м, – произнесла она, кивнув сама себе, и принялась рисовать.

Адолин отпустил Клинок.

– Женщины! – воскликнул он, посмотрев на Каладина, и пожал плечами. Затем убежал попить воды, не спрашивая у Шаллан объяснений.

Каладин сделал шаг следом, но замешкался. Что Шаллан нашла здесь настолько интересного? Эта девушка оставалась загадкой, и он знал, что не успокоится до конца, пока не поймет ее. Она была слишком близка к Адолину, а следовательно, и к Далинару, чтобы оставаться неизученной.

Он подошел ближе, заглянув через ее плечо, и стал наблюдать, как она рисует.

– Отложения, вот в чем дело, – сказал Каладин. – Вы подсчитываете количество слоев крэма, чтобы определить возраст скалы.

– Хорошее предположение, – ответила Шаллан, – но здесь плохое место для датировки слоев. Ветер дует над плато слишком сильно, и крем не накапливается в лужах равномерно. Поэтому пласт неровный и неточный.

Каладин нахмурился, сощурился глазами. Срез участка скалы по внешним краям представлял собой обычный окаменевший крем, несколько слоев выделялись по различным оттенкам коричневого. Однако центр камня был белым. Такие белые камни встречались нечасто и добывались в каменоломнях. Следовательно, либо здесь очень странное месторождение, либо...

– Когда-то здесь находилась постройка, – произнес Каладин. – Очень давно. Должны были пройти столетия, чтобы крем покрыл таким толстым слоем что-то, возвышающееся над землей.

Шаллан посмотрела на него.

– Ты умнее, чем выглядишь.

Затем, вернувшись обратно к рисованию, добавила:

– Просто настоящий умница...

Он хмыкнул.

– Почему все сказанное вами должно содержать какую-нибудь остроту? Или вы отчаянно доказываете, насколько умны?

– Возможно, я просто раздражена тем, что ты злоупотребляешь хорошим отношением Адолина.

– Злоупотребляю? – переспросил Каладин. – Потому что назвал его несносным?

– Ты умышленно сказал это таким образом, чтобы он не понял, как ты и ожидал. Чтобы выставить его глупцом. Он очень старается быть с тобой любезным.

– Действительно, – ответил Каладин. – Он же всегда такой милый со всеми маленькими незначительными темноглазыми, которые толпятся вокруг, чтобы ему поклоняться.

Шаллан постучала карандашом по бумаге.

– Ты на самом деле настолько полон ненависти? Когда ты высмеиваешь скуку, бросаешь опасные взгляды, порываешься – все это маска, под которой ты просто ненавидишь людей, ведь так?

– Что? Нет, я...

– Адолин старается. Ему не по душе случившееся с тобой, и он делает все возможное, чтобы загладить тот случай. Он хороший человек. Для тебя слишком трудно прекратить его провоцировать?

– Он называет меня мостовичком, – упрямо произнес Каладин. – Он сам меня провоцирует.

– Да, поскольку именно он, шторм побери, бросает во все стороны мрачные взгляды и оскорбляет окружающих. Адолин Холин – тот человек, с которым труднее всего ужиться на Разрушенных равнинах. Взгляните-ка на него! Как вообще он может кому-то нравиться!

Шаллан указала карандашом туда, где Адолин смеялся с темноглазыми мальчишками-водоносами. Подошел конюх с жеребцом. Принц отцепил от седла свой шлем Осколков и позволил одному из водоносов его примерить. На мальчишке шлем смотрелся непомерно большим.

Каладин покраснел, когда мальчик принял стойку Носителя Осколков и все опять засмеялись. Мостовик обернулся к Шаллан, которая сложила руки на груди,

оставив альбом для рисования на ровном срезе скалы перед собой, и самодовольно ему улыбалась.

Ба! Невыносимая женщина!

Каладин отошел от нее и направился по каменистой земле к Четвертому мосту, где настоял на том, чтобы тоже тащить мост, невзирая на протесты Тефта, якобы теперь он «выше таких вещей». Каладин не штормовой светлоглазый. Он никогда не чурался простой честной работы.

Привычный вес моста лег на его плечи. Камень был прав. Мост казался легче, чем когда-то. Каладин улыбнулся, услышав брань кузенов Лоупена, которые, как и Ренарин, впервые несли мост и проходили, таким образом, посвящение в сегодняшнем забеге.

Они протянули мост над ущельем – рядом с одним из больших и не таких мобильных мостов Далинара – и зашагали через плато. На какое-то время, маршируя впереди Четвертого моста, Каладин смог представить, что жизнь проста. Никаких атак на плато, никаких стрел, никаких убийц или телохранителей. Только он, его бригада и мост.

К несчастью, когда они приблизились к другому краю большого плато, он начал чувствовать утомление и рефлекторно попытался втянуть немного штормсвета, чтобы подкрепиться. Ничего не получилось.

Жизнь далеко не проста. Никогда такой не была и точно не во время забегов с мостом. Притворяться, что все иначе, означало приукрашивать прошлое.

Каладин помог опустить мост, а затем, заметив авангард, движущийся перед армией, он и мостовики протолкнули и установили мост через пропасть. Солдаты авангарда радостно поприветствовали шанс вырваться вперед и двинулись через мост, чтобы обеспечить безопасность следующего плато.

Каладин и остальные последовали за ними, затем, полчаса спустя, они пропустили авангард на следующее плато. Так продолжалось какое-то время: они ждали, чтобы прибыл мост Далинара, устанавливали свой мост рядом с механическим и позволяли авангарду перейти дальше. Прошли часы – мостовики по-прежнему истекали потом и напрягали мышцы. Хорошие часы. Каладин так ничего и не решил ни по поводу короля, ни насчет своего участия в его потенциальном убийстве. Сейчас он просто нес мост и наслаждался тем, как под бескрайним небом армия слаженно продвигается к цели.

Время шло, они приближались к плато, на котором выпотрошенная куколка ожидала, чтобы ее исследовала Шаллан. Каладин и Четвертый мост пропустили авангард через ущелье, как делали раньше, и приготовились ждать. Наконец подошла основная часть армии, и громяющие мосты Далинара переместились на исходную позицию, начав опускаться, потрескивая шестернями, чтобы перекрыть ущелье.

Наблюдая за происходящим, Каладин сделал большой глоток теплой воды, ополоснул и вытер лицо. Они прибыли на место. Это плато располагалось далеко в глубине равнин, почти рядом с Башней. Обратная дорога займет часы, если считать, что они будут двигаться так же неспешно, как добирались сюда. В лагерь вернутся уже в полной темноте.

«Если Далинар действительно хочет провести атаку в центре Разрушенных равнин, – подумал Каладин, – потребуются дни марша, армия останется без защиты все это время, появится угроза того, что нас окружают и отрежут от военных лагерей».

Их великолепным шансом мог стать Плач. Четыре недели сплошного дождя, но без сверхштормов. В этом году даже на Прояснение в середине спокойного периода не будет сверхшторма. Полный цикл штормов длился тысячу дней, то есть два года. Тем не менее он знал, что множество патрулей алетиты пытались исследовать восточное направление и раньше. Все они были

уничтожены сверхштормами, скальными демонами или ударными отрядами паршенди.

Не сработает ничего, кроме всеобщего перемещения ресурсов к центру. Атака, которая подвергнет изоляции Далинара и любого, кто присоединится к нему.

Механический мост с глухим стуком встал на место. Люди Каладина перегородили ущелье своим собственным мостом и приготовились протянуть его вперед, чтобы смог перейти авангард. Каладин пересек мост и махнул им рукой, направившись туда, где был установлен более крупный мост.

Далинар пошел по мосту вместе с некоторыми из своих разведчиков-прыгунов. Сзади слуги несли их длинные шесты.

– Я хочу, чтобы вы рассредоточились, – сказал им кронпринц. – У нас не так много времени перед тем, как придется возвращаться. Мне нужно, чтобы вы осмотрели отсюда как можно больше плато. Чем большую часть нашего маршрута мы сможем распланировать сейчас, тем меньше времени потратим впустую, когда будем атаковать по-настоящему.

Разведчики кивнули и отсалютовали, когда он их отпустил. Далинар сошел с моста и кивнул Каладину. Позади него пересекали ущелье генералы, писцы и инженеры. За ними следовала основная масса армии и арьергард.

– Я слышал, что вы заняты строительством мобильных мостов, сэр, – сказал Каладин. – Полагаю, вы понимаете, что эти механические конструкции слишком медлительны для вашей атаки.

Далинар кивнул.

– Их понесут солдаты. Твоим людям не придется ими заниматься.

– Сэр, вы проявляете огромную заботу с вашей стороны, но, мне кажется, вам не стоит волноваться. Если прикажете, бригады мостовиков понесут для вас мосты. Многие из них, вероятно, будут рады окунуться в прошлое.

– Я думал, что ты и твои люди рассматривали назначение в бригады мостовиков как смертный приговор, солдат, – ответил Далинар.

– Когда мы подчинялись Садеасу, так оно и было. Но вы можете все изменить. Защищенные броней, обученные построению мостовики бегут с мостом. Перед ними маршируют солдаты с щитами. Бригады мостовиков защищают лучники. Кроме того, опасность подстерегает только в момент атаки.

Далинар кивнул.

– Тогда готовь бригады. Если твои люди понесут мосты, будет больше свободных солдат на случай, если нас атакуют.

Кронпринц направился через плато, но его окликнул один из плотников на другом конце ущелья. Далинар развернулся и пошел по мосту обратно.

Он миновал офицеров и писцов, пересекающих мост, включая Адолина и Шаллан, которые шествовали рука об руку. Девушка отказалась от паланкина, принц – от лошади. Шаллан, по всей видимости, рассказывала Адолину о скрытых остатках строения, которое она обнаружила внутри скалы.

За ними, с другой стороны ущелья, стоял рабочий, который позвал Далинара.

«Тот же плотник в шляпе с родимым пятном, – подумал Каладин. – Где же я его видел?..»

Вдруг его озарило. Склад древесины Садеаса. Мужчина был одним из тамошних плотников, руководивших сборкой мостов.

Каладин сорвался на бег.

Он понесся в направлении моста раньше, чем до конца понял, что происходит. Адолин, шедший перед ним, немедленно развернулся и тоже побежал, пытаясь определить, что за опасность обнаружил мостовик. Принц оставил озадаченную Шаллан в центре моста. Каладин бросился к ней.

Плотник сжал боковой рычаг рядом с устройством по управлению мостом.

– Адолин, плотник! – крикнул Каладин. – Останови его!

Далинар по-прежнему оставался на мосту. Кронпринц отвлекся на что-то еще. Что? Каладин понял, что тоже что-то услышал. Трубы – сигнал, что обнаружены враги.

Все дальнейшее случилось одновременно. Далинар повернулся в сторону труб. Плотник потянул за рычаг. Адолин в сверкающих Доспехах Осколков добежал до Далинара.

Мост накренился.

А затем обрушился.



Рэйс в заточении. Он не может покинуть систему, в которой обитает на данный момент. Поэтому его разрушительный потенциал ограничен.

Как только мост ушел у него из-под ног, Каладин потянулся к штормсвету. Ничего.

Его охватила паника, желудок ухнул вниз, и он закувыркался в воздухе.

Падение в темноту ущелья длилось один краткий миг и в то же время целую вечность. Краем глаза Каладин увидел Шаллан и нескольких солдат в синей форме, падающих и в ужасе молотящих по воздуху руками и ногами.

Подобно тонущему человеку, отчаянно рвущемуся к поверхности, Каладин потянулся за штормсветом. Он не умрет таким образом! Ветра принадлежали ему. Ущелья принадлежали ему.

«Ни за что!»

Послышался крик Сил. Испуганный, наполненный болью звук, казалось, проник до самых костей Каладина. В этот же момент ему удалось вдохнуть немного штормсвета, саму жизнь.

Он ударился о дно ущелья, и все погрузилось во тьму.

Он плыл сквозь боль.

Боль омывала его, жидкая, но не затекающая внутрь. Кожа удерживала ее снаружи.

– ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ? – отдаленный голос зазвучал как раскат грома.

Каладин схватил ртом воздух, открыл глаза, и боль пробралась внутрь. Внезапно все тело охватило огнем.

Он лежал на спине, устремив взгляд к полоске света над собой. Сил? Нет... нет, просто солнечный свет. Брешь в верхней части ущелья, высоко над ним. Так далеко на Разрушенных равнинах ущелья достигали сотен футов в глубину.

Каладин застонал и сел. Эта полоска света казалась недостижимо далекой. Его проглотила тьма, и ущелье вокруг было тусклым и мрачным. Он поднес руку к голове.

«В конце мне удалось впитать немного штормсвета, – подумал он. – Я выжил».

Но тот крик! Он преследовал, отдаваясь эхом в голове. Он слишком походил на крик, который Каладин слышал, когда дотронулся до Клинка Осколков дуэлянта на арене.

«Проверь наличие ран», – нашептали отцовские наставления из глубин памяти.

Тело могло погрузиться в шок, получив сложный перелом или рану, и не замечать полученного вреда. Каладин зашевелился, проверяя, целы ли конечности, не доставая сферы из кармана. Не хотелось разгонять мрак, чтобы, скорее всего, увидеть вокруг кучу мертвецов.

Был ли среди них Далинар? Адолин бросился к отцу. Смог ли он вытащить кронпринца до того, как обрушился мост? На Адолине были Доспехи, и в конце он прыгнул.

Каладин ощупал ноги, затем ребра. Везде болело, саднили многочисленные царапины, но ничего не было сломано или серьезно повреждено. Тот штормсвет, что он смог вдохнуть перед падением... Он защитил его, возможно, даже исцелил, прежде чем иссякнуть. Мостовик наконец дотянулся до кармана и выудил несколько сфер, обнаружив, что они все разрядились. Он полез в другой карман и застыл, услышав, как что-то шуршит неподалеку.

Каладин вскочил на ноги и обернулся, думая, что сейчас ему не помешало бы оружие. Дно ущелья осветилось. Ровное сияние выхватило из мрака веерообразный оборцвет и вьющиеся по стенкам лозы, груды веток и островки лишайника на земле. Неужели донесся чей-то голос? На мгновение Каладин ощутил невероятное замешательство, когда тени на стене перед ним задвигались.

Затем из-за угла появился кто-то в шелковом платье, с сумкой на плече.

Шаллан Давар.

Увидев его, она вскрикнула, бросила сумку на землю и отпрянула назад, прижав руки к бокам. Она даже уронила свою сферу.

Вправляя плечо в сустав, Каладин подошел ближе и ступил в круг света.

– Успокойтесь, – сказал он. – Это я.

– Отец Штормов! – воскликнула Шаллан, наклонившись, чтобы поднять сферу с земли. Она шагнула вперед, направив на него свет. – Это ты... мостовик. Но как?..

– Не знаю, – солгал он, посмотрев вверх. – Я сильно потянул шею, а локти болят, будто их отбили. Что произошло?

– Кто-то дернул за аварийный рычаг на мосту.

– Какой еще аварийный рычаг?

– Он опрокидывает мост в ущелье.

– И зачем нужна эта штормовая штука? – проворчал Каладин, вытаскивая из кармана оставшиеся сферы.

Он взглянул на них украдкой. Также разряжены. Шторма, неужели он использовал их все?

– По-всякому бывает, – ответила Шаллан. – Что, если твои солдаты отступили через мост, а за ними гонятся враги? У аварийного рычага имеется какой-то предохранительный замок, чтобы его нельзя было дернуть случайно, но должна существовать возможность быстро высвободить его при необходимости.

Каладин заворчал, когда Шаллан направила сферу мимо него в сторону двух половинок моста, обрушившегося на дно ущелья. Там лежали тела, как он и ожидал.

Каладин осмотрелся. Это был его долг. Далинара не видно, но несколько офицеров и светлоглазых леди, переходивших мост, лежали на земле в неестественных позах. После падения с высоты около двухсот футов выживших не осталось.

Не считая Шаллан. Каладин не помнил, чтобы он схватил ее, когда падал, но он вообще мало что помнил из падения, кроме крика Сил. Тот крик...

Что ж, скорее всего, он инстинктивно схватил Шаллан, зарядив ее штормсветом, чтобы замедлить падение. Девушка выглядела взъерошенной, голубое платье порвалось, на голове полный беспорядок, но в остальном она, очевидно, не пострадала.

– Я очнулась здесь, в темноте, – сказала Шаллан. – С тех пор как мы упали, прошло довольно много времени.

– Откуда вы знаете?

– Наверху почти стемнело, – пояснила она. – Скоро наступит ночь. Очнувшись, я услышала эхо криков и сражения и увидела, как что-то светится за углом. Оказалось, что это разорвался мешочек со сферами, принадлежавший упавшему солдату.

Шаллан заметно трясло.

– Его убили перед тем, как он упал.

– Паршенди, – произнес Каладин. – Прямо перед тем, как рухнул мост, я слышал сигнал от авангарда. На нас напали.

Бездна, это могло означать, что Далинар отступил, если он действительно выжил. Сражаться там, наверху, было не за что.

– Дайте мне одну сферу, – попросил Каладин.

Шаллан передала ему сферу, и он стал обыскивать упавших. Якобы, чтобы проверить пульс, но на самом деле ради каких-нибудь полезных вещей или сфер.

– Думаешь, кто-то из них мог выжить? – спросила девушка. В тишине ущелья ее голос казался слабым.

– Ну мы же как-то выжили.

– Как же это случилось, по твоему мнению? – спросила Шаллан, посмотрев на просвет высоко-высоко над головой.

– Прямо перед тем, как мы упали, я заметил нескольких спренов ветра, – сказал Каладин. – Я слышал, что в сказках они защищали людей, когда те падали. Возможно, так и случилось.

Шаллан молчала, пока он обыскивал тела.

– Да, – наконец произнесла она. – Логично.

Похоже, он ее убедил. Хорошо. Лишь бы не начала задаваться вопросами насчет всех этих историй про «Каладина Благословленного Штормом».

Больше никто не выжил, но он убедился, что среди трупов точно не было ни Далинара, ни Адолина.

«Я дурак, если не заметил, что намечается попытка покушения», – подумал Каладин.

Пару дней назад на пиру Садеас усиленно пытался опозорить Далинара, раскрыв тайну его видений. Классическая уловка: дискредитируй врага, а затем убей его, чтобы он точно не превратился в мученика.

От трупов оказалось мало толку. Пригоршня сфер и письменные принадлежности, которые с жадностью схватила и засунула в свою сумку Шаллан. Ни одной карты. Каладин не особенно представлял, где они находятся. А с неминуемым наступлением ночи...

– Что будем делать? – тихо спросила Шаллан, уставившись на погружающийся в темноту мир ущелий.

Их окружали непредсказуемые тени, осторожно шевелящиеся оборцветы, лозы и похожие на полипы стаккаты, усики которых выползли и маячили в воздухе.

Каладин вспомнил, как побывал в ущельях впервые. Складывалось впечатление, что здесь всегда слишком много зелени, слишком сыро, слишком необычно. Из ближайшего лишайника выглядывали два черепа, наблюдая за ними пустыми глазницами. В отдалении что-то плеснуло в луже, и Шаллан, запаниковав, обернулась на звук. Для Каладина ущелья стали домом, но он не мог отрицать, что временами они определенно нервировали.

– Здесь, внизу, безопаснее, чем кажется, – сказал Каладин. – В армии Садеаса я проводил в ущельях день за днем, собирая имущество павших. Просто следите за спренами гниения.

– А скальные демоны? – спросила Шаллан, обернувшись в другую сторону, когда по стене пробежал крэмлиг.

– Никогда их не видел.

Он говорил правду, хотя однажды заметил тень одного из монстров, прокладывающего себе путь вдаль. Даже мысли о том дне вызывали мурашки.

– Они встречаются не так часто, как утверждает. Настоящая опасность – сверхшторма. Видите ли, если дождь идет даже далеко отсюда...

– Да, ливневый паводок, – перебила его Шаллан. – Представляет большую опасность в узких глубоких ущельях. Я читала о них.

– Уверен, это очень поможет, – проговорил Каладин. – Вы упомянули нескольких мертвых солдат?

Шаллан указала направление, и он зашагал в нужную сторону. Девушка последовала за ним, держась ближе к свету. Каладин обнаружил пару мертвых копейщиков, которых столкнули с плато. Их раны оказались свежими. Прямо под ними лежал мертвый паршенди, также убитый недавно.

У паршенди в бороде красовались необработанные драгоценные камни. Каладин дотронулся до одного из них, помедлил и попытался втянуть штормсвет. Ничего не произошло. Он вздохнул и склонил голову перед павшими, прежде чем в конце концов вытащить копьё из-под одного из тел и выпрямиться. Просвет наверху окрасился темно-синим. Ночь.

– Так что, будем ждать? – спросила Шаллан.

– Чего? – задал встречный вопрос Каладин, закидывая копьё на плечо.

– Их возвращения... – Она замолкла. – Они не вернутся за нами, ведь так?

– Они решат, что мы погибли. Шторма, мы должны были погибнуть. Полагаю, мы слишком далеко от мест, где можно надеяться на вылазку по возврату трупов. Это вдвойне верно, учитывая атаку паршенди. – Каладин потер подбородок. – Думаю, мы могли бы дождаться основную экспедицию Далинара. Он дал понять, что пойдет этим путем в поисках центра. Ведь она всего через пару дней, так?

Шаллан побледнела. Вернее, побледнела еще больше. И без того светлая кожа и рыжие волосы делали ее похожей на крошечную рогеодку.

– Далинар планирует отправиться в путь сразу, как пройдет последний сверхшторм перед Плачем. Этого шторма осталось ждать недолго. Стало быть, прольется очень-очень-очень много дождя.

– Значит, идея плохая.

– Можно и так сказать.

Каладин попытался представить, каково находится здесь во время сверхшторма. Он видел последствия, когда рыскал по дну ущелий вместе с Четвертым мостом. Искореженные, изломанные трупы. Груды мусора у стен и в расщелинах. Валуны величиной с человека, с легкостью увлекаемые потоком через ущелья, пока не застрянут между стенками, иногда на высоте около пятидесяти футов над землей.

– Когда? – спросил он. – Когда последний сверхшторм?

Шаллан уставилась на него, а затем начала рыться в сумке, перелистывая страницы свободной рукой и одновременно придерживая сумку сквозь ткань безопасной рукой. Она сделала ему знак подойти со сферой, так как ей пришлось отложить свою.

Каладин держал сферу, пока Шаллан просматривала страницу с текстом.

– Завтра ночью, – тихо произнесла она. – Сразу после восхода луны.

Застонав, Каладин поднял сферу повыше и стал изучать пропасть.

«Мы к северу от того ущелья, в которое упали, – подумал он. – Таким образом, обратный путь должен находиться... в той стороне?»

– Значит, так, – сказала Шаллан, глубоко вздохнув и захлопнув сумку. – Мы идем обратно и отправляемся в путь немедленно.

– Вам не хочется передохнуть минутку и восстановить дыхание?

– Мое дыхание уже вполне восстановлено. Если тебе все равно, я бы предпочла двигаться. Когда вернемся, будем попивать вино с пряностями и посмеиваться, какими глупыми мы были, что спешили всю дорогу, раз у нас оставалось столько свободного времени. Мне бы очень хотелось, чтобы все это оказалось просто глупостью. А тебе?

– Ага. – Ему нравились ущелья. Однако это не означало, что он хотел бы рискнуть и остаться здесь во время сверхшторма. – У вас в сумке случайно нет карты?

– Нет, – состроила гримасу Шаллан. – Я не захватила свою. Карты имелись у ее светлости Велат. Я пользовалась ими. Но, возможно, я смогу вспомнить часть того, что видела.

– Тогда, думаю, нам стоит двигаться в том направлении, – указал Каладин. И пошел вперед.

Мостовик отправился в указанном им направлении, даже не дав ей шанса высказать свое мнение в сложившейся ситуации. Шаллан сдержала раздражение, рывком подняв сумку и мешок – она обнаружила несколько бурдюков с водой у солдат. Ее платье зацепилось за то, что, как она надеялась, было всего лишь очень белой палкой, но она поспешила догнать Каладина.

Высокий мостовик проворно перешагивал или обходил мусор, не оборачиваясь. Почему должен был выжить именно он? Хотя, честно говоря, она обрадовалась, отыскав кого-то живого. Бродить здесь в одиночку – не самое приятное занятие. По крайней мере, он был достаточно суеверен, чтобы решить, что его спасли спрены и причуды судьбы. Шаллан понятия не имела, как выжила сама, не говоря уже о нем. Узор сидел на ее юбке и, прежде чем она встретила с мостовиком, рассуждал на тему спасения штормсветом.

Остаться в живых после падения с высоты не меньше двухсот футов? Этот случай только в очередной раз доказывал, как мало она знала о своих

способностях. Отец Штормов! Она спасла еще и другого человека. Шаллан была уверена, что во время падения он летел вниз рядом с ней.

Но как? И сможет ли она выяснить, как проделать такое снова?

Девушка ускорила шаг, чтобы не отстать. Проклятые алет и их непомерно длинные ноги! Каладин передвигался как солдат, не задумываясь о том, что ей было гораздо сложнее выбирать дорогу. Шаллан не хотелось, чтобы ее юбка цеплялась за каждую ветку.

Они дошли до лужи на дне ущелья, и он прыгнул на перекинутое через нее бревно, почти не сбившись с шага. Шаллан остановилась у края лужи.

Каладин оглянулся на нее, подняв сферу повыше.

– Вы ведь не станете требовать, чтобы я снова отдал вам ботинки?

Шаллан подняла ногу, показав ботинки военного образца, которые она носила под платьем. Мостовик не удержался и выгнул бровь.

– У меня хватило ума не отправиться на Разрушенные равнины в туфлях, – пояснила девушка, залившись румянцем. – Кроме того, под таким длинным платьем никому не видно, какая у тебя обувь.

Шаллан оглядела бревно.

– Хотите, чтобы я вам помог? – спросил Каладин.

– На самом деле, мне интересно, как здесь оказался ствол тяж-дерева, – призналась она. – Они даже предположительно не могут произрастать на Разрушенных равнинах. Здесь слишком холодно. Могло ли так получиться, что его принесло сверхштормом с самого побережья? Четыре сотни миль?

– Вы ведь не станете требовать, чтобы мы остановились и вы выполнили набросок?

– Да ладно тебе, – ответила Шаллан, ступая на бревно и выбирая, куда шагнуть дальше. – Ты представить себе не можешь, сколько у меня набросков этого тяж-дерева.

Все остальное вокруг оказалось не менее необычным. Они пошли дальше, и Шаллан осветила сферой окрестности. Приходилось переключать ее из одной руки в другую, чтобы совладать с сумкой в безопасной руке и мешком, закинутым через плечо. Окружающее поражало великолепием. Десятки различных видов лоз, красные, оранжевые, фиолетовые оборцветы, крошечные камнепочки на стенах, скопления хасперов, приоткрывающих и сжимающих раковины, будто в ритме дыхания.

Вокруг сланцекорника, который вырос шишковатыми образованиями, похожими на пальцы, сновали пылинки спренов жизни. На поверхности такая разновидность почти не встречалась. Крошечные, светящиеся зеленым точки перемещались через ущелье к целой стене, покрытой трубчатыми растениями величиной с кулак, выпустившими усики. Когда она прошла мимо, покачивающиеся усики втянулись пробежавшей по стене волной. Шаллан тихо ахнула и сохранила *воспоминание*.

Мостовик остановился перед ней и обернулся.

– Ну?

– Разве ты не замечаешь, как здесь красиво?

Он взглянул на стену, покрытую трубчатыми растениями. Шаллан не сомневалась, что читала что-то про них, но никак не могла вспомнить название.

Мостовик пошел дальше.

Шаллан побежала за ним, мешок застучал по спине. Она почти споткнулась о перекрученный клубок из мертвых лоз и сучьев, пока догоняла Каладина. Чтобы сохранить равновесие, пришлось подпрыгнуть на одной ноге, и она выругалась.

Он потянулся и забрал у нее мешок.

«Наконец-то», – подумала она.

– Спасибо.

Каладин хмыкнул и, прежде чем отправиться дальше, перебросил мешок через плечо, не произнеся ни единого слова. Они дошли до развилки в ущельях, одна дорожка вела направо, другая – налево. Им требовалось обойти следующее плато, чтобы продолжить движение на запад. Шаллан посмотрела на разлом, хорошенько запоминая, как выглядела эта сторона плато, а Каладин тем временем выбирал дорогу.

– На обратный путь уйдет немало времени, – сказал он. – Даже больше, чем когда мы добирались сюда поверху. Нам приходилось ждать целую армию, но была возможность сократить путь через центры плато. Если обходить каждое по кругу, время в дороге сильно увеличится.

– Что ж, зато компания приятная.

Он вопросительно воззрился на нее.

– Я имею в виду, для тебя, – добавила Шаллан.

– Мне придется слушать вашу пустую болтовню всю обратную дорогу?

– Конечно, нет, – сказала она. – Я собираюсь также пороть чушь, немного поворчать и иногда нести бред. Но не слишком много, чтобы не переусердствовать.

– Великолепно.

– Я тренировалась трещать без умолку.

– Не могу дождаться, чтобы это услышать.

– О, ну ты только что услышал.

Некоторое время он изучал ее своими суровыми глазами, сверлящими насквозь. Шаллан отвела взгляд. Мостовик ей явно не доверял. Он был телохранителем, поэтому она сомневалась, что многие люди достаивались его доверия.

Они дошли до очередного разветвления, и Каладину потребовалось уже больше времени, чтобы принять решение. Она понимала почему: здесь, внизу, трудно определить, куда вел каждый путь. Формы плато отличались разнообразием и непредсказуемостью. Некоторые были узкими и длинными, другие – почти правильными окружностями. По бокам плато часто встречались выступы и целые полуостровки, и поэтому внизу образовался настоящий лабиринт извилистых тропинок. Все должно быть не так уж сложно – тупиков мало, и им нужно просто продолжать двигаться в западном направлении.

Но в какой стороне запад? Здесь было очень-очень легко потеряться.

– Ты ведь не выбираешь дорогу наугад? – спросила она.

– Нет.

– Похоже, тебе многое известно об этих ущельях.

– Верно.

– Полагаю, потому, что мрачная атмосфера соответствует твоему характеру.

Каладин не стал отвечать и зашагал вперед, смотря прямо перед собой.

– Шторма, – проговорила Шаллан, нагоняя его. – Я думала тебя развеселить. Как же заставить тебя расслабиться, мостовичок?

– Думаю, я просто... как там? «Полный ненависти человек»?

– Не вижу ни одного довода против.

– Все потому, что вы, светлоглазые, не считаете нужным видеть. Все, кто стоят ниже вас, просто игрушки.

– Что? – переспросила Шаллан, будто ее ударили по лицу. – Откуда у тебя такие идеи?

– Это очевидно.

– Для кого? Для одного тебя? Когда ты видел, чтобы я относилась к нижестоящим как к игрушкам? Назови мне хотя бы один пример.

– Когда меня бросили в тюрьму за то, за что любого светлоглазого удостоили бы аплодисментов, – немедленно отозвался Каладин.

– И в этом виновата я? – требовательно спросила она.

– В этом виноват весь ваш класс. Каждый раз, когда кого-то из нас обманывают, обращают в рабство, бьют или пытаются сломить, вина ложится на всех, кто поддерживает подобную систему. Даже косвенно.

– Да что ты говоришь, – ответила Шаллан. – Мир несправедлив? Какое важное откровение! Те, кто обладает властью, злоупотребляют ею по отношению к тем, у кого ее нет? Удивительно! Когда же это началось?

Каладин не ответил. Смастерив мешочек из белого носового платка, найденного им у одного из писцов, он положил внутрь сферы и привязал его к наконечнику копья. Поднятые повыше, они хорошо освещали ущелье.

– Мне кажется, – сказала Шаллан, доставая для удобства свою собственную сферу, – что ты просто ищешь оправдание. Да, с тобой обошлись несправедливо. Признаю это. Но я считаю, что именно ты – тот, кто обращает внимание на цвет глаз. Тебе просто проще притворяться, что каждый светлоглазый плохо с тобой обращается из-за твоего социального положения. Никогда не спрашивал себя, может быть, есть более простое объяснение? Возможно, ты никому не нравишься не потому, что ты темноглазый, а потому, что ты просто самая настоящая заноза в мягком месте?

Мостовик фыркнул и ускорил шаг.

– Нет, – продолжила Шаллан, практически перейдя на бег, чтобы успевать за широкими шагами Каладина. – Ты от меня не убежишь. Не получится намекнуть, что я злоупотребляю своим положением, а затем просто уйти от ответа. Раньше ты уже проделал подобное с Адолином. Теперь со мной. Что с тобой не так?

– Хотите услышать хороший пример того, как вы играете с людьми, стоящими ниже вас? – спросил Каладин, уклоняясь от вопроса. – Отлично. Вы украли мои ботинки. Вы притворились той, кем не являлись, и поиздевались над темноглазым стражником, которого только-только повстречали. Достаточно ли хорош этот пример? Вы отлично позабавились с тем, кто, по вашему мнению, стоял ниже вас.

Шаллан остановилась на месте. Тут он был прав. Ей хотелось бы переложить вину на Тин, но его замечание лишило ее аргументов.

Каладин остановился впереди и оглянулся. Затем в конце концов вздохнул.

– Послушайте, – сказал он, – я не держу на вас зла из-за ботинок. Исходя из того, что я видел раньше, вы не так плохи, как остальные. Так что давайте просто закроем эту тему.

– Не так плоха, как остальные? – переспросила Шаллан, шагнув вперед. – Какой восхитительный комплимент. Что ж, допустим, ты прав. Возможно, я бесчувственная богачка. Но это никак не влияет на тот факт, что и ты бываешь до предела отвратительным и оскорбительным, Каладин Благословленный Штормом.

Он пожал плечами.

– И все? – спросила она. – Я попросила прощения, а взамен получила лишь пожатие плечами?

– Я тот, кем меня сделали светлоглазые.

– Значит, ты ни в коей мере не несешь ответственность за свои действия, – проговорила она ровно.

– Я бы сказал, нет.

– Отец Штормов! Что бы я ни сказала, твое отношение ко мне не изменится, так? Ты просто будешь продолжать вести себя как раздражительный, отвратительный человек, полный злобы. Неспособный быть милым с окружающими. Твоя жизнь, скорее всего, очень одинока.

Его, видимо, прорвало, и в свете сфер лицо Каладина налилось краской.

– Я начинаю пересматривать свое решение насчет того, что вы не так плохи, как остальные, – проговорил он.

– Не лги, – ответила Шаллан. – Я никогда тебе не нравилась. С самого начала. И не только из-за ботинок. Я заметила, как ты наблюдал за мной.

– Потому что я знаю, что вы лжете сквозь улыбку всем, кого встречаете. И кажетесь искренней, только когда кого-то оскорбляете!

– Единственные искренние слова, которые я могу тебе сказать, – это оскорбления.

– Вот как! – воскликнул он. – Я просто... Аргх! Почему, когда я рядом с вами, мне хочется содрать кожу со своего лица, женщина?

– Я прошла специальное обучение, – ответила Шаллан, отведя взгляд в сторону. – И я коллекционирую лица.

Что это было?

– Вы не можете просто...

Он оборвал себя на полуслове, когда скрежещущий звук, прилетевший с эхом из одного из ущелий, стал громче.

Каладин сразу же прикрыл импровизированный светильник со сферами, погрузив их во мрак. По мнению Шаллан, это не помогло. Она проковыляла в темноте и схватилась за него свободной рукой. Мостовик вызывал раздражение, но в то же время был здесь, с нею.

Скрежет послышался снова. Звук, будто камень трется о камень. Или... панцирь о камень.

– Думаю, – нервно прошептала Шаллан, – не слишком мудро устраивать соревнование «кто кого перекричит» в сети ущелий, распространяющей эхо.

– Да уж.

– Оно приближается, да? – зашептала она снова.

– Ага.

– Так что... побежали?

Казалось, что скрежет раздается прямо за ближайшим поворотом.

– Ага, – согласился Каладин, убирая руку со сфер и устремляясь подальше от звука.

Альбом Шаллан: растительность ущелий





Было это замыслом Танаваста или нет, без Рэйса, лишившего жизни остальных шестнадцать, прошли тысячелетия. Сетуя на великие муки, вызванные Рэйсом, я не верю, что мы могли надеяться на лучший исход.

Каладин бросился бежать по ущелью, перепрыгивая через ветки и мусор, шлепая ногами по лужам. Девчонка держала темп лучше, чем он ожидал, но, путаясь в платье, и близко не могла сравниться с ним в скорости.

Он замедлился, подстроившись под ее шаг. Несмотря на то, что она бывала совершенно несносной, нельзя оставлять невесту Адолина на растерзание скальному демону.

Добежав до развилки, они выбрали путь наугад. На следующем разветвлении Каладин остановился только для того, чтобы проверить, нет ли погони.

Скальный демон следовал за ними по пятам, тяжело топая и скрежеща когтями по камню. Когда они побежали по очередному проходу, Каладин подхватил сумку девушки, хотя уже нес ее мешок. Или Шаллан была в отличной форме, или паника накрыла ее с головой, но когда они достигли следующей развилки, она даже не казалась запыхавшейся.

Времени на сомнения не оставалось. На полной скорости Каладин понесся по дорожке, не слыша ничего, кроме звуков трущегося о камень панциря. Внезапный четырехголосый трубный клич прокатился по ущелью так громко, будто дунули в тысячу рогов. Шаллан закричала, но Каладин едва слышал ее за ужасным ревом.

По расселине покатались огромные волны втягивающихся растений. В мгновение ока все ущелье превратилось из дышащего жизнью и красками места в бесплодную пустошь, словно мир готовился к сверхшторму. Они добежали до следующей развилки, и Шаллан помедлила, оглянувшись на звуки. Она протянула руки, будто готовясь обнять кого-то. Шторм бы побрал эту женщину! Каладин схватил ее за руку и потянул за собой. Они пробежали два ущелья без остановки.

Скальный демон все еще их преследовал, хотя Каладин только слышал его. Мостовик понятия не имел, как близко находился монстр, но, похоже, тот шел по их запаху. Или ориентировался по производимым ими звукам? Каладин понятия не имел, как они охотились.

«Нужен план! Нельзя ведь...»

На следующей развилке Шаллан повернула в противоположную сторону от выбранного им пути. Каладин выругался, остановился и побежал за ней.

– Нет времени, – пропыхтел он, – спорить о...

– Закрой рот и следуй за мной!

Она довела их до одной развилки, затем до другой. Каладин почувствовал, что запыхался, его легкие протестовали. Шаллан остановилась, указала на что-то и побежала дальше по ущелью. Он поспешил за девушкой, оглядываясь через плечо.

Каладин видел только темноту. Лунный свет был слишком далеким, слишком приглушенным, чтобы осветить эти глубины. Они не поймут, гонится ли зверь за ними, пока он не вступит в свет сфер. И, Отец Штормов, звуки раздавались все ближе.

Каладин опять сосредоточился на беге. Он чуть не споткнулся обо что-то на земле. Труп? Он перепрыгнул его, догоняя Шаллан. Подол ее платья изорвался от бега и цеплялся за все подряд, волосы спутались, лицо покраснелось. Она повела их в очередной проход, но затем остановилась, упершись рукой в стену пропасти и хватая ртом воздух.

Каладин закрыл глаза, тяжело дыша.

«Нельзя долго отдыхать. Он до нас доберется».

Он почувствовал, что вот-вот свалится от усталости.

– Прикрой свет, – прошипела Шаллан.

Мостовик нахмурился, но сделал, как она сказала.

– Нам нельзя долго отдыхать, – прошипел он в ответ.

– Тише!

Темноту не нарушало ничего, кроме тонкого лучика света, пробивающегося между его пальцев. Казалось, что скрежещет прямо над ними. Шторма! Сможет ли он сражаться с таким чудовищем? Без штормсвета? В отчаянии Каладин попытался втянуть свет, зажатый в ладонях.

Штормсвет не откликнулся, и Сил не было видно с самого падения. Скрежет не замолкал. Каладин приготовился бежать, но...

По-видимому, звук больше не приближался. Каладин нахмурился. Тело, о которое он споткнулся, принадлежало одному из павших в ходе недавнего сражения. Шаллан привела их обратно, туда, откуда они начали бег.

Чтобы... накормить зверя.

Каладин напряженно ждал, прислушиваясь к сердцу, бешено колотящемуся в груди. Скрежет эхом разносился по ущелью. Как ни странно, но немного света вспыхнуло в пропасти позади. Что это было?

– Оставайся здесь, – прошептала Шаллан.

Немыслимо, но затем она двинулась на звуки. Все еще неуклюже держа сферы в одной руке, Каладин вытянул другую и рванулся за ней.

Шаллан повернулась к нему спиной и опустила глаза. Каладин нечаянно схватил ее за безопасную руку. И сразу же выпустил.

– Я должна на него посмотреть, – прошептала она. – Мы так близко.

– Вы сумасшедшая?

– Возможно. – Она продолжила двигаться к монстру.

Каладин немного подумал, мысленно обругав девушку. В конце концов он опустил копьё, бросил ее мешок и сумку на сферы, чтобы скрыть их свет, и последовал за ней. Что еще он мог сделать? Как объяснить Адолину?

«Да, принц. Я позволил вашей невесте бродить одной в темноте, с тем чтобы угодить в пасть скального демона. Нет, меня с ней не было. Да, я трус».

Впереди виднелся свет. Он освещал Шаллан – ее очертания, по крайней мере. Она присела за поворотом ущелья и осматривалась вокруг. Каладин шагнул к ней, припав к земле и вглядываясь вперед.

Показалось чудовище.

Животное заполняло собой все ущелье. Оно оказалось вытянутым и узким, а не грузным или похожим на луковицу, как некоторые маленькие кремлинги, с извилистым лоснящимся телом, заостренной мордой и острыми жвалами.

Что-то было не так. Трудно описать, что именно. Считалось, что крупные создания медлительны и послушны, как чуллы. Но этот огромный зверь передвигался с легкостью, его лапы упирались в стены ущелья, поддерживая его так, что тело едва касалось земли. Он поедал труп упавшего солдата, цепко удерживая его клешнями у ротового отверстия и вырывая куски с отвратительным звуком.

Морда походила на порождение ночного кошмара. Злобная, мощная, почти смышленная.

– Те спрены, – прошептала Шаллан так тихо, что едва можно было расслышать. – Я видела таких...

Они вертелись рядом со скальным демоном и служили источником света. Спрены выглядели как маленькие светящиеся стрелы и стайками окружали монстра, хотя изредка одного из них могло отнести подальше от остальных, и тогда спрен исчезал подобно маленькому клубу дыма, поднимающемуся в воздух.

– Небоугри, – прошептала Шаллан. – Они следуют и за небоугрями. Скальные демоны любят трупы. Могут они быть своего рода природными пожирателями падали? Нет, их клешни выглядят так, будто предназначены для раскалывания раковин. Подозреваю, что мы обнаружим стада диких чулл поблизости от того места, где эти существа обычно обитают. Но они приходят на Разрушенные равнины, чтобы оуклиться, и здесь очень мало пищи, вот почему они нападают на людей. Почему этот остался здесь после оукливания?

Скальный демон почти закончил с едой. Каладин взял Шаллан за плечо, и она с явной неохотой позволила увести себя прочь.

Они вернулись к своим вещам, собрали их и как можно тише отступили дальше в темноту.

Они шли несколько часов, двигаясь в совершенно другом направлении, чем раньше. Шаллан снова позволила Каладину выбирать путь через ущелья, хотя старалась следить за тем, куда они идут. Ей нужно будет зарисовать дорогу, чтобы точно определить их местоположение.

В ее голове крутился образ скального демона. Что за величественное создание! Ее пальцы буквально чесались выполнить набросок, используя сохраненное *воспоминание*. Конечности чудовища были больше, чем она могла вообразить, совсем не как у ноговиков с их длинными и тонкими иглообразными лапками, поддерживающими толстое тело. Это существо излучало силу. Как белоспинник, только громадное и более чужеродное.

Теперь они ушли далеко от него. К счастью, это означало, что они в безопасности. После того, как Шаллан так рано встала утром, чтобы присоединиться к экспедиции, наваливалась сонливость.

Она тайком проверила сферы в мешочке. Во время погони пришлось осушить их полностью. Хвала Всемогущему за штормсвет – нужно будет сжечь благодарственную глифпару. Без дарованных им силы и выносливости она никогда бы не утнулась за длинноногим Каладином.

Однако теперь Шаллан была штормово измотана. Штормсвет как будто увеличивал ее возможности, но теперь оставил тело выжатым и истощенным.

На следующей развилке Каладин оглядел ее.

Шаллан выдавила слабую улыбку.

– Нам нужно остановиться на ночь, – произнес он.

– Прошу прощения.

– Не только из-за вас, – сказал он, разглядывая небо. – По правде говоря, я понятия не имею, в правильном ли направлении мы идем. У меня в голове все перепуталось. Если утром мы сможем определить, где встает солнце, это подскажет нам, в какую сторону двигаться.

Шаллан согласно кивнула.

– У нас по-прежнему останется шанс вернуться вовремя, – добавил он. – Можно не волноваться.

Мостовик говорил с таким видом, что она сразу начала волноваться. Все же Шаллан помогла ему найти относительно сухой участок земли, на котором они и устроились, разложив сферы в центре как небольшую имитацию огня. Каладин порылся в найденном мешке, который она решила взять с мертвого солдата, и вытащил несколько кусочков лепешки и вяленое мясо чуллы. В любом случае не самая аппетитная еда, но хоть что-то.

Шаллан сидела и ела, прислонившись спиной к стене и устремив взгляд вверх. Лепешка имела затхлый привкус, значит, была выпечена из *преобразованного* зерна. Рассмотреть звезды мешали облака, но несколько спренов звезд двигались перед ними, формируя отдаленные узоры.

– Странно, – прошептала она жующему Каладину. – Я пробыла здесь внизу только полночи, но такое ощущение, что намного дольше. Вершины плато кажутся такими далекими, не правда ли?

Каладин хмыкнул.

– Ах да, хмыканье мостовиков. Ваш собственный язык. Нужно будет пробежаться с тобой по морфемам и тембру – я пока не совсем бегло на нем хмыкаю.

– Из вас выйдет ужасный мостовик.

– Слишком маленького роста?

– Ну... да. И слишком женственный. Сомневаюсь, что традиционные короткие брюки и открытая жилетка вам к лицу. Или, даже более вероятно, вы бы выглядели слишком хорошо. Это немного отвлекало бы других мостовиков.

Шаллан улыбнулась при его словах, порылась в сумке и вытащила альбом с карандашами. Как бы там ни было, они упали вместе с ней. Тихонько напевая себе под нос, она начала делать набросок, используя одну из сфер для освещения. Узор, согласившийся молчать в присутствии Каладина, по-прежнему сидел на ее юбке.

– Шторма, – сказал Каладин, – вы же не рисуете саму себя в нашей униформе...

– Да, конечно, – ответила девушка. – Провели вместе пару часов в ущелье, и я уже рисую для тебя свои изображения в непристойном виде. – Она потерла линию. – У тебя богатая фантазия, мостовичок.

– Что ж, об этом и шла речь, – проворчал он, поднялся и подошел посмотреть, что она делала. – Я думал, вы устали.

– Я измотана, поэтому мне нужно расслабиться, – пояснила Шаллан.

Конечно же, не стоит начинать рисовать со скального демона. Ей нужна разминка.

Поэтому Шаллан нарисовала их путь через ущелья. Отчасти карта, но скорее изображение плато и разломов, если взглянуть на них сверху. Получалось

достаточно художественно, чтобы вызвать интерес, хотя она была уверена, что изобразила несколько гребней и выступов неправильно.

– Что это? – спросил Каладин. – Изображение равнин?

– Что-то вроде карты, – ответила Шаллан, хоть и с гримасой.

Что сказать, если она не могла нарисовать даже несколько линий, определяющих их положение, как обычный человек? Ей приходилось превращать их в картину.

– Я не знаю полных очертаний обойденных нами плато, только те проходы по ущельям, которыми мы воспользовались.

– Вы так хорошо их запомнили?

Штормовые ветра! Разве она не намеревалась тщательнее скрывать свою зрительную память?

– М-м... Нет, не очень. Большая часть – мои догадки.

Шаллан почувствовала себя глупо, выдав свои способности. Вейль нашла бы, что ответить. Как неудачно, что Вейль сейчас здесь нет. Она бы лучше разобралась со всем этим выживанием-в-дикой-среде.

Каладин взял из ее рук рисунок, поднявшись на ноги и осветив его сферой.

– Ну, если ваша карта правильна, вместо запада мы пробирались на юг. Мне нужен свет, чтобы лучше ориентироваться.

– Может, и так, – ответила девушка, вытаскивая следующий лист, чтобы начать набросок скального демона.

– Подождем восхода солнца до завтра. Оно подскажет нужное направление.

Шаллан кивнула, взявшись за эскиз, а Каладин тем временем устроился на земле, подложив под голову свернутый мундир. Она и сама уже хотела заканчивать, но этот набросок нельзя было отложить. Она должна нарисовать хоть что-то.

Еехватило примерно на полчаса. Закончив около четверти наброска, Шаллан была вынуждена отложить его в сторону. Она свернула калачиком на твердой земле с мешком вместо подушки и уснула.

Было все еще темно, когда Каладин разбудил ее, легонько толкнув древком копья. Шаллан застонала, перекатившись по земле, и сонно попыталась накрыться «подушкой».

Из которой, а как же иначе, на нее вывалилось вяленое мясо чуллы. Каладин усмехнулся.

Конечно, он не мог не засмеяться. Шторм бы его побрал! Как долго ей удалось поспать? Девушка заморгала затуманенными глазами и сосредоточилась на узкой полоске, разделяющей стены ущелья далеко вверху.

Нет, ни единого проблеска света. Значит, два-три часа сна? Вернее, «сна». Спорный вопрос, как можно назвать то, чем она занималась. Возможно, «металась и ворочалась на каменистой земле, изредка просыпаясь, когда начинала понимать, что напустила маленькую лужу слюней». Слова, однако, не срывались с языка. В отличие от вышеупомянутых слюней.

Шаллан села и потянулась затекшими конечностями, проверяя, не расстегнулся ли за ночь рукав и не случилось ли еще чего-то настолько же неприличного.

– Мне нужна ванна, – проворчала она.

– Ванна? – переспросил Каладин. – Вы пробыли вдали от цивилизации всего день.

Она фыркнула.

– Только потому, что ты привык к вони невымытых мостовиков, не означает, что и я должна пополнить ваши ряды.

Каладин усмехнулся, снял кусок вяленого мяса с ее плеча и сунул в рот.

– В городе, откуда я родом, банный день был раз в неделю. Думаю, даже светлоглазые из тех мест сочли бы странным, что все здесь, даже рядовые солдаты, принимают ванну чаще.

Как он посмел держаться бодрым в такое утро? Вернее, «утро». Шаллан бросила в Каладина другим куском мяса чуллы, пока тот не смотрел. Но мостовик, шторм побери, его поймал.

«Ненавижу его».

– Нас не сожрал скальный демон, пока мы спали, – сказал Каладин, наполняя водой все бурдюки, за исключением одного. – Я сказал бы, что большей милости свыше не стоит и ожидать, учитывая сложившиеся обстоятельства. Давайте-ка, поднимайтесь на ноги. Ваша карта подсказала мне, в каком направлении двигаться, и мы сможем наблюдать за солнечным светом, чтобы убедиться, что находимся на правильном пути. Мы ведь все еще хотим побить тот сверхшторм, верно?

– Ты единственный, кого я хочу побить, – проворчала Шаллан. – Дубинкой.

– И что это значит?

– Ничего, – ответила она, поднявшись и пытаясь сделать что-нибудь с растрепанными волосами.

Шторма! Должно быть, она выглядит как последствия удара молнии в банку с рыжими чернилами. Шаллан вздохнула. У нее не было расчески, и, похоже, мостовик не собирался давать ей время, чтобы привести себя в порядок. Девушка натянула ботинки – ношение одной пары носков два дня подряд оказалось наименьшим уроном ее достоинству – и подхватила сумку. Каладин взял мешок.

Шаллан шла за Каладином, выбирающим путь через ущелья. Ее желудок жаловался на то, как мало она съела прошлой ночью. Еда была не самой лучшей, поэтому она позволила ему побурчать.

«Послужит как следует», – подумала Шаллан. Что бы это ни значило.

В конце концов небо действительно начало светлеть, причем в направлении, которое указывало, что они шли правильным путем. Каладин впал в свое привычное молчание, и его бодрое утреннее настроение испарилось. Теперь он выглядел так, словно погрузился в тяжкие раздумья.

Шаллан зевнула и поравнялась с ним сбоку.

– О чем ты думаешь?

– Я размышлял, как приятно немного побыть в тишине. Когда никто меня не беспокоит.

– Лгунишка. Почему ты так усердно пытаешься оттолкнуть людей?

– Может быть, я просто не хочу снова спорить.

– Тебе и не придется, – сказала Шаллан, снова зевая. – Сейчас слишком рано для дискуссий. Попробуй. Оскорби меня.

– Я не...

– А ну, оскорби! Сейчас же!

– Я бы скорее предпочел шагать по этим ущельям с убийцей-маньяком, чем с вами. По крайней мере, тогда, стань разговор утомительным, я бы легко нашел выход.

– С такими-то вонючими ногами? – ответила Шаллан. – Видишь? Слишком рано. Вероятно, в такой ранний час я не способна сострить. Так что никаких споров.

Она задумалась на секунду и продолжила более мягко:

– Кроме того, никакой убийца не согласился бы составить тебе компанию. У всех должны быть какие-то принципы, в конце концов.

Каладин фыркнул, уголки его губ слегка растянулись.

– Будь осторожен, – сказала Шаллан, перепрыгнув через упавшее бревно. – Это почти похоже на улыбку, и, могу поклясться, чуть раньше утром ты казался веселее. Ну, скорее более довольным. Так или иначе, если твое настроение улучшится, все разнообразие нашего путешествия разрушится.

– Разнообразие?

– Да. Если мы оба будем милы, пропадет все очарование. Понимаешь, большое искусство – вопрос контраста. Нечто светлое и нечто темное. Счастливая, улыбающаяся, лучезарная леди и темный, угрюмый, зловонный мостовик.

– Но ведь... – Он остановился. – Зловонный?

– Истинный мастер, рисуя картину, изображает героя с характерным для него контрастом – сильного, но с некоторой ранимостью, чтобы зритель мог сопоставить себя с ним. Ты со своими маленькими проблемами можешь создать разительный контраст.

– Как вообще можно передать в рисунке что-то подобное? – нахмурился Каладин. – Кроме того, я не зловонный.

– О, значит тебе уже лучше? Ура!

Он ошарашенно уставился на нее.

– Замешательство, – произнесла Шаллан. – Я любезно приму его как знак того, что ты поражен, насколько забавной я могу быть в столь ранний час.

Она заговорщически наклонилась и прошептала:

– На самом деле, я не очень остроумна. Просто, так уж вышло, ты туповат, поэтому тебе кажется, что я не лезу за словом в карман. Контраст, помнишь?

Шаллан улыбнулась и продолжила шагать, напевая себе под нос. Вообще-то, день стал казаться намного лучше. И почему раньше она была в плохом настроении?

Каладин побежал трусцой, догоняя ее.

– Шторма, женщина, – сказал он. – Я не знаю, как с вами быть.

– Желательно не превращать меня в труп.

– Я удивлен, что кто-то не сделал этого раньше. – Он покачал головой. –

Ответьте честно, почему вы здесь?

– Ну, тот мост обрушился, и я упала...

Каладин глубоко вздохнул.

– Прости, – извинилась Шаллан. – Что-то в тебе провоцирует меня на ядовитые шпильки в твой адрес, мостовичок. Даже утром. Так почему же я приехала сюда? В первую очередь ты имеешь в виду Разрушенные равнины?

Он кивнул. В юноше чувствовалась какая-то грубая красота, похожая на красоту природных скальных образований, в противоположность прекрасной скульптуре, какой был Адолин.

Но ее пугала страстная натура Каладина. Он напоминал человека, который постоянно стискивал зубы, человека, который не мог позволить ни себе, ни кому-то другому просто присесть и хорошенько отдохнуть.

– Я приехала сюда из-за исследования Джасны Холин. Научные труды, которые она оставила, не должны быть заброшены.

– А Адолин?

– Адолин стал приятным сюрпризом.

Они прошли мимо стены, полностью покрытой устилающими ее лозами, укоренившимися чуть выше, в расколотой части скалы. Лозы извивались и вытягивались по мере движения Шаллан.

«Очень быстро реагируют, – отметила она. – Быстрее, чем большинство».

Местные лозы были полной противоположностью тех, что росли в саду у нее дома. Те растения долгое время находились под защитой. Шаллан попыталась схватить одну лозу, чтобы отрезать, но та двигалась слишком быстро.

Проклятие! Ей нужен был лишь кусочек, чтобы по возвращении она могла вырастить лозу для экспериментов. Наползающая темнота отступала, когда она притворялась, что находится здесь ради изучения и классификации новых видов растений. Шаллан услышала, как Узор тихонько зажужжал на подоле, как будто понял, что она делала, отвлекаясь от затруднительного положения и опасности. Шаллан шлепнула по нему. Что подумает мостовик, если услышит, что ее одежда жужжит?

– Одну секунду, – сказала она, наконец схватив одну из лоз. Каладин наблюдал, опираясь о копьё, как девушка вынула из сумки маленький нож и отрезала им кончик лозы.

– Исследование Джасны, – проговорил он. – Оно ведь имело какое-то отношение к постройкам, скрытым здесь под кремом?

– С чего ты взял? – Шаллан убрала верхушку лозы в пустую банку из-под чернил, которую хранила для образцов.

– Вы приложили слишком много усилий, чтобы выбраться сюда. Якобы ради исследований куколки скального демона. Даже мертвой. Должно быть что-то еще.

– По всей видимости, ты не понимаешь дотошный характер научных исследований. – Шаллан потрясла баночкой.

Каладин фыркнул.

– Если бы вы действительно хотели увидеть куколку, то просто заставили бы притащить одну из них. Есть салазки для раненых, которые тянут чуллы, можно было воспользоваться ими. Никакой нужды лично проделывать весь путь.

Проклятие! Железный довод! Хорошо, что Адолин об этом не подумал. Принц прекрасен, и он, конечно, вовсе не глуп, но в то же время... мыслит прямолинейно.

Этот мостовик показал себя совсем другим человеком. То, как он наблюдал за ней, как думал...

«Даже то, как он говорил», – осознала Шаллан.

Он говорил как образованный светлоглазый. Но что насчет рабских меток на лбу? Волосы мешали рассмотреть, но, кажется, одна из меток – шаш.

Возможно, ей стоило потратить столько же времени, задаваясь вопросами о его мотивах, сколько он, очевидно, провел, выясняя ее замыслы.

– Сокровища, – произнес Каладин, когда они продолжили путь. Мостовик приподнял несколько сухих веток, торчащих из трещины, чтобы она могла пройти. – Здесь есть какие-то сокровища, их вы ищете? Но... нет. Вы легко могли разбогатеть через брак.

Шаллан ничего не ответила, пройдя через расчищенный им проход.

– Никто не слышал о вас раньше, – продолжил он. – В доме Давар действительно есть дочь вашего возраста, и вы соответствуете описанию. Возможно, вы самозванка, но у вас в самом деле светлые глаза, а тот веденский дом не особенно значителен. Но если бы вы решили притворяться кем-то, то разве не выбрали бы более высокопоставленного человека?

– Судя по всему, ты уделил моему появлению много внимания.

– Это входит в мои обязанности.

– Я честна с тобой. Исследования Джасны и есть причина моего приезда на Разрушенные равнины. Возможно, сам мир находится в опасности.

– Вот почему вы говорили с Адолином о паршменах.

– Подожди. Откуда ты... Твои люди были с нами на той террасе. Они тебе рассказали? Не думала, что они стояли достаточно близко, чтобы услышать.

– Я считал своим долгом приказать им держаться поближе, – объяснил Каладин. – На тот момент я был наполовину убежден, что вы здесь, чтобы убить Адолина.

Что ж, в нем не было ничего, кроме честности. И прямолинейности.

– Мои люди сказали, – продолжил Каладин, – что вы вроде бы хотели добиться убийства паршменов.

– Я не говорила ничего подобного, – ответила Шаллан. – Хотя и беспокоюсь, что они могут нас предать. Это спорный вопрос, поскольку я сомневаюсь, что смогу убедить кронпринцев без дополнительных доказательств.

– Тем не менее, если бы у вас все получилось, – в голосе Каладина послышалось любопытство, – что бы вы сделали? С паршменами.

– Изгнала бы их.

– И кто их заменит? Темноглазые?

– Я не говорю, что это будет легко, – заметила Шаллан.

– Им понадобится больше рабов, – задумчиво произнес Каладин. – Множество честных людей могут обнаружить на себе клейма.

– Полагаю, ты все еще сожалеешь о том, что с тобой произошло.

– А как бы вы поступили на моем месте?

– Наверное, ты прав. Мне жаль, что с тобой обошлись подобным образом, но могло быть хуже. Тебя могли повесить.

– Не хотел бы оказаться тем, кто попытается это сделать, – твердо сказал Каладин.

– Я тоже. Думаю, вешать людей – плохой профессиональный выбор для палача. Лучше рубить головы топором.

Он нахмурился.

– Понимаешь, – пояснила Шаллан, – безголовым проще стать во главе, продвинувшись по службе...

Каладин уставился на нее. Затем через мгновение поморщился.

– О шторма. Как ужасно.

– Нет, это было забавно. Безголовые часто не понимают шуток. Не волнуйся. Я помогу в них разобраться.

Он покачал головой.

– Дело не в том, остроумны вы или нет, Шаллан. Я просто чувствую, что вы слишком сильно стараетесь. Мир – далеко не солнечное место, и безумные попытки обратить все в шутку ничего не изменят.

– Фактически, мир – солнечное место. Половину времени.

– Для людей вроде вас, возможно.

– Что это означает?

Каладин скорчил гримасу.

– Послушайте, я не хочу опять затевать спор, ладно? Я только... Пожалуйста. Давайте оставим эту тему.

– А что, если я пообещаю не сердиться?

– А у вас получится?

– Конечно. Большую часть времени я не сержусь. Я большой специалист по этой части. Почти все остальные случаи, к счастью, связаны с тобой, но думаю, что со мной все будет в порядке.

– Вы опять начинаете, – заметил он.

– Прости.

Некоторое время они шли молча, миновав по пути цветущие растения, под которыми лежал неправдоподобно хорошо сохранившийся скелет. Каким-то образом его почти не затронула вода, текущая по ущелью.

– Хорошо, – сказал Каладин. – Давайте так. Я могу представить, каким кажется мир похожему на вас человеку. Тому, кто растет избалованным, получая все, что хочет. Для таких, как вы, жизнь прекрасна и безоблачна и заслуживает того, чтобы посмеяться над нею. Это не ваша вина, и я вас не виню. Вы не сталкивались с болью и смертью, как я. Скорбь не ваш спутник.

Молчание. Шаллан не ответила. Что она могла ответить на такое?

– Ну что? – спросил наконец Каладин.

– Я пытаюсь решить, как реагировать, – проговорила Шаллан. – Понимаешь, ты только что сказал кое-что очень-очень смешное.

– Тогда почему вы не смеетесь?

– Ну, не тот вид смешного.

Она протянула ему сумку и шагнула на маленькую сухую возвышенность из камней, проходящую через центр глубокой лужи на дне ущелья. В основном земля была ровной, покрытой крэмом, но на вид эта лужа была глубиной хороших два-три фута.

Шаллан развела руки в стороны, балансируя.

– Так, давай-ка проясним, – сказала она, осторожно ступая. – Ты думаешь, что я жила простой, счастливой жизнью, полной солнечного света и радости. Но ты также намекаешь, что у меня есть темные, злые секреты, поэтому ты настроен ко мне подозрительно и даже враждебно. Ты говоришь мне, что я высокомерная, и полагаешь, что я считаю темноглазых игрушками, но когда я говорю тебе, что пытаюсь что-то сделать, чтобы их защитить – а также всех остальных – ты намекаешь, что я вмешиваюсь не в свое дело и что следует просто оставить все как есть.

Она дошла до противоположного края и развернулась.

– Подтверждаешь ли ты, что я правильно резюмировала наш разговор до этого момента, Каладин Благословленный Штормом?

Он поморщился.

– Полагаю, да.

– Ух ты, – продолжила Шаллан, – похоже, ты уверен, что хорошо меня знаешь. Особенно учитывая то, что начал разговор с заявления, что не знаешь, что со мной делать. Странное утверждение от того, кто, казалось бы, уже все для себя понял. В следующий раз, когда я попытаюсь решить, что делать дальше, я просто спрошу тебя, ибо ты, как выяснилось, понимаешь меня лучше, чем я сама.

Каладин пересек каменную возвышенность тем же путем, и Шаллан с тревогой смотрела, как он несет ее сумку. Но девушка больше доверяла нести ее вещи над водой мостовику, чем самой себе. Как только Каладин перешел на другую сторону, она потянулась за сумкой и обнаружила, что взяла его за руку, чтобы привлечь внимание.

– Как насчет такого? – спросила Шаллан, ловя взгляд Каладина. – Торжественно клянусь десятым именем Всемогущего, что не собираюсь причинять вред ни Адолину, ни его семье. Я хочу предотвратить катастрофу. Я могу ошибаться и могу заблуждаться, но клянусь тебе, что говорю искренне!

Он пристально посмотрел ей в глаза. Такой напряженный взгляд. Шаллан почувствовала дрожь, увидев выражение его лица. Этого человека вела страсть.

– Я вам верю, – сказал Каладин. – И полагаю, этого достаточно.

Он посмотрел вверх и выругался.

– Что? – спросила Шаллан, взглянув на далекий свет в вышине.

Над краем гребня выглянуло солнце.

Не над тем гребнем. Они больше не шли на запад. Опять сбились с пути, направившись на юг.

– Бездна! – воскликнула Шаллан. – Дай мне сумку. Нужно нарисовать дорогу.



Он нес тяжкое бремя божественной ненависти, отделенной от добродетелей, которые придавали ей смысл. Он тот, кем его сделали мы, мой старый друг. Но именно таким, к сожалению, он и хотел стать.

– Я был молод, – сказал Тефт, – поэтому многое пропускал мимо ушей. Келек, я и не хотел ничего слышать. То, чем занималась моя семья... Это не то, чем, по твоему мнению, должны бы заниматься родители, понятно? Я не хотел знать. Неудивительно, что теперь не могу вспомнить.

Сигзил кивнул в своей спокойной, но в то же время выводящей из себя манере. Азианин многое понимал. И заставлял языки развязываться. Так нечестно. Ужасно нечестно. И почему Тефт оказался с ним на дежурстве?

Они сидели вдвоем на камнях недалеко от ущелий к востоку от лагеря Далинара. Дул холодный ветер. Сегодня вечером сверхшторм.

«Он вернется раньше. Конечно же вернется».

Мимо пробежал крэмлинг. Тефт бросил в него камешком, направив к ближайшей трещине.

– Я не понимаю, зачем тебе вообще выслушивать все эти вещи. От них никакого толку.

Сигзил кивнул. Штормовой чужеземец.

– Ну, ладно, – продолжил Тефт. – Видишь ли, это был своего рода культ. Его последователи называли себя Предвидящими. Они... В общем, они считали, что если у них получится найти способ вернуть Несущих Пустоту, то Сияющие рыцари тоже вернутся. Глупо, да? Вот только им было многое ведомо. Разные вещи, которые они не должны бы знать, например, на что способен Каладин.

– Вижу, тебе тяжело рассказывать, – произнес Сигзил. – Может, сыграем еще одну партию в мичим, чтобы побыстрее провести время?

– Ты просто хочешь заполучить мои штормовые сферы, – огрызнулся Тефт, наставив палец на азианина. – И не произноси это слово.

– Мичим – название игры.

– Это священное слово, а никакую игру нельзя называть священным словом.

– Там, откуда пришло это слово, в нем нет святости, – ответил Сигзил, явно раздраженный.

– Но мы же не там, ведь правда? Называй ее как-нибудь по-другому.

– Я думал, она тебе понравилась, – проговорил Сигзил, собирая разноцветные камешки, которые использовались в игре. На них требовалось делать ставки и прятать их в гряде камней, при этом самому попытаться угадать те, что спрятал соперник. – Эта игра основана на умении, а не на угадывании, поэтому она не противоречит воринским постулатам.

Тефт наблюдал, как Сигзил собирает камешки. Может быть, лучше просто проиграть все сферы в штормовой игре. В кармане Тефта снова водились деньги, и это не шло ему на пользу. Ему нельзя доверять в денежных вопросах.

– Они считали, – произнес Тефт, – что люди скорее проявят свои способности, если их жизням будет угрожать опасность. Поэтому... они подвергали жизни опасности. Слава ветрам, членов своего культа, а не какого-нибудь невинного постороннего. Но и само по себе это было плохо. Я наблюдал, как люди позволяли сталкивать себя с утесов, как их привязывали, и свеча медленно сжигала веревку до тех пор, пока та не обрывалась, а сверху на них обрушивалась скала. Было страшно, Сигзил. Ужасно. Никому не стоит видеть такие вещи, особенно шестилетнему мальчику.

– И что ты сделал? – тихо спросил азианин, крепко затягивая завязки на мешочке с камешками.

– Не твое дело, – ответил Тефт. – Не знаю, зачем я вообще тут с тобой разговариваю.

– Не кипятись, – сказал Сигзил. – Я понимаю...

– Я их сдал, – выпалил Тефт. – Лорд-мэру. Он устроил большой судебный процесс. В итоге всех казнили. Никогда не мог этого понять. Они представляли опасность только для самих себя. Их наказанием за угрозу самоубийства стала смерть. Что за чепуха. Мне следовало найти способ им помочь...

– Твоим родителям?

– Мать умерла в том приспособлении для дробления камней. Она действительно верила, Сиг. Что они есть у нее, понимаешь? Способности. Что если она будет на волоске от смерти, они проявятся, и она спасется...

– И ты наблюдал?

– Шторма, нет! Думаешь, они позволили бы ее сыну увидеть такое? Ты с ума сошел?

– Но...

– Зато наблюдал, как умер отец, – произнес Тефт, устремив взгляд в сторону равнин. – Его повесили.

Мостовик покачал головой и начал рыться в карманах. Куда же он сунул ту фляжку? Повернувшись, он заметил еще одного сидящего неподалеку парня, вертящего в руках, как это часто бывало, маленькую коробочку. Ренарин.

Тефт не одобрял всей той чепухи, которую нес Моаш, желавший свергнуть светлоглазых. Всемогущий определил каждому свое место, и кто мог ставить под сомнение его решение? Уж точно не копейщики. Но в каком-то смысле принц Ренарин вел себя так же неправильно, как и Моаш. Они оба не знали своего места. Светлоглазый, который хотел присоединиться к Четвертому мосту, был ничем не лучше темноглазого, который болтал всякие глупости про короля. Парень не вписывался, даже если другим мостовикам он, по-видимому, нравился.

И, конечно же, теперь Моаш стал одним из них. Шторма, неужели фляжка осталась в бараке?

– Тефт, у нас гости, – сказал Сигзил, поднимаясь на ноги.

Тефт повернулся и увидел, как к ним приближается несколько человек в униформе. Он вскочил на ноги, схватив копьё. К ним шел Далинар Холин в

сопровождении нескольких светлоглазых советников, а также Дрехи и Шрама из Четвертого моста, дежуривших в течение дня. Теперь, когда Моаш возвысился, а Каладин... в общем, его не было... Тефт занимался ежедневными назначениями. Никто больше, шторм побери, не стал за это братья. Ему сказали, что он теперь главный. Идиоты.

– Светлорд, – отсалютовал Тефт, ударив кулаком в грудь.

– Адолин сказал мне, что вы, парни, приходите сюда, – сказал кронпринц. Он бросил взгляд в сторону принца Ренарина, который тоже встал и отсалютовал, как будто перед ним был не его собственный отец, а кто-то другой. – По очереди, как я понимаю?

– Да, сэр, – подтвердил Тефт, посмотрев на Сигзила. Все так и было. Просто Тефт брал себе почти каждую смену.

– Ты действительно считаешь, что он выжил там, солдат? – спросил Далинар.

– Он выжил. Неважно, что я или кто-то еще думает.

– Он упал с высоты в сотни футов.

Тефт продолжил стоять по стойке «смирно». Кронпринц не задал вопроса, поэтому он не стал ничего отвечать.

Однако ему пришлось прогнать из головы несколько ярких образов. Каладин, разбивший голову о камни при падении. Каладин, раздавленный обрушившимся мостом. Каладин, сломавший ногу, не в состоянии найти сферы, чтобы излечиться. Иногда глупый мальчишка считал себя бессмертным.

Келек, они все думали точно так же.

– Он вернется, сэр, – сказал Сигзил Далинару. – Выберется из ущелья прямо здесь. Хорошо бы, если бы мы его встретили. В униформе, с начищенными до блеска копьями.

– Мы дежурируем здесь в наше личное время, сэр, – добавил Тефт. – Ни один из нас троих не должен находиться сейчас в каком-то другом месте.

Он покраснел, как только произнес эти слова, и вспомнил, как разговаривал Моаш с начальством.

– Я здесь не для того, чтобы запрещать вам делать то, что вы выбрали, солдат, – ответил Далинар. – Я пришел убедиться, что вы следите за собой. Никаких пропусков приема пищи, и даже не хочу ничего слышать о том, что вы останетесь здесь на время сверхшторма, если такая идея вдруг придет кому-то в голову.

– Э-э, есть, сэр, – проговорил Тефт.

Вместо сегодняшнего завтрака он отправился на дежурство к ущельям. Откуда Далинар узнал?

– Удачи, солдат, – попрощался Далинар и отправился дальше, окруженный сопровождающими, явно чтобы проверить батальон, который располагался ближе к восточной стороне лагеря. Солдаты там сновали как кремлинги после шторма, перетаскивая мешки с припасами и складывая их в бараках. Время отбытия грандиозной экспедиции Далинара на равнины быстро приближалось.

– Сэр, – окликнул Тефт кронпринца. Далинар обернулся, его советники замолкли на полуслове. – Вы нам не верите. Что он вернется, я имею в виду.

– Он мертв, солдат. Но я понимаю, что вам в любом случае нужно находиться здесь.

Кронпринц прикоснулся рукой к плечу – салют мертвым – и продолжил путь.

Что ж, Тефт считал, что не было ничего страшного в том, что Далинар не верил. Только сильнее удивится, когда Каладин вернется.

«Сверхшторм сегодня ночью, – подумал Тефт, снова усаживаясь на камень. – Давай же, парень. Что ты там делаешь?»

Каладин чувствовал себя одним из десяти дураков.

Хотя нет, он чувствовал себя каждым из них. Десять раз идиотом. Но в особенности Эшу, который болтал о том, о чем не имел понятия, перед теми, кто понимал.

Ориентироваться так глубоко в ущельях оказалось тяжело, но обычно он мог определить направление по тому, как отлагался мусор. Вода текла с востока на запад, но откатывалась обратно в противоположном направлении, поэтому те трещины в стенах, в которые туго набился мусор, указывали на запад, а места, где он распределялся более равномерно – по мере оттока воды – означали, что там вода устремлялась на восток.

Инстинкты подсказывали ему, куда двигаться. И они подвели. Не стоило быть таким самоуверенным. Вдали от лагерей потоки воды, судя по всему, вели себя по-другому.

Раздраженный сам на себя, Каладин оставил Шаллан рисовать и прошелся вперед.

– Сил? – позвал он.

Ответа не было.

– Сильфрена! – прокричал он громче.

Вздыхнув, Каладин отправился обратно к Шаллан, сидевшей на коленях на покрытой мхом земле. Она явно перестала пытаться спасти свое дорогое платье от пятен и прорех и рисовала что-то в альбоме. Еще одна причина, по которой он чувствовал себя дураком. Нельзя было позволять так себя провоцировать. Он мог сдержаться и не высказывать вслух резкие замечания о других, более раздражающих светлоглазых. Почему он переставал контролировать себя, когда разговаривал с ней?

«Стоит усвоить урок, – подумал Каладин, пока Шаллан рисовала. Ее лицо становилось все более напряженным. – Пока что она, нужно признать, опровергла все мои аргументы».

Он прислонился спиной к стене ущелья, пристроив копьё на сгибе локтя. Сферы, крепко привязанные к древку, сияли у его головы. Каладин сделал неверные выводы на ее счет, о чем девушка не преминула так едко заметить. Не раз и не два. Казалось, будто какая-то его часть безумно желала испытывать к ней неприязнь.

Если бы только он мог найти Сил. Все бы наладилось, если бы только он увидел ее снова и убедился, что с ней все в порядке. Тот крик...

Чтобы отвлечься, Каладин подошел к Шаллан и склонился над ее наброском. Карта больше напоминала рисунок, пугающе похожий на то, что он видел много ночей назад, когда летал над Разрушенными равнинами.

– Это действительно необходимо? – спросил он, пока Шаллан заштриховывала боковые части плато, накладывая тени.

– Да.

– Но...

– Да.

На рисование уходило больше времени, чем ему хотелось бы. Солнце пересекло просвет наверху, исчезнув из вида. Уже миновал полдень. До свержшторма оставалось семь часов, если прогноз точен, но иногда штормстражи ошибались в вычислениях.

Семь часов.

«Путь вглубь равнин занял примерно столько же», – подумал Каладин. Но они наверняка приблизились к военным лагерям, ведь они шли все утро.

Что ж, подгонять Шаллан было бесполезно. Каладин снова оставил ее, зашагав по ущелью, и стал посматривать вверх, на разлом, сравнивая его форму с наброском девушки. Насколько он видел, его очертания совпадали с картой идеально. Шаллан рисовала по памяти весь их путь, каким он виделся с высоты, учитывая каждую выпуклость и выступ.

– Отец штормов, – прошептал Каладин, побежав обратно. Он знал, что она хорошо рисовала, но это было чем-то абсолютно иным.

Кто же эта женщина?

Когда он вернулся, она по-прежнему рисовала.

– Ваш набросок на удивление точен, – сказал Каладин.

– Возможно... я немного преуменьшила свое мастерство прошлой ночью, – ответила Шаллан. – Я могу очень хорошо запоминать увиденное, хотя, если честно, не осознавала, насколько далеко мы забрались, пока не нарисовала весь путь. У многих плато незнакомые мне очертания. Скорее всего, мы находимся на территории, которую никто никогда не наносил на карту.

Каладин бросил на нее изумленный взгляд.

– Вы помните очертания всех плато на картах?

– Э-э... да.

– Невероятно.

Сидя на коленях и держа перед собой рисунок, Шаллан отбросила назад непослушный локон рыжих волос.

– Может быть, и нет. Здесь что-то очень странное.

– Что?

– Думаю, я где-то ошиблась. – Она поднялась с обеспокоенным видом. – Мне требуется больше информации. Я обойду это плато вокруг.

– Ладно...

Она пошла вперед, по-прежнему сосредоточенная на наброске, едва обращая внимание на то, куда наступала, спотыкаясь о камни и ветки. Каладин без усилий держался поблизости, но не беспокоил ее. Девушка подняла глаза к разлому наверху. Так они обошли вокруг всего основания плато по часовой стрелке.

Даже быстрым шагом обход занял мучительно много времени. Они теряли минуты. Поняла ли она, где они находились?

– Теперь вон то плато, – сказала Шаллан, указав на соседнюю стену ущелья, и двинулась вокруг другого плато.

– Шаллан, – начал было Каладин. – У нас нет...

– Это важно.

– Не погибнуть в сверхшторме тоже важно.

– Если мы не выясним, где находимся, то никогда не сможем спастись, – ответила Шаллан, протянув ему листок бумаги. – Жди здесь. Я быстро.

Она убежала, шурша юбкой.

Каладин уставился на рисунок, изучая изображенный путь. Несмотря на то, что утром они пошли в нужную сторону, все оказалось, как он и боялся, – в конечном итоге Каладин описал дугу, и они снова двигались строго на юг. Каким-то образом он даже умудрился некоторое время вести их обратно на восток!

Теперь они были даже дальше от лагеря Далинара, чем прошлой ночью.

«Пожалуйста, пусть она окажется не права», – подумал Каладин, обходя плато с противоположной стороны, чтобы встретить девушку на полпути.

Но если Шаллан ошибалась, то они вообще не знали, где находятся. Что хуже?

Он прошел по ущелью совсем немного и замер. Со стен здесь был содран весь мох, камни под ногами исцарапаны, а мусор разбросан по сторонам. Шторма,

все выглядело свежим. С последнего сверхшторма, не позже. По этому пути прошелся скальный демон.

Может быть... может быть, он прошел здесь и углубился дальше в ущелья.

С другой стороны плато появилась Шаллан, рассеянная и бормочущая что-то себе под нос, по-прежнему уставившись в небо.

– ...Знаю, я говорила, что видела сходные закономерности раньше, но масштаб слишком велик, чтобы я могла понять их инстинктивно. Ты должен был что-то сказать. Я...

Она резко замолкла, подскочив, когда заметила Каладина. Он поймал себя на том, что сощурил глаза. Ее поведение так похоже на...

«Только без глупостей. Она не воин».

Сияющие рыцари – воины, ведь так? Ему было известно о них не так уж много.

И все же Сил несколько раз замечала странных спренов.

Шаллан взглянула на царапины на стенах ущелья.

– Это то, что я думаю?

– Ага, – ответил Каладин.

– Восхитительно. Так, дай-ка мне тот листок.

Он вернул ей рисунок, и Шаллан вытащила из рукава карандаш. Каладин передал сумку, и девушка пристроила ее на земле, используя жесткую сторону в качестве подложки для наброска. Шаллан изобразила два ближайших к ним плато, которые она обошла по кругу, чтобы полностью определить их форму.

– Так ваш рисунок верен или нет? – спросил Каладин.

– Все точно, – ответила Шаллан, рисуя, – просто странно. Судя по тому, что я запомнила из карт, несколько ближайших к нам плато должны располагаться дальше к северу. Здесь находятся плато, полностью повторяющие их очертания, только в зеркальном отображении.

– Вы настолько хорошо помните карты?

– Да.

Каладин не стал давить сильнее. Исходя из увиденного, возможно, на этом ее способности исчерпывались.

Шаллан покачала головой.

– Какова вероятность, что несколько плато имеют точно такую же форму, что и плато на другом конце равнин? Не одно, а целая их последовательность.

– Равнины симметричны, – сказал Каладин.

Шаллан замерла.

– Откуда ты знаешь?

– Я... мне приснился сон. Я видел плато, образующие широкую симметричную фигуру.

Шаллан снова взглянула на свою карту и ахнула, а затем принялась быстро записывать сбоку.

– Киматика.

– Что?

– Я знаю, где паршенди. – Ее глаза расширились. – И Клятвенные врата. Центр Разрушенных равнин. Теперь я вижу картину целиком – и могу составить карту практически всей территории.

Каладин вздрогнул.

– Вы... что?

Она резко вскинула голову, встретившись с ним глазами.

– Нам необходимо вернуться в лагерь.

– Да, знаю. Сверхшторм.

– Все гораздо серьезней, – ответила Шаллан, вставая. – Теперь я знаю слишком много, чтобы умереть здесь. Разрушенные равнины представляют собой симметричный узор. Это не природная скальная формация.

Ее глаза расширились еще сильнее.

– В центре этих равнин располагался город. Что-то разрушило его. Оружие... Вибрации? Как песок на тарелке? Землетрясение, способное расколоть камни... Камень превратился в песок, а сверхшторма сдули его прочь, опустошив трещины.

Ее взгляд стал пугающе отсутствующим, а Каладин не понял и половины того, о чем она говорила.

– Нам нужно добраться до центра, – сказала Шаллан. – Я могу отыскать сердце равнин, следуя закономерности их расположения. И там мы найдем... найдем...

– Вашу тайну, – проговорил Каладин. Что она там говорила раньше? – Клятвенные врата?

Шаллан залилась сильным румянцем.

– Давай двигаться вперед. Разве ты не упоминал, что у нас совсем мало времени? Честно говоря, если бы один из нас не болтал постоянно и не отвлекал всех, я наполовину уверена, что мы бы уже вернулись.

Каладин посмотрел в ее сторону и выгнул бровь. Она ухмыльнулась, а затем указала, в каком направлении им нужно идти.

– Кстати, теперь я показываю дорогу.

– Возможно, так будет лучше.

– Однако, – проговорила Шаллан, – я тут подумала, может быть, лучше, если бы нас вел ты. Так мы могли бы добраться до центра по чистой случайности. Если, конечно, не оказались бы в Азире.

Каладин усмехнулся, потому что казалось правильным повести себя именно таким образом. Но мысленно он разорвал себя в клочья. Полное фиаско.

Следующие несколько часов превратились в сплошное мучение. Через каждые два плато Шаллан требовала остановиться, чтобы обновить карту. Все верно – они не могли пойти на риск снова сбиться с пути.

Просто им приходилось тратить так много времени. Даже если между остановками они передвигались с максимальной скоростью, почти бежали всю дорогу, продвижение вперед стало слишком медленным.

Пока Шаллан в очередной раз дорисовывала карту, Каладин переминался с ноги на ногу, наблюдая за небом. Девушка ругалась и ворчала, и он заметил, как она смахнула каплю пота, когда та упала с брови на становившуюся все более мятой бумагу.

«До шторма осталось часа четыре, – подумал Каладин. – Мы не успеем».

– Пойду покричу разведчикам, – сказал он.

Шаллан кивнула. Они добрались до территории, на которой прыгающие с шестами разведчики Далинара наблюдали за появлением новых куколок. Докричатся до них представлялось слабой надеждой. Даже если бы им повезло настолько, что они обнаружили бы один из дозорных отрядов, Каладин сомневался, что у них окажется веревка, способная достать до дна ущелья.

Но хоть какой-то шанс. Поэтому он отошел подальше, чтобы не мешать Шаллан рисовать, приложил руки ко рту и начал кричать:

– Эй! Пожалуйста, ответьте! Мы в ловушке в ущелье! Пожалуйста, ответьте!

Он покричал какое-то время и замер, прислушиваясь. Ответа не было. Никаких вопросительных криков, доносящихся эхом сверху, никаких признаков жизни.

«Теперь они, скорее всего, уже укрылись в своих пещерках, – подумал Каладин. – Разобрали наблюдательные посты и ожидают прихода сверхшторма».

Он разочарованно уставился на узкую полоску неба, по которому проплывали перистые облака. Такого далекого. Каладин помнил, как спускался в ущелья с Тефтом и остальными и что при этом чувствовал – страстное желание выбраться наверх и сбежать от ужасной жизни мостовика.

В сотый раз он попытался вдохнуть штормсвет из сфер, сжимая одну из них до тех пор, пока его ладонь и стекло не покрылись потом. Штормсвет – сама сила – не полился в него. Он больше не ощущал свет.

– Сил! – закричал Каладин, отбросив сферу и сложив ладони ковшиком у рта. – Сил! Пожалуйста! Ты где-то там?..

Тишина.

– Я ведь до сих пор не знаю, – сказал он уже тише. – Это наказание? Или что-то другое? Что не так?

Ответа не было. Если она наблюдала за ним, то, несомненно, не позволила бы ему здесь погибнуть. Если предположить, что ее осознанности хватило бы, чтобы заметить. Перед глазами Каладина стоял ужасный образ того, как она носится с ветрами, играет со спренами ветра, позабыв и себя, и его, подчинившись страшному, блаженному неведению того, кем она была на самом деле.

Подобная перспектива ее пугала. Она ее ужасала.

Шаллан поднялась, скрипнув ботинками.

– Ничего?

Каладин покачал головой.

– Что ж, идем дальше. – Она глубоко вздохнула. – Сквозь боль, без сил мы движемся вперед. Может, желаешь понести меня немного?..

Каладин смерил девушку взглядом.

Шаллан с улыбкой пожала плечами.

– Подумай, как славно! Я бы подгоняла тебя хворостиной. А ты бы мог по возвращении рассказывать остальным охранникам, какой я ужасный человек. Отличный повод для жалоб. Нет? Ну, ладно. Пошли.

– Странная вы женщина.

– Спасибо.

Каладин пошел рядом с ней в ногу.

– О нет, – заметила Шаллан. – Вижу, над твоей головой сгустился очередной шторм.

– Я погубил нас, – прошептал он. – Взял на себя руководство, и из-за меня мы сбились с пути.

– Ну, я тоже не заметила, что мы направились не по той дороге. У меня не получилось бы вести нас лучше.

– Мне следовало подумать о том, чтобы вы отмечали на карте наш сегодняшний маршрут с самого начала. Я был слишком самоуверен.

– Теперь поздно жалеть, – ответила Шаллан. – Если бы я яснее выразилась насчет того, как хорошо способна изобразить плато, тогда ты, возможно, смог бы лучше использовать мои карты. Я этого не сделала, а ты не знал, и вот к чему мы пришли. Нельзя во всем обвинять только себя, согласен?

Каладин шел молча.

– Э-э, согласен?

– Это моя вина.

Шаллан преувеличенно закатила глаза.

– Ты в самом деле полон решимости обвинять во всем только себя, да?

Его отец раз за разом повторял то же самое. Но Каладин был именно таким. Неужели они ожидали, что он изменится?

– С нами все будет в порядке, – сказала Шаллан. – Вот увидишь.

Он помрачнел еще больше.

– Ты до сих пор считаешь, что я слишком оптимистично настроена, не так ли?

– Вы не виноваты, – ответил Каладин. – Я предпочел бы быть похожим на вас. Предпочел бы не ту жизнь, которую прожил. Я бы хотел, чтобы в мире существовали только такие люди как вы, Шаллан Давар.

– Люди, которые не способны понять боль.

– О, все люди способны понять боль, – возразил Каладин. – Я не о том. Но...

– Горе, – тихо проговорила Шаллан, – когда наблюдаешь, как рушится чья-то жизнь. Когда изо всех сил стараешься ухватить ее и удержать, и только начинаешь чувствовать надежду, как все в момент оборачивается прахом, и лишь кровь капает сквозь пальцы.

– Да.

– Это чувство – когда ты сломлен. Не горе, а гораздо сильнее. Когда тебя разбивают вдребезги, так часто и так жестоко, что эмоции становятся тем, о чем можно лишь мечтать. Если бы только можно было заплакать, чтобы хоть что-то почувствовать. Но ты чувствуешь лишь пустоту. Только... мглу и дым внутри. Как будто уже мертв.

Каладин остановился посреди ущелья.

Шаллан повернулась и посмотрела на него.

– Сокрушающее чувство вины, – продолжила она, – от собственной беспомощности. От желания, что лучше бы они навредили тебе, а не тем, кто рядом. От воплей, жалкой борьбы и ненависти, в то время как твои любимые обращены в пепел, выдавлены, как гной из раны. А ты должен наблюдать, как их радость утекает прочь, не в состоянии ничего сделать. Они уничтожают тех, кого ты любишь, но не тебя. И ты умоляешь, чтобы вместо них били только тебя.

– Да, – прошептал Каладин.

Шаллан кивнула, удержав его взгляд.

– Да. Было бы прекрасно, если бы никто в мире не ведал подобного чувства, Каладин Благословленный Штормом. Я согласна. Целиком и полностью.

Он увидел это в ее глазах. Боль, разочарование. Ужасную пустоту, что скреблась изнутри и пыталась задушить. Она знала. Это сидело там, внутри. Она была сломлена.

Затем Шаллан улыбнулась. О шторма. Несмотря ни на что, она улыбалась.

Ее улыбка оказалась одной из самых прекрасных вещей, которые он видел за всю свою жизнь.

– Как? – спросил Каладин.

Шаллан слегка пожала плечами.

– Помогает, если ты сумасшедший. Пошли. Я все еще полагаю, что мы немного стеснены во времени...

Она заспешила дальше по ущелью. Каладин остался стоять, чувствуя себя опустошенным. И странным образом очистившимся.

Ему снова следовало почувствовать себя идиотом. Он еще раз проделал все то же самое – наговорил ей, насколько простой была ее жизнь, в то время как она столько скрывала внутри. Однако на этот раз он не испытывал подобного чувства. Ему казалось, что он понял. Что-то. Он не знал, что именно. Просто в ущелье стало немного светлее.

«Тьен всегда влиял на меня так же... – подумал Каладин. – Даже в самый темный из дней».

Он простоял так долго, что оборцветы вокруг снова раскрыли свои широкие, похожие на веер, листовидные отростки с прожилками и запестрели всеми оттенками оранжевого, красного и фиолетового. Наконец мостовик побежал за Шаллан, напугав растения, и они захлопнулись.

– Думаю, – сказала она, – нам стоит сосредоточиться на позитивной стороне нашего пребывания в этих ужасных ущельях.

Шаллан посмотрела на него с намеком. Каладин промолчал.

– Давай же, – проговорила она.

– У меня... такое чувство, что лучше не давать вам повод.

– Тогда не удастся позабавиться.

– Что ж, вскоре на нас обрушится наводнение, вызванное сверхштормом.

– И мы сможем сполоснуть нашу одежду, – ухмыльнулась девушка. – Видишь! Позитивный момент.

Каладин фыркнул.

– А, снова тот ворчливо-фыркающий диалект мостовиков, – заметила она.

– Я имел в виду, что если до нас и доберется вода, то хотя бы частично смоеет вашу вонь.

– Ха! Почти забавно, но ты не заработал очков. Я уже упоминала, что из нас двоих отличаешься зловонием ты. Повторное использование шуток строго запрещено, нарушителя окунут в сверхшторм.

– Ну, ладно, – ответил Каладин – Хорошо, что мы здесь, внизу, потому что сегодня у меня ночное дежурство. Теперь я его пропущу. Все равно что получить выходной.

– Чтобы пойти поплавать, не меньше!

Он улыбнулся.

– Я, – объявила Шаллан, – рада, что я здесь, внизу, потому что наверху солнце светит слишком ярко, и я бы обгорела, будь я без шляпы. Гораздо лучше находиться в сырых, темных, вонючих, покрытых плесенью, с потенциальной угрозой для жизни глубинах. Никаких солнечных ожогов. Только чудовища.

– Я рад, что я здесь, внизу, потому что, по крайней мере, упал я, а не кто-то из моих людей.

Шаллан перепрыгнула через лужу и смерила его взглядом.

– У тебя не слишком хорошо получается.

– Прошу прощения. Я имел в виду, что рад находиться здесь, внизу, потому что, когда мы выберемся, все будут считать меня спасшим вас героем.

– Уже лучше. Не считая того факта, что, как мне кажется, это я тебя спасаю.

Каладин взглянул на ее карту.

– Очко в вашу пользу.

– Я, – заметила Шаллан, – рада оказаться здесь, внизу, потому что мне всегда было интересно, как себя чувствует кусок мяса, путешествуя по пищеварительной системе, а ущелья напоминают кишечник.

– Надеюсь, вы несерьезно.

– Что? – Она казалась шокированной. – Конечно нет. Фу.

– На самом деле вы старались чересчур усердно.

– Это помогает мне оставаться сумасшедшей.

Каладин взобрался на большую кучу мусора и предложил руку, чтобы помочь.

– Я счастлив быть здесь, – сказал он, – потому что ущелья напоминают мне о том, как удачно я освободился из армии Садеаса.

– Вот как, – произнесла Шаллан, ступив на вершину кучи рядом с ним.

– Его светлоглазые посылали нас сюда, вниз, собирать имущество павших, – пояснил Каладин, соскальзывая с другой стороны. – И не слишком много платили нам за усилия.

– Трагично.

– Можно сказать, – произнес он, когда она спускалась с кучи, – что мы получали столько, что немудрено было пропасть.

Он усмехнулся ей.

Шаллан вскинула голову.

– Пропáсть, – повторил мостовик, обведя рукой всю глубину ущелья, в котором они находились. – Понимаете? Пропáсть-прóпáсть...

– О шторма, – ответила Шаллан. – Ты же не думал, что такое действительно будет считаться. Ужасная шутка!

– Я знаю. Сожалею. Моя мать была бы разочарована.

– Ей не нравились игры со словами?

– Нет, она их любила. Просто разозлилась бы, узнай, что я пытаюсь играть в них, когда ее нет рядом, чтобы она могла надо мной посмеяться.

Шаллан улыбнулась, и они продолжили идти бодрым шагом.

– Я рада, что мы здесь внизу, – промолвила она, – потому что теперь Адолин страшно волнуется за меня, так что, когда мы вернемся, он будет в восторге. Возможно, даже позволит мне поцеловать его прилюдно.

Адолин. Точно. У Каладина испортилось настроение.

– Возможно, нам следует остановиться, чтобы я смогла подрисовать карту, – сказала Шаллан, с хмурым видом посмотрев на небо. – И ты сможешь еще немного покричать нашим потенциальным спасителям.

– Полагаю, что так, – ответил Каладин, когда она устроилась поудобнее, чтобы заняться картой. Он сложил руки ковшиком. – Эй, наверху? Кто-нибудь? Мы здесь, внизу, и заняты игрой в скверные каламбуры. Пожалуйста, спасите нас от себя самих!

Шаллан хихикнула.

Каладин улыбнулся и вздрогнул, когда действительно услышал сзади какое-то эхо. Неужели голос? Или... Подождите-ка...

Трубный глас, похожий на звук горна, но частично перекрывающий сам себя. Он стал громче, прокатываясь над ними.

Затем огромная, быстро несущаяся масса панциря и клешней с грохотом вывалилась из-за угла.

Скальный демон.

Разум Каладина запаниковал, но тело просто начало двигаться. Он рванул Шаллан за руку, вздернув ее на ноги, и на бегу потянул за собой. Она закричала, уронив сумку.

Каладин тащил девушку и не оглядывался. Он чувствовал, что зверь слишком близко, стены ущелья сотрясались от погони. Хрустели и трещали кости, прутья, раковины и растения.

Чудовище опять оглушительно затрубило.

Оно почти нависло над ними. Шторма, монстр умел как следует двигаться. Каладин никогда не представлял, что нечто настолько огромное может быть таким быстрым. На этот раз его ничто не отвлекало. Каладин чувствовал его прямо рядом с...

Туда.

Мостовик пропустил Шаллан перед собой и подтолкнул ее в расщелину в стене. Когда над ним уже замаячила тень, он сам пролез в трещину, отпихнув девушку вглубь. Она заворчала, когда он прижал ее к остаткам прутьев и листы, принесенных в расщелину наводнениями.

В ущелье воцарилась тишина. Каладин слышал только тяжелое дыхание Шаллан и свое сердцебиение. Они оставили большую часть сфер на земле, где Шаллан приготовилась рисовать. У него все еще было копьё – импровизированный фонарь.

Каладин медленно развернулся спиной к девушке. Она держалась за него сзади, и он ощущал ее дрожь. Отец Штормов, он и сам дрожал. Каладин развернул копьё, чтобы оно давало свет, и выглянул в ущелье. Трещина в стене оказалась неглубокой, и только несколько футов отделяло его от выхода.

Слабое бесцветное сияние бриллиантовых сфер отразилось от мокрого пола, осветив помятые оборзветы на стенах и несколько змеевидных лоз на земле, оторванных от растений. Они извивались и неуклюже подергивались, как люди с согбенными спинами. Скальный демон... Где он притаился?

Шаллан тяжело дышала, крепко держась за его пояс. Каладин посмотрел вверх. Там, над трещиной, за ними наблюдал огромный нечеловеческий глаз. Каладин не видел голову скального демона полностью, только пасть и часть морды с ужасным блестящим зеленым глазом. Огромная клешня ударила по краю дыры, пытаясь просунуться внутрь, но расщелина была слишком узкая.

Когти нырнули в отверстие, затем голова отдернулась. По ущелью раскатился звук царапания хитина по камню, но существо почти не продвинулось и остановилось.

Тишина. Только где-то равномерно капала вода в лужу. Но в остальном тишина.

– Он ждет, – прошептала Шаллан, прислонившись головой к плечу Каладина.

– Кажется, вы им гордитесь! – фыркнул мостовик.

– Немножко. – Она помолчала. – Как ты считаешь, сколько еще пройдет времени, пока...

Он поднял голову, но не смог увидеть неба. Трещина проходила не по всей стене ущелья и тянулась едва ли на десять-пятнадцать футов вверх. Каладин наклонился вперед, чтобы посмотреть на просвет высоко над ними, не высываясь из трещины полностью, а просто приблизившись к выходу, чтобы взглянуть на небо. Темнело. Еще не закат, но он приближался.

– Может быть, два часа, – сказал Каладин. – Я...

Сминающая все на своем пути буря из панциря и клешней устремилась по ущелью. Каладин отпрянул назад, снова вжав Шаллан в кучу мусора, а скальный демон попытался снова, правда, безуспешно, просунуть лапу в расщелину. Лапа была слишком большой, и хотя скальный демон мог дотянуться до них самым ее кончиком – подобраться достаточно близко, чтобы задеть Каладина, – навредить им он не мог.

Снова показался глаз, в нем отражались Каладин и Шаллан, оборванные и перепачканные после стольких часов, проведенных в ущельях. Каладин держал наготове копьё, уставившись в глаз существа, и выглядел менее испуганным, чем ощущал себя. Шаллан выглядела скорее не устрешенной, а очарованной.

Сумасшедшая женщина.

Скальный демон опять убрался. Он остановился чуть дальше по ущелью. Каладин слышал, как он устраивается, чтобы наблюдать.

– Так что... – проговорила Шаллан, – мы ждем?

По вискам Каладина струйками стекал пот. Ждать. Сколько? Он мог представить, как они останутся здесь подобно перепуганным камнепочкам, прятаясь в своих раковинах, а тем временем по ущельям хлынет вода.

Однажды он пережил шторм. С трудом, да и то, только с помощью штормсвета. Здесь все совсем иначе. Поток воды будет таскать их по расселинам, швыряя о стены, валуны, перемешивая с мертвыми, до тех пор, пока они не утонут или не переломают руки и ноги...

Это будет очень-очень скверная смерть.

Каладин крепче стиснул копьё и стал ждать, потея и волнуясь. Скальный демон не уходил. Текли минуты.

Наконец Каладин принял решение. Он пошевелился, чтобы шагнуть вперед.

– Что ты делаешь! – в ужасе прошипела Шаллан. Она попыталась потянуть его обратно.

– Когда я выйду, – сказал он, – бегите в другую сторону.
– Не будь глупцом!
– Я его отвлеку, – произнес Каладин. – Когда вы выберетесь, я уведу его от вас, а потом удеру. Мы сможем встретиться позже.
– Ложь, – прошептала Шаллан.
Он повернулся и встретился с ней глазами.
– Вы сможете вернуться в военные лагеря самостоятельно, – сказал Каладин. – Я не смогу. У вас есть информация, которую должен получить Далинар. У меня нет. Зато у меня есть боевая закалка. Возможно, после того, как я его отвлеку, получится убежать. Вы не сможете. Если мы будем ждать здесь, то оба умрем. Какая еще логика вам нужна?
– Я ненавижу логику, – прошептала Шаллан. – Всегда ненавидела.
– У нас нет времени спорить, – ответил Каладин, разворачиваясь к ней спиной.
– Ты не можешь так поступить.
– Могу.
Каладин сделал глубокий вдох.
– Кто знает, – сказал он тихо, – может быть, мне выпадет немного удачи.
Он потянулся вверх, содрал сферы с наконечника копья и швырнул их в ущелье. Понадобится постоянный свет.
– Приготовьтесь.
– Пожалуйста, – прошептала Шаллан с нажимом. – Не оставляй меня одну в этих ущельях.
Каладин криво улыбнулся.
– Вам действительно так трудно позволить мне выиграть хотя бы один наш спор?
– Да! – воскликнула она. – Нет, я имею в виду... Шторма! Он тебя убьет.
Каладин крепче сжал копьё. После всего, что происходило с ним в последнее время, возможно, он это и заслужил.
– Извинитесь за меня перед Адолином. На самом деле он мне нравится. Хороший человек. Не только для светлоглазого. Просто... хороший человек. Я никогда не отдавал ему должного, хотя он заслуживал.
– Каладин...
– Это должно произойти, Шаллан.
– По крайней мере, – сказала она, протягивая руку над его плечом сбоку от головы, – возьми кое-что.
– Взять что?
– Вот это.
И она призвала Клинок Осколков.



Я подозреваю, что теперь он больше сила, чем личность, несмотря на то, что ты настойчиво утверждаешь обратное. Эта сила ограничена, а значит, достигнуто равновесие.

Каладин смотрел на блестящий металл, с которого капала влага, оставшаяся после призыва. Предмет мягко светился темно-красным вдоль нескольких едва различимых линий по всей длине.

Шаллан владела Клинком Осколков.

Каладин повернул к ней голову, и при этом движении его щека задела плоскость Клинка. Никакого крика. Он замер, затем осторожно поднял палец и коснулся холодного металла.

Ничего не случилось. Крик, который он слышал в голове, когда сражался вместе с Адолином, не повторился. Это показалось очень плохим знаком. Каладин не знал значения того страшного звука, но он каким-то образом был связан с узами между ним самим и Сил.

– Откуда? – спросил он.

– Не важно.

– Думаю, очень даже важно.

– Не сейчас! Слушай, ты собираешься брать его или нет? Очень неудобно держать Клинок таким образом. Если я случайно уроню его и отрежу тебе ногу, будешь виноват только ты сам.

Каладин медлил, рассматривая отражение своего лица на металле. Перед его глазами встали трупы друзей с выжженными глазницами. Он отказывался от подобного оружия каждый раз, когда его ему предлагали.

Но раньше это всегда происходило после боя или хотя бы на учебном полигоне. Теперь все по-другому. Кроме того, он не собирался становиться Носителем Осколков, он просто использует оружие, чтобы защитить чью-то жизнь.

Приняв решение, Каладин протянул руку и обхватил рукоять Клинка Осколков. Зато теперь он знал одну вещь: похоже, Шаллан не была волноплетом. Он подозревал, что в противном случае она ненавидела бы этот Клинок так же, как и он.

– Вы не должны одалживать свой Клинок другим людям, – сказал Каладин.
– По традиции так делают только король и кронпринцы.

– Великолепно, – ответила Шаллан. – Ты можешь доложить ее светлости Навани о моем крайне неприличном поведении и незнании протокола. Теперь не возражаешь, если мы просто выживем, а?

– Да, – произнес Каладин, взвешивая Клинок в руке. – Звучит замечательно.

Он почти не знал, как им пользоваться. Тренировки с учебным мечом не делали тебя мастером в реальном бою. К несчастью, от копья было бы мало проку в борьбе против такой здоровой и защищенной твари.

– И все же... – сказала Шаллан. – Не мог бы ты обойтись без доклада, о котором я упомянула? Это была шутка. Думаю, по общему мнению, я не должна владеть Клинком.

– В любом случае мне никто не поверит. Вы ведь побежите, да? Как я сказал?

– Да. Но если сможешь, пожалуйста, уведи монстра влево.

– В сторону военных лагерей, – нахмурился Каладин. – Я планировал увести его подальше вглубь ущелий, тогда...

– Мне нужно вернуться за сумкой, – заявила Шаллан.

Сумасшедшая женщина.

– Мы боремся за наши жизни, Шаллан. Та сумка не настолько важна.

– Нет, она очень важна, – возразила девушка. – Мне она нужна, чтобы... В общем, в ней наброски симметричного узора Разрушенных равнин. Они понадобятся, чтобы помочь Далинару. Пожалуйста, просто сделай так, как я прошу.

– Ладно. Если смогу.

– Хорошо. И, гм, пожалуйста, не умирай, ладно?

Внезапно Каладин осознал, что Шаллан прижалась к его спине. Он почувствовал ее теплое дыхание на своей щеке, руки на своем поясе. Девушка дрожала, и он подумал, что слышит в ее голосе одновременно и ужас, и восхищение от той ситуации, в которой они оказались.

– Я постараюсь, – произнес он. – Приготовьтесь.

Она кивнула, отпустив его.

Раз.

Два.

Три.

Он выскочил в ущелье, развернулся и бросился влево, в сторону скального демона. Штормовая женщина. Чудовище притаилось в тени с этой стороны. Нет, оно само было тенью. Огромной, смутно различимой, вытянутой тенью, похожей на угря, которая возвышалась над дном ущелья и цеплялась за стены своими лапами.

Скальный демон затрубил и метнулся вперед, скрежеща панцирем о камень. Покрепче сжав Клинок Осколков, Каладин бросился к земле и нырнул под монстра. Чудовище нанесло сильный удар клешнями, взметнулись комья земли, но Каладин остался невредимым. Широко размахнувшись Клинком Осколков, он прочертил в скале рядом с собой борозду, но промазал мимо скального демона.

Тот выгнулся, извиваясь, чтобы развернуться в ущелье. Маневр монстра прошел гораздо более гладко, чем надеялся Каладин.

«Как вообще убить такую тварь?» – задался он вопросом, отступив, в то время как скальный демон замер на земле, изучая противника.

Если начать кромсать его огромное тело на куски, вряд ли он умрет быстро. Было ли у него сердце? Не гемсердце, а настоящее сердце? Нужно будет снова попробовать оказаться под ним.

Каладин прекратил отступать по ущелью и пытаться тем самым увести животное подальше от Шаллан. Оно двигалось гораздо более осторожно, чем ожидал Каладин. С облегчением он заметил, как девушка выбралась из трещины и побежала прочь.

– Ну, давай же, – проговорил Каладин, замахиваясь Клинком Осколков на скального демона.

Тот поднялся на задние лапы, но не стал нападать. Он наблюдал глазами, скрытыми на темной морде. Единственными источниками света оставались узкий просвет высоко вверху и сферы, брошенные на землю ущелья и находившиеся теперь позади монстра.

Странный узор, проходящий по всей длине Клинка Осколков Шаллан, тоже мягко сиял. Каладин никогда не видел такого прежде, но, с другой стороны, он никогда не рассматривал Клинок Осколков в темноте.

Взглянув вверх на вставший перед ним на дыбы чужеродный силуэт с огромным количеством лап, перекошенной мордой и разделенным на сегменты защитным панцирем, Каладин подумал, что теперь знает, как выглядит Несущий Пустоту. Несомненно, не существовало ничего более ужасного.

Пятясь шаг за шагом, Каладин споткнулся о пласт сланцекорника на тропинке.

Скальный демон атаковал.

Мостовик легко восстановил равновесие, но пришлось перекатиться, выпустив Клинок Осколков, иначе он мог бы порезаться. Темные клешни нанесли сокрушительный удар рядом с ним, когда он закончил кувырок, и метнулись в одну сторону, затем в другую. Тяжело дышащий Каладин оказался прижат к скользкой стене ущелья прямо перед монстром. Возможно, он подобрался чересчур близко, клешни не смогут дотянуться до него, и...

Голова чудовища неожиданно рванулась вниз, защелкали, широко открываясь, жвалы. Каладин застонал, перекачиваясь на ноги, и схватил отброшенный Клинок Осколков. Тот не исчез. Каладин знал о них достаточно, чтобы понимать: если Шаллан приказала мечу оставаться осязаемым, он никуда не денется, пока она не призовет его обратно.

Каладин ушел из-под удара клешней, крутанувшись на месте в тот самый миг, когда они опускались. Когда клешня врезалась в камень, он взмахнул мечом и отсек ее кончик.

Порез, видимо, не нанес большого вреда. Клинок рассек панцирь и умертвил плоть внутри – послышался трубный звук, полный ярости, – но клешня была огромной. С таким же успехом он мог бы отсечь кончик большого пальца на ноге у солдата. Шторма, он не сражался с чудовищем – он просто его злил.

Скальный демон стал более агрессивным и пытался достать Каладина размашистыми движениями клешней. К счастью, ущелье оказалось достаточно узким, и чудовищу было трудно размахнуться. Его конечности задевали стены, и он не мог отвести их в стороны, чтобы ударить со всей силы. Возможно, поэтому Каладин до сих пор оставался жив. Он ушел с пути замаха, но снова погрузился в темноту. Не было видно практически ничего.

С очередным ударом клешни Каладин вскочил на ноги и бросился прочь, дальше по проходу, дальше от света, мимо растений и принесенного наводнениями мусора. Скальный демон затрубил и с треском и скрежетом рванулся в погоню.

Каладин чувствовал, что без штормсвета двигается слишком медленно, неповоротливо и неуклюже.

Скальный демон был уже близко. Каладин рассчитал его следующее движение, повинувшись инстинктам.

«Сейчас!»

Он резко остановился, пошатнувшись, и быстро побежал обратно к монстру. Тот с большим трудом затормозил, царапая панцирем о стены, а Каладин нырнул под него и ткнул Клинком Осколков вверх, глубоко погрузив меч в брюхо чудовища.

Зверь затрубил еще яростнее. Похоже, Каладин действительно причинил ему боль, потому что скальный демон тут же поднялся повыше, чтобы стащить себя с меча. В мгновение ока он развернулся, и Каладин обнаружил ужасающие жвалы прямо перед собой. Мостовик бросился вперед, но с треском захлопнувшиеся челюсти поймали его за ногу.

Ослепляющая боль охватила всю ногу, и он стал наносить удары Клинком, несмотря на то, что монстр подкинул его вверх. Каладину показалось, что он зацепил морду, но не был до конца уверен.

Мир вокруг завертелся.

Он ударился о землю и перекатился.

Не время раскисать. Перед глазами все по-прежнему вращалось. Каладин застонал и перевернулся. Клинка Осколков не было – он потерял его и не знал, где именно. Нога. Он ее не чувствовал.

Мостовик опустил взгляд, ожидая увидеть лишь обрубок, но все оказалось не так уж плохо. Лужа крови, порванные штаны, но кости не видно. Онемение появилось вследствие шока.

Его разум заработал в аналитическом режиме и сосредоточился на ранах. Ничего хорошего в этом не было. Сейчас он должен оставаться солдатом, а не хирургом. Скальный демон разворачивался в ущелье, часть его лицевого панциря отсутствовала.

Убраться. Подальше.

Каладин развернулся, встал на четвереньки и, покачнувшись, поднялся. Нога вроде бы слушалась. Он сделал шаг, и в ботинке захлюпало.

Куда подевался Клинок Осколков? Вот он, впереди. Меч упал достаточно далеко, воткнувшись в землю рядом со сферами, которые Каладин выбросил из трещины. Мостовик захромал к Клинку, но даже идти было трудно, не говоря уже о том, чтобы бежать. Он преодолел полпути, когда нога окончательно подвела. Сильно ударившись о землю, Каладин расцарапал руку о сланцекорник.

Скальный демон затрубил и...

– Эй! Эй!

Каладин извернулся и посмотрел назад. Шаллан? О чем думала эта глупая женщина, когда встала посреди ущелья и начала размахивать руками как помешанная? Как она вообще проскочила мимо него?

Девушка закричала снова, привлекая внимание скального демона. Ее голос отдавался странным эхом.

Скальный демон отвернулся от Каладина и начал наносить удары, пытаясь попасть по Шаллан.

– Нет! – вскрикнул Каладин.

Но какой прок от крика? Ему требовалось оружие. Стиснув зубы, он развернулся и заковылял, как получалось, к Клинку Осколков. Шторма, Шаллан...

Каладин вытащил меч из камня, но снова повалился на землю. Нога не выдержит. Он развернулся с Клинком Осколков в руках и зашарил глазами по ущелью. Монстр продолжал размахивать клешнями и трубил. Ужасный звук отражался и многократно повторялся эхом в узком ограниченном пространстве. Каладин не видел труп. Неужели Шаллан удалось сбежать?

Видимо, когда он ткнул проклятую тварь в брюхо, та разозлилась еще больше. Голова. Его единственным шансом была голова.

Каладин с трудом встал на ноги. Монстр перестал молотить по земле и с трубным воплем направился к нему. Мостовик обхватил меч двумя руками и замахнулся. Нога подвернулась. Он попытался опуститься на одно колено, но нога окончательно вышла из строя, и ему пришлось завалиться набок, лишь чудом не порезав самого себя Клинком Осколков.

Он плюхнулся в лужу. Прямо перед ним лежала одна из брошенных сфер, сияя ярким белым светом.

Каладин потянулся к воде, выловил сферу и сжал кусочек холодного стекла. Он так нуждался в ее свете. Шторма, от штормсвета зависела его жизнь.

«Пожалуйста».

Сверху навис скальный демон.

Каладин сделал вдох с такой жаждой, будто ему не хватало воздуха. Он услышал... хотя и в отдалении...

Плач.

Сила его не наполнила.

Скальный демон ударил клешней, и Каладин увернулся, странным образом обнаружив своего двойника. Копия возвышалась над ним с поднятым мечом, более крупная, чем в жизни. Она превосходила его в полтора раза.

«Что, во имя глаз Всемогущего?..» – ошеломленно подумал Каладин, когда скальный демон попал клешней по стоящей рядом фигуре. Двойник разлетелся облачком штормсвета.

Что он сделал? Как он это сделал?

Неважно. Он остался жив. С отчаянным воплем Каладин вскочил на ноги и, шатаясь, направился к скальному демону. Ему нужно подобраться поближе, как раньше, когда монстр не мог размахнуться клешнями из-за ограниченности пространства.

Так близко, чтобы...

Скальный демон поднялся на задние лапы и резко бросился вниз, чтобы укусить Каладина, раскрыв жвалы и буравя его ужасными глазами.

Каладин со всей силы ударил вверх.

Скальный демон с грохотом обрушился на землю, дергая лапами, его хитиновый панцирь затрещал. Прижав свободную руку ко рту, Шаллан вскрикнула в своем укрытии позади валуна. Ее кожа и одежда были полностью черными.

Скальный демон похоронил Каладина под собой.

Шаллан выронила листы бумаги: на одном – изображение ее самой, на другом – Каладина, и полезла по камням, рассеивая окружающую ее темноту. Необходимо находиться ближе к схватке, чтобы иллюзии работали. Лучше, конечно, было бы послать их с Узором, но это оказалось проблематично, потому что...

Шаллан остановилась перед все еще подергивающимся животным – грудой из мяса и панциря, походившей на рухнувшую с обвалом кучу камней. Девушка переступила с ноги на ногу, не уверенная в том, что делать.

– Каладин? – позвала она. Ее голос слабо прозвучал в темноте.

«Прекрати, – сказала она себе. – Не робей. Все уже кончилось».

Сделав глубокий вдох, Шаллан шагнула вперед, выбирая, куда наступить между огромных, покрытых панцирем лап. Она попробовала отодвинуть клешню, но та оказалась слишком тяжелой, поэтому Шаллан взобралась на нее и соскользнула с другой стороны.

Послышался какой-то звук, и она застыла. Голова скального демона лежала рядом, огромные глаза затуманились. От головы начали подниматься спрены, напоминающие клубы дыма. Те же, что и раньше, только... уходящие? Шаллан поднесла свет ближе.

Из пасти скального демона торчала нижняя половина тела Каладина. Всемогущий над нами! Шаллан ахнула и начала пробираться вперед. Она попыталась вытащить Каладина из сомкнутой пасти, но ничего не вышло. Пришлось призвать Клинок и отрезать несколько жвал.

– Каладин? – позвала Шаллан, взволнованно вглядываясь в ту часть пасти твари, откуда отрезала жвалы.

– О-о-о, – донесся до нее слабый голос.

Живой!

– Держись! – воскликнула она, отрубая голову чудовища, стараясь резать плоть не слишком близко к Каладину. Струей брызнул фиолетовый иخور, заляпав ей руки и наполнив воздух запахом сырой плесени.

– Чувствую себя не слишком удобно... – проговорил Каладин.

– Ты выжил, – ответила Шаллан. – Так что прекрати жаловаться.

Живой. О Отец Штормов! Живой. Она сожжет целую кучу молитв, когда они вернутся.

– Здесь ужасно воняет, – слабо произнес Каладин. – Почти так же плохо, как от тебя.

– Радуйся, – сказала Шаллан, продолжая свое занятие. – Ведь у меня есть вполне безупречный экземпляр скального демона – правда, умерший – и ради тебя я кромсаю его на куски вместо того, чтобы изучать.

– Моя вечная благодарность.

– Кстати, как ты угодил в его пасть? – спросила Шаллан, разрезая отвратительно скрипящий кусок панциря. Она отбросила его в сторону.

– Пронзил небо, – ответил Каладин. – Прямо в мозг. Единственный способ убить проклятую тварь, который пришел мне в голову.

Шаллан наклонилась, протянув руку в огромную, проделанную ею дыру. Немного усилий, и, отрезав небольшой кусок переднего жвала, она помогла Каладину выбраться из пасти. Покрытый иخورом и кровью, бледный от явной кровопотери, мостовик сам выглядел как мертвец.

– Шторма! – прошептала Шаллан, когда он лег спиной на камни.

– Перевяжи мою ногу, – слабо произнес Каладин. – Все остальное у меня должно быть в порядке. Заживет как...

От одного взгляда на превратившуюся в месиво ногу Шаллан передернуло. Прямо как... как... у Балата...

Не скоро Каладин сможет воспользоваться этой ногой.

«О Отец Штормов», – подумала Шаллан, отрезая подол платья на уровне колен.

Она туго перевязала ногу Каладина, следуя его указаниям. Он считал, что ему, скорее всего, не нужен жгут. Девушка послушалась, поскольку, по всей видимости, мостовик перевязал в жизни гораздо больше ран, чем она.

Шаллан отрезала правый рукав и перевязала вторую рану на боку, в том месте, где скальный демон пытался перекусить мостовика пополам. Затем села рядом, чувствуя, что совершенно устала и замерзла – ничто не защищало ее ноги и руку от холодного воздуха, царящего на дне ущелья.

Каладин глубоко вздохнул, лежа на каменной поверхности с закрытыми глазами.

– Два часа до свержения шторма, – прошептал он.

Шаллан проверила небо. Почти стемнело.

– Если это так, – пробормотала она, – мы его побили, но все равно умрем, верно?

– Кажется нечестным, – ответил Каладин и со стоном сел.

– Разве тебе не следует...

– Ба! У меня были раны и похуже этих.

Она подняла бровь, когда он открыл глаза. Каладин выглядел так, будто у него кружится голова.

– Я не лгу, – настоял он. – Это не какая-нибудь солдатская бравада.

– Похуже этих? – спросила Шаллан. – И сколько раз?

– Дважды, – признался Каладин, оглядывая массивные очертания скального демона. – Мы действительно убили эту тварь.

– Да, как ни печально, – загрустила Шаллан. – Он был таким прекрасным!

– Он был бы еще прекраснее, если бы не пытался меня сожрать.

– С моей точки зрения, – заметила Шаллан, – он не просто пытался, ему удалось.

– Ерунда, – возразил Каладин. – Он меня не проглотил. Так что не считается.

Он протянул ей руку, словно хотел, чтобы она помогла ему подняться на ноги.

– Хочешь попробовать идти?

– А ты ждешь, что я буду просто лежать здесь в пропасти до тех пор, пока не хлынет вода?

– Нет, но...

Шаллан подняла голову. Скальный демон был огромным. Около двадцати футов в высоту, когда лежал на боку.

– Что, если мы взберемся на него и попытаемся подняться на вершину плато?

Чем дальше они продвигались на запад, тем менее глубокими становились ущелья.

Каладин посмотрел вверх.

– Придется подняться еще на добрых восемьдесят футов, Шаллан. И что мы будем делать на вершине плато? Шторм нас снесет.

– Мы хотя бы сможем попробовать найти какое-нибудь укрытие, – ответила она. – Шторма, все в самом деле безнадежно, да?

Как ни странно, но он вскинул голову и проговорил:

– Возможно.

– Только «возможно»?

– Укрытие... У тебя есть Клинок Осколков.

– И? Я не смогу отрезать им стену воды.

– Нет, но им можно резать камни.

Каладин посмотрел вверх, на стену ущелья.

У Шаллан перехватило дыхание.

– Мы можем вырезать нишу в скале! Как у разведчиков.

– Высоко в скале, – подтвердил Каладин. – На стене видна линия, оставленная водой. Если мы сможем взобраться выше...

Это все равно означало, что придется лезть по стене ущелья. Шаллан не требовалось проделать весь путь на самый верх, туда, где ущелье сужается, но подняться будет, в любом случае, нелегко. И у нее очень мало времени.

Но шанс имелся.

– Это придется сделать тебе, – сказал Каладин. – Я смогу встать с помощью. Но ползти вверх по скале с Клинком Осколков...

– Хорошо, – Шаллан встала и глубоко вздохнула. – Хорошо.

Она начала подъем по спине скального демона. Гладкий панцирь скользил, но девушка нашла, куда поставить ноги между щитками. Оказавшись на спине монстра, Шаллан посмотрела на линию, оставленную водой. Отсюда она казалась гораздо выше, чем снизу.

– Вырежь поручни! – крикнул Каладин.

Правильно. Она все время забывала о Клинке Осколков. Не хотела о нем думать...

Нет. Сейчас не время. Шаллан призвала Клинок и вырезала в скале несколько длинных выемок. Куски камня падали и отскакивали от панциря. Она убрала волосы за уши, пытаясь создать при тусклом свете ряд выступов на стене, похожих на лестницу.

Шаллан начала подниматься по ним. Стоя на одном выступе и цепляясь за более высокий, она снова призвала Клинок и попыталась вырезать ступень еще выше, но оружие было таким, шторм побери, длинным!

Клинок услужливо сжался в ее руке и стал гораздо короче меча, размером с большой нож.

«Спасибо», – подумала Шаллан, вырезая в скале очередную выемку.

Она продвигалась вверх, опора за опорой. Это была тяжелая работа, и периодически ей приходилось спускаться вниз, чтобы дать рукам отдых. Наконец Шаллан забралась так высоко, как, по ее мнению, требовалось, прямо над линией воды. Неуклюже повиснув на одном месте, она снова начала вырезать куски скалы так, чтобы они не падали ей на голову.

Летающие камни громко ударились о панцирь мертвого скального демона.

– Ты замечательно справляешься! – окликнул ее Каладин. – Продолжай в том же духе!

– Когда у тебя появилось столько бодрости? – прокричала она.

– После того, как я счел себя покойником, а затем выяснилось, что все не так плохо.

– Тогда напоминай мне, чтобы я время от времени устраивала попытки покушения на твою жизнь, – фыркнула Шаллан. – Если они увенчаются успехом, я почувствую себя лучше, в противном случае обрадуешься ты. Каждый в выигрыше!

Она услышала смешок мостовика и сильнее налегла Клинком на скалу. Все оказалось труднее, чем представлялось. Да, Клинок легко резал камень, но она отсекала куски, которые никак не выпадали. Приходилось разделять их на части, отпускать Клинок и вытаскивать обломки наружу.

Тем не менее спустя больше часа отчаянной работы Шаллан удалось создать подобие убежища. У нее не получилось углубить его настолько, как хотелось, но должно было сойти и так. Обессиленная, она в последний раз кое-как спустилась по импровизированной лестнице и шлепнулась на спину скального демона посреди обломков камней. По ощущениям в руках казалось, будто она таскала тяжести, и, возможно, так и было, если считать, что пришлось поднимать саму себя.

– Готово? – спросил Каладин со дна ущелья.

– Нет, – ответила Шаллан, – но почти получилось. Думаю, мы уместимся.

Мостовик замолчал.

– Ты поднимаешься вверх в дыру, которую я только что вырезала, мостовичок Каладин, убийца скального демона, несущий угрюмость. – Шаллан свесилась с бока чудовища, чтобы посмотреть на него. – Мы не будем заводить еще одну глупую беседу о том, что ты здесь умрешь, в то время как я храбро продолжу путь. Ясно тебе?

– Я не уверен, что смогу идти, Шаллан, – сказал Каладин со вздохом. – Не говорю уже о том, чтобы вскарабкаться наверх.

– Ты сможешь, – отрезала девушка. – Если придется, я тебя понесу.

Каладин посмотрел на нее и ухмыльнулся. Его лицо было покрыто засохшим фиолетовым ихором, хотя он и постарался вытереться как можно лучше.

– Хотел бы я на это посмотреть.

– Пойдем, – сказала Шаллан, сама с трудом поднимаясь. Шторма, как она устала.

Клинком девушка отсекала от стены лозу. Забавно, ей понадобилось два удара, чтобы ее отделить. Первый удар умертвил растение. Затем, уже мертвую, лозу действительно можно было резать мечом.

Верхняя ее часть отдернулась, извиваясь, и поднялась по спирали выше. Шаллан бросила вниз один конец отрезанной лозы. Каладин взялся за нее одной рукой и, оберегая больную ногу, осторожно взобрался на скального демона. Оказавшись наверху, он упал рядом с Шаллан; струйки пота проложили дорожки через грязь на его лице. Он взглянул на уводящую в высоту, вырезанную в скале лестницу.

– Ты на самом деле собираешься поднять меня вот по этому?

– Да, – сказала Шаллан, – из совершенно эгоистических соображений.

Он посмотрел на нее.

– Я не позволю, чтобы твой последний в жизни взгляд был обращен на меня, стоящую в наполовину разодранном платье, покрытую фиолетовой кровью, с волосами в абсолютном беспорядке. Слишком несолидно. На ноги, мостовичок.

Вдалеке она услышала гул. Плохо дело...

– Взбирайся, – приказал Каладин.

– Я не...

– Взбирайся, – повторил он жестче, – и ляг в углублении. После этого высушь руку. Когда я окажусь ближе к концу лестницы, ты сможешь помочь мне на последних футах подъема.

Шаллан помедлила мгновение, подхватила сумку и начала подниматься. Шторма, выступы были такими скользкими. Оказавшись наверху, она заползла в нишу в скале и ненадежно устроилась, вытянув вниз одну руку и держась другой. Каладин задрал голову и посмотрел на нее, затем стиснул челюсти и начал карабкаться вверх.

В основном он подтягивался на руках, свешивая раненую ногу и упираясь другой. Крепкие мускулистые руки солдата медленно тащили тело вверх, уступ за уступом.

Внизу по дну ущелья заструился ручеек воды, который стал быстро превращаться в стремительный поток.

– Давай же! – крикнула Шаллан.

В ущельях запел ветер, отозвавшийся навязчивым, жутким эхом во множестве трещин и разломов. Словно застонали духи давно умерших. Высокие завывания сопровождалось низким грохочущим ревом.

Вокруг втянулись все растения: изогнулись и туго скрутились лозы, закрылись камнепочки, сложились оборцветы. Все живое в ущелье попряталось.

Каладин хрипел и истекал потом, его лицо искажилось от боли и усилий, пальцы дрожали. Он вскарабкался на очередную ступеньку и дотянулся рукой до пальцев Шаллан.

В этот момент ударила стена шторма.



Один год назад

Шаллан скользнула в комнату Балата, зажав в руке коротенькую записку. Балат резко обернулся, начав вставать, но затем расслабился.

– Шаллан! Ты напугала меня до смерти!

В маленькой комнате, одной из многих в особняке, на открытых окнах красовались простые тростниковые ставни, сегодня запертые, так как приближался свержшторм. Последний перед Плачем. Снаружи доносились удары по стенам – слуги устанавливали прочные штормставни поверх тростниковых.

Шаллан надела одно из своих новых дорогих платьев, купленных отцом, – выполненное в воринском стиле, прямое и зауженное в талии, с карманом на рукаве. Женское платье. Также на ней было подаренное ожерелье. Отцу нравилось, когда она его носила.

Поблизости в кресле развалился Джушу. С отсутствующим видом он растирал между пальцами какое-то растение. За два года, что миновали с того дня, как его утащили из дома кредиторы, он сильно похудел, хотя из-за шрамов на запястьях и запавших глаз все равно не сильно походил на своего близнеца.

Шаллан окинула взглядом узлы с вещами, которые собирал брат.

– Хорошо, что отец никогда не заходит тебя проведать, Балат. Эти узлы выглядят так подозрительно, что ты бы не ушел далеко.

Джушу усмехнулся, потирая шрам на запястье.

– Он еще и подскакивает каждый раз, как в коридоре чихнет служанка.

– Так, тихо, вы оба, – сказал Балат, взглянув в окно, к которому рабочие прикрепляли штормставню. – Не время для шуток. Бездна, если он обнаружит, что я собираюсь уехать...

– Не обнаружит, – ответила Шаллан, разворачивая письмо. – Он слишком занят подготовкой к торжественной встрече с кронпринцем.

– Никому не кажется, что немного странно найти такие богатства? – спросил Джушу. – Сколько же залежей ценных пород камня на наших землях?

Балат вернулся к упаковыванию вещей.

– Пока отец счастлив, мне все равно.

Проблема заключалась в том, что отец не был счастлив. Да, теперь дом Давар разбогател, новые каменоломни приносили фантастический доход. И все

же чем лучше шли их дела, тем угрюмее становился отец. С ворчанием бродил по коридорам. Срывался на слугах.

Шаллан просмотрела содержание письма.

– Не вижу радости на лице, – сказал Балат. – Они по-прежнему не могут его найти?

Шаллан покачала головой. Хеларан исчез. Действительно исчез. Больше не было ни контактов, ни писем. Даже те люди, с кем он общался раньше, понятия не имели, куда он отправился.

Балат присел на один из узлов.

– Так что же нам делать?

– Тебе нужно принять решение, – ответила Шаллан.

– Я должен выбраться отсюда. Должен. – Он провел рукой по волосам. – Эйлита готова уехать со мной. Ее родители в отъезде весь месяц, отправились в Алеткар. Лучшего момента не представится.

– А если ты не сможешь отыскать Хеларана, что тогда?

– Я обращусь к кронпринцу. Его бастард сказал, что он выслушает любого, кто пожелает свидетельствовать против отца.

– Прошло несколько лет, – проговорил Джушу, откинувшись назад. – Теперь отец в почете. Кроме того, кронпринц при смерти, все это знают.

– Другого шанса не будет, – сказал Балат, вставая. – Я уеду. Сегодня ночью, после шторма.

– Но отец... – начала было Шаллан.

– Отец хочет, чтобы я отправился проверить несколько деревень в восточной долине. Я скажу, что так и сделаю, а сам заберу Эйлиту, мы уедем в Веденар и пойдем прямо к кронпринцу. К тому времени, как прибудет отец, минует неделя, и я уже скажу свое слово. Возможно, этого хватит.

– А Мализа? – спросила Шаллан. По плану Балат должен был отвезти мачеху в безопасное место.

– Не знаю, – ответил Балат. – Он ее не отпустит. Может быть, когда он отправится с визитом к кронпринцу, ты сможешь отослать ее куда-то, где безопасно? Не знаю. Так или иначе, мне нужно ехать. Сегодня ночью.

Шаллан шагнула вперед, положив ладонь на его руку.

– Я устал бояться, – добавил Балат. – Устал быть трусом. Если Хеларан исчез, тогда я и вправду старший сын. Время это доказать. Я не убегу просто так. Не хочу провести всю жизнь, задаваясь вопросом, не охотятся ли за мной подручные отца. А так... так все будет кончено. Решено.

Дверь с шумом распахнулась.

Несмотря на все замечания о подозрительном поведении Балата, Шаллан сама подскочила от испуга так же высоко, как он, вскрикнув от удивления. Это был всего лишь Виким.

– Шторма, Виким! – воскликнул Балат. – Ты мог хотя бы постучать или...

– Эйлита здесь, – сказал Виким.

– Что? – Балат рванулся вперед, схватив брата. – Она не должна была приезжать! Я собирался забрать ее сам.

– Ее призвал отец. Она только что приехала со своей горничной. Он разговаривает с ней в пиршественном зале.

– О нет, – простонал Балат и, оттолкнув Викима в сторону, бросился к выходу.

Шаллан последовала за братом, но остановилась в дверях.

– Не делай никаких глупостей! – крикнула она ему в спину. – Балат, план!

Похоже, он ее не услышал.

– Это может плохо кончиться, – проговорил Виким.

– Или, наоборот, чудесно, – сказал Джушу позади них, по-прежнему сидя в расслабленной позе. – Если отец доведет Балата, может быть, он перестанет ныть и сделает хоть что-то.

Выйдя в коридор, Шаллан похолодела. Этот озноб... Неужели паника? Всепоглощающая паника, настолько острая и сильная, что смывала все остальные эмоции.

Это должно было случиться. Шаллан знала, что это должно было случиться. Они пытались спрятаться, они пытались сбежать. Конечно, ничего бы не вышло.

Как не вышло у матери.

Виким пробежал мимо нее. Она медленно пошла следом. Не потому, что оставалась спокойной, а потому, что чувствовала, будто ее тянут вперед. Неспешные шаги, казалось, помогали устоять перед неизбежностью.

Шаллан повернула вверх по ступеням вместо того, чтобы спуститься вниз. Ей требовалось кое-что захватить.

Не прошло и минуты. Вскоре она вернулась, засунув переданный ей так давно мешочек в потайной карман в рукаве. Девушка спустилась по ступеням и подошла ко входу в пиршественный зал. Джушу и Виким ждали снаружи, напряженно наблюдая.

Они освободили ей дорогу.

В пиршественном зале, конечно же, стоял крик.

– Тебе не следовало делать этого, не поговорив со мной! – воскликнул Балат.

Он стоял около главного стола, Эйлита находилась рядом и держала его за руку. Отец возвышался с другой стороны, перед ним виднелись остатки неоконченной трапезы.

– Балат, с тобой бесполезно разговаривать. Ты не слышишь.

– Я люблю ее!

– Ты еще ребенок, – произнес отец. – Глупый ребенок, не заботящийся о судьбе своего дома.

«Плохо, плохо, плохо», – подумала Шаллан. Голос отца стал тихим. Он был особенно опасен, когда его голос становился тихим.

– Думаешь, – продолжил отец, наклоняясь вперед и упираясь ладонями в стол, – что я не знаю о твоём запланированном побеге?

Балат отпрянул.

– Но откуда?

Шаллан вошла в комнату.

«Что это там на полу?» – подумала она, идя вдоль стены к двери, ведущей в кухню. Что-то не давало двери закрыться.

По крыше застучал дождь. Накатил шторм. Стражники находились в караулке, слуги – в своих помещениях, ожидая, когда минует буря. Семья осталась в одиночестве.

С закрытыми окнами единственным источником освещения в комнате был прохладный свет сфер. Отец не стал разжигать камин.

– Хеларан мертв, – сказал отец. – Ты знал? Ты не сможешь его разыскать, потому что он убит. Мне даже не пришлось ничего делать. Он нашел свою смерть на поле битвы в Алеткаре. Идиот.

Слова отца поколебали холодное спокойствие Шаллан.

– Как ты узнал, что я собираюсь уехать? – требовательно спросил Балат. Он сделал шаг вперед, но Эйлита его удержала. – Кто тебе сказал?

Шаллан опустилась на колени перед помехой за кухонной дверью. Прогремел гром, заставив особняк содрогнуться. Помеха оказалась телом.

Мализа. Умерла от нескольких ударов по голове. Свежая кровь. Тело еще теплое. Он убил ее совсем недавно. Шторма, он узнал об их плане, послал за Эйлитой и ждал, пока она приедет, а затем убил свою жену.

Это не убийство в припадке гнева. Он убил ее, чтобы наказать.

«Значит, вот до чего дошло, – подумала Шаллан, чувствуя странное, бесстрастное спокойствие. – Ложь превратилась в правду».

Она чувствовала себя виновницей случившегося. Девушка встала и обошла кухню, подойдя туда, где слуги оставляли для отца кувшин с вином и кубки.

– Мализа, – произнес Балат. Он не смотрел в сторону Шаллан, просто гадал. – Она раскололась и рассказала тебе все, ведь так? Бездна. Не нужно было ей доверять.

– Да, – сказал отец. – Она заговорила. В конце концов.

С шелестящим скрежетом Балат вытащил из кожаных ножен меч. Отец поступил так же.

– Наконец-то ты проявил признаки твердости.

– Балат, нет, – взмолилась Эйлита, цепляясь за юношу.

– Я больше не буду его бояться, Эйлита! Не буду!

Шаллан налила вина.

Они бросились друг на друга. Отец перепрыгнул через высокий стол и замахнулся, удерживая меч обеими руками. Эйлита вскрикнула и отпрянула в сторону, когда Балат поднял меч на отца.

Шаллан не слишком разбиралась в фехтовании. Она наблюдала, как тренируются Балат и другие, но единственными настоящими боями, которые ей довелось увидеть, оставались дуэли на ярмарке.

Теперь все было по-другому. Жестоко. Отец снова и снова сильно ударял мечом, а Балат изо всех сил сопротивлялся, блокируя удары. Металл лязгал о металл, а над всеми ними ярился шторм. Каждый удар, казалось, сотрясал комнату. Или это гром?

Балат споткнулся под натиском и упал на одно колено. Отец выбил меч из его пальцев.

Неужели все закончилось так быстро? Прошло всего лишь несколько секунд. Совсем не похоже на дуэли.

Отец навис над сыном.

– Я всегда презирал тебя, – проговорил отец. – Трус. Хеларан был благороден. Он сопротивлялся мне, но в нем бушевала страсть. А ты... ты только копошишься, ноешь и жалуешься.

К нему подошла Шаллан.

– Отец? – Она протянула вино. – Он повержен. Ты победил.

– Я всегда хотел сыновей, – продолжил светлорд Давар. – И у меня их четверо. Все никудышные! Трус, пьяница и слабак. – Он моргнул. – Только Хеларан... Только Хеларан...

– Отец? – позвала Шаллан. – Возьми.

Он принял вино и осушил кубок одним глотком.

Балат схватил свой меч. По-прежнему стоя на одном колене, он нанес стремительный удар. Шаллан вскрикнула, а меч издал странный лязгающий звук, когда почти задел отца, проткнув его сюртук, и вышел со спины, соприкоснувшись с чем-то металлическим.

Отец уронил кубок. Пустой, тот ударился о пол. Он застонал, ощупывая бок. Балат вытащил меч и теперь в ужасе смотрел на отца снизу вверх.

На руке отца показалась кровь, но совсем немного.

– И это лучшее, на что ты способен? – требовательно спросил он. – Пятнадцать лет тренировок с мечом, и это твоя лучшая атака? Срази меня! Ударь меня!

Отец отвел меч в сторону, поднимая другую руку.

Балат начал рыдать, меч выскользнул из его пальцев.

– Ба! – воскликнул отец. – Бесполезен.

Он швырнул меч на главный стол и шагнул к камину. Схватив железную кочергу, вернулся.

– Бесполезен.

И ударил кочергой по бедру Балата.

– Отец! – воскликнула Шаллан, пытаясь удержать его руку. Он оттолкнул ее в сторону и ударил снова, раздробив кочергой ногу Балата.

Балат закричал.

Шаллан упала, сильно ударившись головой. Она могла только слышать, что происходило дальше. Крики. Кочерга, ударяющая с глухим звуком. Бушующий над ними шторм.

– Почему. – Удар. – Ты. – Удар. – Не можешь. – Удар. – Ничего. – Удар. – Сделать как следует?

Зрение Шаллан прояснилось. Отец тяжело дышал. Его лицо забрызгала кровь. Балат скулил на полу. Его поддерживала Эйлита, уткнувшись лицом в волосы юноши. Нога Балата превратилась в кровавое месиво.

Виким и Джушу по-прежнему стояли в дверях и казались ужасно перепуганными.

Отец посмотрел на Эйлиту, и в его глазах застыла жажда убивать. Он поднял кочергу для удара. Но затем оружие выскользнуло из его пальцев и звякнуло о пол. Он удивленно взглянул на руку и споткнулся. Попытавшись схватиться за стол, упал на колени и завалился на бок.

По крыше сильно барабанил дождь. Звук был такой, что, казалось, сонмы каких-то снующих существ ищут, как бы пробраться внутрь дома.

Шаллан заставила себя подняться. Хладнокровие. Да, она узнала это хладнокровие, охватившее ее целиком. Она уже испытывала его раньше, в день, когда потеряла мать.

– Перевяжи раны Балата, – сказала она, подойдя к плачущей Эйлите. – Используй его рубашку.

Девушка кивнула сквозь слезы и дрожащими пальцами принялась за дело.

Шаллан опустила на колени рядом с отцом. Он лежал без движения, уставившись в потолок открытыми мертвыми глазами.

– Что... что произошло? – спросил Виким.

Шаллан не заметила, как он и Джушу испуганно вошли в комнату, обогнули стол и присоединились к ней. Виким выглядывал из-за ее плеча.

– Балат ранил его в бок...

Бок отца кровоточил, Шаллан чувствовала это сквозь одежду. Но рана была не настолько серьезна, чтобы вызвать подобные последствия. Она покачала головой.

– Ты отдал мне кое-что несколько лет назад, – сказала Шаллан. – Мешочек. Я его сохранила. Ты говорил, что со временем яд становится более действенным.

– О Отец Штормов, – проговорил Виким, зажав рукой рот. – Чернойд? Ты подмешала...

– В его вино. Тело Мализы лежит на кухне. Он зашел слишком далеко.

– Ты его убила, – произнес Виким, уставившись на труп отца. – Ты его убила!

– Да, – сказала Шаллан, чувствуя себя полностью обессиленной.

Она проковыляла к Балату и начала помогать Эйлите с перевязкой. Балат оставался в сознании и стонал от боли. Шаллан кивнула Эйлите, и та убежала, чтобы принести ему немного вина. Конечно, неотравленного.

Отец мертв. Она его убила.

– Что у нас тут? – спросил Джушу.

– Не смей! – воскликнул Виким. – Шторма! Ты собираешься вот так сразу рыться у него в карманах?

Шаллан взглянула в сторону Джушу и увидела, как тот вытаскивает из кармана отцовского сюртука что-то серебристое. Предмет скрывался в маленьком черном мешочке, наполовину пропитавшемся кровью. В том месте, куда пришелся удар Балата, виднелись лишь небольшие части устройства.

– О Отец Штормов, – проговорил Джушу, вытаскивая его наружу. Устройство состояло из нескольких серебристых металлических цепочек, соединяющих между собой три больших драгоценных камня, один из которых треснул и перестал светиться. – Это то, о чем я думаю?

– Преобразователь, – сказала Шаллан.

– Помоги мне подняться, – попросил Балат Эйлиту, когда та вернулась с вином. – Пожалуйста.

Девушка неохотно помогла ему сесть. Его нога... Бедру пришлось совсем не сладко. Придется вызвать хирурга.

Шаллан встала, вытерла окровавленные руки о платье и взяла у Джушу преобразователь. Хрупкий металл оказался сломан в том месте, где в него ударил меч.

– Я не понимаю, – произнес Джушу. – Разве это не богохульство? Разве такие вещи не принадлежат королю и не должны использоваться только ардентами?

Шаллан провела большим пальцем по металлу. Она была не в состоянии думать. Оцепенение... шок. Вот что это было. Шок.

«Я убила отца».

Внезапно Виким вскрикнул, отпрыгнув назад.

– Его нога дернулась.

Шаллан обернулась и посмотрела на тело. Пальцы отца судорожно сжимались.

– Несущие Пустоту! – воскликнул Джушу. Он посмотрел на потолок, на бушующий шторм. – Они здесь. Они внутри него. Они...

Шаллан опустилась на колени рядом с телом. Глаза отца задрожали и сфокусировались на ней.

– Недостаточно сильный, – прошептала она. – Яд оказался недостаточно сильным.

– О шторма! – вскрикнул Джушу, опустившись на колени рядом с ней. – Он до сих пор дышит. Он не умер, его только парализовало. – Глаза Джушу расширились. – И он приходит в себя!

– В таком случае нам нужно закончить начатое, – сказала Шаллан. Она посмотрела на братьев.

Джушу и Виким отпрянули, замотав головами. Оглушенный Балат был почти без сознания.

Шаллан снова повернулась к отцу. Он смотрел на нее, теперь его глаза двигались с легкостью. Нога дернулась.

– Прости, – прошептала девушка, расстегивая ожерелье. – Спасибо за все, что сделал для меня.

Она обернула ожерелье вокруг шеи отца.

И начала его затягивать.

Шаллан воспользовалась рукояткой вилки, упавшей со стола, когда отец пытался удержаться на ногах. Завязав петлю на ожерелье, она просунула в него вилку и стала ее крутить, все сильнее затягивая цепочку вокруг горла отца.

– Спят ущелья, тьма окружит, хочет напугать. Ты закрой скорее глазки, нужно засыпать, – прошептала она.

Колыбельная. Шаллан проговаривала слова сквозь слезы – это была песня, которую отец пел ей в детстве, когда она чего-то боялась. Красная кровь испещрила его лицо и покрыла ее руки.

– Подкрадется страх по скалам в колыбель твою. Засыпай, малютка, сладко, баюшки-баю.

Шаллан чувствовала, как он смотрит на нее. Ее кожа покрылась мурашками, в то время как рука все туже затягивала ожерелье.

– В вое шторма теплый ветер защитит тебя, – прошептала она. – Стонет буря, но напрасно. Спи, мое дитя.

Шаллан пришлось наблюдать, как глаза отца вылезают из орбит, как от лица отливает краска. Его тело задрожало, напрягаясь, пытаясь шевельнуться. Глаза смотрели на нее требовательно и обвиняли в предательстве.

Шаллан почти представила, что завывания шторма были всего лишь ночным кошмаром и что скоро она проснется, испугавшись, а отец споет ей колыбельную. Как он делал раньше, когда она была ребенком...

– Свет кристаллов негасимый вспыхнет на ладошке, прочь прогонит все невзгоды, спать уложит крошку.

Отец перестал шевелиться.

– Эту песню я с любовью каждый раз пою. Засыпай, малютка, сладко, баюшки-баю.



Однако ты никогда не был силой равновесия. Ты несешь хаос, как будто тянешь за собой за ногу труп по снегу. Пожалуйста, прислушайся к моему призыву. Оставь то место и присоединись ко мне в моей клятве невмешательства.

Каладин поймал Шаллан за руку.

Наверху, с грохотом ударяясь о плато, разбивались и разваливались на куски валуны, которые, в свою очередь, падали вокруг него. Ярился ветер. Снизу

все ближе поднималась вода. Каладин вцепился в Шаллан, но мокрые пальцы начали выскользывать из ее руки.

И вдруг, совершенно неожиданно, хватка окрепла. Она потянула с такой силой, которую нельзя было и предположить в ее маленькой фигурке. Каладин оттолкнулся здоровой ногой, когда до нее добралась вода, и заставил себя подтянуться оставшееся расстояние, чтобы присоединиться к девушке в каменной нише.

Полость оказалась всего лишь около трех-четырёх футов глубиной, мельче, чем та расщелина, в которой они прятались раньше. К счастью, ниша выходила на запад. Несмотря на то, что ледяной ветер задувал и приносил брызги воды, главный удар шторма пришелся на плато.

Тяжело дыша, Каладин прижался к стенке углубления. Боль в раненой ноге стала совсем нестерпимой. За него цеплялась Шаллан. Она казалась такой теплой в его руках, и он держал ее так же крепко, как и она его. Они оба съезжились в скале, задевая головами потолок полости.

Плато содрогалось, его мелко потряхивало, словно напуганного человека. Каладин мало что видел, темнота стала абсолютной, разрезаемой только ударами молний. И звуками. Казалось, что гром ударял независимо от самих молний. Вода ревела как разъяренный зверь, и вспышки высвечивали неистовую, текущую по ущелью реку, которая пенилась и закручивалась водоворотами.

Бездна... Река практически достигла их ниши. За буквально несколько мгновений уровень воды поднялся более чем на пятьдесят футов. В грязном потоке плыли ветки, изломанные растения, сорванные с опор лозы.

– Сфера? – спросил Каладин в темноте. – У тебя была сфера для освещения.

– Ее нет! – прокричала Шаллан сквозь рев. – Наверное, выронила, когда схватила тебя!

– Я не...

Оглушающий удар грома, сопровождаемый ослепительной вспышкой молнии, заставил Каладина запнуться. Шаллан прижалась еще крепче, сунув пальцы в его ладонь. В глазах после молнии остался послеобраз.

Шторма, Каладин мог поклясться, что послеобразом было лицо, ужасно искаженное, с открытым ртом. Следующий удар молнии серией вспышек высветил поток, подобравшийся к ним почти вплотную. В воде плавали десятки трупов, их проносило течением мимо. Мертвые глаза смотрели в небо, многие глазницы оказались пустыми. Люди и паршенди.

Вода всколыхнулась волной и на несколько дюймов подтопила убежище. Река мертвецов. Вокруг снова потемнело, чернота стала такой непроглядной, как если бы они находились в подземной пещере. Только Каладин, Шаллан и трупы.

– Это была самая невероятная вещь, которую я когда-либо видела, – сказала девушка, прижав свою голову к его.

– Шторма – странная штука.

– Ты говоришь, исходя из собственного опыта?

– Садеас подвесил меня снаружи во время одного из них, – ответил Каладин. – Я должен был умереть.

Та буря пыталась содрать кожу, а затем и мышцы с его скелета. Дождь, походивший на ножи. Молния, как будто прижигающая железом.

И маленькая фигурка, вся белая, стоящая перед ним, вытянув вперед руки, словно хотела отодвинуть бурю. Крошечная и хрупкая, но в то же время сильная, как сами ветра.

«Сил... Что я с тобой сделал?»

– Я хочу услышать эту историю, – сказала Шаллан.

– Расскажу как-нибудь в другой раз.

Их снова омыло водой. На какое-то мгновение они стали легче, всплыв во внезапном всплеске воды. Течение потащило с неожиданной силой, будто хотело вытолкнуть их в реку. Шаллан вскрикнула, а Каладин схватился за камень с другой стороны, сдерживая панику. Река отступила, но он по-прежнему слышал ее стремительный натиск. Они поудобнее устроились в нише.

Сверху засиял свет, слишком ровный, чтобы быть молнией. Что-то светилось на плато. Что-то двигалось. Не удавалось разглядеть практически ничего, потому что с края плато устремлялся вниз поток воды на расстоянии локтя от их убежища. Каладин мог поклясться, что заметил огромную фигуру, передвигающуюся поверху, – светящийся нечеловеческий силуэт, за которым следовал еще кто-то, поблескивающий и чуждый. Шествующий сквозь шторм. Шаг за шагом, пока сияние не угасло.

– Пожалуйста, – взмолилась Шаллан. – Мне нужно услышать хоть что-то другое. Расскажи мне.

Каладин поежился, но кивнул. Голос. Звук голоса поможет.

– Все началось, когда меня предал Амарам, – заговорил он приглушенным тоном, громким настолько, чтобы прижавшаяся к нему Шаллан услышала. – Он сделал из меня раба, потому что я знал правду. Он убил моих людей, повинувшись своей жажде заполучить Клинок Осколков. Она значила для него больше, чем собственные солдаты, больше, чем честь...

Каладин продолжил описывать ей свои дни, проведенные в рабстве, попытки побега. Людей, которые погибли, потому что доверяли ему. Слова хлынули потоком. Он никогда не рассказывал эту историю. Да и кому было ее поведать? Четвертый мост прожил большую ее часть вместе с ним.

Он рассказал ей о повозке и о Твлакве – при упоминании имени торговца послышался удивленный вздох. Шаллан определенно знала, о ком шла речь. Каладин поделился с ней, каково это – находиться в оцепенении, в... апатии. С мыслями покончить с собой и сомнениями, стоит ли.

А потом заговорил о Четвертом мосте. Он не рассказал о Сил, испытывая в тот момент слишком сильную боль. Но поведал о забегах с мостами, об ужасе, о смерти и о своем решении.

Порывы ветра хлестали их дождевыми струями, и Каладин мог бы поклясться, что слышит снаружи чей-то напев. Мимо их убежища сновали какие-то странные спрены, красные и фиолетовые, напоминающие молнии. Наверное, их видела Сил?

Шаллан слушала. Он ожидал вопросов, но она не задала ни одного. Она не докучала обсуждением деталей, не болтала попусту и явно знала, что значит вести себя тихо.

Удивительно, но он рассказал всю историю целиком. Последний забег с мостом. Спасение Далинара. Хотелось выплеснуть все накопившееся, и Каладин говорил о том, как сошелся в бою с Носителем Осколков паршенди, как оскорбил Адолина, как сам возглавил бригаду мостовиков...

Когда он закончил, они оба позволили тишине окутать их покрывалом и разделили тепло. Вместе они устремили взгляды на бушующий поток воды, освещаемый вспышками молний, до которого было так легко дотянуться.

– Я убила своего отца, – прошептала Шаллан.

Каладин посмотрел на девушку и во вспышке молнии увидел ее глаза, когда она оторвала голову от его груди и посмотрела вверх. На ресницах блестели капельки воды. Его руки покоились на ее талии, она так же крепко держалась за его пояс. Так близко в объятиях Каладин не держал ни одну женщину после Тары.

– Мой отец был жестоким, гневным человеком, – сказала Шаллан. – Убийцей. Я его любила. И я задушила его, пока он лежал на полу, наблюдая за мной, не в силах пошевелиться. Я убила своего собственного отца...

Каладин не стал подталкивать ее продолжить рассказ, хотя и желал знать, что же произошло. Ему было необходимо знать.

К счастью, она продолжила, рассказав о своей юности и ужасах, с которыми пришлось столкнуться. Каладин думал, что его жизнь была ужасна, но в ней имелась одна вещь, которой он, возможно, дорожил недостаточно, – любившие его родители. Рошон превратил Хартстоун в самую Бездну, но Каладин хотя бы всегда мог рассчитывать на мать и отца.

Что бы он сделал, если бы его отец оказался таким же склонным к насилию, полным ненависти человеком, каким описала своего отца Шаллан? Если бы его мать умерла у него на глазах? Что бы он сделал, если, вместо того чтобы жить за счет света Тьена, ему пришлось бы самому стать источником света в семье?

Каладин слушал с изумлением. Шторма, почему же эта женщина не сломлена, по-настоящему сломлена? Шаллан описывала себя именно так, но она была сломлена не более чем копьё с зазубринами на лезвии, а такое копьё могло служить ничем не хуже любого другого оружия. Каладин предпочитал копьё с одной или двумя зарубками и потертым древком. Острие копья, повидавшего сражения, было просто... лучше, чем новое. Точно известно, что его использовал сражавшийся за свою жизнь человек и что копьё не подвело и не сломалось. Такие отметины являлись признаками силы.

Каладин похолодел, когда она упомянула о смерти брата Хеларана, в голосе Шаллан слышалась ярость.

Хеларана убили в Алеткаре. Руками Амарама.

«Шторма... Его убил я, ведь так? – подумал Каладин. – Брата, которого она любила».

Упоминал ли он об этом?

Нет. Нет, он не сказал, что сам лишил жизни Носителя Осколков, только что Амарам убил людей Каладина, чтобы скрыть свою жажду обладания оружием. Уже давно он привык вспоминать то событие, не уточняя, что сам убил Носителя Осколков. В первые несколько месяцев рабства в него вбили, как лучше говорить о том случае, чтобы избежать последствий. Каладин даже не осознавал, что это вошло в привычку.

Поняла ли Шаллан? Сделала ли она вывод, что на самом деле Каладин, а не Амарам убил Носителя Осколков? Похоже, она не связала эти события. Шаллан продолжала говорить, рассказывая о ночи, тоже во время шторма, когда она отравила, а затем убила отца.

Всемогущий над нами! Эта женщина всегда была сильнее, чем он.

– Таким образом, – произнесла Шаллан, упершись головой ему в грудь, – мы решили, что мне следует отыскать Джасну. Видишь ли, у нее... был преобразователь.

– Ты хотела выяснить, не сможет ли она починить ваш?

– Это было бы слишком разумно. – Он не видел, как Шаллан сердито нахмурилась, но каким-то образом услышал. – Мой план, глупый и наивный, заключался в том, чтобы подменить ее преобразователь своим и вернуть домой работающее устройство, с помощью которого наша семья зарабатывала бы деньги.

– Раньше ты никогда не покидала фамильные земли.

– Да.

– И отправилась обворовать одну из умнейших женщин в мире?

– Э-э... да. Помнишь те слова – «глупый и наивный»? Так или иначе, Джасна меня разоблачила. К счастью, я ее заинтересовала, и она согласилась принять меня в ученицы. Брак с Адолином был ее идеей, способом защитить мою семью, пока я обучалась.

– Хм, – произнес Каладин.

Снаружи сверкнула молния. Ветра, судя по всему, задули еще яростнее, если это было вообще возможно, и ему пришлось повысить голос, хотя Шаллан находилась рядом.

– Очень щедрый поступок для женщины, которую ты намеревалась ограбить.

– Думаю, она увидела во мне что-то, из-за...

Тишина.

Каладин моргнул. Шаллан пропала. На миг его охватила паника, и он попытался взять себя в руки, как вдруг понял, что нога больше не болит и головокружение от потери крови, шока и возможной гипотермии тоже исчезло.

«А, – подумал он. – Снова».

Каладин глубоко вздохнул и поднялся на ноги, выйдя из темноты на кромку скалы. Поток внизу замер, будто затвердел, а выступ ниши, который Шаллан вырезала слишком низко, чтобы на нем можно было стоять, теперь позволял ему выпрямиться во весь рост.

Он выглянул наружу и встретился взглядом с лицом, простирающимся в саму бесконечность.

– Отец Штормов, – произнес Каладин.

Некоторые называли его Джебрезе, Герольд. Так или иначе, это не соответствовало ничему из того, что Каладин слышал о Герольдах. Возможно, Отец Штормов был спреном? Богом? Казалось, что он простирается во все стороны, но Каладин все же мог различить лицо в бесконечном просторе.

Ветра затихли. Каладин слышал собственное сердцебиение.

– ДИТЯ ЧЕСТИ.

Сегодня Отец Штормов заговорил с ним. В последний раз, во время шторма, такого не произошло, хотя во сне случалось.

Каладин посмотрел вбок, снова проверив, на месте ли Шаллан, но не смог ее различить. Она не была частью этого видения, чем бы оно ни являлось.

– Она одна из них, не так ли? – спросил Каладин. – Одна из Сияющих рыцарей или, по крайней мере, волноплет. Вот и объяснение того, что произошло, пока я дрался со скальным демоном, вот как она выжила при падении. Оба раза дело было не во мне. В ней.

Отец Штормов загрохотал.

– Сил, – проговорил Каладин, снова поворачиваясь к лицу.

Плато перед ним исчезли. Существовали только он и лицо. Он должен спросить. Это причиняло боль, но он должен.

– Что я с ней сделал?

– ТЫ УБИЛ ЕЕ.

Голос сотряс все вокруг. Как будто... как будто вибрация плато и его собственного тела создавали звуки для голоса.

– Нет, – прошептал Каладин. – Нет!

– ЭТО СЛУЧИЛОСЬ. ТАК ЖЕ, КАК ПРОИЗОШЛО УЖЕ ОДНАЖДЫ, – рассерженно прогремел Отец Штормов. Каладин узнал человеческую эмоцию. – ЛЮДЯМ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ, ДИТЯ ТАНАВАСТА. ТЫ ЗАБРАЛ ЕЕ У МЕНЯ. МОЮ ЛЮБИМИЦУ.

Лицо начало исчезать, растворяться.

– Пожалуйста! – прокричал Каладин. – Как я могу все исправить? Что я могу сделать?

– НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ИСПРАВИТЬ. ОНА СЛОМЛЕНА. ТЫ ТАКОЙ ЖЕ, КАК ТЕ, ЧТО ПРИХОДИЛИ ДО ТЕБЯ. ОНИ УБИЛИ ТАК МНОГО ТЕХ, КОГО Я ЛЮБИЛ. ПРОЩАЙ, СЫН ЧЕСТИ. БОЛЬШЕ ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЛЕТАТЬ С МОИМИ ВЕТРАМИ.

– Нет, я...

Шторм возобновился. Каладин снова скорчился в нише, ахнув от внезапно вернувшихся боли и холода.

– Дыхание Келека! – воскликнула Шаллан. – Что это было?

– Ты видела лицо?

– Да. Такое огромное... Я видела в нем звезды, столько звезд, бесконечность...

– Отец Штормов, – пояснил Каладин, совсем усталый.

Он потянулся к какому-то предмету, который неожиданно засиял под ним. Сфера, та самая, которую Шаллан потеряла раньше. Она потускнела, но теперь оказалась снова заряжена штормсветом.

– Изумительное зрелище, – прошептала Шаллан. – Мне нужно его нарисовать.

– Удачи, – ответил Каладин.

Словно чтобы подчеркнуть его слова, накатила очередная волна. Она закружилась водоворотами между стенок ущелья, иногда ударяясь о них. Каладин и Шаллан сидели в воде глубиной несколько дюймов, но угрозы, что их вынесет наружу, больше не существовало.

– Мои бедные рисунки, – проговорила девушка, прижав сумку к груди безопасной рукой и продолжая держаться за Каладина – больше было не за что – другой рукой. – Сумка непромокаемая, но... Не знаю, является ли она штормонепромокаемой.

Каладин хмыкнул, уставившись на бурлящую воду. В потоке будто проглядывал гипнотизирующий, повторяющийся рисунок из вырванных растений и листьев. Больше не проплывало трупов. Текущая вода поднималась перед ними массивным горбом, словно омывая что-то большое. Каладин понял, что туша скального демона по-прежнему зажата внизу. Она оказалась слишком тяжелой, чтобы даже поток смог ее сдвинуть.

Они замолчали. После того, как посветлело, необходимость разговаривать исчезла, и хотя ему хотелось вызвать Шаллан на откровенность относительно того, кем она являлась на самом деле, Каладин не стал ничего говорить. Когда все закончится, у них будет время.

Теперь он хотел подумать, хотя по-прежнему был рад присутствию девушки. Он ощущал это присутствие во всех смыслах, так как она прижималась к нему в мокром, все больше и больше напоминающем лохмотья платье.

Однако разговор с Отцом Штормов отвлек его внимание от мыслей подобного рода.

Сил. Неужели он действительно... убил ее? Он ведь слышал ее рыдания раньше, так?

Каладин попытался, просто ради бесполезного эксперимента, втянуть немного штормсвета. Отчасти он хотел, чтобы Шаллан увидела, как он это делает, и оценить ее реакцию. Конечно же, ничего не вышло.

Шторм постепенно уходил все дальше, потоки воды отступали дюйм за дюймом. После того, как ливень ослаб до обычной бури, вода потекла в обратном направлении. Все было так, как он всегда и думал и в чем никогда не имел возможности убедиться. Теперь дождь больше лил на территории к западу от равнин, чем на сами равнины, а сток был направлен на восток. Река закручивалась, теперь гораздо более вяло, в противоположном направлении.

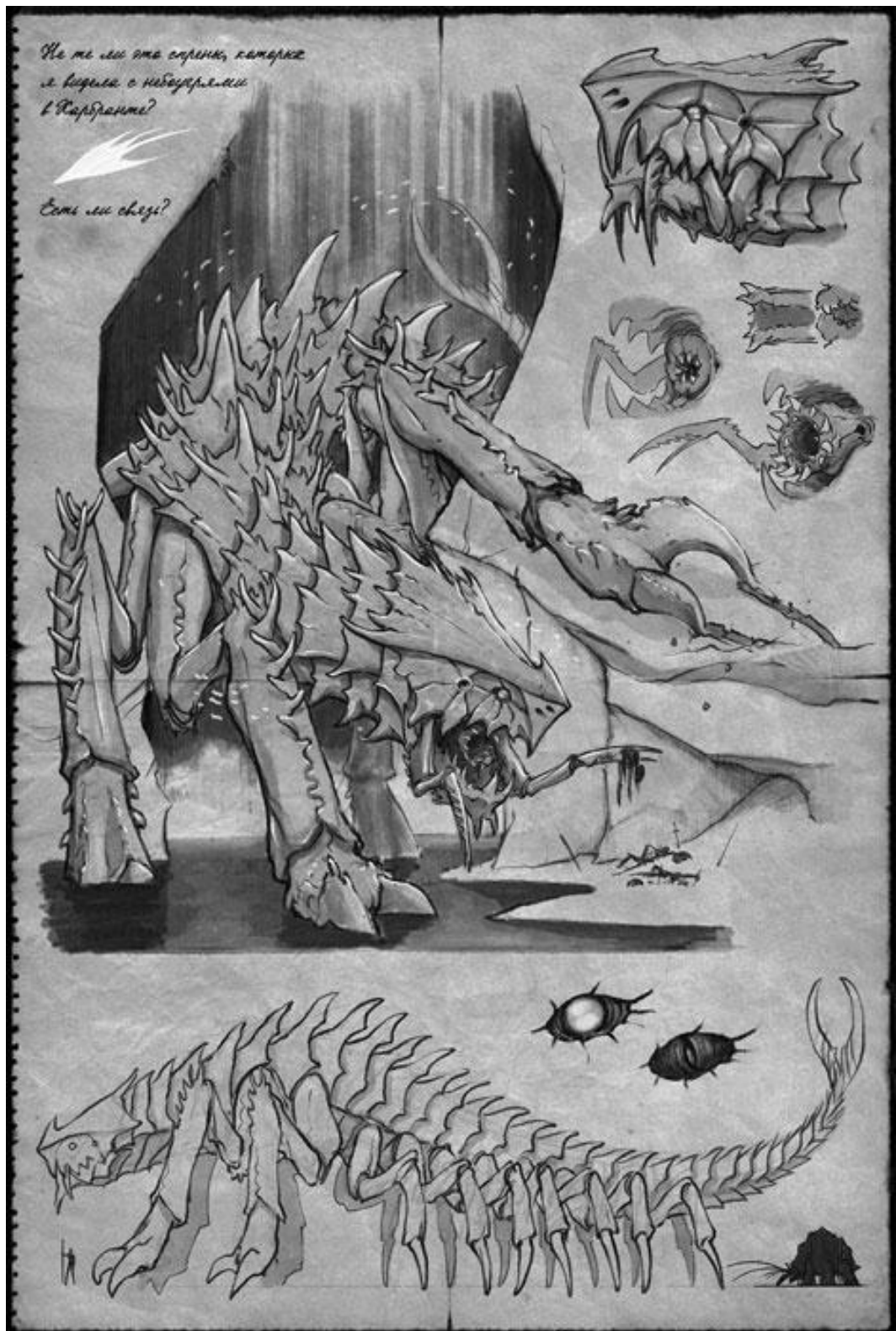
Из воды показался труп скального демона. Наконец наводнение закончилось, река превратилась в тонкую струйку, а дождь – в легкую морось. Ручьи воды, стекавшие сверху, с плато, оказались гораздо сильнее, чем сам дождь.

Каладин шевельнулся, чтобы спуститься, но понял, что Шаллан, свернувшаяся калачиком рядом с ним, уснула и тихонько посапывает.

– Должно быть, ты единственный человек, – прошептал он, – который когда-либо смог заснуть, пока снаружи бушует сверхшторм.

Несмотря на неудобства, Каладин понял, что на самом деле совсем не в восторге от идеи спускаться с раненой ногой. Силы закончились. После слов Отца Штормов о Сил на него опустилась сокрушающая темнота. Каладин позволил себе впасть в оцепенение и уснул.

Альбом Шаллан: скальный демон





Судьба самого космера может зависеть от нашей сдержанности.

– Хотя бы поговорите с ним, Далинар, – сказал Амарам.

Он быстро шагал, чтобы не отставать от кронпринца, его плащ Сияющих рыцарей развевался за спиной. Они проверяли солдат, заполняющих повозки припасами для путешествия через Разрушенные равнины.

– Договоритесь с Садеасом до того, как уедете. Пожалуйста.

Далинар, Навани и Амарам прошли мимо группы копейщиков, бегущих к своему батальону, который строился в шеренгу. Прямо за ними так же взволнованно суетились мужчины и женщины, живущие в лагере. Тут и там сновали крэмлинги, некоторые барахтались в лужицах воды, оставленных сверхштормом.

Сверхшторм, прошедший прошлой ночью, был последним в этом году. Завтра начнется Плач. Несмотря на сырость, он означал перерыв, безопасное время без штормов, возможность нанести удар. Далинар планировал отправиться в путь в полдень.

– Далинар? – позвал Амарам. – Вы поговорите с ним?

«Осторожно, – подумал Далинар. – Пока что воздержись от каких-либо суждений».

Требовалось сделать все очень аккуратно. Шедшая по другую его руку Навани встретила с ним взглядом. Он поделился с ней планами насчет Амарама.

– Я... – начал было Далинар.

Его прервал рев труб, разнесшийся по всему лагерю. Сигнал был неотложным, не таким, как обычно. Обнаружили куколку. Далинар отсчитал ритм, определяя местоположение плато.

– Слишком далеко, – решил он, делая жест в сторону одного из писцов – высокой, худощавой женщины, которая часто помогала Навани в ее экспериментах. – Чья очередь участвовать в забеге на плато?

– Кронпринцев Себариаала и Ройона, сэр, – ответила женщина, сверившись со своими записями.

Далинар поморщился. Себарииал никогда не посылал войска, даже когда ему приказывали. Ройон был медлительным.

– Отправьте этим двум с помощью флажков сигнал о том, что гемсердце слишком далеко для попытки захвата. Сегодня мы выступаем к лагерю паршенди, и я не могу позволить армии разделиться и отправиться за гемсердцем.

Он издал приказ, согласно которому каждый мог присоединиться к нему с любым количеством войск. Далинар надеялся на Ройона. Да укрепит его Всемогущий, чтобы кронпринц не испугался в последний момент и не отказался отправиться в экспедицию.

Помощник убежал передать послание об отмене забега на плато. Навани указала на группу писцов, которые составляли перечни припасов, и Далинар кивнул, остановившись, в то время как она подошла к женщинам и стала оценивать степень готовности.

– Садеасу не понравится, что никто не отправился за гемсердцем, – сказал Амарам, пока они стояли в ожидании. – Когда он услышит, что вы отменили забег, пошлет свои собственные войска.

– Садеас сделает, что пожелает, независимо от моего вмешательства.

– Каждый раз, когда вы позволяете ему не подчиняться в открытую, трещина между ним и троном становится еще шире. – Амарам взял Далинара под руку. – Мой друг, у нас есть проблемы посерьезнее, чем ваши отношения с Садеасом. Да, он вас предал. Да, скорее всего, он сделает это снова. Но мы не можем позволить вам двоим развязать войну. Надвигаются Несущие Пустоту.

– Как ты можешь быть так уверен, Амарам? – спросил кронпринц.

– Интуиция. Вы доверили мне это звание, эту должность, Далинар. Сам Отец Штормов посылает мне какие-то предчувствия. Я уверен, что надвигается катастрофа. Алеткар должен стать сильным. А значит, вы и Садеас должны действовать сообща.

Далинар медленно покачал головой.

– Нет. Для Садеаса возможность действовать со мной сообща давно миновала. Путь к объединению Алеткара теперь не за столом переговоров, он перед нами.

Через плато, к лагерю паршенди, где бы тот ни находился. Конец войне. Решение проблем и для него, и для брата.

«Объедини их».

– Садеас хочет, чтобы вы отправились в эту экспедицию, – сказал Амарам. – Он уверен, что у вас ничего не выйдет.

– И когда у меня все получится, – ответил Далинар, – он утратит весь свой авторитет.

– Но вы даже не знаете, где искать паршенди! – воскликнул Амарам, всплеснув руками. – Что вы собираетесь делать, просто ходить кругами, пока не наткнетесь на них?

– Да.

– Безумие. Далинар, вы возложили на меня эту задачу, напоминаю, невыполнимую задачу, – нести свет всем нациям. Однако я вижу, что даже вы сами не хотите прислушаться к моим словам. Так почему это должны делать остальные?

Далинар покачал головой, устремив взгляд на восток, к расколотым равнинам.

– Мне нужно идти, Амарам. Ответы находятся там, а не здесь. Мы словно прошли весь путь до берега и стали топтаться на одном месте долгие годы, заглядывая в море, но боясь намокнуть.

– Но...

– Довольно.

– Когда-нибудь вам придется делегировать власть и не забирать ее обратно, Далинар, – тихо произнес Амарам. – Вы не можете удерживать ее всю целиком, притворяясь, что вы не главный, а затем просто не обращать внимания на приказы и советы, как делаете сейчас.

Слова, так близкие к правде, больно ударили по Далинару. Он не отреагировал на них, по крайней мере, внешне.

– Что насчет дела, которое я тебе поручил? – спросил кронпринц.

– Бордин? – уточнил Амарам. – Пока что, насколько могу сказать, его история похожа на вымысел. Думаю, сумасшедший просто бредит насчет того, что обладал Клинком Осколков. Откровенно нелепо, если бы в его распоряжении на самом деле был Клинок. Я...

– Светлорд! – К ним подбежала запыхавшаяся молодая женщина в форме посыльной – узкой юбке с разрезами сбоку и шелковых леггинсах. – Плато!

– Что, – вздохнул Далинар, – Садеас посылает войска?

– Нет, сэр, – ответила женщина. Ее щеки покраснелись от бега. – Нет... Я имею в виду... Он вышел из ущелий.

Далинар нахмурился, резко взглянув на посыльную.

– Кто?

– Благословенный Штормом.

Весь путь Далинар бежал.

Когда он приблизился к треугольному шатру на краю лагеря, который обычно использовали для ухода за ранеными, вернувшимися с забегов на плато, он не смог ничего толком разглядеть из-за толпы солдат в кобальтово-синей униформе, преградивших путь. Хирург кричал, чтобы они отошли назад и расчистили место.

Некоторые солдаты заметили Далинара и отсалютовали ему, в спешке освободив дорогу. Синяя толпа расступалась, как волны под ударами шторма.

Он действительно был там. В лохмотьях, волосы спутаны в клубок, лицо в царапинах, нога перевязана подручными материалами. Он сидел на сортировочном столе, сняв мундир, который лежал рядом, скомканный в узел и перевязанный чем-то очень похожим на лозу.

Когда Далинар приблизился, Каладин поднял голову и попытался вскочить на ноги.

– Солдат, не... – начал было кронпринц, но мостовик не слушал. Он рывком встал, используя копьё как опору для покалеченной ноги, и медленно поднес руку к груди так, будто на ней висел тяжелый груз. Это был, как осознал Далинар, самый усталый салют, который он когда-либо видел.

– Сэр, – произнес Каладин. Вокруг него за клубились спрены усталости, похожие на маленькие струйки пыли.

– Как... Ведь ты упал в ущелье!

– Я упал лицом вперед, сэр, и, к счастью, у меня очень прочная голова.

– Но...

Каладин вздохнул и оперся на копьё.

– Простите, сэр. На самом деле я не знаю, почему выжил. Мы думаем, в этом замешаны какие-то спрены. Так или иначе, я прошел пешком обратно, через ущелья. На мне лежала ответственность.

Он кивнул в сторону.

В глубине шатра Далинар увидел то, что не заметил сразу. Шаллан Давар – спутанный клубок из рыжих волос и обрывков одежды – сидела в окружении нескольких хирургов.

– Одна будущая невестка, – сказал Каладин, – доставлена в целости и сохранности. Жаль, что немного пострадала упаковка.

– Но ведь прошел сверхшторм! – воскликнул Далинар.

– Мы очень хотели вернуться до его наступления. Но, боюсь, по пути встретились с некоторыми неприятностями.

Вялым движением он вытащил поясной нож и разрезал лозы, стягивающие лежащий рядом сверток.

– Помните, все болтали, что в ближайших ущельях бродит скальный демон?

– Да...

Каладин развернул на столе остатки мундира, и перед глазами всех присутствующих предстало массивное зеленое гемсердце. Несмотря на то, что оно было шишковатым и неограниченным, гемсердце сияло мощным внутренним светом.

– Так вот, – продолжил Каладин, взяв его одной рукой и бросив к ногам Далинара. – Мы позаботились об этой проблеме, сэра.

В мгновение ока спрены усталости сменились спрепами славы.

Не в силах произнести ни слова, Далинар уставился на гемсердце, которое перекатилось по полу, коснувшись его ботинка. Оно почти ослепляло сиянием.

– О, не будь таким мелодраматичным, мостовик, – прокричала Шаллан. – Светлорд Далинар, мы нашли чудовище уже мертвым, гниющим в ущелье. А выжили во время сверхшторма благодаря тому, что взобрались по его спине до трещины в скале, где и переждали бурю. У нас получилось вырезать гемсердце только потому, что скальный демон уже наполовину разложился.

Каладин посмотрел на нее, нахмурившись, а затем чуть ли не мгновенно обернулся к Далинару.

– Да, – сказал он. – Так все и было.

Он оказался гораздо худшим лжецом, чем Шаллан.

Наконец подросли Амарам и Навани. Амарам отстал, чтобы сопроводить даму. Увидев Шаллан, Навани ахнула и бросилась к ней, сердито ворча на хирургов. Она засуетилась вокруг девушки, хотя, несмотря на ужасное состояние платья и волос, ее одеяние пострадало намного меньше, чем форма Каладина. За несколько секунд Навани завернула Шаллан в одеяло, прикрыв ее обнаженную кожу, а затем отправила посыльного в лагерь с указанием приготовить в комплексе Далинара теплую ванну и еду в том порядке, в котором пожелает Шаллан.

Далинар понял, что улыбается. Навани подчеркнуто не обращала внимания на протесты Шаллан насчет того, что нет необходимости в подобной заботе. Наконец проявилась мать-громгончая. Шаллан определенно больше не была посторонней, попав в цепкие объятия матери короля. Помогите Чана тому мужчине или женщине, которые встанут между Навани и теми, кого она считала своими.

– Сэр, – произнес Каладин, позволив наконец хирургам уложить себя обратно на стол. – Солдаты грузят припасы. Строятся батальоны. Это та самая экспедиция?

– Тебе не нужно о ней беспокоиться, солдат, – ответил Далинар. – Едва ли я могу ожидать, что ты сможешь охранять меня, в твоём-то состоянии.

– Сэр, – проговорил Каладин уже тише. – Светледи Шаллан кое-что обнаружила. Вам следует об этом узнать. Поговорите с ней прежде, чем отправиться в путь.

– Так я и сделаю.

Мгновение Далинар помедлил, а потом жестом отослал хирургов подальше. Судя по всему, Каладину не угрожала немедленная опасность. Далинар подошел ближе, наклонившись вперед.

– Твои люди ждали тебя, Благословленный Штурмом. Они пропускали приемы пищи, брали тройные смены. Я наполовину уверен, что они просто уселись бы перед ущельями даже во время сверхшторма, если бы я не вмешался.

– Они хорошие люди, – сказал Каладин.

– Дело не только в этом. Они были уверены, что ты вернешься. Что они знают о тебе такого, что не известно мне?

Каладин встретился взглядом с кронпринцем.

– Ведь все это время я искал тебя, верно? – спросил Далинар. – Все это время, не замечая.

Каладин отвел взгляд.

– Нет, сэр. Возможно, раньше, но... Теперь я тот, кого вы видите, а не тот, про кого думаете. Мне жаль.

Далинар хмыкнул, изучая лицо Каладина. Он уже почти решил, что... Но, наверное, нет.

– Обеспечьте его всем необходимым и всем, чего он захочет, – приказал он хирургам, позволив им приблизиться. – Этот человек – герой. В который раз.

Кронпринц удалился, и толпа мостовиков сомкнулась, что, конечно же, вызвало только новые проклятия хирургов. Куда подевался Амарам? Он находился здесь всего пару минут назад. Когда за Шаллан прибыл паланкин, Далинар решил последовать за ней и выяснить, что имел в виду Каладин, говоря, что девушке что-то известно.

Час спустя Шаллан уютно устроилась в гнезде из теплых одеял. Волосы, все еще мокрые и щекотавшие шею, распространяли цветочный аромат. На ней было одно из платьев Навани, слишком большое, и она чувствовала себя ребенком, нарядившимся в материнскую одежду. Хотя, возможно, именно так и обстояло дело. Внимание тети Адолина стало для нее неожиданностью, но Шаллан приняла его с радостью.

Ванна оказалась великолепна. Хотелось свернуться калачиком на кушетке и проспать дней десять. Однако на несколько мгновений Шаллан позволила себе насладиться неповторимыми ощущениями чистоты, тепла и безопасности, которые не испытывала уже, казалось, вечность.

– Ты не можешь взять ее с собой, Далинар, – произнес Узор голосом Навани, устроившись на столе рядом с кушеткой.

Девушка ни на миг не почувствовала угрызений совести, отправив его шпионить за ними обоими, пока сама принимала ванну. В конце концов, они ведь говорили о ней.

– Но карта... – послышался голос Далинара.

– Она может нарисовать тебе карту получше, и ты удовлетворишься ею.

– Она не может изобразить то, чего не видела, Навани. Она должна быть там, с нами, чтобы нарисовать схему центра на карте равнин, когда мы доберемся туда.

– Кто-то еще...

– Никто другой не был способен это сделать, – ответил Далинар, и в его голосе послышался трепет. – Четыре года, и ни один из наших разведчиков или картографов не увидел закономерности. Если мы хотим найти паршенди, она мне понадобится. Мне жаль.

Шаллан вздрогнула. У нее не слишком хорошо получалось скрывать свое умение рисовать.

– Девочка только что вернулась из этого ужасного места, – снова послышался голос Навани.

– Я не допущу, чтобы снова произошло что-то подобное. Она будет в безопасности.

– Если только вы все не погибнете. Если только экспедиция не обернется катастрофой. Тогда я снова все потеряю. Снова.

Узор замолчал и заговорил дальше своим обычным голосом:

– После этого он обнял ее и начал шептать какие-то слова, но я их не расслышал. Затем они все время находились близко друг к другу и издавали странные звуки. Я могу воспроизвести...

– Нет, – прервала его Шаллан и покраснела. – Это слишком личное.

– Ладно.

– Мне нужно отправиться вместе с ними. Я должна закончить карту Разрушенных равнин и понять, каким образом она соотносится с древними картами, на которых изображен Штормпост.

Это был единственный способ отыскать Клятвенные врата.

«При условии, что их не уничтожило то, что раскололо равнины, – подумала Шаллан. – И если я найду врата, получится ли у меня их открыть?»

Считалось, что только один из Сияющих рыцарей способен открыть проход.

– Узор, – проговорила она тихо, сжав чашу с подогретым вином. – Я ведь не Сияющая, так?

– Думаю, нет, – ответил он. – Пока нет. Полагаю, нужно сделать что-то еще, но я не уверен.

– Как ты можешь не знать?

– Я не был сам собой в то время, когда существовали Сияющие рыцари. Сложно объяснить. Мы не рождаемся так, как люди, и так же не можем умереть по-настоящему. Узоры вечны, как огонь, как ветер. Как спрены. И все же я находился не в этом состоянии. Я не обладал... осознанностью.

– Ты был неразумным спреном? – спросила Шаллан. – Как те, что собираются вокруг меня, когда я рисую?

– Даже менее, чем они, – ответил Узор. – Я был... всем. Во всем. Я не могу объяснить. Язык не может передать подобных понятий. Мне понадобились бы цифры.

– Однако среди вас наверняка есть и другие. Старейшие? Криптики, которые жили в те времена?

– Нет. Не осталось никого, кто был связан с людьми.

– Ни одного?

– Все мертвы, – подтвердил Узор. – Для нас это означает, что они лишены разума, так как силу нельзя по-настоящему уничтожить. Те старые спрены теперь стали узорами в природе, как нерожденные криптики. Мы пытались их возродить. Не получилось. М-м-м-м. Возможно, если бы их рыцари до сих пор жили, можно было что-то сделать...

Отец Штормов. Шаллан сильнее натянула одеяло.

– Целый народ, все убиты?

– Не один народ, – проговорил Узор серьезно. – Многие. Разумные спрены встречались тогда не так часто, и большинство народов спренов было связано. Осталось лишь несколько выживших. Например, тот, кого вы зовете Отцом Штормов. И несколько других. Остальные, тысячи спренов, погибли, когда наступил тот день. Вы называете его Изменой.

– Неудивительно, что ты уверен, будто я тебя убью.

– Это неизбежно. В конце концов ты предашь свои клятвы, разрушишь мой разум и оставишь меня умирать, но попытаться все равно стоит. Мой вид слишком статичен. Мы всегда меняемся, да, но меняемся одним и тем же образом. Снова и снова. Трудно объяснить. А ты, напротив, живая. Чтобы прийти в это место, этот ваш мир, мне пришлось отказаться от многого. Переход... причинил мне вред.

Моя память возвращается понемногу, но я радуюсь новой возможности. Да. М-м-м.

– Только Сияющий может открыть проход, – сказала Шаллан, сделав глоток вина. Ей нравилось разгорающееся внутри тепло. – Но мы не знаем, почему или каким образом. Может быть, я сойду за Сияющую, чтобы заставить врата заработать.

– Возможно. Или ты можешь продолжать развиваться. Стать чем-то большим. Есть еще кое-что, что ты должна сделать.

– Слова? – спросила Шаллан.

– Ты уже произнесла слова, – пояснил Узор. – Ты произнесла их очень давно. Нет... Не слов тебе не хватает. А правды.

– Но ты же предпочитаешь ложь.

– М-м-м. Да, но ты и есть ложь. Сильная ложь. Однако то, чем ты занимаешься, не всегда является ложью. Это смесь правды и лжи. Ты должна понимать и то, и другое.

Шаллан погрузилась в размышления, допивая вино. Через какое-то время дверь в гостиную распахнулась, и в комнату влетел Адолин. Он замер, пожирая ее дикими глазами.

Девушка встала, расплывшись в улыбке.

– Похоже, у меня не получилось должным образом...

Шаллан оборвала фразу, когда он схватил ее и сжал в объятиях. Эх, а ведь она приготовила такое остроумное замечание. Обдумывала его все то время, пока принимала ванну.

Все же здорово оказаться в объятиях. Адолин никогда не проявлял чувства так открыто. Что ж, выживание в невозможном приключении на самом деле имело свои преимущества. Шаллан позволила себе обвить его руками, ощутить сквозь форму мускулы на спине, вдохнуть запах одеколona. Принц удерживал ее в течение нескольких ударов сердца. Недостаточно. Она изогнулась и спровоцировала поцелуй, накрыв своими губами его рот, прижавшись еще сильнее.

Адолин разомлел от поцелуя и не стал отодвигаться. Но в конце концов идеальный момент миновал. Он взял ее лицо в свои ладони, заглянул в глаза и улыбнулся. Затем снова заключил в объятия и рассмеялся лающим, неудержимым смехом. Искренним смехом, который ей так нравился.

– Где ты был? – спросила Шаллан.

– Наносил визиты другим кронпринцам, – ответил Адолин. – Всем по очереди и доводил до сведения каждого окончательный отцовский ультиматум: присоединиться к нам в атаке или навсегда прославиться в качестве тех, кто отказался выполнить Пакт мщениия. Отец решил, что если поручит мне какое-то дело, то оно отвлечет меня от... ну, тебя.

Он выпрямился, удерживая девушку за руки, и глуповато ухмыльнулся.

– Мне есть, что нарисовать для тебя, – проговорила Шаллан, ухмыльнувшись в ответ. – Я повстречала скального демона.

– Мертвого, да?

– Бедняжка.

– Бедняжка? – переспросил Адолин, рассмеявшись. – Шаллан, если бы ты встретила с живым, то точно была бы мертва!

– Почти наверняка.

– Я все еще не могу поверить... Ведь ты же упала. Я должен был спасти тебя. Шаллан, прости меня. Первым делом я бросился к отцу...

– Ты сделал то, что должен был. Ни один человек на том мосту не стал бы спасать одного из нас вместо твоего отца.

Адолин обнял ее еще раз.

– Что ж, я не позволю, чтобы это повторилось. Никогда. Я защищу тебя, Шаллан.

Она напряглась.

– Я позабочусь о том, чтобы тебе больше никогда не причинили вреда, – свирепо произнес Адолин. – Мне нужно было предусмотреть, что ты можешь пострадать при покушении на отца. Мы устроим все так, чтобы ты никогда больше не оказалась в подобном положении.

Она отпрянула от него.

– Шаллан? – позвал Адолин. – Не волнуйся, они до тебя не доберутся. Я защищу тебя. Я...

– Не говори такие вещи, – прошипела она.

– Что?

Адолин провел рукой по волосам.

– Просто не говори, – ответила Шаллан, задрожав.

– Тот человек, который это сделал, который вытащил тот рычаг, теперь мертв, – сказал принц. – Ты о нем волнуешься? Его отравили до того, как мы смогли получить ответы, но мы уверены, что это был человек Садеаса. Тебе не нужно беспокоиться на его счет.

– Я буду беспокоиться о том, о чем захочу. Меня не нужно защищать.

– Но...

– Не нужно! – повторила Шаллан. Она глубоко подышала, успокаиваясь, а затем потянулась и взяла молодого человека за руку. – Меня никогда не запрут снова, Адолин.

– Снова?

– Не важно. – Шаллан подняла руку и переплела его пальцы со своими. – Я ценю твою заботу. Вот что имеет значение.

«Но я не позволю ни тебе, ни кому-то другому обращаться со мной как с вещью, которую можно спрятать. Никогда, никогда больше».

Далинар открыл дверь в гостиную, пропустив вперед Навани, и последовал за ней в комнату. Навани казалась спокойной, ее лицо походило на маску.

– Дитя, – произнес Далинар. – Я вынужден обратиться к тебе с непростой просьбой.

– Все, что пожелаете, светлорд, – ответила Шаллан, поклонившись. – Но я также хочу попросить вас кое о чем.

– И о чем же?

– Я должна сопровождать вас в экспедиции.

Далинар улыбнулся, стрельнув глазами в сторону Навани. Старшая женщина никак не отреагировала.

«Она так хорошо управляет своими эмоциями, – подумала Шаллан. – Я даже не могу понять, о чем она думает».

Будет полезно приобрести такой навык.

– Я считаю, – продолжила Шаллан, переведя взгляд на Далинара, – что на Разрушенных равнинах скрыты руины древнего города. Их разыскивала Джасна. А значит, теперь это должна сделать я.

– Экспедиция будет опасной, – сказала Навани. – Ты понимаешь весь риск, дитя?

– Да.

– Учитывая испытания, выпавшие недавно на твою долю, – продолжила женщина, – можно было сделать вывод, что ты захочешь провести какое-то время в безопасности.

– Э-э, я не стал бы на вашем месте говорить ей подобные вещи, тетя, – проговорил Адолин, почесывая голову. – Она забавно ведет себя в таких случаях.

– Не вижу ничего смешного, – сказала Шаллан, высоко подняв голову. – У меня есть долг.

– Тогда я разрешаю, – произнес Далинар. Ему нравилось все, что было связано с долгом.

– А что насчет вашей просьбы?

– Эта карта. – Далинар пересек комнату и поднял измятую карту, на которой был изображен обратный путь Шаллан через ущелья. – Ученые Навани сообщили, что она такая же точная, как любая из тех карт, которыми мы располагаем. Ты действительно можешь ее дорисовать? Изобразить полную карту Разрушенных равнин?

– Да. – В особенности если бы она использовала отложившиеся в памяти детали с карты Амарама, чтобы восстановить кое-какие пробелы. – Но, светлорд, могу ли я кое-что предложить?

– Говори.

– Оставьте ваших паршменов в военном лагере, – сказала Шаллан. Далинар нахмурился.

– Я не могу толком объяснить почему, – продолжила девушка, – но у Джасны было ощущение, что они опасны. Особенно, если вывести их на Разрушенные равнины. Если вам нужна моя помощь, если вы доверяете мне настолько, чтобы я нарисовала вам карту, тогда доверьтесь мне и в этом единственном случае. Оставьте паршменов. Отправляйтесь в экспедицию без них.

Далинар посмотрел на Навани, но та лишь пожала плечами.

– Как только будет упаковано все необходимое, они нам по большому счету не понадобятся. Единственное неудобство почувствуют офицеры, потому что им придется самим устанавливать себе палатки.

Далинар поразмышлял над ее просьбой.

– Это следует из заметок Джасны?

Девушка кивнула. Сбоку, к счастью, вмешался Адолин:

– Шаллан рассказывала мне кое-что о них, отец. Тебе стоит прислушаться к ее словам.

Она одарила его благодарной улыбкой.

– Тогда так и сделаем, – ответил Далинар. – Собери вещи и отправь послание своему дяде Себариялу. Мы выступаем через час. Без паршменов.

ИНТЕРЛЮДИИ

ЛАН · ЭШОНАЙ · ТАРАВАНГИАН



– Мои поздравления, – сказал брат Лан. – Ты смогла получить самую легкую работу в мире.

Девушка-ардент поджала губы и оглядела его сверху донизу. Она явно не ожидала, что ее новый наставник окажется полным, немного пьяным и зевающим человеком.

– Вы... старший ардент, до которого меня определили?

– «К которому меня определили», – поправил брат Лан, приобняв девушку за плечи. – Ты научишься, как правильно разговаривать, вплоть до мелочей. Королеве Эсудан нравится, когда ее окружают изысканные люди. Благодаря им ей кажется, что она также входит в их число. Моя задача – научить тебя подобным вещам.

– Я прослужила ардентом здесь, в Холинаре, больше года, – ответила девушка. – Думаю, мне вообще вряд ли требуется обучение...

– Да-да, – проговорил брат Лан, увлекая ее прочь от входа в монастырь. – Тут дело вот в чем. Видишь ли, твои наставники сказали, что, возможно, тебе понадобится немного дополнительного внимания. Получить назначение в свиту самой королевы – чудесная привилегия. Которую ты запрашивала с некоторой долей... э-э... настойчивости.

Девушка шла рядом с ним, и каждый шаг выдавал ее неохоту. Или, может быть, замешательство. Они прошли через Круг воспоминаний, круглый зал с десятью лампами на стенах, по одной на каждое древнее Серебряное королевство. Одиннадцатая лампа символизировала Залы спокойствия, а большая церемониальная замочная скважина в стене – необходимость для ардентов игнорировать границы и смотреть только в души людей... или что-то в этом роде. Честно говоря, он был не уверен.

Миновав Круг воспоминаний, они ступили в крытый переход между строениями монастыря. По крыше моросил слабый дождик. На последнем отрезке пути с Солнечной аллее открывался чудесный вид на Холинар, в ясный день уж точно. Даже сегодня Лан мог разглядеть большую часть города, так как и храм, и дворец располагались на плоских вершинах холмов.

Поговаривали, что сам Всемогущий вырезал Холинар в камне, небрежно выдолбив участки поверхности своим пальцем. Лан задавался вопросом, насколько он был пьян в тот момент. О, город пленял красотой – но красотой,

которую создал художник, находящийся не совсем в здравом уме. Камень принял форму покатых холмов и спускающихся под большим уклоном долин. Когда в него вгрызались инструментами, открывались тысячи ярких слоев красного, белого, желтого и оранжевого оттенков.

Самыми чудесными образованиями были ветряные лезвия – громадные закругленные каменные гребни, проходящие через весь город. Красиво исчерченные разноцветными слоями по бокам, они изгибались, скручивались, поднимались совершенно непредсказуемо, как рыба, выпрыгивающая из океана. По общему мнению, их форма была связана с тем, каким образом дуют ветра в окружающей местности. Лан всерьез намеревался изучить этот вопрос. Когда-нибудь.

Скользящие подошвы мягко ступали по мраморному полу под шелест дождя. Лан сопровождал девушку – имя опять вылетело из головы.

– Посмотри на наш город, – сказал он. – Здесь все должны работать, даже светлоглазые. Хлеб нужно печь, за землями – присматривать, булыжники... э-э... булыжить? Нет, так не говорят. Бездна! Как называется то, что делают с булыжниками?

– Я не знаю, – тихо проговорила девушка.

– Ну, теперь не важно. Видишь ли, у нас всего лишь одна задача, и она проста. Служить королеве.

– Это нелегкая работа.

– Но в том-то и дело, что все легко! – воскликнул Лан. – До тех пор, пока мы все служим одинаково... осторожно и одинаково.

– Мы подхалимы, – сказала девушка, вглядываясь в город. – Арденты королевы говорят ей только то, что она хочет слышать.

– Ага, вот мы и подошли к самому основному.

Лан похлопал девушку по руке. Как там ее зовут? Ему же говорили...

Пай. Не очень похоже на имя алети. Наверное, она выбрала его, когда стала ардендом. Такое случилось. Новая жизнь, новое имя, часто очень простое.

– Видишь ли, Пай, – проговорил Лан, наблюдая за ее реакцией. Да, видимо, он правильно запомнил имя. Его память, должно быть, улучшается. – Твои наставники хотели, чтобы как раз об этом я и поговорил с тобой. Они опасаются, что, если тебе не дать подходящих указаний, ты спровоцируешь шторм здесь, в Холинаре. Никто не желает ничего подобного.

Он и Пай разминулись с другими ардентами в Солнечной аллее, и Лан кивнул им. У королевы было много ардендов. Действительно много.

– Вот в чем дело, – продолжил Лан. – Королева... Она иногда беспокоится, что Всемогущий ею недоволен.

– И правильно делает, – ответила Пай. – Она...

– Ну-ка, цыц, – поморщился Лан. – Просто... помолчи. Выслушай. Королева считает, что, если она будет хорошо обращаться со своими ардентами, тем самым обеспечит себе милость того, кто повелевает штормами, скажем так. Хорошая еда. Хорошая одежда. Сказочные апартаменты. Масса свободного времени заниматься тем, что нам по душе. Мы получаем все эти блага до тех пор, пока она думает, что находится на верном пути.

– Наш долг говорить ей правду.

– Мы говорим! – воскликнул Лан. – Она избрана Всемогущим, не так ли? Жена короля Элокара правит, пока он сражается в священной войне Возмездия против убийц короля на Разрушенных равнинах. Ее жизнь совсем не легка.

– Она устраивает пиры каждый вечер, – прошептала Пай. – Королева погрязла в чревоугодии и невоздержанности, бросает деньги на ветер, пока остальной Алеткар увядает. Люди в отдаленных городах страдают от голода,

посылая сюда запасы продовольствия, и считают, что их направят нуждающимся солдатам. Пища гниет, потому что королеву нельзя побеспокоить.

– На Разрушенных равнинах достаточно продовольствия, – ответил Лан. – У них там драгоценные камни чуть ли не из ушей выскакивают. И здесь тоже никто не страдает от голода. Ты преувеличиваешь. Все в порядке.

– Если ты королева или один из ее лакеев, то да. Она даже отменила Пир нищих. Это достойно порицания.

Лан мысленно зарычал. С этой... с этой девицей будет непросто. Как ее убедить? Не хотелось бы, чтобы дитя затеяло что-то, от чего она могла пострадать. Ну, или он сам. В основном он сам.

Они вошли в главный восточный зал. Расположенные здесь выточенные колонны считались одним из величайших произведений искусства всех времен, а их историю можно было проследить вплоть до темных дней. Покрытие пола отличалось искусностью – глянцевое золото под *преобразованными* лентами кристаллов. Казалось, что по мозаичному полу текут ручейки. Потолок украшал сам Оолелен, великий художник-ардент, изобразивший шторм, дующий с востока.

Судя по почтению, выраженному Пай, все это могло с таким же успехом быть крэмом в канаве. Похоже, она видела только спящих вокруг ардентов, созерцающих красоту. И жующих. И сочиняющих новые поэмы для ее величества. Хотя сам Лан, честно говоря, избегал подобного. Слишком напоминало работу.

Возможно, причиной такого отношения Пай являлась остаточная зависть. Некоторые арденты завидовали тем, кого приблизила к себе королева. Лан попытался объяснить, какая роскошь теперь в ее распоряжении: горячие ванны, катание на лошадях из личных конюшен королевы, музыка и искусство...

Лицо Пай мрачнело все больше. Вот так беспокойство. Этот подход не сработал. Новый план.

– Пойдем-ка, – проговорил Лан, направляя девушку к ступеням. – Хочу тебе кое-что показать.

Ступени вились через весь дворцовый комплекс. Ему нравилось это место, каждая его мельчайшая часть. Белые каменные стены, золотистые лампы со сферами и дыхание старины. Холинар никогда не подвергался разграблению. Он был одним из немногих восточных городов, избежавших подобной судьбы после падения Теократии. Однажды дворец горел, но пламя погасло после того, как уничтожило восточное крыло. Событие назвали чудом Ренера – налетел свержшторм и потушил огонь. Лан мог бы поклясться, что здесь до сих пор пахло гарью, триста лет спустя. И...

А, верно. Девушка. Они продолжили спускаться по ступеням и в конце концов оказались в помещениях дворцовой кухни. Обед уже закончился, но никто не помешал Лану ухватить со стойки тарелку с поджаренным по-хердазиански хлебом, когда они проходили мимо. Для любимцев королевы, которые могли проголодаться в любое время, оставляли множество лакомств. Работа подхалимом вызывала аппетит.

– Пытаетесь соблазнить меня экзотическими блюдами? – спросила Пай. – Последние пять лет на каждый прием пищи я съедала только миску вареного таллия и по особенным случаям кусочек фрукта. Такое на меня не подействует.

Лан замер на месте.

– Ты ведь не серьезно, да?

Она кивнула.

– Что с тобой не так?

Девушка покраснела от смущения.

– Я принадлежу деовтарии Отрицания. Я хотела испытать, каково это, отринуть физические нужды моего...

– Все оказалось хуже, чем я думал, – произнес Лан, взяв ее под руку и потащив через кухню.

В задней части помещения обнаружилась дверь, ведущая наружу, в служебный двор, куда доставляли припасы и выносили мусор. Там, защищенные навесом от дождя, высились груды несъеденной пищи.

Пай ахнула.

– Какое расточительство! Вы привели меня сюда, чтобы я не устроила шторм? У вас получилось прямо противоположное!

– Раньше одна из ардентов занималась тем, что распределяла пищу среди бедняков, – проговорил Лан. – Она умерла пару лет назад. С тех пор ее дело пытались продолжить другие, но не сильно преуспели. В конечном итоге пищу выносят и обычно оставляют на площади для попрошаек. К тому времени она сгнивает практически полностью.

Шторма, он практически чувствовал жар ее ярости.

– Если теперь, – продолжил Лан, – среди нас жила бы арден, жаждущая творить добро, подумай, чего бы она могла добиться. Ведь у нее появился бы шанс накормить сотни людей с помощью того, что расходуется попусту.

Пай оглядела груды гниющих фруктов, открытые мешки с зерном, теперь испорченные дождем.

– Теперь же давай посмотрим на ситуацию под другим углом. Если бы некий арден попытался лишить нас того, что мы имеем... ну, что могло бы с ним случиться?

– Это угроза? – тихо спросила Пай. – Я не боюсь физической расправы.

– Шторма, – ответил Лан. – Ты думаешь, что мы... Девочка, есть другие люди, чтобы одевать мне на ноги тапочки по утрам. Не глупи. Мы не собираемся причинять тебе вред. Слишком много хлопот. – Он поежился. – Тебя отошлют обратно, быстро и тихо.

– Этого я тоже не боюсь.

– Сомневаюсь, что ты вообще чего-либо боишься, кроме, может быть, того, чтобы немного поразвлечься. Но кто выиграет, если мы отошлем тебя прочь? Наши жизни не изменятся, королева останется той же, а пища во дворе будет по-прежнему портиться. Но если ты останешься, то сможешь принести пользу. Кто знает, возможно, твой пример поможет измениться всем нам, а?

Лан похлопал ее по плечу.

– Подумай об этом пару минут. Я пока доем хлеб.

Он отошел в сторону, несколько раз оглянувшись через плечо. Пай уселась около груд гниющей еды и уставилась на нее. Похоже, девушку не смущал неприятный запах.

Лан наблюдал за ней изнутри, пока ему не надоело. Когда он вернулся с послеобеденного массажа, она по-прежнему сидела на том же месте. Он поужинал на кухне, которая не отличалась чрезмерной роскошью. Девушка была явно слишком заинтересована грудями мусора.

Наконец он приблизился к ней неспешным шагом.

– Разве вас не терзают вопросы? – спросила Пай, уставившись на мусор под морозящим дождем. – Разве вы никогда не задумывались о цене вашего обжорства?

– Цене? – спросил Лан. – Я уже говорил, что никто не голодает из-за того, что мы...

– Я имею в виду не денежную цену, – прошептала девушка. – Я говорю о цене духовной. Касательно вас и тех, кто вокруг. Все неправильно.

– О, все не так уж плохо, – произнес Лан, усаживаясь.

– Нет, плохо. Лан, дело не только в королеве с ее расточительными пирами. До нее, когда король Гавилар предавался охоте и войне, а княжества враждовали

друг с другом, было не лучше. До народа доходят вести о славных битвах на Разрушенных равнинах, о тамошних богатствах, но ничего из них никогда не попадает сюда, к нам. Разве кому-то из аleti еще есть дело до Всемогущего? Конечно, его именем проклинают. Конечно, говорят о Герольдах, сжигают глифпары. Но что делают люди? Меняют ли они свои жизни? Прислушиваются ли к «Спорам»? Преображают, улучшают ли они свои души, стремясь к чему-то более великому, чему-то лучшему?

– У них есть призвания, – проговорил Лан, нервно потирая пальцы. Значит, фанатичка? – Девотарики помогают.

Пай покачала головой.

– Почему мы больше не слышим Его, Лан? Герольды провозгласили, что мы одержали верх над Несущими Пустоту, что Ахаритиам стал величайшей победой человечества. Но не следовало ли Ему послать их говорить с нами, направлять нас? Почему они не появились во времена Теократии и не осудили нас? Если то, что делала церковь, было настоящим злом, почему Всемогущий не сказал свое слово против?

– Я... Ты ведь не хочешь, чтобы мы опять вернулись к прошлому?

Лан вытащил носовой платок и протер шею и голову. Чем дальше, тем больше их разговор заходил в тупик.

– Я не знаю, к чему нам нужно стремиться, – прошептала девушка. – Я только уверена: что-то неправильно. Все это просто очень неправильно.

Она взглянула на него и поднялась на ноги.

– Я принимаю ваше предложение.

– Правда?

– Я не покину Холинар, – сказала Пай. – Останусь здесь и принесу ту пользу, что смогу.

– Ты не станешь источником беспокойства для других ардентов?

– Моя проблема не связана с ардентами, – ответила она, протянув руку, чтобы помочь ему подняться на ноги. – Я просто попытаюсь стать хорошим примером для тех, кто последует за мной.

– Что ж, ладно. Судя по всему, отличный выбор.

Пай ушла, а Лан слегка коснулся головы. Она ничего не пообещала, по крайней мере, не напрямую. Он не знал, стоит ли волноваться по этому поводу.

Как оказалось, волноваться стоило, и сильно.

На следующее утро Лан вошел в Народный зал – большое открытое строение в тени дворца, где король или королева рассматривали дела простых людей. Перешептывающаяся толпа испуганных ардентов стояла прямо за внешней границей.

Лан уже слышал, в чем дело, но хотел увидеть все лично. Он протолкался вперед. На полу на коленях сидела Пай, склонив голову. Очевидно, она рисовала всю ночь, вычерчивая глифы при свете сфер. Никто ничего не заметил. Зал обычно тщательно закрывали, когда он не использовался, и Пай начала превращать задуманное в жизнь гораздо позже того, как все легли спать или напились.

Десять больших глифов, нарисованных прямо на каменном полу, сходились у возвышения с королевским общественным тронном. Глифы представляли собой десять греховных атрибутов, соответствующих десяти дуракам. Рядом с каждым глифом женским почерком был выведен параграф, объясняющий, почему королева являла собой пример каждого из дураков.

Лан читал с ужасом. Это... это была не просто критика. Это было осуждение всей системы правления, светлоглазых и самого трона!

Пай казнили на следующее утро.

Вечером вспыхнули массовые беспорядки.



Голос в глубине разума Эшонай по-прежнему кричал. Даже когда она не настраивала старый ритм мира. Чтобы его заглушить, она старалась занять себя, прогуливаясь по идеально круглому плато сразу за Наракком, где часто тренировались солдаты.

Ее народ превратился во что-то старое, но в то же время что-то новое. Что-то могущественное. Они выстроились рядами на плато, напевая в ритме ярости. Эшонай сгруппировала их в соответствии с имевшимся боевым опытом. Новая форма не делала из тебя солдата. Многие всю жизнь оставались рабочими.

Они сыграют свою роль. Помогут добиться великих целей.

– Придут алети, – сказала Венли, широко шагая рядом с Эшонай.

Сестра рассеянно вызывала энергию к ладони и позволяла ей свободно струиться между двух пальцев. В этой форме она часто улыбалась, но во всем остальном, похоже, совсем не изменилась.

Эшонай понимала, что с ней самой произошли перемены. Но Венли... Венли вела себя как обычно.

Что-то в происходящем было неправильно.

– Разведчик, приславший сообщение, уверен, – продолжила Венли. – Твой визит к Терновнику, по всей видимости, побудил их к действиям, и люди планируют нанести удар по Наракку всеми своими силами. Конечно, это по-прежнему может обернуться катастрофой.

– Нет, – ответила Эшонай. – Нет. Все просто идеально.

Венли взглянула на нее, остановившись посреди каменного поля.

– Нам больше не нужно тренироваться. Мы должны действовать прямо сейчас и призвать сверхшторм.

– Мы призовем его, когда люди будут близко.

– Почему? Давай вызовем его сегодня вечером.

– Что за глупости? – проговорила Эшонай. – Это инструмент для использования в битве. Если мы вызовем неожиданный шторм сейчас, алети не придут, и мы не выиграем войну. Нужно подождать.

Венли, казалось, задумалась. В конце концов она улыбнулась и кивнула.

– Что ты знаешь такого, о чем не говоришь мне? – требовательно спросила Эшонай, схватив сестру за плечо.

Улыбка Венли стала еще шире.

– Меня легко убедить. Нужно подождать. Все же шторм подует в неправильном направлении. Хотя, может быть, все остальные шторма дули в неправильном направлении, а этот будет первым, что подует как надо?

Неправильное направление?

– Откуда ты знаешь? Насчет направления?

– Из песен.

Из песен. Но... в них ничего не говорилось насчет...

Что-то глубоко внутри Эшонай подтолкнуло ее продолжить.

– Если это правда, – проговорила она, – то, чтобы поймать людей в ловушку, мы должны будем дожидаться, пока они практически не доберутся до нас.

– Тогда так и поступим. Я займусь обучением. Наше оружие будет готово.

Венли говорила в ритме стремления, таком же, как старый ритм предвкушения, только более жестком.

Она отошла, присоединившись к своему партнеру и многим из ученых. В новой форме они явно чувствовали себя комфортно. Слишком комфортно. Они не могли пребывать в этой форме раньше... ведь так?

Эшонай подавила внутренние крики и отправилась готовить очередной батальон солдат. Она всегда ненавидела быть генералом. Какая ирония, что в итоге ее увековечат в песнях как военного лидера, который в конце концов сокрушил алету.



Таравангиан, король Харбранта, проснулся от того, что затекли мускулы и болела спина. Он не чувствовал себя глупым. Хороший знак.

Король со стоном приподнялся. Теперь боли стали постоянными, а его лучшие целители могли только качать головами и заверять, что он находится в сносной форме для своего возраста. В сносной форме. Его суставы трещали как дрова в костре, он не мог быстро встать, не потеряв при этом равновесие и не свалившись на пол. С возрастом действительно начинаешь испытывать страдания от предательства своего же тела.

Таравангиан сел в койке. Вода тихо билась о корпус судна, в воздухе пахло солью. Однако невдалеке были слышны голоса. Корабль пришвартовался в соответствии с графиком. Превосходно.

Как только он устроился поудобнее, один из слуг подошел со столиком, а второй – с теплой, влажной тканью, чтобы протереть его глаза и руки. Позади них ожидали королевские испытатели. Сколько времени прошло с тех пор, как Таравангиан оставался один, по-настоящему один? Задолго до появления этих болей.

Мабен постучала в открытую дверь и внесла на подносе утреннюю трапезу – кашу из тушеного с пряностями зерна. Считалось, что такая еда поддерживает его в хорошей форме, но на вкус она напоминала помои. Пресные помои. Мабен шагнула вперед, чтобы подать еду, но Мралл – тайленец в черной кожаной кирасе, бривший и голову, и брови, – остановил ее, положив ладонь на руку женщины.

– Сначала проверка, – произнес Мралл.

Таравангиан поднял глаза, встретившись взглядом со здоровяком. Мралл вполне мог бы нависать над горой и запугивать ветер. Все думали, что он служил начальником охраны Таравангиана. Правда была более неприятной.

Именно Мралл решал, проведет Таравангиан день как король или как заключенный.

– Вы хотя бы дали ему сначала покушать! – возразила Мабен.

– Сегодня важный день, – ответил Мралл, понизив голос. – Я хотел бы узнать результаты проверки.

– Но...

– У него есть право это требовать, Мабен, – проговорил Таравангиан. – Позволь ему.

Как только Мралл отступил назад, подошли испытатели – группа из трех штормстражей, носивших особенные эзотерические одеяния и головные уборы. Они поднесли несколько листов, исписанных цифрами и глифами. Сегодняшний вариант задач, расположенных в порядке увеличения сложности, которые он сам же и разработал в один из лучших дней.

Таравангиан нерешительно взялся за перо. Этим утром он не чувствовал себя глупым, но так было практически всегда. Только в худшие из дней он немедленно осознавал разницу. В такие дни его разум становился вязким, как смола, и он ощущал себя пленником собственного мозга, понимая, что с его рассудком что-то глубоко не в порядке.

К счастью, сегодня не наблюдалось ничего подобного. Он не был полным идиотом. В худшем случае, он окажется просто очень глупым.

Таравангиан приступил к проверке, решая те математические задачи, что были ему по силам. Это заняло большую часть часа, но в процессе король мог оценить свои способности. Как и ожидалось, сегодня он был не слишком умен, но и не глуп. Сегодня... он обычный.

Сгодится.

Таравангиан передал задачи штормстражам. Они посоветовались вполголоса и обратились к Мраллу:

– Он в состоянии работать, – объявил один из них. – Он не может дополнять Диаграмму связующими комментариями, но может общаться без присмотра. Ему разрешается менять политический курс, если до вступления изменений в силу остается не менее трех дней, а также свободно выносить решения в суде.

Мралл кивнул, посмотрев на Таравангиана.

– Признаете ли вы данную оценку и эти ограничения, ваше величество?

– Да.

Мралл кивнул и отступил назад, позволяя Мабен подать Таравангиану завтрак.

Трио штормстражей сложили заполненные им бумаги и разошлись по своим каютам. Тесты были нелепой процедурой, отнимающей ценное время каждое утро. Тем не менее они являлись лучшим обнаруженным им способом определения своего состояния.

Для человека, который каждое утро просыпается с разным уровнем интеллекта, жизнь может оказаться очень непростой. Особенно когда весь мир, возможно, зависит от его гения и может рухнуть от его же идиотизма.

– Как там дела? – тихо спросил Таравангиан, принявшись за еду, которая успела остыть, пока длилась проверка.

– Ужасно, – ухмыльнулся Мралл. – Прямо как мы и хотели.

– Не радуйся страданиям, – ответил Таравангиан. – Даже если это наших рук дело. – Он зачерпнул немного каши. – И особенно, если это наших рук дело.

– Как пожелаете. Больше не повторится.

– Ты действительно можешь так просто измениться? – спросил король. – По желанию подавить эмоции?

– Конечно, – ответил Мралл.

Что-то в его ответе зацепило Таравангиана, какая-то нить смысла. Находишь он в одном из своих более интеллектуальных состояний, можно было бы поразмышлять над этим, но сегодня король чувствовал, что мысли ускользают от него, как вода сквозь пальцы. Когда-то Таравангиан беспокоился об упущенных возможностях, но в конце концов смирился. Выдающиеся дни, как он выяснил, приносили свои собственные проблемы.

– Дайте мне посмотреть Диаграмму, – сказал Таравангиан. Что угодно, чтобы отвлечься от бурды, которую по их настояниям он должен есть.

Мралл отошел в сторону, позволив Адротагии, главе ученых Таравангиана, приблизиться с увесистым томом в кожаном переплете. Она положила его на стол перед королем и поклонилась.

Таравангиан коснулся кожаной обложки и на миг почувствовал... почтение? Действительно? Почитал ли он теперь хоть что-то? Ведь Бог умер, а следовательно, воринизм – обман.

Но эта книга была святой. Он открыл ее на одной из отмеченных пером страниц. Внутри обнаружили каракули.

Маниакальные, помпезные, величественные каракули, которые были старательно скопированы со стен его бывшей спальни. Наброски, располагающиеся один поверх другого, списки цифр, казалось бы, не имеющие никакого смысла, линии поверх линий поверх линий текста, начертанные сведенной судорогой рукой.

Сумасшествие. И гениальность.

То здесь, то там Таравангиан находил свидетельства того, что почерк был его собственным. То, как он закруглял линию, как писал вдоль края стены – точно так же, как если бы писал по краю страницы и ему не хватало места. Он ничего не помнил. Перед ним лежал результат двадцати часов светлого безумия, времени, когда его разум стал подлинно гениальным.

– Не кажется ли тебе странным, Адро, – спросил Таравангиан ученую, – что гениальность и безумие очень похожи?

– Похожи? – переспросила Адротагия. – Варго, я не думаю, что они хоть в чем-то схожи.

Он и Адротагия выросли вместе, и она до сих пор называла Таравангиана его детским прозвищем. Ему нравилось. Прозвище напоминало о прошлых днях, до того, как началось все это.

– И в дни, когда я глуп, и в дни, когда я гениален, я не способен общаться с окружающими хоть сколько-нибудь осмысленно. Как будто... как будто я

становлюсь шестерней, которая не вписывается в механизм. Слишком маленькая или слишком большая, неважно. Часы не работают.

– Я не думала об этом, – ответила Адротагия.

Когда Таравангиан пребывал в самом глупом состоянии, ему не разрешалось покидать свою комнату. Такие дни он проводил, забившись в угол и пуская слюни. Когда он бывал немного умнее, ему позволяли выходить под наблюдением. В такие ночи король рыдал над тем, что наделал, зная, что совершенные им зверства важны, но не понимая почему.

Будучи глупым, он не мог изменять законы. Занимательно, но когда он был слишком умен, он также не мог изменять законы. Таравангиан принял это решение после дня гениальности, в течение которого решил избавиться от всех проблем Харбранта несколькими очень рациональными указами. Например, потребовал, чтобы все жители прошли разработанный им самим тест на уровень интеллекта перед тем, как получить разрешение на заведение потомства.

С одной стороны, так гениально. С другой – так глупо.

«Не ты ли пошутила, Смотрящая в Ночи? – задавался он вопросом. – Это урок, который я должен выучить? Есть ли тебе вообще дело до уроков или то, что ты делаешь с нами, для тебя всего лишь забава?»

Таравангиан снова обратил внимание на книгу, Диаграмму. Великий план, который он разработал за единственный день непревзойденной гениальности. Тогда он тоже провел весь день, уставившись в стену. Он писал на ней, что-то бормоча все время, устанавливая закономерности, которые не были доступны ни одному человеку. Исписал все стены, пол и даже ту часть потолка, до которой смог дотянуться. Большая часть оказалась написана неизвестным шифром, который король изобрел сам, так как известные ему языки не могли передать все идеи в точности. К счастью, Таравангиан додумался выпарапать ключ к шифру на поверхности ночного столика, иначе они никогда бы не смогли понять его достойную восхищения работу.

Они и так едва могли разобрать смысл. Он перелистнул несколько страниц, в точности скопированных из той комнаты. Адротагия и другие ученые оставили то здесь, то там заметки о том, что могли бы значить разные рисунки и списки. Они пользовались женским шрифтом, который Таравангиан изучил много лет назад.

Заметка Адротагии на одной из страниц свидетельствовала о том, что изображенная рядом картинка была наброском мозаики на полу веденского дворца. Таравангиан задержался на странице. Возможно, она имела отношение к делам сегодняшнего дня. К несчастью, на данный момент он был недостаточно умен, чтобы понять большую часть смысла книги и ее секретов. Приходилось верить, что его более интеллектуальная версия самого себя права в трактовке еще более интеллектуальной версии – гения.

Таравангиан закрыл книгу и положил ложку.

– За дело.

Он встал и вышел из каюты, Мралл и Адротагия сопровождали его по бокам. Король выступил на солнечный свет, и перед его взором предстал догорающий прибрежный город с огромными ступенчатыми площадками, похожими на блюда или пластины сланцекорника. Остатки города скрыли их из вида и практически перелились через края. Когда-то этот вид был чудесным. Теперь почерневшие здания и даже дворец оказались уничтожены.

Веденар, один из величайших городов мира, уже мало чем отличался от груды мусора и пепла.

Таравангиан без дела стоял у перил. Когда прошлой ночью его корабль прибыл в гавань, город был усеян красными светящимися огнями горящих построек. Они казались живыми. Более живыми, чем то, что он видел теперь.

Ветер дул от океана, подталкивая в спину, и уносил дым в сторону суши, прочь от корабля. Таравангиан практически не чувствовал запаха. Целый город сгорел буквально у него под носом, но весь смрад растаял на ветру.

Скоро наступит Плач. Возможно, он смоет какие-то следы разрушения.

– Пойдем, Варго, – сказала Адротагия. – Они ждут.

Таравангиан кивнул и последовал за ней в шлюпку, которая должна была отвезти их на берег. Когда-то в городе располагались просторные доки. Их не стало. Одна из фракций уничтожила их в попытке удержать остальных.

– Удивительно, – проговорил Мралл, устраиваясь в лодке рядом с королем.

– По-моему, ты говорил, что больше ничто тебя не порадует, – сказал Таравангиан, почувствовав, как свело желудок, когда его взгляд упал на одну из груд, видневшихся в городе. Тела.

– Так и есть, – ответил Мралл, – но я испытываю благоговейный трепет. Вы понимаете, что даже война Восьмидесяти между Эмулом и Тукаром, длившаяся шесть лет, не нанесла и близко такого опустошения? Джа Кевед сожрал сам себя за считанные месяцы!

– Преобразователи, – прошептала Адротагия.

Дело было не только в них. Даже пребывая в своем обычном болезненном состоянии, Таравангиан это понимал. Да, благодаря преобразователям, обеспечивающим армии едой и водой, войска могли передвигаться в быстром темпе – никакие повозки и обозы с припасами их не замедляли – и вступить в сражение за самый короткий срок. Но у Эмула и Тукара тоже имелись преобразователи.

Матросы начали грести к берегу.

– Это еще не все, – продолжил Мралл. – Каждый кронпринц попытался захватить столицу. И они все собрались в одном месте. Практически как на войне северных варваров, когда они назначают место и время, чтобы потрясти копьями и проорать угрозы. Только в данном случае обезлюдело целое королевство.

– Будем надеяться, Мралл, что ты преувеличиваешь, – ответил Таравангиан. – Нам понадобятся люди этого королевства.

Он отвернулся, сдерживая внезапно нахлынувшие эмоции, когда увидел тела на прибрежных камнях. Людей сбросили с ближайших скал в океан. Скальный гребень обычно закрывал доки от свержштормов. Во время войны им воспользовались для убийств, одна армия оттеснила другую к обрыву.

Адротагия заметила его слезы и, хотя ничего не сказала, неодобрительно поджала губы. Ей не нравилось, что он становился чересчур эмоциональным, когда не мог похвастать высоким интеллектом. И в то же время Таравангиан точно знал, что пожилая женщина до сих пор каждое утро сжигала глифпару – молитву за своего покойного мужа. Странное проявление набожности для таких богохульников, как они.

– Какие новости сегодня из дома? – спросил Таравангиан, чтобы отвлечь внимание от вытираемых слез.

– Дова докладывает, что предсмертных слов, которые мы обнаруживаем, становится все меньше. Она не записала ни одного вчера и только две реплики днем ранее.

– Значит, Моэла движется, – проговорил Таравангиан. – Теперь точно. Вероятно, что-то привлекло это существо на западе.

Что теперь? Прекратит ли Таравангиан убийства? Его сердце страстно желало этого, но если им удастся обнаружить хотя бы один дополнительный проблеск будущего, один факт, который спасет сотни и тысячи, разве не стоит он всех жизней, что отнимал король?

– Прикажи Дове продолжать работу.

Подумать только, он не ожидал, что его договоренность вызовет преданность ардента. Диаграмма и ее члены не знали границ. Дова самостоятельно обнаружила, чем они занимаются, и им было необходимо либо принять ее в свои ряды, либо убить.

– Будет исполнено, – ответила Адротагия.

Гребцы добрались до более гладких, располагавшихся неподалеку камней в конце гавани, и спрыгнули в воду. Эти люди служили ему и были частью Диаграммы. Он им доверял, так как приходилось кому-то доверять.

– Ты изучила другой вопрос, с которым я обращался? – спросил Таравангиан.

– На него трудно получить ответ, – проговорила Адротагия. – Невозможно точно измерить интеллект человека, даже твоя проверка дает нам только приблизительный результат. Скорость, с которой ты отвечаешь на вопросы, и то, как именно ты на них отвечаешь... Ну, все это позволяет нам вынести оценку, но она очень грубая.

Гребцы подтянули их к каменистому берегу веревками. Дерево заскребло по камню с ужасным звуком. Но он хотя бы заглушал раздающиеся вокруг стоны.

Адротагия вынула из кармана листок и развернула его. На нем был изображен график. Точки располагались в виде закругленной выпуклости, маленький хвостик слева поднимался до верхней границы в центре и спускался похожим изгибом вправо.

– Я взяла за основу результаты твоих проверок за последние пятьсот дней и присвоила каждому номер от нуля до десяти, – объяснила Адротагия. – Отобразила уровень твоего интеллекта в каждый из дней, хотя, как я говорила, представление неточное.

– Что насчет выпуклости в середине? – спросил, указывая на график, Таравангиан.

– Это средний уровень твоего интеллекта. Как видишь, большинство дней ты находишься на этом уровне. Дни подлинной гениальности, как и абсолютной глупости, редки. Мне пришлось экстраполировать прогноз по имеющимся данным, но думаю, что график вполне точен.

Таравангиан кивнул и позволил одному из гребцов помочь ему высадиться на берег. Он знал, что большинство дней его интеллект находится на среднем уровне. Однако он спрашивал Адротагию, может ли она выяснить, когда ожидать еще один день, подобный тому, в который он создал Диаграмму. Прошли уже годы с того дня исключительной ясности.

Адротагия выбралась из лодки, за ней последовал Мралл. Она подошла к Таравангиану со своими листками.

– Значит вот это уровень моего наивысшего интеллекта, – сказал Таравангиан, указывая на точку на графике. Она находилась далеко справа и почти у самого низа, представляя собой высокий уровень и низкую вероятность проявления. – Тот день, день совершенства.

– Нет, – ответила Адротагия.

– Что?

– Эта точка отражает день, в который ты был наиболее умен за последние пятьсот дней. В тот день ты закончил решение самых сложных заданий, которые оставил для себя, и придумал новые для будущих проверок.

– Я помню тот день, – проговорил король. – Тогда я разрешил головоломку Фабрисана.

– Да, – подтвердила ученая. – Когда-нибудь мир поблагодарит тебя за нее, если, конечно, выживет.

– Я был умен в тот день.

Умен настолько, что Мралл решил, что его следует запереть во дворце, чтобы он не обнаружил публично своей натуры. Таравангиан был уверен, что если сможет просто объяснить жителям города, в каком состоянии находится, они все прислушаются и позволят ему полностью контролировать их жизни. Он разработал закон, согласно которому все, кто обладал интеллектом не выше среднего, должны покончить жизнь самоубийством во благо города. Казалось, что это имеет смысл. Король не исключал возможности, что люди откажутся, но посчитал, что они не смогут устоять перед великолепием идеи.

Да, в тот день он был умен. Но и близко не так умен, как в день, когда создал Диаграмму. Таравангиан нахмурился, изучая лист бумаги.

– Вот почему я не могу ответить на твой вопрос, Варго, – проговорила Адротагия. – Такой график мы называем логарифмической шкалой. Все деления от центра не одинаковы – они тем сильнее зависят друг от друга, чем дальше ты удаляешься. Насколько умен ты был в день Диаграммы? В десять раз умнее, чем в другой день?

– В сотню, – сказал Таравангиан, посмотрев на график. – Может быть, больше. Мне нужно провести вычисления...

– Разве ты не глуп сегодня?

– Не глуп. На среднем уровне. Этим я могу заняться. Каждое деление от центра...

– Измеряемая разница в уровне интеллекта, – ответила Адротагия. – Можно считать, что с каждым делением твой интеллект удваивается, хотя его трудно измерить. С делениями вверх проще – они показывают, насколько часто случаются дни, соответствующие определенному уровню. Поэтому если ты начнешь от центра пика, то увидишь, что на каждые пять дней, когда ты на среднем уровне, приходится по одному дню, когда ты умеренно глуп и умеренно умен. На каждые пять таких дней приходится по одному дню, когда ты умеренно туп и умеренно гениален. И так далее...

Таравангиан стоял на камнях и изучал график, солдаты ждали наверху. Его взгляд скользнул за пределы листка к точке, которая, как он рассчитал, должна была соответствовать дню Диаграммы. По скромным прикидкам.

– Всемогущий над нами... – прошептал он. Тысячи дней. Тысячи тысяч. – Этого никогда не должно было произойти.

– Конечно же, должно было, – сказала Адротагия.

– Но это настолько маловероятно, что практически невозможно!

– Вполне возможно. Вероятность того, что это произойдет, существует, поскольку подобное уже случалось. Такова особенность аномальных величин и вероятностей, Таравангиан. Аналогичный день может наступить завтра. Ничто не запрещает его повторения. Это все чистая случайность, как я могу определить. Но если ты хочешь узнать вероятность того, что событие произойдет опять...

Он кивнул.

– Если бы тебе суждено было прожить еще две тысячи лет, Варго, – сказала Адротагия, – у тебя, возможно, выдался бы один такой день за все время. Возможно. Пятьдесят на пятьдесят, я бы сказала.

Мралл кивнул.

– Так что это была удача.

– Нет, это была обычная вероятность.

– Так или иначе, – проговорил Таравангиан, сворачивая лист бумаги, – твой ответ – совсем не то, что я хотел услышать.

– С каких пор имеет значение то, чего хотим мы?

– Ни с каких. И никогда не будет такого.

Таравангиан засунул листок в карман.

Они пробрались через камни, миновав трупы, раздувшиеся от слишком долгого пребывания на солнце, и присоединились к небольшой группе солдат в верхней части пляжа. Те носили на одежде оранжевый герб Харбранта. У него на службе находилось мало солдат. Согласно Диаграмме, его нация не должна представлять угрозу.

Однако Диаграмма не была безупречной. Время от времени они отыскивали в ней ошибки. Или... не настоящие ошибки, а неправильные догадки. В тот день интеллект Таравангиана стал в высшей степени выдающимся, но он не мог предвидеть будущее. Король высказал обоснованные догадки, очень обоснованные, и оказывался прав в необъяснимом большинстве случаев. Но чем дальше они удалялись от того дня и знаний, которыми он тогда располагал, тем больше требовалось вносить в Диаграмму поправок и уточнений, чтобы оставаться на верном пути.

Вот почему Таравангиан надеялся, что вскоре наступит еще один такой же день, когда он сможет внести изменения, подкорректировать Диаграмму. Но, скорее всего, этот день не придет. И они продолжают свое дело, доверяя тому человеку, которым он когда-то был, доверяя его видению и пониманию.

Больше, чем чему-либо еще в этом мире. Боги и религии их подвели. Короли и лорды были эгоистичными и жалкими. Если он и будет верить во что-то, так это будет он сам и ничем не ограниченный чистый гений человеческого разума.

Но временами было трудно придерживаться выбранного курса. Особенно когда Таравангиан сталкивался с последствиями своих действий.

Они добрались до поля битвы.

Большая часть сражений, по-видимому, происходила за пределами города, когда начались пожары. Люди продолжали драться друг с другом, даже когда их столица горела. Семь фракций. Диаграмма предсказала шесть. Имело ли это значение?

Солдат подал королю надушенный платок, чтобы прикрыть нос, пока они проходили мимо мертвых и умирающих. Кровь и дым. Запахи, которые станут слишком привычными для него, пока все не закончится.

Мужчины и женщины в оранжевых ливреях Харбранта сновали между мертвыми и ранеными. Повсюду на востоке оранжевый цвет стал синонимом исцеления. И в самом деле, палатки, над которыми развевались его знамена, знамена хирурга, были раскиданы по всему полю битвы. Целители Таравангиана прибыли прямо перед битвой и сразу же начали оказывать помощь раненым.

Когда он дошел до края поля, усеянного трупами, веденские солдаты начали вставать со своих мест, возвращаясь к жизни от того ступора, в котором находились, сидя с потухшими глазами. Затем они стали его приветствовать.

– Разум Пали, – проговорила Адротагия, наблюдая, как они поднимались. – Я не верю своим глазам.

Солдат разделили на группы по знаменам, о них заботились хирурги Таравангиана, разносчики воды и утешители. Раненые и непострадавшие, все, кто мог держаться на ногах, поднялись перед королем Харбранта и приветствовали его.

– Диаграмма предсказала, что это случится, – ответил Таравангиан.

– Я была уверена, что в ней ошибка, – ответила Адротагия, покачав головой.

– Они знают, – проговорил Мралл, – что сегодня мы единственные победители. Наши целители, которые заслужили уважение всех сторон. Наши утешители, которые помогают уйти умирающим. Их светлорды принесли им только страдания. Вы принесли им жизнь и надежду.

– Я принес им смерть, – прошептал Таравангиан.

Он заказал убийство их короля и определенных кронпринцев, на которых указала Диаграмма, тем самым подтолкнув несколько фракций к войне друг с другом. Таравангиан поставил на колени целое королевство.

Теперь они приветствовали его за содеянное. Таравангиан заставил себя остановиться у одной из групп и стал расспрашивать о лечении, интересуясь, может ли он еще что-нибудь для них сделать. Важно проявлять сострадание в глазах других людей. Диаграмма объясняла это с небрежностью, как будто сострадание было чем-то, что можно отмерить в чаше, как пинту крови.

Король посетил еще одну группу солдат, затем еще одну. Многие подходили, дотрагивались до его рук или одежды, вытирая слезы благодарности и радости. Тем не менее многие веденские солдаты оставались сидеть в палатках, уставившись на поле битвы. Их разум оцепенел.

– *Дрожь?* – прошептал Таравангиан Адротагии, когда они отошли от последней группы людей. – Они сражались всю ночь, пока их столица горела. Должно было подействовать.

– *Согласна,* – сказала она. – Мы получили очередную точку привязки. *Дрожь* здесь сильна не меньше, чем в Алеткаре. Может быть, сильнее. Я поговорю с нашими учеными. Возможно, это поможет нам установить местоположение Нергаула.

– Не трать слишком много сил, – ответил Таравангиан, приближаясь к еще одной группе веденских солдат. – Я даже не уверен, что нам делать, если мы найдем это существо.

Древний, злобный спрен – не тот, кого он мог так просто подчинить. Пока.

– Я бы предпочел узнать, куда направляется Моэла.

Нужно надеяться, что Моэла не решит снова погрузиться в сон. На текущий момент предсмертные слова были лучшим обнаруженным способом дополнять Диаграмму.

Однако существовал один вопрос, на который Таравангиан так и не мог найти ответ. Ответ, за который он отдал бы практически что угодно.

Достаточно ли того, что он делает?

Таравангиан встречался с солдатами и всем своим видом изображал добродушного и не слишком умного дедушку. Заботливого и услужливого. Сегодня он взаправду почти являлся таким человеком. Король пытался копировать поведение своей более глупой версии. Люди принимали его, и, когда он обладал таким уровнем интеллекта, ему не приходилось прикладывать столько усилий, чтобы симулировать сострадание, как в те дни, когда он был умнее.

Благословленный интеллектом и проклятый чувством сострадания и боли за свои деяния. Им овладевало либо одно, либо другое. Почему Таравангиан не мог испытывать эти эмоции одновременно? Ему казалось, что у других людей интеллект и сострадание не связаны подобным образом. Мотивы, согласно которым Смотрящая в Ночи одаривала и проклинала, были непостижимы.

Таравангиан двигался сквозь толпу людей, выслушивая мольбы о помощи или лекарствах, чтобы облегчить боль. Выслушивая благодарности. Эти солдаты пострадали в битве, в которой даже теперь, по всей видимости, не оказалось победителя. Они хотели обрести почву под ногами, и считалось, что Таравангиан соблюдал нейтралитет. Поразительно, с какой легкостью они обнажили перед ним свои души.

Он подошел к следующему солдату в очереди. Закутанный в плащ человек держался за явно сломанную руку. Таравангиан взглянул под капюшон, прямо ему в глаза.

Сет-сын-сына-Валлано.

Таравангиана захлестнула абсолютная паника.

– Нам нужно поговорить, – сказал ему шиноварец.

Таравангиан схватил Сета за руку, потянув прочь от толпящихся веденских солдат. Другой рукой он нашарил в кармане Клятвенный камень, который носил с собой все время. Король вытащил его наружу, просто чтобы увидеть. Да, не подделка. Бездна, но осознав, что перед ним Сет, он испугался, что его каким-то образом обставили, камень украли, а Сета послали его убить.

Шиноварец позволил увести себя в сторону.

Что он там сказал?

«Что ему нужно поговорить с тобой, дураком, – подумал Таравангиан. – Если бы он явился тебя убить, ты был бы уже мертв».

Видел ли здесь кто-нибудь Сета? Что сказали бы люди, заметь они, как Таравангиан общается с лысым шиноварцем? Источником слухов мог послужить и меньший повод. Если у кого-то возникнет хотя бы подозрение, что Таравангиан связан с Убийцей в Белом...

Мралл тут же заметил что-то неладное. Он пролаял приказы охранникам, отделяя Таравангиана от веденских солдат. Адротагия, сидевшая со скрещенными руками неподалеку и наблюдавшая за происходящим, постукивая ногой, подскочила и бросилась к ним. Она заглянула человеку под капюшон и ахнула, от ее лица отлила вся краска.

– Как ты посмел явиться сюда? – еле слышно спросил Таравангиан у Сета, продолжая изображать радостный вид.

Сегодня его интеллект находился на среднем уровне, но он все же был королем и умел вести себя при дворе. Умел сохранять хладнокровие.

– Возникла проблема, – ответил Сет бесстрастным тоном, скрывая лицо под капюшоном. Разговаривать с этим существом было все равно что беседовать с мертвецом.

– Почему ты не смог убить Далинара Холина? – тихо, но настойчиво спросила Адротагия. – Мы знаем, что ты сбежал. Вернись и доделай работу!

Сет посмотрел на нее, но промолчал. Не эта женщина распорядилась его Клятвенным камнем. Тем не менее его слишком пустые глаза явно заметили ее.

Бездна. Их план заключался в том, чтобы он не встречался и даже не знал об Адротагии, просто на случай, если решит пойти против Таравангиана и убить его. Диаграмма не исключала подобной возможности.

– У Холина есть волноплет, – сказал Сет.

Значит, Сет знает о Джасне. Получается, она симулировала свою смерть, как и подозревал Таравангиан? Бездна.

Ему показалось, что на поле битвы опустилась тишина. Для короля Харбранта стоны смолкли. Все сосредоточилось только на Сете. Его глаза. Тон его голоса. Опасный тон. Что...

«Он говорил эмоционально, – осознал Таравангиан. – Последнее предложение сказано со страстью».

Оно звучало как мольба. Как будто голос Сета стиснули с двух сторон.

Человек пребывал не в своем уме. Сет-сын-сына-Валлано являлся самым опасным оружием на всем Рошаре, и он оказался сломлен.

Шторма, почему подобное не могло случиться в день, когда мозг Таравангиана работал не вполсилы?

– С чего ты взял? – спросил Таравангиан, пытаясь выгадать немного времени, пока его разум обдумает все последствия. Король держал Клятвенный камень Сета перед собой, как будто тот мог устранить все проблемы подобно глифпарам суеверных женщин.

– Я сражался с ним, – ответил Сет. – Он защищал Холина.

– Ах, да, – проговорил Таравангиан, быстро обдумывая услышанное.

Сета изгнали из Шиновара, сделали Не Знающим Правду по причине того, что он заявил о возвращении Несущих Пустоту. Если он обнаружит, что не ошибся, тогда что...

«С ним?»

– Ты сражался с волноплетом? – спросила Адротагия, взглянув на Таравангиана.

– Да, – ответил Сет. – Мужчина алет, наполненный штормсветом. Он исцелил рану на руке, нанесенную Клинком. Он... Сияющий...

Напряжение в голосе Сета, судя по всему, представляло опасность. Таравангиан посмотрел на его руки. Они постоянно сжимались в кулаки, словно пульсировало сердце.

– Нет-нет, – проговорил Таравангиан. – Я только недавно узнал кое о чем. Да, теперь все обрело смысл. Один из Клинков Чести исчез.

Сет моргнул и сосредоточился на короле, будто возвратившись к реальности откуда-то издалека.

– Один из оставшихся семи?

– Да, – подтвердил Таравангиан. – До меня доходили только слухи. Ваш народ скрытен. Но, да... Полагаю, это один из тех двух, что даруют *восстановление*. Должно быть, он у Холина.

Сет начал раскачиваться взад-вперед, хотя, похоже, не осознавал, что делает. Даже в тот момент он двигался с грацией бойца. Шторма!

– Тот человек, с которым я сражался, – сказал Сет, – не призывал Клинок.

– Но он использовал штормсвет, – ответил Таравангиан.

– Да.

– Поэтому у него должен быть Клинок Чести.

– Я...

– Это единственное объяснение.

– Это... – Голос Сета стал более спокойным. – Да, единственное объяснение. Я убью его и верну Клинок.

– Нет, – твердо произнес Таравангиан. – Ты должен возвратиться к Далинару Холину и выполнить назначенную тебе задачу. Не сражайся с тем другим человеком. Напади, когда его не будет рядом.

– Но...

– Разве не у меня твой Клятвенный камень? – требовательно спросил Таравангиан. – Разве мое слово может быть подвергнуто сомнению?

Сет перестал раскачиваться. Он встретился взглядом с Таравангианом.

– Я Не Знающий Правду. Я выполняю то, что прикажет мне хозяин, и не требую объяснений.

– Держись подальше от человека с Клинком Чести, – повторил Таравангиан. – Убей Далинара.

– Будет сделано.

Сет развернулся и ушел прочь. Таравангиану хотелось прокричать дальнейшие приказания: «Не позволяй, чтобы тебя видели! Больше никогда не подходи ко мне на людях!»

Но он лишь уселся прямо на дороге, его самообладание дало трещину. Таравангиан вздохнул, его охватила дрожь, по брови протянулась струйка пота.

– Отец Штормов, – проговорила Адротагия, устраиваясь на земле рядом с ним. – Я думала, мы покойники.

Пока Мралл извинялся за короля, слуги принесли ему стул.

«Короля захлестнула скорбь из-за такого количества смертей. Он стар, знаете ли. И так заботлив...»

Таравангиан тяжело дышал, пытаясь взять себя в руки. Он посмотрел на Адротагию, которая сидела в центре круга из слуг и солдат. Каждый из них присягнул следовать Диаграмме.

– Кто он? – тихо спросил король. – Кто тот волноплет?

– Ученица Джасны? – предположила Адротагия.

Они сильно встревожились, когда веденка прибыла на Разрушенные равнины. Но они уже предполагали, что девушку обучили. Если не Джасна, то брат девушки, пока был жив.

– Нет, – ответил Таравангиан. – Это мужчина. Один из членов семьи Далинара? – Он размышлял некоторое время. – Нам нужна сама Диаграмма.

Адротагия оставила его, чтобы принести книгу с корабля. Сейчас ничего не имело значения – ни его встречи с солдатами, ни более важные совещания с веденскими лидерами. В Диаграмме обнаружилась ошибка. Они блуждали по опасной территории.

Адротагия вернулась с Диаграммой и штормстражами, которые установили шатер рядом с Таравангианом, прямо на дороге. Продолжились объяснения: «Король не переносит солнце. Он должен отдохнуть и сжечь глифпару во славу Всемогущего ради защиты вашего народа. Таравангиан беспокоится, даже когда ваши собственные светлоглазые посылают вас в бойню».

При свете сфер Таравангиан пролистывал том, пристально разглядывая толкования своих собственных слов, написанных на языке, который он изобрел, а потом забыл. Ответы. Ему требовались ответы.

– Говорил ли я тебе когда-нибудь, Адро, чего просил? – спросил он шепотом, пока читал книгу.

– Да.

Таравангиан практически не слушал.

– Способность, – прошептал он, переворачивая страницу. – Способность остановить то, что на нас надвигается. Способность спасти человечество.

Король продолжал поиски. Сегодня он был не слишком умным, но в прошлом провел много дней, вчитываясь в страницы, снова и снова изучая отрывки текста. Он их знал.

Ответы найдутся. Найдутся. Таравангиан поклонялся теперь только одному богу. Человеку, которым он стал в тот день.

Вот оно.

Король обнаружил нужный фрагмент на репродукции угла комнаты, где мелким шрифтом он писал предложения одно поверх другого, потому что кончилось свободное пространство. В кристальной ясности его гения отделить предложения друг от друга казалось легко, но ученым понадобились годы, чтобы собрать написанное воедино.

«Они придут. Ты не сможешь помешать им произнести клятвы. Ищи тех, кто выжил, когда они не должны были это сделать. Закономерность станет твоей подсказкой».

– Мостовики, – прошептал Таравангиан.

– Что? – спросила Адротагия.

Король поднял голову, моргая затуманенными глазами.

– Мостовики Далинара, те, кого он отобрал у Садеаса. Ты читала отчет об их спасении?

– Не думала, что они важны. Очередная игра между Садеасом и Далинаром.

– Нет. Там нечто большее. – Они выжили. Таравангиан встал со стула. – Активизируй всех бездействующих агентов алетии, отправь их всех в ту область. Об одном из мостовиков будут ходить истории. Чудесное спасение. Любимец ветров. Один из них. Возможно, он до сих пор не осознает, что делает, но он связан со спреном и произнес самое малое первый идеал.

– Что, если мы его найдем? – спросила Адротагия.

– Нужно держать его подальше от Сета любой ценой. – Таравангиан передал ей Диаграмму. – От этого зависят наши жизни. Сет – зверь, который перегрызет собственную ногу, чтобы избавиться от оков. Если он освободится...

Адротагия кивнула и отошла отдать распоряжения, но помедлила у выхода из временного шатра.

– Возможно, нам стоит пересмотреть методы оценки твоего интеллекта. То, что я увидела за последний час, заставляет меня задаться вопросом, правильно ли применять к тебе сегодня термин «обычный».

– Оценка верна, – сказал Таравангиан. – Ты просто недооцениваешь интеллект обычного человека.

Кроме того, когда дело касалось Диаграммы, король мог не помнить, что он написал или почему, но иногда всплывали остатки воспоминаний.

Адротагия удалилась, и подошел Мралл.

– Ваше величество, – сказал он. – Время на исходе. Кронпринц умирает.

– Он умирает уже многие годы.

Но Таравангиан все же продолжил путь, ускорив шаг, насколько хватало сил. Он больше не останавливался побеседовать с солдатами и только коротко махал в ответ на их приветственные возгласы.

В конце концов Мралл увел его по склону холма от непосредственного зловония поля битвы и тлеющего города. Здесь над несколькими штормповозками оптимистично развевалось знамя короля Джа Кеведа. Стражники позволили Таравангиану войти внутрь кольца штормповозок, и он приблизился к самой большой из них – громадному сооружению, похожему на настоящий дом на колесах.

Они обнаружили кронпринца Валама... короля Валама... в постели, он кашлял. Его шевелюра поредела с тех пор, как Таравангиан видел его в последний раз, а щеки запали настолько, что дождевая вода собралась бы в них лужами. Редин, бастард короля, стоял в футе от кровати, склонив голову. С тремя стражниками в комнате для Таравангиана совсем не осталось места, и он замер в дверном проеме.

– Таравангиан, – произнес Валам и начал кашлять в платок. Лоскут ткани окрасился кровью. – Ты пришел за моим королевством, не так ли?

– Не знаю, что вы имеете в виду, ваше величество, – ответил Таравангиан.

– Не скромничай, – огрызнулся Валам. – Я не выношу этого качества ни в женщинах, ни во врагах. Отец Штормов... Не знаю, что они сотворят с тобой. Я наполовину уверен, что тебя убьют до конца недели.

Он слабо махнул рукой, которая была вся перебинтована, и стражники освободили место, чтобы Таравангиан смог войти в спальню.

– Отличная уловка, – сказал король. – Прислать еду, целителей. Слышал, солдаты от тебя без ума. Но что бы ты сделал, одержи одна из сторон решительную победу?

– У меня появился бы новый союзник, – ответил Таравангиан. – Благодарный за помощь.

– Ты помог всем, кто сражался.

– Но больше всего победителю, ваше величество. Мы можем оказать помощь выжившим, но не убитым.

Валам снова закашлялся, сухо и отрывисто. Его бастард подошел, обеспокоенный, но король жестом отослал его прочь.

– Судя по всему, – проговорил король между хрипами, – ты единственный из моих детей, кто выживет, убудок. – Он повернулся к Таравангиану. – Стало быть, у тебя есть законное право на трон, Таравангиан. Полагаю, по линии матери? Женитьба на веденской принцессе примерно три поколения назад?

– Я не в курсе.

– Разве ты не расслышал, что я сказал насчет скромности?

– Мы оба должны сыграть свою роль в спектакле, ваше величество, – ответил Таравангиан. – Я просто проговариваю свои строки, как они написаны.

– Ты болтаешь, как баба. – Валам сплюнул кровью в сторону. – Я знаю, что у тебя на уме. Примерно через неделю, когда ты позаботишься о моих людях, писцы «обнаружат» твое право на трон. Ты неохотно решишься спасти королевство по настоянию моего собственного штормового народа.

– Вижу, вам прочитали весь сценарий, – тихо отозвался Таравангиан.

– Тот убийца придет за тобой.

– Вполне возможно.

Это была правда.

– Даже не знаю, зачем я попытался занять штормовой трон, – проговорил Валам. – Что ж, хоть умру как король.

Он с усилием вздохнул и нетерпеливо махнул писцам, столпившимся за пределами комнаты. Одна из женщин оживилась, украдкой бросив взгляд на Таравангиана.

– Я сделаю этого идиота своим наследником, – произнес Валам, махнув в сторону Таравангиана. – Ха! Пусть остальные кронпринцы подавятся.

– Они мертвы, ваше величество, – ответил Таравангиан.

– Что? Все?

– Да.

– Даже Бориар?

– Да.

– Ха, – проговорил Валам. – Ублюдок.

Сначала Таравангиан подумал, что король обращается к одному из покойных кронпринцев, но потом заметил, что он машет в сторону своего незаконного сына. Редин подошел ближе и опустился на одно колено рядом с кроватью, когда Таравангиан подвинулся, освободив место.

Валам завозился под одеялом. Редин помог вытащить наружу поясной нож и неуклюже взял его в руки.

Таравангиан с любопытством изучал Редина. Неужели перед ним тот самый безжалостный королевский палач, о котором он столько слышал? Этот встревоженный, выглядящий беспомощным человек?

– Прямо в сердце, – сказал Валам.

– Отец, нет... – проговорил Редин.

– Прямо в штормовое сердце! – закричал Валам, брызгая кровавой слюной на простыни. – Я не стану просто лежать здесь и не позволю, чтобы Таравангиан убедил моих собственных слуг отравить меня. Сделай это, мальчик! Или ты не в состоянии сделать единственную вещь, о которой...

Редин воткнул нож в грудь отца с такой силой, что Таравангиан подскочил. Бастард выпрямился, отсалютовал и протолкался из комнаты наружу.

Король выдохнул в последний раз, его глаза начали стекленеть.

– И будет править ночь, ибо выбор чести – жизнь...

Таравангиан выгнул бровь. Предсмертные слова? Здесь, сейчас? Проклятие, а он не в том положении, чтобы записать фразу в точности. Нужно ее запомнить.

Жизнь покидала Валама, пока он не превратился просто в грудку мяса. Рядом с кроватью из тумана появился Клинок Осколков и вонзился в деревянный пол повозки. Никто за ним не потянулся. Солдаты в комнате и писцы снаружи посмотрели на Таравангиана и опустили на колени.

– То, что сделал Валам, жестоко по отношению к нему, – сказал Мралл, кивнув на бастарда, который проложил себе путь из штормповозки на свет.

– Больше, чем ты думаешь, – ответил Таравангиан, потянувшись к ножу, который торчал сквозь одеяло и одежду из груди короля. В нескольких дюймах от рукояти он помедлил. – В официальные хроники бастард войдет как убийца отца. Если он был заинтересован в троне, это сильно... помешает ему, даже сильнее, чем его происхождение.

Таравангиан убрал пальцы с ножа.

– Могу я побыть наедине с павшим королем? Я бы хотел помолиться за него.

Остальные вышли, даже Мралл. Они прикрыли маленькую дверь, и Таравангиан опустился на стул рядом с трупом. Он не собирался произносить молитву, просто хотел ощутить момент. Один. Чтобы подумать.

Сработало. В полном соответствии с Диаграммой Таравангиан стал королем Джа Кевода. Он сделал первый шаг к объединению мира, как и настаивал Гавилар, чтобы они все смогли выжить.

По крайней мере, именно об этом говорилось в видениях. Видениях, которыми поделился с ним Гавилар шесть лет назад, в ночь убийства. Гавилара посещали видения о Всемогущем, который был теперь также мертв, и о грядущем шторме.

«Объедини их».

– Я стараюсь изо всех сил, Гавилар, – прошептал Таравангиан. – Прости, что вынужден убить твоего брата.

Когда дело будет сделано, на его душе повиснет не только этот грех. Ни при слабом ветре, ни при штормовом.

Таравангиану снова захотелось, чтобы сегодняшний день был днем его великолепия. Тогда он не чувствовал бы себя настолько виноватым.



ЧАСТЬ
ПЯТАЯ

ВЕТРА
ПЛАМЕННЫЕ

ҚАЛАДИН • ШАЛЛАН • ДАЛИНАР •
АДОЛИН • ШУТ



*Они придут ты не сможешь помешать им
произнести клятвы ищи тех кто выжил когда они
не должны были это сделать закономерность
станет твоей подсказкой*

***Диаграмма, заключительная часть северо-
западного нижнего угла: параграф 3***

«Ты убил ее...»

Каладин не мог заснуть.

Но знал, что поспать следует. Он лежал в своей темной комнате в бараке, окруженный знакомыми каменными стенами, и впервые за несколько дней находился в комфорте: мягкая подушка и такой же хороший матрас, как тот, что он оставил дома в Хартстоуне.

Тело казалось выжатым, словно тряпка после стирки. Он уцелел в ущельях и привел Шаллан домой в целостности и сохранности. Теперь нужно спать и лечиться.

«Ты убил ее...»

Каладин сел на кровати, накатила волна головокружения. Он сжал зубы и подождал, пока она пройдет. Запульсировала рана на перевязанной ноге. Лагерные хирурги проделали хорошую работу, его отец остался бы доволен.

Лагерь снаружи казался слишком тихим. Осыпав Каладина похвалами и выражениями восторга, солдаты из Четвертого моста присоединились к армии, чтобы отправиться в экспедицию, как и все другие бригады, которые понесут мосты. В лагере останется лишь небольшая часть Четвертого моста для охраны короля.

В темноте Каладин вытянул руку и стал шарить по стене, пока не нащупал свое копьё. Он ухватился за него и приподнялся, пытаясь встать. В ноге вспыхнула мгновенная боль, заставив его стиснуть зубы, но все оказалось не так уж плохо. Чтобы утолить боль, пришлось проглотить кору фатома, лекарство помогло. Каладин отказался от огнемха, который пытались навязать ему хирурги. Его отец ненавидел пользоваться вызывающими привыкание средствами.

Каладин преодолел путь до двери своей небольшой комнаты, толчком открыл ее и вышел на солнечный свет. Прищурившись, оглядел небо. Облаков все еще не было. Плач, худшая часть года, начнется завтра. Четыре недели

непрерывного дождя и уныния. Кончался Ясный год, так что даже сверхшторма в середине не намечается. Печально.

Каладин жаждал шторма внутри себя. Шторм пробудил бы его ум, подарил бы желание двигаться.

– Эй, ганчо, – позвал Лоупен, подскочив с места возле костра. – Тебе что-то нужно?

– Пойдем посмотрим, как уходит армия.

– Думаю, тебе пока не стоит ходить...

– Со мной все будет в порядке, – ответил Каладин, с трудом заковыляв дальше.

Лоупен ринулся на помощь и подхватил Каладина под руку, ослабляя давление на поврежденную ногу.

– Почему ты немножко не посяешь, ганчо? – тихо спросил Лоупен. – Не исцелишь свою проблему?

Каладин заготовил ложь – что-то насчет того, что он не хочет привлекать внимание хирургов, исцелившись слишком быстро. Но не смог выдать из себя ни слова. По крайней мере, члену Четвертого моста.

– Я потерял свои способности, Лоупен, – сказал он тихо. – Сил покинула меня.

Тощий хердазианин непривычно притих.

– Ну, – наконец произнес он, – может, тебе стоит купить для нее что-нибудь приятное.

– Купить что-нибудь приятное? Спрену?

– Ага. Что-то вроде... Может, симпатичное растение или новую шляпку. Да, шляпку. Она стоит недорого. Сил маленькая. Если портной попробует содрать с тебя полную цену за такую маленькую шляпку, ты можешь как следует его отдубасить.

– Это самый нелепый совет, который мне когда-либо давали.

– Натрись карри и важно пройдишь по лагерю, напевая рогоедские колыбельные.

Каладин недоверчиво взглянул на Лоупена.

– Чего?

– Видишь? Теперь совет по поводу шляпки – всего лишь второй по нелепости из тех советов, что тебе когда-либо давали, а значит, ты можешь к нему прислушаться. Женщины любят шляпки. У меня есть кузина, которая их делает. Могу у нее спросить. Возможно, тебе даже не нужна настоящая шляпка. Просто спрен шляпки. Это снизит цену еще больше.

– Твои странности, Лоупен, – это что-то совершенно необыкновенное.

– Конечно же, ганчо. Другого такого, как я, не сыскать.

Они продолжили шагать через пустой лагерь. Шторма, место казалось совсем покинутым. Они миновали один пустой барак за другим. Каладин шел с осторожностью, радуясь помощи Лоупена, но уставал все сильнее. Ему не стоило тревожить ногу. Отцовские слова, слова хирурга, всплыли из глубин его разума: «Разрыв мышцы. Перевязать ногу, ухаживать, чтобы не допустить заражения, и не позволять больному наступать на нее. Повторный разрыв может привести к постоянной хромоте или более тяжелым последствиям».

– Может, тебе взять паланкин? – спросил Лоупен.

– Это для женщин.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть женщиной, ганчо. Некоторые из моих родственников – женщины.

– Конечно же, они... – Каладин замолчал, заметив улыбку Лоупена.

Штормовой хердазианин. Интересно, как часто он намеренно произносил глупости? Да, Каладин слышал множество анекдотов о недалеком уме хердазиан,

но Лоупен никогда не лез за словом в карман. Конечно же, половина его шуток была о хердазианах. Казалось, что он находил их сверхзабавными.

Когда они приблизились к плато, мертвая тишина сменилась низким гулом тысяч людей, собравшихся в одном месте. Каладин и Лоупен наконец миновали ряды барачков и выбрались на открытое пространство – естественную террасу прямо над плацем, которая выходила на Разрушенные равнины. Там выстроились тысячи солдат: огромные отряды копейщиков, более редкие шеренги светлоглазых лучников, офицеры в сверкающих доспехах верхом на конях.

Каладин тихонько ахнул.

– Что? – спросил Лоупен.

– Это именно то, что, как мне всегда казалось, я искал.

– Что? Сегодняшний день?

– Когда я был еще маленьким мальчиком в Алеткаре, – неожиданно эмоционально произнес Каладин, – и мечтал о воинской славе, я себе воображал именно это.

Ему никогда не представлялись новички и мало на что способные солдаты, которых Амарам тренировал в Алеткаре. Также никогда перед его мысленным взором не появлялись грубые, пусть даже и эффективные, жестокие войска Садеаса – или даже быстрые ударные бригады Далинара для забегов на плато.

Он представлял вот это. Полноценную армию, строящуюся для великого похода. Копья подняты, знамена трепещут на ветру, барабанщики и трубачи, посыльные в ливреях, писцы на лошадях, даже королевские преобразователи в специально отведенной для них зоне, скрытые от чужих глаз при помощи полотняных стен, поддерживаемых шестами.

Теперь Каладин точно знал, что такое битва. Дело было не в славе, а в тех людях, что лежали на земле, кричали и бились, путаясь в собственных внутренностях; в мостовиках, которых бросали на тучу стрел; в паршенди, которых рубили на куски, пока те пели.

Однако в этот момент Каладин снова позволил себе помечтать. Он дал Каладину-подростку, по-прежнему жившему где-то в глубинах его сердца, насладиться зрелищем, которое всегда себе представлял. Он притворился, что стоящие перед ним солдаты должны были совершить что-то прекрасное, а не просто устроить очередное бессмысленное кровопролитие.

– Эй, и вправду пришел кто-то еще, – сказал Лоупен, указывая вдаль. – Погляди-ка туда.

Судя по знаменам, к Далинару присоединился всего один кронпринц – Ройон. Тем не менее Лоупен оказался прав. Еще одна армия, не настолько большая и не так хорошо организованная, текла на север по широкой, открытой дороге вдоль восточного края военных лагерей. По крайней мере еще один кронпринц ответил на призыв Далинара.

– Давай найдем Четвертый мост, – сказал Каладин. – Я хочу посмотреть, как парни отправятся в путь.

– Себариаал? – произнес Далинар. – К нам присоединяются войска Себариаала?

Ройон хмыкнул, сделал жест, будто умывает руки, и вскочил в седло.

– Полагаю, нам следует радоваться любой поддержке.

– Себариаал, – ошеломленно повторил Далинар. – Он не посылал войска в забеги даже на ближайшие плато, когда не было риска встретить паршенди. Почему же он отправил людей сейчас?

Ройон покачал головой и пожал плечами.

Далинар развернул Кавалера и рысью погнал коня к приближающейся армии. То же самое сделал Ройон. Они проскакали мимо Адолина, который ехал верхом бок о бок с Шаллан. За ними следовали как его, так и ее телохранители. Ренарин, конечно же, находился с мостовиками.

Шаллан предоставили одну из лошадей, принадлежащих Адолину, – изящного мерина, над которым Чистокровный нависал словно башня. Девушка надела походное платье из тех, что предпочитали женщины-посыльные, с разрезами до талии спереди и сзади. Под платьем были обычные шелковые брюки, но женщины предпочитали другое название – леггинсы.

За Шаллан и Адолином следовала большая группа ученых и картографов Навани, включая Исасика – ардента, который служил королевским картографом. Они передавали друг другу карту, которую нарисовала Шаллан, но Исасик ехал отдельно, вздернув подбородок и подчеркнуто игнорируя похвалы, которые расточали женщины искусству Шаллан. Далинар не мог обойтись без всех этих ученых, хотя и желал обратного. Каждый писец, которого он взял с собой, был еще одной жизнью, подвергающейся риску. Еще хуже оказалось то, что и сама Навани отправилась вместе с экспедицией. Он не смог опровергнуть ее аргумент: «Если ты думаешь, что там достаточно безопасно для девчонки, значит, достаточно безопасно и для меня».

Пока Далинар мчался навстречу приближающейся процессии Себариаля, прискакал Амарам в Доспехах Осколков, с развевающимся за спиной золотым плащом. У него была отличная боевая лошадь, массивная порода, используемая в Шиноваре для того, чтобы тянуть тяжелые телеги, но рядом с Кавалером она все равно выглядела как пони.

– Это и вправду Себарияль? – спросил Амарам, указывая на подходящее войско.

– Очевидно.

– Не следует ли нам отослать его обратно?

– Зачем нам это делать?

– Он недостаточно надежен, – пояснил Амарам.

– Он держит свое слово, насколько мне известно, – ответил Далинар. – Уже хоть что-то, чего я не могу сказать про большинство остальных.

– Он держит слово, поскольку никогда ничего не обещает.

Далинар, Ройон и Амарам доскакали до Себариаля, который вышел из экипажа, едущего перед армией. Экипаж. Для военного шествия. Что ж, он не замедлит Далинара больше, чем писцы. На самом деле ему самому, скорее всего, следовало обзавестись несколькими дополнительными экипажами. Навани будет очень приятно провести в комфорте все эти долгие дни.

– Себарияль? – произнес Далинар.

– Далинар! – ответил толстяк, прикрыв глаза от солнца. – Ты выглядишь удивленным.

– Я удивлен.

– Ха! Уже вполне достаточная причина, чтобы прибыть. Как считаешь, Палона?

Далинар едва смог различить сидящую в экипаже женщину, одетую в огромную модную шляпу и блестящее платье.

– Ты взял с собой подругу? – спросил Далинар.

– Конечно. Почему нет? Если мы там проиграем, я умру, и ей придется выйти в отставку. Как бы то ни было, она настаивала. Штормовая женщина. – Себарияль подошел прямо к Кавалеру. – У меня есть предчувствие на твой счет, старина Далинар. Думаю, будет мудро оставаться поближе к тебе. Там, на равнинах, что-то должно произойти, а хорошие возможности восходят словно солнце.

Ройон фыркнул.

– Ройон, – продолжил Себариа́л, – не должен ли ты прятаться где-нибудь под столом?

– Вероятно, должен, просто чтобы оказаться подальше от тебя.

Себариа́л рассмеялся.

– Хорошо сказано, ты, старая черепаха! Может, наше путешествие и не будет совсем уж скучным. Тогда вперед! К славе и всякой подобной чепухе. Если мы найдем сокровища, помните, что я претендую на свою часть! Я прибыл раньше Аладара. Это чего-нибудь да стоит.

– Раньше... – удивленно начал Далина́р. Он оглянулся на военный лагерь, граничащий с его собственным с севера.

Оттуда на Разрушенные равнины хлынула армия, облаченная в белые и темно-зеленые цвета Аладара.

– Ну и ну, – проговорил Ама́рам. – Я действительно не ожидал.

– Мы можем попробовать переворот, – сказала Иала́й.

Садеас обернулся в седле к жене. Их охрана, рассыпавшаяся вокруг, находилась на достаточном расстоянии, чтобы не услышать, как кронпринц и его жена наслаждались мирной «прогулкой верхом по холмам». На самом деле они оба хотели поближе взглянуть на расширившиеся владения Себариа́ла к востоку от военных лагерей, где он развернул полномасштабную фермерскую деятельность.

Иала́й ехала верхом, устремив взгляд вперед.

– Далина́ра не будет в лагере, а с ним и Ройона, единственного, кто его поддерживает. Мы могли бы захватить Пик, казнить короля и получить трон.

Садеас повернул коня, посмотрев на восток, в сторону военных лагерей. Он с трудом различал армию Далина́ра, собирающуюся на Разрушенных равнинах.

Переворот. Один последний шаг, пощечина старине Гавилару. Он бы это сделал. Шторм побери, он мог бы.

Если не брать во внимание тот факт, что в перевороте не было необходимости.

– Далина́р подписался на эту дурацкую экспедицию, – сказал Садеас. – Он скоро умрет, окруженный и поверженный в штормовых равнинах. Нам не нужен переворот. Если бы я знал, что он действительно это сделает, нам не понадобился бы даже твой убийца.

Иала́й отвела взгляд. Ее убийца потерпел неудачу. Она считала случившееся своей большой ошибкой, хотя все прошло в точности по плану. В подобных ситуациях никогда не было определенности. К сожалению, теперь, когда они попытались и потерпели неудачу, им нужно быть осторожнее по отношению...

Садеас развернул коня и нахмурился, когда к ним приблизился посыльный на лошади. Юноше разрешалось миновать охранников и доставлять послания Иала́й.

Она прочла письмо, и ее настроение испортилось.

– Тебе это не понравится, – сказала Иала́й, поднимая взгляд.

Пришпорив Кавалера, Далина́р помчался через равнину, пугая растения, прятаящиеся в укрытия. За несколько минут быстрого галопа он миновал армию и приблизился к новому войску.

Аладар сидел в седле, обзревая своих солдат. Он красовался в модной форме, черной с каштановыми полосами на рукавах и подходящим по цвету

платком на шее. Вокруг мельтешили солдаты. Аладар располагал одной из самых больших армий на равнинах – шторма, учитывая, что численность армии Далинара сильно уменьшилась, армия Аладара могла оказаться самой крупной.

И он больше других поддерживал Садеаса.

– Как будем перемещаться, Далинар? – спросил Аладар, когда Далинар подъехал рысью. – Двигаемся каждый сам по себе, пересекая разные плато, но встречаясь позже, или маршируем одной огромной колонной?

– Почему? – спросил Далинар. – Почему ты пришел?

– Ты приводил такие пылкие доводы все это время, а теперь удивлен, что кто-то к ним прислушался?

– Не просто кто-то. Ты.

Аладар сжал губы в линию и наконец повернулся, чтобы встретиться взглядом с Далинаром.

– Ройон и Себариял, два самых больших труса среди нас, отправляются на войну. Неужели я останусь в стороне и позволю им исполнить Пакт мщения без меня?

– Похоже, других кронпринцев не смущает подобное положение вещей.

– Подозреваю, что они лучше умеют лгать себе, чем я.

Внезапно все неистовые аргументы Аладара, всегда находившегося в авангарде противостоящей Далинару фракции, приобрели другую окраску.

«Он спорил, чтобы убедить себя, – подумал Далинар. – Все это время его беспокоило, что я прав».

– Садеас будет не в восторге, – заметил Далинар.

– Садеас может идти ко всем штормам. Он не владеет мной. – Мгновение Аладар поигрывал поводьями. – Хотя он и хочет, чтобы так было. Я чувствую это по тому, к чему он меня подталкивает, по тем ножам, которые он медленно приставляет к горлу всех окружающих. В итоге мы все окажемся его рабами.

– Аладар, – произнес Далинар, подъехав вплотную к лошади собеседника так, что они оказались лицом к лицу. Он удержал взгляд Аладара. – Скажи мне, что ты здесь не по приказу Садеаса. Скажи мне, что это не очередной заговор, чтобы подставить или предать меня.

Аладар улыбнулся.

– Ты думаешь, что я просто признался бы, будь это так?

– Я хочу услышать обещание из твоих собственных уст.

– И ты поверишь моему обещанию? Когда Садеас заявил о своей дружбе, как это послужило тебе, Далинар?

– Обещание, Аладар.

Аладар встретился с ним взглядом.

– Я думаю, что сказанное тобой об Алеткаре в лучшем случае наивно и, безусловно, невозможно. Твои заблуждения не являются признаками безумия, как пытался внушить нам Садеас, – это просто мечты человека, который отчаянно хочет верить во что-то глупое. «Честь» – слово, применимое к действиям людей из прошлого, чьи жизни подчистили историки.

Он помолчал.

– Однако... шторм меня побери за глупость, Далинар, но я хочу, чтобы они оказались правдивы. Я пришел сам, не по указке Садеаса. Я тебя не предаю. Даже если Алеткар никогда не сможет стать таким, как ты хочешь, мы сможем хотя бы сокрушить паршенди и отомстить за старину Гавилара. Это просто правильно.

Далинар кивнул.

– Возможно, я солгал, – добавил Аладар.

– Я так не думаю.

– Откуда ты знаешь?

– Честно? Я не знаю. Но если все получится, мне придется доверять кому-то из вас.

До определенной степени. Он никогда больше не окажется в ситуации, подобной случившемуся на Башне.

С другой стороны, присутствие Аладара означало, что их нападение обрело шансы на успех. Объединенные армии четырех кронпринцев, скорее всего, превзойдут по численности войска паршенди – хотя Далинар и не был уверен, заслуживали ли доверия подсчеты их количества писцами.

Великая коалиция кронпринцев, о которой мечтал Далинар, не состоялась, но даже с учетом того, что ущелья благоволили к паршенди, сил людей должно оказаться достаточно.

– Маршируем все вместе, – сказал Далинар, указывая вперед. – Я не хочу, чтобы мы рассеивались. Двигаемся от плато к плато, занимая соседние или одно плато целиком, если возможно. И тебе придется оставить своих паршменов в лагере.

– Необычное требование, – нахмурился Аладар.

– Мы собираемся напасть на их родичей, – пояснил Далинар. – Лучше не рисковать и не давать им возможности обратиться против нас.

– Но они же никогда... Ладно, не важно. Я могу пойти на это.

Далинар кивнул и протянул руку Аладару, когда сзади наконец подскакали Ройон и Амарам. Далинар сильно обогнал их на Кавалере.

– Спасибо, – поблагодарил Далинар Аладара.

– Ты и вправду веришь во все это, да?

– Да.

Аладар протянул руку, но помедлил.

– Ты ведь понимаешь, что я запятнан вдоль и поперек. На моих руках кровь, Далинар. Я не какой-нибудь совершенный благородный рыцарь, каким, кажется, ты хочешь меня видеть.

– Я знаю, – произнес Далинар, принимая руку. – Я – тоже. Но мы должны ими стать.

Они обменялись кивками, и Далинар развернул Кавалера и поехал обратно к своей армии. Ройон застонал и стал сетовать на больные бедра после того, как всю дорогу проскакал галопом. Сегодняшние перемещения верхом не доставляли ему удовольствия.

Амарам присоединился к Далинару.

– Сначала Себарриал, теперь Аладар? Видимо, ваше доверие сегодня стоит довольно дешево, Далинар.

– Не хочешь ли ты, чтобы я отправил их обоих обратно?

– Подумайте, насколько эффектной станет победа, если мы одержим ее нашими собственными силами.

– Надеюсь, что мы выше подобного тщеславия, старый друг, – проговорил Далинар.

Какое-то время они ехали рядом, снова миновав Адолина и Шаллан. Далинар осматривал свои войска и кое-что заметил. Высокий человек в синей форме сидел на камне среди охранников из Четвертого моста.

«Кстати о глупцах...»

– Поехали со мной, – обратился Далинар к Амараму.

Амарам позволил своей лошади отстать.

– Думаю, мне нужно взглянуть на...

– Поехали, – резко приказал Далинар. – Я хочу, чтобы ты поговорил с тем парнем и мы смогли бы раз и навсегда покончить со всеми слухами и обвинениям в твой адрес. Они не приносят ничего хорошего.

– Отлично, – согласился Амарам, догоняя кронпринца.

Каладин, находящийся среди мостовиков, поймал себя на том, что встал с места, несмотря на боль в ноге, когда заметил Адолина и Шаллан, проезжающих мимо. Он проследил за парой взглядом. Адолин верхом на своем великане-ришадиуме и Шаллан на более скромном по размерам животном.

Она выглядела великолепно. Каладин был готов это признать, пусть даже только перед самим собой. Блестящие рыжие волосы и лицо, готовое вот-вот улыбнуться. Она сказала что-то умное, Каладин почти расслышал слова. Он подождал, надеясь, что девушка посмотрит в его сторону и ее взгляд преодолеет разделяющее их небольшое расстояние.

Шаллан не обернулась. Проехала дальше, а Каладин почувствовал себя абсолютным дураком. Какая-то его часть хотела ненавидеть Адолина за то, что он захватил ее внимание, но Каладин обнаружил, что не может этого сделать. Правда заключалась в том, что Адолин ему нравился. И те двое были хорошей парой. Они подходили друг другу.

Может быть, Каладин смог бы ненавидеть этот факт.

Он снова сел на камень, опустив голову. Вокруг него сгрудились мостовики. К счастью, они не видели, как он провожал глазами Шаллан, напрягая слух, чтобы услышать ее голос. Ренарин тенью стоял позади группы. Похоже, для мостовиков он стал своим, но сам принц, судя по всему, все еще чувствовал себя неудобно в их окружении. Хотя, вероятно, он везде чувствовал себя неудобно.

«Мне нужно поподробнее поговорить с ним о его состоянии», – подумал Каладин. Ему упорно казалось, что было какое-то несоответствие в поведении парня и в его объяснении причин эпилепсии.

– Почему вы здесь, сэр? – спросил Бисиг, вернув внимание Каладина к остальным мостовикам.

– Хотел увидеть, как вы отправляетесь, – вздохнул Каладин. – Предполагал, что вы обрадуетесь, повидав меня.

– Ты как ребенок, – проворчал Камень, погрозив Каладину толстым пальцем. – Что бы ты сделал, великий капитан Благословленный Штормом, если бы обнаружил, что один из твоих людей расхаживает с раненой ногой? Ты бы его побил! Конечно, после того, как он излечится.

– Мне казалось, – заметил Каладин, – что я и есть ваш командир.

– Неа, не может быть, – сказал Тефт, – потому что наш командир достаточно умен, чтобы оставаться в постели.

– И есть побольше рагу, – добавил Камень. – Я оставил тебе целый котелок на то время, пока буду отсутствовать.

– Ты тоже собираешься отправиться в экспедицию? – спросил Каладин, подняв глаза на здоровяка-рогоеда. – Я думал, ты просто посмотришь, как уходят ребята. Ты же не хочешь сражаться. Что ты там будешь делать?

– Кто-то же должен для них готовить, – объяснил Камень. – Эта экспедиция, она будет длиться много дней. Я не оставлю моих друзей на милость лагерных поваров. Ха! Вся еда, которую они готовят, из *преобразованного* мяса и зерна. А на вкус похожа на крем! Кто-то должен добавлять правильные пряности.

Каладин оглядел группу нахмурившихся мужчин.

– Ладно, – сказал он. – Я вернусь. Шторма, но...

Почему мостовики расступались? Камень посмотрел через плечо, рассмеялся и попятился.

– А вот и настоящие проблемы.

За ним спешил Далинар Холин. Каладин вздохнул и махнул Лоупену, чтобы тот помог ему подняться и он смог бы отсалютовать как подобает. Каладин

принял вертикальное положение, заработав свирепый взгляд от Тефта, прежде чем заметил, что Далинар был не один.

Амарам. Мышцы Каладина окаменели, и ему пришлось приложить усилие, чтобы чувства не отразились на лице.

Далинар с Амарамом подошли ближе. Боль в ноге Каладина, казалось, утихла, и одно мгновение он видел перед собой только этого человека. Этого монстра в человеческом обличье. Одетого в добытые Каладином Доспехи и развевающийся за спиной золотой плащ с символом Сияющих рыцарей.

«Контролируй себя», – подумал мостовик.

Каладин сумел проглотить ярость. В последний раз, когда она взяла над ним верх, он угодил в тюрьму.

– Тебе полагается отдыхать, солдат, – сказал Далинар.

– Да, сэра, – ответил Каладин. – Мои люди уже объяснили мне это предельно ясно.

– Значит, ты хорошо их обучил. Я горжусь, что они будут рядом со мной в экспедиции.

Тефт отсалютовал.

– Если вас поджидает опасность, светлорд, то она прячется там, на равнинах. Мы не сможем вас защитить, если останемся здесь.

Каладин нахмурился, кое-что осознав.

– Шрам здесь... Тефт... А кто с королем?

– Мы о нем позаботились, сэра, – ответил Тефт. – Светлорд Далинар попросил меня оставить в тылу нашего лучшего человека с отрядом по его собственному выбору. Они присмотрят за королем.

Их лучший человек...

Каладин похолодел. Моаш. Моаш остался обеспечивать безопасность короля во главе отряда по его собственному выбору.

Шторма.

– Амарам, – произнес Далинар, жестом приказав кронлорду приблизиться. – Ты говорил, что никогда не видел этого человека, пока не прибыл сюда, на Разрушенные равнины. Верно?

Каладин встретился взглядом с убийцей.

– Да, – подтвердил Амарам.

– А как насчет его заявления о том, что ты якобы забрал у него Клинок и Доспехи?

– Светлорд, – ответил Амарам, взяв Далинара под руку. – Я не знаю, тронулся ли парень умом или просто ему катастрофически не хватает внимания. Возможно, он служил в моей армии, как он сам утверждает, – он, безусловно, носит на себе соответствующее клеймо раба. Но его обвинения на мой счет явно абсурдны.

Далинар кивнул сам себе, как будто ожидал подобных слов.

– Я уверен, что требуются извинения, – произнес кронпринц.

Каладин изо всех сил пытался оставаться в вертикальном положении, но его нога ослабела. Значит, вот что будет его заключительным наказанием. Извинение перед Амарамом на публике. Унижение, не сравнимое ни с чем другим.

– Я... – начал Каладин.

– Не ты, сынок, – тихо проговорил Далинар.

Амарам повернулся, его поза внезапно стала более настороженной, как будто мужчина приготовился к битве.

– Конечно же, вы не верите в его заявления, Далинар?

– Несколько недель назад, – сказал кронпринц, – я принимал в лагере двух особых гостей. Один из них – мой доверенный слуга, который тайно прибыл из

Холинару, привезя с собой драгоценный груз. Вторым был тот самый груз – безумец, который появился у ворот Холинару с Клинком Осколков.

Амарам побледнел и отступил назад, отведя руку в сторону.

– Я приказал моему слуге, – продолжил Далинар спокойно, – выпить с твоими личными охранниками – он знает многих из них – и рассказать о сокровище, которое, по словам сумасшедшего, много лет назад было спрятано рядом с военными лагерями. После этого по моему приказу он спрятал Клинок Осколков безумца в пещеру неподалеку. И стал ждать.

«Он призывает Клинок», – подумал Каладин, глядя на руку Амарама.

Каладин потянулся к поясному ножу, но Далинар уже сам поднял руку.

В пальцах Далинара сгустился белый туман, появился Клинок Осколков, касающийся острием горла Амарама. Шире, чем большинство Клинков, по внешнему виду он скорее походил на нож мясника.

В руке Амарама Клинок сформировался секундой позже – эта секунда оказалась критической. Глаза кронлорда расширились, когда он уставился на серебристый Клинок, прижатый к его горлу.

Далинар владел Клинком Осколков.

– Я подумал, – снова заговорил Далинар, – что если ты пожелал убить ради одного Клинка, то, конечно же, пожелаешь солгать ради второго. Таким образом, после того, как я узнал, что ты тайком пробрался в монастырь, чтобы увидеть сумасшедшего лично, я попросил тебя расследовать его заявления. Из уважения к нашей дружбе я дал тебе достаточно времени, чтобы очистить совесть. Когда ты сказал мне, что ничего не нашел, а на самом деле уже заполучил Клинок Осколков, я узнал правду.

– Как? – прошипел Амарам, глядя на Клинок, который держал Далинар. – Как вы получили его обратно? Я же забрал его из пещеры. Мои люди держали меч в безопасности!

– Я не собирался рисковать им только для того, чтобы подтвердить свою точку зрения, – сухо ответил Далинар. – Поэтому связал этот Клинок, прежде чем мы его спрятали.

– Та неделя, когда вы сказались больным, – понял Амарам.

– Да.

– Бездна.

Далинар со свистом выдохнул сквозь зубы.

– Почему, Амарам? Я думал, что из всех людей ты... Ба!

Кронпринц усилил хватку, костяшки его пальцев побелели. Амарам поднял подбородок, будто толкая шею к острию Клинка Осколков.

– Я сделал это, – сказал Амарам, – и я сделал бы это снова. Скоро вернутся Несущие Пустоту, и мы должны быть достаточно сильными, чтобы им противостоять. Значит, нам понадобятся натренированные, опытные Носители Осколков. Пожертвовав несколькими солдатами, я планировал спасти намного больше.

– Ложь! – воскликнул Каладин, делая шаг вперед. – Вы просто хотели Клинок для себя!

Амарам посмотрел Каладину в глаза.

– Я сожалею о том, как поступил с тобой и твоими солдатами. Иногда хорошим людям приходится умереть ради достижения более великой цели.

Каладин почувствовал подбирающийся холод, оцепенение, которое распространялось от сердца по всему телу.

«Он говорит правду, – подумал он. – Он... искренне уверен в том, что сделал все правильно».

Амарам отпустил свой Клинок и обернулся к Далинару.

– Что теперь?

– Ты виновен в убийстве – лишил жизни нескольких людей ради собственного обогащения.

– А что происходит, – ответил Амарам, – когда вы сами посылаете тысячи людей на смерть, чтобы заполучить гемсердца, Далинар? Разве есть какая-то разница? Мы все знаем, что иногда жизнями нужно жертвовать ради высшей добродетели.

– Сними плащ, – прорычал Далинар. – Ты не Сияющий.

Амарам потянулся и развязал узел, затем бросил плащ на камни, отвернулся и зашагал прочь.

– Нет! – воскликнул Каладин, захромав следом.

– Дай ему уйти, сынок, – вздохнул Далинар. – Его репутация разрушена.

– Но он все еще убийца.

– И мы будем судить его по справедливости, – пообещал Далинар, – как только я вернусь. Не получится заключить его в тюрьму – Носители Осколков выше этого, и в любом случае он пробьет себе путь наружу. Носителя Осколков либо казнят, либо оставляют на свободе.

Каладин обмяк всем телом, и рядом с ним появился Лоупен, подхватив под руку, в то время как Тефт помог с другой стороны. Каладин чувствовал себя полностью опустошенным.

«Иногда жизнями нужно жертвовать ради высшей добродетели...»

– Спасибо, – сказал Каладин, – что поверили мне.

– Иногда я все же слушаю, солдат, – ответил Далинар. – А сейчас отправляйся обратно в лагерь и немного отдохни.

Каладин кивнул.

– Сэр? Берегите себя там, на равнинах.

Далинар мрачно улыбнулся.

– Как получится. Теперь у меня есть хотя бы шанс побороться с тем убийцей, если он появится. Со всеми этими Клинками Осколков, мельтешащими вокруг в последнее время, я понял, что значимость иметь при себе один из них слишком велика, чтобы ее можно было игнорировать. – Он прищурился, посмотрев на восток. – Даже если кажется... что владеть им почему-то неправильно. Так странно. Откуда это ощущение неправильности? Возможно, я просто скучаю по своему старому Клинку.

Далинар отпустил Клинок.

– Поехали, – сказал он, возвращаясь к коню.

Там его поджидал кронпринц Ройон, ошеломленно наблюдающий за тем, как Амарам шествует прочь в окружении личной стражи из пятидесяти человек.

Да, это были знамена Аладара, присоединившегося к Далинару. Садеас смог разглядеть их в подзорную трубу.

Он опустил ее и долго-долго сидел в тишине. Настолько долго, что его охранники и даже жена начали суетиться и нервничать. Но оснований для нервозности не было.

Садеас придушил раздражение.

– Дадим им умереть там, – сказал он. – Всем четверым. Иалай, подготовь мне отчет. Я хочу знать... Иалай?

Его жена вздрогнула, взглянув на него.

– С тобой все в порядке?

– Я просто думала, – ответила она, как будто издалека. – О будущем. И что оно сулит. Нам.

– Оно принесет Алеткару новых кронпринцев, – сказал Садеас. – Подготовь отчет о том, кто из преданных нам светлордов станет подходящей заменой тем, кто падет в походе Далинара.

Он вернул подзорную трубу посыльному.

– Мы будем бездействовать, пока они не умрут. По-видимому, в конце концов паршенди все-таки убьют Далинара. Аладар может отправляться с ним в Бездну, как и большинство остальных.

Садеас развернул лошадь и продолжил дневную прогулку, демонстративно повернувшись спиной к Разрушенным равнинам.

Альбом Шаллан: белоспинник

Низел только одну особь в неволе, трудно определить, как белоспинник будет вести себя в своей естественной среде обитания. Но с такими клешнями и когтями легко представить, что все сиксантики имеют утаек в нем правды.



Белоспинник обладает красными глазами в увеличенном размере. Скорее всего, у него хорошие периферические зрение, но тяжело фокусировка на дальних расстояниях.

Большие носовые полости предполагают сильную зависимость от обоняния.

Клешни белого цвета, как трезуб. Различия в окраске и структуре их или вырезают из них разные фактуры. Со временем клешни меняют цвет от естественного оттенка до светлого, отполированного белого.



Единственной опасностью в употреблении такого мощного оружия будет потенциальная провокация тех, кто обрел связь Нэйхел. Следует позаботиться о том, чтобы избежать помещения этих субъектов в ситуации сильного напряжения, если только вы не принимаете последствия возможного использования ими вложения.

Диаграмма, 27-ая доска пола: параграф 6

Как река, внезапно прорвавшая плотину, четыре армии хлынули на плато. Шаллан сидела верхом и взволнованно и обеспокоенно наблюдала. Ее небольшой конвой включал Ватаха и его солдат, а также Марри, ее личную горничную. Газ, кстати, еще не прибыл, и Ватах утверждал, что не знает, куда тот пропал. Возможно, ей следовало лучше изучить происхождение его долгов. Она была так занята другими вещами... Шторма, если Газ исчезнет, что она будет чувствовать по этому поводу?

С подобными вещами можно разобраться позже. Сегодня Шаллан стала частью чрезвычайно важной истории, зародившейся в первой охотничьей экспедиции Гавилара и Далинара в Ничейные холмы много лет назад. Теперь писалась финальная глава – начиналась миссия, которая извлечет на свет истину и определит будущее Разрушенных равнин, паршенди и, возможно, всего Алеткара.

Шаллан нетерпеливо направила мерина вперед. Он двинулся спокойным шагом, не обращая внимания на ее понукания.

Штормовая кляча.

Адолин на Чистокровном рысью подъехал к ней. Прекрасное животное блистало безупречной белизной – никакого светло-серого цвета, похожего на пыль, как у некоторых виденных ею лошадей, а действительно белое. То, что жеребец Адолина был крупнее, казалось откровенно несправедливым. Шаллан уступала принцу ростом, а значит, должна сидеть на более высокой лошади.

– Ты нарочно посадил меня на медленную клячу, да? – пожаловалась она.

– А как же.

– Я тебя приблю. Если, конечно, достану до такой верхотуры.

Адолин усмехнулся.

– Ты сказала, что у тебя нет опыта верховой езды, поэтому я выбрал лошадь, у которой этого опыта много. Поверь, ты еще меня поблагодаришь.

– Отправляясь в экспедицию, я хочу ехать верхом с величием и достоинством!

– Ты вполне можешь это делать.

– Медленно.

– Технически, медленная скорость может быть очень величественной.

– Технически, – ответила Шаллан, – человеку не нужны все пальцы на ногах. Давай отрежем тебе парочку, чтобы удостовериться?

Адолин рассмеялся.

– Я не против, лишь бы ты не испортила мне лицо.

– Что за глупости. Мне нравится твое лицо.

Он ухмыльнулся. Его шлем от Доспехов Осколков был прикреплен к седлу, так как принцу не хотелось, чтобы волосы пришли в беспорядок. Шаллан ожидала, что Адолин ответит остроумным замечанием, но его не последовало.

Ничего страшного. Он нравился ей таким, каким был. Добрым, благородным и искренним. Неважно, что Адолин не мог похвастать умом или... или на что там еще был способен Каладин. Шаллан даже не могла подобрать нужное слово. Вот как.

«Страстный, с напряженной, теплящейся внутри решимостью. Он обуздал свой гнев, смог им управлять. А еще эта его определенно привлекательная заносчивость. Не напыщенная гордость светлордов, нет, но заслуживающая доверия, стойкая целеустремленность, которая шептала, что не важно, кем ты был или что делал, ты не мог его уязвить. Не мог его изменить. Он существовал. Как ветер и камни».

Шаллан полностью пропустила следующую реплику Адолина и покраснела.

– Что ты сказал?

– Я упомянул, что у Себариаля есть экипаж. Возможно, ты захочешь путешествовать с ним.

– Из-за того, что я слишком нежная для верховой езды? Ты забыл, что я выбралась из ущелий и вернулась в лагерь посреди свержшорма?

– Э-э, нет. Но идти пешком и ехать верхом – разные вещи. Я имею в виду, болезненные ощущения...

– Болезненные ощущения? – переспросила Шаллан. – С чего бы у меня должно что-то болеть? Разве лошадь не делает всю работу?

Адолин удивленно глянул на нее расширившимися глазами.

– М-м-м, – протянула Шаллан. – Глупый вопрос?

– Ты говорила, что раньше ездила верхом.

– На пони, – уточнила девушка, – в имении отца. Кругами... Ладно, судя по выражению твоего лица, я начинаю верить, что веду себя по-идиотски. Когда начну испытывать болезненные ощущения, отправлюсь к Себариялю.

– До того, как ты начнешь испытывать болезненные ощущения, – отрезал Адолин. – Скажем, через час.

Как бы Шаллан не раздражалась из-за подобного поворота событий, она не могла не отдать должное его опыту. Однажды Джасна определила дурака как человека, который игнорировал информацию, потому что та расходилась с желаемыми результатами.

Шаллан решила не беспокоиться, а просто наслаждаться поездкой. Армия в качестве единого целого двигалась медленно, в то время как каждая ее отдельная часть казалась весьма профессиональной. Отряды копейщиков, писцы верхом на лошадях, разведчики, исследующие окрестности. У Далинара было шесть крупных механических мостов, но он также привел всех бывших мостовиков и захватил с

собой более простые, переносимые людьми мосты, скопированные с тех, что остались в лагере Садеаса. Дополнительные мосты были очень кстати, так как Себариаал располагал только двумя бригадами мостовиков.

На мгновение Шаллан позволила себе насладиться удовлетворением от того, что он отправился в экспедицию. Размышляя, она заметила, как кто-то бежит вдоль линии войск позади. Невысокий человек с повязкой на глазу, притягивающий свирепые взгляды охранников-мостовиков Адолина.

– Газ? – с облегчением произнесла Шаллан, когда он протолкался ближе, держа под мышкой сверток. Ее страхи, что его прирезали где-нибудь в переулке, оказались необоснованными.

– Простите, простите, – заговорил он. – Но она дошла. Вы должны торговцу два сапфировых брума, ваша светлость.

– Она? – переспросила Шаллан.

– Ага. Вы просили найти для вас экземпляр. И у меня, шторм побери, получилось! – Газ, судя по всему, гордился собой.

Шаллан развернула прямоугольный сверток и обнаружила внутри книгу. «Слова сияния» – гласило заглавие. Обложка обтрепалась, страницы истончились, часть их сверху даже была заляпана пролитыми когда-то в прошлом чернилами.

Нечасто Шаллан радовалась так сильно, когда в ее руки попадало что-то настолько испорченное.

– Газ! – воскликнула она. – Ты молодец!

Он ухмыльнулся, послав Ватаху торжествующую улыбку. Рослый мужчина закатил глаза, пробормотав что-то, чего Шаллан не расслышала.

– Спасибо тебе, – сказала девушка. – От всего сердца, Газ.

По мере того как шло время и один день сменялся другим, Шаллан обнаружила, что можно чрезвычайно приятно отвлечься чтением. Войско передвигалось вперед примерно так же быстро, как стадо сонных чулл, и окружающий пейзаж оставался довольно унылым. Однако, принимая во внимание то, что она наговорила Каладину и Адолину в последний раз на равнинах, она бы никогда в этом не призналась.

Книга же оказалась замечательной. Но разочаровывала.

«Что же это за «знаменитая проклятая вещь», которая привела к Измене?» – подумала Шаллан, выписывая цитату в блокнот.

Шел второй день их путешествия по равнинам, и она согласилась ехать в экипаже, который раздобыл Адолин, – одна, хотя принц недоумевал, почему она не хочет, чтобы с ней ехала личная горничная. Шаллан не желала объясняться с девушкой насчет Узора.

Каждому ордену Сияющих рыцарей в книге отводилась глава, в которой рассказывалось об их традициях, способностях и отношениях. Автор признавал, что многое основывалось на слухах – книга писалась спустя два столетия после Измены, и к тому времени факты, предания и суеверия сильно смешались друг с другом. Кроме того, язык книги представлял собой старинный диалект алети, записанный с помощью протописма – предтечи полноценного современного женского письма. Шаллан потратила кучу времени, разбираясь в значениях и иногда обращаясь к ученым Навани, которые могли помочь с определениями и толкованиями многих терминов.

Тем не менее она узнала массу полезного. Например, у каждого ордена имелись свои идеалы, или стандарты, определяющие развитие рыцарей. Одни были четко сформулированы, другие оставались на усмотрение спренов. Также

члены некоторых орденов были индивидуалистами, тогда как другие – например, Бегущие с Ветром – действовали командами со своей особой иерархией.

Шаллан откинулась на спинку, размышляя об описанных силах. Появятся ли другие? Такие, как она и Джасна? Мужчины, которые смогут изящно скользить по земле, словно ничего не весят, женщины, которые будут способны расплавить камень одним прикосновением? Узор объяснил кое-какие вещи, но по большей части оказался полезен тем, что помогал ей отделять правду от вымыслов, основанных на слухах. В его памяти оставалось множество пробелов, но уже гораздо меньше, чем в начале. Содержание книги часто заставляло его вспомнить больше.

Прямо сейчас он удовлетворенно жужжал на сиденье перед ней. Экипаж подпрыгнул на ухабе – здесь они были довольно крупными – но, по крайней мере, она могла читать и одновременно сверяться с другими книгами. Что было бы практически невозможно осуществить верхом на лошади.

Однако, находясь в экипаже, Шаллан чувствовала себя так, будто ее снова заперли.

«Не все, кто пытается заботиться о тебе, стремятся сделать то, что делал отец», – твердо сказала себе девушка.

Болезненные ощущения, о которых предостерегал Адолин, конечно же, так и не проявились. Сначала она чувствовала небольшую боль в бедрах, вызванную неподвижным сидением в седле, но штормсвет заставил ее испариться.

– М-м-м, начался, – прожужжал Узор, переместившись на дверь экипажа.

Шаллан выглянула из окна и почувствовала, как на лицо падают мелкие капли. Скалистая поверхность плато потемнела под начавшимся дождем. Вскоре воздух наполнился монотонной моросью, легкой и приятной, хотя и более холодной, чем обычные ливни в Джа Кеведе. Похоже, здесь, в штормовых землях, дождь редко бывал таким мягким.

Шаллан опустила шторы и передвинулась к центру сиденья так, чтобы до нее не добрался дождь. Оказалось, что приятный звук падающих капель приглушил голоса солдат и монотонный гул марширующих ног, превратив эти звуки в отличное сопровождение для чтения. Цитата разожгла в девушке интерес, поэтому она вытащила свой набросок Разрушенных равнин и старые карты Штормпоста.

«Мне нужно узнать, каким образом эти карты связаны между собой, – подумала Шаллан. – Предпочтительно найти несколько точек привязки».

Если бы ей удалось определить два места на Разрушенных равнинах, которые соответствовали точкам на карте Штормпоста, она смогла бы судить, насколько велик был город – на старой карте отсутствовал масштаб – и затем наложить его на карту Разрушенных равнин. Так она получила бы общее представление.

Что действительно привлекало внимание Шаллан, так это Клятвенные врата. Джасна считала, что на карте Штормпоста они обозначались кругом, напоминающим постамент, в юго-западной части города. Существовал ли где-нибудь на том возвышении вход? Волшебный портал в Уритиру? Как им управляли рыцари?

– М-м-м, – прожужжал Узор.

Экипаж Шаллан начал замедляться. Она нахмурилась, придвинувшись к двери, чтобы выглянуть из окна. Однако дверь открылась, и за ней обнаружилась светледи Навани в сопровождении самого Далинара, держащего над ней зонт.

– Ты не возражаешь против компании? – спросила женщина.

– Нисколько, ваша светлость, – ответила Шаллан, бросившись прибирать бумаги и книги, разложенные по всем сиденьям.

Навани ласково похлопала Далинара по руке, поднялась в экипаж и насухо вытерла мокрые ступни полотенцем. Она села, как только кронпринц закрыл дверь.

Экипаж снова тронулся, и Шаллан нервно сжала бумаги в руках. Какие у нее отношения с Навани? Она являлась тетей Адолина, но при этом состояла в романтических отношениях с его отцом. Следовательно, она была в каком-то роде будущей свекровью Шаллан, хотя в соответствии с традициями воринизма Далинара никогда не позволят на ней жениться.

В течение многих недель Шаллан пыталась заставить эту женщину выслушать и потерпела неудачу. Теперь ей, видимо, простили известие о смерти Джасны. Не означало ли это, что она наконец... понравилась Навани?

– Стало быть, – заговорила Шаллан, чувствуя себя неловко, – Далинар отослал вас в экипаж, чтобы защитить от синяков, как и Адолин меня?

– Синяков? Небеса, нет! Если кто и должен ехать в экипаже, так это Далинар. Когда начнется битва, он нужен нам отдохнувшим и готовым к действиям. Я присоединилась к тебе, потому что довольно трудно читать, сидя в седле под дождем.

– Вот как. – Шаллан заерзала на сиденье.

Навани изучала ее какое-то время, затем вздохнула и проговорила:

– Я игнорировала вещи, которые не следовало бы. Поскольку они приносят мне боль.

– Я прошу прощения.

– Тебе не за что извиняться. – Навани протянула руку к Шаллан. – Можно взглянуть?

Девушка посмотрела на стопку записей, диаграмм и карт, которые держала в руках. Она задумалась, стоит ли их показывать.

– Ты посвятила себя работе, которую, очевидно, считаешь очень важной, – мягко сказала Навани. – Согласно сообщениям, которые ты отправляла мне, дело касается города, разыскиваемого Джасной? Возможно, я смогу помочь тебе истолковать замыслы дочери.

Было ли среди тех страниц что-нибудь, обличающее Шаллан или раскрывающее ее способности? Ее деятельность под маской Вейль?

Кажется, нет. Она изучала Сияющих рыцарей как важное звено, но ее поиски направлены на источник их силы, так что противоречий не возникало. Все еще сомневаясь, Шаллан передала бумаги.

Навани пролиستала их, читая при мягком свете сфер.

– Система организации твоих заметок... интересна.

От смущения Шаллан покраснела. Приведение записей в систему имело большой смысл. Пока Навани продолжала просматривать бумаги, внутри Шаллан нарастало странное беспокойство. Она желала помощи тети Адолина, чуть ли не умоляла ее об этом. Однако теперь ей казалось, что женщина вторглась на ее территорию. Это исследование стало проектом Шаллан, ее долгом, ее поиском. И вот когда Навани, по всей видимости, справилась со своим горем, не настает ли она на том, чтобы полностью перенять инициативу?

– Ты мыслишь как художник, – сказала женщина. – Я вижу это в том, как ты связываешь заметки между собой. Что ж, полагаю, нельзя ожидать что все, что ты делаешь, снабжалось бы примечаниями в соответствии с моими пожеланиями. Волшебный портал в другой город? Джасна действительно в него верила?

– Да.

– Хм-м, – задумалась Навани. – Тогда он, вероятно, существует. У этой девчонки никогда не хватало любезности ошибаться благопристойное количество раз.

Шаллан кивнула, озабоченно поглядывая на заметки.

– О, не нужно так нервничать. Я не собираюсь красть у тебя проект.
– Так легко понять, что у меня на уме? – спросила Шаллан.
– Очевидно, что исследование имеет для тебя огромное значение. Полагаю, Джасна убедила тебя в том, что судьба всего мира зависит от ответов, которые ты ищешь?

– Да, так и было.

– Бездна, – выругалась Навани, переворачивая очередную страницу. – Не стоило тебя игнорировать. Я повела себя мелочно.

– Это был поступок скорбящей матери.

– У ученых нет времени на подобную чепуху. – Навани моргнула, и Шаллан заметила слезы в глазах женщины.

– Но вы еще и человек, – сказала девушка, потянувшись через проход и дотронувшись до ее колена. – Мы не можем быть такими же бесчувственными осколками камня, как Джасна.

Навани улыбнулась.

– Иногда она проявляла не больше чувств, чем какой-нибудь труп, верно?

– Все из-за того, что она была слишком умной. Привыкаешь, что все остальные кажутся идиотами, пытаясь поспевать за тобой.

– Чана свидетельница, временами я задавалась вопросом, как мне удалось вырастить такого ребенка, не придушив его. В шесть лет она указывала мне на логические заблуждения, когда я пыталась уложить ее вовремя в постель.

Шаллан ухмыльнулась.

– Я просто всегда считала, что она сразу родилась тридцатилетней.

– О, так и было. Просто ее телу потребовалось тридцать с лишним лет, чтобы догнать разум. – Навани улыбнулась. – Я не буду забирать у тебя проект, но также не позволю пытаться осуществить что-то столь важное в одиночку. Я приму в нем участие. Решать головоломки, которые захватили ее... будет похоже на то, что она снова со мной. Моя маленькая Джасна, несносная и чудесная.

Как странно представлять Джасну ребенком, о котором заботилась мать.

– Почту за честь принять вашу помощь, светледи Навани.

Навани придержала страницу.

– Ты пытаешься наложить Штормпост на Разрушенные равнины. Не сработает, пока у тебя не будет точки привязки.

– Лучше двух, – согласилась Шаллан.

– Прошли века с тех пор, как тот город пал. Полагаю, он разрушен во времена самого Ахаритиама. Нам будет трудно найти здесь подсказки, хотя твой перечень описаний поможет. – Навани постучала пальцем по бумаге. – Я не эксперт в этой области, но у меня есть несколько археологов среди писцов Далинара. Нужно показать им твои записи.

Шаллан кивнула.

– Понадобятся копии всего, что здесь есть, – продолжила Навани. – Я не хочу рисковать оригиналами из-за всех этих дождей. Можно загрузить писцов работой сегодня вечером, после того, как мы станем лагерем.

– Как пожелаете.

Навани подняла взгляд и нахмурилась.

– Решение за тобой.

– Вы серьезно?

– Абсолютно. Считай меня дополнительным ресурсом.

«Что ж, хорошо».

– Да, пусть они сделают копии, – сказала Шаллан, роясь в сумке. – И копии этого тоже – моя попытка воссоздания одной из фресок, изображенных на внешней стене храма Чанаранач в Штормпосте. Стена выходила на подветренную сторону и предположительно располагалась в тени, поэтому, возможно, мы

сумеем найти ее остатки. Мне также понадобится топограф для замеров каждого нового плато, которое мы будем пересекать, как только двинемся дальше. Я в состоянии их нарисовать, но мое пространственное восприятие может подвести. Мне нужно знать точные размеры плато, чтобы создать более достоверную карту. А еще мне потребуются охранники и писцы, которые будут сопровождать меня впереди всей армии, чтобы мы могли побывать на плато, располагающихся параллельно нашему курсу. Если бы вам удалось убедить Далинара разрешить подобные действия, вы бы действительно помогли. Я бы хотела, чтобы специальная группа изучила цитаты на той странице под картой. В них говорится о методах открытия Клятвенных врат, которое, предположительно, являлось обязанностью Сияющих рыцарей. Будем надеяться, нам удастся обнаружить другой способ. Кроме того, предупредите Далинара, что мы попытаемся открыть портал, если его обнаружим. Я не ожидаю, что там, на другой стороне, окажется какая-либо опасность, но, несомненно, он в первую очередь захочет послать через него солдат.

Навани с изумлением взглянула на Шаллан.

– Вижу, ты немного подумала обо всем.

Шаллан, покраснев, кивнула.

– Я позабочусь, чтобы все было исполнено, – сказала Навани. – Я лично возглавлю исследовательскую группу по изучению цитат, о которых ты упомянула. – Она запнулась. – Знаешь ли ты, почему Джасна считала тот город, Уритиру, настолько важным?

– Потому что он был центром могущества Сияющих рыцарей, и она надеялась найти там информацию о них и о Несущих Пустоту.

– То есть, подобно Далинару, – проговорила Навани, – она пыталась возродить силы, которые, вероятно, нам стоило бы оставить в покое.

Шаллан почувствовала внезапный укол беспокойства.

«Мне нужно рассказать. Хоть что-нибудь».

– Она не просто пыталась. Она достигла успеха.

– Достигла успеха?

Шаллан глубоко вздохнула.

– Я не знаю, что она говорила по поводу того, откуда у нее преобразователь, но правда заключается в том, что он был фальшивкой. Джасна могла *преобразовывать* сама, без фабриалов. Я видела, как она это делает. Джасна познала секреты прошлого, секреты, которые, мне кажется, не известны больше никому. Ваша светлость Навани... ваша дочь была одной из Сияющих рыцарей.

Или настолько близка к этому, как никто в целом мире.

Навани подняла бровь, явно скептически.

– Я клянусь, что это правда, – сказала Шаллан, – десятым именем Всемогущего.

– Вызывает беспокойство. Сияющие, Герольды и Несущие Пустоту – все они должны были исчезнуть. Мы же победили в той войне.

– Я знаю.

– Пойду займусь делом, – произнесла Навани, постучав кучеру, чтобы тот остановил экипаж.

Начался Плач.

Непрекращающиеся потоки дождя. Сидя в своей комнате, Каладин слышал его шепот на заднем плане. Слабая, жалкая морось, без ярости и страсти истинного свершшторма.

Он лежал в темноте, слушая скороговорку дождя и чувствуя пульсацию в ноге. Влажный, холодный воздух проникал в комнату, и мостовик зарылся в

дополнительные одеяла, доставленные интендантом. Свернувшись калачиком, Каладин попытался уснуть, но, проспав почти весь вчерашний день – день, когда отбыла армия Далинара, – обнаружил, что может только бодрствовать.

Он ненавидел ранения и не желал соблюдать постельный режим. Никогда больше.

«Сил...»

Плач приносил мало радости. Приходилось проводить целые дни взаперти, как в ловушке. Бесконечная мгла в небе, судя по всему, влияла на него больше, чем на других, заставляя становиться вялым и равнодушным.

Раздался стук в дверь. Каладин поднял в темноте голову, сел и поудобнее устроился на скамье-кровати.

– Войдите, – сказал он.

Дверь открылась и впустила звук дождя, похожий на топот тысяч маленьких ног. Вместе со звуком просочилось очень мало света. Во время Плача затянутое облаками небо погружало землю в вечные сумерки.

Вошел Моаш. Как обычно, в Доспехах Осколков.

– Шторма, Кэл. Ты спал? Прости.

– Нет, мне не спалось.

– В темноте?

Каладин пожал плечами. Моаш закрыл за собой дверь, снял латную рукавицу и подвесил ее на пояс Доспехов Осколков. Засунув руку под металлическую пластину, он вытащил пригоршню сфер, чтобы осветить комнату. Богатство, которое раньше казалось невероятным для мостовиков, для Моаша теперь было просто карманной мелочью.

– Разве ты не должен охранять короля? – спросил Каладин.

– Я то на дежурстве, то нет, – нетерпеливо ответил Моаш. – Они разместили нас пятерых в непосредственной близости от его покоев. Прямо во дворце! Каладин, это замечательно.

– Когда? – тихо спросил капитан мостовиков.

– Мы не хотим испортить Далинару его экспедицию, – пояснил Моаш, – так что собираемся дожидаться, пока он не удалится на некоторое расстояние, возможно, пока не встретится с врагом. Таким образом, он окажется связан боевыми действиями и не станет поворачивать обратно, когда до него дойдут новости. Для Алеткара будет лучше, если он преуспеет и победит паршенди. Он вернется героем... и королем.

Каладин кивнул, почувствовав слабость.

– Мы все распланировали, – продолжил Моаш. – Поднимем тревогу во дворце: якобы замечен Убийца в Белом. Затем будем действовать так же, как сделали в прошлый раз – отошлем всех слуг укрыться в их комнатах. Поблизости не окажется никого, кто бы увидел, чем мы занимаемся, никому не причинят вреда, и все будут полагать, что за случившимся стоит шинский убийца. О лучшей возможности нельзя и мечтать! И тебе ничего не придется делать, Кэл. Грейвс говорит, что нам вообще не понадобится твоя помощь.

– Тогда зачем ты здесь? – спросил Каладин.

– Просто хотел тебя проведать. – Моаш подошел ближе. – То, что сказал Лоупен, правда? Насчет твоих... способностей?

Штормов хердазианин! Лоупен остался в лагере вместе с Даббидом и Хоббером, чтобы позаботиться о бараке и присмотреть за Каладином. По всей видимости, они рассказали Моашу.

– Правда, – ответил Каладин.

– Как это произошло?

– Точно не знаю, – соврал он. – Я обидел Сил, так что не видел ее уже несколько дней. Без нее я не могу втягивать штормсвет.

– Мы это как-нибудь исправим, – подбодрил его Моаш. – Или раздобудем тебе собственные Доспехи и Клинок.

Каладин взглянул на друга.

– Думаю, она покинула меня из-за заговора убить короля, Моаш. Похоже, Сияющие не могут быть вовлечены ни во что подобное.

– Разве Сияющих не должно волновать то, что совершается во благо? Даже если выбор непрост?

– Иногда жизнями нужно жертвовать ради высшей добродетели, – сказал Каладин.

– Да, вот именно!

– Эта фраза прозвучала из уст Амарама в отношении моих друзей, которых он убил, чтобы скрыть свои тайны.

– Ну, тут, очевидно, другое. Он светлоглазый.

Каладин посмотрел на Моаша, глаза которого изменились и стали такого же светлого оттенка, как у любого светлорда. В общем-то, глаза Амарама были того же цвета.

– Как и ты теперь.

– Кэл, – проговорил Моаш, – ты меня тревожишь. Не говори так.

Каладин отвел взгляд.

– Король велел передать тебе послание. Вот почему я здесь. Он хочет, чтобы ты пришел с ним поговорить.

– Что? Зачем?

– Не знаю. Сейчас, в отсутствие Далинара, он сильно налегает на вино. К тому же не легкое оранжевое. Я скажу ему, что у тебя слишком тяжелые раны, чтобы передвигаться.

Каладин согласно кивнул.

– Кэл, – сказал Моаш, – мы ведь можем тебе доверять, правда? Ты ведь не передумал?

– Ты сам сказал, что мне ничего не придется делать, – ответил Каладин. – Я просто должен держаться в сторонке.

«Так или иначе, как бы я смог помешать? Без спрена, раненый».

Все закрутилось слишком серьезно и зашло слишком далеко, чтобы он мог это остановить.

– Замечательно, – сказал Моаш, направившись к двери. – Поправляйся, ладно?

Он вышел, снова оставив Каладина во тьме.



*А новедь их оставили Это явственно следует из при
роды связи Но где где где где Бросили Очевидно Как св
ет из него солнца Они у шиноварцев Нужно найти
одного из них Сможем ли мы использовать Незнаю
щего правду Сможем ли выковать оружие
**Диаграмма, 17-ая доска пола: параграф 2,
каждая 2-ая буква, начиная с 1-ой***

В темноте фиолетовые сферы Шаллан оживили дождь. Без сфер она не видела капли, только слышала, как они разбиваются о камни и ткань тента. В свете сфер каждая падающая частичка воды вспыхивала ярко, как спрен звезд.

Девушка сидела с краю тента, ей нравилось наблюдать за дождем в перерывах между рисованием, в то время как другие ученые расположились ближе к центру. Так же поступил Ватах с парой солдат, которые наблюдали за ней, как небоугри за единственным детенышем в выводке. Шаллан забавляло, что ее люди стали такими заботливыми; казалось, что они невероятно горды быть ее солдатами. Честно говоря, она ожидала, что, получив помилование, они сбегут.

Прошло четыре дня Плача, а Шаллан все еще наслаждалась погодой. Почему тихие звуки морозящего дождя так подстегивали воображение? Спрены творчества медленно исчезали вокруг нее, и большинство из них принимали очертания различных предметов в лагере. Вкладываемые и вынимаемые из ножен мечи, крошечные палатки, которые срывает и уносит невидимый ветер.

Ее рисунок изображал Джасну такой, какой она была в ту ночь, всего лишь чуть больше месяца назад, когда Шаллан видела ее в последний раз. Склонившаяся над письменным столом в полутемной каюте корабля, откидывающая назад волосы, освобожденные от привычных узлов и кос. Измученная, подавленная, напуганная.

Изображение не воспроизводило ни одно достоверное воспоминание Шаллан, как это обычно бывало. Она воссоздала то, что запомнила. Интерпретация не была точной. Шаллан гордилась рисунком, потому что в нем ей удалось передать противоречивость Джасны.

Противоречивость. То, что делало людей настоящими. Джасна измучена, но все еще сильна – даже сильнее от того, что обнаружила свою уязвимость. Джасна

напугана, но в то же время и смела настолько, насколько можно совместить эти две вещи. Джасна подавлена, но она по-прежнему могущественна.

В последнее время Шаллан пыталась создавать больше рисунков, рожденных воображением. Ее иллюзии будут неполноценными, если она сможет воспроизводить только переживания из собственного опыта. Требовалось обрести способность творить, а не только копировать.

Исчез последний спрен творчества. Он принял вид разбрызганной лужи, в которую наступили сапогом. По листу бумаги пошла рябь, когда на него перебрался Узор.

Он фыркнул.

– Бесплезные существа.

– Спрены творчества?

– Они ничего не делают. Порхают вокруг и наблюдают, любуются. У большинства спренов есть цель. А эти просто притягиваются к чужим целям.

Шаллан откинулась назад, обдумывая услышанное, как учила ее Джасна. Неподалеку ученые и арденты спорили о том, насколько большим был Штормпост. Навани хорошо справилась со своей задачей, лучше, чем Шаллан могла надеяться. Теперь с ней трудилась целая армия ученых, подчиняющаяся ее указаниям.

Неисчислимы ряды близких и далеких огней в ночи вокруг тента указывали на размах армии. Продолжал моросить дождь, отражая фиолетовый свет сфер. Шаллан отобрала все сферы одного цвета.

– Художница Элсет, – произнесла девушка, – однажды провела эксперимент. Она взяла только хорошенько заряженные рубиновые сферы, чтобы осветить свою студию. Ей хотелось увидеть, какой эффект красный свет может оказать на искусство.

– М-м-м-м, – прогудел Узор. – И каким был результат?

– Поначалу во время рисования цвет освещения сильно воздействовал на нее. Ей пришлось использовать слишком мало красного, и цветочные лужайки выглядели размытыми.

– Ничего неожиданного.

– Тем не менее, если она продолжала работать, начинали происходить интересные вещи. Когда она рисовала часами в таком освещении, эффект ослаблялся. Цвета на репродукциях становились более сбалансированными, изображения цветущих растений – живее. В конечном счете Элсет заключила, что ее разум скомпенсировал цвета, которые она видела. В самом деле, если она меняла цвет освещения во время рисования, то продолжала некоторое время рисовать так, будто свет все еще красный, противодействуя тем самым новому цвету освещения.

– М-м-м-м-м-м-м-м... – довольно прогудел Узор. – Люди могут видеть мир не таким, какой он есть. Вот почему твоя ложь бывает такой сильной. Ты способна не признавать, что лжешь.

– Это меня пугает.

– Почему? Это прекрасно.

Шаллан была для него объектом изучения. На мгновение она поняла, какой предстала перед глазами Каладина, когда разглагольствовала о скальном демоне, восхищалась его красотой и очертаниями, не замечая объективной опасности, которую представляло животное.

– Это меня пугает, – повторила Шаллан, – потому что для каждого из нас мир предстает в своем свете, отчего восприятие изменяется. У меня нет ясности. Я хочу ее обрести, но даже не знаю, получится ли у меня хотя бы когда-нибудь.

Наконец повторяющаяся дробь дождя нарушил какой-то посторонний звук, и под тент вошел Далинар Холин. С выпрямленной спиной, седой, он

больше походил на полководца, чем на короля. У Шаллан не было набросков с его изображением. Девушке показалось, что это огромное упущение с ее стороны, поэтому она сохранила *воспоминание* о кронпринце, заходящем под тент в сопровождении помощника, который держал над ним зонтик.

Далинар подошел к Шаллан.

– А, ты здесь. Та, кто приняла командование нашей экспедицией.

Шаллан запоздало вскочила на ноги и поклонилась.

– Кронпринц?

– У тебя собрались мои писцы и картографы, – насмешливо сказал Далинар. – Их болтовня похожа на дождь. Уритиру. Штормпост. Как тебе удалось?

– Это не я. Все благодаря светледи Навани.

– Она говорит, что ты ее убедила.

– Я... – Шаллан покраснела. – На самом деле я ничего не делала, она просто изменила свое мнение...

Далинар коротко кивнул в сторону, и его помощник отошел к спорящим ученым. Молодой человек негромко заговорил, и они поднялись – некоторые быстро, другие с неохотой – и удалились под дождь, оставив свои бумаги. Помощник ушел с ними, а Ватах посмотрел на Шаллан. Она кивнула, отпуская его и других охранников.

Вскоре Шаллан и Далинар остались под тентом наедине.

– Ты рассказала Навани, что Джасна открыла секреты Сияющих рыцарей, – произнес кронпринц.

– Да.

– Ты уверена в том, что Джасна не ввела тебя каким-то образом в заблуждение или позволила тебе самой впасть в заблуждение, что больше похоже на нее?

– Светлорд, я... я не думаю, что... – Шаллан вздохнула. – Нет. Она не ввела меня в заблуждение.

– Как ты можешь быть в этом уверена?

– Я видела. Я стала свидетелем того, что она делала, и мы обсуждали случившееся. Джасна Холин не пользовалась преобразователем. Она сама была им.

Далинар сложил руки на груди, устремив взор мимо Шаллан в темноту.

– Мне кажется, что я тот, кто должен возродить Сияющих рыцарей. Первый человек, о котором я подумал, что могу доверить ему подобную задачу, оказался убийцей и лжецом. Теперь ты говоришь мне, что Джасна, возможно, обладала настоящей силой. Если это правда, какой же я дурак!

– Я не понимаю.

– Назначив Амарама, – произнес Далинар, – я сделал то, что, как мне казалось, соответствовало моей задаче. Теперь я задаюсь вопросом, не ошибался ли я все это время. Может быть, их возрождение никогда не было моим долгом. Они могли возродиться сами, а я самонадеянный глупец. Ты дала мне богатую пищу для размышлений. Спасибо тебе.

Далинар не улыбнулся, говоря все это, и даже выглядел серьезно обеспокоенным. Сложив руки за спиной, он повернулся, чтобы уйти.

– Светлорд Далинар? – позвала Шаллан. – Что, если вашей задачей было не возрождение Сияющих рыцарей?

– Именно это я только что сказал, – ответил кронпринц.

– Что, если вашей задачей было собрать их?

Он оглянулся и выжидающе посмотрел на девушку. Шаллан прошиб холодный пот. Что она делала?

«Я должна когда-нибудь кому-то рассказать, – подумала она. – Я не могу поступать так, как Джасна, удерживая все в себе. Это слишком важно».

Являлся ли Далинар Холин нужным человеком?

Что ж, определенно, никто более подходящий не приходил ей на ум.

Шаллан выставила ладонь вперед и вдохнула, осушая одну из сфер. Затем выдохнула облачко мерцающего штормсвета в воздух между собой и Далинаром. Она сформировала его на ладони в маленький образ Джасны, тот самый, что недавно нарисовала.

– Всемогущий над нами! – прошептал Далинар.

Единственный спрен благоговения, похожий на кольцо голубого дыма, вспыхнул над ним, рассеявшись подобно ряби от брошенного в пруд камня. Шаллан видела таких спренов всего лишь несколько раз за всю жизнь.

Далинар подошел ближе и с почтением наклонился, чтобы рассмотреть созданный Шаллан образ.

– Можно? – спросил он, протянув руку.

– Да.

Он прикоснулся к образу, и тот превратился в колеблющийся свет. Далинар убрал палец, и образ снова обрел первоначальную форму.

– Обычная иллюзия, – сказала Шаллан. – Я не могу создавать ничего реального.

– Я поражен, – проговорил Далинар.

Его голос был таким тихим, что она едва могла расслышать его за шумом дождя.

– Это удивительно. – Кронпринц посмотрел на нее и – с ума сойти! – в его глазах стояли слезы. – Ты одна из них.

– Может быть, но лишь только в некоторой степени, – уточнила Шаллан, испытывая неловкость. Этот человек, такой внушительный, колоссальный, не должен был плакать перед ней.

– Я не сумасшедший, – произнес Далинар, видимо, больше для самого себя. – Я решил, что не безумен, но это не то же самое, что знать наверняка. Все правда. Они возвращаются.

Он снова коснулся образа.

– Джасна научила тебя этому?

– Я больше училась на своих собственных ошибках, – ответила Шаллан. – Думаю, что меня привели к ней, чтобы она смогла меня учить. К несчастью, у нас было мало времени.

Девушка скорчила гримасу, рассеивая штормсвет. Сердце бешено колотилось от того, что она сделала.

– Мне следует вручить тебе золотой плащ, – произнес Далинар, выпрямляясь, и вытер глаза, вернув голосу твердость. – Поставить тебя руководить ими. Поэтому мы...

– Меня? – воскликнула Шаллан, думая о том, что это может означать для ее альтер-эго. – Нет, я не могу! Я имею в виду, светлорд, сэр, что мои способности принесут пользу, только если никто не будет знать, что такое возможно. Я имею в виду, что, если все будут ожидать от меня иллюзий, я никого не смогу одурачить.

– Одурачить? – переспросил Далинар.

Возможно, не самое удачное слово при разговоре с кронпринцем.

– Светлорд Далинар!

Шаллан крутанулась, настороженная, взволнованная тем, что кто-то мог увидеть, что она сделала. К тенту приближалась стройная посыльная, с нее капала вода, косы растрепались, локоны прилипли к лицу.

– Светлорд Далинар! Сэр, замечены паршенди!

– Где?

– На восточной стороне плато, – ответила женщина, тяжело дыша. – Мы считаем, что там их разведывательный отряд.

Далинар перевел взгляд с посылной на Шаллан, выругался и выскочил под дождь.

Шаллан бросила папку с набросками на стул и последовала за ним.

– Это может оказаться опасным, – предупредил Далинар.

– Я ценю вашу заботу, светлорд, – тихо сказала Шаллан, – но думаю, что даже если получу удар копьём в живот, мои способности меня исцелят, не оставив шрамов. Вероятно, среди всех людей в лагере труднее всего убить именно меня.

Мгновение Далинар шел молча.

– Падение в ущелья? – негромко спросил он.

– Да. Думаю, я также спасла капитана Каладина, хотя не знаю, как мне это удалось.

Далинар хмыкнул. Они быстро перемещались под дождем, волосы и одежда Шаллан промокли. Ей приходилось почти бежать, чтобы не отстать от кронпринца. Штормовые алеты с их длинными ногами! Подоспели охранники – солдаты Четвертого моста – и окружили их со всех сторон.

Вдалеке она услышала крики. Далинар отправил охранников занять более широкий периметр, чтобы обеспечить немного уединения для себя и Шаллан.

– Ты можешь *преобразовывать*? – тихо спросил он. – Как Джасна?

– Да, – ответила Шаллан. – Но я практиковалась совсем не много.

– Это может оказаться очень полезным.

– А также очень опасным. Джасна не хотела, чтобы я практиковалась без нее, хотя теперь, когда ее нет... Что ж, рано или поздно придется этим заняться. Сэр, пожалуйста, никому не говорите обо мне. По крайней мере, пока.

– Вот почему Джасна взяла тебя ученицей, – понял Далинар. – Вот почему она хотела поженить вас с Адолином, верно? Чтобы связать тебя с нами?

– Да, – ответила Шаллан, покраснев в темноте.

– Теперь множество вещей обретает смысл. Я расскажу о тебе Навани, но больше никому, и возьму с нее клятву секретности. Она умеет хранить тайны, если нужно.

Шаллан открыла рот, чтобы сказать «да», но остановилась. Как повела бы себя Джасна?

– Мы отправим тебя обратно в военные лагеря, – тихо продолжил Далинар, глядя вперед. – Немедленно, с эскортом. Меня не волнует, насколько трудно тебя убить. Ты слишком ценна, чтобы подвергаться риску в экспедиции.

– Светлорд, – ответила Шаллан, шлепая по луже, довольная тем, что обула ботинки и надела под юбку леггинсы, – вы не мой король и вы не мой кронпринц. У вас нет надо мной власти. Мой долг – найти Уритиру, поэтому вы не отошлете меня обратно. И ради вашей чести вы должны пообещать не рассказывать ни одной живой душе о том, на что я способна, кроме как с моего разрешения. В том числе светледи Навани.

Далинар остановился на месте и удивленно уставился на нее. Затем хмыкнул, его лицо было едва различимо.

– Я вижу в тебе Джасну.

Шаллан редко получала подобные комплименты.

Сквозь пелену дождя, покачиваясь, приближались огоньки в фонарях со сферами, которые несли солдаты. Подбежали оставшиеся Ватах и его люди, и Четвертый мост на мгновение их задержал.

– Хорошо, светледи, – ответил Далинар Шаллан. – Твой секрет будет сохранен, пока что. Мы обсудим все позже, когда завершится экспедиция. Ты читала о том, что я видел?

Шаллан кивнула.

– Скоро мир изменится, – сказал Далинар, глубоко вздохнув. – Ты даешь мне надежду, истинную надежду на то, что мы сможем изменить его в правильном направлении.

Приближающиеся разведчики отсалютовали, и Четвертый мост расступился, чтобы пропустить их предводителя к Далинару. К ним подошел крупный мужчина в коричневой шляпе, которая напомнила Шаллан ту, что носила Вейль, только без широких полей. На разведчике были солдатские штаны, но также и кожаный жилет, поэтому форма не казалась военной.

– Башин, – поприветствовал его Далинар.

– Паршенди на соседнем плато, – указал Башин. – Они наткнулись на один из моих разведывательных отрядов. Парни быстро подняли тревогу, но мы потеряли трех человек.

Далинар тихо выругался и повернулся к светлорду Телебу, который приблизился с другой стороны, облаченный в Доспехи Осколков, которые он выкрасил в серебряный цвет.

– Поднимай армию, Телеб. Общая тревога.

– Да, светлорд, – ответил тот.

– Светлорд Далинар, – сказал Башин, – ребята убили одного из тех панциреголовых перед тем, как погибли сами. Сэр... вам нужно на него взглянуть. Кое-что изменилось.

Шаллан задрожала, почувствовав, что промокла и замерзла. Конечно, она взяла одежду, которая защищает от дождя, но это не значило, что ей было комфортно. Несмотря на плащи, похоже, больше никто не придавал значения погоде. По всей видимости, остальные принимали как должное то, что во время Плача ты промокал насквозь. Еще одно обстоятельство, к которому ее не подготовило проведенное в защищенных условиях детство.

Далинар не стал возражать, когда Шаллан присоединилась к нему и направилась к ближайшему переносному мосту, который обслуживали бригады мостовиков Каладина в дождевых плащах и широкополых шляпах. Несколько солдат тащили что-то с другой стороны моста, образуя перед собой маленькую волну. Труп паршенди.

Шаллан видела только одного паршенди, обнаруженного ею и Каладином в ущелье. Она уже сделала его набросок, но этот мужчина сильно отличался от предыдущего. У него были волосы – точнее, подобие волос. Склонившись над паршенди, девушка обнаружила, что они гуще человеческих и на ощупь слишком... гладкие. Какое же подобрать слово? Лицо мраморное, как у паршмена, с контрастными красными полосами на черном. Тело худое и крепкое, и казалось, что что-то растет под кожей обнаженных рук, проглядывая наружу. Шаллан пощупала выступы и обнаружила, что они твердые и ребристые, как панцирь краба. Фактически все лицо над щеками оказалось покрыто своего рода тонким, шершавым панцирем, который продолжался по обеим сторонам головы.

– Паршенди такого типа мы раньше не видели, сэр, – пояснил Башин Далинару. – Взгляните на его гребни. Сэр... те парни, что погибли, у них появились ожоги. Под дождем. Самая странная вещь, которую мне доводилось видеть...

Шаллан посмотрела на них.

– Что вы имеете в виду под «типом», Башин?

– У некоторых паршенди есть волосы, – ответил мужчина. Он был темноглазым, но, несомненно, уважаемым, хотя и не имел определенного военного чина. – У других – панцирь. Те, которых мы когда-то встретили с королем Гавиларом, совсем... не такие, как те, с которыми мы сражаемся.

– У них есть специализированные подвиды? – уточнила Шаллан. Подобное встречалось у некоторых крэмлинов, живущих колониями и имеющих различные специализации и разные формы.

– Возможно, мы подорвали их численность, – предположил Далинар. – И заставили посылать в бой их эквиваленты светлоглазых.

– А ожоги, Далинар? – спросил Башин, почесав голову под шляпой.

Шаллан протянула руку, чтобы определить цвет глаз паршенди. Имеются ли среди них светло- и темноглазые, как у людей? Она подняла веко.

Глаз под ним оказался полностью красным.

Шаллан вскрикнула, отскочив и прижав руку к груди. Солдаты выругались, оглядываясь вокруг, а несколькими секундами позже в руке Далинара появился Клинок Осколков.

– Красные глаза, – прошептала Шаллан. – Началось.

– Красные глаза всего лишь легенда.

– У Джасны был целый блокнот упоминаний об этом факте, светлорд, – произнесла Шаллан, содрогаясь. – Несущие Пустоту здесь. Время близко.

– Бросьте тело в пропасть, – приказал Далинар своим людям. – Я сомневаюсь, что нам удастся легко его сжечь. Поднимайте всех по тревоге. Готовьтесь к атаке сегодня вечером. Они...

– Светлорд!

Шаллан развернулась, когда к ним подошел массивный человек в броне. Дождевая вода стекала по его серебряным Доспехам.

– Мы обнаружили еще одного, сэр, – сказал Телеб.

– Мертвого? – уточнил Далинар.

– Нет, сэр, – ответил Носитель Осколков. – Он пришел прямо к нам, сэр. Сидит там, на скале.

Далинар посмотрел на Шаллан, но она только пожала плечами. Кронпринц направился в указанном Телебом направлении.

– Сэр? – произнес Телеб. Его голос резонировал под шлемом. – Разве вам не следует...

Далинар проигнорировал предупреждение, и Шаллан поспешила за ним, подозревая Ватаха и двух своих охранников.

– Не следует ли вам отправиться обратно? – тихо спросил ее Ватах.

Шторма, несмотря на почтение в голосе, его лицо выглядело опасным в тусклом свете. Шаллан ничего не могла поделать с тем, что до сих пор видела в нем человека, который чуть не убил ее в Ничейных холмах.

– Мне ничего не угрожает, – тихо ответила Шаллан.

– Может, вы и владеете Клинком, ваша светлость, но вас все равно могут убить стрелой в спину.

– Вряд ли, под таким-то дождем.

Ватах отстал от нее, больше не возражая. Он пытался выполнять работу, на которую Шаллан его определила. К сожалению, девушка обнаружила, что ей не слишком нравится, когда ее охраняют.

Пройдясь под дождем, они обнаружили паршенди. Скала, на которой тот сидел, была высотой в человеческий рост. Похоже, у него не имелось оружия, и около сотни солдат алетии толпились у подножия с выставленными вверх копьями. Больше Шаллан ничего не смогла разглядеть, потому что он сидел через ущелье от них. На плато вел переносной мост.

– Он что-нибудь сказал? – тихо спросил Далинар, когда подошел Телеб.

– Нет, насколько я знаю, – ответил Носитель Осколков. – Он просто сидит здесь.

Шаллан всматривалась через пропасть в одинокого паршенди. Он встал и прикрыл глаза от дождя. Солдаты внизу задвигались, поднимая копья в более угрожающую позицию.

– Шрам? – позвал паршенди. – Шрам, это ты? И Лейтен?

Рядом выругался один из мостовиков Далинара. Он побежал через мост, и несколько других мостовиков последовали за ним.

Через мгновение они вернулись. Шаллан подошла ближе, чтобы услышать, что их лидер прошептал Далинару.

– Это он, сэр, – сказал Шрам. – Он изменился, но, шторм побери, будь я дураком, если ошибаюсь. Это он. Шен. Месяцами носил мост вместе с нами, а потом исчез. Теперь он здесь. Говорит, что хочет вам сдаться.



В: Что для нас самое важное, к чему мы должны стремиться?

О: Самое важное – сохранить, защитить суть человеческой природы от надвигающегося шторма.

В: Какую цену мы должны заплатить?

О: Цена не имеет значения. Человечество обязано выжить. Наше бремя лежит на всем нашем виде, и все остальные соображения лишь пыль в сравнении с этим.

Диаграмма, вопросник на обратной стороне картины с цветами: параграф 1

Далинар стоял в штабной палатке, сложив руки за спиной, и ждал, слушая стук дождя по ткани. Пол палатки намок. Во время Плача подобного не избежать. Далинар знал это по печальному опыту – в это же время года он побывал не в одной военной вылазке.

Прошел день с тех пор, как они обнаружили на равнинах паршенди – и мертвого, и которого мостовики называли Шеном. Сам он именовал себя Рлаином. Когда-то Далинар лично разрешил ему вооружиться.

Шаллан утверждала, что все паршмены являлись Несущими Пустоту в зародыше. У него было достаточно оснований доверять словам веденки, учитывая то, что она ему показала. Но как поступить? Сияющие вернулись, у паршенди проявились красные глаза. Далинар чувствовал себя так, будто пытается предотвратить прорыв плотины, находясь в постоянном неведении, где на самом деле располагаются протечки.

Клапаны палатки разошлись, и внутрь, пригнувшись, вошел Адолин, сопровождающий Навани. Она повесила штормовой плащ на вешалку рядом со входом, а принц схватил полотенце и начал сушить волосы и лицо.

Адолин оказался помолвлен с Сияющей.

«Она сказала, что еще не стала одной из них», – напомнил себе Далинар.

Это имело смысл. Человек может оказаться умелым копейщиком, не будучи солдатом. Одно подразумевает мастерство, другое – профессию.

– Они привели паршенди? – спросил Далинар.

– Да, – подтвердила Навани, занимая место в одном из кресел.

Адолин не стал садиться, зато нашел кувшин с фильтрованной дождевой водой и налил себе кубок. Его палец постукивал по оловянному кубку, пока он пил.

Все они были обеспокоены обнаружением красноглазых паршенди. После того, как ночью не последовало атаки, Далинар приказал трем армиям маршировать дальше.

Медленно, но они приближались к центру равнин, по крайней мере, по оценкам Шаллан. Районы, исследованные разведчиками, остались далеко позади. Теперь им приходилось полагаться на карты девушки.

Входные клапаны разошлись снова, и внутрь шагнул Телеб вместе с пленником. Далинар приставил светлорда и его личную охрану к этому «Рлаину», поскольку ему не нравилось, как того защищали мостовики. Кронпринц пригласил на допрос их лейтенантов – Шрама и повара-рогоеда, которого называли Камнем, и они вдвоем вошли следом за Телебом и его людьми. Генерал Хал и Ренарин ожидали в другой палатке вместе с Аладаром и Ройоном, занятые разработкой тактики для момента, когда армии приблизятся к лагерю паршенди.

Навани выпрямилась, немного наклонилась вперед и прищурила глаза, вглядываясь в заключенного. Шаллан тоже хотела присутствовать, но Далинар пообещал, что все сказанное будет записано и передано ей. К счастью, Отец Штормов подарил девушке немного здравого смысла, и она не настаивала. Присутствие слишком многих людей в непосредственной близости от шпиона казалось Далинару опасным.

Он смутно помнил охранника-паршмена, который временами присоединялся к мужчинам Четвертого моста на дежурстве. Паршмены были почти невидимы, но как только один из них начал носить копье, то мгновенно стал привлекать внимание. Не то чтобы он чем-то отличался – все то же приземистое тело паршмена, мраморная кожа, потухший взгляд.

Существо перед ним не имело с тем паршменом ничего общего. Полноценный воин паршенди с оранжево-красным костяным покрытием на лице и бронированным панцирем на груди, бедрах и предплечьях. Он был так же высок, как аleti, но более мускулист.

Несмотря на отсутствие оружия, охранники по-прежнему относились к нему как к самому опасному существу на этом плато, и, возможно, так оно и было. Войдя внутрь, паршенди отсалютовал Далинару, приложив руку к груди. Как и остальные мостовики. На его лбу виднелись татуировки, поднимающиеся и исчезающие в костяном наросте на голове.

– Садись, – приказал Далинар, кивнув в сторону табуретки в центре палатки.

Рлаин подчинился.

– Мне сказали, что ты отказываешься сообщить нам любые сведения о планах паршенди.

– Мне они неизвестны, – ответил Рлаин.

В его голосе слышались ритмические интонации, общие для всех паршенди, но он очень хорошо говорил на алети. Лучше любого паршмена, речь которого Далинар слышал ранее.

– Ты шпионил, – сказал кронпринц, заложив руки за спину, и попытался угрожающе нависнуть над паршенди, но при этом остаться на достаточном отдалении, чтобы, если тот вдруг захочет его схватить, Адолин успел бы преградить паршенди путь.

– Да, сэра.

– Как долго?

– Больше трех лет. В разных военных лагерях.

Стоящий с поднятым забралом Телеб повернулся к Далинару и повел бровью.

– Ты отвечаешь мне, когда я спрашиваю, – сказал Далинар. – Но не кому-то другому. Почему?

– Вы мой командир, – объяснил Рлаин.

– Ты паршенди.

– Я...

Ссутулившись, Рлаин устался в землю, а затем прикоснулся рукой к голове, ощутив выступ на коже там, где тот оканчивался костяным шлемом.

– Что-то очень неправильно, сэра. Голос Эшонай... на плато в тот день, когда она пришла встретиться с принцем Адолином...

– Эшонай, – подтолкнул Далинар. – Носитель Осколков паршенди?

Сидящая рядом Навани быстро записывала на бумагу каждое произнесенное слово.

– Да. Она была моим командиром. Но теперь...

Паршенди поднял голову, и, несмотря на чужеродную кожу и странную манеру речи, Далинар распознал в лице этого существа горе. Ужасное горе.

– Сэр, у меня есть основания полагать, что все, кого я знаю... все, кого я люблю... уничтожены, заменены на монстров. Служащих, паршенди, наверное, уже не существует. У меня ничего не осталось...

– Конечно же осталось, – вмешался в разговор Шрам из наружного кольца охранников. – Ты – из Четвертого моста.

Рлаин посмотрел на него.

– Я предатель.

– Ха! – воскликнул Камень. – Вот еще проблема. Это поправимо.

Далинар сделал успокаивающий жест рукой в сторону мостовиков и бросил взгляд на Навани, которая кивнула ему, чтобы он продолжал.

– Расскажи мне, – произнес Далинар, – как ты прятался среди паршменов.

– Я...

– Солдат! – рявкнул Далинар. – Это приказ!

Рлаин сел прямо. Удивительно, но он, по всей видимости, хотел подчиниться, как если бы нуждался в чем-то, что могло дать ему силы.

– Сэр, – проговорил Рлаин, – такова особенность моего народа. Мы выбираем форму, основываясь на наших нуждах, на том, какая работа нас ожидает. Вялая форма, одна из наших форм, очень походит на паршменов. Нет ничего легче, чем спрятаться среди них.

– Мы ведем тщательный учет наших паршменов, – сказала Навани.

– Да, – ответил Рлаин, – и нас замечают, но редко задают вопросы. Когда вы находите лежащую на земле сферу, то не спрашиваете, откуда она взялась. Сфера не вызывает подозрений. Простое везение.

«Опасная тема для разговора», – подумал Далинар, заметив изменения в голосе Рлаина – в ритме, с которым он говорил. Рлаину не нравилось, как обращались с паршендами.

– Ты говорил о паршенди. Есть ли связь с красными глазами?

Рлаин кивнул.

– Что это означает, солдат? – спросил Далинар.

– Это означает, что наши боги вернулись, – прошептал Рлаин.

– Кто ваши боги?

– Души древних. Тех, кто позволил себя уничтожить.

При этих словах ритм голоса Рлаина замедлился и стал благоговейным. Он посмотрел на Далинара.

– Они ненавидят вас и весь ваш род, сэр. Новая форма, которой они одарили мой народ... это что-то чудовищное. Она принесет только ужас.

– Можешь отвести нас в город паршенди?

Голос Рлаина снова изменился. Другой ритм.

– Мой народ...

– Ты сказал, что их больше нет, – проговорил Далинар.

– Возможно, они выжили, – ответил Рлаин. – Я подобрался достаточно близко, чтобы увидеть армию из десятков тысяч. Но наверняка они оставили некоторых в других формах. Стариков? Молодых? Тех, кто присматривает за нашими детьми?

Далинар подошел к Рлаину, отмахнувшись от Адолина, который обеспокоенно поднял руку. Наклонившись, кронпринц положил ладонь на плечо паршенди.

– Солдат, – сказал он, – если сказанное тобой – правда, то самая важная вещь, которую ты можешь сделать, – это привести нас к твоему народу. Я прослежу, чтобы мирное население не пострадало, даю слово чести. Если с твоим народом случилось что-то ужасное, ты должен помочь мне их остановить.

– Я...

Рлаин глубоко вздохнул.

– Да, сэр, – сказал он в другом ритме.

– Тебе нужно встретиться с Шаллан Давар, – произнес Далинар. – опиши ей путь, помоги составить карту. Телеб, можешь отпустить пленника под опеку Четвертого моста.

Знатный Носитель Осколков кивнул. Когда все ушли, впусив порыв дождливого ветра, Далинар вздохнул и сел рядом с Навани.

– Ты веришь его слову? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Далинар. – Но что-то потрясло этого паршенди, Навани. И очень сильно.

– Он паршенди. Ты мог неправильно истолковать язык его тела.

Далинар наклонился вперед, сцепив руки перед собой.

– Отсчет времени? – спросил он.

– Осталось три дня, – произнесла Навани. – Три дня до Прояснения.

Так мало времени.

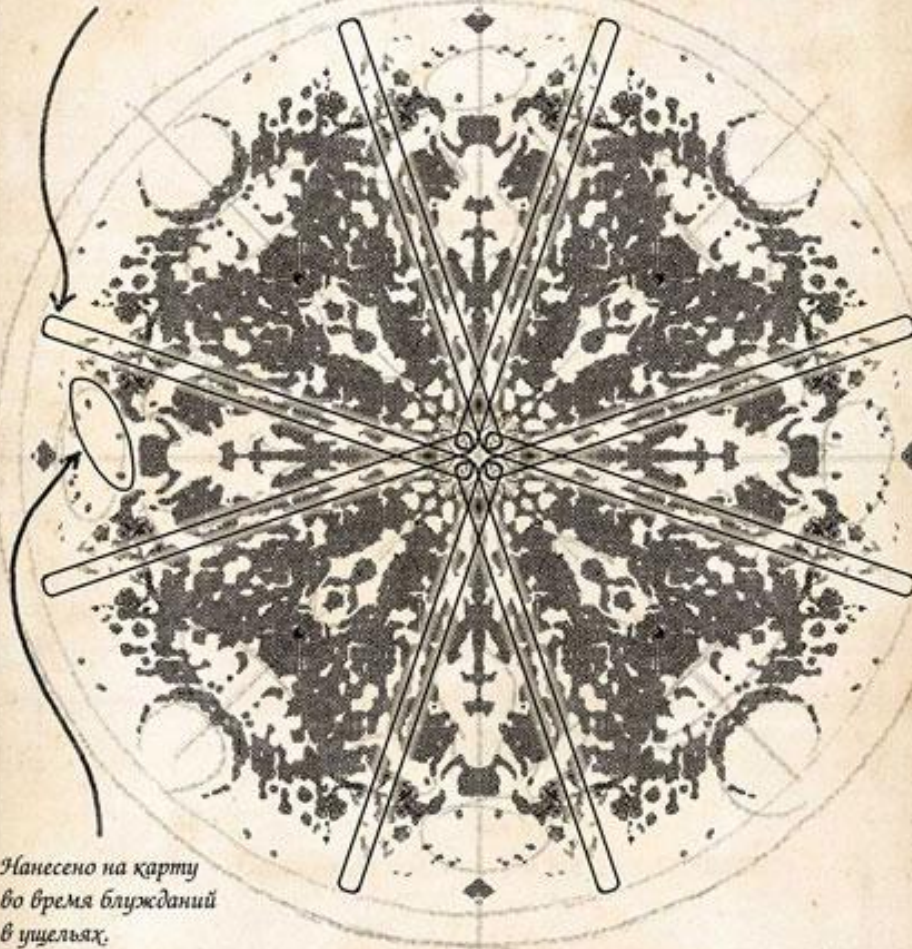
– Мы ускорим наш темп продвижения, – сказал Далинар.

Вглубь. К центру.

И к судьбе.

Схема Разрушенных равнин

*Нанесено на карту во время
экспедиции к центру.*



*Нанесено на карту
во время блужданий
в ущельях.*

*Примечание: восточная сторона равнин подверглась эрозии гораздо сильнее.
Светлые пространства — это плато, тесно соединенные вместе. Темные
пространства представляют плато, которые сходятся менее плотно.*

*Я знаю, вы хотите, чтобы я зарисовал каждое плато, но тени, женщина!
Даже я не НАСТОЛЬКО безумен.*



*Ты должен стать королем. Всего мира.
Диаграмма, основные предписания,
обратная сторона изножья
кровати: параграф 1*

Шаллан боролась с ветром, по сильнее запахнув позаимствованный у солдата штормплащ, и продолжала шагать по скользкому склону.

– Ваша светлость? – позвал Газ. Он держался за свою шляпу, чтобы ее не сдуло ветром. – Вы уверены?

– Естественно, – ответила Шаллан. – Неважно, мудро я поступаю или не очень... В общем, это совсем другая история.

Подобные ветра не были обычным явлением для Плача. Считалось, что наступал период спокойных дождей – время для созерцания, единения со Всемогущим, передышка от сверхштормов.

Может быть, здесь, в штормовых землях, все по-другому. Шаллан заставляла себя карабкаться по камням. Шел восьмой день их экспедиции. Чем дальше они продвигались вглубь Разрушенных равнин, тем более пересеченным становился рельеф. Они продвигались по карте, которую девушка перерисовала с помощью подсказок бывшего мостовика Рлаина.

Шаллан взобралась на вершину скального гребня, и перед ней предстал пейзаж, описанный разведчиками. Позади топали Ватах и Газ, ворчащие по поводу холодной погоды. Перед Шаллан простиралось сердце Разрушенных равнин. Внутренние плато, никогда не исследовавшиеся людьми.

– Мы на месте, – сказала она.

Газ почесал лицо под глазной повязкой.

– Скалы?

– Да, охранник Газ, – ответила Шаллан. – Скалы. Прекрасные, чудесные скалы.

В отдалении она разглядела неясные тени, прячущиеся за пеленой морозящего дождя. Их очертания, сгруппированные по несколько объектов вместе, не вызывали никаких сомнений. Впереди располагался город. Город, столетиями покрывавшийся крэмом подобно детским кубикам, на которые натекали все новые слои расплавленного воска. Для неискушенного взгляда

пейзаж, несомненно, не сильно отличался от обычных плато Разрушенных равнин. Но впереди таилось нечто гораздо более значительное.

Появились доказательства. Даже та возвышенность, на которой сейчас стояла Шаллан, возможно, когда-то была зданием. Ее склоны, обращенные к штормам, выветрились, а с подветренной стороны застыли ручки крема, превратив изначальную постройку в похожий на луковицу склон, по которому поднялись девушка и охранники.

– Ваша светлость!

Шаллан решила не обращать внимания на доносящиеся снизу голоса, только нетерпеливым жестом потребовала подзорную трубу. Газ передал ей устройство, и она подняла его, чтобы изучить простирающиеся впереди плато. К сожалению, стекло с одного конца трубы запотело. Шаллан попыталась протереть его, стоя под дождем, но капельки влаги находились внутри. Проклятая штукавина.

– Ваша светлость? – позвал Газ. – Не стоит ли нам прислушаться, э-э, к тому, что кричат снизу?

– Наверняка в очередной раз заметили тех необычных паршенди, – ответила Шаллан, снова поднимая трубу.

Почему изобретатель устройства не позаботился о том, чтобы запечатать его с одного конца, предотвратив тем самым попадание влаги внутрь?

Газ и Ватах отступили назад, когда несколько солдат Четвертого моста добрались до вершины откоса.

– Ваша светлость, – проговорил один из мостовиков, – кронпринц Далинар отозвал авангард и приказал обезопасить периметр плато позади нас.

Мостовик оказался высоким симпатичным мужчиной. Его руки выглядели слишком длинными для такого тела. Шаллан с неудовольствием посмотрела на внутренние плато.

– Ваша светлость, – неохотно продолжил мостовик, – еще он сказал, что если вы откажетесь подчиниться, он отправит Адолина, чтобы принц... э-э... притащил вас, перекинув через плечо.

– Не откажусь посмотреть, как он это сделает, – ответила Шаллан. Получилось бы немного романтично, почти как в любовных романах. – Светлорд Холин настолько обеспокоен из-за паршенди?

– Шен... вернее, Рлаин... говорит, что мы практически добрались до их домашнего плато, ваша светлость. Замечено слишком много вражеских патрулей. Прошу вас.

– Нам нужно попасть туда, – указала направление Шаллан. – Там все секреты.

– Ваша светлость...

– Ладно, – согласилась она, разворачиваясь, и устремилась вниз по склону.

Шаллан поскользнулась, что не добавило ей достоинства, но Ватах успел подхватить ее под руку, прежде чем она упала лицом в грязь.

Спустившись, они быстро пересекли маленькое плато, на котором находились, и присоединились к разведчикам, бегущим к основной армии. Рлаин утверждал, что ничего не знает о Клятвенных вратах и не так уж много о самом городе, который он называл Нарак, а не Штормпост. По словам паршенди, его народ обосновался здесь только после военного вторжения алети.

Продвигаясь вперед, солдаты Далинара замечали все увеличивающееся число паршенди. Произошло даже несколько мелких стычек. Генерал Хал считал, что цель нападений заключалась в том, чтобы сбить армию с курса, хотя Шаллан не представляла, как можно выяснить нечто подобное. Зато она отлично понимала, что все больше и больше устает от постоянной сырости. Они маршировали уже почти две недели, и некоторые солдаты стали ворчать, что

вскоре армия должна повернуть обратно, иначе они рискуют не успеть вернуться в лагерь до возобновления свержштормов.

Шаллан прошла через мост и миновала несколько линий копейщиков, которые расположились позади короткого волнообразного каменного гребня, похожего на фундамент старых стен. Она обнаружила Далинара и других кронпринцев в палатке, поставленной в центре лагеря. Таких одинаковых палаток было шесть, и сходу определить, в которой из них находятся четверо кронпринцев, не представлялось возможным. Она предположила, что это своего рода мера безопасности. Шагнув из-под дождя внутрь, Шаллан оказалась в разгаре совещания.

– У данного плато имеются очень благоприятные для обороны позиции, – произнес Аладар, указывая на карту, разложенную на переносном столике перед присутствующими. – Я считаю более предпочтительными наши шансы отразить нападение здесь, чем дальнейшее продвижение вглубь.

– И если мы двинемся дальше, – проворчал Далинар, – то окажемся под угрозой разделиться во время атаки, половина на одном плато, половина на другом.

– Но нужно ли им вообще атаковать? – спросил Ройон. – Я бы на их месте просто построил войска, как бы готовясь к нападению, но атаковать бы не стал. Я бы уклонялся, вынудив врага застрять здесь в ожидании атаки до тех пор, пока не вернутся свержшторма!

– Убедительный довод, – признал Аладар.

– Хотите узнать самый умный способ уклониться от сражения, – сказал Себарииал, – спросите у труса.

Он сидел за столом рядом с Палонной, поедая фрукты и любезно улыбаясь.

– Я не трус, – возразил Ройон, уперев кулаки в пояс.

– Я не намеревался тебя оскорбить, – произнес Себарииал. – Мои оскорбления гораздо содержательнее. Я сделал комплимент. Будь моя воля, я бы всегда нанимал тебя воевать, Ройон. Подозреваю, что тогда число убитых сократится, а цена на нижнее белье удвоится, как только солдатам сообщат, что ты стоишь во главе армии. Я бы сколотил состояние.

Шаллан протянула слуге промокший плащ, сняла шляпу и принялась сушить волосы полотенцем.

– Нам необходимо продолжать двигаться к центру равнин, – сказала она. – Ройон прав. Я отвергаю решение остаться здесь. Паршенди просто пересидят нас.

Все посмотрели на нее.

– Я, оказывается, не в курсе, – произнес Далинар, – что решения о нашей тактике принимает ее светлость Шаллан.

– Это наш собственный промах, Далинар, – вставил слово Себарииал. – Мы предоставили ей полную свободу действий. Вероятно, нам следовало скинуть ее с Пика несколько недель назад, когда она только появилась на совете.

Шаллан приготовилась достойно возразить, но клапаны палатки разошлись, и внутрь ввалился Адолин в Доспехах Осколков, с которых ручьями стекала вода. Он откинул забрало. Шторма... Принц выглядел превосходно, даже когда была видна только половина его лица. Шаллан улыбнулась.

– Определенно, они взволнованы, – сказал Адолин. Он увидел девушку и быстро улыбнулся, перед тем как подойти к столу. – Там по меньшей мере десять тысяч этих проклятых паршенди, они перемещаются группами вокруг плато.

– Десять тысяч, – проворчал Аладар. – Мы можем повоевать с десятью тысячами. Даже с их территориальным преимуществом, даже если нам придется атаковать, а не защищаться, мы с легкостью справимся с таким количеством. У нас свыше тридцати тысяч.

– Именно поэтому мы здесь, – сказал Далинар. Он посмотрел на Шаллан, покрасневшую от своей недавней дерзости. – Твой портал, который, как тебе кажется, здесь. Где он может быть?

– Ближе к городу, – ответила Шаллан.

– Что насчет красных глаз? – спросил Ройон. Похоже, он испытывал неудобство. – И вспышки света, которые случаются, когда они сражаются? Шторма, раньше я не имел в виду, что хочу, чтобы мы двигались дальше. Я просто беспокоился о том, на что способны паршенди. Я... Легкого способа покончить со всем этим не существует, ведь так?

– Судя по словам Рлаина, – произнесла Навани со своего места сбоку, – только их солдаты могут перепрыгивать между плато, но можно предположить, что перешедшие в новую форму также способны на это. У них будет возможность сбежать, если мы решим наступать.

Далинар покачал головой.

– Они укрепились на равнинах, а не сбежали много лет назад, потому что знали, что здесь их лучший шанс выжить. На открытых монолитных скалах штормовых земель их можно выследить и уничтожить. Здесь у них есть преимущество. Они не уйдут и теперь. Особенно если считают, что могут сражаться с нами.

– Если мы хотим вынудить их сражаться, – сказал Аладар, – необходимо создать угрозу их домам. Я считаю, что нам на самом деле следует выдвинуться вперед и осадить город.

Шаллан расслабилась. Каждый шаг к центру – по объяснениям Рлаина они находились всего лишь в половине дня пути от него – приближал ее к Клятвенным вратам.

Далинар подался вперед, разводя руки в стороны, его тень упала на карты сражения.

– Хорошо. Я не для того прошел весь этот путь, чтобы робко следовать прихотям паршенди. Завтра мы отправимся дальше, подберемся к их городу и заставим принять бой.

– Чем ближе мы подойдем, – заметил Себариаал, – тем меньше будет возможностей к отступлению.

Далинар не ответил, но Шаллан знала, о чем он думает.

«Мы оставили надежду на отступление много дней назад».

Настолько долгий поход через плато превратился бы в бедствие, реши паршенди докучать им набегам. Алети сразятся здесь и победят, захватив убежище противника в Нараке.

Это был их единственный выход.

Далинар объявил перерыв в совещании, и кронпринцы разошлись, окруженные помощниками с зонтами. Шаллан дождалась, пока Далинар поймает ее взгляд. К этому моменту в палатке остались только она, Далинар, Адолин и Навани.

Навани подошла к Далинару и взяла обеими руками его ладонь. Очень интимный жест.

– Твой портал, – произнес Далинар.

– Да? – спросила Шаллан.

Кронпринц поднял голову и встретил ее взгляд.

– Насколько он реален?

– Джасна была убеждена в том, что он по-настоящему реален. Она никогда не ошибалась.

– Сейчас, шторм побери, совсем неподходящее время, чтобы она ошиблась, – заметил Далинар. – Я согласился двигаться вперед частично из-за твоего исследования.

– Спасибо.

– Я поступил так не ради науки, – продолжил Далинар. – Из того, что рассказала мне Навани, я понял, что портал представляет собой уникальную возможность для отступления. Я надеялся разгромить паршенди до того, как нас настигнет угроза, чем бы она ни была. Судя по тому, что мы увидели, опасность наступила раньше срока.

Шаллан кивнула.

– Завтра последний день обратного отсчета, – напомнил Далинар. – Того, что появлялся на стенах во время сверхштормов. Так или иначе, мы встретим его завтра, и ты – мой запасной план, Шаллан Давар. Ты найдешь этот портал и заставишь его работать. Если нас постигнет несчастье, твой путь станет нашим спасением. Может быть, ты – единственный шанс на выживание для нашей армии, а возможно, и для всего Алеткара.

Шли дни, и Каладин отказывался позволить дождям одержать над ним верх.

Он ковылял по лагерю с помощью костыля, который раздобыл для него Лоупен, несмотря на возражения, что ему еще слишком рано вставать и нагружать ногу.

Все вокруг казалось таким же пустым, только время от времени попадались паршмены, волочащие древесину из лесов за пределами лагеря или таскающие мешки с зерном. Никаких новостей от экспедиции в лагерь не доходило. Король, вероятно, получал сообщения при помощи самопера, но ни с кем ими не делился.

«Шторма, теперь это место кажется таким зловещим», – подумал Каладин, хромая вдоль опустевших бараков.

По зонту, который Лоупен прикрепил к костылю Каладина, барабанил дождь. Зонт защищал от дождя. В некоторой степени. Каладин прошел мимо спренов дождя, похожих на синие свечки, вырастающие из земли. На верхушке каждой из них прямо в центре виднелся глаз. Жуткие создания. Каладину они никогда не нравились.

Он боролся с дождем. Был ли в этом смысл? Казалось, будто дождь хочет, чтобы он оставался под крышей, поэтому Каладин бродил по улицам. Дождь хотел, чтобы он погрузился в отчаяние, поэтому Каладин заставлял себя размышлять. Пока он был подростком, разгонять мрак помогал Тьен. Теперь даже мысли о Тьене только сгущали тьму, хотя Каладин не мог не думать о брате. Плач напоминал о нем. А также о смехе, когда им угрожала темнота, о светлой радости и беззаботном оптимизме.

Счастливые образы противостояли картинам смерти Тьена. Каладин крепко зажмурил глаза, пытаясь прогнать воспоминания. Хрупкий юноша, едва обученный, падает под ударом меча. Солдаты из отряда Тьена выставили его вперед, чтобы отвлечь противника, как жертву, чтобы замедлить врага.

Каладин стиснул челюсти и открыл глаза. Больше он не будет хандрить. Он перестанет ныть и утопать в депрессии. Да, он потерял Сил. За свою жизнь он потерял многих из тех, кого любил. Он переживет этот кошмар так же, как пережил прошлые.

Мостовик продолжил ковылять вокруг бараков, как делал это по четыре раза за день. Иногда к нему присоединялся Лоупен, но сегодня Каладин оставался один. Шлепая по лужам, он поймал себя на том, что улыбается, потому что на ногах были ботинки, которые обманом выманила у него Шаллан.

«Я никогда не верил, что она рогоедка, – подумал он. – Нужно не забыть рассказать ей».

Каладин остановился, опершись о костыль, и стал смотреть сквозь дождь в сторону Разрушенных равнин. Было видно не так уж много. Мешала пелена дождя.

«Возвращайтесь в целостности и сохранности, – подумал он о тех, кто находился там, вдалеке. – Все вы. На этот раз я не смогу помочь, если что-то пойдет не так».

Камень, Тефт, Далинар, Адолин, Шаллан, каждый человек из Четвертого моста – они все могли рассчитывать только на себя. Насколько изменился бы мир, будь Каладин человеком получше? Если бы он использовал свои способности и вернулся в лагерь с Шаллан, полный штормсвета? Он был так близок к тому, чтобы открыть всем свои возможности...

«Ты размышляешь над этим неделями, – сказал мостовик самому себе. – У тебя ничего не вышло. Ты оказался слишком напуган».

Каладину было ненавистно это признавать, но от правды не убежишь.

Что ж, если его подозрения насчет Шаллан верны, возможно, Далинар все же обретет своего Сияющего. Пусть у нее получится лучше, чем у него.

Каладин продолжил путь, заковыляв обратно к баракам Четвертого моста, но остановился, заметив роскошный, запряженный лошадьми экипаж с королевскими знаками отличия, который ожидал перед входом.

Мостовик выругался и бросился вперед, припадая на одну ногу. Лоупен выбежал, чтобы помочь ему, позабыв про зонт. Многие оставляли попытки остаться сухими во время Плача.

– Лоупен! – воскликнул Каладин. – Что случилось?

– Он ждет тебя, ганчо, – ответил хердазианин, ожесточенно жестикулируя. – Сам король.

Каладин быстрее захромал к бараку. Дверь оказалась открыта, и он заглянул внутрь, обнаружив стоящего там короля Элокара, который осматривался в маленьком помещении. Моаш охранял вход, а Така, бывший солдат королевской стражи, держался ближе к королю.

– Ваше величество? – вопросительно проговорил Каладин.

– А, – обернулся Элокар, – мостовик.

Щеки короля покрывал румянец. Он был навеселе, хоть и не казался пьяным. Каладину все стало ясно. Когда Далинар уехал, и никто больше не смотрел на короля с неодобрением, скорее всего, наступило самое время расслабиться за бутылкой чего-нибудь покрепче.

Когда Каладин встретился с королем впервые, он подумал, что Элокару недостает королевского величия. Теперь, как ни странно, ему казалось, что тот выглядел как настоящий король. Не то чтобы он как-то изменился: высокомерная манера поведения и властные черты лица с очень крупным носом остались прежними. Изменился сам Каладин. Вещи, которые когда-то ассоциировались у него с королями, – честь, физическая сила, благородство – уступили место менее выразительным качествам Элокара.

– Далинар и вправду выделяет своим офицерам такое? – спросил король, обведя жестом комнату. – Что за человек. Ожидает, будто каждый станет жить в таком же аскетизме, что и он. Словно полностью позабыл, как следует получать удовольствие.

Каладин взглянул на Моаша, но тот только пожал плечами, звякнув Доспехами Осколков.

Король прочистил горло.

– Мне сказали, что ты слишком слаб, чтобы предстать перед моим взором. Вижу, что, по всей видимости, дело в другом.

– Прошу прощения, ваше величество, – ответил Каладин. – Я плохо себя чувствую, но каждый день обхожу лагерь, чтобы силы вернулись ко мне. Я побоялся, что моя слабость и внешний вид могут оскорбить трон.

– Вижу, ты выучился говорить обдуманно, – сказал король, скрестив руки. – Правда же заключается в том, что мой приказ не имеет никакого значения даже для темноглазого. В глазах других людей я больше не обладаю никаким авторитетом.

Отлично. Опять все сначала.

Король резко взмахнул рукой.

– Вон, вы двое! Я буду говорить с этим человеком наедине.

Моаш озабоченно посмотрел на Каладина, но тот кивнул. Моаш и Така неохотно вышли, прикрыв дверь, и оставили короля и Каладина при свете нескольких наполовину разряженных сфер, которые вытащил Элокар. Скоро в сферах совсем не останется штормсвета – слишком давно не было сверхшторма. Придется вспомнить о свечах и масляных лампах.

– Откуда ты знаешь, – спросил король, – как стать героем?

– Ваше величество? – произнес Каладин, всем весом навалившись на костыль.

– Героем, – повторил король, небрежно махнув рукой. – Все обожают тебя, мостовик. Ты спас Далинара, сражался с Носителями Осколков, вернулся после падения в те штормовые ущелья! Как у тебя получается? Откуда ты знаешь, как поступать?

– На самом деле, это всего лишь удача, ваше величество.

– Нет-нет, – проговорил король и начал мерить шагами комнату. – Здесь закономерность, хотя я и не могу понять, в чем она заключается. Когда я пытаюсь быть сильным – выставляю себя на посмешище. Когда пытаюсь быть милосердным, мною помыкают. Когда стараюсь прислушиваться к советникам, оказывается, что я выбираю не тех людей! Когда пытаюсь все делать самостоятельно, Далинару приходится вмешиваться, иначе я развалю все королевство. Откуда остальные знают, как им поступать? Почему я не понимаю, что делать? Я был рожден для правления, возложенного на меня самим Всемогущим! Почему он даровал мне титул, но не наделил способностями править? Это переходит все границы. Опять же, похоже, все что-то знают, кроме меня. Отец мог управлять даже такими людьми, как Садеас. Его любили, его боялись и ему служили все сразу. Я даже не могу заставить темноглазого подчиниться приказу прибыть во дворец! Почему у меня ничего не получается? Что мне делать?

Каладин невольно отступил назад, пораженный откровенностью короля.

– Почему вы спрашиваете меня, ваше величество?

– Потому что тебе ведом секрет, – ответил Элокар, по-прежнему вышагивая из стороны в сторону. – Я видел, как на тебя смотрят люди, слышал, как о тебе говорят. Ты герой, мостовик.

Король остановился, а затем подошел к Каладину и взял его за руки.

– Ты можешь научить меня?

Каладин оглядел его, сбитый с толку.

– Я хочу стать таким же королем, каким был мой отец. Хочу вести людей вперед и хочу, чтобы они уважали меня.

– Я не... – Каладин сглотнул. – Я не уверен, что это возможно, ваше величество.

Элокар прищурился, не спуская глаз с Каладина.

– Значит, ты действительно говоришь то, что думаешь. Даже после всех проблем, с которыми столкнулся из-за своего длинного языка. Скажи мне честно. Ты считаешь, я плохой король, мостовик?

– Да.

Король резко втянул воздух, по-прежнему удерживая Каладина за руки.

«Я могу сделать это прямо здесь, – осознал Каладин. – Покончить с королем. Посадить на трон Далинара. Никаких игр в прятки, никаких тайн, никаких трусливых убийств. Драка, только он и я».

Вероятно, не было более честного способа разобраться со всей сложившейся ситуацией. Конечно, Каладина, скорее всего, казнят, но он обнаружил, что подобный исход его не волнует. Следовало ли ему поступить подобным образом ради блага королевства?

Он мог представить, как разозлится Далинар, какое испытает разочарование. Каладина не беспокоила смерть, но вот если он подведет Далинара... Шторма.

Король отпустил его и отошел в сторону.

– Что ж, я и вправду спросил, – пробормотал он себе под нос. – Я просто должен был склонить тебя на свою сторону. Я разберусь. Я стану королем, которого запомнят.

– Или вы можете поступить так, как будет лучше для Алеткара, – сказал Каладин, – и отречься.

Король замер на месте. Он повернулся к Каладину с мрачным выражением на лице.

– Не зарывайся, мостовик. Ба! Мне вообще не стоило приходить сюда.

– Согласен, – ответил Каладин.

Все происходящее казалось ему чем-то невероятным.

Элокар сделал шаг к двери, чтобы уйти, но остановился, не смотря на Каладина.

– Когда ты появился, тени отступили.

– Тени?..

– Я видел их в зеркалах, краем глаза. Могу поклясться, что даже слышал, как они шепчутся, но ты их отпугнул. С тех пор я их не замечал. Что-то в тебе есть. Не пытайся отрицать очевидного.

Король посмотрел ему в глаза.

– Я сожалею о том, как поступил с тобой. Я наблюдал за тем, как ты сражаешься, помогая Адолину, а затем увидел, как ты защищаешь Ренарина... и меня охватила зависть. Ты был там, этакий борец за справедливость, всеми обожаемый. А меня все ненавидят. Мне следовало самому спуститься и принять участие в поединке. Но я слишком остро отреагировал на твой вызов Амараму. Не из-за тебя мы упустили шанс подловить Садеаса. Это была моя вина. Далинар оказался прав. Снова. Я так устал, что он всегда прав, а я ошибаюсь. В свете всего случившегося я вовсе не удивлен, что ты считаешь меня плохим королем.

Элокар толкнул дверь и вышел.



Несотворенные являют собой отклонение, особенность, загадку, которая, возможно, не стоит твоего времени. Нельзя перестать думать о них. Они завораживают. Многие из них лишены разума. Подобны спренам человеческих эмоций, только гораздо неприятнее. Я верю, что по крайней мере некоторые из них способны мыслить.

***Диаграмма, записи 2-ого ящика стола:
параграф 14***

Сопровождаемый Навани и Шаллан, Далинар вышел под морозящий дождь. Снаружи его звук был мягче, чем в палатке, где капли барабанили по ткани.

Все утро армии маршировали вглубь плато, продвигаясь к самому центру Разрушенных равнин. Теперь уже близко. Так близко, что внимание паршенди сосредоточилось на них полностью.

Началось.

Слуга предлагал зонтик каждому, кто покидал палатку, но Далинар лишь отмахнулся. Если его люди должны терпеть дождь, он присоединится к ним. Все равно промокнет к концу дня.

Кронпринц шагал через ряды войск, следуя за мостовиками в штормплащах, которые прокладывали путь с сапфировыми фонарями в руках. День еще не кончился, но плотный слой облаков уже превратил его в сумерки. Голубой свет помогал Далинару ориентироваться. Ройон и Аладар, видя, что он отказался от зонта, вышли под дождь вместе с ним. Себариаал, разумеется, остался под зонтом.

Они прошли до крайних рядов армии, которая стянулась в большой овал и заняла позицию лицом к окружающим плато. Далинар достаточно хорошо знал своих солдат, чтобы ощущать их беспокойство. Они были слишком напряжены, не переминались и не потягивались. Оставались молчаливыми, не переговаривались, чтобы отвлечься, даже не досадовали. Единственными звуками, которые он

слышал, были выкрики приказов, когда офицеры приводили в порядок шеренги. Вскоре Далинар увидел источник беспокойства.

Скопление горящих красных глаз на соседнем плато.

Раньше они не светились. Красные глаза, да, но без этого страшного блеска. В тусклом свете фигуры паршенди расплывались и казались тенями. Багровые глаза парили, как Шрам Тална, как сферы в темноте, более глубокого цвета, чем любой рубин. Бороды паршенди обычно украшали вплетенные в них узорами кусочки драгоценных камней, но сегодня они не сияли.

«Слишком давно не было свержшторма», – подумал Далинар.

Даже камни в сферах алетии, ограненные и поэтому способные дольше удерживать свет, почти все истощились к сегодняшнему дню Плача. Драгоценные камни большего размера могли продолжать светиться еще примерно неделю.

Они вступили в самую темную часть года. Время, когда не сиял штормсвет.

– О Всемогущий! – прошептал Ройон, уставившись на красные глаза. – Всеми именами Бога, куда ты привел нас, Далинар?

– Можешь ли ты как-нибудь помочь? – тихо спросил Далинар, посмотрев на Шаллан, которая стояла недалеко от него под зонтиком. Ее охранники остались позади.

– Мне очень жаль, – ответила побледневшая девушка, покачав головой.

– Сияющие рыцари были воинами, – произнес Далинар еще тише.

– Если они были воинами, то мне придется пройти немалый путь...

– Так иди, – ответил Далинар. – Когда в сражении обнаружится брешь, найди путь к Уритиру, если он существует. Ты мой единственный запасной план.

Она кивнула.

– Далинар, – проговорил Аладар с ужасом в голосе, наблюдая за красными глазами паршенди, которые строились в шеренги на той стороне ущелья. – Скажи честно. Когда ты повел нас в этот поход, ты ожидал увидеть подобный ужас?

– Да.

Вполне правдивый ответ. Он не знал наверняка, какие ужасы обнаружит, но не сомневался, что-то надвигается.

– И все равно пошел? – спросил Аладар. – Ты вытащил нас на проклятые равнины и заставил проделать весь этот путь, чтобы позволить монстрам окружить нас, оставить им на растерзание и...

Далинар схватил Аладара за отвороты мундира и дернул к себе. Его жест застал мужчину врасплох, и тот затих, широко раскрыв глаза.

– Там стоят Несущие Пустоту, – прошипел Далинар. По его лицу стекал дождь. – Они вернулись. Да, это правда. И у нас, Аладар, у нас есть шанс их остановить. Я не знаю, сможем ли мы предотвратить еще одно Опустошение, но я сделаю все, даже пожертвую собой и всей армией, чтобы защитить Алеткар от этих существ. Ты понял?

Аладар кивнул с выпученными глазами.

– Я надеялся попасть сюда заранее, – продолжил Далинар, – но не смог. Поэтому сейчас мы готовимся к сражению. И, шторм побери, мы их уничтожим. И будем надеяться, что тем самым остановим зло и предотвратим его распространение среди паршменов по всему миру, как боялась моя племянница. Если ты переживешь сегодняшний день, то прославишься как один из величайших людей нашего поколения.

Он выпустил Аладара, позволив кронпринцу отступить назад.

– Иди к своим людям, Аладар. Веди их. Будь воином.

Аладар уставился на Далинара с раскрытым ртом, выпрямился и ударил рукой в грудь, отдав салют так четко, как Далинар еще не видел.

– Будет сделано, светлорд, – сказал Аладар. – Кронпринц войны.

Аладар начал раздавать приказы своим сопровождающим, включая Минтеза – кронлорда, обычно пользовавшегося в битве Доспехами Осколков кронпринца, а затем устремился прочь сквозь дождь, придерживая рукой меч на боку.

– Ха! – произнес Себариаал из-под зонта. – Он действительно купился. Думает, что станет штормовым героем.

– Теперь он знает, что я не ошибался, когда считал необходимым объединить Алеткар. Он хороший солдат. Большинство кронпринцев тоже... или были такими когда-то в прошлом.

– Какая жалость, что ты остался с нами двумя вместо них.

Себариаал кивнул на Ройона, который все еще пялился на мерцающие красные глаза. Теперь их были тысячи, и их количество все увеличивалось по мере того, как прибывало еще больше паршенди. Разведчики сообщали, что они собираются на всех трех плато, граничащих с местом расположения алетки.

– Я бесполезен в битве, – произнес Себариаал, – а от стрелков Ройона под дождем никакого толку. Кроме того, он трус.

– Ройон не трус, – возразил Далинар, положив руку на плечо уступающего ему ростом кронпринца. – Он осторожен. Это не слишком помогает в стычках за гемсердца, где люди, подобные Садеасу, разбрасываются жизнями ради престижа. Но сейчас осторожность – то качество, которое я предпочитаю безрассудству.

Ройон повернулся к Далинару, смаргивая капли воды.

– Это происходит на самом деле?

– Да, – ответил Далинар. – Мне нужно, чтобы ты отправился к своим людям, Ройон. Они должны видеть тебя. Их охватит ужас, но не тебя. Ты будешь осторожен в руководстве.

– Да, – проговорил Ройон. – Да. Ты... ты ведь справишься с ситуацией, так?

– Нет, не справлюсь, – ответил Далинар.

Ройон помрачнел.

– Мы справимся все вместе.

Ройон кивнул и не стал возражать, а затем отсалютовал, как и Аладар, но не так четко, и направился к своей армии на северном фланге, подзывая помощников, чтобы осведомиться о численности резервов.

– Бездна! – проговорил Себариаал, наблюдая за уходящим Ройоном. – Бездна! А как насчет меня? Где пламенная речь для меня?

– А тебе, – ответил Далинар, – следует вернуться в штабную палатку и не путаться под ногами.

Себариаал рассмеялся.

– Хорошо. Это я могу.

– Я хочу, чтобы Телеб принял командование твоей армией, – сказал Далинар. – Я отправлю к нему Серуджадиса и Раста. Твои люди будут лучше сражаться с этими существами, если их возглавят несколько Носителей Осколков.

Все трое получили Осколки после незабываемой дуэли Адолина.

– Я отдам приказ, чтобы все подчинялись Телебу.

– И... Себариаал? – позвал Далинар.

– Что?

– Если хочешь, сожги пару молитв. Не знаю, слушает ли нас кто-нибудь там, наверху, но это не повредит.

Далинар повернулся к морю красных глаз. Почему они просто стоят и наблюдают?

Себариаал замешкался.

– Нет такой уверенности, с которой ты действовал в отношении двух других, а?

Он улыбнулся, как будто утешившись, и ушел. Что за странный человек. Далинар кивнул одному из своих помощников, который отправился передать распоряжения троим Носителям Осколков Холинов. Первым на командном посту в одной из шеренг нашелся Серуджадис – долговязый молодой человек, за сестрой которого когда-то ухаживал Адолин. Помощник побежал дальше, чтобы поискать Телеба и передать приказы Далинара.

Наблюдая за происходящим, Далинар подошел к Навани.

– Мне необходимо знать, что ты в безопасности в штабной палатке. В наибольшей возможной безопасности.

– Тогда сделай вид, что я там, – ответила она.

– Но...

– Ты хочешь, чтобы я помогла с фабриалами? – спросила Навани. – Я не могу заниматься подобными вещами на расстоянии, Далинар.

Кронпринц стиснул зубы, но что он мог сказать? Ему потребуется любая помощь, которую он сможет получить. Он снова посмотрел на море красных глаз.

– Сказки, которые рассказывали у лагерных костров, оказались правдой, – проворчал Камень, крупный мостовик-рогоед.

Далинар никогда не видел, чтобы тот охранял его самого или сыновей. Насколько понимал кронпринц, мостовик был интендантом.

– Такие создания не должны существовать. Почему они не двигаются?

– Не знаю, – ответил Далинар. – Отправь пару своих людей за Рлаином. Хочу узнать, не сможет ли он объяснить, что происходит.

Когда два мостовика убежали прочь, Далинар повернулся к Навани:

– Созови писцов. Я буду говорить с солдатами.

Через несколько мгновений к ним присоединились две женщины, дрожащие под зонтами, с карандашами наготове, чтобы записывать то, что он скажет. Затем они отправятся по рядам солдат и прочтут его слова всей армии.

Далинар взобрался в седло Кавалера, чтобы добавить себе роста, и повернулся к ближайшим шеренгам мужчин.

– Да! – крикнул он, перекрывая шум дождя. – Перед вами Несущие Пустоту. Да, мы будем сражаться с ними! Я не знаю, на что они способны. Я не знаю, почему они вернулись. Но мы пришли сюда остановить их. Я знаю, что вы напуганы, но вы слышали о моих видениях во время сверхштормов. В военных лагерях светлоглазые высмеивали меня и считали, что открывшееся мне – галлюцинации.

Он вскинул руку в сторону, указывая на море красных глаз.

– Теперь вы видите доказательства того, что мои видения истинны! Теперь вы видите, что надвигается то, о чем мне было поведано!

Далинар облизнул мокрые губы. За свою жизнь он произнес много речей на поле битвы, но никогда не говорил ничего похожего на то, что пришло ему голову в этот момент.

– Меня, – выкрикнул он, – направил сам Всемогущий, чтобы спасти землю от очередного Опустошения! Я видел, на что способны эти существа; я прожил жизни, оборванные Несущими Пустоту. Я видел разрушенные королевства, уничтоженные народы, забытые технологии. Я видел, как вся цивилизация оказалась на грани полного ужасающего краха. Мы предотвратим это! Сегодня вы сражаетесь не за богатства светлоглазых и даже не за честь вашего короля. Сегодня вы сражаетесь ради блага всех людей. Вы не будете бороться в одиночку! Верьте в то, что я видел, верьте моим словам. Если эти существа вернулись, значит, вернулись и силы, которые когда-то их победили. Солдаты, мы узрим чудеса еще до конца сегодняшнего дня! Нам просто нужно проявить силу и отвагу, чтобы заслужить их.

Далинар оглядел море глаз, полных надежды. Шторма, неужели вокруг его головы мельтешат спрены славы, под дождем похожие на золотые сферы? Женщины закончили записывать короткую речь и начали поспешно копировать ее, чтобы разослать с посыльными. Далинар наблюдал за тем, как те убегают, и надеялся во имя Залов спокойствия, что не солгал только что всем этим людям.

В темноте численность войск, окруженных врагами, казалась совсем небольшой. Вскоре Далинар услышал, как в отдалении разносятся его собственные слова, зачитываемые солдатам. Он остался сидеть верхом. Рядом с его конем стояла Шаллан, а Навани отошла, чтобы проверить несколько своих хитроумных изобретений.

Согласно плану битвы им следовало выждать еще немного, что вполне устраивало Далинара. В окружении ущелий, которые им пришлось бы пересечь, гораздо лучше придерживаться оборонительной тактики, чем атаковать самим. Возможно, отдельные строящиеся армии подтолкнут паршенди начать битву, перебравшись на их плато. К счастью, непрекращающийся дождь означал, что алетти не грозят стрелы. Тетивы не выдерживали сырости, не говоря уже о животном клее, который использовали паршенди в своих рекурсивных луках.

Паршенди начали петь.

Неожиданный гул перекрыл дождь, заставив людей вздрогнуть и волнами отпрянуть назад. Песня не напоминала ни одну из тех, что Далинар слышал во время забегов на плато. В ней слышалось больше отрывистости, больше неистовства. Она окружила их, поднимаясь со всех трех соседних плато. Выкрики паршенди стали подобны топорам, несущимся к алетти в центре.

Далинар поежился. Задул ветер, сильнее, чем обычно во время Плача. Его порывы бросали в лицо капли дождя. Кожу овеяла прохлада.

– Светлорд!

Развернувшись в седле, Далинар заметил четверых приближающихся к нему мостовиков, ведущих Рлаина, – за ним по-прежнему непрерывно наблюдали. Кронпринц жестом отослал охранников, позволив мостовику-паршенди подойти к коню.

– Их песня! – воскликнул Рлаин. – Их песня!

– Что с ней, солдат?

– Смерть, – прошептал Рлаин. – Светлорд, я никогда не слышал ее прежде, но это ритм разрушения. Ритм силы.

На другой стороне ущелья паршенди начали светиться. Крошечные красные искры пробегали вдоль их рук, вспыхивая и подрагивая, как молнии.

– Что там такое? – спросила Шаллан.

Далинар прищурился, в него ударил очередной порыв ветра.

– Вы должны их остановить, – проговорил Рлаин. – Пожалуйста. Даже если вам придется всех убить. Не позволяйте им допеть эту песню.

Наступил день, к которому вел обратный отсчет, неосознанно нацарапанный Далинаром на стенах. Последний день.

Далинар принял решение, прислушавшись к инстинктам, и подозвал посыльную. К нему подбежала пятнадцатилетняя подопечная Тешав.

– Передай мои слова генералу Халу в штабной палатке, батальон-лордам, моему сыну, Телебу и остальным кронпринцам, – приказал он ей. – Мы меняем стратегию.

– Светлорд? – спросила посыльная. – Каковы изменения?

– Мы нападаем! Сейчас же!

Каладин остановился у входа на тренировочный полигон для светлоглазых, удивленный представшей перед его глазами картиной. Дождевая вода ручьями

стекала с провощенной ткани зонта. Готовясь к шторму, арденты обычно подметали и сгребали лопатами песок в закрытые траншеи по краям полигона, чтобы его не унесло ветром.

Во время Плача он ожидал увидеть подобные приготовления. Однако арденты не стали трогать песок. У входных ворот они поместили невысокий деревянный барьер, который замыкал периметр полигона, и двор наполнился водой. Через край барьера переливался небольшой водопад, стекающий на дорогу.

Каладин осмотрел маленькое озеро, в которое теперь превратился двор, вздохнул, наклонился, чтобы развязать шнурки, и стянул ботинки вместе с носками. Когда он зашел во двор, вода достигла икр.

Мягкий песок захлюпал между пальцев ног. Зачем они устроили такое? Каладин пересек двор, зажав костыль под мышкой и перевесив ботинки со шнурками через плечо. От ледяной воды его раненая нога ооченела. Ощущение было приятным, хотя каждый шаг причинял боль. Похоже, за две недели лечения раны не сильно затянулись. Вероятно, исцелению не помогало и его постоянное желание находиться на ногах.

Каладин оказался слишком избалован собственными способностями. Солдату с подобным ранением понадобились бы месяцы на восстановление. Без штормсвета ему просто требовалось запастись терпением и лечиться, как и всем остальным.

Каладин ожидал, что полигон окажется так же безлюден, как и большая часть лагеря. Даже на рынке почти никого не было, во время Плача люди предпочитали оставаться дома. Но здесь, в сводчатой галерее, опоясывающей полигон, он обнаружил сидевших на стульях ардентов, которые смеялись и переговаривались между собой. На столиках рядом с ними стояли кубки с красновато-золотистым вином, а сами арденты занимались тем, что штопали тренировочные безрукавки. Галерея располагалась достаточно высоко над двором, чтобы можно было не опасаться промокнуть.

Каладин прошелся взад-вперед, выискивая взглядом Зейхела, но не нашел его. Он даже заглянул в комнату ардента, но и там было пусто.

– Поищи наверху, мостовик! – крикнула одна из ардентов.

Женщина с обритой головой указала на угловую лестницу, куда Каладин часто отправлял охранников, чтобы обезопасить крышу во время тренировок Адолина и Ренарина.

Каладин благодарно взмахнул рукой, проковылял к лестнице и стал неуклюже подниматься по ступенькам. Пришлось закрыть зонт, ступени были слишком узкими. Когда лестница закончилась и он выбрался на открытое пространство крыши, по голове забарабанил дождь. Крышу покрывала черепица, скрепленная затвердевшим крэмом. В гамаке, натянутом между двух шестов, лежал Зейхел. Каладин подумал, что, возможно, эти шесты – молниеотводы, и усомнился в безопасности подобного времяпрепровождения. Над гамаком был подвешен тент, и Зейхел оставался практически сухим.

Не открывая глаз, ардент осторожно перевернулся. В его руке оказался зажат графин с крепким хону – разновидностью ликера из лависа. Каладин оглядел крышу, прикидывая, сможет ли пройти по наклонной черепице, не упав вниз и не свернув себе шею.

– Бывал ли ты на Чистозере, мостовик? – спросил Зейхел.

– Нет, – ответил Каладин. – Но один из моих парней кое-что рассказывал о нем.

– И что ты слышал?

– Это океан, настолько мелкий, что его можно перейти вброд.

– Он до нелепости мелкий, – уточнил Зейхел. – Как бесконечный залив, едва ли фут глубиной. Теплая вода. Слабый бриз. Напоминает мне о доме. Не то что это промозглое, покинутое богами место.

– Так почему вы здесь, а не там?

– Потому что я не выношу, когда что-то напоминает мне о доме, идиот.

Вот как.

– Тогда почему мы говорим о нем?

– Потому что тебе стало интересно, зачем мы устроили внизу наше собственное маленькое Чистозеро.

– Правда?

– Конечно правда, проклятый мальчишка. Теперь я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понять, что подобный вопрос тебя заинтересует. Ты мыслишь не как копейщик.

– Копейщики не проявляют любопытство?

– Нет. Иначе их убивают или они начинают демонстрировать своим командирам, насколько умны. И тогда их отправляют туда, где от них больше пользы.

Каладин выгнул бровь, ожидая более подробных объяснений. В конце концов он вздохнул и спросил:

– Зачем вы устроили запруду во дворе?

– А ты как думаешь?

– У вас дар раздражать окружающих, Зейхел. Никогда не задумывались об этом?

– Конечно.

Ардент глотнул хону.

– Полагаю, – произнес Каладин, – что вы заблокировали вход на полигон, чтобы дождь не смыл песок.

– Превосходное умозаключение, – ответил Зейхел. – Как свежая синяя краска на стене.

– Что бы это ни значило, вопрос в том, зачем оставлять песок во дворе? Почему бы просто не убрать его, как вы всегда делаете перед свержштормом?

– А ты знаешь, – спросил Зейхел, – что дожди во время Плача не содержат крэма?

– Я...

Знал ли он? Какая вообще разница?

– Это хорошо еще и потому, – продолжил Зейхел, – что иначе весь наш лагерь покрылся бы той дрянью. Так или иначе, такой дождь, как сегодняшний, отлично подходит для мытья.

– Вы пытаетесь сказать мне, что превратили двор полигона в ванну?

– В точку.

– Вы там моетесь?

– А как же. Не мы сами, конечно.

– Тогда кто?

– Песок.

Каладин нахмурился и посмотрел через край крыши на бассейн внизу.

– Каждый день, – сказал Зейхел, – мы спускаемся туда и хорошенько его взбалтываем. Песок оседает на дно, а весь мусор всплывает, и его уносит мелкими дождевыми потоками прочь из лагеря. Задумывался ли ты когда-нибудь, что и песок нужно мыть?

– Вообще-то нет.

– Так вот, это необходимо. После того, как в течение целого года его попирают вонючие ноги мостовиков и не менее вонючие, но гораздо более благородные ноги светлоглазых, после того, как в течение целого года люди вроде

меня роняют на него еду или животные временами устраивают там отхожее место, песок нуждается в чистке.

– Почему мы говорим о песке?

– Потому что это важно, – проворчал Зейхел, прикладываясь к бутылке. – Вроде того. Не знаю. Ты пришел ко мне, мальчик, и прервал мои каникулы. А значит, тебе придется выслушать всю мою чепуху.

– Вам полагается изрекать всякие мудрости.

– Разве ты пропустил слова насчет каникул?

Каладин продолжал стоять под дождем.

– Вы знаете, где королевский Шут?

– Тот дурак, Даст? К счастью, не здесь. А почему ты спрашиваешь?

Каладину нужно было с кем-то поговорить, и он провел большую часть дня в поисках Шута. Найти его не удалось, так что Каладин сдался и наконец купил ут у одинокого уличного торговца.

На вкус она оказалась отличной, но настроение не улучшилось.

В конце концов он отчаялся разыскать Шута и пришел к Зейхелу. Судя по всему, совершив ошибку. Каладин вздохнул и направился обратно к ступеням.

– Что ты хотел? – позвал его Зейхел. Он приоткрыл один глаз и смотрел на Каладина.

– Вам приходилось когда-либо делать выбор между двумя одинаково неприятными вещами?

– Каждый день я выбираю продолжать дышать.

– Меня беспокоит, что может произойти нечто ужасное, – сказал Каладин.

– Я могу предотвратить кошмар... Но, возможно, всем будет лучше, если он действительно случится.

– Вот как.

– Дадите совет?

– Выбирай тот вариант, – ответил Зейхел, взбивая подушку, – который позволит тебе спокойнее спать по ночам. – Старый ардент закрыл глаза и откинулся на спину. – Хотелось бы и мне поступить так же.

Каладин продолжил спускаться по ступеням. Внизу он не стал раскрывать зонт, так как уже полностью вымок. Порывшись в боковых помещениях полигона, он вытащил копьё – настоящее, не учебное – отставил в сторону костыль и захромал по воде.

Закрыв глаза, он принял стойку копейщика. По-прежнему лил дождь. От поверхности бассейна отскакивали брызги, мокла крыша, капли падали на дорожки улиц. Каладин чувствовал себя опустошенным, будто из него выпили всю кровь. Из-за окружающей мглы хотелось забиться куда-нибудь в угол.

Но он начал танцевать под дождем, перетекая из одной копейной стойки в другую и изо всех сил стараясь не опираться на раненую ногу. Вокруг поднимались брызги. В привычных позициях он искал покой и цель.

Но не нашел ни того, ни другого.

Равновесие постоянно нарушалось, в ноге вспыхивала боль. Дождь не помогал, а только раздражал. Что еще хуже, не дул ветер. Воздух застыл неподвижно.

Каладин запутался в собственных ногах, неуклюже взмахнул копьём и выронил его. Копьё перевернулось и плюхнулось в воду. Поднимая его, Каладин заметил, что арденты наблюдают за ним взглядами, выражающими что угодно от замешательства до веселья.

Он начал заново. Простые копейные приемы. Никаких вращений оружием, никаких выкрутасов. Шаг, еще шаг, удар.

Древко копья казалось чужим в пальцах. Несбалансированным. Шторма, он пришел сюда за утешением, но только все больше расстраивался, продолжая тренироваться.

Какой части своего мастерства с копьем он был обязан утраченным способностям? Чего он стоил без них?

Каладин снова выронил копье, попытавшись изобразить простой поворот и удар. Потянувшись за оружием, он обнаружил сидящего рядом спрена дождя, который смотрел вверх не моргая.

Зарычав, Каладин схватил копье и поднял голову к небу.

– Он этого заслуживает! – проревел он облакам.

Все так же барабанил дождь.

– Назови мне причину, почему нет?! – закричал Каладин, не заботясь о том, что его могли услышать арденты. – Возможно, он не виноват и, возможно, он старается, но у него по-прежнему ничего не выходит.

Тишина.

– Отрезать раненую конечность будет правильным решением, – прошептал Каладин. – Мы должны это сделать. Чтобы... чтобы...

«Чтобы остаться в живых».

Откуда пришли эти слова?

«Делай все, чтобы остаться в живых, сынок. Превращай обузу в преимущество всякий раз, когда сможешь».

Смерть Тьена.

В тот момент, тот ужасный момент, он наблюдал, неспособный ничего изменить, как умирал его брат. Командир взвода, в котором состоял Тьен, пожертвовал необученным новобранцем, чтобы получить мимолетное преимущество.

Каладин поговорил с командиром взвода, когда все было кончено.

«Делай все, чтобы остаться в живых, сынок».

Здесь прятался какой-то извращенный, ужасный смысл.

Тьен был ни в чем не виноват. Тьен старался. И все равно у него ничего не получалось. Поэтому они его убили.

Каладин рухнул на колени в воду.

– Всемогущий! О Всемогущий!

Король...

Король был Тьеном для Далинара.

– Атаковать? – переспросил Адолин. – Ты уверена, что мой отец сказал именно это?

Молодая женщина, передавшая послание, кивнула. Она являла собой жалкое зрелище: промокшие под дождем волосы прилипли ко лбу, платье с разрезами и кушак посыльной вымокли насквозь.

– Вы должны остановить их пение, если сможете, светлорд. Ваш отец указал, что это важно.

Адолин оглядел батальоны, удерживающие южный фланг. Прямо за ними, на одном из трех плато, окружающих армию, паршенди тянули свою ужасную песню. Чистокровный фыркал, пританцовывая на месте.

– Мне она тоже не по душе, – тихо сказал он, похлопав коня по шее.

Эта песня выводила его из себя. И что за красные молнии пробегали по их рукам и ладоням?

– Перел, – обратился Адолин к одному из своих полевых командиров. – Передай людям приготовиться и ждать команды. Мы выдвигаемся по мостам на южное плато. Впереди тяжелая пехота, за ними копейщики, пикинеры наготове

на случай, если нас отбросят обратно. Я хочу, чтобы на другой стороне солдаты были готовы сплотиться в отряды и держаться до тех пор, пока мы не убедимся, что взломали шеренги паршенди. Штурма, жаль, у нас нет лучников. Вперед!

Его слова передали войскам, и Адолин направил Чистокровного на один из заранее установленных мостов. Его сегодняшние охранники-мостовики – Шрам и Дрехи – побежали следом.

– Вы вдвоем собираетесь отсидеться? – спросил Адолин у мостовиков, устремив взгляд вперед. – Вашему капитану не понравится, если вы примете участие в битве против паршенди.

– Пусть все катится в Бездну! – воскликнул Дрехи. – Мы будем сражаться, сэр. В любом случае, там не паршенди. Уже не паршенди.

– Хороший ответ. Они начнут действовать, как только мы пойдем в атаку. Необходимо защищать мосты для остальной армии. Старайтесь держаться поближе ко мне, если сможете.

В ожидании Адолин оглянулся через плечо и медлил, пока...

В воздух поднялся огромный синий драгоценный камень, привязанный к далекому шесту у штабной палатки.

– Вперед!

Адолин пришпорил Чистокровного и поскакал через мост, разбрызгав лужи на другой стороне ущелья. Спрены дождя замельтешили в воздухе. Два мостовика последовали за ним бегом. Пришла в движение волна тяжелой пехоты в прочной броне, с молотами и топорами, отлично раскалывающими панцири паршенди.

Основная масса паршенди продолжила монотонное пение, но небольшая часть их армии, тысячи две, отделилась от остальных и двинулась наперерез Адолину. Он зарычал, пригнувшись к седлу, в руке появился Клинок Осколков. Если они...

Вспышка света.

Мир покачнулся, и Адолин обнаружил, что катится по земле, скрежеща Доспехами Осколков по камням. Броня приняла на себя удар от падения, но никак не могла помочь самому Адолину прийти в себя. Вокруг все вращалось, под шлем затекла вода, омыв лицо.

Наконец остановившись, он заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь и позвякивая Доспехами, стал размахивать Клинком по сторонам на случай, если паршенди удалось подобраться достаточно близко.

Адолин сморгнул воду внутри шлема и сориентировался в изменившейся обстановке. Белое на коричнево-сером. Что же...

Он полностью проморгался и осмотрелся прояснившимся взглядом. Белое пятно было конем, лежащим на земле.

Адолин выкрикнул что-то неразборчивое, звук эхом раскатился внутри шлема. Не обращая внимания на крики солдат, на дождь, на внезапно раздавшийся рядом неестественный треск в воздухе, он бросился к телу коня, распростершемуся на земле. Чистокровный.

– Нет-нет-нет, – забормотал Адолин, рухнув на колени рядом с жеребцом.

По белой шкуре через весь бок животного проходил странный ветвящийся ожог, широкий, с неровными краями. Открытые темные глаза Чистокровного, на которые капал дождь, не моргали.

Адолин отвел руки, неожиданно засомневавшись, стоит ли трогать коня.

Он чувствовал себя юнцом, попавшим в незнакомую ситуацию.

Чистокровный не двигался.

Адолин занервничал сильнее, чем во время поединка, когда выиграл свой Клинок.

Крики. Снова треск в воздухе, резкий, неожиданный.

«Они выбирают себе наездника, сынок. Мы заиклены на Осколках, но любой человек – храбрец или трус – может привязать Клинок. С ними же все по-другому. Здесь выигрывают только достойные...»

Двигаться.

Время горевать наступит позже.

Двигаться!

Зарычав, Адолин вскочил на ноги и бросился мимо двух мостовиков, которые стояли на страже с тревожным видом, держа копыя наготове. Он призвал Клинок и побежал к сражающимся впереди. Прошло всего несколько мгновений, но ряды алетии уже проседали. Тяжелые пехотинцы сбились в несколько плотных групп, остальные оказались повержены, оглушены или сбиты с толку.

Сверкнула очередная вспышка, за которой последовал треск. Молния. Красная молния. Она отделилась от группы паршенди, вспыхнула и в мгновение ока исчезла, оставив после себя светящийся, ветвистый послеобраз, который на короткое время затмил зрение Адолина.

Впереди упал мужчина, поджарившийся в своей броне. Приближаясь, Адолин проревел, чтобы люди держали строй.

Треск послышался еще несколько раз, но, похоже, удары были плохо нацелены. Иногда молнии вспыхивали за спинами алетии или странным образом ветвились, не попадая в них напрямую. На бегу Адолин заметил вырвавшийся от пары паршенди разряд, который ударил аркой и немедленно ушел в землю.

Паршенди утавили вниз, сбитые с толку. Казалось, что ударила молния... молния с неба, только с непредсказуемой траекторией.

– Нападайте на них, вы, крэмлины! – прокричал Адолин, пробегая сквозь солдат. – Назад в строй! Это все равно что обстрел лучников! Прикрывайте головы. Сомкнуть ряды! Если мы дрогнем – умрем!

Он сомневался, услышали ли его слова, но кричащая, бросающаяся на линии паршенди фигура принца что-то изменила. Раздались крики офицеров, шеренги стали выравниваться.

Молния ударила прямо в Адолина.

И звук, и удар ошеломили его. Слепленный, он замер на месте. Когда зрение прояснилось, принц обнаружил, что совершенно не пострадал. Броня тихонько вибрировала, и звук щекотал его кожу странным, но приятным образом. Неподалеку от маленькой группы паршенди ударила очередная молния, но не ослепила его. Шлем, всегда отчасти прозрачный изнутри, пересекла неровная темная полоса, отлично защищающая от вспышек.

Ухмыльнувшись, Адолин стиснул зубы и с первобытным удовлетворением врезался в ряды паршенди, рубя головы Клинком Осколков. Если старые легенды не обманывали, его броня создавалась специально для сражений с этими самыми монстрами.

Несмотря на то, что новые солдаты паршенди были физически сильнее и выглядели более свирепы, чем те, с которыми он сражался прежде, их глаза выгорали с такой же легкостью. Они падали замертво, и из их груди появлялся маленький красный спрен, напоминавший крошечную молнию, который взмывал вверх и исчезал в воздухе.

– Их можно убить! – завопил один из сражающихся рядом солдат. – Они умирают!

Остальные подхватили выкрик, передавая его дальше по рядам. Несмотря на очевидность открытия, войска воспряли духом и волной качнулись вперед.

«Их можно убить».

Шаллан рисовала. Лихорадочно. Карту. Чернилами. Каждая линия четкая.

Большой лист, изготовленный по ее распоряжению, покрывал широкую доску на полу. Это было самое большое изображение, которое она когда-либо рисовала, заполняя его часть за частью во время экспедиции.

Девушка вполуха прислушивалась к другим ученым в палатке. Их замечания отвлекали, но были важны.

Очередная линия, волнистая по краям, обрисовала узкое плато. Копия того, которое она изобразила в семи других местах карты. Равнины представляли собой четверной радиальный узор, зеркально отраженный от центра каждого квадранта, и поэтому все, что Шаллан рисовала в одном квадранте, повторяла в других, расположенных соответственно. Да, восточная часть карты измялась, поэтому она будет неточной на том участке, но ради цельности необходимо закончить все части. Только так Шаллан сможет увидеть узор полностью.

– Сообщение от разведчиков, – произнесла посыльная, ворвавшись в палатку и впустив порыв влажного ветра.

Этот внезапный ветер... Он так походил на ветер перед свержением.

– Что за сообщение? – спросила Инадара.

Суровая женщина считалась великим ученым. Она напонила Шаллан арденгов отца. В углу помещения, сложив руки на груди, стоял принц Ренарин в Доспехах Осколков. Ему было приказано защищать их всех, если паршени попытаются прорваться на командное плато.

– Обширное центральное плато в точности совпадает с описанием, которое дал нам паршмен, – проговорила разведчица, запыхавшись. – Оно расположено всего лишь через одно плато к востоку.

Лин была крепкой женщиной с длинными черными волосами и пронзительными глазами.

– Оно явно обитаемо, хотя сейчас там никого не видно.

– А окружающие плато? – спросила Инадара.

– Шим и Фелт их разведывают, – ответила Лин. – Фелт должен скоро вернуться. Я могу приблизительно изобразить для вас очертания центрального плато.

– Да, сделай, – сказала Инадара. – Нам необходимо найти эти Клятвенные врата.

Шаллан смахнула с карты случайную каплю воды, упавшую с плаща Лин, и продолжила рисовать. Путь, проложенный армией от военных лагерей к внутренним районам равнин, позволил ей провести экстраполяцию и изобразить восемь цепочек плато, каждая пара из которых – зеркально отраженная – начиналась с четырех «сторон» равнин и вела вглубь.

Шаллан почти завершила последнюю из восьми цепочек, протянувшихся к центру. Находясь так близко от сердца равнин и учитывая предыдущие сообщения разведчиков, а также то, что она видела лично, девушка смогла полностью нарисовать все плато вокруг центральной области. Объяснения Рлаина помогли, но он не был способен изобразить для нее центральные плато, так как никогда не обращал внимания на их очертания. Шаллан же требовалась точность.

К счастью, ранних сообщений оказалось почти достаточно. Больше ей и не нужно. Она практически закончила.

– Что вы думаете? – спросила Лин.

– Покажи ее светлости Шаллан, – ответила Инадара с недовольством, которое, видимо, было ее нормальным состоянием.

Шаллан посмотрела на второпях нарисованную схему Лин, затем кивнула, возвращаясь к своей карте. Лучше, если бы она сама смогла взглянуть на центральное плато, но очертания, изображенные посыльной, подали Шаллан идею.

– Вы ничего не собираетесь сказать? – поинтересовалась Инадара.

- Еще нет, – ответила Шаллан, макая перо в чернила.
- Мы получили приказ найти Клятвенные врата от самого кронпринца.
- Я их найду.

Снаружи раздался грохот, похожий на далекую грозу.

- М-м-м... – произнес Узор. – Плохо. Очень плохо.

Инадара посмотрела на Узора, который выделялся рябью на полу рядом с Шаллан.

– Мне не нравится это существо. Спренам не полагается разговаривать. Он может быть одним из них, Несущим Пустоту.

- Я не спрен Пустоты, – сказал Узор.

– Ваша светлость Шаллан...

- Он не спрен Пустоты, – рассеянно повторила Шаллан.

– Мы должны его изучить, – настаивала Инадара. – Как давно, вы сказали, он следует за вами?

Послышались тяжелые шаги, подошел Ренарин. Шаллан предпочла бы сохранить существование Узора в тайне, но когда поднялся ветер, спрен громко зажужжал и неизбежно привлек внимание ученых. Ренарин наклонился. Судя по всему, Узор его очаровал.

И не только его.

– Несомненно, он имеет отношение ко всему происходящему, – продолжила Инадара. – Вы не должны так быстро отвергать одну из моих теорий. Я все еще полагаю, что он, возможно, связан с Несущими Пустоту.

– Ты ничего не знаешь об Узорах, старый человек? – сердито произнес спрен. Когда он научился сердиться? – У Несущих Пустоту нет Узоров. Кроме того, я читал о них в ваших преданиях. Там говорится о длинных и тонких руках, похожих на кости, и ужасающих лицах. Думаю, что, если ты хочешь отыскать Несущего Пустоту, стоит начать поиски с зеркала.

Инадара отшатнулась и отошла подальше, чтобы поговорить с ее светлостью Велат и ардентом Исасиком о том, как они интерпретировали карту Шаллан.

Девушка улыбнулась, не отрываясь от рисования.

- Умно.

– Я стараюсь учиться, – ответил Узор. – Оскорбления очень пригодятся моему народу, потому что объединяют правду и ложь довольно интересным образом.

Треск снаружи не умолкал.

- Что там? – тихо спросила Шаллан, заканчивая очередное плато.

– Спрены шторма. Это разновидность спренов Пустоты. Ничего хорошего. Я чувствую, что назревает что-то очень опасное. Рисуй быстрее.

– Клятвенные врата должны находиться где-то на центральном плато, – сказала Инадара группе ученых.

– Мы не успеем исследовать его целиком, – ответил один из ардентов, мужчина, который постоянно снимал и протирал очки. Он надел их снова. – То плато, безусловно, самое большое из тех, что мы обнаружили на равнинах.

Настоящая проблема. Как найти Клятвенные врата? Они могли располагаться где угодно.

«Нет, – подумала Шаллан, накладывая аккуратные штрихи. – Согласно старым картам то, что Джасна считала Клятвенными вратами, находилось к юго-западу от центра города».

К сожалению, у нее до сих пор не имелось масштаба для сравнения. Город слишком древний, и все карты были копиями копий или воссозданными по описаниям. К этому моменту Шаллан уверилась, что Штормпост не захватывал Разрушенные равнины полностью – город и близко не был настолько огромным.

Структуры, располагавшиеся на месте военных лагерей, – скорее всего, вспомогательные постройки или города-спутники.

Но это всего лишь предположение. Ей требовалось что-то более конкретное. Какой-то знак.

Клапаны палатки раскрылись снова. Снаружи похолодало. Не усилился ли дождь?

– Бездна! – выругался вошедший худощавый мужчина в форме разведчика. – Вы видели, что там происходит? Почему мы разделились на плато? Разве не было решено придерживаться оборонительной тактики?

– Твое сообщение? – спросила Инадара.

– Дайте мне полотенце и лист бумаги, – сказал разведчик. – Я обошел южную часть центрального плато. Нарисую, что увидел... Но, Бездна! Они бросают в нас молнии, ваша светлость. Бросают их! Безумие. Как можно сражаться против таких созданий?

Шаллан закончила последнее плато на карте и опустила на пятки, отложив перо. Перед ней были Разрушенные равнины, изображенные практически целиком. Но зачем она их нарисовала? Какой смысл в рисунке?

– Мы организуем вылазку на центральное плато, – проговорила Инадара. – Светлорд Ренарин, нам понадобится ваша защита. Возможно, в городе паршенди мы обнаружим стариков или рабочих и сможем защитить их, как приказал светлорд Далинар. Может быть, им что-то известно о Клятвенных вратах. Если нет, мы начнем искать подсказки внутри зданий.

«Слишком медленно», – подумала Шаллан.

Новоприбывший разведчик подошел к огромной карте Шаллан. Склонившись и вытираясь полотенцем, он стал изучать рисунок. Шаллан одарила его пристальным взглядом. Если он закапает карту после того, как она отдала столько сил...

– Вот здесь неправильно, – сказал он.

Неправильно? В ее рисунке? Конечно же, там все правильно.

– Где? – измученно спросила Шаллан.

– Вот то плато, – произнес мужчина, указывая на область на карте. – Оно не такое узкое и вытянутое, как вы нарисовали. Там идеальный круг, с широкими ущельями между ним и плато к востоку и западу.

– Вряд ли, – проговорила Шаллан. – Ведь если это так...

Она моргнула.

Если это было так, узор оказался бы не симметричным.

– Что ж, найди ее светлости Шаллан отряд солдат и делай, как она говорит! – приказал Далинар, отворачиваясь и защищаясь рукой от ветра.

Ренарин кивнул. К счастью, он согласился надеть Доспехи на время битвы и не остался с Четвертым мостом. В последние дни Далинар с трудом понимал парня... Шторма, кронпринц не знал ни одного человека, который выглядел бы неуклюжим в Доспехах Осколков, но его сыну это удавалось. Гонимая ветром, налетела стена дождя. Свет голубых фонарей отразился в мокрой броне Ренарина.

– Иди, – проговорил Далинар. – Защити ученых в их миссии.

– Я... – начал Ренарин. – Отец, я не знаю...

– Это не просьба, Ренарин! – закричал Далинар. – Делай, как тебе говорят, или отдай свои штормовые Доспехи тому, кто будет слушаться!

Мальчишка отскочил и отсалютовал, звякнув по металлу. Далинар указал на Гавала, отдающего приказы и собирающего отряд солдат. Ренарин последовал за Гавалом, и они удалились вместе.

Отец Штормов. Небо темнело все сильнее и сильнее. Вскоре им понадобятся фабрикалы Навани. Ветер дул порывами, принося дождь, который был слишком сильным для Плача.

– Нам нужно оборвать их пение! – закричал Далинар и стал пробираться сквозь дождь к краю плато, сопровождаемый офицерами, посыльными, Рлаином и несколькими солдатами Четвертого моста. – Паршмен. Этот шторм их рук дело?

– Полагаю, что так, светлорд Далинар!

На другой стороне ущелья армия Аладара отчаянно сражалась с паршенди. Вспыхивали красные молнии, но согласно рапортам с поля битвы паршенди не знали, как ими управлять. Те, кто находился слишком близко, подвергались большой опасности, но молнии были не таким ужасным оружием, как показалось вначале.

К несчастью, в прямом бою новые паршенди представляли собой нечто совершенно исключительное. Их отряд подобрался ближе к ущелью и прорвался через ряды копейщиков, словно белоспинник сквозь заросли папоротника. Паршенди сражались с яростью, которую ни разу не демонстрировали во время забегов на плато, от их оружия исходили красные вспышки.

Было трудно просто наблюдать, но место Далинара не в гуще сражения. Не сегодня.

– Нужно усилить восточный фланг Аладара, – сказал Далинар. – Что мы имеем?

– Резервы легкой пехоты, – ответил генерал Хал, одетый только в униформу. Его Осколки взял сын, сражающийся с армией Ройона. – Пятнадцатая дивизия копейщиков из армии Себариаала. Но предполагалось, что они поддержат светлорда Адолина...

– Он обойдется и без них. Отправь этих солдат сюда и проследи, чтобы Аладар получил подкрепления. Передай ему, чтобы он прорывался к паршенди, стоящим сзади, и чтобы любой ценой добрался до тех, кто поет. Что у Навани?

– Она и ее устройства готовы, светлорд, – отчиталась посыльная. – Ее светлость спрашивает, когда начинать.

– Фланг Ройона, – немедленно произнес Далинар.

Он чувствовал, что там назревает катастрофа. Конечно, речь – это прекрасно, но даже с сыном Хала, сражающимся на том участке, отряды Ройона были самыми слабыми. Телеб поддерживал их с частью солдат Себариаала, которые оказались на удивление хороши. Сам кронпринц был практически бесполезен в бою, но он знал, как нанимать подходящих людей – Себариаал всегда обладал таким талантом. Вероятно, он полагал, что Холин не в курсе.

До сих пор Далинар придерживал многие отряды Себариаала в резерве. Отправив их на поле боя, он ввел бы в сражение почти всех солдат.

Кронпринц зашагал обратно к штабной палатке, пройдя мимо Шаллан, Инадары, нескольких мостовиков и отряда солдат, включающего Ренарина, которые быстро пересекали плато, спеша на выполнение миссии. Им требовалось пройти по краю южного плато, вблизи от сражения, чтобы попасть туда, куда они собирались. Да ускорит Келек их путь.

Сам Далинар, вымокший до нитки, перемещался под дождем и оценивал ход битвы по тому, что происходило на флангах. Как и предполагалось, его войска имели численное преимущество. Но эти красные молнии, этот ветер... Паршенди двигались в темноте под порывами ветра с легкостью, а люди поскользывались, шурились, их теснили.

Однако алету удерживали свои позиции. Проблема заключалась в том, что в битве участвовала только половина паршенди. Если в бой вступит вторая половина, его людям придется несладко. Но паршенди не атаквали, из чего следовало, что приоритетным для них оставалось пение. По мнению противника,

призываемый ветер приносил больше вреда и был более смертельным, чем если бы они просто присоединились к сражению.

Осознание этого факта ужаснуло Далинара. То, что надвигается, будет еще хуже.

– Мне жаль, что тебе придется умереть таким образом.

Далинар застыл. Дождь тек ручьями. Кронпринц посмотрел на группу сопровождающих его посыльных, помощников, телохранителей и офицеров.

– Кто это сказал?

Они начали переглядываться.

Погодите-ка... Он узнал голос, не так ли? Голос казался знакомым.

Да. Он слышал его много раз. В своих видениях.

Голос Всемогущего.



За одним из них ты будешь следить. И хотя все они связаны с предвидением, Моэла – самый могущественный из них. Его прикосновение просачивается в душу, когда та покидает тело, и вызывает проявления, питаемые самой искрой смерти. Но это не главное. Второстепенная тема. Королевская власть. Нам нужно обсудить природу королевской власти.

Диаграмма, записи 2-ого ящика стола: параграф 15

Каладин хромал вверх по извилистой тропе к дворцу, и его нога казалась сплошной массой свившей гнездо боли. Почти падая, он добрался до дверей и сполз на землю, задыхаясь, с костылем под мышкой и копьём в руке. Как будто он мог его как-то использовать.

«Должен... добраться... до короля...»

Как ему увести Элокара? Моаш будет на страже. Шторма, убийство может случиться в любой день... в любую минуту. Наверняка Далинар уже достаточно удалился от военных лагерей.

Продолжать. Двигаться.

Каладин ввалился в приемный зал. Нет охраны у дверей. Плохой знак. Стоило ли ему поднять тревогу? В лагере не было солдат, чтобы помочь, и, приди Каладин с подкреплением, Грейвс и его люди поняли бы, что что-то не так. В одиночку ему, возможно, удастся увидеться с королем. Единственный шанс заключался в том, чтобы, не привлекая внимания, увести Элокара в безопасное место.

«Дурак, – подумал Каладин. – Хочешь передумать сейчас? После всего, что случилось? Что ты делаешь?»

Но, шторм побери... Король старался. Он действительно старался. Элокар был высокомерным, вероятно, некомпетентным, но он старался. Он был искренен.

Каладин остановился, обессиленный, с горящей ногой, и прислонился к стене. Разве не должно все быть проще? Теперь, когда он принял решение, разве не должен он испытывать сосредоточенность, уверенность, возбуждение? Он не ощущал ничего подобного. Зато чувствовал себя выжатым, сбитым с толку и полным сомнений.

Каладин заставил себя двигаться вперед.

«Вперед».

Да поможет Всемогущий, чтобы он не опоздал.

Неужели он снова стал молиться?

Каладин пробирался через темные коридоры. Разве не полагается освещать их лучше? С трудом добрал он до верхних покоев короля, в которых находился зал совета и боковой балкон. Двое мужчин в форме Четвертого моста охраняли дверь, но Каладин не узнал ни одного из них. Они не были членами Четвертого моста, они не были даже солдатами старой королевской стражи. Штурма.

Мостовик заковылял к ним, зная, что выглядит не лучшим образом: повязка на раненой ноге местами пропиталась кровью и, как он заметил, кровь уже стекала вниз. У него разошлись швы.

– Стой, – сказал один из охранников.

У парня на подбородке виднелась настолько глубокая ложбинка, что, казалось, он получил топором по лицу, когда был младенцем. Он оглядел Каладина с головы до ног.

– Ты тот, кого называют Благословленным Штурмом.

– Вы люди Грейвса.

Они переглянулись.

– Все в порядке, – сказал Каладин. – Я с вами. Моаш здесь?

– Сейчас его нет, – ответил солдат. – Пошел вздремнуть. Завтра важный день.

«Я не опоздал», – подумал Каладин. Удача оказалась на его стороне.

– Я хочу поучаствовать в вашем деле.

– Обо всем позаботятся, мостовик, – сказал охранник. – Возвращайся в казармы и притворись, что ничего не происходит.

Каладин наклонился, как будто хотел что-то прошептать на ухо охраннику. Тот тоже наклонился к нему.

Тогда Каладин отбросил костыль и ударил солдата копьём между ног, а затем тотчас же обернулся, вращаясь на здоровой ноге и подтаскивая раненую, и обрушился на второго охранника.

Тот успел поднять копьё, отразив удар, и попытался закричать:

– К оружию! К...

Каладин врезался в него со всего маху, отбросив копьё охранника в сторону, выпустил свое собственное копьё, схватил противника за горло онемевшими, влажными пальцами и ударил его головой о стену. Извернувшись и опустившись вниз, он заехал локтем в голову охранника с ложбинкой на подбородке и вмял ее в пол.

Оба мужчины замерли неподвижно. Почувствовав головокружение от внезапного напряжения, Каладин прислонился спиной к двери. Перед его глазами все плыло. Теперь он хотя бы знал, что все еще способен драться без штормсвета.

Каладин поймал себя на том, что смеется, хотя смех перешел в кашель. Неужели он в самом деле просто набросился на людей? Теперь нет пути назад. Шторма, он даже не знал, почему так поступает. Отчасти из-за искренности короля, но не она была истинной причиной, как он обнаружил в глубине души. Каладин знал, что должен это сделать, но почему? Мысль о смерти короля без хорошего на то основания вызывала у него тошноту и напоминала о случившемся с Тьеном.

Но главная причина заключалась и не в этом. Шторма, он никак не мог уловить смысл, даже для себя самого.

Охранники не шевелились, не считая редких подергиваний. Каладин кашлял и кашлял, задыхаясь. Не время для слабости. Он протянул скрючившиеся пальцы к ручке и попытался открыть дверь. Наполовину ввалившись в комнату, он, спотыкаясь, встал на ноги.

– Ваше величество? – позвал Каладин, опираясь на копьё и подволакивая больную ногу.

Он добрался до спинки дивана и, ухватившись за нее, выпрямился во весь рост. Где же...

Король неподвижно лежал на диване.

Адолин широко размахивал Клинком, выдерживая идеальную стойку ветра. Когда он рассек горло очередному паршенди, на острие меча собралась влага. Красная молния с треском ударила из трупя, связав в яркой вспышке солдата и землю, когда тот умер. Сражающиеся рядом алетии соблюдали осторожность и не наступали в лужи рядом с трупом. На горьком опыте они узнали, что странная молния может быстро убить через воду.

Подняв меч и бросившись вперед, Адолин возглавил атаку против ближайшей группы паршенди. Да будут прокляты шторм и принесшие его ветра! К счастью, когда Навани задействовала фабриалы, омывшие поле боя необычно однородным белым светом, тьма немного рассеялась.

Адолин и его отряд снова столкнулись с паршенди. Однако, оказавшись среди врагов, он сразу же почувствовал, как что-то захлестнуло его левую руку. Вереvoчная петля? Адолин отпрянул назад. Никакая веревка не могла удержать Доспехи Осколков. Он зарычал и выдернул веревку из держащих ее рук. Затем рванулся снова, когда очередная петля затянулась на горле и потянула его в другую сторону.

Принц закричал, стремительно развернувшись, и взмахнул Клинком, разрезая веревку. Еще три петли полетели в него из темноты: паршенди отправили целый отряд. Адолин перешел к защитным взмахам, как обучил его Зейхел, и стал обороняться от целенаправленной атаки веревками. Враги должны были растянуть другие веревки на земле перед ним, ожидая, что он их заденет... Да, вон они.

Адолин попятился, разрезав долетевшие петли. К сожалению, его люди зависели от него, если хотели прорвать ряды паршенди. Как только он отступил, противник с силой поднажал на линии алетии. Как обычно, они не использовали традиционные военные построения, атакуя группами и парами. Подобная тактика была пугающе эффективна на хаотичном, мокром от дождя поле боя, среди ударов молний и порывов ветра.

Перел, полевой командир, которого Адолин поставил во главе отряда с фонарями, протрубил отступление на фланге принца. Адолин выдал серию проклятий, разрезал последнюю веревку и отошел назад, выставив меч на случай, если паршенди решат их преследовать.

Ничего подобного не случилось. Тем не менее, когда он присоединился к отступлению, за ним тенью последовали две фигуры.

– Еще живы, мостовики? – спросил Адолин.

– Еще живы, – ответил Шрам.

– На вас остались веревочные петли, сэр, – сказал Дрехи.

Адолин вытянул руку и позволил мостовику обрезать веревки поясным ножом. Через плечо принц наблюдал, как перестраиваются паршенди. Издали, между ударами грома и свистом ветра, до него доносились монотонные звуки сурового пения.

– Они продолжают отправлять отряды, чтобы навязать мне бой и отвлечь, – проговорил Адолин. – У них нет желания сокрушить меня, они просто хотят держать Носителя Осколков подальше от сражения.

– Рано или поздно им придется сразиться с вами по-настоящему, – сказал Дрехи, обрезаю веревки. Он дотянулся до своей лысой головы и провел по ней рукой, смахивая капли дождя. – Они не оставят Носителя Осколков в покое.

– Вообще-то, – ответил Адолин, сощурился и прислушиваясь к пению, – именно это они и делают.

Позвякивая на ходу, он побежал сквозь пелену дождя к командной позиции около фонарей. Перел, закутанный в огромный штормплащ, выкрикивал приказы. Он быстро отсалютовал Адолину.

– Ситуация? – спросил Адолин.

– Стоячая вода, светлорд.

– Я понятия не имею, что это значит.

– Термин пловцов, сэр, – пояснил Перел. – Мы то продвигаемся вперед, то откатываемся назад, но нет никакого прогресса. Численность сражающихся практически равная, каждая сторона балансирует на грани. Больше всего меня беспокоят резервы паршенди. Им уже пора вступить в битву.

– Резервы? – переспросил Адолин, взглянув на тускло освещенное плато. – Ты имеешь в виду поющих?

И справа, и слева войска алетти сражались с солдатами паршенди. Вопили люди, звенело оружие, слышались знакомые звуки смерти на поле битвы.

– Да, сэр, – подтвердил Перел. – Они расположились под тем скальным образованием в центре плато и поют, шторм их побери, во весь голос.

Адолин помнил, как выглядел скальный выступ, нависающий над плато в тусклом свете. Он был достаточно широк, чтобы наверху поместился целый батальон.

– Можно ли забраться на него с другой стороны?

– В такой дождь, светлорд? – засомневался Перел. – Вряд ли. У вас, может быть, и получится, но вы ведь не полезете туда в одиночку?

Адолин ожидал, что почувствует знакомый пыл, толкающий его вперед, страстное желание броситься в битву, наплевав на возможные последствия. Он работал над собой, чтобы уметь усмирять этот пыл, и удивился, когда обнаружил, что... его не было. Совсем.

Адолин нахмурился. Он устал. Возможно, причина в этом? Он начал размышлять над ситуацией под звуки дождя, барабанившего по шлему.

«Нам необходимо подобраться к тем паршенди сзади, – подумал он. – Отец хочет, чтобы они бросили в битву резервы, хочет оборвать пение...»

Что там говорила Шаллан об этих внутренних плато? И о скальных образованиях на них?

– Собери мне батальон, – сказал Адолин. – Тысячу человек, тяжелых пехотинцев. Когда пройдет полчаса после того, как я выступлю с ними, отправь всех оставшихся солдат в полномасштабную атаку против паршенди. Я хочу кое-что попробовать, и мне понадобится отвлекающий маневр.

– Ты умер! – прокричал Далинар, подняв голову к небу. Он развернулся, по-прежнему находясь на центральном плато между тремя полями битв, напугав своих помощников и сопровождающих. – Ты сказал мне, что тебя убили!

На лицо падали капли дождя. Неужели слух подвел его в царящей неразберихе дождя и криков?

– Я не Всемогущий, – произнес голос.

Далинар обернулся, рыская взглядом по лицам спутников. Четверо мостовиков в штормплащах отступили назад, будто в испуге. Его капитаны поглядывали на облака, сжимая рукояти мечей.

– Кто-нибудь слышал голос? – спросил Далинар.

И мужчины, и женщины покачали головами.

– Вы... слышите Всемогущего? – спросила одна из посыльных.

– Да.

Это был самый простой ответ, хотя Далинар не до конца понимал, что происходит. Он продолжил свой путь через центральное плато, намереваясь узнать, как идут дела на фронте Адолина.

– Мне жаль, – повторил голос.

В отличие от видений Далинар не мог заметить воплощение бога, произносящего слова. Они доносились из ниоткуда.

– Ты приложил столько усилий. Но я ничего не могу для тебя сделать.

– Кто ты? – прошипел Далинар.

– Я – то, что осталось.

Он не соответствовал в полной мере тому голосу, что Далинар слышал в видениях. Был более глубоким, насыщенным.

– Я оставшаяся от Него частица. Я видел Его тело, видел, как Он умер, когда Злоба убил Его. А я... сбежал. Чтобы продолжать существовать дальше, как и всегда. Я – часть Бога, оставшаяся в этом мире, ветра, которые чувствуют люди.

Отвечал ли он на вопрос Далинара или просто произносил монолог? Кронпринц считал, что во время видений беседует с этим голосом, но оказалось, что половина кажущегося диалога записана заранее. Он не понимал, происходит ли теперь то же самое.

Шторма... Неужели сейчас он находился в видении? Далинар застыл на месте, неожиданно представив ужасную картину: он корчится на полу во дворце, а весь путь, приведший к битве под дождем, всего лишь игра его воображения.

«Нет, – подумал он с яростью. – Этим меня не проймешь».

Прежде Далинар всегда понимал, когда оказывался в видении, поэтому у него не было причин считать, что теперь что-то изменилось.

Резервные копейщики, которых он направил к Аладару, пробежали мимо, подняв острия копий вверх. Если ударит настоящая молния, им всем грозит нешуточная опасность, но особенного выбора не было.

Далинар подождал, не скажет ли голос еще что-то, но ничего не происходило. Кронпринц пошел дальше и вскоре приблизился к плато Адолина.

Неужели прогремел гром?

Нет. Далинар обернулся и различил лошадь, несущуюся галопом в его сторону с посыльной на спине. Он поднял руку, прервав тактический рапорт капитана Джави.

– Светлорд! – прокричала посыльная, подняв лошадь на дыбы. – Светлорд Телеб пал! Кронпринца Ройона разгромили. Его ряды смяты, остатки войска окружены паршенди! Его отрезали от остальных на северном плато!

– Бездна! Капитан Хал?

– Все еще на ногах, сражается там, где в последний раз видели Ройона. Он близок к разгрому.

Далинар обернулся к Джави.

– Резервы?

– Не знаю, остался ли у нас еще хоть кто-то, – ответил мужчина, побледнев.

– Зависит от того, отдыхает ли кто-то в свою очередь.

– Выясни и приведи их сюда! – Далинар подбежал к посыльной. – Слезай.

– Сэр?

– Слезай!

Женщина соскочила с лошади, и Далинар, закинув ногу в стремя, уселся в седло. Он развернул лошадь, благодарный, что хоть раз оказался без Доспехов Осколков, иначе это легкое животное не выдержало бы его вес.

– Собери всех, кого сможешь, и за мной! – прокричал он. – Мне нужны люди, даже если тебе придется отозвать тот батальон копейщиков у Аладара.

Ответ капитана Джави затерялся в шуме дождя, когда Далинар пригнулся и пятками направил лошадь вперед. Кобыла фыркнула, и ее пришлось пришпорить, чтобы заставить двигаться. Треск молний в отдалении пугал лошадь.

Задав направление, он позволил ей бежать свободно, и животное энергично понеслось галопом. Далинар быстро проскакал через плато. Палатки для ухода за ранеными, командные посты и походные кухни смазались в одно неясное пятно. Подъехав к северному плато, он натянул поводья и поискал глазами Навани.

Ее нигде не было видно, хотя он и заметил на земле несколько парусиновых тентов – огромных квадратов из черной материи. Навани оказалась занята. Далинар подозвал инженера, и тот указал направление, в котором кронпринц и поскакал, миновав по пути еще несколько тентов, установленных на камнях.

Слева от него, на другой стороне ущелья, с криками и воплями умирали люди. Он лично убедился в том, как ужасно обернулось сражение для Ройона. Опасность заключалась в том, что враги с красными глазами раскололи ряды солдат на небольшие уязвимые группы, защищавшие свои осажденные знамена, и окружили их. Алети продолжали сражаться, но противник разбил их строй, и шансы были совсем невелики.

Далинару вспомнилось, как он сам бился примерно в такой же ситуации два месяца назад, окруженный морем врагов, без надежды на спасение. Он пришпорил лошадь и вскоре заметил Навани. Стоя под зонтом, женщина руководила группой рабочих, устанавливающих очередной большой тент.

– Навани! – закричал Далинар, остановив лошадь за один тент от нее так резко, что животное чуть не поскользнулось. – Мне нужно чудо!

– Работаю над ним, – прокричала она в ответ.

– Нет времени. Приводи свой план в действие. Сейчас же!

Далинар находился слишком далеко, чтобы увидеть ее свирепый взгляд, но он его почувствовал. К счастью, Навани жестом отослала рабочих от тента, рядом с которым находилась, и начала выкрикивать приказы инженерам. Женщины побежали к ущелью, где был выложен ряд булыжников. Далинару показалось, что к ним привязаны веревки, однако он не знал точно, как на самом деле все работало. Навани отдавала распоряжения.

«Слишком долго», – с тревогой подумал Далинар, наблюдая за происходящим на другой стороне ущелья.

Завладели ли паршенди Осколками Телеба? Он не мог позволить себе горевать о нем, не прямо сейчас. Алети были необходимы эти Осколки.

За Далинаром собирались солдаты. Лучники Ройона, лучшие среди всех военных лагерей, оказались бесполезны во время дождя. Следуя отрывистому приказу Навани, инженеры отошли назад, и рабочие сбросили в ущелье примерно сорок выложенных в ряд камней.

Как только камни начали падать, в воздух, на высоту пятидесяти футов, взмыли парусиновые тенты, растянутые за передние края и середины. В мгновение ока вдоль ущелья выстроилась линия импровизированных навесов.

– Вперед! – закричал Далинар, направив лошадь между двумя навесами. – Лучники, приготовиться!

В защищенные области под тентами устремились солдаты. Некоторые заворчали, не заметив никаких видимых шестов, поддерживающих навесы в воздухе. Навани тянула только за передние края, поэтому тенты свисали под наклоном от ущелья. В этом направлении стекали ручьи воды. У навесов имелись боковины, как у палаток, поэтому со стороны линии фронта Ройона виднелись одни лица солдат.

Далинар развернулся и соскочил с лошади, передав поводья рабочему. Он забежал в один из тентов, где строились лучники. Подоспела Навани с большим мешком за плечами. Внутри оказался огромный светящийся гранат, вставленный в изящное проволочное кружево фабриала.

Навани немного повертела его в руках и отошла назад.

– Нам на самом деле не помешало бы дополнительное время, чтобы проверить, как все работает, – предупредила она Далинара, скрестив руки. – Притягатели – новое изобретение. У меня до сих пор нет полной уверенности, что эта штука не выпьет кровь того, кто к нему притронется.

Не случилось ничего подобного. Вокруг притягателя начала быстро скапливаться вода. Шторма, он работал! Фабриал вытягивал влагу из воздуха. Лучники Ройона достали тетивы из водонепроницаемых карманов и по приказу лейтенантов стали натягивать их, сгибая луки. Многие здесь были светлоглазыми – искусство лучника считалось допустимым призванием для светлоглазого мужчины, ограниченного в средствах. Не каждый мог стать офицером.

Лучники начали посылать тучи стрел через ущелье, целясь в паршенди, окруживших войска Ройона.

– Отлично, – проговорил Далинар, наблюдая за полетом стрел. – Просто отлично.

– Из-за дождя и ветра по-прежнему тяжело прицелиться, – произнесла Навани. – И я не знаю точно, насколько хорошо будет работать фабриал. Тенты открыты спереди, влажность внутри постоянно усиливается. Штормсвета может хватить совсем ненадолго.

– Его хватит, – ответил Далинар.

Стрелы практически мгновенно повлияли на ход сражения, отведя внимание паршенди от окруженных солдат. Это был один из тех приемов, который стоило использовать, только если ситуация становилась отчаянной – риск задеть союзников оставался слишком велик, но лучники Ройона подтвердили свою репутацию.

Далинар крепче прижал Навани одной рукой.

– Ты отлично справилась.

Выйдя из-под навеса, он послал за конем – его ришадидумом, а не той дикой кобылой, принадлежащей посыльной. Лучники обеспечат ему брешь в рядах врага. Оставалось надеяться, что для Ройона еще не слишком поздно.

«Нет!» – мысленно воскликнул Каладин, обходя диван с той стороны, где лежал король.

Неужели мертв? Ран не было видно.

Король пошевелился, лениво застонал и сел. У Каладина вырвался облегченный вздох. На приставном столике валялась пустая бутылка из-под вина, и теперь, подойдя ближе, Каладин чувствовал запах разлитой выпивки.

– Мостовик? – Голос короля звучал неразборчиво. – Пришел позлорадствовать надо мной?

– Шторма, Элокар, – проговорил Каладин. – Сколько вы выжили?

– Они все... они все меня обсуждают, – пробормотал тот, плюхнувшись на диван. – Мои собственные охранники... все. Плохой король, говорят они. Все его ненавидят, говорят они.

Каладина пробрал озноб.

– Они хотели, чтобы вы напились, Элокар. Это облегчит их задачу.

– А?

Шторма, парень находился в полубессознательном состоянии.

– Пойдемте, – произнес Каладин. – Вас преследуют убийцы. Нам нужно выбраться отсюда.

– Убийца? – Элокар вскочил на ноги, но пошатнулся. – Он носит белое. Я знал, что он вернется... но оказалось... ему был нужен только Далинар... Даже убийца считает меня недостойным трона...

Каладин сумел подлезть под руку Элокара, используя копьё для опоры. Король навалился на него, и в ногу мостовика вспыхнула боль.

– Пожалуйста, ваше величество, – взмолился Каладин, почти падая на пол. – Нужно, чтобы вы попытались идти.

– Возможно, убийцы охотятся за тобой, мостовик, – пробормотал король. – Ты проявил себя лидером гораздо лучше, чем я. Хотел бы я... хотел бы я поучиться у тебя...

К счастью, король более-менее держался на ногах. С трудом они доковыляли до дверей, где до сих пор лежало тело одного из охранников...

Одно? А где второе?

Уловив размытое движение, когда кто-то бросился на них с ножом, Каладин вывернулся из хватки короля. Инстинктивно он выбросил древко копья назад, подняв тем самым руки к голове, чтобы стало удобнее драться в ограниченном пространстве, и ударил. Наконечник копья погрузился глубоко в живот охранника с ложбинкой на подбородке. Мужчина захрипел.

Но он бросался с ножом не на Каладина.

Он пырнул в бок короля.

Охранник рухнул на пол, соскользнув с копья Каладина, выронил нож. С ошеломленным выражением на лице Элокар потянулся к боку. Его рука окрасилась кровью.

– Я мертв, – прошептал он, рассматривая кровь.

В это мгновение боль и слабость Каладина, казалось, отступили. Момент паники превратился в момент силы, и он использовал ее, чтобы разорвать одежду Элокара, опустившись на колено здоровой ноги. Нож скользнул по ребру. У короля открылось сильное кровотечение, но рана далеко не смертельная, если оказать медицинскую помощь.

– Прижмите и держите, – сказал Каладин, приложив оторванный лоскут рубашки короля к ране, а сверху его руку. – Нам нужно выбраться из дворца. Найти безопасное место.

Возможно, тренировочный полигон? На ардетов можно положиться, и они способны сражаться. Но не будет ли такой шаг слишком очевидным?

Что ж, в первую очередь им необходимо покинуть дворец. Каладин схватил копьё и повернулся, чтобы показывать путь, но его нога чуть не подвела. Он смог устоять, но задохнулся от боли, цепляясь за копьё и пытаясь не упасть.

Шторма, неужели эта лужа крови у ног – его? Не только разошлись швы, он повредил ногу еще сильнее.

– Я ошибался, – проговорил король. – Мы оба мертвы.

– Флит продолжал бежать, – прорычал Каладин, снова подныривая под руку Элокара.

– Что?

– Он не мог выиграть, но продолжал бежать. И когда его настиг шторм, стало неважно, что он умрет, потому что он бежал изо всех сил.

– Конечно. Хорошо.

Король нетвердо держался на ногах и пошатывался, но Каладин не мог сказать, что было причиной: алкоголь или кровопотеря.

– Видите ли, в конце мы все умрем. – Они шли по коридору, Каладин опирался на копье, чтобы не упасть. – Поэтому я решил, что на самом деле важно только то, как хорошо ты бежал. И, Элокар, вы продолжали бежать с тех самых пор, как погиб ваш отец, несмотря на то, что терпели неудачи все это штормовое время.

– Спасибо? – вяло спросил король.

Они добрались до перекрестка, и Каладин решил ускользнуть через недра дворцового комплекса, а не через главные ворота. Это заняло бы столько же времени, но, может быть, заговорщики не станут искать их во дворце в первую очередь.

Дворец был пуст. Моаш поступил так, как намеревался, и отослал слуг в укрытия, воспользовавшись прецедентом атаки Убийцы в Белом. Превосходный план.

– Почему? – прошептал король. – Разве ты не должен меня ненавидеть?

– Вы мне не нравитесь, Элокар, – ответил Каладин. – Но из этого не следует, что я позволю вам умереть.

– Ты сказал, что мне лучше отречься. Но почему, мостовик? Почему ты помогаешь мне?

«Я не знаю».

Они свернули в очередной коридор, но прошли его только наполовину, когда король остановился и осел на пол. Каладин выругался, опустившись на колени рядом с Элокаром, и проверил его пульс и рану.

«Дело в вине», – решил он.

Вино, а также кровопотеря вызвали у короля головокружение.

Плохо. Каладин перетянул рану так хорошо, как смог, но что теперь? Попытаться тащить короля волоком? Отправиться за помощью, рискуя оставить его одного?

– Каладин?

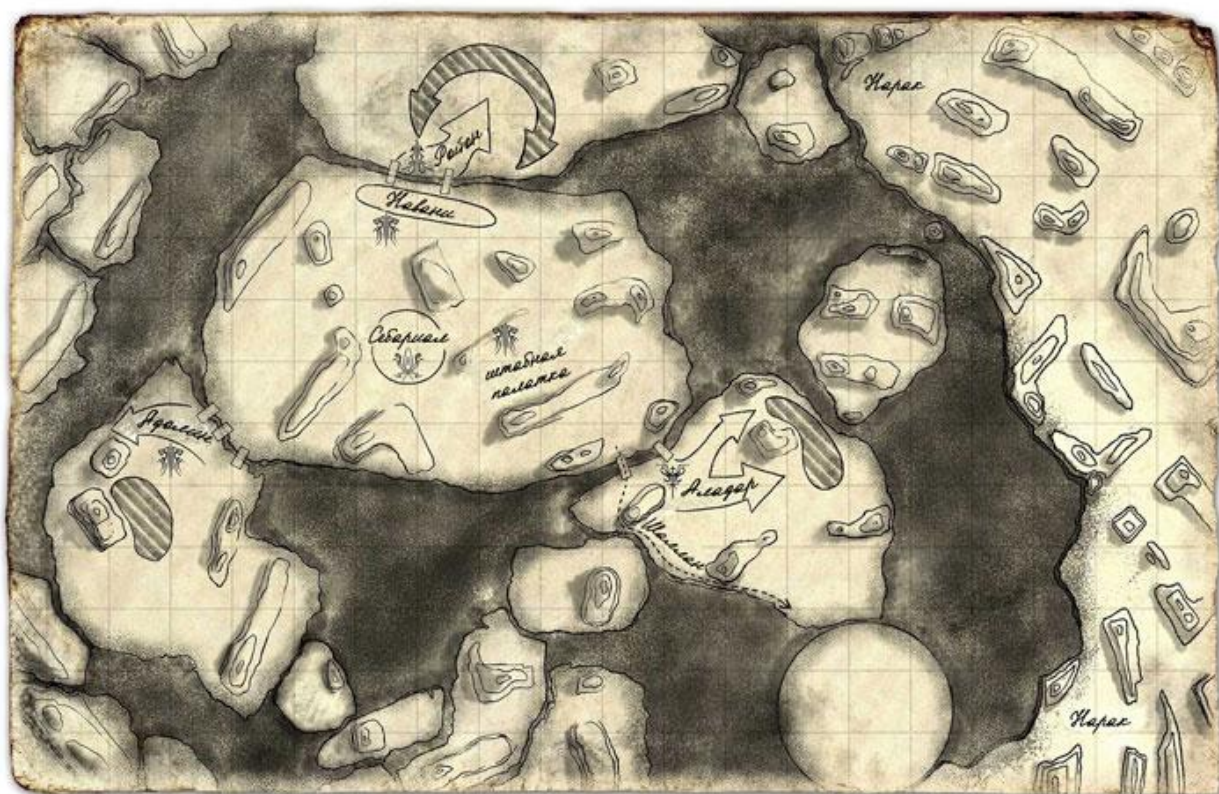
Юноша замер, по-прежнему стоя на коленях рядом с королем.

– Каладин, что ты делаешь? – спросил голос Моаша за спиной. – Мы нашли охранников у двери, ведущей в королевские покои. Шторма, ты их убил?

Каладин встал и обернулся, переместив вес на здоровую ногу. На другом конце коридора стоял Моаш, сверкающий в своих сине-красных Доспехах Осколков. Его сопровождал еще один Носитель с Клинком на плече и опущенным забралом. Грейвс.

Убийцы прибыли.

Дневник Навани: карта битвы





Очевидно они все глупцы Опустошению не нужны вестники Оно может и будет проходить так как захочет и знаки явно указывают что по мнению спренов оно уже близко Древнейший камень уже должен начать трескаться Удивительно что по его воле процветание и мир царили везде более четырех тысяч лет
Диаграмма, записи 2-ого потолочного перекрытия: чертеж 1

Шаллан сошла с моста на пустынное плато.

Дождь приглушал звуки боя, создавая впечатление еще большей изолированности этого места. Темно, как в сумерках. Дождь как шипящий шепот.

Плато оказалось выше большинства прочих, поэтому ей был виден центр Штормпоста, раскинувшийся впереди. Колонны с наросшим на них крэмом, превратившиеся в сталагмиты. Строения, ставшие курганами, заваленные камнями подобно тому, как снег укрывает упавшее бревно. В полумраке, под дождем древний город представал наброском, контуры которого должно заполнить воображение.

Город спрятался под иллюзией самого времени.

Остальные пересекли мост следом за ней. Им пришлось обогнуть поле битвы на фронте Аладара, проскользнув вдоль линий алетии. Чтобы добраться на это дальнее плато, потребовалось время, так как мостовикам было необходимо найти пригодное место для переправы. Они поднялись по склону смежного плато и разместили там мост, чтобы перебраться через ущелье.

– Вы уверены, что это нужное место? – спросил Ренарин, ступая на плато рядом с Шаллан и позвякивая Доспехами.

Она укрылась под зонтом, но Ренарин предпочел мокнуть со шлемом под мышкой. Вода стекала по лицу принца. Куда подевались его очки? В последнее время она не видела, чтобы он носил их.

– Уверена, – ответила Шаллан, – потому что оно ни во что не вписывается.

– Ваше заключение едва ли выдержит испытание логикой, – заметила присоединившаяся к ним Инадара. Остальные солдаты и мостовики переходили

на пустое плато. – Портал подобного свойства должен быть скрыт и ничем не выделяться.

– Клятвенные ворота никто не скрывал, – сказала Шаллан. – Но, так или иначе, не важно. Это плато круглое.

– Многие из них круглые.

– Не идеально круглые.

Шаллан зашагала вперед. Теперь, попав сюда, она видела, насколько необычно... вернее, обычно это место.

– Я искала постамент на плато, но не осознавала его масштабов. Все плато целиком и есть тот постамент, на котором расположены Клятвенные ворота. Разве вы не видите? Другие плато образовались в результате какой-то катастрофы – они неровные, расколотые. Но не здесь. Потому что это плато уже было таким, когда случилось разрушение. На старых картах оно изображалось как приподнятый участок, похожий на гигантский пьедестал. Когда равнины раскололись, плато осталось прежним.

– Да... – кивнул Ренарин. – Представьте тарелку с кругом, выгравированным в центре... Если ее разбить, она, скорее всего, разломится по уже ослабленным линиям.

– Превратившись в груды обломков неправильной формы, – согласилась Шаллан, – и одним, похожим очертаниями на круг.

– Возможно, – сказала Инадара. – Но я нахожу странным, что нечто, настолько тактически важное, оставалось незащищенным.

– Клятвенные ворота являлись символом, – объяснила Шаллан на ходу. – Воринское право путешествия, предоставляемое всем гражданам подобающего ранга, базируется на заявлении Герольдов о том, что все границы должны быть открытыми. Если вы хотите создать символ единства, то где стоит выстроить портал, связывающий вместе все Серебряные королевства? Вы спрячете его в запертой комнате? Или разместите на пьедестале, возвышающемся над городом? Он находился здесь, потому что им гордились.

Они продолжали идти под проливным дождем. В окружающем чувствовалось что-то священное, и, честно говоря, отчасти поэтому Шаллан знала, что права.

– М-м-м-м, – тихо прогудел Узор. – Они будят шторм.

– Спрены Пустоты? – прошептала девушка.

– Те, кто с ними связан. Они создают шторм.

Все верно. Ее задача безотлагательна; нет времени на раздумья. Шаллан была готова отдать приказ начинать поиски, но помедлила, заметив, что Ренарин смотрит на запад отстраненным взглядом.

– Принц Ренарин? – позвала она.

– Неправильно, – прошептал юноша. – Ветер дует в неправильном направлении. С запада на восток... О Всемогущий над нами! Как ужасно.

Шаллан проследила за его взглядом, но ничего не увидела.

– Он и в самом деле существует, – сказал Ренарин. – Вечный Шторм.

– О чем вы говорите? – спросила девушка, похолодев от тона принца.

– Я... – Он посмотрел на нее и вытер с глаз капли. Его перчатка висела на поясе. – Я должен быть с отцом. Должен уметь сражаться. Но я бесполезен.

Великолепно. Мало того, что со странностями, еще и нытик.

– Ну, ваш отец приказал вам помочь мне, поэтому разберитесь с вашими проблемами. Так, внимание всем, начинаем поиски.

– Что мы должны высматривать, кузина? – спросил Камень, один из мостовиков.

«Кузина, – подумала Шаллан. – Остроумно».

Дело в ее рыжих волосах.

– Я не знаю, – сказала она вслух. – Что-нибудь странное, необычное.

Они разделились и рассредоточились по плато. Вместе с Инадарой Шаллан попала в маленькую группу помогающих ей ардентов и ученых, включая одного из штормстражей Далинара. Девушка разослала в разных направлениях отряды, в каждый из которых входили несколько ученых, один мостовик и один солдат.

Ренарин и большинство мостовиков настояли на том, чтобы остаться с ней. Ей было не до возражений – они находились в зоне военных действий. Шаллан прошла мимо глыбы на земле, части большого круга. Возможно, когда-то здесь проходила невысокая декоративная стена. Как могло выглядеть такое место? Она мысленно нарисовала его и подумала, что нужно изобразить его и на бумаге. Несомненно, это помогло бы ей учиться визуализации.

Где мог располагаться портал? Вероятнее всего, в центре, поэтому Шаллан направилась вглубь плато. Там обнаружился большой каменный курган.

– И все? – спросил Камень. – Очередная груда камней.

– Как раз то, что я надеялась найти, – ответила Шаллан. – Все, что остается под открытым небом, выветривается или покрывается крэмом. Если мы хотим обнаружить что-то полезное, оно будет внутри.

– Внутри? – спросил один из мостовиков. – Внутри чего?

– Строений, – пояснила она и стала ощупывать стену до тех пор, пока не обнаружила неровность на камне. Шаллан повернулась к брату Адолина: – Принц Ренарин, не будете ли вы так любезны срезать для меня эту скалу?

В темном помещении Адолин поднял сферу, осветив сиянием стены. После стольких дней, проведенных на открытом воздухе во время Плача, казалось странным, что дождь не барабанит по шлему. Затхлый воздух уже насыщался влагой, и, даже несмотря на шорохи и покашливания солдат, Адолину мерещилось, что здесь слишком тихо. Внутри каменной могилы было легко представить, что они находятся за много миль отсюда, хотя битва продолжалась прямо за стеной.

– Откуда вы узнали, сэр? – спросил мостовик Шрам. – Как вы догадались, что этот каменный курган внутри пустой?

– Благодаря одной умной женщине, которая однажды попросила меня срезать для нее валун, – ответил Адолин.

Вместе со своими людьми он обогнул большое скальное образование, избранное паршенди для защиты тылов. Несколькими взмахами Клинка Осколков Адолин вырезал в кургане вход. Его догадка подтвердилась, курган оказался полым, как он и надеялся.

Он пробирался через пыльные помещения, минуя кости и высохшие обломки, которые могли когда-то быть мебелью. По всей видимости, она развалилась задолго до того, как крем запечатал все строение. Было ли это место общественным зданием в старые времена? Или, возможно, рынком? В нем имелось множество помещений, во многих дверных проемах до сих пор сохранились ржавые петли, на которых раньше держались двери.

Тысяча солдат двигалась с ним сквозь строение, освещая путь фонарями с большими ограненными драгоценными камнями, в пять раз превышающими размер брумов. Но даже некоторые из них начали тускнеть, свержшторма не было слишком давно.

Тысячному отряду оказалось тяжело ориентироваться в зловещих застенках. Но несмотря на то, что принц полностью потерялся, теперь они уже должны были приблизиться к противоположной стене – той, что находилась за спинами паршенди. Некоторые из его людей осмотрели соседние помещения и вернулись с подтверждениями. Они находились с края здания. Теперь Адолин

различал очертания окон, запечатанных кремом, который за годы просочился сквозь щели, образовав потеки на стене, и затвердел лужицами на полу.

– Итак, – обратился он к командирам рот и капитанам. – Давайте соберем всех, кого возможно, в этом зале и коридоре сразу за ним. Я вырежу отверстие наружу. Как только откроется проход, нам необходимо выскочить под дождь и атаковать поющих паршенди. Первая рота, вы занимаете позицию по бокам и прикрываете выход. Не дайте им оттеснить вас! Я пойду впереди и попробую отвлечь внимание на себя. Все остальные выходят и присоединяются к атаке как можно быстрее.

Мужчины кивнули. Адолин глубоко вздохнул, опустил забрало и подошел к стене. Они находились на третьем этаже здания, но он прикинул, что накопившиеся образования крема снаружи позволят им оказаться примерно на уровне поверхности. В самом деле, до него донесся слабый звук. Гудение, заставляющее вибрировать стены.

Шторма, паршенди находились прямо за стеной. Адолин призвал Клинок Осколков, дождался, пока командиры рот передадут его слова, чтобы солдаты приготовились, и несколько раз проткнул стену на всю длину меча. Затем нанес несколько размашистых ударов и врезался в стену плечом в Доспехах.

Та раскрошилась и вывалилась наружу, каменные обломки лавиной посыпались вниз. Дождь хлестал с прежней силой. Адолин оказался всего лишь в нескольких футах над землей и энергично спрыгнул на скользкие мокрые камни. Слева, в непосредственной близости, спинами к нему расположились резервы паршенди, поглощенные монотонным пением. Шум битвы был здесь практически неразличим, потонув в щекочущих нервы звуках нечеловеческой песни.

Отлично. Дождь и гул голосов заглушили шум, пока он проламывал отверстие. Принц прорубил еще один выход, пока солдаты с фонарями в руках выскакивали из первой дыры. Адолин начал вырезать третий проход, но услышал крик. Один из паршенди наконец их заметил. Это была женщина – в новой форме половые признаки выделялись более очевидно.

Адолин преодолел небольшое расстояние до паршенди и ворвался в их ряды, размахивая смертоносным Клинком Осколков. Тела врагов валились на землю с выжженными глазницами. Пять, затем десять. К нему присоединились солдаты, орудуя копьями, и стали обрывать ужасную песню противника.

Все оказалось на удивление просто. Паршенди неохотно прерывали песню, выходя из транса дезориентированными и сбитыми с толку. Те, кто сражался, испытывали трудности с координацией, и широкие взмахи меча Адолина не оставляли им времени призвать ту странную искрящуюся энергию.

Это было все равно что убивать спящих. Прежде Адолину уже приходилось заниматься грязной работой с помощью Осколков. Бездна, каждый раз, когда ты оказывался на поле битвы в Доспехах Осколков и с Клинком Осколков, приходилось заниматься грязной работой – битва превращалась в бездумную резню, и его противником с тем же успехом мог выступать ребенок с палкой. Однако теперь было хуже. Часто паршенди приходили в себя прямо перед тем, как он лишал их жизни – моргающие, с возвращающимся сознанием, стряхивающие оцепенение только для того, чтобы столкнуться лицом к лицу с полным Носителем Осколков, который убивал под дождем их друзей. Взгляды, полные ужаса, преследовали Адолина, пока он оставлял за собой один труп за другим.

Куда подевалась *дрожь*, которая обычно толкала его вперед через всю резню? Он нуждался в ней. Но чувствовал только тошноту. Остановившись посреди поля, усеянного свежими трупами, из выжженных глазниц которых под дождем завивался едкий дымок, Адолин задрожал и с отвращением выронил Клинок. Тот рассеялся туманом.

Что-то врезалось в него сзади. Споткнувшись о труп, покачнувшись, но устояв на ногах, он развернулся и тут же получил удар в грудь Клинком Осколков, от которого по нагруднику разбежалась паутина светящихся трещин. Принц отразил следующий удар предплечьем и отступил на шаг, принимая боевую стойку.

Она стояла перед ним, и дождь ручьями стекал по ее броне. Как там она называла себя? Эшонай. Под шлемом Адолин лишь ухмыльнулся, глядя на Носительницу Осколков. С ней он мог сражаться. Честная схватка. Он поднял руки и, как только из тумана появился Клинок Осколков, взмахнул им вверх, отражая ее атаку несколькими стремительными парирующими ударами.

«Спасибо», – подумал Адолин.

Далинар верхом на Кавалере пересекал мост с плато Ройона, держась за кровоточащую рану в боку. Глупо. Он должен был заметить то копьё. Слишком сильно сосредоточился на красных молниях и быстрых перемещениях сражающихся пар паршенди.

«Истина в том, – подумал Далинар, соскальзывая с лошади, чтобы хирург смог осмотреть рану, – что ты уже старик».

Возможно, не с точки зрения возраста, поскольку ему было всего лишь за пятьдесят, но по солдатским меркам он, несомненно, постарел. Без помощи Доспехов Осколков Далинар становился медлительным и слабым. Убивать других – забава для молодых, потому что старики первыми терпят поражение.

Проклятый дождь не прекращался, поэтому он спрятался под одним из тентов Навани. Лучники по-прежнему не давали паршенди перейти через ущелье и добить отступающего Ройона. С их помощью Далинару удалось спасти армию кронпринца, по крайней мере ее половину, но люди потеряли все северное плато. Ройон поскакал в безопасное место, за ним последовал шедший пешком измученный капитан Хал. Сын генерала Хала был облачен в свои собственные Доспехи и нес Клинок Телеба, который ему, к счастью, удалось забрать с тела павшего.

Им пришлось оставить тело и Доспехи. Плохо и то, что пение паршенди продолжалось в том же ритме. Несмотря на спасение солдат, поражение было ужасным.

Далинар снял нагрудник и, заворчав, сел, когда хирург предложила ему табурет. Он позволил женщине позаботиться о ране, хотя знал, что та не опасна. Рана была скверной – как и любая рана на поле битвы, особенно если ослабляла руку, которой держат меч, – но она его не убьет.

– Шторма, – проговорила хирург. – Кронпринц, вы весь в шрамах. Сколько раз вы получали ранения в плечо?

– Не помню.

– Как у вас получается до сих пор владеть рукой?

– Тренировка и практика.

– Но это невозможно... – прошептала она, расширив глаза. – Я имею в виду... Шторма...

– Просто зашей рану, – сказал Далинар. – Да, сегодня я буду держаться подальше от поля битвы. Нет, я не буду напрягать руку. Да, я слышал раньше все эти лекции.

Прежде всего, ему не следовало лезть в бой. Он сказал себе, что больше не участвует в битвах. Он решил стать политиком, а не военачальником.

Но изредка Терновника требовалось выпускать на волю. Люди нуждались в нем. Шторма, он сам в нем нуждался. И...

В палатку ворвалась Навани.

«Слишком поздно».

Кронпринц вздохнул, когда она направилась к нему широкими шагами мимо фабриала, который светился в маленькой подставке, собирая воду внутри палатки в мерцающий шар. Вода струилась по двум металлическим стержням по бокам фабриала, вытекала по земле из-под тента и через край плато устремлялась в ущелье.

Далинар угрюмо посмотрел на Навани, ожидая, что та отчитает его как молоденького рекрута, потерявшего свой точильный камень. Однако она лишь подошла и прижалась к его здоровому боку.

– Выговора не будет? – спросил Далинар.

– Мы на войне, – прошептала женщина. – И мы проигрываем, не так ли?

Далинар взглянул на лучников, у которых заканчивались стрелы. Он ответил не слишком громко, чтобы они не услышали:

– Да.

Хирург бросила на него пристальный взгляд, затем опустила голову и продолжила зашивать рану.

– Ты поскакал в бой, когда кто-то нуждался в тебе, – сказала Навани. – Спас жизни кронпринца и его солдат. Так почему ты ждешь, что я буду сердиться?

– Потому что ты – это ты.

Он поднял здоровую руку и пробежался пальцами по ее волосам.

– Адолин победил на своем плато, – произнесла Навани. – Находившихся там паршенди рассеяли и обратили в бегство. Аладар держится. Ройон потерпел неудачу, но количество наших войск до сих пор равное. Так почему же мы проигрываем? Я вижу это по твоему лицу, но не понимаю почему.

– Одинаковое количество войск с обеих сторон равнозначно нашему поражению. – Далинар чувствовал, как формируется шторм. Далеко, на западе. – Если они допоят песню, то всему, как предупреждал Рлаин, придет конец.

Хирург закончила обрабатывать рану, сделав все, что смогла, перевязала ее и позволила Далинару надеть рубашку и мундир, которые будут крепко держать повязку. Одевшись, он поднялся на ноги и направился в штабную палатку, чтобы получить обновленную информацию о текущей ситуации от генерала Хала. Ему пришлось остановиться, когда в палатку ворвался Ройон.

– Далинар!

Высокий лысый мужчина подскочил, схватив его за руку. За раненую руку. Далинар поморщился.

– Там штормовая резня! Мы погибли! Шторма, мы погибли!

Стоящие рядом лучники переминались с ноги на ногу, опустошив все запасы стрел. Море красных глаз, похожих на тлеющие в темноте угольки, собралось на плато с противоположной стороны ущелья.

Как бы сильно ни хотелось Далинару отвесить Ройону пощечину, поступать таким образом с кронпринцем было нельзя, даже если он впал в истерику. Далинар лишь вывел Ройона из палатки. Дождь – теперь уже настоящий шторм – хлынул ледяными струями, тотчас промочив форму.

– Возьми себя в руки, светлорд, – строго осадил его Далинар. – Адолин на своем плато одержал верх. Все не настолько плохо, как кажется.

– Это не должно так закончиться, – раздался голос Всемогущего.

Шторм побери! Далинар оттолкнул Ройона и зашагал к центру плато, глядя в небо.

– Ответь мне! Дай мне знать, если слышишь меня!

– Слышу.

Наконец-то. Уже кое-что.

– Ты Всемогущий?

– Я сказал, что нет, дитя Чести.

– Тогда кто же ты?
– Я ТОТ, КТО НЕСЕТ СВЕТ И ТЬМУ. – Голос стал казаться более грохочущим и отдаленным.
– Отец Штормов, – произнес Далинар. – Ты Герольд?
– НЕТ.
– Тогда ты спрен или бог?
– И ТО, И ДРУГОЕ.
– Почему ты говоришь со мной? – прокричал Далинар в небо. – Что происходит?
– ОНИ ПРИЗЫВАЮТ ШТОРМ. МОЮ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ. ОН СМЕРТЕЛЕН.
– Как нам его остановить?
– НИКАК.
– Должен быть способ!
– Я ПОШЛЮ ВАМ ШТОРМ ОЧИЩЕНИЯ. ОН УНЕСЕТ ВАШИ ТЕЛА. ЭТО ВСЕ, ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ.
– Нет! Не смей покидать нас!
– ТЫ ВЫДВИГАЕШЬ ТРЕБОВАНИЯ МНЕ, ВАШЕМУ БОГУ?
– Ты не мой бог. Ты никогда не был моим богом! Ты тень, ложь!
Вдалеке зловеще прогрохотал гром. По лицу Далинара сильнее захлестал дождь.
– МЕНЯ ЗОВУТ. Я ДОЛЖЕН ИДТИ. ДОЧЬ НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ. У ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ ВИДЕНИЙ, ДИТЯ ЧЕСТИ. ЭТО КОНЕЦ. ПРОЩАЙ.
– Отец штормов! – закричал Далинар. – Должен быть выход! Я не погибну здесь!
Тишина. Не слышалось даже грома. Вокруг Далинара собрались люди: солдаты, писцы, посыльные, Ройон и Навани. Они все были испуганы.
– Не покидай нас, – проговорил Далинар слабым голосом. – Пожалуйста...

Моаш шагнул вперед. Забрало поднято, лицо искажилось от боли.
– Каладин?
– Я должен сделать выбор, который позволит мне спать по ночам, Моаш, – устало сказал Каладин, вставая перед бессознательным телом короля.
Кровь из вновь открывшихся ран образовала лужу у ботинка капитана мостовиков. Из-за головокружения ему пришлось опереться на копьё, чтобы удержаться на ногах.
– Ты говорил, что ему можно доверять, – произнес Грейвс, поворачиваясь к Моашу. Его голос звенел под шлемом. – Ты пообещал мне, Моаш!
– Каладину можно доверять, – ответил тот. Их было трое – четверо, если считать короля, – посреди пустынного коридора дворца. Не самое лучшее место, чтобы умереть. Вдалеке от ветров.
– Он просто немного сбит с толку, – проговорил Моаш, делая шаг вперед. – Все будет в порядке. Ты ведь никому ничего не рассказал, так, Кэл?
«Этот коридор мне знаком, – осознал Каладин. – То самое место, где мы сражались с Убийцей в Белом».
Слева от него по стене тянулся ряд окон, но ставни были закрыты из-за морозящего дождя. Да... именно здесь. Он заметил доски, прибитые поверх отверстия, которое убийца вырезал в стене. Отсюда Каладин вывалился в темноту.
Снова то же самое место. Он глубоко вздохнул и постарался как можно лучше опереться на здоровую ногу, а затем направил копьё на Моаша. Шторма, нога болела.

– Кэл, очевидно, что король ранен, – сказал Моаш. – Мы пришли сюда по вашим кровавым следам. Он уже почти покойник.

Следы крови. Каладин моргнул затуманенным взглядом. Разумеется. Его мысли текли медленно. Следовало догадаться.

Моаш остановился в нескольких футах от Каладина, за пределами досягаемости обычного удара копьем.

– Что ты собираешься делать, Кэл? – настойчиво спросил он, глядя на направленное на него копьё. – Ты в самом деле нападешь на члена Четвертого моста?

– Ты оставил Четвертый мост в тот момент, когда пошел против своего долга.

– А ты разве другой?

– Нет, не другой, – пробормотал Каладин, ощущая пустоту в животе. – Но я пытаюсь изменить ситуацию.

Моаш сделал еще один шаг вперед, но Каладин ткнул копьем вверх, в лицо бывшего мостовика. Его друг остановился, вскинув закованную перчаткой руку в защитном жесте.

Грейвс двинулся вперед, но Моаш отогнал его и повернулся к Каладину.

– Чего ты думаешь добиться, Кэл? Если встанешь на нашем пути, тебя просто придется убить, и король все равно умрет. Ты хочешь, чтобы я знал, что ты не согласен с нашими действиями? Хорошо. Ты попытался. Мы тебя переиграли, и нет смысла бороться. Опустить копьё.

Каладин оглянулся через плечо. Король все еще дышал.

Броня Моаша звякнула. Каладин развернулся, снова поднимая копьё. Шторма... Его голова сейчас в самом деле пульсировала.

– Я не шучу, Кэл, – добавил Моаш.

– Ты нападешь на меня? – спросил Каладин. – На твоего капитана? Твоего друга?

– Не делай из меня виноватого.

– Почему нет? Что для тебя важнее? Я или небольшая месть?

– Он их убил, Каладин, – огрызнулся Моаш. – Это жалкая отговорка для короля, убившего единственную семью, которая у меня была.

– Я знаю.

– Тогда почему ты его защищаешь?

– Это не его вина.

– Что за...

– Это не его вина, – перебил Каладин. – Но я стоял бы здесь, даже если бы он был виноват, Моаш! Мы должны оставаться выше этого, ты и я. Ведь... Я не могу объяснить в полной мере. Ты должен доверять мне. Отступи. Король еще не видел ни тебя, ни Грейвса. Мы пойдем к Далинару, и я прослежу за тем, чтобы свершилось правосудие над нужным человеком, Рошоном, тем, кто на самом деле стоит за смертью твоих дедушки с бабушкой. И, Моаш, мы не уподобимся людям такого сорта. Не станем лить кровь в темных коридорах, не станем убивать пьяного человека, потому что он нам неприятен, и при этом убеждать самих себя в том, что все ради блага королевства. Если я убиваю человека, то делаю это при свете солнца, и поступаю так только потому, что нет другого выхода.

Моаш медлил. Грейвс звякнул Доспехами рядом с ним, но Моаш снова поднял руку, останавливая его. Мостовик встретился взглядом с Каладином и покачал головой.

– Прости, Кэл. Слишком поздно.

– Ты его не получишь. Я не отступлю.

– Думаю, я бы и не хотел, чтобы ты отступил.

Моаш захлопнул забрало, и, закрывшись, оно потемнело.



1118251011127124915121010111410215117112
 101112171344831110715142541434109161491
 493412122541010125127101519101112341255
 115251215755111234101112915121061534
**Диаграмма, записи 2-ой доски
 потолочного перекрытия: узор 15**

Каменный блок проскользнул внутрь, подтверждая догадку Шаллан. Они проникли в строение, в которое столетиями никто не входил и чьего внутреннего убранства наверняка не касался ничей взор. Ренарин отступил от проделанного им отверстия, пропуская Шаллан вперед. Воздух внутри оказался затхлым и пах плесенью.

Как ни странно, отпустив свой Клинок, Ренарин издал вздох облегчения и расслабился, прислонившись к внешней стене здания. Шаллан уже хотела было войти, но мостовики проскочили вперед, подняв фонари с сапфировыми сферами, чтобы сначала убедиться, что в помещении безопасно.

Свет фонарей озарил подлинное великолепие.

У Шаллан перехватило дыхание. Убранство большого круглого зала было достойно дворца или храма. Мозаичная фреска с величественными изображениями сияла ослепительными красками, покрывая стены и пол. Рыцари в доспехах стояли под небесами, в которых закручивались красные и синие вихри. Представители всех слоев общества были изображены за всевозможными занятиями, каждый выполнен из множества разновидностей камня ярких цветов. Шедевр, вместивший целый мир в одну комнату.

Опасаясь случайно повредить портал, Шаллан направила меч Ренарина к небольшой выпуклости, которая, как она надеялась, указывала на дверной проем, и, судя по всему, оказалась права. Проникнув через отверстие внутрь, девушка прошла вдоль стены по круглому залу, молча сосчитав секции в мозаике на полу. Их оказалось десять – по количеству десяти орденов рыцарей, десяти королевств, десяти народов. Однако между сегментами, представляющими первое и десятое королевства, обнаружилась более узкая одиннадцатая секция. На ней была изображена высокая башня. Уритиру.

Портал. Она его нашла. И какое произведение искусства! Какая красота! От зрелища захватывало дух.

Тем не менее прямо сейчас было некогда восхищаться искусством. Большая мозаика на полу закручивалась вокруг центра, но мечи каждого рыцаря указывали на один и тот же участок стены, поэтому Шаллан направилась к тому месту. Видимо, все здесь сохранилось идеально, даже лампы на стенах с тусклыми драгоценными камнями.

На стене располагался вмурованный в камень металлический диск. Сталь? Он не заржавел и даже не потускнел, несмотря на то, что место было давно заброшено.

– Он надвигается, – заявил Ренарин с противоположного конца зала.

Его тихий голос эхом пронесся под куполообразным сводом. Шторма, этот мальчик сильно ее тревожил, особенно под аккомпанемент завывающего шторма и звуков дождя, заливающего плато снаружи.

Прибыла светледи Инадара с несколькими учеными. Войдя в зал, они ахнули от изумления и бросились исследовать мозаику, наперебой обсуждая увиденное.

Шаллан изучала странный диск в стене. Он был выполнен в виде десятиконечной звезды с узкой щелью в самом центре.

«Сияющие умели приводить портал в действие, – размышляла Шаллан. – И что такого было у Сияющих и ни у кого больше?»

Множество разных вещей, но форма щели в металле дала ей довольно ясную подсказку, почему только Сияющие могли заставить Клятвенные врата работать.

– Ренарин, подойдите сюда, – позвала она.

Мальчишка затопал в ее сторону.

– Шаллан, – предостерегающе заговорил Узор. – Времени очень мало. Они призвали Вечный Шторм. И... и там есть еще что-то, надвигается с противоположной стороны. Сверхшторм?

– Сейчас Плач, – ответила девушка, взглянув на Узора. Тот выделялся рябью на стене прямо рядом со стальным диском. – Никаких сверхштормов.

– Один все равно надвигается. Шаллан, они ударят вместе. Два шторма движутся навстречу друг другу с противоположных направлений. Они столкнутся прямо здесь.

– А не смогут ли они, ну, понимаешь, погасить друг друга?

– Они только усилят друг друга, – ответил Узор. – Это будет похоже на две схлестнувшиеся волны в их самых высших точках... Зародится шторм, каких еще не видел мир. Камни начнут раскалываться, сами плато могут обвалиться. Будет очень плохо. Очень-очень плохо.

Шаллан посмотрела на подошедшую Инадару.

– Есть предложения?

– Не знаю, что и думать, ваша светлость, – ответила женщина. – Вы были правы насчет этого места. Я... я больше не доверяю своим суждениям, что правильно, а что ошибочно.

– Нам нужно переместить армии на это плато, – сказала Шаллан. – Даже если им удастся победить паршенди, они обречены, если мы не сможем заставить портал заработать.

– Это место вообще не похоже на портал. Что произойдет? Откроется проход в стене?

– Не знаю. – Шаллан посмотрела на Ренарина. – Призовите Клинок Осколков.

Он сделал, как она просила, содрогнувшись при появлении Клинка. Подчиняясь интуиции, Шаллан указала на щель в стене, похожую на замочную скважину.

– Попробуйте процарапать металл Клинком. Будьте очень осторожны. Мы же не хотим разрушить Клятвенные врата, если я ошибаюсь.

Ренарин подошел и осторожно, зажав рукой лезвие, поместил острие меча на металл вокруг щели. Он хмыкнул, когда Клинок не оставил разреза, и надавил немного сильнее, но металл сопротивлялся.

– Щель сделана из того же материала! – взволнованно воскликнула Шаллан. – И имеет форму, будто способна вместить Клинок. Попробуйте просунуть лезвие внутрь, только очень медленно.

Ренарин повиновался, и, когда лезвие зашло в щель, отверстие целиком изменилось: металл обтек лезвие, чтобы соответствовать форме Клинка Осколков принца. Сработало! Ренарин просунул меч до упора, и они обернулись, осматривая зал. Явных изменений не происходило.

– Что-нибудь изменилось? – спросил Ренарин.

– Должно.

Возможно, они отперли замок. Но как повернуть то, что служило дверной ручкой?

– Нам нужна помощь светледи Навани, – решила Шаллан. – Что еще более важно, мы должны привести всех сюда. Солдаты, мостовики, быстрее! Бегите и передайте Далинару, чтобы собирал армии на этом плато. Скажите, если он не слушает меня, они обречены. Оставшиеся ученые, мы объединим наши умы и выясним, как, шторм побери, работает эта штука.

Адолин танцевал в шторме, обмениваясь ударами с Эшоной. Она была хороша, однако использовала стойки, которые он не мог распознать. Паршенди уворачивалась то в одну сторону, то в другую, прощупывая его ударами Клинка, и походила на разряд молнии, прорезающий шторм.

Адолин не оставлял ее в покое, широко размахивая Клинком Осколков, и вынуждал Эшоной отступать. Дуэль. Он мог победить на дуэли. Даже в самом сердце шторма, даже сражаясь против монстра, он мог это сделать. Он теснил ее через поле боя к месту, где его армии пересекали ущелье, чтобы присоединиться к битве.

Уклоняться от выпадов женщины-паршенди было сложно. Адолин встречал эту Эшоной только дважды, но ему казалось, что они уже давно знакомы из-за ее манеры сражаться. Он ощущал ее жажду крови, страстное желание убить. *Дрожь*. Он не чувствовал ее сам, но распознал ее в Эшоной.

Паршенди вокруг него спасались бегством или сражались из последних сил, измотанные его людьми. Он перешагнул через врага, сбитого с ног. Солдаты выпустили тому кишки, когда он попытался отползти прочь. По плато расплескались вода и кровь, между ударами грома звучали безумные вопли.

Прогремело. Отдаленный раскат с запада. Адолин бросил взгляд в том направлении и почти потерял концентрацию. Он увидел, как там зарождается что-то ужасное – ветер и дождь завертелись в гигантской воронке с красными всполохами.

Эшоной замахнулась на него, и Адолин крутанулся, блокируя удар предплечьем. Эта секция его Доспехов слабела, из трещин сочился штормсвет. Он шагнул под удар и, взмахнув Клинком, который держал одной рукой, ударил Эшоной в бок. Его вознаградила звук вырвавшегося из легких воздуха. Однако она не согнулась пополам и не отступила ни на шаг. Подняв свой Клинок, паршенди со свистом рубанула по его предплечью еще раз.

Доспехи в месте удара взорвались вспышкой света и расплавленного металла. Шторма. Адолину пришлось отдернуть руку и высвободиться из латной рукавицы, слетевшей с руки, – слишком тяжелой теперь, без соединения с Доспехами. Ветер, обдувающий его незащищенную кожу, поражал своей силой.

«Еще немного», – подумал Адолин, не отступая, несмотря на потерянную секцию Доспехов.

Он схватил Клинок Осколков двумя руками – одна в металле, другая обнажена – и бросился вперед, разразившись серией ударов. Он вышел из стойки ветра. Ему не нужны величественные взмахи. Требовалась неистовая ярость стойки пламени. Не столько из-за силы, сколько из-за того, что необходимо подобраться к Эшонай поближе.

Женщина зарычала, вынужденная отступить.

– Твой день подошел к концу, разрушитель, – сказала она из-под шлема. – Сегодня твоя жестокость повернется против тебя. Сегодня вымирать начнете вы, а не мы.

«Еще немного».

Адолин продолжил теснить ее непрекращающимся потоком фехтовальных приемов, а затем ослабил натиск, открывшись и подарив возможность для атаки. Эшонай немедленно ею воспользовалась, нацелившись на шлем принца, который уже сочился штормсветом от предыдущего удара. Да, женщина была полностью захвачена *дрожью*, которая придавала энергию и силу, но вела к безрассудству. Эшонай перестала обращать внимание на окружающую обстановку.

Получив удар по голове, Адолин споткнулся. Эшонай ликующе рассмеялась и стала замахиваться снова.

Адолин бросился вперед и врезался плечом и головой ей в грудь. От силы удара его шлем разлетелся, но уловка принесла успех.

Эшонай не обращала внимания, насколько близко они подобрались к ущелью.

От силы толчка ее швырнуло через край плато. Принц почувствовал панику Эшонай и услышал ее крик, когда она полетела в разверзшуюся темноту.

К несчастью, взорвавшийся шлем на миг ослепил Адолина. Он споткнулся, и, когда его нога опустилась, пытаясь найти опору, под ней оказалась пустота. Он покачнулся и упал в пропасть.

В течение бесконечного мгновения, превратившегося в застывшую вечность, он чувствовал лишь испуг и панику, но затем осознал, что не падает. Зрение прояснилось, и Адолин посмотрел в ненасытную утробу прямо под собой. Пелена дождя застлала все вокруг. Он оглянулся через плечо.

Два мостовика ухватились за стальные звенья кольчужной юбки его Доспехов и изо всех сил пытались оттащить Адолина от обрыва. Пыхтя, они цеплялись за гладкий металл, крепко упираясь ногами в камни, чтобы удержаться и не свалиться вместе с ним.

Появились другие солдаты, спешащие на помощь. Обхватив Адолина руками за пояс и плечи, они все вместе тянули его от края обрыва над пропастью до тех пор, пока он не смог восстановить равновесие и не отпрянул от ущелья.

Солдаты радостно заголосили, и Адолин издал вымученный смешок. Он повернулся к мостовикам, Шраму и Дрехи.

– Полагаю, мне не стоит задаваться вопросом, останете вы двое от меня или нет.

– Пустяки, – махнул рукой Шрам.

– Ага, – добавил Дрехи. – Тягать откормленных светлоглазых совсем не трудно. Вы как-нибудь попробуйте потаскать мост.

Адолин ухмыльнулся и вытер воду с лица незащищенной рукой.

– Попробуйте отыскать ошметки моего шлема или часть наруча. Восстановление брони пойдет быстрее, если у нас будет фрагмент. Мою перчатку тоже подберите, если найдете.

Оба кивнули. В небе продолжали вспыхивать красные молнии, и вращающийся столб темного дождя расширялся, разрастаясь все больше. Это... это явно не к добру.

Ему нужно было разузнать, что происходило с остальной частью армии. Адолин побежал через мост к центральному плато. Где находился отец? Как обстояли дела на фронтах Аладара и Ройона? Вернулась ли Шаллан из своей вылазки?

На центральном плато все, казалось, погрузилось в хаос. Усиливающийся ветер трепал палатки, и некоторые из них уже завалились. Люди метались взад-вперед. Краем глаза Адолин заметил фигуру в плотном плаще, целенаправленно шагающую через дождь. Человек выглядел так, будто знал, что делает. Адолин поймал его за руку, когда тот проходил мимо.

– Где мой отец? – спросил он. – Какие приказы ты передаешь?

Капюшон плаща соскользнул вниз, и мужчина повернулся, встретившись с Адолином глазами, которые были чуть более широкими, чуть более круглыми, чем обычные. Лысая голова. Свободная одежда из тонкой ткани под плащом.

Убийца в Белом.

Моаш шагнул вперед, но не стал призывать Клинок Осколков.

Каладин ударил его копьем, но толку не было. Все свои силы он тратил на то, чтобы просто оставаться в вертикальном положении. Копье скользнуло по шлему Моаша, и бывший мостовик отмахнулся кулаком, переломив древко.

Каладин качнулся, пытаясь удержаться на ногах, но Моаш не закончил. Он сделал еще шаг и врезал Каладину под дых бронированным кулаком.

Внутри что-то хрустнуло, и капитан мостовиков задохнулся, согнувшись пополам. Невероятно сильный кулак переломал ребра как пруттики. Каладин закашлялся, брызгая кровью на броню Моаша, и простонал, когда тот отстранился, убрав руку.

Каладин свалился на холодный каменный пол, перед глазами все заходило ходуном. Ему казалось, что глаза вылезли из орбит, и он свернулся на полу, обхватив руками сломанную грудь и дрожа всем телом.

– Шторма. – Голос Моаша казался таким далеким. – Этот удар вышел сильнее, чем я хотел.

– Ты сделал то, что должен был. – Грейвс.

«О... Отец штормов... как больно...»

– Что теперь? – Моаш.

– Закончим. Убьем короля Клинком Осколков. Надеюсь, это все еще будет походить на дело рук убийцы. Немного смущают те кровавые следы. Они могут побудить людей задавать вопросы. Давай-ка я вырежу эти доски, тогда все будет выглядеть так, будто он проник через стену, как в прошлый раз.

Холодный воздух. Дождь.

Вопль? Такой далекий. Он узнал голос....

– Сил? – прошептал Каладин окровавленными губами. – Сил?

В ответ тишина.

– Я бежал, пока... пока мог сделать еще хоть шаг, – прошептал Каладин. – Конец... гонки.

«Жизнь перед смертью».

– Я это сделаю. – Голос Грейвса. – Возьму на себя все бремя.

– Это мое право! – возразил Моаш.

Каладин моргнул, его взгляд остановился на бесчувственном теле короля. Тот еще дышал.

«Я буду защищать тех, кто не может защитить себя сам».

Слова обрели смысл. Теперь он понял, почему должен сделать такой выбор. Каладин перекатился на колени. Грейвс и Моаш спорили.

– Я должен его защитить, – прошептал Каладин.

Почему?

– Если я защищаю... – Он откашлялся. – Если я защищаю... только тех людей, которые мне нравятся, значит, меня не волнует, поступаю ли я правильно.

Если бы он поступил таким образом, то беспокоился бы только о том, что имело выгоду лично для него.

Это не означало защищать. Это был эгоизм.

Напряженно, мучительно Каладин подогнул под себя одну ногу. Здоровую ногу. Кашляя кровью, он кое-как поднялся и встал между Элокаром и убийцами. Дрожащими пальцами ощупал ремень и с третьей попытки вытащил нож. Из глаз брызнули слезы боли, и сквозь мутную пелену он увидел, как на него уставились оба Носителя Осколков.

Моаш медленно поднял забрало, на его лице застыло ошеломленное выражение.

– Отец Штормов... Кэл, как ты сумел встать?

Слова обрели смысл.

Вот почему он вернулся. Дело было в Тьене, в Далинаре и в том, что правильно, но больше всего в том, чтобы защищать других.

Таким человеком он хотел быть.

Каладин отставил одну ногу назад, коснувшись пяткой короля, и принял боевую стойку, вытянув руку с ножом перед собой. Рука тряслась, словно крыша под раскатами грома. Он встретился взглядом с Моашем.

«Сила перед слабостью».

– Вы. Его. Не. Получите.

– Кончай с ним, – бросил Грейвс.

– Шторма, – ответил Моаш. – В этом нет необходимости. Посмотри на него. Он не может сражаться.

Каладин чувствовал себя обессиленным. Но, по крайней мере, он встал.

«Это конец. Путь окончен».

Крики. Теперь Каладин слышал их, как будто они стали ближе.

«Он мой! – произнес женский голос. – Я требую его».

«ОН ПРЕДАЛ СВОЮ КЛЯТВУ».

– Он видел слишком много, – сказал Грейвс Моашу. – Если переживет этот день, то предаст нас. Ты знаешь, что я прав, Моаш. Убей его.

Нож выскользнул из пальцев, с лязгом ударившись о пол. Каладин был слишком слаб, чтобы его удержать. Рука обмякла, и он с изумлением уставился на нож.

«Мне все равно».

«ОН УБЬЕТ ТЕБЯ».

– Прости, Кэл. – Моаш шагнул вперед. – Я с самого начала должен был сделать это быстро.

«Слова, Каладин! – донесся голос Сил. – Ты должен произнести слова!»

«Я ЗАПРЕЩАЮ».

«ТВОЯ ВОЛЯ НАДО МНОЙ НЕ ВЛАСТНА! – прокричала Сил. – ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ЗАБРАТЬ МЕНЯ, ЕСЛИ ОН ПРОИЗНЕСЕТ СЛОВА! СЛОВА, КАЛАДИН! СКАЖИ ИХ!»

– Я буду защищать даже тех, кого ненавижу, – прошептал Каладин окровавленными губами. – До тех пор, пока это правильно.

В руке Моаша появился Клинок Осколков.

Далекий раскат грома.

«СЛОВА ПРИНИМАЮТСЯ», – неохотно признал Отец Штормов.

– Каладин! – Голос Сил. – Протяни руку вперед!

Она заметалась вокруг него, внезапно появившись в виде ленточки света.

– Я не могу... – произнес полностью истощенный Каладин.

– Протяни руку вперед!

Он вытянул трясущуюся руку. Моаш заколебался.

Через отверстие в стене ворвался ветер, и Сил из ленточки света превратилась в туман – она часто принимала такую форму. Серебристый туман стал разрастаться и уплотняться перед Каладином, вытягиваясь в его руке.

Из тумана возник блестящий Клинок Осколков, сияющий ярким синим светом, исходящим от завитков узора, которые украшали лезвие по всей длине.

Каладин глубоко вдохнул, будто только теперь полностью пробудился. Коридор целиком почернел, когда штормсвет во всех лампах вдоль стен замигал и исчез.

На мгновение они погрузились в темноту.

А затем Каладин вспыхнул светом.

Свет вырвался из тела, заставив его засверкать в темноте как ослепительное белое солнце. Побледневший Моаш отступил, освещенный белым сиянием, и вскинул руку, чтобы прикрыть глаза.

Боль растаяла, словно туман в жаркий день. Хватка Каладина на сияющем Клинке Осколков окрепла. По сравнению с его оружием мечи Грейвса и Моаша казались блеклыми. Одна за другой по всему коридору распахивались ставни, впуская внутрь завывающий ветер. За спиной Каладина на полу образовался иней и стал распространяться дальше по коридору. В инее сформировался глиф, по форме напоминающий крылья.

Грейвс закричал, бросившись бежать, но упал. Моаш отступил, уставившись на Каладина.

– Сияющие рыцари, – тихо проговорил Каладин, – вернулись.

– Слишком поздно! – прокричал Грейвс.

Каладин нахмурился и взглянул на короля.

– Диаграмма предупреждала о подобном. – Грейвс трусливо пятился по коридору. – Мы это упустили. Мы это полностью упустили! Сосредоточились на том, чтобы разделить вас с Далинаром, а не на том, что наши действия могли подтолкнуть тебя стать Сияющим!

Моаш перевел взгляд с Грейвса на Каладина и бросился бежать. Бряца Доспехами, он свернул за угол в конце коридора и скрылся из вида.

«Каладин, – зазвучал голос Сил у него в голове. – Что-то по-прежнему очень не правильно. Я чувствую это в ветрах».

Грейвс рассмеялся как безумец.

– Разделить нас? – прошептал Каладин. – Меня и Далинара? Зачем?

Он повернулся, посмотрев на восток.

«О нет...»



Но кто этот скиталец, сумасброд, тот, кто не вписывается в смысл? Я бросаю взгляд на его причастность к происходящим событиям, и мир открывается мне. В испуге я бросаюсь прочь. Невероятно. Не так ли?
Диаграмма, псалом чудес западной стены: параграф 8 (примечание Адротагии: не о Мрэйзе ли идет речь?)

– Она не говорила, сможет ли вообще открыть путь? – спросил Далинар, шагая к штабной палатке.

Дождь, барабнящий по земле вокруг него, был таким плотным, что в ярком свете фабриалов-прожекторов Навани больше не удавалось различить отдельные капли, уносимые ветром. Далинару давным-давно следовало найти укрытие.

– Нет, светлорд, – ответил мостовик Пит, – но она настаивала на том, что мы не сможем пережить столкновение с тем, что на нас надвигается. Два сверхшторма.

– Как их может быть два? – спросила Навани.

Она куталась в плотный плащ, но даже он уже насквозь промок, а зонт унесло еще раньше. Ройон шел по другую руку от Далинара, его мокрые борода и усы обвисли.

– Не знаю, ваша светлость, – пожал плечами Пит. – Но она так и сказала. Сверхшторм и еще что-то. Она назвала это Вечным Штормом. Светледи Шаллан полагает, что они столкнутся прямо здесь.

Далинар размышлял, сдвинув брови. Штабная палатка находилась прямо перед ним. Он поговорит со своими полевыми командирами, находящимися внутри, и...

Палатка затрепетала и взметнулась в воздух под порывом ветра. Таща за собой веревки и крючки, она пролетела прямо мимо Далинара, настолько близко, что к ней можно было прикоснуться. Далинар выругался, когда свет десятка фонарей из палатки разлился по плато. Писцы и солдаты бросились хватать карты и листки бумаги, уносимые дождем и ветром.

– Шторм побери! – кронпринц повернулся спиной к ураганному ветру. – Доложите обстановку!

– Сэр!

Подбежал командующий Каэл, начальник полевого штаба, и следом за ним его жена Апара. Одежда Каэла еще оставалась в основном сухой, но, судя по всему, это ненадолго.

– Аладар победил на своем плато! Апара как раз составляла вам послание.

– Правда? – Благослови его Всемогущий. Он все-таки это сделал.

– Да, сэр. – Каэлу приходилось перекрикивать ветер и дождь. – Кронпринц Аладар передал, что поющие паршенди не оказывали сопротивления и легко позволили себя перерезать. Остальные сломлены и бежали. Даже с проигранным плато Ройона сегодня победа за нами!

– Что-то не похоже, – выкрикнул в ответ Далинар.

Всего пару минут назад дождь едва моросил. Ситуация стремительно ухудшалась.

– Немедленно разошлите приказы Аладару, моему сыну и генералу Халу. Прямо на юго-востоке есть плато, абсолютно круглое. Я хочу, чтобы все наши силы переместились туда и готовились к надвигающемуся шторму.

– Да, сэр! – Каэл отсалютовал, приложив кулак к груди. Однако другой рукой он указывал за плечо Далинара. – Сэр, вы это видели?

Далинар обернулся и посмотрел на запад. Красные вспышки, непрекращающиеся разряды молний. Казалось, само небо содрогалось, пока там формировалась огромная штормовая воронка, которая вращалась и быстро разрасталась вширь.

– Всемогущий над нами... – прошептала Навани.

Неподалеку затряслась еще одна палатка, ее распорки почти выскочили из земли.

– Бросай палатки, Каэл, – приказал Далинар. – Передай всем, чтобы шевелились. Выполняй! Навани, иди к светледи Шаллан. Помоги ей, если сможешь.

Офицер убежал прочь, начав выкрикивать приказы. Навани тоже ушла, растворившись в ночи, за ней по пятам следовал отряд солдат, обеспечивая защиту.

– А что насчет меня, Далинар? – спросил Ройон.

– Нужно, чтобы ты возглавил своих людей и отвел их в безопасное место, – ответил Далинар. – Если такое место вообще можно найти.

Палатка рядом снова затрепыхалась. Далинар нахмурился. Не похоже, что она дергалась под порывами ветра. И что это... крик?

Адолин прорвал ткань палатки, вывалившись наружу, и проскользил спиной по камням. Его броня истекала светом.

– Адолин! – закричал Далинар, бросившись к сыну.

На броне юноши отсутствовало несколько сегментов. Принц вскинул голову, сжав зубы, из носа текла кровь. Он что-то сказал, но фразу унес порыв ветра. Без шлема, без левого наплечника, нагрудник растрескался и почти развалился, правая нога не защищена. Кто мог сотворить такое с Носителем Осколков?

Далинар уже знал ответ. Он обхватил Адолина, но смотрел в сторону осевшей палатки. Она трепыхалась в шторме и унеслась прочь, когда мимо прошагал человек, от которого исходили сияющие завитки штормсвета. Характерные черты чужеземца, полностью белая одежда, прилипшая к телу под дождем, склоненная лысая голова, затененные глаза, полыхающие штормсветом.

Палач Гавилара. Сет, Убийца в Белом.

Шаллан изучала надписи на стене круглого зала, лихорадочно ища способ заставить функционировать Клятвенные врата.

Они должны заработать. Должны.

– Здесь все на языке зари, – сказала Инадара. – Я не понимаю ни одного слова.

«Ключ – Сияющие рыцари».

Разве не достаточно меча Ренарина?

– Какой же здесь принцип действия? – прошептала Шаллан.

– М-м-м... – произнес Узор. – Возможно, ты не можешь его увидеть, потому что находишься слишком близко? Как с Разрушенными равнинами?

Шаллан помедлила, затем встала и прошла в середину зала, где в центральной точке пересекались изображения Сияющих рыцарей и их королевств.

– Светлорд Ренарин? – позвала Инадара. – Что-то не так?

Юный принц упал на колени и скорчился у стены.

– Я его вижу, – возбужденно проговорил Ренарин.

Его голос эхом зазвучал по залу. Арденты, изучающие части фрески, повернулись к принцу.

– Я могу видеть само будущее. Почему? Почему, Всемогущий? За что ты так меня проклял?

Он издал умоляющий выкрик, встал и ударил чем-то о стену. Камень? Откуда он его взял? Ренарин сжал предмет рукой в перчатке и начал писать.

Шокированная, Шаллан шагнула к нему. Последовательность цифр?

Одни нули.

– Он идет, – прошептал Ренарин. – Он идет, он идет, он идет. Мы мертвы. Мы мертвы. Мы мертвы...

Далинар стоял на коленях под разверзшимися небесами, держа в объятиях сына. Дождевая вода смыла кровь с лица Адолина, и юноша моргнул, ошеломленный после избиения.

– Отец... – проговорил он.

Убийца шагнул вперед тихо, без видимой спешки. Казалось, он скользит сквозь дождь.

– Когда ты примешь власть над княжеством, сын, – напутствовал Далинар, – не давай им себя развратить. Не играй в их игры. Веди. Не следуй.

– Отец! – воскликнул Адолин, его взгляд сфокусировался.

Далинар встал. Шатаясь, принц поднялся на четвереньки и попытался принять вертикальное положение, но убийца сломал один из наголенников, из-за чего встать оказалось почти невозможно. Юноша соскользнул обратно в набежавшую лужу.

– Тебя хорошо обучили, Адолин, – произнес Далинар, смотря на убийцу. – Ты лучше меня. Я всегда оставался тираном, которому приходилось учиться быть кем-то другим. Но ты, ты был хорошим человеком с самого начала. Веди их, Адолин. Объедини их.

– Отец!

Далинар отошел от сына. Рядом кричали и суетились писцы и слуги, капитаны и рядовые пытались обрести порядок в хаосе шторма. Они следовали приказу Далинара об эвакуации, и большинство еще не заметило фигуру в белом.

Убийца остановился в десяти шагах от Далинара. Побледневший и начавший заикаться Ройон попятился от них и начал кричать:

– Убийца! Убийца!

Дождь немного ослабел. Это не сильно обнадежило Далинара, красные молнии на горизонте били с той же силой. Наверное, там, перед новым штормом, формировалась штормовая стена. Его усилия по уничтожению паршенди потерпели неудачу.

Шиноварец не атаковал. Он стоял напротив Далинара, неподвижный и бесстрастный, по его лицу стекала вода. Неестественно спокойный.

Далинар был намного выше и крепче. В сравнении с ним этот некрупный бледный мужчина в белом казался почти юношей, подростком.

За спиной убийцы потерялись в суматохе возгласы Ройона. Тем не менее Четвертый мост с копьями в руках подбежал и окружил Далинара. Тот сделал им знак отойти.

– Вы ничем не поможете, парни, – сказал кронпринц. – Дайте мне встретиться с ним лицом к лицу.

«Десять ударов сердца».

– Почему? – спросил Далинар у убийцы, который по-прежнему неподвижно стоял под дождем. – Почему ты убил моего брата? Они объяснили причины, стоящие за приказами?

– Я Сет-сын-сына-Валлано, – произнес тот резко. – Не Знающий Правду из Шиновара. Я поступаю так, как требуют мои хозяева, и не прошу объяснений.

Далинар изменил свою оценку. Этим человеком владело отнюдь не спокойствие. Он казался таким, но когда начинал говорить, делал это сквозь зубы, слишком широко раскрыв глаза.

«Он сумасшедший, – подумал Далинар. – Шторма».

– Тебе не обязательно поступать подобным образом, – произнес он. – Если дело в цене...

– В конце концов мне воздастся по заслугам за все, что я совершил! – закричал убийца. Дождевые капли брызгами разлетались от его лица, с губ поднимался штормсвет. – За каждую малость. Я утону в содеянном, ты, ступающий по камням!

Сет вытянул руку в сторону, и в ней появился Клинок Осколков. Одним резким, небрежным движением, будто срезая кусочек хряща с мяса, он шагнул к Далинару и замахнулся.

Тот встретил его меч своим собственным Клинком, появившимся в поднятой руке.

Убийца бросил мимолетный взгляд на оружие Далинара и улыбнулся, сжав губы в тонкую линию, практически не обнажая зубов. Его нетерпеливая улыбка в сочетании с затравленными глазами стала одной из самых отвратительных вещей, которые Далинар видел в жизни.

– Спасибо, – сказал убийца, – что продлеваешь мою агонию, не умирая слишком легко.

Он сделал шаг назад и вспыхнул белым светом.

А затем снова направился к Далинару, двигаясь с нечеловеческой скоростью.

Адолин выругался, приходя в себя. Шторма, его голова раскалывалась. Он сильно приложился ею, когда убийца отбросил его на землю.

Отец сражался с Сетом. К счастью, Далинар прислушался к голосу разума и установил связь с Клинком того безумца. Адолин заскрипел зубами и попытался подняться на ноги, однако со сломанным наголенником задача была не из легких. Несмотря на то, что дождь ослабел, небо оставалось темным. Дальше к западу почти непрерывно били молнии, похожие на красный водопад.

В то же самое время с востока задувал порывистый ветер. Там, в Источнике, тоже что-то назревало. Что-то очень плохое.

«Те вещи, о которых говорил отец...»

Адолин споткнулся, почти свалившись обратно на землю, но ему помогли чьи-то руки. Он скосил глаза и увидел двух мостовиков, сопровождавших его ранее. Они помогли ему подняться на ноги.

– Вы двое, – проговорил Адолин, – получаете штормовое повышение. Помогите мне избавиться от брони.

Он начал поспешно стаскивать части Доспехов. Они были настолько повреждены, что превратились в практически бесполезную грудку металла.

Неподалеку раздавался звон мечей, Далинар продолжал сражаться. Если он продержится еще немного, Адолин сумеет ему помочь. Он не позволит этому существу снова одержать над собой верх. Только не снова!

Адолин бросил взгляд на сражающегося Далинара и замер, позабыв о ремнях нагрудника.

Его отец... его отец двигался великолепно.

Далинар сражался не за свою жизнь. Его жизнь не принадлежала ему уже много лет.

Он сражался за Гавилара. Он сражался так, как должен был это сделать много лет назад, сражался за шанс, который упустил. В этот момент между штормами, когда дождь прекратился, а ветра глубоко вздохнули перед тем, как задуть с новой силой, он танцевал с убийцей королей и каким-то образом держался.

Убийца двигался словно тень. Его шаги казались слишком быстрыми для человека. Прыгая, он буквально взмывал в воздух. Сет размахивал Клинком Осколков, вспыхивающим, как молния, и время от времени вытягивал вперед другую руку, как будто хотел схватить Далинара.

Помня их предыдущее столкновение, кронпринц осознавал, что это самое опасное из оружий шиноварца. Каждый раз ему удавалось подставить Клинок и вынудить убийцу отступить. Тот атаковал с разных направлений, но Далинар не рассуждал. Мысли могут запутать, сбить с толку.

Он следовал инстинктам.

Пригнуться, когда Сет перепрыгнул через его голову. Шаг назад, разминуться с ударом, который разрубил бы спину. Неожиданно броситься вперед, заставляя убийцу попятиться. Три быстрых шага назад, поднять меч, ударить Сета по ладони, когда тот попытался его коснуться.

Получалось. В течение короткого времени Далинар сдерживал это существо. Четвертый мост оставался позади, как он приказал. Они бы только мешали.

Он выжил.

Но не одержал победу.

Наконец Далинар увернулся от удара, но не смог отступить достаточно быстро. Убийца зашел с другой стороны и врезал кулаком ему в бок.

Ребра Далинара треснули. Он захрипел и споткнулся, едва не упав. Взмахом Клинка в сторону Сета кронпринц заставил того отпрянуть, но это было уже не важно. Его ранили. Он упал на колени, из-за боли едва в состоянии держаться прямо.

В этот момент он осознал правду, которую следовало понять намного раньше.

«Если бы я оказался там той ночью в сознании, а не завалился спать, пьяный... Гавилар все равно бы умер. Я не смог бы победить это существо. Я не

могу сделать это сейчас и я не смог бы сделать это тогда. Я не смог бы спасти брата».

Мелькнувшие мысли принесли покой, и Далинар наконец сбросил груз, который нес больше шести лет.

К нему шагал убийца, сияя ужасным штормсветом, но вдруг какой-то силуэт бросился на шиноварца сзади.

Далинар ожидал, что им окажется Адолин или, может быть, один из мостовиков.

Но это был Ройон.

Адолин отшвырнул в сторону последний кусок брони и помчался к отцу. Он не опоздал. Далинар стоял перед убийцей на коленях, побежденный, но не мертвый.

Принц закричал, подбегая ближе, но из-за остатков палатки неожиданно выпрыгнула фигура. Ройон, неуклюже держащий меч, привел небольшой отряд солдат и бросился на убийцу.

У них было не больше шансов справиться с ним, чем у крыс – победить скального демона.

Адолин едва успел крикнуть, в то время как убийца,двигающийся с запредельной скоростью, развернулся и отсек лезвие меча Ройона около рукояти. Рука Сета рванулась вперед и сильно ударила Ройона в грудь.

Тот резко взмыл в воздух, оставляя за собой полосы штормсвета. Он закричал, и его проглотило небо.

Людям кронпринца удалось продержаться и того меньше. Убийца двигался между ними со сверхъестественным изяществом, взмахивая мечом и искусно уклоняясь от копий. Через мгновение на земле лежала дюжина солдат с выжженными глазницами.

Адолин перепрыгнул через одно из только что упавших тел. Шторма, ему до сих пор было слышно, как Ройон кричит где-то в небесах.

Принц ударил по убийце, но тот извернулся и отбил Клинок Осколков. Шиноварец ухмылялся. Он не произнес ни слова, однако сквозь его зубы сочился штормсвет.

Адолин попытался атаковать быстрыми последовательными движениями стойки дыма, но убийца нисколько не смутился и молча отбивал все его удары. Адолин сосредоточился, демонстрируя лучшее, на что был способен, но по сравнению с этой тварью он казался просто ребенком.

По-прежнему кричащий Ройон отвесно упал с неба и ударился о землю с отвратительным влажным хрустом. Быстрый взгляд на труп подсказал Адолину, что кронпринц больше никогда не поднимется снова.

Он выругался и сделал стремительный выпад в сторону убийцы, но тут к нему подскочил затрепетавший тент, до которого дотронулся Сет, оказавшись рядом. Это чудовище могло управлять неодушевленными объектами! Адолин рассек кусок ткани и прыгнул вперед, замахиваясь на убийцу.

Противник исчез из виду.

Нырок.

Адолин бросился на землю, когда что-то пронеслось над головой – Сет пролетел по воздуху. Его свистящий Клинок Осколков разминулся с головой принца на какие-то дюймы.

Адолин перекатился и встал на колени, отдуваясь.

Как... Как он проделывал подобные вещи?..

«Ты не сможешь его победить, – подумал юноша. – Никто не сможет».

Убийца с легкостью приземлился. Адолин вскочил на ноги и обнаружил, что не один. Вокруг него выстроилась дюжина мостовиков. Возглавлявший их Шрам посмотрел на принца и кивнул. Храбрые парни. Они видели, как упал Ройон, и все равно присоединились к нему. Адолин взвесил в руке Клинок Осколков и заметил, что неподалеку его отец смог подняться. Вокруг кронпринца сомкнулся еще один небольшой отряд мостовиков, и тот не стал возражать. И Далинар, и Адолин сразились с убийцей один на один и потерпели поражение. Теперь их единственным шансом был стремительный бешеный натиск.

Невдалеке послышались крики. Судя по приближающимся знаменам, к ним спешил генерал Хал с большим отрядом солдат. Они не успевали. Убийца стоял, склонив голову, между маленькими группами во главе с Далинаром и Адолином. Упавшие на землю синие фонари освещали плато. Небо потемнело так, будто наступила ночь. Черноту вспарывали только вспышки красных молний.

Броситься на Носителя Осколков всей толпой. Надеяться на удачный удар. Единственный способ. Адолин кивнул Далинару. Отец угрюмо кивнул в ответ. Он знал. Он знал, что эту тварь не победить.

«Веди их, Адолин. Объедини их».

Адолин с криком ринулся вперед, вытянув меч, за ним побежали солдаты. Далинар тоже бросился к убийце, немного медленнее, прижав одну руку к груди. Шторма, он едва мог двигаться.

Сет резко вскинул голову. На его лице не отразилась ни одна эмоция. Когда Адолин и Далинар приблизились, он прыгнул, стремительно взлетев в воздух.

Принц проследил за ним взглядом. Несомненно, они его не отпугнули...

Убийца развернулся и обрушился обратно на землю, сияя, как комета. Адолин едва смог парировать Клинок, сила удара была невероятной. Его отбросило назад. Убийца крутанулся, и пара мостовиков упала с выжженными глазницами. Те, кто попытался достать его копьями, остались со срезанными древками.

Убийца вырвался из массы тел, истекая кровью из нескольких ран. На глазах у Адолина эти раны закрылись, кровотечение остановилось. Все было, как и рассказывал Каладин. С ужасающим чувством утопающего Адолин осознал, насколько призрачны оказались их шансы с самого начала.

Убийца повернулся к Далинару, возглавлявшему вторую волну атаки. Старейший воин поднял Клинок Осколков, будто отдавая дань уважения, и нанес удар.

Атака. Достойный способ покинуть этот мир.

– Отец... – прошептал Адолин.

Убийца отбил удар и прижал руку к груди Далинара.

Кронпринц неожиданно засветился и, пошатнувшись, взмыл в темное небо. Он не закричал.

Плато погрузилось в тишину. Некоторые мостовики поддерживали раненых товарищей. Другие развернулись к убийце и с яростью в глазах образовали копейный строй.

Убийца опустил Клинок и зашагал прочь.

– Ублюдок! – выкрикнул Адолин, кинувшись за ним. – Ублюдок!

Он едва мог видеть из-за слез.

Сет остановился и направил оружие в сторону Адолина.

Принц замер. Шторма, его голова раскалывалась.

– Все, – прошептал убийца. – Я закончил.

Он отвернулся от Адолина и продолжил путь.

«Закончишь в Бездне!»

Адолин поднял над головой Клинок Осколков.

Сет развернулся и ударил по оружию своим мечом так сильно, что Адолин отчетливо услышал, как что-то хрустнуло в его запястье. Клинок вылетел из пальцев и исчез. Рука убийцы с силой хлопнула Адолина по груди, и от удара у него перехватило дыхание.

Ошеломленный, он опустился на колени.

– Полагаю, – прорычал шиноварец, – я могу убить еще одного по своему собственному желанию.

Он ужасающе ухмыльнулся, сжав зубы и широко распахнув глаза. Как если бы испытывал огромную боль.

Задыхаясь, Адолин ожидал удара. Он посмотрел в небо.

«Отец, мне жаль. Я... я...»

Что это было?

Он моргнул, когда увидел в воздухе что-то светящееся, планирующее вниз словно лист. Фигура. Человек.

Далинар.

Кронпринц медленно падал, как если бы весил не больше облачка. Белый свет вытекал из его тела сияющими завитками. Начали бормотать стоящие рядом мостовики, закричали, указывая вверх, солдаты.

Адолин снова моргнул, уверенный, что бредит. Но нет, это был Далинар. Похожий на... одного из Герольдов, спускающихся из Залов спокойствия.

Убийца взглянул на кронпринца и отшатнулся, в ужасе открыв рот.

– Нет... Нет!

Затем, как падающая звезда, перед Далинаром пронесся пылающий огненный шар, наполненный светом и движением. Он ударился о землю, выплеснув кольцо штормсвета, похожего на белый дым. В его центре показалась фигура в синем, припавшая к камням одной рукой и сжимающая сияющий Клинок Осколков другой.

Его глаза горели светом, по сравнению с которым блеск глаз убийцы казался тусклым. Он был одет в форму мостовика, а на лбу виднелись глифы раба.

Расширяющееся кольцо дымного света исчезло, остался только большой глиф в виде меча, который несколько мгновений повисел в воздухе и также растворился.

– Ты послал его в небо на смерть, убийца, – сказал Каладин. С его губ слетал штормсвет. – Но небо и ветра принадлежат мне по праву. И твоя жизнь – тоже.



*Один почти наверняка предаст остальных.
Диаграмма, запись 2-ого ящика стола:
параграф 27*

Каладин позволил штормсвету испариться перед собой. Штормсвет подходил к концу – его стремительный перелет над равнинами опустошил запасы. Какой же шок он испытал, когда вспышка света, которая поднималась в темнеющее небо над освещенным плато, оказалась самим Далинаром. Сет сплел его с небом.

Каладин быстро поймал Далинара и отправил обратно, осторожно *сплетя* с землей. Впереди Сет отскочил от молодого принца и предостерегающе поднял меч в сторону Каладина. Его глаза расширились, губы дрожали. Сет выглядел очень испуганным.

Хорошо.

Далинар наконец мягко приземлился на плато, и *сплетение* Каладина исчезло.

– Ищите убежище, – сказал Каладин. Буря в его венах постепенно затихала. – По пути сюда я пролетел над штормом... над большим штормом. Он идет с запада.

– Мы в процессе отступления.

– Поторопитесь. А я займусь нашим другом.

– Каладин?

Он повернулся, взглянув на кронпринца, который стоял прямо, хотя и баюкал одну руку у груди. Далинар встретился с ним глазами.

– Ты тот, кого я искал.

– Да. Наконец-то.

Каладин отвернулся и направился к убийце. Он прошел мимо тесно выстроившегося Четвертого моста, и мужчины по команде Тефта бросили что-то перед своим капитаном. Синие фонари, в которых светились огромные драгоценные камни, не истощившиеся за время Плача.

Будь они благословенны. Штормсвет устремился вверх, наполняя Каладина, когда он прошел мимо. Капитан мостовиков заметил у их ног два трупа с выжженными глазами, и у него внутри все оборвалось. Педин и Март. Эт обнимал тело брата, роняя слезы. Другие мостовики потеряли кто руку, кто ногу.

Каладин зарычал. Больше такого не случится. Он больше не будет терять людей из-за этого монстра.

– Ты готова? – прошептал он.

«Конечно, – ответила Сил в его голове. – Это же не меня пришлось так долго ждать».

Пылая штормсветом, разъяренный и сияющий, Каладин бросился на убийцу и столкнулся с ним Клинок к Клинку.

– Мы мертвы... – бормотал Ренарин.

– Кто-нибудь, заткните его, – бросила Шаллан. – Вставьте ему кляп, если придется.

Она демонстративно отвернулась, игнорируя несущего бред принца. Шаллан все еще стояла в центре зала с фреской. Как же заставить портал работать?

Круглое помещение. С одной стороны устройство, которое приспособливается к различным Клинкам Осколков. На полу изображения рыцарей, сияющих штормсветом и указывающих на город-цитадель, прямо как в мифах. Десять светильников на стенах. Замок, подвешенный, по ее мнению, над изображением Натанатана, королевства на Разрушенных равнинах. Он...

Десять светильников. С драгоценными камнями в них. Каждый в металлической решетке.

Шаллан моргнула, когда ее наконец осенило.

– Это фабриал.

Убийца взмыл в воздух. Каладин взлетел, бросившись в погоню, оставляя за собой светящийся след.

– На какой стадии отступление?! – проревел Далинар, пересекая плато.

В его ребрах поселилась жгучая, ни с чем не сравнимая боль, предыдущая рана болела ненамного меньше. Шторма. Пока он сражался, плечо его не беспокоило, но теперь причиняло жестокие страдания.

– Кто-нибудь, доложите!

Из-за остатков ближайших палаток появились писцы и арденты. По всему плато слышались крики. Ветер снова начал усиливаться, короткая передышка закончилась. Им необходимо бежать с этих плато. Сейчас же.

Далинар подошел к Адолину и помог молодому человеку подняться на ноги. Тот выглядел всего лишь чуть хуже, чем обычный обессиленный, покрытый синяками, избитый, ошеломленный человек. Согнув правую руку, Адолин вздрогнул от боли, затем осторожно ее расслабил.

– Бездна, – проговорил он. – Этот мостовичок на самом деле один из них? Сияющий рыцарь?

– Да.

Как ни странно, Адолин улыбнулся и казался довольным.

– Так-то! Я знал, с этим парнем что-то не так.

– Вставай, – сказал Далинар, подталкивая сына. – Нужно заставить армию перейти через два плато к тому месту, где нас ждет Шаллан. Отправляйся туда и организуй их, сделай, что сможешь. – Далинар посмотрел на запад, откуда налетал порывистый ветер, принося дождь. – Времени мало.

Адолин крикнул, чтобы к нему присоединились мостовики, что они и сделали, помогая раненым, хотя, к сожалению, были вынуждены оставить погибших. Несколько мужчин несли заметно поврежденные Доспехи принца.

Далинар захромал через плато на восток так быстро, как только мог в своем состоянии, выискивая...

Да. Место, где он оставил Кавалера. Конь фыркнул, тряхнув мокрой гривой.

– Спасибо тебе, старый друг, – проговорил Далинар, потянувшись к ришадиуму. Конь не сбежал, несмотря на гром и хаос.

Передвигаться верхом было гораздо легче. В конце концов Далинар нашел армию Ройона, стройными рядами направляющуюся на юг, к плато Шаллан. Кронпринц вздохнул с облегчением, глядя на то, как четко они маршируют. Большая часть солдат уже переместилась к югу, до круглого плато Шаллан им оставалось еще одно. Прекрасно. Он не смог вспомнить, куда послали капитана Хала, но предполагал, что после гибели Ройона его армию охватит паника.

– Далинар! – раздался чей-то голос.

Он повернулся, и ему открылось чрезвычайно неуместное зрелище: Себарииал и его любовница сидели под навесом и поедали сушеные фрукты с тарелки, которую держал неуклюжего вида солдат.

Себарииал поднял чашу вина, поприветствовав Далинара.

– Надеюсь, ты не против, – произнес он. – Мы спасаем твои припасы. Они пролетали мимо, навстречу несомненной гибели.

Далинар уставился на них с изумлением. Палона даже достала роман и начала его читать.

– Твоя работа? – спросил Далинар, кивнув на армию Ройона.

– Они подняли суматоху, – ответил Себарииал. – Бродили вокруг, кричали друг на друга, плакали и причитали. Очень поэтично. Кто-то должен был заставить их двигаться. Моя армия уже перешла на то, другое плато. Видишь ли, здесь становилось слишком тесно.

Палона перевернула страницу, почти не обращая на них внимания.

– Ты видел Аладара? – спросил Далинар.

Себарииал указал рукой с чашей вина.

– Он тоже уже должен закончить переход. Ты найдешь его в том направлении. К счастью, по ветру.

– Перестань прохлаждаться. Останешься здесь, и ты покойник.

– Как Ройон? – уточнил Себарииал.

– К несчастью.

– Так это правда. – Себарииал встал и отряхнул брюки, которые каким-то образом до сих пор оставались сухими. – Кого же я теперь буду дразнить?

Он печально покачал головой.

Далинар поскакал в указанном направлении. Невероятно, но он заметил, что за ним все еще следует пара мостовиков. Они только сейчас подоспели к месту, где он нашел Себарииала, и, увидев Далинара, отсалютовали.

Он сказал им, куда направляется, и пришпорил коня. Шторма, боль в сломанных ребрах при скачке верхом ощущалась ненамного слабее, чем при ходьбе. На самом деле, даже сильнее.

Далинар действительно обнаружил Аладара на соседнем плато. Тот руководил своей армией, которая перетекала на идеально круглое плато, указанное Шаллан. Раст Элтал тоже находился здесь в Доспехах из числа выигранных Адолином и направлял один из больших механических мостов. Его установили рядом с двумя другими, которые соединяли обе стороны ущелья, пересекая его в местах, где меньшие мосты оказались бы непригодны.

Плато, на котором все собирались, казалось относительно небольшим по меркам Разрушенных равнин, но, тем не менее, растянулось на несколько сотен ярдов. К счастью, армии на нем поместятся.

– Далинар? – позвал Аладар, подъезжая рысью.

Его путь освещал подвешенный к седлу большой бриллиант, похоже, позаимствованный из осветительных фабриалов Навани. Аладар в промокшей униформе щеголял повязкой на лбу, но в остальном выглядел невредимым.

– Что, во имя языка Келека, сюда надвигается? Я ни от кого не могу получить прямого ответа.

– Ройон мертв, – устало произнес Далинар, натягивая поводья Кавалера. – Он погиб с честью, атакуя убийцу. Убийца, я надеюсь, был на время обескуражен.

– Сегодня мы выиграли, – сказал Аладар. – Я разбросал тех паршенди. Мы оставили более половины из них погибшими на том плато, может, даже три четверти. Адолин на своем фланге справился еще лучше, и по сообщениям те паршенди, что находились на плато Ройона, бежали. Пакт мщения выполнен! Гавилар отомщен, война окончена!

Сколько гордости. Далинару было трудно подобрать слова, чтобы опровергнуть собеседника, поэтому он просто пристально смотрел на него, чувствуя оцепенение.

«Не позволяй себе расслабиться, – подумал кронпринц, обмякнув в седле. – Ты должен руководить».

– Это не имеет значения, не так ли? – спросил Аладар тише. – То, что мы победили?

– Конечно же, имеет.

– Но... разве мы не должны чувствовать что-то другое?

– Истощение, – ответил Далинар. – Боль, страдание. Вот на что обычно похожи ощущения после победы, Аладар. Мы победили, да, но теперь нам необходимо выжить с нашей победой. Твои люди уже почти перешли?

Аладар кивнул.

– Собери всех на том плато, – продолжил Далинар. – Заставь их встать друг другу на головы, если придется. Мы должны быть готовы пройти через портал как можно быстрее, когда он откроется.

Если он откроется.

Погнав Кавалера вперед, Далинар пересек один из мостов и направился к тесным рядам солдат на другой стороне. Отсюда он начал с трудом проталкиваться к центру, где надеялся обрести спасение.

Каладин взмыл за убийцей в воздух.

Разрушенные равнины под ним удалялись. Драгоценные камни мерцали по всему плато в тех местах, откуда сдуло палатки и где падали убитые солдаты. Камни освещали не только центральное плато, но и три других вокруг него и еще одно, которое сверху выглядело необычно круглым.

Именно на нем собрались армии. Другие плато были усеяны небольшими бугорками, похожими на веснушки. Трупы. Так много.

Каладин посмотрел в небо. Он снова свободен. Под ним бушевали ветра, и казалось, что они отрывали его от земли, толкали вперед. Несли его на себе. Клинок Осколков разлетелся ключьями тумана, и перед ним замельтешила Сил, которая превратилась в ленточку света и носилась вокруг, пока он летел.

Сил жива. Сил жива! Он до сих пор испытывал эйфорию. Разве она не умерла? Когда он задал ей этот вопрос во время полета, ее ответ был простым: «Я была мертва так же, как твои клятвы, Каладин».

Он продолжил набирать высоту, стремясь уйти с пути надвигающихся штормов. Со своей позиции Каладин видел их отчетливо. Два шторма: один, идущий с запада и полыхающий красными молниями, и второй, который быстрее приближался с востока и накатывал темной серой штормовой стеной. Они собирались столкнуться.

– Сверхшторм, – сказал Каладин, мчась по небу за Сетом. – Красный шторм – дело рук паршенди, но откуда появился сверхшторм? В это время года штормов не бывает.

– Мой отец, – произнесла Сил торжественным голосом, – вызвал шторм, ускорив его поступь. Он... сломлен, Каладин. Ему кажется, что ничего из происходящего не должно было случиться. Он хочет, чтобы все закончилось, хочет смыть всех прочь и попытаться спрятаться от будущего.

Ее отец... Означало ли это, что Отец Штормов желал их смерти?

Просто отлично.

Убийца, летящий над ним, исчез, растворившись в темных облаках. Каладин стиснул зубы и снова *сплел* себя с верхом, чтобы ускориться еще больше. Стрелой он помчался в небо, и все вокруг слилось в сплошную серую массу.

Он продолжал следить за проблесками света, которые возвестили бы о приближении убийцы. Сет мог напасть в любую секунду.

Пространство вокруг Каладина посветлело. Убийца? Мостовик вытянул руку в сторону, и Сил моментально превратилась в Клинок.

– А как же десять ударов сердца? – спросил он.

«Не тогда, когда я с тобой и наготове. Задержка главным образом относится к мертвым. Им приходится каждый раз воскресать».

Каладин выскочил из облаков под солнечный свет.

У него вырвался удивленный вздох. Он совсем забыл, что по-прежнему царил день. Здесь, высоко над темной враждебной поверхностью земли, солнечный свет пробивался сквозь толщу облаков, озаряя их прекрасным бледным сиянием. Разреженный воздух был холодным, но с бушующим внутри штормсветом на подобное неудобство легко не обращать внимания.

Убийца парил неподалеку, ногами к земле, с опущенной головой и серебристым Клинком, прижатым к боку. Каладин *сплел* себя так, чтобы остановиться, и завис на одном уровне с убийцей.

– Я Сет-сын-сына-Валлано, – произнес мужчина. – Не Знающий Правду... Не Знающий Правду. – Он поднял голову, широко раскрыв глаза и сжав зубы. – Ты украл Клинок Чести. Это единственное объяснение.

Шторма. Каладин всегда представлял себе Убийцу в Белом как спокойного, хладнокровного душегуба. Но здесь что-то другое.

– Я не владею подобным оружием, – ответил Каладин. – И не понимаю, что изменилось бы, будь по-другому.

– Я слышу твою ложь. Я ее знаю.

Сет метнулся вперед, выставив меч.

Каладин *сплел* себя в сторону, уклонившись с его пути, и взмахнул Клинком, но оказался недостаточно близко для прямого контакта.

– Нужно было больше тренироваться с мечом, – пробормотал он.

«О, верно. Возможно, ты хочешь, чтобы я стала копьем, так?»

Оружие расплылось туманом, а затем удлинилось и приняло форму серебристого копья со светящимися, закручивающимися глифами по обеим заостренным сторонам наконечника.

Сет крутанулся, *сплетая* себя обратно, чтобы зависнуть в воздухе. Он посмотрел на копьё и, похоже, задрожал.

– Нет. Не Знающий Правду. Я Не Знающий Правду. Никаких вопросов.

Испуская изо рта штормсвет, Сет запрокинул голову и закричал. Бессмысленный человеческий звук рассеялся в бесконечном просторе неба.

Под ними пророкотал гром и замерцали разными оттенками облака.

Шаллан металась по круглому залу от одного светильника к другому, вливая в каждый из них штормсвет. Девушка ярко светилась, вытягивая энергию из фонарей ардентов. Не время для объяснений.

В этот момент было не до того, чтобы скрывать свои способности волноплета.

Зал представлял собой гигантский фабриал, черпающий энергию штормсвета из светильников. Можно было догадаться и побыстрее. Шаллан пробежала мимо уставившейся на нее Инадары.

– Как... как вы это делаете, ваша светлость?

Несколько ученых расселись на полу и торопливо рисовали глифпары молитв на обрывках холста, используя мел из-за влажности. Шаллан не знала, были ли это молитвы с просьбами защиты от штормов или от самой Шаллан. Она услышала, как кто-то из них пробормотал «потерянная Сияющая».

Еще два светильника. Она зарядила рубин штормсветом, пробуждая его к жизни, но затем свет иссяк.

– Драгоценные камни! – крикнула девушка, кружа по помещению. – Мне нужен еще штормсвет!

Люди в зале переглянулись. Все, кроме Ренарина, который продолжал рыдать и царапать на камне одинаковые глифы. Отец Штормов! Она осушила их все. Одна из ученых вытащила из сумки масляный фонарь, и он слабо засветился рядом со светильниками на стенах.

Шаллан выглянула в дверной проем, всматриваясь в толпу собравшихся здесь солдат. Тысячи и тысячи мужчин виднелись в темноте. К счастью, у некоторых из них имелись фонари.

– Мне нужен ваш штормсвет! – заявила она. – Он...

Это Адолин? Шаллан ахнула, прочие мысли на мгновение улетучились, когда она заметила его впереди толпы, опирающегося на мостовика. Адолин оказался не в лучшей форме: залитую кровью левую сторону лица сплошь покрывали синяки, форма была порвана и окровавлена. Шаллан подбежала к нему и притянула к себе.

– Тоже рад тебя видеть, – сказал он, зарывшись лицом в ее волосы. – Слышал, что ты собираешься вызволить нас из неприятностей.

– Неприятностей? – переспросила Шаллан.

Гремело непрерывно, красные молнии били не отдельными вспышками, а сплошной завесой. Шторма! Она не осознавала, насколько близок шторм!

– М-м-м... – прогудел Узор.

Шаллан посмотрела влево. Приближалась стена шторма. Шторма были подобны двум сближающимся ладоням, которые сокрушат попавшую между ними армию.

Шаллан резко вдохнула, и штормсвет устремился к ней, обостряя ощущения. По-видимому, на долине были один или два драгоценных камня. Он отстранился, оглядев ее.

– Ты тоже? – спросил он.

– Ну... – Она прикусила губу. – Ага. Прости.

– Прости? Шторма, женщина! Ты можешь летать так же, как он?

– Летать?

Раскат грома.

Неминуемая гибель. Верно.

– Убедитесь, что все готовы к переходу! – прокричала Шаллан, бросившись обратно в зал.

Под Каладином столкнулись оба шторма. Облака распались на мешанину черных, красных и серых воронок, разрезаемых вспышками молний. Это выглядело как очередной Ахаритиам, конец всего сущего.

Над всем происходящим, на вершине мира, Каладин бился за свою жизнь.

Сет налетел в стремительной вспышке серебристого металла. Каладин отразил удар, копье в его руке завибрировало с протяжным звоном. Сет пролетел дальше, минуя его, и Каладин *сплел* себя в том же направлении.

Они падали на запад, скользя по верхушкам облаков, хотя для глаз Каладина это направление было низом. Он летел, нацелив копье прямо на смертоносного шиноварца.

Сет ринулся влево, и Каладин последовал за ним, быстро изменив *сплетение*. Под ним клубились неистовые, завихряющиеся грозовые облака. Два шторма, казалось, боролись – молнии, что освещали их, походили на наносимые удары. Слышался оглушительный грохот и не всегда из-за грома. Рядом с Каладином сквозь облака пронеслась каменная глыба, оставляя за собой завитки пара. Валун выскочил на свет как огромное плавучее чудовище, а затем опустился обратно в облака.

«Отец Штормов...»

Каладин находился в сотнях, возможно, в тысячах футах над поверхностью. Что за неистовство творилось сейчас на земле, если камни взлетали так высоко?

Каладин *сплел* себя в направлении Сета, набирая скорость, и полетел вдоль верхней границы штормов. Он поравнялся с убийцей и замедлился, немного отпустив *сплетение* таким образом, чтобы его ускорение совпадало с ускорением Сета и чтобы они двигались бок о бок.

Каладин направил копье на убийцу. Сет ловко парировал выпад Клинком Осколков, отбив удар в сторону.

– Не может быть, – закричал он, – чтобы Сияющие рыцари вернулись.

– Они вернулись, – произнес Каладин, отдергивая копье обратно. – И они собираются тебя убить.

Замахнувшись, он слегка *сплел* себя в сторону, развернулся в воздухе и накиннулся на Сета.

Однако тот отпрянул вверх, разминувшись с копьем Каладина. Они продолжали падать в воздухе, прямо над облаками. Сет нырнул вниз и ударил. Каладин выругался, едва успев *сплести* себя вбок и увернуться.

Сет устремился мимо него вниз и исчез в облаках, превратившись в тень. Каладин попытался преследовать эту тень, но ничего не вышло.

Мгновение спустя Сет выскочил рядом с Каладином, с силой обрушив на него три быстрых удара. Один из них задел руку мостовика, и он выронил Сил.

«Бездна».

Каладин *сплел* себя в сторону, отодвинувшись подальше от Сета, и направил штормсвет в сереющую, безжизненную ладонь. С трудом ему удалось заставить ее вернуть цвет, но Сет уже был над ним, разогнавшись в воздушном прыжке.

В левой руке Каладина замерцал туман, и когда он поднял ее в защитном жесте, появился серебристый щит, сияющий мягким светом. Щит отразил Клинок Сета, вызвав у шиноварца удивленный возглас.

В правую руку Каладина возвращались силы, порез затянулся, но на исцеление ушло так много штормсвета, что он чувствовал себя практически опустошенным. Стараясь держать Сета на расстоянии, Каладин отлетел подальше, но убийца не отставал, повторяя все рывки пытающегося убежать мостовика.

– Ты новичок, – прокричал Сет. – И не можешь со мной драться. Я одержу верх.

Убийца метнулся вперед, и Сил в руках Каладина снова превратилась в копьё. Судя по всему, она могла принимать форму любого оружия согласно желанию владельца. Шиноварец ударил своим оружием в Сил. Каладин и Сет оказались лицом к лицу и, уставившись друг другу в глаза, стали давить *сплетениями*, перемещаясь из стороны в сторону над облаками.

– Я всегда побеждаю, – произнес Сет. Его тон был странным, как если бы он сердился.

– Ты ошибаешься, – ответил Каладин. – На мой счет. Я не новичок.

– Ты приобрел свои способности совсем недавно.

– Нет. Ветра мои. Небеса мои. Они были моими с рождения. Здесь самозванец ты. Не я.

Они расцепились, Каладин отбросил убийцу назад. Он перестал задумываться о *сплетениях* и о том, что именно ему следует делать.

Он просто был самим собой.

С копьём, нацеленным в грудь противника, Каладин нырнул за Сетом, плащ захлопал на ветру. Сет успел отклониться, но Каладин выпустил копьё и широко взмахнул другой рукой. Сил превратилась в алебарду и оказалась в каких-то дюймах от лица Сета.

Убийца выругался, но ответил на удар Клинком. Долю секунды спустя в руке Каладина возник щит, и он отбил атаку. Как только это произошло, Сил исчезла, а затем, как только Каладин ударил пустыми руками, снова появилась в виде меча. Неожиданно сформировавшийся меч вонзился глубоко в плечо Сета.

Глаза убийцы расширились. Каладин крутанул мечом, выдернув его из плоти убийцы, и попытался броситься на него слева, чтобы навсегда покончить с этим человеком. Сет оказался слишком быстрым. Он *сплел* себя в обратном от Каладина направлении, вынудив того устремиться следом, и стал накладывать *сплетение* за *сплетением*.

Рука Сета по-прежнему действовала. Бездна. Удар в плечо не полностью перерубил связь души и тела в этом месте. Вдобавок ко всему, штормсвет Каладина подходил к концу.

К счастью, положение Сета было еще хуже. Судя по ослабевающему вокруг него свечению, убийца расходовал штормсвет гораздо быстрее, чем Каладин. Более того, он не стал исцелять плечо, что потребовало бы огромного количества света, а просто продолжал убегать, резко меняя направление, и пытался оторваться от Каладина.

Внизу продолжалась битва теней – мешанина из молний, ветра и завихряющихся облаков. Преследуя Сета, Каладин заметил, как под ним пронеслось что-то колоссальное – тень размером с город. Секунду спустя сквозь облака пробилось целое, медленно вращающееся плато. Будто кто-то подбросил его снизу вверх.

Сет чуть не врезался в него, но успел *сплести* себя так, чтобы взлететь над плато, а затем приземлился на его поверхности. Убийца побежал по плато, которое вяло вращалось в воздухе, теряя импульс.

Каладин приземлился следом, сохранив, однако, большую часть *сплетения* с верхом, чтобы остаться почти невесомым, и побежал по краю плато, почти вертикально в небо. Неожиданно развернувшись, Сет ударил по скале, и Каладину пришлось уворачиваться от покотившихся вниз бульжников.

Камни загрохотали по поверхности плато, которое уже начало падать обратно к земле. Сет добрался до самого верха и спрыгнул вниз, за ним через несколько мгновений последовал Каладин, оттолкнувшись от скалы, которая тонула в облаках подобно погружающемуся на дно кораблю.

Они продолжили гонку, но Сет двигался спиной к верхней границе шторма, сосредоточив взгляд на Каладине. Дикая глаза.

– Ты пытаешься меня убедить! – крикнул он. – Ты не можешь быть одним из них!

– Ты видел, кто я такой! – крикнул в ответ Каладин.

– Несущие Пустоту!

– Вернулись.

– ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Я НЕ ЗНАЮЩИЙ ПРАВДУ! – завопил, задыхаясь, убийца. – Зачем я с тобой сражаюсь? Моя цель – не ты. У... у меня осталась незавершенная работа. Я подчиняюсь!

Он отвернулся и сплел себя с низом.

И устремился к облакам, в сторону плато, где ранее приземлился Далинар.

Шаллан ворвалась в зал, когда снаружи столкнулись два шторма.

Что делать? Время на исходе. Даже если она сможет открыть портал, эти шторма уже здесь. Она не успеет провести людей.

Они мертвы. Все они. Возможно, уже тысячи нашли смерть, сметенные штормовой стеной.

Как бы то ни было, Шаллан подбежала к последнему светильнику, заряжая его сферы.

Пол начал светиться.

От удивления арденты вскочили на ноги, а Инадара завизжала. Адолин ввалился в дверной проем, сопровождаемый порывами сокрушительного ветра и струями яростного дождя.

Под их ногами засветился изнутри сложный узор. Он выглядел почти как цветное стекло. Подзывая Адолина отчаянными жестами, Шаллан побежала через зал к замку на стене.

– Меч! – закричала она, перекрывая звуки шторма, бушующего снаружи. – Сюда!

Ренарин уже давно отпустил свой Клинок.

Адолин подчинился и бросился вперед, призывая Клинок Осколков. Он воткнул его в прорезь, которая опять приспособилась к форме оружия.

Ничего не произошло.

– Не работает, – прокричал Адолин.

«Ответ только один».

Шаллан схватила рукоять меча, выдернула его, не обращая внимания на раздавшиеся в голове крики, которые появились после прикосновения к мечу, и отшвырнула Клинок в сторону. Меч Адолина исчез в тумане.

«Глубоко скрытая правда».

– Что-то не так с твоим Клинком и со всеми Клинками. – Она замешкалась на секунду. – Со всеми, кроме моего. Узор!

В ее руках сформировался Клинок Осколков. Клинок, которым она убивала. Спрятанная душа. Шаллан воткнула его в прорезь, оружие завибрировало и засветилось. Что-то глубоко внутри плато разомкнулось.

Снаружи ударили молнии и кричали люди.

Теперь Шаллан поняла механизм действия. Она навалилась всем весом на меч, толкая его перед собой как спицу на колесе мельницы. Внутренняя стена здания была подобна ободу внутри трубы – она могла вращаться, в то время как внешняя стена оставалась на месте. Меч двигал внутреннюю стену, пока на него давила Шаллан, хотя сначала стена застряла из-за вывалившихся каменных блоков около прорубленного дверного проема, оказавшихся на пути. Адолин вместе с Шаллан навалился на меч, и вместе они прокрутили его до тех пор, пока не оказались над рисунком Уритиру, в половине окружности от Натанатана, откуда Шаллан начала. Она вытащила Клинок.

Десять светильников погасли, словно сомкнулись веки.

Каладин последовал за Сетом в шторм, нырнув во тьму, и стал падать среди бушующих вихрей и сверкающих молний. Ветер набросился на него, швыряя из стороны в сторону, и никакое *сплетение* не могло справиться с порывами. Возможно, Каладин и являлся хозяином ветров, но шторма – совсем другое дело.

«Будь осторожен, – прошептала в его голове Сил. – Мой отец тебя ненавидит. Здесь его владения. А этот шторм смешан с другим, еще более ужасным штормом. Их штормом».

Тем не менее сверхшторма служили источником штормсвета, и, находясь в их власти, Каладин заряжался энергией. Его запасы штормсвета ярко вспыхнули, как, очевидно, и у Сета. Неожиданно убийца показался снова, похожий на мощный белый взрыв, устремившийся через вихри по направлению к плато.

Каладин зарычал, *сплетая* себя в том же направлении, за Сетом. Вокруг него вспыхивали молнии десятка цветов: красные, фиолетовые, белые, желтые. Он вымок до нитки. Рядом крутились камни, некоторые сталкивались с ним, но штормсвет исцелял, как только обломки причиняли вред.

Сет двигался вдоль плато, прямо над ними, и Каладин с трудом успевал следом. В этом бушующем ветре было тяжело перемещаться, а темнота приближалась к абсолютной. Равнины освещались прерывистыми вспышками. К счастью, свечение Сета нельзя было скрыть, и Каладин сосредоточил внимание на своего рода горящем маяке.

Быстрее.

Как и учил несколько недель назад Зейхел, Сету не нужно побеждать Каладина. Ему достаточно просто добраться до тех, кого мостовик защищал.

Быстрее.

Вспышка молнии осветила плато, на которых произошло сражение. За ними Каладин мельком заметил армию. Тысячи людей толпились на обширном круглом плато. Многие сидели, пригнувшись к земле. Другие поддались панике.

Через мгновение молния погасла, и земля опять погрузилась в темноту, хотя Каладин увидел достаточно, чтобы понять: наступила катастрофа. Катаклизм. Одних сносило с плато, других сокрушали падающие камни. За какие-то минуты с армией будет покончено. Шторма, Каладин не был уверен в том, что даже ему удалось бы выжить в сердце разрушений.

Сет приземлился среди солдат, пылая светом в темноте. Когда Каладин *сплел* себя с низом, опять вспыхнула молния.

Она осветила убийцу, ошеломленно стоящего посреди опустевшего плато. Армия исчезла.

Звуки бушующего снаружи шторма пропали. Шаллан задрожала, промокшая и замершая.

– Всемогущий над нами... – выдохнул Адолин. – Я почти испугался того, что нас ждет.

Вращение внутренней стены здания сдвинуло дверной проем на преграду затвердевшего крэма. Возможно, раньше здесь располагался настоящий вход. Адолин призвал Клинок, чтобы вырезать отверстие.

Узор... ее Клинок Осколков... растворился в тумане, и механизмы зала замерли. Шаллан не слышала ничего снаружи: ни шума ветра, ни грома.

В ней боролись эмоции. По всей видимости, она спасла себя и Адолина. Но остальная армия... Адолин прорубил отверстие в дверном проеме, брызнули

солнечные лучи. Нервничая, Шаллан подошла к отверстию, миновав Инадару, которая сидела в углу и выглядела потрясенной.

Через проем Шаллан увидела то же плато, что и раньше, только сейчас на нем царило безветрие и его заливал солнечный свет. Ее глазам предстали четыре армии пригнувшихся, промокших до нитки мужчин и женщин, многие из которых держали головы опущенными против ветра, который больше не дул. Неподалеку, рядом с огромным жеребцом-ришадием, стояли две фигуры. Далинар и Навани, по-видимому, находились на пути к центральному строению.

Позади них возвышались пики незнакомого горного хребта. Их плато образовывало кольцо с девятью другими. Слева от Шаллан заставляла расступиться пики огромная ребристая башня, выстроенная в форме чаш все уменьшающихся размеров, поставленных одна на другую. Уритиру.

Плато не содержало в себе портал.

Плато само было порталом.

Сет что-то прокричал Каладину, но слова затерялись в буре. Рядом ударяли камни, принесенные откуда-то издалека. Каладин был уверен, что слышал сквозь ветер ужасные крики, пока вокруг него метались красные спрены. Никогда раньше он не видел таких спренов, они походили на маленькие метеоры, оставляющие за собой светящиеся следы.

Сет закричал снова. На этот раз Каладин разобрал слово:

– Как?!

В ответ он ударил Клинком. Сет яростно парировал, и две светящиеся в темноте фигуры столкнулись.

– Я знаю, что это за возвышение! – прокричал убийца. – Я видел такие прежде! Они ушли в город, ведь так?!

Сет взмыл в воздух. Каладин был только рад устремиться следом. Он хотел вырваться из бури.

Сет закричал, удаляясь на запад, подальше от шторма с красными молниями, следуя по пути обычного сверхшторма. Но тот шторм был не менее опасен.

Каладин бросился в погоню, что оказалось непросто из-за бушующих ветров. Конечно, Сету они служили не лучше, чем Каладину, буря была непредсказуемой. Ветра могли разбросать их в разные стороны.

Что будет, если Сет его потеряет?

«Он знает, куда подевался Далинар, – подумал Каладин, заскрипев зубами, когда внезапная белая вспышка ослепила его с одной стороны. – А я не знаю».

Он не сможет защитить Далинара, если не найдет его. К несчастью, гонка в темноте благоприятствовала тому, кто пытался убежать. Медленно, но верно Сет вырывался вперед.

Каладин попробовал двигаться за ним, но порыв ветра унес его в другом направлении. На самом деле *сплетения* не позволяли летать. Он не мог сопротивляться таким непредсказуемым ветрам; это они управляли им.

Нет! Светящийся силуэт Сета удалялся, уменьшаясь в размерах. Каладин закричал в темноту, смаргивая с глаз капли дождя. Убийца почти пропал из виду...

В воздухе перед ним завертелась Сил. Но он все еще держал копьё. Как же так?

Еще один спрен, затем еще один. Ленточки света, временами принимающие очертания смеющихся юных женщин или мужчин. Спрены ветра. Десяток или даже больше мельтешили вокруг него, оставляя за собой светящиеся следы, а их смех каким-то образом перекрывал грохот шторма.

«Туда!» – подумал Каладин.

Сет был впереди. Мостовик *сплел* себя с ним через бурю, дернувшись в одну сторону, затем в другую, и полетел, уворачиваясь от вспышек молний, ныряя под летящие валуны, стряхивая капли с ресниц под сплошной завесой дождя.

Ураган хаоса. И впереди... свет?

Стена шторма.

Сет вырвался из бури. Сквозь мешанину воды и мусора Каладин едва мог различить убийцу, который развернулся и посмотрел назад, уверенно паря в воздухе.

«Он думает, что оторвался от меня».

Каладин выскочил из стены шторма, окруженный спренами ветра, которые закручивались вокруг него, переплетаясь узорами света. Закричав, он направил копьё в сторону Сета, который поспешно отбил удар, широко раскрыв глаза от удивления.

– Невозможно!

Каладин развернулся и рубанул копьём, которое превратилось в меч, по ступне шиноварца.

Убийца отшатнулся вдоль стены шторма. И Сет, и Каладин продолжали лететь на запад, прямо перед стеной воды и мусора.

Под ними тянулась земля, превратившаяся в одно размытое пятно. Два шторма наконец разделились, и сверхшторм продолжал двигаться по своему обычному пути, с востока на запад. Вскоре Разрушенные равнины остались позади, уступив место пологим холмам.

Когда Каладин продолжил нападение, Сет крутанулся и рванулся вниз, атакуя, но Сил превратилась в щит, чтобы блокировать удар. Каладин с размаха обрушился вниз, и в его руке появился молот, который врезался в плечо Сета, дробя кости. Пока убийца пытался исцелиться с помощью штормсвета, Каладин подлетел ближе и выбросил руку с появившимся в ней ножом Сету в живот. Нож вошел глубоко под кожу и коснулся позвоночника.

Сет ахнул, хватая ртом воздух, и с яростью *сплел* себя еще сильнее по направлению к шторму, освобождаясь от хватки Каладина.

Мостовик полетел следом. Внутри штормовой стены проносились валуны. Теперь с точки зрения Каладина она была землей. Ему приходилось постоянно поддерживать *сплетение*, чтобы оставаться в нужной позиции, прямо перед штормом.

Преследуя Сета, он перепрыгнул выскочившие крутящиеся валуны. Убийца бесконтрольно падал в своих развевающихся одеяниях. Спрены ветра окружили Каладина ореолом, проносясь взад-вперед и крутясь по спирали между его рук и ног. Близость шторма позволяла поддерживать запасы штормсвета, не давая ему иссякнуть.

Сет замедлился, его раны исцелялись. Он завис прямо перед грохочущей стеной шторма, выставив меч, вздохнул и посмотрел Каладину в глаза.

Стало быть, заключительная часть.

Каладин ринулся к убийце, Сил превратилась в копьё, самое привычное для него оружие.

Сет атаковал быстрой серией безжалостных размытых ударов.

Каладин парировал каждый из них, а затем его копьё оказалось прижатым к рукояти Клинка Сета, и они сцепились, насадая друг на друга. До лица убийцы оставалось всего несколько дюймов.

– Все-таки это правда, – прошептал тот.

– Да.

Сет кивнул, и крайняя напряженность в его глазах, казалось, ослабла, уступив место пустоте.

– Значит, все это время я был прав. Я никогда не являлся Не Знающим Правду и мог перестать убивать в любой момент.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Каладин. – Но ты никогда не был обязан убивать.

– Мне приказывали...

– Не оправдывайся! Если ты убивал по приказу, то ты не тот злодей, за которого я тебя принимал. Ты просто трус.

Сет встретился с Каладином глазами и кивнул, а затем оттолкнул его и размахнулся.

Каладин вскинул руки, Сил превратилась в меч. Он ожидал блокирующего удара и своим маневром хотел испортить Сету атаку.

Шиноварец не стал парировать удар. Он просто закрыл глаза.

Каладин вонзил свой Клинок в грудь убийцы, прямо под шеей, перерубив позвоночник. Из глазниц Сета вырвался дымок, и Клинок выскользнул из пальцев. Но не исчез.

«Поймай его! – мысленно закричала Сил. – Хватай его, Каладин. Не потеряй!»

Каладин нырнул вниз за Клинком, отпустив труп Сета и позволив ему упасть в стену шторма. Тело растворилось среди ветра, дождя и молний, оставляя за собой слабые следы штормсвета.

Каладин схватил Клинок прямо перед тем, как его был готов поглотить шторм, *сплел* себя с верхом и устремился вдоль штормовой стены в небо. Привлеченные спрены ветра спиралями вились вокруг него и смеялись с искренней радостью. Когда он достиг верхней границы шторма, они разлетелись во все стороны и умчались прочь, чтобы снова затанцевать перед катящейся бурей.

Спрены улетели все, кроме одного. Сил в образе молодой женщины в мерцающем платье, на этот раз в натуральную величину, зависла перед Каладином. Она улыбнулась, когда под ними пронесся шторм.

– Все было сделано безупречно, – сказала она. – Возможно, теперь я останусь с тобой.

– Спасибо.

– Понимаешь, ты чуть не убил меня.

– Понимаю. Я думал, что убил.

– И?

– И... э-э... ты умна и красноречива?

– Ты забыл комплимент.

– Но я же только что сказал...

– Это была обычная констатация фактов.

– Ты чудесная, – сказал он. – Правда, Сил. Ты чудесная.

– Это тоже факт, – ухмыльнулась она. – Но я не буду придираться, если ты готов подарить мне абсолютно искреннюю улыбку.

Каладин улыбнулся.

И почувствовал себя просто отлично.



*Хаос в Алеткаре, несомненно, неизбежен. Внимательно наблюдать и не позволять упрочиться власти в королевстве. Терновник может стать как союзником, так и страшнейшим противником в зависимости от того, выберет ли он путь военачальника. Если он решит добиваться мира, убить его немедленно. Риск конкуренции слишком велик.
Диаграмма, надписи около прикроватной лампы: параграф 4 (3-е толкование Адротагии оригинального текста)*

Разрушенные равнины оказались разрушены снова. Каладин шагал с Клинком Осколков Сета на плече, проходя мимо груд камней и свежих трещин в земле. Среди огромных каменных обломков мерцали гигантские лужи, похожие на небольшие озера. Слева от него целое плато раскрошилось и обрушилось в пропасть. Неровные, зазубренные края его основания были черными и обуглившимися.

– Это случится снова? – спросил Каладин. – Другой шторм по-прежнему где-то там?

– Да, – ответила Сил, сидящая на его плече. – Новый шторм. Не мы его создали, а он.

– Шторм будет приносить такие разрушения каждый раз? – спросил Каладин, обозревая последствия катастрофы.

Из доступных взгляду плато только одно разрушилось полностью, но если шторм способен сотворить такое со скалой, что случится с городом? Особенно если ветер дует с другой стороны. Отец Штормов... Лейты перестанут быть лейтами. Здания, которые строили таким образом, чтобы защититься от штормов, окажутся ничем не прикрыты.

– Не знаю, – тихо ответила Сил. – Это что-то новое, Каладин. Не из прошлого. Я не знаю, как так вышло и что будет дальше. Остается надеяться, что все не так плохо, если только сверхшторм и Вечный Шторм не столкнутся друг с другом снова.

Каладин хмыкнул, пробираясь к краю плато. Вдохнув немного штормсвета, он сплел себя с верхом, чтобы компенсировать естественное притяжение земли, и стал невесомым, а затем легко оттолкнулся ногой и проплыл через ущелье.

– Как так получилось, что армия взяла и исчезла? – спросил он, распустив сплетение и приземлившись на скалу.

– Э-э... откуда мне знать? – ответила Сил. – Меня немного отвлекали.

Каладин снова хмыкнул. Что ж, он стоял на плато, где прежде собрались все остальные. Идеально круглое. Странно. Близлежащее плато, на котором раньше находился большой холм, теперь расколола трещина, и внутри обнаружились остатки здания. Идеально круглое плато было более плоским, хотя, похоже, в центре располагалось какое-то возвышение. Он зашагал в том направлении.

– Значит, все они спрены. Клинки Осколков.

Выражение лица Сил стало торжественным.

– Мертвые спрены, – добавил Каладин.

– Мертвые, – согласилась Сил. – Когда их призывают, они становятся немного живыми, синхронизируя свое существование с сердцебиением.

– Как кто-то может быть «немного» живым?

– Мы спрены. Мы силы. Нас нельзя убить полностью. Только... в какой-то степени.

– Очень понятно.

– Для нас это действительно понятно, – проворчала Сил. – Вы странные. Расколи камень, он останется камнем. Уничтожь спрена, он будет существовать по-прежнему. В каком-то роде. Убей человека, и что-то уйдет. Что-то изменится. Останется только плоть. Вы странные.

– Рад, что мы прояснили этот вопрос, – сказал Каладин, остановившись.

Он не видел ни одного признака алетии. Неужели им удалось спастись? Или внезапная волна шторма смыла их всех в ущелье? Казалось маловероятным, что после такой катастрофы не осталось никаких следов.

Пусть это будет неправдой. Он снял меч Сета с плеча и опустил его перед собой, уперев острием в землю. Клинок вошел в камень на пару дюймов.

– Что насчет него? – спросил Каладин, осматривая узкое серебристое оружие. Неукрашенный Клинок. Многие посчитали бы подобное необычным. – Он не вскрикивает, когда я его держу.

– Потому что это не спрен, – тихо произнесла Сил.

– А что тогда?

– Он опасен.

На его плече Сил поднялась и прошла к мечу, будто спустившись по лестнице. Принимая человеческий образ, она редко летала, предпочитая носиться по воздуху в виде ленточки света, стайки листьев или маленького облака. Прежде Каладин никогда не замечал, как странно и в то же время совершенно обычно она перенимала природу той формы, в которой находилась. Сил остановилась прямо перед мечом.

– Мне кажется, это один из Клинков Чести – мечей Герольдов.

Каладин хмыкнул. Он слышал о них.

– Любой, кто владеет этим мечом, становится Бегущим с Ветром, – объяснила Сил, оглянувшись на мостовика. – Клинки Чести – то, на чем мы основывались, Каладин. Честь одарил ими людей, и благодаря им те люди обрели силы. Спрены поняли, что Он совершил, и скопировали то, что Он сделал. В конце концов, мы – частицы Его силы, как и этот меч. Будь осторожен с ним. Это сокровище.

– Значит, убийца не был Сияющим.

– Нет. Но, Каладин, ты обязан понять. С мечом любой может обладать теми же способностями, что и ты, только без... ограничений, налагаемых спренами.

Сил дотронулась до меча и заметно вздрогнула. Ее форма на мгновение расплылась.

– Этот меч подарил убийце силу *сплетений*, но также питался его штормсветом. Человек, владеющий таким оружием, использует намного больше штормсвета, чем ты. Это опасно.

Каладин потянулся и дотронулся до рукояти меча, а Сил метнулась в сторону, превратившись в ленточку света. Он взвесил оружие в руке, снова закинул его на плечо и продолжил путь. Все верно, впереди виднелся холм, возможно, являющийся покрытым крэмом зданием. К счастью, подойдя ближе, он заметил какое-то движение.

– Эй! – позвал он.

Фигуры около холма остановились и повернулись к нему.

– Каладин? – спросил знакомый голос. – Шторма, это ты?

Каладин ухмыльнулся, когда фигуры превратились в мужчин в синей форме. Тефт бросился к нему по камням, словно сумасшедший. Остальные подоспели следом с криками и смехом. Дрехи, Пит, Бисиг, Сигзил и возвышающийся над всеми Камень.

– Еще один? – спросил Камень, разглядывая Клинок Осколков. – Или это твой?

– Не мой, – ответил Каладин. – Я забрал его у убийцы.

– Значит, он мертв? – спросил Тефт.

– Да.

– Ты уничтожил Убийцу в Белом, – выдохнул Бисиг. – Все и в самом деле закончилось.

– Подозреваю, что все только начинается, – проговорил Каладин, кивнув в сторону здания. – Что там за место?

– О! – воскликнул Бисиг. – Пошли! Нужно показать тебе башню – та Сияющая девчонка научила нас, как призвать плато обратно, как только мы найдем тебя.

– Сияющая девчонка? – переспросил Каладин. – Шаллан?

– Вижу, ты не слишком удивлен, – хмыкнул Тефт.

– У нее был Клинок Осколков, – пояснил Каладин.

И ее Клинок не кричал в его голове. Получается, либо она – одна из Сияющих, либо владела одним из тех Клинков Чести. Подойдя ближе к зданию, он заметил в тени мост.

– Не наш, – произнес Каладин.

– Неа, – подтвердил Лейтен. – Семнадцатого моста. Мы были вынуждены оставить свой во время шторма.

Камень кивнул.

– Мы были слишком заняты тем, что мешали знакомству голов светлоглазых с мечами противника. Ха! Но здесь нам требовался мост. Платформа работает таким образом, что нам пришлось покинуть плато, для того чтобы Шаллан Давар вернулась.

Каладин заглянул в зал внутри холма и замер, очарованный красотой увиденного. Остальные члены Четвертого моста ждали снаружи, включая высокого мужчину, которого Каладин не признал сразу. Один из кузенов Лоупена? Мужчина обернулся, и Каладин понял: то, что он принял за шапку, оказалось красноватыми костяными наростами.

Паршенди. Каладин напрягся, а паршенди отсалютовал. Он носил униформу Четвертого моста. И у него имелась татуировка.

– Рлаин? – произнес Каладин.

– Сэр, – ответил паршенди.

Его плавные, округлые черты стали резкими и сильными, шея – более толстой, а крепкую челюсть теперь обрамляла красно-черная борода.

– Похоже, ты представляешь из себя гораздо больше, чем казалось, – сказал Каладин.

– Прошу прощения, сэр, – ответил Рлаин, – но, полагаю, то же самое можно сказать и о вас.

Теперь, когда он говорил, в его голосе слышалась мелодичность, странный ритм в словах.

– Светлорд Далинар его помиловал, – объяснил Сигзил, обогнув Каладина и войдя в зал.

– За то, что он паршенди?

– За то, что я шпионил, – пояснил Рлаин. – Шпионил для народа, которого, по всей видимости, больше не существует.

Паршенди произнес эти слова в другом темпе, и Каладину показалось, что он чувствует боль в голосе мужчины. Подошел Камень и положил ладонь на плечо Рлаина.

– Мы расскажем тебе историю целиком, когда доберемся до города, – сказал Тефт.

– Мы решили, что ты вернешься сюда, – добавил Сигзил. – На это плато. Поэтому не могли не встретить тебя, несмотря на все ворчание ее светлости Давар. В любом случае долго рассказывать – происходит множество событий. Думаю, ты вроде как окажешься в самом их центре.

Каладин глубоко вздохнул, но кивнул. Чего еще можно было ожидать? Он больше не станет прятаться. Решение принято.

«Что я скажу им насчет Моаша?» – спросил он себя, пока члены Четвертого моста собирались в зале вокруг него, болтая о том, что необходимо зарядить сферы в фонарях.

Несколько человек оказались ранены в битве, включая Бисига, который держал правую руку в кармане плаща. Из-под обшлага рукава выглядывала серая кожа. В борьбе с Убийцей в Белом он потерял кисть. Каладин отвел Тефта в сторонку.

– Кого еще мы потеряли? Я видел Марта и Педина.

– Род, – проворчал Тефт. – Убит паршенди.

Каладин прикрыл глаза и выдохнул сквозь зубы. Род, кузен Лоупена, общительный хердазианин, который плохо говорил на алети. Каладин едва его знал, но парень все равно был членом Четвертого моста. Каладин нес за него ответственность.

– Ты не сможешь защитить нас всех, сынок, – проговорил Тефт. – У тебя не получится оградить людей от боли, не получится уберечь их от смерти.

Каладин открыл глаза, но не стал спорить с этими утверждениями. По крайней мере, не вслух.

– Кэл, – Тефт заговорил еще тише. – В самом конце, прямо перед твоим появлением... Шторма, сынок, клянусь, я видел, как некоторые парни засветились. Слабо, но это был штормсвет.

– Что?

– Я послушал записи видений светлорда Далинара, – продолжил Тефт. – Думаю, тебе следует сделать то же самое. По моим догадкам ордены Сияющих рыцарей состояли не только из самих рыцарей.

Каладин оглянулся на членов Четвертого моста и обнаружил, что улыбается. Он запрятал поглубже боль от потери, хотя бы на время.

– Интересно, – тихо произнес он, – что произойдет с социальной структурой алети, когда целая толпа бывших рабов начнет расхаживать со светящейся кожей.

– Не говоря уж о твоих глазах, – хмыкнул Тефт.
– Глазах? – переспросил Каладин.
– Разве ты не видел? Хотя, о чем это я. На равнинах нет зеркал. Твои глаза, сынок. Они светло-голубые, как прозрачная вода. Светлее, чем у любого короля.

Каладин отвернулся. Он надеялся, что его глаза не изменят цвет, и тот факт, что это все же произошло, заставлял его испытывать неудобство. Было о чем беспокоиться. Он не хотел верить, что у светлоглазых на самом деле имелись основания притеснять темноглазых.

«Нет никаких оснований», – подумал он, заряжая драгоценные камни в фонарях, как указал ему Сигзил.

Возможно, светлоглазые правят из-за глубоко похороненных воспоминаний о Сияющих. Но одно то, что они немного похожи на Сияющих, не означает, что им следует угнетать других. Штормовые светлоглазые. Он...

Теперь он был одним из них. Шторм побори!

Каладин призвал Сил в форме Клинка, следуя инструкциям Сигзила, и использовал меч как ключ, чтобы привести в действие фабриал.

Шаллан стояла перед главными воротами Уритиру, подняв голову к небу и пытаясь осознать случившееся.

Внутри огромного зала эхом перекликались голоса и мигали огоньки исследующих помещения людей. Адолин возглавил осмотр башни, пока Навани занялась лагерем, чтобы позаботиться о раненых и подсчитать запасы. К сожалению, большая часть пищи и снаряжения осталась на Разрушенных равнинах. В дополнение ко всему, путешествие с помощью Клятвенных врат оказалось не таким дешевым, как поначалу предполагала Шаллан. Каким-то образом оно осушило большинство драгоценных камней, которые имелись у мужчин и женщин на плато, включая фабриалы Навани, зажатые в руках инженеров и ученых.

Они провели несколько тестов. Чем больше людей перемещалось, тем больше требовалось света. Судя по всему, сам штормсвет, а не только содержащие его драгоценные камни, станет ценным ресурсом. Уже теперь им пришлось рационально распределить драгоценные камни по фонарям, чтобы осмотреть здание.

Мимо прошли несколько писцов с бумагой в руках. Они собирались нарисовать схемы исследованных Адолином помещений. Писцы отвесили Шаллан быстрые неуклюжие поклоны и назвали «ее светлостью Сияющей». Она до сих пор не поговорила с Адолином насчет всего, что произошло.

– Это правда? – спросила Шаллан, сильно запрокинув голову и разглядывая огромную башню, устремленную высоко в небо. – Я одна из них?

– М-м-м... – прогудел Узор с ее юбки. – Почти. Нужно произнести еще несколько слов.

– Каких слов? Клятву?

– Ткущие Светом не приносят дополнительных клятв, помимо первой, – пояснил Узор. – Тебе нужно произнести правду.

Шаллан еще какое-то время разглядывала высоты башни, а затем развернулась и пошла обратно к их импровизированному лагерю. В здешних краях не было Плача. Она не знала точно, произошло ли это потому, что они находились выше дождевых облаков, или погодные закономерности попросту изменились из-за появления странных сверхштормов.

В лагере все расселись на камнях, разделенные по рангу, дрожащие, в мокрых мундирах. Хотя Шаллан и вдохнула немного штормсвета, чтобы не чувствовать холод, ее дыхание вырывалось наружу маленьким облачком. К

сожалению, здесь было трудно отыскать топливо для костра. На каменной площадке перед городской башней практически не росли камнепочки, а те, что все же виднелись на поверхности, оказались крошечными, меньше кулака, и не годились для костра.

Площадку окружили десять плато, напоминающих колонны, со ступенями, которые вели от оснований наверх. Клятвенные врата. Вокруг расстиралась горная местность.

Крэм покрывал некоторые ступени и скопился по краям открытой площадки, но его оказалось гораздо меньше, чем на Разрушенных равнинах. Должно быть, дождь шел здесь намного реже.

Шаллан приблизилась к краю каменного поля. Отвесный обрыв. Если Нохадон действительно добрался в этот город пешком, как утверждалось в «Пути королей», ему пришлось взбираться по горным обрывам. Пока что они не обнаружили путь вниз, не считая Клятвенных врат, и даже если он существовал, они бы все равно остались посреди гор, в неделях пути до ближайших цивилизованных мест. Судя по высоте солнца над горизонтом, ученые определили, что они находились где-то в центральном Рошаре, в горах недалеко от Ту Байлы или, возможно, Эмула.

Труднодоступное местоположение упрощало оборону города, во всяком случае, так сказал Далинар. По той же причине они чувствовали себя изолированными, отрезанными от мира. И это, в свою очередь, объясняло, почему все смотрели на Шаллан такими глазами. Они испробовали другие Клинки Осколков, но ни один из них не смог заставить работать древний фабриал. Шаллан в буквальном смысле была их единственным способом выбраться из этих гор.

Один из стоящих неподалеку солдат откашлялся:

– Вы уверены, что вам стоит находиться так близко к краю, ваша светлость Сияющая?

Шаллан посмотрела на него с шутливым выражением:

– Я смогу пережить падение и зашагать дальше по своим делам, солдат.

– Э-э, да, конечно, ваша светлость, – ответил он, покраснев.

Шаллан отошла от края и отправилась на поиски Далинара. Ее преследовали взгляды солдат, писцов, светлоглазых и светлордов. Что ж, пусть посмотрят на Шаллан Сияющую. Она всегда сможет почувствовать себя свободной, примерив другой образ.

Далинар и Навани руководили группой женщин неподалеку от центра армии.

– Есть успехи? – спросила Шаллан, приблизившись.

Далинар бросил на нее взгляд. Писцы строчили письма, используя каждое имеющееся в наличии самоперо, чтобы передать предупредительное сообщение в военные лагеря и центр в Ташикке: «Может прийти новый шторм, дующий с запада, а не с востока. Будьте готовы».

Сегодня, после того, как Вечный Шторм покинул Разрушенные равнины, удар придется по Новому Натанану, расположенному на самой восточной окраине Рошара. Затем он пересечет восточный океан и направится к Источнику.

Никто из них не знал, что случится в дальнейшем. Обогнет ли этот шторм мир и обрушится на западное побережье? Были ли на самом деле свержшторма одним штормом, который огибал планету, или каждый раз в Источнике формировалась новая буря, как утверждали мифы?

В последнее время ученые и штормстражи склонялись к первому варианту. Согласно их вычислениям, если Вечный Шторм двигался с той же скоростью, что и свержшторм в это время года, то до момента, пока он достигнет Шиновара и

Ири, оставалось еще несколько дней. Затем шторм покатится дальше по континенту, опустошая города, считавшиеся защищенными.

– Никаких новостей, – ответил Далинар напряженным голосом. – Король, судя по всему, исчез. Более того, Холинар, видимо, объят мятежами. Я так и не получил прямые ответы ни на один вопрос.

– Я уверена, что король в каком-то безопасном месте, – сказала Шаллан, взглянув на Навани.

Та сохраняла невозмутимое выражение лица, но ее инструкции писцу были краткими и резкими.

Одно из похожих на колонну плато засверкало. По его периметру вспыхнула стена из света, оставив размытый, медленно исчезающий послеобраз. Кто-то активировал Клятвенные врата.

Далинар подошел ближе к Шаллан, и они стали напряженно ждать. Несколько фигур в синем появились на краю плато и стали спускаться по ступеням. Четвертый мост.

– О, хвала Всемогущему, – прошептала Шаллан. Это был мостовик, а не убийца.

Одна из фигур указала туда, где стоял Далинар и остальные. Спрыгнув со ступеней, Каладин отделился от мужчин и поплыл над армией. Широко шагнув, он приземлился на камни – Клинок Осколков на плече, длинный офицерский мундир расстегнут и доходит до колен.

«У него на лбу по-прежнему клеймо раба», – подумала Шаллан, хотя длинные волосы прикрывали отметины. Его глаза стали светло-голубыми и мягко сияли.

– Благословенный Штормом, – позвал Далинар.

– Кронпринц.

– Убийца?

– Мертв, – проговорил Каладин, взвесив в руке меч, и воткнул его в камень перед Далинаром. – Нам нужно поговорить. Я...

– Мой сын, мостовик, – перебила стоящая сзади Навани.

Она вышла вперед и взяла Каладина за руку, будто совершенно не замечая штормсвета, истекающего из его кожи как дым.

– Что случилось с моим сыном?

– Состоялась попытка покушения, – ответил Каладин. – Я ее предотвратил, но король был ранен. Перед тем как отправиться на помощь Далинару, я отослал его в безопасное место.

– Куда? – потребовала ответа Навани. – Наши люди в военных лагерях обыскали монастыри, особняки, казармы...

– Эти места слишком очевидны. Если вы подумали о том, чтобы поискать его там, то же самое могли сделать убийцы. Мне требовалось место, которое никому бы не пришло в голову.

– Так куда? – спросил Далинар.

Каладин улыбнулся.

Лоупен сложил пальцы в кулак, зажав внутри сферу. В соседней комнате его мать брюзжала на короля.

– Нет-нет, ваше величество, – ворчала она с сильным акцентом, используя тот же тон, каким разговаривала с громгончими. – Вы заворачиваете все целиком и едите. Нельзя выбирать кусочки.

– Я не настолько голоден, бабушка, – ответил Элокар. Его голос казался слабым, но он очнулся от своего пьяного ступора, что уже само по себе было хорошим знаком.

– Вам придется съесть все в любом случае! – отрезала мать. – Я знаю, что делать, когда вижу такого бледного парня, и уж простите, ваше величество, но вы бледны, как дерьмо, которое оставили сушиться под солнцем до полного выгорания! Вот и вся правда. Вам придется поесть. И никаких жалоб.

– Я король. Я не подчиняюсь...

– Сейчас вы в моем доме! – перебила она, и Лоупен одними губами повторил ее слова. – В доме хердазианской женщины, а здесь распоряжается только она. Если за вами кто-то заявится сюда, он не сможет сказать, что вас плохо кормили! Я не позволю, чтобы об этом начали болтать, ваше ярчайшество, даже не думайте! Ешьте. У меня еще суп варится.

Лоупен улыбнулся и, несмотря на донесшееся ворчание короля, услышал стук ложки по тарелке. Двое самых сильных кузенов Лоупена сидели перед навесом в Маленьком Хердазе, который формально находился в лагере Себариала, но по сути хердазиане обращали на этот факт мало внимания. Еще четверо кузенов разместились в конце улицы, расслабленно подшивая обувь и поглядывая по сторонам за всем подозрительным.

– Итак, – прошептал Лоупен, – теперь нужно постараться.

Он сосредоточился на сфере в кулаке. Так же, как проделывал это каждый день с тех самых пор, как капитан Каладин начал светиться. Рано или поздно у него получится. Он был уверен в этом так же, как в своем имени.

– Лоупен. – В одном из окон показалось скуластое лицо, отвлекая его. Чилинко, дядя. – Переодень королевского парня снова как хердазианина. Возможно, нам нужно будет уехать.

– Уехать? – переспросил Лоупен, вставая.

– По всем лагерям распространили сообщение от Себариала, – пояснил Чилинко на хердазианском. – Они там что-то нашли, на Разрушенных равнинах. Приготовься. На всякий случай. Все только об этом и болтают. Не знаю, чем дело кончится. – Он покачал головой. – Сначала сверхшторм, о котором никто не знал, затем дожди прекратились слишком рано, потом штормовой королевский парень из Алеткара на моем пороге. Теперь еще и это. Думаю, возможно, нам придется покинуть лагерь, хотя ночь уже не за горами. Мне нет дела до королевского парня, но нужно о нем позаботиться.

Лоупен кивнул.

– Я займусь им. Дай мне минутку.

Чилинко исчез. Лоупен раскрыл ладонь и уставился на сферу. Он не хотел пропустить ни дня упражнений со сферой, просто на всякий случай. В конце концов, рано или поздно, он посмотрит на какую-нибудь сферу и...

Лоупен втянул свет.

Все произошло за долю мгновения, и вот он сидит, а его кожа испускает штормсвет.

– Есть! – закричал он, подскочив на ноги. – Есть! Эй, Чилинко, вернись. Мне нужно приклеить тебя к стене!

Свет замигал и потух. Лоупен замер, нахмурившись, и поднес руку ближе. Так быстро закончился? Что произошло? Он помедлил. Это покалывание...

Плечо зудело. То самое место, где когда-то была его рука. Пальцами Лоупен нащупал новый бугорок плоти, выросший из шрама.

– О шторма, да! Эй, народ, дайте-ка Лоупену ваши сферы! Нужно пустить их сияние в дело.

Моаш сидел в задней части громыхающей повозки, которая катилась по извилистой дороге прочь от военных лагерей. Он мог ехать спереди, но не хотел далеко отходить от своей брони, которую упаковали в тюки и сложили сзади.

Спрятали. Возможно, Клинок и Доспехи принадлежали ему формально, но он не питал никаких иллюзий относительно того, как поступит элита алеты, заметь они, что он пытается сбежать с Осколками.

Повозка достигла вершины холма, находившегося сразу за лагерями, и Моаш увидел огромные потоки людей, змеившиеся к Разрушенным равнинам. Приказы кронпринца Далинара были однозначны, хоть и сбивали с толку. Требовалось покинуть военные лагеря, оставить всех паршменов и направиться к центру Разрушенных равнин.

Некоторые кронпринцы подчинились. Остальные нет. Любопытно, но Садеас был одним из тех, кто последовал приказам, и его военный лагерь опустел почти так же быстро, как лагеря Себариаала, Ройона и Аладара. Судя по всему, уходили все, даже дети.

Повозка Моаша остановилась. Через несколько мгновений к нему подошел Грейвс.

– Нам можно не волноваться о том, чтобы прятаться, – пробормотал он, поглядывая на массовый исход. – Они слишком заняты, им не до нас. Посмотри туда.

Несколько групп торговцев собрались за пределами лагеря Далинара. Они делали вид, что пакуют вещи для отъезда, но процесс совсем не продвигался.

– Падальщики, – сказал Грейвс. – Отправятся в покинутые лагеря пограбить. Штормовые идиоты. Они заслуживают того, что надвигается.

– А что надвигается? – спросил Моаш.

Он чувствовал себя так, будто его бросили в бушующую реку, которая вышла из берегов во время свёрхшторма. Он плыл по течению, но едва мог держать голову над водой.

Он пытался убить Каладина. Каладина. Вся его жизнь рассыпалась на части. Король выжил, Каладин вернул себе свои способности, а Моаш... Моаш оказался предателем. Дважды.

– Вечный Шторм, – проговорил Грейвс.

Теперь, одетый в пестрые рабочие брюки и рубашку, какие носили бедные темноглазые, он выглядел совсем не таким благородным, как раньше. С помощью каких-то странных капель Грейвс изменил цвет глаз – они потемнели – и приказал Моашу сделать то же самое.

– И это?.. – вопросительно проговорил Моаш.

– В Диаграмме нет ясности. Мы узнали этот термин только благодаря старым видениям Гавилара. Тем не менее в Диаграмме говорится, что, возможно, он вернет Несущих Пустоту. Похоже, ими оказались паршмены. – Грейвс покачал головой. – Бездна. Та женщина оказалась права.

– Женщина?

– Джасна Холин.

Моаш не понимал ничего из того, что происходило. Высказывания Грейвса казались бессвязным набором слов. Паршмены, Несущие Пустоту? Джасна Холин? Сестра короля. Разве она не погибла в море? Что о ней известно Грейвсу?

– Кто ты на самом деле? – спросил он.

– Патриот, – ответил Грейвс. – Как я и говорил тебе. Нам дозволено преследовать свои собственные интересы и цели, пока нас не призовут. – Он снова покачал головой. – Я думал, что мое толкование верно и что, если мы устраним Элокара, Далинар станет нашим союзником в будущем... Что ж, выходит, я ошибся. Или действовал слишком медленно.

Моаша замутило.

Грейвс сжал его руку.

– Выше нос, Моаш. Моя миссия не станет полным провалом, если я приведу обратно с собой Носителя Осколков. Кроме того, ты сможешь рассказать нам об

этом новоявленном Сияющем. Я ознакомлю тебя с Диаграммой. Нас ждет важная работа.

– И в чем она заключается?

– В спасении целого мира, мой друг. – Грейвс похлопал Моаша по плечу и отошел к передней части повозки, где ехали все остальные.

Спасение целого мира.

«Меня использовали как одного из десяти дураков, – подумал Моаш, повесив голову. – А я даже не знаю, каким образом».

Повозка покатила дальше.



1173090605 1173090801 1173090901 1173091001
1173091004 1173100105 1173100205 1173100401
1173100603 1173100804

Диаграмма, код северной стены, участок подоконника: параграф 2 (По всей видимости, это последовательность дат, но к чему они относятся, до сих пор не выяснено)

Вскоре они начали перемещаться в башню.

Им больше ничего не оставалось, хотя Адолин еще далеко не закончил свои исследования. Надвигалась ночь, и температура снаружи падала. Кроме того, сверхшторм, ударивший по Разрушенным равнинам, на данный момент яростно шествовал по земле и в конце концов обрушится на эти горы. Ему требовалось чуть больше дня, чтобы пересечь весь континент, а они, вероятно, находились в районе его центра, поэтому шторм приближался.

«Незапланированный сверхшторм, – подумала Шаллан, шагая по темным коридорам со своими охранниками. – И что-то еще надвигается с другой стороны».

Она могла с уверенностью сказать, что эта башня – все ее содержимое, каждый коридор – была величественным чудом. Ей не хотелось рисовать ничего из увиденного, и это говорило о том, насколько она устала. Ее единственным желанием было выспаться.

Сферы осветили что-то странное на стене впереди. Шаллан нахмурилась, стряхивая усталость, и подошла ближе. Маленький сложенный кусочек бумаги,

похожий на карточку. Она оглянулась на охранников, но те тоже выглядели сбитыми с толку.

Девушка сняла карточку со стены; с обратной стороны та была приклеена воском долгоносиков. На ней оказался треугольный символ Кровьпризраков. А под ним имя Шаллан. Не Вейль.

Шаллан.

Паника. Настороженность. Она мгновенно втянула штормсвет из фонаря, погрузив коридор во тьму. Однако из ближайшего дверного проема сиял свет.

Шаллан пристально всмотрелась в него. Газ двинулся на разведку, но она остановила его жестом.

Бежать или сражаться?

«Куда бежать?» – подумала Шаллан и нерешительно шагнула к дверному проему, сделав знак охранникам держаться за ее спиной.

В комнате стоял Мрэйз и смотрел в большое незастекленное окно, которое выходило на другую секцию внутренней части башни. Он повернулся к Шаллан, перекошенный и покрытый шрамами, но в изысканной одежде знатного человека.

Вот так. Ее вычислили.

«Я больше не ребенок, который прячется, когда кричат, – твердо сказала себе Шаллан, входя в помещение. – Если я побегу от этого человека, он увидит во мне дичь, которую можно загнать».

Она подошла прямо к нему, готовая призвать Узора. Спрен не был похож на другие Клинки Осколков; теперь она это признала. Он мог появиться быстрее, чем за требуемые десять ударов сердца.

Он поступал так раньше. Шаллан не желала признавать, что он способен на такое. Подобное признание означало бы слишком многое.

«До каких пор придуманная ложь, – спросила она себя, – будет удерживать меня от вещей, с которыми я могла бы покончить?»

Но эта ложь была ей нужна. Необходима.

– Ты вывела меня на большую охоту, Вейль, – сказал Мрэйз. – Если бы твои способности не проявились в ходе спасения армии, возможно, я никогда бы не обнаружил твою фальшивую личность.

– Вейль фальшивая личность, Мрэйз, – ответила Шаллан. – А я – это я.

Он осмотрел ее.

– Я так не думаю.

Она твердо встретила его пристальный взгляд, но внутренне содрогнулась.

– Ты в любопытном положении, – произнес Мрэйз. – Скроешь ли ты истинную природу своих способностей? Я смог догадаться, в чем дело, но другие не так хорошо осведомлены. Возможно, они видят только Клинок и не спрашивают, что еще ты можешь делать.

– Я не понимаю, как это касается вас.

– Ты одна из нас, – сказал Мрэйз. – Мы присматриваем за своими.

Шаллан нахмурилась.

– Но ты разглядел мою ложь.

– Ты говоришь, что не хочешь быть одной из Кровьпризраков? – Его тон не был угрожающим, но глаза... Шторма, его глаза могли просверлить камень. – Мы не приглашаем к себе первого встречного.

– Вы убили Джасну, – прошипела Шаллан.

– Да. После того, как она, в свою очередь, убила нескольких наших. Ты же не думаешь, что ее руки не запятнаны кровью, а, Вейль?

Девушка отвернулась, разрывая зрительный контакт.

– Мне следовало догадаться, что ты окажешься Шаллан Давар, – продолжил Мрэйз. – Я чувствую себя дураком из-за того, что не понял этого раньше. Твоя семья имеет длинную историю участия в текущих событиях.

– Я не стану помогать тебе, – сказала Шаллан.

– Любопытно. Тебе следует знать, что твои братья у меня.

Она пристально посмотрела на него.

– Твоего дома больше нет, – добавил Мрэйз. – Земли твоей семьи захвачены проходившей мимо армией. Я вызволил твоих братьев из хаоса нескончаемой войны и доставил их сюда. Однако твоя семья мне должна. Один преобразователь. Сломанный.

Он встретился с ней глазами.

– Как удачно, что ты, по моему мнению, он и есть, маленький нож.

Шаллан призвала Узора.

– Я убью тебя прежде, чем позволю использовать их для шантажа...

– Никакого шантажа. Они придут целыми и невредимыми. Подарок тебе. Можешь подождать и убедиться в моих словах. Я упомянул о долге только затем, чтобы появился шанс выяснить... чтобы напомнить тебе.

Шаллан нахмурилась в нерешительности, не опуская Клинок Осколков.

– Почему? – наконец спросила она.

– Потому что ты не владеешь информацией. – Мрэйз шагнул ближе и навис над ней всем своим ростом. – Ты не знаешь, кто мы. Ты не знаешь, чего мы пытаемся достичь. Ты вообще многого не знаешь, Вейль. Почему твой отец присоединился к нам? Почему твой брат разыскивал Разящих с Небес? Видишь ли, мне пришлось предпринять небольшое расследование. У меня есть ответы для тебя.

Неожиданно он отвернулся и пошел к дверному проему.

– Я дам тебе время подумать. Видимо, ты считаешь, что твое новообретенное место среди Сияющих делает тебя непригодной для того, чтобы оставаться членом нашей организации, но я считаю иначе, как и мой бабск. Пусть Шаллан Давар станет Сияющей, благородной и следующей традициям. А Вейль пусть придет к нам.

Он остановился у выхода.

– И пусть она найдет правду.

Мрэйз исчез в коридоре. Шаллан обнаружила, что чувствует себя еще более измотанной, чем раньше. Она отпустила Узора и прислонилась к стене. Конечно, Мрэйз должен был найти способ добраться сюда. Судя по всему, он состоял в одной из армий. Попасть в Уритиру – одна из первоочередных целей Кровьпризраков. Несмотря на твердое решение не помогать им, она переместила их вместе с армией прямо туда, куда они так стремились.

Ее братья? На самом ли деле они в безопасности? А что насчет слуг ее семьи, невесты брата?

Вздохнув, Шаллан вышла из комнаты и подозвала охранников.

«Пусть она найдет правду».

Что, если она не хочет находить правду? Узор тихо загудел.

Шаллан прошла через первый этаж башни, используя для освещения только собственное сияние, и обнаружила Адолина в коридоре рядом с комнатой, в которой, по его словам, он должен был находиться. Его запястья были перевязаны, а синяки на лице начали приобретать фиолетовый оттенок. Они слегка сгладили его пьянящую красоту, однако теперешний потрепанный вид принца, говоривший «сегодня я избил уйму народа», тоже обладал определенным очарованием.

– Ты выглядишь измученной, – заметил он, целуя ее в щеку.

– А ты выглядишь так, будто кто-то прошелся палками по твоему лицу, – ответила Шаллан, улыбаясь. – Тебе тоже нужно поспать.

– Посплю, – пообещал Адолин и прикоснулся к ее лицу. – Скоро. Знаешь, ты потрясающая. Ты спасла все и всех.

– Не нужно обращаться со мной так, будто я стеклянная, Адолин.

– Ты Сияющая. Я имею в виду...

Принц пробежался рукой по своим вечно всклокоченным волосам.

– Шаллан. Ты что-то большее, чем даже светлоглазая.

– Это был намек на обхват моей талии?

– Что? Нет. Я имею в виду... – Он покраснел.

– Я не допущу, чтобы между нами появилась неловкость, Адолин.

– Но...

Шаллан сжала Адолина в объятиях и слилась с ним в глубоком и страстном поцелуе. Принц попытался что-то пробормотать, но она продолжала целовать его, прижимаясь своими губами к его губам и позволяя ему почувствовать ее страсть. Адолин растворился в поцелуе, схватил ее за талию и крепче прижал к себе.

Спустя мгновение он отпрянул назад.

– Шторма, это больно!

– О! – Шаллан прижала руку ко рту, вспомнив про синяки на его лице. – Извини.

Он ухмыльнулся, но затем опять поморщился. Похоже, улыбки тоже причиняли боль.

– Оно стоило того. Во всяком случае, я обещаю избавиться от неловкости, если ты перестанешь быть такой неотразимой. По крайней мере, пока не исцелюсь. Идет?

– Идет.

Он посмотрел на ее охранников.

– Никто не должен беспокоить леди Сияющую, понятно?

Они закивали.

– Спокойной ночи, – сказал Адолин, толкнув дверь в комнату.

Несмотря на длительное запустение, во многих комнатах все еще имелись деревянные двери.

– Будем надеяться, комната подходящая. Ее выбрал твой спрен.

Ее спрен? Шаллан нахмурилась и шагнула внутрь. Адолин закрыл дверь.

Она изучила каменное помещение без окон. Почему Узор выбрал для нее это определенное место? Комната не казалась особенной. Адолин оставил для нее фонарь со штормсветом, что было в последние дни расточительством, учитывая то, как мало у них осталось заряженных драгоценных камней. Фонарь освещал маленькую квадратную комнату с каменной скамьей в углу. На ней лежало несколько одеял. Где Адолин нашел одеяла?

Шаллан посмотрела на стену. На каменной поверхности виднелся выцветший квадрат, как будто там когда-то висела картина. Действительно, все выглядело странно знакомым. Не то чтобы она бывала здесь раньше, но место, где на стене располагался квадрат...

Он был точно там, где висела картина на стене у ее отца дома в Джа Кеведе.

Сознание Шаллан начало затуманиваться.

– М-м-м... – прогудел Узор с пола рядом с нею. – Пора.

– Нет.

– Пора, – повторил он. – Тебя окружили Кровьпризраки. Людям нужен Сияющий.

– У них есть один. Мостовичок.

– Этого недостаточно. Им нужна ты.

Шаллан сморгнула слезы. Против ее желания комната начала меняться. Появился белый ковер. Картина на стене. Мебель. Стены, выкрашенные в голубой цвет.

Два трупа.

Шаллан перешагнула через один из них, хотя это была только иллюзия, и подошла к стене. Появилась картина – часть иллюзии, обрамленная белым свечением. За ней было что-то спрятано. Она отодвинула картину, вернее, попыталась это сделать. Ее пальцы только размыли иллюзию.

Картины не существовало. Просто воссозданные воспоминания, которые она хотела забыть.

– М-м-м... Лги лучше, Шаллан.

Она снова сморгнула слезы. Подняв пальцы, девушка еще раз надавила на стену и на этот раз смогла ощутить картинную раму. Рама не была реальной. На мгновение Шаллан притворилась, что это не так, и позволила образу захватить себя.

– Я не могу просто продолжать притворяться?

– Нет.

Она находилась там, в комнате отца. Дрожа всем телом, Шаллан отодвинула картину. На стене за ней обнаружился сейф. Она подняла ключ и помедлила.

– Внутри душа матери.

– М-м-м... Нет. Не ее душа. Там то, что забрало ее душу.

Шаллан отперла сейф и вытащила наружу его содержимое. Маленький Клинок Осколков. В спешке засунутый в сейф, рукояткой к ней, острие прокололо заднюю стенку.

– Это был ты, – прошептала она.

– М-м-м... Да.

– Отец забрал тебя у меня и попытался спрятать там. Разумеется, без толку. Ты исчез, как только он закрыл сейф. Растворился в тумане. Отец не мыслил ясно. Как и никто из нас.

Шаллан повернулась.

Красный ковер. Который был белым. На полу лежал друг ее матери с кровоточащей рукой, хотя не эта рана его убила. Шаллан подошла к другому трупу в прекрасном сине-золотом платье, лежащему лицом вниз. Рыжие волосы узором рассыпались вокруг головы.

Девушка встала на колени и перевернула тело матери, оказавшись лицом к лицу с черепом с выжженными глазами.

– Почему она пыталась убить меня, Узор?

– М-м-м...

– Все началось, когда она обнаружила, на что я способна.

Теперь Шаллан вспомнила. Приезд матери с другом, которого девочка не узнала, столкновение с отцом. Крики матери, спорящей с отцом.

Мать называет Шаллан «одной из них».

Отец врывается внутрь. Друг матери с ножом, их борьба, друг получает порез. Кровь заливает ковер. Друг выигрывает борьбу и наконец придавливает отца к полу. Мать берет нож и идет за Шаллан.

И тогда...

И тогда в руках девочки появляется меч.

– Отец позволил всем думать, что ее убил он, – прошептала Шаллан. – Что он убил свою жену и ее любовника в ярости, тогда как на самом деле их убила я. Он лгал, чтобы защитить меня.

– Я знаю.

– Этот секрет его уничтожил. Он уничтожил всю нашу семью.

– Я знаю.

– Я ненавижу тебя, – прошептала Шаллан, уставившись в мертвые глаза матери.

– Я знаю, – тихо прожужжал Узор. – В конечном итоге ты убьешь меня и отомстишь.

– Я не хочу мести. Я хочу мою семью.

Шаллан обхватила себя руками и спрятала в них лицо, зарыдав, а иллюзия растворилась белым дымом и исчезла, оставив ее одну в пустой комнате.

«Я могу сделать только один вывод, – торопливо писал Амарам, небрежно выводя глифы чернилами. – Мы добились успеха, Рестарес. Сообщения из армии Далинара указывают на то, что Несущие Пустоту были не только замечены, но им дали бой. Красные глаза, древняя мощь. По-видимому, они призвали в этот мир новый шторм».

Амарам оторвался от блокнота и выглянул в окно. Экипаж грохотал по дороге в военном лагере Далинара. Все его солдаты находились далеко, а оставшиеся охранники ушли наблюдать за массовым исходом. Даже со своей репутацией Амарам смог с легкостью проникнуть в лагерь.

Он вернулся к письму.

«Я не торжествую по поводу этого успеха, – написал он. – Будут потеряны жизни. Как Сыны Чести мы всегда несли наше бремя. Чтобы вернуть Герольдов, вернуть господство церкви, мы должны вызвать мировой кризис. Этот кризис уже наступил, ужасный кризис. Герольды вернуться. Разве могут они поступить иначе при тех проблемах, с которыми мы столкнулись? Но многие умрут. Очень многие. Налан передал, что потери стоят того. Как бы там ни было, скоро у меня появится дополнительная информация. Надеюсь, что в следующий раз я буду писать тебе уже из Уритиру».

Экипаж остановился, и Амарам открыл дверцу. Он протянул письмо кучеру, Паме. Она взяла его и начала рыться в своей сумке в поисках самопера, чтобы отправить сообщение Рестаресу. Амарам мог сделать это самостоятельно, но во время движения невозможно пользоваться самопером.

После отсылки сообщения она уничтожит бумаги. Амарам бросил взгляд на сундуки в задней части экипажа. В них содержался драгоценный груз, включающий все его карты и заметки с теориями. Должен ли он был оставить их со своими солдатами? Появление в лагере Далинара отряда из пятидесяти человек, несомненно, могло привлечь внимание даже при царящем здесь хаосе, поэтому Амарам приказал им встретиться с ним на равнинах.

Ему нужно продолжать двигаться. Он вышел из экипажа, накинув капюшон плаща. Во дворе храмового комплекса Далинара царила еще большая суматоха, чем в остальной части военного лагеря, поскольку в это напряженное время многие обращались к ардентам. Амарам прошел мимо матери, умоляющей одного из них сжечь молитву за ее мужа, сражающегося в армии Далинара. Ардент твердил ей, что она должна собрать свои вещи и присоединиться к караванам, направляющимся через равнины.

Это происходило. Это на самом деле происходило. Сыны Чести наконец-то достигли своей цели. Гавилар бы гордился. Амарам ускорил шаг, отвернувшись, когда другой ардент поспешила к нему, спрашивая, не нужна ли ему помощь. Однако, прежде чем она смогла заглянуть под капюшон и узнать его, ее внимание отвлекла пара напуганных юнцов. Они жаловались на то, что их отец слишком стар для путешествия, и умоляли ардентов помочь им нести его каким-нибудь образом.

Амарам подошел к углу монастырского здания, где держали душевнобольных, и обогнул заднюю стену, скрытую от обзора, на самом краю

военного лагеря. Он огляделся, затем призвал Клинок. Несколько быстрых разрезов...

Что это было?

Он развернулся, уверенный, что кто-то приближается. Но никого не было. Тени сыграли с ним шутку. Он разрезал стену в нескольких местах и осторожно расчистил проделанное отверстие. Великий Таленелат'Элин, Герольд войны собственной персоной, сидел в темном помещении в той же позе, что и раньше, примостившись на краю кровати, подавшись вперед, с опущенной головой.

– Разве им обязательно держать вас в такой темноте? – спросил Амарам, отпуская Клинок. – Это не подходит даже самым непритязательным людям, а уж тем более вам. Я поговорю с Далинаром о том, как содержат помешанных...

Нет, не поговорит. Далинар считает его убийцей. Амарам испустил долгий глубокий вздох. За возвращение Герольдов необходимо заплатить цену, но, во имя самого Джезерезе, утрата дружбы Далинара – воистину суровая плата. Лучше бы милосердие не остановило его руку месяцы назад, когда он мог убить того копейщика.

Амарам поспешил к Герольду.

– Великий принц, – прошептал он. – Нам нужно идти.

Таленелат не двигался. Хотя снова что-то шептал. То же, что и раньше. Амарам не мог не вспомнить о своем последнем посещении этого места в компании человека, который все время разыгрывал его как одного из десяти дураков. Кто знал, что Далинар с возрастом станет таким хитрым? Время изменило их обоих.

– Пожалуйста, великий принц, – повторил Амарам, с трудом поднимая Герольда на ноги.

Мужчина был крупным, таким же высоким, как сам Амарам, но с телосложением скалы. Темно-коричневая кожа стала сюрпризом, когда он увидел его впервые. Амарам проявил глупость, ожидая, что Герольды должны выглядеть как алети.

Темные глаза Герольда, конечно, были своего рода маскировкой.

– Опустошение... – прошептал Таленелат.

– Да. Оно надвигается. И с ним вы вернетесь к славе. – Амарам повел Герольда к выходу. – Мы должны отправить вас в...

Герольд выбросил перед собой руку.

Амарам вздрогнул, замерев на месте, когда увидел в его пальцах небольшой дротик, с кончика которого капала прозрачная жидкость.

Кронлорд взглянул в сторону отверстия, через которое в комнату лился солнечный свет. Маленькая фигура, у губ которой виднелась духовая трубка, издала шипящий звук. Верхнюю часть ее лица закрывала полумаска.

Не успел Амарам моргнуть глазом, как другая рука Герольда выстрелила вперед и выхватила дротик в полете в считанных дюймах от лица кронлорда. Кровьпризраки. Они пытались убить не Герольда.

Они пытались убить Амарам.

Закричав, он отвел руку в сторону и призвал Клинок. Слишком медленно. Фигура перевела взгляд с него на Герольда и, тихо выругавшись, скрылась из вида. Амарам бросился следом, перепрыгнув через обломки стены, и выскочил на свет, но фигура двигалась слишком быстро.

С бешено колотящимся сердцем он посмотрел назад на Таленелата, беспокоясь о безопасности Герольда. Амарам вздрогнул, обнаружив того выпрямившимся во весь рост, с поднятой головой. Темно-карие глаза, поразительно ясные, отражали свет из отверстия в стене. Таленелат поднял один дротик перед собой и стал его рассматривать.

Затем он уронил оба дротика и сел обратно на кровать. Снова послышалась странная, неизменная мантра. Амарам ощутил, как по его позвоночнику распространяется холод, но, вернувшись к Герольду, не дождался от него ответной реакции.

С трудом он снова заставил Герольда подняться и проводил в экипаж.

Сет открыл глаза.

И немедленно зажмурился снова.

– Нет. Я умер. Я умер!

Он чувствовал под собой скалу. Богохульство. Он слышал, как капает вода, и ощущал лучи солнца на лице.

– Почему я не мертв? – прошептал он. – Меня пронзил Клинок Осколков. Я упал. Почему я не умер?

– Ты действительно умер.

Сет снова открыл глаза. Он лежал на пустынной каменной равнине, его одежда промокла и оказалась в полном беспорядке. Замерзшие земли? Ему было холодно, несмотря на жар солнца.

Перед ним стоял человек, одетый в жесткий черно-серебряный мундир. У него была темно-коричневая кожа, как у уроженца Макабаки, однако на правой щеке виднелась бледная отметина в форме маленького загнутого полумесяца. Мужчина держал одну руку за спиной, а другой засовывал что-то обратно в карман. Какой-то фабриал? Предмет ярко светился.

– Я тебя знаю, – понял Сет. – Видел тебя где-то раньше.

– Да, видел.

Сет попытался подняться. Он смог встать на колени, но затем опустился обратно.

– Как? – спросил он.

– Я подожду, пока ты упадешь на землю, – сказал человек, – пока ты окажешься сломан и искалечен. Твою душу пронзили насквозь, ты должен был наверняка умереть. Затем я возродил тебя.

– Невозможно.

– Возможно, если успеть до смерти мозга. Так же, как утопленника можно вернуть к жизни, оказав первую помощь, так и тебя можно было возродить с помощью определенного фабриала. Если бы я прождал еще несколько секунд, то, конечно же, стало бы слишком поздно.

Он произносил слова спокойно, без эмоций.

– Кто ты? – спросил Сет.

– Ты так долго повиновался заповедям своих народа и религии, что уже не узнаешь одного из ваших богов?

– Мои боги – это души камней, – прошептал Сет. – Солнце и звезды. Не люди.

– Вздор. Твой народ почитает спренов камней, но вы им не поклоняетесь.

Этот полумесяц... Он узнал его, не так ли?

– Ты, Сет, – проговорил мужчина, – поклоняешься порядку, разве я не прав? Ты неукоснительно следуешь законам своего общества. Вот что привлекло меня, хотя я беспокоюсь, что эта особенность исказила твою способность видеть отличия. Твою способность... судить.

Судить.

– Нин, – прошептал Сет. – Тот, кого называют Налан или Нэйл, передо мной. Герольд справедливости.

Нин кивнул.

– Почему ты спас меня? Разве я недостаточно мучился?

– Не говори глупостей. Такие слова не подобают тому, кто станет моим учеником.

– Я не хочу учиться, – ответил Сет, свернувшись на камне. – Я хочу умереть.

– И все? Это по-настоящему то, чего ты хочешь больше всего? Я помогу тебе, если таково твое истинное желание.

Сет зажмурился. В темноте его ожидали крики. Крики тех, кого он убил.

«Я не ошибался, – подумал он. – Я никогда не был Не Знающим Правду».

– Нет, – прошептал Сет. – Несущие Пустоту вернулись. Я прав, а мой народ... они ошибались.

– Тебя изгнали мелочные слепцы. Я научу тебя пути непредвзятого суждения. Ты снова вернешься к своему народу и принесешь с собой справедливость для лидеров Шиновара.

Сет открыл глаза и поднял голову.

– Я не достоин.

Нин вскинул голову.

– Ты? Не достоин? Я видел, как ты уничтожаешь себя во имя порядка, видел, как ты повинешься своему собственному кодексу, когда другие сбежали бы или потерпели неудачу. Сет-сын-Нетуро, я видел, как ты безукоризненно держал свое слово. Эта особенность потеряна для большинства людей и это единственная подлинная красота в мире. Я сомневаюсь, что когда-либо находил человека, более достойного стать Разящим с Небес, чем ты.

Разящие с Небес? Но так назывался один из орденов Сияющих рыцарей.

– Я уничтожил себя, – прошептал Сет.

– Уничтожил себя и умер. Твоя связь с Клинком разорвана, все связи, как духовные, так и физические, исчезли. Ты возродился. Пришло время посетить твой народ. Твое обучение начнется немедленно.

Нин зашагал прочь. Вещь, которую он держал за спиной, оказалась мечом в ножнах.

«Ты возродился».

Мог ли он... мог ли Сет возродиться? Мог ли он заставить крики в темноте замолчать?

«Ты трус», – сказал Сияющий, тот, что владел ветрами.

Какая-то часть разума Сета была с ним согласна. Но Нин предложил кое-что большее. Что-то совершенно другое.

По-прежнему стоя на коленях, Сет посмотрел вслед человеку.

– Мой народ владеет другими Клинками Чести и сохранял их в безопасности на протяжении тысячелетий. Если я должен принести им справедливость, мне придется встретиться с врагами, обладающими Осколками и силой.

– Это не проблема, – ответил Нин, оглянувшись. – Я принес тебе Клинок Осколков. Тот, что идеально подходит для твоих задачи и темперамента.

Он швырнул свой большой меч на землю. Тот проехался по камням и остановился перед шиноварцем.

Прежде Сет никогда не видел меча в металлических ножнах. Да и кому может прийти в голову засунуть Клинок Осколков в ножны? А сам Клинок... черный? Проскользив по камням, тот выскочил из ножен на дюйм или около того.

Сет мог поклясться, что видит слабый след черного дыма, исходящего от металла. Похожего на штормсвет, только темного.

«Привет, – сказал жизнерадостный голос в его голове. – Не хотел бы ты уничтожить сегодня немного зла?»



*Должен быть ответ Как о ответ Стоп Парше
нди Один из них Да они не достают езвено Подт
олкнуть алетикихуничтоженю перед темка
конполучит силу Она сформирует мост
**Диаграмма, 17-ая доска пола:
параграф 2, каждая 2-ая буква,
начиная со 2-ой***

Далинар стоял в темноте.

Он обернулся, попытавшись вспомнить, как очутился в этом месте. В полумраке виднелась мебель. Столы, ковер, шторы из Азира диковинной расцветки. Его мать всегда гордилась этими шторами.

«Мой дом, – подумал он. – Такой, каким он был в мои детские годы. До завоевания, до того, как Гавилар...»

Гавилар... Разве Гавилар не умер? Нет, он слышал, как его брат смеется в соседней комнате. Ребенок. Они оба были детьми.

Далинар пересек темную комнату, испытывая смутную радость узнавания. Радость от того, что все было так, как должно быть. Он оставил свои деревянные мечи. Целую коллекцию, каждый меч в которой вырезан в форме Клинка Осколков. Конечно, теперь Далинар слишком стар для них, но ему пришлось бы по душе иметь их в своем распоряжении. В качестве коллекции.

Далинар подошел к балкону и распахнул двери.

Его омыл теплый свет. Насыщенное, обволакивающее, пронизывающее тепло. Тепло, которое впитывалось глубоко под кожу и проникало в самое сердце. Он уставился на свет, и тот не ослепил его. Источник света находился в отдалении, но Далинар знал, что это такое. Знал очень хорошо.

Он улыбнулся.

А затем проснулся, один, в своей новой комнате в Уритиру – временных покоях, где он остановился, пока они осматривали остальную часть башни. С их перехода сюда прошла неделя, и наконец стали прибывать люди из военных лагерей. Они приносили с собой сферы, заряженные во время неожиданного сверхшторма и такие необходимые, чтобы заставить Клятвенные врата функционировать.

Люди из лагерей появились не слишком скоро. Вечный Шторм пока не вернулся, но если он двигался со скоростью обычного сверхшторма, то теперь мог обрушиться в любой день.

Далинар посидел какое-то время в темноте, размышляя над теплом, которое почувствовал. Что же это было? Для видений время неподходящее. Они всегда накатывали вместе со сверхштормом. Однажды Далинар ощутил приближение одного из них, пока спал, и потому проснулся.

Он спросил у охранников. Снаружи не было никакого сверхшторма. Погруженный в размышления, кронпринц начал одеваться. Ему хотелось выяснить, не сможет ли он сегодня подняться на крышу башни.

Шагая по темным коридорам Уритиру, Адолин пытался скрыть обуревавшие его чувства. Мир только что изменился, будто дверь, слетевшая с петель. Пару дней назад его условная помолвка была договоренностью между влиятельным мужчиной и относительно незначительной наследницей отдаленного дома. Теперь же Шаллан, возможно, самый важный человек в мире, а он...

Кем был он?

Адолин поднял фонарь повыше и сделал на стене несколько отметок мелом, чтобы обозначить, что он проходил здесь. Башня была огромной. Как вообще эта махина стояла? Они могли бы потратить месяцы на осмотр и даже не побывать за каждой дверью. Адолин взвалил на себя обязанности по изучению башни, потому что ему казалось, что он может справиться с подобной задачей. К сожалению, у него появилось много времени на раздумья. Ему не нравилось, что он сумел ответить лишь на пару вопросов.

Принц обернулся, осознав, что сильно отдалился от своей разведывательной группы. Такое случалось все чаще. Начали прибывать первые люди с Разрушенных равнин, и было необходимо решить, где их всех размещать.

Голоса впереди? Адолин нахмурился и продолжил путь по коридору, оставив фонарь позади, чтобы тот его не выдал. Оpozнав одного из говоривших, он удивился. Неужели Садеас?

Все верно. Кронпринц стоял посреди членов собственной разведывательной группы. Адолин тихо проклял тот ветер, что убедил Садеаса – среди всех возможных людей – прислушаться к зову прибыть в Уритиру. Если бы он остался в лагерях, все было бы намного проще.

Садеас жестом отправил нескольких солдат по одному из ответвлений сводчатого коридора. Его жена и писцы в сопровождении пары солдат ушли в другую сторону. Мгновение Адолин наблюдал, как кронпринц поднял повыше фонарь и стал изучать выцветшую картину на стене. На причудливой картине были изображены мифологические животные. Адолин узнал некоторых из них, знакомых по детским сказкам, например, то огромное, похожее на норку существо с гривой вокруг головы. Как же оно называлось?

Он собрался уходить, но его ботинок скрипнул по камню.

Садеас резко обернулся, направив фонарь в сторону юноши.

– А, принц Адолин.

Садеас был одет в белое, невыгодно подчеркивавшее цвет лица. Светлые оттенки заставляли его налитые румянцем щеки казаться окровавленными.

– Садеас, – ответил Адолин, отворачиваясь. – Я не был в курсе, что вы добрались сюда.

Шторм побери! Он игнорировал отца все эти месяцы, а теперь решил подчиниться?

Кронпринц широко зашагал по коридору мимо Адолина.

– Это место замечательно. На самом деле замечательно.

– Значит, вы признаете, что мой отец был прав, – произнес Адолин, – что его видения правдивы. Несущие Пустоту вернулись, а вы вели себя как дурак.

– Я признаю, что твой отец еще кое на что способен, – ответил Садеас, – хоть я и боялся, что он совсем сдал. Поразительный план. Связаться с паршенди, сговориться с ними. Слышал, они устроили настоящее представление. Аладара определенно убедили.

– Только не говорите, что вы в самом деле верите, что все это было лишь представлением.

– О, да ладно. Ты же не станешь отрицать, что среди его собственных телохранителей имелся паршенди? Не слишком ли удобно, что в рядах этих новых «Сияющих» оказались глава охраны Далинара и твоя невеста?

Садеас улыбнулся, и Адолин все понял. Нет, кронпринц не верил в свои слова, но это та ложь, которую он будет рассказывать всем остальным. Он снова запустит сплетни в попытке очернить Далинара.

– Почему? – спросил Адолин, делая шаг навстречу мужчине. – Почему вы такой, Садеас?

– Потому что это неизбежно, – вздохнул тот. – У армии не может быть двух генералов, сынок. Мы с твоим отцом как два белоспинника, каждый из которых хочет обладать королевством. Или он, или я. Все шло именно к этому с момента смерти Гавилара.

– Не обязательно ставить вопрос подобным образом.

– Обязательно. Твой отец никогда не станет доверять мне снова, Адолин, и ты это знаешь. – Лицо Садеаса помрачнело. – Я заберу у него этот город, эти открытия. Моя неудача всего лишь временна.

Мгновение Адолин стоял и пристально смотрел Садеасу в глаза, а затем неожиданно сорвался.

«Ну, хватит».

Он схватил Садеаса за горло здоровой рукой, с силой приложив его о стену. Полнейший шок, отразившийся на лице кронпринца, вызвал удивление в какой-то части разума Адолина, очень маленькой части, которую еще не охватила абсолютная, безусловная и непреклонная ярость.

Он сжал пальцы, задушив крик о помощи, и пришилил Садеаса к стене, схватив его руку своей свободной рукой. Но Садеас был опытным солдатом. Он пытался разорвать хватку Адолина, выворачивая его руку.

Принц сопротивлялся, но потерял равновесие. Они сцепились клубком и покатались по полу. Их борьба не напоминала ни рассчитанные усилия на дуэльной арене, ни даже методичную резню на поле битвы.

Двое потеющих, налегающих друг на друга мужчин находились на грани паники. Адолин был моложе, но еще не оправился от ушибов, полученных в сражении с Убийцей в Белом.

Он смог усесться на противника сверху и, когда Садеас попытался позвать на помощь, стукнул его головой о каменный пол, чтобы оглушить. Тяжело дыша, Адолин вытащил поясной нож и направил его Садеасу в лицо, несмотря на то, что кронпринцу удалось поднять руки и схватить юношу за запястье.

Принц захрипел, с силой опуская зажатый в здоровой руке нож ниже. Он помог себе правой рукой, не обращая внимания на жгучую боль в запястье, и навалился на рукоять. По лбу Садеаса стекла струйка пота, когда острие ножа коснулось его левой ноздри.

– Мой отец, – прохрипел Адолин, – думает, что я лучше, чем он.

Капли пота падали с его носа на лезвие ножа. Он поднажал и почувствовал, как хватка Садеаса слабеет.

– К сожалению для тебя, он ошибается.

Садеас заскулил.

Одним рывком Адолин заставил лезвие опуститься мимо носа Садеаса прямо в глазницу, пронзив глаз как спелую вишню, и войти дальше в мозг.

Садеас несколько раз вздрогнул, пока вокруг лезвия скапливалась лужица крови, и Адолин провернул нож, чтобы увериться в смерти врага.

Мгновение спустя около кронпринца появился Клинок Осколков – Клинок Осколков Далинара. Садеас был мертв.

Адолин отшатнулся, чтобы не испачкаться в крови, хотя его манжеты уже покрылись пятнами. Шторма, неужели он это сделал? Неужели он только что убил кронпринца?

Оцепенев, Адолин уставился на свое оружие. Ни один из них не призвал Клинок во время борьбы. Возможно, Клинки Осколков и стояли целое состояние, но в ограниченном пространстве от них было не больше толку, чем от булыжника.

Когда в голове немного прояснилось, Адолин подобрал меч и заковылял прочь. Он выбросил его из окна, и Клинок Осколков упал на выступающую снизу декоративную террасу. Скорее всего, там он будет в безопасности.

У него хватило ума отрезать манжеты, стереть меловые отметки со стен, срезав их своим собственным Клинком, уйти как можно дальше, прежде чем встретиться с одной из разведывательных групп, и притвориться, что все это время он находился в совершенно другом месте.

Далинар наконец разобрался в механизме замка и открыл металлическую дверь в конце лестницы. Дверь встроили в потолок, и ступени вели прямо к ней.

Люк отказывался открываться, хотя не был заперт. Далинар смазал его маслом по краям. Почему он не сдвигался?

«Разумеется, из-за крема», – подумал кронпринц.

Призвав Клинок, он сделал несколько быстрых надрезов вокруг люка. С некоторым усилием ему удалось его открыть. Древний люк откинулся и позволил Далинару выбраться на самую верхнюю площадку цитадели.

Кронпринц улыбнулся, ступив на крышу. Пять дней исследований завели Адолина и Навани в глубины цитадели. А Далинару достался осмотр верха.

Для такой огромной башни крыша казалась совсем небольшой и не так уж покрытой кремом. Похоже, на такой высоте во время сверхштормов выпадало меньше дождей, а все знают, что слой крема всегда толще на востоке, чем на западе.

Шторма, здесь было высоко. Уши Далинара несколько раз заложило, пока он поднимался вверх в лифте-фабриале, который обнаружила Навани. Она говорила о противовесах и сопрягающих драгоценных камнях с благоговением перед древними технологиями. Далинар знал только то, что ее открытие позволило ему избежать подъема по сотням ступеней лестницы.

Он подошел к краю и посмотрел вниз. Каждый верхний уровень башни был меньше, чем находящийся под ним.

«Шаллан права, – подумал Далинар. – Это сады. Каждое внешнее кольцо предназначено для плантаций».

Он не знал, почему восточный фасад башни, обращенный к Источнику, оказался гладким и отвесным. На той стороне не было балконов.

Далинар перегнулся через край. На расстоянии, так далеко внизу, что подступала тошнота, он заметил десять колонн, на которых располагались Клятвенные врата. Те, что вели на Разрушенные равнины, вспыхнули, и из них появилась большая группа людей. Над ними развевалось знамя Хатама. С картами, которые отправили ученые Далинара, Хатаму и другим понадобилось всего лишь около недели быстрого марша, чтобы достичь Клятвенных врат. Когда

армия Далинара пересекала это расстояние, они продвигались с большой осторожностью, остерегаясь атак паршенди.

Теперь, увидев колонны с такой точки обзора, Далинар вспомнил, что точная их копия есть в Холинаре. Колонна представляла собой возвышение, вокруг которого были построены дворец и королевский храм. Шаллан подозревала, что Джасна пыталась открыть те Клятвенные врата. В ее записях говорилось, что Клятвенные врата в каждом городе крепко заперты. Открытыми оставались только те, что находились на Разрушенных равнинах.

Шаллан надеялась выяснить, как использовать остальные, хотя их текущие проверки показывали, что они по какой-то причине недоступны. Если она сумеет заставить их работать, мир станет очень тесным местом. Если предположить, что от него что-то останется.

Далинар повернулся и посмотрел вверх, в небо. Он сделал глубокий вдох. Пора сделать то, зачем он пришел на крышу.

– Ты послал этот шторм, чтобы уничтожить нас! – прокричал он в облака. – Ты послал его, чтобы скрыть то, кем стали Шаллан и Каладин! Ты попытался покончить со всем прежде, чем оно сможет начаться!

Тишина.

– Для чего посылать мне видения и велеть готовиться? – снова закричал Далинар. – А затем пытаться нас уничтожить, когда мы начали к ним прислушиваться?

– Я БЫЛ ОБЯЗАН ПОСЛАТЬ ТЕ ВИДЕНИЯ, КОГДА НАСТАЛО ВРЕМЯ. ВСЕМОГУЩИЙ ПОТРЕБОВАЛ ЭТО ОТ МЕНЯ. ОТКАЗАТЬСЯ ПОДЧИНИТЬСЯ – ВСЕ РАВНО ЧТО ОТКАЗАТЬСЯ НАПРАВЛЯТЬ ВЕТРА.

Далинар глубоко вздохнул. Отец Штормов ответил. К счастью, он ответил.

– Значит, видения исходили от него, а ты всего лишь посредник для выбора того, кто их получает?

– ДА.

– Почему ты выбрал меня? – требовательно спросил Далинар.

– НЕВАЖНО. ТЫ ОКАЗАЛСЯ СЛИШКОМ МЕДЛИТЕЛЬНЫМ. ТЫ ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ. ИДЕТ ВЕЧНЫЙ ШТОРМ, И ВРАЖЕСКИЕ СПРЕНЫ СОЛЮТСЯ С ДРЕВНИМ НАРОДОМ. ВСЕ КОНЧЕНО. ТЫ ПРОИГРАЛ.

– Ты сказал, что был частью Всемогущего.

– Я ЕГО... СПРЕН, КАК ТЫ БЫ ВЫРАЗИЛСЯ. НЕ ЕГО ДУША. Я ПАМЯТЬ, КОТОРУЮ СОЗДАЛИ О НЕМ ЛЮДИ ТЕПЕРЬ, КОГДА ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ. ВОПЛОЩЕНИЕ ШТОРМОВ И БОЖЕСТВЕННОСТИ. Я НЕ БОГ. НО Я ЕГО ТЕНЬ.

– Я буду иметь дело с тем, что есть.

– ОН ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ Я НАШЕЛ ТЕБЯ, НО ТВОЙ НАРОД ПРИНЕС МОЕМУ ТОЛЬКО СМЕРТЬ.

– Что ты знаешь о шторме, который наслали паршенди?

– ВЕЧНЫЙ ШТОРМ. НЕЧТО НОВОЕ, НО СТАРОЕ ПО ЗАМЫСЛУ. СЕЙЧАС ОН ОГИБАЕТ ЗЕМЛЮ И НЕСЕТ С СОБОЙ СПРЕНОВ. ЕГО ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛЮБОМУ ИЗ ДРЕВНЕГО НАРОДА ДАСТ ИМ НОВЫЕ ФОРМЫ.

– Несущие Пустоту.

– ЭТО ОДНО ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ДЛЯ НИХ.

– Вечный Шторм придет снова, это точно?

– ОН БУДЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ РЕГУЛЯРНО, ПОДОБНО СВЕРХШТОРМАМ, НО НЕ ТАК ЧАСТО. ВЫ ОБРЕЧЕНЫ.

– И он трансформирует паршменов. Существует ли способ остановить его?

– НЕТ.

Далинар закрыл глаза. Его страхи оправдались. Да, его армия разгромила паршенди, но они были всего лишь малой частью того, что надвигалось. Скоро он столкнется с сотнями и тысячами.

Остальные земли не прислушались. Он организовал разговор через самоперо с самим императором Азира – новым императором, потому что предыдущего навестил Сет. Разумеется, в Азире не разразилась война за трон. Там возникло слишком много бумажной волокиты.

Новый император пригласил Далинара в гости, но явно счел его слова бредом. Далинар не осознавал, что слухи о его сумасшествии разлетелись так далеко. Но даже несмотря на это, он подозревал, что на его предостережения никто не обратит внимания, будто он говорил безумные вещи. Шторм, который дует не в том направлении? Паршмены, которые превратятся в Несущих Пустоту?

Казалось, что только Таравангиан из Харбранта, а теперь, похоже, и Джа Кеведа, был готов слушать. Да благословят Герольды этого человека. Оставалось надеяться, что он сможет принести немного мира на ту истерзанную землю. Далинар запросил подробности того, как он получил трон. Первоначальные доклады указывали, что Таравангиан достиг своего положения неожиданно. Но он являлся новичком, а Джа Кевед слишком разрушен для того, чтобы сделать многое.

Вдобавок ко всему через самоперо пришли неожиданные донесения о мятеже в Холинаре. Оттуда также не поступало надежных ответов. И что слышно насчет чумы в Чистозере? Шторма, воцарилась полная неразбериха.

Ему нужно будет что-то с этим делать. Со всем этим.

Далинар снова посмотрел в небо.

– Мне приказали возродить Сияющих рыцарей. Если я их возглавляю, мне необходимо войти в их число.

Далекий гром прогрехотал в небесах, хотя там не было туч.

– Жизнь перед смертью! – прокричал Далинар. – Сила перед слабостью! Путь перед целью!

– Я – ЧАСТИЦА САМОГО ВСЕМОГУЩЕГО! – загремел сердитый голос. – Я ОТЕЦ ШТОРМОВ. Я НЕ ПОЗВОЛЮ СВЯЗАТЬ СЕБЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ ПОТОМ МЕНЯ УБИЛИ!

– Ты нужен мне! Несмотря на то, что ты сделал. Мостовик рассказал о принесенных клятвах и о том, что у каждого ордена рыцарей они разные. Первый идеал один для всех. После него каждый орден уникален и требует различных слов.

Прогрехотал гром. Он звучал... как вызов. Неужели Далинар научился толковать его раскаты?

Это была опасная игра. Он противостоял чему-то первобытному, чему-то непостижимому. Чему-то, что активно пыталось убить его самого и всю его армию.

– К счастью, я знаю вторую клятву, которая от меня требуется. Нет нужды в чужих подсказках. Я буду объединять, а не разобщать, Отец Штормов. Я сведу людей воедино.

Гром смолк. Далинар стоял и ждал, уставившись в небо.

– ТАК И БЫТЬ, – произнес наконец Отец Штормов. – ТВОИ СЛОВА ПРИНЯТЫ.

Далинар улыбнулся.

– Я НЕ БУДУ ДЛЯ ТЕБЯ ПРОСТЫМ МЕЧОМ, – предупредил Отец Штормов. – Я НЕ БУДУ ПРИХОДИТЬ ПО ТВОЕМУ ЗОВУ. И ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЭТОГО... УРОДА, КОТОРЫМ ТЫ ВЛАДЕЕШЬ. ТЫ БУДЕШЬ СИЯЮЩИМ БЕЗ ОСКОЛКОВ.

– Буду, если так нужно, – согласился Далинар, призывая Клинок.

Когда тот появился, в голове кронпринца зазвучали крики. Он выронил оружие, словно его укусил угорь. Крики сразу смолкли.

Клинок звякнул, упав к ногам Далинара. Считалось, что разрыв связи с Клинком Осколков – трудный процесс, требующий концентрации и затрагивающий его камень. Но Клинок отделился моментально. Далинар это почувствовал.

– А что означает последнее полученное мной видение? – спросил он. – Сегодня утром оно пришло ко мне без сверхшторма.

– СЕГОДНЯ УТРОМ ТЕБЕ НЕ ПОСЫЛАЛИСЬ ВИДЕНИЯ.

– Но оно было. Я видел свет и тепло.

– ПРОСТОЙ СОН. НЕ ОТ МЕНЯ. НЕ ОТ БОГОВ.

Любопытно. Далинар мог бы поклясться, что ощущения были такими же, как во время видений, если даже не сильнее.

– ИДИ, КУЮЩИЙ УЗЫ, – сказал Отец Штормов. – ВЕДИ СВОИХ УМИРАЮЩИХ ЛЮДЕЙ К ПОРАЖЕНИЮ. ЗЛОБА УНИЧТОЖИЛ САМОГО ВСЕМОГУЩЕГО. ТЫ ДЛЯ НЕГО НИЧТО.

– Всемогущий мог умереть, – произнес Далинар. – Если это правда, тогда и Злобу можно убить. Я найду способ. Видения упомянули вызов, защитника. Ты что-нибудь знаешь о них?

Небо не дало ответа, лишь прогрохотало. Ладно, время для дальнейших вопросов еще наступит.

Далинар сошел с вершины Уритиру и шагнул обратно на ступени. Лестничный пролет открывался в комнату, которая занимала почти весь верхний этаж цитадели. Свет проникал сюда через застекленные окна, которые не были защищены даже ставнями, хотя некоторые из них выходили на восток. Далинар не представлял, как они выдерживают сверхшторма, хотя местами на них виднелись потеки крэма.

Десять низких колонн обрамляли комнату, еще одна располагалась в центре.

– Итак? – спросил Каладин, отвлекаясь от рассматривания одной из них.

Шаллан обошла другую. Девушка выглядела гораздо менее измотанной, чем когда они попали в город. Хотя дни их пребывания в Уритиру были полны суеты, возможность выспаться несколько ночей подряд пошла им всем на пользу.

В ответ на вопрос Далинар достал из кармана сферу и поднял ее вверх, а затем втянул штормсвет.

Он знал, что нужно ожидать ощущения поднимающегося внутри шторма, как ему описывали Каладин и Шаллан. Штормсвет побудил его действовать, двигаться, не стоять неподвижно. Однако это ощущение не походило на *дрожь* во время битвы, как он ожидал.

Далинар почувствовал, как его раны знакомо исцеляются, и понял, что делал подобное прежде. Раньше, на поле боя? Рука, по всей видимости, пришла в порядок, а порез на боку лишь слегка побаливал.

– Ужасно несправедливо, что вам это удалось с первой попытки, – заметил Каладин. – Мне понадобилась целая вечность.

– У меня были инструкции, – ответил Далинар, пройдя в комнату и спрятав сферу. – Отец Штормов назвал меня Кующим Узы.

– Так назывался один из орденов, – сказала Шаллан, коснувшись пальцами колонны. – Теперь нас трое. Бегущий с Ветром, Кующий Узы и Ткущая Светом.

– Четверо, – раздался голос из тени лестничной клетки.

В освещенную комнату шагнул Ренарин. Он посмотрел на них и отступил.

– Сын? – проговорил Далинар.

Ренарин остался в темноте, опустив взгляд.

– Без очков... – прошептал кронпринц. – Ты перестал их носить. Я думал, что ты стараешься выглядеть как воин, но нет. Штормсвет исцелил твои глаза.

Ренарин кивнул.

– И Клинок Осколков, – продолжил Далинар, подходя и обнимая сына за плечи. – Ты слышал крики. Вот что произошло с тобой на арене. Ты не мог сражаться из-за криков в твоей голове от призванного Клинка. Почему? Почему ты ничего не сказал?

– Я подумал, что дело во мне, – прошептал Ренарин. – В моем разуме. Но Глис, он говорит... – Юноша моргнул. – Видящий Истину.

– Видящий Истину? – переспросил Каладин, взглянув на Шаллан. Она покачала головой. – Я летаю с ветрами. Шаллан может создавать иллюзии. Светлорд Далинар – объединять людей. А что делаешь ты?

Ренарин посмотрел через комнату и встретился взглядом с Каладином.

– Я вижу.

– Четыре ордена, – произнес Далинар, с гордостью сжимая плечи Ренарина. Шторма, парень дрожал. Что заставило его так волноваться? Кронпринц повернулся к остальным. – Другие ордены тоже должны вернуться. Нам нужно отыскать тех, кого могут выбрать спрены. И быстро, потому что идет Вечный Шторм. Все хуже, чем мы опасались.

– Насколько? – спросила Шаллан.

– Он изменит паршменов. Отец Штормов подтвердил. Когда шторм ударит, он вернет Несущих Пустоту.

– Бездна! – воскликнул Каладин. – Мне нужно попасть в Алеткар, в Хартстоун.

Он направился к выходу.

– Солдат? – позвал Далинар. – Я сделал все, что смог, чтобы предупредить наш народ.

– Там остались мои родители, – объяснил Каладин. – И у лорд-мэра моего города есть паршмены. Я уйду.

– Как? – спросила Шаллан. – Ты пролетишь такое расстояние?

– Это падение, а не полет, – ответил Каладин. – Но, да.

Он помедлил у дверного проема.

– Сколько понадобится света, сынок? – спросил Далинар.

– Я не знаю, – признался Каладин. – Возможно, очень много.

Шаллан посмотрела на Далинара. У них не было лишнего штормсвета. Несмотря на то, что прибывающие из военных лагерей приносили заряженные сферы, активация Клятвенных врат забирала значительную часть штормсвета в зависимости от количества проходящих через них людей. Сияющие светильники в центральном зале Клятвенных врат были необходимым минимумом для того, чтобы устройство работало. Перемещение множества людей также частично осушало заряженные драгоценные камни, которые имелись у них с собой.

– Я сделаю для тебя, что смогу, парень, – сказал Далинар. – Ступай с моим благословением. Может быть, у тебя останется достаточно штормсвета, чтобы затем попасть в столицу и помочь людям.

Каладин кивнул.

– Я соберу вещи. Мне нужно отбыть в течение часа.

Он вынырнул из комнаты на лестничный пролет.

Далинар втянул еще штормсвета и почувствовал, как затягиваются последние раны. Видимо, к этому легко привыкнуть.

Он отослал Ренарина с приказом поговорить с королем и потребовать несколько изумрудных брумов, которые Каладин сможет взять в путешествие. Элокар наконец прибыл в сопровождении, кто бы мог подумать, группы хердазиан. Один из них утверждал, что его имя нужно добавить к списку королей аleti...

Ренарин охотно бросился выполнять поручение. Казалось, он был рад взяться за любое дело, какое мог выполнить.

«Он один из Сияющих рыцарей, – подумал Далинар, посмотрев вслед сыну. – Возможно, мне стоит прекратить гонять его с поручениями».

Шторма. Это происходило на самом деле.

Шаллан подошла к окну. Далинар остановился рядом с ней. Перед ними простирался восточный фасад башни, гладкий край которого был обращен прямо к Источнику.

– У Каладина хватит времени, чтобы спасти лишь немногих, – сказала Шаллан. – В лучшем случае. Нас четверо, светлорд. Только четверо против шторма, несущего разрушения...

– Что есть, то есть.

– Многие погибнут.

– А мы спасем тех, кого сможем, – произнес Далинар. – Жизнь перед смертью, Сияющая. Теперь это та задача, которую мы поклялись выполнить.

Девушка сжала губы, все еще глядя на восток, но кивнула.

– Жизнь перед смертью, Сияющий.



– Слепец ожидал эру конца, размышляя о красоте природы, – произнес Шут.

Тишина.

– Этот человек я, – отметил он. – Я слеп не физически, а только духовно. И то другое утверждение, если вдуматься, было на самом деле очень умным.

Тишина.

– Гораздо удобнее, – продолжил Шут, – когда рядом разумное существо, которому я могу внушить благоговение, и оно с восторгом внимает моему искусному многословию.

Уродливая помесь ящерицы с крабом на соседнем камне клацнула клешней, что прозвучало почти как замешательство.

– Ты, конечно же, прав, – сказал Шут. – Моя обычная аудитория не очень смышленная. Однако эта шутка, к твоему стыду, очевидна.

Уродливая помесь ящерицы с крабом перебежала на другую сторону камня. Шут вздохнул. Ночь – обычно подходящее время для эффектных появлений и многозначительного философствования. К несчастью для него, здесь не было никого, чтобы пофилософствовать или навестить, эффектно или как-то по-другому. Поблизости журчала маленькая речка, один из немногих постоянных

водотоков в этих странных землях. Во всех направлениях простирались холмы, изборозжденные текучими водами и поросшие в долинах странными видами шиповника. Здесь было очень мало деревьев, хотя дальше к западу на склонах по всей их высоте простирался настоящий лес.

Невдалеке пара сонглингов издавала дребезжащие звуки, и Шут взялся за флейту, чтобы попытаться их сымитировать. У него не получилось сделать это в точности. Голоса сонглингов слишком походили на постукивание и свистящий треск – мелодично, но неподходяще для флейты.

Тем не менее казалось, что существа трещали в одном ритме с ним, реагируя на музыку. Кто знал? Может быть, эти создания обладали зачаточным разумом. Те лошади, ришадиумы... Они его удивили. Шут радовался, что еще существуют вещи, способные его удивить.

Наконец он положил флейту и задумался. Публика в лице уродливой помеси ящерицы с крабом и сонглингов была, по крайней мере, хоть какой-то публикой.

– Искусство, – сказал Шут, – в корне несправедливо.

Один из сонглингов продолжал трещать.

– Ктр-р-рик?

– Хорошо. Но если искусство вечно, выразительно и свободно, почему оно так сильно зависит от публики? Ты слышал историю о фермере, который побывал во дворце во время фестиваля живописи?

– Ктр-р-рик?

– О, не такая уж интересная история. На один раз. Стандартная завязка: фермер, приехавший в большой город, попадает в неудобное положение, сталкивается с принцессой, конечно же, совершенно случайно и спасает ее от толпы. Принцессы в таких историях никогда не способны подумать, прежде чем что-то сделать. Мне кажется, прежде чем отправиться в оживленное место, им стоило бы обратиться к достопочтенным изготовителям очков и заказать себе подходящую пару. Как бы там ни было, это комическая история, и в качестве вознаграждения мужчину приглашают во дворец. Дальше происходит всякая чепуха, и в конце концов фермер, оказавшись в уборной, использует вместо туалетной бумаги одну из самых прекрасных написанных когда-либо картин. Затем он обнаруживает, что светлоглазые разглядывают пустую раму на стене и восторгаются великолепием шедевра. Смех и веселье. Фанфары и поклон. Удаляюсь, пока никто не успел поразмышлять над историей.

Шут подождал.

– Ктр-р-рик?

– Ну, разве тебе непонятно? – спросил он. – Фермер увидел картину около уборной и решил, что она для нее и предназначается. Светлоглазые обнаружили пустую раму в изобразительном зале и решили, что перед ними шедевр. Возможно, ты назвал бы историю глупой. Так и есть. Но это не уменьшает ее правдивости. В конце концов, я часто бываю достаточно глуп, но почти всегда говорю правду. Сила привычки. Ожидания – вот истинная природа искусства. Если ты можешь подарить человеку больше, чем он ожидает, он будет восхвалять тебя на протяжении всей своей жизни. Если ты сумеешь создать ауру предвкушения и правильно ею распорядиться, ты добьешься успеха. И наоборот, если заработаешь репутацию профессионала, мастера... Берегись. В их головах сформируется определенный образ, и если ты дашь им лишь на каплю меньше того, что они себе представили, – обманешь ожидания. Внезапно окажешься бесполезным. Человек, нашедший в грязи единственную монетку, будет рассказывать о ней целый день, но когда он же унаследует состояние и получит хотя бы на один процент меньше ожидаемого, то объявит, что его обманули.

Покачав головой, Шут встал и отряхнул плащ.

– Для публики, желающей развлечься, но не ожидающей ничего особенного, я стану богом. Вот самая лучшая известная мне истина.

Тишина.

– Не помешало бы немного музыки. Для драматического эффекта, понимаешь ли. Кто-то идет, и я хочу приготовиться, чтобы его поприветствовать.

Сонглинг снова услужливо затрещал. Глубоко вздохнув, Шут принял подходящую позу – ленивое ожидание, сознательная осведомленность, невыносимая заносчивость. Все же он обладал определенной репутацией, которой необходимо соответствовать.

Воздух перед ним замерцал кольцом, будто нагрелся от земли. По кругу заметались росчерки молнии, образуя сияющую стену пяти-шести футов высотой. Молния сразу же исчезла, оказавшись на самом деле послеобразом, словно что-то светящееся очень быстро мелькнуло внутри кольца.

В центре круга появилась стоящая во весь рост Джасна Холин.

Одежда изодрана в лохмотья, волосы заплетены в практичную косу, лицо покрыто ожогами. Когда-то ее платье было роскошным, но теперь оказалось порвано в клочья. Она отрезала его на уровне колен и смастерила из обрывков импровизированную перчатку. Странно, но с собой у нее имелись своего рода поясная кожаная сумка и заплечный мешок. Шут засомневался, располагала ли она этими вещами, когда начала свое путешествие.

Джасна испустила долгий стон и посмотрела в сторону Шута.

Он наградил ее ухмылкой.

В мгновение ока женщина выбросила руку в сторону, вокруг нее закружился туман и принял форму длинного тонкого меча, направленного в шею Шута.

Он выгнул бровь.

– Как ты нашел меня? – спросила Джасна.

– Ты устроила порядочное беспокойство на той стороне, – ответил Шут. – Прошло много времени с тех пор, как спрены имели дело с кем-то живым, в особенности с таким требовательным, как ты.

Она со свистом выдохнула, а затем поднесла Клинок Осколков ближе.

– Скажи, что тебе известно, Шут.

– Однажды я провел большую часть года внутри огромного желудка, перевариваясь.

Джасна посмотрела неодобрительно.

– Это то, что мне известно. Тебе стоит быть более конкретной в своих угрозах.

Шут взглянул вниз, а Джасна повернула Клинок Осколков, вращая все еще указывающее на него острие.

– Я очень удивлюсь, если этот маленький нож представляет для меня реальную опасность, Холин. Хотя ты можешь продолжать размахивать им, если тебе так хочется. Возможно, почувствуешь себя более значительной.

Джасна разглядывала его какое-то время. Затем меч испарился, превратившись в туман. Принцесса опустила руку.

– У меня нет на тебя времени. Приближается шторм, ужасный шторм. Он вернет к жизни Несущих Пустоту и...

– Они уже здесь.

– Бездна. Нам нужно найти Уритиру и...

– Уже найден.

Она запнулась.

– Рыцари...

– Восстановлены, – перебил Шут. – При участии твоей ученицы, которая, позволю себе добавить, в точности на семьдесят семь процентов приятнее тебя. Я провел опрос.

– Ты лжешь.
– Ладно, это был довольно неофициальный опрос. Но уродливая помесь краба с ящерицей дала тебе очень плохие оценки за...
– Насчет всего остального.
– Я не лгу о таких вещах, Джасна. Ты это знаешь. Поэтому я и раздражаю тебя.

Она оглядела его и вздохнула.

– Это лишь часть того, почему ты раздражаешь меня, Шут. Лишь маленькая часть обширной, безбрежной реки.

– Ты говоришь так только потому, что плохо меня знаешь.

– Сомневаюсь.

– Нет, действительно. Если бы ты знала меня, очевидно, что эта река раздражения превратилась бы в океан. Но не важно. Я знаю то, чего ты не знаешь, и мне кажется, что ты можешь даже знать то, чего не знаю я. Следовательно, получаем то, что называют взаимовыгодным сотрудничеством. Если ты сможешь сдержать свое раздражение, мы оба могли бы узнать что-то новое.

Она осмотрела его с головы до ног, поджала губы и кивнула. А затем зашагала в сторону ближайшего города. Эта женщина в самом деле хорошо ориентировалась на местности.

Шут устремился за ней.

– Ты понимаешь, что мы самое малое в неделе пути от цивилизации? Тебе обязательно было *переместиться* в такую глухомань?

– У меня не было времени в момент побега. Мне вообще повезло, что я здесь.

– Повезло? Я бы так не сказал.

– Почему?

– Тебе стоило оставаться на той стороне, Джасна Холин. Пришло Опустошение, а вместе с ним – конец для этих земель. – Шут посмотрел на нее. – Мне жаль.

– Не извиняйся, – ответила Джасна, – пока мы не увидим, что именно я смогу спасти. Шторм уже обрушился? Паршмены уже трансформировались?

– Да. Нет. Шторм должен ударить по Шиновару сегодня ночью и проложить свой путь по всем землям. Я считаю, что шторм несет превращение.

Джасна остановилась на месте.

– В прошлом было по-другому. Я узнала кое-что на той стороне.

– Ты права. В этот раз все иначе.

Она облизала губы, но в остальном отлично сдержала беспокойство.

– Если все происходит не так, как раньше, значит, все, что мне известно, может оказаться ошибочным. Слова высших спренов могут быть неточными. Разыскиваемые мною записи, возможно, бессмысленны.

Шут кивнул.

– Мы не можем полагаться на древние писания, – продолжила Джасна. – Воображаемый человеческий бог – фальсификация. Значит, мы не можем обращаться к небесам в поисках спасения души и, по всей видимости, не можем принимать в расчет прошлое. Так чем нам руководствоваться?

– Ты так убеждена, что Бога нет.

– Всемогущий – это...

– О, – сказал Шут, – я не имею в виду Всемогущего. Танаваст был довольно приятным парнем, даже угостил меня однажды выпивкой, но он не был Богом. Я должен признать, Джасна, что сочувствую твоему скептицизму, но я с ним не согласен. Просто думаю, что ты искала Бога не в тех местах.

– Полагаю, ты собираешься сказать, где, по твоему мнению, мне стоит поискать.

– Ты найдешь Бога в том же самом месте, где собираешься искать спасение от всего этого кошмара, – проговорил Шут. – В сердцах людей.

– Любопытно, – ответила Джасна. – Наверное, я действительно могу согласиться с чем-то подобным, но по другим причинам. Возможно, наша прогулка окажется не такой ужасной, как я опасалась.

– Возможно, – проговорил Шут, подняв голову к звездам. – Что бы там ни говорили, мир хотя бы выбрал прекрасную ночь, чтобы встретить свой конец...



ПРИМЕЧАНИЕ

В пламени ветра приближаются, смертельно сближение ветров пламенных,

Этот кетек, написанный в Пояснение, джесесес, 1174 г., украшает обложку лигнового дневника Навани Холин. В нем она описывает события, предшествующие Великому Шторму, из первых рук.

Глифы кетека нарисованы в форме двух обрушивающихся друг на друга штормов.

— Наз

Ars Arcanum

Десять сущностей и их исторические ассоциации

ГЛАВНЫЕ / ВТОРИЧНЫЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА	СВОЙСТВА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ	ФОКУС ТЕЛА	СУЩНОСТЬ	ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ	НОМЕР
защитающий / руководящий	прозрачный газ, воздух	вдох	ветер (зефир)	сапфир	1 джес
справедливый / уверенный	непрозрачный газ, дым, туман	выдох	пар	дымчатый кварц	2 нан
храбрый / послушный	огонь	душа	искра	рубин	3 чач
любящий / исцеляющий	кварц, стекло, хрусталь	глаза	свечение	бриллиант	4 вев
обучающий / дарующий	деревья, растения, мох	волосы	мякоть	изумруд	5 палах
творческий / честный	кровь, все жидкости, кроме масла	кровь	кровь	гранат	6 шаш
мудрый / осторожный	все виды масла	масло	жир	циркон	7 бетаб
решительный / конструирующий	металлы	ногти	амальгама	аметист	8 как
надежный / изобретательный	скалы, камни	кость	гравий	топаз	9 танат
праведный / направляющий	мясо, плоть	плоть	мышцы	гелиодор	10 иши

Предшествующая таблица – несовершенное собрание традиционного воринского символизма, связанного с десятью сущностями. Вместе они образуют двойной глаз Всемогущего – глаз с двумя зрачками, олицетворяющими создание животных и растений. Он также является основой для формы в виде песочных часов, которую часто связывают с Сияющими рыцарями.

Древние ученые также добавляли в этот список десять орденов Сияющих и самих Герольдов, каждый из которых ассоциировался с одной из цифр и сущностью.

Я до сих пор не уверена, каким образом десять уровней связывания Пустоты или ее кузины Старой магии вписываются в эту парадигму, если подобное вообще возможно. Мое исследование наводит на мысль, что должен существовать ряд других способностей, даже более тайных, чем связывание Пустоты. Возможно, сюда можно отнести и Старую магию, хотя я начинаю подозревать, что это нечто совершенно другое.

Хочу заметить, что на текущий момент концепция «фокуса тела» кажется мне больше философской интерпретацией, чем реальным атрибутом *вложения* и его проявлений.

Десять волн

В дополнение к сущностям, классическим элементам, распространенным по Рошару, существуют десять волн. Волны считаются фундаментальными силами, с помощью которых функционирует сам мир, и являются точным представлением

десяти базовых способностей, которые были дарованы Герольдам, а затем и Сияющим рыцарям посредством их связи.

Адгезия: волна давления и вакуума

Гравитация: волна земного притяжения

Деление: волна разрушения и распада

Абразия: волна трения

Прогрессия: волна роста и исцеления (или восстановления)

Иллюминация: волна света, звука и других колебаний

Трансформация: волна преобразования

Транспортировка: волна движения и перемещения между реальностями

Когезия: волна сильного продольного соединения

Натяжение: волна слабого продольного соединения

О создании фабриалов

Пока что открыты пять групп фабриалов. Способы их создания тщательно охраняются сообществом фабриалистов, но, как мне представляется, они являются скорее продуктом творчества выдающихся ученых в противовес мистическому волноплетению, когда-то продемонстрированному Сияющими рыцарями. Я все более и более убеждаюсь, что создание этих устройств требует принудительного порабощения способных к трансформации когнитивных существ, известных обычным людям как «спрены».

Изменяющие фабриалы

Увеличители. Эти фабриалы используются для усиления. К примеру, они могут вызывать тепло, боль или даже слабый ветер. Для работы им, как и всем фабриалам, необходим штормсвет. И, кажется, лучше всего они увеличивают силу, эмоции или ощущения.

Так называемые полуосколки Джа Кеведа созданы с помощью таких фабриалов, прикрепленных к листам металла, которым они добавляют прочности. Я видела фабриалы такого типа, созданные из самых разных драгоценных камней. Подозреваю, что подойдет любой из десяти основных камней.

Уменьшители. Эти фабриалы работают в точности наоборот и в основном подпадают под те же ограничения, что и их кузены увеличители. Доверяющие мне фабриалисты, похоже, убеждены, что можно создать намного более сильные увеличители и уменьшители.

Парные фабриалы

Сопрягатели. Зарядив рубин и используя методологию, которую мне не раскрыли (хотя у меня есть кое-какие соображения на этот счет), можно создать сопряженную пару драгоценных камней. Процесс требует разделить оригинальный рубин напополам. Обе половины будут действовать одинаково на расстоянии. Самоперья – одни из самых распространенных фабриалов такого типа.

При этом поддерживается сохранение силы: например, если один из драгоценных камней подсоединен к тяжелому валуну, то, чтобы поднять сопряженный фабриал, вам потребуется точно такая же сила, как и для того, чтобы поднять этот валун. По всей видимости, при изготовлении фабриала проводят определенные манипуляции, которые влияют на то, насколько далеко

друг от друга могут находиться обе половины, чтобы все еще оказывать взаимное влияние.

Перевертыши. Используя аметист, а не рубин, можно получить связанные между собой половинки драгоценного камня, но они будут взаимодействовать с точностью до наоборот. Например, если поднять одну из них, вторая прижмется к земле.

Эти фабриалы изобрели совсем недавно, и о возможностях их применения пока что больше догадок, чем реальных сведений. Судя по всему, имеются некоторые неожиданные ограничения, препятствующие использованию подобных фабриалов, хотя мне и не удалось обнаружить какие именно.

Предупреждающие фабриалы

Известен всего один фабриал такого вида; неформально его называют сигнализатор. Он предупреждает о появлении вблизи объектов, чувств, ощущений или чего-то необычного. В этих фабриалах используют гелиодор. Я не знаю, только ли гелиодор подходит для таких фабриалов или есть какая-то другая причина его использования.

Для подобных фабриалов количество штормсвета, заряжающего камень, напрямую определяет его эффективность. Следовательно, размер используемого камня очень важен.

Сплетения

Доклады о странных способностях Убийцы в Белом привели меня к информации, которая, по-видимому, не очень широко известна. Бегущие с Ветром – один из орденов Сияющих – использовали два основных типа волноплетения. В результате получалось то, что члены ордена называли тремя *сплетениями*.

Основное *сплетение*: изменение направления гравитации. Этот тип *сплетения* члены ордена использовали чаще всего, хотя он далеко не самый легкий (по отношению к полному *сплетению*, см. ниже). С помощью основного *сплетения* прерывалась духовная гравитационная связь предмета или существа с планетой. Она заменялась на временное связывание его с другим объектом или направлением.

В результате направление силы притяжения менялось, искажая энергию самой планеты. Основное *сплетение* позволяло Бегущим с Ветром ходить по стенам, заставляя предметы или людей летать по воздуху и создавать другие подобные эффекты. Опытные мастера были способны уменьшать свой вес, связывая часть массы с верхом. (Математически это означает, что, связав четверть своей массы с верхом, человек терял половину веса, а, связав половину, становился невесомым.)

Множественное основное *сплетение* могло, например, заставить предмет или тело человека устремиться вниз с двойной, тройной или еще более высокой скоростью.

Полное *сплетение*: связывание предметов вместе. На первый взгляд полное *сплетение* кажется похожим на основное, но оно работает на совершенно других принципах. В то время как последнее изменяет гравитацию, первое имеет дело с силой (или волной, как ее называли Сияющие) Адгезии, связывающей предметы так, как если бы они становились единым целым. Я считаю, что эта волна как-то связана с атмосферным давлением.

Чтобы создать полное *сплетение*, Бегущие с Ветром заряжали предмет штормсветом, а затем прижимали его к другому предмету. В результате два объекта оказывались соединены между собой могущественной, почти

нерасторжимой связью. На самом деле большинство материалов ломалось раньше, чем обрывалась связь, удерживающая их вместе.

Обратное *сплетение*: придание предмету гравитационной тяги. Я считаю этот вид особым случаем основного *сплетения*. Он требует намного меньше штормсвета, чем первые два вида. Бегущий с Ветром заряжал какой-нибудь предмет, давал мысленную команду, и возникала тяга, которая заставляла один предмет устремляться к другому.

В сущности, это *сплетение* создает вокруг объекта пузырь, имитирующий духовную гравитационную связь с землей под ним. И следовательно, значительно тяжелее повлиять на объект, касающийся земли, потому что в таком случае связь с планетой самая сильная. Намного легче применять обратное *сплетение* к падающим или летящим объектам. Можно, конечно, воздействовать и на другие предметы, но для этого требуется намного больше штормсвета и мастерства.

Ткачество светом

Вторая форма волноплетения включает в себя манипуляции со светом и звуком в виде иллюзий – тактика, общепринятая в космере. В отличие от ее разновидности, представленной на Селе¹⁰, этот метод обладает мощной духовной составляющей, которая требует не только полного ментального образа создаваемой иллюзии, но также и определенной связи с ним. Иллюзия основывается не просто на том, что представляет себе Ткущий Светом, а на том, что он желает создать.

Во многом эта способность сходна с изначальным вариантом, распространенным на Йолене¹¹, что пробуждает мой интерес. Мне бы хотелось провести более тщательное исследование в надежде полностью понять, как эта способность связана с когнитивным и духовным атрибутами.

¹⁰ Планета, на которой разворачиваются события романа Elantris («Город Богов») и повести The Emperor's Soul («Душа императора») автора.

¹¹ Планета, на которой появились первые люди в космере и где разворачиваются события неопубликованных произведений автора Dragonsteel и The Liar of Partinel.

Список слов, отличных от перевода «Обреченного королевства»

Оригинал	«ОК»	«СС»	Пояснения
Aimia	Эймия	Аимиа	Название Серебряного королевства должно быть симметричным
Aimian	аймианин, эймианский	аимианец, аимианский	
Almighty above	Всемогущий наверху	Всемогущий над нами	Из соображений благозвучности
Ashlv	Эшелв	Эшлв	Маленькое количество гласных – характерный признак тайленских имен
blackbane	блекбейн	чернояд	Подавляющая часть флоры переведена
cussweed	куссвид	проклятая трава	
Emul	Имул	Эмул	В соответствии с переводом остальных названий на «э»
Emuli	имули	эмули	
Envisagers	Обдумыватели	Предвидящие	Из соображений смысла и благозвучности
Fu Namir	Фу Натир	Фу Намир	
gancho	мачо	ганчо	Убрали лишние ассоциации с нашим миром
Greater Hexi	Критер Хекси	Большой Хекси	
Highlord	сверхлорд	кронлорд	
Jasnah	Джаснах	Джасна	В соответствии с общепринятыми нормами перевода слов, заканчивающихся на «h», из соображений благозвучности
Jezerezeh	Джезере	Джезерезе	Воринский ник Герольда должен быть симметричен. Буква «h» не произносится и традиционно не переводится
Kadasix	Кадаксис	Кадасикс	
Kal	Кал	Кэл	Из соображений благозвучности
lait	лайт	лейт	
Mourn's Vault	Моурнс Волт	Катакомбы Скорби	
Natanan	Натан	Натанан	
Natanatan	Натан	Натанатан	

Oathgate	Врата Клятвы	Клятвенные врата	В соответствии с Клятвенным камнем
Ocean of Origins	Океан Источника	океан Источников	
Prime	Главный	Высокочтимый	
Rayse	Рейз, Райз	Рэйс	
Renarin	Ринарин	Ренарин	
rotspren	спрен горячки	спрен гниения	Употребляется и для живых, и для мертвых объектов
Sesemalex Dar	Сесемаликс Дар	Сесемалекс Дар	
Shallow Crypts	Неглубокие Крипты	Прибрежные Крипты	
Shinovar	Синовар, Син	Шиновар	
Shin	синский, син	шинский, шиноварец	
Steen	Штин	Стин	
Stonewards	Каменные Стражи	Охраняющие Камни	Название ордена Сияющих приведено в соответствие с остальными названиями орденов
Szeth-son-son- Vallano	Сет-сын-сын- Валлано	Сет-сын-сына- Валлано	
Tvlakv	Твилакв	Твлакв	Маленькое количество гласных – характерный признак тайленских имен
Valath	Волат	Валат	
Windrunners	Ветробегуны	Бегущие с Ветром	Название ордена Сияющих приведено в соответствие с остальными названиями орденов

Кроме того, в некоторых названиях исправлены заглавные буквы.

Термины, имеющие дополнительное значение (например, *дрожь* в битве, *воспоминание Шаллан*) и относящиеся к способностям волноплетов (например, *преобразование, скольжение*), выделены курсивом.